

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

9.

Стр.

5. О характерѣ и значеніи древнихъ купальскихъ обрядовъ и игривъ.
Статья **А. В. Балова**.
53. Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева**. 1868-й годъ.
108. Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ. Статья **М. С. Коноплево**.
117. Мои воспоминаія (объ Александрѣ Павловичѣ) **П. С. Деменкова**.
129. Изъ архива **Н. Н. Новосильцова**. О Россійскихъ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Французами въ 1812 году въ Варшавѣ. Сообщилъ **И. Г. Попруженко**.
160. Замѣтка о **Е. П. Поповой**. **И. П. Чулкова**.
- Внутри обложки: О книгѣ писемъ графа **Фикельмона** и его супруги.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

Comte F. de Sonis. Lettres du Comte et de la Comtesse de Ficquelmont a la Comtesse Tiesenhausen. Paris. 1911. V и 481 стр. (Графъ Ф. де Сонисъ. Письма графа и графини Фикельмонъ къ графинѣ Тизенгаузенъ).

Эти письма должны имѣть читателей въ высшихъ кругахъ Европейскаго, преимущественно Вѣнскаго, общества. Писаны они съ 1840 по 1855 г. и посланы изъ Вѣны и Тейлица къ намъ въ Зимній Дворецъ, къ внучкѣ князя Кутузова-Смоленскаго камеръ-фрейлинѣ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Тизенгаузенъ (†1888 г.). Младшая сестра ея графиня Дарья Ѳедоровна (въ перепискѣ она зовется Долли) была супругою графа Фикельмона, находившагося съ 1829 по 1840 годъ Австрійскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Обѣ сестры, осиротѣвшія въ 1805 году послѣ убитаго подъ Аустерлицомъ отца своего, молодого флигель-адъютанта Тизенгаузена, получили отличное образование во Флоренціи, гдѣ ихъ вотчимъ Николай Ѳедоровичъ Хитровъ тотъ (кажется) который былъ нѣсколько замѣшанъ по дѣлу Сперанскаго и потерпѣлъ непродолжительную ссылку (въ 1812 г.), былъ нашимъ министромъ-резидентомъ. Самъ онъ былъ бездѣтенъ, и двухъ падчерицъ его воспитала ихъ мать, славная въ общественныхъ и словесныхъ преданіяхъ Елисавета Михайловна, дочь свѣтлѣйшаго князя Кутузова и по матери племянница благороднѣйшаго Александра Ильича Бибикова. Въ очень ранней молодости графиня Дарья Ѳедоровна выдана была замужъ за человѣка, лѣтъ на двадцать пять ея старше, бывшаго во Флоренціи представителемъ Австріи. Постоянные читатели „Русскаго Архива“, можетъ быть, не позабыли про чудесныя письма графини Фикельмонъ къ князю П. А. Вяземскому (1884 г. кн. 2); въ особенности

замѣчательно то письмо, гдѣ она изображаетъ только что вышедшую замужъ Наталью Николаевну Пушкину, и въ лицѣ ея уже видить предчувствіе страшнаго горя. Можетъ быть, тутъ дѣйствовала и бессознательная ревность, такъ какъ она, по примѣру матери своей, высоко цѣнила и горячо любила геніальнаго поэта, и, какъ сообщалъ мнѣ Нащокинъ, не въ силахъ бывала устоять противъ чарующаго вліянія его. (Братъ Пушкина говорилъ, что бесѣда его съ женщинами едва ли не плѣнительнѣе его стиховъ). Въ Россію она, кажется, до конца жизни не возвращалась, и, живя въ католической средѣ, оставалась православною. Она заботилась о пѣвчихъ для тогдашней нашей посольской церкви въ Вѣнѣ; а во время революціи вынужденная перебраться на житье въ Тейлицъ, ѣздила она въ Лейпцигъ, чтобы поговѣть въ Греческой церкви. Ея положеніе въ Австріи было блестящее. Пріѣзжіе изъ Петербурга находили у нея радушный привѣтъ. Ее посѣщала и Екатерина Николаевна Дантесъ, жившая со своимъ мужемъ (убійцею Пушкина) у Голанскаго въ Вѣнѣ посланника Гекерна. Единственная дочь Фикельмонова была выдана за князя Кляри. Эта дочь подписывала свои письма словомъ *сма*, какъ-бы въ память о своемъ Русскомъ происхожденіи. Мать же ея усвоилась Австріи и восхищалась молодымъ, нынѣ престарѣлымъ, ея императоромъ. Она пишетъ сестрѣ о томъ, какъ Францъ-Иосифъ положилъ первый камень для воздвиженія памятника въ Трансильваніи нашему молодому герою Григорію Яковлевичу Скарятину; но въ 1854 году, когда Австрія такъ лукаво измѣнила Императору Николаю Павловичу, графиня Фикельмонъ писала сестрѣ въ Петербургъ: „когда у тебя два отечества, ихъ любишь какъ отца и мать и глубоко огорчаешься, коль скоро они не могутъ дѣйствовать за одно“. Мужъ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

1911.

III.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

Увы! На жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья.
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ зрѣють и падутъ....

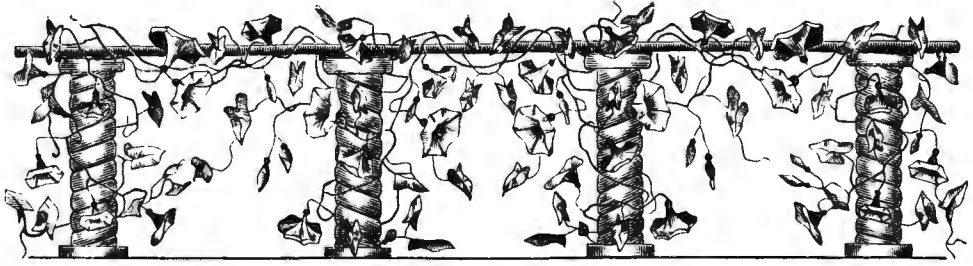
Отъгизъ (II, XXXVIII).

1911.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1911.

О характеръ и значеніи древнихъ купальскихъ обрядовъ и игрищъ.

Въ настоящее время отъ древней языческой религіи нашихъ предковъ Славянъ сохранилось въ народѣ только нѣсколько малопонятныхъ ему именъ божествъ, которыя продолжаютъ удерживаться въ его памяти лишь въ силу того, что они входятъ въ составъ обрядныхъ пѣсень, а также различныхъ заговоровъ, пословицъ и поговорокъ. Последнія же, въ ихъ очередь, неразрывно связаны съ народными обычаями и обрядами, которые, хотя и являются обыкновенно утратившими въ народномъ сознаниіи свое первоначальное значеніе, тѣмъ не менѣе отличаются чрезвычайно живучестію. Обрядъ, обыкновенно, и долженъ служить критеріемъ при объясненіи смысла сопровождающихъ его изреченій и пѣсень. Языческихъ обрядовъ сохранилось въ народѣ еще очень много, и они даютъ намъ способы къ проникновенію въ тайны древнѣйшихъ вѣрованій, давно утраченныхъ и забытыхъ, къ возведенію скудныхъ остатковъ древнихъ религіозныхъ представлений, о которыхъ, несомнѣнно, свидѣлствуютъ многіе народные заговоры, пѣсни, пословицы и поговорки,— къ ихъ источнику, къ возстановленію ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Среди различныхъ праздничныхъ обрядовъ несомнѣнно языческаго характера въ настоящее время едва ли не первое мѣсто и по своей многочисленности и по своей широкой распространенности занимаютъ такъ называемые „купальскіе“ обряды, остатокъ древнеязыческихъ обрядовъ и игрищъ.

Чтобы выяснитъ по возможности настоящій характеръ и значеніе этихъ послѣднихъ, необходимо припомнитъ въ общихъ чертахъ о томъ религіозномъ міросозерцаніи, какое выражалось въ праздникахъ нашихъ предковъ, Славянъ-язычниковъ, и лежало въ основѣ этихъ праздниковъ и, затѣмъ, о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, какимъ подвергалось это міросозерцаніе въ теченіи послѣдующаго ряда вѣковъ, вызывавшихъ въ ихъ очередь и видоизмѣненія въ характерѣ народныхъ праздниковъ.

Дѣленіе года у древнихъ Славянъ опредѣлялось тѣми естественными, для всѣхъ наглядными, знаменіями, какія даются самою природою. Годъ распадался на двѣ половины: на лѣтнюю и зимнюю и начинался съ наступленіемъ

весны, когда природа пробуждается отъ мертвеннаго зимняго сна къ жизни, и свѣтлые боги приступаютъ къ созданію своего благодатнаго царства. Главная мысль, лежащая въ основѣ почти всѣхъ народныхъ праздниковъ и праздничныхъ обрядовъ, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: смерть природы зимою и обновленіе или воскресеніе ея весною.

Въ естественной смѣнѣ временъ года, зимы и лѣта, древній человѣкъ видѣлъ борьбу двухъ противоположныхъ силъ. Съ поворотомъ солнца на зиму и соединялась мысль о замираніи творческихъ, плодотворныхъ силъ природы, а съ поворотомъ этого свѣтила на лѣто соединялась мысль о ихъ возрожденіи¹⁾. Первая мысль выразилась въ ряду весеннихъ праздниковъ, вторая—зимнихъ.

Причина разнообразія народныхъ праздниковъ прежде всего заключается въ разнообразіи естественныхъ явленій, лежащихъ въ основѣ этихъ праздниковъ; въ мифическихъ представленіяхъ народной фантазіи нельзя видѣть преимущественно образовъ одного извѣстнаго порядка явленій природы, напримѣръ, только грозовыхъ или только солнечныхъ явленій: напротивъ, тѣ и другія явленія обращаютъ на себя болѣе или менѣе одинаковое вниманіе младенствующаго народа, равно возводятся на степень боговъ и чествуются особыми праздниками. Такъ, напримѣръ, къ числу „солнечныхъ“ и народныхъ праздниковъ могутъ быть отнесены: „коляда“, „масляница“, „пасха“, „Юрьевъ день“, „Иванъ Купала“, а къ грозовымъ: Ильинъ день, Жильный Четвертъ и др.²⁾

Затѣмъ явленія одного и того же порядка, напримѣръ, солнечныя или грозовыя, представляемы были въ чрезвычайно разнообразныхъ и многочисленныхъ образахъ: то они выразились въ мужскихъ и женскихъ образахъ, то понимались со стороны различныхъ своихъ свойствъ, благотворныхъ или вредныхъ для человѣка, то, наконецъ, замѣчаемы были различные моменты борьбы благотворныхъ силъ природы съ враждебными силами. Всѣ такіе образы и олицетворяемы были въ видѣ отдѣльныхъ божествъ и чествовались особыми праздниками. Такимъ образомъ, рядомъ съ народнымъ праздникомъ св. Андрею явился народный праздникъ въ честь св. Катерины, съ Иваномъ Купалой—Аграфена Купальница, съ Ильею Громовникомъ—„Огненная Марія“. Торжество благотворныхъ явленій свѣта надъ силами тьмы образовало цѣлый рядъ праздниковъ въ честь весны. „Каждому новому успѣху въ годичной борьбѣ свѣта съ непріязненной тьмой, говоритъ О. Миллеръ, долженъ былъ посвящаться особенный праздникъ, а всѣ они вмѣстѣ составили цѣлый годичный кругъ съ особыми пѣснями и обрядами для каждаго его звена“.³⁾

Умноженію числа народныхъ праздниковъ способствовало и то обстоятельство, что къ своимъ небеснымъ богамъ народная фантазія стала посте-

¹⁾ Поэт. возр. Слав. на природу Аѳанасьевъ, т. III. гл. XXVIII.

²⁾ „Мифическая старина“ Аверкіева. „Заря“ 1871 г. № 4 стр. 140—142.

³⁾ Опытъ истор. обзор. Русской словесности. О. Миллера, изд. 2. 1866 г. I, 26.

ленно присоединять и различныя демоническія существа. Тѣ поэтическіе обряды, въ которыхъ рисовала народная фантазія могучія стихіи и ихъ вліяніе на природу, почти исключительно были заимствованы изъ того, что окружало человѣка, что потому самому было для него ближе и доступнѣе. Изъ собственной житейской обстановки бралъ человѣкъ свои наглядныя уподобленія и заставлялъ божественныя существа творить на небѣ то, что самъ онъ дѣлалъ на землѣ. Но какъ скоро утрачено было настоящее значеніе метафорическаго языка, старинныя мѣты стали пониматься буквально, и боги, мало по малу, унизились до человѣческихъ нуждъ, заботъ и увлеченій и съ высоты воздушныхъ пространствъ стали низводиться на землю—на это поприще народныхъ подвиговъ и занятій.*)

Такимъ образомъ, богини небесныхъ облаковъ низведены были на землю и олицетворены въ образахъ вѣдьмъ и русалокъ, воспоминанію которыхъ посвящены были особые дни. Низведенныя же на землю божества подверглись вліянію и тѣхъ климатическихъ перемѣнъ, какія происходили въслѣдствіе переселенія нашихъ предковъ изъ теплыхъ странъ въ болѣе холодныя. Преходя съ знойнаго Юга на холодный Сѣверъ, народъ невольно становился въ другія отношенія къ окружающей его природѣ: лазуревое, южное небо, днемъ озаренное лучами благодѣтельнаго, но въ тоже время грознаго-палющаго, всеожигающаго солнца, а ночью блестящее яркими огнями звѣздъ, на Сѣверѣ замѣнилось блѣднымъ, большую часть года закрытымъ сѣрыми тучами небеснымъ сводомъ; сѣверный житель съ жадностію ловитъ каждый лучъ солнца, согревающій холодную почву, большую часть года скованную морозомъ и снѣгами. Въ сѣверныхъ широтахъ солнце естественно утратило, поэтому, въ народной фантазій свою грозную природу, получивъ на народномъ языкѣ названіе „ба-тющки краснаго солнышка“. Звѣзды, которыя играли столь важную роль въ религіи южныхъ народовъ, у Славянъ, съ переселеніемъ ихъ на Сѣверъ, почти вовсе потеряли свое прежнее міѳологическое значеніе. Солнце сосредоточило на себѣ преимущественное вниманіе народа: на солнце перенесены были многія черты и свойства, которыя прежде приписывались другимъ небеснымъ свѣтиламъ.

Грозный, губительный для человѣка и всей живой природы южный зной, приносящій засуху и заразу, на Сѣверѣ замѣнился холодною сыростію, лютыми вьюгами и морозами. На Югѣ человѣкъ проводитъ большую часть жизни подъ открытымъ небомъ, невольно созерцаая явленія окружающей его природы, на Сѣверѣ же онъ ютится въ теплой избѣ, вмѣсто яркаго звѣзднаго неба онъ созерцаетъ пламя очага, которое любитъ и почитаетъ какъ святию. Если въ обрядахъ Рождества, говоритъ О. Миллеръ, во время еще рѣшительно-зимнее, какъ бы заранѣе торжествуется лѣто, то это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что обряды эти вынесены нашими предками изъ тѣхъ болѣе теплыхъ странъ, въ

*) Поэтич. возр. Слав. на природу, Аванасьева т. I. гл. 1.

какихъ сложились первоначально вѣрованія Славянскаго народа. На это, повидимому, указываетъ и приѣвъ, нерѣдко раздающійся у насъ о Рождествѣ, пѣсенный приѣвъ о виноградѣ, а также и попадающее въ тѣхъ же пѣсняхъ упоминаніе о Дунаѣ*).

Оставляя теплыя страны и переселясь въ болѣе холодныя, народъ до извѣстной степени сообразно съ климатомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ праздновалъ начало весны позже. Приурочивая свои праздники, соответственно климату, къ болѣе позднему времени, народъ не забывалъ и о прежнихъ, болѣе раннихъ праздникахъ.

Наконецъ, едва ли не самое большое вліяніе на раздробленіе и размноженіе народныхъ праздниковъ оказано было христіанствомъ: оно принесло съ собою свой календарь, свои праздники и посты, которые двоевѣрный народъ смѣшалъ со своимъ календаремъ и со своими праздниками и эти послѣдніе перенесъ на другіе дни или же одинъ и тотъ же праздникъ раздѣлил на нѣсколько праздниковъ.

Остатки древнеязыческихъ обрядовъ въ періодъ высшаго солнцестоянія сохранились не только у насъ въ Россіи, но и у другихъ народовъ. Во Франціи во многихъ мѣстахъ сохранился обычай возжигать Ивановскіе костры на коихъ сожигались живыя кошки или лисицы; нынѣ сжигаютъ на нихъ кости мертвыхъ животныхъ. Подобный же обычай сохранился и въ Германіи: Ивановскіе костры возжигаются въ Швабіи, гдѣ они называются *Himmels Feuer* и въ Даніи, гдѣ ихъ называютъ *Midsommersbaal* (средолѣтній Вааль). Въ Шотландіи молодые люди скачутъ черезъ огонь, въ то время какъ пожилые бормочатъ молитву; дѣвушки переходятъ черезъ пламя костровъ въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины—чтобы роды были легки. Въ Греціи женщины, прыгая черезъ Ивановскіе костры, восклицаютъ: „избавляюся (т. е. очищаюся) отъ грѣховъ“. Остатки подобныхъ обрядовъ сохранились у Эстовъ и многихъ другихъ народовъ. У насъ эти остатки весьма разнообразны и многочисленны.

Утромъ въ день св. Агриппины, 23 Іюня, во многихъ мѣстахъ крестьяне топятъ баню, а женщины готовятъ вѣнки, стараясь вплести въ нихъ цвѣты „Ивана да Марья“. Париться цвѣтомъ „Иванъ да Марья“ считается очень полезнымъ. До Аграфены-купальницы нѣкоторые считаютъ грѣхомъ купаться. Утромъ этого дня ходятъ собирать и цѣлебныя травы. Особеннымъ уваженіемъ пользуется „купальница“ или, такъ называемая, „кошачья дрѣма“. Ея стараются набрать, пока она покрыта еще утреннею росой, и влетаютъ въ вѣнки, выютъ изъ нея вѣнки, а остатки сохраняютъ, какъ лекарство отъ болѣзней. Въ югозападныхъ губерніяхъ „купальницею“ называютъ не „кошачью дрѣму“, а растеніе лютикъ (*galunculus*). Въ Малороссіи дѣвушки со-

*) Опытъ истор. обозр. Русской Словесности. О. Миллера. изд. 1-е. 1866 г. I, 27.

бирають для купальскаго вѣнка голубыя сокирки, панскій макъ, звѣробой, ноготки, мяту, кануперь. Въ вѣнокъ, какъ предохранительное средство, должна быть вплетена и полынь, которую кромѣ того въ этотъ день носятъ подъ мышками, въ виду охраны отъ вѣдьмъ и русалокъ.

Утро Аграфенина дня, а также и ночь этого дня, т. е. ночь на Ивана Купалу, считается самымъ лучшимъ временемъ для собиранія лекарственныхъ травъ, которыя пріобрѣтають въ это время сугубую цѣлебную и даже чудодѣйственную силу. Стольнику Матюшкину пишетъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1657 году: „Которыя волости у тебя въ конюшенномъ приказѣ вѣдомы, и ты бѣ велѣлъ тѣхъ волостей крестьянамъ и бобыльмъ на Рождество Іоанна Предтечи Іюня въ 23-й день набрать цвѣту сереборинаго, да травъ империновой, да мятной съ цвѣтомъ и дяглу и дятельнаго корня по пять пудовъ“.

Въ старинныхъ и новѣйшихъ цвѣтникахъ и травникахъ весьма часто можно встрѣтить слѣдующія замѣчанія: „Трава чернобыль; подъ корнемъ ея есть уголь. Трава чернобыль растеть гдѣ крапива, похожа она на коноплю. Хорошо подъ корнемъ ея вырвать этотъ уголь и имѣть при себѣ, и во всемъ будетъ удача. А рвать ее Іюня 23 дня“. „Трава Царскіе Очи для женитьбы и въ бракъ, и въ пиръ, и въ судъ. Рвать эту траву Іюня 24 дня поутру. Трава чемерица для всякаго. Эту траву вырвать въ Ивановъ день. А корень ея годенъ носить при себѣ съ воскомъ: когда пойдешь въ судъ то судья все сдѣлаетъ въ твою пользу. Трава Адамова Голова. Эта трава растеть въ озерахъ и при рѣкахъ, ростомъ въ поясъ, кустиками, цвѣтъ ея рудожелтъ, кувшинцами, листовъ на ней 6, 8 и 12 бываетъ. Ту траву вырвать на Ивановъ день о купальницѣ, вечеромъ на зарѣ, или поутру на зарѣ и пронять ее сквозь золотую или серебряную цѣпочку. Корень ея носить при себѣ, тогда всѣ начальники будутъ покорны. А ежели хочешь увидѣть діавола, то освяти тотъ корень святой водой и положи подъ престолъ въ церкви на 40 дней и послѣ того возьми и носи при себѣ и узришь діавола. Трава Одоленъ для начальства. Трава Одоленъ растеть на черной землѣ, цвѣтъ ея рудожелтъ, листь какъ хлопчатая бумага. Угодно корень ея имѣть начальнымъ людямъ. И рвать ее Іюня мѣсяца 23 дня“....

По общераспространенному народному вѣрованію, въ ночь на Ивановъ день травы и деревья получаютъ способность перемѣщаться съ мѣста на мѣсто и вести между собою разговоръ. Вѣрованіе это распространено какъ въ Малоруссіи и Бѣлоруссіи, такъ и въ Великороссіи. Рассказываютъ, что одна женщина въ ночь на Ивана Купалу сидѣла подъ березой съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ былъ грудной. Долго сидѣла она, какъ вдругъ услышала человѣческой голось, говорящій березѣ, подъ которой она сидѣла: „пойдемъ бабушку хоронить, она умерла“.—„Нельзя мнѣ идти: у меня на колѣняхъ сидитъ рабъ“, отвѣчала береза таинственному голосу. Это былъ разговоръ двухъ березъ: къ пожилой березѣ приходила молодая звать на похороны старой, которая, вѣроятно, отъ времени упала. Но березѣ, подъ которой сидѣла жен-

щина, идти было нельзя: на колѣняхъ ея (т. е. на корняхъ) сидѣлъ грудной ребенокъ ¹⁾.

Собранные на Ивана Купалу цвѣты служатъ въ Россіи и Бѣлоруссіи для особаго вида гаданья. Такъ, въ Слонимскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, нераспустившіеся цвѣтки „купавки“ втыкаютъ по одному въ стѣну, загадывая каждый цвѣтокъ на когонибудь изъ домочадцевъ. Чей цвѣтокъ распустится первымъ, тотъ первымъ и умретъ, чей вторымъ—тотъ умретъ послѣ перваго и т. д. Въ Новгородской губерніи для такого же гаданья служатъ цвѣты травы „богатеньки:“ ее развѣшиваютъ по стѣнамъ на имя членовъ семьи и слѣдятъ, чей цвѣтокъ завинетъ ранѣе и чей поздиѣе.

Тамъ, гдѣ нѣтъ обычая топить баню, по утру въ день Аграфены-Купальницы купаются въ рѣкахъ и озерахъ. Купаться до этого дня во многихъ мѣстахъ считается за грѣхъ.

Послѣ мытья въ банѣ или купанья въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской г., ѣдятъ „купальную кашу“, изготовленіе которой поручается дѣвицамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эту купальницкою кашею кормятъ нищю братію. Нищая братія откликнулась на это радушное угощеніе стихиркою про убогую „вдовицу-купальницу“, гдѣ говорится про какого-то Кіевского князь-боярина Неупокоя Мироновича, одѣлишаго казною храмы Божіи, питавшаго отъ щедротъ своихъ сиротство убогихъ. Дожилъ Неупокой до старости и видитъ онъ однажды чудный сонъ, что лежитъ за городомъ, въ хвѣрости и болѣзни, убогая вдовица, и слышитъ онъ голосъ, чтобы взять ему ту вдовицу себѣ на дворъ, кормить-поить ее до исхода души, и тогда будетъ ему во „грѣхахъ“ отрада“. Пошелъ Неупокой за городъ, отыскалъ вдовицу и спросилъ объ ея имени: „Родомъ я изъ Новгорода, отвѣчала вдовица, а зовутъ меня Купальницей“. Князь-бояринъ началъ звать ее къ себѣ на житье. Купальница согласилась, но прежде велѣла ему созвать на свой широкой дворъ „нищую братію, всѣхъ калѣкъ переходжихъ“, напоить ихъ медовою сытою, накормить кашею гречневою. Сотворилъ Неупокой повелѣнное, и пришла къ нему вдовица-купальница и сѣла за общій столъ съ нищею братіею. Съ тѣхъ поръ сталъ бояринъ ежегодно ставить столы для убогихъ, и Купальница жила у него во дворѣ до исхода души ²⁾.

Вечеромъ, наканунѣ Иванова дня, во многихъ мѣстахъ стараются добыть „живой огонь“, т. е. огонь, добытый посредствомъ тренія. Этимъ огнемъ и зажигаются купальскіе костры. Возженіе костровъ въ купальскую ночь происходитъ у всѣхъ почти Славянскихъ народовъ. „Въ ночь на 24 Іюня, какъ скоро зажгутся Ивановскіе огни, Карпаты, Судеты и Исполиновыя горы представляютъ собою истинно великолѣпное зрѣлище“, говоритъ Аванасевъ (III, 714).

Въ ночь на Ивановъ день, по народному повѣрью, вѣдьмы справляютъ свой праздникъ и стараются въ это время дѣлать усиленно зло людямъ. Хо-

¹⁾ О народныхъ средствахъ врачеванія. Этн. Обзорѣн. т. XXXVIII.

²⁾ „На каждый день“. И. О. Тюменевъ. „Русск. Паломникъ“ 1898 г. стр. 280.

зайки въ Малороссіи предъ наступленіемъ Купальской ночи, въ предохраненіе отъ вѣдьмъ, раскладываютъ по избѣ жгучую крапиву, а у входа въ хлѣвъ ставятъ молодую, вырванную съ корнемъ осину, и, кромѣ того, загоняютъ на ночь телятъ къ коровамъ, чтобы они сосали молоко и не давали доить его вѣдьмамъ. Еще ранѣе крестьяне обходятъ свои поля и осматриваютъ, нѣтъ ли гдѣ на хлѣбѣ „завитковъ“, которые завиваются въ этотъ день злыми людьми на пагубу скоту и человѣку. Эти „завитки“ или „завивки“ дѣлаются съ наговоромъ, при чемъ завивающій, захвативъ въ каждую руку по нѣскольку стеблей ржи или пшеницы, связываетъ ихъ верхушки особымъ узломъ и втыкаетъ колосья въ землю. Такая „завивка“ считается сама по себѣ на столько вредною, что развязать ее или вырвать связанные стебли—дѣло очень опасное, и для этого, обыкновенно, призывается знахарь. Въ средней Россіи эти завивки извѣстны подъ названіемъ „заломовъ“. Вырывъ заломъ, знахарь, обыкновенно, сожигаетъ его.

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, Минской губ., крестьяне вѣрятъ, что въ Купальскую ночь вѣдьма не можетъ удержаться, чтобы не попросить чегонибудь у когонибудь изъ сосѣдей, преимущественно огня, спичекъ и т. п. Въ Слуцкомъ уѣздѣ, той же губерніи, наканунѣ Ивана Купалы крестьяне всюду по полямъ втыкаютъ осиновыя вѣточки для того, чтобы вѣдьмы не отнимали отъ хлѣба „споръ“ (т. е. урожай). Тамъ же въ щели хлѣвовъ и домовъ на эту ночь кладутъ особый родъ мелкой крапивы, называемой „жижка“. Траву, собранную наканунѣ Ивана дня, многіе изъ Бѣлоруссовъ относятъ въ церковь, гдѣ и святятъ ее. Такая трава извѣстна подъ названіемъ „Святоянскаго зелья“. Она считается полезной и отъ болѣзней, и отъ чаръ. Въ Бѣлоруссіи вѣрятъ, что вѣдьмы въ ночь на Ивановъ день лишаютъ коровъ молока, поя ихъ роскою съ огорода, но стоитъ только хозяйкѣ прокипятить въ горшкѣ пѣдилку съ „Святоянскимъ зельемъ“, какъ чаровницѣ сдѣлается плохо, и она непременно явится за какоюнибудь вещью изъ домашняго хозяйства, но ей отнюдь ничего не слѣдуетъ давать и даже надо строго слѣдить, чтобы она не подняла чегонибудь съ полу, хотя бы щепки и не унесла изъ дома. Если ей придется уйти съ пустыми руками, она непременно зачахнетъ. Тамъ же есть вѣрованіе, что въ Ивановъ день змѣя „мѣдяница“, которая обыкновенно слѣпа, получаетъ на цѣлыя сутки способность видѣть. Въ этотъ день встрѣча съ нею крайне опасна, такъ какъ мѣдяница стрѣлою бросается на человѣка и пробиваетъ его насквозь. По Великокорусскому повѣрью у вѣдьмъ постоянно хранится вода, вскипяченная съ пепломъ купальскаго костра. Когда вѣдьма вздумаетъ летѣть, то она обрызгиваетъ себя этою водою и летитъ, куда ей вздумается. (Афанасьевъ, III, 453).

Обрядъ зажиганія Купальскаго костра совершается въ Бѣлоруссіи такимъ образомъ. Молодежь выбираетъ распорядителя или, по мѣстному, „урядника“, и подъ вечеръ собирается къ нему во дворъ. Сначала, по распоряженію урядника, сносятъ со всей деревни всякую ветошь: старые сапоги, тряпки, лапти, изношенную одежду и т. п. Затѣмъ приводятъ отъ одного изъ хозяевъ лошадь,

обыкновенно, старую клячу, отъ другого катать колеса, отъ третьяго несутъ оглобли и, такимъ образомъ, устраиваютъ сборную телѣгу, на которой вывозятъ собранный хламъ на поле, сваливаютъ его въ одну большую грудку и оставляютъ въ полѣ до наступленія ночи. Отправляясь на игрище, рвутъ траву полынь и ею подпоясываются. Затѣмъ берутся за руки и выходятъ на поле съ пѣснями. Вокругъ костра втыкаютъ срубленные зеленныя деревца и, послѣ того, какъ костеръ подоженъ, размѣщаются вокругъ огня, угощаются, поютъ и пляшутъ. Затѣмъ, когда пламя костра разгорѣлось, урядникъ отдѣляетъ хлопцевъ отъ дѣвушекъ и ставитъ ихъ по обѣ стороны костра. Начинается прыганье черезъ огонь. Сначала прыгаютъ дѣвушки, а затѣмъ парни. Дѣвушка, не перескочившая черезъ пламя, получаетъ названіе „вѣдьма“. Но тутъ же появляется и другая „вѣдьма“—самая старая изъ старухъ. Она подкрадывается къ костру, чтобы донести часть огня; но молодежь стережетъ ее, и лишь только „вѣдьма“ возьметъ огонь, ее гонять прочь, ударяя полынью, пока она совсѣмъ не скроется съ игрища.

Въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи вѣдму знаменуетъ отысканная заранее лошадиная или коровья голова, которую сжигаютъ на кострѣ. Крестьяне увѣрены, что какъ только олицетворяемая головою вѣдьма попадетъ въ огонь, на выручку ей явятся ея подруги и стараются разбросать уголья изъ костра. Поэтому, всѣ отскакивающіе во время горѣнія костра угольки тщательно собираются, и снова кидаютъ ихъ въ огонь.

Въ средней Россіи молодежь точно также прыгаетъ черезъ костеръ, но большею частію парами, при чемъ парень и дѣвушки стараются какъ можно крѣпче держать другъ друга за руку, потому что если во время прыжка ихъ руки разорвутся, то они теряютъ надежду, чтобы свадьба ихъ когда нибудь состоялась.

Въ югозападной Россіи необходимую принадлежность купальскихъ игрищъ составляетъ такъ называемая „Марѣна“, которая готовится слѣдующимъ образомъ.

1. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ праздникъ Купалы, еще до восхода солнца, дѣвицы выбираютъ палку, надѣваютъ на нее вѣнчикъ, выбѣгаютъ съ этой палкой на улицу и принимаютъ различныя насмѣшки надъ паробками въ родѣ слѣдующей:

Купайла-Ивана!
 Сучка въ борщъ упала
 Хлопци вытягали,
 Зубы поломали.
 Дивчата граблями,
 А хлопци зубами.
 Дивчата палками,
 А хлопци руками и т. д.

Парни, услышавъ эти насмѣшки, подкрадываются къ дѣвицамъ, нападаютъ на нихъ, отнимаютъ у нихъ палку съ вѣникомъ, вѣникъ разрываютъ на куски, а палку переламываютъ и все это разбрасываютъ по улицѣ; или же сами берутъ палку съ вѣникомъ и, въ свою очередь, подсмѣиваются такимъ же образомъ надъ дивчатами. Послѣ обѣда дивчата, нарвавъ цвѣтовъ и сдѣлавъ изъ нихъ вѣнки для себя, дѣлаютъ изъ соломы чучело и, насадивъ его на палку, поручаютъ четыремъ дѣвицамъ нести его въ назначенное мѣсто. Эти четыре дѣвицы поднимаютъ чучело и несутъ, а остальные скачутъ около нихъ и поютъ пѣсни; когда же придутъ въ назначенное мѣсто, вбиваютъ палку съ чучеломъ въ землю такъ, чтобы чучело касалось земли, потомъ берутся за руки, становятся въ кружокъ и поютъ пѣсни. Наконецъ, являются парни, отнимаютъ чучело, разрываютъ его на куски и разбрасываютъ по полю или бросаютъ въ воду. Въ другихъ мѣстахъ „марёну“ дѣлаютъ изъ крапивы и, взявшись за руки, прыгаютъ черезъ нее, напѣвая пѣсни, но парни рѣдко мѣшаютъ имъ въ этомъ. Берутъ вѣтвь какого либо фруктоваго дерева, имѣющую три длинныхъ сучка, убираютъ ее вѣнками, монистами, цвѣтами и лентами, кладутъ на голову одной дѣвушкѣ большой вѣнокъ и поручаютъ ей нести марёну за деревню, на какой либо избранный заранѣе холмикъ. Остальныя дѣвицы идутъ за нею съ пѣснями. Пришедши на мѣсто, дѣвицы насыпаютъ кучу желтаго песку, втыкаютъ въ нею марёну, составляютъ свой кружокъ и также скачутъ и поютъ пѣсни. Тогда являются паробки и отнимаютъ у нихъ марёну. Дѣвушки дѣлаютъ новую марёну, но нерѣдко и эту отнимаютъ у нихъ паробки, такъ что имъ приходится въ день потерять нѣсколько марёнъ. Нужно при этомъ замѣтить, что хотя дивчата и отстаиваютъ марёну отъ парней, но никогда не бранятся съ ними, а скорѣе насмѣхаются надъ ними, говоря, что парни обманулись, отняли не любую ихъ марёну, а сдѣланную нарочно для того, чтобы обмануть парней. Когда начинается вечерѣть, дивчата собираются на условленное мѣсто и втыкаютъ въ нарочно приготовленную насыпь „вильце“, т. е. небольшую сосну, убранную разными цвѣтами и, взявшись за руки, ходятъ вокругъ нея съ пѣснями. Въ заключеніе всего дивчата съ торжествомъ несутъ „вильце“ на рѣку, и нѣкоторые изъ нихъ остаются послѣ этого вблизи рѣки, въ скрытомъ мѣстѣ, чтобы увидѣть, какъ вѣдьма будетъ срывать верхушку „вильца“. Рассказываютъ, что однажды паробки, проводивъ подобнымъ образомъ „вильце“ въ рѣку, отошли въ сторону и заснули. Проснувшись передъ пѣтухами, они увидѣли прекрасно освѣщенное и убранное „вильце“, вблизи его фазгонъ, запряженный четверкою прекрасныхъ коней и четырехъ панночекъ, которыя, взявшись за руки, ходили вокругъ „вильца“ и пѣли пѣсни.

Ставятъ также дерево, обвѣшанное разными тряпками и окутанное эпанчею. Вокругъ его молодежь, взявшись за руки, пляшетъ. Въ заключеніе чучело разрывается на части. Кому достанется хоть малѣйшая частичка лохмотьевъ чучелы, тотъ, по народному повѣрью, будетъ счастливъ въ теченіе цѣлаго года. По рассказамъ сторожиловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уборъ куклы-купалы былъ гораздо богаче и празднество было затѣйливѣе. Въ давнія времена, по этимъ

разсказамъ, куклы купалы приготавливались слѣдующимъ образомъ: брали большую вѣтку какого либо дерева, надѣвали на него женскую одежду, и передъ этою куклою зажигали восковую свѣчу. Затѣмъ, взявшись за руки, ходили вокругъ куклы и пѣли:

Зійди, сонечко, на Ивана,
 Стогови земля пидь Купаломь!
 О, ты наше жгтя,
 Прійми насъ пидь свое наврытя!

Но такое, чисто уже языческое, празднованіе, по тѣмъ же разсказамъ, было отмѣнено по слѣдующему случаю. Однажды, когда праздновали Купалу, невидимая сила сорвала приготовленную куклу и утащила въ воду, гдѣ пропали и дорогія вещи, которыми она была убрана. Это не образумило, или лучше сказать, не испугало молодежи: она продолжала убирать подобную куклу. Въ другой разъ въ праздникъ Купала таже невидимая сила скрутила голову одной дѣвушкѣ, считавшейся первой красавицей на деревнѣ и первой зачинщицей празднованія Купалѣ. Вслѣдствіе этого приключенія празднованіе Купалѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было оставляемо, а затѣмъ, хотя и восстановлено, но уже въ другомъ видѣ: вмѣсто куклы стали брать обыкновенную вѣтку дерева, убирать ее цвѣтами и пѣть при этомъ пѣсни. Вышеприведенная пѣсня уже совершенно измѣнилась по своему смыслу.

Стали пѣть:

Сходило сонечко на Ивана,
 Стогонила земля до Купала.
 О ты, мое дитя,
 Визьми Ивана пидь свое накрытя.

При послѣднихъ словахъ прискакиваетъ на лошади паробокъ, отнимаетъ у дивчаты вѣтку и беретъ ее подъ свое „накрытя“ т. е. покровительство.

Не смотря на разнообразіе способовъ приготовленія марёны или „вильца“, въ большинствѣ ихъ подразумѣваются похищеніе марёны паробками, разрываніе ея и бросаніе въ воду. При послѣднемъ дѣйствіи дивчата причитають:

Утонула Марёночка, утонула
 Та не верхъ кисонька зринула...

На возвратномъ пути домой дивчата поють про несчастную долю какой-то Ганна, которая, по всѣмъ признакамъ, есть та же марёна, утонувшая въ водѣ.

Якъ пішла Ганна въ Дунай по воду,
 И ступила Ганна на хитку кладку
 Ганна моя, панна,
 Ягода червонна!
 Кладка схитнулася,
 Ганна втонула.
 Якъ потопала, тричи срнала.

Ганна моя панна,
 Ягода червонна!
 Ганнина мати громаду сбирала,
 Громаду сбирала, усимъ заказала.
 Ганна моя панна и т. д.
 Не берите, людіе, у Дунаі сомівъ.
 У Дунаі шуки—Ганнины руки.
 Не ломайте, людіе, по лугамъ калины,
 По лугамъ калина—Ганнина краса.
 Не рвите, людіе, по лугамъ тёрну.
 У лузи терень—Ганнины очи.
 Не косите, людіе, по лугамъ травы
 По лугамъ трава—Ганнина коса.
 Ганна моя панна,
 Ягода червонна!¹⁾

Въ Кременецкомъ уѣздѣ, Волынской губ. Купало или Купайло олицетворяется одною изъ деревенскихъ же дѣвушекъ. Ее подводятъ къ ямѣ, въ которую положены частію свѣжіе, частію старые, завядшіе вѣнки. „Купайлѣ“ завязываютъ глаза, сажаютъ ее въ яму, и сами начинаютъ кружиться около нея. „Купайла“ беретъ вѣнки и подаетъ ихъ подругамъ, не видя той, которой подаетъ и, если кому достанется вѣнокъ свѣжій, то онъ предвѣщаетъ богатство и счастье въ замужествѣ, а засохшій вѣнокъ служитъ предзнаменованіемъ бѣдности и несчастія. Гаданье на вѣнкахъ видоизмѣняется и такимъ образомъ: сдѣлавъ новый вѣнокъ, каждая дѣвушка прикрѣпляетъ къ нему восковую свѣчу, и, затепливъ огонекъ, пускаетъ вѣнокъ на рѣку. Чей вѣнокъ погаснетъ раньше, та дѣвушка и умретъ раньше другихъ.

Для многихъ ночь на Ивана Купалу важна и въ другомъ отношеніи: въ эту ночь добываются различныя чудодѣйственныя травы, достать которыя въ другое время нельзя. „Есть трава Архангель, читаемъ мы въ одномъ народномъ Цвѣтникѣ, собою мала, на сторонахъ по девяти листовъ, тонки, въ стрѣлу, четыре цвѣта: червленъ, багровъ, зеленъ, синь. Та трава весьма добра; кто ее роетъ на Иванъ-день сквозь златую или серебряную гривну²⁾, и ту траву носить, и тотъ человекъ не убоится діавола; аще на судъ пойдетъ, одолѣетъ супротивника, и цари и князи любятъ его и всякіе люди. А корень ся добръ. О Купальницѣ до солнечнаго восхода встань и будь чистъ, а конать корень руками безъ дерева, а говоритъ „Господи помилуй“ сто разъ, а потомъ: „Аминь“. А вынешь изъ земли, перекрестись, а взять тремя персты правыя руки, да лѣвыя одинъ большой и поцѣлуй траву трижды, а корень ея обвей златомъ или атласомъ или камчатнымъ лоскутомъ и держи въ дому твоёмъ, на путь ее съ собою емли и на судъ, и на войну, и въ пиръ, и отъ вѣдуновъ не будешь испорченъ“.

¹⁾ „О народныхъ праздникахъ въ югозападной Россіи“. Труды Кіевской Духовной Академіи 1871 г. т. 3—4.

²⁾ Т. е. срѣзать эту траву нужно серебряною или золотою гривною.

По народному вѣрованію только въ купальскую ночь можно достать и траву Араратъ. Трава эта кромѣ магической силы служить еще ключемъ къ отысканію чудесныхъ травъ. Она имѣетъ вышины 12 вершковъ и толщиною въ палецъ. Добываютъ ее такимъ образомъ: увидѣвъ траву, должно вырѣзать ножомъ противъ солнца кружокъ земли, въ которомъ заключается ея корень. Если поднимешь траву съ кружкомъ земли, не бери: пользы отъ нея не будетъ. Траву находятъ тамъ, гдѣ сошлась рѣка Москва съ Окой*).

Въ купальскую ночь, наконецъ, расцвѣтаетъ, яркочернымъ огненнымъ цвѣтомъ, черный папоротникъ. Этотъ цвѣтъ показываетъ своему обладателю всѣ клады, скрытыя подъ землею. „Есть трава папороть, говорится въ одномъ народномъ Травникѣ, растетъ въ лѣсахъ, около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ, въ лугахъ. А цвѣтетъ она наканунѣ Иванова дня въ полночь, однимъ часомъ отцвѣтаетъ, а цвѣтетъ точно какъ огонь горитъ или пылаетъ. Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хочетъ богатъ или мудръ быти. А братъ тотъ цвѣтъ не просто, съ надобностями, а именно: взять въ Васильевъ вечеръ перво лучины огарокъ, чтобы онъ съ обоихъ концевъ обожженъ былъ, да на Свѣтлое Воскресенье воску огарокъ отъ тое свѣчи, которую попъ въ рукахъ со крестомъ носить и кадитъ людей, да отъ запрестольной Божіей Матери образа воску или огарокъ свѣчи. Придя въ Иванову ночь къ тому мѣсту, гдѣ растетъ трава папороть, надо очертиться онимъ огаркомъ (лучины), а подъ траву постлатъ бумаги чистой или полотна бѣлаго чистаго и, очертясь кругомъ говорить: „таланъ Божій, судъ Твой, да воскреснетъ Богъ“. Бываютъ тогда великіе страхи, что уму человѣческому непостижимо. Цвѣтъ ея, когда отцвѣтеть, осыплется на то, что послано, и ты тотъ цвѣтъ смети перышкомъ въ одно мѣсто бережно и залѣпи вышенисаннмъ воскомъ въ перѣ: тотъ цвѣтъ завсегда цѣлъ будетъ. А когда цвѣтъ братъ станешь, тогда увидишь воду и всякіе страхи, не кричи и назадъ не гляди, и не говори имъ, только молитву твори: „Да воскреснетъ Богъ“ и прочія молитвы; а если противъ ихъ молвишь, то несносно пагубою, злою смертію пострадешь. Изъ черты не выступай и руки не подавай. А сія трава самая наисильнѣйшая надъ кладами, царь надъ травами—трава папороть“.

Въ Малороссіи для добыванія цвѣта папоротника поступаютъ такимъ образомъ. Подойдя къ папоротнику, слѣдуетъ очертить около себя кругъ освященнымъ мѣломъ. Посрединѣ этого круга разстилается рушникъ (полотенцо), и садятся на него, держа въ рукахъ крестъ и ножъ. Какъ только папоротникъ зацвѣтетъ, нужно въ ту же минуту подрѣзать кожу на мизинцѣ лѣвой руки и спрятать туда цвѣтокъ. Пока цвѣтъ не спрятанъ подъ кожу, нечистая сила поднимаетъ страшный шумъ, крики и хохотъ, чтобы напугать человѣка; но въ это время должно спокойно оставаться въ кругѣ и поскорѣе спрятать цвѣтокъ. Какъ только это будетъ сдѣлано, шумъ утихнетъ, страхи исчезнутъ, но выходить изъ круга ранѣе вторыхъ пѣтуховъ все таки не слѣдуетъ, потому что

*) Этнографическое Обзоріе, XXVI кн.

нечистые до наступленія утра будутъ употреблять разныя средства какъ бы выманить у человѣка завѣтный цвѣтокъ. Рассказываютъ слѣдующій случай: одинъ смѣлый человѣкъ, принявъ всѣ вышесказанныя предосторожности, дождался цвѣта папоротника, сорвалъ его, спряталъ въ шапку и сталъ ожидать вторыхъ пѣтуховъ. Слышитъ онъ, какъ запѣли первые пѣтухи и за нимъ вторые. Онъ вышелъ изъ круга и пошелъ домой. По дорогѣ встрѣчается ему мировой съ мужиками и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Мужики говорятъ крестьянину, чтобы онъ снялъ шапку передъ паномъ. Но лишь только шапка была снята, какъ все исчезло, и шапка оказалась пустою.

Въ Бѣлороссіи существуетъ рассказъ объ одномъ работникѣ, который былъ посланъ отыскивать въ лѣсу хозяйскихъ коней. Проходя мимо цвѣтущаго папоротника, онъ нечаянно задѣлъ его ногою, и цвѣтокъ сорвавшись упалъ ему въ ладоть. Тотчасъ же работникъ сдѣлался всезнающимъ: онъ увидалъ, куда зашли лошади, узналъ, гдѣ лежатъ клады, ему стало извѣстно, кого испортила знахарка и чѣмъ можно помочь испорченнымъ. Но лишь только пришелъ онъ домой и снялъ лапти, знанія его какъ не бывало.

Вообще, рассказы о добытомъ цвѣткѣ папоротника большею частію оканчиваются его потерей, а между тѣмъ сила этому цвѣтку приписывается великая. Въ одномъ Травникѣ говорится по этому поводу слѣдующее: „Все узнаешь, что гдѣ есть или лежитъ или дѣлается, и какъ, куда, и въ коемъ мѣстѣ; просто сказать—все будешь знать, хотя и въ чужіе города и иныя государства дороги и пропуски. Тотъ цвѣтъ положи въ ротъ за щеку и поди куда хошь, никто не увидитъ, что хошь дѣлай! Если спать станешь, то въ головы поставь, то никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ, никакой воръ и разбойникъ; понеже кругомъ около тебя великая бѣда будетъ что озеро, а ты на островѣ будешь. Станутъ тотъ цвѣтъ нечистые духи у тебя торговать, и ты имъ скажи: „не продаю!“ А если продать, то проси у нихъ съ начальнѣйшаго князя колпакъ, въ которомъ камни драгоценные и если они его дадутъ, вельми славенъ и хитръ, и храбръ, и богатъ, и знатенъ будешь“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи вѣрятъ, что если взять „коржана“, т. е. летучую мышъ, въ Ивановскую полночь отнести въ лѣсъ и зарыть въ муравейникъ, то въ слѣдующій Четвергъ на мѣстѣ коржана окажутся вилы и грабли. Тѣ и другія иногда могутъ быть очень полезными для молодыхъ людей: если дотронуться до предмета страсти граблями, то онъ полюбитъ владѣльца грабель, а если дотронуться вилами, то разлюбитъ, хотя бы дотолѣ и страстно любилъ владѣющаго этими средствами...

Таковы, въ общихъ чертахъ, обряды, обычаи и вѣрованія, приурочиваемые нынѣ народомъ къ Иванову дню.

Многочисленность этихъ обрядовъ и обычаевъ, ихъ распространенность служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что это остатки какого-то древняго языческаго праздника, совершавшагося во время лѣтняго солнцестоянія.

Согласно общепринятому нынѣ мнѣнію, это празднество совершалось въ честь поворота солнца съ лѣта на зиму, и съ купальскими обрядами и игрищами соединялась у древнихъ язычниковъ мысль о замираніи плодотворныхъ силъ природы послѣ лѣтняго солнечнаго поворота.

По объясненію Аванасьева, солнце послѣ лѣтняго солнцесостоянія, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ міромъ: дни сокращаются, ночи удлинняются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увяданію. Въ лѣтніе жары народъ призывалъ бога-громовника погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашеніе должно было напомнить древнему человѣку аналогическія представленія ночи, съ приходомъ которой зимнее свѣтило тонетъ въ волнахъ всемірнаго океана зимы, которая погружаетъ его въ море облаковъ и тумановъ и, наконецъ, смерти, а оно гаситъ огонь жизни. Аванасьевъ III, 724.

Между тѣмъ, не смотря на общераспространенность такого мнѣнія, согласиться съ нимъ едва ли возможно.

Какимъ образомъ могла соединиться у древняго язычника мысль о замираніи природы во время купальскихъ праздниковъ въ то самое время, когда силы природы достигаютъ именно наибольшей своей жизненности, когда солнце, по народному повѣрью, играетъ и пляшетъ на небѣ, когда всѣ растенія разговариваютъ между собою и переходятъ съ мѣста на мѣсто,*) когда зацвѣтаетъ даже никогда не цвѣтущій папортникъ? Какимъ образомъ у грубаго, умственно неразвитаго язычника могла зародиться мысль о зимѣ, когда наступило знойное лѣто, когда для оплодотворенной солнечными лучами земли наступалъ періодъ плодоношенія?.. Трудно, даже и съ очевидной натяжкой, отвѣтить на эти вопросы; трудно, если даже и предположить, что наши предки Славяне жили первоначально въ болѣе теплыхъ странахъ, на берегахъ Дуная. И тамъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ Іюнѣ природа ничѣмъ еще не напоминаетъ зимы, а напротивъ, находится въ полномъ расцвѣтѣ. Если же это такъ, то и древніе купальскіе обряды и игрища имѣли иное значеніе. Не мысль о замираніи природы соединялась съ купальскими празднествами и игрищами, не проводы лѣта представляли они; напротивъ, съ ними соеди-

*) Вышеприведенныя народныя повѣрья въ настоящее время во многихъ мѣстахъ приурочиваются къ празднику Св. Пасхи, но въ старину они связывались со днемъ Ивана Купалы. „Грае (играетъ) сонечко на Ивана“, говорится въ одной старинной купальской пѣснѣ (Труды Киев. Дух. Ак. 1871 г. т. 4, стр. 342). Въ „Вечери Духовной“, сочиненной іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ, говорится, что въ павечеріе Иванова дня нѣкоторые „доходятъ до такого безумія, что и касательно великаго небеснаго свѣтила суетврствуютъ въ тотъ день такимъ образомъ: не спятъ всю ночь въ ожиданіи восхода солнца, съ тѣмъ, чтобы, увидѣвши его, рассказывать, какъ оно играетъ, скачетъ съ мѣста на мѣсто и принимаетъ на себя различныя цвѣта“ (Руководство для Сельскаго пастыря 1860 г., т. I. стр. 227). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вышеприведенное повѣрье народъ и въ настоящее время приурочиваетъ не къ Пасхѣ, но къ Иванову дню.

нялась мысль о полномъ и совершенномъ торжествѣ свѣта надъ тьмою, тепла надъ холодомъ, о полномъ утвержденіи свѣтлыми богами своего благодатнаго царства; съ этими празднествами соединялась мысль о свадебномъ союзѣ возмужавшаго Солнца съ Зарюю.

Подтвержденіе высказаннаго нами находимъ въ купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ. Такъ, въ одной купальской пѣснѣ говорится, что стояла верба, и на вербѣ горѣли свѣчи.

Съ той вербы капля упала—
Озеро стало.
Въ озерѣ самъ богъ купався,
Съ дѣтками судитками.*)

Въ другой купальской пѣснѣ передается и объ исходѣ этого купанья:
Купала на Ивана!
Купався Иванъ
Тай въ воду упавъ¹⁾.

Что же это былъ за богъ, купавшійся въ озерѣ съ дѣтками-судитками? На это указываетъ, повидимому, слѣдующая купальская пѣсня:

Черезъ наше село везено дерево,
Ой воно въ неділю рано,
Изъ моря далеко.
Изъ того дерева зроблена церковка,
А въ той церковці чотири віконця:
Перво віконце—Василько, якъ сонце.
Друге віконце—Иванька, якъ сонце.
Третє віконце—Павличка, якъ сонце.
Четверто віконце—Налійко, якъ сонце.

Подъ окнами же въ небесномъ храмѣ, по мнѣнію г. Аванасьева, разумѣются свѣтила дня и ночи (I, 161). Основываясь на словахъ вышеприведенной купальской пѣсни, нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ купавшемся богѣ бога Свѣтовита—верховное божество, возвышавшееся надъ всѣми богами Славянъ. Дѣтки-судитки, подчиненныя ему божества свѣта: солнце, мѣсяць, заря. (Аванасьевъ I, 133, 134).

Въ купальскихъ пѣсняхъ Свѣтовитъ этотъ чаще всего встрѣчается подъ именемъ Ивася-Ивана. Такъ какъ всякое божество у нашихъ предковъ-язычниковъ имѣло свою божественную супругу, то не обошелся безъ нея и Свѣтовитъ, замѣненный въ позднѣйшую пору Иваномъ-Купаломъ. Народное воображеніе поставляетъ Ивана Купалу въ связи съ женскимъ существомъ, представляемымъ подъ именами то Марьи, то Ганны, то Аграфены Купальницы, то какой-то Татьяны.

*) Аванасьевъ II, 477.

¹⁾ Старосвѣтскіе бандуристы Закревскаго № 19. стр. 25.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей мнѣ о купаніи бога въ озерѣ знаменуетъ собою купанье Свѣтовита съ его семействомъ въ волнахъ воздушнаго океана и его переправу черезъ этотъ океанъ въ загробный міръ зимы и смерти, переправу, начинающуюся во время купальскихъ празднествъ.

Доступно ли было такое возвышенное представленіе воображенію грубаго, чувственнаго язычника? Конечно нѣтъ. Мы знаемъ, что большинство Славянъ-язычниковъ не dorocтало даже и до вѣрованія въ единое Верховное Существо, правящее міромъ; большинству ихъ не былъ извѣстенъ и Свѣтовитъ. Между тѣмъ мнѣ о купаніи бога въ озерѣ можетъ быть объясненъ слѣдующимъ образомъ: Богъ, купавшійся въ озерѣ, это солнце, божество Славянъ. Въ купальской пѣснѣ мы находимъ прямое указаніе на это:

Ой за гаемъ, за Дунаемъ,
Тамъ Ивасю конемъ *грав*
Зь підъ Ивасця *сідю сяс* (сіяеть) и т. д.
Коло воды-моря ходили дівочки,
Коло Мареночки Купало!
Грае сонечко
На Ивана. (Аванасевъ, II, 474).

Припомнимъ, наконецъ, что на Купалу, по народному повѣрью, солнце *играетъ* и пляшетъ на небѣ.

Какъ всевидящее око, озирающее небо и землю, солнце знаетъ все явное и сокровенное, что только совершается въ мірѣ. Въ силу такого воззрѣнія у народа сочеталась съ понятіемъ о солнцѣ идея праведнаго суда Божія. Въ одной Чешской сказкѣ солнце называется Дѣдомъ-Всевѣдомъ. Въ той же сказкѣ въ матери солнцу дана пряха—*судница*, которая вечеромъ принимаетъ его на Западъ и успокаиваетъ на своихъ колѣняхъ. По утру солнце пробуждается отъ сна, прощается съ матерью и вылетаетъ восточнымъ окномъ на свое дневное странствованіе. На Руси уцѣлѣла поговорка: „дожидайся солнечевой матери Божья Суда:* (Аванасевъ, II, 475, 476;)

Нѣтъ сомнѣнія, что мать солнца—пряха *судница*, это заря. По утру солнце рождается отъ нея, а вечеромъ она снова принимаетъ его въ свои объятія. *Дятки-судитки, поэтому, будутъ второстепенныя свѣтила, мѣсяць и звѣзды.*

Судьба человѣка, по народнымъ вѣрованіямъ, тѣсно связана съ этими свѣтилами, отъ которыхъ зависитъ и погода (множество примѣтъ по мѣсяцу и звѣздамъ о погодѣ), и урожай. а слѣдовательно и земное благополучіе человѣка, и сама жизнь его. По народнымъ вѣрованіямъ, каждый человѣкъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду. Когда приходитъ время умирать, звѣзда эта падаетъ съ неба. Согласно съ вышеприведенными вѣрованіями, народъ и обращается съ запросами о своей судьбѣ къ свѣтиламъ небеснымъ къ дѣткамъ-судиткамъ.

*) т. III, 387. 389—390.

Такое обращеніе представляет собою цѣлый кругъ народныхъ гаданій. Такъ, наприм. наводятъ зеркало на мѣсяцъ и по отраженію его стараются узнать, сколько у гадающей будетъ дѣтей¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наканунѣ сочельника, когда оканчиваются святочные гаданья, дѣвушки съ послѣднимъ заключительнымъ гаданьемъ обращаются къ звѣздамъ. Съ наступленіемъ ночи наканунѣ крещенскаго сочельника дѣвушки выходятъ изъ избы на дворъ. Старшая изъ нихъ несетъ впереди пирогъ, какъ бы въ даръ звѣздамъ, а остальные, стоя позади ея, скороговоркой произносятъ: „Ай, звѣзды, звѣзды, звѣздочки! Всѣ вы звѣзды одной матушки, бѣлорумяны вы и дородливы. Засылайте сватей по міру крещеному, состряпайте свадебку для міра крещенаго, для пира гостиннаго, для красной дѣвицы родимой N N“.

Если созвѣздіе, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Стожаръ, придется съ правой стороны, то святочные гаданья всѣ непременно сбудутся въ благопріятномъ смыслѣ; если же впереди ихъ на небѣ придется линія звѣздъ на Млечномъ пути, называемая Дѣвичьими зорями, то отвѣтъ звѣздъ считается неблагопріятнымъ, всѣ гаданія святочные недѣйствительными, и гадалщицамъ придется еще годъ просидѣть въ дѣвицахъ.

Относительно мѣсяца народъ замѣчаетъ такъ: если увидѣтъ молодой мѣсяцъ съ правой стороны, то въ теченіи всего мѣсяца для человѣка будетъ удача; если увидѣтъ съ лѣвой—наоборотъ. Таинственное вліяніе небесныхъ свѣтилъ, „дѣтокъ-судитокъ“ на судьбу человѣка отразилось и въ народныхъ заговорахъ. Въ заговорахъ отъ зубной боли обращаются къ мѣсяцу, въ заговорахъ отъ родимца—къ зарѣ („Утренняя заря Парасковья, заря-зарница, молодая вдовица, уйми отъ младенца NN крикъ и дай младенцу сонъ. Вечерняя заря Соломоinea, заря-зарница красная дѣвица, уйми отъ младенца NN крикъ и дай младенцу сонъ“²⁾). Во многихъ заговорахъ встрѣчается такое выраженіе: „Подпояшусь я рабъ Божій NN красною зарею, посыплюсь частыми звѣздами“.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что богъ купающийся въ озерѣ съ дѣтками-судитками есть ничто иное, какъ солнце съ подчиненными ему свѣтилами небесными... Что же означаетъ собою сказаніе о божествѣ, купавшемся въ озерѣ, или о божествѣ упавшемъ въ воду? Миѣ о купаніи солнца зародился, по всей вѣроятности, тогда, когда наши предки-язычники жили на берегахъ большого озера, а можетъ быть и моря, лежавшаго отъ нихъ на Сѣверъ. Это озеро или море или, наконецъ, Дунай упоминается въ большинствѣ купальскихъ пѣсенъ.

Коло воды-моря ходили дѣвочки,
Коло Мареночки—Купало

Или:

Съ той вербы капля упала—
Озеро стало.
Въ озерѣ самъ богъ купався
Съ дитками-судитками и т. д.

¹⁾ Очерки Пошеховья. Этногр. Обзор. кн. XXXIX.

²⁾ „Очерки Пошеховья“ Этн. Обзор. кн. XXXIX.

Или:

Черезъ наше село везено дерево,
Ой воно, воно въ недѣлю рано
Изъ за моря далеко и т. д.

Или же:

Ой за гаемъ, за Дунаемъ
Тамъ Титяна купалася,
На бережку сушилася
По три шляшки дивилася и т. д.

Или наконецъ:

Якъ пишла Ганна въ Дунай по воду
И ступила Ганна на хитву кладку,
Ганна моя панна,
Ягода червонна и т. д.

Самъ „тихий“ Дунай, упоминаемый очень часто въ народныхъ купальскихъ пѣсняхъ, для всѣхъ жителей праваго его берега лежитъ на Сѣверѣ (протекая съ Запада на Востокъ).

Солнце, заходя постоянно подъ землю за горизонтъ или же скрываясь „за лѣса дремучіе“, съ наступленіемъ лѣтняго солнцестоянія должно было скрываться въ это время „не подъ землю“, а „подъ воду“, т. е. въ водное пространство, лежавшее на Сѣверѣ отъ первоначальнаго мѣста жительства нашихъ предковъ.

При первомъ взглядѣ на солнце, уходящее въ воду, у первобытнаго человека должна была родиться мысль о томъ, что солнце „утонуло“. Отсюда и мифъ о какомъ-то божествѣ, купавшемся и утонувшемъ въ озерѣ:

Купала на Ивана!
Купався Иванъ
Тай въ воду упавъ.

Сказаніе это смѣняется, затѣмъ, простымъ сказаніемъ о купаніи божества-солнца, такъ какъ на другой же день язычникъ могъ увидѣть, что солнце не утонуло, что оно живо, что оно, слѣдовательно, только купалось въ зеленыхъ водахъ.

Въ томъ озерѣ
Самъ богъ купався
Съ дѣтками-судитками.

Въ Минской губерніи существуетъ и донинѣ народное повѣрье, что на Купалу солнце „купається“, а на Ивана сушится; видѣть же это могутъ только счастливые люди передъ восходомъ солнца *).

Неудивительно, что, переселяясь съ Юга на Сѣверъ, наши предки язычники-Славяне встрѣчали на своемъ пути по направленію къ Сѣверу множество

*) Живая Старина 1893 г. выпускъ 2-й стр. 284.

рѣкъ, озеръ и рѣчекъ, близъ которыхъ они селились. И постоянно при этомъ, изъ года въ годъ, они наблюдали то явленіе, что ежегодно, когда наступаютъ самыя длинныя дни и самыя короткія ночи, обоготворяемое ими солнце, „купаются“ въ водныхъ пространствахъ, лежащихъ къ Сѣверу. Вмѣстѣ съ солнцемъ погружается въ эти воды и заря, а также мѣсяцъ и звѣзды (дѣтки-судитки солнца); точно также и они „купаются“ въ водахъ.

Правда, есть много и такихъ мѣстностей, гдѣ на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ разстилается только безбрежное море травы или „лѣса дремучіе“, но въ такихъ-то мѣстностяхъ всего меньше и сохранилось среди населенія остатковъ древнихъ купальскихъ праздниковъ.

Этимъ вполнѣ подтверждается наше мнѣніе.

Купанье солнца, происходитъ въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, въ періодъ его возмужалости, т. е. въ такой періодъ, когда человѣкъ чаще всего вступаетъ въ бракъ. Неудивительно, что и по мнѣнію нашихъ предковъ-язычниковъ, къ этому періоду должно было приурочиваться и бракосочетаніе возмужавшаго солнца. Солнцова мать, заря-зарница, и вступала въ брачный союзъ со своимъ сыномъ солнцемъ.

Такое вѣрованіе отразилось между прочимъ и въ народномъ сказаніи объ Андрѣ Первозванномъ, женившемся на своей матери. Св. Андрей Первозванный, подобно Греческому Эдипу, выросши внѣ родительскаго дома, женился потомъ на своей матери. Это сказаніе извѣстно не только классической древности, но и среднимъ вѣкамъ. Въ положеніи Эдипа во всѣхъ подобныхъ сказаніяхъ является то Іуда-предатель, будто бы убившій отца и женившійся на матери до поступленія своего въ ученики Христовы, то св. Андрей Критскій, то папа Григорій. Новѣсти объ этихъ лицахъ, извѣстныя во всей Европѣ, имѣются и у насъ, какъ въ старинныхъ рукописяхъ (какъ напр. сказаніе объ Іудѣ), такъ и въ видѣ устныхъ разсказовъ, а отчасти и пѣсень. Можно полагать, что сказаніе это существовало и въ Западной Европѣ и у Славянъ независимо отъ Грековъ*). И дѣйствительно, подобныя сказанія существуютъ у насъ въ Россіи безъ всякихъ слѣдовъ заимствованія. Для примѣра укажемъ на слѣдующую пѣсню о кровосмѣшеніи.

Ой, та вдова молода
 Породила два сына.
 Въ корабель вложила,
 На Дунай пустила.
 Ой, ты жовтый писочокъ,
 Корми моихъ диточокъ!
 А ты, дрибенъ дощичокъ,
 Напій моихъ диточокъ!
 А ты клинивъ листочокъ
 Накрый моихъ диточокъ!

*) „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское“. О. Миллеръ. 1870 г. стр. 12.

А въ двенадцатомъ году
 Пишла вдова по воду.
 Сталъ корабель приплывати,
 Стала вдова воду брати.
 Сталъ корабель приплывати,
 Сталъ вдовѣ примолвляти:
 — „Ахъ, ты, вдова молода,
 Чи любишь ты Дончика?“
 — „А я Донця люблю
 И за Донця иду...
 А за одного сама йду,
 А за другого дочку отдамъ“...
 — „А я свѣтъ проходилъ,
 Нигдѣ того не видалъ,
 Щобъ ридную мать
 Та за жинку взять.
 Ой, щобъ ридная сестра
 Та за брата пошла“.

Мысль о кровосмѣшеніи повторяется и въ купальскихъ пѣсняхъ. Такъ въ одной купальской пѣснѣ разсказывается, что чумакъ, проѣздомъ остановившись въ одной корчмѣ, женился на наймицкѣ-шинкаркѣ. Когда въ Понедѣльникъ послѣ свадьбы они пошли спать,—

Стала дівка постіль слать,
 Постіль стеле, хлыстае,
 А вінъ ей пытае:
 — „А звітки міщанка?“
 — „По имени Карпянка“.
 — „А звітки міщанивъ?“
 — „По имени Карпівъ сынъ“.
 — „Бодай, попы пропали:
 Сестру зъ братомъ звінчали!
 Ходимъ, сестра въ монастырь,
 Нехай намъ Богъ простить!“
 — „Монастырь каже: не прийму,
 А Богъ каже: не прощу!“
 — „Ходимъ, сестра, въ темный лісь—
 Нехай же насъ звірь поість“...
 — „А лісь каже: не прийму!
 А звірь каже, выжену!“
 — „Ходимъ, сестра, въ море,
 Потопимся обое!“
 — „А море каже: не прийму!
 А рыба каже: выкину!“
 — „Ходимъ, сестра, горою
 Разсіємсь по полю.
 Разсіємось по полю
 Шелковою травю.“

Будутъ люди зѣле рвати
 Сестру зъ братомъ споминати.
 Я зацвѣту жовтый цвѣтъ,
 Ты зацвѣтешъ синій цвѣтъ.
 Буде слава на весь свѣтъ.

Таково происхожденіе цвѣтка „Иванъ-да-Марья“.

Въ Алексинскомъ уѣздѣ, на берегахъ Оки, существуетъ слѣдующее преданіе. Неподалеку другъ отъ друга жили два семейства въ любви и согласіи. Въ обѣихъ семьяхъ были „красныя дѣтки“, т. е. сынъ и дочь; каждый изъ юношей горячо любилъ сестру другого и былъ любимъ взаимно, но такой перекрестный бракъ, въ которомъ сестра мужа выходила бы за брата жены, не дозволяется уставами Церкви, и родители ихъ долго раздумывали, устроить ли счастье сына въ одной семьѣ и дочери въ другой или наоборотъ. Однажды, въ Троицынъ день, парни завили вѣнки и бросили ихъ въ воду. Отплывъ отъ берега на небольшое разстояніе, вѣнки стали тонуть. Тогда парни бросились въ воду съ цѣлю спасти тонущіе вѣнки. Но на самомъ дѣлѣ оба они пошли ко дну, вѣнки же сами собою выплыли на верхъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, на этомъ мѣстѣ каждый разъ въ Троицынъ день выплываютъ поверхъ воды два вѣнка....

Съ принятіемъ Славянами христіанства св. Андрей замѣнилъ въ народныхъ вѣрованіяхъ Перуна. Было село, передаетъ одинъ народный рассказъ, въ которомъ проживало до тысячи вѣдьмъ; то и дѣло крали онѣ святыя звѣзды и до того довели небо, что нечѣмъ стало свѣтитъ нашему грѣшному міру. Тогда Господь Богъ послалъ святого Андрея (замѣна Перуна-тучегопителя), который ударилъ своею палицею, и все вѣдовское село провалилось сквозь землю“. Въ народныхъ преданіяхъ св. Андрей Первозванный поставляется въ самую тѣсную связь съ Перуномъ. По Кіевскому преданію св. Андрей на Кіевскихъ высотахъ водрузилъ крестъ и предрекъ, что на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія. На этихъ же самыхъ горахъ стоялъ Перунъ, съ нихъ онъ былъ низверженъ, и пророчество с. Андрея исполнилось. Впослѣдствіи, на тѣхъ же самыхъ горахъ построена и церковь во имя св. Андрея Первозваннаго.

Въ Новгородскомъ преданіи о св. Андрѣ Первозванномъ связь эта проглядываетъ еще сильнѣе. По этому сказанію св. апостоль Андрей посѣтилъ Новгородъ и въ благословеніе оставилъ свой крестъ, который „водрузи въ веси, нарицаемой Друзиной“*). Впослѣдствіи, какъ рассказывается объ этомъ въ рукописномъ житіи Михаила Салоса, былъ построенъ здѣсь храмъ въ честь св. Андрея Первозваннаго. Въ храмъ былъ положенъ и оставленный апостоломъ жезлъ. Въ Новгородѣ и близъ его были ранѣе капища Перуна, замѣстителемъ котораго и является св. Андрей Первозванный. Въ самомъ Друзинѣ или Грузинѣ, по народному преданію, находился теремъ какого-то Новгородскаго князя Перея-Тучи (прямой отголосокъ преданій о Перунѣ-тучегони-

*) Степенная Книга, стр. 7.

телемъ). Сынъ этого Перея-Тучи страдалъ какою-то неизлѣчимою болѣзнию, и для излѣченія его убивали людей. Этого Перея-Тучу и обратилъ, будто бы, въ христіанство св. апостоль Андрей¹⁾.

Даже христіанскому сказанію относительно оставленія св. апостоломъ Андреемъ своего жезла Новгородцамъ существуетъ соотвѣтственное народное сказаніе о Перунѣ. Въ Новгородской лѣтописи читаемъ: „И приде епископъ Іоакимъ и требища разори, и Перуна посѣче, чѣмъ въ великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни и повелѣ вовлещи въ Волховъ... и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: „о горе мнѣ! ахъ! достался немилостивымъ судіямъ симъ!“ И вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловаше сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ; его безумніи убивающеса утѣху творять бѣсомъ²⁾. Герберштейнъ передаетъ это преданіе такимъ образомъ: „Въ древности Новгородцы поклонялись и чтили какого-то идола именемъ Перуна, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ монастырь, прозванный отъ этого идола Перунскимъ (Perunski). Принявъ крещеніе, они стащили его съ мѣста и бросили въ рѣку Волховъ. Говорятъ, что онъ поплылъ противъ теченія, и около моста былъ слышенъ голосъ: „вотъ вамъ, Новгородцы, на память обо мнѣ!“ и что тотчасъ за этими словами была выброшена палка. Даже и нынѣ въ извѣстные дни года бываетъ слышенъ этотъ голосъ Перуна; услышавъ его, тамошніе граждане тотчасъ сбѣгаются и бьютъ другъ друга палками, и отъ того происходитъ такое смятеніе, что начальникъ съ великимъ трудомъ можетъ прекратить его“³⁾.

Очевидно, что и всѣ языческія черты въ народномъ почитаніи св. Андрея суть ничто иное, какъ остатки прежняго почитанія Перуна и Солнца. Какъ божества добрыя, свѣтлыя, раждающія, могли въ понятіяхъ язычниковъ смѣшиваться, и кровосмѣшеніе, приписываемое Солнцу, могло быть перенесено первоначально на Перуна, а затѣмъ и на св. Андрея Первозваннаго.

Но, если, по вѣрованію древняго Славянина-язычника, солнце вступало въ бракъ съ зарею, то когда же всего приличнѣе, всего естественнѣе было происходить солнечной свадьбы, какъ не въ періодъ наибольшаго могущества солнца,—въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, когда по ночамъ „заря съ зарею сходится“, т. е. заря свѣтитъ всю ночь, когда и солнце и заря достигаютъ наивысшей степени своего могущества? Купанье солнца по всей вѣроятности, въ представленіи язычника-Славянина явилось однимъ изъ дѣйствій солнечной свадьбы. Свадебное омовеніе извѣстно почти всѣмъ народамъ земного шара. У древнихъ Индусовъ невѣсту наканунѣ свадьбы долженъ былъ мыть одинъ изъ ея родственниковъ⁴⁾. Въ Угорской Руси на утро послѣ первой свадебной

1) „Село Угодичи“ А. Артынова. М. 1882 г.

2) Новгород. лѣтоп. Полное собр. лѣтоп. т. III, стр. 207.

3) „Записки о Московіи“ бар. Герберштейна. Перев. И. Анонимовъ Спб. 1886 г., стр. 114.

4) „Грихья-Сутры, какъ источникъ для исторіи Индо-европейской бытовой культуры“. Д. Кудрявскій. „Живая Старина“, 1896 г. в. 11.

ночи молодые идутъ къ колодцу, гдѣ имъ зачерпываютъ ведро воды. Въ воду въ ведро опускается серебряная монета, и этою водою умываются молодые ¹⁾. Серебряная монета, опускаемая въ ведро, есть несомнѣнно эмблема солнца, купавшагося въ день своей свадьбы въ водахъ. У нашего народа обрядъ омовенія совершается иногда до свадьбы, иногда же послѣ нея. Во всякомъ случаѣ и Русская свадебная баня представляетъ собою остатокъ стариннаго омовенія, сохранившагося у Уггросовъ, а не есть одно только дѣйствіе чистоплотности.

Значеніе свадебной бани проглядываетъ уже и въ предбанныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ пѣснями купальскими:

Какъ у нашеѣ паруби (бани)
Трои дырецьи стекольчатые,
Три окошечка косещятые!..
...Какъ и наша тепла паруба
Вожена на красѣ,
Катана на бѣлыхъ коняхъ,
Она поставлена на путѣ
На красивымъ мѣстечкѣ,
На крутомъ красномъ бережкѣ ²⁾.

Сравни:

Церкву ставлять—вівна будуть.
Одно віконце—ясне солнце,
Друге віконце—ясный місяць,
Трете віконце—ясны зерки. (Аванасевъ I, 161).

Припомнимъ въ данномъ случаѣ, что и свадебное омовеніе солнца происходитъ на крутомъ красномъ бережкѣ. Обычай свадебнаго омовенія распространенъ очень широко. У Уггросовъ участвующие въ свадьбѣ идутъ хоромомъ къ ближайшему потоку или рѣкѣ, гдѣ и происходитъ омовеніе. „Дружба“ наполняетъ ведро, новобрачный кладетъ въ воду серебряную монету, и водою изъ ведра умываются, затѣмъ, всѣ присутствующіе. У Малороссовъ на Украинѣ молодая, пріѣхавъ въ домъ жениха, беретъ ведро и отправляется за водой. У Люблинскихъ Малороссовъ невѣста идетъ съ ведромъ за водою вмѣстѣ со сватомъ. Три раза она выливаетъ воду на землю, а на четвертый приноситъ домой. Тутъ она кропитъ водою всѣхъ участвующихъ на свадьбѣ, а остальное разливаетъ по хатѣ. У Малороссовъ Бѣлскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., невѣста беретъ пирогъ, ручникъ изъ Бѣлаго полотна и въ сопровожденіи брата идетъ за водою. Если колодецъ на чужой землѣ, то кладетъ подарокъ для его хозяина, черпаетъ ведро воды, выливаетъ въ квасъ, а потомъ идетъ снова, зачерпываетъ другое ведро, въ которомъ моются „бояры“. Въ иныхъ мѣстахъ того же края, когда принесутъ въ хату ведро, то молодая часть воды выливаетъ въ „дѣжу“, а остальное отдаетъ „хоронжему“, который, притворяясь пьянымъ, падаетъ и воду разливаетъ по хатѣ. У Бѣлороссовъ Витебской губ.

¹⁾ „Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. „Живая Старина“ 1891 г. в. IV, 131.

²⁾ Жив. Старина 1894 г. стр. 99.

молодой приказываютъ принести воды. Всѣ идутъ къ колодцу, зачерпнутую ею воду постоянно выливаютъ, пока мужъ не вступится за нее и не откупится водкой. У Бѣлорусовъ Слуцкаго уѣзда свать беретъ новое ведро и несетъ его къ колодцу, въ сопровожденіи музыканта, гостей и молодой, которая помогаетъ ему нести. Набравъ воды, молодая обязана повѣсить на коромысло полотенце, а воду всѣ несутъ съ пѣснями и музыкою домой, гдѣ ее и пьютъ. Въ Смоленской губерніи „молодая“ беретъ ведра и въ сопровожденіи свашекъ и родственниковъ отправляется за водою къ ближайшему колодцу, съ музыкою и пѣснями приноситъ ее гостямъ, которые пьютъ воду и даютъ за это деньги. У Великорусовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодые отправляются доставать изъ колодца воду. Въ это время къ колодцу сбѣгаютъ холостые и женатые мужчины, дѣвушки и женщины и выливаютъ изъ бабьи воду до тѣхъ поръ, пока молодая не угоститъ ихъ виномъ. Въ Новгородской губерніи молодую посылаютъ за водою, и всѣ провожаютъ ее до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этою водою облить другъ друга три раза; „молодая“ должна сходить за водою три же раза. Въ Вологодской губ. всѣ свадебные гости передъ „столованьемъ“ умываются, получая воду изъ рукъ свахи, а полотенце изъ рукъ молодежи. Каждому умывающемуся молодежи кланяется въ поясъ, а они дарятъ ее деньгами „на мыло“. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ той же губ., гости, умывшись, получаютъ изъ рукъ невесты каждый по рюмкѣ водки и, затѣмъ, цѣлуютъ ее. Этотъ обрядъ называется „мыльное цѣлованіе“*).

Купанье солнца въ водѣ служило однимъ изъ дѣйствій солнечной свадьбы съ зарею. А такъ какъ это купанье совершалось въ земныхъ водахъ, то оно служило въ то же время и видимымъ знакомъ единенія небесныхъ силъ съ землею. Это единеніе призывало къ единенію и всѣхъ людей. По этому-то предположенію, что у нашихъ предковъ, Славянъ-язычниковъ, браки совершались преимущественно около времени или во время купальскихъ празднествъ, является въ данномъ случаѣ очень вѣроятнымъ. Онъ подтверждается и разительнымъ сходствомъ купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ съ такими же обрядами и пѣснями народной свадьбы (Укажемъ, напримѣръ, на „омовеніе“, на возжиганіе огня, на деревцо и разрываніе его на части и т. д. и т. д.) Очень можетъ быть, что лѣтописецъ, говоря: „схождахуся на игрища, на плясанія и ту жены себѣ умыкаху, съ нею же кто свѣщашеся“, именно и имѣлъ въ виду купальскія игрища и плясанія.

Но такъ какъ не всѣ могли вступать между собою въ единеніе посредствомъ брачныхъ союзовъ, то по поводу совершившейся солнечной свадьбы въ купальскій праздникъ многіе вступали между собою только въ „побратимство“, „посестримство“ и „кумовство“.

*) Шейнъ. Бѣл. матер. 1890 г., стр. 39, 218, 479, 480. Русск. Нар. Пѣсн. 1870 г. стр. 510. Вѣст. Евр. 1888 г. Ноябрь, 514. Этногр. Обзор. 1892 г. № 2., 229. 1894 г. № 3, 48. Зап. Имп. Русск. Общ. по отд. этногр. т. 17. в. 2. стр. 109. Шейнъ. Русск. Нар. Пѣсн. 1870 г. стр. 487. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Москва 1890 г., стр. 107.

Побратимство и посестримство, какъ извѣстно, обычай весьма распространенный у всѣхъ южныхъ Славянъ. День, въ который совершается побратимство въ южной Болгаріи, точно опредѣленъ обычаемъ: *день этотъ—день Ивана Купалы*. Заключающіе между собою побратимство имѣютъ при себѣ пучки зеленой ели, къ которымъ привязывается къ каждому золотая или серебряная монета.¹⁾

Остатки древняго обычая „кумиться“ сохранились и до сихъ поръ въ нашемъ народѣ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губ., дѣвушки, желающія покумиться въ „кумитное Воскресенье“ (слѣдующее за Фоминымъ), заплетаютъ на березкѣ вѣнокъ и сквозь этотъ вѣнокъ цѣлуются. Березка эта сохраняется до Троицына дня, послѣ чего ее кидаютъ въ воду.²⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кумятся такъ: завивъ вѣнокъ изъ вѣтвей одной или двухъ пригнутыхъ одна къ другой березъ, дѣвушки кумятся между собою, приговаривая:

Покумимся, кума,
Покумимся;
Чтобы намъ съ тобой не браниться,
Вѣчно дружитья.

Въ это время цѣлуются черезъ вѣнки. Иногда дѣвушки кумятся и съ парнями, цѣлуясь также черезъ вѣнокъ и привѣтствуя другъ друга: „здравствуй, кумъ!“—„здравствуй, кума!“ При кумовствѣ часто мѣняются кольцами (какъ и въ свадебномъ обрядѣ), серьгами и даже крестами (побратимство). Въ Тульской губ. надъ вѣнкомъ при кумовствѣ кладутъ приготовленную заранѣе птичку кукушку или траву кукушкины слезы или же семитскій вѣнокъ. Желающіе покумиться вѣшаютъ свои кресты на согнутыя для вѣнка березы, обходятъ вокругъ него, потомъ цѣлуются черезъ вѣнокъ трижды, мѣняются крестами и кольцами и даютъ обѣщаніе жить въ согласіи, а „кукушку“ или вѣнокъ дѣлятъ на части и хранятъ въ память кумовства. Здѣсь этотъ обрядъ справляется только между женщинами, и мужчины къ нему не допускаются. Въ Калужской губ. кумовство совершается проще: „кукушку“ или вѣнокъ изъ „кукушкиныхъ слезъ“ кладутъ на разостланный по травѣ платокъ, садятся вокругъ него, затѣмъ цѣлуются, мѣняются крестами и оканчиваютъ кумовство угощеніемъ и яичницей. Въ Лихвинскомъ уѣздѣ справляется особый нарядный поѣздъ кумы къ кумѣ, при чемъ кума отправляется въ гости верхомъ на помелѣ. Въ Тульской губ. самую семитскую березку называютъ „кумою“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обѣ кумы прежде обмѣниваются черезъ вѣнокъ яйцами и затѣмъ уже цѣлуются. При кумовствѣ иногда наблюдается правило, по которому одна кума считается старшею, а другая младшею. Чтобы рѣшить вопросъ о старшинствѣ, обѣ свиваютъ свои платки и бросаютъ ихъ вверхъ; чей платокъ взлетитъ выше, та кума и носитъ весь день названіе старшей. Завитые на деревьяхъ вѣнки остаются до Троицына дня. Въ Рязанской губ. желающіе покумиться, плетутъ въ Троицынъ день вѣнки и сквозь вѣнки

¹⁾ Жив. Стар. Вып. I. 1892 г., стр. 37.

²⁾ „Кумитное воскресенье“. Ярослав. Губ. Вѣдом. 1892 г. № 51.

(круглый вѣнокъ—солнце) цѣлуются, послѣ чего вѣнки эти кидаютъ въ воду съ цѣлю узнать свою судьбу¹⁾.

Изъ вышеприведеннаго видно, что обрядъ „кумовства“ стоитъ въ тѣсной связи съ Троицкимъ завиваніемъ вѣнковъ и гаданіемъ по этимъ вѣнкамъ. Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что гаданіе на вѣнкахъ совершалось первоначально въ день Ивана Купалы въ купальскіе праздники, а затѣмъ оно было перенесено уже на день Св. Троицы. Въ своемъ первоначальномъ чистомъ видѣ оно и до сихъ поръ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и, между прочимъ въ окрестностяхъ г. Углича, Ярославской губ. Здѣсь оно и донныѣ совершается такимъ образомъ:

При завиваніи вѣнковъ дѣвицы поютъ:

Не завянетъ вѣночекъ
Не разлюбитъ дружокчекъ.

Вѣнки остаются завитыми до Троицына дня. Въ Троицынъ день ходятъ „ломать“ вѣнки. Если при этомъ окажется, что чейнибудь вѣнокъ развился, то сбудетъ загаданное. Вѣнокъ, оставшійся безъ измѣненія не общается перемѣны въ жизни. Засохнувшій вѣнокъ означаетъ, что милый разлюбитъ. Словамъ вѣнки, дѣвицы идутъ къ рѣкѣ или пруду; здѣсь вѣнки кидаютъ въ воду: чей вѣнокъ потонетъ, тотъ умретъ въ данномъ году, въ которую сторону поплыветъ вѣнокъ—въ ту сторону и выйдетъ дѣвушка замужъ; вѣнокъ, стоящій неподвижно, не предвѣщаетъ никакой перемѣны въ жизни²⁾. Это гаданье было, очевидно, перенесено на Троицынъ день съ какогонибудь языческаго праздника, такъ какъ Троицынъ день праздникъ христіанскій и притомъ переходный. Нѣтъ сомнѣнія, что гаданье это перенесено было на Троицынъ день съ купальскихъ празднествъ, въ которыхъ совершалось въ старину гаданье посредствомъ вѣнковъ.

Коло воды-моря ходили дівочки
Коло Мареночки—
Купало!
Грае сонечко
На Ивана!
Пішли дівочки та по ягідкі.
Коло воды-моря ходили дівочки
Коло Мареночки—
Купало!
Грае сонечко
На Ивана!
Уже дівочки поплели вѣночки.
Коло воды-моря ходили дівочки
Коло Мареночки—
Купало!

¹⁾ Жив. Стар. в. IV. 199.

²⁾ Ярослав. Губ. Вѣд. 1892 г. № 40.

Віночки не вянуть, дівочки не плачуть.
 Коло воды-моря ходили дівочки
 Коло Мареночки—
 Купало!
 Віночки завяли—дівочки всплакнули.
 Коло воды-моря ходили дівочки
 Коло Мареночки—
 Купало!
 Грае сонечко на Івана!

Так описує гаданье на вѣнках старинная купальская пѣсня. Описание это подтверждается и свидѣтельствомъ іеромонаха Симеона Полоцкого: „Иные собирають въ тотъ день (т. е. 24 Іюня) нѣкоторыя травы и по нимъ гадають, имѣя такую вѣру, что если травы расцвѣтуть по истеченіи одной ночи, то загадываемое сбудется благополучно, а если не расцвѣтуть—унывають въ ожиданіи несчастья¹⁾).

Очевидно, что Троицкое гаданье на вѣнках было приурочено первоначально къ купальскимъ игрищамъ. Здѣсь это гаданье имѣло глубокой смыслъ. Круглый вѣнокъ солнца, вѣнокъ погруженный въ воду—купающееся солнце, въ честь котораго и совершались купальскія игрища.

Но если это такъ, если Троицкое гаданье на вѣнках совершалось первоначально въ праздникъ купалы, то очевидно, что въ этотъ праздникъ совершался и единственный съ нимъ обрядъ „кумовства“. Всѣ люди соединялись между собою узами дружбы и любви, празднуя совершившійся брачный союзъ солнца и его омовеніе въ земныхъ водахъ играми, „при звукахъ трубъ, бубновъ, струнной музыки“, „плясаніемъ“, „главами киваніемъ“ и „крикомъ неистовымъ“.

Можно дать объясненіе и тому народному повѣрью, по которому купаться до Іванова дня считается грѣхомъ. Безъ сомнѣнія, грѣхъ осквернить купаньемъ воды, въ которыхъ должно омываться божественное солнце. Но за то, послѣ этого омовенія, купанье дѣлалось не только позволительнымъ, но прямо цѣлебнымъ и, потому, чуть не обязательнымъ, такъ какъ воды, освященные солнцемъ, получали цѣлебную силу, а отъ этихъ водъ и земля достигала наивысшей производительности. Не даромъ въ купальскихъ пѣсняхъ поется:

Иванъ да Марья
 На горѣ купались:
 Гдѣ Иванъ купався (т. е. солнце)
 Берегъ колыхався.
 Гдѣ Марья (т. е. заря) купалась
 Трава разстилалась....

Выше мы видѣли, что цвѣтокъ „Иванъ да Марья“ по народному вѣрованію есть ничто иное, какъ братъ и сестра вступившія между собою въ кро-

¹⁾ Руководство для сел. наст. 1860 г. т. I. стр. 22.

восмѣшеніе, и указывали на то, что сказаніе объ этомъ есть ничто иное какъ глухой откликъ народнаго вѣрованія о кровосмѣшеніи солнца съ матерью зарю. Естественно, что цвѣтокъ „Иванъ да Марья“ имѣеть въ купальскихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ довольно видное значеніе.

Въ день Аграфены Купальницы во многихъ мѣстахъ топятъ баню и парятся вѣниками, въ которые вплетаютъ цвѣты „Иванъ да Марья“. Париться цвѣтомъ „Иванъ да Марья“ считается полезнымъ для здоровья и въ теченіи всего круглаго года. Въ виду вышесказаннаго является вполне естественнымъ и то народное вѣрованіе, по которому въ купальскую ночь вся природа оживаетъ и получаетъ особую силу: деревья передвигаются съ мѣста на мѣсто, животныя и всѣ растенія разговариваютъ между собою, и тотъ только можетъ понимать ихъ, кто имѣеть у себя цвѣтъ папоротника, растенія, цвѣтущаго только въ купальскую ночь. Такъ какъ папоротникъ служить знакомъ молніи, то очевидно и отношеніе рассказовъ о немъ къ солнечнымъ, купальскимъ празднествамъ. (Аѳанасьевъ, II, 376—419).

Въ ночь на Ивана Купалу вѣдьмы пріобрѣтаютъ какое-то особое могущество и стараются сугубо вредить людямъ. Въ эту ночь, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онѣ справляютъ свой праздникъ или шабашъ на Лысой горѣ близъ Кіева... Въ видѣ вѣдьмъ первоначально олицетворялись демоническія существа, управлявшія дождевыми тучами. (Аѳанасьевъ, III, 697). Эти существа, закрывая тучами мѣсяцъ и звѣзды, „скрадывали“ ихъ отъ взоровъ первобытнаго чело-вѣка, они причиняли бездождіе или же проливные дожди; они причиняли болѣзни скоту и т. д. Словомъ, они дѣлали все то, что отчасти и теперь, по народному представленію, дѣлаютъ вѣдьмы.

Древнее языческое вѣрованіе о томъ, что тучи управляются особыми существами, отразилось въ слѣдующемъ народномъ повѣрѣѣ, существующемъ среди Славянъ Подбродскаго округа: всѣ души утопленниковъ, висѣльниковъ и вообще всякаго рода самоубійцъ, обречены въ наказаніе вѣчно носиться надъ землею и поддерживать черныя тучи. Когда въ тучахъ соберется чрезмѣрное количество воды, и души не въ силахъ удержать эту тяжесть, тогда на землю льется сильный ливень. Въ одной деревнѣ у старика крестьянина Горака были какія-то старинныя книги съ молитвами и заговорами отъ различныхъ болѣзней и напастей. Однажды, когда на деревню надвигалась гроза (это было передъ жатвой), онъ вышелъ въ поле и сталъ читать по своей книгѣ заговоръ, желая предотвратить возможное бѣдствіе; во время чтенія онъ взглянулъ какъ-то на небо и увидѣлъ въ облакахъ свою дочь, которая незадолго до того утопилась; въ то же время на книгу упали три капли крови. Тотчасъ же онъ бросилъ свои книги въ огонь, не желая увеличивать бремя несчастныхъ душъ *).

Будучи сначала облачными женами, вѣдьмы смѣшались, затѣмъ, съ вѣщими женами, низведены были на землю и поставлены въ условія чело-вѣ-

*) Этногр. Обзор. XX ст. 202.

ческой жизни. (Аванасьевъ III, 697). Народъ и различаетъ вѣдьмъ рожденныхъ и ученыхъ. Женщина, желающая сдѣлаться вѣдьмою, должна отречься отъ Христа и записать свою душу дьяволу, записать кровью своего мизинца. Дьяволъ, съ своей стороны, обязывается исполнять малѣйшее желаніе новобранки... Какъ „вѣщія“ жены („колдуньи“, „знахарки“), вѣдьмы въ ночь на Ивана Купалу должны были получать особенное могущество, такъ какъ всѣ цѣлебныя и чудодѣйственныя травы, которыми онѣ пользовались, въ эту ночь получали сугубую силу. Естественно, что и ночь эта являлась для этихъ „вѣщихъ жень“ величайшимъ праздникомъ. Во всѣхъ средствахъ, какія употребляются для того, чтобы или узнать вѣдьму или же предотвратить причиняемый ею вредъ, являются непремѣнно крапива и осина. Какъ то, такъ и другое растеніе посвящалось богу-громовнику. Какъ богъ-громовникъ преслѣдуетъ облачныхъ жень своими молніями, такъ и посвященные ему растенія „крапива“ и „осина“ служатъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для распознаванія вѣдьмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и для предотвращения причиняемаго ими вреда. „Заостренный осиновый колъ, говоритъ Аванасьевъ, получилъ въ глазахъ народа значеніе Перуновой палицы. Его употребляютъ противъ колдуновъ, упырей и вѣдьмъ“ (Аванасьевъ II, 306—307).

Въ тѣсной связи съ вѣрованіемъ о вѣдьмахъ стоитъ и то народное вѣрованіе, по которому въ ночь на Ивана Купалу открываются и дѣлаются видимыми различныя клады. Преданія о кладахъ, по мнѣнію Аванасьева, составляютъ обломки древнихъ сказаній о небесныхъ свѣтилахъ, скрываемыхъ нечистою силою въ темныхъ пещерахъ облаковъ и тумановъ. Съ теченіемъ времени, когда народъ утратилъ живое пониманіе метафорическаго языка, когда мысль уже не угадывала подъ золотомъ и серебромъ блестящихъ свѣтилъ неба, а подъ темными пещерами тучъ, преданія эти низведены были на землю и получили значеніе дѣйствительности.

Купальскія празднества совершались въ честь возмужавшаго солнца, въ честь наступившаго царства свѣта. Но разъ царство свѣта наступило, то и свѣтила небесныя не должны болѣе скрываться въ облакахъ и туманахъ: они выходятъ теперь наружу или, другими словами, „клады“ становятся доступными взору смертныхъ....

Огонь въ купальскихъ празднествахъ издревле имѣлъ весьма видное значеніе. Въ челобитной старца Григорія иконописца, поданной въ 1651 г. царю Алексѣю Михайловичу, читаемъ: „Также и игрища разныя и мерзкія бывають въ началѣ отъ Рождества Христова и до Богоявленія, всенощныя, на коихъ святыхъ нарицають и монастыри дѣлають, и архимандрита, и келаря, и старцевъ нарицають; тамъ же и женокъ, и дѣвокъ много ходять, и тамо дѣвницы дѣвство діаволу отдають. Другое игрище о Троичномъ дне: за городъ на курганы ходять и неподобное творять. Третіе игрище отъ Петрова дня до Ильина дня: на реляхъ вѣшаются и на крутящихъ крутятся: и многихъ діаволь беретъ и деньги тыхъ благословляють при церкви погребати. Тако же и о

рождествѣ Іоанна Предтечи всю ночь бѣсятся, бочки дегтярныя зажигаютъ и съ горъ ватаютъ и вѣники заженные скачутъ“ *)....

И въ настоящее время на Ивановъ день во многихъ мѣстахъ зажигаютъ костры и прыгаютъ черезъ огонь. Парень съ дѣвушкою, взявшись за руки, перепрыгиваютъ черезъ огонь, при чемъ замѣчаютъ, что если во время прыжка руки ихъ не разнимутся, то они вступятъ въ супружество и будутъ счастливы.

Обыкновенный огонь есть символъ огня небеснаго, солнца. Онъ является необходимою принадлежностью всѣхъ празднествъ въ честь солнца. Почти повсемѣстно въ Европѣ до настоящаго времени удержалось обыкновеніе встрѣчать праздникъ Рождества Христова, отправляемый въ пору низшаго солнцестоянія, возжиганіемъ огня. У южныхъ Славянъ наканунѣ Рождества сожигается громадное бревно, носящее названіе „баднякъ“. Въ Галицкой и Малой Руси наблюдаютъ, чтобы на всю ночь на Рождество *горѣлъ огонь* въ хатахъ, мѣсто же южнославянскаго бадняка заступаетъ солома, которую *жгутъ* мѣстами на второй день праздника, мѣстами же въ Новый годъ. Воспоминаніе о сожигавшихся встарину въ дни низшаго солнцестоянія (въ коляду) кострахъ сохранилось въ нѣкоторыхъ Мало и Галицко-русскихъ рождественскихъ пѣсняхъ („колядкахъ“), гдѣ, напримѣръ, упоминается „чудо-чудное *вогне* страшное“, или изображается собраніе святыхъ кругомъ пылающихъ костровъ: „коло тыхъ *огнесъ* же святые“.

Въ Саратовской губерніи, сожигаютъ наканунѣ новаго года на улицѣ огромный ометъ соломы, называемый „Костромой“; въ Курской губерніи наканунѣ Рождества и Крещенія *жгутъ* навозъ на дворѣ. И въ Велико-русскихъ святочныхъ пѣсняхъ сохранилось воспоминаніе о возжиганіи Рождественскихъ костровъ, напримѣръ, по словамъ такой пѣсни въ лѣсахъ дремучихъ „*огни горятъ великіе*“; другая колядка, записанная въ Саратовской губерніи, начинается словами: „за рѣкой *огонь* горитъ“. Въ западной Европѣ преимущественно сохранился обычай сожигать на Рождество, какъ у южныхъ славянъ, бревно, носящее въ различныхъ мѣстахъ разныя названія, напр. во Франціи *Souche de Noel, calendeau* и т. п., въ Германіи *Weihnachstblok*, въ Англіи *Jnle sbog*. Въ Швеціи *Sula-brata*, въ Сѣверной Італіи „*arder il cerro*“ (жечь бревно). Словомъ, почти повсемѣстно въ Европѣ, въ обрядахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ пѣсняхъ уцѣлѣли остатки общаго всѣмъ населяющимъ ее народамъ, весьма древняго обычая возжигать огни въ праздники высшаго и низшаго солнцестоянія. Корень этого обычая слѣдуетъ искать въ представленіяхъ и обычаяхъ народовъ древнѣйшаго времени.

По представленію древнихъ Аріевъ, огонь (Агни) низошелъ на землю съ неба въ видѣ молніи. И земному и небесному огню воздавались *божскія почести*. Въ Ведійскихъ гимнахъ огонь именуется повелителемъ вселенной, муд-

*) „Патріархъ Никонъ и его противники“. В. Кантеревъ. М. 1887 г. в. 1. Приложеніе.

рымъ царемъ, также отцомъ, братомъ, сыномъ, другомъ человѣка. Постоянно проявляется здѣсь благотѣльное по отношенію къ человѣку дѣйствіе огня, какъ возносителя жертвоприношеній къ богамъ, какъ разителя враговъ, какъ собирателя семьи у домашняго очага. Святость и чистота огня требовали особенно почтительнаго къ нему отношенія. Съ другой стороны, огню приписывалась очистительная сила: отсюда обрядъ сожиганія мертвыхъ у древнихъ Индусовъ, посредствомъ котораго умершіе очищались при переходѣ въ загробную жизнь.

Такою же очистительную, возрождающую къ новой жизни силу приписывали огню и Семиты, но кромѣ того, они въ небесномъ огнѣ, видѣли источникъ солнечнаго блеска, источникъ грознаго, губительнаго всепожирающаго лѣтнаго зноя и сопряженныхъ съ нимъ засухи и заразы и т. п. и придавали, слѣдовательно, огню не столько благотѣльное, сколько страшное, гнѣвное, яростное и истребляющее значеніе. Въ книгахъ Ветхаго Завѣта неоднократно находятъ себѣ выраженіе такое представленіе огненной стихіи, неоднократно рисуется ослѣпительная картина области небснаго огня, гдѣ въ грозной славѣ и величіи царитъ Владыка вселенной, карающій и сокрушающій пламенемъ, ниспосылаемымъ имъ съ неба. Пророкъ Даніиль въ видѣніи своемъ видѣлъ „Ветхаго днями“, возсѣдающимъ на престолѣ, который былъ, „какъ пламя огня“. „Отверзлись небеса“, пишетъ пророкъ Іезекиль, „и я видѣлъ видѣніе Божіе“... великое облако и клубящійся огонь и сіяніе вокругъ него, а изъ середины его какъ бы свѣтъ пламени изъ середины огня, и изъ середины его было видно подобіе четырехъ животныхъ... и видъ этихъ животныхъ былъ, какъ видъ лампадъ; огонь ходилъ между животными, и сіяніе отъ огня и молніи исходили отъ него“. Самъ Іегова является какъ бы олицетвореніемъ небснаго огня. „Господь Богъ твой есть огонь поядающій“; познайте могущество мое, говоритъ Господь.... „кто изъ васъ можетъ жить при огнѣ пожирающемъ, кто изъ васъ можетъ жить при вѣчномъ пламени?“ Давидъ такъ изображаетъ картину гнѣва Господня: „поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его огонь поядающій“. Объ огнѣ, исходящемъ отъ Господа, приносящемъ смерть и разрушеніе, часто упоминается въ книгахъ Ветхаго Завѣта; Іегова по истинѣ огненный Богъ, являющійся въ разныхъ видовыхъ формахъ у разныхъ Семитскихъ народовъ. Объ Ассирійскомъ богѣ огня Адаръ, величаемомъ иногда Маликъ-Молохомъ, такъ сказано на древнихъ надписяхъ: „богъ освѣщающій народы и солнце“, „свѣтъ боговъ“, „страшный владыка храбрыхъ, царь силы, разоритель враговъ, покоритель непослушныхъ, истребитель мятежныхъ, царь желѣза“, словомъ, представитель войны, которая въ древности неоднократно называлась огнемъ. У народовъ Ханаанскихъ, въ Сиріи и Финикии, грозный представитель огня носилъ названіе Молоха (Малаха, Молеха). Ему приносили въ жертву людей (взрослыхъ и младенцевъ). Обычай сожигать людей въ честь Ваала-Молоха перенесенъ финикиянами и въ Карѳагенъ, а оттуда въ Сардинію, главнѣйшую Карѳагенскую провинцію. Жертвоприношенія эти частію повторялись періодически въ извѣстное время, частію обуславливались

особыми обстоятельствами общественной и частной жизни и имѣли соотвѣтственно тому значеніе, то умиловительное (когда постигали народъ бѣдствія: война, засуха, чума), то обѣтный или благодарственный. Въ древнемъ Египтѣ былъ сходный обычай сожигать живыхъ людей въ честь бога засухи и огня, Сета или Сутеха. (Тифона Греческихъ писателей). Это имѣло мѣсто во время каникулъ, т. е. въ пору сильнѣйшаго зноя. Въ Галліи, у Друидовъ, по словамъ Греческихъ и Римскихъ писателей, также существовали жестокіе жертвенные обычаи, обнаруживающіе вліяніе служенія Молоху: сооружались изъ прутьевъ колоссальныя человѣческія фигуры пустыя внутри: онѣ наполнялись живыми иногда людьми, которые и сожигались.

Нельзя не видѣть остатковъ этого древняго Семитско-галльскаго обычая въ нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядахъ, сопровождающихъ возжиганіе Ивановскихъ костровъ. Во Франціи въ старину сжигались на Ивановскомъ кострѣ живыя кошки или лисицы, заключенныя въ корзинкѣ или мѣшкѣ. Въ Перинеехъ еще недавно существовалъ обычай сожигать на Ивановскомъ кострѣ живыхъ змѣй. Раздирающіе крики и отчаянныя искривленія тѣла сгорающихъ живыхъ животныхъ привѣтствовались толпой громкимъ ликованіемъ и бѣшеными плясками кругомъ огня, напоминающими неистовыя пляски и бѣснованіе Хапаанскихъ народовъ кругомъ жертвенника Ваала-Молоха. Дальнѣйшее ослабленіе Семитскаго обычая представляетъ сожиганіе на Ивановскомъ кострѣ костей мертвыхъ животныхъ (во Франціи) или лошадиной головы (въ Германіи). Въ одной Галицко-русской купальской пѣснѣ сохранилось воспоминаніе о сожженіи на Ивановскомъ кострѣ слѣпой кошки:

„Долишняне! горшняне!
Сходьтеса до насъ на субботу,
Спечемы вамъ слѣту кошку“.

На Ижорѣ (въ окрестностяхъ Петербурга) еще въ прошломъ столѣтіи наканунѣ Иванова дня при пляскахъ сожигали на кострѣ бѣлаго пѣтуха. Эсты бросаютъ въ огонь Ивановскаго костра разные предметы (камни, куски дерева, прутья и т. п.) въ качествѣ жертвенныхъ даровъ огню, произнося при этомъ: „мнѣ, мнѣ, огню—сорныя травы“.

Въ то время какъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, относящихся преимущественно до Западной Европы, костры, возжигаемые въ пору высшаго солнцестоянія, являются жертвенными огнями, на которыхъ богу небснаго огня приносится въ даръ живые и неживые предметы, у Славянъ они болѣе или менѣе утрачиваютъ жертвенное значеніе: у Славянъ на Ивановскомъ кострѣ сжигается молодое дерево или соломенная кукла или цвѣты и вѣнки, знаки весенняго плодородія. Самый огонь Ивановскихъ костровъ во многихъ мѣстахъ носить въ народѣ названія: „живой огонь“, „царь огонь“ (Новгород. губ.) „божій огонь“, „небесный огонь“, Himmels Feuer (въ Швабіи) и даже средолѣтній Вааль—Midsommersbaal (въ Даніи)*).

*) Наши предки Славяне усваивали огню точно также божественное происхожденіе и воздавали ему божескія почести. „И огневи молятся, зовутъ его Хърсомъ Сварожни-“

Выше мы говорили, что древніе народы, какъ Арійскаго, такъ и Славянскаго племени, приписывали огню вообще очистительную силу. На томъ же представленіи основаны разныя обрядныя дѣйствія, которыми сопровождается возжиганіе обрядныхъ костровъ: такъ повсемѣстно у Славянъ распространенъ обычай проводить скотъ черезъ пламя костровъ (не только Ивановскихъ, но и другихъ) и скакать черезъ Ивановскіе костры, съ цѣлю обезпеченія себя отъ пагубныхъ вліяній злой, нечистой силы, словомъ—для очищенія отъ недуговъ настоящихъ и будущихъ. Тотъ же обычай соблюдается и у многихъ Европейскихъ народовъ съ тою же цѣлю очищенія. Во Франціи не только скачутъ черезъ огонь взрослые, но переносятся черезъ него и дѣти. Въ Шотландіи молодые люди скачутъ черезъ огонь, въ то время какъ пожилые шепчутъ молитву; дѣвушки переходятъ черезъ пламя костровъ въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины, чтобы роды были легки. Въ Шотландіи такимъ же образомъ переносятъ черезъ огонь дѣтей. Въ Греціи женщины, прыгая черезъ Ивановскіе костры, восклицаютъ: „избавляюсь отъ грѣховъ“. Обычай во время скотскаго падежа зажигать огонь посреди скотнаго загона и проводить черезъ него скотъ съ цѣлю предохраненія его отъ заразы былъ извѣстенъ уже въ древней Индіи. Провожденіе же дѣтей черезъ огонь было обычаемъ весьма распространеннымъ у народовъ Семитскихъ, о чемъ неоднократно свидѣтельствуютъ книги Ветхаго Завета, напр. „не долженъ находиться у тебя проводящій сына своего или дочь свою черезъ огонь“. Обрядъ этотъ, по свидѣтельству другихъ мѣстъ, совершался въ честь Ваала-Молоха, при чемъ осталось еще неразъясненнымъ, было ли цѣлю этого обряда очищеніе проводимыхъ черезъ огонь, или выраженіе ихъ сожиганія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводилось въ исполненіе.

Сопоставляя все вышеизложенное, приходимъ къ заключенію, что огонь Ивановскихъ костровъ, возжигаемый въ пору высшаго солнцестоянія, прежде всего представляется знакомъ небснаго огня, источника лѣтняго зноя. Повсемѣстно огню этому приписывается очистительная сила, предохраняющая отъ недуговъ, обезпечивающая плодородіе, здоровье и благополучіе*).

Въ нашихъ народныхъ купальскихъ обычаяхъ огню приписывается таинственное вліяніе на судьбу человѣка, въ особенности же на устроеніе браковъ.

цель“... „И огнви молятся подь овинюмъ“, говоритъ лѣтописецъ. Слѣды древняго языческаго поклоненія огню встрѣчаются въ народныхъ вѣрованіяхъ и доселѣ. Въ д. Быстриковѣ, Стародубскаго у., еще недавно умеръ старикъ, который, затапливая овинъ, непременно снималъ шапку и крестился говоря: „дай, Боже здравствовать!“ На вопросъ, кому это онъ говоритъ? Онъ отвѣчалъ: „Кѣму? Перуну, съ огнемъ не великія шутки! Такъ старыя люди дѣлали и насъ навучили“... Плевать въ огонь, мочиться въ огонь, кидать въ огонь экскременты—народъ считаетъ грѣхомъ. Кто дѣлаетъ это, тотъ изсохнетъ. Огонь является какъ бы существомъ одушевленнымъ. Кто изъ горящаго дома украдетъ какую либо вещь и понесетъ домой, то за нимъ перекинется на его собственный домъ и огонь съ горящаго дома.

*) „Древнеарійскіе и древнесемитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и культахъ Славянъ“. Этногр. Обзор. XXVI кн.

Вещь вполне понятная: у нашихъ предковъ судьба дѣвушки чаще всего рѣшалась въ купальскія празднества, посвященныя солнцу, знакомъ котораго и является огонь. И до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ глухихъ поселкахъ Волынскаго Полѣсья сохранился своеобразный свадебный обычай: невѣсту, прежде чѣмъ вести въ церковь для вѣнчанія, заставляютъ пройти черезъ огонь¹⁾. Это испытаніе дѣлается съ цѣлю узнать, сохранила ли невѣста дѣвственность до замужества: огонь долженъ обжечь дѣвушку, если бы она рѣшилась на это испытаніе не будучи цѣломудренною. Испытаніе это производится такъ: по дорогѣ въ церковь раскладывается небольшой костеръ, черезъ который въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ должна перешагнуть невѣста²⁾. Тоже въ такъ называемомъ (у Бѣлоруссовъ) „посадѣ“ дѣлается женихомъ передъ свадьбою, съ цѣлю узнать сохранилъ ли онъ свою невинность.

Сходство между купальскими обрядами и обрядами свадебными весьма разительно.

Необходимую принадлежность купальскихъ игрищъ составляетъ „марѣна“, „купаило“, „вилце“ и т. п. „Марѣна“ есть ничто иное какъ деревцо, украшенное цвѣтами и лентами, очень часто то самое деревцо, на которомъ завивались вѣнки. Вокругъ этого деревца въ купальскую ночь дѣвушки пляшутъ и поютъ купальскія пѣсни.

Коло воды-моря ходили дѣвочки
Коло Марѣночки,—
Купало!

Парни стараются отнять это деревцо у дѣвушекъ и, если отнимутъ, то разрываютъ его, послѣ чего дѣвушки дѣлаютъ новую „марѣну“. По окончаніи купальскихъ игрищъ „марѣна“ кидается въ воду.

„Утонула марѣночка утонула,
Та наверхъ кісоньки зринула“.

Слово „марѣна“ находитъ себѣ объясненіе въ словахъ „марить“, припекать (о солнцѣ). „Примарило“, припекло, говорятъ о солнечномъ припекѣ. „Марѣною“ называется точно также растеніе, дающее красную краску. Среди Лужицкихъ Сербовъ распространено вѣрованіе, что въ полдень прохаживается какая-то Мара, заботясь о томъ, чтобы все хорошо росло, особенно травы³⁾. Очевидно, что со словомъ марѣна соединилось понятіе о свѣтоносной солнечной супругѣ зарѣ-зарницѣ. Эта марѣна-мара и есть ничто иное какъ солнечная невѣста, а затѣмъ супруга „красная дѣвица заря-зарнице“, купавшаяся вмѣстѣ

¹⁾ Новое Время № 5303.

²⁾ Въ Мглинскомъ у. когда послѣ свадьбы ведутъ молодого съ молодой, то передъ дворомъ раскладываютъ огонь. Дружкѣ съ помощью прочихъ бояръ тянетъ коней и телѣгу съ молодыми непременно черезъ огонь, чтобы имъ Богъ послалъ благополучную жизнь.

³⁾ Срезневскій. Жив. Стар. в. П. 1890 г. стр. 60.

съ солнцемъ въ водахъ и обратившаяся во многихъ купальскихъ пѣсняхъ въ Марью (Марѣна-Мара-Марья).

Припомнимъ, что по народному повѣрью „на зарѣ трава растетъ“, припомнимъ, затѣмъ, и слова купальской пѣсни:

„Гдѣ Марья купалась
Трава разцвѣлась“.

И намъ будетъ ясно, что марѣна“ изображала собою ничто иное, какъ „красную дѣвицу“ зарю, являющуюся какъ бы богиней, покровительницей всѣхъ дѣвушекъ. Заря, по народному представленію, является покровительницей растительности, между тѣмъ знакомъ растительности служить головной волосъ. На древнемъ поэтическомъ языкѣ травы, цвѣты, кустарники и деревья назывались „волосами земли“. Мать купальской Ганны говорить громадѣ:

Не косите, людіе, по лугамъ травы!
По лугамъ трава—Ганнина коса.

Знакомъ же дѣвчества и первымъ признакомъ его служить дѣвичья коса—„дѣвья красота“. Еще въ недавнее время во многихъ мѣстахъ Россіи существовалъ обычай обрѣзать косу у дѣвушки, потерявшей невинность.

Съ купальскихъ праздниковъ, совершавшихся въ честь свадьбы бога солнца, эта „марѣна“ подъ различными названіями перешла и въ народную свадьбу. У Галицкихъ Русиновъ она представляетъ собою вѣтку вишневого дерева, втыкаемую въ свадебный каравай, украшаемую цвѣтами и лентами и называемую „деревцомъ“. У Гуцуловъ такія „деревца“ украшаются яблоками. У Поляковъ Сандомирскаго уѣзда они называются „розгой веселья“, а у Плоцкихъ мазуровъ—„вѣнкомъ“. Въ Сѣдлецкой губ. на свадьбахъ является вѣтка можжевельника, на которую вѣшаются подарки для молодыхъ. У Малоросовъ на Украинѣ свадебное деревцо называется какъ и купальское „вильце“ или „гильце“. Оно представляетъ собою древесную вѣтвь, украшенную цвѣтами и лентами. Въ Гродненской губ. это деревцо называется „ѣлкою“. Въ Калужской свадебное деревцо называется точно также ѣлкою и украшается лентами, шелкомъ и цвѣтами*).

Въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губ., какъ свадебное деревцо, такъ и деревцо купальскихъ обрядовъ называется „дѣвья красота“; въ другихъ мѣстахъ оно извѣстно въ обоихъ случаяхъ подѣ именемъ „рипея“ и т. п.

Правда, на свадебныхъ обрядахъ это деревцо служить только знакомъ дѣвчества, эмблемой невинности, но нѣтъ сомнѣнія, что свадебная „дѣвья красота“ есть только видоизмѣненіе купальской „марѣны“. Способъ приготовленія ихъ, значеніе въ торжествѣ, а иногда и послѣдняя судьба (разрываніе на части) и въ томъ и другомъ случаѣ почти одни и тѣ же.

*) Этногр. Обзор. 1901 г. № 1. стр. 138—140.

Съ принятіемъ христіанства, когда язычество утратило свою силу, обрядъ марёны обратился въ шутку. Такъ, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Волини въ праздникъ Купалы до восхода солнца дѣвицы выбираютъ длинную палку, надѣваютъ на нее вѣникъ и съ этой палкой выбѣгаютъ на улицу, припѣвая различныя насмѣшки на счетъ паробковъ, въ родѣ такихъ:

Купайла на Ивана
Сучки въ борщѣ упала,
Хлопці вытягали
Зубы поломали.
Дівчата граблями,
А хлопці зубами и т. д.

Паробки, услышавъ эти насмѣшки, подкрадываются къ дѣвицамъ, нападаютъ на нихъ, отнимаютъ палку съ вѣникомъ, вѣникъ разрываютъ на куски, а палку переламываютъ и все это разбрасываютъ на улицѣ. Послѣ этого дѣвушки берутъ новую палку и т. д. Послѣ обѣда въ Ивановъ день дѣвушки, нарвавъ цвѣтовъ и сплетя изъ нихъ вѣнки для себя, дѣлаютъ изъ соломы чучело и, насадивъ его на палку, несутъ на извѣстное мѣсто съ пѣснями и пляскою. Тамъ они ставятъ его на землю и, ставъ около него въ кружокъ, поютъ пѣсни. Наконецъ, являются парни и разрываютъ чучело на части. Вообще судьба „марёны“ бываетъ двоякая: или ее топятъ въ водѣ, или же ее разрываютъ на части. Потопленіе „марёны“ въ водѣ является, повидимому, болѣе древнимъ обычаемъ. Припомнимъ сказаніе о богѣ купавшемся въ озерѣ и утонувшемъ, припомнимъ и слова купальской пѣсни:

„Утонула марёночка утонула,
Та наверхъ кісонька зринула“.

Въ потопленіи „марёны“ можно видѣть остатки прежнихъ языческихъ праздниковъ въ честь проводовъ зимы и встрѣчи весны, остатки, приуроченныя затѣмъ къ „купальскимъ праздникамъ“. Проводы зимы и до сихъ поръ совершаются у многихъ Славянскихъ народовъ. Отдѣльные случаи этого торжества въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ заключаются: 1. въ шествіи съ чучеломъ, изображающимъ смерть (зиму) изъ селенія къ водѣ. 2. въ срываніи съ него облекающей его одежды. 3. въ погруженіи чучела въ воду (потопленіи). 4. послѣ этого срубаютъ деревцо, изображающее воскресшее лѣто, одѣваютъ его въ платье, въ которое передъ тѣмъ одѣто было чучело, украшаютъ пестрыми лентами и блестками и съ пѣснями и плясками вносятъ въ селеніе. Подобные обряды существуютъ кое гдѣ и у насъ въ Россіи.

Главное во всѣхъ этихъ обрядахъ состоитъ въ погруженіи изображенія зимы въ воду, вслѣдствіе чего зима обращается въ лѣто, знакомъ котораго и является разукрашенное деревцо. Погруженіе изображенія божества въ воду, омовеніе его или обновленіе его силъ водою составляло между прочимъ и главнѣйшую часть обрядныхъ дѣйствій, ежегодно совершавшихся въ честь матери-земли Nerthus въ древней Германіи, великой матери Идейской въ Римѣ, богини

Сирийской въ Герополисѣ и т. д. *) Въ разрываніи марёны на части проглядываетъ уже другой обычай, обычай проводовъ русалокъ, приуроченный въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Петровскому заговѣнью, въ другихъ къ Троицыну дню, а въ третьихъ къ первому Понедѣльнику Петрова поста. По общераспространенному народному вѣрованію весною русалки выходятъ на берега и поселяются въ лѣсахъ и рощахъ. Выходя на берегъ, русалки любятъ расчесывать свои длинные волнистые волосы, поютъ пѣсни и заманиваютъ прохожихъ. Иногда онѣ просятъ себѣ холста или какой-нибудь ткани на рубашку, и въ такихъ случаяхъ имъ необходимо дать что-нибудь, хотя бы оторвавъ кусокъ отъ собственнаго платья. Нѣкоторые съ этою цѣлію развѣшиваютъ въ лѣсу по деревьямъ куски полотна, предназначеннаго для русалокъ; другіе, чтобы накормить ихъ, раскладываютъ у себя на окнахъ горячій хлѣбъ и вѣрятъ, что русалки насыщаются паромъ, поднимающимся съ этого хлѣба. Въ обыкновенное время русалокъ считаютъ довольно безвредными и кроткими, но послѣ Троицына дня онѣ становятся очень опасными, такъ какъ могутъ щекотать до смерти. Предохранительнымъ противъ нихъ средствомъ считается между прочимъ трава полынь. Идя послѣ Троицына дня въ лѣсъ, слѣдуетъ непременно брать съ собою пучекъ полыни. Русалка, подбѣжавъ къ человѣку, непременно спроситъ его: „что у тебя въ рукахъ—полынь или петрушка“? Если сказать: „полынь“, она пробѣжитъ мимо и только крикнетъ: „прячься подъ тынъ“, а если сказать: „петрушка“, она бросится на человѣка и съ крикомъ: „ахъ, моя душка!“ примется щекотать до тѣхъ поръ, пока у него не пойдетъ пѣна изо рта.

Иногда, особенно встрѣчая дѣвушекъ, русалки, по народному повѣрью, выраженному въ пѣснѣ, загадываютъ имъ три загадки: „что растеть безъ корня? Что бѣжить безъ повода? Что растеть безъ всякаго цвѣта?“ „и не давая времени долго раздумывать тутъ же говорятъ и отгадки: „камень растеть безъ корня, вода бѣжить безъ повода, папоротникъ растеть безъ цвѣта“. Затѣмъ онѣ кидаются на свою жертву и, обвивъ шею, щекотаютъ подъ мышками, сначала тихо, съ припѣвомъ, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, пока человѣкъ не умираетъ отъ щекотанья. Въ мѣстностяхъ, лежащихъ на Днѣпрѣ, рассказываютъ, что огоньки свѣтящіяся на могилахъ, курганахъ, въ лѣсахъ и поляхъ, зажигаются русалками, чтобы заманить неосторожныхъ путниковъ и, потомъ, бросить ихъ въ Днѣпръ. Любимыя деревья русалокъ дубъ и клѣнъ; онѣ качаются на сучьяхъ и зазываютъ прохожихъ къ себѣ „покачаться на реляхъ“. (Отсюда и связь русалокъ съ удавленниками). Иногда, сидя на сучкахъ, русалки занимаются разматываніемъ пряжи, которую уносятъ отъ крестьянокъ, уснувшихъ безъ молитвы.

Кромѣ травъ полыни и зори, которыя слѣдуетъ бросать имъ въ глаза, при чемъ онѣ тотчасъ же разбѣгаются, противъ русалокъ существуетъ еще

*) „Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ“. „Вѣстникъ Европы“ 1895 г. № 6 и 7.

особое заклѣтіе изъ непонятныхъ словъ, отъ котораго бѣгутъ, будто бы, не только русалки, но и сами дьяволы:

Ау, ау—шиярда кавда!
Шивда, ввоза, митга, миногамъ.
Каланди, поди, якуташма, биташъ
Окуто ми, нуффинъ, зифима и т. д.

Заклѣтіе это хранится въ глубокой тайнѣ и передается только подѣ общаніемъ не разглашать.

На Троицкой недѣлѣ дѣвушки не купаются, а если и купаются, то съ молитвою и держа пучекъ полны въ рукѣ изъ боязни, чтобы русалки не утащили въ свой подводный теремъ. Русалки наносятъ людямъ вредъ и другими способами: заливаютъ поля водою, ломаютъ плотины, разрушаютъ мосты и т. п. Если кто, идя подлѣ воды, услышитъ стонъ и слова: „рогъ есть, головы нѣтъ“, тотъ можетъ быть увѣренъ, что съ нимъ случится какое-нибудь несчастье. На русальной недѣлѣ совѣтуютъ крошить яичную скорлупу какъ можно мельче, потому что если останется половинка скорлупки и случайно попадетъ въ рѣку, русалки непременно обратятъ ее въ лодочку и будутъ плавать на ней на зло людямъ. Вообще со скорлупою нужно обходиться осторожно; если кто выброситъ цѣльную скорлупу на дворѣ, и въ ней накопится вода, а воды этой напьется сорока, то на бросившаго непременно накинется лихоманка. Ночью при лунѣ, которая для русалокъ свѣтитъ ярче обычнаго, русалки качаются на вѣтвяхъ, аужаются между собою и водятъ веселые хоробы съ пѣснями, играми и плясками. Гдѣ онѣ бѣгали и рѣзвились, тамъ трава растетъ гуще и зеленѣе, тамъ и хлѣбъ родится обильнѣе. Тѣмъ не менѣе отъ русалокъ не столько пользы, сколько вреда: когда онѣ плещутся на водѣ и играютъ съ бѣгущими волнами, прыгаютъ на мельничныя колеса и вертятся вмѣстѣ съ ними, онѣ все таки не забываютъ спутывать у рыбаковъ сѣти, а у мельниковъ портить жернова и плотины. Онѣ могутъ насыпать на поля сокрушительныя бури, проливные дожди, разрушительный градъ. Въ южной Россіи русалокъ представляютъ прекрасными дѣвушками, поющими веселыя пѣсни восхитительнымъ голосомъ. На Сѣверѣ Россіи русалки являются въ народномъ воображеніи растрепанными, нечесанными, блѣднолицыми съ зелеными волосами и такими же глазами. Въ Саратовской губ. можно услышать даже, что русалки существа злыя, горбатыя, безобразныя, косматыя съ острыми когтями и желѣзнымъ крокомъ, которымъ онѣ ловятъ людей*).

Вся недѣля передъ Троицынымъ днемъ называется въ народѣ „русалкой“. Во Вторникъ этой недѣли во многихъ мѣстахъ существуетъ обыкновение поминать удавленниковъ. На могилу приносятъ блины, красныя яйца и вино. Яйца разбиваются на могилѣ за упокой души, а родня удавленника пьетъ затѣмъ вино и закусываетъ блинами съ слѣдующимъ призываніемъ:

*) „Нечистая сила“, М. Максимова изд. Этн. Бюро князя Тенишева. Спб. 1890 г.

Русалка, царница,
 Красная дѣвица,
 Не забуди душки,
 Не дай удавиться
 А мы тебѣ кланяемся.

Часть блиновъ оставляется на угощеніе русалкѣ. „Проводы русалокъ“ приурочиваются народомъ чаще всего или къ заговѣнью на Петровъ постъ или же къ первому Понедѣльнику Петрова поста. Въ первый Понедѣльникъ Петрова поста, говоритъ извѣстный С. М. Соловьевъ, бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище: „провожанье русалокъ“; женщины снаряжали изъ соломы два чучела въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. Здѣсь распѣвались непремѣнно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу-русалку дѣвицы принимали на свои руки для защиты; а женщины стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ побоище и оканчивалось растерзаніемъ чучель и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ Нижегородской губерніи въ заговѣнье на Петровъ постъ дѣвушки срубаютъ березку, убираютъ ее лентами, цвѣтами и лоскутками и водятъ вокругъ нея хороводы. Вечеромъ березку эту несутъ и кидаютъ въ рѣку¹⁾.

Въ Рязанской губ. въ теченіи „русальной недѣли“ ежедневно по вечерамъ водятъ „курагоды“. Нѣсколько самыхъ бойкихъ дѣвушекъ изображаютъ всю эту недѣлю русалокъ. Вечеромъ онѣ появляются въ однѣхъ рубашкахъ съ распущенными и перекинутыми на лицо волосами. Онѣ бродятъ то по улицѣ, то по задворкамъ, то прячутся въ коноплю, стараясь кого-нибудь испугать, преимущественно небольшихъ ребятъ. Если имъ удастся поймать ребенка, то онѣ трясутъ его. Наканунѣ заговѣнья, въ 12 часовъ ночи (до этого часа русалки ходятъ все время по деревнѣ, то приближаясь къ курагѣду, то держась нѣсколько поодаль) всѣ находящіяся на улицѣ вооружаются палками, косами, и съ крикомъ: „гони русалокъ“, со звономъ въ косы и щелканьемъ кнута въ бросаются на русалокъ, которыя убѣгаютъ со всѣхъ ногъ. Когда имъ удастся спастись на землю сосѣдней деревни (куда ихъ стараются не пустить), преслѣдованіе прекращается, и всѣ возвращаются домой: „ну, теперь прогнали русалокъ!“²⁾. Дѣтей здѣсь пугаютъ русалками, говоря, что русалка, поймавъ дитя, затрясетъ и затопчетъ его до смерти. Въ Воронежской губ. еще въ недавнее время въ Субботу передъ Троицынымъ днемъ („клевальную субботу“) дѣвушки устраивали особенный, разукрашенный шалашъ и въ немъ ставили соломенное чучело, которое наряжали сначала въ женское, а затѣмъ, въ мужское платье. Передъ чучеломъ ставили кушанья и лакомства, а вокругъ шалаша водили хороводы,

¹⁾ Волжскій Вѣстн. 1900 г. № 136.

²⁾ Живая Стар. 1891 г. в. IV стр. 202.

за которыми слѣдовало общее угощеніе. Послѣ угощенія чучело раздѣвали и бросали въ воду. Въ Тульской губ., по берегамъ рѣки Красивой Мечи проводы русалокъ справлялись слѣдующимъ образомъ. Крестьяне еще съ вечера собираются на полянахъ, гдѣ поютъ пѣсни, а съ наступленіемъ ночи начинаютъ бѣгать, размахивая въ воздухѣ помелами, съ громкими криками: „догоняй! догоняй!“ Отъ этого, по ихъ мнѣнію, испуганныя русалки всѣ разбѣгаются, и крестьяне на другой день спокойно идутъ купаться, зная, что русалки теперь не страшны¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ проводы русалокъ совершаются не въ Субботу, а въ Понедѣльникъ послѣ Троицы, почему и Троицынъ день носить тамъ названіе „русальнаго заговѣнья“²⁾.

Проводы русалокъ справляются не вездѣ одинаково, но тѣмъ не менѣе почти всегда необходимую ихъ принадлежность составляетъ соломенное чучело, изображающее русалку. Дѣвушки дѣлятся на двѣ половины: одна защищаетъ чучело, а другая нападаетъ, бросаясь пескомъ и обливая защитницъ водою. Послѣ борьбы чучело относится за деревню на поле, гдѣ и разрывается. Жители береговъ Оки думаютъ, что гонимыя людьми, русалки убѣгаютъ въ глубину водъ.

По всей вѣроятности, проводы русалокъ перешли на начало Петрова поста или же на Троицкую Субботу съ какого-нибудь древняго языческаго праздника, такъ какъ начало Петрова поста или, такъ называемое „всѣхсвятское заговѣнье“, а также и Троицкая Суббота суть праздники христіанскіе и, притомъ переходящіе съ одного числа на другое. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что эти проводы соединились у нашихъ предковъ Славянъ-язычниковъ съ купальскими игрищами. На это указываетъ, между прочимъ, и весьма близкое сходство, существующее между нѣкоторыми купальскими обрядами и обрядами, встрѣчающимися при проводахъ русалокъ. Сходство это видно уже съ перваго взгляда. Въ настоящемъ случаѣ мы обратимъ вниманіе на одинъ обрядъ, еще болѣе подтверждающій это сходство. Обрядъ этотъ есть обрядъ „крещенія кукушки“ или обрядъ „кумовства“, который приурочивался къ купальскимъ праздникамъ. Въ Рязанской губерніи этотъ обрядъ справляется слѣдующимъ образомъ. Въ Троицынъ день молодежь отправляется въ церковь съ пучками полевыхъ цвѣтовъ. Послѣ обѣдни собирается гулянье на улицѣ, и молодежь завиваетъ вѣнки. Съ вѣнками на головахъ парни и дѣвушки „водятъ круги“, играютъ пѣсни и пляшутъ. Подъ вечеръ заигрываютъ „протѣжную“ пѣсню:

Сильна, сильна чпрѣмушка
Сильно разсвѣла,
Честна хвальна бесѣдушка,
Гдѣ батюшка мой.
Онъ пить ня пьетъ
Голубчикъ мой,

¹⁾ „На каждый день“. И. Тюменевъ. Сиб. 1898 г. стр. 240.

²⁾ Сравни повѣрье, что „до Иванова дня купаться грѣхъ“.

За мною младою плеть;
 А я млада младенушенька
 Замѣшкалася.
 За утками за гусями
 За лебедями,
 За вольною за пташкою,
 За журушкой*).
 Какъ журушка кругъ бережку
 Похаживае.
 Кавыль травку
 Шелковую
 Пощипывае,
 На правую старонушку
 Наглядывае.
 На правой на старонушкѣ
 Четыре двора.
 Ва этихъ ва дворикахъ
 Четыре кумы.
 Вы кумушки-голубушки
 Подружки ман,
 Пайдѣмте въ зельнѣ салъ гулять,
 Въ зильномъ саду
 Вянки завивать.
 Завивши вянки
 За Дунай рѣку бросать.
 Всѣ вянки наверхъ воды,
 А мой потонулъ:
 Всѣ мужья домой пришли
 А мой не пришелъ.

Съ этой пѣсней идутъ къ рѣкѣ. На берегу дѣвушки и молодыя бабы
 умываются черезъ вѣнки (круглый вѣнокъ—знакъ солнца). Желаящія кумятся
 въ это время между собою, цѣлуясь черезъ вѣнки, или, какъ говорятъ иначе,
 „крестятъ кукушку“. Вѣнки бросаютъ въ воду, наблюдая за ними: чей вѣнокъ
 уплыветъ впередъ—та дѣвушка и выйдетъ впередъ замужъ; чей вѣнокъ пото-
 нетъ—та умретъ въ этомъ году; чей вѣнокъ пристанетъ къ берегу—та не
 будетъ любима мужемъ или мужъ ея будетъ пьяницей... Послѣ этого заигра-
 ваютъ пливсовую пѣсню:

Да всѣ кумушки дамой,
 Всѣ галубушки дамой,
 А я млада здѣсь буду
 Я здѣсь буду—начую.
 На мнѣ шуба—чужая,
 Рубашенка худая;
 Пайдѣу домой прямую
 А новую надѣну.

*) Журка—самка журавля.

Съ этой пѣсней молодежь возвращается въ деревню, гдѣ гулянье продолжается обычнымъ порядкомъ¹⁾. Въ Карачевскомъ уѣздѣ, Орловской губ., когда кукушка въ первый разъ закукуетъ, мальчики „братаются“ между собою, цѣлуются и мѣняются крестами: „крестятъ кукушку“. Въ Духовъ день крестьянскія дѣвушки Дмитровскаго уѣзда Орловской губ. мѣняются крестами, цѣлуются черезъ вѣнокъ, сплетенный изъ березокъ, поютъ „кукушку“ и сами въ пѣснѣ перекликаются какъ кукушки: „Авле! кукушка ряба! да камужь ты кума?“²⁾. Въ Малороссіи вѣрятъ, что въ Троицкую Субботу русалки бѣгають по ржи, хлопають въ ладоши и поютъ:

Бухъ, бухъ!
Саломенный духъ!
Мене мати породила
Некрещену положила.

Услыхавъ ихъ голосъ, слѣдуетъ проговорить: „прошаю тебя Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Тогда дѣти русалки, недостигшіе еще семилѣтняго возраста, возносятся на небо, какъ бы получившіе настоящее крещеніе³⁾. Очевидно, что обрядъ крещенія кукушки есть ничто иное какъ обрядъ крещенія русалокъ, приуроченный къ купальскому празднику.

Обрядъ крещенія русалокъ есть ничто иное какъ тотъ же обрядъ крещенія кукушекъ. Къ этому приводятъ насъ, между прочимъ, и слѣдующія соображенія. Русалки, по древнему вѣрованію, были души умершихъ (между прочимъ и души младенцевъ, оставшіяся некрещеными). Между тѣмъ кукушки у всѣхъ Славянъ есть одинъ изъ образовъ, подъ которымъ представлялась душа человѣка. По народному вѣрованію, распространенному въ Смоленской губ., покойникъ принимаетъ образъ кукушки и слетаетъ съ неба на землю побесѣдовать со своими родными. Липо, испытывающее горе, чтобы подѣлиться печалью съ близкимъ его сердцу человѣкомъ, становится кукушкою и, прилетѣвъ къ родному, выкуковываетъ ему свою кручину. Вѣрованіе это извѣстно во многихъ мѣстахъ Россіи. Недаромъ въ старинной народной пѣснѣ, женщина, насильно выданная замужъ, говоритъ:

Полечу *кукушечкой* въ родимую сторону,
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду.
Стану я горькая громко куковать,
Родимыѣ матушки сердце надрывать.
Своими слезами весь садъ затоплю
Своимъ кукованьемъ сердце надорву.

Въ словѣ „о полку Игоревѣ“ Ярославна говоритъ: „полечю *зезиццю* по Дунаеву; омочу бербянь рукавъ въ Каалѣ-рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны

¹⁾ Жив. Стар. в. IV. 1891 г. стр. 200.

²⁾ Этногр. Обзор. XXII кн. стр. 89.

³⁾ „На каждый день“ И. Тименева. Сиб. 1898 г. стр. 226—240.

на жестоѣмъ его тѣлѣ“. Въ причитаніяхъ Австрійскихъ Цыганъ родные покойника обращаются къ кукушкѣ съ слѣдующей просьбой: „Кукушка съ обросившимися ножками носи покойника на спинѣ своей къ дверямъ рай“¹⁾. Сама кукушка по новѣйшему народному представленію, есть ничто иное какъ чело-вѣкъ обращенный въ птицу. В. Н. Добровольскимъ записаны въ Смоленской губ. слѣдующія легенды о происхожденіи кукушки! 1. Теща убиваетъ нелюбимаго зятя. Жена его обращается съ горя въ кукушку и ищетъ загубленнаго матерью волшебницей мужа и кричитъ: „Якубъ! Якубъ!“ (имя мужа). 2. Злые братья губятъ нелюбимаго брата. Вдова его съ горя обращается въ кукушку. 3. Мать проклинаетъ дочь и сына за потерю ключей; сынъ становится соловейкой Максимомъ, а дочь кукушкой. Кукушки и до сихъ поръ непрестанно кричатъ: „Мак-симъ, вяр-нисъ! Ключи знай-шлись!“²⁾.

Изъ всего вышесказаннаго можно придти къ заключенію, что обрядъ „крещенія русалокъ“ и „обрядъ крещенія кукушекъ“ представляютъ собою одинъ и тотъ же обрядъ. Съ привятіемъ христіанства, когда прежнія языческія традиціи ослабли и изгладились изъ памяти народной, для народа могло казаться уже страннымъ, какъ въ обрядѣ „побратимства“ или „кумовства“ можно покумиться, въ то-же время никого не окрестивъ. И вотъ къ древнему обряду братотворенія народъ и усвоилъ новое названіе „крещеніе кукушекъ“, смѣшавъ два обряда въ одинъ. Изъ сказаннаго ясно видна та тѣсная связь, какая существуетъ между обрядомъ „крещенія кукушекъ“ и древними купальскими обрядами и игрищами. Подобная же тѣсная связь существуетъ и между другими купальскими обрядами съ одной стороны и обрядами „проводовъ русалокъ“, съ другой. Нѣтъ сомнѣнія, что русальныя игрища пріурочивались въ прежнее время къ купальскимъ. Перенесеніе русальныхъ игрищъ съ купальскихъ праздниковъ на Троицынъ или начало Петрова поста является вполне естественнымъ и возможнымъ, такъ какъ начало Петрова поста очень часто совпадаетъ съ купальскими днями и почти всегда приходится вблизи ихъ.

Русалки (сл. „мавки“) есть ничто иное, какъ души умершихъ. Весною, когда вся природа оживаетъ, по вѣрованію древнихъ славянъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ. Такъ какъ водный путь у всѣхъ почти языческихъ народовъ считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что, по народному повѣрью, въ началѣ весны русалки живутъ въ водахъ: въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ. Съ Троицына дня, по тому же народному повѣрью, онѣ оставляютъ воды и живутъ на деревьяхъ, а послѣ „проводовъ“ уходятъ подъ землю. Если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что нѣкоторые изъ обычаевъ, обрядовъ и вѣрованій, пріуроченныхъ нынѣ къ Троицыну дню, соединялись первоначально съ купальскими игрищами, что между проводами русалокъ и купальскими игрищами существуетъ близкое сходство, то можемъ вполне основательно утверждать, что

¹⁾ Этногр. Обзор. XXII стр. 89.

²⁾ „Смоленскій Этнограф. Сборникъ“ В. Н. Добровольскій, часть I. №№ 40, 38 и 38.

русальные проводы соединялись первоначально съ купальскими праздниками, были, можетъ быть, заключительнымъ звеномъ этихъ праздниковъ.

Дѣйствительно, какъ души умершихъ, русалки суть представительницы царства смерти, тьмы и холода. Поэтому-то съ наступленіемъ весны онѣ, хотя и оживаютъ, но обитаютъ все таки въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною. Но вотъ наступаетъ время купальскихъ праздниковъ. Солнце, купаясь въ водахъ, освящаетъ эти воды и оживотворяетъ ихъ. Умѣстно ли, поэтому, и возможно ли русалкамъ, представительницамъ смерти, обитать въ водахъ, освященныхъ купаньемъ живоноснаго солнечнаго божества? Конечно нѣтъ. И вотъ, по народному вѣрованію, русалки оставляютъ воды и лѣзутъ на зеленныя деревья, служившія, по вѣрованію древнихъ славянъ, жилищемъ мертвецовъ¹⁾. Но и эта попытка является для нихъ неудачной. Деревья съ наступленіемъ купальскихъ праздниковъ точно также освящены солнцемъ и получаютъ даже особую цѣлебную силу. На землѣ настало царство тепла, свѣта и жизни, и представительницамъ холода, тьмы и смерти на землѣ уже болѣе не находится мѣста. Для нихъ остаются одни только темныя нѣдра земли. Поэтому-то и говорится въ одной купальской пѣснѣ:

Русалочки земляночки
На дубъ лѣзли,
Кору грызли,
Свалилися—
Забилися.

Выраженіе пѣсни „земляночки“ ясно указываетъ на русалокъ, какъ на первоначальныхъ жительницъ земныхъ нѣдръ. Въ эти-то нѣдра обезсиленные русалки и скрываются послѣ купальскихъ праздниковъ.

Такимъ образомъ, наше предположеніе, что русальные проводы являлись въ старину заключительнымъ звеномъ купальскихъ игрищъ, является болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Очень можетъ быть, что вслѣдствіе этого соединенія русальныхъ проводовъ съ купальскими праздниками въ народѣ съ теченіемъ времени и образовался совершенно особый взглядъ на русалокъ, какъ на дѣвушекъ-утопленницъ.

*) или:

Ой рана на Йвана
Соньняйка йграла
Дзѣвачка ваду брала,

¹⁾ Касательно лазанія по деревьямъ, есть драгоцѣнное свидѣтельство, что по мнѣнію древнихъ Славянъ, умершіе должны были жить иногда на деревьяхъ,—лазить по нимъ: въ житіи Константина Муромскаго читаемъ: „кони закалающе и по мертвыхъ ременныя плетенія древолазныя съ ними въ землю погребаяще и битвы и кроеніе, и лицъ настрѣканіе и драгіе творяще“.

*) М. Н. Посничъ. Литвины-Бѣлорусы Черниговской губ. Жив. Старина, в. III—IV. 1901 г. стр. 17—18.

Ой рана на Йвана
 У воду упала.
 А за його казачанька,
 Ой рана на Йвана.
 Хоча яйе рятаваци и т. д.

или:

Ой рана на Йвана
 Пашли дзѣдки у ягадки,
 Ой рана на Йвана (припѣвъ послѣ каждой строфы)
 Да тамъ яны заблудзилися,
 Приблудзилися яны къ рѣццы,
 И къ рѣччацы Дунаю,
 Пришлось дзѣдкамъ Дунай плысць,
 Уси дзѣвачки пираплывали
 Сиротачка затонула.... и т. д.
 Приблудзилися яны къ рѣццы
 И къ рѣччацы Дунаю,
 Пришлось дзѣцкамъ Дунай плысць,
 Уси дзѣвачки пираплыли
 Адна дзѣвачка затавула и т. д.*)

Припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ купальскихъ пѣсняхъ говорится о богѣ, купавшемся и утонувшемъ въ озерѣ.

Купала на Ивана!
 Купався Иванъ
 Тай въ воду упавъ.

Припомнимъ, что во множествѣ купальскихъ пѣсенъ рассказъ объ утонувшей дѣвушкѣ (Зирѣ), являющейся подъ именами Маріи, Ганны, Титяны и т. п.

Якъ пішла Ганна въ Дунай по воду
 И ступила Ганна на нитку кладку.
 Кладки сжитнула—Ганна втонула,
 Якъ потопала, тричи зринала.
 Ганна моя панна
 Ягодка червонна! 9)

или же:

Меньшая (сестра) большую
 Гулять втаекъ звала:
 „Пойдемъ, пойдемъ, сестрица,
 На берегъ на крутой,
 Посмотримъ тамъ, сестрица,
 Чѣмъ берегъ украсентъ“....
 Меньшая большую
 Столкнула въ рѣку,

Вода то сбушевалась
Подмыла берега и т. д. (Яросл. губ.)

или:

Утонула, Мареночка утонула
Та наверхъ кісонька зринула.

Въ позднѣйшихъ пѣсняхъ утопленникомъ является даже молодець:

Во саду дѣвки гуляли,
Во саду красныя гуляли,
Цвѣтки сорывали,
Вѣнки совивали,
Во Неву рѣку бросали:—
Кто вѣнокъ поймаеть
За того замужъ пойду.
Гдѣ не взялся молодчикъ
Изъ суровскаго ряду,
Разувался раздѣвался
Во Неву рѣку бросался.
Какъ вѣночекъ то далѣ,
Молодець то вѣдъ тонеть.
Какъ вѣнокъ повернулся,
Молодець захлебнулся.

Очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ этихъ пѣсенъ, распѣвавшихся на купальскихъ игрищахъ вообще, а въ частности и на русальныхъ проводахъ, и измѣнился первоначальный взглядъ народа на русалокъ. Въ образѣ русалокъ народъ сталъ представлять первоначально души умершихъ некрещенными (при принятіи христіанства таковыми были всѣ души умершихъ предковъ), а затѣмъ, уже души утонувшихъ или задавившихся (болѣе поздній взглядъ) дѣвушекъ.

Согласно высказанному нами предположенію о значеніи купальскихъ игрищъ намъ легко будетъ объяснить и названіе этихъ игрищъ.

Купальскія игрища и праздники, длившіеся конечно нѣсколько дней, совершались въ честь солнечной свадьбы, было купанье солнца въ водахъ. Отсюда и названіе этихъ праздниковъ: „Купалы“ (сравн. „святки“, „колядки“, „коляды“, „проводы“) или же „купальница“ (сравн. „масляница“ „радоница“).

Такъ какъ купанье солнца могло быть замѣчаемо далеко не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ быстро исчезли слѣды этого праздника подъ вліяніемъ христіанскаго вѣроученія. Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ, гдѣ это купанье солнца замѣчается изъ года въ годъ, и до сихъ поръ остались многочисленные остатки древнихъ купальскихъ игрищъ въ видѣ различныхъ обрядовъ и вѣрованій.

Такъ какъ день св. Іоанна Предтечи (24 Іюнь) совпадалъ съ купальскими праздниками, то, съ распространеніемъ христіанства этотъ Ивановъ день

въ отличіе отъ другихъ Ивановыхъ дней (Ивана, „постнаго“ и т. д.) сталъ называться днемъ Ивана „Купалы“ т. е. днемъ Ивана, память котораго чествовалась во время купальскихъ празднествъ.

Собственно названіе „купалы“, „купальница“ заставляло уже задумываться многихъ грамотеевъ еще въ XVI вѣкѣ. Такъ напримѣръ, въ одной рукописи XVI вѣка (Соф. № 1462 л. 82) находимъ слѣдующую статью: „Что ради наречеса Иванъ вечеръ Купальницею и коса раду полезно есть на различныя лечебныя потребности?“ Отвѣтъ: „Добре вопрошаеши, возлюбленне, тайну убо царскую добро есть таити, дѣла же Христова проповѣдати преславно есть. Отъ много убо пытания сіа навыхоухъ отъ искуснѣйшихъ мужъ: въ каа времена и въ коихъ странахъ прежь сіе учинися прозваніе. Бѣ бо человекъ благочестивъ въ Израили, именовъ Товитъ. И оклеветанъ бысть къ царю, и избѣге внѣ града и успѣ подъ стѣною царскою, отворени очи имы. Птицы же, зовомыя ластовицы, упустиша калтъ свой на очи его, и бысть на очію его бѣлми. Бѣ же отроковица отъ роду его, имущи въ себѣ бѣса. И повелѣ сыну своему Товиту пояти ея. Онъ же не смѣяше бѣса ради, прежде бо того семь мужъ убьени быша отъ бѣса. И помолися отроковица Богу и посла Богъ на помощь има ангела своего Рафаила. И рече Товитъ сыну своему Товиту: „съ рукописаніемъ отъиди въ Мидію и оттуду, возьми десять талантъ злата, скоро принеси ми“. Отроку же пытающу спутника и обрѣте ангела Божіа Рафаила, яко человекъ стояща. И рече Товиту: „азъ тутъ свѣдаю, а имя ми Назарья, да иду съ тобою“. И придоша къ рѣцѣ Тигрѣ, отроку же влѣзшу купатися по свѣту ангелову и приде къ нему рыба ліа, по нашему же осетръ. И рече ему ангель: „ими рыбу и, прорѣзавъ чрево ея, възьми утробу и сердце и желчь и съхрани“. Отроку же въпрошающу: „чему ея на потребу?“ И рече ему ангель: „утробою и сердцемъ кадящи изгонить бѣса и пойметъ отрокъ отроковицу жену себѣ; желчію же потребить бѣлмо“. Егда же возвратися Товитъ къ отцу своему и сътвори, яко же сказа ему ангель, и прогнанъ бысть бѣсъ каждеміемъ сердца и утробы и потребися бѣлмо помазаніемъ желчи. И оттолѣ мнози назнаменаша той день, въ онъ же Товитъ купася свѣтомъ ангеловымъ, мѣсяца Іунія въ 23, яко той день благопотребенъ есть на всяку пользу роду человѣческому“.¹⁾

Въ приведенномъ отрывкѣ мы видимъ образчикъ того, какъ книжникъ народному обычаю и вѣрованію старается дать объясненіе и оправданіе при помощи библіи.

Разсказъ библейской „книги Товита“ пользовался въ старину большою извѣстностію и легъ въ основу разсказа о томъ, „какъ Провъ назвалъ Иисуса братомъ“ и однороднаго съ нимъ: „указа о братотвореніи“ или „побратимствѣ“²⁾.

¹⁾ Жив. Старина, в. II. 1890 г., стр. 137.

²⁾ „Матеріалы и замѣтки по старинной Славянской литературѣ“, М. Соколовъ. М. 1888 г., вып. I.

Весьма замѣчательно то, что жена Семиклея—Селевкія, не названная въ текстахъ южнославянскаго апокрифа, въ Русскомъ „указѣ о братотвореніи“ называется *Купавой*. Ясно, что въ XVI вѣкѣ народъ уже не помнилъ о первоначальномъ значеніи купальскихъ игрищъ. Самыя эти игрища подвергались значительнымъ измѣненіямъ и искаженіямъ точно такъ-же, какъ и купальскія пѣсни. Такъ въ новѣйшихъ вариантахъ купальскихъ пѣсенъ „мирена“ или „вильце“ называется уже „купаломъ“.

На городи лонухъ, лонухъ
 Писковскимъ хлопцямъ
 Живить опухъ.
 Ныхай пухне, ныхай знаютъ
 Ныхай купайло ны ломають.
 Наше купайло до мисяца
 Писковскыи хлопци повисятъця.*)

Неудивительно, что Польскіе историки XVII вѣка Кромеръ, Стрыйковскій, Гваньинъ и др. на основаніи такихъ искаженныхъ купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ, вполне непонятныхъ для нихъ, создали несуществовавшее божество Славянъ—бога „Купалу“. Ошибку эту повторили и многіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Между тѣмъ ни Несторъ, ни другіе древнѣйшіе писатели, упоминая о прочихъ славянскихъ божествахъ, не упоминаютъ вовсе о мнимомъ богѣ Купалѣ. Нашъ народъ, олицетворяя свои праздники въ видѣ живыхъ существъ („Параскева-Пятница“, „Анастасія-Воскресенье“, „святой Понедѣльникъ“ и т. п.) не преминулъ тоже сдѣлать и съ купальскими праздниками. Въ одномъ народномъ стихѣ разсказывается слѣдующее: „Жилъ въ Кіевѣ князь Неупокой Мироновичъ. Дожилъ Неупокой до старости и видитъ онъ однажды чудный сонъ, что лежитъ за городомъ въ хворости и болѣзни убогая вдовица и слышитъ онъ голосъ, чтобы взять эту вдовицу себѣ на дворъ, кормить, поить еѣ до исхода души и тогда будетъ ему „во грѣхахъ отрада“.... Пошелъ Неупокой за городъ, отыскалъ тамъ вдовицу и спросилъ еѣ объ имени. „Родомъ я изъ Новгорода, отвѣчала вдовица, а зовутъ меня Купальницей“. Князь-бояринъ Неупокой Мироновичъ началъ звать еѣ къ себѣ на житье. Купальница согласилась, но прежде всего велѣла ему созвать на свой широкій дворъ „нищую братію, всѣхъ калѣкъ переходящихъ“, напоить ихъ медовою сытою, накормить кашею гречневою. Сотворилъ князь-бояринъ Неупокой Мироновичъ повелѣнное, и пришла къ нему вдовица Купальница и сѣла за общій столъ съ нищею братіею. Съ тѣхъ поръ началъ Неупокой ежегодно строить столы для убогихъ, а Купальница жила у него во дворѣ“. Изъ вышеприведеннаго стиха ясно видно опять таки, что между купальскими праздниками, олицетворенными въ видѣ „вдовицы-купальницы“ и „русальнымъ праздниками“, на которыхъ совершалось и поминовеніе усопшихъ, выразившееся позднѣе въ кормленіи „нищей братіи“, существуетъ тѣсная связь.

А. Баловъ.

*) Жив. Стар., в. I. 1894 г. стр., 89.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1868-й годъ.

Какъ старый челоуѣкъ, я начну годъ ропотомъ,—ропотомъ на общую распущенность, на общее обѣдненіе, на усиливающуюся преступность. Оберъ-полиціймейстеръ Араповъ сказалъ мнѣ, что на 1 Января поднято безчувственно пьяныхъ 86 челоуѣкъ; въ Саратовѣ разстрѣляли Сергіевскаго и Богословскаго, порочность которыхъ достигла крайнихъ предѣловъ; въ Рязани захвачена почта, убиты почтальонъ и ящикъ, говорятъ, Рязанскимъ дворяниномъ Головинымъ. Носится слухъ, перешедшій уже и въ газеты, что въ одномъ изъ Петербургскихъ институтовъ воспитанница, за запрещеніе высокихъ шиньоновъ, задушила и заколола булавками пепиньерку, ошибочно принятую за начальницу института. А съ другой стороны, уравненіе смѣты прихода съ расходомъ, распространеніе желѣзныхъ путей, развитіе внѣшней торговли, движеніе публицистики и серьезной (переводной) литературы, 26 безценсурныхъ газетъ и журналовъ, изданіе 11-ти календарей (одинъ другого лучше), назначеніе Небольсина въ Государственный Совѣтъ за разработку *понижаемаго* тарифа, доказывающаго, не на одной Парижской выставкѣ, процвѣтаніе нашей промышленности, многочисленныя награды, аренды и пенсіи, удостовѣряющія усердіе администраціи, блестящій отчетъ оберъ-прокурора Синода, труды земства и водвореніе судебной реформы... Да. Но все какъ-то не вѣрится. Нѣтъ ни въ комъ увѣренности, не чувствуется благосостоянія, толчется въ сердцахъ опасеніе, въ умахъ сомнѣніе, боязнь въ

*) См. вторую книгу „Р. Архива“ сего года, стр. 343.

начинаніяхъ, лотерейная лихорадка надежды, случайности; невѣрность всякихъ расчетовъ, безденежье, нужда, дороговизна хлѣба, даже хлѣба. Тяжелый годъ!

Исторія нигилизма въ Россіи выразилась, какъ и слѣдовало ожидать, въ неразвитомъ, неустановившемся обществѣ, пренебреженіями къ закону, порядку и приличіямъ. Это ученіе не новое, это старое ученіе матеріалистовъ и атеистовъ, приложенное къ семейному и общественному быту. Прежде оно было болѣе индивидуально. Баронъ Фирксъ рассказываетъ эту исторію неправильно и съ Нѣмецкою затаенною злорадостью. Нигилизмъ пришелъ къ намъ чрезъ Польскихъ учителей въ женскихъ институтахъ и губернскихъ гимназіяхъ. Я знаю это чрезъ мою племянницу Земмеръ, отъ моего племянника Алексѣя Горбунова, отъ институтки Дебольцовой (въ 1862 г. въ Петербургѣ) и отъ почетнаго опекуна Ахлестышева, изслѣдовавшаго эту порчу въ Московскомъ институтѣ. Распространеніе зловредныхъ слуховъ и ученій есть догматъ Польскаго катихизиса. Для этого Польскія графини идутъ въ гувернантки и разливаютъ ядъ въ семейномъ быту.

Впрочемъ это явленіе не мѣстное и особенно не-русское, какъ сидится доказать баронъ Фирксъ. Это—„знаменіе вѣка“, унаслѣдованное отъ ученій XVIII столѣтія и его великой революціи. Атаназъ Кокренъ-сынъ такъ описываетъ въ 1864 году настроеніе общества или значительной его части. *Ne croyez rien, disent les uns: n'iez toute religion et Dieu lui-même; n'iez toute espérance d'une autre vie, l'âme et son immortalité et son existence même. C'est par la négation radicale, par la haine de toute autorité, qu'il faut se défendre contre les abus et les empiétements de l'autorité*“. Ainsi parle (продолжаетъ либеральный протестантскій исповѣдникъ) ainsi parle l'irreligion moderne; bien loin de s'arrêter où s'arrêta Voltaire, elle le méprise, parce qu'il croyait en Dieu; elle abaisse tout idéal moral, étouffe à dessein, même dans l'éducation des enfants (j'en pourrais citer des exemples) le sens religieux, et dès lors, avec l'anéantissement de tout ce qui est austère et élevé, coïncident le relâchement effréné des mœurs, la recherche effrontée de toutes les jouissances, l'impudent étalage des passions sensuelles. Notre époque semblait avoir adopter ce mot d'ordre honteux: le *sansgêne*; on n'en demeure plus là, on se moque de tout ce qui est beau, pure, noble, saint, poétique. On pratique, on enseigne le goût de l'ignoble, du laid, du vil, et l'on foule aux pieds, de parti pris, toute dignité; tant on s'efforce, en un mot, de rabaisser l'homme jusqu'à la brute. J'ai entendu naguère, dans un lieu public, des représentations turbulentes de la femme moderne nier Dieu avec forfanterie et fracas et interrompre grossièrement un discours où le mot de conscience avait été prononcé (non par un ministre

de la religion, mais par un libre penseur), en se disant l'un à l'autre: „La conscience? Sais tu ce que c'est? Pour moi, je ne l'ai jamais su!“

Коли это не нигилизмъ, наши нигилисты—несчастливая копія.

Неудовлетворяемая пытливость всегда сопровождается заблужденіями. И самое заблужденіе не есть-ли оно противорѣчіе привычекъ? Не путаюсь ли я самъ (о Руссо, о Вольтеръ, боги отцовъ нашихъ!) упрекая молодое поколѣніе въ превратности понятій и изыскивая источникъ зла въ неточности религіозныхъ убѣжденій, въ неточномъ понятіи ученій Христа, въ неестественности положенія современнаго общества?

Страшные морозы! Какъ перенесемъ мы этотъ „годъ холода и голода?“ Мерзнетъ народъ на возахъ, мерзнуть пьяные на улицахъ, мерзнетъ часовая въ будкѣ, мерзнутъ пассажиры въ вагонахъ. Неурожай во многихъ мѣстахъ грозитъ голодомъ. Безденежье продолжается. Преступленія усиливаются. Личная безопасность сомнительна. А гласность и свобода печати ковыряютъ раны, разглашаютъ страхи, раздражаютъ впечатлѣнія. Я опасуюсь шаекъ и народныхъ волненій. Конь разнузывается, сѣдокъ неопытный, поле широкое. Насъ спасаютъ нашъ суровый климатъ, рѣдкое населеніе и его невѣжество. Опившіеся и замершіе покойны. Но не покойны плательщики. Нужды настоятельны, недоимки огромныя, взысканія неудачныя. Становой ѣдетъ въ станъ съ револьверомъ въ Великихъ Лукахъ, поднимается все губернскаго начальство на Данковскихъ ослушниковъ, а недоимка не взыскивается. Виновныхъ въ неповиновеніи предають суду, а присяжные ихъ оправдываютъ. Подати возвышены чрезмѣрно. Расточительность Петербурга непомерна. Мы въ неоплатныхъ долгахъ и живемъ въ долгъ.

Берлинскій Staats-Anzeiger *извиняется*, что дворъ изъ частныхъ шкатулокъ величествъ и высочествъ не можетъ отказаться отъ обычныхъ празднествъ, хотя тотъ же Staats-Anzeiger удостоверяетъ въ каждомъ № о дѣятельности обществъ и ферейновъ въ Пруссіи и во всей Германіи въ пользу жителей восточныхъ провинцій; а у насъ описаніе празднествъ по случаю браковъ Ольги и Евгеніи идетъ съ рядомъ извѣстій о голодѣ и жестокихъ холодахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи и о массахъ, умирающихъ отъ вина, и только въ видѣ фарса прибавляютъ газетчики, что великій князь Константинъ поить чаемъ извозчиковъ и раздавать имъ башлыки и что тоже дѣлаетъ и великій князь Николай. Собираются помогать дѣйствительно. Открываются подписки. Учреждается комитетъ, по примѣру Берлинскаго, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника.

Приговоръ Петербургской Судебной Палаты 19 Января о г. г. „Вѣсти“; Скарятинъ и Юматовъ, порицая оправдательный приговоръ суда 25 Августа 1866 года о Жуковскомъ и Пыпинѣ („Вопросъ молодому

поколѣнію“ въ „Современникъ“), ставитъ судъ въ довольно неловкое положеніе (чтобы не сказать въ ложное) и произвелъ въ Московскихъ кружкахъ различныя впечатлѣнія. Либералы видятъ въ этомъ оправданіи реакцію или сближеніе высшаго правительства съ представителями началь, проповѣдываемыхъ „Вѣстью“. Консерваторы видятъ въ болтовнѣ барона Корфа (защитника Скарятина) посягательство на истину софизмами и фразіологіей. Я не вижу ни того, ни другаго. Молодое учрежденіе, не имѣя задатковъ прошедшаго, легонько пытается проложить путь, на которомъ бы вліяніе правительства и независимость суда могли идти и не столкнуться или столкнувшись не разбиться. Тщетная попытка! Осужденіе Пыпина и Жуковскаго и освобожденіе „Вѣсти“ составлялись очевидно подъ вліяніемъ рескрипта 13 Мая, и предсѣдателямъ Гольтгоеру и Чемодурову приказано, сказано или внушено поступить такъ и не иначе. И тотъ, и другой люди послушные. Но я удивляюсь, какъ переноситъ это Г. Н. Мотовиловъ, всегда высказывавшій большую независимость. Рѣчь Скарятинъ, какъ „публициста“, замѣчательна своею безыскусственностію. Онъ, съ своей точки зрѣнія, убѣжденъ въ правотѣ своихъ стремленій и *терпимости* самаго выраженія этихъ убѣжденій. Не благородны показались мнѣ нападки на Жуковскаго и ссылка на „Московскія Вѣдомости“. Но исходъ процесса не подлежалъ сомнѣнію: осудивъ Жуковскаго и Пыпина, Палата не могла осудить ихъ порицателей. Я бы осудилъ. И при свободѣ публицистики должны быть приличіе и умѣренность публичнаго слова. Раздраженіе „консервативнаго редактора“ не оправданіе. Тогда и всякая ретроградность, явно нарушающая данныя и пріобрѣтенныя права, найдетъ оправданіе, какъ находитъ его, пожалуй, и революція. Но что же тутъ нормальнаго?

Университетская исторія мало по малу разоблачается. Чичеринъ вышелъ въ отставку (и кафедра государств. права не занята), Погодинъ разболталъ свое письмо къ ректору и профессорамъ, которые намѣревались выходить (см. „Москов. Вѣдом.“ №№ 40 и 42 и „Русск. Вѣд.“ 45 и 46). Ректоръ закрылъ лекціи двумя днями прежде обыкновеннаго, такъ что Чичеринъ долженъ былъ, вмѣсто прощальнаго слова, написать прощальное письмо студентамъ. Погодину отвѣчалъ профессоръ Фед. Мих. Дмитріевъ. Чичерину студенты дали обѣдъ съ рѣчами, довольно невинными. Ученый міръ былъ въ волненіи. Москва, довольно равнодушная и къ земству, очень безцвѣтному, и къ Славянскимъ чтеніямъ, ропщетъ на подписки въ пользу голодающихъ и общество раненыхъ. Подписка на больныхъ и раненыхъ, подражаніе генерала Тотлебена учрежденію Прусскому, идетъ плохо по неудачному выбору президента, генерала Зеленаго, не имѣющаго ни имени, ни инициативы. Для голо-

дающихъ Цесаревна собрала 200 тысячъ. Великіе князья, во дворцахъ, въ холода, выдавали башлыки и поили сбитнемъ извозчиковъ. Николай Старшій собиралъ подписку по гостинодворцамъ, морщась, если цифра мала, даря улыбкою благоволенія, если она покрупнѣе. „Ни копѣйки не дамъ, говоритъ, собираясь просить о возобновленіе 5-ти тысячной аренды, патріотка кавалерственная дама М. А. Л.*). Раззорилъ насъ, такъ и ѣшь сухую“. Полонскій написалъ Цесаревнѣ стихотвореніе: „Голодъ“. Но Москва глуха. Въ ней по прежнему безденежье и страшные морозы. По прежнему пьянство, преступность. Не знаешь, гдѣ это остановится. Домашняя прислуга дезорганизована до крайности. Распущенность повсюду такъ очевидна, что сомнѣваешься въ благодѣтельномъ вліяніи свободы печати и публичности суда. Видишь какъ бы только злоупотребленіе свободы и публичности. Сегодня, продолжая агитацію, „Москвичъ“ осмѣетъ тарифную комиссію, завтра отдѣлаетъ Валугева или гр. Дм. Толстаго, а судъ оправдаетъ явныхъ воровъ, генерала Философова въ Петербургѣ, или развернетъ всѣмъ на показъ скандалезные роды Итальянки Жюли Баронъ, задушившей ребенка и судившейся за спрятаніе тѣла въ комодѣ. Стыдно читать повивальной бабкѣ. 20 лѣтняя Баронъ была постоянно въ изнеможеніи.

Агитація тарифная ведется собственно А. П. Шиповымъ. Разстроившись въ собственныхъ дѣлахъ, Шиповъ пошелъ на жалованье къ купцамъ и андоктринируетъ ихъ въ Нижнемѣ, гдѣ онъ предѣдательствуетъ въ биржевомъ комитетѣ на ярмаркѣ, и въ Москвѣ, гдѣ протекціонисты и основали свой органъ „Москву“ (или „Москвича“), слившись съ національно-Славянофильскою партіей. Здѣсь собрана была подписка отъ нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ подъ просьбою о возвышеніи ввозныхъ пошлинъ. Въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ пріятелями своими Колюпановымъ и Полетикою, Шиповъ помѣщалъ обширныя статьи въ „Петербур. Вѣдомост.“, а на дняхъ прислано въ Москву письмо рабочихъ изъ Твери, гдѣ прямо выражаютъ опасенія за вредныя послѣдствія пониженія пошлинъ собственно для рабочаго класса, т. е. миллионъ народа, долженствующихъ остаться безъ заработковъ и хлѣба. Тверскіе работники прямо указываютъ на „тарифную комиссію“ и не чуждаются научныхъ пріемовъ.

Вотъ къ какимъ подкопамъ приступаемъ мы нынче, а за десять лѣтъ Прохоровъ просто прислалъ Небольсину 10 т. р. безъ затѣй. „Москва“ или „Москвичъ“ преисполнены смѣлыхъ выходокъ. *Голодъ, народная нужда* служатъ имъ, вмѣстѣ съ тарифомъ, благовидными предлогами.

*) Марія Александровна Лонгинова, рожд. Крюкова. П. Б.

„Московск. Вѣдомости“ несравненно сдержаннѣе и осторожнѣе со времени высочайшаго разрѣшенія ихъ послѣ третьяго предостереженія.

Юбилей Крылова далеко не такъ праздновался какъ Ломоносова и Карамзина. Надобно искать объясненія этого равнодушія въ частомъ повтореніи этихъ юбилеевъ, поднятыхъ пробуждающеюся Русскою самостоятельностью. А заслуги дѣдушки Крылова стоили бы праздника, заслуги народныя, заслуги воспитанія поколѣній, ходячаго ума, уличной мудрости. По особенностямъ моего воспитанія и по времени я узналъ Крылова послѣ Лафонтена, даже послѣ Геснера и Геллерта, и всегда ставилъ его ниже Лафонтена. Мнѣ казалось, что и Дмитріевъ, котораго ребенкомъ читалъ я послѣ балладъ Жуковскаго, тоже ранѣе Крылова, тоже прекрасный Русскій баснописецъ. Крыловъ, по истинѣ, по языку и типамъ, баснописецъ народный, рассказчикъ уличной толпы и юмористъ кабинетнаго чтенія. Съ улыбкою презрѣнія смотритъ онъ на суеятящійся свѣтъ и забавно перебираетъ личности, съ ихъ простотою и ухищреніями, производя ихъ то въ лису, то въ крысу, то въ Петра, то въ Демьяна, то въ свинью и повара. Народный калейдоскопъ оригинальныхъ простяковъ, поучающихъ собою сердце и мышленіе.

Февраль. Студентскій процессъ за аплодисменты г-жѣ Оноре есть просто капризь генераль-гунернатора, которому какъ-то наскучали эти непрерывные вызовы и аплодисменты, и онъ приказалъ Арапову, Полю, Врубелю забрать въ часть эту молодежь, какъ *нарушителей театральныхъ представлений*. Полиція забрала этихъ „бѣлокурыхъ и маленькихъ“ и посадила ихъ на ночь въ кутузку. Потомъ порядокъ требовалъ представить ихъ къ мировому судѣ. Здѣсь реакція потребовала, чтобы г. Нероновъ осудилъ ихъ, какъ нарушителей, къ денежному штрафу безъ апелляціи. Надѣюсь, что кассачія возстановитъ правосудіе и за аплодисменты къ суду тянуть не будутъ, а капризь найдетъ поученіе. Должно однако замѣтить, что эти ладоши и вызовы дѣйствительно переходятъ всякую мѣру, и урокъ молодежи не лишній.

И „Москвичъ“ прекращенъ „какъ замаскированное продолженіе Москвы“, и прекращенъ „по высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ“. Что за чрезвычайная мѣра и за какія вины? Въ публикаціи не сказано. За тарифныя возраженія и за продажу Николаевской желѣзной дороги внѣ условій патріотизма и здраваго смысла? Или за разборъ отчета оберъ-прокурора Синода? Или за статьи о дурной рождѣ (полиція и администрація), отражающей на зеркалѣ новаго суда? Или за обнародованіе процесса аплодирующихъ студентовъ? Или за прибавленіе о грабежахъ и разбояхъ въ Москвѣ, не дѣлающихъ чести начальствующимъ въ первопрестольной? Поводовъ много. И рожа—поводъ, и отчетъ—поводъ. Поводъ—и требованіе занятія Галиціи, если

Австрія займетъ Герцеговину. А жаль! Аксаковъ откровененъ и благороденъ, съ далекимъ кругозоромъ Славянофиловъ и самостоятеленъ. Но это естественно: газета основана Московскимъ купечествомъ и братьями Шиповыми.

Университетская исторія изложена довольно подъячески, сегодня, 21 Февраля, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, главномъ рычагѣ этой исторіи. Это ни болѣе ни менѣе какъ протестъ молодежи (меньшинства и талантовъ) противъ большинства и безталантливости Баршева (ректора) и поддающихся вліянію ученаго Леонтьева (Каткова) во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ университета. Это искусственное злоупотребленіе самоуправленіемъ, столь же возможное въ Московскомъ университетѣ, какъ и въ какой нибудь Сызранской волости. Элементы не созрѣли, общественность слаба, населеніе рѣдко. Ни Дмитріевъ, ни Чичеринъ, по существу, не правы; но и ректоръ и его страдательный совѣтъ, по формѣ, тоже не правы. Ректоръ зажимаетъ ротъ говорящему, не позволяетъ читать письменное, возвращаетъ съ надписью написанное. Бушующему меньшинству исхода нѣтъ. Оно ищетъ защиты у попечителя; глупый человѣкъ дѣлаетъ коллегіи замѣчаніе. Коллегія, естественно, оскорбляется. Совѣтъ министра нейтрализуетъ и канцелярскимъ разъясненіемъ думаетъ согласить обѣ стороны. Послѣдовалъ разрывъ окончательный. Меньшинство, не скопомъ, а одинъ за однимъ, просятъ отставки. Начинается агитация въ общественныхъ кружкахъ, въ газетахъ. Началь Погодинъ, отвѣчали Чичеринъ письмомъ и обѣдомъ, и Дмитріевъ—отвѣтомъ Погдину. Главною виною—несозрѣвшее самоуправленіе, приводящее къ выборамъ въ ректоры такого господина какъ Баршевъ, этотъ семинаристъ и мать-игуменья. Безлюдье въ университетѣ поразительное. Каѳедры на половину не заняты, занятія отличаются бездарностію. Самоуправленію не достаетъ средствъ.

Копеечные сборы. Жалкій отчетъ общества литературнаго фонда (пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ), показывающій въ приходѣ—16 т. р., въ расходѣ—11 т. р., невольно наводитъ на мысли о нашей бѣдности и недостаточности нашего общественнаго вспоможенія. Подписки наши ограничиваются сотнями, рѣдко тысячами. На 75 миллионное населеніе это не составляетъ и копеечнаго сбора. Въ восточной Пруссіи оказался неурожай, и вспоможеніе рассчитывается на миллионы. У насъ Цесаревна не собрала и 500 т. р. Общество пособія дворовымъ (ихъ 1½ мил.) закрылось при истощеніи фонда, хватавшаго до 24 т. р. Это пособіе населенію, превосходящему обѣ восточныя области Пруссіи. Шумный сборъ для братьевъ Славянъ дойдетъ, можетъ быть, до 3 т. р., чтобы начать борьбу съ Турціей. Съ энтузіазмомъ начата подписка для храма Св. Александра Невскаго

остановилась на 36 тысячъ. Многорѣчивое общество вспомошествованія воинамъ значить въ приходѣ 37 тысячъ. Армія обезпечена! Съ обѣдненіемъ дворянства отъ освобожденія крѣпостныхъ, обѣднѣло, на время, все общество. При этомъ безпрестанные займы и лотереи вытягиваютъ и капиталы и мелкія сбереженія. Непомѣрное возвышеніе податей и общая дороговизна умаляютъ средства и въ тѣхъ классахъ, которыхъ копеечное содѣйствіе обѣщаетъ милліоны. Прежде представителемъ государства было помѣстное дворянство, а теперь земство, обложенное разными поборами.

Жалкій отчетъ, а все таки честь и слава Ег. П. Ковалевскому съ товарищи.

Восточный-ли вопросъ созвалъ въ Петербургъ нашихъ посланниковъ Парижскаго (бар. Будберга) и Турецкаго (Игнатьева) или другой какой, во всякомъ случаѣ *демонстрація* эта удалась, задавъ кабинетамъ загадку и вѣзмъ политиканамъ задачу. Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ собственно о значеніи демонстрацій, къ которымъ Наполеоны всегда прибѣгали и ввели этотъ манѣвръ въ обычай Европейской политики, внутренней и внѣшней. Демонстрація есть ложная тревога, попытка, на которую всегда или нерѣдко другой элементъ (народная масса) отвѣчаетъ *манifestаціей*, ложной угрозой. Такъ или сякъ, и то и другое есть ложь, носившая въ XVII вѣкѣ названіе ловкой хитрости, а въ XVIII—ловкаго притворства. Въ XVI столѣтіи ученіе это основалъ Макиавелли. Демонстраціи теперь въ большомъ ходу. То пустится утка въ газетѣ, то пришлется телеграмма на биржу, то устроится лагерь или смотръ, то скажется рѣзкая рѣчь 1 Января или въ Бордо и Оскерѣ, то обнародывается знаменательная брошюра или вызовется посланникъ, или разошлется циркуляръ или передвинется корпусъ. Особенно вредны демонстраціи внутреннія. Онѣ поселяютъ недоувѣріе, беспокоятъ мнѣніе и раздѣляютъ управленіе отъ управляемыхъ, поставляя ихъ въ какое-то наблюдательное, враждебное положеніе. И я понимаю это во Франціи, гдѣ правительство вышло изъ революціи и виляетъ между пропастей. Но съ какой стати явленіе это усвоивается у насъ, я объясняю себѣ однимъ пустымъ подражаніемъ, которое однако и у насъ создаетъ (ложное) раздвоеніе и отчуждаетъ общество отъ правительства.

Процессъ Пинскаго и Прянишниковъ по управленію имѣніями генерала Саломирскаго. Ихъ обвиняютъ въ растратѣ, утайкѣ, присвоеніи, въ кражѣ 80 т. р.! Пинскаго обвиняютъ въ кражѣ! Мнѣ хотѣлось бы дать отвѣтъ первому впечатлѣнію, подавляющему во мнѣ лучшія убѣжденія, увѣренность и привычки. Я пораженъ этимъ извѣстіемъ. Я не могъ дочитать отчетъ „Судебнаго Вѣстника“. Экое времечко, полное

злости и своекорыстія! Себѣ не вѣришь! Въ себѣ сомнѣваешься! Илья Арсеньевъ, Звенигородскій, Алексѣй Зарудный, Бильбасовъ, Будаевскій—какая грязь! „Вѣсть“, „Голосъ“—какая грязь! Но эти трущобы не такъ оскорбляютъ меня, какъ процессъ Пинскаго. Я знаю Пинскаго съ 1835 года. Это былъ человѣкъ дѣловой, правдивый и неподкупной честности. Никто и никогда не сомнѣвался въ этой честности. Съ 1817 г. въ службѣ, воспитанникъ Педагогическаго Института, скромный учитель Симбирской гимназіи, въ домѣ Ивашкиныхъ, губернскій стряпчій въ Москвѣ, съ 1831 г. начальникъ отдѣленія Деп. Юстиціи, съ 1837 г. оберъ-прокуроръ, потомъ, съ 1850 г. сенаторъ и въ 1866 г. первоприсутствующій въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ, онъ всегда пользовался репутаціей отлично честнаго, отлично строгаго и упорнаго въ строгости судіи, къ которому Д. В. Дашковъ, графъ В. Н. Панинъ, графъ Д. Н. Блудовъ и всѣ мы, его знакомые и друзья, имѣли полную довѣренность. Мы знали его пристрастія, его увлеченія, но мы не могли допустить и мысли даже о возможности любостыжанія съ его стороны. Больной и разбитый годами, онъ еще такъ незадолго до смерти велъ процессъ Гаевского о похищеніи Синодскихъ денегъ и велъ его такъ энергически, такъ грозно и даже такъ привязчиво! Чему вѣрить въ такую эпоху? Обвинялъ въ Окружномъ Судѣ адвокатъ Спасовичъ, тотъ самый молодой Казанскій магистръ, котораго Пинскій прислалъ ко мнѣ, въ 1853 г., для практическаго изученія судопроизводства. И у этого Спасовича поворотился языкъ обвинять Пинскаго въ кражѣ! Тутъ могли быть безпорядки въ управленіи, совершенно чуждомъ чиновничьему быту Пинскаго; тутъ могли быть ошибки въ счетоводствѣ, всегда противномъ натурѣ Пинскаго; тутъ могло быть и предвосхищеніе подписи самоувѣреннаго, разъ довѣрившагося Пинскаго; но присвоенія, похищенія тутъ, по моему глубокому убѣжденію, не было и, судя по плебейской гордости Пинскаго, быть не могло.

Повторяю: въ себѣ усумнишься.

Поговаривали о связяхъ Пинскаго съ женщинами, о другой семьѣ, на сторонѣ. Это могло быть. Но отсюда до захвата—пространство неизмѣримое.

Однако Спасовичъ приводитъ факты: гр. Ламбертъ объясняетъ, что 20 Декабря имѣлъ съ Пинскимъ крупный разговоръ, Пинскій объявился внести,—и на другой день скончался.

Мартъ. Валувевъ оставляетъ Министерство Внутр. Дѣлъ по болѣзни глазъ и изнуренному здоровью. Онъ 38 лѣтъ въ службѣ, 57 лѣтъ отъ роду и послѣ семилѣтняго труднаго управленія министерствомъ, когда приводилась въ исполненіе крестьянская реформа, когда устраивалась полиція, упразднялись приказы, вырабатывалось земство и преобразо-

вывалась цензура. Есть надъ чѣмъ потрудиться и было отчего изнурить себя! Петръ Александровичъ Валуевъ нигдѣ не учился и только держалъ такъ называемый комитетскій экзамень. При благообразной наружности и прекрасномъ ростѣ онъ имѣеть весь внѣшній блескъ и блестящую свѣтскую образованность. Долгое пребываніе въ Прибалтійскомъ краѣ сдѣлало изъ этого Русскаго Француза истаго Рускаго Нѣмца. Послѣ смерти первой жены, несчастной княжны Маріи Вяземской, женитьба на дѣвицѣ Вакульской сдѣлала его немножко и Полякомъ. Петербургъ сдѣлалъ его космополитомъ. Продолжительное губернаторство въ ученой и скромной Митавѣ дало ему возможность обогатиться теоретическими и положительными свѣдѣніями, а разнообразная служба его, столкновения съ замѣчательными людьми и постоянная любознательность распространили и укрѣпили его познанія. Онъ превосходный ораторъ и замѣчательный редакторъ. Блестящей карьерой своей онъ обязанъ собственно себѣ. Когда Муравьевъ просилъ Государя, въ 1860 г., оставить его въ Министерствѣ для окончанія важныхъ преобразованій, особенно столь выгодной переоброцкѣ земель, Государь отвѣчалъ, что онъ уже назначенъ для высшаго поста. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ и успѣхѣхъ въ службѣ, Валуевъ постоянно имѣлъ многихъ и ярыхъ порицателей въ Петербургѣ и въ Москвѣ и не только не пользовался популярностью, но едва ли имѣлъ и немногихъ теплыхъ приверженцевъ. Причину этой холодности и общаго нерасположенія къ Валуеву должно искать въ холодности самого Валуева, для котораго личный успѣхъ всегда имѣлъ преобладающее вліяніе. Потомъ—отсутствіе въ немъ Русскаго челоуѣка, въ настоящее время, когда князь Суворовъ и „Московскія Вѣдомости“ такъ высоко поставили національное достоинство. Потомъ—пристрастіе Валуева къ Остзейцамъ и Полякамъ. Эту причину я считаю существенною и главнѣйшею. Время откроетъ дѣйствія Валуева въ пользу этихъ антирусскихъ національностей. Какъ очевидецъ, я могу засвидѣтельствовать только то, что при немъ 2-й Д-тъ Мин. Гос. Имущ. съ Рудницкими, Кейстутами, Войшкульскими, Шахно и проч. былъ совершенно Польскій, какъ и весь личный составъ управления западныхъ губерній, и что этимъ, люстраціею и формами, Муравьевъ и Валуевъ неумышленно, но усердно служили Польскому Жонду. По Остзейскому краю, кромѣ покровительства Нѣмецкому чиновничеству, достаточно указать на отстоенныя Валуевымъ привилегіи г. Риги, и на продажу казенныхъ земель дворянству въ Эстляндіи изъ 4% на безсрочное время. Вообще Валуевъ имѣлъ большое вліяніе на Муравьева, и отвѣтственность за ихъ Польско-Остзейскія дѣйствія должна лежать преимущественно на немъ.

Дѣйствія Валуева, какъ министра, принадлежать исторіи. Я думаю что онъ кончилъ свое государственное поприще. Ожидаемыя прощальныя сцены, спичи и адреса принадлежать исторіи уже не будутъ. Могли содѣйствовать его увольненію, въ такое трудное и жаркое время, и недостаточныя мѣры губернаторовъ и министерства для предупрежденія голода, обнаружившагося во многихъ уѣздахъ и, кажется, болѣе раздутаго газетами, нежели дѣйствительнаго. Но увольненіе недобровольное. Личныя мои отношенія съ Валуевымъ были всегда дружескія.

Поѣздка принца Наполеона въ Берлинъ приписывается миролюбивымъ настроеніямъ Франціи, по газетамъ Французскимъ. Онъ началъ разоруживать вооруженныя (всѣ) государства Европы, начавъ съ главнѣйшаго, Пруссіи. Это не такъ. Война или революція должна быть. Накопившіеся горячіе элементы неотлагательно требуютъ взрыва и непременно взорвутся. Поѣздка маскируетъ вооруженія Франціи, которая совершенно запуталась во внѣшней и внутренней своей политикѣ. Такъ трудно поправляться, разъ оторвавшись отъ историческаго, преемственнаго развитія. Горючіе элементы скопились и въ Италіи, и во Франціи, и на Дунаѣ. Положеніе вещей невозможное, невыносимое. Борьба династическихъ началъ съ національными въ наше время не мыслима. Они должны быть тождественны. Гегемонія Франціи прошла невозвратно. Гегемонія Пруссіи поднимаетъ Славянское племя, и оно поднимется. Намъ, Русскимъ, Востоку приходится стать лицомъ къ лицу съ Западомъ и начать новую эпоху, съ социальными преобразованиями, которыя намъ издавна присущи. „Права Наполеоновской династіи“ тутъ ни при чемъ. Событія совершаются внѣ личныхъ и династическихъ соображеній. Еще дѣйствуютъ условія національныя, условія довольно узкія, если ихъ выражаетъ какой нибудь Лауенбургъ, Данія, Венгрія, но еще имѣющія значеніе по отношенію Запада, Романско-Германскаго Запада, къ этому возрастающему Славянскому Востоку, гдѣ Россія призвана на преобладающее вліяніе. Должны дѣйствовать условія и интересы обще-человѣческіе, внѣ всякихъ демонстрацій и манифестацій, интересы положительные, служащіе на пользу, на благо всѣмъ. Солидарность должна быть признана для всѣхъ обязательнымъ закономъ, а солидарность Запада съ Востокомъ требуетъ социальной реформы.

Валуевъ уволенъ (съ лестнымъ рескриптомъ „искренно любящаго Александра“), тарифная коммиссія, проясками протекціонистовъ, закрыта, новый министръ сказалъ громкое слово о подпольномъ противодѣйствіи, зарождается министерство полиціи, которой отдается и цензура, и все это приписывается вліянію Наслѣдника-цесаревича, окруженнаго совѣтниками: кн. Мещерскимъ, обязавшимъ губерніи для мѣстныхъ изученій,

Качаловымъ, предсѣдателемъ образцовой Новгородской управы, юристомъ Побѣдоносцевымъ и экономистомъ Бабстомъ. Обстановка счастливаго выбора, отъ которой можно и должно ожидать полезныхъ результатовъ. Къ этимъ совѣтникамъ должно причислить графа Серг. Строгонова, гр. Перовскаго и генерала Рихтера, людей умныхъ и благородныхъ. Вообще должно отдать справедливость Государю: онъ выбираетъ людей осмотрительно, онъ желаетъ руководствоваться отличеніемъ таланта и преданности.

Я упрекаю нашихъ правителей и ихъ назначеніе въ незрѣлости и въ естественной за тѣмъ опрометчивости. Всѣ великія преобразованія дѣйствительно велики, но надуманы они а priori и исполнены непрактично. Освобожденіе крестьянъ разорило и уронило дворянство и мѣстнымъ безначаліемъ, пьянствомъ и раздѣлами губить крестьянство. Земство (скороспѣлое) не обезпечиваетъ ни одной изъ своихъ обязанностей и сопровождается одними смутами, раздорами и агитаціями. Напущенный Польскою партіею говоръ о голодѣ съ помощію падкой гласности не нашелъ въ земствѣ никакого отпора. А между тѣмъ это пьянство и эта гласность, въ свою очередь: славныя современныя преобразованія. Лучше другихъ проведена реформа контрольная; но и она, разработкою счетовъ 1866 года, доказываетъ, что реформа на бумагѣ далека отъ дѣйствительности. Дефициты изъ единицъ и десятковъ по смѣтѣ превращаются въ десятки и сотни при его исполненіи. Винный акцизъ губить народъ въ корень, а сумма его сборовъ постепенно уменьшается, не смотря на лихорадочные искусственные заработки по разнымъ ненужнымъ трактамъ желѣзныхъ дорогъ. Освобожденіе крестьянъ, удешевленіе вина и эти заработки привели правительство къ мысли о непомѣрномъ возвышеніи прямыхъ налоговъ. Это одна изъ самыхъ революціонныхъ мѣръ современнаго революціоннаго царствованія. Въ немъ зародышъ основнаго народнаго неудовольствія и возбужденія демократическихъ проявленій. Признано, что налогъ лежитъ неуравнительно, неравноправно и нераціонально, а г.г. Муравьевъ и Рейтернъ усиливали до нельзя этотъ экономическій беспорядокъ государства. Судебная реформа идетъ беспорядочно. Принявъ пять или шесть изъ моихъ предположеній (вошедшихъ въ правила 11 Октября 1865 г.), министерство, безъ всякаго основанія, отвергло другія, и я счелъ себя вынужденнымъ, послѣ двухъ лѣтъ опыта, напомнить объ этомъ министру письмомъ отъ 9 Марта, прося графа Конст. Иван. фонъ-деръ-Палена удостоить вниманіемъ стараго и едва ли не старѣйшаго криминалиста. Назначенія по государственной службѣ такъ часты, внезапны и скоры, что у всѣхъ головы кружатся. Въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ нѣкоторые получили пять-шесть назначеній. Наслѣдникъ принимаетъ участіе въ

общихъ дѣлахъ управленія. Онъ окруженъ хорошими людьми. Чего же смотреть хорошіе люди? Событія совершаются и зрѣютъ.

Въ десятый разъ пишутъ мнѣ изъ Петербурга о назначеніи въ кассацию. Охъ, пора-бы! Задыхаюсь я въ этой Московской атмосферѣ, сохраняя обычную мою независимость. Эти Лонгиновы, Четвертинскіе, Шиповы, Одоевскіе, Сушковы давятъ меня какъ чужаеца, какъ иностранца. Все это люди хорошіе, благородные, но Москвичи, для которыхъ Петербургъ есть а ргіогі измѣнникъ-Нѣмецъ, неучъ и мелкій чиновникъ. Для нихъ государство есть отчина, всякое дѣло—сдѣлка, всякое событіе—интрига. На первомъ планѣ личность, на второмъ семья, на третьемъ родъ, на четвертомъ—приходъ, на пятомъ Москва, на шестомъ Московія, на седьмомъ Россія. Здѣсь семь горизонтовъ, и на каждый горизонтъ по семи ходовъ изъ семи кружковъ. И на каждый кружокъ по семи голосовъ на недѣлѣ, и на каждой недѣлѣ по семи Пятницъ. Сватовство, кумовство, сплетни, агитаціи и манифестаціи, изъ гостей въ гости, визиты и сѣзды съ ложью и злостью, съ пустыми рѣчами. Бездѣлье и бездѣльничество заѣдаютъ жизнь. Полезныя изданія Московскія: „Архивъ“ Бартенева и „Чтенія Общества“ Бодянского, обнародывая прекрасные матеріалы, не чуждаются и скандала и сплетень. Архивъ помѣстилъ довольно пустыя Записки графа Комаровскаго, который, описывая пріѣздъ свой въ Москву въ концѣ 1825 года и чтеніе въ соборѣ извѣстныхъ актовъ о престолонаслѣдіи, говоритъ между прочимъ, что архіепископъ Филаретъ, при словѣ о присягѣ, провозгласилъ народу: „разрѣшаю и благословляю“. Исторіографъ Филарета, Сушковъ, заручившись „Р. Архивомъ“, поскакалъ къ митрополиту. Старикъ отрекся отъ этихъ словъ, объяснивъ подробно, что для произношенія ихъ не было ни причины, ни повода. Сушковъ все это внесъ въ свои „Записки“. Филаретъ этимъ не ограничился. Онъ документально-письменно опровергаетъ показаніе графа Комаровскаго. Все это Сушковъ напечаталъ. Тутъ начинается агитація Комаровскихъ и Шиповыхъ. Анна Евграфовна Шипова, урожденная графиня Комаровская, центръ агитаціи, въ которой главное побужденіе личности и пики Сушковыхъ и Шиповыхъ (два разные сѣзда). Заводится дѣло, процессъ. Дѣти защищаютъ память родителя, духовный сынъ отстаиваетъ правдивость святителя, призываются свидѣтели. П. П. Новосильцевъ, адъютантъ генераль-губернатора, рассказываетъ подробно, какъ было и вполне подтверждаетъ извѣстіе Комаровскаго. Пишутъ къ кн. П. П. Гагарину, тогда оберъ-прокурору общаго собранія. Кн. Гагаринъ письменно удостовѣряетъ, что Комаровскій правъ. Собираютъ отзывы и другихъ современниковъ. И все это хотятъ напечатать, чтобы опровергнуть правдивость святителя, приводя и другіе рассказы о сомни-

тельности этой правдивости. И вся эта смута почти на другой день по погребеніи великаго іерарха, которому эти Шиповы и Комаровскіе выражали такую преданность, исполненную удивленія и благоговѣнія! Удастся-ли мнѣ отговорить ихъ, хотя повременить, не думаю. Гораздо болѣе важная агитація идетъ о тарифѣ, агитація широкая, гремящая въ Ивановѣ, Костромѣ и Петербургскомъ клубѣ хозяевъ, агитація заносчивая, бранная и весьма мало добросовѣстная.

Вотъ обнаружена и государственная роспись, бюджетъ на 1868 годъ. Поздненко. Ее задержали образованіе Привислянскихъ губерній и Кавказскихъ управленій. Обнародованъ и отчетъ государственнаго контроля за 1866 г. Оба документа весьма важные. Они удостовѣряютъ, что въ бюджетъ можно вѣрить только въ цифры увеличенія налоговъ, умноженія расходовъ и постоянного дефицита. Они удостовѣряютъ, что смѣта и дѣйствительное исполненіе ея двѣ величины совершенно различныя. Формальная отчетность открываетъ и прикрываетъ прежній произволъ. Огромная цифра доходовъ въ 480 милліоновъ не хватаетъ на наши нужды. Низкая денежная единица возвышаетъ цѣнность на значительный процентъ. Биржи завалены фондами и облигаціями, лотерей счету нѣтъ. У всѣхъ расчетъ на случайность. Петербургская расточительность не приостанавливается. Пьянство и преступность усиливаются, не смотря на бѣдность голодающихъ и на скорость судебного прещенія. Начинаются скандалы и процессы. Притягиваютъ по немного и администрацію, и дворъ, и царскій домъ... Говорятъ, князь Николай Лейхтенбергъ женится на Акинфовой. Недалеки времена Шоазеля, недалеко банкротство казны, истощеніе податныхъ силъ, коренной порчи нравственности. Женщины играютъ большую роль. Авторитетъ правительства расплывается. Почему всѣ умы полны опасеній? Почему эта общая распущенность, на которую всѣ жалуются? Какое отношеніе лихорадки старика и ребенка, ожидающихъ выигрыша въ 200 т., ну, въ 500 р.—77 милл. годовыхъ процентовъ нашего государственнаго долга. Какое отношеніе между неутвержденіемъ г. Зеленаго и забаллотированіемъ г. Герье, между страхомъ и надеждою, между поѣздкою принца Наполеона въ Берлинъ и Дрезденъ и поѣздкою кронпринца во Флоренцію, а Датскаго военнаго министра въ Парижъ? *Journal des Débats* объясняетъ голодь въ Россіи и Алжиріи социальнымъ владѣніемъ земельною собственностію. Ну, а если Феніи, Гарибальдійцы и Чайковскіе потребуютъ этого владѣнія вооруженными бандами?

Я говѣю. Три года я не говѣлъ. Монастыри отучили. Пошли, Господи, терпѣнія и теплаго усердія! Эти продолжительныя службы. стоянія очень чувствительны. Исторія любитъ неблагодарность. Неблагодарность или неумѣнье? Запоздалость? Думаю я: вѣдь все это при-

несли намъ Греки. Обрядность, преданіе, чистота первобытная,—а развитіе? Какія непомѣрные переменны переживаемъ мы. Я исповѣдался очень откровенно. Священникъ снисходителенъ и робокъ. Сегодня я причащался. 28 Марта. Райскія минуты, гдѣ вы? Странное дѣло! Я не видалъ этихъ минутъ и въ моихъ крошкахъ, а помню я ихъ въ 20 годахъ. Какъ сіяла душа, какъ горѣло чувство! Вѣкъ!

Прочелъ я „Людвигъ XV и Людвигъ XVI“ Мишле. Читается скоро. Это, кажется, послѣдній томъ его Исторіи Франціи, изложеніе которой составляло *его жизнь*. Мишле все тотъ же, свободенъ до неприличія, правдоподобенъ до вымысла, достовѣренъ до загадки. Путаешь, смѣшивается, льется потокомъ и разрѣшается нечаянностями. Своеобычность уродливая, о достоинствѣ науки и не спрашивайте. Но своеобычность и наука тутъ; обиліе источниковъ, новость возрѣній, живость изображеній: есть несомнѣнный даръ поэта, критически описывающаго событія 1759—1788 годовъ. Онъ положительно утверждаетъ *pacte de famille* Бурбоновъ Шоазеля, *conspiration de famille*, основываясь на перепискѣ матери, Маріи Терезіи, съ дочерью, *la magicienne, la fée*, Марією Антуанею. Онъ называетъ Людовика XVI-го Нѣмцемъ, и его и королеву и министровъ Австрійцами. Интересы Франціи были проданы. Подозрѣнія націи были основательны, обвиненіе въ измѣнѣ достовѣрно. Наказаніе закононо. Всѣ эти Австрійцы преступны и презрѣнны. Падаешь наука, все дальше и дальше отходятъ Кантовскіе приемы и возрѣнія. Вторгнувшаяся демократія обращается съ идеями какъ съ съветными припасами, классифируя ихъ по вкусамъ, по времени. Да, но Франція-ли, *la France, la grande nation* отходить на второй планъ? Да, демократія воцарилась, но исходъ ей остается одинъ: социализмъ. Какъ эти Колонны и Бриенны напоминаютъ нашихъ министровъ! Какъ сходны самыя событія, самыя реформы и этотъ *déficit*, и этотъ голодъ, и самый дебонарій. Но у насъ нѣтъ плотнаго населенія, и есть наше 8-ми мѣсячное безвременье.

Апрѣль. Ранняя Пасха, прекрасная погода, рогъ изобилія наградъ (колонна за колонной, не перечесть), самое мирное настроеніе газетъ и дипломатіи (быть бурѣ!), успѣхъ „Вѣстника Европы“, „Отечеств. Записокъ“ и „Современнаго Обзоренія“, продолжающійся успѣхъ „Войны и Миръ“ графа Толстого, агитація Московскихъ дамъ по комитетамъ больныхъ и раненыхъ, гдѣ кн. Н. Б. Трубецкая и А. Н. Стрѣкалова тянутъ въ одну сторону, а (купчихи) Красильникова и Бостанжогло въ другую, манифестаціи во Франціи по поводу закона о подвижной гвардіи и бурныя засѣданія въ парламентахъ Англіи, при Торійскомъ министерствѣ Еврея Дизраели по поводу предположенія Гладстона о государственной, вовсе не національной, церкви въ Ирландіи и въ

Американскомъ Сенатѣ, гдѣ судятъ Андрию Джонсона за смѣту военнаго министра и противодѣйствіе конгрессу.... Все это предзнаменованія нехорошія. Униженія повсюду, обидчивость общая, всѣ вооружаются, у всѣхъ бюджеты съ непомѣрными дефицитами. Италия не опомнится отъ униженій Франціи, Франція не образумится отъ могущественнаго торжества Пруссіи; въ Англіи виситъ споръ объ Алабамѣ, получающей въ Америкѣ значеніе національнаго вопроса. На Балканахъ, въ Шлезвигѣ и въ Прусско-итальянскомъ союзѣ сплетаются военныя случайности, готовыя ежеминутно взорваться. Но—повторяю—не въ политическихъ событіяхъ я вижу опасность. Они измѣнчивы, скоропроходящи и поверхностны. Границей дальше, провинціей больше, важнаго немного. Опасность лежитъ въ упадающемъ значеніи церкви и въ распадающемся строѣ социальномъ. Междоусобицы *ad portas*, социализмъ прорывается. Обойми Европу общая война, а безъ нея не обойтись, и съ окончаніемъ ея (а нынче войны кончаются скоро) вопросъ социальный постановится самымъ опредѣленнымъ образомъ. Работающее народонаселеніе (огромное большинство) потребуеть гарантій и надѣла, инаго распредѣленія налоговъ и своей доли благосостоянія. Удивляться надобно, какъ еще недостаточно сильно начало солидарности въ государствахъ Европы. Чугунка и телеграфы уничтожили пространства и время, а народныя массы пребываютъ въ первобытномъ невѣжествѣ. Насъ, насъ спасаютъ именно это невѣжество, наша безпредѣльность и наша бѣдность.

Умеръ Матвѣй, мой поварь. Третьяго дня онъ занемогъ, вчерась свезли его въ градскую больницу, сегодня-старуха мать пришла объявить, что онъ скончался. Хорошій былъ человекъ; пятый годъ жилъ у меня. Я приписываю его скорую смерть пьянству. Онъ пилъ. Пьянствомъ объясняю я частыя и внезапныя смерти и думаю, что патологія и статистика не одобрятъ акциза.

Трудно сказать, гдѣ остановится желчная дерзость нашей журналистики. Я держу въ рукахъ „Москов. Вѣдом.“, гдѣ перепечатано изъ „Сѣверной Почты“ до бессмыслицы странное объясненіе дуэли бароновъ Будберга (это нашъ посоль въ Парижѣ) и Мейендорфа; держу „Русскаго“, гдѣ расписано, какъ все и весь дворецъ пропитанъ ядомъ лести, „Современныя Извѣстія“, гдѣ отдѣланъ Московскій университетъ за агитацію по дѣлу Чичерина и Дмитріева, отдѣланъ желчно, площадно; держу наконецъ „Москву“ (№ 12), гдѣ описано совращеніе въ православіе отцомъ Васильевымъ отца Владимира Гетте и выставлена на показъ вся нетерпимость нашего духовенства, православной церкви, охраняемой, вмѣсто архангеловъ, квартальными и жандармами. И все это въ самыхъ незатѣйливыхъ выраженіяхъ, какъ пишутся формальные адреса, какъ печатаются кредитные билеты, какъ замышляются общія

мѣропріятія! Только невѣжество народа и суровость климата въ бѣдной странѣ спасаютъ насъ отъ переворотовъ, вызываемыхъ такимъ ограниченнымъ правительствомъ и такою дерзкою печатью. Жду выхода новаго „Статистическаго Временника“, чтобы заняться совершенно ненормальными явленіями и написать на тему Даля: отойдемъ да поглядимъ, хорошо-ли мы сидимъ“. Такіе порядки, голодный годъ и возрастаніе налоговъ!

Назначеніе генерала Потапова въ Вильну считаютъ сдѣлкой съ Польско-Французскою партіей. Пора кончить съ этими исключительными, диктаторскими, Муравьевскими мѣрами и водворить нормальный, общій порядокъ. Давай Богъ! Съ назначеніемъ новаго генераль-губернатора измѣняется и весь составъ управленія, т. е. Русскій элементъ утвердился, начнемъ управлять *краемъ* по старому. Краемъ? По старому? Но за этимъ краемъ есть уже *Привислянскія* губерніи, и край уже не на краю. Но старое уже измѣнилось, и земство, и судъ Московскій со старымъ порядкомъ не вяжется. Настоящій порядокъ требуетъ введенія во *всѣхъ* западныхъ губерніяхъ земства и новаго суда и упраздненія генераль-губернаторствъ въ Вильнѣ и въ Кіевѣ. Такъ вѣроятно и сбудется. Генераль Безакъ сочтетъ назначеніе молокососа Потапова за личную обиду и оставитъ свой постъ. Новые начальники сочтутъ своею обязанностію даровать ихъ краямъ общія, всемилостивѣйше дарованныя преобразования, и значеніе ихъ, генераловъ, центральной власти, само собою упразднится. Какъ Ома невѣрный (т. е. недовѣряющій) я не совсѣмъ полагаюсь на официальное утвержденіе, что Русскій элементъ водворился въ краѣ на прочныхъ основаніяхъ. Что-то скороспѣла эта прочность. Муравьевская ломка и покупка двухъ трехъ-сотъ деревень Русскими у Поляковъ не могли создать новаго положенія, если оно не было подготовлено десятками лѣтъ. Частыя перемѣны въ личномъ составѣ управленія еще менѣе подтверждаютъ это сомнѣніе. Земство и новый судъ и упраздненіе генераловъ, да желѣзная дорога отъ Москвы— вотъ что водворитъ Русскій элементъ въ этихъ губерніяхъ.

Какія страшныя убійства въ Одессѣ, Кіевѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, Архангельскѣ! Ужасаютъ они даже стараго криминалиста. Въ самомъ дѣлѣ, убійства цѣлыхъ семействъ Сахновскаго, Жемарина представляютъ такія знаменія времени, которыя требуютъ внимательнаго изученія подобныхъ явленій. Молодой Полякъ, 19 лѣтній Горскій систематически истребляетъ цѣлое семейство (восемь человекъ) изъ національнаго фанатизма. Онъ не жалѣетъ убить полѣномъ и 4 лѣтнюю крошку, обнявшую трупъ матери. Убивъ отца, Сахновскаго, Никифоровъ, служитель, приходитъ душище дѣтей, и съ какимъ-то торжествомъ спрашиваетъ жертву-ребенка: „Сенька, чего ты хочешь?“ и накидываетъ веревку. П

здѣсь участвуетъ тоже несовершеннолѣтній Жигаленко. Хороша картина и въ Запечорѣ: воскресшая отъ убійства мать встаетъ изъ снѣга, видитъ убитыхъ дѣтей, мужа, всю семью, отвязываетъ у мужа воткнутого вверхъ ногами лыжи и идетъ объявить о случившемся. Замѣчательны въ Москвѣ, Екатеринбургѣ и въ другихъ мѣстахъ убійства извозчиковъ. Наймутъ челоуѣка за городъ, убьютъ, ограбятъ, и слѣдъ простылъ! Преступность страшно усиливается. Личная безопасность даже въ столицахъ не имѣетъ вѣрныхъ ручательствъ. Убійство въ Гусевомъ переулкѣ, въ Петербургѣ, Данилова, Попова, Мазурина, Колмыкова въ Москвѣ и проч. доказываютъ большую испорченность общества.

Не думаю, чтобы это выражало *испорченность* общества. Здѣсь болѣе участвуютъ скороспѣлыя, незапныя, радикальныя преобразованія, которыми такъ обильно настоящее царствованіе скучающаго Александра II-го. Огромный переворотъ 19 Февраля 1861 года поставилъ великую имперію вверхъ дномъ, и отчаянное положеніе вызываетъ коренныя реформы, которыя, въ существѣ прекрасныя и благодѣтельныя, поражаютъ своею новостью, неприготовленностію общества и недостаткомъ органовъ управления. Преступности гимназистовъ много способствовала неумѣренная гласность. Тарифная агитація общааетъ преступность въ рабочемъ классѣ. Общія причины усиленія преступленій въ распущенности отъ воли, дешевки и ненаказанности. Всѣ наши реформы, въ настоящемъ ихъ видѣ, преждевременны. И время мститъ.

Года три-четыре тому назадъ я имѣлъ терпѣніе прочесть стихотворенія князя Вяземскаго, острыя, игривыя, желчныя. Вчерась я прочелъ стихотворенія Ѡ. Тютчева, чувствительныя, картинныя и звучныя. Боже мой, какая пустота, мелкота и ограниченность! У Вяземскаго есть сатира по крайней мѣрѣ, есть Бѣлинскій, раздражающій запоздалаго остряка; Тютчевъ съ 1826 г. проснулся немножко на Славянскомъ съѣздѣ 1867 г. и запѣлъ и здѣсь черезъ 40 лѣтъ тѣмъ же молодымъ челоуѣкомъ, какимъ онъ началъ свое поэтическое поприще. Пустые люди не старѣютъ. Чтѣ за жизнь этихъ эгоистовъ и ничтожныхъ стихотворцевъ! Тютчеву остается еще послѣдовать за князьями Одоевскимъ и Вяземскимъ: напечатать въ „Русскомъ Архивѣ“ переписку, въ которой живые прославляются мертвыми.

Мы обѣдали у старухи Маріи Александровны Лонгиновой. Весь разговоръ шель о вредныхъ послѣдствіяхъ спѣшныхъ реформъ настоящаго царствованія, этихъ земства, суда, акциза и печати. Мать развивала, сынъ-губернаторъ подтакивалъ. Отъявленное крѣпостничество, злобное. Крупнопомѣстное дворянство, темный эгоистъ. А съ другой стороны также мать и тотъ же сынъ разсыпались, какъ справедливыя и

милостивъ Государь къ семейству, какъ онъ во второй разъ возобновилъ аренду (въ 3 т. р.) и какъ сына, при представленіи, назвалъ „Миша“ и спросилъ о здоровьѣ матери, прибавляя: „поклонись ей отъ меня, это старая моя знакомая, съ дѣтства“. Послѣ обѣда мы вдвоемъ говорили съ губернаторомъ. Немного было рѣчи о ненавистныхъ ему земствѣ и судѣ (съ которыми у него уже вышли столкновенія), о непослѣдовательности „Москов. Вѣдомостей“, о намѣреніяхъ Государя и новаго министра Тимашева подтянуть разшатавшіеся оплоты порядка. Но болѣе Михаилъ Николаевичъ велъ рѣчь о Сушковѣ и о своемъ другѣ Соболевскомъ, и особенно о своихъ эпитаграммахъ, которыя онъ и Соболевскій рассылають безыменными по городской почтѣ. Переданные мнѣ княземъ Одоевскимъ стихи:

Нѣтъ, я писатель не для дамъ,
Пишу я больше все...
Въ Москвѣ печатать не отдамъ,
А напечатаю въ Карлсруэ.

Это написано, какъ эпитафъ къ сочиненіямъ Соболевскаго, по поводу напечатанія въ Карлсруэ стихотвореній Жуковскаго. Одоевскій передавалъ, что Соболевскій сказалъ этотъ экспромтъ по случаю изданія въ Карлсруэ сочиненій Тургенева. Лонгиновъ все тотъ же мелкій литераторъ Московскій, пробавающійся островами, анекдотцами и сплетнями. И такихъ господъ назначаютъ губернаторами! И потомъ удивляются, что плохо дѣла идутъ. Удивляться надо, что они не идутъ хуже.

„Какой пассажъ!“! Сегодня въ общемъ собраніи Сената разсматривалось замѣчательное рѣшеніе 8-го Департамента полковника Ив. Лихачева съ Семькинымъ. Жалуясь на это рѣшеніе, Лихачевъ пишетъ, что, войдя съ частною жалобою въ общее собраніе на неправильное исполненіе его указа, онъ постоянно слѣдилъ за движеніемъ дѣлъ собранія, чтобы лично представить, при докладѣ, объясненія по содержанію моего частнаго прошенія, какъ вдругъ получаю указъ изъ 8 Д-та, разрѣшающій дѣло мое по существу. Это дѣйствительно было такъ. Частная жалоба Лихачева попала не въ общее собраніе, куда „къ поданію надлежитъ“, а къ секретарю Цвѣтаеву, который доложилъ дѣло по существу и выработалъ рѣшеніе, апелляціоннымъ порядкомъ, въ пользу Семькина. Едвали былъ подобный промахъ и у приказныхъ секретарей. Замѣчательно, что дѣло рѣшено во время ваканта 1866 года, когда обыкновенно мало дѣлъ и много времени, и рѣшено и подписано лучшими, позднѣйшими сенаторами 7 и 8 департаментовъ: кн. Вл. Ѳед. Одоевскимъ, который назначенъ въ 1865 г. первоприсутствующимъ, получилъ Владимирскую звѣзду въ 1866 и аренду въ 3 т. р. въ 1867 г.

генераломъ Н. П. Колюбякинымъ „умнѣйшимъ изъ военныхъ сенаторовъ“, удостоившимся увеличенія пенсїи за раны и Владимира 2 ст., покойнымъ кн. Дм. Ив. Долгорукиимъ; Гр. Алкед. Евреиновымъ, всегда слывшимъ за дѣльца и получившимъ Аннинскую ленту въ этомъ году, и денежное пособіе въ 2 т. р. въ 1868 г., и наконецъ профессоромъ Н. В. Калачевымъ, удостоеннымъ тоже Владимира 2 ст., доктора и авторитета гражданского права. Что же смотрѣли и дѣлали эти удостоенные и достойные лавренты? Такъ идти дѣламъ нельзя. Но они могутъ идти и пойдутъ хуже. Лихачевъ богатъ, но эта распущенность присутствїя и канцелярїи производитъ то, что капиталъ въ 70000 гуляеть въ чужихъ рукахъ. Распущенность большая, я ея не скрывалъ ни передъ почтенными моими товарищами, занятыми другимъ дѣломъ, ни передъ канцелярїей, чующей свое упраздненіе.

Разъ какъ-то я шелъ по Тверскому бульвару и слышалъ разговоръ двухъ мастеровыхъ. Хорошо, говорить одинъ, я завтра схожу къ нему и спрошу порядкомъ: что же онъ думаетъ и можно-ли на него разчитывать? Не ходи, Василій отвѣчаетъ другой, не трудись; время-то нынче какое-то мудреное, такое что все какъ-то выходитъ не такъ, какъ желалъ и думаешь. Нѣтъ, нѣтъ да и оборвется, а тутъ и обида и судъ и злоба. Не знаю, о чемъ они говорили, но печаль о времени меня поразила. Въ самомъ дѣлѣ, время трудное, исполненное случайностей и обрывовъ. То и дѣло, что общее дѣлается личнымъ, гласное ложнымъ, ложное вѣроятнымъ, сказочное возможнымъ. Слухи часто несбыточные безпрестанно беспокоятъ общество. Ничтожное событіе принимаетъ огромные размѣры, мѣстная мелочь раздувается въ всеобщій фактъ, неоспоримое начало подмывается специальными примѣненїями. Разговоръ переходитъ въ споръ, доступъ въ личную ссору, оскорбленїя, злобу. Гласность! Не говоря о нашихъ преобразованїяхъ, такъ различно оцѣниваемыхъ разными сторонами, не говоря о западныхъ губерніяхъ, гдѣ столкнулись Московскій произволь съ подпольною Польскою кривою, не говоря ни о бывшихъ пожарахъ, ни о настоящемъ голодѣ, я хочу указать на два событія, поучительныя въ томъ отношенїи, что въ нихъ участвуютъ лучшіе люди, профессора Московскїе и доктора Петербургскїе. Столкновенїе Чичерина-Дмитріева и consort съ Совѣтомъ, университетская исторїя все еще продолжается. „Современныя Извѣстія“ въ №№ 100 и 114 выставили этотъ позоръ въ самыхъ наглыхъ выраженїяхъ. Въ Петербургѣ началась и разрастается исторїя смерти Дубовицкаго. Д-ръ Типулинскій обвиняетъ въ невѣжествѣ едва ли не всѣхъ докторовъ столицы. Гласность! Личность! Не менѣе поразительны и столкновенїя въ новыхъ судахъ: судей съ прокурорами, прокуроровъ съ адвокатами. Конечно, этого надобно было ожидать. Незапная и

широкая гласность застала общество въ расплохъ и когда хромой чертъ открылъ всѣ крыши, весь муравейникъ переполнился. Любопытная, поучительная эпоха!

Въ Петербургѣ производилось дѣло о дворянинѣ, коллеж. ассесорѣ Петровскомъ и крестьянинѣ Прокофьевѣ, сужденныхъ за ложный доносъ объ оскорбленіи Величества парикмахеромъ Фроловымъ. Процессъ замѣчательнъ не тѣмъ, что по пустому событію (спору пьяныхъ въ трактирѣ: играть или не играть гимнъ, „потому, что ночью царя нѣтъ“) дали значеніе и что прокурорская власть такъ неловко признала это доносомъ объ оскорбленіи Величества и передала суду ложныхъ доносчиковъ. Доносами не шути! Нѣтъ, дѣло замѣчательно символическимъ значеніемъ имени гр. Муравьева и эксплуатаціей Поляковъ. Доносчики, Прокофьевъ и Смирновъ, ворвалкъс къ Петровскому, называя себя слугами гр. Муравьева, Смирновъ камердинеромъ, Прокофьевъ—кучеромъ, требовали угощенія, грозили, если не пойдеть, доносить на Фролова. Судъ оправдалъ. Но суду слѣдовало, безъ суда, прекратить дѣло въ распорядительномъ засѣданіи. Правда, оно производилось все время слѣдствія надъ Каракозовымъ; я понимаю тогдашнюю неловкость въ прокурорѣ, но не понимаю теперешняго суда, производившаго дѣло, за которое не за что ударить и кошки.

Май. Пробужденіе Славянства есть послѣдствіе нашихъ либеральныхъ реформъ и ослабленія Турціи и Австріи. Да единство Германіи дало газетной фразѣ: Drang nach Osten особенное значеніе. Вчера въ Прагѣ играли и пѣли „Боже царя храни“, сегодня тамъ митингъ 20 т. человекъ, требующій независимости Чехіи, завтра закладка національнаго театра, съ депутаціями отъ всѣхъ племенъ*). За Романскимъ и Германскимъ мірампъ встаетъ Славянскій. Послѣ Римской государственности и Германской индивидуальности, показывается на свѣтъ Славянская общинность, демократія—пожалуй—коммунизмъ. Нигдѣ, въ массѣ народа, эти понятія не выражаются съ опредѣленностію обычая и учрежденія, какъ у насъ, въ народѣ Русскомъ. Начало 19 Февраля 61 года мы провели и въ Польшѣ. Далекое ли и далѣе? Повидимому далеко, потому что мы не рѣшились примѣнить это начало даже въ Балтійскихъ губерніяхъ. Далекое—повидимому. Въ дѣйствительности,

*) Изъ статьи проф. Попова, читанной сегодня въ Обществѣ любит. Словесн. видно, какихъ усилій стоило Чехамъ, чтобы въ теченіи 30—40 лѣтъ (Нѣмецкое постоянство!) собрать какія нибудь 350 т. гульденовъ. А Богемія считается лучшею провинціей—жемчужиной Имперіи. Национальный театр! Полно такъ-ли? Если бы Бейсъ гениально уступилъ митингу и даровалъ Славянамъ общій сеймъ, подобно Венгерскому, Славяне съѣхались бы, какъ въ 1848 и у насъ, 1867 г., и стали бы говорить національнныя рѣчи и между собою—по нѣмецки.

это Славяно-русское начало должно объять всю Европу. Германская индивидуальность (безнаслѣдственность) и Русская община (безсобственность) должны служить основаніемъ современнаго развитія человѣчества. Я желалъ выразить это въ небольшой статьѣ „Позднѣйшіе годы“, напечатанной въ (третьемъ) „Утрѣ“ Погодина, писанной еще въ 1858 г. Поэтъ (Тютчевъ) предвѣщаетъ:

Онъ живъ—Верховный Промыслитель,
 И судъ Его не оскудѣлъ....
 И слово „царь-освободитель“
 За Русскій выступитъ предѣлъ!

Но гдѣ центръ Славянства? Въ Россіи. Покоривъ Азію, сливъ съ собою, послѣ 500 лѣтняго спора, Польшу, Россія есть истинная, могущественная представительница Востока, Славянскаго міра, Славянскаго моря, на которомъ виднѣются два острова: Венгрія и Греція, готовые покрыться Славянскими волнами. Дайте этой массѣ образованности, образованности, образованности.

Гимназистъ Витольдъ Горскій (18 л. 8 мѣс.), убійца семейства Тамбовскаго купца Жемарина (см. выше) осужденъ на смерть, чрезъ повѣшеніе. Я остановлюсь на этомъ дѣлѣ, подобнаго которому я не знаю ни въ древней ни въ новой исторіи. Оно невѣроятно, почти невозможно, а между тѣмъ оно дѣйствительно совершилось. Вотъ что *показываетъ преступникъ*. Наконецъ 1 Марта рѣшился совершить преступленіе: убилъ сына Жемарина (10 лѣтъ), хотѣлъ на этомъ остановиться; но опасность открытія и боязнь наказанія взяли верхъ: я отнесъ трупъ мальчика въ кабинетъ и нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ. Потомъ, подъ предлогомъ случившагося будто бы у сына Жемарина кровотеченія, я вызвалъ мать Жемарина и пропустивъ ее чрезъ корридоръ, выстрѣлилъ въ нее сзади и убилъ. За тѣмъ я позвалъ вмѣстѣ дворника и кухарку: дворникъ пошелъ въ чайную, я выстрѣлилъ въ него, и вѣроятно кухарка это видѣла. Я сдѣлалъ по ней два выстрѣла, но не убилъ; она побѣжала на дворъ, я воротилъ ее, она вырвалась изъ моихъ рукъ, побѣжала въ чайную и споткнулась на трупъ дворника; здѣсь я ее добилъ кистенемъ. Придя въ залу, я только что успѣлъ зарядить револьверъ, какъ пріѣхали Жемарина съ сыномъ, горничная и кучеръ. Убивъ трехъ (четырехъ), я поневолѣ долженъ былъ убить и остальныхъ. Я сталъ въ углу, и только Жемарина взялась за ручку двери отъ чайной, я выстрѣлилъ въ нее, потомъ прицѣлился въ горничную, но револьверъ не выстрѣлилъ и убилъ горничную полѣномъ, а другимъ полѣномъ убилъ меньшаго сына Жемарина“. (Господи!) *Жемаринъ показалъ: Я, не слушая полиціи, бросился въ комнату и прямо наткнулся на трупъ. Я закричалъ: убиты! кинулся по корридору въ столовую*

искать спичекъ, но не нашелъ ихъ, упалъ въ обморокъ. Не знаю, когда принесли огонь, я очнулся и увидѣлъ еще два тѣла, дворника и кухарки. Собравшись съ силами, я бросился искать свое семейство, вхожу въ кухню и вижу: жена моя сидитъ мертвая, трупъ ея уже застылъ, а 4 лѣтній сынъ мой плаваетъ въ крови и стонетъ; я схватилъ его, сталъ растегивать шубку, прижалъ его къ себѣ, потащилъ въ дѣтскую; я надѣялся, что спасу хоть его. Потомъ я увидѣлъ трупъ матери, бросился въ кабинетъ: тамъ на полу лежалъ весь изуродованный, весь закоченѣлый старшій сынъ мой“. (Какъ это выдерживаетъ человѣкъ такія страсти!). *Няня Кулешева заключила свое показаніе*: Это была просто настоящая бойня! Какъ Господь имѣлъ терпѣніе! Кровь вездѣ налита, всѣ избиты, живаго мѣстечка нѣтъ! (Изъ подробнаго письма Гардинга). („Судеб. Вѣстн.“ № 96—98). Ни грабежа, ни личнаго мщенія тутъ нѣтъ. Это изувѣрство Польскаго фанатизма. Какое преступленіе! Какая преступность! Невѣроятно!

Все это время я очень боялся за жену. Продажа Рябинокъ и продолжительная болѣзнь Екатерины Ивановны Елагиной давятъ ее. Она поддерживается только своими обязанностями. Слава Богу, открылась весна. Мы ожидаемъ обрученныхъ, ожидаемъ старушку Симанскую. Думаемъ ѣхать къ Сергію. Ожидаемъ переѣзда въ Петербургъ. Боже мой, какъ все непрочно и скоротечно!

Въ половинѣ 3 часа сего 6 Мая родился Великій Князь Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Наслѣдника Цесаревича. Общая радость, общее участіе, общая надежда. Да сохранить и возраститъ Господь царственнаго младенца! И природа и вся земля Русская празднуютъ его рожденіе. Да внушитъ Богъ дѣду не бросать награды и народнаго достоянія мятежнымъ царедворцамъ, а облегчить народъ уменьшеніемъ податей, его гнетущихъ, и ввести бережливость, простоту и страхъ Господень въ жизнь народную конца XIX столѣтія, когда появится на сценѣ свѣта будущій Николай II-й. Общая радость, легенда о Дагмарѣ и загробной помолвкѣ, о царевичѣ Николаѣ во всѣхъ устахъ. Въ очію совершается какая-то древняя Датская свѣтлая сага!

Ну, кажется, тарифная агитація кончилась. Протекціонисты разбиты на голову; фактическая, продолжительная рѣчь Тьера и наши сильные, грубые доводы Шиповыхъ, Чугуновыхъ, Колюпанова, Красильникова, Полетики и проч. не отвергли того простаго математическаго факта, что, не смотря на пониженіе тарифовъ, во Франціи и въ Россіи, сближеніе мѣстныхъ рынковъ съ общимъ, всемірнымъ не препятствовало развитію народнаго труда, усиленію производительности и удешевленію благосостоянія. Прогрессъ господствуетъ. Но полно такъ-ли? Не приимаемъ-ли мнимое за дѣйствительное? Не смѣшываемъ-ли движимаго

(Перейра) съ поземельнымъ (гр. Бобринскій) и достаточно-ли вникаемъ въ требованія закона взаимности?

Revue des deux mondes напечатало новую статью объ Александрѣ II, 1866 и 1867 годовъ, того же de Masad'a и прежняго содержанія. Статья правдива и достовѣрна. Она рассказываетъ подробности Петербургскихъ партій съ точностію Петербургскаго столоначальника, съ безпристрастіемъ Остзейца и съ легкими прибавками Француза. Разумѣется, главною цѣлію статьи служатъ Катковъ и ультра-русская партія, для которой посягательство Карагозова—нигилизмъ, а Березовскаго—полонизмъ, послужили только ступенями къ вѣщшему возвышенію и утверженію знамени, на которомъ Катковъ начерталъ „обрусеніе, а Николай Милютинъ: „Демократія и Царь“, степь и въ степи одна башня. Я несколько не сомнѣваюсь, а совершенно увѣренъ, что это писано барономъ Фирксомъ (Шедоферотти) по матеріаламъ, доставленнымъ изъ Петербурга. Статья пахнетъ Фирксомъ, его тенденціи, его пошибъ. Но—повторяю—много правды и достовѣрности. Она не лестна для Государя, повинующагося тѣмъ, qui lui épargnent la peine de penser et d'agir, не лестна вообще для Россіи, которая представляется хранительницею социализма, нарушительницею правъ собственности и договоровъ (Остзейскихъ) съ Азіатскою самоувѣренностію и невѣжественнымъ пренебреженіемъ къ гнилому Западу. Но—повторяю—правдива и достовѣрна. Статья Мазада запрещена цензурою, но вырѣзки ея довольно свободно обращаются въ обществѣ. Какое можетъ быть запрещеніе при свободѣ печати, съ желѣзными дорогами и безъ паспортовъ?

Сегодня разбиралось (въ третій разъ) дѣло о студентахъ, шумѣвшихъ на представленіи „Жизнь за Царя“ 14 Ноября 1867 г., Итакъ, болѣе полугодомъ. Болѣе полугодомъ таскаютъ въ посмѣяніи Московскую полицію и генераль-губернатора, представляемыхъ и обвинителемъ (поручикъ Базилевичъ, а главныя лица: полковники Поль и Врубель предстали лично) и защитникомъ (кандидантъ Зоринъ) въ самомъ шутовскомъ видѣ. Шалуны, восемь разъ вызывавшіе Онуе (она превосходно играетъ Ваню и постоянно участвуютъ въ концертахъ въ пользу студентовъ), конечно оправданы, и дѣйствительно трудно приложить законъ уголовный, гдѣ примѣнимы только приличіе, тактъ и благовоспитаніе, довольно чуждые нашей театральной публикѣ. Обвинить студентовъ, по закону, нельзя. Это неистовство криковъ, аплодисментовъ и беззаконныхъ вызововъ надобно терпѣть. Законъ не запрещаетъ, общественная среда попускаетъ, генераль-губернаторъ и полиція тутъ ни при чемъ. Но маленькій процессъ этотъ, въ моихъ глазахъ, разрастается въ цѣлую драму. Это борьба и побѣда школьнаго общества въ схваткѣ съ высшимъ Московскимъ начальствомъ, побѣда студентовъ

надъ полиціей, пожалуй, каприза надъ властію, произвола надъ авторитетомъ. Знаменіе времени—скажетъ старикъ; послѣдствія радикальныхъ реформъ, прибавитъ пессимистъ. Скорѣе, объясню я: слѣдствіе распущенности молодежи, этихъ Діатроповыхъ, Сипягиныхъ и др., и глупыхъ представителей авторитета и власти, какъ наша Московская полиція (Н. У. Араповъ) и ея главный начальникъ, улианный куафѣромъ и унианный звѣздами генераль-губернаторъ.

Надобно ожидать взрыва. Накопилось горючихъ матеріаловъ; неустанно работаютъ революціонныя силы: на Западѣ—Наполеонъ, попирающій Италію и опасаящійся войны съ Германіей; на Востокѣ—Россія, вызывающая Славянъ къ возстанію и на Московской выставкѣ и на открытіи Парижскаго театра и въ Пештѣ, и въ Бѣлградѣ. Надобно ожидать взрыва въ Италіи и на Дунаѣ. Рѣчи Наполеона въ Орлеанѣ и Руанѣ, рѣчь о государственномъ совѣтѣ не отведутъ удара. Гроза должна разразиться. Да и пора. Вооруженіямъ конца нѣтъ. Вызывы безпрестанные. Тутъ кронъ-принцъ триумфально встрѣчается итальянцами; здѣсь принцъ Наполеонъ ѣдетъ по жгучимъ линіямъ Дуная. Австрія почти уничтожена, Франція унижена. даже блескомъ Абиссинской экспедиціи, Турція не можетъ справиться съ Критомъ! Россія въ центральной Азіи затрудняется легкостію завоеваній и опредѣленіемъ границы этой нескончаемой степи ханствъ полудикихъ. Надобно, чтобы начало національности осуществилось во всей полнотѣ и чтобы началось развитіе новаго принципа владѣнія и новой церкви.

Государь, то ѣдетъ за границу, то въ Ильинское, то по Россіи. Москва и о Наслѣдникѣ съ Цесаревной говоритъ тоже. Поѣздка за границу всегда тяжело отзывается на сердцѣ. Нѣтъ полной безопасности и внутри имперіи, возбужденной радикальными реформами. За границей это возбужденіе, пропитанное фанатизмомъ партій, особенно Польской немочью, не сдерживается и тою малою долею личной преданности, которую называютъ народною любовью къ царю-освободителю. Говорятъ, королева Ольга писала Императору, чтобы онъ не ѣздилъ за границу, что разсѣянные повсюду Поляки, общее возбужденіе умовъ въ Германіи и даже Остзейскій вопросъ (вопросъ!) представляютъ (по крайней мѣрѣ, для любящихъ сердца) много опаснаго въ дерзкихъ манифестаціяхъ и безумныхъ посягательствахъ. Въ воздухѣ пахнетъ опасностію. Страшное время. Анна Аксакова получила письмо отъ великой княжны, что они ѣдутъ около 15 Іюня, что этого требуютъ медики.

Убіиство князя Михаила въ Бѣлградѣ! Какое поразительное событіе! Какъ оно близко намъ, такъ вызывавшимъ Славянъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, къ самостоятельности. Не начало ли это Восточнаго

вопроса? Не начало ли это движенія Славянъ? Готовы ли они? Или случайности партій, или ложныя надежды на Россію. Осмотримся.

Іюнь. Въ чаду нашихъ радикальныхъ внутреннихъ преобразованій, съ непривычки, по новости дѣла, много было сказано, напечатано и сдѣлано Славянамъ, особенно Чехамъ и Сербамъ, безъ такта, голословно и преждевременно. Если убійство Михаила Обреновича есть дѣйствіе крайней партіи движенія, наши газетные вызовы много тому способствовали. Даже нынѣшняя телеграмма „да здравствуетъ свободная Сербія“, говорить: воюйте за независимость! Да. Но поможемъ-ли мы? Подождемъ. Осмотримся.

Глубоко возмущенъ я былъ глупою, невѣжественною рѣчью прокурора Мотовилова по дисциплинарному дѣлу о секретарѣ Кѣхновѣ, дѣлу, которое не стѣитъ выѣденнаго яйца и возможно только при школьническомъ составѣ нашихъ судовъ. Но чтѣ значить эта рѣчь въ сравненіи съ рѣчью прокурора Тизенгаузена, сей часъ мною прочтенною, по дѣлу о Павленковѣ, перепечатавшемъ нигилистическія статьи Писарева „Донъ Кихоть“ и „Бѣдная Мысль“, появившіяся, съ дозволенія цензуры, въ 1862 г. въ „Русскомъ Словѣ“ графа Кушелева-Безбородко? Статьи эти, написанныя съ смѣлостію всезнающаго школьника, Тизенгаузенъ, не насмѣхаясь, признаетъ „явнымъ нарушеніемъ общественной благопристойности“. При такомъ составѣ нашихъ новыхъ судовъ едва ли заслужать они прочное довѣріе общества. Высшее общество, по крайней мѣрѣ, смущено ихъ дерзкими, самонадѣянными порядками. Частые, грубые промахи, масса дѣлъ затѣваемыхъ и потомъ прекращаемыхъ ими, и гласность производства дѣлъ неприличныхъ (какъ дѣвицы Баронъ, скандалезные роды которой рассказывались и распечатывались на всѣ манеры) лишаютъ ихъ серьезнаго довѣрія нашего высшаго общества, и дѣйствительная польза новаго суда, при этихъ условіяхъ, чувствуется и цѣнится развѣ нашими демократами и журналистами. Положимъ, Мотовиловъ въ своемъ заключеніи хотѣлъ (правовѣдъ) смять, уничтожить Громницкаго (университетскій), прокурора Окружнаго Суда, по антагонизму, а Тизенгаузенъ былъ связанъ требованіями цензурнаго управленія; но ни то, ни другое не уполномочивали ихъ идти до тѣхъ преувеличеній, которыя въ устахъ представителей прокуратуры возбуждаютъ сомнѣнія и опасенія о всей реформѣ въ умахъ спокойныхъ и чуждыхъ односторонняго увлеченія. Молодость, невыдержанность и заносчивость личнаго состава нашихъ новыхъ судовъ суть главные недостатки ихъ, и ошибочныя дѣйствія министерства, препятствующія водворенію довѣрія и уваженія къ суду и увѣренности въ правѣ и правотѣ въ нашей публикѣ, въ лучшей части Русскаго народа.

Сегодня, 11 Іюня, дорогой мой Дмитрій блестящимъ образомъ кончилъ свои экзамены, какъ *первый* ученикъ 4 класса частной реформатской гимназіи Цима, и сегодня же я отвѣчалъ министру юстиціи, что съ своей стороны не имѣю никакихъ препятствій къ перемѣщенію меня въ кассационный департаментъ. Жена очень обрадована и идетъ къ Иверской. На дняхъ мы будемъ у Сергія. Пора начать серьезное ученіе моему юношѣ. Пора кончиться и Московскому сидѣнью, продолжающемуся пятый годъ. Я долженъ однако замѣтить, говоря о первомъ ученикѣ, что требованія школы очень умѣренны, и успѣхи ея достигаются безъ тѣхъ усилій, которыя дѣлалъ я въ этомъ возрастѣ, я, отличавшійся особенною памятью (способностію наиболѣе въ этихъ классахъ требуемую). Правда, Дмитрій приготовленъ лучше, имѣвъ дорогихъ учителей до 12 лѣтъ и пользуясь ихъ помощію и въ продолженіе своего курса. Благодарю Бога за прекрасныхъ дѣтей. Вообще Московское заточеніе въ отношеніи здоровья и развитія дѣтей было весьма полезно. Перемѣщеніе дѣлается въ время. Дмитрію предстоятъ постепенныя занятія, и моя музыкантка (*mes délices*) требуетъ лучшаго наставника. Дай, Господи, только здоровья!

Опять пожары. Выгорѣлъ Динабургъ, выгорѣло с. Иваново, сгорѣла Кунавинская слобода! Выгорѣлъ и Любекъ! Пожары въ Осташковѣ, въ Слуцкѣ,—что за бѣдствія! А холодное лѣто грозитъ неурожаями. Старческія опасенія. Ихъ навѣяли „Вѣсть“ и ея Лиліенфелды и Обуховы. Преобразованія тяжки, но движеніе есть, несомнѣнно. Они оскорбляютъ старыя привычки, даже старыя права, особенно старыя привиллегіи; но они пробуждаютъ сознаніе, чувство долга, отвѣтственности и взаимности. Пожары, война и моръ, мы вынесемъ все; такъ предустановилъ Богъ, и человѣку того не перемѣнить. А бѣдствующихъ много. И самая „Вѣсть“ иногда несовсѣмъ не права.

Я приписываю эти бѣдствія не столько реформамъ, сколько реформаторамъ, ихъ незапности, радикальности и непрактичности.

Петербургскіе и Симбирскіе пожары насъ не научили. Пора ввести общественное городское управленіе; безъ него и с. Иваново, преобразовавшись въ городъ, не спасется со всѣми трубами, имѣющимися при всякой фабрикѣ.

Общій ропотъ въ Москвѣ, и за Москвою, на Государя за отдачу Николаевской дороги *Французскому* (главному, *la grande*) обществу Русскихъ желѣзныхъ дорогъ, едва ли основателенъ. Объясняютъ эту уступку тѣмъ, что императорская фамилія заинтересована въ дѣлѣ взятыми на нѣсколько милліоновъ акціями и облигаціями. Можетъ быть. Но не естественно-ли передать часть (600 верстъ) цѣлому (6,000 верстъ), дѣйствительному, организованному и (это и значительно) упа-

дающему? Отдавая выгодную линію главному обществу, правительство избавляется отъ ежегодныхъ приплатъ (гарантій) и получаетъ право надѣяться (довольно дешевое право) надѣяться на улучшение Николаевской дороги, доведенной почти до негодности. Она перевозитъ дурно, задерживаетъ транспорты и стоитъ до 60% выручки. Переменная управленія была необходима, и графъ Бобринскій, новый, дѣятельный товарищ лѣниваго министра (Мельникова) имѣлъ основаніе представить Государю объ улучшеніи дорогою цѣною—чѣмъ? Поддержаніемъ падающаго Главнаго Общества, въ которомъ и онъ, графъ Бобринскій, и члены императорской фамиліи такъ заинтересованы. Общій ропотъ въ Москвѣ понятенъ. Члены Московской компаніи забрались залогомъ и, не получивъ дороги, заплатили только огромные проценты.

Сербская катастрофа разъясняется участіемъ прежнихъ князей Карагеоргиевичей. Я полагалъ, что тутъ замѣшана демократическая, радикальная партія дѣйствія, въ поощреніи которой я такъ много обвиняю наши провокаціонныя статьи и телеграммы. Старикъ Карагеоргиевичъ протестуетъ, но изъ показаній подсудимыхъ очевидно, что Карагеоргиевичи или партія ихъ или подъ именемъ ихъ участвовали въ дѣлѣ и желали низверженія Обреновичей. Избраніе министерствомъ Милана съ регентствомъ, утвержденное скупщиной, едва ли удержитъ порядокъ, хотя скупщина учреждаетъ конституцію, гласный судъ и свободную печать. Самое это учрежденіе есть начало революціи, и не юношѣ (14 лѣтъ) сдержатъ ее, и не регентству, сборному и всегда многимъ неправившемуся (министерству) устоять противъ напора неучей и прорвавшихся національныхъ стремленій. Скупщина—это стадо барановъ, министры (теперь регенты) трактуютъ ихъ какъ хотятъ, и Сербская интеллигенція не имѣетъ никакого довѣрія и уваженія къ этому собранію. Итакъ временный порядокъ утвержденъ на одностороннихъ основаніяхъ одной партіи, далеко не пользующейся національнымъ авторитетомъ. Вѣроятно теперь порядокъ этотъ поддерживается терроромъ.

Последнія судьбы католицизма сопровождаются плохими знаменіями времени. Глупѣйшіе силлабусы, интердикціи и отлученія, ни для кого необязательныя, приводятъ къ еще менѣе обязательнымъ аллокуціямъ и наконецъ къ созванію въ Декабрѣ 1869 г. вселенскаго собора. Соборъ вѣроятно произнесетъ свой судъ надъ папствомъ. Погубило католицизмъ папство. Послѣ всѣхъ униженій, понесенныхъ отъ консула и императора, папство отдалось въ зависимость императора той же Франціи. Забывая всѣ одолженія Меттерниха, папство, видя распаденіе той же Австріи, легкомысленно и бездѣйственно порываетъ и тѣ слабыя связи неорганическаго устроенія Габсбурговой монархіи, которыя при-

думалъ Саксонскій выходець, чтобы отерочить распаденіе, уже совершившееся при Садовой подъ начальствомъ Венгерца. Папство и знать не хочетъ требованій необходимости. Non possumus. Старческая немощь эта, при обычныхъ натугахъ прежней силы, ведетъ къ смерти. Вселенскій соборъ западнаго христіанства, если послѣдуетъ всѣми ожидаемая смерть Пія IX-го, упразднить папство, какъ государство, поставитъ его подъ авторитетъ собора и оснуетъ національныя церкви. Западная церковь идетъ къ федераціи. Догматическое исповѣданіе падаетъ. Программа убѣжденій разума осуществляется. Искусственность построеній Григоріевъ и Иннокентіевъ обличается. Наступаютъ послѣднія судьбы католицизма. Да и пора. Католицизмъ господствовалъ свѣтскою властію, земными орудіями, формализмомъ. Вселенскій соборъ запечатлѣетъ это паденіе. Онъ постановитъ, возстановитъ или подтвердитъ коренныя догматы, ихъ ни одна (ни одна) держава не приметъ, и папство, католицизмъ, само собою отдѣлится отъ государства, а въ этомъ-то и заключается его смерть. Любопытно, какую роль въ этихъ событіяхъ приметъ духовенство, не раздѣляющее выгодъ духовныхъ магнатовъ и между тѣмъ сосредоточивающее въ себѣ всю силу клерикальнаго элемента. Теперь много говорятъ о предвозвѣщенномъ въ Декабрѣ 1869 года соборѣ и о возможности отмены католическаго (главнаго) догмата о папствѣ. Кромѣ сочиненія Трирскаго канцлера Ник. Гонтгейма, въ прошломъ столѣтіи были болѣе положительныя попытки къ образованію національныхъ церквей, еще независимѣ Галликанской. Эмская пунктація 25 Авг. 1785 г., начатая Кѣльнскимъ архіепископомъ Максимилианомъ, по мысли брата его, Іосифа II-го, подчиняла папу соборамъ. Въ концѣ столѣтія папство потеряло всякое значеніе, и въ Сентябрѣ 1799 г. папская держава, уничтоженная Французами, возстановлена Русскими, Англичанами и Турками.

Извѣстный Французскій публицистъ, Венгерецъ Горнъ вывелъ балансъ имперіи Наполеона III. И у насъ отъ несовсѣмъ скромнаго Николаевскаго бюджета въ 220 милліоновъ рублей переходъ къ 450 милліонамъ 1863 г. едва ли не лучше Франціи доказываетъ выводъ Горна.

Какъ ни страшно слышать, что Государь ѣдетъ въ чужіе края, но если это должно послѣдовать, какъ бы съ его стороны было высоко и доблестно, при свиданіяхъ, уговориться съ Наполеономъ (онъ главная причина и зло) и королемъ Вильгельмомъ о постепенномъ уменьшеніи войскъ, численность и напряженное состояніе которыхъ въ такомъ радикальномъ противорѣчій съ мирными успѣхами высокой образованности конца XIX столѣтія. Пора положить конецъ этому милитаризму, вызванному, Наполеономъ I-мъ для обузданія революціи и основанія всеобщаго господства. Чтò стоитъ Европѣ этотъ устарѣлый порядокъ,

можно справиться у Лярокка: *De la guerre et des armées permanentes. Paris. 1864.* Сочиненіе короновано Англійскимъ Обществомъ мира и заслуживаетъ вниманія государей. Небрежа народнымъ достояніемъ, государи готовятъ республику. Не странное ли это дѣло, что всѣ успѣхи науки, предназначенные для возможнаго благосостоянія чело- вѣчества, устремлены къ изобрѣтенію наиболѣе совершенныхъ орудій истребленія чело вѣчества. Не странное ли это явленіе, въ концѣ 19 вѣка, что треть, половина народнаго труда, пота и крови, расходуется непроизводительно, губительно, безчеловѣчно!

Желалъ бы я поговорить о митрополитѣ Иннокентіѣ (отецъ Веніа- миновъ, Алеутскій), такъ смиренно принявшемъ кафедру знаменитаго библиста и эзегета, такъ симпатично встрѣтившаго Московскую паству. Архимандритъ Никодимъ привѣтствовалъ его прекраснымъ словомъ, сравнивъ прибытіе его въ Москву изъ отдаленнаго Востока, гдѣ онъ подвизался истинно апостольски, съ пришествіемъ апостола Петра съ Востока въ Римъ. Иннокентій, называя себя безкнижникомъ, вопро- шаетъ: „Кто я? И кому наследую?“ и основательно опасается за воз- можность нарушенія чистоты Православія, возвѣщая благодать и миръ Господа умиленному Московскому народу. Но я еще не познакомился съ преосвященнымъ, хотя многіе изъ товарищей на дняхъ представля- лись ему. Поэтому я могу сообщить о немъ только слухи. Слухи о немъ хорошіе. Онъ хочетъ ввести болѣе порядка и разборчивости въ назначеніяхъ по бѣлому духовенству и болѣе строгости и воздержности въ монастыряхъ, особенно въ этомъ матеріалистическомъ, избалованномъ, богатомъ Лаврскомъ монастырѣ Сергіево-Троицкомъ.

11-го Іюля я перемѣщенъ въ кассационный департаментъ. Хочу опредѣлить планъ моего служенія на этомъ *новомъ* поприщѣ. Мы пере- вели кассацию съ Французскаго. Тамъ она выросла изъ королевскаго произвола, стѣсненнаго немножко наследованнымъ уваженіемъ въ закон- ности судебнаго рѣшенія. У насъ произволь существовалъ порядочный, но уваженія къ судамъ никогда не было. Уваженіе къ судебнымъ рѣ- шеніямъ основывается на твердости понятія о собственности, котораго у насъ никогда не было и нѣтъ. Это институтъ Римскій, чисто-запад- ный, привитой намъ Нѣмцами или лучше—Нѣмкою. Поэтому я опа- саюсь, чтобы наша кассациа не превратилась въ голый формализмъ, довольно ощутительный и во Франціи, но значительно умѣряемый тамъ Французскою говорливостію и распространенною правоспособностію. Я конечно долженъ буду подчиниться доктринамъ уже установившимся въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, подчиниться по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Между тѣмъ два момента въ процессѣ—преданіе суду и пред- варительный арестъ—моменты существенные, изъяты изъ порядка кас-

сациі. Грубыя ошибки обвинительныхъ актовъ, вводящія въ заблужденіе все судебное слѣдствіе, не подлежатъ обжалованію, хотя бы здѣсь мошенничество принималось за грабежъ, гражданскіе расчеты за обманъ. Арестъ—легко сказать! А при этомъ арестъ могутъ быть нарушены всѣ личныя гарантіи. Потомъ нельзя не обратить вниманія на массу прекращаемыхъ слѣдствій (предварительныхъ). За чѣмъ же тратится трудъ и обезпокоиваются люди? Знаю я, что при стремленіяхъ къ гарантіямъ молодая, наименѣе гарантированная нація, готова на излишнія требованія. Знаю я, что при единствѣ кассациі на Русскихъ пространствахъ распространеніе ея не по силамъ человѣческимъ. Но тогда лучше отдѣлить мировую юстицію отъ обще-судебной и обставить только послѣднюю всѣми желаемыми гарантіями, на которыя указываетъ уже и кратковременный опытъ. Посмотрю. Удастся-ли? Мнѣ такъ мало удается.

Съ назначеніемъ 6—8 сенаторовъ въ кассацию, что же будутъ дѣлать генералъ-лейтенанты въ старомъ Сенатѣ, гдѣ ни дѣла, ни департаменты не сокращаются? И это министры! И какъ же жалки, эти генералъ-лейтенанты, озабоченные на старости-то лѣтъ возможностью потери содержанія! И это министры!

Кончился Бѣлградскій процессъ; 14, 15 человѣкъ разстрѣлено. Но какое тяжелое впечатлѣніе оставляетъ на душѣ чтеніе этого полуазиатскаго процесса! Слушая рѣчи и стихи Субботичей на этнографической выставкѣ въ прошломъ году и наблюдая постепенное разложеніе Турціи, мы думали, что Сербія созрѣла до того, чтобы стать во главѣ славянства и низложить мусульманское иго, тяготящее надъ лучшими странами міра, поддерживаемое соревнованіемъ близорукихъ политиковъ, въ даровитыхъ и многочисленнѣйшихъ племенахъ Славянъ и Грековъ. Увы! Въ Сербіи столько же невѣжества, сколько и бѣдности. За какуюнибудь тысячу дукатовъ Карагеоргиевичей какой-нибудь несчастный адвокатъ Павелъ Радовановичъ собираетъ дешевую шайку банкротовъ, почти бродягъ, и самымъ варварскимъ образомъ эти бродяги, безъ цѣли, безъ побужденій, вопреки національныхъ стремленій убиваютъ любимого народомъ князя Михаила, звѣрски уродуютъ его, уже убитаго, убиваютъ сестру, племянницу, адъютанта, лакея... Господи! И изъ среды такой передовой страны могли явиться подобные изверги и въ средѣ своей могла имѣть такихъ субъектовъ передовая Сербія, стремящаяся стать во главѣ Балканской имперіи. Варварское владычество не просвѣщаетъ, и только подъ Турецкимъ владычествомъ возможно такое злое, бессмысленное и грубое преступленіе какъ убійство Михаила Обреновича. Процессуальность и участіе общества обнаруживаютъ такое же невѣжество, неразвитость и грязную Азіатскую грубость. Какая это

нація, чтобы стать во главѣ политическаго движенія и дать прочные элементы для образованія великаго государства? Судь ругается, публика дерется. Азія!

Сейчасъ я отъ министра юстиціи, графа К. И. фонъ-дербъ-Палена. Дайте образумиться. Это какой-то аптекарь Schneidergeselle. Министра въ немъ ни на вершокъ. Онъ же не умѣетъ и говорить, Нѣмецъ этотъ Остзейскій. Вступивъ въ службу въ 1854 г., онъ министръ, тайный совѣтникъ, статеь-секретарь и Станиславъ. Голова у Нѣмца закружилась и кружится до сихъ поръ. Чтò это за министръ? Я иначе понять не могу это назначеніе какъ желаніемъ за подписью Остзейца провести Русскія реформы въ Остзейскомъ краѣ. Образумиться не могу. И этакимъ людямъ ввѣрены судьбы Россіи! И это наши государственные люди! Впрочемъ, при Нѣмецкой добросовѣстности, при университетскомъ просвѣщеніи, ранній государственный опытъ можетъ быть и выработаетъ изъ него настоящаго министра, высокое званіе котораго теперь ставитъ молодаго человѣка совершенно въ ложное положеніе. Онъ не вѣритъ, что онъ министръ, а между тѣмъ онъ есть. Онъ и торопится и зарпортовывается и хохочетъ. При дурной рѣчи Русской, все это очень смѣшно. Если его назначила партія (говорили: Валувевъ-Шуваловъ), то надобно имѣть очень узкія воззрѣнія, чтобы остановиться на гр. Паленѣ. Я останавливаюсь на томъ, что этотъ Остзейецъ выбранъ Государемъ для Русскихъ реформъ въ Остзейскомъ краѣ. Вѣдь выбралъ же Государь графа Панина для освобожденія крестьянъ.

Какія страшныя преступленія оглашаются неопытному слуху непривычною гласностью, событія небывалыя, какъ бы ненормальные. Я объясняю это тремя причинами: во-первыхъ, нашею бѣдностію вообще. Мы всегда жили и живемъ не по средствамъ, всегда распущенно и въ долгъ. Съ радикальными реформами эта распущенность крайне увеличилась. Во-вторыхъ, Петербургская расточительность. Москва и за нею Россія смотрять на Петербургъ какъ на образецъ, на идеаль, а образецъ этотъ утопаетъ въ роскоши непомѣрной, наводняетъ страну ассигнаціями, заключаетъ новые и новые долги, раздастъ государственный имущества, сыплеть гарантіи и возвышаетъ подати, уменьшая, убивая національную производительность, и все это, чтобы вызвать расточительность Петербургскихъ чиновниковъ, обложенныхъ, какъ чудотворныя иконы, огромными золотыми окладами. Это соблазнъ и скандалъ. Расходы на государственныйя учрежденія въ десять лѣтъ увеличились на 300%, и бросаніе денегъ г.г. Бутковыми, Гернгроссами, Врангелями и проч. и проч. возмущаютъ самое крайнее снисхожденіе. Въ третьихъ, обнищаніе народа отъ непомѣрно тяжкихъ и все увеличивающихся податей. Искусственные заработки на желѣзныхъ дорогахъ поощряютъ

только пьянство. Малые заработки земледѣлія и фабричности находятъ мало поощренія, и въ виду пониженія нынѣ обнародованнаго тарифа національный трудъ едва ли не уменьшить еще болѣе сферу своей дѣятельности. Итакъ, бѣдность, распущенность и расточительность, вотъ главныя причины ненормальныхъ современныхъ явленій. Многомѣстный голодъ, частые обширные пожары, Сибирская язва и общее броженіе къ переселеніямъ на Кавказъ, на Амуръ, въ Крымъ.

Исторія расскажетъ, какъ уживается нашъ абсолютизмъ съ нашею гласностію. Абсолютизмъ порядочный, все еще Николаевскій, своенравный и расточительный, гласность большая, запальчивая, невоздержная. Достаточно было огласить недостатки, бездѣйствіе какого-нибудь администратора, чтобы администрація дала ему награду, чинъ, повышеніе. Князь Дмитрій Друцкой огласилъ бездѣйствіе Пензенскаго управленія, г. Валуевъ даетъ губернатору Александровскому чинъ и кресло въ Совѣтъ. Только огласили „Москов. Вѣдомости“ о безпорядкахъ Московскаго почтамта, г. Тимашевъ даетъ почтъ-директору Инсарскому чинъ тайнаго совѣтника. А въ дѣйствительности (говорять) Александровскій купилъ повышеніе, а за Инсарскаго просилъ князь Барятинскій. Тайный совѣтъ. членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Ржевскій написалъ нѣсколько передовыхъ статей въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ (о голодѣ, о почтовомъ управленіи), и Тимашевъ передалъ ему, что въ его министерствѣ нѣтъ для него мѣста. Въ мелкихъ мѣстахъ, особенно въ сѣверо-западномъ краѣ, такихъ столкновеній печати и администраціи множество. Виленскій губернаторъ Шестаковъ счелъ нужнымъ даже окружно предписать чиновникамъ, чтобы они не оглашали въ печати дѣйствій администраціи. Циркуляръ темноватый и глуповатый.

Только что прочелъ „Воспоминанія изъ Мексики“ д-ра Баша. Это жалкая исторія жалкаго императора жалкой Мексиканской имперіи. Всему виною самъ Максимилианъ, его неприготовленность эрцгерцогская, его нерѣшительность Австрійская, его идеальность Нѣмецкая. Уже самое согласіе на предположеніе Наполеона о монархіи въ Америкѣ (планъ о Романскомъ могуществѣ, планъ грандіозный, но мечтательный, исходящій отъ авантюриста) доказываетъ непрактичность Мирмарскаго обитателя. Положеніе отчаянное. Шарлотта отправляется въ Европу упрашивать Наполеона. Съ отъѣздомъ императрицы положеніе Максимилиана дѣлается невыносимымъ. Тутъ начинаются „Воспоминанія“ Баша. Какая шаткость, какое исканіе предлоговъ, какая оффиціозная ложь! И этакіе люди думаютъ и берутся возродить націю! Нечего тутъ сваливать вину ни на Маркеца, ни на патера Фишера, ни на измѣну Лопеса. Рѣшившись въ Оризабѣ оставить Мексику, Максимилианъ, подъ вліяніемъ негодованія (вполнѣ основательнаго) къ Французамъ (кото-

рыхъ своевольства и хищничества дѣйствительно изумительны) совершенно предается консервативамъ, т. е. ретроgrадамъ, ничтожному меньшинству, и возвращается въ Мексику. Ну, тутъ и оставайся, въ столицѣ, во главѣ государства. Демократія преобладаетъ во всей странѣ, Максимилианъ держится консерваторовъ, поповъ, отстанвающихъ свои узкіе интересы. Здѣсь, *кажется* въ Мексикѣ, составляется заговоръ Маркеца, Жуарена и Лопеса. Максимилиана убѣждаютъ стать во главѣ арміи, и онъ отправляется въ Кверемаро и погибаетъ. Лучше бы онъ погибъ въ какой нибудь схваткѣ, безъ всѣхъ униженій полона, безъ глуповатыхъ попытокъ побѣга. Срамъ подчиненія Французамъ, срамъ возвращенія въ Европу поставили Максимилиана въ безвыходное положеніе, и онъ долженъ былъ погибнуть и погибъ жертвой Мирамарской необдуманности и Мексиканской нерѣшимости. Изданіе этой книги, вовсе не лестной для императора Наполена, конечно не будетъ содѣйствовать сближенію двухъ имперій. Особенно ярко выставлено корыстолюбіе и самовольство Французовъ въ Мексикѣ и особенно ярко обрисованъ маршалъ Базенъ (Смотри стр. 15, 17, 20, 94, 156, 155, 173).

Іюль. Собираясь оставить Москву, мнѣ бы хотѣлось оставить память о себѣ въ любезной первопрестольной. Мнѣ хочется положить основаніе приходской (Іоанна Богослова) церкви и Московскаго Юридическаго общества бібліотекамъ изъ моей бібліотеки. Большаго труда мнѣ стоило сбить съ рукъ пожертвованныя книги. Письма къ президентамъ написаны были 5 Сентября, а до 10, день моего сегодня отъѣзда, объ отвѣтахъ не было ни духа, ни слуха. Мое послѣднее Москвѣ слово: безопасность, распущенность.

Я въ Петербургѣ. Съ Марта 1864 г. не видалъ я этого красавца. Онъ похорошѣлъ, сдѣлался чище, умывается раза три въ день. Онъ собираетъ съ Россіи утроенную подать и всю или почти всю употребляетъ на себя, на свои Европейскіе порядки, оставляя въ Москвѣ и за Москвою грязь, невѣжество и бѣдность. Пріѣзжему изъ Московіи совѣстно глядѣть на этотъ блескъ, на эту Европейскую дѣятельность, на эти богатства, собираемыя со всей Россіи. Поживя вдали отъ двора, министерствъ и гвардіи, пріѣзжій изъ Московіи удивляется чудеснымъ успѣхамъ своей столицы, у которой нѣтъ ничего общаго съ остальною Россіей. Здѣсь, въ централизаціи, менѣе замѣтны или совсѣмъ незамѣтны и нечувствительны недостатки мѣстнаго, мелкаго управленія. Всѣ стремленія въ Петербургѣ направлены по одной дорогѣ, по дорогѣ личныхъ выгодъ, получить хорошее мѣсто, хорошій окладъ, хорошую аренду. Разобраны-ли дѣла въ Московской палатѣ, никому дѣла нѣтъ. Должны быть разобраны. Почему дворянинъ Орловъ съ 14 Мая, когда послѣдовалъ указъ, до 20 Іюля, когда я говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ мнни-

стромъ, не былъ освобожденъ изъ подъ стражи, никто не даетъ себѣ труда справиться. Между тѣмъ существенные интересы, личность и собственность гражданъ страждутъ, пищать въ тихомолку въ Москвѣ и за Москвою. Спекуляціи на постройкахъ желѣзныхъ дорогъ даютъ бюрократіи большія прибыли, и съ ея помощію земскіе люди эксплуатируютъ гарантіи земства. Раздача мѣстъ—оброчная статья своего рода. Одно хорошо въ Петербургѣ: не видишь Русской провинціи съ ея грязью и пьяною обстановкой; не слышишь жалобъ безсильныхъ угнетенныхъ, а все шито и крыто. Исполняй свое дѣло и живи покойно. Грустное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Петербургъ, и мнѣ кажется онъ имѣетъ преимущества и пользуется ими не по заслугамъ. Для Россіи хороша столица, а Москва—большая губернія. Петербургъ ей не по плечамъ.

Августъ. Послѣ Невскаго проспекта у Аничкина моста въ Петербургѣ и Тверскаго бульвара въ Москвѣ, по назначеніи меня въ кассационный департаментъ, я поселился въ Коломнѣ, въ Большой Мастерской, въ домѣ Печаткина, въ небольшой квартирѣ, въ пяти комнатахъ, цѣною 750 р. въ годъ, съ хозяйскими дровами. Эта часть города, воспѣтая Пушкинымъ, напоминаетъ губернію и ничего не имѣетъ общаго съ бѣшеною дѣятельностію Невскаго, Морскихъ и Садовой. Здѣсь нѣтъ ни одного магазина, ни извозничьей биржи, и поваръ жалуется на бѣдность рынка. Мнѣ всегда были противны роскошь и довольство въ виду крайней нищеты и бѣдствій, почти повсемѣстныхъ, въ виду сушасшедшихъ расходовъ какого нибудь Врангеля или Гернгросса и вообще наглаго Петербургскаго чиновничества, любящаго пожить на счетъ казны, на счетъ déficit'a, такъ возрастающаго отъ непомѣрныхъ государственныхъ расходовъ. Потомъ, серьезныя занятія дѣтей требуютъ тишины и большаго уединенія. Потомъ, надобно сократить издержки по дому и хотя по немногу откладывать бѣдной Наташѣ, хотя бы всѣ называли ее безпряданницей. Потомъ, меня раздражаютъ этотъ блескъ, этотъ шумъ, этотъ гвалтъ посреди питающаго, голодающаго населенія Имперіи. Вся эта Европейская цивилизація представляется мнѣ какимъ-то бѣльмомъ, изъ за котораго не видно настоящаго положенія дѣлъ и людей. И я поселился въ Коломнѣ. 28 Августа. Среда.

Сентябрь. Вотъ я присутствую и въ кассационномъ сенатѣ. Должно замѣтить, что здѣсь собранъ цвѣтъ сенаторовъ, умныхъ, просвѣщенныхъ и свѣдущихъ. Я и не знаю, какъ и какое занять положеніе, я, который такъ мало люблю подчиняться и такъ мало сообщителенъ съ равенствомъ. Преобладающее вліяніе имѣютъ повидимому Буцковскій и Зубовъ, редакторы уставовъ, и Ковалевскій, оберъ-прокуроръ. Первые мнѣ извѣстны; Буцковскій мною выведенъ въ люди, Зубовъ былъ у меня оберъ-секретаремъ. Никогда я не считалъ ихъ особенно даровитыми

и всегда удивлялся, что они могли сдѣлать такія блестящія карьеры и сдѣлаться даже законодателями. Ковалевскій показался мнѣ немножко школьникомъ, когда, въ пиджакѣ, онъ сидѣлъ на колѣнахъ, на стулѣ. Беръ и Чемадуровъ порядочные чиновники, но губернскіе. Даровиты помощники оберъ-прокурора Фришъ и Пятницкій. Послѣдній мнѣ давно извѣстенъ какъ прекрасная, скромная личность. Фришъ человѣкъ бойкій и потому мнѣ мало симпатиченъ. Изъ прочихъ видѣнныхъ мною касаторовъ Башуцкій, Булыгинъ и Матюнинъ мнѣ давно извѣстны. Матюнинъ превосходный дѣлецъ, чего далеко нельзя сказать о Булыгинѣ, имѣвшемъ одну репутацію картежника; въ Совѣтъ Мин. госуд. имущ. я не слыхивалъ его голоса. Что касается Башуцкаго, то это такая древность, что если назначеніемъ его хотѣли умалить достоинство новыхъ судовъ, то цѣль не могла быть вѣрнѣе достигнута. Онъ кончитъ жизнь, не примирясь съ новыми началами, не понявъ ихъ. Лучшие сенаторы отсутствуютъ: Данзасъ, Любоцинскій, Стояновскій, Арцимовичъ и Павловскій. Карамзинъ и Петерсъ еще не назначены. Пожужу произнести мое заключеніе. Петербургскія злоупотребленія, раздражая меня, дѣлають пристрастнымъ, придирчивымъ, несправедливымъ. Но не могу прибавить нынѣ же одного замѣчанія. Главнѣйшими пособіями при разборѣ кассационныхъ дѣлъ служатъ: 1) изданіе уставовъ съ объясненіями, напечатанное отъ государственной канцеляріи и 2) сводъ рѣшеній кассац. департаментовъ оберъ-секретаря Як. Утина. И то и другое не бесполезно, но и то и другое трудъ механической, наскоро сдѣланный, чуждый внутренней системы и редакціонной юридической отдѣлки. Болѣе научнаго достоинства, болѣе обдуманной системы и редакціи представляютъ „Руководство“ Неклюдова, хотя онъ иногда очень безцеремонно обращается и съ словами, и съ фактами, и съ самимъ примѣненіемъ законовъ. Не могу не прибавить еще одного замѣчанія: поздно вступаемъ мы (покрайней мѣрѣ я) на публичное судопроизводство. Слишкомъ долго—шутка-ли 30 лѣтъ! Слишкомъ давно пробавлялись мы рутиннымъ дѣловодствомъ стараго суда и едва-ли въ состояніи отвѣчать требованіямъ новаго. Работы я не боюсь, но работа работѣ розь. „Сборникъ рѣшеній кассац. д.“ обличаетъ такую робость, такое опасеніе ошибочнаго толкованія, что намъ, старымъ практикамъ, и давно извинительно усомниться въ силахъ, возросшихъ и направленныхъ на другихъ отправленіяхъ правосудія. 5 Сентября. Четвергъ.

Митя поступаетъ въ „общеобразовательную гимназію“ (Цынкаловскаго), но я еще на ней не остановился. Посмотрю и присмотрюсь. Учительница музыки, по рекомендаціи директора консерваторіи Зарембы, молоденькая первая ученица Антона Рубинштейна, Тереза Барневичъ (вѣроятно онѣмеченная Чешка Барневичъ) нашла, что Таша

приготовлена превосходно и что учить такую ученицу есть удовольствіе. (Еще бы, мой прекрасный ребенок!). Но все еще не устроилось, и надобно подождать. Молодая учительница такъ молода, что едва ли выработала или усвоила себѣ опредѣленную систему преподаванія. Дѣло это серьезное. Надобно, чтобы дочь моя была хорошей музыканткой.

Миръ или война? Кильская рѣчь Прусскаго короля обходитъ всю Европу, и хотъ въ ней слышно не болѣе какъ надменность побѣды подъ Садовой, тѣмъ не менѣе Наполеонъ не поспитъ ночь и объяснитъ ее въ миролюбивомъ значеніи, значительно обмѣняется взглядами съ маршаломъ Ніелемъ и будетъ продолжать приготовленія. Впутаемся-ли мы, сомнѣваюсь. Денегъ нѣтъ, и къ очень умѣреннымъ предположеніямъ бюджета надобно придать неумѣренныя недоимки въ 1868 и 1869 г.г. Бѣдность народа такъ велика, что необходимо измѣнить систему налоговъ, необходимо пересмотрѣть размѣры оброковъ. Тутъ не до войны. А война будетъ. Легкомысліе правительствъ, узкіе интересы династій, ошибочно-дерзкія мѣры доктринъ привели власть къ положенію рабѣнія, и одна демократія борется съ открытымъ забраломъ. Въ ней и будущность. Она вызоветъ и войну.

Нерѣшенныхъ вопросовъ много. Самое начало національностей удовлетворено не вполне, а тутъ поднимаются: уравниеніе политическое, огражденіе рабочаго труда, предѣлы личной собственности. Не наслаждаться миромъ Европѣ. Доколѣ не явится новый, лучшій Наполеонъ, который съумѣлъ бы распознать и безкорыстно удовлетворить нужды Европы, она постоянно будетъ въ ожиданіяхъ войны. Новая реформа въ Россіи знакомятъ съ нею образованный свѣтъ, и нашъ крестьянскій надѣлъ землею грозитъ Европѣ аграрными законами, всегда чреватými междоусобицею. Распадающіяся Турція и Австрія представляютъ многіе поводы къ столкновеніямъ и вмѣшательству. Безпрестанныя попытки революціонеровъ въ Испаніи скопляются и наконецъ разразятся рѣшительнымъ переворотомъ и низложеніемъ клерикаловъ. Папѣ останется, на вселенскомъ католическомъ соборѣ, произнести свое низложеніе *de jure*. Республиканскій элементъ все близится къ дѣйствительному проявленію. За нимъ виднѣется коммунизмъ, которому Русскія учрежденія дають осязательные образцы для подражанія.

Царь съ царицей развѣзжаются по Германіи. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ на охоту, государыня съ царевной и молодыми царевичами, черезъ Мюнхенъ, на Комо. Гдѣ нибудь, но не въ Россіи. Такъ тяжело это слышать, такъ оскорбительно видѣть, какъ глава великой имперіи скачетъ въ Парижъ, въ Берлинъ, панибратствуетъ съ мелкими Нѣмецкими князьками, а ему и визитовъ не отдаютъ. Ни Наполеонъ, ни Вильгельмъ не были въ Петербургѣ. Не пріѣдутъ и въ Варшаву, гдѣ гото-

вятся большія министерскія конференціи и маневры. Не смотря на двукратное покушеніе, Государь какъ бы вызываетъ руку Польскаго фанатика. Особенно этотъ фанатизмъ сильно разженъ теперь, съ отмѣною Польской администраціи и съ училищными мѣрами въ западныхъ губерніяхъ.

Революція въ Испаніи. Французамъ отъ Пруссаковъ житья нѣтъ. Италія слишкомъ притихла (не предъ взрывомъ-ли?), а мы ѣдемъ въ Берлинъ на охоту, и конечно родство и сосѣдство обѣщаютъ самый преданный нейтралитетъ, если не болѣе.

По видимому что-то затѣвается. Продолжительное пребываніе Государя въ Германіи, частыя свиданія съ Прусскимъ королемъ имѣютъ вызывательный характеръ, и Наполеону пора произнести послѣднее слово, а не пробавляться протестами Гановера и Касселя. А тутъ въ сосѣдствѣ революція, стереги границы и берега; революція рѣшительная, пылкая, радикальная, готовая выдвинуть или республику или Орлеанскую монархію. Ближе всего Испаніи соединиться съ Португаліей и, низложивъ окончательно клерикальное вліяніе, водворить въ конституціонномъ государствѣ народное просвѣщеніе и развитіе внутренней производительности.

Сентябрь. Катастрофа съ великимъ княземъ Алексѣемъ. Экой порядокъ во флотѣ? На дняхъ былъ у меня одинъ контролѣръ и описывалъ, какъ гнѣздятся тамъ пристрастіе и взяточничество въ хозяйственномъ управленіи; какъ произвольно, безъ торговъ и не смотря на торги, отдаются подряды благонадежнымъ, испытаннымъ лицамъ, тогда какъ эти лица никакихъ въ министерствѣ дѣлъ не имѣли, или имѣли, но оказались неисправными и несостоятельными. Капитанъ Кремеръ сбился съ фарватера, и фрегатъ „Александръ Невскій“ уже вышедшій въ непрочномъ состояніи, ударился о камень и потонулъ. Впрочемъ великій князь не подвергался особенной опасности. Какъ-то обойдется эта исторія Кремеру и адмиралу Посьету? При фанфаронскомъ управленіи спуска рукава, у насъ рѣдко и мало возбуждается отвѣтственность. На волоскѣ висѣла жизнь царевича и трехъ сотъ человѣкъ, миллионный убытокъ, безопасность, а генераль-адмиралъ вѣроятно не найдетъ приличнымъ нарядить судъ и опредѣлить виновнымъ наказаніе.

Петербургское мое водвореніе и кассационныя занятія продолжаются по немногу. Я хочу записать о послѣднихъ. Мы слушаемъ дѣла въ недѣлю одинъ разъ, дѣлъ на сенатора приходится шесть-семь, всего въ докладѣ до 30—35. Это много, продолжительно и утомительно. Публичныя засѣданія идутъ, если нѣтъ повѣренныхъ, довольно гладко и скоро, потому что пренія были и рѣшеніе принято нами въ засѣданіи предварительномъ или совѣщательномъ. Вотъ эти совѣщанія изнурительны

и не по массѣ дѣлъ, сколько по беспорядочности преній. Толкамъ, ссылкамъ на прецеденты конца нѣтъ. Впрочемъ пренія эти и ссылки не бесполезны для новаго человѣка, какъ я. Желательно только побольше порядка, а его мало. Порядокъ зависитъ отъ власти, а ея между нами, равноправными, быть не можетъ и быть не должно. Порядокъ опирается на авторитетъ, а его у насъ нѣтъ, хотя быть долженъ. Первоприсутствующій (теперь въ отпуску) Данзасъ. Я его знаю съ 1840 г. Вѣроятно дѣломъ не занимается и мало его знаетъ, хотя при свѣтломъ своемъ умѣ и многосторонней опытности онъ могъ бы имѣть авторитетъ неоспоримый. Но онъ старъ. ему 70 лѣтъ, и болѣнъ. При томъ онъ понятія не имѣетъ (никогда не имѣлъ) о порядкѣ, о внѣшнемъ, формальномъ порядкѣ. Не думаю, чтобы это была мелочь. „Порядокъ-душа державъ“. Могли бы имѣть этотъ авторитетъ редакторы судебного устава, Н. А. Буцковскій и П. А. Зубовъ и еще болѣе бывшій товарищъ министра, приводившій судебную реформу въ исполненіе Н. И. Стояновскій, но ни они и ни онъ его не имѣютъ и на него не претендуютъ. О Берѣ и говорить нечего: онъ былъ, остался и останется губернскимъ чиновникомъ, губернскимъ секретаремъ. Такимъ же секретаремъ, но Петербурско-канцелярскимъ, остается младшій изъ насъ, Я. Я. Чемадуровъ; не знаю, какъ занимается дѣломъ замѣчательно умный В. А. Арцимовичъ. Не знаю, что внесутъ къ намъ антипатичный В. Н. Карамзинъ и симпатичный К. К. Петерсъ. Дамъ отчетъ послѣ. Остаюсь я. Но я авторитета не имѣю. Между тѣмъ я многими порядками д-та не доволенъ и думаю ихъ измѣнить. Начать съ того, что держась буквально ст. Уст., д-тъ не принимаетъ *никакихъ* частныхъ жалобъ, хотя бы онѣ вопіяли о неправильномъ преданіи суду и незаконномъ заключеніи подъ стражу (это выраженіе XVIII столѣтія!), о разсмотрѣннн дѣла (частнаго. жалобы) вопреки ст. Уст. не публично, а въ распорядительномъ засѣданіи, о медленности, о непринятіи жалобы и т. п. Самый внѣшній порядокъ поражаетъ своимъ неприличіемъ. Вы въ полночь получаете тюкъ-пакетъ съ семью дѣлами, на которыхъ лаконически приказывается: „К. Н. Лебеву на 13 Сентября“, или записку канцеляріи, что совѣщательное засѣданіе вмѣсто Четверга назначается въ Среду. Канцелярская зависимость на каждомъ шагу. Вотъ уже два доклада сданы мною для переписки, а канцелярія и не думаетъ представить ихъ. Потомъ, эти канцелярскіе сенаторы, вооружившись своими Петербургскими источниками, вздумали писать какія-то диссертация и ссылаться на „Сборникъ мнѣній Госуд. Совѣта“, на „Уставы съ соображеніями, изданія Государ. Канцеляріи“ (изданіе 1-е, изданіе 2-е) и на ненапечатанныя мнѣнія Госуд. Совѣта. Эти господа забываютъ, что осѣненные гласностію, обязательные приговоры и толкованія ихъ

должны основываться на законахъ и положеніяхъ, доступныхъ для этой гласности и повѣрки. Вообще управленіе, надзоръ и самый кругъ кассаціи не установились порядочно ни въ основаніяхъ, ни въ формѣ.

Какъ я доволенъ моею маленькою квартиркою, моимъ „домикомъ въ Коломнѣ“, гдѣ я днемъ и ночью слышу какъ кашлянулъ Митя, какъ чихнула Таша. Бѣдность Москвы и Замосковья накипѣли на сердце какую-то ненависть, злобу къ этому щегольству, блестящему Петербургу, поглощающему прямыя и косвенныя крохи невѣжественнаго крестьянства. Этотъ зазнавшійся чиновникъ только и думаетъ какъ бы округлить окладъ и прибавочное содержаніе, да дополнительную прибавку, да землю, да аренду, да абонементъ въ Итальянской оперѣ, да пообѣдать у Огюста или Доротта, да повидаться съ мамзелями, да пройтись въ картишки... Домикъ въ Коломнѣ доставляетъ мнѣ какое-то удовольствіе, удовлетвореніе, мзду. Мнѣ такъ хочется опрокинуться на это чиновничество, столь-же своекорыстное и порочное какъ прежнее барство. Я ожидаю втораго „Статистическаго Временника“ и втораго Отчета Государств. Контроля, чтобы сказать смѣлое слово. Куда мы идемъ и куда мы придемъ? Всего болѣе оскорбляетъ меня,—это самодовольствіе нашихъ правителей. Прочтите рѣчь Рейтерна въ Одессѣ. Прочтите циркуляры Потапова въ Вильнѣ. А ты, христіанская душа, подушный крестьянинъ, при чемъ? Церковь, государство и школа только обираютъ тебя. И какъ давно это продолжается! Но, кажется, все не такъ какъ теперь.

Я вовсе не удивлюсь, если буду свидѣтелемъ процесса въ родѣ *collier de la reine*..... А гласность уже есть, а стремленіе молодыхъ судовъ къ скандалѣмъ нетерпѣливо. И то сказать: теперь другое время. Со времени *collier de la reine* прошло сто лѣтъ, всѣ положенія измѣнились, всѣ названія перемѣнились. Демократизмъ, социализмъ у воротъ. Королева Изабелла рѣшилась оставить тронъ, не рѣшившись разстаться съ Марфори. Примѣры... Домъ разрастается непомѣрно, и Германскія величества и высочества готовятся къ развѣнчанію. Къ ослабленію авторитетовъ нравственныхъ и началъ идеальныхъ присоединяются теоріи отвлеченныя и необходимость матеріальная.

Въ небольшой газетѣ, довольно распространенной „Современныя Извѣстія“, редакція г. Гилярова-Платонова, имѣющаго въ Москвѣ извѣстный авторитетъ, такъ разсуждаетъ (7 Октября № 276) о положеніи религіознаго у насъ вопроса: „Къ чему вы сами (духовенство) и само-то, чему вы служите? Нѣтъ, они не слышатъ этого голоса, несущагося изъ конца въ конецъ по Европѣ, подъ торжествующею хоругвию еженевно умножающагося невѣрія. Они не видятъ, что ощущеніе, вызывавшее этотъ голосъ, вызвавшее его, совершенно законно въ Европѣ,

гдѣ историческое служеніе духовенства дѣйствительно искони равнозначительно было всеобщему стѣсненію и помраченію, что это ощущеніе цѣликомъ переносится къ намъ, и что мысль, имъ порождаемая, вторится, что она сквозитъ во всемъ, на чемъ только лежитъ печать достоинства и внутренней силы, что она служитъ началомъ, подкладкою, зримымъ и незримымъ сопутникомъ всего умственного движенія! Съ простодушіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, все наше печатающееся духовенство, само не замѣчая, вторитъ этой мысли, и становится, тоже не замѣчая, въ ряды проповѣдниковъ невѣрія⁴. Нервный, завистливый, любостыжательный Гиляровъ-Платоновъ очевидно метитъ на личности, на отца Ключарева и подобныхъ и безотчетно коритъ духовенство Европы, хранившее въ себѣ столько вѣковъ сѣмена просвѣщенія и огражденія народовъ отъ насилія анархіи и деспотизма, какъ бы не замѣчая, что нигдѣ оно не было такою кастою, какъ у насъ, и нигдѣ оно не держалось такъ открыто и систематически, какъ у насъ. на народномъ невѣжествѣ, на голой обрядности и грубыхъ предразсудкахъ. Пора разбить эту своекорыстную, тѣсную касту. Да образуется новая церковь!

Октябрь. Процессы Бильбасова и Колзакова заставляютъ подумать о прочности и надежности новаго суда нашего. Бильбасовъ (или Дмоховскій?) обманулъ графа Шувалова (Католика) и князя Гагарина, выманивъ у нихъ 30 р. по нарицательной цѣнѣ выкупныхъ свидѣтельствъ въ уплату долга полковницы Засѣцкой подъ подложную росписку дочери ея (умершей) Кушниковой и подложно засвидѣтельствованной въ кварталѣ Литейной части. Обвиненный присяжными и осужденный въ 1867 г., Бильбасовъ теперь оправданъ и слѣдовательно обвинены графъ Шуваловъ, князь Серг. Гагаринъ, Засѣцкіе, Монтрезоръ, Деляновъ, Меллеръ-Закомельскій и проч. и г. Дмоховскій. Процессъ Колзакова представляетъ другую сторону. Полковникъ Колзаковъ продалъ г-жѣ Киркоръ негодныхъ лошадей за годныхъ и хотя признанъ присяжными виновнымъ, *но безъ похищенія*, но судомъ осужденъ за мошенничество. Тамъ, говорятъ, обвиняемый, явный мошенникъ оправданъ; здѣсь порядочный человѣкъ, оправданный присяжными, осужденъ къ лишенію правъ состоянія. Замѣчателенъ и процессъ Ив. Сер. Аксакова (съ секретаремъ суда Кохновымъ). Онъ оправданъ, да; но можно ли такъ глумиться, такъ унижать человѣческое достоинство, какъ это дѣлаетъ знаменитый Славянофилъ въ своихъ замѣткахъ о личности Кохнова, замѣчая въ немъ „какую-то странную упорную неспособность къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій, самыхъ прямыхъ обязанностей своего званія“. Да, но все это обнаруживаетъ большую неурядицу въ умахъ и учрежденіяхъ. Какъ все шатко и невѣрно въ этихъ учрежденіяхъ,

лишенныхъ историческаго основанія, и какъ легко переступаются границы въ ново и скоро размежеванныхъ вѣдомствахъ, и какъ легко и часто злоупотребляются данныя власти и свободы!

Вотъ не стало и Колюбакина! Прекрасная Кавказская душа томилась въ бездѣйствіи Московскаго Сената и наконецъ утомилась отъ мысли, что не нынче-завтра закроется и это бездѣйствіе, и человѣкъ останется ни при чемъ: не на что будетъ покупать у Ѳомина цвѣтовъ для Катерины Тютчевой, Ольги Тимирязевой, Зинаиды Есиповой, Бахметевои, Менде-Олсуфьевой, Хомутовой и tutti quanti Московскихъ Цирцей, у подножія которыхъ молодой старикъ искалъ развлеченія для своего уязвленного самолюбія. Московская жизнь его была просто смѣшна и жалка. Военный и Польскій элементъ его былъ постоянно стѣсняемъ въ Московитской, обломовской средѣ; но, говорятъ, на Кавказѣ онъ былъ дѣятель замѣчательный, какъ воинъ и администраторъ. Миръ праху твоему, благородный человѣкъ, всю жизнь искавшій и не находившій цѣли жизни. Получивъ небольшое образованіе въ Лицейскомъ пансіонѣ, онъ поступилъ въ военную службу. Разжалованный въ солдаты за пощечину своему начальнику, онъ боевыми подвигами, въ нѣсколько лѣтъ, достигъ до чина генерала и Кутаисскаго генералъ-губернаторства. Здѣсь онъ дозволилъ торжественно похоронить горскаго князька, убійцу своего предмѣстника, князя Гагарина, и за это сдѣланъ сенаторомъ. Личность замѣчательная, стубленная несвойственнымъ ей положеніемъ и непомернымъ самолюбіемъ и бретѣрствомъ. Упокой, Господи, душу его!

И новая смерть! Сегодня скончался сенаторъ Борисъ Карловичъ Данзасъ, 70 лѣтъ, послѣ продолжительной болѣзни легкихъ. Онъ на дняхъ сидѣлъ у меня довольно долго, на дняхъ первоприсутствовалъ съ нами въ Сенатѣ. И вотъ его нѣтъ! Это была натура весьма даровитая, но обстоятельства еѣ избаловали. Отъ того изъ замѣчательнаго, можетъ быть, знаменитаго человѣка, вышелъ человѣкъ только замѣтный, между своими (людьми большаго свѣта) изъ ряда вонъ. Онъ, говорятъ, побочный сынъ кн. Бориса Владим. Голицына, и потому пользовался большимъ и могущественнымъ покровительствомъ кн. Дмитр. Влад. Голицына, при которомъ онъ, по окончаніи курса въ Царскосельскомъ лицей, въ 1820 г., состоялъ секретаремъ и пользовался большимъ успѣхомъ въ Московскомъ обществѣ. Не знаю, какимъ образомъ кн. Дмитрій и кн. Сергій Михайл. порѣшили женить этого блестящаго, многообѣщающаго молодого человѣка на неизвѣстной и ничтожной дѣвицѣ Розентгеймъ, говорятъ, будто бы, побочной дочери кн. Сергія. Думаю, этотъ бракъ рѣшилъ участь даровитаго батара. Прильнувъ къ высшему кругу, онъ получилъ въ немъ значеніе дѣльца, умницы, а въ кругу

дѣловыхъ людей (большею частію тогда приказныхъ) значеніе аристократа. Но мнѣ кажется ложное положеніе уже и тогда давило молодого человѣка, благороднаго и счастливо одареннаго наружностію и способностями. Чтобы удержать значеніе въ большомъ свѣтѣ, онъ пустился въ карты; чтобы удержать значеніе въ средѣ дѣльцовъ, онъ указы (служба его начадасть подѣ указами) и потомъ смыслъ статей Свода Законовъ объяснялъ въ пользу правой стороны, правомъ естественнымъ, общественнымъ, государственнымъ. Въ 1836 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатъ съ управленіемъ департаментомъ (кажется, вторымъ). Я узналъ его въ 1840 г. когда гр. Панинъ пригласилъ меня въ начальники (уголовнаго) отдѣленія департамента Мин. Юст., котораго директоромъ, еще при Блудовѣ, былъ Данзасъ. Онъ встрѣтилъ меня съ предубѣжденіемъ соперника Карніолина-Пинскаго, съ которымъ я былъ близокъ и потомъ друженъ. Соперничество это началось, кажется, съ 1836 г. и не прекращалось „еже до сего дня“. Не далѣе какъ 4 сего Октября Данзасъ, посѣтивъ меня, своего товарища, выражался съ большою желчью о своемъ соперникѣ, давно уже погибшемъ, и припоминалъ (стравная памятьливость, меня поразившая!) выходки, слова и мелочи интригъ, бывшихъ—легко сказать!—назадъ тому тридцать лѣтъ. Служба при Данзасѣ была весьма пріятна. Онъ не понималъ ни требовательности, ни взысканія, онъ любилъ снисходить, защищать и награждать. Объясненіе этого надобно искать сколько въ мягкости его сердца и характера, столько въ сознаниі своей собственной неискренности, происходившей отъ этого вѣчнаго большаго свѣта и этой вѣчной картежной игры, продолжавшихся до послѣдней минуты жизни. Отношенія его къ гр. Панину были постоянно непріятныя и раздраженныя. Они сдѣлались невыносимыми, когда въ 1843 г. министръ выбралъ себѣ въ товарищи В. А. Шереметева, и этотъ губерискій чиновникъ сдѣлался начальникомъ. Положеніе было унижительное и нестерпимое. Въ 1845 онъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента, въ 1851 сенаторомъ, а въ 1867—первоприсутствующимъ въ кассационномъ уголовномъ департаментѣ и въ чинахъ, и въ звѣздахъ, и въ мѣстахъ всегда послѣ Пинскаго! Такъ преслѣдовала его Немезида графа Панина. Онъ постоянно считалъ себя обиженнымъ и всегда жаловался. Данзасъ оставляетъ вдову съ тремя перерѣвыми дочерьми и двумя сыновьями, изъ которыхъ Сергѣй довольно простоватъ, а Дмитрій, недавно женившійся на баронессѣ Корфъ, довольно тароватъ. Данзасъ мало занимался семействомъ, и оно, кажется, давило его. Смерть Данзаса чувствительна мнѣ, какъ современнику. Пріятели и знакомые 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ комисариатѣ и юстиціи, почти всѣ перемерли. Съ Данзасомъ отпадаетъ и у меня какая-то опора. „Съ

удовольствіемъ узналъ я, сказалъ онъ мнѣ, о вашемъ назначеніи. Вы хорошо докладываете и хорошо пишете. Я старъ и болѣнъ; помогайте мнѣ. Мы знаемъ другъ друга давно“. Что-то обычное, близкое слышится въ этихъ словахъ моего бывшего начальника и потомъ товарища.

Осужденіе въ Москвѣ полковника Колзакова за продажу лошадей съ задѣланными копытами, и оправданіе въ Петербургѣ извѣстнаго мошенника Бильбасова, обманувшаго Засѣцкаго, князя Гагарина и графа Шувалова, при посредствѣ ст. сов. Дмоховскаго, а также и избраніе юрисконсульта министерства финансовъ О. И. Квиста въ предсѣдатели мирового съѣзда производятъ въ обществѣ и въ газетахъ говоръ и агитацію за и противъ новыхъ судебныхъ учреждений. Разумѣется, большинство защищаетъ суды; на сторонѣ большинства и публицистика. Но и голосъ меньшинства не надобно оставлять безъ вниманія. Деспотизмъ нововведеній душистъ привычки и оскорбляетъ убѣжденія, хотя бы ошибочныя, но тѣмъ не менѣе искреннія. Какъ оправдать челоуѣка уже разъ осужденнаго, когда противъ него показываютъ столько лицъ, высоко стоящихъ въ общественной іерархіи? Если онъ подѣлился 30 т. р. съ Дмоховскимъ, то уменьшаетъ, уничтожаетъ-ли это его виновность? А преступленіе здѣсь: 30 т. р. у гр. Шувалова взяты, подложная росписка на лицо. И тоже: какъ осудить Колзакова, когда эксперты цѣнятъ лошадей выше проданной суммы и когда присяжные говорятъ, что при обманѣ не было похищенія (Улож. ст. 1665)? Наконецъ, не произволь-ли это—избраніе зависимаго чиновника на одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ судебной іерархіи—предсѣдателя столичнаго мирового суда? Конечно.

Но все это частныя, мелочныя явленія, только пристрастіемъ возводимыя на степень доктрины, направленія, партіи. Министерство Юстиціи виновато въ личныхъ назначеніяхъ. И только. Не болѣе*). Меня поражаютъ не процессы, исходъ которыхъ часто зависитъ отъ случайностей. Меня поражаютъ наглость преступленій и наглость печати. Студентъ Новоникольскій, жалуясь на Центральный Комитетъ, называетъ его „подонками и плѣсенью“, а дѣйствія его Каракозовскимъ и Березовскимъ. „Московскія Вѣдомости“ открываютъ явныя компаніи противъ правительства, „которое такъ перепугалось могущества Пруссіи, что и не думаетъ объ интересахъ собственныхъ“. Фельетонистъ „С.-Петербургскихъ вѣдомостей“ такъ отдѣлываетъ своихъ героев: Крестовскаго, Погодина, Шепулинскаго, Горна и проч., что удивляешься и

*) Должно засвидѣтельствовать, что въ печати („Моск. и С.-Петерб. Вѣдомости“) ревниво и прекрасно охраняютъ и защищаютъ новый судъ противъ наветовъ „Вѣсти“ и подобныхъ.

безстыдству г. Суворина, и терпимости нашей свободы. Скоро печать г. Арсеньева и Заруднаго проберется въ спальни и расскажетъ ночныя тайны.

Не смотря на общія жалобы на пьянство и распущенность въ народѣ, наши статистики утверждаютъ противное. Г. фонъ-Бушенъ читалъ въ Экономическомъ Обществѣ записку о пьянствѣ, въ которой пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) Потребленіе спирта въ народѣ со времени уничтоженія откуповъ увеличилось, въ общемъ итогѣ, въ самой незначительной пропорціи: на 6%. 2), народъ, со введеніемъ вольной продажи, тратитъ на водку менѣе, чѣмъ тратилъ прежде, и слѣдовательно дѣлаетъ сбереженія, иначе нечѣмъ и объяснить увеличеніе его благосостоянія, положительно замѣчательное во многихъ мѣстахъ, и поступленіе увеличенныхъ прямыхъ податей и выкупныхъ платежей. Остановимся на этихъ двухъ выводахъ. Если справедливо, что потребленіе увеличилось только на 6% (?), то не надобно забывать, что это увеличеніе относится къ такому непомѣрно возросшему количеству вина, какое нагнали всѣ изощренія откупа и при томъ винѣ высшаго качества, производящаго скорѣйшее опьяненіе. При этомъ условіи увеличеніе потребленія должно (думаю) считаться свыше 15%, а такой процентъ *pes plus ultra* откупнаго размѣра есть возвышеніе огромное! Я такъ думаю; не можетъ же быть, чтобы общественное мнѣніе, такъ вопіющее противъ пьянства, такъ ошибалось и преувеличивало зло. Что же касается увеличенія благосостоянія, то вліяніе здѣсь крестьянской реформы несомнѣнно. Я доложилъ объ этомъ министру Муравьеву еще въ Іюль—Августъ 1861 г. Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы это благосостояніе было прочно и продолжительно. Я сильно сомнѣвался и сомнѣваюсь, чтобы народъ выдержалъ эти усиленные налоги и выкупные взносы. Вопросы эти впрочемъ мало разработаны и требуютъ многосторонняго изученія. Если все это такъ, отъ чего же однако такъ растутъ долги и *déficit*'ы? При столь значительномъ возвышеніи податей, я рѣшительно не понимаю, какъ можетъ быть рѣчь о благосостояніи населенія. Оно живетъ животною жизнію. Петербургскіе туманы скрываютъ эти печальныя картины бѣдности, невѣжества и пьянства.

Какое бурное неприятное засѣданіе было у насъ сегодня, 25 Октября въ распорядительномъ порядкѣ! Интрига свиваетъ гнѣздо вездѣ. Прежде назначенные въ кассационный департаментъ сенаторы съ неудовольствіемъ видѣли, что вновь назначенные, по старшинству чиновъ, садятся выше ихъ и тѣмъ приравниваютъ кассационный съ прочими департаментами Сената. Это принято съ особенною живостію теперь, когда смерть Данзаса сближала старшихъ съ почетнымъ мѣ-

стомъ первоприсутствующаго. И интрига возбудила въ тихомолку, сюрпризомъ (вотъ это нехорошо) вопросъ о старшинствѣ въ засѣданіяхъ. Точно въ первый разъ собрались! Всѣмъ орудовали Стояновскій и Ковалевскій. Помогали Зубовъ, Буцковскій и никѣмъ невидимый Арцимовичъ. Они обратились къ старцу Башуцкому, чрезъ Ковалевскаго, и первоприсутствующій удивилъ всѣхъ насъ предложеніемъ неожиданнаго вопроса. Большинствомъ рѣшено: считать старшинство, согласно 4 ст. временныхъ правилъ 15 Марта 1866 г. „по времени назначенія каждаго въ должность“ (сенатора кассационнаго департамента). Но правильно-ли это? Мы назначены по высочайшему повелѣнію, мы никакой новой присяги не принимали, мы назначены въ должности сенаторовъ и остаемся тѣми же сенаторами. Временныя правила 15 Марта къ Сенату не примѣняются. Я боюсь, что подобные сюрпризы внесутъ рознь и раздоръ между нами постоянно непріятные и для дѣла особенно вредные. Вѣроятно обиженные гоги обратятся къ министру и вызовутъ вмѣшательство высшее, и это вмѣшательство не желательно. А разыгрались самолюбія! Особенно громко протестовалъ к. Юрій Долгорукій. Особенно жалокъ былъ Бергъ. Онъ потомъ около часу докладывалъ намъ дѣло, и на него нашелъ столбнякъ, когда Стояновскій случайно взглянулъ въ протоколъ, и оказалось, что бывший первоприсутствовавшій докладывалъ не то дѣло. Исторія непріятная, особенно по своему эзуптскому способу веденія. Ничего здѣсь серьезнаго нѣтъ. Комедія. Оттого и трудно вѣрить въ прочность и пригодность дѣла. Далѣе!

Предостереженіе (третье) И. С. Аксакову съ пріостановкою „Москвы“ на шесть мѣсяцевъ не составляетъ важнаго событія только потому, что Аксакову уже столько было предостереженій и пріостановокъ, что всѣ—и Москва—къ тому привыкли и всегда этого ожидали. Замѣчательный публицистъ, Славянофилъ Аксаковъ постоянно переступаетъ черту, на которой такъ ловко умѣетъ остановиться и замаскироваться Катковъ. Перечитывая №№: 128, 136, 141, 154 и 155 (передовыя статьи) и областной отдѣлъ (это работа Павлова) въ 114 и 134 невольно задаешь себѣ вопросъ: почему же главное и цензурное управленіе отличались такимъ долготерпѣніемъ? Заносчивость Аксакова я объяснялъ и объясняю себѣ тѣмъ, что, какъ правовѣдъ на служебномъ поприщѣ, и какъ Славянофилъ, посреди наводняющаго насъ европеизма, онъ въ ложномъ положеніи и чтобы скрыть или маскировать его, онъ бросается въ крайности и какъ бы метитъ за свои противорѣчія. Ему остается послѣдовать Самарину и перенести свою дѣятельность въ Лембергъ или Прагу. Высоко даровитый, высоко благородный человекъ, онъ на всякомъ поприщѣ и вездѣ принесетъ пользу, свѣтло освѣтитъ горизонтъ своего воззрѣнія и броситъ мысль, идею, формулу, выработанныя

умомъ и сердцемъ, разумомъ и фантазіей. Недаромъ, когда въ Іюлѣ, въ Кунцовѣ, онъ сказалъ мнѣ, что съ Августа вступаетъ въ редакцію, я спросилъ его: „на долго-ли?“ Но положить-ли эта мѣра какой нибудь предѣлъ безцеремонности, необузданности нашихъ публицистовъ? Сомнѣваюсь. Они похожи на загулявшаго молодца, который щеголяетъ своими безобразными выходками. Упоеніе свободою для неопытнаго, какъ случайности возможнаго для ребенка, есть своего рода хмѣль. Жаль, что въ какой нибудь „Вѣсти“ хмѣль этотъ смѣшанъ съ ядомъ или въ „Домашней Бесѣдѣ“ покрытъ плѣсенью, а въ „Москвѣ“ одностороннимъ увлеченіемъ мечтательной, но систематической оппозиціи. „Биржевыя Вѣдомости“, въ хмѣлѣ этомъ, грезять коммунизмомъ и социализмомъ.

Рѣчь Прусскаго короля, при открытіи ландтага, дышетъ величіемъ и успокоеніемъ. Европѣ нуженъ миръ, его желаютъ правительства и народы; его особенно желаетъ Пруссія для устройства своей реорганизаціи, для умирненія волненій въ умахъ и сердцахъ, необходимаго послѣ незапныхъ и неожиданныхъ потрясеній 1866 г., успѣхами семидневной войны открывающей новую эпоху не только въ военномъ дѣлѣ, но и для развитія всего материка Европы. Преобладаніе Пруссіи несомнѣнно. Старая традиція о Рейнѣ жива во Франціи, и новые лавры Пруссіи могли развѣ только усилить ее. Династическіе интересы Наполеона направляются туда же. Но, Боже мой, какъ обветшали эти традиціи и династїи не только передъ этими полчищами пролетаріата, голоднаго и потому рѣшительнаго, но и передъ этимъ Бисмаркомъ, отказывающимся отъ юнкерства, и передъ патриотизмомъ Гладстона, открыто принимающаго сторону Ирландїи. Отнынѣ Франція на второмъ планѣ. Первенство принадлежитъ Германїи, Пруссїи, и дальнѣйшая задача исторїи: сплотить окончательно Германское племя и преобладать надъ Славянами.

Какъ грустно мнѣ было встрѣтиться съ семействомъ Протасьевыхъ, съ Анетой, съ ея братомъ, дѣтьми и племянниками! Какъ переходчиво положеніе и счастье человека! Какая печаль овладѣваетъ мною, когда я припоминаю пятилѣтняго ребенка 1828 г., окруженнаго мамками, гувернантками, красавицу-невѣсту 1840 г. съ богатымъ приданымъ, и смотрю на эту тощую матрону, всю погрязшую въ мелочахъ, въ бѣдности, въ грязи и уже привыкшую къ этой средѣ бѣдности и грязи! Чего не жалѣлъ покойный отецъ для воспитанія, какъ много заботился онъ о блестящемъ образованїи! Какая этому причина? Во первыхъ, отсутствіе матери. Во вторыхъ, отсутствіе религіи, въ третьихъ, недостаточное просвѣщеніе отца, исключительно занимавшагося внѣшнимъ, пустымъ, блестящимъ, а не прочнымъ, существеннымъ. Быстрыя, неестественныя перемѣны въ общественномъ положенїи людей

въ Россіи всегда видны въ нашей исторіи, особенно со временъ Петра, когда преемственное иностранное вмѣшательство упразднило прежнія, довольно грубыя, національныя условія развитія. Но едвали когда нибудь перемѣны эти были такъ многочисленны и быстры какъ теперь, съ коренными преобразованиями общества и государства. Лотерейное время! Лихорадочное время! Отецъ и представить себѣ не могъ его, и дѣти до него не выросли.

Читаю я Эккардта „Baltische und russische Culturstudien“ замѣчательныя собственно—покрайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ—по двумъ статьямъ: о Русско-нѣмецкихъ (онъ называетъ Нѣмецко-русскія, Орденскія Прусскія) провинціяхъ и о развитіи Русской литературы въ видѣ протеста, реакціи, почти революціонной оппозиціи заимствованной Европейской культуры порядкамъ и жизни національнымъ, Русскимъ. Характеристичны эти гг. Остзейцы! Эккардтъ вовсе не фонъ, а оставляетъ свои средневѣковыя учрежденія, уставы своего „Орденскаго отечества“. Но что чуяло его сердце, когда, упрекая Трейтшке въ нападкахъ на Остзейцевъ, онъ говоритъ отъ ихъ лица, оканчивая письмо: *Sie verlangen heute nur noch, dass man ihnen die Stunde vergifte, welche vielleicht ihre Sterbestunde ist.* Думалъ-ли онъ о безнадежныхъ выходкахъ Сиверса и Бока или о работѣ, точащей работъ Московскихъ журналистовъ или о новомъ трудѣ Ю. Самарина? Ничего онъ не думалъ. Извиняя Орденландію безучастіемъ Муттерландіи, Остзеецъ просто на просто тянетъ къ Германіи.

Сегодня сидѣли у меня дядя и племянникъ Данзасы и толковали о своихъ предположеніяхъ; объ устройствѣ образа жизни на скромную ногу, въ провинціи, въ деревнѣ... Вотъ оно куда пришло! Ложное положеніе семейства есть положительно вина покойнаго. Но я не вижу ничего отчаяннаго: государственное казначейство даетъ вдовѣ нераздѣльно съ дочерью 4,000 р. Министру юстиціи приказано, до 1877 г., выдавать имъ, ежегодно, пособіе изъ остатковъ. Сами они имѣютъ 3,000 р., итого до 10,000 р. Жить можно. Жаловаться, кажется, нечего. Но едва ли привычки погнутъ передъ необходимостію, и едва ли суета научится благоразумію. Иначе эти милыя, прекрасныя Аделаида, Ольга и Татьяна давно были бы пристроены, особенно Ольга, замѣчательная головка и прекрасное сердце. Да, отцы во многомъ отвѣчаютъ за дѣтей, особенно въ воспитаніи и привычкахъ. Отцы должны смотрѣть, по крайней мѣрѣ, на будущее поколѣніе и предугадать его требованія. Въ наше время надобно имѣть въ виду: „на всякій случай“. Особенно далеко должна стоять личность. Покойный Данзасъ поступалъ иначе. Онъ постоянно считалъ себя обиженнымъ, не оцѣ-

пеннымъ. Личность, я, у него были первое слово. Можетъ быть, въ свое время, и меня упрекнуть въ томъ же.

Плохо идетъ моя кассачія. Не могу, не умѣю еще поймать руководящія нити, и робость овладѣваетъ мною въ особенности потому, что нити эти надобно ловить, поймать. Двухлѣтняя практика мало выработала общихъ основаній, и сами практики часто сознаются, что отъ нѣкоторыхъ, отъ многихъ, рѣшеній теперь приходится отказываться. Я строго держусь на почвѣ фактовъ и избѣгаю общихъ разсужденій. Начала должны выработаться изъ массы частныхъ путемъ наблюденій, наведеній и сводовъ. Увеличиваетъ мою робость и наше могущество: на рѣшенія наши не можетъ быть жалобы, никуда, и никому, а между тѣмъ они обязательны для всѣхъ какъ законъ. По отсутствію сложившейся практики у насъ безпрестанно возникаютъ общіе вопросы, какъ изъ примѣненія самаго молодого уголовного устава, такъ и отъ столкновенія его съ старымъ (Уложеніе) и этого стараго съ новымъ мировымъ уставомъ, составленнымъ на другихъ основаніяхъ. Вотъ разработкою этихъ-то вопросовъ, почти законодательнымъ порядкомъ, я постоянно недоволенъ и думаю, что изученіе, изложеніе и предварительное разрѣшеніе ихъ должны бы быть возлагаемы на особыя изъ насъ частныя комитеты. Предварительная разработка существенно полезна.

Какъ и надобно было ожидать, агитація 21 Октября вызываетъ высшее, стороннее вмѣшательство. Теперь уже два сенатора, Башуцкій и кн. Юрій Долгорукій, перешли въ первое общее собраніе, разумѣется сохранивъ оклады. Министръ входитъ съ представленіемъ въ Госуд. Совѣтъ о поясненіи 4 ст. правилъ 15 Марта 1866 г., и разумѣется Совѣтъ пояснитъ тѣмъ, что кассационныя департаменты подчиняются общему порядку Прав. Сената, т. е. сидѣть по чинамъ. Это должно было предвидѣть. Я предупреждалъ товарищей. Съ другой стороны тутъ есть и польза: сбытъ такихъ ничтожныхъ сотоварищей какъ старецъ Башуцкій и лѣннivecъ Долгорукій всегда полезно, когда масса дѣлъ требуетъ людей дѣльныхъ и работы постоянной. И Башуцкій и Долгорукій тоже выиграли: они вышли изъ ложнаго положенія, сохраняютъ большіе оклады и ничего не будутъ дѣлать. Времечко! Всѣ въ выигрышѣ! И никто ничего не теряетъ? Сомнѣваюсь. Тутъ и молодая заносчивость, и незрѣлая либеральность. Желалъ бы я, чтобы какойнибудь Прево-парадолъ *) написалъ *la Russie Nouvelle*, хоть бы въ Прагѣ

*) Намечтаніе (Мишель Лева) и распространеніе книги *La France nouvelle* доказываютъ значительный успѣхъ оппозиціи. Орлеанисты, не смотря на сенатское запрещеніе толковать конституцію, разбираетъ современные порядки представительства, министерства, церкви, печати и арміи и прямо выражаетъ необходимость измѣненія ихъ въ смыслъ республики или конституціонной (Англійской) монархіи. Книга имѣла большой

или Карлсруэ, но безъ опасеній Французскаго публициста и съ болѣе практическимъ знаніемъ дѣла. Какъ бы взглянуть на дѣло безъ предубѣждений? Можетъ быть, порицаемый, ненавистный порядокъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ большинству требованій, нежели прежній и предлагаемый.

Больное мѣсто,—гдѣ больное мѣсто въ Россіи, въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ? „Окраины“ ли Россіи (такъ шумяція въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ окраинахъ) Испанскій, Папскій, Рейнскій, Шлезвигскій, Цислейтанскій, Польскій или Восточный вопросы? Вопросамъ конца нѣтъ. Есть даже вопросъ Ганноверскій, вопросъ Чухонскій, Ирландскій... Чтò это, куда мы пришли? А вопросы внутренние? Ихъ не оберешься. А вопросы семейные? Безпрестанные вопросы общіе, а вопросы частныя? А вопросы мѣстныя? Все въ вопросѣ. А великій разрѣшитель вопроса—Мадзини—говорятъ телеграммы—умеръ. Отъ кого ожидать разрѣшенія? Отъ тираніи времени и большинства (пролетаріата). Какъ малы и мелки всѣ эти идолы: Наполеоны, Бейсты, Бисмарки, когда пройдетъ полвѣка, вѣкъ! Какъ нужно второе пришествіе Спасителя, чтобы водворить въ человѣчествѣ настоящее ученіе Христа, доселѣ остающееся въ сторонѣ отъ всепоглощающей Греко-римской, матеріально-чувственной образованности! Все въ вопросѣ.

Ноябрь. Министръ, по случаю перемѣщенія моего изъ Москвы, исходатайствовалъ мнѣ подъемныхъ 2,500 р. Мнѣ это непріятно (хотя частію я самъ причиною), мнѣ, который получаетъ съ арендой 9 т. р. и который такъ открыто порицаетъ чиновничью расточительность, Петербургскую роскошь и непомѣрное возрастаніе бюджета. Думаю, что подъемъ слѣдуетъ назначать при перемѣщеніи изъ другаго города на равное мѣсто; но можно ли считать равнымъ перемѣщеніе съ 4631 р. на 7 т. р.? Откровенно сознаюсь, что при моей враждѣ къ Петербургу (такъ что я „и жить въ немъ не захотѣлъ и переѣхалъ въ Коломну“) и къ расточительности казны и земель (я въ Минист. госуд. имущ. могъ получить землю и не получилъ) мнѣ не слѣдовало заводить о томъ рѣчи, тѣмъ болѣе, что при скромномъ моемъ „домикѣ въ Коломнѣ“ переѣздъ обошелся мнѣ недорого. Мои назначенія довольно знаменательны: чиномъ въ 1853 г. я открылъ ходъ полчищу тайныхъ совѣтниковъ; по назначенію въ сенаторы, въ 1864 г., за мною ринулись

успѣхъ, какъ и Ténot: Paris en Décembre 1851“, и ни Прево-парадолъ, ни Тено не преданы суду, а между тѣмъ судятся и осуждены газеты, открывшія подписку на памятникъ Бодену, убитому на баррикадѣ послѣ словъ: „вотъ какъ умирають за 25 франковъ. „Новая Франція“ принадлежитъ къ серьезной публицистикѣ и теперь выходитъ десятимъ изданіемъ. Pamфлетъ замѣчательный. Я еще обращаюсь къ нему. Это событіе больше нежели Бодень.

десятки сенаторовъ. Не настанетъ-ль послѣ этого подъема подъемъ къ экономіи? Сомнѣваюсь. Пожалуй, скажутъ: „ужь коли ему дали!“ Во всякомъ случаѣ, жаль и быть и не быть примѣромъ.

Я серьезно болѣнъ и намѣренъ лечиться. Очень дурно провожу ночи, дурно перевариваю. носомъ кровь идетъ, частыя подергиванія въ желудкѣ, иногда трясутся руки, большая сухость кожи. Но, Боже мой, какъ привычка тожественна съ натурой. Она повелѣваетъ, она требуетъ. Моя привычка началась съ 1851 г. Безсонница, истощеніе силъ привели меня къ наркотическимъ пособіямъ. Пособія эти возрастаютъ дѣлаются теперь ядомъ, ненавистью, яростію, и я провожу тяжелыя ночи. Тяжелыя для меня, для жены и. чтò страшно, для Дмитрія. Но чтò тутъ дѣлать? Ужасно я провожу ночи. Безсонница. Извращеніе органа слуха. Правда, воображеніе усиливаетъ послѣдствія, но поразительна и дѣйствительность. Сегодня я спалъ лучше. Какъ и когда будетъ все нормальнѣе и покойнѣе? Что дѣлать? Все хуже (11 Декабря) Думаю, что все хуже (18 Декабрь). Къ разстройству желудка и ревматизму правой руки присоединяется и болѣзнь глазъ (25 Декабря).

Сей часъ изъ оперы „Русланъ и Людмила“. Набрасываю впечатлѣнія, на меня произведенныя. Это опера оригинальная Русская. Слышна мастерская рука композитора, свободно располагающаго фантастическимъ матеріаломъ Пушкина. Но фантастичность и мѣшаетъ впечатлѣнію. Не уяснишь себѣ: чтò за вѣкъ, чтò за люди, и было-ли такое время и бывають-ли такіе люди? Впечатлѣнію мѣшаетъ и разрозненность, перерывъ совершающихся событій. Эти разительно-разнообразные акты, эти частые балеты, появленіе въ гротѣ Финна, появленіе злой колдуньи (а какой прелестный хоръ бѣлыхъ дѣвъ передъ нею!)... Лезгинка и др. Какъ связать фантастичность съ Русскими мотивами. Съ нами была музыканша, не читавшая почти Пушкина; она рѣшительно ничего не поняла. Не поймешь даже и костюмы. Исполненіе было неособенно хорошо. Хороша была Лавровская (Ратмиръ) и Петровъ (Фарлафъ), а также недурна Бюдель. Долго идетъ опера; битыхъ 4 часа. Какъ отсталъ я отъ этихъ шумныхъ зрѣлищъ! А надобно потѣшить жену и дѣтей.

Когда чиновникъ Протопоповъ былъ выведенъ изъ терпѣнія тремя графами (Сиверсъ, Кошкуль и Комаровскій) и далъ одному изъ нихъ пощечину, судебная медицина признала (п судъ согласился) дѣяніе невмѣняемымъ, и общество разразилось съ одной стороны апплодисментами, а съ другой—негодованіемъ. Я тогда же записалъ мое недовѣріе къ психіатріи, вторгнувшейся въ чужіе предѣлы. Недовѣріе дошло до опасенія, когда я прочелъ ученныя разсужденія въ „Архивѣ Судебной медицины“, на основаніи которыхъ почти всѣ преступныя дѣянія

подлежали бы оцѣнкѣ психіатровъ. Опасеніе мое обращалось и къ значенію самыхъ заключеній медика, которымъ и прежніе и нынѣшніе законы даютъ такое важное значеніе. Въ Москвѣ, на дняхъ, рѣшено подобное же дѣло о чиновникѣ Никитинѣ, который далъ двѣ пощечины мировому судѣ Скоинну. Экспертъ, профессоръ Соколовъ, призналъ, что Никитинъ дѣйствовалъ въ умоизступленіи, потому что дѣйствовалъ нелогически. Ни присяжные, ни судъ (и совершенно основательно) не приняли въ уваженіе этого заключенія эксперта, и прокуроръ Громницкій вполне опровергъ его, выведя на путь логическихъ дѣйствій человеческой воли. Никитинъ осужденъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 8 мѣсяцъ съ ограниченіемъ правъ. Съ легкой руки скорыхъ, радикальныхъ реформъ, молодое общество уже не довольствуется оцѣнять событіе по внутренему убѣжденію, по совѣсти; оно хочетъ идти далѣе, оцѣнять данные поступки по указаніямъ и общимъ началамъ науки, и при томъ не только психологій и психіатріи, но логики. Нелогично дѣлать зло, совершать преступленіе: слѣдовательно воля подавлена, и дѣяніе не вмѣняется. Да. Но, Боже мой, чтѣ же въ этомъ сѣрьезнаго и прочнаго?

Сегодня „Судебный Вѣстникъ“ извѣстилъ о рѣшеніи знаменитаго дѣла о подполковникѣ Постовскомъ гражданскимъ департаментомъ Московской Палаты, которому оно было передано по рѣшенію 14 Іюня 1868 г., кассационнымъ департаментомъ. Извѣстіе это привело меня въ большое смущеніе. Я всегда дорожилъ и дорожу гарантіями личности въ подчиненности, въ гражданскихъ сдѣлкахъ и въ печати. Несчастнѣйшій этотъ Постовскій былъ преданъ суду за обманы Московскою палатою и признанный виновнымъ присяжными, осужденъ къ лишенію правъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. Кассационный департаментъ отмѣнилъ (три) опредѣленія Палаты о преданіи суду, рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, и передалъ дѣло въ другой департаментъ. Не пытали-ли это? Довести дѣло до публичнаго (всемосковского, я тогда былъ въ Москвѣ) осужденія въ Сибирь и потомъ открыть, что подсудимаго и суду предавать не слѣдовало. Чтѣ же это за гарантіи личности! Другой“ (гражданскій) департаментъ Московской Палаты снова передаетъ его суду на основаніи 2 п. 174 ст. Миров. Уст. (за мошенничество). Въ смущеніи моемъ я обратился къ товарищамъ моимъ: старѣйшему, Беру, къ докладчику 14 Іюня, Стояновскому и къ редактору судебныхъ уставовъ, Зубову. И чтѣ же? Они находятъ послѣднее постановленіе правильнымъ. Ну не пытали-ли это? Положимъ, что этотъ отзывъ поверхностенъ, положимъ, что по новой жалобѣ возстановится рѣшеніе 14 Іюня, но разумѣется, по принятому порядку, послѣ новаго присяжнаго, всемосковскаго осужденія, —положимъ, что самое пресловутое

рѣшеніе это, исполненное самыхъ сбивчивыхъ соображеній, неправильно. Положимъ. Но не пытка-ли это? Какія тутъ гарантіи? Какой залогъ пользы и твердости? И какой исходъ? Какъ это проявится? Подожду. Но не скрою: новый судебный порядокъ, теоретически выработанный, непрактически введенный, не внушаетъ мнѣ довѣрія, и только неопытность и боязненность гр. ф. д. Паленыхъ оставляютъ его въ своей силѣ.

Въ Москвѣ, 19 Ноября (день кончины Филарета) протоіерей Ключаревъ говорилъ знаменательное слово о современномъ человѣкѣ и о христіанинѣ. Задача смѣлая, попытка православнаго священника благородная и выборъ дня удачный. Но самый взглядъ на дѣло поверхностный, и разрѣшеніе его текстами, довольно счастливо подобранными, немножко буквально и слабо. Конечно, православный учитель не такъ сильно нападаетъ на современность и духъ времени, какъ Пій IX въ своихъ аллокуціяхъ и силлабусѣ; но и православный тоже нападаетъ, и при томъ суживая понятіе о современности до понятія о модѣ и жгучихъ вопросахъ дня. Есть мѣста одушевленные и картинныя, но въ цѣломъ вся проповѣдь видимо подъ гнетомъ условныхъ понятій и ученій. Должно сказать, что современность спорить и ссорится не съ догматами Христа (кто не приметъ ихъ? Эту любовь, эту терпимость, это самоотверженіе), а съ церковью, которая вѣками выработала вѣроученіе, вѣроустройство и обрядность въ видахъ не совсѣмъ тождественныхъ съ Христовыми. Виды эти большею частію, корысть и властвованіе, опирающіяся преимущественно на невѣжество народа. Придавать этимъ установленіямъ божественное свойство ученія Христа для современнаго человѣка невозможно, и это смѣшеніе вредитъ прежде всего самой церкви, подрывая довѣріе къ ней и ея авторитетъ, обязательность котораго давно упразднена самимъ временемъ. Когда-то Шатобрианъ пророчилъ еще больше прежняго торжество католицизма при геніальномъ папѣ; предсказывалъ это и Макле, усматривая особенную живучесть его въ окрѣпшей отъ вѣковъ организаціи. Католицизмъ видимо падаетъ. Я думаю: возбудить и усилить *религіозное чувство и духъ* могъ бы новый Лютеръ.

Съѣздъ іерарховъ и генералъ-губернаторовъ предвѣщаетъ новыя коренныя преобразованія. И нельзя сказать: не пора ли остановиться? На склонѣ по пути преобразованій надобно идти до конца, и идти сознательно; иначе скатишься невольно. Устройство церкви и духовенства крайне необходимо. Знаменитые святители, Филаретъ и Сѣмашко, отошли въ вѣчность и упраздненіемъ своихъ авторитетовъ оставили свободнымъ поле преобразованій. Церковь, и при этихъ авторитетахъ, была слишкомъ поглощена государствомъ. Ей необходимо

дать болѣе независимости; но чтобы эта независимость не обратилась въ порабощеніе народа невѣжествомъ, надобно: 1) усилить проповѣдь. 2) уменьшить обрядность, и 3) уничтожить сословность духовенства. Все это сдѣлають, но старый порядокъ такъ глубоко вкоренился, что нововведеніе на долго останется однимъ звономъ. Отъ Иннокентія же я и не ожидаю сочувствія новшествами. Онъ, Алеутъ, скорѣе считаетъ и сочтетъ себя призваннымъ отстаивать старину.

Какія грустныя извѣстія изъ внутреннихъ губерній передавали мнѣ сегодня два предводителя дворянства, если вѣрить! Какъ пагубно объявляется на мѣстѣ такъ назыв. самоуправленіе! Какой раздоръ въ передѣлахъ семействъ, какая нищета въ народѣ, какъ безплодны, вредны заработки на усиленныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. открывающихъ два безнравственныхъ поприща: спекуляціи и пьянству! Спекуляціи, торгующейся и съ Петербургскими чиновниками (по выше), для обузданія которыхъ понадобилось высоч. утвержденное циркулярное положеніе Комитета Министровъ, и съ представителями земства (по выше), которые входятъ въ сдѣлки съ банкирами и крупными подрядчиками. Пьянство, пожирающее весь заработокъ и проникающее нищетою и порочною въ сельское населеніе, воспитываемое на волѣ самоуправленія. А въ Михайловскомъ театрѣ Деверія поетъ: *Dis moi, o Venus, pour quoi aimes tu à voir cascader notre vertu?* Въ Александринскомъ театрѣ Лядова поетъ: Скажите, о боги, зачѣмъ веселиться, когда наша честь кувыркомъ полетитъ? И театры полны, и театралы подносятъ дорогіе подарки. Въ Петербургѣ роскошь страшная, камелій не оберешься. И денежныя награды и раздача земель и имѣній продолжается. Да, но куда же мы идемъ и куда же мы придемъ?

Кассация меня давитъ. Масса дѣлъ невыносимая, и все напаяливаетъ и все прибываетъ. Теперь, чтобы двинуть накопившуюся массу, рѣшили, чтобы, независимо отъ текущихъ дѣлъ, рассматриваемыхъ въ совѣщательныхъ и открытыхъ засѣданіяхъ, раздать всѣмъ сенаторамъ по 50 дѣлъ, которыя сенаторъ докладываетъ въ открытомъ засѣданіи. по предварительномъ соглашеніи съ оберъ-прокуроромъ. Это какая-то домашняя сдѣлка, паллятивная мѣра, готовая обратиться въ общій для всѣхъ дѣлъ порядокъ и переносица весь центръ тяжести кассационнаго порядка на оберъ-прокурора. Вообще, по моему мнѣнію, опытъ двухъ лѣтъ вовсе не доказалъ, чтобы ручательства правосудія, данныя уставами 20 Ноября 1864 г., огражденіе которыхъ составляетъ все призваніе кассационнаго Сената, были вполнѣ удовлетворительны: скажу болѣе и достаточно опредѣлительны, скажу болѣе, способны къ усвоенію обществомъ, скажу еще болѣе—и точно поняты самимъ верховнымъ судилищемъ, столь мощнымъ и столь обязательнымъ въ

своихъ дискреціонныхъ, произвольныхъ толкованіяхъ! А эти для всѣхъ обязательныя толкованія уже и теперь исполнены противорѣчій. Подобныя учрежденія подрываютъ сами себя. Странно! До сихъ поръ положеніе мое довольно фальшиво: я не только не признаю кассацию достаточною для водворенія правильнаго правосудія, но и не вѣрю въ ея будущность.

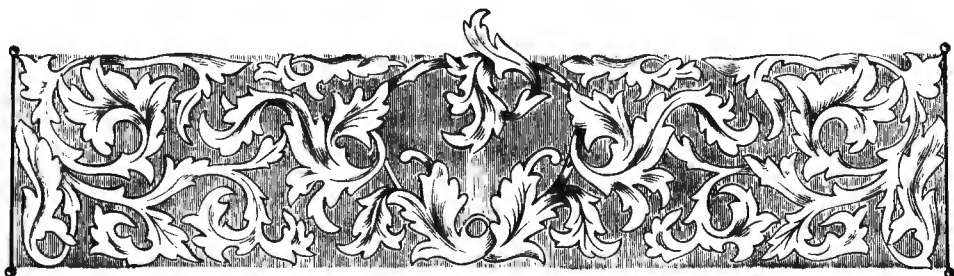
Процессъ Вердеревскаго (хлѣбосоль съ братомъ, въ Нижнемъ) поражаетъ своею наглостію, отсутствіемъ всякаго контроля управленія и терпимостію общества, которое не только знало, но пользовалось расхищеніемъ казеннаго имущества. Шиловская-Бѣгичева, дочь Вердеревскаго, привезла адвокату (Дохвицкому) 5 т. р.; но адвокатъ, проболтавъ 2 часа, ничего сдѣлать не могъ, прикрывшись формальностію доказательствъ XV т. давно ни для кого необязательнаго. Кто защитникъ малыхъ? Бюджетъ слишкомъ растетъ отъ расточительности.

Никакъ не могу добиться проповѣдей инспектора Ярославской семинаріи Вас. Орлова, о которыхъ въ газетныхъ объявленіяхъ, въ видѣ рекламы, трубить, съ голоса учебнаго комитета, самъ Святѣйшій Синодъ указомъ всему духовенству. Во всякомъ случаѣ это должно быть замѣчательное сочиненіе. Похвалы синодскаго указа могутъ быть преувеличены, но и убавивъ ихъ, остатокъ долженъ быть замѣчателенъ. Не шутку же придумалъ о. Василій и ученый комитетъ и весь Святѣйшій Синодъ и самъ оберъ-прокуроръ. Но почему такихъ прославленныхъ проповѣдей нѣтъ въ общемъ обращеніи? Удивительно.

Все это время я дурно чувствую себя нравственно и физически. Посѣтили меня Княжевичъ, Замятнинъ и Казначеевъ. Первый между прочимъ, по обыкновенію, передаетъ, какъ перевести: умный тайный совѣтникъ—*conseiller privé d'esprit*, и *bien-être général*—хорошо быть генераломъ. Замятнинъ разсказалъ о своемъ увольненіи, вслѣдствіи дѣла Протопопова-Кошкуля, много нехорошаго разсказалъ о Пинскомъ и Данзасѣ. сидѣлъ очень долго. Старый другъ Казначеевъ повторилъ не разъ: „я отъ работы не прячусь“. Боже мой, какъ люди мельчаютъ! Какіе интересы способны занимать ихъ!

Но вотъ и годъ кончается, годъ тяжелый и, какъ всегда, неясный. На Рейнѣ, на Пруть, на По и Майнѣ событія не подвинулись, но зрѣютъ. Этотъ видимый внѣшній застой не препятствуетъ развитію прогресса внутренняго, и вопросы церковный, рабочій и женскій неустанно требуютъ разрѣшенія и выражаются въ несомнѣнныхъ явленіяхъ жизни. Несомнѣнно мы идемъ впередъ, и самое облегченіе человѣчества сближаетъ его съ великимъ ученіемъ будущности, которая сказала Риму: Нѣсмь отъ міра сего. 31 Декабря 1868 г.

(Продолженіе будетъ).

ИППОЛИТЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БОГДАНОВИЧЪ.

Въ статьѣ Карамзина о Богдановичѣ, появившейся въ годъ смерти его, въ „Вѣстникѣ Европы“ (1803, № 9 и 10) сказано, что авторъ „Душеньки“ около 1775 года „выдавалъ 16 мѣсяцевъ журналъ подѣ названіемъ „Петербургскаго Вѣстника“. Между тѣмъ извѣстно, что журналъ этотъ издавалъ съ 1778 по 1781 годъ Брайко¹⁾. Послѣдующіе біографы, Анастасевичъ, Полевой, Гречъ и др., повторяли большею частью дословно это извѣстіе. Митрополитъ Евгеній²⁾ говоритъ если не объ изданіи, то объ „участіи“ Богдановича въ изданіи „СПб. Вѣстника“: „съ 1778 года черезъ 16 мѣсяцевъ, участвовалъ въ сочиненіи одного С. Петербургскаго журнала подѣ названіемъ „С. Петербургской Вѣстникъ“, который издавалъ Брайко“. Въ Словарѣ Геннади находимъ новое показаніе неизвѣстно на чемъ основанное: „Съ Сентября 1775 г. Богдановичъ 6 мѣсяцевъ издавалъ „СПб. В.“ Это же перенечатано въ самомъ послѣднемъ біографическомъ очеркѣ жизни Богдановича въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ 1908 г.

Въ 1853 г. напечатана была автобіографія И. Ѳ. Б-ча³⁾. По словамъ Геннади, рукопись эта принадлежала Модесту Ив. Богдановичу, племяннику поэта, сыну брата его Ивана Ѳедоровича, и была написана собственноручно Ип. Ѳед. въ самые послѣдніе года его жизни. Тамъ же былъ помѣщенъ снимокъ первыхъ строкъ рукописи⁴⁾. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось увидѣть эту рукопись и даже узнать, гдѣ она теперь находится; но всѣ подробности, казалось, подтверждали ея подлинность. И въ этой автобіографіи опредѣленно повторялось извѣстіе, смущающее изслѣдователей: „Съ Сентября мѣсяца 1775 г., пишеть о себѣ Богдановичъ, издавалъ ежмѣсячное изданіе, подѣ титуломъ „СПб. Вѣст.“, который продолжался 16 мѣсяцевъ“.

Припомнимъ, что Карамзинъ въ 1803 г., собирая матеріалы для статьи о Б-чѣ, обращался къ его родственникамъ и „особенно къ достойному брату

¹⁾ См. Неустроевъ „Историч. Розысканія“ стр. 238.

²⁾ Словарь Святскихъ Писателей 1845 г. и „Другъ Просвѣщенія“ 1805 г.

³⁾ „Отеч. Зап.“ 1853, № 4.

⁴⁾ Тотъ же снимокъ приложенъ къ соч. Б-ча, изд. Смирдина, еще въ 1848 году.

его⁴, Ивану Федоровичу, въ рукахъ котораго были въ то время бумаги покойнаго и среди нихъ автобіографія. Легко поэтому предположить, что, отвѣчая Карамзину, И. О. заимствовали изъ этой автобіографіи мелкія подробности; тѣмъ болѣе, что самъ онъ давно уже не жилъ въ Петербургѣ и конечно изъ жизни брата могъ многого не знать или забыть. Такимъ образомъ, первоисточникомъ ошибки былъ самъ Богдановичъ.

Если не ошибаюсь, первый обратилъ вниманіе на эту неточность въ біографіи Б-ча Я. К. Гротъ¹⁾, обвинивъ во всемъ Греча. „Главнымъ издателемъ С.-Петербургскаго Вѣстника“, пишетъ онъ, былъ Брайко, по показаніямъ Державина, Евгенія Болховитинова и Дмитріева. Несмотря на то, Гречъ, какъ въ своемъ *Опытъ краткой исторіи Русской литературы*, такъ и въ *Чтенія о Русскомъ языкѣ*, говоритъ, что первымъ издателемъ этого журнала въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ былъ Богдановичъ (Ип. Фед.). По „Словарю Свѣтскихъ Писателей“ Б. только участвовалъ въ редакціи „С.-Пб. Вѣст.“ но и это становится сомнительнымъ, когда мы здѣсь, въ Августовской книжкѣ 1778 года (стр. 186) находимъ рѣзкую политическую статью противъ Богдановича², который отвѣчалъ на нее въ „С.-Петербур. Вѣдомостяхъ“ (1778 г. № 64).

Добролюбовъ въ ст. „Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова“²⁾ повторяетъ тоже самое, полагая, что „поводомъ къ ошибкѣ, вѣроятно, послужило то, что другой Богдановичъ (Петръ) дѣйствительно издавалъ „Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ“ въ 1786 году.

Упомянутыя Я. К. Гротомъ обстоятельства, то есть помѣщеніе въ „С.-П. В.“ рѣзкой критики на „Историческое изображеніе Россіи“ Б-ча, раздраженный отвѣтъ послѣдняго въ „С.-Пб. Вѣдом.“, которыя онъ редактировалъ, наконецъ, имя Ип. Фед. Богдановича въ числѣ подписчиковъ³⁾ на „Вѣстникъ“, все это несомнѣнно доказываетъ, что Богдановичъ ни издателемъ, ни сотрудникомъ этого журнала не былъ.

А. Н. Неустроевъ, говоря о „С.-Пб. Вѣстникѣ“, прямо называетъ издателемъ Брайко, а перечисляя сотрудниковъ, не упоминаетъ даже Богдановича. Въ біографическихъ очеркахъ послѣдняго времени (Арабажина⁴⁾, Слонимскаго⁵⁾ о „С.-Пб. Вѣстникѣ“ не упоминается, и Богдановичъ признается издателемъ только „Невиннаго Упражненія“ въ 1763 году.

Но что же въ такомъ случаѣ значать загадочныя слова въ автобіографіи Богдановича. *Съ Сентября мѣсяца 775 года издавалъ ежемѣсячное изданіе подъ титуломъ „Санктпетербургскій Вѣстникъ“, который продолжался 16 мѣся-*

¹⁾ Соч. Державина, IX, 98

²⁾ „Современникъ“ 1856 (Іюль).

³⁾ „Санкт-петерб. Вѣст.“ 1778 г. Іюнь.

⁴⁾ Критико-біографическій Словарь Венгерова.

⁵⁾ „Литературный Вѣстникъ“, 1903 г.

цель"? Собирая матеріалы и провѣряя извѣстное изъ его біографіи, я убѣдилась, что большинство, если не всѣ числовыя показанія автобіографіи, указаны съ точностью формулара. Неужели же подчасъ канцелярски-мелочный Богдановичъ могъ сдѣлать такую грубую ошибку? Или память подъ старость такъ измѣнила поэту? Но до насъ дошло нѣсколько писемъ, относящихся къ самымъ послѣднимъ годамъ его жизни, и въ нихъ нѣтъ признаковъ умственной слабости. Напротивъ, Богдановичъ искалъ тогда новой службы, готовилъ изданіе своихъ произведеній, хлопоталъ о занесеніи своего рода въ гербовникъ. Или тщеславіе заставило его приписать себѣ лишнюю заслугу? Но у насъ нѣтъ основаній подозрѣвать его въ такихъ приемахъ. Да и зачѣмъ было бы въ такомъ случаѣ говорить о „С.-Пб. Вѣстникѣ“ и умалчивать о другомъ журналѣ „Собраніи разныхъ сочиненій и новостей“¹⁾, объ изданіи котораго Богдановичемъ имѣются совершенно точныя указанія?²⁾ Вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, и кроется разгадка непонятной ошибки Богдановича. Обратимъ здѣсь вниманіе на то, что показанія автобіографіи „16 мѣсяцевъ, начиная съ Сентября 775 года, не имѣютъ ничего общаго со временемъ выхода С.-Пб. Вѣстника“. Первая книжка сего послѣдняго вышла въ Январѣ 1778 года. Затѣмъ изданіе продолжалось до половины 1781 года³⁾. Между тѣмъ въ засѣданіи Комиссіи. Акад. Наукъ 2-го Марта 1776 года постановлено: „представленнаго коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ переводчика г. Богдановича ежемѣсячнаго его сочиненія на Февраль мѣсяць сего года, содержащаго въ себѣ новыя на Россійскомъ языкѣ сочиненія и переводы, новыя успѣхи въ наукахъ и художествахъ и проч. напечатать на счетъ Академіи триста экземпляровъ, въ томъ числѣ пятьдесятъ на Лейпцигской комментарной, а достальныя на здѣшной бумагѣ, съ выдачею ему господину Богдановичу по напечатаніи изъ того числа 30 экземпляровъ въ подарокъ за сообщеніе Академіи онаго его сочиненія. По напечатанію же велѣтъ фактору Лыкову во сколько сія книжка обойдется по типографіи, подать въ Комиссію счетъ“.

23-го Марта это было исполнено. Напечатанные на счетъ академической триста экземпляровъ, въ томъ числѣ пятьдесятъ на заморской комментарной, а прочіе на здѣшной бумагѣ ежемѣсячнаго сочиненія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчика господина Богдановича, подъ заглавіемъ *собраніе разныхъ сочиненій и новостей на Февраль мѣсяць сего 1776 года*, приняты отъ фактора Лыкова въ книжную лавку комисару Зборомирскому и записавъ по магазину, въ приходѣ, выдать ему господину Богдановичу тридцать экземпляровъ на Заморской бумагѣ въ подарокъ за сообщеніе академіи онаго его сочиненія; а достальныя велѣтъ ему Зборомирскому продавать, на здѣшной бумагѣ по тридцати копеекъ, а на Заморской по тридцати пяти копеекъ экземпляръ“.

Просматривая дальше отчеты Засѣданій, можно убѣдиться, что и послѣдующія книжки журнала печатались при тѣхъ же условіяхъ*). 11 Юля 1776 года

¹⁾ См. Неустроевъ „Истор. Розыс.“ стр. 214.

²⁾ Неустроевъ, „Истор. Розыс.“, стр. 238.

³⁾ Журн. Комиссіи А. Н. 5 Августа, 5 Октября, 11 Ноября и 5 Декабря.

повторяется вышеприведенное постановление относительно Майской книжки и прибавлено: „да и впредь, ежели сообщено будетъ отъ его, господина Богдановича, продолженіе того же сочиненія на слѣдующіе сего года мѣсяцы, печатать бы онаго по толикому же числу экземпляровъ, подавая въ Коммиссію по напечатанію рапорты, во сколько обойдется каждая часть того сочиненія“. Далѣе въ журналѣ Коммиссіи встрѣчаются только указанія, что журналъ напечатанъ и сданъ въ книжную лавку.

Обращаюсь теперь къ журналу, который Богдановичъ представилъ въ то время въ Академію. „Собраніе разныхъ сочиненій и новостей“. На первой страницѣ Февральской книжки 1776 года, то есть первой, напечатанной на счетъ Академіи Наукъ, помѣщено „предувѣдомленіе“: Отличное удовольствіе, съ которымъ публика приняла нѣкоторый опытъ ежемѣсячнаго нашего изданія, начатаго съ Сентября прошлаго 1775 года, и многочисленный расходъ книгъ сего изданія, обязали насъ стараться приводить нашъ журналъ сколь можно въ лучшее состояніе“.... (Далѣе намѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ распредѣленіи матеріала). Съ этой же Февральской книжки измѣняются типографія и мѣсто редакціи: раньше журналъ печатался „при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетскомъ корпусѣ типографщикомъ П. К. Шноромъ“, къ которому направлялись и рукописи. Теперь, съ Февраля 1776 г., журналъ печатается въ академической типографіи, а рукописи просятъ направлять „въ Вѣдомственную экспедицію“, то есть къ самому Ип. Ѳ. Богдановичу, который въ это время редактировалъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, издававшіяся при Академіи Наукъ. Съ этого же приблизительно времени измѣнилось или, вѣрнѣй, удлинилось названіе журнала: въ началѣ (съ Сент. 1776 по Янв. 1776 г.) онъ назывался „Собраніе Новостей“, а съ Января 1776 г. превратился въ „Собраніе разныхъ сочиненій и новостей“.

Относительно задачъ этого журнала въ Сентябрьской книжкѣ за 1775 годъ говорится: „Любители полезныхъ упражненій жалуются всегда на чрезмѣрное множество книгъ, которыхъ человѣческое вниманіе и память объять не могутъ. Наипаче исторія, въ разныхъ родахъ и въ разныхъ временахъ, дошла давно уже до сей степени, что должно почитать оную не иначе, какъ архивною для справокъ, но несвойственнымъ для человѣка дѣломъ знать и помнить неисчислимныя вѣщи, кои не имѣютъ съ нашею бытностью почти никакого союза. Между тѣмъ Исторія настоящаго времени, то есть знаніе вѣщей къ намъ ближайшихъ и насъ окружающихъ, остается въ толикомъ небреженіи, что мы едва знаемъ о самыхъ примѣчательныхъ въ Европѣ происшествіяхъ, въ то время когда знать о томъ надобно. Нѣкоторыя націи возчувствовали однако предпочтительную пользу вѣдать самую новѣйшія бытности, а особливо до ихъ земли касающіяся.... Издатели мнили, что сочиненіе такова же рода въ Россіи можетъ нравиться. Въ семъ видѣ они издають сей опытъ, который будетъ продолжаться каждый мѣсяць, есть ли удостоится быть принятъ благосклонно отъ публики“. Такимъ образомъ Богдановичу принадлежитъ одна изъ первыхъ попытокъ издавать частный журналъ въ Россіи, который отзы-

вался бы на текуція событія. А. Н. Неустроевъ¹⁾ подтверждаетъ, что журналъ этотъ издавался съ Сентября 1775 года въ теченіе 16 мѣсяцевъ.

Итакъ Богдановичъ имѣлъ право написать въ своей автобіографіи: „съ Сентября 775 г. издавалъ ежемѣсячное изданіе, которое продолжалось 16 мѣсяцевъ“, но только „не“ „подъ титломъ Санктпетербургскій Вѣстникъ“.

Числа точно совпадаютъ, но названіе журнала странно перепутано. Не найдется ли объясненіе этой ошибки въ послѣдней книжкѣ „Собранія разныхъ сочиненій и новостей“? Въ концѣ Декабрьской книжки 1776 года (стр. 46) говорится: „Мы включаемъ здѣсь присланные къ намъ изъ Москвы стихи на новый 1777 годъ, ибо журналъ нашъ болѣе продолжаться не будетъ помѣсячно, а вмѣсто онаго будутъ выходить отъ времени до времени сочиненія и переводы разныхъ охотниковъ“. Если принять во вниманіе, что журналъ Богдановича выходилъ все время съ значительнымъ опозданіемъ, то окажется, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствительно появилась первая часть (Январь—Іюнь такихъ сочиненій и переводовъ разныхъ охотниковъ подъ названіемъ „С.Пб. Вѣстника“, который являлся такимъ образомъ, какъ бы продолженіемъ „Собранія новостей“. Связь между этими двумя журналами отмѣчена А. Н. Неустроевымъ: „СПб. Вѣстникъ“, говоритъ онъ, состоялъ подъ редакціей Григорія Леонтьевича Брайко, который по прекращенію изданія „Собраніе Новостей“, гдѣ онъ принималъ участіе въ 1777 году²⁾, умѣлъ согласить нѣсколько извѣстныхъ уже въ литературѣ лицъ принять участіе во вновь задуманномъ имъ къ изданію журналъ“.

Связь между указанными журналами Неустроевъ отмѣчаетъ и въ другомъ мѣстѣ, но, къ сожалѣнію, не указываетъ, на какомъ основаніи. „Намъ кажется несомнѣннымъ, говоритъ онъ, что.... „С.-Пб. Вѣст.“ (1777) и „Академическія Извѣстія“ (1778) основались именно отъ распадѣнія редакціи „Собранія Новостей“. Не было ли это обстоятельство причиной ошибки Богдановича, для котораго эти два журнала были такъ тѣсно связаны, что, говоря о „С. Пб. Вѣстникѣ“, онъ, въ дѣйствительности, имѣлъ виду, „Собраніе Новостей?“ Такое предположеніе мнѣ кажется тѣмъ болѣе возможнымъ, что журналъ Богдановича, кромѣ двухъ приведенныхъ названій, имѣлъ еще и третье: 4 книжки 1775 года были переизданы подъ именемъ „Зритель Свѣта“. Такимъ образомъ, назвать его было довольно трудно, и это могло заставить Богдановича употребить послѣднее названіе, которое носилъ основанный имъ въ 1775 году журналъ.

Самыми темными *періодами* въ біографіи Богдановича оказываются его дѣтство, до переезда въ Москву въ 1753 г. и послѣдніе года его жизни по отъѣздѣ изъ Петербурга въ 1795 г. Нѣсколько подробностей объ этомъ

¹⁾ „Истор. Розыс.“, стр. 214.

²⁾ Указывая этотъ годъ, а не 1776, Неустроевъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду то, что послѣднія книжки за 1776 г. вышли уже въ 1777 г.

послѣднемъ періодѣ можно найти въ перепискѣ его съ предсѣдателемъ Россійской Академіи А. А. Нартовымъ и съ Н. И. Лепехинымъ, сохранившейся въ архивѣ Россійской Академіи *). Значительная часть этого матеріала использована М. И. Сухомлиновымъ въ статьѣ о Богдановичѣ. Я приведу здѣсь только то, что совсѣмъ не было напечатано М. И. Сухомлиновымъ или то, чего онъ коснулся только вскользь.

Въ 1801 году, съ восшествіемъ на престолъ Александра I, Россійская Академія пробудилась отъ невольнаго сна, въ который ея погрузило царствованіе Павла. Предсѣдателемъ ея назначенъ А. А. Нартовъ, котораго Богдановичъ, какъ членъ Академіи, привѣтствовалъ изъ Курска слѣдующимъ письмомъ:

„Съ особливымъ обрадованіемъ, милостивый государь, увѣдалъ я о предсѣдательствѣ нашемъ въ Академіи. Ваше превосходительство легко себѣ представить можете, сколь то пріятно и любителямъ наукъ и особеннымъ вашимъ почитателямъ. При поздравленіи васъ желалъ бы послать къ вамъ Курскихъ Музъ, на случай коронаціи, новое произведеніе, съ покорною просьбою напечатать ево, подъ вашимъ призоромъ въ Академической типографіи; но отъѣздъ Двора въ Москву меня въ томъ останавливаетъ. Желалъ бы также издать во угожденіе соотчичей собраніе всѣхъ моихъ сочиненій, въ новомъ исправленномъ ихъ состояніи, но на то буду ожидать благорасположительнаго вашего наставленія. Въ дальности отъ столицы, безъ совѣта благодѣтелей, не знаю, какъ то удобнѣе и полѣзнѣе произвести можно. Я же всегда пребываю съ отличнымъ высокопочитаніемъ и древнею къ особѣ вашей преданностію, м. г. вашего превосходительства всеусердѣйшій слуга Ипполитъ Богдановичъ.

24 Іюня 1801.

въ Курскѣ“.

Отвѣта на это письмо не послѣдовало, и 11 Іюля 1801 г. Богдановичъ писалъ Нартову снова: „Милостивый государь. Многими причинами побуждаюсь сообщить вашему превосходительству списокъ оды, какую я принялъ смѣлость послать къ Государю Императору на случай коронаціи. Древнее ваше милостивое ко мнѣ расположеніе само собою меня осмѣливаетъ, вѣренная же вамъ Россійская Императорская Академія къ тому еще возлагаетъ на меня и пріятный долгъ свидѣтельствовать вамъ, самымъ дѣйствіемъ, мое особое почитаніе. Съ таковыми чувствами новое мое произведеніе нахожу принадлежающимъ вамъ, какъ источнику и покрову Музъ Россійскихъ. Не принадлежитъ мнѣ вступать въ поприще искусныхъ, но усердіе мое всегда готово къ пользѣ и славѣ Академіи, которой я, при началѣ ея, имѣлъ честь быть сочленомъ. Прошу располагать мною, когда только могу что сдѣлать въ пользу Академіи. Не зналъ я, что ваше превосходительство предсѣдательствуете также и въ Економіческомъ Обществѣ. Записки мои относительноны къ Економіи Курской губерніи постараюсь пересмотрѣть и привести въ нѣкоторую форму. Все то увядаеть, когда нѣтъ солнца согрѣвающего. Не могу умолчать передъ вами, что я уволенъ отъ службы хотя съ пенсіей, но далеко отъ надежды, съ какою

*) Исторія Россійской Академіи. т. VII, 43 стр.

несъ я долговременную службу въ царствованіе вѣчно достойной памяти Государыни Императрицы. Правда, что предъ кончиной Государыни мнѣ предложено было мѣсто въ Императорской Библиотекѣ, сверхъ моей пенсіи, съ порядочнымъ жалованьемъ и обѣщаніемъ чина штатскаго совѣтника, но все то не состоялось по причинамъ неожиданнымъ. Распространяюсь о томъ съ вами, милостивый государь, въ полномъ удостовѣреніи, что вамъ состояніе мое не можетъ быть чуждо и что у престола несравненнаго Монарха удостоете, при способномъ случаѣ, употребить въ пользу мою ваше благотворное предстательство. На случай оды моей печатанія, осмѣливаюсь просить ваше превосходительство прислать ко мнѣ въ Курскъ, десятка три или четыре экземпляровъ, въ пестру бумажку, какъ водится перевязанныхъ, для моихъ здѣшнихъ друзей, и дать знать мнѣ сколько за то денегъ прислать надобно. Я же пребываю съ глубокимъ высокопочитаніемъ и пр.

11 Іюля дня 1801 года.
въ Курскѣ.

Эти письма Нартовъ доложилъ собранію Россійской Академіи 27 Іюля 1801 г. На второмъ изъ приведенныхъ писемъ набросанъ рукою Нартова черновикъ отвѣта, одобренный членами и отправленный Богдановичу.

„Государь мой Ипполитъ Федоровичъ.

Имѣя честь получить два письма ваши, первое заключающее поздравленіе меня съ президенствомъ въ Россійской Академіи и со изъясненіемъ желанія вашего издать во угожденіе соотчичей собраніе всѣхъ вашихъ сочиненій въ исправленномъ ихъ состояніи, требуя моего въ томъ наставленія; второе съ сообщеніемъ ко мнѣ списка оды на случай коронаціи, долгомъ себѣ почитаю благодарить васъ за дружеское участіе ваше въ новомъ моемъ званіи. Чтожъ касается до изданія вашихъ сочиненій, то Россійская Академія какъ типографія, такъ и денегъ для сего не имѣетъ; слѣдовательно зависить оное отъ собственнаго вашего иждивенія и воли; ибо Академія старается во первыхъ издать новый словарь по азбучному порядку и Грамматику, а потомъ сочинить Логику, Риторикку и Пійтику, яко главныя основанія словесныхъ наукъ. Объ одѣ откровенно вамъ доношу, что печатать ее отъ Академіи не могу и подать оную отъ лица вашего смѣлости не имѣю; поелику сочинитель, ежели почитаетъ твореніе свое достойнымъ поднесенія, долженъ искать путь къ сему черезъ статсъ-секретаря; въ чемъ прошу меня благосклонно извинить*). Впрочемъ доставленный вами ко мнѣ списокъ оды, яко достойное похвалы сочиненіе, я имѣлъ честь сообщить Академіи, которой весьма приятно будетъ получать отъ васъ разнаго рода прозаическія и стихотворныя сочиненія, которыхъ она съ удовольствіемъ ожидать будетъ. Наконецъ увѣряя васъ о непремѣнномъ моемъ къ вамъ почтеніи пребываю навсегда вашъ государя моего покорнѣйшій слуга Андрей Нартовъ. 29 Іюля 1801 г.

*) Здѣсь въ черновикѣ слѣдуетъ фраза: „а потому оду вашу при семъ обратно къ вамъ посылаю“, но дальше въ отчетъ зас. 27 Іюля 1801 г. и 10 Ноября 1802 этой фразы не встрѣчается.

Съ этой отвергнутой одой намъ приходится встрѣтиться еще разъ въ отчетѣ Засѣданія Россійской Академіи 10 Ноября 1802 г., на которомъ обсуждался запросъ министра народнаго просвѣщенія графа Заводовскаго, вызванный псевдимоу жалобой Богдановича на несправедливость къ нему Академіи. Послѣдняя объясняла свой отказъ принять оду Богдановича тѣмъ, что для представленія одъ на коронацію Александра I былъ объявленъ конкурсъ, о которомъ сообщалось черезъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ отъ 11 Юня 1801 г.¹⁾ всѣмъ желающимъ принять участіе. По условіямъ конкурса оды должны были доставляться въ Академію съ девизами, а имя автора прислаться отдѣльно въ запечатанномъ пакетѣ. „И поелику г. Богдановичъ, сообщая академіи сію оду, не скрылъ своего имени, то она и не могла идти въ конкурсъ съ прочими присланными въ академію одами²⁾ съ запечатанными сочинителей ихъ именами, и симъ самымъ лишилъ себя права на полученіе обѣщаннаго отъ Академіи награжденія золотою или серебряною медалью, ежели бы его ода того была удостоена“.

Нельзя не признать, что это объясненіе, представленное министру, во многомъ не соотвѣтствуетъ вышеприведенной перепискѣ автора злополучной оды съ Нартовымъ: ни онъ, ни Богдановичъ не упоминаютъ о конкурсѣ. Объ этомъ послѣднемъ, дѣйствительно, говорилось на одномъ изъ засѣданій Россійской Академіи, но Богдановичъ, проживая въ Курскѣ, могъ объ этомъ не знать. Эта ода на коронацію Александра I была напечатана уже по смерти автора впервые, если не ошибаюсь, въ изданіи Бекетова³⁾. Судьба другихъ стиховъ Богдановича, присланныхъ въ Академію въ это же время, еще печальнѣе. Въ письмѣ къ Нартову отъ 9 Мая 1802 г.⁴⁾ Богдановичъ писалъ: „пріемлю вольность приобщить здѣсь стихотворную бездѣлушку, какая на сей первый случай у меня въ черновыхъ бумагахъ отыскалась“.

Изъ отчета о томъ же засѣданіи 10 Ноября 1802 г. мы узнаемъ, что этой „бездѣлушкой“ были стихи (въ 27 строкъ); *Прозьжаю къ Ульяни сиротъ, въ деревнѣ просящей милостинки*, которые предназначались для „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“. Но въ этихъ послѣднихъ стихотвореніе не было напечатано, также какъ и въ собраніи сочиненій Б-ча, изд. Бекетова. Все, что намъ пока остается отъ этихъ стиховъ—это любопытный отзывъ академика графа Д. И. Хвостова⁵⁾.

„*Стихи отъ прозьжаю къ Ульяни* писаны слогомъ довольно пріятнымъ. Сочиненіе сіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показывасть живую кисть прекраснаго

¹⁾ Въ указанномъ номерѣ „С.-ПБ. Вѣд.“ никакого объявленія о конкурсѣ нѣтъ.

²⁾ 3 Августа 1801 г. присланныя оды разсматривались, ни одна не была признана достойной награды.

³⁾ Собр. соч. Богдановича М. 1810 г.

⁴⁾ Письмо полностью напечатано М. И. Сухомлиновымъ. Ист. Р. А.

⁵⁾ Архивъ Россійской Академіи.

творца нѣжной Душеньки; поставя внизу сочиненія имя покойнаго Богдановича, оно напечатано быть можетъ.

Я думаю, что третій стихъ: *Тебѣ ль принадлежитъ твой образъ нищеты?* такъ какъ онъ двусмыслененъ и можетъ относиться къ чертамъ лица, лучше поставить: *Тебѣ ль принадлежитъ убранство нищеты?* И тѣмъ болѣе выказываетъ послѣдующій ему стихъ: *Ульяна! дай сама мнѣ милостинку ты!*"

М. Коноплева.

С. Петербургъ. Мартъ 1911 г.

*

Теперь никто не читаетъ Богдановича; но въ исторіи нашей поэзіи (или вѣрнѣе, стихотворства) онъ занимаетъ видное мѣсто. Въ хрестоматіяхъ еще недавняго сравнительно времени, бывало, помѣщались отрывки изъ его „Душеньки“. О немъ писалъ Карамзинъ въ своемъ „Вѣстникѣ Европы“, его поминалъ Пушкинъ, а Баратынскій обратился къ его памяти съ прекраснымъ посланіемъ.

Хочу въ досужный часъ
Съ тобой поговорить про Русскій нашъ Парнассъ,
Съ тобой, поэтъ живой, затѣйливый и нѣжный,
Всегда плѣнительный, хоть вѣсколько небрежный,
Чертамъ замѣтнѣйшимъ лукавой остроты
Дающій милый видъ сердечной простоты,
И, часто наготу рисуя намъ безчинно,
Почти безстыднымъ быть умѣющій невинно....
Ты въ лучшемъ вѣкѣ жилъ...
Сей богатный вѣкъ былъ вѣкъ Еватерины.
Она любила Музъ, и ты ли позабылъ,
Кто Душеньку твою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
Я думаю, въ садахъ, гдѣ свѣтъ безсмертья блещетъ,
Понявъ тѣнь твою отъ радости трепещетъ,
Вспоминая день, сей день, когда пѣвца,
Еще за малый трудъ не ждавшаго вѣнца,
Она, друзья ея, достойно наградили
И скромнаго его такъ лестно изумили,
Страницы Душеньки читая наизусть.

Въ Богдановичѣ слышенъ Малороссіянинъ. Гетманъ Разумовскій, Безбородко и Завадовскій конечно покровительствовали и его дарованію, и его успѣхамъ по службѣ въ Иностранной Коллегіи. П. Б.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Кто изъ современниковъ не помнитъ той ангельской кротости, той невыразимой улыбки, которая всегда озаряла прекрасное чело Государя Императора Александра Павловича? Она привлекала сердца не только тѣхъ, которые имѣли счастье видѣть его часто, но и тѣхъ, которые видѣли его хотя одинъ разъ въ жизни своей. А твердость его духа, даже въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ, хладнокровіе въ сраженіяхъ, великодушіе къ побѣжденнымъ и тонкая его политика извѣстны всему міру. Эти добродѣтели пріобрѣли ему любовь и удивленіе освобожденной имъ Европы. Каждый годъ жизни и царствованія его служилъ новою и славною страницей для исторіи. Онъ былъ точно царемъ царей, какъ провозглашали его Французы въ 1814 г. *Vive Alexandre! Vive le Roi des Rois!* и пр.

Пріобрѣтенная имъ слава и безпримѣрное милосердіе его вынуждали смотрѣть на него какъ на божество бессмертное, что и согласовалось съ совершенно цвѣтущимъ здоровьемъ Государя во всей порѣ его жизни. Какого-же было изумленіе, и какъ всѣ были поражены внезапнымъ извѣстіемъ о кончинѣ его? Тѣмъ болѣе что въ Петербургѣ, исключая самыхъ болѣе приближенныхъ ко двору, мало кто успѣлъ услышать даже и о болѣзни его. Я тоже, въ числѣ таковыхъ, никогда не забуду той минуты, когда 27-го Ноября, вышедъ съ квартиры часу въ 12-мъ утра, на поворотѣ съ Большой Морской на Невскій проспектъ, встрѣчаю графа Александра Ивановича Апраксина со слезами на глазахъ. Что съ вами, графъ, спросилъ я съ удивленіемъ?—Какъ развѣ вы не знаете?—Что такое?—Нашъ незабвенный Государь скончался.—Не можетъ быть, вскрикнулъ я въ первомъ изумленіи, и дѣйствительно мнѣ это показалось невѣроятнымъ, неестественнымъ. Смотрите, говорилъ онъ мнѣ показывая на экипажи съ дамами въ глубокомъ траурѣ, утирающими слезы платками. Онѣ ѣдутъ на панихиду во дворецъ. За тѣмъ, не могли болѣе говорить, оставилъ меня. Тогда я пошелъ къ генералу Воинову, въ то время командиру гвардейскаго корпуса, который

жилъ отъ того мѣста черезъ три дома. Онъ самъ былъ во дворцѣ, но жена его и адъютантъ подтвердили роковое извѣстіе съ нѣкоторыми подробностями. Разумѣется, мы всѣ плакали какъ дѣти.

Вышедши отъ нихъ, весь городъ показался мнѣ какою-то плачевною угрюмою картиною; встрѣчающіеся знакомые и незнакомые сообщали другъ другу общее всѣмъ тогда горе. Дѣйствительно день тотъ былъ вполнѣ горестный для всѣхъ жителей Петербурга. На другой день всѣ другъ другу сообщали одно мѣсто изъ письма императрицы Елисаветы Алексѣевны изъ Таганрога къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, сдѣлавшагося вдругъ извѣстнымъ всему городу „Нашъ ангелъ на небеси“; показавшіяся же вскорѣ кольца съ этою надписью и съ изображеніемъ его раскупались на расхватъ. И мудрено ли послѣ-этого, что почти внезапная кончина Государя и извѣстіе о ней, тоже внезапное, подали многимъ поводъ къ суевѣрнымъ сближеніямъ и припоминаніямъ, какъ будто предзнаменовавшимъ это несчастіе; но никогда предразсудки не бываютъ такъ простительны какъ при тогдашнемъ болѣзненномъ у всѣхъ состояніи души. Такъ между прочимъ говорили, что покойный Государь при отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга, прощаясь съ матерью и младшими братьями, изволилъ будто сказать съ особымъ чувствомъ: „Мы долго и долго не увидимся“. Отъѣхавши же нѣсколько отъ Петербурга, приказалъ кучеру остановиться, и вставши обратясь назадъ—долго смотрѣлъ на городъ.

Говорили также, что въ день своего Ангела, послѣдній разъ, прислалъ въ Александро-Невскій монастырь по нѣскольку пудовъ восковыхъ свѣчъ, масла и ладону. А наканунѣ отъѣзда, бывши въ томъ же монастырѣ, долго молился, стоялъ на колѣняхъ, потомъ заходилъ къ схимнику, съ которымъ очень долго бесѣдовалъ.

Прибавляли, что, на возвратномъ пути изъ Крыма въ Таганрогъ, онъ будто бы намочилъ ноги при переправѣ черезъ одну рѣку, которая имѣя Татарское названіе, въ переводѣ на Русскій языкъ—выходило „смерть Русскому“. А курьеръ посланный къ императрицѣ съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ было будто бы сказано, что онъ не замедлитъ прибыть вскорѣ послѣ него, дорогою расшибся и умеръ. Онъ заболѣлъ 7-го Ноября 1825 г., день страшнаго наводненія 1824 года въ С.-Петербургѣ, которое онъ называлъ катастрофою и послѣ котораго онъ будто сказалъ кому-то: „такое же наводненіе было въ годъ моего рожденія 1777 г. А это не предвѣщаетъ ли годъ моей кончины?“

Въ Таганрогѣ, передъ болѣзнію, на одной какой-то панихидѣ Государь, замѣтивъ, что въ тамошнемъ соборѣ черныя ризы были очень ветхи, приказалъ сдѣлать новыя, какъ будто предчувствуя, что онѣ понадобятся для его помпозенія. Нельзя однако не принять во внима-

ніе то сближеніе, что Петръ Великій скончался въ 1725-мъ году и Александръ I, тоже большой славы Государь, скончался ровно черезъ сто лѣтъ въ 1825 году.

Въ день кончины Екатерины II и Павла караулы въ Зимнемъ дворцѣ были отъ Преображенскаго полка, и отъ него же караулъ въ Зимнемъ дворцѣ былъ въ день полученія роковаго извѣстія о кончинѣ Александра. Нелишнее замѣтить, что число 19-го Ноября изображено на офицерскихъ знакахъ Преображенскаго полка, данныхъ Петромъ I за отличіе въ память взятія Нарвы въ 1700 году и носимыхъ офицерами, когда находятся въ строю или на службѣ—было числомъ и мѣсяцемъ кончины Александра.

Не выходя нѣсколько дней отъ душевнаго унынія, я невольно предался самымъ грустнымъ мыслямъ и воспоминаніямъ. Мнѣ живо припомнился тотъ день, когда мнѣ въ первый разъ привелось увидѣть Государя, бывши еще 13-лѣтнимъ юношею.

Въ 1804 году я изъ благороднаго пансіона, бывшаго тогда при Московскомъ университетѣ, по волѣ родныхъ моихъ прибылъ въ Петербургъ для поступленія въ извѣстный въ то время пансіонъ Іезуитовъ. Прежде всего мнѣ крайне любопытно было видѣть Государя, котораго я представлялъ себѣ выходящимъ изъ ряда людей, какъ мощнаго повелителя многихъ милліоновъ подданныхъ, и я былъ внѣ себя отъ счастья, когда мнѣ удалось этого достигнуть, увидавъ его верхомъ на какомъ-то парадѣ дворцовой площади. Александръ Павловичъ, на четвертолѣтнемъ тогда своемъ царствованіи, былъ въ порѣ молодости и замѣчательной, величавой красоты. Черты его лица не могли тогда не врѣзаться въ памяти моей. Вскорѣ потомъ, когда я уже поступилъ въ пансіонъ, мнѣ случилось быть нѣсколько разъ свидѣтелемъ вотъ чего.

Іезуитскій пансіонъ помѣщался тогда въ домѣ находящагося въ глубинѣ двора католическаго монастыря, который былъ при теперешней церкви Св. Екатерины на Невскомъ проспектѣ; вслѣдствіе чего окна дома, въ которомъ помѣщался и пансіонъ, и монахи-преподаватели, выходили на теперешнюю Михайловскую площадь, но тогда еще на пустынную улицу, по одну сторону которой, за исключеніемъ каменнаго дома нашего пансіона, лѣпилось (и то изрѣдка) нѣсколько деревянныхъ домиковъ съ длинными заборами, а по другой сторонѣ—тянулась каменная стѣна тогдашняго такъ называемаго верхняго лѣтняго сада, на мѣстѣ теперешней площади передъ Михайловскимъ дворцомъ. Такое положеніе улицы, идущей параллельно Невскому проспекту и не имѣвшей еще тогда соединенія съ нимъ посредствомъ теперешней Михайловской, дѣлало ее какою-то уединенною улицею въ

центрѣ города, по которой мало ѣздили и ходилп. И вотъ почему Государь, какъ видно, избралъ ее для своихъ утреннихъ свиданій съ извѣстною тогда роскошною красавицею Марьею Антоновною Нарышкиною.

Однажды осенью, помнится въ 1806 году, послѣ общаго нашего обѣда въ первомъ часу (за которымъ по заведенному у насъ тогда порядку пришла мнѣ очередь читать какую-то книгу въ слухъ) всѣ ученики, оставивъ столовую, бросились бѣгать и играть по двору, а я, кончивъ свой одиночный обѣдъ и подошедши къ одному изъ оконъ столовой, къ удивленію своему увидалъ Государя стоящимъ на улицѣ верхомъ, а рейткнекта, ѣхавшаго за нимъ, соскочившаго съ своей лошади и что-то поправляющаго у лѣваго его стремя. Государь, устремивъ глаза вдоль улицы, какъ будто поджидалъ кого и вдругъ, торопливо оправившись въ сѣдлѣ двинулся съ мѣста. Я бросился къ отворенной довольно большой форточкѣ окна и, высунувъ голову на улицу, сталъ слѣдить за нимъ. Вскорѣ увидалъ я подвигающуюся крупною рысью карету съ двумя лакеями въ красной ливреѣ на запяткахъ, которая не далѣе 50 саженой отъ моего наблюденія остановилась, и Государь близко подъѣхалъ къ опущенному окну кареты. Простоявъ минутъ около десяти, онъ двинулся впередъ, а карета проѣхала мимо моего окна, въ которой я ясно видѣлъ сидящую даму.

Я боялся сообщить кому изъ учениковъ мое открытіе и крѣпко держалъ его въ секретѣ; не менѣе того, подстрекаемый любопытствомъ, я довольно часто сталъ заглядывать послѣ обѣда въ пустую столовую въ надеждѣ увидать повтореніе видѣннаго и не обманулся: мнѣ еще два раза привелось слѣдить за этимъ свиданіемъ; только въ эти другіе раза Государь былъ не верхомъ, а въ саняхъ парою съ пристажною, какъ тогда всѣ ѣздили, и тоже одинъ разъ, остановясь почти противъ нашего дома, сталъ что-то поправлять въ ожиданіи кареты, которая остановилась почти на одномъ и томъ же видимо условленномъ мѣстѣ; сани же подъѣзжали такъ близко къ каретѣ, что Государь, ставши на ноги, не выходя изъ саней, могъ стоять у самаго окна.

Это было въ первые годы связи Государя съ Маріею Антоновною. Связь эта продолжалась довольно долго. Отъ нея у Государя была дочь, которая, кажется, умерла въ молодости.

По выходѣ изъ пансіона въ началѣ 1808 года, я поступилъ подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ и по тогдашнему заведенному порядку представлялся Государю, какъ шефу полка, еще во фракѣ, рядомъ съ другими многими разными лицами, представлявшими ему въ тотъ день. Я не помнилъ себя отъ счастья, получивъ благосклонный взглядъ его, который былъ, такъ сказать, особенною принадлежностью

его особы. Какъ онъ много дѣйствовалъ на тѣхъ, къ кому онъ относился и какъ сильно онъ привязывалъ къ нему тѣхъ, которые посвящали жизнь свою на службу ему!

Въ томъ же году я отправился съ четвертымъ батальономъ Преображенскаго полка, который въ числѣ другихъ полковъ посланъ былъ въ Финляндію, по случаю тогдашней войны съ Швеціею. Совершилъ зимнюю кампанію почти до Улеборга. Потомъ простоявши два мѣсяца въ Вазѣ, пошелъ батальонъ нашъ къ Або для перехода въ Мартѣ мѣсяцѣ моря по льду, на Аландскіе острова, и по случаю перемирія тѣмъ же путемъ возвратился въ Або, гдѣ и простоялъ всю весну и лѣто.

Вспомнилъ, съ какою радостью и одушевленіемъ мы увидали тогда Государя, пріѣхавшаго туда на нѣсколько дней и какъ онъ насъ тогда подарилъ царскимъ спасибо за понесенные нами труды. На парадѣ при церемоніальномъ маршѣ мнѣ пришлось салютовать ему знаменемъ. Когда же, по возвращеніи въ Петербургъ, я былъ произведенъ въ офицеры въ тотъ же полкъ, въ началѣ 1810 года, то вновь имѣлъ счастье представляться Государю. Въ то время Государь ежедневно бывалъ на разводахъ 1-го отдѣленія. Всѣхъ офицеровъ, подходившихъ къ нему заявлять, опуствя шпагу, въ какое мѣсто назначены въ караулъ, полковой командиръ называлъ по фамиліи; но Государь нерѣдко любилъ предупредить его и часто самъ называлъ многихъ. Съ какимъ восторгомъ я въ первый разъ услышалъ имя свое произнесенное имъ.

Врѣзался въ мою память тотъ день 1812 года, въ который при начальномъ отступленіи отъ Свенціанъ къ Дрисѣ, во время дождя и при порывистомъ сильномъ вѣтрѣ, онъ верхомъ съ накинутою шинелью на правое плечо противъ вѣтра, стоялъ у дороги и смотрѣлъ на проходившій мимо его нашъ корпусъ. Отъ грязнаго, дождливаго и труднаго пути, мы были совершенно утомлены, но улыбающія черты лица Государя и его привѣтъ „здорово ребята“ какъ будто какою-то электрическою искрою всѣхъ насъ ободряли.

Когда послѣ страшнаго пораженія сильнаго врага, въ концѣ 1812 года, Государь изволилъ прибыть въ Вильну, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ 12-го Декабря, (день рожденія Государя) давалъ балъ, или лучше сказать по немногочисленности своей и тѣснотѣ помѣщенія скорѣе скромный вечеръ, я, въ немъ участвовавшій въ числѣ танцующихъ офицеровъ Преображенскаго полка, находившихся тогда при главной квартирѣ, припомнилъ себѣ, съ какимъ неизъяснимо кроткимъ, но озареннымъ великою славою лицомъ Государь вошелъ въ залу и съ какимъ однако невольнымъ трепетомъ стояли Польскія дамы и привѣтствовали его; но сердце его чуждое мести вскорѣ успокоило ихъ, когда онъ

сталъ разговаривать съ нѣкоторыми изъ нихъ. Прошедшаго какъ будто не бывало, и всѣ веселились, тогда какъ улицы города, огромные костелы его и больницы, наполненные плѣнными не были еще вполне очищены отъ множества мертвыхъ тѣлъ павшаго непріятеля и столько же ждавшихъ той же участи отъ изнеможенія силъ послѣ страшнаго голода и сильныхъ морозовъ.

Тутъ же на балѣ видѣлъ я свѣтлѣйшаго Кутузова, въ первый разъ съ Георгіемъ 1-й степени черезъ плечо, полученнымъ имъ только наканунѣ того дня.

Государь съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ обходился съ свѣтлѣйшимъ, а въ самомъ разгарѣ танцевъ вошелъ съ нимъ въ боковую комнату, дверь которой немедленно за ними затворилась, и изъ которой возвратились они въ балъную залу, только по прошествіи довольно долгаго времени, и это повторялось раза два.

Когда же мы вступили снова въ походъ къ Калишу, перешедши рѣку Нѣманъ 1-го Января 1813 года, то, не смотря на зимнее время, Государь почти ежедневно верхомъ обгонялъ нашъ полкъ, продолжавшій находиться при главной квартирѣ, и здоровался съ нимъ. Онъ хотя не былъ отличнымъ ѣздокомъ, но сидѣлъ ловко и красиво, на статныхъ отлично выѣзжанныхъ лошадяхъ. Кто не любовался его сврою верховою лошадию Марсъ? Онъ ѣздилъ не иначе какъ шагомъ или галопомъ; рысью никогда.

Изъ Калиша къ Дрездену мы подвигались уже весною при прекрасной и теплой погодѣ. Жители Прусской Силезіи стекались со всѣхъ сторонъ на дорогу, по которой мы проходили, безпрестанно у насъ спрашивая, гдѣ Государь и скоро ли онъ проѣдетъ. При вѣздѣ въ каждое селеніе, стояли пасторы или какіе другіе сельскіе начальники, окруженные толпою поселянъ въ праздничныхъ нарядахъ и, подходя къ Государю, привѣтствовали иногда довольно длинными рѣчами. Но Государь всегда останавливался и, благосклонно выслушивая, не отъѣзжалъ не подаривъ ласковымъ словомъ, что и самыхъ хладнокровныхъ Нѣмцевъ приводило въ восторгъ, съ крикомъ по удаленіи Государя: вотъ душа, вотъ Ангель!

Памятенъ мнѣ и тотъ день, въ который, при переходѣ черезъ Прусскую Силезію, я назначенъ былъ въ караулъ со взводомъ гренадеръ при квартирѣ Государя въ одномъ помѣщичьемъ домѣ съ садами. Одинъ изъ нихъ передъ фасадомъ дома, въ которомъ были окна кабинета и спальни Государя, а въ другой гораздо бдльшій, нужно было проходитьъ черезъ обширный дворъ, въ которомъ поставленъ мой караулъ. Государь два раза проходилъ черезъ дворъ этотъ въ большой садъ, и вся-

кій разъ съ благосклонною улыбкою приказывалъ людямъ караула ставить ружья въ козлы.

Въ одну изъ таковыхъ его прогулокъ послѣ обѣда въ большомъ саду, подъѣхалъ къ воротамъ двора свѣтлѣйшій князь Кутузовъ съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ и, вышедъ изъ экипажа, направился къ главному крыльцу дома, у котораго стоявшій караулъ сталъ въ ружье. Онъ, поздоровавшись съ людьми, спросилъ меня: сюда ли къ Государю? но узнавъ отъ меня, что онъ въ саду, на который я ему указалъ, усѣлся на лавочкѣ, стоявшей у крыльца и, подзвавши къ себѣ одну изъ стоявшихъ въ числѣ любопытствующихъ Нѣмочку лѣтъ 12, началъ съ нею шутить. Когда же Государь показался въ калиткѣ сада, то свѣтлѣйшій пошелъ къ нему и, встрѣтясь съ нимъ недалеко отъ ставшаго въ ружье караула, сталъ доносить о какомъ-то только что полученномъ новомъ успѣхѣ нашихъ войскъ (послѣ я узналъ, что извѣстіе это относилось къ занятію Магдебурга). Государь весело его выслушивалъ и, взявъ за обѣ руки, изволилъ сказать: всякій день, всякій день новое пріятное извѣстіе, и обратясь къ караулу громко произнесъ: „Поздравляю, ребята, еще съ новымъ успѣхомъ нашихъ войскъ“, и какъ водится обычно „*Рады стараться, Ваше Величество*“ было громкимъ отвѣтомъ на слова Государя.

По выходѣ князя Кутузова отъ Государя и по пробитіи зари съ музыкою Преображенскаго полка, когда уже стемнѣло и зажгли огни въ домѣ, я вздумалъ обойти его и посмотреть, не нужно ли будетъ поставить часового подлѣ оконъ Государя, и къ удивленію моему увидаль что десятка два Нѣмцевъ изъ оставшагося еще любопытствующаго народа, забравшись въ садъ, столпились около освѣщенныхъ изъ внутри оконъ. Государю нельзя было не слышать хотя самаго и тихаго ихъ говора и шума, но по добротѣ своей не приказывалъ ихъ отгонять. Я же, не могши этого предполагать, немедленно сталъ это дѣлать; но какъ ни тихо я уговаривалъ Нѣмцевъ отойти отъ оконъ, Государь вѣроятно изволилъ это услышать и, отворивши окно, сказалъ мнѣ „оставьте ихъ“, произнеся эти слова понѣмецки.

Вообще весь путь отъ Калиша, куда пріѣжалъ на свиданіе съ Государемъ король Прусскій, до Дрездена, былъ для нашего Государя путемъ торжества, какъ и вшествіе въ самый Дрезденъ.

Помню, когда въ день Люценскаго сраженія, въ тотъ моментъ, когда оно клонилось въ нашу пользу, Государь подъѣхалъ веселый къ нашему полку съ графомъ Витгенштейномъ, который только тогда, послѣ смерти князя Кутузова, присоединился съ своимъ корпусомъ къ главной арміи, дотолѣ дѣйствовавши отдѣльно, и изволилъ произнести: ребята, графу-Виттенштейну ура! что немедленно было подхвачено

всѣмъ полкомъ. А подъ Бауценомъ, когда нашъ правый флангъ вынужденъ былъ податься назадъ, онъ приказалъ гвардіи отступать и, ставъ со свитою, вблизи Преображенскаго полка, на одномъ холмѣ. не взирая на ложившіяся подлѣ него ядры, хладнокровно смотрѣлъ на отступающую гвардію. Это отступление походило болѣе на маневръ или ученіе, ибо всѣ баталіоны отступали поочередно, эшалонами, не спѣша, тихимъ шагомъ и въ ногу.

Не забуду никогда той минуты, когда, лежа въ Прагѣ для излеченія тяжелой раны, полученной мною подъ Кульмомъ, нуждался крайне въ деньгахъ, и какъ неожиданно мы всѣ раненные нашего полка по приказанію Его Величества получили по 100 червонцевъ, которые и послужили мнѣ къ болѣе скорому излеченію.

Въ Парижѣ, по занятіи его нашими войсками, намъ всѣмъ Русскимъ, бывшимъ съ нимъ, приходилось гордиться, что имѣемъ его своимъ царемъ. Всѣ Парижане, а особенно Парижанки, искали случая хотя только взглянуть на него. Редакторы всѣхъ журналовъ спѣшили другъ передъ другомъ превозносить его имя какъ великодушнаго побѣдителя и избавителя; словомъ, всѣ тамъ были отъ него безъ ума.

Онъ тамъ очень часто ходилъ одинъ, по всѣмъ улицамъ, въ простомъ гражданскомъ платьѣ, и тогда разумѣется его рѣдко кто узнавалъ, кромѣ случайно встрѣчавшихся Русскихъ, которымъ, хотя и военнымъ, тоже дозволено было на все время пребыванія въ Парижѣ ходить въ партикулярномъ платьѣ. А для ѣзды по городу у него была карета палеваго цвѣта, запряженная парою лошадей въ шпорахъ, и всегда съ двумя лакеями въ придворной Русской ливреѣ, и съ кучеромъ тоже по тогдашнему Парижскому обычаю. Въ одно Воскресенье отправился къ обѣднѣ въ Русскую церковь, тогда помѣщавшуюся въ посольскомъ домѣ. Подошедши къ его подъѣзду, увидалъ подъѣхавшаго къ нему великаго князя 16 лѣтняго, только что прибывшаго изъ Петербурга, Михаила Павловича съ адъютантомъ, который, не знавши куда направиться въ большой толпѣ стоявшей у подъѣзда, попросилъ меня идти впередъ и провести великаго князя черезъ стоявшихъ во множествѣ Парижскихъ дамъ, наполнявшихъ всю нижнюю обширную переднюю и большую лѣстницу ведущую въ церковь. Онѣ всѣ собрались здѣсь для того, чтобы хотя мелькомъ взглянуть на прекраснаго Русскаго Императора, прибытія котораго ожидали къ обѣднѣ. Проводивши великаго князя до дверей церкви, я поспѣшилъ вновь сойти внизъ къ подъѣзду, чтобы видѣть пріѣздъ Государя, который вскорѣ и послѣдовалъ, при громкихъ крикахъ стоявшаго на улицѣ народа: *vive Alexandre!* За Государемъ вышелъ изъ кареты сидѣвшій съ нимъ князь Волконской, и дожидавшій Государя флигель-адъютантъ пошелъ впереди

его расчищать путь между дамами, говоря довольно громко „place, mes dames, à l'Empereur“, а я, какъ никого другого изъ Русскихъ тутъ не было, пошелъ тотъ часъ велѣдъ за княземъ Волконскимъ, а потому и могъ слышать очень явственно дамскій тихой между собою говоръ ah, qu'il est beau! произносимый по проходѣ Государя, который раскланивался съ ними съ особенною ловкостью. Государь, какъ теперь смотрю на него, былъ тогда въ праздничномъ кавалергардскомъ мундирѣ, который удивительно шелъ къ его осанкѣ и въ которомъ онъ любилъ показываться на балахъ.

Людовикъ XVIII, вновь возведенный тогда въ короли Франціи, прибылъ въ Парижъ еще во время нашего тамъ пребыванія. Государь нашъ изъ особенно тонкой деликатности, приказалъ, чтобы никто изъ Русскихъ въ мундирѣ не показывался на улицахъ въ день его параднаго въѣзда въ городъ въ открытомъ экипажѣ. Онъ былъ довольно старъ и тученъ для верховой ѣзды, а какъ Государю желалось показать ему свою гвардію во всемъ ея блескѣ, не смотря на перенесенные труды, то и придумано было пройтись ей церемоніальнымъ маршемъ повзводно, по Тюльерійской набережной вдоль рѣки Сены къ мосту de la Concorde, мимо одного изъ боковыхъ павильіоновъ Тюльерійскаго дворца, окна котораго выходили на эту набережную. И вотъ у одного изъ этихъ открытыхъ оконъ, во время прохожденія гвардіи, стоялъ король, улыбающійся и благодарящій наклономъ головы, когда проходящіе по очереди знамена салютовали ему. А Государь, стоявшій подлѣ него, вѣроятно называлъ ему по именамъ славные полки свои.

Узнавши одинъ разъ, что Государю угодно было въ тотъ день посѣтить оперу, я поспѣшилъ отправиться туда-же, не такъ для спектакля, какъ для того, чтобы видѣть восторженный пріемъ, который будетъ сдѣланъ Французскою публикою нашему Государю. Трудно было очень добиться до кассы для полученія билета, по случаю страшной тѣсноты, отъ которой мундиру моему пришлось жестоко пострадать; но билетъ все-таки, хотя и съ большими усиліями, былъ добытъ мною. Всѣ ложи зрительной залы были биткомъ набиты разряженными дамами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ложъ, занятыхъ нашими и Прусскими генералами, а въ пятой или четвертой отъ средней ложи, предназначенной для Государя, сидѣли молодые великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, только что передъ тѣмъ прибывшіе въ Парижъ.

Около 8 часовъ всѣ засуетились, музыка заиграла, возобновленную тогда въ памяти роялистовъ-Французовъ народную арію *Vive Henri IV*, но съ передѣлкою словъ „*Vive Alexandre, Vive ce Roi des Rois*“. Государь, въ то время показавшись у входа ложи, нѣсколько пріостановился, потомъ, подошедши къ баріеру, привѣтствовалъ публику легкимъ

наклономъ головы во все стороны. Раздался оглушительный крикъ *Vive Alexandre* и, вторя, оркестру, весь партеръ не только запѣлъ, но скорѣе можно сказать заоралъ арію. Государь видимо былъ тронуть, стоялъ и продолжалъ наклонять тихо голову. Восторгамъ публики не было конца, дамы махали платками и аплодировали съ большимъ усердіемъ. Арія, по требованію, повторялась нѣсколько разъ; наконецъ послѣ продолжительныхъ, изступленныхъ криковъ *vive Alexandre*, Государь изволилъ сѣсть, имѣя позади себя только одного князя Волконскаго. Публика тоже усѣлась, спектакль начался, но взоры всехъ были болѣе обращены не на сцену, а на Государя. Каждый изъ присутствовавшихъ тогда въ театрѣ, желая воспользоваться случаемъ, старался, всматриваясь въ Государя, врѣзать въ свою память несравненный образъ великодушнаго побѣдителя.

Въ антрактѣ Государь изволилъ что-то сказать кн. Волконскому, который, вышедши, скоро показался въ ложѣ, въ которой сидѣли великіе князья. Значить, Государь приказалъ имъ перейти въ его ложу. Они, вошедши въ нее и увидавъ, что Государь, облокотясь на парапетъ, занятъ былъ разсматриваніемъ въ лорнетъ нѣкоторыхъ дамъ сидѣвшихъ въ ложахъ, приостановились при входѣ и стали почтительно дожидаться, покуда Государь изволилъ обратить вниманіе на нихъ. Эта минутная картина, особеннаго уваженія младшихъ къ ихъ старшему брату и царю, была поразительно хороша, въ особенности, когда Государь, обратясь къ нимъ, съ улыбкою показалъ рукою сѣсть рядомъ съ нимъ, а они съ какимъ-то подобострастіемъ очень низко ему поклонились. И все это въ виду нѣсколько тысячъ зрителей, слѣдящихъ за каждымъ его движеніемъ, производившимъ восторгъ неописанный. Французы смотрѣли тогда на Александра какъ на особое какое-то неземное существо.

Я уже говорилъ, что Государь Александръ Павловичъ былъ очень красивъ лицомъ, но онъ сверхъ того былъ прекрасно сложенъ и чрезвычайно ловокъ. Хотя и казался нѣсколько сутуловатымъ, и притомъ ростомъ не болѣе 2 арш. 8 вершковъ, но все таки считался самымъ красивѣйшимъ мужчиномъ изъ всей его Имперіи. Съ женщинами былъ чрезвычайно любезенъ. На балахъ всегда въ башмакахъ, какъ и все приглашаемые тогда, даже гусары при вицъ-мундирахъ своихъ. Одни уланы имѣли привилегію быть на балахъ въ сапогахъ. Танцовывалъ онъ съ какою-то особенно величавою ловкостью. Мнѣ, какъ служившему въ гвардіи, приходилось очень часто видать его на придворныхъ балахъ вальсирующимъ даже въ 1819-мъ году, хотя ему тогда было уже 42 года. Величественная его осанка и поступъ чрезвычайно эффектно выказывались при вступленіи его въ бальную залу подъ руку съ вдовствомъ

шею Императрицею, своею матерью Марьею Ѳедоровною или съ супругою императрицею Елисаветою Алексѣевною. А такъ же при дворцовыхъ выходахъ, въ большіе праздники, когда онъ, предшествуемый всѣми придворными чинами, проходилъ въ большую дворцовую церковь, мимо дипломатическаго корпуса и гвардейскихъ генераловъ съ ихъ офицерами, собиравшихся тогда въ такъ называемой кавалергардской залѣ, между внутреннимъ карауломъ кавалергардскаго полка и комнатою, занимаемою обыкновенно карауломъ отъ одного, поочереды, другаго какого гвардейскаго полка.

Но на меня производили всегда какое-то особенное впечатлѣніе его входы въ зрительную залу эрмитажнаго театра, гдѣ давались тогда спектакли по Четвергамъ, разумѣется въ зимнее время. Зала съ мѣстами, устроенными въ видѣ полукруглаго амфитеатра, вмѣщаетъ не болѣе 250-ти, много 300 человекъ, вслѣдствіе чего въ каждый полкъ гвардіи присылалось не болѣе трехъ или четырехъ билетовъ; но я, когда мнѣ таковой не доставался, почти каждый разъ получалъ его отъ другаго товарища не желавшаго имъ воспользоваться. Я любилъ бывать на этихъ спектакляхъ, на которые собиралась вся высшая знать двора; меня, какъ весьма молодаго тогда человека, это льстило, въ особенности какъ выше, сказалъ, я любилъ смотрѣть на входы Государя, которые происходили такъ: въ исходѣ 8-го часа всѣ получившіе билеты находились уже въ зрительной залѣ, занимаясь шумными разговорами, между прочимъ и съ дамами, занимавшими обыкновенно три или четыре пизнихъ ряда амфитеатра съ правой стороны. Вдругъ входитъ оберъ-гофмаршалъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, дѣлалъ знакъ тишины, музыка начинала играть, всѣ бросались къ своимъ мѣстамъ, и стоя обращали свои взоры на главныя двери. Черезъ минуту показывался Государь, подъ руку съ одной изъ Императрицъ, останавливался немного при входѣ, слегка нагибалъ голову направо и налево, тоже и Императрица, потомъ медленно начинали сходить по ступенямъ, направляясь къ кресламъ, поставленнымъ для императорской фамилии почти у самаго оркестра.

Въ антрактахъ, а иногда и во время представленія, Государь часто обращался съ лорнетомъ, который всегда носилъ съ собою, въ ту стору, гдѣ сидѣли дамы, въ томъ числѣ и М. А. Нарышкина.

Онъ любилъ прогуливаться пѣшкомъ и почти каждый день изволилъ ходить передъ обѣдомъ по какой нибудь набережной, а сани въ одну лошадь, съ его широкоплечимъ и молодцоватымъ кучеромъ Ильею слѣдовали за нимъ. Нерѣдко, слѣдуя по набережной Фонтанки отъ Невы до Калинкинскаго моста, не садился онъ въ сани.

Все это живо представилось мнѣ какъ сонъ какой.—Мнѣ какъ то не захотѣлось вѣрить, что Благословеннаго не стало. Онъ, не взирая на свое величіе, могущество, славу, любовь своего народа и цвѣтущее здоровье, пересталъ существовать на равнѣ кого изъ послѣднихъ его подданныхъ. Но память его дѣлъ для Россіи будетъ вѣчная. Нынѣ благополучно царствующій Императоръ Николай Павловичъ возымѣлъ, счастливую и великую мысль, повелѣвъ ежегодно поминать имя незабвеннаго въ день Рождества Христова, въ который покойнымъ Императоромъ установлено было благодарственное молебствіе Всевышнему, за избавленіе отечества отъ нашествія непріятели въ числѣ дванадесяти народовъ. Такимъ образомъ вѣчная память, провозглашаемая ежегодно Императору Александру 1-му, переходя отъ вѣка къ вѣку, дойдетъ до позднѣйшихъ временъ въ мірѣ и будетъ вѣроятно болѣе прочнымъ памятникомъ, чѣмъ даже та гранитная и единственная въ мірѣ по величинѣ своей колонна, которая поставлена въ Петербургѣ тоже въ память его.

Пармень Деменновъ.

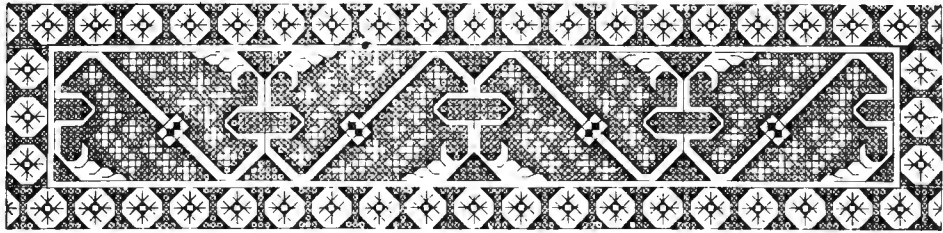
1835 года. 28 Декабря.

Выше я коснулся Іезуитскаго пансіона, въ которомъ пробылъ болѣе трехъ лѣтъ. Соучастниками моими тогда были въ одномъ со мною классѣ: князь Ухтомскій, князь Прозоровскій, три брата Обресковыхъ, графъ Толстой, Похвисневъ, кн. П. А. Вяземскій, Юшковъ Энгельгардъ, Челищевъ, Поджіо, гр. Войновичъ, кн. Голицынъ, Брусиловъ, Энгельгардъ и Бибииковъ; всѣхъ же учениковъ въ пансіонѣ было съ небольшимъ 40. Преподаватели, за исключеніемъ православнаго священника отъ Казанскаго собора, были всѣ монахи-Іезуиты разныхъ націй.

*

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 года (III, 258) напечатана статья Пармена Семеновича Деменнова: „Четырнадцатое Декабря 1825 года на Петербургскихъ площадяхъ Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской, записано очевидцемъ его на третій день послѣ происшествія“. Появившись 34 года раньше вышенапечатанной здѣсь, она служитъ ей продолженіемъ въ печати, и обѣ онѣ вызываютъ сожалѣніе читателя объ ихъ краткости. П. Б.

ИЗЪ АРХИВА Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА.

О Россійскихъ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Французами, въ 1812 году, въ Варшавѣ.

Дѣло № 7 (по описи № 35) о фальшивыхъ ассигнаціяхъ. Секретная переписка на 278 листахъ.

Копія всеподданнѣйшей записки министра финансовъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ (безъ даты).

При самомъ началѣ приближенія Французскихъ войскъ къ границамъ нашимъ, весною 1812 года, имѣлъ я счастье испросить высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе на отправленіе отсюда чиновника ассигнаціоннаго банка для наблюденія въ Ригѣ и по сухопутной границѣ до Радзивилова за появленіемъ фальшивыхъ ассигнацій изъ за границы. Въ то время не открыто еще слѣдовъ ввоза ихъ, кромѣ найденной въ Бродахъ одной 25 рублевой ассигнаціи. Впослѣдствіи учинилось извѣстнымъ намѣреніе Французскаго правительства выпустить у насъ большое оныхъ количество. Продолжая съ того времени свои развѣдки¹⁾, отъ 17 Генваря сего года²⁾ увѣдомилъ меня, что Нѣжинскій первостатейный купецъ Пирха, тотъ самый, который и первую 25 рублевую ассигнацію досталъ изъ Бродъ, по усердію и преданности своей къ Россійскому правительству, вновь донесъ ему нынѣ, что Французы выпустили въ Варшавѣ, чрезъ посредство дюка Де-Бассано и какого-то банкира Френкеля, до двадцати милліоновъ рублей ассигнаціями, разославъ ихъ въ разныя мѣста, изъ которыхъ въ Бродахъ находится можетъ до полумилліона. Вслѣдъ засимъ Пирха доставилъ къ нему изъ Бродъ таковыхъ ассигнацій сто, пятидесяти

¹⁾ Подразумѣвается, конечно, упомянутый выше чиновникъ ассигнаціоннаго банка.

²⁾ 1813 года.

и двадцати пяти-рублевыхъ, которыя по освидѣтельствуванію банка оказались всѣ фальшивыми.

По таковымъ извѣстіямъ, я предписалъ всѣмъ таможнякъ, по сухопутной границѣ, усугубить строжайшій надзоръ за проѣзжающими и проходящими и имѣть неусыпное наблюденіе за открытіемъ провожателей, и, донося о томъ Вашему Величеству, почитаю долгомъ представить, не благоугодно ли будетъ повелѣть, по приближеніи войскъ къ Варшавѣ, подъ рукою точнѣе развѣдать, не возможно ли будетъ открыть, чрезъ кого и въ какія мѣста разосланы фальшивыя ассигнаціи, дабы, если не прежде, то при самомъ ихъ появленіи, возможно было ихъ отобрать и не допустить распространиться имъ въ обращеніи.

Впрочемъ, еслибы нынѣшнее состояніе нашихъ сношеній съ Австрійскимъ дворомъ дозволяло обратиться къ нему въ семъ случаѣ, то нѣтъ сомнѣній, что онъ не отрекся бы оказать всю нужную помощь къ тому, чтобъ въ Бродахъ захватить всѣ фальшивыя ассигнаціи, такъ какъ чрезъ означеннаго Пирху, тамъ находящагося, можно узнать, въ какихъ рукахъ онѣ сохраняются.

(Копію засвидѣтельствовалъ военный совѣтникъ Маевскій).

Изъ дѣла видно, что подлинникъ этой записки, по высочайшему повелѣнію, былъ отправленъ къ главнокомандующему дѣйствующими арміями, кн. Кутузову, въ г. Калишъ, гдѣ находилась въ то время главная квартира. По приказанію же князя Кутузова, начальникъ главнаго штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій, кн. Волконскій препроводилъ приведенную выше копію всеподданнѣйшей записки къ ген.-лейт. графу Палену, при письмѣ отъ 17 Февраля 1813 года за № 29 (по 3-му отдѣленію), съ порученіемъ, отъ имени главнокомандующаго, „употребить всѣ способы къ розысканію въ Варшавѣ банкира Френкеля и отъ него узнать, а въ противномъ случаѣ, подъ рукою разслѣдовать въ Варшавѣ: куда именно разосланы фальшивыя ассигнаціи, Французами сдѣланныя“, и затѣмъ, „по мѣрѣ сего открытія“, принять соотвѣтственныя мѣры къ конфискаціи фальшивыхъ ассигнацій и къ недопущенію ихъ въ наши предѣлы.

Письмо кн. Волконскаго, съ копіей всеподданнѣйшей записки министра финансовъ, было получено гр. Паленымъ 22 Февраля и, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, сообщено имъ генералу Дохтурову, вмѣстѣ съ приложеніемъ. Въ свою очередь, сей послѣдній, въ виду учрежденія въ Варшавѣ Верховнаго Временнаго Совѣта, препроводилъ копію письма кн. Волконскаго, вмѣстѣ съ копіей всеподданнѣйшей записки, къ В. С. Ланскому, только что назначенному предсѣдателемъ Верховнаго Совѣта съ званіемъ генераль-губернатора герцогства Варшавскаго.

При этомъ, въ письмѣ отъ 7 Апрѣля 1813 г. за № 7 (на рукописномъ бланкѣ: „Общая Канцелярія по секретной части. г. Варшава“), Дохтуровъ, говоря о необходимости отысканія банкира Френкеля и о „развѣдываніи“, куда именно разосланы Французами фальшивыя ассигнаціи, упоминаетъ также о необходимости отысканія экземпляровъ одного сочиненія, подъ заглавіемъ: „Война на Сѣверѣ въ 1812 году“. Въ заключеніе же письма высказываетъ: „я полагаю, что всѣ уже розысканія такого рода со времени вступленія вашего въ отправленіе гражданскою частію больше до меня принадлежать не должны“. Получивъ, 8 Апрѣля, это письмо, Ланской черезъ два дня (№ 14) затребовалъ отъ графа Палена свѣдѣній о томъ, что сдѣлано имъ по этому дѣлу.

Графъ Паленъ представилъ Ланскому (12 Апрѣля, № 170) копію своего отношенія на имя кн. Волконскаго.

Вотъ эта копія (безъ даты).

Большое количество фальшивыхъ ассигнацій, выпущенныхъ въ семь краѣ, обратило вниманіе его свѣтлости¹⁾, и я, получивъ по предмету сему приказанія, усугубилъ все свое стараніе на выполненіе оныхъ во всей ихъ силѣ; одно изъ нихъ есть задерживать всѣхъ тѣхъ людей, на коихъ подозрѣніе подтверждается.

При недостаткѣ способовъ въ такомъ краѣ, гдѣ правительство въ рукахъ людей, коихъ и добрая воля по крайней мѣрѣ сомнительна и гдѣ нѣтъ никакой полиціи, я успѣлъ, однакоже получить извѣстіе, заключающее въ себѣ, къ несчастію, подозрѣніе, которое имѣютъ въ отношеніи къ фальшивымъ бумажкамъ, и хотя я между тѣмъ и отчаиваюсь задержать кого-нибудь изъ отправляющихся отсюда въ Броды, то мѣсто, въ которомъ болѣе сдѣлается ихъ.....²⁾, но думаю однакоже, что употребить власть надъ однимъ изъ сихъ подозрительныхъ людей, ни къ чему иному то не послужить, какъ къ скрытію совѣмъ фальшивыхъ ассигнацій у тѣхъ, кои ихъ имѣютъ, будучи увѣренъ, что все количество находится не у одного, но во многихъ рукахъ, которыхъ каждый имѣетъ по нѣскольку тысячъ рублей и что иначе нельзя достигнуть къ открытію источника сего зла, какъ подкупивши одного изъ нихъ денежнымъ пожертвованіемъ, тѣмъ болѣе, что сіи ассигнаціи распространились въ большомъ количествѣ въ Краковѣ, Бреславлѣ и здѣсь, то употребивъ полную власть на одну только персону, у которой больше найти нельзя какъ нѣскольکو тысячъ, затруднить тѣмъ можно дальнѣйшее по предмету сему розысканіе. Я долженъ еще представить его свѣтлости и то, что хотя и по извѣщенію о томъ публич-

¹⁾ Кн. Кутузова.

²⁾ Одно слово не разобрано.

но, однакоже признано въ обществѣ, что фальшивыя ассигнаціи распущенныя въ Варшавѣ большею частію сторублевыя, какъ болѣе всѣхъ лишились къ себѣ довѣренности, а потому и настоящія ассигнаціи сего достоинства теряютъ въ пропорціи болѣе другихъ не почему иному какъ отъ трудности различать ихъ съ фальшивыми, и что весьма нужно было бы принять строжайшія мѣры для открытія начальниковъ главнѣйшихъ сихъ выпусковъ, чрезъ пожертвованіе чего бы оно ни стоило, чтобъ избѣжать тѣмъ бѣдшаго зла, безъ чего нельзя достигъ вѣрнаго въ семь дѣлѣ успѣха.

Не престава я прилагать все свое стараніе къ выполненію приказанія его свѣтлости, я долгомъ себѣ поставляю представить сіи замѣчанія во вниманіе его свѣтлости, ожидая на то дальнѣйшихъ его повелѣній, какими угодно будетъ меня снабдить.

Съ подлиннымъ вѣрно: Генералъ-лейтенантъ графъ Паленъ.

13 Апрѣля Ланской получилъ изъ Вильны донесеніе Литовскаго почтдиректора, д. с. с. Андрея Бухарскаго, отъ 2 Апрѣля за № 115, съ сообщеніемъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе отношенія министра финансовъ, поручилъ ему распорядиться, „чтобы во всѣхъ пограничныхъ почтовыхъ мѣстахъ подаваемые въ оныя для отправления съ почтами внутрь Россіи ассигнаціи внимательно были разсматриваемы“. Это, конечно, было исполнено; но „нынѣ“ (продолжаетъ Бухарскій) „управляющій Бѣлостокскою областною почтовою конторою почтмейстеръ Быковскій представилъ мнѣ три денежныхъ письма изъ города Ломжи, полученные въ Бѣлостокъ съ пришедшею изъ герцогства Варшавскою почтою. Въ этихъ письмахъ оказались Россійскія ассигнаціи, высланныя въ Россію лицами, находившимися въ составѣ дѣйствующей арміи*). „Принявъ мѣры къ выясненію этихъ ассигнацій“, Бухарскій проситъ Ланскаго „запретить всѣмъ почтовымъ мѣстамъ, въ герцогствѣ Варшавскомъ состоящимъ, приѣмъ и посылку чрезъ почту въ предѣлы Россіи государственныхъ ассигнацій; ибо находящіеся въ войскахъ за границую генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры и прочіе чиновники и служители, кто пожелаетъ, могутъ письма свои съ ассигнаціями посылать чрезъ полевые почтамты, при арміяхъ состоящія, которые могутъ производить наблюденіе за невпускомъ фальшивыхъ ассигнацій такъ, какъ и внутреннія почтовые мѣста“.

Согласившись съ мнѣніемъ Бухарскаго, Ланской дала 16 Апрѣля (№ 17) секретное предписаніе инспектору почтъ герцогства Варшав-

*) Одно письмо было отъ унтеръ-цейгвахтера 12 класса Столярова съ 250 руб.; другое письмо съ 10 руб. было адресовано въ Кочетковскую станцію какому-то Федору Шамшееву, а третье, тоже съ 10 руб., въ Новочеркасскъ Ивану Павлову.

скаго, Сарторіусу „немедленно предписать, именемъ моимъ, всемъ почтовымъ мѣстамъ и лицамъ, дабы они ни отъ кого писемъ съ ассигнаціями для отправления внутрь Россіи не принимали“.

Объ этомъ распоряженіи немедленно былъ поставленъ въ извѣстность и Литовскій почтдиректоръ.

Письмо Виленскаго гражданскаго губернатора къ В. С. Ланскому отъ 25 Апрѣля 1813 г. № 50).*

Секретно.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Замѣтивъ на сихъ дняхъ Виленская полиція, что упражняющіеся здѣсь разнѣномъ банковыхъ ассигнацій конторщики и Евреи уклоняются нѣкоторымъ образомъ отъ разнѣна оныхъ, а наипаче сторублевыхъ, она, по долгу своему, секретнымъ образомъ изыскивала сему причины, и вслѣдствіе того открывається, что нѣкоторыми изъ тѣхъ мѣняльщицковъ усмотрѣны между сторублевыми ассигнаціями фальшивыя; но оныя такъ искусно сдѣланы, что при самыхъ подробныхъ разсматриваніяхъ едва можно замѣтить, что подписи на нихъ сдѣланы не перомъ, но гравировкою, и смѣло можно полагать, что между обращающимися здѣсь у жителей ассигнаціями таковыхъ фальшивыхъ есть ежели не бѣльшая часть, то по крайней мѣрѣ половина, а сторублевыя едва ли не все фальшивыя. Развѣдывая, откуда возникло такъ большое число фальшивыхъ ассигнацій, по слухамъ, изъ разныхъ сторонъ происходящимъ, должно удостовѣриться, что Французы во время нашествія ихъ въ предѣлы Россіи надѣлали и выпустили великое множество оныхъ. Слухи сіи подтверждаются и тѣмъ, что при входѣ сюда Французскихъ войскъ начальство ихъ, начиная отъ самой Варшавы, по всемъ мѣстамъ начально покупало ассигнаціи на золотую и серебряную монету по курсу существующему, и сколько извѣстно въ Вильнѣ искуплено было однимъ днемъ на весьма знатную сумму. Потомъ они свои войски и все военныя надобности удовлетворяли ассигнаціями, равно какъ и обѣщанная Наполеономъ сумма на вспоможеніе формируемымъ войскамъ въ Польшѣ выдавалась также ассигнаціями и уповательно фальшивыми, а предметъ ихъ начальной покупки ассигнацій вѣроятно сдѣланъ только для того, чтобъ поддержать на тотъ разъ курсъ на нихъ и чтобъ удобнѣе и выгоднѣе выпускать имъ свои фальшивыя. Я слышалъ, что Наполеонъ въ обратный проѣздъ свой чрезъ Варшаву далъ тамошнему правительству на формирование войскъ

*) Получено 28 Апрѣля.

болѣе трехъ милліоновъ рублей подобными жѣ ассигнаціями. Между прочихъ у находящагося здѣсь по нѣкоторому дѣлу заграничнаго помѣщика княжества Варшавскаго Гавронскаго оказалось таковыхъ фальшивыхъ ассигнацій 400 рублей. Изъ показаній его видно, что онъ имѣлъ ихъ 1500 рублей, получилъ таковыя отъ своего брата, а оный получилъ ихъ до 4000 (болѣе или менѣе, не знаетъ) отъ подпрефекта повѣта Маріампольскаго, Осиповскаго. Я при моемъ рапортѣ представилъ сіи поддѣланныя сторублевыя четыре ассигнаціи господину генераль-фельдмаршалу; а ваше высокопревосходительство извѣщаю для взятія нужныхъ на сіе мѣръ. Управляющаго же Министерствомъ Полиціи господина генерала Вязьмитинова увѣдомилъ я для донесенія о семъ столь важномъ дѣлѣ Комитету г.г. Министровъ. О чемъ Его Императорскому Величеству донесено. Съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнымъ слугою Римскій Корсаковъ.

Производство „разысканій въ Варшавѣ по этому дѣлу было поручено Ланскимъ Варшавскому полицеймейстеру 6 класса Свѣчину. Послѣдній, проявившій впослѣдствіи большую энергію въ этомъ дѣлѣ, при самомъ началѣ раслѣдованія почувствовалъ было „нерѣшимость“, не зная, на чемъ именно основаны „увѣренія“ Пирхи, „Опасаясь, какъ онъ выразился въ секретной запискѣ (безъ даты) на имя Ланскаго неувѣренными дѣйствіями, возбудить въ виновныхъ осторожность“, Свѣчинъ находилъ, что единственнымъ средствомъ къ успѣшному „открытію сего зла“ является осуществленіе мѣры, проектированной графомъ Паленомъ.

Очевидно, Ланской вполне раздѣлялъ мнѣніе Свѣчина, потому что обратился къ Волинскому гражданскому губернатору (отъ 12 Мая за № 50) съ просьбою о сообщеніи ему свѣдѣній „относительно доказательствъ Пирхи“, а также обо всемъ, что „открылось“ по этому дѣлу. Впрочемъ, одновременно съ нимъ, Ланской предложилъ Свѣчину все-таки „стараться развѣдывать объ означенномъ дѣлѣ“.

Что касается мѣръ, предлагавшихся гр. Паленымъ, то надо полагать, что Ланской еще раньше обращался по этому вопросу къ кн. Волконскому. Это видно изъ полученнаго Ланскимъ 20 Мая письма кн. Волконскаго (отъ 14 Мая № 122), въ которомъ послѣдній сообщалъ, что „покойному фельдмаршалу не угодно было согласиться съ графомъ Паленомъ о необходимости подкупа“ и что „его свѣтлость ожидалъ успѣха лишь отъ строгаго и внимательнаго наблюденія по полицейской части въ Варшавѣ“. Въ заключеніе же письма кн. Волконскій прибавляетъ: „способами развѣдываній секретныхъ, конечно, могутъ и

должны быть открыты выпускающіе фальшивыя ассигнаціи“, и посему просить Ланского „сдѣлать новое внушеніе по полиціи“.

На долю В. С. Ланского, какъ Варшавскаго генераль-губернатора, выпалъ въ этомъ дѣлѣ нелегкій трудъ. Ему приходилось не только руководить всѣми розысканіями, удерживая ихъ при этомъ въ предѣлахъ осторожности и тайны, но и постоянно сносятся съ разными властями и учрежденіями, на что уходило немало времени, благодаря чрезвычайной медлительности въ почтовыхъ сообщеніяхъ: такъ, отвѣтъ Волинскаго губернатора, на запросъ Ланскаго отъ 12 Мая за № 50, подписанный въ Житомирѣ 4 Іюня (за № 168), былъ полученъ Ланскимъ въ Варшавѣ только 24 Іюня. А, между тѣмъ, этого отвѣта и Ланской и Свѣчинъ ожидали съ нетерпѣніемъ.

Новаго, впрочемъ, изъ этого отвѣта они узнали немного. Губернаторъ Комбурлей весьма кратко сообщалъ, что заявленіе Пирхи было основано лишь на слухахъ. Затѣмъ, упомянувъ объ обнаруженіи въ Бродахъ нѣсколькихъ фальшивыхъ ассигнацій, которыя онъ губернаторъ отослалъ къ министру финансовъ, Комбурлей заканчиваетъ: „вслѣдствіе времени неоднократно оказывались и здѣсь подобныя ассигнаціи, которыя, какъ по розысканіямъ открывается, вышли всѣ изъ Варшавы и Варшавскаго герцогства, а потому точнѣйшее о томъ розысканіе должно быть ближе и удобнѣе въ мѣстахъ, начальству вашему ввѣренныхъ“.

Конечно, Ланской былъ вправѣ ожидать отъ Комбурлея не указаній, куда ему ближе и удобнѣе направлять свои розысканія, а болѣе обстоятельнаго отвѣта, имѣвшаго при томъ особенное значеніе въ виду близости Австрійскаго города Бродъ къ Житомиру.

Затѣмъ, неоднократно—какъ выражается Комбурлей—обнаруженіе въ Волинской губерніи фальшивыхъ ассигнацій, съ указаніемъ на происхожденіе ихъ изъ Варшавы, тоже заслуживало нѣкотораго выясненія. Между тѣмъ, въ дѣлѣ имѣется только одно такое сообщеніе Комбурлея (отъ 21 Мая за № 167), вызванное, впрочемъ, частною жалобою. Дѣло въ томъ, что Дубенскій житель, Фроловскій предъявилъ мѣстному почтмейстеру над. сов. Корфу семь ассигнацій сторублеваго достоинства, и всѣ онѣ оказались фальшивыми. По словамъ Фроловскаго, онъ продалъ въ Варшавѣ неизвѣстнымъ ему маркитантамъ сало для полковъ и получилъ отъ нихъ плату Польскою монетою. Желая размѣнять послѣднюю на Русскія деньги, Фроловскій обратился къ какому-то Варшавскому Еврею-вексларю*), и тотъ всунулъ ему фальшивыя ассигнаціи. По приказанію Ланского, дѣло это было разслѣдовано Варшав-

*) Wekslarz, мѣняла, мѣновщикъ.

скою полиціею, и жалоба Фроловскаго вполне подтвердилась, послуживъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одною изъ путеводныхъ нитей къ дальнѣйшимъ открытіямъ.

Вторымъ затрудненіемъ для Ланскаго, также какъ и для ближайшихъ его сотрудниковъ (областныхъ начальниковъ) являлся, въ первое, по крайней мѣрѣ, время по занятіи нами края, недостатокъ въ соотвѣтствующихъ чиновникахъ. Въ этомъ отношеніи весьма характерно донесеніе областного начальника Радомскаго департамента, ст. сов. Бороздина. Онъ, въ рапортѣ отъ 24 Іюня за № 8 (изъ мѣстечка Яновцы), полученномъ Ланскимъ 5 Іюля, объясняетъ, что прибылъ сюда изъ Радома „для постройки моста“, а затѣмъ говоритъ о своемъ крайне затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе того, что изъ десяти уѣздовъ ввѣреннаго ему департамента только въ двухъ имѣются окружные начальники. Тѣмъ не менѣе, Бороздинъ обѣщаетъ „стараться“ и принять всѣ мѣры къ выясненію предложеннаго ему вопроса относительно того, не распространялись ли фальшивыя ассигнаціи и въ предѣлахъ Радомскаго департамента; въ заключеніи же убѣдительно проситъ о назначеніи недостающихъ окружныхъ начальниковъ, „безъ помощи коихъ я ежедневно могу подвергнуть себя начальническому вашему гнѣву“.

Интересно также донесеніе другого областного начальника (Плоцкаго департ.), жалующагося на своего подпрефекта (Липновск. уѣзда), который выказывалъ явное невниманіе къ его требованію о розыскѣ фальшивыхъ ассигнацій. И, безъ сомнѣнія, это былъ не единственный случай.

Но любопытнѣе всего рапортъ Познанскаго областного начальника, кол. сов. Миклашевича отъ 25 Августа за № 398. Онъ доноситъ Ланскому, что одинъ изъ пакетовъ на его имя, заключавшій въ себѣ предписаніе самаго генераль-губернатора (отъ 20 Августа) по дѣлу объ ассигнаціяхъ, былъ кѣмъ-то вскрытъ и сломанная генераль-губернаторская печать припечатана печатью Варшавскаго почтамта. Мало того: при этомъ предписаніи не оказалось упоминаемаго въ немъ приложенія...

19 Мая (за № 47) Свѣчинъ доноситъ Ланскому о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ, что, около пяти недѣль назадъ, Варшавскій банкиръ Френкель отправилъ въ Кенигсбергъ своего коммисіонера Майзеса Айзенбурга и прикащика Германа, съ тѣмъ, чтобы они проѣхали оттуда въ Ригу „для промѣна значительнаго числа Россійскихъ банковыхъ ассигнацій на серебро“. Но если-бы—прибавляетъ Свѣчинъ—это оказалось почему либо невозможнымъ, то они предполагаютъ направиться затѣмъ въ С.-Петербургъ.

Принимая во вниманіе, что Френкель (получившій предъ тѣмъ заграничный паспортъ и выѣхавшій въ Австрію) былъ прикосновенъ къ дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, и предполагая, на этомъ основаніи, что Айзенбургъ и Германъ являются агентами Френкеля по сбыту фальшивыхъ ассигнацій, Свѣчинъ немедленно увѣдомилъ объ этомъ Кенигсбергскую регенцію и Рижскаго полицеймейстера, съ описаніемъ примѣтъ обоихъ Евреевъ: „Мойзесъ Айзенбургъ—росту большаго, лѣтъ отъ 35 до 40, бороды отъ роду не имѣетъ, лицомъ бѣлъ, ходитъ въ платъ Нѣмецкомъ, а Германъ—росту средняго, плотенъ, лѣтъ отъ 25 до 30, бороду брѣетъ, на головѣ носитъ парикъ“.

Въ свою очередь и Ланской не преминулъ извѣстить о томъ же С.-Петербургскаго и Лифляндскаго губернаторовъ, для учрежденія наблюденія за обоими Евреями въ случаѣ появленія ихъ въ этихъ губерніяхъ.

Спустя три мѣсяца послѣ этого, Ланскимъ были получены отъ Виленскаго губернатора (отъ 10 Августа за № 7015) нѣкоторыя свѣдѣнія объ одномъ изъ этихъ Евреевъ, именно объ Айзенбургѣ. Хотя въ этомъ сообщеніи Айзенбургъ и названъ Варшавскимъ банкиромъ Моисеемъ Езенбергомъ, но, несомнѣнно, это одно и тоже лицо. Оказывается, что Айзенбургъ или Езенбергъ прибылъ въ Вильну изъ Риги, „въ недавнее время“. Будучи замѣченъ въ спекуляціи съ серебряной монетой, онъ, по приказанію Римскаго-Корсакова, былъ подвергнутъ Виленскою полиціей допросу, на которомъ показалъ, что въ первыхъ числахъ Апрѣля онъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Кенигсбергъ, взявъ съ собою 101,655 р. ассигнаціями, „которыя онъ вымѣнилъ будучи въ главной квартирѣ нашей арміи“. Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Кенигсбергъ, увидя изъ коммерческаго „курсь-цетеля“ выгоды для себя курсъ Гамбургскихъ векселей въ Ригѣ, онъ отправился туда, получивъ паспортъ отъ Кенигсбергскаго военнаго губернатора, графа Сиверса. При переѣздѣ границы чрезъ Полангенскую таможену, послѣдняя отобрала отъ Айзенберга всѣ ассигнаціи и отправила ихъ въ С.-Петербургъ, въ департаментъ внѣшней торговли: самого же Айзенбурга пропустила въ Ригу. Прибывъ туда, Айзенбергъ немедленно снесся съ С.-Петербургскимъ купцомъ Штиглицомъ, и тотъ, произведя размѣнъ отобранныхъ отъ Айзенбурга и высланныхъ въ Петербургъ ассигнацій на Россійскіе серебряные рубли, сейчасъ же переслалъ ихъ Айзенбергу въ Ригу. Но такъ какъ вывозъ нашей звонкой монеты за границу воспрещенъ, то Айзенбергъ прибылъ въ Вильну и здѣсь размѣнялъ Русскіе рубли на Нѣмецкіе талеры. Однакоже, для того, чтобы вывезти ихъ за границу нуженъ былъ паспортъ, а такъ какъ Айзенбургъ не надѣялся получить его отъ Виленскаго гу-

бернатора, то „исходатайствовалъ таковой чрезъ Варшавскаго банкира Френкеля отъ главнокомандующаго Польскою(?) арміею, г. генерала отъ кавалеріи барона Бенигсена“. „Поелику (заканчиваетъ Римскій-Корсаковъ свое сообщеніе) выпускъ за границу иностранной монеты не воспрещенъ и въ отгѣну сего не имѣется никакого новаго постановленія, то и не могъ я не дозволить ему выѣзда за границу съ деньгами въ иностранной монетѣ. Но какъ въ нынѣшнемъ времени не имѣется у насъ никакихъ торговыхъ сношеній съ герцогствомъ Варшавскимъ и слѣдственно вывозъ серебряной монеты, будучи не воспрещенъ, можетъ произвести здѣсь чувствительный недостатокъ, какъ между тѣмъ изъ заграницы поступать будутъ ассигнаціи, я обстоятельство сіе довелъ до свѣдѣнія г. главнокомандующаго въ Санктпетербургѣ, генерала отъ инфантеріи Вязмитинова, съ испрошеніемъ разрѣшенія на будущее время настоящаго предмета“.

Варшавскій полицеймейстеръ Свѣчинъ, секретными записками отъ 6, 7 и 13 Іюня 1813 г. за №№ 224, 229 и 250, докладывалъ Ланскому о своихъ розысканіяхъ.

Оказывается, что, по приказанію князя Де-Бассано, секретарь его, Баптистъ Ламбертъ и чиновникъ Іозефъ Полонайсъ передали бывшему министру финансовъ герцогства Вавшавскаго Матушевичу на два милліона Россійскихъ фальшивыхъ ассигнацій. Изъ нихъ, по распоряженію Матушевича, было выпущено затѣмъ изъ генеральнаго казначейства въ частныя руки (банкиру Френкелю и другимъ лицамъ) на 389,370 рублей. Потомъ, всѣ эти ассигнаціи, за исключеніемъ небольшой части (на 25,730 р.), возвратились обратно въ генеральное казначейство. Но куда послѣднее подѣло ихъ, а также всѣ остальные ассигнаціи, фальшивыя ассигнаціи, полученныя Матушевичемъ отъ Де-Бассано, выяснялось отчасти сообщеніемъ Свѣчина отъ 8 Іюня за № 235. Именно, тотъ же вексларь Розенъ донесъ Свѣчину, что въ концѣ 1812 года, во время пребыванія въ герцогствѣ Варшавскомъ Французскихъ войскъ, Польскимъ правительствомъ было закуплено въ городѣ Бреславль, у мѣстнаго купца Перетца, значительное количество сукна, за которое было уплачено „ассигнаціями Россійскаго штемпеля, которыя впослѣдствіи оказались сумнительными“. Затѣмъ, изъ записки Свѣчина за № 275, полученной Ланскимъ 19 Іюля, видно, что 13 Января 1813 года бывший министръ финансовъ Матушевичъ переслалъ съ секретаремъ министерства Іосифомъ Тымовскимъ къ Саксонскому королю на полтора милліона фальшивыхъ ассигнацій. „Но были ли онѣ туда доставлены или нѣтъ, свѣдѣній не имѣется“, такъ какъ Тымовскій въ Варшаву уже не возвратился и, какъ слышно, прожи-

ваецъ у своего отца въ Калишскомъ департаментѣ, въ деревнѣ Постенкалицъ, Піотрковского уѣзда.

Свѣчинъ просилъ распоряженій Ланскаго о допросѣ Тымовскаго и, дѣйствительно, въ дѣлѣ имѣется черновикъ слѣдующаго распоряженія: „Титулярному совѣтнику Іовку. Взять двухъ казаковъ и отправиться въ имѣніе Постенкалицъ и допросить Тымовскаго, а если будетъ отказываться, то доставить его въ Варшаву“. Было ли это приведено въ исполненіе, не извѣстно.

Между прочимъ, въ числѣ разныхъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ хода разслѣдованія, былъ слѣдующій. Такъ какъ нѣкоторыя лица, въ родѣ банкира Френкеля, прикосновенныя къ дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, находились въ это время въ Австріи, то Свѣчинъ спрашивалъ Ланскаго, „позволяетъ ли положеніе дѣлъ, неизвѣстно“. Объ этомъ, конечно, могли дать объясненія только лица, близкія къ Матушевичу: секретарь его, Витовскій, кассиръ генеральнаго казначейства Блажевскій, контролеръ Усковичъ и чиновникъ того же казначейства Гудлавскій, которымъ должны были быть извѣстны „всѣ обороты Французскаго правительства“; но этихъ лицъ приходилось еще разыскивать. При этомъ Свѣчинъ высказывалъ, что было бы желательно, съ цѣлью выясненія возникшаго вопроса, обривизовать книги и документы генеральнаго казначейства, а также счетной экспедиціи министерства финансовъ и Краковскихъ казначействъ.

Засимъ Свѣчинъ объясняетъ, что, кромѣ упомянутыхъ выше двухъ милліоновъ, были еще другія фальшивыя ассигнаціи. Такъ установлено, что Варшавскій вексларь Розенъ купилъ у секретаря Де-Бассано Ламберта фальшивыхъ ассигнацій на 110,000 рублей. Это подтверждено самимъ Розеномъ послѣ того, какъ Свѣчинъ опечаталъ у него контору. Въ свое оправданіе Розенъ говорилъ, что „онъ не могъ полагать преступленіемъ имѣть Россійскія ассигнаціи“; затѣмъ объяснилъ, что заплатилъ Ламберту за каждую сторублевую бумажку по три лудора золотомъ. Часть этихъ ассигнацій, именно на 58,300 р. онъ уступилъ двумъ Бродскимъ Евреямъ, а остальные, на 51,700 р., находятся у него, но не среди опечатанныхъ бумагъ, а въ другомъ мѣстѣ. Онъ ихъ сейчасъ представилъ Свѣчину, прося при этомъ „ходатайства о возвратѣ уплаченныхъ имъ за сіи ассигнаціи денегъ“ и обѣщая, что, „усердствуя для нашего правительства, постарается еще болѣе открыть подобныхъ ассигнацій“. И, одновременно съ симъ, опасаясь мщенія и уцѣрба своему кредиту, убѣдительно просилъ „закрыть его имя“.

Наконецъ, Свѣчинъ считалъ своимъ долгомъ доложить Ланскому о томъ, что успѣшнымъ ходомъ разысканій онъ обязанъ, во-первыхъ:

энергіи состоявшихъ при немъ чиновниковъ коллежскихъ секретарей Антона Лазаревича и Федора Свистунова и во-вторыхъ, Тыкоцинскому Еврею Юсифу Фридману и Бѣлостокскому купцу Гиршу Гальпону. Поэтому, онъ просилъ объ исходатайствованіи награжденія означенныхъ чиновниковъ знаками отличія, Фридмана—медалью, а Гальпона, „золотую уже медаль на голубой лентѣ имѣющаго, сколько заблагоразсудится не оставить денежнымъ награжденіемъ“.

Обо всѣхъ этихъ розысканіяхъ и ходатайствахъ Свѣчина, Ланской немедленно сообщилъ кн. Волконскому (13 Іюня за № 92), съ препровожденіемъ фальшивыхъ ассигнацій на 51,700 р., обнаруженныхъ у вексларя Розена. За тѣмъ, въ томъ же мѣсяцѣ (числа нѣтъ, № 162), въ дополненіе къ отношенію за № 92, говоря о новомъ ходатайствѣ Розена относительно „возврата ему употребленныхъ имъ денегъ на вымѣнъ ассигнацій“, Ланской просить кн. Волконскаго увѣдомить его, „можетъ ли быть сдѣлано и какое именно удовлетвореніе Розену и впредь тѣмъ, у кого ассигнаціи будутъ открыты или представлены добровольно“. Ланской находилъ это необходимымъ для поддержанія кредита къ государственнымъ бумагамъ и прибавлялъ: „конечно, многіе, особливо тѣ, кои должны теперь терять свои капиталы, будутъ интересованы для вознагражденія своихъ убытковъ; особливо жъ банкиры, коимъ весь ходъ выпуска (фальшивыхъ ассигнацій), безъ сомнѣнія, извѣстенъ, и для сего нужно имъ еще особенное какое-нибудь поощреніе“.

Князь Волконскій отвѣчалъ Ланскому, отъ 23 Іюня за № 279, изъ главной квартиры въ мѣстечкѣ Рейхенбахъ: „Доставленные вами фальшивыя ассигнаціи на 51.700 р., я, по волѣ Его Императорскаго Величества, приказалъ сжечь въ промѣнной конторѣ, нарочито для сего учрежденной при большой дѣйствующей арміи“. „Его Императорскому Величеству благоугодно теперь знать ваше мнѣніе, какую именно сумму полагаете вы дать вексларю Розену за сдѣланное имъ открытіе фальшивыхъ ассигнацій, равно и за самыя сіи ассигнаціи, ибо уплачивать всю ту сумму, какою отысканы у него ассигнаціи, Его Величество полагаетъ слишкомъ несоразмѣрною“.

На это Ланской (отъ 29 Іюня за № 200) пишетъ: „По моему мнѣнію, слѣдовало бы заплатить ему (т. е. вексларю Розену) три четверти части той суммы, на какую имъ представлены ассигнаціи; въ прочемъ за самое открытіе оныхъ, не назначая особо денежной суммы, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству, въ изъявленіе монаршей милости своей, наградить его, Розена золотой медалью на голубой лентѣ, такъ какъ чрезъ его посредство открыты уже многіе слѣды оборота фальшивыхъ ассигнацій? Я обязанностію считаю

присовокупить, что поощреніе необходимо нужно какъ для векслера Розена, такъ какъ въ примѣръ другимъ оно безъ сомнѣнія принесетъ намъ пользу и послужитъ къ важнымъ открытіямъ нацѣтъ оборота фальшивыхъ ассигнацій, которыхъ выпущено здѣсь Французскимъ правительствомъ на знатныя суммы“.

Дѣло о фальшивыхъ ассигнаціяхъ осложнялось, и Ланской призналъ необходимымъ привлечь къ участию въ разслѣдованіи его и Н. Н. Новосильцова. Это видно изъ того, что, 20 Іюня за № 148, Ланской пишетъ Свѣчину, что если ему понадобятся свѣдѣнія изъ Варшавскаго генеральнаго казначейства или изъ счетной экспедиціи „и прочее“, то чтобы обращался къ вице-президенту Верховнаго Сѣвѣта Новосильцову, къ которому долженъ адресоваться также со всеми представленіями, объясненіями и проч., по всемъ вопросамъ, касающимся фальшивыхъ ассигнацій.

Изъ дѣла видно, что одновременно съ розысканіями, производившимися въ Варшавѣ, производились также розысканія и въ другихъ мѣстностяхъ края. Въ запискѣ отъ 8 Іюня за № 236, Свѣчинъ напоминаетъ Ланскому, что все еще нѣтъ свѣдѣній по поводу полученныхъ Гавронскимъ отъ подпрефекта Островскаго фальшивыхъ ассигнацій на 4000 р. Ланской, отъ 13 Іюня за № 193, подтверждаетъ кол. сов. Куригу „сколь можно поспѣшиѣе таковыя доставить“; и, затѣмъ, въ той же бумагѣ предлагаетъ ему собрать отъ всѣхъ префектовъ и подпрефектовъ Ломжинскаго департамента свѣдѣнія о томъ, не поступало ли къ нимъ отъ бывшаго правительства герцогства Варшавскаго Россійскихъ ассигнацій „для удовлетворенія оными какихъ претензій къ казнѣ отъ частныхъ лицъ“; и больше обо всемъ относящемся къ этому дѣлу, „съ нужною при этомъ предосторожностью и не подавая постороннимъ лицамъ повода дѣлать замѣчаній, къ какой цѣли клонятся ваши освѣдомленія. Но какъ вамъ самимъ въ исполненіи всего того по цѣлому департаменту успѣть невозможно, то уполномочьте къ тому по уѣздамъ благонадежнѣйшихъ вамъ чиновниковъ, дайте имъ нужное наставленіе и о всемъ оказавшемся, безъ малѣйшаго промедленія, мнѣ рапортуйте“.

Такія же предложенія были посланы Ланскимъ и остальнымъ областнымъ начальникамъ: Варшавскому, Калишскому, Радомскому, Люблинскому, Плоцкому, Бѣлогошескому, Познанскому и Краковскому. Между прочимъ, этому послѣднему (С. С. Аверину) Ланской поручилъ обревизовать всѣ книги по Краковскимъ казначействамъ, для выясненія вопроса, не были ли министромъ финансовъ Матушевичемъ, по выѣздѣ изъ Варшавы въ Краковъ, выпущены и тамъ фальшивыя ассигнаціи, сколько именно и въ чьи руки. При этомъ, всемъ вообще областнымъ

начальникамъ подтверждалось имѣть самое бдительное наблюденіе за появленіемъ фальшивыхъ ассигнацій и „розыскъ въ уѣздахъ довѣрять чиновникамъ самымъ благонадежнѣйшимъ“.

Во время ретирады Французской арміи черезъ Маріампольскій повѣтъ, приходскій ксендзъ селенія Высокой Руды Яцентій Юцевичъ, какъ явствуетъ изъ показанія его, купилъ у трехъ или четырехъ Французскихъ солдатъ пукъ ассигнацій сторублевыхъ на тридцать одну или тридцать двѣ тысячи р., заплатя за оныя ассигнаціи шесть тысячъ Прусскихъ талеровъ. Изъ сего количества Юцевичъ далъ займы форшмейстеру Максимилиану Бориславскому таковыхъ ассигнацій на пять тысячъ р.; продалъ подпрефекту Осиповскому таковыхъ двѣсти штукъ, то есть на двадцать тысячъ р., за двадцать восемь тысячъ Польскихъ золотыхъ, въ уплатѣ которыхъ черезъ три года, съ добавкою на каждый годъ по пяти процентовъ на сто, получилъ отъ него Осиповского долговой обмѣнъ или заемное письмо, писанное во второй день Марта сего года, которымъ Осиповскій обезпечиваетъ сей долгъ своею деревнею Вейлишками; да сверхъ того продалъ таковыхъ ассигнацій Новомѣстскому Жиду Израилю Абрамовичу на пять тысячъ р. за тысячу р. серебромъ; остальные же шесть или семь тысячъ р. израсходовалъ помелочно, а кому именно не помнитъ, и теперь осталось у него таковыхъ ассигнацій шесть, которыя мнѣ переуступилъ. вмѣстѣ съ обмѣномъ Осиповскаго. Форшмейстеръ Бориславскій и подпрефектъ Осиповскій подтвердили показаніе ксендза Юцевича во всемъ, что относится до полученія отъ него тѣхъ ассигнацій, а Жидъ Абрамовича не считъ нужнымъ допрашивать, потому единственно, что не можно положиться на его скромность и что разглашеніе сего произшествія повредило бы здѣсь на всегда ходъ нашимъ справедливымъ ассигнаціямъ. А сверхъ сего трудно уже полагать, чтобы можно было теперь отыскать у помянутаго Жидъ таковыхъ ассигнацій скольконибудь, и что на отысканіе понадобилось бы употребить нѣкоторую строгость, которая также опасна кредиту ассигнаціоннаго банка.

Изъ показанія форшмейстера Бориславскаго видно, что онъ тѣхъ ассигнацій на 3500 р. продалъ разнымъ людямъ и наиболѣе нашимъ казакамъ, а 1500 р. размѣнялъ въ однѣ руки: 10 Егерскаго полка маіору Добровольскому.

Подпрефектъ Осиповскій показываетъ, что онъ изъ всего количества купленныхъ у ксендза ассигнацій выпустилъ помелочно разнымъ людямъ столько, что у него осталось таковыхъ двѣ штуки, и только знаетъ, что одному Доминику Гавронскому, родному брату того, у котораго оказались въ Вильнѣ фальшивыя ассигнаціи, „вызичилъ“ три тысячи восемьсотъ р. тѣми ассигнаціями, и что не знаетъ нигдѣ въ

здѣшнемъ повѣтѣ фальшивыхъ ассигнацій. Да и всѣ купленные имъ у ксендза Юцевича почитаетъ истинными и для того представилъ мнѣ на разсмотрѣніе помянутыя двѣ штуки у него оставшіяся.

Доминикъ Гавронскій такъ пишетъ въ своемъ объясненіи: въ исходѣ Февраля мѣсяца сего года, когда онъ, по волѣ начальства, проѣзжая чрезъ Маріамполь, взялъ заимообразно у подпрефекта Осиповскаго три тысячи восемь сотъ рублей ассигнаціями, изъ коихъ 800 р. издержалъ въ Вильнѣ, 1500 р. оставилъ тамъ своему брату, а 1500 р. привезши сюда, издержалъ на разныя мелочныя потребности и что онъ при расходованіи здѣсь и въ Вильнѣ не имѣлъ ни отъ кого примѣчанія, чтобы оныя были фальшивыя.

„По разсмотрѣніи мною представленныхъ отъ ксендза Юцевича шести и отъ подпрефекта Осиповскаго двухъ сторублевыхъ ассигнацій, я долженъ признаться въ недостаткѣ познаній моихъ на различеніе, фальшивы ли оныя или нѣтъ; а потому представляю оныя при семь съ номераціею къ вашему высокопревосходительству на опытнѣйшее разсмотрѣніе. Знаю, однакожь, что ежели сіи ассигнаціи и не фальшивы суть, то сіе не служитъ еще прочнымъ доказательствомъ, чтобы вся сумма оныхъ, чрезъ руки ксендза Юцевича перешедшая была, таковая; тѣ пріобрѣтатели имѣли довольно времени и способовъ обмѣнять фальшивыя на истинныя. Но ежели и сіи признаются фальшивыми, то уже не остается ни малѣйшаго сомнѣнія имѣть такое жъ заключеніе о всей суммѣ.

Поелику слѣды къ розысканію подробнаго расхода всѣхъ помянутыхъ ассигнацій временемъ и изворотами пріобрѣтателей такъ закрыты, что на дальнѣйшее розысканіе оныхъ необходимы суть власть и строгость, уподобляющіяся насилію, а употребленіе сихъ средствъ въ дѣлѣ толь деликатномъ болѣе вреда нежели пользы банку нашему причинить можетъ: то я не осмѣливаюсь далѣе въ изслѣдованіе дѣла сего, а буду ожидать повелѣнія вашего высокопревосходительства, какимъ способомъ должно привести оное къ концу. А также разрѣшенія и на то, чьею собственностью почитать должно вексель подпрефекта Осиповскаго на 28 тысячъ Польскихъ золотыхъ, который остается у меня, а равно и позаимствованныя у ксендза Яцента Юцевича форшмейстеромъ Бориславскимъ 5000 р. ассигнацій, кому должны принадлежать? На сію сумму заимодавецъ потерялъ документъ, но должникъ въ платежѣ не отказывается“.

Довѣренность, которою ваше высокопревосходительство удостоили меня порученіемъ сего слѣдствія, подаетъ мнѣ смѣлость представить на единое токмо ваше разсмотрѣніе слѣдующія мои примѣчанія“:

1) Если должно утверждаться на показаніи ксендза Юцевича, что тѣ ассигнаціи купилъ отъ солдатовъ Французскихъ, и есть ли къ тому присоединить и то, что оныя не суть фальшивыя, то и тогда естественный разсудокъ заставляетъ почитать ихъ собственностью Россіи, которой собственность грабежомъ и насиліемъ перешла въ руки Французовъ. Есть ли же тѣ ассигнаціи были точно фальшивыя, то не дѣлателью оныхъ довлѣетъ пользоваться пріобрѣтеніемъ, а банку нашему; ибо на кредитъ банка нашего основывалъ дѣлатель подлыя свои выгоды.

2) Хотя вѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ксендзъ Юцевичъ невиненъ въ поддѣльваніи помянутыхъ ассигнацій, но, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, я не могу вѣрить, чтобъ онъ на покупку ихъ издержалъ шесть тысячъ Прусскихъ талеровъ, сумму несоразмѣрную его состоянію: ибо онъ есть попъ такой парафіи, которая едва можетъ доставлять ему только нужное содержаніе; а судя по образу жизни, которую онъ всегда велъ щедро, съ лучшимъ вѣроятіемъ заключать должно, что онъ пріобрѣлъ тѣ ассигнаціи даромъ, или за малую плату звонкой монеты. Сіи соображенія ведутъ меня къ такому понятію, что ксендзу Юцевичу, хотя бы онъ точно купилъ упомянутыя ассигнаціи, довольно было бы предоставить воспользоваться тою суммою, которую получилъ онъ за размѣнъ шести или семи тысячъ р., а долгъ подпрефекта Осиповскаго и форшмейстера Бориславскаго, если только политическія обстоятельства, относящіяся до кредита ассигнацій нашихъ, позволяютъ, обратитъ къ первому источнику, то есть въ казну Государя нашего или на богоугодныя заведенія. Относительно возможности получить деньги съ помянутыхъ должниковъ скажу съ твердымъ основаніемъ, что форшмейстеръ Бориславскій заплатитъ скоро, а съ подпрефекта Осиповскаго иначе взыскать нельзя какъ продажею его имѣнія.

Наконецъ, обязанностію моею поставляю донести вашему высокопревосходительству, что по принятымъ мною секретнымъ способамъ не открылось еще въ Маріампольскомъ и Кальварійскомъ повѣтахъ никакихъ слѣдовъ, чтобъ были у кого въ значительной суммѣ фальшивыя ассигнаціи; а проявляются у промышленниковъ таковыя, которыхъ въ Прусскихъ торговыхъ домахъ не принимаютъ, и то по малому количеству; но я безъ особаго на сіе повелѣнія не токмо не осмѣливаюсь приступить явно къ подробному объ оныхъ изслѣдованію, но обязалъ еще подписками ксендза Юцевича, форшмейстера Бориславскаго, подпрефекта Осиповскаго и помѣщика Гавронскаго, чтобы они держали дѣло сіе въ великомъ секретѣ“.

Областный начальник Краковскаго департамента Аверинъ донесъ Ланскому отъ 1-го Іюля за № 292, что какъ въ 1812 г., такъ и въ первомъ полугодіи 1813 г. большихъ суммъ во ввѣренный ему департаментъ ни откуда не было высылаемо, „только 19 Декабря было прислано отъ министра финансовъ 1,301,333 злотыхъ 10 грошей въ Пьемонтской монетѣ“.

Засимъ, Аверинъ докладывалъ, что „при вступленіи въ Краковъ Польскихъ войскъ вмѣстѣ съ ними прибыло сюда и такъ названное интеримальное или временное казначейство съ департаментомъ Чижевскимъ, подъ главнымъ распоряженіемъ министра полиціи Соболевскаго, за отсутствіемъ министра финансовъ. Денежная казна хранилась въ нѣсколькихъ фурахъ, окруженныхъ карауломъ. Расходы на содержаніе войскъ дѣлались въ Польской, Австрійской и Пьемонтской монетахъ. Между прочимъ, королю Саксонскому еще отпущено изъ оной 159 тысячъ талеровъ. Сколько вообще было денегъ въ этой кассѣ, неизвѣстно и здѣшніе (т. е. Краковскіе) казначейскіе чиновники не знаютъ. Касса эта потомъ отправилась за границу вмѣстѣ съ Польскими войсками.

При этомъ рапортѣ представлено Аверинымъ подробное показаніе банкира Френкеля по поводу числящихся за нимъ фальшивыхъ ассигнацій на 25 тысячъ р.; но самого этого показанія въ дѣлѣ не оказалось.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1813 года, Варшавскій полицеймейстеръ Свѣчинъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Варшавскіе векслеры, „какъ скоро замѣтятъ, что подаваемая къ размѣну ассигнаціи фальшивыя,—сейчасъ бы доносили ему“. Слѣдствіемъ этого распоряженія было то, что Свѣчину стали со всѣхъ сторонъ представлять фальшивыя ассигнаціи: Варшавскій векслеръ Розень—одну ассигнацію 50 рублеваго достоинства (1807 года), крестьянинъ Калужской губерніи Федоръ Бѣловъ—одну сторублевою (1808 г.), Варшавскій купецъ Генрихъ Шмитъ—одну сторублевою (1808 г.), казакъ Донскаго Иловайскаго № 3 полка Андрей Швединовъ—одну сторублевою (1808 г.), саратовскій купецъ Гавріиль Шульгинъ—одну пятидесятирублевою (1807 г.), Брестскій житель Абрамъ Мееровичъ—пять сторублевыхъ (1807 и 1808 гг.), урядникъ Донскаго Грекова № 18 полка—четыре сторублевыхъ (1806 г.), закрочимскій купецъ Михаилъ Рубертъ—одну сторублевою (1806 г.), казакъ войска Донскаго Трудниковъ—двѣ сторублевыя (1806 и 1808 гг.), и три пятидесятирублевыя (1806 и 1811 гг.), шляхтичъ Доминикъ Новосельскій и Варшавскій купецъ Гордонъ—двѣ пятидесяти-

рублевая (1807 и 1808 гг.), Варшавскій портной Карль Верлихъ—одну пятидесятирублевую (1807 г.), съ объясненіемъ, что получилъ ее отъ уланскаго офицера Томашевича, прапорщикъ Переяславскаго конно-егерскаго полка Прохоровъ—одну сторурублевую (1806 г.), полученную имъ отъ моего эскадроннаго командира.... и т. д.

Инспекторъ почтъ герцогства Варшавскаго Александръ Трефуртъ также обнаруживаетъ не мало фальшивыхъ ассигнацій при перлюстраціи писемъ. При этомъ, кромѣ 50 и 100 рублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій встрѣчаются и пятирублевая. Между прочимъ, изъ Бреславля было получено въ Варшавѣ на имя векслера Кронеберга два денежныхъ пакета, въ которыхъ оказалось на 900 р. фальшивыхъ ассигнацій.

По этому поводу Ланской, отъ 1-го Іюля за № 164, пишетъ кн. Волконскому: „въ Варшавѣ, по высочайшему повелѣнію, учреждена банковая промѣнная контора и уже прибыли сюда изъ Петербурга директоръ оной, государственнаго ассигнаціоннаго банка совѣтникъ Клейстъ съ другими чиновниками. Въ данной ей (т. е. этой конторѣ) отъ министра финансовъ инструкція между прочими предписаны правила и на счетъ фальшивыхъ ассигнацій, а поэтому и полагаю я открываемыя фальшивыя ассигнаціи отсылать въ банковую контору для отсылки таковыхъ вмѣстѣ съ другими въ ассигнаціонный банкъ; но приступить къ сему безъ особаго разрѣшенія самъ собою не смѣю“.

На это кн. Волконскій отвѣчаетъ письмомъ отъ 12 Іюля за № 370 (главная квартира—Рейхенбахъ): „Государь Императоръ, по представленію вашего высокопревосходительства № 164, относительно найденныхъ инспекторомъ Варшавскаго почтамта въ двухъ пакетахъ фальшивыхъ ассигнацій всего 999 р., высочайше повелѣтъ соизволилъ сообщить вашему высокопревосходительству, чтобы вы въ семъ и подобныхъ тому случаяхъ руководствовались тѣми самыми правилами, кои изъяснены въ означенномъ вашемъ отношеніи, то есть открываемыя фальшивыя ассигнаціи отсылались бы въ банковую контору, для отправленія оныхъ, вмѣстѣ съ прочими въ ассигнаціонный банкъ“.

Яролкуму и Герцу Брокю. Когда же у этихъ послѣднихъ требовали возвращенія денегъ, то они представили пять сторурублевыхъ ассигнацій, якобы обмѣненныхъ ими у Еврея Якова Фельна. Ассигнаціи оказались фальшивыми, а Фельна объяснилъ, что обмѣнялъ ихъ у неизвѣстныхъ солдатъ и Донскихъ казаковъ...

Ломжинскій областной начальникъ донесъ Ланскому (отъ 9 Іюля № 120), что помѣщикъ Кальварійскаго уѣзда Севицкій представилъ ему шесть фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій (1808), обмѣненныхъ имъ въ числѣ десяти у Маріампольскаго Еврея Хаима Абеловича, которому онъ уплатилъ за каждую сторублевую ассигнацію по 24 р. серебромъ. Севицкій убѣдительно просилъ областного начальника понудить Еврея къ возвращенію ему денегъ, уплаченныхъ за фальшивыя ассигнаціи.

„Мнѣ бы слѣдовало (продолжаетъ онъ) самому поѣхать туда для разслѣдованія, но не могу; окружныхъ же начальниковъ ни въ повѣтѣ Маріампольскомъ, ни въ ближайшемъ къ нему Кальварійскомъ нѣтъ, а повѣрить сіе подпрефекту Осиповскому, который самъ замѣшанъ по дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, было бы весьма ненадежно. На сей разъ, давши Севицкому росписку въ полученіи фальшивыхъ ассигнацій, велѣлъ ему въ претензіи своей имѣть терпѣніе и хранить сіе дѣло въ секретѣ, коль скоро получу разрѣшеніе отъ вашего высокопревосходительства“.

Командиръ Донскаго казачьяго Шамшеева 2-го полка, войсковой старшина и кавалеръ Шамшеевъ 2-ой доносилъ Ланскому (отъ 10 Іюля № 726), что въ послѣднихъ числахъ Іюня мѣсяца проѣзжалъ чрезъ его полкъ есаулъ Донскаго казачьяго Дячкина полка Шамшеевъ 6-ой, командированный въ Варшаву за разными покупками. Шамшеевъ 2-ой поручилъ ему купить тамъ для его полка „ножныхъ сабель, дротиковъ и протчаго для службы казачьей и далъ ему триста р. асс. вскорѣ получилъ отъ него увѣдомленіе, что одна изъ полученныхъ отъ него ассигнацій, сторублевая (1808 г.), оказалась фальшивою. Шамшеевъ 6-ой просилъ Ланскаго замѣнить ее настоящею. По этому поводу возникла цѣлая переписка; но, понятно, въ ходатайствѣ Шамшеева 2-го было отказано, такъ какъ по правиламъ банковской промѣнной конторы въ Варшавѣ не полагалось никакого платежа за фальшивыя ассигнаціи.

Любопытно, между прочимъ, объясненіе Шамшеева 2-го о происхожденіи этой ассигнаціи. Оказывается, что она „досталась полку прошлаго 1812 года въ Ноябрь мѣсяцъ, въ числѣ другихъ, въ городѣ Могилевѣ (что на Днѣпрѣ) отъ неизвѣстнаго Жида на площади, которому симъ полкомъ проданы были вещи, отбитыя у непріятели во время ретирады онаго; какъ же тѣ деньги принадлежали цѣлому полку, то по встрѣтившейся въ ономъ по службѣ необходимой надобности и употреблены оныя были на покупку вышепрописанныхъ вещей“...

Коммисаріатскаго штата комиссіонеръ 6-го класса графъ Апраксинъ, рапортомъ отъ 28 Іюля за № 17, доноситъ Ланскому, что изъ

отпущенной ему генералъ-лейтенантомъ Татищевымъ суммы государственными ассигнаціями онъ уплатилъ Варшавскимъ обывателямъ „немалое количество денегъ“ за разныя поставки; между тѣмъ Варшавская промѣнная контора признала, что четыре сторублевья ассигнаціи, вышедшія отъ него, безусловно фальшивы. Здѣсь повторяется таже просьба о замѣнѣ фальшивыхъ ассигнацій настоящими.

О количествѣ фальшивыхъ и заподозрѣнныхъ ассигнацій, поступившихъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ въ Варшавскую промѣнную банковую контору, даетъ понятіе слѣдующій рапортъ директора этой конторы на имя Ланскаго, отъ 19 Августа 1813 г. за № 33: „Для отсылки къ г. министру финансовъ пакетъ подъ № 29 и при ономъ особо запечатанныя ассигнаціи на 8250 рублей въ правленіе государственнаго ассигнаціоннаго банка подъ № 30 и въ учрежденную при правленіи банка для приѣма и ревизіи ассигнацій экспедицію подъ № 31 съ особо запечатанными въ ящикѣ ассигнаціями на 141.995 рублей вашему высокопревосходительству Варшавская промѣнная контора честь имѣетъ представить и покорнѣйше просить дабы благоволили поспѣшить отправленіемъ сихъ суммъ съ первымъ курьеромъ, чтобы контора могла скорѣе на мѣсто ихъ получить въ свой капиталъ изъ государственнаго ассигнаціоннаго банка новыхъ ассигнацій.

До сихъ поръ въ обращеніи встрѣчались только 50 и 100 рублевья фальшивыя ассигнаціи и только одинъ разъ была обнаружена пятирублевая фальшивая ассигнація. Но 22 Сентября Трефуртъ доноситъ Ланскому, что „при выдачѣ присланныхъ изъ Пултускаго солянаго магазина въ генеральную кассу герцогства Варшавскаго денегъ оказались между ассигнаціями три фальшивыя пятирублевья ассигнаціи“. По этому поводу, Ланской, отъ 28 Сентября за № 6570, потребовалъ отъ Де-Коломба объясненій: „по какому поводу соляные магазины принимаютъ за соль ассигнаціи и кто далъ имъ на это позволеніе?“ Де-Коломбъ (*Dyrguiciacy Ministerium P. i Skarbu*) отвѣчалъ (отъ 6 Октября за № 344), что, по принятымъ правиламъ и распоряженіямъ, всѣ соляные магазины принимали и принимаютъ монеты какъ національныя, такъ и иностранныя, показанныя въ „эвалуаціонной (сравнительной) табели“. Но такъ какъ покойный фельдмаршалъ кн. Кутузовъ въ объявленіи отъ 13 (25) Генваря 1813 года, помѣщенномъ въ „Газетѣ Варшавской“ (№ 20), распространилъ это и на скарбовыя кассы, то, быть можетъ, соляные магазины на этомъ именно основаніи и принимаютъ Россійскія ассигнаціи при продажѣ соли.

Рапортомъ отъ 23 Сентября за № 905, Варшавскій полицеймейстеръ Свѣчинъ доноситъ Ланскому, что онъ посылалъ въ Броды Бѣлостокскаго жителя Гирша Асперна „для разслѣдованія о выпускаемыхъ

оттуда фальшивыхъ ассигнаціяхъ“, и что, возвратясь изъ Бродъ Аспернъ сообщилъ ему объ открытыхъ имъ тамъ слѣдахъ фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій. Но въ виду трудности и сложности дальнѣйшихъ дѣйствій, Аспернъ просилъ Свѣчина „объ отпускѣ ему на сей предметъ двѣсти червонныхъ, обязываясь возвратить ихъ, если не обнаружатъ фабрики фальшивыхъ ассигнацій“. Изъ черновика письма Ланского къ графу Аракчееву (безъ даты), по этому поводу, видно, что Еврей Аспернъ считалъ необходимымъ прежде чѣмъ отправиться вновь въ Броды захватить сначала въ Вильну „для лучшаго распознанія сего дѣла“.

Такъ какъ Аспернъ уже оказалъ нѣсколько услугъ по дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ и самъ Ланской наградила его тремя стами рублями, то не представлялось возможнымъ пренебречь новымъ его заявленіемъ. Поэтому, Ланской предполагалъ назначить Асперна „казеннымъ комиссіонеромъ, ѣдущимъ въ Галицію для покупки вещей, нужныхъ для нашихъ армій“, снабдивъ его „частью просимыхъ имъ денегъ“, а также письмомъ къ Радзивиловскому военному полицеймейстеру Гирсу *). „Дальнѣйшее пособіе ему не въ моей власти, ибо я не имѣю никакого вліянія на Бродскую полицію. Если предметъ сей ваше сіятельство сочтете достойнымъ вниманія и найдете способъ исходатайствовать секретное повелѣніе на лицо главнаго члена Бродской полиціи, то я желалъ бы только, чтобъ то повелѣніе не шло прямо въ Броды, а было бы прислано въ мои руки, я же вышлю оное съ нарочнымъ расторопнымъ чиновникомъ, которому предоставлю соображать розыскъ доносителя съ здравымъ разсудкомъ и употребить оное повелѣніе въ дѣло тогда только, когда того прямая надобность требовать будетъ“.

Радзивиловскому же военному полицеймейстеру Гирсу Ланской писала (отъ 4 Октября за № 7062): „Увѣдомившись приватно, что въ Бродахъ есть фабрика фальшивыхъ ассигнацій Россійскаго стемпеа, я предоставляю в. в. употребить всевозможно вашу дѣятельность къ точному понятію о сей фабрикѣ и, изыскавъ тайными способами средства къ открытію оной, поспѣшить увѣдомить меня для принятія надлежащихъ мѣръ со стороны нашего правительства.— Не нужно представлять вамъ, какой важности есть сіе дѣло и какъ оцѣнитея услуга ваша по сему предмету Государемъ Императоромъ. Благоразуміе и усердіе ваше удостовѣряютъ меня, что вы, принявшись съ довлѣемымъ

*) Сынъ его былъ у насъ впоследствии министромъ иностранныхъ дѣлъ. П. Б.

усердіемъ за сіе порученіе, сохраните тайну и дадите мнѣ точное понятіе о семъ слухѣ и о мѣрахъ, какія предпринять должно къ переловленію мастеровъ и къ отысканію инструментовъ“.

Черезъ нѣсколько дней Ланской получаетъ отъ Свѣчина донесеніе (отъ 9 Октября за № 1044) о томъ, что Еврей Фридманъ Тыкоцинскій сообщилъ ему, что „большая часть фальшивыхъ ассигнацій поступила изъ Австрійскаго города Броды: оттуда онѣ вывозятся въ Одессу, но болѣе всего въ главную квартиру Россійской арміи и тамъ, при посредствѣ посланныхъ на сей предметъ комиссіонеровъ, Бродскихъ купцовъ Кантауриста, Натансона и ихъ компанистовъ, выпускаются въ разныя руки. Донесеніе это (прибавляетъ Свѣчинъ) тѣмъ болѣе заслуживаетъ вѣроятія, что при первоначальномъ открытіи хода фальшивыхъ ассигнацій немалое количество таковыхъ представлено мнѣ нашими офицерами, которые отзывались всегда, что сіи ассигнаціи при отправленіи ихъ сюда получали они въ главной квартирѣ“.

14 Октября (за № 7432) Ланской сообщаетъ объ этомъ Аракчееву и затѣмъ получаетъ отъ него отвѣтъ (отъ 7 Ноября за № 857, изъ Франкфурта на Майнѣ), съ сообщеніемъ, что по полученіи письма Ланского сейчасъ же была сдѣлана „выправка“, но Бродскихъ купцовъ Натансона и Кантауриста не оказалось при главной квартирѣ. При этомъ Аракчеевъ прибавляетъ, что, по повелѣнію Государя, онъ сообщилъ тайному совѣтнику графу Нессельроде высочайшую волю, „чтобы онъ вошелъ въ сношеніе съ Австрійскимъ правительствомъ; между тѣмъ не будетъ излишне, ежели ваше высокопревосходительство предупредите съ своей стороны и генераль-лейтенанта Дюка-де-Ришелье“.

Къ письму была приложена слѣдующая „копія записки директора военной полиціи, полковника Гейдекона въ главной квартирѣ Франкфуртъ на Майнѣ, отъ 4 Ноября 1813 года: Яковъ Натансонъ, купецъ изъ города Броды, прошлаго Іюня 27 числа пріѣхалъ въ городъ Рейхенбахъ подъ предлогомъ коммерческихъ дѣлъ, которыя, однакоже, состояли въ томъ, что онъ вымѣнивалъ на золото и серебро ассигнаціи, выдавая за 100 асс. руб. по 22 талера, которыя*) въ Бродахъ продавалъ онъ за 28 талеровъ. По извѣстіямъ мною полученнымъ, имѣлъ онъ съ собою весьма значущую сумму въ золотѣ, и нѣкоторые его знающіе полагаютъ, что онъ имѣетъ барыши до 10,000 червонцовъ. Онъ проживалъ въ гор. Рейхенбахѣ до выступленія нашей арміи въ Богемію и потомъ былъ въ Прагѣ, откуда уже по неимѣнію паспорта

*) То есть вымѣненные ассигнаціи.

далѣе не слѣдовалъ, но что было его желаніе слѣдовать въ главную квартиру, то доказывается тѣмъ, что онъ старался объ полученіи на то позволенія“.

Почти одновременно съ приведенными выше сообщеніями, Ланской получилъ донесеніе отъ Радзивиловскаго пограничнаго почтмейстера (отъ 20 Октября за № 206), который писалъ, что принялъ всѣ мѣры къ обнаруженію въ Бродяхъ фабрики фальшивыхъ ассигнацій, о которой, впрочемъ, „ничего до сихъ поръ не слыхалъ“. „Но, дѣйствительно, въ Бродяхъ находилось немалое число фальшивыхъ Французскихъ ассигнацій, такъ какъ Радзивилловскій военный полицеймейстеръ Гирсъ доказалъ уже на опытѣ, имѣя увѣдомленіе чрезъ употребляемыхъ имъ по секретной части людей, что войска Донскаго урядникъ Поповъ, проѣзжая изъ арміи, размѣнивалъ довольное число въ Бродяхъ ассигнацій. Снесаясь съ Бродскимъ комендантомъ я потребовалъ задержанія этого урядника и по представленіи его въ Радзивиловъ отыскалъ при немъ фальшивыхъ ассигнацій болѣе 13,000 рублей Французскихъ ассигнацій Россійскаго стемпеля. Урядникъ Поповъ и найденныя у него ассигнаціи отправлены къ управляющему Волинскою губерніею, сенатору Комбурлею“.

Герцогъ Де-Ришелье къ В. С. Ланскому отъ 11 Февр. 1814 г. № 263.

Милостивый государь Василій Сергѣевичъ!

Коль скоро дошло ко мнѣ почтеннѣйшее увѣдомленіе вашего высокопревосходительства отъ 26 Ноября истекшаго года писанное о коварномъ дѣйствіи Французскихъ агентовъ, выпустившихъ до немалого количества фальшивыхъ ассигнацій Россійскаго стемпеля, я поспѣшилъ немедленнымъ моимъ распоряженіемъ какъ по городу Одессѣ, такъ и по всему высочайше ввѣренному мнѣ краю для преслѣдованія онаго злоупотребленія.

На сихъ дняхъ признаны въ здѣшней почтовой конторѣ между значительными суммами изъ Радзивилова адресованными на имя Одесскихъ торговцевъ одна сторублеваго и три двадцатипятирублеваго достоинства фальшивыя ассигнаціи. Не могли различить, изъ тѣхъ ли сіи ассигнаціи, кои выпущены Французскими агентами или работы другихъ рукъ, я отправляю оныя для уничтоженія въ правленіе государственнаго ассигнаціоннаго банка; а между тѣмъ писалъ г. Волинскому гражданскому губернатору чтобъ приказалъ преслѣдовать пересылателей тѣхъ ассигнацій со стороны поведенія ихъ и всегдашнихъ ихъ занятій.

Въ письмѣ къ Ланскому, отъ 4 Апрѣля 1814 г. за № 627, Ришелье сообщаетъ: „Здѣшняя почтовая контора вновь представила мнѣ между пересылочными суммами на 250 рублей фальшивыхъ ассигнацій, которыя высланы сюда частью изъ мѣстъ Волынской, а частью изъ гор. Могилева, Подольской губерніи. Я, отославши оныя, подобно прежнимъ, въ правленіе государственнаго ассигнаціоннаго банка, увѣдомляю васъ, съ приложеніемъ вѣдомости“. Изъ этой вѣдомости видно, что 19 Февр. 1814 г. въ Одессѣ было получено изъ Радзивилова, отъ купца Якуба Эмдина, 8,000 руб. на имя купцовъ Деспина и Ревиліота, и въ числѣ этихъ денегъ одна 25 рублевая ассигнація (1808 г.) оказалась фальшивая. Того же числа и отъ того же Еврея изъ Радзивилова получилъ 12,600 р. коммерціи совѣтникъ Рено; одна 25 рубл. ассигнація (1811 г.) также оказалась фальшивая. 12 Марта купцы Деспинъ и Ревиліодъ получили изъ Бердичева отъ купца Ени Трумпи 50,000 р., въ числѣ коихъ одна сторублевая ассигнація (1808 г.) оказалась фальшивая. Въ тотъ же день купцы Шая Бабичъ и Дмитрій Инглези получили изъ Могилева на Днѣстрѣ, отъ купца Янкеля Немійскаго, 25000 р. и въ числѣ ихъ оказались фальшивыя: одна 50 рублевая ассигнація (1803 г.) и двѣ 25 рублевая (1810 и 1811 г.г.).

Затѣмъ, отъ 21 Февраля 1814 г. за № 355, Ришелье сообщаетъ Ланскому, что 14 Февраля въ Одесской почтовой конторѣ было получено изъ Радзивилова отъ Бродскаго купца Сатановера 8000 рублей, на имя купцовъ Деспина и Ревиліата и три ассигнаціи оказались фальшивыя: одна въ сто рублей (1806 г.) и двѣ двадцатипятирублевая (1805 и 1808 г.г.) и 16 Февраля, опять таки изъ Радзивилова, отъ Бродскаго купца Зелика Рабича было получено на имя купца Темелія Стамерова 10,000 рублей и между ними одна фальшивая сторублевая ассигнація (1812 г.).

Здѣсь слѣдуетъ большой перерывъ въ матеріалахъ по дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, до Апрѣля.

Предъ нами обширный меморандумъ, на Польскомъ и Русскомъ языкахъ, полученный Ланскимъ изъ дирекціи министерства юстиціи („Z Dyrekcji Ministerii Sprawedliwosci“) отъ 15 Апрѣля 1815 г., за № 122. Это докладъ Верховному Временному Совѣту и постановленіе послѣдняго объ уголовной отвѣтственности за поддѣлку и распространеніе въ краѣ Россійскихъ ассигнацій и монетъ. Дирекція Министерства Юстиціи, разсмотрѣвъ предложеніе Варшавскаго генераль-губернатора по дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ и

приложенныя къ нему „требованія генераль-фельдмаршала, купно съ слѣдственными актами“, нашла, что все дѣло о фальшивыхъ ассигнаціяхъ возникло вслѣдствіе донесенія высшей военной полиціи генераль-фельдмаршалу, который потребовалъ отъ Варшавскаго генераль-губернатора принятія строгихъ мѣръ къ открытію сего зла. Въ дѣйствительности же, обвиненіе, будто бы Варшавскіе векслеры занимаютъ промѣномъ фальшивыхъ ассигнацій, по мнѣнію дирекціи, рѣшительно ничѣмъ не доказано.

„Здѣшнія права, по которымъ рѣшаютъ дѣла въ здѣшнихъ уголовныхъ судахъ, повелѣваютъ судить уголовныя преступленія по Польскимъ законамъ, а въ недостаткѣ оныхъ, въ четырехъ новыхъ департаментахъ, по правамъ Австрійскимъ, въ шести же давнихъ департаментахъ по Прусскимъ, поелику еще въ Польскихъ уголовныхъ законахъ не опредѣлено наказанія за дѣланіе фальшивыхъ бумажныхъ денегъ, кои въ семь краѣ не существовали, то велѣно рѣшать подобныя дѣла въ четырехъ новыхъ департаментахъ по Австрійскимъ уголовнымъ законамъ, а въ шести прежнихъ по Прусскимъ.

„По Австрійскимъ уголовнымъ законамъ, изданнымъ въ 1796 году для Западной Галиціи, преступники, изблеченные въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, какъ національныхъ, такъ и заграничныхъ, наказываются равновѣсно, то есть тяжкимъ заключеніемъ на всю жизнь; законы же Прусскіе, главы XX, части II, § 267, назначаютъ то самое наказаніе за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій, какое предписано за фальшивую звонкую монету, въ § 252 и 226 повелѣваютъ: виновный наказывается за таковыя фальши по важности преступленія 2—10 лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ съ возвратомъ убытковъ въ десять разъ столько, сколько составляетъ настоящая потеря. Тотъ же законъ гласитъ (§ 256), что ежели симъ преступленіемъ выпущена въ обращеніе значительная сумма фальшивой монеты и черезъ сіе коммерчеству и кредиту подданныхъ государства причинены великіе убытки, тогда преступники наказываются тѣлесно и заключаются на всю жизнь. Засимъ (§ 258): ежели кто подъ чеканомъ другого государства, въ семь краѣ обращенія не имѣющемъ, дѣлаетъ фальшивую монету, то виновный подвергается шестилѣтнему заключенію. Законъ сей дѣлаетъ разницу въ наказаніяхъ преступниковъ, дѣлающихъ фальшивую національную и заграничную монеты.

„Если-бы кто дѣйствительно дѣлалъ и въ большомъ количествѣ 100 и 50 рублевая Россійскія ассигнаціи, здѣсь въ курсѣ необращающіяся, и оныя выпускалъ въ Россію, то не могъ бы быть иначе по здѣшнимъ законамъ наказанъ, какъ только заключеніемъ отъ 3 до 6 лѣтъ, а за фальшивыя національныя монеты или иностранныя, но курсъ здѣсь имѣющія, наказанъ тѣлесно съ заключеніемъ на всю жизнь.

„Сіе разногласіе законовъ дирекція Министерства Юстиціи представляетъ на разсмотрѣніе Верховнаго Совѣта, съ мнѣніемъ: не угодно ли

будеть на предбудущее время показанной 258 §, относящейся къ Россійскимъ ассигнаціямъ, здѣсь исходящимъ, соединить съ § 256.

„При этомъ дирекція Министерства Юстиціи обязана доложить, что хотя здѣшніе законы должны быть извѣстны всѣмъ жителямъ, но на опытахъ сверхъ мѣры открывається, что оныя простолюдинамъ невѣдомы. А потому, для отвращенія впредь покушенія къ дѣланію фальшивыхъ ассигнацій, должно сочинить выписку изъ уголовныхъ законовъ на таковыя преступленія изданныхъ и публиковать оныя по костеламъ и Еврейскимъ школамъ непрерывно въ теченіи нѣсколькихъ недѣль.

„Верховный Совѣтъ, желая предупредить всѣмъ преступленіямъ, клонящимся къ дѣланію фальшивыхъ монетъ и ассигнацій здѣсь ходящихъ, и разсуждая, что въ Прусскихъ уголовныхъ законахъ есть разность въ наказаніяхъ сихъ преступленій, поелику § 267, части II, гл. XX, назначая то самое наказаніе за дѣланіе ассигнацій, какое предписано за фальшивую звонкую монету, въ § 256—начертано: ежели преступникъ выпустилъ въ обращеніе значительную сумму фальшивой монеты и чрезъ то коммерчеству и поданнымъ государства причинены значительныя убыли, тогда наказывається онъ публично и отдается въ работу въ крѣпость на всю жизнь; въ § же 258 сказано: если кто подъ чеканомъ другаго государства въ семь краю исходящемъ дѣлаеть фальшивую монету, тогда виновный подвергается наказанію отъ 3 до 6 лѣтнимъ заключеніемъ.

„А потому Совѣтъ, истребляя разногласіе сіе на счетъ наказанія за дѣланіе фальшивой монеты и всѣхъ Россійскихъ ассигнацій хожденіе имѣющихъ, постановилъ: отнынѣ за всѣ фальшивыя монеты и Россійскія ассигнаціи безъ изыятія, обращаются ли таковыя въ герцогствѣ Варшавскомъ или нѣтъ, подвергать виновныхъ всѣмъ тѣмъ наказаніямъ, какія предписаны помянутыми законами за фальшивыя и въ обращеніе пущенныя національныя монеты и ассигнаціи, и для того разница въ показанномъ 258 § касательно Россійскихъ монетъ и ассигнаціи отнынѣ не имѣеть своего существа.

„Наконецъ, Верховный Совѣтъ, желая дѣятельными мѣрами отвратить подобныя преступленія въ дѣланіи фальшивыхъ монетъ и ассигнацій курсъ имѣющихъ, постановилъ: чтобы правила уголовныхъ законовъ во всемъ герцогствѣ Варшавскомъ существующихъ, то есть въ шести прежнихъ департаментахъ правъ Прусскихъ, а въ новыхъ департаментахъ правъ Австрійскихъ силу свою имѣющихъ и опредѣляющихъ на таковыя преступленія наказанія, были опубликованы по костеламъ и Еврейскимъ школамъ въ теченіи четырехъ недѣль дабы каждый изъ жителей зналъ строгость уголовныхъ законовъ на таковыя преступленія изданныхъ. „Настоящее постановленіе сообщить г. генералъ-губернатору для увѣдомленія о томъ съ его стороны кого слѣдуетъ, такъ и для предпріятія средствъ къ строгому изысканію фальшивыхъ ассигнацій въ обращеніи здѣсь находящихся“.

Всепооданныйшій рапортъ В. С. Ланскою 30 Ноября 1815 г.

По прибытіи моемъ въ Мартъ мѣсяцъ 1813 года въ Варшаву получилъ я отъ генерала отъ инфантеріи Дохтурова двѣ копіи: одну съ предписанія начальника Главнаго Штаба, генераль-адъютанта князя Волконскаго, по повелѣнію покойнаго генераль-фельдмаршала къ генераль-лейтенанту графу Палену, отъ 17 Февраля, а другую съ докладной вашему императорскому величеству записки отъ Министра Финансовъ о выпускѣ Французскимъ правительствомъ фальшивыхъ ассигнацій. Изъ бумагъ сихъ и изъ таковыхъ же въ слѣдъ мною полученныхъ о дѣйствіяхъ графа Палена по вышеупомянутому повелѣнію; усмотрѣлъ я, что, при всѣхъ стараніяхъ его, не могъ онъ ничего основательно открыть, кромѣ извѣстій, заключающихъ въ себѣ одно подозрѣніе. Къ основательному жъ обнаруженію обращенія въ здѣшнемъ краѣ фальшивыхъ ассигнацій не находилъ графъ Паленъ другихъ средствъ кромѣ денежныхъ пожертвованій, чего бы оныя ни стоили; но сіе предположеніе покойнымъ ген.-фельдмаршаломъ не опробовано.

По свѣдѣніямъ, какія можно было въ самомъ началѣ получить, открылось, что выпускъ въ здѣшнемъ краѣ фальшивыхъ ассигнацій было дѣломъ Французскаго здѣшняго національнаго правительства; что князь Де Бассано вручилъ таковыхъ фальшивыхъ ассигнацій министру финансовъ бывшаго герцогства Варшавскаго Матушевичу на 2,000,000 рублей, и посредствомъ секретаря своего Баптиста Ламберта продалъ Варшавскому вексларю Розену на 110,000 рублей.

Слѣдуя далѣе, узналъ я, что министръ Матушевичъ изъ порученнаго ему княземъ де Бассано капитала 2,000,000 рублей продалъ частнымъ лицамъ на 60,000 рублей, заплатилъ казенныхъ долговъ 229,370 рублей и поручилъ для размѣна банкиру Френкелю 100,000 р., итого выпущено Матушевичемъ въ народное обращеніе 389,370 рублей; но когда разнесся слухъ предъ занятіемъ еще края сего Россійскими войсками, что означенныя ассигнаціи суть фальшивыя, то частными лицами возвращены оныя въ казну, именно отдано министру Матушевичу 363,640 р., заступившему мѣсто министру финансовъ Лубе 25,000 р.; осталось только у Бродскаго вексларя Мойзеса 730 рублей.

Затѣмъ у министра Матушевича масса фальшивыхъ ассигнацій составила на 2,974,270 рублей, изъ коихъ во время ретирады Французовъ и Поляковъ вывезено интендантомъ Министерства Финансовъ Чижевскимъ въ Краковъ на 474,270 рублей и секретаремъ Тымовскимъ

въ Дрезденъ и тамъ отдано подъ росписку министра Брезы 1,500,000 рублей, то есть полная сумма 1,974,000 рублей у Матусевича оставшаяся. Изъ купленныхъ же Варшавскимъ вексляромъ Розеномъ у секретаря князя Де-Бассано 110,000 рублей продано имъ Бродскому купцу Шліомъ Лейбъ Гелину 8,300 рублей, Бродскимъ же вексельеромъ Израилю Ашкиназію и Арону Бееру 50,000 рублей, остальные 51,700 представлены имъ добровольно Россійскому полицейскому совѣту.....*) по отсылкѣ мною къ генераль-адъютанту князю Волконскому, какъ извѣстно, сожжены въ промѣнной конторѣ, при арміи учрежденной.

Никакъ нельзя было открыть, куда обращены фальшивыя ассигнаціи министромъ Брезю на 1,500,000 рублей, Лубою на 25,000 руб. и интендантомъ Чижевскимъ на 474,270 рублей, по ненахожденіи ихъ въ здѣшнемъ краѣ. Неможно было такъ же получить свѣдѣній о подобныхъ ассигнаціяхъ, оставшихся въ рукахъ Бродскаго банкира Мовзеса на 730 р., да у Бродскаго купца Гелина на 8,300 и у вексляровъ Ашкиназія и Беера на 50,000 рублей, по пребыванію ихъ въ Австріи; о таковыхъ затрудненіяхъ отъ 17 Іюня 1813 года относился я къ генераль-адъютанту князю Волконскому.

Изложивъ таковымъ образомъ ходъ дѣла о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, для яснѣйшаго усмотрѣнія оборота оныхъ, осмѣливаюсь поднести Вашему Императорскому Величеству подробную онымъ вѣдомость и всеподданнѣйше просить высочайшаго разрѣшенія: продолжать ли дальнѣйшія розыски о обращеніи тѣхъ фальшивыхъ ассигнацій, о которыхъ не собрано еще свѣдѣній по ненахожденіи здѣсь Брезы и Лубы и по жительству въ Австріи банкира Мовзеса, купца Гелина и векслеровъ Ашкиназія и Беера“.

Настоящее дѣло заканчивается письмомъ В. С. Ланскаго къ Н. Н. Новосильцову отъ 22 Декабря 1815 г. за № 35. Въ немъ Ланской сообщаетъ, что въ числѣ секретныхъ дѣлъ, производившихся у него, находится „неоконченное“ дѣло о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ въ герцогствѣ Варшавскомъ Французскимъ правительствомъ, и что по этому дѣлу имъ учиненъ 30 Ноября обстоятельный докладъ Его Императорскому Величеству. Полагая, что „высочайшее разрѣшеніе“ по этому докладу послѣдуетъ послѣ его отъѣзда изъ Варшавы, Ланской поставлялъ Новосильцова въ извѣстность объ этомъ, съ провожденіемъ самага дѣла на 417 листахъ.

*) Три слова не разобраны.

Несомнѣнно, что по отъѣздѣ Ланскаго изъ Варшавы, по этому дѣлу происходила еще какая-то переписка и, вѣроятно, было получено „высочайшее разрѣшеніе“. Объ этомъ, въ концѣ дѣла, подѣ зачеркнутой цифрой 417, свидѣтельствуетъ другая отмѣтка—о томъ, что въ настоящемъ дѣлѣ заключается 437 листовъ. Но, впоследствии эта послѣдняя была зачеркнута и 1 (13) Мая 1841 года начальникъ архива канцеляріи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ Мартыновъ отмѣчаетъ, что въ этомъ дѣлѣ находится 278 листовъ. Очевидно, изъ этого дѣла было изъято (когда и кѣмъ? можетъ быть, въ 1830—31 г.?) 20 листовъ дальнѣйшей переписки и 139 листовъ прежней. Послѣднее, между прочимъ, подтверждается измѣненіями и исправленіями въ нумераціи страницъ. Впрочемъ, это же самое замѣчается и въ другихъ дѣлахъ Новосильцовскаго архива.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать два слова о розыскахъ книги: „Война на Сѣверѣ въ 1812 году“, о чемъ еще 7 Апрѣля 1813 года просилъ Ланскаго генераль Дохтуровъ. Въ дѣлѣ имѣется только донесеніе областного начальника Краковскаго департамента, отъ 23 Мая 1813 года за № 695, извѣщающаго Ланскаго, что имъ уже собрано 37 экземпляровъ книги, подѣ заглавіемъ: „Wojna na Polnosy“, которые будутъ представлены по окончаніи розысковъ.

Конечно, они были представлены; но гдѣ они теперь находятся?

Сообщилъ И. Г. Попруженно.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ О ЛЕРМОНТОВЪ.

Въ нынѣшнюю семидесятую годовщину кончины Лермонтова для людей, дорожащихъ его памятью, любопытно будетъ узнать про неудовольствіе, которое выразилъ императоръ Николай Павловичъ по поводу участія своего опального поручика въ дѣлѣ подъ Валерикомъ. Какъ извѣстно, дѣло это описано поэтомъ въ стихотворномъ письмѣ его въ Петербургъ подъ заголовкомъ того же имени. Авторъ патриотическаго „Вородино“ въ „Валерикѣ“ усвоиваетъ себѣ совершенно иной взглядъ на войну. То глубоко отрицательное отношеніе къ этому міровому злу, которое было впервые выражено въ Русской литературѣ Ломоносовымъ, а позднѣе рѣзко обрисовывалось въ трудахъ дѣйствительныхъ очевидцевъ войны (Гаршина и Толстого), у Лермонтова съ эффектной краткостью и Байроническою силою выступаетъ въ словахъ: „Жалкій человѣкъ... Чего онъ хочетъ?... Небо ясно... Подъ небомъ мѣста много всѣмъ“. Очевидно, что при дѣйствительномъ зрѣлищѣ кроваваго поля моралистъ въ Лермонтовѣ взялъ верхъ надъ воинственнымъ поручикомъ. Простое величіе геройской смерти людей вѣщимъ стукомъ ударило въ сердце поэта, и пѣвецъ войны осудилъ войну. Да, война рѣзко была осуждена; тѣмъ не менѣе боевой завѣтъ Лермонтова: „Смѣло вдвѣнешъ ногу въ стремя и возьмешь ружье“, былъ на дѣлѣ выполненъ имъ самимъ съ такою отвагою, что послѣдовало даже представленіе къ наградѣ. Однако стихотвореніе ли это (гдѣ эпитетъ „жалкаго человѣка“ могъ быть учтенъ, какъ адресованный къ воинственному правительству, а слова: „Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны тревоги дикія войны“, могли быть поняты за косвенно-политическій упрекъ всему властному Петербургу) возбудило недовѣріе къ сосланному за проступокъ поручику, или же то была бережливая заботливость Государя о судьбѣ славнаго уже въ то время поэта; но только начальство Лермонтова за допущеніе его въ экспедицію подверглось замѣчанію со стороны своего Верховнаго Вождя. Воля Монарха о томъ, чтобы поручикъ Лермонтовъ ни подъ какимъ видомъ не былъ отвлекаемъ отъ фрунтовой службы въ своемъ Тенгинскомъ полку, не застала Лермонтова въ живыхъ. Во главѣ своего казачьяго отряда пораженный Чеченскою пулею, осудившій свое ремесло, пѣвецъ войны палъ отъ руки одного изъ тѣхъ, въ груди которыхъ „пустое сердце бьется ровно“...

Анатолій Павловъ.

Рапортъ начальника штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генераль-адъютанту и кавалеру Граббе отъ 18 Августа 1841 года № 1391, г. Тифлисъ *).

Государь Императоръ, замѣтивъ въ представленіи корпуснаго командира отъ 5 минувшаго Марта № 458 съ ходатайствомъ о наградахъ, что переведенный 13 Апрѣля 1840 года за проступокъ лейб-гвардіи изъ Гусарскаго полка въ Тенгинскій пѣхотный полкъ поручикъ Лермантовъ при своемъ полку не находился, но былъ употребленъ въ Чеченской экспедиціи съ особо порученною ему казачьею командою, повелѣтъ соизволилъ сообщить г. корпусному командиру о подтвержденіи, дабы поручикъ Лермантовъ непременно состоялъ на лицо во фронтѣ и чтобы начальство отнюдь не осмѣливалось ни подъ какимъ предлогомъ удалять его отъ фронтовой службы въ своемъ полку. () таковой Монаршей волѣ, сообщенной его высокопревосходительству г. дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества отъ 30 прошлаго Іюня № 4859, по порученію г. корпуснаго командира, имѣю честь донести вашему превосходительству къ зависящему исполненію.

Генераль-маіоръ Коцебу.

*

На долгомъ вѣку моемъ встрѣчался я со многими людьми, которые близко знали Лермонтова. Покойная княгиня Е. А. Долгорукая, женщина отличнаго образованія и душезнанія, передавала мнѣ, что Лермонтовъ въ запросахъ своихъ былъ много выше и глубже Пушкина. Но какая же разница въ отзывкахъ, которые намъ случалось слышать о Лермонтовѣ и Пушкинѣ; хотя и сей послѣдній бывалъ обидчикомъ, но это ему прощалось, и память о немъ согрѣта благодарною любовію. Къ Лермонтову уже относились болѣе и менѣе съ холоднымъ сожалѣніемъ. Неуживчивый нравъ его образовался не столько подъ воздѣйствіемъ печальнаго внутренняго состоянія, въ которомъ тогда находилась Россія, но по его обстоятельствамъ личнымъ. Для бабушки своей былъ онъ единственнымъ внукомъ, сыномъ единственной ея, скончавшейся въ родахъ, дочери. По свидѣтельству Сперанскаго, она покупала у зятя право не отпускать отъ себя внука, и отецъ Лермонтова, Задонскій помѣщикъ, человекъ добрый (по словамъ сосѣда И. А. Викулина) могъ лишь изрѣдка навѣщать сына. Геніальная душа ребенка съ самаго младенчества была расщеплена между отцомъ и бабушкою. Императоръ Николай Павловичъ могъ и не знать стиховъ Лермонтова. Но къ нему часто доходили слухи городскіе и донесенія нижнихъ, о затѣйливыхъ шалостяхъ молодого гвардейца, о томъ, что даже въ общественныхъ собраніяхъ

*) Центральный Владикавказскій Архивъ, по исторической описи, дѣло № 13362.

онъ позволялъ себѣ дерзкое обращеніе съ дѣвицами, и Государь, точно также, какъ узнавъ о поѣздкѣ Пушкина въ 1829 году на Кавказъ, воскликнулъ: „кто позволилъ, вѣдь армія моя!“ такъ и по отношенію къ Лермонтову смутилъ онъ своимъ замѣчаніемъ начальника Кавказскаго отдѣльнаго корпуса П. Х. Граббе, который самъ, конечно, зачитывался стихами Лермонтова.

Лѣтомъ 1841 года на свадьбу Наслѣдника престола собралась въ Петергофъ вся царская семья. Во второй половинѣ Іюля, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, Государь, по окончаніи литургіи, войдя во внутренніе покои дворца кушать чай со своими, громко сказалъ: „получено извѣстіе, что Лермонтовъ убить на поединкѣ,—собакѣ собачья смерть!“ Сидѣвшая за чаемъ великая княгиня Марія Павловна Веймарская, эта жемчужина семьи (*la perle de la famille*, какъ называлъ ее графъ С. Р. Воронцовъ) вспыхнула и отнеслась къ этимъ словамъ съ горькимъ укоромъ. Государь внялъ сестрѣ своей (на десять лѣтъ его старше) и пошедши назадъ въ комнату передъ церковью, гдѣ еще оставались бывшія у богослуженія лица, сказалъ: „господа, получено извѣстіе, что тотъ, кто могъ замѣнить намъ Пушкина, убить“.

Слышано отъ княгини М. В. Воронцовой, которая въ то время была еще замужемъ за близкимъ родственникомъ Лермонтова, А. Г. Столыпинимъ. П. Б.

Замѣтка объ Е. И. Поповой.

Въ ревизскихъ сказкахъ, въ „Матеріалахъ для исторіи Московскаго купечества“, означено, что въ 1811 г. Е. И. Поповой было 10 лѣтъ; слѣд. она родилась въ 1801 г. Поповы числились Московскими купцами Хамовой (Хамовнической) Слободы. Родоначальникъ ихъ, Никита Леонтьевичъ Поповъ, родившійся въ первой четверти XVIII вѣка, былъ подкидышъ и воспитывался у „попа“ церкви Сергія Чудотворца въ Ямской Рогожской слободѣ, впоследствии „разстриги“, Михаила Степанова. Вотъ отчего и получили они свое прозвище. Отецъ Елисаветы Ивановны, Иванъ Васильевичъ, 3 гильдіи купецъ, родился въ 1774 г., скончался въ 1839 г. Въ 1811 г. онъ жилъ въ приходѣ Николая Чудотворца въ Новой слободѣ Суцевской части, въ своемъ домѣ. Сынъ его Александръ Ивановичъ показанъ въ 1834 г. чиновникомъ 10-го класса.

Николай Чулковъ.

ся заступалъ мѣсто прогнаннаго бурю революціи Метерниха, но лишь на короткое время, такъ какъ въ Вѣнѣ не прощали ему добраго его расположенія къ Россіи.

Если письма граф. Дарьи Ѳедоровны отлично умны и занимательны, то на много ихъ превосходятъ въ своемъ значеніи и внутренней цѣнности письма ея супруга. Графъ Фикельмонъ (1777—1857) былъ стариннаго Бельгійскаго рода, и его предки служили Габсбургамъ, когда еще тѣ владѣли Нидерландами. Въ немъ не было ни Нѣмецкой тяжеловѣсности, ни себѣнаумѣлаго Французскаго легкомыслія. Подобно графу С. Р. Воронцову, считалъ онъ, что лукавство вовсе не надежное орудіе дипломата, который больше выиграетъ въ дѣлахъ своихъ, коль скоро успѣетъ снискать уваженіе въ обществѣ качествами ума и сердца своего. Фикельмона полюбили въ Петербургѣ, и мы увѣрены, что Пушкинъ, обворожавшій его супругу, находилъ большое удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ, человѣкомъ многостороннимъ и даровитымъ. Нѣкогда онъ былъ воинъ и участвовалъ доблестно въ двѣнадцати походахъ. Александръ Павловичъ и Елисавета Алексѣевна съ нимъ покумилась, а Николай Павловичъ до того къ нему расположился, что пожаловалъ ему орденъ Андрея Первозваннаго. Въ глазахъ Николая Павловича, молодость котораго протекла подъ громомъ Наполеоновыхъ побѣдъ, Фикельмонъ былъ представителемъ славнаго времени; а для Государя нашего, къ сожалѣнію, гениальный Корсиканецъ дотога послужилъ идеаломъ Самодержца, что онъ допустилъ въ себѣ господствовать мысли о цезарствѣ, имѣющемъ мало общаго съ народнымъ самодержавіемъ. Когда Фикельмонъ кончилъ свое посланничество въ Петербургѣ, Николай Павловичъ велъ черезъ него, при посредствѣ его

свояченицы, жившей въ Зимнемъ дворцѣ, и сестры ея, развѣдки о томъ, не было ли возможнымъ выдать великую княжну Ольгу Николаевну за одного изъ Австрійскихъ принцевъ: двое изъ нихъ пріѣзжали въ Петербургъ и влюбились въ нашу красавицу; католичество явилось помѣхою, и только въ 1846 году великая княжна (влюбленная въ князя Барятинскаго) должна была выдти за наслѣднаго принца Виртембергскаго.

Честная воздержность мысли была отличительнымъ качествомъ графа Фикельмона. Погромъ Вѣны въ 1848 году приписываетъ онъ Полякамъ, а относительно Польши былъ одного мнѣнія съ Карамзинымъ. Его отзывы о Россіи и объ ея дѣлахъ, какъ напр. о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ, по истинѣ достопримѣчательны. Изъ писемъ его слѣдовало бы извлечь и перевести все до насъ касающееся. Онъ въ тоже время и политическій писатель. Къ его изумленію, одно его сочиненіе о Русской политикѣ не было пропущено нашею цензурою; позднѣе оказалось, что этотъ запретъ восслѣдовалъ изъ за нѣсколькихъ строкъ о Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ, котораго Фикельмонъ рѣшительно называлъ настоящимъ виновникомъ Польскаго мятежа 1831 года.

Письмами графини Дарьи Ѳедоровны наминаются намъ какъ ея славный дѣдъ, такъ и его противникъ графъ Раstopчинъ. Великая между ними разница! Намъ случалось видѣть сына и потомковъ сего послѣдняго почти что въ нищетѣ, тогда какъ дочери, внуки и правнуки Кутузова доселѣ благоденствуютъ, что и немудрено, такъ какъ Александръ Павловичъ пожаловалъ князю Кутузову вѣчную стотысячную пенсію, и ее доселѣ дѣлятъ между собою всѣ происходящіе отъ великаго человѣка.

П. Б.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“. Въ Петербургѣ (Невскій, 40) на Вознесенскомъ пр., д. 36. (На Васильевскомъ островѣ) Большой пр., д. 69.А. въ Парижѣ (Бульваръ Св. Магдалины).

О продажѣ преннихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» распроданы, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ, и приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

Полный 1884 годъ продается по три рубля.

Годы: 1889, 1890, 1894, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, по 7 рублей за каждый годъ.

Годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

10.

Стр.

161. Стряпчій и дворецкій фельдмаршала графа Шереметева. Прошеніе къ Петру Великому. Прошеніе графини А. П. Шереметевой Императору Петру Второму. Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.
167. Къ біографіи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Н. Барсова.
191. Изъ Записокъ сенатора К. Н. Лебедева. 1868-й годъ.
218. Е. М. Хитрово.
225. Духовъ день 1862 года въ Пет.рбургѣ. М. Бардановой.
233. Письмо аббата Николая къ воспитанникамъ Ришельевского Лицея.
235. Письмо князя А. Н. Голицына къ В. А. Жуковскому.
236. Святитель Юсафъ Горленко.
243. Приношеніе князя Потемкина въ Успенскій соборъ въ Москвѣ. Григорія Александрова.
244. Бестужевъ-Марлинскій. Письмо съ Кавказа.
249. Очерки Терской старины. Побѣги въ горы. (Исторія одной раскольничьей обители у Шамиля)—1849—1859. Федора Чернозубова.
262. Къ исторіи Черемшанскихъ скитовъ. П. Л. Юдина.
267. Изъ воспоминаній Н. А. Малевскаго-Малевича. Сельцо Лукьяново.
289. Изъ Записной Книжки Н. А. Муханова. 1832 г. Поездка въ Астрахань.
298. И. Н. Снобелевъ. Слово къ воспитанникамъ изъ бродягъ.
304. Письмо Д. Д. Куруты о кончинѣ княгини Ловичъ.
305. Шуточная передѣлка оды Ломоносова.
308. О вespоданнѣвшихъ отчетахъ (1858).
310. Изъ Записной книжки „Русскаго Архива.“
316. Петръ Великій боярину Ё. П. Шереметеву.
317. Челобитная Персіянина Петру Великому.
319. Петръ Великій въ Данцигской церкви.
Внутри обложки: о присланныхъ въ „Русскій Архивъ“ книгахъ.

Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1912 г.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

Книги, любезно доставленныя «Русскому Архиву» въ Августѣ и Сентябрьѣ мѣсяцахъ 1911 года.

Императорскій Русскій Историческій Музей имени Императора Александра III. Каталогъ книгъ Библіотеки Алексѣя Петровича Бахрушина, Выпускъ I. М. 1911 г. Больш. 8°. 2 нн. и 190 стр.

Перечислены книги до буквы I включительно. Изданіе роскошное, приложены портретъ собирателя и видъ библіотеки въ домѣ его на Воронцовомъ полѣ въ Москвѣ. Число книгъ простирается до 25000. Онѣ по духовному завѣщанію переданы въ Россійскій Историческій Музей имени Александра III, вмѣстѣ съ картинами, бронзою, фарфоромъ. Вдова собирателя печатаетъ этотъ каталогъ на свой счетъ.

Въ послѣднее двадцатипятилѣтіе нѣсколько лицъ изъ Московскаго купеческаго общества не жалѣютъ своего достатка на пріобрѣтеніе книжныхъ и другихъ рѣдкостей и на обращеніе ихъ въ общественную пользу. Но купецъ—ловецъ. Немало сохранилось рассказовъ о томъ, какими способами А. П. Бахрушинъ пріобрѣталъ свои рѣдкости.

Извѣстія Общества Толстовскаго Музея. №1. Іюль 1911 г. Цѣна 50 коп. Спб. 1911 г. Бол. 8°. 100 и 26 стр.

Современное намъ общество грѣшитъ противъ заповѣди: «не сотвори себѣ кумира.» Тратятся нынѣ сотни тысячъ на воздвиженіе памятниковъ, даже вопреки вполне заявленной волѣ тѣхъ, кому они посвящены. Русскому чувству претитъ замышленіе ставить на площадяхъ статуи людей святыхъ, какъ напримѣръ патріарха Гермогена. Когда заключался Польшовскій миръ съ Польшею, паны предлагали нашимъ уполномоченнымъ поставить памятники королю Владиславу и царю

Михаилу Ѳедоровичу; наши отвергли это предложеніе, и Посольскій Приказъ въ Москвѣ одобрилъ ихъ. Вообще же у насъ слишкомъ рано предвосхищается судъ потомства, и поклонники своею хвалою роняютъ предметъ поклоненія.

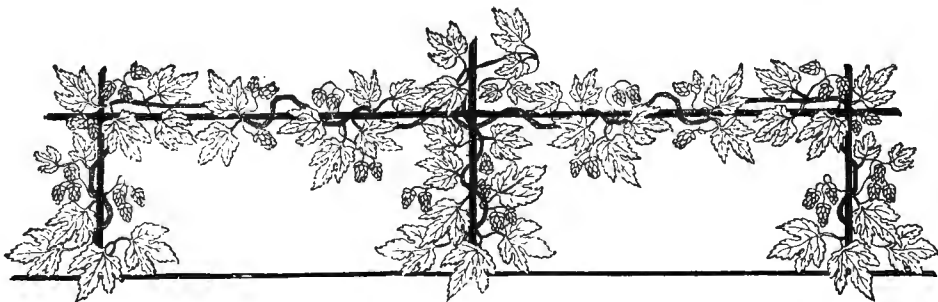
Такъ и кумиролуженіе графу Льву Николаевичу Толстому доходитъ почти до смѣшного. Оно напоминаетъ про очѣски волосъ и обрѣзки ногтей Кондратія Селиванова у нашихъ Скопцовъ-Духоборовъ; но тѣ не берутъ денегъ за поглядѣнье. Первая книжка Извѣстій Общества Толстовскаго Музея снабжена прекрасными рисунками. Для читателей она могла бы быть любопытна письмами гр. Толстого, но тутъ одна дребедень. Мѣтко выразился про этихъ людей одинъ простолудинъ: «Осердясь на вши, шубу въ печь.»

С. Н. Кологривовъ.

Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в. Спб. 1911 г. Больш. 8° 160 стр.

Это подлинныя бумаги изъ Архива Оружейной Палаты, наглядно изображающія намъ пріемы и отпуски иностранцевъ при нашемъ дворѣ съ исчисленіемъ подарковъ. Вполнѣ одобряемъ автора за то, что онъ не держался правописанія подлинниковъ, которое обыкновенно затрудняетъ только чтеніе и имѣетъ цѣну при изданіи болѣе древнихъ памятниковъ нашей письменности.

Путешествіе въ Сѣверныя страны, со многими рисунками. Де-Ламантиньера. Переводъ и примѣчанія В. Н. Семенковича, инженеръ-механика и ученаго археолога. Переводъ и печатаніе исполнены подъ наблюденіемъ С. К. Кузнецова, М. 1911 г. Больш. 8°. 16 и 229 стр. Съ рисунками въ текстѣ. Посвящено «Дорогому наставнику Стефану Кировичу Кузнецову».

Стряпчій и дворецкій фельдмаршала графа Шереметева.

(Моск. Архивъ М. Ю. Книга Пр. Сената № 3—1346, л. 1061—1114. Выборка.)

Прошение къ Петру Великому.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ и самодержецъ Всероссийскій Петръ Великій, отецъ отечества, Государь всемплоствѣйшій!

Въ прошлыхъ годѣхъ былъ я Ярославскаго уѣзду дворцовой Юхотской волости села Новаго уроженецъ, и изъ той волости (до отдачи блаженнаго памяти фельдмаршалу¹⁾ и кавалеру графу Борису Петровичу Шереметеву) за многіе годы взятъ я къ Москвѣ и опредѣленъ былъ у дѣлъ подьячимъ въ Приказѣ Большого Дворца. И въ прошломъ 1706 году, по отдачѣ той волости, взятъ я въ армію къ нему фельдмаршалу и былъ въ походной военной канцеляріи съ полгода, и въ 1706 году по принужденію жъ прислалъ меня къ дѣламъ своимъ вотчиннымъ и домовымъ въ Москву. И былъ я у оныхъ дѣлъ многіе годы стряпчимъ и дворецкимъ по 1718 годъ, а въ отказныхъ книгахъ за нимъ фельдмаршаломъ не написанъ.

¹⁾ Знаменитый фельдмаршалъ скончался 17 Февраля 1719 года, 67 лѣтъ отъ роду. Овдовѣвъ въ 1703 году, онъ вторично женился на Аннѣ Петровнѣ Салтыковой (р. 1677 г.) молодой вдовѣ роднаго дяди Петра Великаго, Льва Кириловича Нарышкина, отъ которой послѣдняя изъ трехъ его дочерей, княжна Екатерина Борисовна Урусова, родилась всего за три мѣсяца до его кончины. Биографическія показанія о фельдмаршалѣ не ясны. Годъ рожденія второй его супруги означенъ въ Родосл. Книг. князя Долгорукова и въ „Родословной Шереметевыхъ“, составленной А. П. Барсуковымъ—1770, тогда какъ покойный знатокъ дѣла М. П. Лонгиновъ, въ моемъ экземплярѣ книги князя Долгорукова поправилъ: 1777. Оно и вѣроятнѣе. Неужели фельдмаршалъ, имѣя женатаго уже сына, участника въ его подвигахъ, вторично женился въ самый годъ кончины первой своей супруги? П. Б.

И послѣ смерти фельдмаршаловой въ домѣ быть я не пожелалъ, того ради что онъ фельдмаршалъ въ духовной своей написалъ: по смерти дому его людей крѣпостныхъ и некрѣпостныхъ и полонныхъ¹⁾ и взятыхъ изъ вотчинъ во дворъ крестьянскихъ дѣтей учинить свободными и въ неволю не удерживать.

И въ прошломъ 1719 году 1 Декабря по полуночи пріѣхалъ ко двору, на которомъ я жилъ, полуполковникъ Яковъ Петровъ сынъ Щербаковъ, который бѣжалъ съ службы и жилъ во укрывательствѣ многіе годы, того ради, что онъ приличенъ былъ по дѣлу Рожнова²⁾, и съ Москвы съѣхалъ и нынѣ живетъ на Украинѣ въ Черкасскихъ городѣхъ. И какъ я на дворъ и въ хоромы пустилъ его Щербакова, и за нимъ пріѣхали вскорѣ Александръ да Михайла Петровы дѣти Салтыковы³⁾ съ людьми своими многолюдствомъ и, бивъ меня и жену мою безвинно, увезли въ однѣхъ рубахахъ и босыхъ: меня подъ Марьину рощу⁴⁾, а жену мою къ Спасу на Ново на загородные свои дворы, и били смертнымъ боемъ.

Я въ то число сказалъ за собою слово и дѣло. И держали меня у себя сутки, и того жъ Декабря 2 числа въ другомъ часу ночи привезли меня въ Земскую канцелярію, и распрашиванъ противъ челобитья ея фельдмаршаловой⁵⁾, въ ночи, безъ судей, будто въ непокорствѣ и въ непослушаніи и въ противности. И по распросу моему онаго ничего не явилось, и на меня подано второе челобитье отъ нея госпожи, будто покрадены парчи и прочее. А по смѣнѣ моей изъ дворчества на рукахъ у меня ничего не бывало, а какъ я смѣненъ изъ дворчества, при немъ фельдмаршалъ въ 1718 году человекомъ ихъ Герасимомъ Костровымъ, и Казенную палату и всякія крѣпости принялъ онъ Костровъ съ стряпчимъ Васильемъ Орловымъ по записнымъ книгамъ все въ цѣлости, которая записная книга въ крѣпостяхъ за рукою его фельдмаршаловою, а казенная книга—за рукою прежде бывшаго дворецкаго Михаила Сафьянова и за моею рукою, и та казенная палата была на рукахъ и за печатью отъ казначея Григорья Мастофы, и то все по записной книгѣ принялъ онъ Костровъ у него казначея.

И изъ той земской канцеляріи взять я въ канцелярію Московскаго Надворнаго Суда, и по взятіи объявленъ миѣ вторичный Вашего Им-

1) Родной внукъ фельдмаршала женился на дочери одного изъ этихъ людей. П. Б.

2) Какое это дѣло, не знаемъ. П. Б.

3) Братья супруги фельдмаршала? П. Б.

4) Гдѣ нынѣ Останкино. П. Б.

5) Вторая вдова фельдмаршала отличалась отличною хозяйственностью, какъ то изображено въ статьѣ праправнука ея графа С. Д. Шереметева. П. Б.

ператорскаго Величества интересъ¹⁾). А съ прежнимъ интересомъ объявлено именно: взято изъ военной походной канцеляріи, которая при немъ фельдмаршалѣ обрѣталась, да отъ провіантскихъ дѣлъ въ бытность подѣ Ригю, да на Турецкой акціи отъ посольской походной канцеляріи, итого больше 20,000 рублей, да военныхъ припасовъ 4 пушки да 1 мортиръ мѣдные, 200 фузей. А каковымъ способомъ оное брано и въ которыхъ годѣхъ, о томъ показано допросами моими именно, и того интересу и по се число ничего не изслѣдовано, тому четвертый годъ. А которые люди въ вѣдомствѣ того интереса надлежало допросить, не сысканы и не допрашиваны и понынѣ. И безъ допросовъ тѣхъ людей послана съ того дѣла копія въ Санктъ Петербургъ въ Главную Военную Коллегію для изслѣдованія. А оный показанный интересъ не одной походной военной канцеляріи, что была при немъ фельдмаршалѣ, которая нынѣ сообщена къ Военной Главной Коллегіи, и въ той коллегіи другой интересъ и невѣдомъ, и потому дѣлу безъ допросовъ тѣхъ людей и меня нижайшаго изслѣдовать невозможно. И та посланная съ дѣла копія во оной Коллегіи содержится больше дву годовъ, и ничего не отвѣтствовано и, не допрося тѣхъ людей, той съ дѣла копіи и посылать было не подлежало, того ради что тотъ интересъ разныхъ канцелярій, а по допросамъ и по уликамъ моимъ были бѣ избличены, а справкою заключились и продолжились многое время напрасно.

А я нижайшій по тому дѣлу, сидя подѣ карауломъ, напрасно помираю голодомъ же; а жена моя, по приказу ея госпожи и свободные мои люди два человекѣ разлучены напрасно и развезены: жена моя въ Рязской деревнѣ, а люди въ Ржевской вотчинѣ, и содержатся скованы.

Всемилоствѣйшій государь! Вели, государь, по тому интересному и вершеному дѣлу и по пунктамъ рѣшеніе учинить, для того что по тѣмъ моимъ прошеніямъ въ Юстиць-Коллегіи и Надворномъ Судѣ чрезъ такое многое время указу не учинено, а для объявленія Вашему Величеству 722 года въ Августѣ мѣсяца съ доносителемъ подъячимъ Петромъ Мироновымъ, который посланъ изъ Сената въ походъ, послано отъ меня доношеніе и таковы пункты, каковы при семъ доношеніи, и знатно, что отъ него Петра Вашему Величеству не объявлены.

Того ради Вашему Высочеству объявляю вторично, чтобъ оное было не упущено, а жену бѣ мою и свободныхъ людей отъ ней гос-

¹⁾ Такъ названы казенныя деньги, находившіяся въ распоряженіи у фельдмаршала. П. Б.

пожи изъ вотчинъ взять, чтобъ гладомъ и напрасно поморены не были, а пожитки мои распечатать и отдать мнѣ нижайшему Вашего Императорскаго Величества. Нижайшій рабъ Акимъ Ѳедоровъ сынъ Булатовъ. 1722 г. Декабря 19.

Копія въ фискальскимъ дѣламъ съ прошенія Акима Булатова.

Въ прошломъ 719 и 720 годахъ объявлено мною Вашему Императорскому Величеству похищеніе денежныхъ казны до 20000 руб. и больше, да о пушкахъ и объ одномъ мортирѣ мѣдныхъ и о фузаяхъ. И о томъ похищеніи свѣдомы бывшаго фельдмаршала Бориса Петровича походной военной канцеляріи секретари и копейсты и дому жъ его служители и именами показаны. Въ 1720 г. въ Октябрѣ мѣсяцѣ поданы мною въ Московскій Надворный Судъ пункты, а въ нихъ написано о земляномъ городѣ и о многихъ другихъ денежныхъ государственныхъ сборахъ, о чемъ значить въ тѣхъ пунктахъ. Просить дѣло изслѣдовать.

У рекетмейстерскихъ дѣлъ выписано. 1724 г. Мая 31 дня отъ двора Его Императорскаго Величества Преображенскаго полка первой роты солдатъ Посниковъ привелъ доносителя; а сказалъ, что сего Мая 31 дня послалъ его съ тѣмъ доносителемъ съ караула того полка поручикъ Семень Кишкинъ и словесно приказалъ сказать генералу-рекетмейстеру г-ну Павлову Его Императорскаго Величества указъ, чтобъ такіе доносители и челобитчики Его Величеству впредь доношеній и челобитень подавать не дерзали, потому что отъ оныхъ Его Величество покою себѣ не имѣеть, а принимать бы оныя доношенія ему генераль-рекетмейстеру.

И оный приводный человекъ передъ рекетмейстеромъ допрашиванъ. А въ допросѣ сказалъ: Якимомъ его зовутъ Ѳедоровъ сынъ Булатовъ. Сидѣлъ онъ въ Приказѣ Большаго Дворца въ подъячихъ и изъ того приказа посланъ въ армию и былъ въ служеніи при бывшемъ генераль-фельдмаршалѣ графѣ Шереметевѣ. А въ прошломъ 1719 году, по челобитью графини Анны Петровны Шереметевой, будто къ ней въ противностяхъ и въ непослушаніи, сидѣлъ въ Московскомъ Надворномъ Судѣ подъ карауломъ пять лѣтъ, по которому дѣлу за показаннымъ отъ него Булатова интересомъ и понынѣ въ томъ судѣ указу никакого не учинено и въ томъ интересѣ не слѣдовано. И того Мая 31 дня, уприсясь того Надворнаго Суда у караульнаго капрала Васильева въ городъ для покупки харчу, пошелъ прямо во дворецъ въ Лафертово и подаль о всемъ два доношенія да челобитную карауль-

ному офицеру Семену Кишкину, и оный Кишкинъ, принявъ тѣ доношенія и челобитную, докладывалъ о томъ Его Императорскому Величеству, и Его Величество оныхъ доношеній и челобитную принять не изволилъ, а указалъ его Булатова отвезть къ кабинетъ-секретарю Макарову, и его Макарова нигдѣ не получили. И оный поручикъ Кишкинъ приказалъ его Булатова отвести къ генералъ-рекетмейстеру, а о запретительныхъ указахъ, чтобъ Его Величеству самому не бить челомъ, онъ Булатовъ вѣдалъ, а пришелъ подавать для того, что ему Булатову многіе годы свободы не учинено.

Прошеніе графини А. П. Шереметевой Императору Петру Второму.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій Государь Императоръ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій!

Въ прошломъ, государь, 719 году по челобитью моему, нижеименованный приведенъ въ канцелярію земскихъ дѣлъ человѣкъ нашъ крѣпостной, крестьянскій сынъ Якимъ Булатовъ, который вѣдалъ все домовье и вотчинное управленіе. И оный Булатовъ въ домѣ нашемъ и вотчинахъ учинилъ немалое раззореніе и похищеніе въ крѣпостяхъ и во всякихъ письмахъ и пожиткахъ нашихъ; также въ бытность его въ дому управленія нашего явилось многое число бѣглыхъ крестьянъ, отъ чего чинятся немалые убытки и раззоренія. Который человѣкъ мой Булатовъ въ канцеляріи земскихъ дѣлъ и съ распросу и съ пытки во многомъ своемъ похищеніи въ домѣ нашемъ и въ воровствахъ винился, а другія воровства скрылъ за собою. И понынь оный Булатовъ содержится въ Высокомъ Сенатѣ. А по свидѣтельству мужска полу душъ написанъ съ прочими моими служителями въ подушный окладъ и положенъ за мною въ Коломенскихъ моихъ вотчинахъ, въ селѣ Мещериновѣ, и подушный окладъ и въ рекрутную отдачу и прочее за него Булатова плачу.

Всемилоствѣйшій Государь! прошу онаго человѣка моего Якима Булатова отдать по прежнему ко мнѣ въ домъ, для того что нынѣ, по милосердному Вашего Императорскаго Величества указу, таковыхъ виновныхъ въ каторжную работу ссылатъ не велѣно. Вашего Императорскаго Величества нижайшая раба фельдмаршалова Анна Петровна дочь графиня Шереметева. 1728 года Мая дня. Къ поданію надлежитъ въ Высокій Сенатъ. Челобитную писалъ ея подъячій домовыхъ дѣлъ Михайло Березинъ. Къ сему прошенію служитель ея Федоръ Дементьевъ Звѣревъ руку приложилъ.

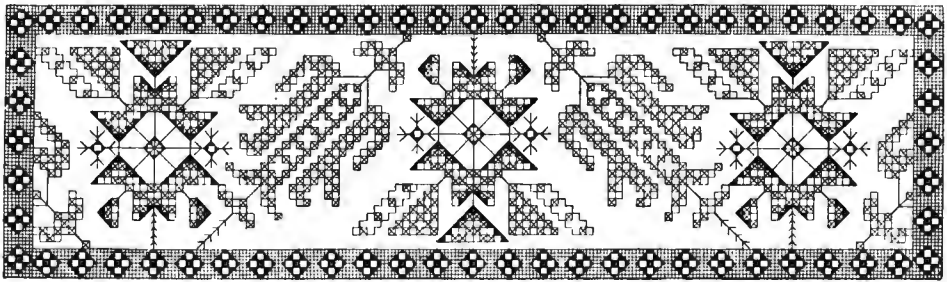
По указу Его Императорскаго Величества Высокій Сенать, слушавъ выписки противъ челобитень фельдмаршала графа Шереметева жены объ отдачѣ ея человекѣ Якимѣ Булатова по крѣпостямъ, а оный Булатовъ челобитьемъ своимъ показываетъ, чтобъ по дѣлу его изслѣдовать и отъ дому ея быть свободну. А справками показано Московской губернской канцеляріи въ явочномъ челобитьѣ генераль-фельдмаршала графа Шереметева, что оный Булатовъ крѣпостной его крестьянскій сынъ и вѣдалъ домъ его и вотчины и своровалъ и принесъ ему въ томъ повинную, что чего украсть, и на тѣ деньги покупалъ дворы и чтобъ на тѣ дворы дать ему данныя. И въ томъ же году по челобитью же графини Шереметевой оный Булатовъ въ противностяхъ взять въ бывший Земскій приказъ и пытанъ, а съ пытки въ кражѣ денегъ винился и на фельдмаршала показалъ въ томъ же 1719 году послѣ его смерти при спросѣ похищеніе казенныхъ денегъ и о прочемъ, какъ онъ фельдмаршалъ былъ въ арміи, и по тому его доносу о томъ не изслѣдовано и въ окончаніе не приведено, изъ канцеляріи отъ свидѣтельства душъ, что оный Булатовъ отъ дому графини Шереметевой въ сказкѣ показанъ крестьянскимъ сыномъ и въ подушной окладѣ написанъ.

Приказали. По силѣ Уложенья, означенному Булатову, учиня наказаніе, отдать помѣщицѣ его госпожѣ графинѣ Шереметевой, а ежели въ домъ его не примутъ, сослать его въ Сибирь на горные заводы. А что онъ показывалъ при распросѣ своемъ на покойнаго генераль-фельдмаршала похищеніе казны, и того нынѣ слѣдовать и въ томъ ему вѣрить не надлежитъ; понеже онъ Булатовъ винился у фельдмаршала въ кражѣ денегъ до того доносу, и то похищеніе показалъ по смерти его фельдмаршаловой, и то дѣло не изслѣдовано, и показывалъ то похищеніе до 1721 года, которыя дѣла по вышеписанному 725 года отставлены. И о томъ въ Московскую губернскую канцелярію послать указъ.

Подлинный за подписаніемъ Высокаго Сената слушанъ и подписанъ 21 Августа 1728 г. По сему протоколу въ Московскую губернію указъ и при томъ оный Булатовъ посланы Августа 28 дня 1728 года.

(Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ).

Къ біографіи Иннокентія, архієпископа Херсонскаго и Таврическаго.

(По письмамъ къ нему разныхъ лицъ).

Князь А. Н. Голицынъ.—С. Д. Нечаевъ.—Графъ Н. А. Протасовъ.—А. И. Карасевскій.—
Графъ А. П. Толстой.—Графы С. С. и А. С. Уваровы.—Графъ П. Д. Киселевъ.—Графы
В. и Л. А. Перовскіе.—А. С. Норовъ.—Князь М. С. Воронцовъ.

Обозрѣніе писемъ къ Иннокентію разныхъ знаменитостей его времени можетъ быть начато съ писемъ князя А. Н. Голицына. Это былъ самый ранній изъ знакомыхъ Иннокентія между сановниками государства. „Заслуженный государственный мужъ“, какъ называлъ нерѣдко Иннокентій кн. Голицына, въ то время когда начиналась знаменитость іерарха и затѣмъ когда онъ былъ уже ректоромъ и профессоромъ Кіевской Академіи, отдыхалъ отъ своихъ трудовъ совмѣстнаго управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, въ тиши почти отшельническаго уединенія, на Югѣ Россіи, гдѣ и скончался (погребенъ въ Георгіевскомъ монастырѣ, близъ Балаклавы). По своему прежнему административному положенію и по своему складу мыслей, какъ человѣкъ глубоко религіозный, хотя и не всегда строго-православный, кн. Голицынъ интересовался литературною и профессорскою дѣятельностію Иннокентія, когда „новое свѣтило едва восходило на горизонтѣ Русской Церкви“, т. е. когда Иннокентій находился еще въ С.-Петербургѣ. Съ своей стороны Иннокентій читилъ его благочестіе, забывалъ его временныя и случайныя мистическія заблужденія, равно какъ административныя промахи, и каждый разъ по выходѣ въ свѣтъ какого-либо изъ своихъ сочиненій посылалъ ему по экземпляру оныхъ при почтительномъ письмѣ, а въ 1839 году послалъ и экземпляръ изданныхъ имъ „Опытовъ студентовъ Кіевской Духовной Академіи“. Изъ отвѣтныхъ писемъ къ Иннокентію кн.

Голицына сохранилось въ бумагахъ Иннокентія всего пять, начиная съ 13 Декабря 1834 года и оканчивая 17-мъ Августа 1839 года. Благодаря въ нихъ за эти „драгоцѣнные дары“, въ которыхъ „возвышенность мыслей и красота слога вполнѣ соотвѣтствуютъ изяществу предмета“, „въ которыхъ изліянія сердца, проникающаго таинственнымъ величіемъ свѣтозарнаго дня Воскресенія Христова и постигшаго въ собственной глубинѣ своей всѣ тѣ ощущенія, коими наполнялись сердца апостоловъ и всѣхъ вѣровавшихъ въ Искупителя“, князь отказывается признать себя „стоящимъ на той ступени заслугъ“, каковыя Иннокентій въ своихъ письмахъ къ нему приписывалъ ему, и желаетъ проповѣднику взаимно „даровъ свѣта и благодати, въ пищу ума и сердца и въ пользу многихъ ввѣренныхъ его руководству въ высокой и спасительной наукѣ христіанства“. Относительно „Опытовъ студентовъ Кіевской Академіи“, кн. Голицынъ замѣчаетъ, что „оныя свидѣтельствуютъ о попечительности, съ которою умы ихъ и сердца направлены къ совершенствованію на поприщѣ духовнаго просвѣщенія“.

*

Отъ князя П. С. Мещерскаго, наслѣдовавшаго на непродолжительное время управленіе духовнымъ вѣдомствомъ послѣ кн. Голицына, намъ не извѣстно писемъ къ Иннокентію, хотя уже въ его время онъ ректорствовалъ въ Кіевѣ; вѣроятно Иннокентій вовсе не имѣлъ письменныхъ сношеній съ нимъ, можетъ быть потому, что кн. Мещерскій былъ горячій сторонникъ и открытый защитникъ протоіерея Г. П. Павскаго въ спорѣ его съ митрополитомъ Филаретомъ Московскимъ по поводу уроковъ Павскаго Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. Иннокентій по отъѣздѣ въ Кіевъ прекратилъ дружескія отношенія къ Павскому, имѣвшія мѣсто во время пребыванія Иннокентія въ С.-Петербургѣ, когда ихъ обоихъ считали „теологами“, а позже, въ дѣлѣ о переводѣ Павскимъ Библии съ Еврейскаго на Русскій языкъ, Иннокентій и открыто принялъ сторону его противниковъ¹⁾.

*

Большаго вниманія заслуживаютъ сношенія Иннокентія съ оберъ-прокуроромъ С. Д. Нечаевымъ. Сношенія эти начались ранѣе 1831 года. Письмо Нечаева отъ Генваря этого года уже содержитъ въ себѣ его благодарность Иннокентію за дружеское воспоминаніе о немъ. Затѣмъ въ этомъ письмѣ Нечаевъ пишетъ: „Зная истинную цѣну вашимъ качествамъ, уважая полезныя ваши намѣренія, я весьма буду радъ всемѣрно содѣйствовать мѣрамъ вашимъ къ улучшенію ввѣреннаго вамъ учрежденія (Кіевской Академіи). Дѣло о квартирныхъ деньгахъ²⁾ давно

¹⁾ См. объ этомъ въ нашей біографіи Павскаго, въ „Русской Старинѣ“ за 1880 г.

²⁾ Вѣроятно для служащихъ въ Академіи.

уже рѣшено. По возвращеніи Московскаго и Рязанскаго преосвященныхъ¹⁾ займемся и новыми штатами. Жалованье учащихъ конечно будетъ увеличено. Между тѣмъ Коммисія Духовныхъ училищъ не затруднится разрѣшить покупку новыхъ книгъ для Кіевской Академіи, имѣющей, какъ мнѣ помнится, довольно и собственныхъ способовъ на удовлетвореніе сей необходимости. Я не забуду предложить при случаѣ и о готовности тамошнихъ ученыхъ трудиться на пользу просвѣщенія. Но въ замѣнъ прошу васъ помочь мнѣ совѣтами на счетъ перемѣнъ необходимыхъ, по мнѣнію вашему, въ устройствѣ духовныхъ училищъ вообще. Ваша опытность и свѣдѣнія привели васъ ко многимъ вѣрнымъ заключеніямъ, а довѣренность моя къ вамъ имѣетъ нѣкоторое право на вашу откровенность. Окончиваю сердечными желаніями, да исхититъ всѣхъ васъ рука Господня изъ когтей холеры физической и нравственной, объемлющей вашъ край съ Востока, Юга и Запада. Ожидайте спасенія отъ Сѣвера, бодрствуйте“.

Слѣдующее затѣмъ письмо Нечаева писано неравнѣ, какъ 9 Января 1833 г. Здѣсь оберъ-прокуроръ пишетъ: „При множествѣ и разнообразіи дѣлъ церковнаго управленія, мнѣ остается весьма мало времени на любимую учебную часть²⁾; но я льщусь, что и для нея служба моя не совсѣмъ бесполезна. По крайней мѣрѣ удалось мнѣ перемѣнить правителя дѣлъ въ коммисіи³⁾. При нынѣшнемъ дѣлѣ ея пойдутъ и скорѣе и добросовѣстнѣе“. Далѣе изъ этого письма мы узнаемъ, почему недоволенъ былъ Св. Синодъ ревизіей Орловской Семинаріи, произведенной инспекторомъ Кіевской Академіи, архим. Іереміей, о которой упоминается въ перепискѣ съ Иннокентіемъ м-та Филарета Московскаго⁴⁾. „Ревизія о. Іереміи не понравилась членамъ духовнымъ. Тутъ (т. е. въ отчетѣ о ревизіи, представленномъ въ Св. Синодъ) помѣщено многое официально, въ видѣ совѣта начальству, что ожидалъ я отъ васъ въ видѣ частнаго мнѣнія, объ образованіи

1) Т. е. въ С.-Петербургѣ, для присутствованія въ Св. Синодѣ. Рязанскимъ въ это время былъ преосв. Григорій Постниковъ, въ послѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій.

2) С. Д. Нечаевъ, до женитьбы своей на Софьѣ Сергѣевнѣ Мальцовой, служилъ директоромъ Тульской гимназіи. П. Б.

3) Т. е. въ Коммисіи Духовныхъ Училищъ.

4) См. Христъ Чт. 1884 г. кн. 1-я, 3-е письмо Филарета къ Иннокентію. Дѣло о ревизіи Орловской Семинаріи, произведенной арх. Іереміей, надѣлало въ свое время большого шума. По поводу отчета его объ этой ревизіи (въ 1832 г.) коммисія Духовныхъ училищъ спрашивала митроп. Евгенія: „способенъ-ли Іеремія учить, и можно-ли оставить его при Академіи?“ М-тъ Евгеній, по просьбѣ Иннокентія, отстоялъ Іеремію. Онъ былъ товарищъ Иннокентія по Академіи, окончивъ въ ней курсъ студентомъ.

нашихъ духовно-учебныхъ заведеній“. „Книжка о духоборцахъ“¹⁾ не показала также Министерству Внутреннихъ дѣлъ. Не взыщите, если что-либо по симъ предметамъ и замѣчено будетъ (Кіевскому) академическому правленію. Премудрый любитъ обличеніе, да премудрѣйшій будетъ. Очень пріятно слышать объ ученыхъ трудахъ вашей Академіи. Особенно прошу васъ споспѣшествовать сборнику „проповѣдей на праздники“²⁾.

Коммисія не скупа на награды, ежели что обстоятельное будетъ представлено; но желательно бы было, чтобы занимающіеся предметами священными не уподоблялись наемникамъ, имѣя въ виду одни возмездія честолюбія. Трудъ, предпринимаемый изъ таковыхъ побужденій, не будетъ совершененъ и желанныхъ плодовъ не принесетъ. Надобно имѣть свыше вліянную ревность для полного успѣха, а этотъ огонь Божественный пріобрѣтается не иначе, какъ смиреннымъ понятіемъ о самомъ себѣ и смиренною молитвою. Почтеннѣйшій отецъ архимандритъ! Предпочтительно всѣхъ знаній учите этому будущихъ учителей пастырей церковныхъ. Мада ваша многа будетъ на небесѣхъ! Желая вамъ отъ всего сердца достигать сей живой науки и жить ей многочисленный сонмъ юношей, подъ вліяніемъ вашимъ возрастающихъ на дѣло Божіе, желая довѣренности и молитвъ вашихъ, имѣю честь быть...“³⁾

Отъ 1835 году три письма Нечаева. Въ первомъ отъ 20 Янв. идетъ рѣчь о кандидатахъ на Кіевское викаріатство, которыхъ рекомендовалъ оберъ-прокурору Иннокентій. Оберъ-прокуроръ „исполняя въ точности его порученіе“: говорилъ о нихъ членамъ Св. Синода. Но „Мелетія не разрѣшились они выбрать за прежнія обстоятельства“(?); Аванасій⁴⁾ казался имъ слишкомъ молодъ, особенно въ сравненіи съ ректоромъ Кіевской Академіи⁵⁾, который былъ „едвали не въ первый разъ включенъ въ число“ кандидатовъ на архіерейство. Государь утвердилъ Калужскаго ректора Владимира, за старшинство лѣтъ и замѣчаемую въ немъ степенность качествъ, необходимую для важнаго званія епи-

¹⁾ Сочиненіе студента, а потомъ профессора Кіевск. Академіи О. Новицкаго.

²⁾ Это изданіе образцовыхъ проповѣдей предпринималъ было Иннокентій и собиралъ для него матеріалы, но оно не осуществилось. Иннокентій былъ отвлеченъ по другимъ болѣе серьезнымъ ученымъ трудамъ. См. между прочимъ о сборникѣ въ письмахъ Филарета и Иннокентія письмо 3-е. Самымъ щедрымъ вкладчикомъ въ предполагавшійся сборникъ былъ протоіерей Кочетовъ, къ которому Иннокентій обращался съ просьбою о содѣйствіи въ составленіи сборника.

³⁾ Точно съ тѣмъ же обращался къ ректору Московской Семинаріи и ея ученикамъ митрополитъ Леонтій. П. Б.

⁴⁾ Ректоръ Вологодской семинаріи.

⁵⁾ Т. е. самимъ Иннокентіемъ.

скопа¹⁾). „Архимандритъ Иннокентій, въ замѣнъ епископства, представленъ будетъ къ ордену Владимира 3-й степени“ (VIII, 47). 17 Мая Нечаевъ извѣщаетъ о полученіи „Страстной Седмицы“, поздравляетъ съ царевою милостію и сообщаетъ, что при поднесеніи Государю Императору своего годового отчета, онъ сдѣлалъ, какъ надѣется, и Его Величеству пріятное, донесеніемъ „о новомъ блестящемъ дарованіи краснорѣчія церковнаго, достигшемъ полного своего развитія въ древней колыбели нашего духовнаго просвѣщенія“. „О переводѣ извѣстной Польской книги(?) не отвѣчалъ я вамъ въ ожиданіи возвращенія м-та Филарета, съ которымъ нужно объ этомъ переговорить, я ожидаю его въ концѣ этого мѣсяца“. „Какъ бы хорошо было перевести нашу Кормчую на Русскій удобопонятный языкъ²⁾). Не будетъ ли на этотъ полезнѣйшій трудъ довольно свободнаго времени въ вашей Академіи?“ 25 Декабря Нечаевъ проситъ о присылкѣ ему еще пяти экземпляровъ „Страстной“ и „Свѣтлой“ седмицъ. „Просятъ сихъ словъ и въ Одессѣ. Если не будетъ тягостно, благоволите и туда отправить нѣсколько на имя Софьи Сергѣевны Нечаевой“. „О сочиненіи прот. Скворцова³⁾ происходятъ еще разсужденія. Повремените распорядиться имъ. А между тѣмъ пришлите мнѣ сдѣланный у васъ переводъ о ясновидящей“. Съ этимъ письмомъ оберъ-прокуроръ препроводилъ Иннокентію „начатый имъ (т. е. С. Д. Нечаевымъ) опытъ изданія отдѣльно житій

¹⁾ При отъѣздѣ преосв. Владимира въ Кіевъ, М. М. Сперанскій снабдилъ его слѣдующимъ рекомендательнымъ письмомъ къ митрополиту Кіевскому Евгенію Болховитинову: „Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь. При отбытіи преосвященнаго Владимира въ Кіевъ пользуюсь случаемъ возобновить себя въ памяти вашей и вмѣстѣ съ тѣмъ изъяснить предъ вами искреннее мое желаніе, чтобы преосв. Владимиръ успѣлъ приобрести ваше благосклонное расположеніе не только по долгу его служенія, но и по чувствамъ его къ вамъ приверженности. На новомъ поприщѣ ему нуженъ руководитель и наставникъ; онъ считаетъ и долженъ считать особеннымъ счастьемъ, что Провидѣніе предназначило ему въ васъ имѣть и то и другое. Препоручая себя святымъ молитвамъ вашимъ, съ истиннымъ почитаніемъ честь имѣю быть и пр. М. Сперанскій. 2 Февраля 1835 г.“

Преосв. Владимиръ, по фамиліи Алявдинъ, былъ назначенъ въ викаріи Кіевскіе изъ архимандритовъ Калужскаго Добраго монастыря и состоялъ въ викаріяхъ Кіевскихъ лишь годъ съ небольшимъ (до 26 Сентября 1836 года), послѣ чего былъ перемѣщенъ на епархію въ Кострому, оттуда въ 1842 году перемѣщенъ въ Тобольскъ, гдѣ и скончался 20 Мая 1845 года. Мѣсто его въ Кіевѣ занялъ Иннокентій.

²⁾ Вотъ когда еще было высказано желаніе, столь прекрасно осуществленное въ наши дни Московскимъ Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія.

³⁾ Рѣчь идетъ о составленной Скворцовымъ „Священной Исторіи“, или о его же учебникѣ по каноническому праву. Оба эти сочиненія представлялись, предварительно изданія, на разсмотрѣніе Св. Синода. См. письма Скворцова къ Иннокентію, напечатанныя нами въ „Трудахъ Кіевской Академіи (1885 г.)“.

святыхъ, заимствованныхъ изъ Четихъ-Миней, „съ нѣкоторыми не-
большими опущеніями, но безъ малѣйшаго превращенія“. „Эти житія
печатаются на бумагѣ, заготовленной для книгъ Св. Писанія бывшимъ
Библейскимъ Обществомъ, и продаваться будутъ въ его же лавкѣ.
Такъ за оглашеніемъ Словомъ Божиимъ должны быть выставлены при-
мѣры людей, послѣдовавшихъ оному въ образѣ своей жизни. Есте-
ственный ходъ! Не должно только дремать призваннымъ трудиться въ
вертоградъ Господнемъ. Не будемъ тосковать, что того-то или другого-
чего сдѣлать нельзя и не даются къ тому способы: сдѣлаемъ хоть то,
что дѣйствительно сдѣлать можемъ, на что имѣемъ все нужные спо-
собы. Въ малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю! По
случаю переменъ годоваго нашего теченія, желаю вамъ и себѣ услы-
шать нѣкогда сей утѣшительный гласъ Господа временъ, Раздаятеля
талантовъ“... Весьма любопытно письмо Нечаева изъ Суража отъ
7 Марта 1836 года. Здоровье жены его потребовало временнаго, мѣсяца
на четыре, переселенія ея въ Одессу. „Что касается до Кормчей, то я
желалъ бы знать ваше мнѣніе, какъ отыскать нужныя для перевода
изданія. Учить церковнымъ законамъ нужно въ семинаріяхъ и акаде-
міяхъ духовныхъ; но полезно поучать въ нихъ кратко и общему оте-
чественному законодательству, которое знать нужно не однимъ чинов-
никамъ консисторій и духовныхъ правленій, но и членамъ сихъ мѣстъ,
благочиннымъ, депутатамъ, ректорамъ, секретарямъ академическихъ и
семинарскихъ правленій. Съ сею цѣлію разосланы по моему предло-
женію Своды Законовъ. Со временемъ надо устроить особый классъ
юридическій при высшихъ нашихъ заведеніяхъ. Это я имѣлъ давно
въ цѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ бы исключить изъ ихъ курсовъ
многое совершенно излишнее для сельскаго священнослужителя, въ
чемъ можетъ быть лучше быть успѣхъ при вновь вызываемомъ изъ
Казани членѣ комисіи, ежели только Господь судить мнѣ паки воз-
вратиться къ мѣсту моего служенія*). Не приписывайте сего однако
какому-либо недружелюбію въ отношеніи къ просвѣщенію. Выборъ
временнаго моего преемника долженъ доказать каждому, что я стараюсь
съ симъ просвѣщеніемъ оставаться въ сношеніяхъ близкихъ и пріяз-
ненныхъ“. Благодаря за присылку къ нему въ Одессу „Седмиць“, Не-
чаевъ замѣчаетъ что наибольшій успѣхъ изъ нихъ имѣла „Страстная

*) Избытокъ усердія Нечаева къ дѣлу не былъ угоденъ Государю скоровпечат-
лительному. Ему не понравился и внѣшній видъ оберъ-прокурора. Нечаевъ хромалъ на
одну ногу. Онъ былъ замѣщенъ молодцоватымъ гвардейцемъ, тестю котораго князю Д. В.
Голицыну Государь проговорился въ Москвѣ, что въ оберъ-прокурорство графа Прота-
сова править церковью будетъ онъ самъ. Тутъ проявилась въ Николаѣ Павловичѣ
наслѣдственность, и самодержавіе начало замѣняться цезарствомъ. П. Б.

Седмица“ что объясняется, независимо от таланта ее автора, особенностями ее предмета. „Я люблю талантъ вашъ, и за то особенно, что единственно имъ украшается періодъ моего оберъ-прокурорства“. Въ 1838 году письмомъ изъ Москвы, гдѣ онъ по оставленіи должности оберъ-прокурора поселился въ званіи сенатора, отъ 30 Марта, Нечаевъ ходатайствовалъ предъ Иннокентіемъ (въ то время уже преосвященнымъ) о зачисленіи священническаго мѣста Кіево-Печерской Ольгинской церкви за внучкою священника той церкви Трофима Павловскаго, дѣвицей Ульяной Шараевской; родная тетка ее „давно уже замѣняетъ нѣжнымъ попеченіемъ родную мать для сиротъ“ его, Нечаева, всѣ близкіе которой, по этому „стали нечуждыми ему“. „Въ комъ прекрасное дарованіе есть только отголосокъ прекрасныхъ чувствъ, къ тому всегда смѣло можно прибѣгнуть съ просьбою о добромъ дѣлѣ“, замѣчаетъ Нечаевъ. Въ этомъ же письмѣ Нечаевъ проситъ прислать ему брошюру о переводѣ Св. Писанія (VIII, 45).

„25 Января 1843 г. Все время тратится на служебныя занятія. Сенать—другая причина. Къ хлопотамъ моимъ прибавились еще заботы о дѣтскихъ пріютахъ. Помощниковъ способныхъ, занимающихся добросовѣстно, почти совсѣмъ нѣтъ. Все поглощаетъ ненасытный Петербургъ. Можно сказать, онъ вытянулъ всю душу изъ Россіи. По временамъ по необходимости удѣляетъ онъ отдаленнымъ областямъ кое-что изъ своихъ сокровищъ. Но такихъ людей ожидаетъ обыкновенно жизнь труженическая. Какъ рѣдко достается имъ вздохнуть на свободѣ въ тиши кабинетной! Знаете-ли, что я боюсь и за ваши рѣдкія дарованія въ новой средѣ дѣлѣ обширѣйшей паствы, и съ тѣмъ бѣльшимъ нетерпѣніемъ ожидаю новаго изданія прежнихъ вашего преосвященства; книжками первыхъ изданій никогда не могъ я завестись надолго: все расхищали многочисленные почитатели такого необыкновеннаго таланта“.

Не можемъ не остановиться на оригинальной мысли Нечаева относительно введенія гражданскаго законодѣнія въ число предметовъ семинарскаго и академическаго курса. Въ виду того, что въ то время семинарскій курсъ не былъ еще загроможденъ, какъ нѣсколько позже, сельскимъ хозяйствомъ, естественной исторіей и медициной, мысль эта, нѣсколько позже, не представлялась неудобосуществимою и самому Иннокентію. Особенно горячо принялъ ее къ сердцу одинъ изъ учениковъ Иннокентія, извѣстный въ послѣдствіи редакторъ „Домашней Бесѣды“ В. И. Аскоченскій. Спустя двадцать лѣтъ послѣ письма Нечаева къ Иннокентію отъ 7 Марта 1836 года, Аскоченскій 26 Сен-

тября 1856 года писалъ Иннокентію: „Ревнуя о пользѣ и процвѣтаніи того училища, которому обязанъ я окончательнымъ образованіемъ (т. е. Кіевской Академіи), осмѣливаюсь представить на благоусмотрѣніе вашего высокопреосвященства проэктъ мой касательно введенія въ нашихъ академіяхъ и семинаріяхъ класса законовѣдѣнія. Глубоко и практически убѣжденъ я въ пользѣ и необходимости того, что по какому-то странному случаю не вошло въ училищную нашу программу. Наши духовно-учебныя заведенія всегда старались поставить за Китайской стѣной, и сколько возможно, отодвинуть отъ участія во всемъ, что носитъ на себѣ характеръ современности. Поставивъ себѣ задачею противодѣйствовать такому оскорбительному для насъ изолированію, я вѣрю, что при помощи такихъ, какъ ваше высокопреосвященство покровителей истиннаго просвѣщенія, труды и ревность мои не останутся совершенно безплодными“. Самаго проэкта, о которомъ упоминается въ письмѣ, нѣтъ въ бумагахъ Иннокентія. Проэктъ Аскоченскаго принятъ былъ благосклонно Иннокентіемъ. Въ письмѣ отъ 20 Апрѣля 1857 г. Аскоченскій извѣстилъ Иннокентія, что проэктъ его по предложенію оберъ-прокурора Св. Синода былъ разсматриваемъ въ конференціи Кіевской Академіи, которая нашла, по выраженію Аскоченскаго, что „онъ никуда не годится“. „Но все-таки, прибавляетъ Аскоченскій, по милости его положили раздернуть рамки Каноническаго Права“. (IV, 445). Нужно предполагать, что Иннокентій представлялъ въ Св. Синодѣ проэктъ Аскоченскаго о введеніи юридическихъ наукъ въ составъ академическаго и семинарскаго курса, какъ и свою собственную мысль объ изданіи при Св. Синодѣ особаго официальнаго органа, подъ названіемъ „Синодальныхъ вѣдомостей“ (въ параллель „Сенатскимъ вѣдомостямъ“). Объ этой послѣдней мысли Иннокентія узнаемъ также изъ письма къ нему Аскоченскаго, котораго Иннокентій хотѣлъ предложить въ редакторы предложеннаго изданія. Но въ томъ же 1857 г., когда у него явилась эта мысль, онъ скончался и унесъ съ собою въ могилу какъ эту мысль, такъ и множество другихъ плодотворныхъ мыслей, которыми такъ была богата его свѣтлая голова.

*

Еще въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ къ Нечаеву, находился Иннокентій къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову, отъ котораго въ бумагахъ Иннокентія сохранилось двадцать семь писемъ (съ 25 Сентября 1837 г. по 31 Декабря 1854 г.). Въ Августѣ 1837 г. Государь Императоръ посѣтилъ Кіевъ. Иннокентій поспѣшилъ увѣдомить о томъ оберъ-прокурора, а 4 Сентября извѣщалъ, что порученія Коммиссіи Духовныхъ Училищъ относительно составленія конспекта наукъ, преподаваемыхъ въ Духовныхъ Академіяхъ, онъ не

успѣлъ исполнить по причинѣ нездоровья, и просилъ освободить его отъ этого порученія. 25 Сентября Протасовъ отвѣчаетъ ему на два письма: „Утѣшительныя подробности, сообщенныя мнѣ вашимъ преосвященствомъ о милостивѣйшемъ вниманіи Государя Императора къ представителямъ Кіевскаго православнаго духовенства, являютъ новый знакъ благоволенія Его Величества къ духовному вѣдомству и налагаютъ на всѣхъ насъ священный долгъ оправдать милость Великаго Монарха единодушнымъ исполненіемъ благотворной воли его, направленной къ охраненію древняго православія въ нашемъ отечествѣ. Да поможетъ Господь избраннымъ для сего святаго дѣла подвизаться каждому на стезѣ, ему указанной, съ честью и успѣхомъ“. „Недостатокъ вашего мнѣнія по столь важному предмету (какъ конспектъ богословскихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ), ни въ какомъ случаѣ не могъ бы быть допущенъ и въ другое время, а тѣмъ паче нѣтъ, когда С.-Петербургская Академія не имѣетъ еще дѣйствительнаго ректора, а исправляющій должность сію прибылъ сюда весьма недавно. Все это поставляетъ меня въ необходимость просить васъ не замедлить исполненіемъ порученія Коммисіи Дух. училищъ. Я увѣренъ совершенно, что ваше преосвященство по обширнымъ свѣдѣніямъ вашимъ во всѣхъ предметахъ богословскаго ученія и при извѣстномъ мнѣ пламенномъ усердіи вашемъ къ пользѣ духовнаго просвѣщенія совершите предстоящій вамъ трудъ съ полнымъ успѣхомъ. Неизлишнимъ считаю предварить ваше преосвященство, что я не рѣшился бы ходатайствовать объ увольненіи васъ отъ составленія конспекта, кромѣ вышеприведенныхъ причинъ и потому въ особенности, что о распоряженіяхъ Коммисіи по изъясненному предмету во всѣхъ подробностяхъ я имѣлъ счастье докладывать Государю Императору и на приведеніе оныхъ въ исполненіе удостоился получить высочайшее соизволеніе“ *). Въ письмѣ отъ 17 Апрѣля того же года Протасовъ благодаритъ Иннокентія за присылку ему своихъ сочиненій, за поздравленіе съ праздниками, за тѣмъ съ своей стороны „вмѣняетъ себѣ въ особое удовольствіе“ поздравить его съ новымъ начальникомъ (митр. Кіевскимъ Филаретомъ), будучи вполне увѣренъ,

*) Это письмо Иннокентій сдалъ въ конференцію Академіи съ помятой: „прошу покорно прочитатъ и заняться составленіемъ конспекта, если можно; ибо мнѣ рѣшительно некогда. Письмо возвратитъ мнѣ“. Тѣмъ не менѣе это порученіе Св. Синода имѣло было исполнено позже, какъ видно изъ писемъ къ нему Сербиновича и Войцеховича. Имѣлъ составленъ и представленъ въ Св. Синодъ подробный планъ академическаго курса, который, вѣроятно, находится въ дѣлахъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ. Не это-ли обстоятельство имѣлъ въ виду м-тъ Московскій Филаретъ, когда писалъ Муравьеву, что Иннокентій „порученіе Св. Синода смѣетъ исполнять небрежно и представлять въ безсмысленномъ видѣ“. (См. Письма Филарета къ Муравьеву, стр. 13).

что отличныя свойства, украшающія сего достопочтеннаго архипастыря, возмoгутъ замѣнить потерю, недавно имъ понесенную (въ лицѣ умершаго митроп. Евгенія). Затѣмъ графъ проситъ почтить его увѣдомленіемъ, оконченъ-ли переводъ взятаго имъ православнаго исповѣданія вѣры вселенскихъ патріарховъ, и кому именно былъ порученъ переводъ сей небольшой статьи, а также ускорить доставленіемъ его. 17 Мая 1839 г. графъ пишетъ: „Ваше пр-во частными письмами неоднократно и настоятельно просили меня о содѣйствіи къ увольненію васъ отъ званія ректора Кіевской Академіи. Не получивъ отъ васъ официальной по сему предмету бумаги, я не могъ приступить ни къ какимъ распоряженіямъ по сему дѣлу, а потому обстоятельство о вашемъ увольненіи оставалось доселѣ съ моей стороны безъ отвѣта. Нынѣ, по случаю отъѣзда преосв. Филарета во ввѣренную ему епархію, я совѣщался съ нимъ о намѣреніи вашемъ оставить академическую службу и, узнавъ изъ личныхъ съ нимъ объясненій о кандидатѣ, который, по мнѣнію его, можетъ занять ваше мѣсто въ Академіи, просилъ его в-во по пріѣздѣ въ Кіевъ дать сему дѣлу надлежащій ходъ по установленному порядку. Не видя затѣмъ никакихъ препятствій къ удовлетворенію вашего желанія, я долгомъ почитаю увѣдомить о томъ в. п-во, оставаясь впрочемъ въ полной увѣренности, что вы, милостивый государь и архипастырь, по любви вашей къ духовному просвѣщенію, и послѣ оставленія академической службы не оставите содѣйствовать пользамъ ея, какъ по званію викарія и архіерея, такъ и въ частности благоразумными совѣтами вашему преемнику“. Въ 1841 г. Іюня 27 гр. Протасовъ пишетъ къ Иннокентію въ Вологду, сообщая ему, что по случаю назначенія ректора Вологодской Семинаріи архим. Феогноста ректоромъ же въ семинарію С.-Петербургскую, сужденіе о замѣщеніи его должности въ Вологдѣ назначено имѣть впредь, обращается къ Иннокентію съ просьбою объ увѣдомленіи, не имѣетъ ли онъ въ виду кого-либо изъ лицъ ученаго духовенства, лично извѣстныхъ ему по своимъ достоинствамъ, кому бы съ благонадежностію и пользою можно было поручить должность ректора Вологодской Семинаріи *). 19 Февраля 1848 г. гр. Протасовъ, препровождая Иннокентію, присланную въ Св. Синодъ графомъ

*) Въ 1842 г. 1 Генваря гр. Протасовъ отъ себя лично письмомъ извѣщалъ Иннокентія, что именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 31 Декабря 1841 года ему повелѣно быть епископомъ Харьковскимъ, съ оставленіемъ за нимъ той степени, въ іерархическомъ порядкѣ, какою онъ пользовался въ Вологдѣ. Это назначеніе, прибавляя оберъ-прокуроръ, по хорошему климату тамошней страны, должно, какъ надѣяться можно, оказать полезное дѣйствіе на ваше здоровье, и въ тоже время способствовать ученымъ занятіямъ вашимъ, для конхъ Харьковъ представляетъ болѣе средствъ при своихъ цѣлѣтущихъ заведеніяхъ“ (VIII, 83).

Блудовымъ для предварительнаго разсмотрѣнія редакціею статей, долженствующихъ войти въ Сводъ Законовъ относительно браковъ и ихъ послѣдствій, вмѣстѣ съ замѣчаніями на нихъ м-та Филарета Московскаго, „считаетъ долгомъ покорнѣйше просить съ возвращеніемъ оныхъ сообщить ему раздѣляетъ ли онъ, преосвященный, мнѣнія по сему предмету митрополита Филарета (VII, 95). 10 Августа графъ, благодаря Иннокентія за присланную имъ икону Спасителя и желая ему отъ всей души силъ и здравія, столь нужнаго для Св. Церкви, выражаетъ ожиданіе, что письменное собесѣдованіе ихъ замѣнится въ непродолжительномъ времени личнымъ съ возвращеніемъ Иннокентія въ С.Петербургъ осенью, „которое въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ считаю необходимымъ“ (послѣднія слова приписаны графомъ между строкъ собственноручно). Въ письмѣ отъ 9 Ноября 1853 г.. Секретное письмо вашего преосвященства отъ 13 минувшаго Октября о предлагаемыхъ бывшимъ Агаѳопольскимъ митрополитомъ Іосифомъ услугахъ при настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ я имѣлъ счастье представлять Государю Императору, п Его Императорское Величество на всеподданнѣйшемъ о томъ моемъ докладѣ соизволилъ собственноручно написать: „благодарить за усердіе, но теперь еще не время“. Письмо отъ 8 Октября 1854 года, единственное собственноручное письмо Протасова Иннокентію. Благодаря преосвященнаго за письмо изъ Перекопа отъ 12 Сентября и за доставленный имъ 24 Сентября „дневникъ любопытной и опасной поѣздки“ Иннокентія по Крыму, молить Бога, да хранить и укрѣпляетъ его Господь въ святомъ подвигѣ одушевленія паствы вѣрою и упованіемъ, среди свершающихся нынѣ важныхъ событій“.

*

Графъ А. П. Толстой, вступивъ въ должность оберъ-прокурора, писалъ къ Иннокентію. „Высочайшимъ именнымъ указомъ 20 Сентября (1866 г.) всемилостивѣйше повелѣно мнѣ быть оберъ-прокуроромъ Св. Синода, и нынѣ, по прибытіи въ С. Петербургъ, я вступилъ въ сію должность. Увѣдомляя о семъ ваше преосвященство, но при томъ сознавая всю важность обязанностей новаго моего званія и глубоко проникнутый убѣжденіемъ, что для исполненія ихъ къ истинному благу св. церкви и отечества нужна особенная помощь Всевышняго, обращаюсь въ сонмъ православныхъ іерарховъ нашихъ и къ вашему преосвященству съ покорнѣйшею просьбою не оставлять меня вашими молитвами ко Господу, да ниспослетъ Онъ мнѣ крѣпость силъ къ благоугождному предъ Нимъ совершенію сихъ священныхъ, высочайшимъ довѣріемъ возложенныхъ на меня обязанностей“.

Нужно предполагать, что и съ этимъ оберъ-прокуроромъ Иннокентій находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Иннокентій представилъ въ Св. Синодъ свѣдѣнія о результатахъ предпринятаго имъ, вслѣдъ за окончаніемъ войны, осмотра епархіи вообще и въ частности Крыма, въ особенности Севастополя, о дѣятельности тамошняго духовенства во время войны на защиту храмовъ и самой территоріи, и ходатайствовалъ объ отпускѣ изъ Синода суммы на пособія разореннымъ отъ непріятеля лицамъ духовнаго вѣдомства, а также служившимъ при госпиталяхъ іеромонахамъ. 28 Іюля 1855 г. Карасевскій извѣщаетъ преосвященнаго объ ожидаемомъ согласіи Св. Синода на удовлетвореніе этой просьбы и проситъ извѣщать его и на будущее время „о достойныхъ замѣчанія предметахъ при настоящихъ столь важныхъ обстоятельствахъ“.

*

Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ (8 Генваря 1843) пишетъ: „Изъ всѣхъ привѣтствій, при которыхъ мы обыкли встрѣчать годовое круговращеніе времени, какое могло бы мнѣ быть благопріятнѣе привѣта отъ архипастыря церкви, призывающаго на насъ благодать Того, въ свѣтъ Кого истинное просвѣщеніе? Напутствуемый вашимъ архипастырскимъ благословеніемъ, съ упованіемъ вступаю въ новый годъ моего дѣланія въ вертоградъ народнаго образованія, и приношу благодарность за строки, коими вы меня порадовали“... 14 Іюня тогоже года Уваровъ присылаетъ въ даръ Иннокентію изданные Археографической Коммиссіею 4 и 5 томы Историческихъ Актовъ, 2-й томъ Полнаго Собранія лѣтописей и 2-й томъ „Актовъ относящихся къ Россіи, на языкахъ иностранныхъ“. „Зная, что ваше преосвященство съ участіемъ слѣдите ходъ народнаго образованія въ отечествѣ нашемъ, пишетъ Уваровъ въ 1839 г., имѣю честь препроводить вамъ экземпляръ печатнаго отчета министерства народнаго просвѣщенія за 1838 годъ“.

*

Сынъ министра, графъ Алексѣй Сергѣевичъ, вступаетъ въ переписку съ Херсонскимъ архіепископомъ по поводу предпринятыхъ имъ раскопокъ. Явясъ въ Севастополь для археологическихъ розысканій въ Херсонесѣ и Инкерманѣ по высочайшему повелѣнію и съ открытымъ листомъ предсѣдателя Археологическаго Общества великаго князя Константина Николаевича, и узнавъ, что названныя мѣстности находятся въ завѣдываніи Иннокентія, который, какъ сообщилъ ему генералъ-майоръ г. Аркасъ, самъ намѣренъ произвести раскопки въ Корсуни, молодой графъ проситъ у Иннокентія позволенія помочь ему въ этомъ дѣлѣ,

считая за счастье исполнить приказанія, какія его преосвященству угодно будетъ дать ему. Въ частности графъ изъявляетъ желаніе разрыть ту часть древняго города, которая лежитъ на С. В., на берегу моря, въ особенности церковь, обозначенную на планѣ г. А. Аркаса подъ именемъ башни, а въ Инкерманѣ изслѣдовать развалины, лежація на самой горѣ и дотолѣ ошибочно приписываемыя городу Θεодора. Получивъ разрѣшеніе на просимое, графъ доноситъ ему, отъ 6 Декабря тогоже 1853 г., о результатахъ начала его работъ по раскопкѣ церкви древняго Корсуня. „Зданіе имѣетъ 25 саж. длины и около 10 ширины. Вокругъ полукруглаго алтаря идетъ горнее мѣсто, и большая четырехъ угольная плита указываетъ мѣсто, гдѣ стоялъ престолъ; подъ нею находилось 22 монеты временъ Романа 1. Алтарь и иконостасъ, изукрашенные мраморомъ, возвышаются одною ступенью надъ церковнымъ помостомъ. Передъ солеей видны слѣды амвона. Два рода колоннъ шли по всему храму до самаго притвора. По срединѣ церковный помостъ вымощенъ мраморными плитами, а по сторонамъ узорчатыми мозаиками. Рисунокъ и сохранность этихъ мозаикъ достойны замѣчанія, какъ первый подобный памятникъ, найденный въ Россіи. Помостъ притвора также изукрашенъ мозаиками. Наступившая холодная погода остановила работы археолога; найденныя вещи и самое разрытое зданіе онъ передалъ настоятелю Петропавловской церкви, принявъ къ сохраненію ихъ всевозможныя мѣры, и радуясь, что преосвященный архипастырь обратилъ все должное вниманіе на мѣстность, столь замѣчательную въ отечественной исторіи.

*

Графъ В. А. Перовскій, 23 Іюля 1849 г., выражаетъ искреннюю благодарность за сообщеніе Слова на Рождество Христово,—по глубинѣ мыслей столь замѣчательнаго сочиненія, которое вновь украсило литературу нашу, уже обогащенную поучительными и краснорѣчивыми произведеніями Иннокентія“ (VII, 184).

Когда графъ В. А. Перовскій устроилъ себѣ „тихій пріютъ, подъ прекраснымъ небомъ Тавриды чтò между прочими наслажденіями обѣщало ему тѣснѣйшее сближеніе съ Иннокентіемъ, какъ съ архипастыремъ края. Иннокентій послалъ ему въ благословеніе, въ новое его жилище, икону Христа Спасителя. Этотъ залогъ благословенія Божія графъ принималъ съ сугубымъ сердечнымъ удовольствіемъ и какъ памятникъ доброй пріязни, цѣну которой онъ тѣмъ живѣе чувствовалъ, чѣмъ ближе узнавалъ Одесскаго архипастыря“ (VI, 74, 14 Сент. 1851 г.).

Письмо графа Л. А. Перовскаго отъ 13 Генваря 1850 г. собственноручное, конфиденціальное, трактуеть о „весьма любопытной запискѣ

по Еврейскому вопросу, доставленной министру Иннокентіемъ. Графъ изъявляетъ готовность содѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами предположеніямъ, въ ней содержащимся¹⁾, будучи увѣренъ, что подъ просвѣщеннымъ и благонамѣреннымъ руководствомъ Иннокентія благая цѣль исполнится съ желаемымъ успѣхомъ,—какое мнѣніе вполнѣ раздѣляетъ и графъ Протасовъ. Съ своей стороны графъ проситъ позволенія представить Иннокентію замѣчательную записку по тому же, составленную также однимъ изъ сановниковъ церкви²⁾: если вамъ будетъ угодно дополнить ее вашими замѣчаніями, то тѣмъ полезнѣе будетъ для Еврейскаго комитета эта записка. Въ письмѣ отъ 8 Декабря 1855 г. графъ приноситъ Иннокентію признательность за вниманіе, выраженное присылкою ему Словъ и рѣчей. Эти назидательныя и душеспасительныя для каждаго христіанина слова будутъ навсегда для меня драгоценны, какъ память обо мнѣ многотимаго пастыря и какъ одинъ изъ краснорѣчивыхъ памятниковъ славной брани, поднятой во имя креста Спасителя⁴.

Сношенія Иннокентія съ А. С. Норовымъ начались еще въ то время, когда послѣдній не былъ министромъ Народнаго Просвѣщенія. Переписка ихъ, сохранившаяся въ бумагахъ Иннокентія, относится, впрочемъ уже ко времени министерства А. С. Норова. Онъ подарилъ Иннокентію книгу *Rolandi Palaestina* съ сердечнымъ желаніемъ, чтобъ Богъ привелъ его самого обозрѣть Св. землю. Спрашивая, когда онъ свободенъ для приѣма у себя, приглашаетъ его къ себѣ на мирную трапезу въ тотъ день, какой угодно будетъ ему самому назначить. Во второмъ письмѣ Норовъ благодаритъ за рукопись, присланную ему Иннокентіемъ, которую онъ прочелъ вмѣстѣ съ княземъ (Ширинскимъ-Шихматовымъ). Онъ, столько же какъ и я, порадовался духомъ, высокой цѣли, которую вы предполагаете, съ помощію Божіею, достигнуть, и которая найдетъ сочувствіе во всѣхъ ревнителяхъ святаго Православія⁴. Въ третьемъ письмѣ Норовъ препровождаетъ для бібліотеки Иннокентія экземпляръ новаго изданія своихъ Путешествій. „Вы находитесь въ авангардѣ Православной церкви Христовой, да мужаются и крѣпятся вѣрные сыны ея! Вѣрите, владыко, что увѣренность вашу въ свѣтлой для Россіи будущности раз-

¹⁾ Содержаніе записки Иннокентія по Еврейскому вопросу намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Раздѣлялъ-ли онъ мнѣніе Павловскаго о томъ, что Евреи дѣйствительно употребляютъ Христіанскую кровь, какъ тогда думали и многіе другіе?

²⁾ Кто этотъ сановникъ церкви? Не Павскій-ли, который, въ качествѣ гебраиста-эксперта, состоялъ членомъ Еврейскаго комитета и, какъ намъ положительно извѣстно изъ его бумагъ, представлялъ въ оной свою „записку“ по этому предмету?

дѣляютъ всѣ истые Россіяне. Прекрасно выразился на дняхъ Погодинъ: „Святая Русь неизмѣнно остается святою Русью, и Русскіе, не смотря ни на чьи угрозы, не позволяютъ никому никогда прикасаться безъ наказанія къ ихъ завѣтнымъ святынямъ церкви: престолу и отечеству“. Если я найду, то пришлю вамъ рисунокъ, снятый мною, съ видомъ горы Искупленія, на которой разсѣлины образуютъ крестъ. Я сообщилъ издателю моихъ сочиненій о желаніи вашемъ имѣть 50 экземпляровъ ихъ, которые немедленно будутъ высланы. Радуетъ меня несказанно выраженная вами готовность возобновить наше общее предпріятіе издать Новый Завѣтъ на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ¹⁾: все къ тому давно готово. Посылаю вамъ присемъ даже *specimen* (непереправленная корректура), которой съ полгода тому или болѣе былъ приготовленъ. Нѣкоторыя недоразумѣнія со стороны покойнаго графа Протасова, истинныя *недоразумѣнія*,—остановили это благое наше начинаніе; множество дѣлъ съ той и другой стороны помѣшали намъ объясниться. Въ примѣръ недоразумѣній гр. Протасова приведу слѣдующее. Въ текстѣ Лук. VI, 20 въ Славянскомъ переводѣ сказано: блаженниціе *духомъ*, и въ Греческомъ, печатаемомъ обыкновенно: *μαρία οἱ πτωχῶν* съ выпускомъ словъ *τῷ πνεύματι*, какъ у Мѡ. V, 3. Въ другихъ же древнихъ греческихъ текстахъ (какъ показано въ изданіи Гризбаха) слова *τῷ πνεύματι* существуютъ и у Луки. Чтоже проще, какъ вставить эти слова, не произвольно, а на основаніи извѣстныхъ древнихъ текстовъ? Митрополитъ Московскій и Петербургскій и всѣ епископы, съ которыми совѣщался, весьма одобряютъ наше предпріятіе; я буду теперь ожидать вашего отвѣта, дабы, по наставленіямъ вашимъ, немедля приступить къ дѣлу.—Относительно достопочтеннаго протоіерея²⁾ Павловскаго, душевно благодарю васъ, за оказываемое ему покровительство. Прошу васъ, владыко, объяснить какъ съ г. Мурзакевичемъ³⁾, такъ и съ новымъ попечителемъ⁴⁾; если сей послѣдній сдѣлаетъ о немъ представленіе, то я душевно радъ буду дать оному ходъ. Я увѣренъ, что вы полюбите г. Демидова⁵⁾. Глубокій патриотъ, умный и дѣятельный. 18 Февраля 1855.

¹⁾ Это желаніе Норова и Иннокентія осуществлено по порученію Норова близкимъ его и Иннокентія знакомымъ, извѣстнымъ ученымъ, членомъ Археологической комиссіи П. И. Саввантовымъ.

²⁾ Одесскій, о. Михайлъ, извѣстный проповѣдникъ, издавшій томъ своихъ словъ и поученій.

³⁾ Въ собраніи бумагъ Иннокентія есть нѣсколько интересныхъ его писемъ.

⁴⁾ Т. е. Одесскаго учебнаго округа.

⁵⁾ Т. е. новаго попечителя.

*

Отъ М. С. Воронцова и его супруги Елисаветы Ксаверьевны сохранились тридцать три письма за время съ 24 Сентября 1839 г. по Іюль 1853 года.

Переписка эта отчасти фамиліярнаго свойства, главнымъ же образомъ касается дѣль благоустройства Крыма. По нѣкоторымъ изъ вопросовъ Иннокентій отнюдь не соглашался съ либеральнымъ иногда княземъ. Такъ Иннокентій разногласилъ съ нимъ по двумъ самымъ важнымъ или дорогимъ для него вопросамъ: о дарованіи свободы богослуженія раскольникамъ въ Одессѣ, о чемъ ходатайствовалъ князь и на что отнюдь не соглашался Иннокентій, и по вопросу объ устройствѣ викариатства въ Херсоно-Таврической епархіи. Вообще же письма Воронцовыхъ свидѣтельствуютъ о самомъ искреннемъ и глубокомъ уваженіи этой прекрасной четы къ Одесскому архипастырю, къ его личности, пастырскимъ доблестямъ и государственному уму. Изъ этихъ писемъ видно, что Иннокентій сообщалъ Воронцову о всѣхъ своихъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ къ церковному благоустройству Крыма, гражданское преуспѣяніе котораго было предметомъ самой энергической дѣятельности князя М. С. Воронцова.

Первое письмо его къ Иннокентію писано 24 Сентября 1839 г.: проѣзжая чрезъ Кіевъ, князь хотѣлъ видѣться съ преосвященнымъ, но не узнавъ отъ гражданскаго губернатора, что онъ въ отсутствіи, счелъ себя обязаннымъ по крайней мѣрѣ письменно поручить себя его благорасположенію. Поводомъ ко второму письму (6 Октября 1840 г. изъ Алупки) послужило полученіе Воронцовымъ отъ Иннокентія „Воскреснаго Чтенія“, въ замѣнъ его князь выслалъ издававшійся подъ его покровительствомъ „Одесскій Вѣстникъ“, содержаніе котораго хотя и не могло быть, по словамъ князя, вполне любопытнымъ, тѣмъ не менѣе могло дать понятіе „о здѣшнемъ краѣ“, и о Востокѣ, особенно же представляло интересъ по извѣстіямъ изъ Египта и Сиріи. Князь высказываетъ сожалѣніе, что ему не удалось видѣть Иннокентія у себя въ имѣніи въ селѣ Мошнахъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Кіевскимъ Филаретомъ, который пріѣзжалъ въ то село освящать церковь 5 Генваря 1843 г. Князь, благодаря Иннокентія за письмо и за поздравленіе, посылаетъ ему при письмѣ экземпляръ „Одесскаго Вѣстника“ и Новороссійскаго календаря. 12 Марта того же года князь благодаритъ за присылку ему „Первой седмицы великаго поста“ и снова посылаетъ Новороссійскій Календарь за 1843. Хотя эта книга и не можетъ равняться по достоинству съ даромъ Иннокентія; „но всякій хвалится своимъ, замѣчаетъ князь; но если взглянете въ доступный часъ на эту книгу, то

найдете въ ней свѣдѣнія о народонаселеніи, торговлѣ и успѣхахъ вообще Одессы“. 4 Января 1849 г. князь, безпокоясь о здоровьѣ Иннокентія, шлетъ ему ящикъ пѣнистаго вина, выдѣлывавшагося въ его имѣніяхъ, 1842 года, и выражаетъ пожеланіе ему здоровья ко благу всѣхъ его окружающихъ, на коихъ онъ не перестаетъ изливать добро и утѣшеніе. Ссоры въ Петербургѣ и масса накопившихся дѣлъ не оставляли князю возможности побесѣдовать, какъ бы ему хотѣлось, хотя бы письменно съ знаменитымъ архипастыремъ. Въ томъ же году Иннокентій послалъ княгинѣ икону Елецкой Божіей Матери: княгиня 30 Декабря отвѣчала горячею благодарностію за чувства добраго къ ней и ея мужу расположенія и за даръ, который навсегда сохранится въ ихъ семействѣ какъ святыня и драгоцѣнное воспоминаніе“. 22 Января 1847 года Воронцовъ пишетъ: „Давно желалъ я исполнить пріятнѣйшій для меня долгъ писать къ вашему высокопреосвященству и изъяснить вамъ глубочайшее мое уваженіе; но изнурительные труды, доставшіеся мнѣ въ удѣлъ, по управленію обширнымъ краемъ на поприщѣ какъ военномъ, такъ и гражданскомъ, отняли у меня на то возможность“. Князь проситъ затѣмъ молитвы архипастыря, да ниспослетъ Господь успѣхъ нашему оружію на Кавказѣ на славу отечества и прекращеніе кровопролитной борьбы. Благодаря далѣе за присылку экземпляра его проповѣдей во Французскомъ переводѣ Стурдзы, „самаго жаркаго приверженца Иннокентія, который князь имѣлъ впрочемъ и раньше отъ самого Стурдзы, онъ замѣчаетъ: радостно всякому Русскому видѣть, что Богомъ внушенное вамъ слово сдѣлалось извѣстнымъ за границу, и что тамъ равно какъ и во всѣхъ предѣлахъ обширной нашей Имперіи познаютъ и научатся чтить пастыря пріобрѣтшаго своими дѣяніями на служеніи православной церкви и для блага челоувѣчества всеобщую любовь и уваженіе (VIII, 3).

Въ 1848 году князь Воронцовъ посылаетъ Иннокентію въ Харьковъ экземпляръ „Кавказскаго календаря на 1848 г.“ при письмѣ отъ 12 Января 1848 г. (VII, 89). Затѣмъ 28 Марта того же года Воронцову пришлось привѣтствовать Иннокентія уже какъ Одесскаго архіепископа. „Съ сердечнымъ удовольствіемъ узналъ я о всемилостивѣйшемъ назначеніи васъ для управленія Херсонскою епархіею. Да благословитъ Господь путь вашъ на берега Чернаго моря и да дастъ вамъ здоровье и силу для исполненія обязанностей новаго вашего мѣста, которое по новости образованія епархіи доставитъ вамъ довольно заботъ. Душевно радуюсь вашему назначенію, и для себя, и для края; для себя—потому, что я издавна привыкъ питать къ вамъ чувство уваженія и что я буду имѣть удовольствіе быть съ вами въ постоянныхъ

сношеніяхъ; для края—потому, что онъ пріобрѣтетъ въ вась просвѣщеннаго архипастыря, пекущагося о благѣ паствы, и который въ полной мѣрѣ будетъ знать обходиться съ разными народами и разными вѣроисповѣданіями того края“ (VII, 33). Черезъ два дня, 30 Марта, Воронцовъ шлетъ второе письмо, поводомъ для чего служитъ отъѣздъ изъ Тифлиса епископа Армянскаго Матвѣя въ Кишиневскую Армяно-Григорьевскую епархію, и объясняетъ, что епископъ Матвѣй, съ которымъ онъ познакомился за два года передъ тѣмъ въ Шемахѣ, сверхъ личныхъ заслугъ и общаго къ нему благорасположенія, рекомендованъ ему патріархомъ Нерзесомъ, какъ ревностный и просвѣщенный святитель, почему онъ и поручаетъ его милостивому вниманію Иннокентія въ сношеніяхъ съ нимъ во время служенія его въ Новороссійскомъ краѣ“. Въ письмѣ отъ 13 Августа того же года, изъ Кисловодска, князь снова извѣщаетъ Иннокентія о своемъ намѣреніи побывать въ Крыму: 24 или 25 Августа онъ будетъ въ Керчи, а оттуда проѣдетъ въ Алупку. „Если бы, милостивѣйшій архипастырь, могли бы посѣтить насъ тамъ въ началѣ Сентября, то жена моя и я сочли бы такое посѣщеніе новымъ доказательствомъ архипастырскаго вашего къ намъ расположенія“. Узнавъ о назначеніи только что прибывшаго въ Одессу Иннокентія снова для присутствованія въ Синодѣ, князь пишетъ Французское письмо оберъ-прокурору Синода графу Протасову, въ которомъ, извѣщая о прибытіи Иннокентія въ Одессу, объ общемъ благопріятномъ впечатлѣніи, имъ тамъ произведенномъ, объ ожиданіяхъ отъ него, выражаетъ крайнее изумленіе, что, почти немедленно по прибытіи въ епархію, онъ отзывается изъ нея. „Я выразилъ это недоумѣніе ему самому, пишетъ князь, но не зная, насколько по церковнымъ правиламъ епископъ свободенъ высказывать свой взглядъ на относящееся къ нему расположеніе начальствъ, я обращаюсь къ вашей старинной дружбѣ (*voire ancienne amitié*) съ вопросомъ: если бы немедленное оставленіе имъ епархіи, въ которую только что онъ прибылъ, встрѣтило бы затрудненія, не лучше ли ему просить оставленія въ епархію для ознакомленія съ дѣлами ея? Наставьте меня въ этомъ дѣлѣ, любезный графъ“.

12 Юля, въ письмѣ изъ крѣпости Воздвиженской, по полученіи отъ Иннокентія извѣстія о прибытіи его въ Одессу, князь благодаритъ за это извѣщеніе и привѣтствуетъ съ этимъ прибытіемъ, сожалѣя отъ души, что ему не удалось лично встрѣтить уважаемаго и во всей Россіи извѣстнаго архипастыря. Извѣщая затѣмъ, что по причинѣ взятія Гергебиля онъ имѣетъ возможность поѣхать для отдыха въ Крымъ и Одессу, князь еще разъ проситъ Иннокентія при объѣздѣ имъ епархіи

не оставитъ его своимъ посѣщеніемъ, обѣщая съ курьеромъ извѣстить его съ точностію, когда именно онъ будетъ въ Алупкѣ. Прилагая при этомъ въ копіи вышеупомянутое письмо свое къ графу Протасову по поводу назначенія архіепископа Херсонскаго, вдругъ же по его прибытіи въ епархію, для присутствованія въ Св. Синодѣ въ С.-Пбургѣ, князь надѣется, въ высказываемыхъ имъ въ этомъ письмѣ недоумѣніяхъ и въ выраженномъ имъ желаніи знать, не можетъ-ли онъ, Иннокентій, просить Синодъ объ увольненіи отъ этаго вызова въ С.-Петербургъ, не будетъ компрометировать его особу, такъ какъ онъ писалъ лишь о слухахъ до него дошедшихъ. „Касательно учрежденія въ Херсонской епархіи викарнаго епископа, я осмѣливаюсь изложить мнѣніе мое только потому, что вашему высокопреосвященству угодно знать таковое. Почти весь Крымъ населенъ магометанами; христіанъ весьма мало обитаетъ въ немъ; потому учрежденіе столь высокаго духовнаго лица съ помѣщеніемъ его въ Симферополь могло бы родить въ туземцахъ хотя и неосновательное опасеніе о намѣреніи отклонить ихъ отъ магометанства и обращать въ Православіе, а таковую мысль мы должны сколько можно убѣгать въ нихъ развивать и по крайней мѣрѣ на долгое время отклоняться отъ всего того, что можетъ дать имъ сомнѣніе; народъ крымскій есть народъ вѣрный, тихій *) и можно сказать счастливый, фанатизма у нихъ мало, и именно можетъ быть потому, что въ правленіи нашемъ со временъ и по волѣ великой Екатерины они видѣли совершенную вѣротерпимость, и всякое дѣйствіе въ духѣ прозелитизма можетъ все переимѣнить къ худшему, и изъ людей вѣрныхъ и преданныхъ сдѣлать непріятелей. Когда обстоятельства не лишатъ меня удовольствія свидѣться съ вашимъ высокопреосвященствомъ, въ Крыму нынѣшнюю осенью я поставлю себѣ въ обязанность подробно объяснить какъ по этому, такъ и по другимъ близкимъ для насъ предметамъ“.

„Князь Михаилъ Семеновичъ и я просимъ васъ принять насъ и семейство наше въ вашу духовную семью и не оставлять насъ молитвами вашими. Всеправедный Богъ посѣтилъ и любезный для насъ Новороссійскій край новымъ испытаніемъ; смиряясь предъ неисповѣдимую и святою волею, я не могу однакоже скрыть отъ вашего высоко-

*) На этотъ разъ князь выражаетъ не совсѣмъ правильное понятіе о предметѣ. Насколько „народъ Крымскій“—народъ „вѣрный и тихій“, доказала вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая Крымская война. Изъ донесеній благочинныхъ, священниковъ, архимандритовъ и іеромонаховъ, доставлявшихся преосв. Иннокентію по его распоряженію со всѣхъ мѣстностей театра войны, видно, что Татары повсемѣстно, при появленіи непріятеля переходили на его сторону, грабили и жгли Русскія поселенія и т. д.

преосвященства, сколько вѣсть о распространеніи эпидеміи прискорбна для меня и князя Михаила Семеновича, который вполнѣ преданъ этому краю. Зная расположеніе ваше къ намъ, мнѣ отраднo сообщить в. в-ву радостное извѣстіе, только что полученное мною отъ князя: Гергебиль, послѣ кратковременной осады, взять почти безъ кровопролитія. Славное дѣло кн. Бяргинскаго въ садахъ Гергебильскихъ и окруженіе непріятеля со всѣхъ сторонъ заставили его покинуть крѣпость и удалиться въ горы. Такое счастливое окончаніе настоящей экспедиціи даетъ возможность князю М. С. въ половинѣ Августа оставить на время Кавказъ и отдохнуть въ милыхъ его сердцу Крыму и Одессѣ. Тогда мы будемъ имѣть возможность видѣть васъ и принять лично ваше благословеніе (VII, 106). Желаніе Воронцова относительно оставленія Иннокентія въ Одессѣ исполнилось. Въ письмѣ отъ 3 Января 1849 г. онъ пишетъ „живѣйшую благодарность за столь милостивое для меня поздравленіе съ лестнымъ для меня монаршимъ благословеніемъ. Не могу не выразить истинной радости моею при полученіи извѣстія, что вы сохранены для Одессы. Эти чувства раздѣляетъ со мною обширная паства ваша гордящаяся высокими достоинствами архипастыря своего, въ столь короткое время столь много сдѣлавшаго для славы Бога, пользы и чести ея. Совершенно раздѣляя мысли ваши въ письмѣ отъ 13 Декабря мнѣ сообщенныя, насчетъ учрежденія въ Одессѣ крестнаго хода, въ день основанія оной, я проникнуть убѣжденіемъ, что величественные обряды Церкви нашей возвысятъ православіе въ глазахъ иновѣрцевъ, коими наполненъ городъ, а предметъ торжества, соединяясь съ днемъ коронованія Государя Императора послужить, можетъ быть, счастливымъ примѣромъ для иностранцевъ глубокой преданности Россіанъ самодержавной власти, и умиленія, съ коимъ они во всѣхъ событіяхъ жизни своей привыкли обращаться къ Господу!

Однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости Иннокентія было устройство скитовъ и возобновленіе монастырей въ Крыму. Воронцовъ одобрялъ эти начинанія архипастыря и принималъ внимательное участіе въ обсужденіи способовъ осуществленія ихъ епархіальною властію. Въ письмѣ отъ 31 Апрѣля 1849 г. онъ пишетъ: „Съ своей стороны я не встрѣчаю препятствія къ устройству въ Крыму иноческаго скита, и думаю, согласно вашему мнѣнію, что лучше и удобнѣе мѣста для сего нѣтъ, какъ Успенская Церковь близъ Бахчисарая. На счетъ же Мангубетхъ развалинъ, я полагаю, встрѣтится затрудненіе, такъ какъ вся мѣстность, сколько мнѣ извѣстно, принадлежитъ частнымъ владѣльцамъ Магометанскаго вѣроисповѣданія. При назначеніи Успенской церкви нужно будетъ принять въ соображеніе, потребуется ли для

устройства скита известное количество земли, ибо я не думаю, чтобы близъ церкви Успенія была свободная казенная земля. Впрочемъ, конечно не оставите собрать подробныя по этому предмету свѣдѣнія, и если вы, согласно обѣщанію вашему, пришлете мнѣ окончательныя соображенія, то я въ тоже время сдѣлаю все, что только отъ меня зависитъ для устраненія тѣхъ препятствій, которыя могутъ встрѣтиться къ приведенію въ исполненіе этого благого дѣла. До сихъ поръ я не имѣлъ никакихъ положит. свѣдѣній о посѣщеніи императорскою фамиліею Южнаго берега Крыма, но если бы это было такъ, то я не могу не раздѣлять мнѣнія вашего, что полезнѣе и безопаснѣе сдѣлать благотворительнымъ Массандрскаго протоіерея Михаила; а о. Андрей Накропинъ, получивъ испрашиваемую вами для него награду, конечно не будетъ сѣтовать. За перемѣну священника въ Алуштѣ я и всѣ прихожане будемъ вамъ весьма признательны. 14 числа я оставилъ Тифлисъ и началъ объѣздъ, который будетъ довольно продолжителенъ. Если обстоятельства здѣшняго края мнѣ не помѣшаютъ, что я надѣюсь въ теченіе нынѣшняго лѣта быть въ Петербургѣ. Можетъ быть я еще найду тамъ в. в-во, иногда при личномъ свиданіи мы можемъ переговорить и кончить на мѣстѣ многія дѣла“. „Я не слыхалъ о неудачномъ морскомъ вояжѣ изъ Севастополя въ Одессу почтеннаго старца м-та Агаѳангела*); надѣюсь, что онъ теперь уже въ Одессѣ и съ свойственнымъ ему усердіемъ раздѣляетъ труды ваши по управленію епархіею“ (VII, 212). Въ письмѣ отъ 12 Августа 1849 г. изъ С.-Пб., Воронцовъ пишетъ: „Я объяснялся съ графомъ Протасовымъ о желаніи вашемъ посвятить преимущественно все время свое благу вѣрренной вамъ епархіи. О всемъ томъ, что мнѣ было сказано имъ по сему предмету, я надѣюсь сообщить вамъ въ Одессѣ, куда намѣренъ прибыть въ первыхъ числахъ будущаго Сентября. Мнѣ весьма пріятно будетъ побесѣдовать съ вами о разныхъ предметахъ и благотѣльныхъ намѣреніяхъ вашихъ для епархіи, между прочимъ и о предположеніи объ Аѳонѣ на горахъ Крымскихъ, и всегда поставляю себѣ священнымъ долгомъ споспѣшествовать зависящими отъ меня мѣрами къ осуществленію предположеній вашихъ“ (VII, 268). Предположенія Иннокентія о возстановленіи священныхъ древностей Тавриды получили высочайшее утвержденіе. Поздравляя съ этимъ Иннокентія, князь пишетъ, 12 Мая 1850 г., что

*) Митрополитъ Агаѳангелъ, эмигрировавшій изъ Константинополя, получалъ пенсію отъ Русскаго правительства въ 2000 р. и управлялъ Георгіевскимъ монастыремъ. Иннокентій сыновне лекся о старцѣ и чрезъ него и его родственниковъ, Типальдосовъ, сносился съ Греческой интеллигенціей, изъ числа которой нѣсколько молодыхъ ученыхъ были привлечены имъ къ трудамъ по переводу лучшихъ произведеній Русской литературы, напримѣръ Исторіи Карамзина, на Греческій языкъ.

онъ радъ будетъ, при посѣщеніи Крыма лично быть полезнымъ при осуществленіи этихъ предположеній и побесѣдовать обо всемъ (VII, 478).

10 Февраля 1850 г. княгиня благодаритъ Иннокентія за благосклонное вниманіе къ ея ходатайству о награжденіи за примѣрные труды наставниковъ Одесскаго Сиротскаго дома, протоіерея Симборскаго и діакона Опойченкова, и изъявляетъ нетерпѣливую надежду съ ними увидѣться, а князь 22 Декабря того же года посылаетъ Иннокентію Кавказскій календарь (начавшійся изданіемъ въ 1846 году и постоянно вмѣщающій въ себѣ свѣдѣнія по статистикѣ и этнографіи края) на 1851 годъ, въ надеждѣ, что „посильный трудъ нашъ будетъ милостиво принятъ“.

31 Юля 1850 г., въ письмѣ изъ Кисловодска князь извѣщаетъ о полученіи имъ отъ Иннокентія высочайше утвержденнаго плана и фасада для постройки часовни для помѣщенія св. иконъ, и копию съ указа Св. Синода о высочайшемъ утвержденіи предположеній Иннокентія на счетъ возстановленія священныхъ древностей на горахъ Таврическихъ. „Отъ души желаю, чтобы ваше высокопреосвященство, кому принадлежитъ самая мысль этаго благочестиваго и во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго дѣла, съ помощію Божіею благополучно приступили къ исполненію и счастливо окончили оное“. Предполагаемое посѣщеніе Кавказа Государемъ Наслѣдникомъ попрепятствуетъ князю посѣтить Крымъ и Одессу, но тѣмъ неменѣе в. в-во можете быть увѣрены, что я и отсюда буду вполнѣ сочувствовать и усердно помогать вамъ во всемъ, чтѣ будетъ касаться исполненія высочайше утвержденныхъ предположеній вашихъ и всего, о чемъ вамъ угодно будетъ требовать моего содѣйствія“.

Въ письмѣ изъ Алупки, отъ 4 Октября 1851 года, князь рассказываетъ о письмѣ статсъ-секретаря Попова, одного изъ приближенныхъ князя А. Н. Голицына, которымъ Поповъ приглашалъ князя принять участіе въ сооруженіи памятника Голицыну, погребенному въ Георгіевскомъ Балаклавскомъ монастырѣ. Князю и его супругѣ показалось страннымъ, что въ крестѣ, который по проэку Попова, долженъ былъ помѣщаться внутри церкви, въ стѣнѣ, Поповъ предполагалъ помѣстить портретъ князя Голицына. „Не знаю, допускають-ли это церковныя правила“, писалъ князь, посылая Иннокентію самое письмо Попова. Здѣсь же князь высказываетъ сочувствіе мѣрамъ Иннокентія относительно разныхъ религіозныхъ сооруженій въ Одессѣ. Предметомъ особаго попеченія князя было „Женское заведеніе“ въ Одессѣ. По случаю неладовъ лицъ, завѣдывавшихъ этимъ заведеніемъ, князь проситъ (14 Юня

1851 г. изъ Боржома) Иннокентія уговорить „княгиню“, чтобы она оставила намѣреніе отложиться отъ должности президентки, ибо въ такомъ случаѣ и г-жа Казначеева не останется, и все переѣдетъ къ Гагариной, т. е. къ Стурдзѣ, и это прекрасное заведеніе непременно измѣнится, а можетъ быть и погибнетъ. Если нехороши, хотя возможны, съ одной стороны ошибки и упрямства, то съ другой стороны хуже и опаснѣе Греческая хитрость и неумѣренный деспотизмъ. Если нѣкоторые успѣхи увѣнчали посильные мои стремленія къ исполненію въ точности моихъ обязанностей, какъ вѣрнаго слуги царя и отечества, то этимъ я обязанъ благословенію Всевышняго“. Затѣмъ князь проситъ молитвъ и благословенія его сыну, избравшему себѣ въ подруги жизни г-жу Столыпину, урожденную княжну Трубецкую*).

*

Во время поѣздокъ своихъ по Крыму Иннокентій, посѣщая Алупку и Массандру при чемъ (проводникомъ его былъ Д. П. Бочковскій) предлагалъ князю специально мѣры для благоустройства церквей и причтовъ въ этихъ имѣніяхъ князя. Князь хлопочетъ предъ архіепископомъ „о незапрещеніи нѣкоторымъ жителямъ Одессы старообрядческаго исповѣданія богослуженія по ихъ обряду въ молитвенныхъ домахъ“. „Не мнѣ принадлежитъ быть судьей въ справедливости ихъ домогательства, но зная издавна подписавшихъ на мое имя прошеніе за людей кроткихъ и смиренныхъ, я не могъ рѣшиться отказать имъ въ моемъ предъ вами ходатайствѣ, въ увѣренности, что окажете просителямъ все снисхожденіе, какое признаете возможнымъ“ (17 Февр. 1851). Не смотря на это письмо, принадлежавшій старообрядцамъ домъ въ Одессѣ былъ, однако, запертъ и находившіяся въ немъ книги были отобраны. Воронцовъ, снесшись по этому поводу, вслѣдствіе просьбъ бывшей у него депутаціи, съ исправлявшимъ его должность въ Одессѣ ген. лейт. Федоровымъ, снова, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Иннокентія за нихъ, указывая на то, что съ 1828 г. раскольники отправляли богослуженіе въ наемныхъ домахъ, и лишь недавно пріобрѣли свой домъ для этой цѣли покупкою, и въ теченіе двадцати лѣтъ никогда не думали о совращеніи въ расколъ православныхъ и никакого соблазна не производили. „Быть можетъ, пишетъ Воронцовъ, вы, по извѣстному вашему челоуѣколюбію и согласно всегдашней и просвѣщенной системѣ вѣротерпимости нашего правительства найдете возможнымъ сдѣлать

*) Въ Августѣ этого 1851 года Иннокентій бракосочеталъ единственнаго сына князя и княгини Воронцовыхъ со вдовою А. Г. Столыпина, Марью Васильевною, рожд. княгиню Трубецкую. Бракосочетаніе происходило въ Алупкѣ, въ прекрасной тамошней церкви, пылѣ разрушившейся. П. Б.

просителямъ снисхожденіе, въ уваженіе того обстоятельства, что они уже нѣсколько десятковъ лѣтъ отправляли богослуженіе по своимъ обрядамъ“ (10 Августа 1852 г.).

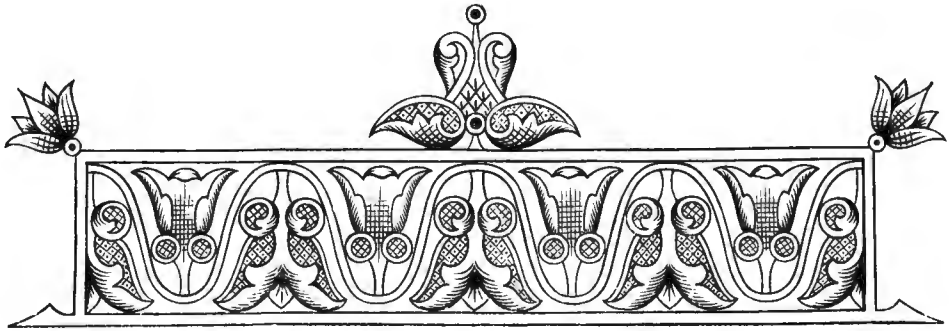
Въ Іюль 1853 г. князь изъ Боржома, гдѣ послѣ выздоровленія отъ лихорадки, дотолѣ ему неизвѣстной въ продолженіе 25 лѣтъ, пилъ минеральныя воды, горячо привѣтствуетъ дѣятельность владыки, „вызывавшаго въ Крыму къ новой жизни памятники древняго тамъ христіанства, устроившаго пріюты монашествующимъ въ мѣстахъ, гдѣ въ первыя возсіялъ свѣтъ христіанства въ Россіи, поздравляетъ его съ викаріемъ имъ самимъ избраннымъ, и отъ души желаетъ ему силъ привести къ окончанію начало своего „великаго труда“. „Съ моей стороны вы не можете сомнѣваться въ сочувствіи и желаніи быть вамъ повозможности угоднымъ и полезнымъ“. Затѣмъ излагаетъ подробности своихъ домашнихъ дѣлъ и хозяйственныхъ распоряженій по имѣніямъ.

*

Съ отношеніями къ Иннокентію нѣкоторыхъ другихъ высшихъ правительственныхъ лицъ его времени знакомитъ отчасти наша брошюра: „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ по новымъ матеріаламъ для его біографіи“. СПБ. 1884 г. Тамъ находятся выдержки изъ писемъ Д. Г. Бибикова, графа Д. Н. Блудова, графа Л. А. Перовскаго и др. Письма многихъ другихъ историческихъ личностей, находящіяся въ собраніи бумагъ Иннокентія, принадлежащихъ нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ (куда оно поступило отъ Н. Х. Палаузова), а равно такихъ дѣятелей, какъ А. Н. Муравьевъ, Троицкій, Брадке, Дурасовъ, К. С. Сербиновичъ, Войцеховичъ, Позднякъ, содержатъ въ себѣ много такого, что дѣлаетъ обнародованіе ихъ преждевременнымъ. Говоря вообще, бумаги Иннокентія, содержащіяся въ собраніи Н. Х. Палаузова, представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи Русской церкви и общества первой половины нынѣшняго столѣтія.

Н. Барсовъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1868-й годъ.

Уитаю я отчетъ государственнаго контроля за 1867 г. Результаты превосходные. Расходы противъ 1866 г. уменьшились до 15 милліон., и государственное казначейство имѣло въ своемъ распоряженіи свободныхъ отъ росписи 1867 г. суммъ при исполненіи росписей послѣдующихъ лѣтъ до 30 милліон. Да чего же лучше? Правда, расходы и умножились. Умножились на $7\frac{1}{2}$ милліон. Но это увеличеніе произошло отъ обстоятельствъ временныхъ, единовременныхъ (Ольга Константиновна, пріѣздъ короля, путешествія внутри и за границею и др.), а уменьшеніе относится къ условіямъ нормальнымъ. Чего же лучше? Едва ли все такъ хорошо. Убытки на курсъ, правда, не скрыты, но не выведены эти убытки по оборотамъ торговли и банка. Вообще банковыя операціи стоятъ какъ бы внѣ контроля. Да и всё-ли счета тутъ значатся? И жандармы, и подкупъ печати, и Славянскія субсидіи?

Какъ трудно укладывается наша кассация, можно видѣть и изъ того, что сенаторъ Гань, никогда не бывшій юристомъ, назначенъ въ кассационный департаментъ, и изъ того, что этотъ эmissаръ, послѣ двухнедѣльныхъ занятій, отказался и отъ занятій, и отъ увеличеннаго оклада, потому, какъ объяснилъ министру, что матеріальный трудъ неисполнимъ и не подь силу въ извѣстномъ возрастѣ, и что часто мелочность и ничтожность занятій унижаютъ достоинство государственнаго положенія. Комедія-ли это, сыгранная для того, чтобы чрезъ опороченіе кассации попытаться подорвать весь новый порядокъ суда, къ которому ММ-гс де-Вьсть и де, „взамнаго поземельнаго кредита“ стоятъ самымъ враж-

*) См. выше, стр. 465.

дебнымъ образомъ, но и въ преувеличеніяхъ Гана есть своя доля правды. Мы дѣйствительно, и при 2¹/₂ округахъ, завалены жалобами, и жалобы эти часто до того безсмысленны, безграмотны и ничтожны, что себѣ не вѣришь, чтобы послѣ занятій на высшихъ государственныхъ постахъ 35 лѣтъ, пришлось, какъ помощнику секретаря, заниматься сырымъ матеріаломъ, масса котораго подавляетъ всѣ усилія. Эта масса и невольныя противорѣчія въ толкованіяхъ, способныя произвести смуту въ умахъ и убѣжденіяхъ подсудимыхъ, судей и юристовъ—вотъ два главные врага кассациі, и они ее подрываютъ и подмываютъ. Кассациія родилась изъ злоупотребленій королевской власти, вторгавшейся, чрезъ государственный совѣтъ, въ суды и парламенты. У насъ она и теперь уже давить единичное учрежденіе и кишитъ противорѣчіями рѣшеній за 2¹/₂ года. Очевидно, что составители не дали себѣ точнаго отчета о томъ, какъ разовьется кассациія и имѣются-ли на мѣстахъ достаточныя средства не только въ юристахъ, но даже въ грамотности. Мы теперь озабочены, какъ бы помочь дѣлу. По мнѣнію моему два условія необходимы: ограничить кассацию на сѣзды тюремнымъ заключеніемъ и установить немудреную, самую непривязчивую, но опредѣленную форму кассационной жалобы. Всѣ наши учрежденія задумываются непрактическими людьми очень широко: свобода и самоуправленіе крестьянъ, земство, свобода печати, свобода питейной торговли и др. и обязательныя послѣдствія вызвали ограниченія и изытія. Натура широкая не требуетъ развитія, а скорѣе обузданія и направленія.

Пріѣздъ князя Черногорскаго, по крайней мѣрѣ, не во время,—когда безпокойства въ христіанскихъ областяхъ Турціи и безъ того даютъ такъ много поводовъ Бейстамъ и гласности обвинять Россію (и не безъ основанія) въ подстрекательствѣ. Кн. Николай принять очень ласково; онъ и на завтракахъ, и на обѣдахъ у Государя, и на парадахъ, и въ царской ложѣ въ театрахъ; его посѣтили великіе князья, канцлеръ и кн. П. П. Гагаринъ. Домъ (Шипова, у Николаевск. моста), экипажъ и содержаніе отъ двора. На другой же день ему пожалована лента Бѣлаго Орла. Личные знаки вниманія ото всѣхъ повсюду. Вопросъ: зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Болѣе важный вопросъ: во время-ли онъ пріѣхалъ? Въ Парижѣ идетъ конференція о примиреніи Турціи съ Греціей (конференція бесплодная, потому что примиреніе съ Исламомъ невозможно), а на Грецію смотрятъ всѣ Турецкіе Славяне; во время-ли Черногорскій владыко, въ Январѣ, пріѣхалъ изъ Цетиньи въ Петербургъ? Если эта неловкость доказываетъ безнадежность Турціи, то она извинительна; но едва-ли и послѣ признаній Стенли Европа откажется отстаивать Турцію.

Проводы Лукки и встрѣча Аделины Патти (маркизы де-Ко) имѣли какой-то царственный видъ. Оваціи имъ походятъ на народныя мани-

фестаціи. Подарки, имъ приносимые, имѣють значеніе наградъ національныхъ. Петербургъ торжествуетъ, Петербургъ въ упоеніи.

Но, Боже мой, гдѣ же тутъ правда? Пьянствующій, невѣжественный, голодающій народъ ждетъ отъ васъ хлѣба, а вы бросаете ему камень; онъ проситъ школы, а отъ васъ летитъ къ нему афишка. Онъ желаетъ отрезвленія, а вы опьянѣли сами.

Какъ овладѣваетъ мною мизантропія, какъ тяжело мнѣ смотрѣть на эту безумную роскошь (100, 200 р. за ложу, 500 р. за букетъ,— за снопъ ландышей), на эти необузданные аплодисменты и вызовы! Нынче мнѣ особенно грустно заноситъ мой обычный плачъ еще и потому, что сегодня скончался даровитый нашъ маэстро Дорогомыжскій и въ газетахъ читается прекрасный приказъ генерала Трепова о смерти (бывшаго городского стража) надзирателя Тяпкина. Молодецъ этотъ бросился на несущуюся по Невскому тройку и былъ смятъ ею подъ сани. Освободившись, онъ вскочилъ и взялся за возжи, но упалъ безъ чувствъ, у него переломаны были ребра и ноги. Приказъ дѣлаетъ честь нашему очень популярному оберъ-полиціймейстеру. Лукка, Патти, дайте концертъ въ пользу семейства!

Опять записываю: я постоянно чувствую ослабленіе физическихъ и умственныхъ силъ и едва ли вынесу массу и требовательность нашей кассациіи. Начинаютъ болѣть и глаза, какъ лѣтомъ 1863 г. Много и нравственной неудовлетворительности. Кассациія меня пугаетъ не своимъ могуществомъ, но запутанностію канцелярской казуистики, которая и теперь уже сильно развилась въ кругу малограмотныхъ провинціальныхъ писаекъ, пробавляющихся безчисленными ссылками на кассационныя рѣшенія. Чувствуешь какую-то неопредѣленность, случайность въ отправленіи высшаго, руководящаго правосудія и невольно робѣешь быть участникомъ въ смутѣ понятій по столь важному дѣлу. Я думаю, это имѣетъ большое вліяніе на мою бессонницу, которую я приписывалъ ревматизму въ правой рукѣ, очень чувствительному при нашихъ частыхъ атмосферическихъ перемѣнахъ. Сегодня 17^о, а завтра оттепель.

Много противорѣчій новаго мирового устава со старымъ Уложеніемъ, а я болѣю! Между тѣмъ какъ женящаяся молодежь (Семень и Пармень) веселятся съ утра до утра; умирающій дядя ихъ, А. А. Боборыкинъ не знаетъ, гдѣ преклонить голову и вѣроятно кончитъ страдальческую жизнь гдѣ нибудь въ чужихъ людяхъ. Слабы и слабѣють семейныя связи. Жаль мнѣ бѣднаго Александра, а виноватъ самъ и виноватъ неизвинительно, своею неумѣlostію и своимъ упрямствомъ.

NB. Письмо отъ Павла Теплова (о пребываніи брата въ Молдовомъ) успокоиваетъ меня—что братъ въ добрыхъ рукахъ. Страннолюбецъ Павелъ замѣчательно добрый человекъ. Дай Богъ! Я такъ

сокрушался положеніемъ немощнаго и безпріютнаго старика. Писалъ сестрѣ Полинѣ, писалъ сосѣду-доктору Герольдштейну, но вѣрно больной и бѣдный старикъ можетъ рассчитывать на пріютъ только у страннолюбцевъ.

Сидѣлъ у меня Шиповъ, А. П., агитаторъ. Онъ рассказывалъ о подкупахъ и злоупотребленіяхъ при исходатайствованіи концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ: обогащенія колоссальныя! Но кто же платитъ? Земство и государство, т. е. подать. Но подать и безъ того тяжела, индѣ невыносима. Она растетъ непомѣрно. Уже въ 1863 г. она съ 38 возросла до 46 мил. р., а по росписи на 69 годъ она требуетъ уже $94\frac{1}{4}$ милліоновъ. Она однихъ процентовъ по займамъ (вмѣсто $57\frac{1}{2}$ въ 1863 г.) платитъ 76 милліоновъ. Гдѣ же ей вознаграждать г.г. Дервизовъ, кн. С. А. Долгорукаго, гр. Адлерберга, А. Шереметева, сенатора Гернгросса и tutti quanti? Непомѣрныя обогащенія и случайность ихъ, вмѣстѣ съ непомѣрною шаткостію ученій и отношеній, суть знаменія отходящей среды и приближенія грядущей эпохи. Она скоро покажется. Она ломится всѣми путями. Дай Богъ, чтобы нервичность моя меня обманывала; я же начитался старика Гизо—*Méditations, troisième série*, который уже „20 лѣтъ примѣряетъ свой гробъ“. Нѣтъ, я не согласенъ съ Гизо. Онъ слишкомъ мало отводитъ мѣста интересамъ матеріальнымъ, хлѣбу насущному, социализму. Подать есть элементъ социальный. Наше время развило его сильно. Грядущая эпоха должна уничтожить монополіи и установить: какъ эту подать собирать и какъ ее распредѣлять.

Валовой доходъ по росписи на 1869 г. предположенъ въ 432 милліона (вмѣсто 347 въ 1863 г., когда уже установилось единство кассъ) и въ томъ числѣ водка— $132\frac{1}{2}$ милліоновъ. Непомѣрное увеличеніе!

Пребываніе князя Николая Черногорскаго здѣсь и въ Москвѣ продолжается съ порядочнымъ тактомъ. Безтактность въ самой поѣздкѣ, во всѣхъ отношеніяхъ неблаговременной. Петербургъ встрѣтилъ и угощаетъ гостя оттепелью, но ѣхать съ Черной горы въ Декабрѣ—Январѣ, нельзя назвать рискомъ. Это—необходимость, крайность. Въ чемъ же заключается эта крайность? Въ разрывѣ Турціи съ Греціей, въ готовности возстанія соединенныхъ княжествъ, Болгаріи и Сербіи? Или князю очень захотѣлось калачей и самоваровъ Московскихъ и раздать Русскимъ ревнителямъ орденъ „независимости Черногоріи?“ (Вполнѣ покорившейся Турціи по трактату 9 Сентября 1862 г.)? Распря Турціи съ Греціей непримирима, и возстаніе Кандіи послужитъ сигналомъ къ общему возстанію христіанскихъ племенъ на Балканѣ. Тамъ непременно что нибудь соглашено, приготовлено и затѣвается.

Я посѣтилъ старую знакомую графиню Неонилу Оруркъ (m-me Груберъ), старѣющую кокетку и пройдоху. Еваретинька ея (по имени прежняго мужа) по 4 году, такой избалованный, дрянной мальчикъ, что я любопытенъ знать, что изъ него выйдетъ и что онъ будетъ со временемъ. Да и будетъ-ли онъ жить?

Къ несчастію моему, споры мои съ товарищами продолжаются и начинаютъ принимать широкіе размѣры. Дѣло идетъ, между прочимъ, о допросѣ подъ присягою, ст. Уст. Уг. Суд. 98 и объ уголовно-гражданской подсудности, стт. Уст. Суд. Граж. 8 и Угол. 27 и друг. Прецеденты Сената уже внесли смуту въ понятіяхъ этихъ положеній, и отъ меня требуютъ, чтобы я принялъ и разобралъ и согласилъ эти прецеденты. Это немного много. Я согласенъ, что мы должны блюсти единство, но не окаменѣемъ-ли мы въ буквальности разъ выраженнаго воззрѣнія, и выраженнаго при томъ ошибочно? Коллеги мои безпрестанно повторяютъ, „что напрасно тогда-то коснулись этого вопроса“, „слишкомъ рѣзко будетъ противорѣчить недавнему рѣшенію, лучше теперь смолчать, обойти“, „есть и такое и иное рѣшеніе, надо держаться послѣдняго“. Знаю я, что рѣшенія для меня обязательны, знаю и давно предвидѣлъ горечь этой обязательности, но, молодая кассация, не лучше ли, въ первые годы, предоставить воззрѣніямъ болѣе свободы, чтобы практика могла выработаться всестороннѣе? Особенно несогласны со мною Н. И. Стояновскій и Б. Н. Беръ, которыхъ я всегда считалъ *par excellence* чиновниками.

Я такъ недоволенъ моимъ положеніемъ, весьма стѣсненнымъ, что готовъ оставить кассацию и отказаться отъ ея круглыхъ окладовъ. Меня только занимаетъ вопросъ: выходъ мой не повредитъ ли новому судебному порядку, т. е. не дастъ-ли поводъ г.г. „Вѣсти“ возвѣстить о несостоятельности этого порядка? Несостоятельность его матеріальная очевидна. Какъ одному департаменту справиться съ этою массою кассационныхъ жалобъ, безформенныхъ, безграмотныхъ и безтолковыхъ, съ 30, 40 губерній, гдѣ введены земства и вводятся мировыя учрежденія?!

Сегодня рѣшается (сомнѣваюсь) дѣло объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ Ошмаренко, его любовницы, ихъ служанки и гимназиста Сережи. Обвиняются солдатка Дарья Соколова, дворникъ съ женою и прачка. Дѣло чрезвычайно важное. Весь Петербургъ напросился присутствовать. Я не поѣду. Сличу 2 ч. XV т. Я никакихъ уликъ не вижу ни противъ дворника и его жены, ни противъ прачки, которая, кажется, у Ошмаренковыхъ и не бывала. Виновость или участіе Соколовой несомнѣнны: она сама созналась, у нея найдено поличное. Загадочно одно: могла ли женщина одна, въ Юньскую ночь, совершить четыре

убійства и, совершивъ, не воспользоваться капиталами Ошмаренко, оставленными въ котлѣ кухни (мѣсто!). Товарищи мои будутъ присутствовать. Я ожидаю путаницы. Дворникъ и прачка не изобличаются. Сегодня не кончено. Ничего не слышно. Ольга Данзасъ говоритъ, что судопроизводство не представляетъ ничего интереснаго. А путаница будетъ.

НВ. Соколова, какъ укрывательница, осуждена на 12 л. каторги. Прочіе оправданы. Товарищи мои, измученные засѣданіями двухъ сутокъ, очень недовольны веденіемъ дѣла.

„Правит. Вѣстникъ“ оказывается листомъ довольно безцвѣтнымъ, бессмысленнымъ и ничтожнымъ. Никакого интереса въ немъ нѣтъ. Это голая формальная официальность. Посмотримъ, чтѣ будетъ съ г. Григорьевымъ (оріенталистомъ). Г-нъ П. Семеновъ не сумѣлъ сообщить ему никакой занимательности. Вотъ уже 22-й №, а интереса—никакого. Я говорю отъ имени большой публики, а не чиновничества, которое можетъ найти любопытнымъ и всѣ эти примѣры и наказы, печатаемые весьма своевременно.

Вчера съ жена была во Французскомъ театрѣ и очень довольна своимъ (такъ рѣдкимъ) посѣщеніемъ. Но я не совсѣмъ этимъ доволенъ. Впрочемъ причиною и виною этому—я. Винюся. Не понимая одиночныхъ, врозь съ семьей, удовольствій, я тѣмъ менѣе понимаю это въ женѣ, еще болѣе преданной семейству, и особенно теперь, когда изъ Орла получаютъ самыя грустныя извѣстія. Жена слишкомъ озабочена мною и ищетъ какого нибудь облегченія, не находя во мнѣ ничего кромѣ той же заботы и удрученій. Вообще, со времени продажи Рябинокъ я замѣчаю въ ней большую раздражительность и большую неувѣренность. Иногда неувѣренность эта переходитъ въ подозрительность; ей думаются намеки, униженіе, презрѣніе къ ея особѣ. Переменная эта для меня особенно чувствительна потому, что она сдѣлалась холоднѣе ко мнѣ; боюсь, чтобы выраженіемъ участія и любви не дать повода заподозрить ее въ неискренности. Тяжелое для бѣдной жены время, тяжелѣе котораго еще не было. Наступятъ лучшіе дни, когда она получитъ часть свою изъ проданнаго имѣнья. И этотъ пунктъ—если со мною будетъ все благополучно—будетъ началомъ новаго, лучшаго періода и для здоровья, и для душевнаго настроя. А надобно замѣтить и то, что и самъ я не въ нормальномъ состояніи: эти крутыя преобразования, эта вызывающая гласность, эти скорыя раззоренія дворянскихъ гнѣздъ, эти Мазурины, Даниловы, Горскіе, Соколовы раздражили меня, и наступившая кассационная смута далеко не въ состояніи дать мнѣ опору и успокоеніе. Я тоже сдѣлался подозрителенъ, нетерпѣливъ и завязъ то Катковымъ, то „Вѣстью“. И для меня это едва-ли не самое

трудное время въ моей жизни. Я же всегда былъ склоненъ на внѣшнее неудовольство и внутренній ропоть. Вчерась племянникъ мой сказалъ, что въ обществѣ говорятъ, будто эти Арцимовичи, Буцковскіе, Стояновскіе и Ковалевскіе не чужды польщизны и рады произвести смуту кассационными рѣшеніями; я почти согласился на возможность подобнаго предположенія, рѣшительно ни на чемъ неоснованнаго. Почти, но вѣдь это *почти*—есть болѣзнь!

Передо мною Саксонскія уложенія 30 Марта 1838 г. 11 Августа 1865 г. и послѣднее, пересмотрѣнное, 1 Октября 1863 г. Какая трезвость, постепенность и осторожность въ развитіи закона! Сравню я Уложеніе наше 1845 г. съ Уложеніемъ 1857 г. (ни малѣйшаго движенія, кромѣ бессмысленнаго накопленія арестантовъ, вызвавшаго законъ 23 Ноября 1853 г. столь неравноправный для наличныхъ арестантовъ) и наконецъ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ миров. судьями. Это не развитіе, а извращеніе закона. Пониженіе наказаній непомѣрно. Въ Саксонскомъ законѣ 1838 г. за простое воровство (§ 223) въ пять талеровъ опредѣляется тюрьма до 6 недѣль; свыше 10 талеровъ,—рабочій домъ до 2 лѣтъ. По уложенію 1868 г. 5 талеровъ исчезли, а за воровство въ 10 талеровъ опредѣлена тюрьма до 4 мѣсяцевъ, а свыше 10 до 50 талер. тюрьма отъ 2 до 4 мѣс. или рабочій домъ до 2 лѣтъ. У насъ, богатыхъ людей, 169 ст. уст. мир. суд. начинается кража прямо съ 300 р., опредѣляя виновному тюрьму до 6 мѣсяцевъ, которая по 171 и 173 (въ частыхъ случаяхъ) сокращается на половину. Не говоря уже о патриархальныхъ дѣленіяхъ Свода 1832 и 1842 г., воровства по рублямъ и копѣйкамъ, въ Уложеніи 1845 г. за кражу до 30 р. назначается рабочій домъ до 6 мѣс., а за кражу до 300 р. уже арестантскія роты до 2 лѣтъ, не считая покойныхъ розогъ. Послѣдовательно! Мировой уставъ нашъ составленъ даровито и удачно (д. с. с. Перець), но онъ дурно согласенъ съ Уложеніемъ и совсѣмъ не согласенъ съ Уст. Угол. Судопр. (наприм. важная 328 ст. Уст. Суд. говорить о степеняхъ, которыхъ въ уставѣ мир. суд. вовсе нѣтъ, и законъ неисполнимъ). Судьямъ—словами: „можетъ“ онъ даетъ произволь, который не ограждается ничѣмъ, ни условіями событія, ни требованіями апелляціи или кассациіи. Вообще, мировой уставъ рассчитываетъ болѣе на совѣсть, нежели на законъ, и болѣе на чувство, нежели на логику, болѣе на совершенство, нежели на недостатки. Вообще, повторяю: не отвергая многихъ достоинствъ новаго суда, я нахожу многое въ немъ введенное опрометчиво и явно несообразно, между прочимъ и эта кассациія со всѣхъ концовъ имперіи въ одномъ д-тѣ, уже и теперь запруженномъ массою дѣлъ, не смотря на ограниченія, постановленныя 1 Іюня 1868 г. А безконтрольность наша? Вотъ вопросъ!

Повсюду балы, туалеты и танцы, прїѣзжаютъ въ 12, разѣзжаются въ 5 и позже. Все это *было* въ порядкѣ вещей, а теперь сплыло, и матушки, выходящія изъ себя, чтобы ихъ дочь перецеголяла другихъ, совсѣмъ не понимаютъ настоящаго времени. Нынѣ надобно цеголять скромностію и высокимъ образованіемъ или замѣчательными талантами въ музыкѣ, пѣніи, живописи. Думаю я о тебѣ, моя милая Наташа. Коклюшь измѣнилъ мою программу, но я скоро выдвину ея снова на сцену и посмотрю, какъ высоко ты станешь по образованію сравнительно съ этими Аннетами, Александреттами, которыя напитаны блестящими курсами м-ше Труба и заграничными поѣздками. Боже мой, сколько тутъ пустоты, мишуры, поверхности! И кто же рѣшится жениться на этой ничтожности! И что имъ остается дѣлать, не выходи замужъ, какъ не удариться въ кокетство и—пожалуй—въ пигилизмъ. Ты, моя скромница, можешь и не выйти за мужъ, но ты не будешь плясать шесть разъ въ недѣлю и найдешь другія занятія въ маленькомъ твоёмъ кабинетѣ, посреди гравюръ, цвѣтовъ и рояля, возлѣ твоей бібліотеки и рабочаго столика. Мы возвратимся къ нашей программѣ, запасшись здоровьемъ, сегодняшнюю осень, если Богъ позволитъ. Почивай, мой ангелъ! Я поздно воротился.

Читаю новый томъ Гнейста: „Verwaltung“, по Англійскимъ и Нѣмецкимъ порядкамъ съ особеннымъ отношеніемъ къ правительственнымъ реформамъ и провинціальному (уѣздному) устройству въ Пруссіи. Хозяинъ и мастеръ своего дѣла, знаменитый профессоръ и депутатъ въ этомъ томѣ стоитъ едва-ли не выше нежели въ предшествовавшихъ. Слышна большая политическая зрѣлость государственнаго человѣка, болѣе возвышенности и ясности въ сравнительномъ изложеніи порядка учрежденій и ихъ взаимнодѣйствія. Но и прежде и теперь я нахожу, что Гнейстъ слишкомъ много придаетъ значенія вообще учрежденіямъ. Гораздо важнѣе ихъ по моему мнѣнію условія благосостоянія: недвижимая собственность и народное просвѣщеніе. Эти условія въ Англій представаются не совсѣмъ въ благопріятномъ видѣ. Magna carta и главный присяжный дали Англій большія преимущества предъ материкомъ, но они не могли распространить въ народѣ благосостояніе и просвѣщеніе.

Представленіе министра внутр. дѣлъ о запрещеніи газеты П. С. Аксакова „Москва“ и объясненія редактора (на 28 лист.) слушаны въ 1 департаментѣ 29 Января и по разногласію перенесены въ общее собраніе (первое), гдѣ назначено къ докладу 7 Февраля. Быстро! Вел. Кн. Владимиръ и большинство соглашаются съ министромъ. Сенаторы (вотъ куда забивается оппозиція) Любимовъ, Веневитиновъ и Веймарнъ не соглашаются, полагая, что запрещеніе должно быть про-

изнесено судомъ, судебнымъ департаментомъ Сената. Большіе толки, и много шуму. Я не совсѣмъ понимаю это разногласіе въ виду 30 ст. закона 6 Апрѣля 1865 г. „Москва“ столько представляла поводовъ къ предостереженіямъ, что примѣненіе 30 ст. къ этой газетѣ могло возбудить сомнѣніе не о судѣ. 1-й департаментъ указалъ точно о продолжительности періодовъ времени, когда дѣлались предостереженія.

Только все это похоже на комедію: запретять „Москву“, явится „Москвичъ“. Правительство вызвало духовъ и не умѣетъ заговорить ихъ.

Восемнадцатый томъ Исторіи Россіи Соловьева. Трудъ почтенный. Окончивъ царствованіе Петра I-го, историкъ дѣлаетъ оцѣнку „этого величайшаго историческаго дѣятеля“ въ средѣ „великаго народа“, утопавшаго въ безысходномъ старомъ порядкѣ. Шесть томовъ эпохи преобразованія написаны Соловьевымъ пристрастно, подъ вліяніемъ самовосхваленія, которое охватило насъ послѣ Севастопольскаго погрома и въ виду нетерпѣливыхъ преобразованій настоящаго царствованія. Не оспаривая значенія величайшаго дѣятеля, вдвинувшаго насъ, Азіатцевъ, въ Европу, я не раздѣляю энтузіазмъ Ломоносова и проч. до Соловьева къ реформамъ Петра, стоившимъ столькихъ жертвъ—часто напрасныхъ,—и думаю, что дѣло преобразованія пошло бы лучше, если бы направленіе его было болѣе внутреннее, нежели внѣшнее, и если бы величайшій дѣятель довѣрилъ развитіе коренныхъ началъ: личной заслуги, коллегіальности, науки—болѣе времени, нежели деспотизму своей геніальной воли. Эта самоувѣренность породила централизацию и преобладаніе новаго, Петербургскаго, правительства, которое, какъ изданное не изъ жизни народа, а ргіогі, отдѣлилось отъ Россіи и даетъ ей себя чувствовать только налогами и повинностями. Геніальная личность Европейскаго императора внесла въ Азіатскую среду не прежній, а систематическій деспотизмъ, какого Россія никогда не знала, и передала эту странную власть своимъ преемникамъ, мало способнымъ, еще менѣе достойнымъ; а въ ихъ рукахъ этотъ деспотизмъ, подъ вліяніемъ предуготовленнаго вліянія знатоконъ-иностранцевъ, вылился въ холодный, чуждый всякаго общенія съ странною, формализмъ, продолжавшійся едва-ли не „до сегодня“.

Повторю прежнее замѣчаніе: Исторія Соловьева есть послѣдовательный сборникъ, указатель матеріаловъ, критика, разработка этихъ матеріаловъ, но не исторія. Для науки сочиненіе Московскаго профессора не имѣетъ ни должнаго спокойствія, ни необходимаго достоинства рѣчи. ни даже обдуманнаго систематическаго расположенія. Книга отзывается журналомъ. Историкъ напоминаетъ публициста,

Кто бы и что бы ни говорили, но движеніе умственное, литературное и промышленное, движеніе политическое и социальное есть; оно очевидно, осязательно. Я не говорю объ агитаціяхъ, къ которымъ отношу и адресъ Московскаго дворянства и лойяльное заявленіе дворянства Остзейскаго,—это маска, ложь, довольно безцѣльная и дешевая. Я не говорю о напряженномъ развитіи желѣзно-дорожнаго дѣла: это спекуляція ловкихъ людей, которой надобно положить конецъ. Я говорю объ общемъ ходѣ жизни, о гласности и равноправности, все болѣе и болѣе переходящихъ въ дѣйствительность. Я разумѣю положительные, осязательные результаты: увеличеніе государственныхъ налоговъ и постоянное возрастаніе внѣшней торговли. Сегодня А. П. Шиповъ зазвалъ меня на свою бесѣду въ думѣ о пьянствѣ. Много было декламации, много страховъ отъ страшной дилеммы, много порицаній настоящей системы акциза, но, взамѣнъ всего этого, робкія, благонамѣренныя предположенія о лучшемъ устройствѣ и о такой земской опецѣ, что ее можно внести и въ программу г. г. „Вѣсти“. Мы страдаемъ молодостью. Она скоро пройдетъ.

Я серьезно думаю оставить кассационный департаментъ. Дѣла разсматриваются сотнями, à vol d'oiseau. Я опасуюсь за послѣдствія. А между тѣмъ матеріальнаго труда множество, истощеніе физическое и умственное—послѣ 6 часоваго засѣданія—постоянное. Это ненормально, недостойно и несоотвѣтственно. И безпрестанно натыкаешься на противорѣчія, и безпрестанно всплываютъ общіе вопросы. А между тѣмъ дѣла прибываютъ массаами, и въ перспективѣ ожидается удесятиреніе поступленія ихъ. Не практически организовано это дѣло!

Сейчасъ былъ у меня Андрей Симанскій и между прочимъ, разсказалъ о приготовленіи въ университетъ его сына, Володи... Отецъ, расходуя по 50 р. въ недѣлю, разсказываетъ о неимовѣрныхъ его успѣхахъ въ математикѣ. Ну, Митя, гимназистъ мой ординарный, гдѣ тебя оставитъ Володя? А объ этомъ уже записалъ и ни сколько не отступаю отъ моего мнѣнія. Нынче же былъ у меня по утру другой Андрей, кн. А. Владим. Друцкой-Сокольницкій, который тоже обѣщаль многое. Онъ посѣщаетъ балы Англійскаго и Французскаго посольствъ, служить канцелярскимъ служителемъ во 2 д-тѣ у Суцова и занялъ у меня 31 рубль,—что у меня нашлось. Какъ ничтожны эти господа особенно тѣмъ, что безъ труда хотятъ жить работою. Впрочемъ индивидуумы эти всегда были и всегда будутъ. Я записываю единственно для того, чтобы со временемъ справиться, что они будутъ?

Читаю я „Слова Вас. Орлова“, о которыхъ Синодъ сдѣлалъ такія напыщенные рекламы въ указѣ, печатавшемся въ книгопродавче-

скихъ объявленіяхъ. Проповѣди дѣйствительно хороши, но очень далеки отъ синодской рекламы, т. е. учебнаго комитета, подѣ председательствомъ о. Васильева. Не будь этой рекламы, книга имѣла бы скромный, но прочный успѣхъ. Теперь ее Московскіе „Платоновы“ загрызутъ, потому что порицать все правительственное есть страсть времени, потому что нужно лягнуть Парижскаго реформатора, и очень хочется укусить гр. Дм. Анд. Толстаго, который идетъ на всѣхъ парусахъ. Слова Орлова удобопонятны, не длинны, не испещрены текстами и согрѣты теплотою. Они далеко хуже и по отдѣлкѣ, и по глубокомыслию знаменитыхъ нашихъ проповѣдниковъ, и хотя страдаютъ общимъ недостаткомъ—преувеличеніемъ, но дѣйствительно могутъ служить образцами въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ.

Пятидесятилѣтній юбилей Петербургскаго университета прошелъ какъ-то вяло, почти незамѣтно. Или надоѣли эти празднества, или праздновать было нечего. Университетъ всегда былъ плохъ, и наставниковъ для царевичей выписывали изъ Москвы. Но спасибо Государю за 300 стипендій, за 20 т. для бѣдныхъ студентовъ. Спасибо и старику Подолинскому (какъ онъ напоминаетъ 1830-е годы!), за стихотвореніе, оканчивающееся не новою, но всегда благородною аксіомою:

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ.

Не думаю, чтобы Греко-Турецкое столкновение (въ Кандіи) и Французско-Прусское (на Бельгійск. желѣзныхъ дорогахъ) были улажены миролюбно. Нынѣ вопросъ о династіяхъ въ зависимости отъ народнаго благосостоянія и національной чести. Греція оскорблена не только въ своихъ стремленіяхъ, весьма естественныхъ, но и въ нарушеніи международныхъ правъ. Парижская конференція поучаетъ ее какъ школьника. Въ настоящемъ видѣ Греція слишкомъ мала для государства, и въ ней и въ Европѣ вообще окончательно установилось мнѣніе о распаденіи Турціи, удерживаемомъ единственно соперничествомъ великихъ державъ. Здѣсь столкновение неминуемо, если только Румынія, Сербія и Черногорія согласились на общее дѣйствіе. Еще болѣе неминуемо столкновение между Франціей (съ Австріей, безъ Венгріи) и Пруссіей. Пруссія слишкомъ велика для государства. Она постоянно угрожаетъ всѣмъ: и Россіи, и Австріи, и Пруссіи. Это самый страшный соперникъ нашъ на больномъ мѣстѣ Балтики. Нельзя болѣе вызывательно смѣяться надъ императоромъ Наполеономъ, какъ дѣлаютъ это Прусскія газеты. Они трактуютъ старѣющаго льва какъ Бейста. Еще болѣе грозное—хотя въ отдаленномъ будущемъ—приготавливается столкновение на Гималаяхъ

Россіи съ Англіей. Наши непомѣрные (и потому неправые) успѣхи въ средней Азіи сближаютъ насъ съ народами Индіи, ожидающими отъ насъ освобожденія отъ Англійскаго ига. Но это еще далеко. Теперь время созрѣло на Балканахъ и на Рейнѣ. Можетъ быть гр. Бисмаркъ покается въ злоупотребленіи успѣхомъ, и коалиція введетъ Пруссію въ границы болѣе скромныя и болѣе соотвѣтствующія спокойствію Европы; но время пропущено, великій узурпаторъ пожертвовалъ великими интересами своей имперіи расчетамъ лично-династическимъ, и послѣ смерти Николая не сдѣлалъ ни шагу для сближенія съ Россіей, которая не забудетъ ему ни Парижскаго трактата 1856 г., ни дипломатическаго похода 1863 г., когда Наполеонъ вошелъ въ программу Польско-революціонной партіи, которая и до сихъ поръ кажется дѣйствующей въ сѣверо-западныхъ нашихъ губерніяхъ.

О Польской партіи у меня пришло на языкъ по случаю разговора о преобладающемъ вліяніи графа Ржевусскаго въ средѣ т. н. партіи „Вѣсти“, весьма распространенной въ Петербургѣ и близко связанной съ партією поземельнаго кредита. Партія пришельческая и совершенно антинаціональная.

День Св. Кирилла послужилъ поводомъ къ новой Славянской манифестаціи, какъ всегда довольно безплодной, здѣсь и въ Москвѣ. Но нельзя не опасаться, чтобы этими безплодными агитаціями не воспользовались наши враги, увѣривъ Турецкихъ Славянъ, что мы щедры только на манифестаціи, отъ дѣйствительнаго же вмѣшательства, отъ вооруженной помощи, мы болѣе далеки, нежели дипломатія Наполеона и сосѣдство Австріи. Помощь денежная, книжная, церковная ничтожны. Общеніе литературное еще ничтожнѣе. Вообще частная инициатива у насъ совершенно безсильна. Учрежденіе правительствомъ значительнаго числа стипендій въ гимназіяхъ и университетахъ собственно для Славянъ было бы гораздо оцѣнительнѣе, нежели эти Славянскіе комитеты, изъ которыхъ одинъ едва содержитъ двухъ-трехъ стипендіатовъ, а другой, за лучшее сочиненіе о стремленіи Славянъ къ соединенію, общааетъ премію въ 200 р.! Безъ вмѣшательства правительства манифестаціи г.г. Погодина, Аксакова, Гильфердинга и Ламанскаго съ братіей поддерживать толки, но толку не принесутъ. Какъ представительница славянства, Россія имѣетъ всѣ права покровительствовать Славянамъ и, заботясь о ихъ просвѣщеніи, стремиться къ ихъ объединенію въ словѣ и въ церкви. Исторически не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и слово и богослуженіе у насъ были и должны быть (и будутъ) общія. Лучшіе помощники наши, это—Папа, Австрія и Султанъ. Притѣсная Славянъ, они работаютъ въ наши руки. Симпатичное для всѣхъ настоящее царствованіе привлечетъ—надѣмся—къ воссоединенію и епи-

скопа Куземскаго съ уніатами и равнодушныхъ Чеховъ отвлечетъ отъ ненавистнаго всѣмъ конкордата.

Распространеніе просвѣщенія въ Славянахъ, и при томъ путемъ Россіи, будетъ служить лучшимъ средствомъ объединенія ихъ, по крайней мѣрѣ, нравственнаго, интеллектуальнаго. А просвѣщеніе имъ нужно. Укажу опять таки на варварскій процессъ убійцы князя Михаила Сербскаго, заканчиваемый нынѣ судомъ надъ главнымъ подстрекателемъ, Карагеоргіевичемъ, и его секретарями.

Впрочемъ, не начать-ли это распространеніе просвѣщенія съ насъ, не предоставляя этого дѣла бѣдному и лѣнивому земству?

Процессъ крушенія фрегата „Александръ Невскій“ (въ Скагерракѣ, въ Сентябрѣ прошлаго года) сегодня кончился. Судъ призналъ троихъ „виновными въ неосторожности, имѣвшей послѣдствіемъ гибель фрегата“, но съ обстоятельствами, уменьшающими вину, и потому опредѣлилъ: генераль-адъютанту Поссіету объявить выговоръ въ приказѣ, флигель-адъютанта, капитана Кремера, выдержать на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ; старшаго штурмана Хохлова—двѣ недѣли. Моряки ожидали, что рѣшеніе будетъ такъ снисходительно по особому благоволенію Государя къ Поссіету и Кремеру; но они находятъ въ этой „неосторожности“, имѣвшей послѣдствіемъ гибель лучшаго судна нашего флота, такую безпечность, такое отсутствіе строгой отчетливости морской службы, что виновные, особенно Кремеръ, *по малой мѣрѣ* заслуживали исключенія изъ службы. Въ публикѣ раздаются тоже голоса неудовольствія. „Неосторожность“, сопровождавшаяся неисполненіемъ существенныхъ предписаній плаванія, не можетъ указывать ни на какія обстоятельства, заслуживающія снисхожденія. На фрегатѣ были Царевичъ и до 800 чел. экипажа, погибли бар. Иксуль, Зоринъ и три матроса, и казна несетъ убытокъ въ 700 т. руб. Такая „неосторожность“ заслуживала болѣе строгой отвѣтственности, и сдѣланное послабленіе можетъ быть опаснымъ прецедентомъ. И дѣйствительно, приговоръ слабъ. Несоблюденіе правилъ о лоци тѣмъ болѣе усиливаетъ виновныхъ въ неосторожности, что плаваніе совершалось въ осеннюю ночь, въ опасномъ мѣстѣ, и могло имѣть страшныя и имѣло весьма важныя послѣдствія. Надобно ожидать, что Поссіетъ и Кремеръ выдутъ въ отставку. Если ихъ спасъ изданный для нихъ „Законъ—Или“ какъ называютъ моряки высочайшее повелѣніе 12 Ноября 1868 г., опредѣляющее пять видовъ наказанія, то достоинство и высшее приличіе морской службы требуютъ, чтобы такой поступокъ не оставлялъ виновныхъ въ рядахъ флота, какъ бы ни были геройски послѣдующія дѣйствія, при спасеніи команды и Царевича. Это геройство необходимой защиты. Спасались отъ смерти и многіе погибли. NB. Осужденные всѣ прощены Государемъ. Много драматическаго

было въ этомъ процессѣ: управ. адмир. Краббе и предсѣд. суда Нордманъ, личные порицатели Поссіета и Кремера. Имъ не благоволятъ и генераль-адмиралъ за то, что всѣ эти поѣздки устраиваются Поссіетомъ непосредственно съ Государемъ, мимо Морскаго Министерства.

При самомъ вступленіи въ кассационный департаментъ я боялся за матеріальные, механическіе безпорядки и ошибки въ дѣлопроизводствѣ, въ движеніи дѣлъ и бумагъ, въ перепискѣ и подписяхъ, въ отправленіи и полученіи. Сегодня подали Арцимовичу опредѣленіе, завалившееся съ Марта 1868 г., ровно годъ. Правовѣды чужды внѣшнему, формальному порядку. Они слишкомъ дешево и скоро все получили, чтобы останавливаться на этихъ мелочахъ. Я говорилъ объ установленіи опредѣленнаго порядка, о пересмотрѣ нашего наказа, по крайней мѣрѣ десять разъ. Изъ числа 50 дѣлъ, *оуломъ* присланныхъ мнѣ сверхъ очереди, я еще въ началѣ Декабря передалъ разсмотрѣнныя и приготовленныя мною 26 дѣлъ, которыя оберъ-прокуроръ обѣщала назначить во второй половинѣ Декабря, а теперь исходитъ и вторая половина Февраля 1869 г., а о дѣлахъ моихъ и слуху нѣтъ. Съ одной стороны масса дѣлъ, а съ другой—такіе порядки: какое же вѣроятіе въ прочной будущности?! Я не помню ни одного моего требованія, которое было бы исполнено своевременно. Переписка опредѣленій замедляется до нельзя. Самое печатаніе рѣшеній дѣлается не въ время и весьма небрежно.

Весь Петербургъ исполненъ глубокаго удивленія къ пѣвицѣ Патти. Аделина Патти, маркиза де-Кю, согласилась провести сезонъ пли два въ Петербургѣ, получая за каждый спектакль 1850 руб., что составитъ около 50 т. р., если не болѣе. Нѣтъ никакой возможности достать ложу или кресло, развѣ за безумную цѣну. Завтра жена везетъ Наташу въ концертъ, въ которомъ поетъ Патти. Какое впечатлѣніе произведетъ *diva* на мою *divu*? Ей же, моей музыканткѣ, *поэтъ* Кузьминскій (Григорій Иванов.) написалъ стихи, въ которыхъ

Теперь какъ вашихъ дарованій, И разума возникнулъ свѣтъ, Онъ проситъ, чтобы Въ добрѣ вы были постоянны, И чисты сердцемъ.

НВ. Впечатлѣніе знаменитой пѣвицы на ребенка какое-то неопредѣленное. Очевидно недостаетъ пункта опоры и сравненія. Она дала себѣ болѣе отчета въ игрѣ Ант. Рубинштейна, нежели въ пѣніи Патти.

НВ. 26 Февраля Наташа съ братомъ и матерью была въ Итальянской оперѣ. Давали „Роберта Дьявола“ Майербера. Она слушала съ особеннымъ вниманіемъ знакомую ей музыку и отдаетъ преимущество Итальянцамъ передъ Русскими, хотя Итальянская обставлена довольно слабо. Кромѣ Станьи нѣтъ свѣжаго голоса, все старо и слабо, но конечно все лучше Русской обстановки.

Я глубоко убѣжденъ въ Римской пословицѣ: *consilium magnum consultari possimum*. Однако вижу иногда, что интрига и превозмогаетъ. Я понималъ интригу, когда находился въ силѣ при гр. Панинѣ; но съ Марта 1857 г. я совершенно измѣнился; я постоянно и всеѣмъ уступаю. Мнѣ наступаютъ на ногу, я молчу. Подлое существо ползетъ пресмыкаячусь, слышитъ шумъ и ропотъ въ молчаніи и видитъ протестъ и пренебреженіе во всякомъ взглядѣ и восклицаніи недоразумѣнія. Подлое существо это ждетъ ночи и становится за уголь, тогда какъ все спитъ и развѣ случайно пройдетъ гуляка-товарищъ. Подлость не знаетъ цѣли, униженіе-низость для нея есть требованіе безотчетное, наслажденіе, безъ котораго она болитъ и улегучивается. Безъ интриги она ничтожна, въ интригѣ она неуловима. 21 Февраля.

Вечеръ у митрополита Иннокентія, 27 Февраля. Если это замѣчательный человѣкъ, то это замѣчательный вечеръ, продолжавшійся съ 8-ми до половины 11-го, битыхъ 2¹/₂ часа. Мы обозрѣли почти все внутренніе вопросы дня, поименовавъ даже нѣкоторыя личности. Во многомъ соглашались, во многомъ—преимущественно общемъ—разнились. Вообще, это человѣкъ недуховный, не высшаго ума и просвѣщенія, но симпатичный, неаскетическій. Это человѣкъ мірской, здраваго смысла и опыта. У него много нагорѣло неудовольствія на свѣтскую власть нашей церкви, на разныя современныя нововведенія въ духовномъ вѣдомствѣ, на гр. Толстаго. Въ его глазахъ положеніе Св. Синода совершенно подчиненное, смѣшное. Такимъ оно является и въ указѣ о позволительности ученія въ Воскресенье и въ отчетѣ Миссіонерскаго Общества. Отецъ Васильевъ упоминался раза три. Саркастически упомянулъ объ испрошеніи дѣтямъ православнаго духовенства правъ дѣтей пасторовъ. Видно, что онъ слѣдитъ за движеніемъ современной жизни и литературы. Аксаковское дѣло его очень интересуетъ. Иванъ Аксаковъ, обличившій все безсиліе Синода передъ оберъ-прокуроромъ, выставляется героемъ. Много говорилъ владыко—весьма довольно—о безполезности искусственнаго и усиленнаго распространенія грамотности и о постоянномъ нашемъ подражаніи Западу, который никогда не признаетъ насъ за равнаго себѣ; о вредѣ утилитарности и многознанія, отвлекающихъ заботы о воспитаніи сердца, совершенно пренебрегаемомъ въ публичныхъ заведеніяхъ. Вообще я замѣтилъ въ преосвященномъ духъ оппозиціи, противорѣчія, иногда довольно тѣснаго, провинціального, штокъ Русскаго, Московскаго. Видно вліяніе Славянофиловъ, нерѣдко соединенное съ узкимъ взглядомъ Русскаго попа, но попа просвѣщеннаго многостороннимъ опытомъ долгой жизни (онъ помнитъ управленіе Сперанскаго въ Сибири) и разнообразныхъ положеній отъ Петербурга до Благовѣщенска. Иннокентій считаетъ Платона (Рижско-

донскаго) въ опалѣ: иначе, какъ старшій, онъ по всѣмъ правамъ долженъ бы былъ получить Литовскую кафедру, гдѣ былъ викаріемъ. Онъ легко допускаетъ несовершенства и ошибочность законовъ человѣческихъ и готовъ съ твердостью проводить непогрѣшительные законы божескіе, къ которымъ онъ, кажется, причисляетъ и церковные. Я не думаю, чтобы мы сошлись съ нимъ близко, но полагаю, что вечеръ провелъ онъ не безъ интереса. Мнѣ нужно было познакомиться съ нимъ, чтобы испросить дозволеніе и благословеніе Наташѣ на предпринятый ею подвигъ: переводъ на Французскій языкъ „Указанія къ вѣчной жизни“, написаннаго для Алеутовъ и разошедшагося болѣе 100 т. экземпляровъ.

„Какихъ не вымышляй пружинъ, чтобъ мужу бую умудриться—неможно вѣкъ носить личинъ, и истина должна открыться“. Это проводится чрезъ всю мою жизнь 23, 24 года тому назадъ. Открывается.

Какъ велика сила общаго увлеченія, это доказываю я. Всегда я былъ противъ расточительности и роскоши, противъ Петербурга и его Итальянцевъ съ непомѣрными цѣнами, окладами и подарками (подаркамъ нашъ контръ-альтъ Лавровская дала прекрасный урокъ, мало оцѣняемый распущеннымъ Петербургскимъ мнѣніемъ). И что же? Я посылалъ моего Алексѣя на битву въ большой театръ, и оборванный и измятый, онъ досталъ билетъ за 8 рублей. 32 франка за одно представленіе! (Посылалъ впрочемъ не я, а жена). Добыча билетовъ есть страшная давка. Жажда наслажденія непомѣрная. *Rapem et circenses!* А нужда въ народѣ ужасающая, а голодающихъ—массы. Странно, что, несмотря на рѣдкость удовольствій, я совершенно къ нимъ равнодушенъ. На дняхъ видѣлъ превосходный спектакль „Смерть Іоанна Грознаго“, и въ этой драмѣ, превосходно поставленной, но чуждой всякаго драматическаго дѣйствія, я не нашелъ удовлетворительнымъ самый психологическій этюдъ знаменитаго тирана. Есть два монолога—Сицкаго и Захарьина—глубоко прочувствованные, но герой представляется звѣремъ или злодѣемъ-мономаномъ. Я едва досидѣлъ до конца. Не думаю, чтобы эта картина вѣрно изображала Русскій дворъ 1580 годовъ, когда у насъ уже введены были Византійскіе порядки Греческою царевною лѣтъ сто назадъ. Драма мнѣ не понравилась. Она и обставлена плохо, съ Нильскимъ и Малышевымъ. Сочинитель желалъ выставить Романова. Это ему удалось. Но Патти! Патти, которой на дняхъ, 27 Февр., были такія неистовыя оваціи, неужели и ея пѣніе заставитъ меня пожалѣть, что я наслаждаюсь безъ жены и дѣтей? Запишу впечатлѣнія.

Патти дѣйствительно пѣвица дивная. Я слышалъ *Somuar*—Росси, Віардо, Фрезолини, Бозіо и проч. *tutti quanti*. (Не слышалъ Дженни-Линдъ. Лукку слышалъ въ Берлинѣ). Но ни одна не имѣла такихъ средствъ, какими такъ свободно, такъ своенравно владѣетъ Аделина

Патти. Это—скрипка, это флейта со всѣми возможными переходами сверху до низу, безъ всякаго напряженія, безъ малѣйшихъ усилій. При томъ же она молода, хороша собою и граціозна. При томъ же шла опера „Донъ Пасквале“. (Назначена была „Сомнамбула“, но по случаю простуды Патти рѣшилась пѣть партію Норины), въ которой Патти представляла шалунью-капризницу и представляла, при этомъ чудномъ пѣніи, превосходно. За этимъ талантомъ забываешь и немного балаганную музыку и глуповатое либретто оперы. Все вниманіе сосредоточивается на звукахъ человѣческаго голоса, спорящагося съ механизмомъ инструмента. Голосъ требуетъ себѣ преимущества.

Но *diva* эта есть олицетворенный капризь. Переменчивъ оперу, она и въ Донъ-Пасквалѣ пѣла только два акта. Третій согласилась закончить Вольпини (и приняла же ее публика!). Въ взглядахъ, въ жестахъ Патти видны своенравіе, капризь, требовательность, нетерпѣніе, деспотизмъ. Внушая удивленіе и зависть, пѣвица не дышетъ любовью и симпатіей. Съ перваго шага на сценѣ видно все сознаніе своего могущества, и это много мѣшаетъ впечатлѣнію зрителя, желающаго видѣть въ талантѣ одушевленіе и скромность. Въ этомъ отношеніи Росси была талантъ великій.

Какъ пораженъ я былъ, прочтя въ газетныхъ объявленіяхъ о смерти князя Владимира Ѳеодор. Одоевского. Я знаю его давно, но близко сошелся съ нимъ и съ умною его женою, княгинею Ольг. Степ. (урожденная Ланская) въ Москвѣ. Одоевскій началъ дѣйствовать весьма давно и рано, и на него возлагали большія надежды. Его высоко цѣнили Пушкинъ, Веланскій, графъ Блудовъ и даже Киселевъ. Литературная дѣятельность его извѣстна. Онъ давно прекратилъ ее. Дѣятельность его музыкальная вошла въ пословицу. Онъ былъ Московскимъ графомъ Віельгорскимъ, и многіе артисты, заѣзжіе и молодые, его пожалѣютъ. Это былъ ихъ меценатъ. Дѣятельность его служебная была всегда посредственная; дѣятельность его какъ сенатора—ниже всякой посредственности. Удивительно, какъ много онъ занимался и записывалъ. Канцеляріи и лѣнливымъ своимъ сотоварищамъ онъ за это былъ ненавистенъ, продолжая безъ толку засѣданія.

Замѣчательна была его невозмутимость, ровность характера, самое теплое равнодушіе, если можно такъ выразиться. Онъ никогда не сердился, не обижался, не возвышалъ голоса. Онъ ни надъ кѣмъ не смѣялся и готовъ былъ на всякое дѣло добра и общей пользы.

Можетъ быть, при лучшемъ направленіи, изъ него выработался бы человекъ замѣчательный. Но разнообразіе, всесторонность заглушили искру таланта, который хотѣлъ быть и ученымъ, и свѣтскимъ, и повѣствователемъ, и химикомъ, и музыкантомъ, и медикомъ, и наконецъ

библіографомъ и сенаторомъ. И онъ не обнялъ ничего. Въ искусствахъ онъ объяснялъ теоріями, въ теоріяхъ опытами. Музыку объяснялъ архитектурой. Онъ особенно смутно поучалъ. Рѣшительно не поймешь, что онъ говорить. Онъ написалъ: „Музыкальная грамота для немужыкантовъ“, и я ни одной строки понять не могъ, другіе—тоже. Точно Хавскій о Пасхѣ. Ему было лѣтъ 65, и онъ умеръ рано. Объ Александрѣ Мейендорфѣ говорили, *que c'est une nullité européenne*. Объ Одоевскомъ можно сказать *que c'est une célébrité nulle*. Но—замѣчаетъ д'Израели—иногда лучшіе общественные дѣятели неизвѣстны исторіи. Дѣйствительно, люди какъ Новиковъ, А. Н. Оленинъ, какъ Станкевичъ, кажется, ничего не сдѣлали, а между тѣмъ изъ кружка ихъ вышли Карамзины, Гнѣдичи, Грановскіе, разлившіе свѣтъ этого теплаго кружка на города и веси. Одоевскій, аристократъ-гуманистъ, составлялъ такой кружокъ, и многіе, многіе съ благодарностію, съ удовольствіемъ вспомнить о привѣтливомъ хозяинѣ, у котораго сходились и государственные люди, и поэты, и особенно ученые, и артисты, важные и неважные.

Миръ праху твоему, товарищъ! Вся семья моя и даже люди мои грустятъ по тебѣ, вспоминая Четверги, которые ты проводилъ съ нами.

Какъ много умираютъ и все почти незапно! Видь смерти нашего вѣка. Вѣроятно есть особыя болѣзни, съ теченіемъ времени и мыслей возникающія, которыхъ постукиванье и подслушаніе не распознали еще. Гнутъ людей у насъ и радикальныя реформы. Съ нашимъ переводомъ въ кассацию положеніе Московскихъ сенаторовъ сдѣлалось еще болѣе ложнымъ. Эта мысль давила и задавила Колюбакина. Она могла давить и Одоевского, который изъ сенаторовъ едва ли не одинъ оставался грамотный. Онъ и при всевозможномъ равнодушіи не могъ быть чуждъ честолюбія, и ложное положеніе не могло не давить его. Онъ же не вѣрилъ въ Христа-Бога. Надежды нѣтъ.

Надобно примиряться съ мыслию о смерти. Во первыхъ, это общій удѣлъ, его же не минуемъ. Во вторыхъ, ты сынъ вѣка и времени, которые такъ мало дорожатъ людьми, и въ третьихъ, Россія находится въ томъ революціонномъ положеніи, въ которомъ, и при лучшихъ ожиданіяхъ оптимиста, мысль постоянно тревожна, сердце постоянно беспокоится, и постоянная забота и невольныя опасенія давятъ челоуѣка. Надо примиряться съ мыслию о смерти.

Праздникъ Сологуба. У меня ты покоешься, Одоевскій, между Патти и Сологубомъ. Случайность неумышленная (!).

Графъ Сологубъ придумалъ живыя картины, которыя геній Россіи показываетъ лѣтописцу Россіи и въ которыхъ выражается „Судъ Исторіи“—поэма, для этого написанная Сологубомъ: Въ поэмѣ прославляются современные преобразованія. Какъ „между тѣмъ такъ просто и такъ

плавно свершаютъ дни дѣянія вѣковъ“. Восхваленія неумѣстныя, грубыя и тѣмъ болѣе ложныя, что мнѣ да и многимъ извѣстны мнѣнія Сологуба о современныхъ преобразованіяхъ. Вытертый изъ колеи въ литературѣ и въ общественномъ положеніи, Сологубъ удалился въ Москву и занялся преобразованіемъ Рабочаго дома. Здѣсь онъ не скрывалъ, что въ странѣ какъ Россія, *tabula rasa*, удаются всякія преобразованія, но обыкновенно только наружно, по внѣшности. Если же удадутся современные, то не иначе какъ на счетъ самодержавія и даже монархическаго начала. Правда, но къ чему же праздникъ? Надобно удивляться, какъ подалось на такую грубую лестъ общество артистовъ, которые прежде всего должны быть чутки къ деликатности и благородству чувствъ.

Исторія съ Прусскимъ лѣсничимъ—Отто-Арнимъ—кажется гораздо важнѣе нежели можно было заключать по краткимъ газетнымъ извѣстіямъ. Курляндскій помѣщикъ фонъ Л. назвалъ его Медеянскою собакою и за дерзкій отвѣтъ на эту брань приказалъ связать его и почти neodѣтаго свезти въ Дерптскій земскій судъ, гдѣ онъ тотчасъ былъ посаженъ въ тюрьму. Арнимъ утверждаетъ, что помѣщикъ требовалъ, чтобы лѣсничій стрѣлялъ въ несчастныхъ крестьянъ его изъ ружья солью. Несчастный не только не нашелъ правосудія, но, съ большими усиліями пробравшись на родину, въ Пруссію, два года тщетно ожидаетъ тамъ высылки по крайней мѣрѣ заслуженнаго жалованья. Онъ, въ письмѣ въ редакцію „Моск. Вѣд.“, взываетъ теперь къ правосудію Государя и благихъ его законовъ.

Я давно занятъ этимъ дѣломъ, которое важно и по Остзейскому краю, и по отношеніямъ къ Пруссіи, гдѣ такъ ревностно защищается Нѣмецкій элементъ этого края. Помѣщикъ этотъ есть Курляндчикъ ф. Липгартъ. Онъ дѣйствительно погорячился, но истязаній никакихъ не было. При отправленіи въ Дерптъ онъ дѣйствительно былъ связанъ, потому что сопротивлялся, не хотѣлъ ѣхать и толкалъ державшихъ его людей. Ъхалъ онъ не безъ одежды: ему принесли пальто изъ дому. Въ Дерптѣ онъ поступилъ въ распоряженіе законныхъ властей, и все дальнѣйшее лежитъ на отвѣтственности лѣсничаго Арнима. На вопросъ: за что Арнимъ отправленъ въ Дерптъ? Отвѣчаютъ, что онъ не только на брань отвѣчалъ бранью, но и дозволилъ себѣ такіе жесты и движенія, которые порождали опасенія ударовъ или побоевъ, а дѣло происходило въ присутствіи прислуги.

Впрочемъ я знаю дѣло отъ Остзейца. Источникъ односторонній. Интеллигенція края малочисленна, мелка и, по замѣчанію ф. Трейчке, своекорыстна и безъ корней. Можетъ быть, Нѣмцы перехитрятъ; имъ

это тѣмъ легче, что и Петербургъ немножко тоже Нѣмецъ, и Русской партіи не удастся переимѣнить устарѣлыя Нѣмецкіе порядки; но все это до поры до времени. Все это вопросъ только о времени, которое въ наше время идетъ быстро. Русскій океанъ, особенно при настоящихъ преобразованіяхъ, затопитъ всѣ окраины, а въ томъ числѣ и Балтійскій край, и во всей имперіи общій языкъ и общія учрежденія будутъ Русскія. Я въ томъ никогда не сомнѣвался. Лишь бы преобразованія водворились и укрѣплялись. Жаль, что они иногда не совѣмъ практичны и вводятся неопытною рукою, а въ Остзеѣ и рукою нерѣшительною.

Постепенно и постоянно я все старѣю и слабѣю. Бессонница продолжается. Нервное разстройство все усиливается. Измѣняется характеръ. Уничтожается человѣкъ. Если мы не двигаемся впередъ, мы отстаемъ; если мы не совершенствуемся, мы ухудшаемся. Этому содѣйствуетъ и положеніе, въ которое мы поставлены. Пилить и крошить человѣка и мелкая интрига. И мелкость людей. И мелкіе люди.

Я почти готовъ согласиться съ товарищами Булыгинымъ и Матюнинимъ, что доколѣ большинство и канцелярія будутъ принадлежать правовѣдамъ, интрига будетъ постояннымъ правиломъ, и прочнаго устройства кассационнаго порядка ожидать нельзя. Меня тяготитъ этотъ порядокъ. Онъ, этотъ регуляторъ правосудія, очень неудовлетворителенъ и очень зыбокъ. Ужъ нѣтъ-ли и тутъ Польши?

Распушенность идетъ все далѣе. Требования студентовъ Медико-хирургической Академіи заставили министра закрыть курсы. Въ Кронштатѣ, съ нарушеніемъ всякой дисциплины, буйство выразилось въ открытомъ побоищѣ, гдѣ были и оружіе, и смерть. Попечитель Кавказскаго учебнаго округа, за явное неповиновеніе высшихъ классовъ Тифлисскаго гимназіи, долженъ былъ раскассировать ихъ. „Язва непокорности проникла отчасти и въ низшіе классы, и все заведеніе потрясено въ нравственныхъ своихъ основаніяхъ“. Этого можно ожидать и въ Балтійскихъ заведеніяхъ, если напоръ обрусенія и на нихъ распространяется. Но меня всего болѣе страшитъ 1870 годъ съ его правомъ перехода крестьянъ, какъ въ XVI стол., и съ послѣдствіями недоимокъ, которыхъ надобно ожидать *).

*) Я давно ихъ ожидалъ и ожидаю. Но машина идетъ, Петербургъ процвѣтаетъ, и я не вижу особенно знаменій времени. Кронштадтская исторія—убито или до смерти прибито 8 человѣкъ—и событія въ академіи, институтѣ и университетѣ это дѣло Полоковъ, въ томъ никто не сомнѣвается. Я сомнѣваюсь. Говорить, что распредѣленіе стипендій дѣйствительно возмутило юношей.

и болѣе, и послѣдствіемъ броженія должны быть жертвы крутаго переходнаго времени. Распущенность парализируетъ и власть, и порядокъ, и безопасность. Но не кажется-ли это только болѣзненнымъ пессимизму? Не видить-ли онъ зла и въ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ по дѣламъ, гдѣ явное преступленіе извиняется по личнымъ впечатлѣніямъ чувствительности и увѣренности въ произволь?

А между тѣмъ „виды внѣшней торговли“, распространеніе желѣзныхъ дорогъ, движеніе публицистики и журналовъ, развитіе адвокатуры, пренія земскихъ собраній и др. чтò можетъ быть болѣе убѣдительно въ несомнѣнномъ общественномъ развитіи?

Да. Но вчера съ выигрышные билеты лотерейн. займа были 180 р., а нынче 150. Въ нашъ самонадѣянный вѣкъ теорій, паровъ и газовъ только и слышишь что о незапностяхъ и катастрофахъ. Напоръ демократіи и социализма такъ великъ, что прежнія теоріи оказываются узкими, усовершенствованія граничатъ съ чудесами, и невозможное дѣлается сомнительнымъ. Я давно предчувствовалъ эту наступающую среду развитія человѣчества, въ которой и мы, Русскіе, должны занять свое мѣсто. Распущенность наша—это отрѣшеніе отъ стараго и введеніе къ новому. Ошибка нашихъ государственныхъ людей въ томъ заключается, что они не предупредили рѣзкости переходныхъ явленій, выразившихся въ жертвахъ личностей, мѣстностей и классовъ.

Броженіе юношества меня не пугаетъ: оно уляжется, если умѣючи употребить или законные или домашніе, но благородные приемы. Меня пугаютъ броженія народныя, нужда, голодъ, возрастающій deficit, паденіе курса и новыя лотереи. Ужъ слишкомъ что-то легко все намъ достается: и деньги, реформы! А Кронштадтская исторія?

Честь и слава составителямъ положенія о выкупѣ регулированныхъ земель въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Это почти крестьянскій надѣлъ, перешедшій почти за границу. Ему слѣдуетъ обойти всю Европу, весь свѣтъ. Нѣмецкіе бароны наши были всегда противъ него, и нельзя не пожалѣть, что имъ пожертвована сельская полиція. Но это не надолго и едвали не въ одной буквѣ. Организация обществъ крестьянъ вызоветъ свою полицію. Земель казенныхъ числятся: въ Курляндіи—336 т. десятинъ, въ Лифляндіи—278 т. и въ Эстляндіи 5088. Оброка приходится съ десятины въ Курляндіи 1 р. 65 ³/₄ к. въ Лифляндіи—93 ¹/₂ к. и въ Эстляндіи 78 ¹/₂ к. Арендная плата въ частныхъ имѣніяхъ въ Лифляндіи за десятину 3 р. 30 к. Капитализируя оброкъ, цѣна выкупа десятины будетъ въ Курл.—41 р. 43 ³/₄ к. въ Лифл.—23 р.

37½ к. и Эстляндіи 19 р. 62½ к. Сравнительно, оцѣнка умѣренная. Частная продажная цѣна въ Лифляндіи 61 р. 66 к. Вообще мѣра эта проведена удачно и дѣлаетъ честь генералу Зеленому, который имѣлъ большую поддержку въ Великомъ Князѣ Константиѣ.

Вчерась скончался и еще добрый товарищъ, сенаторъ Беръ (Борис. Иван.) на 64 году, полный силъ, рвенія и даже энергіи. Это былъ добросовѣстный служага, очень хорошій семьянинъ и пріятный знакомый. Онъ много трудился, большое участіе принималъ въ преніяхъ, часто въ жаркихъ. Всѣ мы его очень жалѣемъ. Миръ праху твоему, товарищъ. 21 Ноября.

Споръ о классицизмѣ и реализмѣ все еще продолжается, и Катковъ, обличая „Вѣстникъ Европы“ (Февр. и Март.), ссылается на такіе же Англійскіе авторитеты. „Вѣстникъ Европы“ помѣстилъ у себя статью Фидлера, оправдывающаго реальное направленіе требованіями большинства и общею пользою успѣховъ естествознанія. Теперь, разгромивъ лжесвидѣтелей въ статьѣ 28 Января, „Московскія Вѣдомости“ помѣстили въ Современной Лѣтописи (23 Марта) извлеченіе изъ Education and school Эдуарда Тринга, оправдывающаго необходимость для высшихъ сословій, представителей современнаго умственнаго развитія, посвятить десять лѣтъ школъ изученія древнихъ классиковъ. Трингъ вовсе не противорѣчитъ Фоулеру. Но я съ Трингомъ согласиться не могу: естествознаніе, техника и современныя литературы получили такое обширное развитіе, что, отдавъ классикамъ десять лѣтъ, юноша явится среди чуждаго ему общества запоздалымъ оригиналомъ.

У насъ было большое собраніе—у Вл. Н. Карамзина—и рѣчь шла о *кассаціи*. Мы пришли къ тому безвыходному положенію (сего дня я доложилъ 20 дѣлъ). Когда необходимы мѣры радикальныя, чрезвычайныя, въ виду напора дѣлъ до 4000 числомъ на 10 человекъ, которые должны (эти десять сенаторовъ, изъ которыхъ у каждаго на плечахъ 30—40 лѣтъ дѣятельной службы) которые должны прочесть, изучить, доложить и обработать эти 4000 дѣлъ, писанныхъ дурно, безграмотно и бессмысленно (сего дня дѣло Шабановой и Сидорова), физической возможности нѣтъ. Честь и слава писавшимъ законъ—хорошія. Въ собраніи говорили многіе и много. Началось совѣщаніе чтеніемъ записки оберъ-прокурора Ковалевскаго. Онъ полагалъ: дѣла, разрѣшаемыя прямымъ смысломъ закона или на основаніи прежнихъ рѣшеній и потому неподлежащія напечатанію въ сборникъ рѣшеній, предоставить канцеляріи, которую для этого и усилить въ соотвѣтственной степени. Ему возражалъ сенаторъ Любощинскій, который призна-

валь необходимымъ дать каждому сенатору особаго секретаря. Онъ злобно осмѣивалъ это Французско-нижегородское учрежденіе по формѣ и по обширности юрисдикціи. Послѣ Любощинскаго говорилъ Буцковскій, редакторъ устава угол. судопр. Онъ полагалъ достаточнымъ, удержавъ докладъ за сенаторами, матеріальный трудъ (изложеніе дѣла и проэктъ опредѣленія, непредназначеннаго къ напечатанію въ сборникѣ) возложить на канцелярію, составъ которой, какъ ниже и число сенаторовъ, необходимо усилить. Суетился неопредѣленно Стояновскій. Въ смыслѣ Буцковскаго, похваливъ порядокъ введенія судебной реформы въ Харьковскомъ округѣ, говорилъ Арцимовичъ, предоставляя министерству назначить новыхъ секретарей или оберъ-секретарей. Важнаго во всемъ этомъ для меня то, что настоящая несостоятельность кассационнаго сената подтверждена всѣми, и министр, кажется, съ радостію слушалъ это подтвержденіе и обѣщалъ свое содѣйствіе, лишь бы предположенія не заключали въ себѣ никакихъ органическихъ измѣненій, для разработки которыхъ до ваканта Государ. Совѣта (15 Мая) нѣтъ и времени. Изложеніе предположеній объ усиленіи состава канцеляріи и сенаторовъ взялъ на себя довольно мало искусный редакторъ Стояновскій. Это шагъ къ отмѣнѣ настоящей кассациіи. Во всякомъ случаѣ это поворотъ къ канцелярскому порядку и къ ограниченію гласности.

Была рѣчь вскользь о раздѣленіи департаментовъ на отдѣленія, по разнымъ предметамъ заявленій и объ отнесеніи кассациіи на сѣзды къ судебнымъ палатамъ, но остановились на усиленіи канцеляріи и ограниченіи гласности. Несостоятельность, настоящаго порядка произнеслась. Самое собраніе въ домѣ явнаго реакціонера-сенатора Карамзина и въ присутствіи реакціонера-министра было такой непростительной ошибкой, на которую я, наприм., попалъ совершенно случайно, приглашенный за нѣсколько часовъ Карамзинымъ и ничего не зная о предметѣ совѣщанія. Это какая-то ловушка, которую любятъ наши правовѣды и Евреи.

Студентскія исторіи разыгрываются дурно. Болѣе 20 студентовъ университета высланы изъ Петербурга. Сколько мнѣ извѣстно отъ племянниковъ, тутъ, въ студентскихъ сборищахъ, не было Поляковъ, а какъ въ университетѣ, такъ и въ академіи много участвовало Жидовъ. „Моск. Вѣдом.“ подозрѣваютъ и Поляковъ и реакціонерную партію „Вѣсти“ и „Новаго Времени“, которыя („Вѣсть“) получили свѣдѣнія о студентской прокламаціи едва-ли не прежде оберъ-полиційстера и немедленно отпечатали ее на своихъ столбцахъ. Можетъ быть. И Полякъ, и реакція слѣпы и подвинутся на всякую мѣру. Сего дня, для 1 Апрѣля, главное управленіе печати запретило продажу „Вѣсти“

въ разноску. Разводъ мостовъ приостановить открытіе курсовъ, тамъ страстная и святая, и авось страсти молодежи улягутся. Были попытки распространить студентскія требованія въ университетахъ Московскомъ (гдѣ напротивъ были оваціи старикамъ Баршеву и Крылову, тоже, я увѣренъ, искусственныя) и Кіевскомъ. Волненіе Кавказскихъ гимназистовъ, подписи собираемая въ Латышскихъ училищахъ,—все это явленія, можно сказать, предусмотрѣнныя, естественныя при несомнѣнномъ заявленіи Русской партіи, народнаго начала сдѣлаться если не господствующимъ, то по крайней мѣрѣ равноправнымъ на окраинахъ государства, если не преимущественнымъ. Въ публикѣ хорошее впечатлѣніе произвела статья гр. Соллогуба въ „Голосъ“. Также статья—довольно безцвѣтная—кн. Гр. Щербатова въ № 9-го Апрѣля „С.-Пбург. Вѣдом.“, въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ № 95, Гилярова.

Я снова прочелъ процессъ Лезюрка въ докладѣ Фостен-Эли и въ заключеніи Делянгля. Изложеніе юридическое. Ясно. Бой двухъ знаменитостей, изъ которыхъ послѣднее слово принадлежало прокурору, долженъ былъ кончиться побѣдою, торжествомъ Делянгля. Теперь оказывается, что Лезюркъ и Дюбоскъ судились и осуждены не за одно и тоже дѣяніе и что приговоры о нихъ не несогласимы, а объясняются и фактически, и логически, и юридически. Лезюркъ осужденъ какъ одинъ изъ главныхъ виновныхъ, Дюбоскъ какъ пособникъ. Ни одинъ не исключаетъ другого. Пересмотра, возобновленія, нѣтъ.

Митя занемогъ, Тата занемогла. И мать занемогла. Это гриппъ, незапная перемѣна погоды, наступившій холодъ съ вѣтромъ. 12 часовъ. Карауля моихъ трехъ больныхъ, прохожу я жизнь мою, хотя съ 1828 г., время вступленія моего въ Университетъ—и что же?... Допишу завтра.

Боже мой, чего не перемѣнилось въ теченіе этихъ сорока лѣтъ? Чтò осталось, уцѣлѣло отъ прежняго? Вижу 18 лѣтнюю Юлію Кожину—теперь старуха 60 лѣтъ; мать ея, Катер. Захар. теперь 100 лѣтъ, ребенокъ Машенька Любовникова теперь старая дѣва; изъ семейства Купреяновыхъ—одинъ Николенька, таскающійся по монастырямъ и мировымъ судамъ. Уцѣлѣли М. М. Поповъ и Ив. Ив. Лажечниковъ.

На что я говорю о 1828 г.! Возьмемъ позднѣйшій, знаменитый 1843 г. Какъ страшно стираетъ людей наше бойкое время. Почти всѣ государи смѣнились въ эти двадцать лѣтъ.

Какъ измѣнились самыя теоріи, идеи и идеалы, какъ далеко пошли механическія, физическія и химическія приложенія, какаѧ разница въ

пріемахъ и способахъ, но—увы—какъ же и ослабли и положительныя вѣроученія и положительныя законы! Съ одной стороны напираетъ свободная личность, съ другой общительная солидарность. Не выражается-ли тутъ свобода воли человѣка и неминуемость предопредѣленія и судьбы провидѣнія? Замѣчательно, что съ 1848 г. уцѣлѣли королева Викторія и папа Пій IX, да Фридрихъ Меклембургскій. Замѣчательныя противуположности!

Я вынужденъ прибѣгнуть къ гимнастикѣ. Разстройство нервъ начинаегь извращать и слухъ и зрѣніе. Общее сотрясеніе въ тѣлѣ, особенно въ рукахъ. Д. Балинскій находитъ, что у меня въ высшей степени разстроены нервы и прогулка по утру, прогулка передъ обѣдомъ, гимнастика и уменьшеніе занятій необходимы, настоятельны немедленно. Гг. доктора забываютъ, что мнѣ 57 лѣтъ и съ 12 лѣтняго возраста, если не ранѣе, я въ постоянныхъ, непрерывныхъ трудахъ. Они не знаютъ всей обширности моего чтенія, моей заботливости, озабоченности и живости моей мысли и воображенія. Въ настоящее время я лучше нежели былъ прежде. Еще въ 1838 г. я писалъ брату-медику: чувствую, что организмъ мой дезорганизуется. Впрочемъ я исполню требованія д-ра Балинскаго. Машина старѣетъ, надобно ее поправлять и поберегать. Три-четыре сеанса гимнастики ничего не принесли, но кажется могутъ принести. И сегодня рука тряслась. 17 Апрѣля. Кажется, гимнастика дѣйствуетъ. 2 Мая. Вмѣсто шаколата пилъ кофе. Сердце билось, 6 Мая. Руки все иногда трясутся, 15 Мая.

Возвратившійся съ Лифляндскаго ландтага Гагемейстеръ привезъ ближайшее извѣстіе о „Русской программѣ“ въ Остзейскомъ краѣ. Программа немудреная, и удобопріемная: Русскій языкъ по возможности и постепенно; крестьянскаго вопроса не возбуждать; судебная реформа Нѣмецкая, безъ присяжныхъ; матрикуляція дворянства не распространяется на дѣла хозяйственныя; въ городскомъ управленіи Нѣмецкій и Русскій языки равноправны, земская полиція—помѣщичья. Да, но что же это за программа? Это—старое по старому. Но возможно-ли оно? Не думаю. Не такъ думаетъ Русская партія, не такъ думаетъ и Государь. Здѣсь ни слова нѣтъ о школахъ, а между тѣмъ гр. Толстой предполагаетъ изъять народныя школы изъ вѣдѣнія пасторовъ и подчинить ихъ свѣтскимъ совѣтамъ, введя обязательное обученіе Русскому языку. Потомъ, и судебная реформа должна принять значительную долю Русскаго элемента, да и городское устройство не будетъ сословнымъ. Замѣчательно, что дворянство возложило на предводителя какое-то ходайство, но съ условіемъ: провести дѣло мимо Государств. Совѣта; если же этого нельзя, то бросить дѣло. Какъ „волкъ въ лѣсъ ни смотри“,

но придется имъ поуступить напору государства, съ которымъ эти провинціи связаны природой и исторіей. Лишь бы наши собственные, внутреннія дѣла шли хорошо (а они хорошо задуманы, да незрѣло обдуманы и спѣшно осуществляются), окраины уступать центру тяготѣнія. Не въ порядкѣ вещей, чтобы многочисленное и даровитое племя Славяно-русское не обняло всего предназначеннаго ему поприща и не утвердило своего государственнаго преобладанія.

Сегодня слушалось у насъ дѣло о Дарьѣ Соколовой (См. „Рѣчь“ 271). Я не былъ ни на совѣщательномъ, ни на судебномъ засѣданіи. Я зналъ воззрѣнія моихъ товарищей на это дѣло и не хотѣлъ участвовать въ этомъ безмысленномъ въ высшей степени неюридическомъ процессѣ. Отъ меня сей часъ ушли присяжный повѣренный и мой племянникъ, присутствовавшіе при докладѣ Столповскаго, очень плохомъ (все ворочалъ листы и читалъ), заключеніи (Ковалевскаго, довольно широко, но юридически совершенно несостоятельномъ) и рѣшеніи отказать и прокурору (онъ протестуетъ противъ того, что допустилъ на судъ) и Соколовой (она сознается въ похищеніи по ошибкѣ имущества при ней убитыхъ—хорошъ защитникъ!)

Такое важное дѣло! И такое ребяческое производство!

Слѣдовало хотя бы для юридической совѣсти непременно кассировать: въ постановкѣ вопросовъ и за тѣмъ въ отвѣтахъ присяжныхъ допущены такіе грубые, матеріальные недостатки, что честь новыхъ судовъ требовала кассации. Соколова, если не главная виновная, то непосредственная участница или пособница. 14 (114 и 123 стг. Улож. 1866 г.) ст. разумѣть укрывательство обезпеченное до совершенія или при совершеніи преступленія. Иначе строгость закона немыслима, да и самая статья находится въ отдѣлѣ объ участіи въ преступленіи. У Нѣмцевъ это укрывательство называется *Begünstigung*, у Французовъ—*complicité*.

Читаю романъ Ауербаха—*Auf der Höhe*, который меня очень занимаетъ. Сопоставленіе деревенской простоты съ высокою жизнью двора обрисовано весьма удачно, хотя немножко пристрастно къ первой и антипатично ко второй. При дворѣ только смѣшное и порочное, да развѣ приторное и страстно-ревнивое (королева). Надъ всѣми господствуетъ Ирма, дикій голубь, графиня Вилдспортъ. Эта геніальная женщина и честная душа пала и искупила свое паденіе. Паденіе описано поэтически, превосходно. Искушленіе мелодрамно: эта ночь въ лѣсу, встрѣча съ Ваньпургой на берегу озера и вся четырехлѣтняя

жизнь въ хижинѣ не совсѣмъ вѣроятна и искупаются только запискою: Die Tochter Eberhandis rufft Hünter и смиреніемъ въ присутствіи благословляющаго, отъ имени отца, Гюнтера и великодушной королевы, прощающей все искупленной грѣшницѣ. Ирма, ярко обрисованный идеаль, затемняетъ и царственность короля, и женственность королевы, и деревенскую наивность (ужь слишкомъ продолжительную) Вальпурги. Содержаніе и изложеніе романа увлекательны.

Мы покончили съ Пфелемъ. 14-я часть, безъ подвижности, оцѣнивается въ 4 т. р. Изъ этихъ первыхъ своихъ денегъ жена посылаетъ билетъ выигрышнаго займа (2) Валеріи и Лидіи въ подарокъ; доброе дѣло. Эти дѣвушки скромныя, благородныя, имъ пріятно помочь, и онѣ заслуживаютъ всякаго вниманія.

(Окончаніе будетъ).

Е. М. ХИТРОВО*).

Елисавета Михайловна Хитрова, рожд. Голенищева-Кутузова, средняя и любимая изъ пяти дочерей фельдмаршала князя Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго († 1813) отъ брака его съ Екатериной Ильичной Бибиковой (род. 5-го Ноября 1754 † 23-го Іюля 1824 г.), родилась въ 1783 г. и была фрейлиною Императриць Елисаветы Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны. 6-го Іюня 1802 г. она вышла замужъ за флигель-адъютанта Имп. Александра I графа Фердинанда (Ѳедора Ивановича) Тизенгаузена (род. 20-го Мая 1782 г.), который былъ пожалованъ въ это званіе 9-го Апрѣля 1802 г., будучи штабсъ-капитаномъ Инженернаго корпуса. Свадьба ихъ была совершена въ Павловскѣ, въ придворной церкви, въ присутствіи Ея Имп. Величества Вдовствующей Государыни Императрицы, Ихъ Имп. Высочествъ Государей Великихъ Князей, Государынь Великихъ Княженъ и свѣтлѣйшей принцессы Баденской, при собраніи всѣхъ составляющихъ Императорскую свиту обою пола особъ“ („Камеръ-Фурьерскій журналъ“ 1802 г., С.-Пб. 1902, стр. 331 и 660).

Она горячо любила своего мужа и имѣла отъ него двухъ дочерей (графиню Екатерину, впоследствии камеръ-фрейлину, и графиню Дарью, бывшую за мужемъ за Австрійскимъ посланникомъ во Флоренціи графомъ Карломъ-Людвигомъ Фикельмонъ). Графъ Тизенгаузенъ былъ тяжело раненъ подъ Аустерлицемъ (20-го Ноября 1805 г.) и черезъ двѣ недѣли, 2-го

*) Въ поминкѣ нашей объ А. Н. Бахметевой („Русскій Архивъ“ 1901 г., выпускъ 7-й) приведены имена Русскихъ женщинъ, изъ которыхъ каждая вполне заслуживаетъ особой біографіи, хотя онѣ прожили ничѣмъ себя не оглашая и только облагодухавъ собою ту среду, въ которой протекла ихъ жизнь. Къ числу ихъ надо прибавить Екатерину Александровну Свербееву († 25 Окт. 1892), прекрасно изображенную въ Запискахъ Елисаветы Ивановны Поповой и еѣ самоѣ. Но вотъ еще женщина, въ числѣ добродѣтелей которой не видимъ скромности, но которая имѣетъ крупное значеніе въ исторіи высшаго общества и въ кругу нашихъ лучшихъ людей. Приводимъ очеркъ ея жизни. П. Б.

Декабря, скончался. Смерть его долго отъ нея скрывали, хотя она и находилась за границую, недалеко отъ мужа („Русск. Старина“ 1871 г., т. III, стр. 54—55). „Лизонька, другъ мой сердечный“, писалъ ей отецъ въ одномъ изъ писемъ, стараясь ее утѣшить: „у тебя дѣтки маленькія“, я лучший твой другъ и матушка; побереги себя для насъ.... Поѣзжай поскорѣе къ своимъ дѣткамъ и къ матушкѣ, и я скоро къ вамъ приѣду. Боже тебя благослови и подкрѣпи!“ (тамъ же 1874 г., т. I, стр. 339). Въ 1812 году Елисавета Михайловна вышла замужъ за Николая Ѳедоровича Хитрово (тамъ же, стр. 363—364), который съ 27-го Апрѣля 1815 по 22-е Января 1817 г., въ чинѣ генераль-маіора, былъ Русскимъ посланникомъ во Флоренціи (Тоскана), гдѣ онъ и умеръ спустя два года, 19-го Мая н. ст. 1819 г. (погребенъ въ Греческой церкви въ Ливурнѣ, „Сѣв. Почта“ 1819 г., № 49, стр. 4).

Отъ этого брака у Елисаветы Михайловны не было дѣтей.

Въ 1821 году Е. М. Хитрово, во Флоренціи же, выдала свою старшую дочь, графиню Дарью Ѳедоровну, за графа Фикельмона, бывшаго въ 1829—1839 гг. Австрійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, гдѣ она и поселилась, вела открытый образъ жизни и принимала въ своей гостинной представителей высшаго свѣта.

„Въ лѣтописяхъ Петербургскаго общества“, говоритъ князь П. А. Вяземскій, „имя ея осталось такъ же замѣнимо, какъ было оно привлекательно въ теченіи многихъ лѣтъ. Утра ея (впрочемъ, продолжавшіяся отъ часу до четырехъ по-полудни) и вечера дочери ея, графини Фикельмонъ, неизгладимо врѣзаны въ памяти тѣхъ, которые имѣли счастье въ нихъ участвовать. Вся животрепещущая жизнь Европейская и Русская, политическая, литературная и общественная, имѣла вѣрные отголоски въ этихъ двухъ родственныхъ салонахъ, въ которыхъ можно было запастись свѣдѣніями о всѣхъ вопросахъ дня, начиная отъ политической брошюры и парламентской рѣчи Французскаго или Англійскаго оратора, и кончая романомъ или драматическимъ твореніемъ одного изъ любимцевъ той литературной эпохи. Было тутъ обзорѣніе и текущихъ событій; былъ и *premier Pétersbourg* *) съ сужденіями своими, а иногда и обсужденіями, былъ и легкій фельетонъ, правоописательный. А что всего лучше, эта всемірная, изустная разговорная газета издавалась по направленію и подъ редакціей двухъ любезныхъ и милыхъ женщинъ. Въ числѣ сердечныхъ качествъ, отличавшихъ Е. М. Хитрову, едва-ли не первое мѣсто должно занять, что она была неизмѣнный, твердый, безусловный другъ друзей своихъ. Друзей своихъ любить не мудрено; но въ ней дружба возвышалась до степени доблести. Гдѣ и когда нужно было, она за нихъ ратовала, отстаивала ихъ, не жалѣя себя, не опасаясь за себя неблагопріятныхъ послѣдствій, личныхъ пожертвованій отъ этой битвы не за себя, а за другого“ („Полн. собр. соч.“, т. VIII, стр. 493. Одно изъ дружескихъ писемъ князя Вяземскаго къ Е. М. Хитрово, отъ 7-го Октября 1831 г., напечатано въ „Русск. Архивѣ“ 1895 г., кн. II, стр. 110—113).

*) Передовая статья въ Петербургской газетѣ. П. Б.

Е. М. Хитрово, говоритъ графъ Сологубъ, никогда не была красавицей, но имѣла совмище поклонниковъ... Она „даже не отличалась особеннымъ умомъ, но обладала въ высшей степени свѣткостью, привѣтливостію, самой изысканной, и той всепрощающей добротой, которая только встрѣчается въ настоящихъ большихъ барыняхъ. Въ ея салонѣ, кромѣ представителей большого свѣта, ежедневно¹⁾ можно было встрѣтить Жуковского, Пушкина, Гоголя, Нелединскаго-Мелецкаго и двухъ-трехъ другихъ тогдашнихъ модныхъ литераторовъ... У Елисаветы Михайловны были знаменитыя своею красотою плеча; она, по модѣ того времени, часто ихъ показывала и даже сильно ихъ показывала“ (Воспоминанія, С.-Пб. 1887, стр. 132—133). Уже „на 50 году“, говоритъ Н. М. Смирновъ, она „не переставала оголять свои плечи и любоваться ихъ бѣлизною и полнотою“ („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. I, стр. 238). Князь Вяземскій также подшучивалъ надъ этою слабостію своей пріятельницы. „Это истина“, писалъ онъ по одному поводу А. О. Смирновой въ 1837 г., совсѣмъ голая, какъ плеча нашей пріятельницы. Глядя на нее, Василій Перовскій сказалъ однажды: „пора-бы уже давно набросить покрывало на прошедшее“ (Русск. Арх.“ 1888 г., кн. II, стр. 302)²⁾. Пушкину приписывается извѣстная эпиграмма на Е. М. Хитрово (написанная въ подражаніе стихотворенію Карамзина „Выборъ жениха“):

Лиза въ городѣ жила
Съ дочькой Долинькой;
Лиза въ городѣ слыла
Лизой голенькой.
У Австрійскаго посла
Нынче Лиза въ grand gala³⁾,
Не по старому мила,
Но по старому гола.

Отношеніе ея къ поэту самое восторженное, доходившее до поклоненія. „Нѣкоторая безпечность нрава Пушкина“, говоритъ Н. М. Смирновъ, „позволяла часто имъ овладѣть; такъ на примѣръ, Хитрово, женщина умная, но странная... возымѣла страсть къ генію Пушкина и преслѣдовала его нѣсколько лѣтъ своею страстію. Она надоѣдала ему несказано, но онъ никогда не могъ рѣшиться огорчить ее, оттолкнувъ отъ себя, хотя смѣясь, бросалъ въ огонь, не читая, ея ежедневныя записки; но чтобы не обидѣть ея самолюбія, онъ не переставалъ часто навѣщать ее въ пріемныя часы ея передъ обѣдомъ“ („Русск. Арх.“ 1882 г., кн. 1, стр. 238). Нѣсколько писемъ и записокъ Хитрово къ Пушкину

¹⁾ Ну не ежедневно же! Нелединскій-Мелецкій даже и не могъ бывать у Е. М. Хитровой; такъ какъ доживалъ вѣкъ свой въ Калугѣ. Вообще къ показаніямъ графа В. А. Сологуба относиться надо съ опаскою. П. Б.

²⁾ Намѣкъ этотъ отъбывается клеветкою. Е. М. Хитрово въ своихъ увлеченіяхъ не переступала границъ нравственности. Собою она была невзрачна, полная, жирная и походившая лицомъ на дѣда-фельдмаршала. Такою она изображена на портретѣ, который случилось мнѣ видать у ея дочери, Е. О. Тизенгаузенъ. П. Б.

³⁾ Т-е. въ большихъ чествахъ. П. Б.

(начиная съ 1830 г.), однако, сохранилось; они свидѣтельствуютъ объ удивительной, восторженной привязанности ея къ поэту (см., напр., Акад. изданіе переписки Пушкина, т. II, стр. 122—123, 148—149, 152—153, 324, 399, И. А. Шляпкинъ: „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“, С.-Пб. 1903, стр. 285), къ которому она одно время, по выраженію князя Вяземскаго, „пылала языческой любовью“ („Остафьевскій Архивъ“, кн. III, стр. 193). „Если ты можешь влюбить въ себя Елизу“, писалъ Пушкинъ Вяземскому изъ Москвы въ Мартъ 1830 г., „то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность, оставя въ рукахъ ея не плащъ, а рубашку..., и она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефрейхи“ (тамъ-же, стр. 126). Въ дальнѣйшихъ письмахъ и въ дневникѣ Пушкина имя Хитрово встрѣчается постоянно: онъ не измѣняла своихъ отношеній къ поэту до самой его кончины, послѣ которой не убоилась „безусловно и исключительно“ стать на сторону защитниковъ памяти Пушкина отъ велико-свѣтскихъ нареканій и поношенія и, по свидѣтельству князя Вяземскаго, „глубоко оплакивала въ немъ друга и славу Россіи“ (Полн. собр. соч., т. III, стр. 493). О „самой нѣжной, страстной, нѣжной дружбѣ“ Е. М. къ Пушкину свидѣтельствуетъ и князь П. П. Вяземскій, опубликовавшій нѣкоторыя письма Хитрово къ Пушкину и къ князю П. А. Вяземскому (А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива. 1826—1837, С.-Пб. 1880, стр. 28 и сл.; также Собр. соч. князя П. П. Вяземскаго).

Со стороны, отношенія Хитрово къ Пушкину могли, конечно, казаться странными и экзальтированными; но подобное же восторженное поклоненіе оказывала она и митрополиту Филарету; памятниками ихъ „своеобразныхъ“, отношеній служатъ письма его къ ней (1828—1832), напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 г. (кн. II, стр. 86—91).

Е. М. Хитрово скончалась въ Петербургѣ 3-го Мая 1839 г. и погребена въ Александро-Невской Лаврѣ, въ церкви Св. Духа. По свидѣтельству графа М. Д. Бутурлина, она „оставила назидательный примѣръ смиренія и христіанской благочестивой кончины. Чувствуя приближеніе рокового часа, она пригласила къ себѣ митрополита Филарета и, собравъ вокругъ себя родныхъ и прислугу, изъявила желаніе громогласно и при всѣхъ исповѣдать всю свою жизнь“ („Русск. Арх.“ 1897 г., кн. II, стр. 373)*).

Ея смерть искренно опечалила ея многочисленныхъ друзей; изъ нихъ графиня Е. П. Ростопчина посвятила ея памяти стихотвореніе „Цвѣтокъ на могилу Е. М. Хитровой, урожденной княжны Кутузовой-Смоленской (написанное въ Пятигорскѣ 11-го Іюня 1839 г.):

*) Въ старину это не было особенною рѣдкостью. Такую же гласную исповѣдь сдѣлала княгиня Софья Андреевна Трубецкая, дочь которой княгиня М. В. Воронцова передавала намъ, какъ было страшно многочисленной семьѣ и прислугѣ выслушивать предсмертныя признанія въ такихъ грѣхахъ, которыхъ никто не подозрѣвалъ за умравшею П. Б.

Ея ужъ нѣтъ!... Одной душой прекрасной
 Бѣднѣ сталь нашъ коловратный свѣтъ;
 И громкій плачь, и плачь единогласный
 Провозвѣстиль: „Ея ужъ нѣтъ“!!
 На дняхъ еще, на дняхъ она блистала
 Осеннею, но свѣжею красой;
 Любила жизнь,—и вдругъ ея не стало,
 Пресѣкся путь ея земной!
 Красавицы! Усыпьте вы цвѣтами
 Тотъ гробъ, гдѣ спить, какъ падшій, цвѣтъ, она!
 Она была прославлена межъ вами;
 Молва хвалою ея полна.
 Прощальный гимнъ воспойте ей, поэты!
 Въ васъ даръ небесъ цѣнила, поняла
 Она душой, святымъ огнемъ согрѣтой,—
 Она другъ Пушкина была!
 Страдальцевъ рой, сиротъ и вдовъ собранье,
 Кто въ ней нашель заступницу и мать,
 Вы знаете, какъ скорби и страданья
 Она умѣла утѣшать.
 Вашъ плачь ей дастъ небесное блаженство,
 Онъ вѣчную ей память обрѣтетъ.
 Пусть гибнуть всѣ земныя совершенства,—
 Благотворенье не умереть!...

(Сочиненія, С.-Пб. 1859 г., т. стр. 275 276; „Вѣстн. Всемирной Истории“ 1900 г., № 9, стр. 209).

О добротѣ Е. М. Хитрово свидѣтельствуетъ А. П. Кернъ, въ „тѣсныхъ обстоятельствахъ“ которой она приняла „большое участие“ (записочки ея къ ней, съ приписками Пушкина, напечатаны въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники“, вып. V, стр. 154—155). Портрета Хитрово не сохранилось¹⁾; снимокъ съ ея небольшого бюста воспроизведенъ въ „Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Имп. Академіи Наукъ“, подъ ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго, С. Пб. 1899*).

Приводимъ выдержку изъ статьи князя П. П. Вяземскаго о Пушкинѣ.

„Елисавета Михайловна Хитрово, дочь знаменитаго фельдмаршала Кутузова (род. 1783, сконч. 1839), питала къ Пушкину самую нѣжную, страстную дружбу. Между потомками знаменитаго полководца въ женской линіи сохранились и сохраняются многія доблестныя Кутузовскія традиции: большое уваженіе къ проявленіямъ общественной дѣятельности и горячая любовь ко всему, что составляетъ славу Русскаго

*) Статья эта принадлежит Б. Л. Модзалевскому, съ любезнаго позволенія котораго взята изъ 3-го тома изданной имъ книги: „Архивъ Раевскихъ“. П. Б.

имени. И Пушкинъ, и отецъ мой сохранили по смерти самыя дружескія отношенія ко внукамъ Кутузова, недавно скончавшемуся Николаю Матвѣвичу Толстому, Павлу Матвѣвичу Толстому-Кутузову, княгинѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Голицыной и графинѣ Тизенгаузенъ“.

Е. М. Хитрово писала Пушкину:

Я только что начинала успокаиваться относительно вашего пребывания въ Москвѣ, какъ опять должна дрожать за ваше здоровье; меня увѣряютъ, что вы больны, въ Торжкѣ ваша блѣдность одно изъ послѣднихъ впечатлѣній оставленныхъ вами. Я безпрестанно вижу васъ у этой двери, близъ которой на васъ смотрѣла съ блаженствомъ, полагая васъ, можетъ быть, увидать на другой день,—а вы блѣдный, разстроенный, несомнѣнно сознающій ту горестъ, которая мнѣ предстояла. Я въ тотъ же вечеръ трепетала за ваше здоровье. Не знаю, къ кому обратиться, чтобы узнать правду. Вотъ уже четвертый разъ, что вамъ пишу: завтра пятнадцатый день какъ вы уѣхали; совершенно непонятно, что вы не написали ни одного словечка; вы слишкомъ хорошо знаете всю мою нѣжность, столь для меня тревожную и раздражающую; это не въ вашемъ великодушномъ характерѣ оставлять меня безъ извѣстій о васъ. Запрещайте мнѣ говорить вамъ о себѣ, но не лишайте меня счастья быть вашимъ комиссіонеромъ. Я буду говорить вамъ о большомъ свѣтѣ, иностранной литературѣ, о предположеніяхъ относительно перемѣны министерства во Франціи. Увы, я у источника всякаго рода вещей; но я одного лишена—это счастья. Я сообщу вамъ, что радость третьяго дня вечеромъ была у меня полная: Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ провести вечеръ съ нами, и при видѣ вашего или правильнѣе вашихъ портретовъ онъ сказалъ мнѣ: „Знаете-ли, что я никогда не видалъ Пушкина очень близко? У меня были противъ него большія предубѣжденія; но по всему, что до меня доходитъ, я весьма желаю его узнать, и особенно желаю имѣть съ нимъ продолжительный разговоръ“. Онъ кончилъ тѣмъ, что попросилъ у меня „Полтаву“. Какъ я люблю, чтобы васъ любили“.

Она же пишетъ Пушкину:

Я только что вернулась отъ Филарета; онъ рассказалъ мнѣ о недавнемъ происшествіи въ Москвѣ, о которомъ ему нынѣ доносятъ; онъ присовокупилъ: расскажите это Пушкину. Я написала это на моемъ плохомъ Русскомъ языкѣ, точно такъ какъ эта исторія была мнѣ рассказана, и посылаю вамъ ее, не смѣя его послушаться.

Е. М. Хитрово пишетъ князю П. А. Вяземскому весною 1830 года:

Я только что узнала съ большимъ огорченіемъ, любезный князь, что статья о Видокѣ такого свойства, что она можетъ повредить нашему общему другу. Перовскій, который только что отъ меня вышелъ, человекъ благоразумный, мнѣ говорилъ, что по дружбѣ къ Пушкину онъ весьма бы желалъ, чтобы статья не появлялась въ печати: самое незначительное послѣдствіе было бы, если бы Булгаринъ отвѣчалъ напечатаніемъ новыхъ писемъ. Я вамъ замѣчу, дорогой князь, что я во всемъ этомъ не понимаю равнодушія литературныхъ друзей Пушкина. По крайней мѣрѣ необходимо посоветоваться съ Жуковскимъ: Пушкинъ любить его, а на его мнѣніи рѣдко множно опереться въ пользу перебранокъ. Это первое движеніе еще старая закваска. Нельзя ли отложить статью въ ожиданіи отвѣта Жуковского. Я совершенно убита тѣмъ, что сказалъ мнѣ Перовскій“.

Статья, о которой говоритъ Е. М. Хитрово, напечатана въ V томѣ Сочиненій Пушкина (изд. 1859 г., стр. 163). Статья, написанная рукой Пушкина безъ помарокъ, сохранилась въ бумагахъ князя Вяземскаго. Комментарій на эту статью находимъ въ письмѣ князя Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 25 Апрѣля 1830 года.

Е. М. Хитрово—Пушкину.

(Сентябрь—Октябрь 1836 г. Петербургъ).

Je viens d'apprendre que la censure a laissé passer un article de refutation sur vos vers cher ami. La Personne qui les a écrit, est furieuse contre moi, n'a jamais voulu ni me les montrer, ni les retirer.—On ne cesse de me tourmenter pour votre élegie. Je suis comme les martyrs. Cher Poushkin, je vous en aime d'avantage et je crois à votre admirateur¹⁾ pour votre Héros²⁾ et à votre simpatie pour moi!

Pauvre Чедаевъ. Il doit être bien malheureux de renfermer autant de haine et pour son pays et ses compatriotes.

Elice Nitroff née Princesse Koutousoff-Smolensky. Ce Mercredi³⁾.

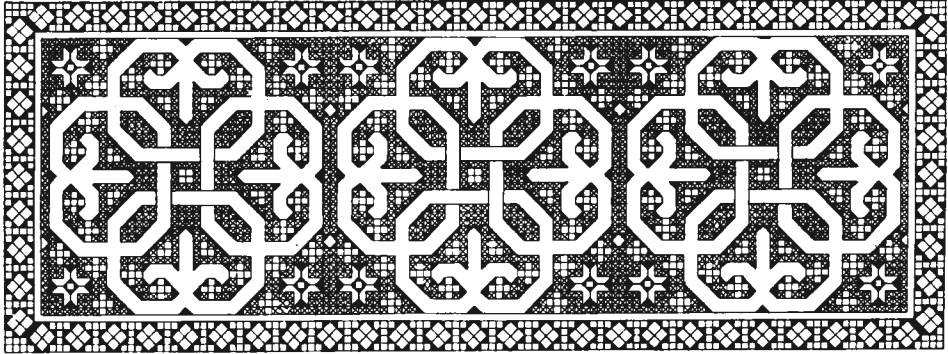
(Изъ „Переписки Пушкина“, изд. В. И. Салтова, томъ III-й, стр. 377).

¹⁾ Императоръ Николай Павловичъ? П. Б.

²⁾ С. С. Уваровъ? П. Б.

³⁾ Сохранено правописаніе подлинника. П. Б.

ДУХОВЪ ДЕНЬ 1862 ГОДА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

26 Мая 1862 года праздникъ Сошествія Св. Духа останется на всегда памятнымъ въ лѣтописи Петербурга по страшному, небывалому до толѣ въ столицѣ пожару Толкучаго, Щукина и Апраксина дворовъ.

Прошло безъ малаго полстолѣтія... Много было за это время вписано въ исторію Россіи скорбныхъ страницъ: Русско-Турецкая война съ потерями на Шипкѣ, подъ Плевной и Горнымъ Дубнякомъ; злодѣйское царевубійство 1-го Марта, Японская война, Портъ-Артуръ, Мукденъ, Цусима; но всѣ они, при всей ихъ и важности, и значеніи не изгладили изъ памяти очевидцевъ-современниковъ леденящаго душу ужасомъ, невиданнаго, огромнаго пожара, который произвелъ и на меня, тогда еще ребенка, потрясающее впечатлѣніе.

Въ Духовъ день, въ Лѣтнемъ саду устраивалось ежегодно народное гулянье, съ обычными смотринами, выборомъ купеческихъ невѣстъ. Гостиннодворцы и Апраксинцы, въ длиннополыхъ застегнутыхъ на всѣ пуговицы сюртукахъ, въ высокихъ узкихъ цилиндрахъ, купеческія маменьки въ дорогихъ широкихъ платьяхъ, пестрыхъ Турецкихъ шляхъ, заколотыхъ на груди большими брошками, въ шелковыхъ плотно прилегающихъ къ волосамъ наколкахъ, приводили на показъ женихамъ своихъ разнаряженныхъ дочекъ. Въ туго накрахмаленныхъ, пышныхъ кисейныхъ платьяхъ, съ цвѣтными шелковыми поясами, охватывающимися сзади широкими длинными концами, онѣ робко, опустивъ глаза, выступали впереди своихъ почтенныхъ родителей. Молодые купеческіе сынки и прикащики, при содѣйствіи родственницъ и услужливыхъ свахъ, заводили знакомство со старшими и несмѣло засматривались на свѣжія лица молодыхъ дѣвушекъ.

Большая любительница всякихъ гуляній и увеселеній, няня наша, съ утра 26-го Мая убѣдительно просила моихъ родителей отпустить насъ съ нею въ Лѣтній садъ. Изъ опасенія давки и толкотни рѣшено было прикомандировать къ ней горничную, которую тоже соблазнило это гулянье. Рѣшено было пораньше отобѣдать, чтобы въ 4 ч. выступить изъ дому *).

Помнится живо мнѣ, что гулянье было въ самомъ разгарѣ, когда мы черезъ чугунные ворота близъ Цѣпнаго моста, попали вмѣстѣ съ громадной толпой на широкую среднюю аллею. Играло два оркестра военной музыки, пѣлъ хоръ полковыхъ пѣсенниковъ, раздавались звуки нѣсколькихъ шарманокъ; слышалась нестройная гармоника. Бойко, на разносныхъ лоткахъ, шла продажа подсолнуховъ, черныхъ и сѣрыхъ плитокъ мака на меду, паточныхъ леденцовъ въ цвѣтныхъ бумажкахъ (нынѣ вытѣсненныхъ дешевою карамелью съ причудливыми названіями) и сухихъ мелкихъ пряниковъ. На переносныхъ столикахъ предлагались проходящимъ моченія груши съ острымъ, прянымъ запахомъ. Гулянье носило исключительно-демократическій характеръ; преобладающій элементъ составляли Апраксинскіе и гостиннодворскіе прикащики, мелкіе продавцы, мастеровые и фабричные.

Къ памятнику дѣдушки Крылова, вокругъ котораго обыкновенно собирались дѣти для шумныхъ игръ, нельзя было близко подойти. Нельзя было не только найти свободное мѣсто на многочисленныхъ скамейкахъ, но даже медленно подвигаться впередъ, по аллеѣ. Было душно, пыльно.... Въ воздухѣ стоялъ шумъ, говоръ, сливавшійся въ одинъ общій гулъ. Съ трудомъ, по теченію, уносимыя толпою, дошли мы до воротъ, выходящихъ на набережную Невы и повернули обратно, какъ раздался въ толпѣ отчаянный крикъ: „пожаръ“, который какъ эхо раскатился по всему саду. Налѣво, надъ Фонтанкой, по направленію къ Чернышеву мосту, показался столбъ густого, черного дыма, который съ неимовѣрной быстротой достигъ такихъ размѣровъ, что сразу заслонилъ солнце, то появлявшееся на небосклонѣ, то скрывавшееся за быстро двигавшимися облаками. „Горимъ, горимъ!“ стономъ пронеслось въ толпѣ. „Толкучка, Щукинъ, Апраксинъ дворъ“ слышалось въ народѣ.

Толпа разомъ хлынула къ выходу... Паника возникла невѣроятная. Слышались стоны... раздавались отчаянные возгласы: караулъ... да-

*) Мы жили въ домѣ барона Фридрихса, на углу Владимирской и Графскаго переулка.

вять.... грабятъ... помогите..... Никому не было дѣло до другихъ..... полиція и жандармы съ трудомъ выдерживали натискъ обезумѣвшей отъ страха толпы. Я крѣпко прижалась къ нянѣ и какъ то была отброшена вмѣстѣ съ нею на боковую дорожку, гдѣ можно было свободнѣе дышать. Горничная держала все время плакавшую отъ страха сестреньку на рукахъ.

Выйти на улицу нельзя было и помыслить. Благодаря порывистому, рѣзкому вѣтру пожаръ всё разгорался.... Непроницаемо-густымъ дымомъ былъ окутанъ весь горизонтъ. Сердце сжималось отъ ужаса.

Горѣло несомнѣнно вблизи нашей квартиры въ Чернышовомъ переулкѣ... Надо было, во что бы ни стало, спѣшить домой. За спиною какого-то рослаго мастерового въ синей блузѣ продвинулись и мы къ выходу. Городовые и жандармы плечомъ къ плечу составляли цѣпь. Ловкіе Петербургскіе жулики, пользуясь суматохою, умѣло залѣзали въ обывательскіе карманы, ловко срывали цѣпочки, часы. По набережной Фонтанки, близъ Инженернаго Замка, народъ бѣжалъ безъ оглядки... Многіе спотыкались, падали и, теряя шапки, продолжали бѣжать....

Не было видно ни одного извозчика. Тѣ, которымъ удалось раньше, при первомъ крикѣ „пожаръ“, выбѣжать изъ Лѣтняго сада, очевидно разобрали ихъ всѣхъ.

Я выбилась изъ силъ.... Мнѣ хотѣлось посидѣть хоть минутку на тумбѣ у тротуара, но нельзя сидѣть на улицѣ, когда горитъ совсѣмъ близко „и мама беспокоится“, твердила няня взволнованнымъ голосомъ.

На Симіоновскомъ мосту совсѣмъ не было проходу. Появились встрѣчные извозчики, ломовики, нагруженные мебелью и разнымъ скарбомъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становилось мрачно, угарно, душно.... Упорный вѣтеръ ураганомъ поднималъ столбы пыли, которая засоряла глаза. Солнца видно не было.... Какъ гигантское чудовище разрасталось на горизонтѣ зловѣщее зарево пожара... Кое-какъ добрались мы до Аничкова моста, до дома князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и, свернувъ на Троицкую улицу, Графскимъ переулкомъ достигли, наконецъ, дома Фридрихса. Войти въ квартиру не пришлось. Блѣдная, растерянная, въ страшной тревогѣ за насъ, стояла на тротуарѣ у подъѣзда наша мать.

Оставаться въ городѣ въ нашей квартирѣ, которой угрожала опасность со стороны надворныхъ построекъ, прилегающихъ къ Щер-

бакову переулку, было немислимо. Рѣшено было, что отецъ и дядя съ прислугой проведутъ ночь въ квартирѣ, изъ которой должно было быть увезено самое цѣнное: серебро, образа, документы и пр., что мать наша, оставивъ насъ дѣтей на попеченіи родныхъ, жившихъ на дачѣ въ Лѣсномъ, вернется завтра обратно въ городъ, чтобы перевезти въ безопасное мѣсто остальное имущество.

По знакомству, за большія деньги удалось найти на Ямской на извощичьей биржѣ у старообрядца Лукунова старую, маленькую двумѣстную карету, въ которой мы были уже поздно вечеромъ доставлены къ дядѣ, жившему съ семьей на дачѣ въ Лѣсномъ институтѣ.

Вещей было нагромождено такъ много, что я, сидя на большомъ мягкомъ узлѣ, упиралась головой въ крышу кареты. Маленькую сестру усадили на ящикъ съ серебромъ значительно ниже.

Помнится мнѣ, несмотря на давность, что неисправныя дверцы кареты ежеминутно открывались и что бѣдной матери, почти стоя на колѣняхъ (сѣсть было негдѣ), приходилось все время держать то одной то другой рукой поломанныя дверныя ручки.

Ежеминутно по пути попадались цѣлые обозы мебели, ящиковъ съ товарами, извощиковъ легковыхъ съ пролетками, выше головы ихъ нагруженными пожитками обывателей, искавшихъ убѣжища въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ на окраинахъ. Горѣло не только позади насъ, но и слѣва по направленію Васильевскаго острова и справа со стороны Песковъ.

Уже стемнѣло... Повѣяло прохладой... Мы выѣхали за городъ и подъ мѣрный стукъ колесъ, катившихся по гладкому шоссе, я такъ крѣпко заснула, что меня съ трудомъ разбудили у воротъ дачи, гдѣ, въ ожиданіи возвращенія господъ, собралась вся прислуга дяди.

Насъ быстро раздѣли и уложили въ кабинетѣ.

Но и во снѣ такъ ясно какъ на яву слышался мнѣ отчаянный крикъ „горимъ“ „горимъ“. Огромное зарево представлялось мнѣ какимъ-то громаднымъ дракономъ, страшнымъ чудовищемъ, которое, занявъ пол-неба, стремительно опутившись на землю, разрушало до основанія домъ, въ которомъ мы жили.

Никого изъ взрослыхъ, кромѣ прислуги, не оказалось на дачѣ, когда мы проснулись. Встревоженные относительно своей городской

квартиры (на углу Ивановской и Кабинетской) дядя и тѣтя вмѣстѣ съ нашей матерью уѣхали въ городъ. Изъ разсказовъ ихъ за обѣдомъ узнала я, что когда пожаръ Толкучаго рынка сталъ угрожать зданію Государственнаго банка, Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ генераль Анненковъ далъ о немъ знать Государю, въ Царское Село. Получивъ это извѣстіе, Императоръ Александръ II въ коляскѣ, уже въ 7 ч., прибылъ въ Петербургъ*). Кромѣ него на пожарѣ присутствовали братья его, Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Изъ Колпина, по Николаевской желѣзной дорогѣ, доставлена была самая большая изъ пожарныхъ трубъ, которая оказалась, къ сожалѣнію, не вполне исправною.

Огонь, появившійся первоначально внутри Толкучаго рынка, охватившій сначала маленькія лавочки, балаганчики съ разной рухлядью (старыми вещами, подержанной мебелью, поношенной одеждой и разнымъ дешевымъ хламомъ), быстро перекинуло на огромные склады и кладовыя Апраксина двора. Трудно было пожарнымъ, при сильномъ, упорномъ вѣтрѣ, бороться съ огнемъ, который угрожалъ опасностью зданіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, министерства народнаго просвѣщенія и двухъ-этажному строенію Пажескаго корпуса, гдѣ подъ офицерскими квартирами помѣщался цѣлый рядъ москательныхъ лавокъ съ большимъ запасомъ горючаго матеріала: свѣчей, воска, масла, краски, олифы, лака и спирта. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, въ виду опасности, угрожавшей чудному историческому зданію, прибылъ въ Пажескій корпусъ и былъ свидѣтелемъ той неутомимой энергіи, которая проявлялась учебнымъ людомъ корпуса, камер-пажами, служителями, которые въ продолженіи цѣлой ночи съ 26 на 27 Мая отстаивали корпусныя постройки со стороны Чернышева переулка.

Вниманіе оберъ-полицейстера и генераль-губернатора князя Суворова было сосредоточено главнымъ образомъ на зданіи Государственнаго банка, со стороны фасада выходящаго на Садовую, куда испуганные, растерянные торговцы, горами сваливали товаръ, который тутъ же загорался отъ сыпавшихся въ изобиліи искръ. Ворота были наглухо заперты, и зданія изъ опасенія грабежа оцѣплены нарядомъ войскъ, занимавшихъ караулы въ Петербургѣ. Ихъ оказалось недостаточно, и

*) Эти грозныя минуты описаны необыкновенно живо немногими чертами въ романѣ Писемскаго „Взбаламученное море“. Государь глядѣлъ на пожаръ въ квартирѣ Ламанскаго, въ зданіи Государственнаго банка, и, благодаря этому, Евгенийъ Ивановичъ Ламанскій получилъ высшее назначеніе. П. В.

изъ Красносельскаго лагеря были спѣшно вызваны по телеграфу войсковыя части¹⁾).

Ночью было охвачено огнемъ зданіе Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Загорѣлся архивъ²⁾). Сваленные въ груды обугленные журналы департамента, дѣла и пр. документы разметавшіеся по улицѣ, вѣтромъ уносились въ Фонтанку. Какъ зловѣщія птицы кружились они въ воздухѣ и залетали далеко отъ мѣста пожарища. Отдѣльные листки, обрывки бумагъ находили на другой день на Загородномъ проспектѣ, на площади Владимирской церкви.

Прислуга наша такъ и просидѣла всю ночь на связанныхъ узлахъ. Отецъ и дядя до утра не смыкали глазъ. Въ дѣтской и кухнѣ, выходявшихъ окнами на задній дворъ по направленію къ Щербакову переулку, было какъ днемъ свѣтло отъ яркаго зарева. Въ полуоткрытое окно доносился стукъ, трескъ, шумъ, сливавшійся въ одинъ глухой, тревожный леденящій ужасомъ душу, зловѣщій, стихійный гулъ...

Только черезъ полторы сутокъ, во Вторникъ 27-го Мая, къ ночи сталъ понемногу стихать пожаръ.

Для зданій Пажескаго корпуса, Государственнаго Банка, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а тѣмъ болѣе Публичной библіотеки опасность миновала, хотя и на слѣдующіе сутки продолжался пожаръ въ громадномъ четвероугольникѣ, граничащемъ Фонтанкой и Екатерининскимъ каналомъ, Чернышевымъ переулкомъ и Гороховой улицей.

Незначительные по своимъ размѣрамъ вспыхивали одновременно пожары и въ другихъ частяхъ города, принося существенный вредъ тѣмъ, что производили панику въ населеніи, въ его поискахъ безопасныхъ мѣстъ и отвлекали власти и пожарную команду отъ главнаго очага этого великаго народнаго бѣдствія, въ конецъ раззорившаго мелкихъ торговцевъ и нанесшаго громадные убытки.

Пожаръ Толгучаго рынка, угрожавшій опасностью Банку и Государственной казнѣ, Министерству Внутреннихъ дѣлъ, въ которыхъ хра-

¹⁾ Тутъ погибло множество важныхъ историческихъ бумагъ, въ ихъ числѣ бумаги по расколу и о Евреяхъ. Часть сихъ послѣднихъ бумагъ сохранилась, благодаря спискамъ, которые сдѣланы были передъ тѣмъ будущимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Д. А. Толстымъ, который, много поздне, доставилъ эти списки Макову (слышано отъ В. А. Кокорева). П. Б.

²⁾ По распоряженію В. А. Кокорева, въ Волжско-Камскомъ банкѣ, бумаги писались вдвойнѣ, и подлинники ленежныхъ сдѣлокъ, какъ и книги счетныя, отвозились ежедневно на храненіе въ Петропавловскую крѣпость. П. Б.

пились неоконченныя работы по великой реформѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, министерству народнаго просвѣщенія, съ пересмотромъ всей прежней системы образованія и публичной библіотеки, приписывался отчасти Польской партіи и былъ отголоскомъ Польскаго мятежа, жестокаго управленія Западнымъ краемъ при графѣ М. Н. Муравьевѣ, отчасти неудовольствія, глухому партійному ропоту противъ твердыхъ, рѣшительныхъ реформъ и преобразованій во всемъ государственномъ строѣ второй половины XIX вѣка.

Петербургъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Произведено много обысковъ, арестовъ. По городу днемъ и ночью разъѣзжали патрули, и когда мы 31-го Мая вернулись съ дачи, меня поразила произошедшая въ городѣ переменна. Улицы показались мнѣ опустѣвшими, безлюдными, унылыми. Парадные подъѣзды бдительно охранялись швейцарами, всѣ ворота даже днемъ были заперты; открытыми оставались только калитки, возлѣ которыхъ безсмѣнно дежурили дворники. Даже днемъ нельзя было со двора выйти или войти въ него, мало знакомому человѣку: прачкѣ съ бѣльемъ, лавочнику, мальчишкѣ съ корзиной провизіи; необходимо было прислугѣ квартирантовъ сопровождать ихъ до калитки. Съ наступленіемъ сумерокъ калитки эти наглухо запирались большимъ ключомъ, хранившимся въ карманѣ дежурнаго дворника.

Такія строгія мѣры вызваны были расклейкою на обывательскихъ воротахъ, заборахъ и дверяхъ угрожающихъ прокламацій, разбрасываньемъ на дворахъ, лѣстницахъ и подъѣздахъ подметныхъ писемъ.

Много въ столицѣ распространено было ложныхъ недѣльныхъ слуховъ, что Петербургу угрожаетъ конечная гибель, что огнемъ до тла будутъ уничтожены всѣ правительственныя учрежденія, всѣ казенныя зданія, что уничтожены будутъ огнемъ и всѣ лавки и магазины. Говорили, что мѣстнымъ складамъ угрожаетъ неминуемая опасность отъ бѣдно одѣтыхъ старухъ, которыя проводятъ черту на заборахъ, смоченною какимъ-то составомъ тряпкою: стдять солнцу немного пригрѣтъ заборъ, какъ онъ сразу загорается, и пламя мгновенно охватываетъ весь запасъ лѣснаго матеріала, и мгновенно загораются дровяные дворы по набережной Лиговки, Фонтанки и Обводнаго канала. Говорили, что мальчишки, проходя на задніе дворы, съ холщевымъ мѣшкомъ тряпичника, разгребая будто бы кости для заводовъ, бумагу и тряпье для фабрикъ, бросали что-то удобовоспламеняющееся въ груды мусора, отъ чего превращались въ огромные костры помойныя ямы, толковали о томъ, что какіе-то подростки такъ ловко забрасывали какіе-то окурки въ маленькіе окошки подвального этажа, служившаго

складомъ дровъ для квартирантовъ, что они разгорались мгновенно, и пламя, охвативъ полы и потолки, пожирало съ необычайной быстротой внутренность большихъ пятиэтажныхъ домовъ.

И всѣмъ этимъ, какъ и другимъ такимъ же невѣроятнымъ толкамъ и слухамъ, ходившимъ въ народѣ, довѣряло испуганное населеніе столицы, преувеличивая убытки, понесенные обывателями отъ разрушительнаго дѣйствія огня, отъ порчи водой, отъ кражъ и грабежа.

Мало по малу стало наступать успокоеніе и, благодаря распорядительности С.-Петербургскаго оберъ-полицмейстера, пожары къ Августу совершенно прекратились.

Прошло безъ малаго 50 лѣтъ..... За это время до неузнаваемости красиво, богато отстроились магазины соперничающей съ Гостинымъ дворомъ Маріинской линіи (прежняго Апраксина двора, славившагося назойливымъ зазываньемъ прохожихъ, въ лавки готоваго платья).

Въ памяти немногихъ старожиловъ сохранилось воспоминаніе о жалкихъ, убогихъ маленькихъ лавочкахъ (будкахъ), въ которыхъ въ началѣ минувшаго вѣка шла бойкая, доставлявшая средство къ существованію бѣднякамъ-старьевщикамъ торговля всякимъ подержаннымъ, дешевымъ хламомъ. Отошли въ область преданья смотрины купеческихъ невѣсть въ Лѣтнемъ саду на Духовъ день, и невѣроятными, нелѣпыми представляются рассказы о бѣдно-одѣтыхъ старухахъ, которымъ такъ легко было обращать лѣсные дворы въ груды пепла и золы, и мальчишекъ, тѣхъ опасныхъ поджигателей, которымъ сразу удавалось предавать разрушительному дѣйствію огня каменные, пяти-этажные дома.

Марина Бардакова.

Письмо аббата Николая къ воспитанникамъ Ришельевского Лицея.

Аббать Николай, бывшій директоромъ Ришельевского Лицея (въ Одессѣ) со дня его открытія (состоявшагося 7 Января 1818 г.), выѣхалъ осенью 1819 г. въ С.-Петербургъ, чтобы оправдаться во взведенныхъ на него законоучителемъ Лицея, архимандритомъ Теофиломъ обвиненіяхъ; но хлопоты Николая оказались, очевидно, безуспѣшными, такъ какъ 3 Января 1820 г. состоялось его увольненіе отъ означенной должности. Когда извѣстіе объ этомъ дошло въ Одессу, воспитанники Ришельевского Лицея и родители нѣкоторыхъ изъ нихъ въ нѣсколькихъ письмахъ выразили Николаю сожалѣніе объ оставленіи имъ Лицея.

Вотъ отвѣтъ *) аббата Николая на одно изъ писемъ воспитанниковъ, найденный мною между учебными тетрадями покойнаго отца моего, А. Г. Тройницкаго, воспитывавшагося въ Ришельевскомъ Лицеѣ въ 1818—1826 г.г.

Pétersbourg. Ce 1-er Avril 1820.

Mes chers amis!

Je dois depuis six semaines une réponse à la lettre, que Vous m'avez écrite en commun. Je Vous prie de croire que mon coeur n'est pas coupable de ce silence, et Vous n'en seriez pas surpris, si je Vous en expliquais la cause.

Je partage bien vivement, mes chers enfants, les regrets que Vous m'exprimez d'une manière si touchante pour moi et cette séparation, qui ne me permet pas de consommer le sacrifice, que je Vous avais fait, est peut-être plus pénible pour moi que pour Vous-mêmes. Mais il faut se soumettre à la volonté du Ciel, qui m'a refusé une grande consolation. Il m'en reste au moins une très douce dans l'espoir, que ce qui

*) Подлинникъ переданъ мною въ музей Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Г. А.

a été semé pendant deux ans produira d'heureux fruits. Il dépend de Vous, mes chers amis, d'attirer les benedictions du Ciel sur mes faibles travaux; elles descendront en abondance sur le Lycée, si Vous répondez aux soins de mon digne successeur. Remerciez le Ciel de ce qu'il Vous a remis en de telles mains, et méritez ce bienfait par une confiance sans bornes dans un chef, qui en est si digne sous tous les rapports. Si Vous croyez me devoir quelque chose pour la tendresse, j'ose dire paternelle, dont j'ai cherché constamment à Vous donner toute sorte de preuves, permettez moi de transmettre à m-r Gillet cette créance sur Vos cœurs et de vous exhorter à être toujours pour lui ce que Vous devez être. Vous le serez constamment, Vous soutiendrez, Vous surpasserez la réputation, que votre classe avait eu le bonheur rare de recouvrir, et elle ne contribuera pas peu à la prospérité du Lycée. C'est une espérance ou plutot une certitude, qu'il m'est doux d'emporter avec moi.

Adieu, mes chers enfants, continuez d'aimer un homme, qui Vous a tant aimé, et ne l'oubliez pas dans Vos prières, comme il ne Vous oubliera pas dans les siennes. Je Vous embrasse de tout mon coeur.

Переводъ.

Петербургъ, 1 Апрелья 1820.

Дорогіе друзья мои!

Шесть недѣль уже я долженъ бы отвѣтить на ваше общее ко мнѣ письмо. Прошу васъ вѣрить, что сердце мое неповинно въ моемъ молчаніи; вы бы не удивились, если бы я объяснилъ вамъ его причину.

Я вполнѣ раздѣляю, дорогія мои дѣти, сожалѣнія, которыя вы такъ трогательно для меня выказываете, и разлука, которая лишаетъ меня возможности довести до конца жертву, которую я для васъ сдѣлалъ, для меня пожалуйъ тяжеле, чѣмъ для васъ самихъ. Но надо покориться небесной волѣ, отказавшей мнѣ въ большемъ утѣшеніи. Мнѣ однако остается большая надежда, что посѣянное за два года принесетъ счастливые плоды. Отъ васъ, мои дорогіе друзья, зависитъ призвать благословеніе Неба на мои слабые труды, оно будетъ обильно надъ Лицеємъ, если вы будете цѣнить работы моего достойнаго преемника. Благодарите Небо, которое передало васъ въ такія руки и заслужите это благодареніе безграничнымъ довѣріемъ къ начальнику, который во всѣхъ отношеніяхъ этого достоинъ. Вы считаете себя нѣсколько обязанными мнѣ за нѣжность, смѣю сказать, родительскую, которую я постоянно въ отношеніяхъ своихъ къ вамъ проявлялъ.

Позвольте же мнѣ передать г-ну Жилле¹⁾ это довѣріе къ вашимъ сердцамъ и просить васъ всегда относиться къ нему какъ должно, чѣмъ вы поддержите, вы превзойдете репутацію, которую вашему классу посчастливилось пріобрѣсти, и она будетъ немало содѣйствовать процвѣтанію Лицея. Вотъ надежда, или скорѣе увѣренность, которую мнѣ отрадно унести съ собою.

Прощайте, дорогія мои дѣти, продолжайте любить человѣка, который васъ горячо полюбилъ и не забывайте его въ вашихъ молитвахъ, какъ онъ не забудетъ васъ въ своихъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Николь.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦИНА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Такъ какъ вы, милостивый государь мой Василій Андреевичъ, ни въ запискѣ вашей, ни сегодня въ письмѣ не объявляете мнѣ, что Государь уже отпустилъ Клару²⁾, но что только вы писали; то я считаю нужнымъ сегодня доложить Государю и объявлю о томъ послѣ Конторѣ.

При семъ случаѣ препровождаю къ вамъ письмо ваше ко мнѣ, найденное въ бумагахъ покойнаго Государя, которое Императоръ указать мнѣ изволилъ препроводить къ вамъ.

Честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Князь Александръ Голицынъ.

7 Апрѣля 1826 г.

¹⁾ Преемникомъ аббата Николя былъ Ремп-Жилле, пробывшій директоромъ Ришельевского Лицея не полныхъ два года; съ открытія Лицея онъ состоялъ помощникомъ директора. А. Г.

²⁾ Клара, Нѣмецкій живописецъ, съ которымъ В. А. Жуковскій познакомился въ свое первое заграничное путешествіе. П. Б.

СВЯТИТЕЛЬ ІОАСАФЪ ГОРЛЕНКО.

(род. 8 Сент. 1705 † 10 Дек. 1754).

I.

Святитель Іоасафъ (въ мѣрѣ Іоакимъ Андреевичъ) родился 8-го Сентября 1705 года въ городѣ Прилукахъ (нынѣшней Полтавской губ.) и по происхожденію своему принадлежалъ къ южно-русской аристократіи, давшей немало выдающихся дѣятелей на церковно-общественномъ поприщѣ. Онъ былъ сыномъ родовитаго казацкаго полковника А. Д. Горленко, а по матери—внукомъ Малороссійскаго гетмана Д. П. Апостола. Семейныя традиции и связи, казалось, намѣчали Іоакиму прямой путь къ военной карьерѣ, но онъ избралъ иное. Съ ранняго дѣтства, подъ вліяніемъ благочестивыхъ родителей, укоренилась въ его душѣ склонность къ религіозному подвижничеству, еще болѣе окрѣпшая во время обученія въ Кіево-братской монастырской школѣ (академіи), куда онъ былъ опредѣленъ по достиженію восьмилѣтняго возраста, и на шестнадцатомъ году жизни Іоакимъ „возымѣлъ желаніе быть монахомъ“. Два года не рѣшался онъ открыть этого намѣренія родителямъ и, не получивъ ихъ согласія, тайно поступилъ сперва на испытаніе въ Кіевскій Межигорскій монастырь, а потомъ, на 22-мъ году жизни (21 Ноября 1727 г.), принялъ иноческое постриженіе въ Кіево-братскомъ монастырѣ съ именемъ Іоасафа. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ преподавателемъ младшихъ классовъ Кіевской академіи и на ряду съ этимъ проходилъ, въ санѣ іеродіакона и іеромонаха, разныя церковныя должности въ Кіевской митрополіи до 24 Іюня 1737 г., когда былъ опредѣленъ игуменомъ Лубенскаго Мгарскаго Преображенскаго монастыря.

Къ этому Кіевскому періоду жизни Іоасафа относится его литературный трудъ, посвященный митрополиту Рафаилу и озаглавленный: „Брань честныхъ седми добродѣтелей съ седми грѣхами смертными“. Названное произведеніе принадлежитъ къ разряду тѣхъ драматизированныхъ праздничныхъ виршей, которыхъ особенно много стало появляться въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Авторъ аллегорически изображаетъ битву грѣховъ съ добродѣтелями, заимствуя образцы изъ близко знакомой ему по родственнымъ связямъ

военной среды, и въ заключеніе убѣждаетъ читателя, примѣняя къ себѣ описанную „брань“, побѣждать каждый грѣхъ соотвѣтствующею добродѣтелью:

„Побѣдивый же будещи вѣнчаннй
И на вечеру еще будещъ званнй
Брачную, въ чертогъ. Ей, правду вѣщаю,
Зъ сердца желаю“.

Въ должности игумена Іоасафу пришлось немало потрудиться на пользу ввѣренной ему обители. Онъ привелъ въ порядокъ сильно запущенное хозяйство, изыскалъ средства на возстановленіе соборнаго храма, заботился о поддержаніи монастырской дисциплины. Въ 1742 г. для сбора пожертвованій ему пришлось быть въ Петербургъ, гдѣ своею рѣчью въ придворной церкви онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на императрицу Елисавету Петровну¹⁾. По ея именному приказу онъ былъ возведенъ въ 1744 г. въ санъ архимандрита и назначенъ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры²⁾. Внѣшняя административная дѣятельность его здѣсь выразилась главнымъ образомъ въ трудахъ по возобновленію обители послѣ большого пожара 17 Мая 1746 г. Въ частности, по его иниціативѣ вызванъ былъ изъ Кіевскаго Межигорскаго монастыря для возобновленія сильно пострадавшей отъ пожара церковной живописи іеромонахъ Павелъ Казановичъ, подъ руководствомъ котораго быстро возродилась и прочно стала лаврская иконописная школа, находившаяся въ состояніи крайняго упадка. Управление внутренней жизнью знаменитой обители и ея громаднмъ хозяйствомъ создавало также немало тяжкихъ заботъ для такого благочестиваго подвижника, какимъ былъ св. Іоасафъ. Впрочемъ, намѣстникомъ лавры онъ оставался недолго: 21-го Іюня 1748 года состоялось назначеніе его во епископа Бѣлгородской епархіи, которою управлялъ онъ около шести съ половиною лѣтъ, до самой своей кончины (10 Декабря 1754 г.).

На новомъ поприщѣ церковнаго служенія преосвященный Іоасафъ заявилъ себя ревностнымъ и энергичнымъ архипастыремъ. По словамъ его біографа, „ни одинъ изъ Бѣлгородскихъ іерарховъ не обозрѣвалъ такъ часто и такъ внимательно своей епархіи, какъ онъ, обращая при этомъ строгое вниманіе, какъ на храмы и общественное богослуженіе, такъ и на нравственное состояніе духовенства и мірянъ“ (проф. А. Лебедевъ, „Бѣлгородскіе архіереи“, стр. 82). Сохранились многочисленные слѣды его замѣчательной церковно-административной дѣя-

¹⁾ Еще до брака ея съ пѣвчимъ изъ Прилукъ, Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. П. Б.

²⁾ Т. е. Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ? Въ перечнѣ архимандритовъ Сергіево-Троицкой Лавры (Строева) Іоасафъ не значится. П. Б.

тельности въ видѣ различныхъ посланій къ духовенству и паствѣ, распоряженій и писемъ. Въ особенности много заботился онъ о понятіи умственного и нравственного уровня духовенства и въ частности— о благосостояніи Харьковскаго коллегіума, главнаго просвѣтительнаго центра Слободской Украйны, предназначеннаго, между прочимъ, и для подготовки образованныхъ пастырей. Ревностный блюститель церковнаго благочинія, въ своихъ наставленіяхъ духовенству онъ выступаетъ охранителемъ истовой церковности и врагомъ пустосвятства, рѣзко обличая „непотребные поповскіе вымыслы: лишніе, гдѣ не надлежитъ, поклоны, рукъ воздѣяніе, кажденіе, предъ Великимъ выходомъ креста цѣлованіе и прочая лишніа благочинія, чтò паче безчинія есть и внимающихъ не къ сокрушенію, а къ смѣху возбуждаетъ“. Въ религіозно-нравственномъ состояніи паствы предметомъ архипастырскихъ заботъ являлось распространеніе чрезъ посредство духовенства въ народѣ правильныхъ понятій о предметахъ вѣры, борьба съ многочисленными народными суевѣріями и бытовыми навыками, носившими на себѣ отпечатокъ язычества, съ уклоненіемъ въ иновѣріе, сектантство и расколъ, съ грубостью нравовъ и пренебреженіемъ христіанскими обязанностями. При этомъ ревностный архипастырь дѣйствуя въ духѣ своего времени, не останавливался и передъ примѣненіемъ къ виновнымъ (мірянамъ и духовенству) весьма суровыхъ карательныхъ мѣръ, до „тягчайшихъ монастырскихъ трудовъ“ и „жестокаго плетми наказанія“ включительно.

При всей строгости своихъ административныхъ мѣропріятій, въ личныхъ отношеніяхъ къ людямъ св. Іоасафъ проявлялъ черты истинно христіанскаго милосердія и сострадательности къ несчастнымъ, страждущимъ и нуждающимся. Онъ былъ не только усерднымъ молитвенникомъ и подвижникомъ, но и великимъ нестяжателемъ-нищелюбцемъ. Мало заботясь о своихъ удобствахъ, онъ большую часть доходовъ съ вотчинъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома употреблялъ на подаяніе и помощь неимущимъ, стараясь при этомъ дѣлать добро такъ, „чтобы лѣвая рука не знала, чтò творитъ правая“. Передъ праздниками онъ имѣлъ обыкновеніе посылать своего переодѣтаго келейника, а иногда и самъ лично подъ покровомъ ночи отправлялся къ жилищамъ бѣдняковъ, чтобы оставить тайную милостыню. И подавалась она такъ обильно, что послѣ кончины святителя осталось всего имущества: 14 книгъ, нѣсколько малоцѣнныхъ вещей, да 7 рублей деньгами, которыя были употреблены на устроеніе гроба и на поминальную раздачу нищимъ.

Строгое подвижничество и нищелюбіе еще при жизни пр. Іоасафа снискали ему благоговѣйное уваженіе паствы, еще болѣе усилившееся послѣ того, какъ тѣло святителя, пробывъ по случайному стеченію

обстоятельствъ, непогребеннымъ два съ половиною мѣсяца, не подверглось тлѣнію, а у его гроба, по свидѣтельству молвы народной, совершилось нѣсколько чудесъ. Черезъ два года послѣ кончины смертныя останки почившаго іерарха, при тайномъ осмотрѣ ихъ въ усыпальницѣ клириками кафедральнаго собора, вновь были найдены нетлѣнными, и съ этого времени началось мѣстное почитаніе св. Іоасафа, не встрѣтившее, впрочемъ, на первыхъ порахъ сочувствія въ мѣстныхъ духовныхъ властяхъ. Въ 1791 году Бѣлгородская консисторія, по предложенію епископа Теоکتиста, для пресѣченія доступа „любопытствующихъ“, приказала входныя двери къ усыпальницѣ святителя „замкнуть навсегда замкомъ и запечатать печатью“. Однако, это запрещеніе оставалось въ силѣ недолго. Вскорѣ тотъ же епископъ Теоکتистъ не только отмѣнилъ прежнее распоряженіе, но и возбудилъ (въ 1815 г.), по просьбѣ Бѣлгородскихъ гражданъ, официальное ходатайство о церковномъ прославленіи св. Іоасафа. Но на этотъ разъ попытка канонизаціи не только не увѣнчалась успѣхомъ, а, наоборотъ, повела къ ограниченію мѣстнаго почитанія останковъ святителя. Мощи его были закрыты, одѣты въ глухой саванъ и запечатаны, хотя паломничество къ нимъ не прекратилось. Не болѣе удачною оказалась и другая попытка, предпринятая въ 1874 г. архіепископомъ Варлаамомъ. Только въ недавнее время, послѣ того, какъ собраны были и изданы въ нѣсколькихъ томахъ обширныя матеріалы о жизни и посмертныхъ чудотвореніяхъ святителя Іоасафа, дѣло приняло болѣе благопріятный оборотъ. Въ Декабрѣ 1908 года, въ отвѣтъ на многочисленныя ходатайства духовенства и мірянъ, Св. Синодъ поручилъ епископу Курскому Питириму черезъ особую комиссію произвести разслѣдованіе о мощахъ и чудесахъ архіпаствыря Бѣлгородскаго. Результаты этого разслѣдованія, представленные Синоду, были признаны благопріятными, и на основаніи ихъ состоялось опредѣленіе о причисленіи „во блаженной памяти почившаго Іоасафа, епископа Бѣлоградскаго“, къ чину святыхъ, благодатію Божіей прославленныхъ, и о торжественномъ открытіи его мощей, которое поручено совершить 4-го Сентября 1911 года митрополиту Кіевскому вмѣстѣ съ преосвященнымъ Курскимъ и его викаріями.

Осуществленіемъ такого постановленія и является нынѣшнее Бѣлградское торжество въ честь святителя Іоасафа, „благодатнымъ предстательствомъ“ котораго „да укрѣпятся въ державѣ Россійской преданность отеческому православію, ко благу всего народа Русскаго“ (слова, собственноручно начертанныя Государемъ Императоромъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ Синода по дѣлу о прославленіи св. Іоасафа).

И. Г.

Изъ „Голоса Москвы“ (4 Сентября 1911 года).

II.

Конецъ семнадцатаго и первая половина восемнадцатаго вѣка въ исторіи Русской церкви ознаменованы появленіемъ въ рядахъ Русской іерархіи, и именно на главнѣйшихъ Великоросскихъ кафедрахъ, южанъ, воспитанниковъ Кіевской академіи, находившейся, благодаря заботамъ о ней незабвеннаго Петра Могилы, въ зенитѣ своей славы.

Знаменитый Теофанъ Прокоповичъ, мѣстоблюститель патриаршаго престола, Стефанъ Яворскій, блестящій проповѣдникъ, неутомимый писатель, святитель Ростовскій Димитрій Туптало, выдающійся ученый Симонъ Годорскій, архіепископъ Псковскій и духовникъ Екатерины, обучавшій ее Закону Божію: всѣ они были птенцами Могилянской академіи и въ большинствѣ происходили изъ Малорусской шляхты.

Много свѣжаго и свѣтлаго внесли въ Русскую духовную науку эти люди. Самое происхожденіе ихъ, съ дѣтства внушавшее имъ рыцарскія понятія, придавало имъ особую независимость.

Дѣятельность епископа Іоасафа счастливо совпала съ царствованіемъ набожной „дщери Петровой“. И вообще любившая лицъ духовной жизни, царица знала лично Іоасафа чрезъ Разумовскихъ, которые такъ покровительствовали Малороссамъ. Въ ея царствованіе начался и завершился самостоятельный періодъ дѣятельности святителя.

Замѣчательна и разнообразна судьба его ближайшихъ предковъ. Прадѣдъ его Лазарь рубится съ Поляками среди сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго, ѣдетъ посломъ гетмана Брюховецкаго къ Алексѣю Михайловичу и во время несчастнаго похода Москвы въ Крымъ погибаетъ трагически: взбунтовавшіеся противъ него казаки сожгли Лазаря живымъ. Останки его были сперва положены въ степи, и надъ ними насыпанъ высокій курганъ, а затѣмъ перевезены въ родовую усыпальницу, въ Густынскій монастырь, гдѣ Горленки построили богатый соборъ. Сынъ его Димитрій былъ сторонникомъ Мазепы и долго жилъ въ изгнаніи. Только отцу святителя Андрею удалось возстановить полностью владѣніе всѣми родовыми землями, конфискованными у отца.

Выйдя изъ рядовъ знатнаго казачества, Горленки поддерживали свое видное положеніе соответствующими браками. Мать святителя Іоасафа была дочерью Малороссійскаго гетмана Данила Апостола. Сестры его за представителями видныхъ Малороссійскихъ родовъ: Квитко, Стороженко и Маркевичъ.

Та—можно выразиться—нѣжность, съ которою Малороссія относилась и относится къ памяти святителя Іоасафа, объясняется, между прочимъ и тѣмъ, что для нея онъ—свой. Когда онъ бывалъ въ городѣ

Харьковѣ, принадлежавшемъ къ его епархіи, и гостилъ тамъ у своей любимой сестры Квитки, дворянство встрѣчало и провожало его, какъ своего, съ почестями—„громадою“, верхами на коняхъ.

Родствомъ со святителемъ Іоасафомъ считаются, кромѣ уже упомянутыхъ фамилій, еще Милорадовичи, графы Девьеры, Галаганы, Мандрыки, князя Жеваховы и Баратовы, Булацели, графы Гудовичи, Лизогубы, не считая многочисленныхъ развѣтвленій по женскимъ линіямъ этихъ семей.

Дѣтство въ уютѣ богатой усадьбы. Съ девяти лѣтъ ученіе въ Кіевѣ, куда Малорусская знать отправляла своихъ сыновей для образованія при Кіево-Братскомъ монастырѣ съ его просвѣтительными учрежденіями. Съ одиннадцати лѣтъ мечты о монашествѣ. Въ двадцать—тайный постригъ въ пещерѣ Межигорскаго монастыря, у Днѣпра. Это опять-таки былъ казачій монастырь: сюда Запорожская Сѣчь слала вклады изъ военной добычи на поминъ своихъ буйныхъ головъ; здѣсь же иногда, уставъ душою отъ „бранной“ жизни, схимились казаки...

Замѣчательно, что высшій аскетизмъ и отвлеченность отъ міра въ св. Іоасафѣ уживались съ чрезвычайною практичностью и хозяйственностью. Онъ сумѣлъ возобновить двѣ послѣдовательно порученныя ему управленію обители: совершенно разрушавшуюся Любенскую Мгарскую, а затѣмъ опустошенную пожаромъ Троице-Сергіеву лавру.

Сорока трехъ лѣтъ отъ роду онъ получилъ Бѣлгородскую кафедру. Рукоположеніе во епископа происходило въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ присутствіи Императрицы и двора.

Обширность епархіи, невѣжество грубаго, корыстолюбиваго и сварливаго духовенства требовали усиленной дѣятельности, въ которой святитель выказалъ столько же практичности, сколько настойчивости. Требовательный къ духовенству до суровости, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, ревниво охранялъ права и достоинства своего духовенства отъ посягновенія мірянъ.

Онъ рѣзко подчеркивалъ свой взглядъ на равенство предъ Богомъ всѣхъ людей и требовалъ исполненія религіознаго долга одинаково отъ праздношатающихъ Цыганъ, которыхъ было тамъ много, и отъ титулованнаго сановника, разъ они жили въ его епархіи. Но не высокія черты епархіальнаго управленія привязали къ нему народное сердце, а его неистощимое, изобрѣтательное, стыдливое милосердіе.

Разсказываютъ о немъ, что, когда онъ мальчикомъ пріѣзжалъ домой на побывку, и родители его давали роскошные пиры, онъ, невидный, гдѣ-нибудь въ углу, ѣлъ корку чернаго хлѣба.

Этотъ святой стыдъ за свою обеспеченность, жажда убожества и состраданія къ тѣмъ, кому трудно, остались у него до конца. Какъ и

сколько онъ раздавалъ, видно изъ того, что, будучи старшимъ сыномъ очень богатой семьи, сыномъ любимымъ, и, весьма вѣроятно, получая отъ родителей матеріальную поддержку, занимая къ тому же очень богатую кафедру, онъ оставилъ по себѣ 70 или 80 коп. мѣдью.

Любимымъ дѣломъ святителя Іоасафа была милостыня тайная. Онъ позднимъ вечеромъ обходилъ извѣстныя ему бѣдныя хаты и клалъ снаружи на видное мѣсто пакетъ съ деньгами или узелъ съ бѣльемъ, привлекая вниманіе хозяевъ стукомъ въ дверь—и незамѣтно скрывался. Онъ посылалъ также, скрывая свое имя, зимою дрова бѣднымъ людямъ, а одинокимъ и больнымъ иногда самъ рубилъ вдобавокъ по ночамъ эти дрова и таскалъ ихъ къ крыльцу.

Въ его архіерейскомъ селѣ Грайворонѣ шла постоянно заготовка теплыхъ кожуховъ и свитъ для раздачи зимою нуждающимся.

И вотъ такія простыя, понятныя дѣла любви запомнились...

Святитель Іоасафъ за полгода до кончины выѣхалъ изъ Бѣлгорода, предсказавъ, что больше не вернется. Онъ посѣтилъ своихъ родителей. Старый отецъ его въ это время жилъ отшельникомъ въ принадлежавшемъ ему лѣсу, лишь изрѣдка пріѣзжая въ Прилуку на свиданіе съ семьей. На возвратномъ пути въ Бѣлгородъ святитель заболѣлъ въ селѣ Грайворонѣ и послѣ двухмѣсячныхъ страданій скончался 10 Декабря 1754 года.

Почитаніе святителя Іоасафа въ Украинѣ началось почти непосредственно послѣ его смерти.

Въ матеріалахъ для біографіи святителя, собранныхъ княземъ Н. Д. Жеваховымъ, приведены описанія нѣсколько сотъ чудесныхъ исцѣленій по благодатной силѣ святителя.

Уже давно и неоднократно жители Бѣлгорода ходатайствовали о церковной канонизаціи святителя Іоасафа.

Е. П нъ.

(Изъ „Новаго Времени“ отъ 4 Сентября 1911 г.).

Значеніе святыхъ мощей художественно выражено Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ въ его Словѣ на день св. митрополита Алексія (1845): „Угодникъ Божій не перестаетъ дѣйствовать для насъ передъ Богомъ своими молитвами, а передъ нами благодатнымъ дарованіемъ, по которому въ самомъ тѣлѣ его, какъ въ чистомъ сосудѣ духа, вмѣсто обыкновенныхъ человѣческихъ немощей, имѣемъ мы открытыя святыя мощи—возвышенныя силы, подобно вещественному благоуханію простирающія сокровенное дѣйствіе на чувство вѣры, возвышающія наши собственныя силы и производящія благотворныя перемѣны“.

Приношеніе князя Потемкина въ Успенскій соборъ въ Москвѣ.

По окончаніи славной для Россіи первой Турецкой войны въ царствованіе Екатерины II-й (1768—1774 годовъ), впервые чувствительно потрясшей Оттоманскую Порту и прочно оградившей южные предѣлы наши отъ набѣговъ и грабежей Крымскихъ Татаръ, Россія, по Кайнарджійскому миру, заключенному съ Портою 10 Іюля 1774 г., пріобрѣла важныя выгоды. Она присоединила къ своимъ владѣніямъ Азовъ, Керчь, Еникале и Кинбурнь, открыла кораблямъ своимъ свободное плаваніе по Черному и Средиземному морямъ и пріобрѣла другія выгоды. Полководцы и генералы наши: Румянцевъ-Задунайскій, Суворовъ, Орловъ-Чесменскій и многіе другіе въ эту войну прославили Россію, и Исторія внесла ихъ имена въ свои скрижали. Европа изумилась: могущество Россіи и подъ управленіемъ женщины ей выказалось ясно. Западныя державы съ завистью и боязнію стали смотрѣть на внутреннія могучія силы Московіи. Петръ I, по выраженію поэта, прорубилъ окно въ Балтійское море; Екатерина II-ая, можно сказать, открыла ворота въ Черное и Средиземное моря. Въ это-то славное въ воспоминаніяхъ нашихъ время блистательный князь принесъ достойную жертву, выказавъ свои чувства и живѣйшую благодарность къ Богу.

Во время занятія нашими войсками Валахія, съ этой страны были собраны значительныя суммы денегъ. Остатки ихъ, за расходами на военныя издержки, составили въ золотѣ до полупуда. Императрица Екатерина отдала это золото въ безъотчетное распоряженіе князя Потемкина, который, съ соизволенія ея, обратилъ этотъ даръ въ Московскій Успенскій соборъ. Въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба, хранятся подлинныя о томъ бумаги.

13 Іюля 1873 г. Г. Москва.

Григорій Александровъ.

БЕСТУЖЕВЪ-МАРЛИНСКІЙ.

Письмо изъ отряда дѣйствующаго за Кубанью.

Октября 24-го дня 1834-го года. Берегъ Чернаго моря.

Ура, мы въ Гиленджикъ! Мы штыками проторили дорогу отъ Кубани до Чернаго моря, сквозь неприступныя доселѣ ущелія, черезъ подоблачныя хребты, подѣ градомъ пуль и стрѣлъ и камней и картечей! Могущее слово Николая набросило намъ мостъ на пропасти, сгладило горы въ уровень. Великая мысль увѣнчалась великимъ исполненіемъ: безстрашный вождь нашъ наступилъ твердой стопой на гнѣздо самыхъ дерзкихъ и воинственныхъ грабителей Черноморья.

Вы не сыщете Гиленджика на картѣ; можетъ быть, вы не подозреваете его и на бѣломъ свѣтѣ. Эта крѣпость не болѣе 3-хъ лѣтъ вышла на Черкесскій берегъ въ бухтѣ весьма удобной для рейда. Зоркое око Русскаго правительства вдали провидѣло пользу, которую можно будетъ пролить на Линію и всѣ наши Закавказскія провинціи, обезпечивъ ихъ торговлею и мирными поселеніями, на мѣстѣ занятомъ теперь приморскими разбойниками, притонами Турецкихъ контрабандистовъ и горскими хищниками. Объ этихъ мѣрахъ взывало не только Отечество, но и Человѣчество, и вотъ Гиленджикъ возникъ и разросся на страхъ и досаду окружнымъ Горцамъ. Послѣ Анапы то была первая ступень къ покоренію Восточнаго берега Чернаго моря.

И такъ цѣль настоящаго похода за Кубань была: избраніе удобнѣйшей дороги къ Гиленджику и постройка на ней крѣпостей, которыя бы служили звеньями цѣпи должной оковать народы сосѣдніе Черноморью и разъединить ихъ отъ воинственныхъ сосѣдовъ точками опоры нашего военнаго и торговаго сообщенія между берегомъ Чернаго

моря и Кавказскою линією. Для этого построивъ регулярную крѣпость¹⁾ на рѣкѣ Абинѣ, въ 40 верстахъ отъ Кубани, генераль Вельяминовъ двинулся изъ лагеря по Абинскому ущелію съ 6.000 войска, съ 28 орудіями²⁾ и со всеѣмъ боевымъ обозомъ въ 5-ть часовъ утра 10-го Октября.

Казалось, сама природа пошла на брань за Горцевъ и хотѣла отстрашить насъ непогодю отъ желанія идти далѣе: бурный ливень съ градомъ и вихремъ билъ прямо въ глаза до того, что кони подъ бичемъ упирались и обращались назадъ. Но такая буря, замедляя нашъ ходъ, помѣшала и сборищамъ и стрѣльбѣ Черкесовъ. Мы прошли 9^{1/2} верстъ съ неважными схватками. Авангардъ посланъ былъ впередъ для того, чтобъ найти и взять заваль, какъ извѣстно стало черезъ лазутчиковъ, устроенный на дорогѣ. Мы нашли этотъ огромный заваль пустымъ и покинули въ пеплѣ. Дождь лилъ волною всю ночь; солдаты всю ночь на пролетъ толпились вокругъ бивачныхъ костровъ.

На утро блеснуло солнце, и съ первымъ лучемъ его завязалось жаркое авангардное дѣло. Горцы, какъ змѣи ползли со всеѣхъ крутизнь и съ пашками кидались на нашихъ стрѣлковъ, но въ полчаса были выбиты изъ лѣсу штыками, развѣяны пушками съ полянъ, и мы по ихъ трупамъ, по тропамъ залитымъ кровью, двинулись впередъ, вездѣ встрѣчаемые убійственнымъ свинцомъ, вездѣ сметая непріятеля долой съ утѣсовъ. Тяжко стонали горы отъ пальбы, отъ кликовъ битвы; всѣ ущелія дышали на насъ дымомъ и пламенемъ зажженныхъ врагами ауловъ, сѣна и проса: точно самъ адъ вырвался на землю. Павшій мракъ разлучилъ сражающихся. Мы ночевали на оружіи у воротъ въ тѣснину, при сліянїи рѣкъ Абина и Атаквафа.

Трудны были два предшедшіе дня, но разсвѣтъ оказалъ, что это были цвѣтки въ сравненїи съ тѣмъ, чтò насъ ожидало. Конная тропинка, часто пересѣкающая ложе Атаквафа, исчезала въ дремучемъ лѣсу. Грозныя скалы, заросшія колючкой, изрытыя потоками, недоступныя взору, не только стопѣ воина, вздымались справа и слѣва, и всѣ гребни были усѣяны, всѣ засады полны врагами, горящими жаждою

¹⁾ Двойная рекогносцировка дороги сперва отъ Ольгинскаго укрѣпленія до Абина, потомъ отъ Абина до Великолагернаго (на Кубани) и обратно, вмѣстѣ съ безпрестанными перевозками провіанта и всеѣхъ матеріаловъ необходимыхъ для постройки крѣпости, земляныя работы и фуражировки для снабженія отряда и гарнизона сѣномъ поглотили время отъ 26-го Іюля до 10-го Октября. Ежедневная война съ тѣмъ сопряженная будетъ предметомъ особой статьи.

²⁾ Въ томъ числѣ слишкомъ 2,000 пѣшихъ Черноморскихъ казаковъ съ ружьями безъ штыковъ: около 600 артиллеристовъ и 300 сапѣръ, да 4 горныхъ единорога.

мести и отличія, поклявшимися умереть не пуская Русскихъ впередъ; но что невозможно для Русскихъ предводимыхъ Вельяминовымъ? Звонъ топоровъ слился съ громомъ выстрѣловъ. Медленно подвигались мы впередъ, просѣкая и разрывая дорогу по дну ущелія, покупая боемъ каждую пядь земли и боемъ равнаго оружія, ибо артиллерія не могла досягать на гребни; со всѣмъ тѣмъ мы подвигались. Кровь лилась съ обѣихъ сторонъ, остервененіе Черкесовъ и мужество Русскихъ росли. Стрѣлковыя цѣпи наши карабкались по обрыву за корни деревьевъ, встрѣчая на каждомъ шагу засѣки и засады; стрѣлялись въ упоръ, дрались въ рукопашную. Раненые катились внизъ колесомъ, убитые стремглавъ падали въ пропасть. Наконецъ, условный бой барабановъ съ обѣихъ высотъ возвѣстилъ авангарду, что на дорогѣ видѣнъ заваль, а залпъ встрѣчу намъ посланный доказалъ это. Въ одинъ мигъ онъ былъ обойденъ и взятъ на ура; въ одну минуту разломанъ и срытъ съ корня. И вотъ передъ нами по крутой, голой скалѣ открылась конная тропка; но раздалось „саперы впередъ“ и черезъ два часа, вырубленная въ крѣпкомъ камнѣ дорога разостлалась подъ обозъ широкимъ и пологимъ спускомъ, хоть сей часъ перенести на Московское шоссе. А между тѣмъ непріятель не переставалъ дерзко напирать на авангардъ и арьергардъ. Съ неприступныхъ вершинъ порой летѣли картечи *) изъ ихъ орудій. Многіе стрѣлки были ранены камнями и стрѣлами. Уже давно была ночь, когда мы стали, совершивъ 5 верстъ пути. Переправа обоза черезъ Атаквафъ по скользкому каменному дну стоила невѣроятныхъ трудовъ и длилась за полночь.

Разсвѣлъ 4-й день. Перестрѣлка будто эхо отвѣтила на звонъ заревыхъ роговъ. Мы поднялись и чѣмъ далѣе, тѣмъ непроходимѣе становилось ущеліе. Горы сходились будто грозя удушить насъ; лѣсъ заплеталъ дорогу терномъ. Мы должны были прорубаться сквозь чащу, срывать и заваливать спуски въ плитникъ, а между тѣмъ жаркій бой кипѣлъ кругомъ. Ура заглушало гиканье враговъ, ревъ артиллеріи покрывалъ перестрѣлку, но чуть минувшій отдыхъ прерывалъ битву, удалые Русскія пѣсни застрѣльщиковъ гремѣли по утесамъ Кавказа: смертный пиръ былъ у насъ не безъ гимновъ—скажите не весело ли драться и умирать впереди такихъ солдатовъ!!

*) Шапсуги и Натухайцы наняты Апанскимъ пашею дѣйствовать противъ Русскихъ, при послѣдней осадѣ оной, увезли въ горы 8 легкихъ орудій за недоплату имъ жалованья. Изъ этихъ-то орудій они стрѣляли по Абянскому лагерю и теперь. Впрочемъ недостатокъ снарядовъ и дальность разстоянія (изъ боязни потерять пушки) были причиною, что ихъ выстрѣлы мало намъ вредили. Впрочемъ есть убитые и раненые ихъ ядрами, нерѣдко мѣдными, и мелкою картечью.

Такъ достигли мы до глубокаго котла, образованнаго перекресткомъ многихъ ущелій, въ ложѣ полуизсыкашей рѣчки Шадо-гопсъ. Устроивъ на гребняхъ высотъ засѣвки, мы стѣснились бивуаками у подножія хребта Маркочъ, раздѣляющаго насъ отъ приморья. Тяжелъ былъ горцамъ этотъ день пораженіями, недаромъ обошлась и намъ побѣда. Миръ павшимъ! Здравіе пролившимъ кровь свою!... На утро 14 Октября, разогнавъ гранатами съ окрестныхъ высотъ скопляющихся непріятелей, генераль Вельяминовъ съ 4-мя батальонами пѣхоты и со всѣми вьючными лошадьми, на которыхъ посадили 70 раненыхъ, выступилъ на гору для развѣдки остальной дороги въ Гиленджикъ. Вообразите себѣ огромную сахарную голову, изрытую вдоль и поперекъ глубокими, лѣсистыми стремнинами, вотъ гора на которую должно было намъ взобраться. Изъ всѣхъ овраговъ на перекрестѣ свистѣли пули, со всѣхъ вершинъ катили на насъ камни, но не смотря на это, не смотря на ужасную крутизну, мы въ 2 часа пути были уже на темъ высочайшей изъ горъ поморья—и вотъ безграничное море со своими заливами, со своими зелеными, голубыми водами разлилось панорамой подъ нашимъ взоромъ. Ярко блистало солнце, гордо плавалъ надъ нами орелъ и казалось любовался на новыхъ братьевъ своихъ.... Какой-то безотчетный восторгъ овладѣлъ всѣми; войска кричали ура; вождю своему, знамена шумѣли славу Русскому Государю, каждый чувствовалъ, что Термопилы уже назади, что цѣль близка, что онъ свершилъ исполинскій подвигъ. О, это было великолѣпно, это было величественно, это было отрадно Русскому сердцу! Въ такія минуты забываетсяъ всѣ минувшіе труды, всѣ будущія опасности.

Командующій войсками возвратился съ 2-мя батальонами къ лагерю, чтобы съ утра начать разработку дороги черезъ хребетъ Маркочъ, предпріятіе, которое не одни горцы считали баснею. Мы же съ другими 2-мя батальонами и 2-мя горными орудіями, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Малиновскаго спустились по крутому склону горы къ поморью противу Суджукской бухты, и къ 8 часамъ вечера съ легкою перестрѣлкою достигли желанной цѣли, т. е. крѣпости Гиленджика, гдѣ были встрѣчены гарнизономъ какъ братья, гдѣ мы нашли пріютъ и ласку, а наши раненые пособіе и покой.

Октября 16, поднявъ на вьюкахъ 5-тидневный провіантъ для всего отряда и взявъ изъ Гиленджика 2 батальона, слѣдующіе по переторировкѣ къ Тенгинскому и Навагинскому полкамъ, да одинъ линейный Черноморскій, мы поднялись на гору, и въ тотъ же день присоединились къ отряду. Гранаты горныхъ единороговъ держали непріятелей въ почтительномъ разстояніи.

Дорога избранная начальникомъ войскъ, уже змѣей вилась въ гору по дну ручья. Работа кипѣла, камень горѣлъ подъ кирками; громады взорваннаго порохомъ разлетались въ иверни, саперы творили чудеса¹⁾. Довольно сказать, что 20 числа разработка достигла до перевала горы, прозванной солдатами Вельяминовскою. На верху ея водрузили крестъ, найденный въ одномъ изъ ауловъ. Остатокъ забытой Черкесами Христіанской вѣры, онъ возникъ предтечею побѣды Креста надъ Луною, вѣстникомъ обновленія этаго края Русскими.

Тяжкая разработка въ живой скалѣ порохомъ и желѣзомъ производилась уже по спуску къ морю, когда артиллерія, паркъ и обозы поднялись на хребетъ, не безъ усилій, но безъ ломки. Всѣ тяжести ночевали на горѣ тоже безъ воды и огня. Шелъ дождь.

22-го, сквозь тучи летящія подъ ногами, колонна стала спускаться. Непріатели съ дальнихъ вершинъ съ отчаяніемъ глядѣли на нашъ торжественный ходъ: на лаву Европы вторгающейся въ Азію. Они убѣдились, что всѣ думы и предреканія ихъ о невозможности совершить этотъ страшный переходъ обратились въ ложь; что всѣ усилія ихъ отваги, возвышенной привычкою и познаніемъ мѣстности, остались напрасны передъ беззапятною храбростію Русскихъ... безсильныя пули ихъ падали къ нашимъ ногамъ.

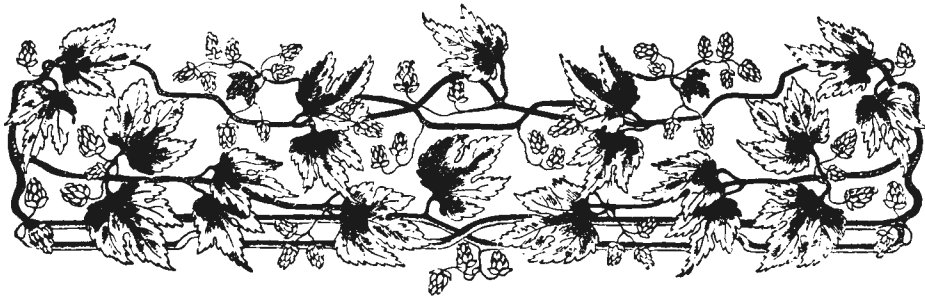
Генераль Вельяминовъ, спустивъ при себѣ обозъ до полугоры, поручилъ окончаніе г. л. Малиновскому, а самъ, опередивъ отрядъ къ ночи прибылъ въ Гиленджикъ. Войска со всею артиллеріей и тяжестями пришли на другой день въ 2 часа пополудни и стали бивуакомъ на эспланадѣ. Тихая доселѣ крѣпостца превратилась въ шумный станъ... вездѣ веселыя толпы солдатъ и казаковъ, вереницы коней. Земля дымится огнями; по заливу снуютъ взадъ и впередъ ялики съ любопытными гостями военныхъ судовъ, гордо зыблущихся на якорѣ²⁾. Все дышетъ военною беззаботностію; все радуется краткому отдыху послѣ Суворовскихъ трудовъ, а между тѣмъ все готовится къ новымъ подвигамъ, къ новымъ битвамъ. Черезъ два дни опять въ горы, опять подъ пули. Но о томъ—потомъ.

Вашъ Александръ Марлинскій.

На доставленной въ „Русскій Архивъ“ рукописи этого письма тою же рукою означено: „Для Сѣверной Пчелы“. П. Б.

¹⁾ Въ помощь имъ придана была тысяча Черноморцевъ.

²⁾ Теперь въ Гиленджикской бухтѣ стоятъ бригъ Фениксъ, катеръ Соловей и лугръ Глубокій. Послѣдній изъ нихъ повезетъ наши письма къ благословеннымъ берегамъ Россіи.

ОЧЕРКИ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

ПОБѢГИ ВЪ ГОРЫ.

(Исторія одной раскольникческой обители у Шамиля).
1849—1859.

1.

Лѣтомъ 1849 года черезъ Николаевскій мостъ на Терекъ провели солдата, вышедшаго изъ плѣна отъ непокорныхъ горцевъ. Онъ разсказалъ конвойнымъ казакамъ Червленной станицы про Чеченцевъ и Шамиля; много говорилъ также про иноковъ-христіанъ и о Некрасовцахъ, будто бы поселившихся въ горахъ, въ верховьяхъ Аргуна¹⁾.

Вѣсть о Некрасовцахъ быстро облетѣла Гребенскія и прилежащія станицы.

Съ самаго начала своего поселенія на Терекъ почти всѣ Гребенцы крѣпко держались старой вѣры²⁾. Первоначально они чуждались раскола, не допуская возможности раскалывать власть Россіи; но двинутые на подкрѣпленіе Гребенцамъ Донцы и Волжцы привели съ собою немало раскольниковъ, всегда втайнѣ готовыхъ возстать противъ государственнаго порядка.

Фанатики эти незамѣтно растворились бы среди Терскихъ старообрядцевъ, если-бы православное духовенство ограничилось въ борьбѣ

¹⁾ Архивъ 3-го стола Войск. Дежур. Кавказ. Линейн. войска, показанія казака Янхотова и Асѣя Мартынова. Связка № 14—дѣло № 262 и Св. № 15—дѣло № 309.

²⁾ И. Попко. Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Гребенское войско. Глава IX.

съ расколомъ исключительно нравственными мѣрами; но пастыри церкви прибѣгли къ содѣйствию власти.

До начала царствованія императора Александра Николаевича раскольники и сектанты находились въ положеніи людей, лишенныхъ всякихъ правъ; а ничто, какъ извѣстно, такъ не окрыляетъ религіозныхъ ученій, какъ преслѣдованіе и гоненіе. Потому среди поселенныхъ казаковъ было немало сектантовъ, оплакивавшихъ вольность прежней казачьей жизни и старые казачьи идеалы.

Изъ среды ихъ возставали часто проповѣдники антицерковной смуты и самаго грубаго суевѣрія, называвшіе себя поапостольски „ловцы человѣковъ“. „Это были“, говоритъ Попко¹⁾ „записные начетчики, своего рода схоластики и софисты, насквозь пропитанные буквою и формою, люди того уровня умственнаго развитія, для которыхъ авторитетны нелѣпныя теоріи, что земля держится на спинѣ китъ-рыбы, что двухглавый орелъ печать антихриста и т. п.“ Въ раскольничьихъ центрахъ „постригали ихъ въ монахи, снабжали клобуками и мантиями, образами, сосудами, хлѣбами въ качествѣ запасныхъ даровъ Евхаристіи, рукописными книгами, исполненными хулы на господствующее Русское вѣроисповѣданіе, мистическими тетрадами „о счисленіи лѣтъ“, о послѣднемъ вѣцѣ и о пришествіи антихристовѣ. Вели свою пропаганду такіе „ловцы человѣковъ“, конечно тайно и пользовались каждою подходящею искоркою для преслѣдованія своихъ цѣлей.

И вотъ, спрашивается, могъ ли представиться болѣе удобный случай для спасенія отъ Антихриста, какъ слухъ о пребываніи въ верховьяхъ Аргуна молящихся старцевъ и въ особенности казаковъ-некрасовцовъ. Жизнь съ послѣдними должна была манить тѣхъ казаковъ-раскольниковъ, которые къ своимъ религіознымъ исканіямъ присоединяли мечту объ осуществленіи исконныхъ казачьихъ идеаловъ.

Надо помнить, что въ былое время Некрасовцы или Игнатъ-казачи²⁾ „образовали на Кавказѣ самую устойчивую группу вольнаго казачества, искавшаго внѣ родины условій для осуществленія религіозной свободы. Они пользовались самоуправленіемъ, жили въ мѣстахъ богатыхъ охотой и рыбными ловлями. Въ своихъ воззрѣніяхъ на собственность они сходились со взглядами Горцевъ и Татаръ, признавали своимъ правомъ угонъ скота, добычу ясыря, разореніе жилищъ противника и

¹⁾ Ив. Попко. Гребенцы, стр. 146.

²⁾ Исторія Кубанскаго казачьяго войска Ф. А. Щербина, томъ I, стр. 601—610.

³⁾ Показанія Яхотова. 27 Августа 1852 года Св. № 14—дѣло 262.

жестокую съ нимъ расправу. А все это было безусловно мило, любо и дорого сердцу Терца вообще, а раскольника въ особенности.

2.

Слышавшіе разказъ бѣглаго солдата о Некрасовцахъ конвойные казаки Тимофей Янхотовъ и Хыхатовъ были глубоко потрясены.

Янхотовъ былъ нраву тихаго, глубоко религіозенъ, преданъ старой вѣрѣ и имѣлъ отъ роду всего тридцать лѣтъ. Онъ уже пользовался большимъ уваженіемъ среди сораскольниковъ, благодаря грамотности и начитанности. Все свободное отъ службы время казакъ проводилъ на молитвѣ въ часовнѣ или за чтеніемъ старинныхъ книгъ, совмѣстно съ друзьями: Панкратомъ Усягинымъ, Ефимомъ Шавыревымъ и Асѣемъ Мартыновымъ. Они всѣ жаждали религіознаго подвига и глубоко вѣрили, что: „если человѣкъ хочетъ спасти свою душу, то долженъ оставить міръ тайнымъ образомъ, чтобы не только посторонніе, но даже родные не знали, и удалиться въ горы и непроходимые лѣса“. А потому казаки ждали лишь подходящаго случая.

И вотъ пять друзей рѣшили бѣжать 27 Ноября 1849 г.

Для усугубленія въ спасеніи души бѣгутъ они со службы, берутъ съ собою образа, священныя книги, мѣдныя кресты, лестовки, ладону и воску и оставляютъ записки: „идемъ въ путь Христовъ“¹⁾.

Первымъ обнаружилъ побѣгъ стоявшій на секретѣ Коровкинскаго поста казакъ Ларіонъ Ивашинъ, замѣтившій исчезновеніе каюка и двухъ весель. Затѣмъ хватились и въ станицѣ. Полковой адъютантъ, есаулъ Фроловъ, сейчасъ же опросилъ часовыхъ у выѣздныхъ станичныхъ воротъ Степныхъ, Нижнихъ (что къ Щедрину) и Фроловскихъ, и послалъ погоню.

Но казаки были уже далеко. Переправившись черезъ Терекъ ночью, они только за Сунжею сдѣлали растахъ. Потомъ за Аргуномъ поднялись съ горы искать тѣхъ иноковъ, о которыхъ говорилъ солдатъ, шли ночью, скрываясь днемъ въ лѣсахъ. Наконецъ на восьмой день скалы преградили имъ путь. Дальше идти было некуда. Подумавъ, вошли въ ближайшій аулъ. То былъ аулъ Лускертъ²⁾.

¹⁾ Рапортъ командира Гребенскаго полка подполк. барона Розена, 1849 года № 7589, св. № 14. дѣло № 262.

²⁾ Очевидно Улускертъ.

Казаковъ Чеченцы доставили въ Дарго къ Шамилю.. Ихъ ввели во дворъ, обнесенный палисадомъ изъ толстыхъ бревенъ съ заостренными на верху концами. Передъ двухъ-этажнымъ домомъ, съ тесовою крышею, четыре пушки, на коврѣ сидѣлъ Имамъ. Кругомъ стояли приближенные¹⁾. „Что вы за люди“. „Мы казаки и пришли къ тебѣ не служить, а молиться“, бойко, по чеченски отвѣтилъ Янхотовъ и, нагнувшись, тихо что-то сталъ шептать Шамилю.

Повелитель Чечни и Дагестана слушалъ задумавшись. Мысли его были далеки: онъ собирался въ походъ въ Казикумумскія владѣнія.

„Скоро зима, ждите меня“, наконецъ промолвилъ онъ и приказалъ отвести казакамъ хату въ Русской слободкѣ, гдѣ жили дезертиры.

Тяжело прошла зима для пяти Червленцевъ, нравственно чистыхъ, тяготѣвшихъ къ Богу, среди развратныхъ, вѣчно пьяныхъ и разнузданныхъ отбросовъ Русскаго войска. Всѣ помыслы богомольцевъ еще больше ушли въ будущее: гдѣ искать, гдѣ найти, гдѣ просить подходящаго для обители мѣста? И всѣ, Русскіе и Горцы, единодушно указывали на ущелье въ Тавліи возлѣ аула Ратли, подъ снѣговыми горами.

Наконецъ открылась весна 1850 года. Потекли ручьи, зазеленѣла трава. Янхотовъ снова пошелъ къ Шамилю, долго что-то докладывалъ и выхлопоталъ „вольную бумагу“.

Тогда пошли Червленцы черезъ Анди, Карати и Яфоки въ Ратли. Тутъ, отойдя верстъ шесть отъ аула, въ лѣсу, около холодной рѣчки, подъ большой горой, облюбовали они себѣ мѣсто, сложили саклю и начали молиться въ тиши и безмолвіи горной пустыни, вдали отъ людей и царства Антихриста, вычисляя время его пришествія.

Раннимъ лѣтомъ число обитателей кельи въ Ратли увеличилось тремя бѣглецами²⁾: Червленцами Леонтиемъ Лысовымъ и Діомидомъ Роткинымъ и малолѣткомъ изъ Щедрина. Гребенцы принесли очевидно съ Терека жгучій запросъ о Некрасовцахъ. Раскольники въ станицѣ, видимо, волновались и понуждали Янхотова скорѣе войти въ близость съ потерявшимися гдѣ-то въ горахъ „сорока станицами вольницы и старообрядческимъ монастыремъ“.

¹⁾ Показаніи Персіянова св. № 16, дѣло № 309.

²⁾ Дѣло о побѣгѣ казаковъ Роткина и Лысова, св. № 15, дѣло—№ 299.

Приходилось дѣйствовать. Янхотовъ поднялъ братію и пошелъ на розыски Некрасовцевъ, о которыхъ также еще зимою въ Дарго рассказывалъ дезертиръ Василій, будто бы служившій у нихъ восемь мѣсяцевъ¹⁾.

Казаки долго искали, бродили и усталые, разбитые не тѣломъ, а духомъ, разочарованные вернулись въ Ратли. Тутъ разыгралась, кажется, тяжелая драма разбитой иллюзіи. Вожакамъ, очевидно, больше не вѣрили. Тщетно убѣждали. Янхотовъ и Шавыревъ, Лысовъ и Роткинъ пустились въ обратный путь, прихвативъ съ собою Усягина.

Но не суждено было казакамъ снова испытать воды въ Терекѣ, увидеть родную станицу. Про побѣгъ провѣдалъ Шамиль. Бѣглецы были настигнуты и разстрѣлены²⁾.

Не кроется ли въ этой казни еще болѣе глубокаго преступленія? Не принялъ ли на себя грѣхъ Янхотовъ принести товарищей въ жертву идеѣ.

Распространившійся вскорѣ на Терекъ слухъ о лѣтнихъ поискахъ Янхотова подкрѣпляетъ догадку: въ станицахъ говорили, какъ пошелъ Янхотовъ съ товарищами, какъ наткнулся на караулъ отъ Шамиля, никого къ Некрасовцамъ не пропускавшій за убійство Игнать-казаками поставленнаго отъ Имама найба. Неуспѣхъ богомольцевъ подтверждалъ существованіе въ горахъ той вольницы, куда такъ стремились съ Терекъ многие.

До Ратли было далеко, и правда не скоро дошла на Линію.

3.

„Идемъ туда, куда пошелъ Янхотовъ“, сказала старая, суровая и набожная Червленка Настасья Митрошкина сыну Василю.

Василій не смѣлъ отказаться.

Ноябрьскимъ пасмурнымъ вечеромъ старуха увлекла въ горы вмѣстѣ съ сыномъ станичниковъ: Ивана Башмакова, Асея Хужина. Федосью Мишуткину, Евдокію Черникову и двухъ монашенокъ Червленскихъ скитовъ, пришедшихъ изъ Иргизскихъ монастырей, Апраксею и Фелициладу³⁾. Въ первые кочета бѣглецы были уже за Сунжею и вскорѣ явились въ Дарго къ Шамилю.

¹⁾ Показанія Янхотова 27 Авг. 1852 года, св. № 14, дѣло № 262.

²⁾ Показанія Митрошкина, св. № 15, дѣло № 309.

³⁾ Рапортъ команд. Гребенск. полка 1851 г. № 5721, св. 15, д. 309.

„Позволь идти въ Ратли“.

Имамъ отказалъ: жива была еще въ памяти измѣна трехъ казаковъ. Не слушалъ его зова и Янхотовъ. Сомнѣніе запало въ душу Шамиля, зачѣмъ ходили лѣтомъ по горамъ казаки.

Положеніе было трудное. Башмаковъ вызвался привести Янхотова съ братією.

У снѣговыхъ горъ нашель казакъ Червленцевъ. Заупрямились было раскольники возвращаться къ Шамилю. Больно было покидать уже дорогое мѣсто, горько стало оставлять безмолвіе глуши, идти къ злымъ людямъ. Какъ страшный сонъ воскресъ передъ Шавыревымъ развратъ слободки, ужасъ прошлой зимы. Но идти все же рѣшили: разумъ побѣдилъ сердце.

Снова пошелъ Янхотовъ къ Шамилю. Опять успокоилъ Имама и выхлопоталъ позволеніе поселиться всѣмъ богомольцамъ сообща не далеко отъ Дарго.

На дворѣ стояли уже холода, но казаки не побоялись стужи для поисковъ. Имъ понравился островъ въ верстѣ съ половиной на Западъ отъ слободки, окаймленный узкими быстрыми рѣчками, текущими въ глубокихъ оврагахъ. Высокій чинаровый лѣсъ придавалъ особую прелесть облюбованному мѣсту. Тутъ рѣшили казаки основать обитель¹⁾.

Скоро застучалъ топоръ и закипѣла работа. Надо было быстрѣе возвести себѣ хоть какое нибудь убѣжище, дававшее возможность пріютиться вдали отъ страшной солдатской слободки. И вотъ къ концу года поспѣли три избышки; въ нихъ помѣстились отдѣльно мужчины и женщины, сходясь вмѣстѣ только для молитвы. Но жизнь на первыхъ порахъ складывалась очень трудно. На зиму запасовъ заготовлено не было. Приходилось покупать все, расходуя принесенныя еще съ Терека деньги. Небольшое подспорье давало изготовленіе деревянныхъ кадусегъ, охотно промѣниваемыхъ Чеченцамъ на кукурузный хлѣбъ²⁾.

Въ обители господствовали самые суровые нравы. Уставщикомъ былъ Шавыревъ, но настоящимъ главою являлся Янхотовъ, человѣкъ безусловно умный. Среди женщинъ отличалась строгою, дѣйствительно подвижническою жизнью Анастасія Митрошкина, державшая въ страхѣ всю обитель. Понятно поэтому, какую ужасную потерю понесли рас-

¹⁾ Секретное показаніе Персіанова 4 Дек. 1852 года, св. № 15, дѣло 309.

²⁾ Показанія Черниковой, св. № 16, дѣло № 319.

кольники со смертью этой старухи, перешедшей въ лучшій миръ, въ Декабрѣ 1850 года. Скромный деревянный крестъ, воздвигнутый на могилѣ, долгое время пользовался уваженіемъ даже среди Горцевъ: такъ говоритъ живущее у Чеченцевъ и нынѣ преданіе.

Но въ природѣ все смѣняется. Старое даетъ дорогу молодому. Съ Линіи прибылъ казакъ Кизлярскаго полка Павелъ по фамиліи неизвѣстный. Въ обители снова стало тринадцать душъ, и жизнь потекла правильнымъ, монотоннымъ порядкомъ. Молитва и работа поглощали время этой горсти набожныхъ людей, забросившихъ себя добровольно въ горы, далекія отъ родныхъ поселеній. Однако крѣпкая связь, существовавшая всегда между односектантами въ станицахъ, конечно, проявилась и здѣсь, въ особенности въ виду широкой задачи возложенной, вѣроятно, главарями раскола на Янхотова, Шавырева и ихъ послѣдователей. Какъ мы увидимъ ниже, постоянныя сношенія поддерживались между обителемъ и Червленною посредствомъ кунаковъ-Чеченцевъ, готовыхъ за деньги на всякія услуги.¹⁾

Аскетизмъ конечно удѣлъ старости, рѣдко достояніе зрѣлаго возраста и можетъ удовлетворить лишь въ видѣ исключенія молодость, болѣе склонную къ разцвѣту, чѣмъ къ увяданію. Не могъ потому, Василій Митрошкинъ, почти насильно увлеченный въ горы матерью, находить прелесть въ молитвѣ и схоластическихъ вычисленіяхъ, захватившихъ Шавырева, Янхотова и Башмакова. Не могъ молодой казакъ не мечтать о потерянной радости бытія. Первые горячіе лучи вешняго солнца коснулись его сердца и толкнули домой въ станицу²⁾.

Василій Митрошкинъ крадетъ у Янхотова билетъ, данный Шамилемъ на вольное проживаніе, идетъ въ лѣсъ за дровами, бѣжитъ на Терекъ и благополучно является къ командиру Гребенскаго полка подполковнику барону Розену.

4.

Прибытіе Митрошкина въ станицу и данныя имъ показанія имѣли большое значеніе для начальства, смущеннаго и сбитаго съ толку побѣгами Червленцевъ вообще; а группою Башмакова въ частности. Теперь туманъ нѣсколько прояснился, раскрывались тайныя намѣренія раскольниковъ, ихъ замыслы.

¹⁾ Дѣло о сношеніяхъ съ бѣжавшими въ горы №№ 375 и 397.

²⁾ Показанія Митрошкина, св. № 15, дѣло № 309.

Русская власть правильно взглянула на дѣло, вполне оказалась на высотѣ положенія и съумѣла мудро рѣшить крайне серьезный вопросъ¹⁾. Кавказское начальство не пожелало придавать особеннаго значенія бѣглымъ фанатикамъ, создавать среди раскольниковъ мучениковъ за вѣру и закрывать возвращеніе домой тѣмъ слабымъ натурамъ, которыя несомнѣнно находились въ горахъ, увлеченныя отцами обители. „Принимая во вниманіе чистосердечное раскаяніе Митрошкина“, князь Воронцовъ приказалъ: „не предавая казака суду, наказать ста пятьдесятю ударами розогъ, оставить въ полку подъ надзоромъ и поручительствомъ и наблюдать, не лазутчикомъ-ли онъ возвратился“.

Разказы Митрошкина²⁾ о перенесенныхъ разочарованіяхъ, о потерѣ надежды отыскать Некрасовцевъ на Аргуни, переселеніе обители изъ Ратли въ Дарго, о казни Роткина, Лысова и Усягина, тревогъ Янхотова, дополнили дѣло. Казаки поняли несбыточные мечты, и Червленцы прекратили побѣги.

5.

Но въ другихъ станицахъ жили еще прежними слухами, старыми надеждами. Тамъ крѣпко держалась молва о привольномъ житѣ обители, передавались вымышленные разказы. Тамъ только надѣялись отцы раскола загладить пережитую неудачу: лишъ новые массовые побѣги къ Шамилю могли спасти положеніе, воскресивъ снова въ послѣдователяхъ разбитую вѣру. Пускаются потому новые слухи. Проносится грозный призывъ въ пустыню:

„Царство антихрстова близко“.

И идутъ казаки въ горы.

Въ Іюль 1851 года бѣгутъ Калиновцы³⁾: Василиса Колпикова увлекается въ горы какимъ-то Симбирскимъ мужикомъ Иваномъ. За нею слѣдуютъ Прокофій Персіановъ съ женою Дарією, дочерями Марією, Евлампією и Прасковьею, съ сыновьями Емельяномъ и Ермолаемъ; Иванъ Глуховъ съ женою Матреною, Алексѣй Петровъ и Настасья Борисова съ дочерью, а также фельдшеръ Кизлярскаго полка Александръ Кирѣевъ.

Уходятъ Мекенцы⁴⁾: Купріянь Никифоровъ съ женою Аграфеною, Петръ Котовъ и Артамонъ Парѣеновъ. Бѣгутъ со службы два Кали-

¹⁾ Рапортъ помощ. нач. Главн. Штаба 1851 г. № 1146, св. № 15, дѣло № 309.

²⁾ Показанія Митрошкина, св. № 15, дѣло № 309.

³⁾ Слѣдственное дѣло маіора Матуса, св. № 16, дѣло № 319.

⁴⁾ Показанія Никифорова 14 Іюля 1852 года и слѣдственное дѣло св. № 16, дѣло № 319.

новца: Егоръ Кудрявцевъ и Леонъ Никитинъ¹⁾). Наконецъ приходятъ въ обитель изъ Алханъ-Юрта казаки Сунженскаго полка Григорій Сапитоновъ и унтеръ-офицеръ Сырниковъ, оба съ женами²⁾).

6.

Лѣтомъ обитель постепенно разрасталась. Къ осени уже было тридцать четыре человекъ. Жили богомольцы дружно и тихо. Слухъ о подвижничествѣ казаковъ разносился по Чечнѣ. Вырубленный лѣсъ, засѣянное кукурузою поле, тучные огороды и новыя избы поднимали славу обители³⁾). Развратная слободка боялась тихаго поселенія.

Но бѣда уже подкрадывалась.

Въ душѣ Мартынова и Хужина появились сомнѣнія, пропала твердая вѣра: „нѣтъ Некрасовцевъ, нѣтъ Антихриста“, твердили казаки.

Принесенная Калиновцами вѣсть о легкомъ наказаніи Василя Митрошкина окончательно пробудила у Червленцевъ надежду на будущее и жгучую тоску по станицѣ.

Мартыновъ и Хужинъ черезъ Малые Казанищи бѣгутъ въ Шуру къ воинскому начальнику⁴⁾). Скоро они уже въ Червленной.

Уходъ казаковъ ошеломилъ обитель. Всѣ тайныя неудовольствія и сокровенные разговоры выплыли наружу. На всѣ лады толковались прошлыя событія, пережитыя разочарованія и сдѣланныя ошибки. Вѣра въ Янхотова пала. Громко заговорили Алханъ-Юртовцы, смѣясь надъ священными книгами, проповѣдывая свое ученіе.

„Надо молиться по лестовкамъ“.

Стали падать и нравы. Давно уже тосковавшія бабы открыто посматривали на слободку. Матрена Глухова, потерявшая въ Декабрѣ мужа⁵⁾), увлекла наконецъ Колпикову и Борисову къ солдатамъ⁶⁾).

Пошелъ за казачками Шавыревъ.

¹⁾ Св. № 17, дѣло № 397, стр. 52—91.

²⁾ Св. 16, дѣло 319, показанія Агаѣи Никифоровой и св. 17, № 401 дѣло о Сапитоновѣ.

³⁾ Секретныя показанія Персіанова 4 Дек. 1825 г., св. № 16, дѣло 309.

⁴⁾ Показанія Мартынова и Хужина, св. 16, дѣло 309.

⁵⁾ Предп. К-щаго войсками Кавк. 5 Авг. 1852 г. № 16747 св. № 15, дѣло 309. Кажется, Глуховъ бѣжалъ домой, но былъ убитъ Чеченцами. Тѣло его найдено на Староюртовской горѣ и привезено въ станицу. Коман-ръ пол. приказалъ похоронить за шляхомъ и не поминать. Св. № 16, дѣло № 319.

⁶⁾ Отп. п. гл. III. Кавк. Арміи 1859 г. № 826, св. № 14, дѣло 269.

Но слободка уже громко смѣялась, рѣшительно заступившись за бѣгляногъ.

Довольно намъ молитвы, поста и работы, кричали пьяныя казачки, клевета и ругая обитель¹⁾.

До Шамиля дошли бабьи сплетни о тайныхъ замыслахъ обители, о намѣреніи уйти къ Некрасовцамъ, о сношеніи съ Русской властью.

Нахмурился Имамъ. Надъ островомъ нависли грозныя тучи.

7.

Положеніе вещей не могло не смущать въ высшей степени главарей обители, Янхотова и Шавырева, людей безусловно умныхъ, глубоко религиозныхъ и преданныхъ идеѣ. Тревожились они и за свою репутацію на Линіи. Въ особенности страшился Янхотовъ послѣдствій побѣга Мартынова и Хужина. И вотъ въ Іюнь 1852 года рѣшается онъ идти въ станицу²⁾ подъ предлогомъ распространенія нелѣпаго предсказанія о кончинѣ міра и о появленіи Антихриста. Въ предсказаніи, путемъ трудно понятныхъ вычисленій, основанныхъ на Апокалипсисѣ и изрѣченіяхъ разныхъ пророковъ, устанавливается время пришествія Антихриста съ дерзкими заключеніями на счетъ правительства. Но распространеніе предсказанія было лишь предлогомъ для отлучки изъ обители на Линію въ глазахъ непосвященныхъ раскольниковъ. На самомъ дѣлѣ Тимофей Янхотовъ признавалъ нужнымъ переговорить съ главарями раскола на Терекѣ, привезти съ собою твердаго управителя для обители и шелъ съ разрѣшенія Шамиля.

Провожали Янхотова до Терека три непокорныхъ Чеченца, назначенныхъ набомъ Искея, которымъ было поручено точно узнать судьбу Хужина и Мартынова. Обстоятельству этому придавалъ большое значеніе самъ Имамъ.

Черезъ аулы Курчалой и Гертмень прибылъ ночью Янхотовъ къ Тереку, переправился ниже Николаевского моста, пришелъ въ Червленую къ оградѣ, раздвинулъ колючки и вошелъ въ свой домъ. Но тутъ его приняла крайне недружелюбно семья, напуганная разными разсѣдованіями властей по дѣлу о сношеніи Червленца Богданчикова и отца Шавырева съ бѣжавшими въ горы³⁾. Жена Янхотова и сноха рѣшили его придержать. Тщетно Янхотовъ обѣщалъ отлучиться въ горы только

¹⁾ Показанія Персіанова и другихъ.

²⁾ Слѣдственное и судное дѣло о Янхотовѣ, св. 14, дѣло 262.

³⁾ Дѣло № 375, св. № 17.

для привода оставшихся товарищей, ему не повѣрили. На слѣдующій день Янхотовъ былъ арестованъ.

Полевой аудиторіатъ призналъ казака Тимоея Янхотова виновнымъ *): „Въ побѣгѣ къ непокорнымъ горцамъ для богомолья вмѣстѣ съ тремя своими товарищами, которыхъ онъ же склонилъ къ тому; приходя изъ горъ въ домъ свой съ намѣреніемъ передать принесенное имъ посланіе къ старообрядцамъ, наполненное дерзкими, нелѣпыми толкованіями о Государѣ Императорѣ и правительствѣ, написанное съ цѣлью привлечь старообрядцевъ въ горы. Наконецъ, въ намѣреніи возвратиться въ горы съ нѣкоторыми забранными имъ въ домъ вещами“.

За побѣгъ къ горцамъ—подсудимый Янхотовъ, на основаніи законовъ, подлежалъ смертной казни, разстрѣлянію.

Но командующій 9-ю бригадою и наказной атаманъ Кавказскаго Линейнаго войска, при всей важности преступленія Янхотова, нашли необходимымъ просить отмѣнить опредѣленное закономъ наказаніе, принимая во вниманіе: „что цѣль его побѣга состояла въ томъ, чтобы укрыться отъ службы для богомолья, что смертная казнь за распространеніе суевѣрныхъ предсказаній можетъ увеличить въ глазахъ фанатичныхъ старообрядцевъ непріязнь къ единовѣрію и то, что принесенное Янхотовымъ посланіе къ старообрядцамъ могло-бы имѣть весьма вредное вліяніе на фанатиковъ и породить замыслы къ побѣгамъ за границу, ежели-бы онъ успѣлъ передать по принадлежности. Потому полковникъ баронъ Розень и генералъ-маіоръ князь Эристовъ полагали полезнѣе прогнать Янхотова черезъ строй и отослать, по мнѣнію перваго, въ каторжныя работы, а по мнѣнію втораго, въ арестантскія роты безсрочно“.

Полевой аудиторіатъ, признавая эти доводы и съ своей стороны весьма достаточными, полагалъ: „подсудимаго Янхотова наказать шпицрутенами черезъ пятьсотъ человѣкъ два раза и сослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства безсрочно“.

Главнoкомандующій 11-го Іюня 1853 года это заключеніе утвердилъ.

Затѣмъ, чтобы больше не возвращаться къ судьбѣ Янхотова, скажемъ: въ 1857 году войсковое начальство ходатайствовало о возвращеніи его на родину, но князь Барятинскій отказалъ.

*) Рапортъ помощника начальника главнаго штаба Кавказской арміи 30 Іюля 1857 года № 1402.

8.

Посланные Шамилемъ Чеченцы принесли грустныя вѣсти: схваченъ Янхотовъ, Мартыновъ и Хужинъ наказаны только розгами¹⁾.

Тяжело стало въ обители. Понурили головы Шавыревъ, Башмаковъ, Хыхатовъ и Парфеновъ, совсѣмъ потеряли вѣру прочіе. Кругомъ, какъ шакалы, бродили бѣглые солдаты, высматривая женщинъ. Испуганный Персіановъ²⁾, дрожащій за шестнадцатилѣтнюю дочь Марію, бѣжить въ Сентябрь со всею семьею въ Воздвиженку. Бѣжить³⁾ весною въ Алханъ-Юрть и старикъ Петровъ.

Какъ заблудшихъ овецъ всѣхъ принимаетъ родина, почти прощаетъ бѣглецовъ главнокомандующій.

9.

Понялъ теперь и Шамиль крушеніе обители, гибель завѣтной мечты нанесенія страшнаго удара ненавистнымъ Русскимъ. Къ чему отнынѣ ему были нужны иноки, лукавые, хитрые люди, одинъ за другимъ уходившіе къ врагамъ съ тайнами горъ? Наступила наконецъ пора послушать набовъ, давно уже требовавшихъ разоренія острова. Лѣтомъ пятьдесятъ третьяго года приказалъ Шамиль богомольцамъ перейти въ Солдатскую слободку. Задумались казаки. Не для службы Иمامу пришли они въ горы. Лишь немногіе исполнили повелѣніе. Ушелъ въ Караты Котовъ, перешелъ къ дезертирамъ Никифоровъ со всѣми женщинами. Ефимъ Шавыревъ, Иванъ Башмаковъ, Антонъ Парфеновъ и другіе, но кто именно неизвѣстно, предпочли смерть измѣнѣ вѣрѣ и убѣжденіямъ⁴⁾. Слишкомъ ужасно было вѣроятно избіеніе этой горсти мужественныхъ казаковъ. Очевидцы не рѣшаются въ показаніяхъ освѣщать подробности потрясшаго ихъ событія, не рѣшается и составитель дополнить вымысломъ эти правдивыя страницы.

10.

Обитель перестала существовать.

Въ то же лѣто бѣгутъ изъ горъ въ Куринское: Никифоровъ съ женою и сыномъ, Евдокія Черникова, Ѳедосья Мишуткина и двѣ монашенки, оказавшіяся казачками Брагиной и Митрошкиной⁵⁾.

¹⁾ Св. № 15, дѣло № 309. Предп. Командующаго Авг. 1825 г. № 16747.

²⁾ Показанія Персіанова св. № 16, дѣло № 319.

³⁾ Показанія Петрова св. № 16, дѣло № 319.

⁴⁾ Показанія Никифоровыхъ, св. № 16, дѣло № 319; прошеніе Шавыревой 25 Марта 1856, св. № 17, дѣло № 375 и показанія Котова св. № 24, дѣло № 696.

⁵⁾ Св. № 17, дѣло № 397 стр. 75—78.

Лишь Никифоровъ подвергся слабому по тѣмъ временамъ наказанію—ударомъ двумя стами розогъ.

Въ 1855 году вернулась Василиса Колпикова, выведенная солдатомъ Тифлисскаго Егерскаго полка Чайкинымъ. Въ Октябрѣ 1859 года вышли на Линію Матрена Глухова и Настасья Борисова¹⁾, выведя прижитое въ горахъ многочисленное потомство. Въ томъ же году раскаялся въ заблужденіи Котовъ, проведя у Чеченцевъ 7½ лѣтъ.

Всѣхъ постигла Русская власть.

Разстрѣленъ только былъ одинъ фельдшеръ Александръ Кирѣевъ. Не удовлетворила также казака жизнь въ обители; примкнулъ онъ къ товарищамъ, жившимъ у Чеченцевъ воровствомъ и набѣгами на станции. 24-го Мая 1852 года его захватили на Терекѣ во время хищничества съ оружіемъ въ рукахъ, судили за измѣну и разстрѣляли²⁾.

О судьбѣ Егора Кудрявцева и Леона Никитина свѣдѣній нѣтъ.

Дождалась-ли Кудрявцева-мать, звавшая своего сыночка словами³⁾: „Егорушка, умъ помрачился у меня, и очи померкли съ ефтой печали. У меня по тебѣ сердце на востромъ кинжалѣ. Прошу тебя съ теплыми слезами, вернись. Какъ легла, какъ встала, и день и ночь про тебя думаю, всѣ мысли мои въ горахъ. Пишу тебѣ ни перомъ, ни чернилою, своею горючьею слезою“.

Или погибъ онъ въ обители?

Лишь устными преданіями дополняются архивныя недомолвки.

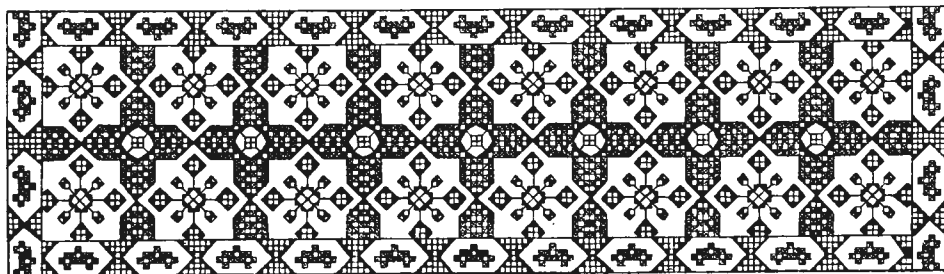
Феодоръ Чернозубовъ.

¹⁾ Св. № 16, дѣло № 319.

²⁾ Св. № 16, дѣло № 319. Предп. Г. Л. Козловскаго 1854 г. № 1188. Отн. нач. лѣв. флага 1853 г. № 380.

³⁾ Св. № 15, дѣло № 309. Рапортъ полк. Розена 22 Окт. 1854 г. № 377 св. 17, д. № 397.

КЪ ИСТОРИИ ЧЕРЕМШАНСКИХЪ СКИТОВЪ.

Съ прошлаго года, въ сердце Русскаго народа, Москвѣ, издается на средства милліонеровъ Рябушинскихъ старообрядческій журналъ „Церковь“, имѣя цѣлью съ одной стороны—объединеніе глаголемыхъ старообрядцевъ „во едино“, а съ другой—противоборство Православію. Въ журналѣ отведено мѣсто и „историческому отдѣлу“, гдѣ время отъ времени помѣщаются статьи и изслѣдованія о прошломъ старообрядчества, нечуждыя однако нѣкоторой преднамѣренности. Напримѣръ за прошлый годъ въ этомъ изданіи были помѣщены въ № 1 замѣтки „о каменномъ образкѣ Св. Николая въ Свияжскомъ монастырѣ“, въ № 25 объ озерѣ Свѣтлоярѣ въ Нижегородской губерніи, составленныя по даннымъ, далекимъ отъ дѣйствительности и устарѣвшимъ, хотя объ этихъ двухъ замѣчательныхъ археологическихъ памятникахъ есть позднѣйшія и болѣе точныя извѣстія, даже въ нашихъ сочиненіяхъ: „Свияжскъ и его церкви“ (Казан. Телегр. за 1896 г. № 1175 и 1183), и (Камско-Волж. Край 1898 г., № 433 и 434) „Свияжскій Іоанно-Предтеч. дѣвичь монастырь (Казань, 1897 г., отд. изд.). „Святѣи Свияжска“ („Рус. Паломникъ“ 1901 г., № 25 и 26) и наконецъ „Древняя Церковь въ Свияжскѣ“ („Огонекъ“, 1901 г., № 20) и „На озерѣ Свѣтлоярѣ“ („Рус. Паломникъ“ 1898 г., № 26).

Въ № 5 „Церкви“ за сей годъ намъ пришлось опять натолкнуться на нѣчто подобное въ очеркѣ Б-ва, подъ названіемъ „На Черемшанѣ и у останковъ о. Серапіона“, гдѣ есть все, лишь мало исторической достовѣрности, хотя, казалось бы, старообрядческому журналу нужно было бы знать болѣе подробно и точно прошлое своего дѣла.

Старообрядчество еще сравнительно мало изслѣдовано, несмотря на многія весьма капитальныя сочиненія о немъ. Область эта все еще остается темной, замкнутой и загадочной, благодаря тому, что всякія попытки безпристрастныхъ изслѣдователей какъ прежде, такъ и теперь

находятъ преграду въ рутинномъ строѣ послѣдователей старообрядчества, оберегающихъ закулисную сторону своей бытовой и политической жизни и не допускающихъ въ нее постороннихъ зрителей. Теперь, когда пути суровой управы порваны и открыта свобода для совѣсти и вѣроученій, замкнутость старообрядцевъ должна бы, кажется, уступить мѣсто широкому простору открытій и изслѣдованій, дабы освѣтить во всей полнотѣ ихъ задачи, завѣты и стремленія, отмѣтивъ на ряду съ темными и свѣтлыя черты. Къ сожалѣнію, пока мы этого не видимъ даже со стороны старообрядческой печати. А относительно вѣрованій и прошлаго по прежнему остается тоже замалчиваніе, какое было и въ трудныя години ихъ духовныхъ бѣдствій.

Въ статьѣ г. Б-ва особенно обращаютъ на себя вниманіе рассказы о нетлѣннѣ тѣла умершаго лѣтъ десять назадъ старообрядческаго архимандрита Серапіона, котораго авторъ попутно именуетъ основателемъ Черемшанскаго мужскаго, а мать Фелицату основательницей—женскаго монастырей, не указавъ однако времени основанія ихъ, и забывъ, видимо, упомянуть о другомъ Черемшанскомъ подвижникѣ о. Паисіѣ, могила котораго находится тамъ же. Между тѣмъ основателями Черемшанскихъ скитовъ, получившихъ въ позднѣйшее время названіе монастырей, были другія лица и при томъ, какъ ни странно, простые міряне, а не духовные иноки.

Въ виду этого, зная исторію Поволжскаго старообрядчества отъ Нижняго Новгорода до Астрахани, не какъ простой любитель только, а какъ потомокъ Самарскихъ старовѣровъ поповщинскаго толка, и не по однимъ лишь печатнымъ произведеніямъ, но и по неизвѣстнымъ еще архивнымъ документамъ,—я рѣшаюсь дать хоть краткія свѣдѣнія о прошломъ Черемшанскихъ скитовъ по только что добытымъ мною даннымъ изъ дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ учреждений Саратовской губерніи и по имѣвшимся у меня ранѣе записямъ изъ архива бывшей канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора, частію уже изданнымъ (въ „Историч. Вѣстникъ“ за 1894 г., № VI).

Какъ извѣстно, расадниками старообрядческихъ ученій въ Поволжѣ были скиты Керженскіе (въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи) и Иргизскіе (въ теперешнемъ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи). Послѣдніе были основаны въ 1762—1781 гг. выходцами изъ Польши и впоследствии, сдѣлавшись монастырями, приобрѣли первенствующее значеніе во всей поповщинѣ. Съ упраздненіемъ Иргиза и обращеніемъ его обитателей въ единовѣрческіе монастыри, не пожелавшіе принять „благословенное священство“ старообрядческіе мнихи и инокини разсѣялись въ ближайшіе къ Иргизу города Саратовской губерніи Вольскъ и Хвалынскъ, гдѣ старая поповщина укрѣпилась

еще въ началѣ XVIII столѣтія, благодаря матеріальной поддержкѣ въ первомъ со стороны жены извѣстнаго именитаго гражданина Злобина, ея братьями Волковойновыми и семействомъ богачей Расторгуевыхъ, а въ послѣднемъ Кузьминыхъ и Хардиныхъ. Вскорѣ послѣ прибытія на Иргизъ (около 1771 г.) извѣстнаго инока Сергія (сына Московскаго купца Юршева), быстро вошедшаго въ дружескія сношенія съ самимъ Василиемъ Алексѣвичемъ Злобинымъ,—иноки Иргизскіе сшили для Злобиной походную полотняную церковь, которая сначала была поставлена въ землянкѣ, а затѣмъ, когда въ 1793 г. Иванъ Вавилинъ Расторгуевъ построилъ особую молельню, ее перенесли въ послѣднюю, гдѣ Иргизскіе попы изъ Нижне-воскресенскаго монастыря освятили ее. Позднѣе были построены еще старообрядческія церкви и молитвенные дома, какъ въ самомъ Вольскѣ, такъ и въ окрестныхъ селахъ Черкасскомъ, Горячкѣ и т. д. Однако, когда даже близъ люднаго и шумнаго Саратова, бокъ-о-бокъ съ недремлющимъ окомъ полицейскаго начальства, въ окрестныхъ лѣсныхъ ущельяхъ, еще до окончательнаго уничтоженія Иргизскихъ монастырей, въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, возникли скиты Мирянинъ, Мечевъ, Баранниковъ,—въ г. Вольскѣ и его уѣздѣ они почему-то не привились. Можетъ быть, произошло это отъ того, что по близости не было укромныхъ, уединенныхъ мѣстъ, гдѣ можно было бы незамѣтно для посторонняго глаза скрывать свое пребываніе. Но больше надо думать потому, что не находилось для ихъ устройства предприимчивыхъ, энергичныхъ и твердыхъ въ своей вѣрѣ людей, тогда какъ на Черемшанѣ, въ 4 верстахъ отъ Хвалынска, далеко не отличавшагося стойкостью старообрядческихъ руководителей, скиты не переводились съ тридцатыхъ годовъ, не смотря на гоненія и притѣсненія властей, и на мѣсто уничтоженныхъ и запечатанных по требованію гражданскаго начальства, возникали новые, съ новыми подвижниками и вѣроучителями. Судя по запискамъ Леопольдова¹⁾, скиты на Черемшанѣ были и въ 1837 году.

Первое старообрядческое общежитіе въ Хвалынскѣ должно отнести къ 1814 году, когда была устроена тамъ поповщинская часовня. Въ 1836 г. при ней числился особый уставщикъ изъ удѣльныхъ крестьянъ Николаевскаго уѣзда Козьма Ивановъ, который жилъ съ семействомъ въ отдѣльномъ олигелѣ. Во дворѣ часовенномъ находились четыре кельи и сторожка, гдѣ проживали чтецы и пѣвцы съ женами и дѣтьми, всего 30 душъ. Хотя жили они на скитскомъ положеніи, но такое устройство еще нельзя было назвать скитомъ въ полномъ смыслѣ значенія этого слова. Соединеніе одинаково вѣрующихъ старообрядцевъ

¹⁾ Въ рукописномъ отдѣлѣ Саратов. Учен. Архив. Коммисіи, лист. 2.

въ особыя общины съ отрѣченіемъ ихъ отъ міра сего началось въ Хвалынскѣ нѣсколько позднѣе.

Основательницею скитскаго единенія должно признать купеческую дочь, дѣвицу Анну Кузьминишну Михайлову, имѣвшую на Черемшанѣ свой домъ и двѣ мельницы. Еще въ 1841 г. она вмѣстѣ съ сестрой своей Аграееной привлекалась къ уголовной отвѣтственности за проживание у нея безъ паспортовъ разнаго званія женщинъ и совращеніе въ расколъ крестьянъ г-жи Назаровой. Саратовская Палата Уголовнаго Суда, приговоромъ 10 Іюня 1856 г., за недостаточностью уликъ, однако освободила ее отъ наказанія. Но спустя лѣтъ шесть, 25 Марта 1863 г., при обыскѣ въ ея домѣ жандармскаго чиновника, были захвачены „извѣстный правительству злостный раскольникъ“ Аѳанасій Кузьмичъ Кочуевъ, отправленный потомъ 21 Мая въ Петербургъ, и восемь инокинь, переселившихся къ Михайловой съ Иргиза, послѣ уничтоженія въ 1841 г. послѣдняго женскаго Покровскаго монастыря. Наконецъ, 9 Февраля 1858 г., штабъ-офицеръ при Оренбургскомъ генераль-губернаторѣ Кузьминъ-Кораваевъ, розыскивавшій по высочайшему повелѣнію старообрядческаго епископа Аѳанасія, нашелъ въ особомъ мезонинѣ при домѣ Анны Кузьминишны церковь съ богатымъ иконостасомъ, архіерейскими и священническими облаченіями, необходимою утварью и книгами. Хотя при церкви особыхъ келій не было, тѣмъ не менѣе въ самомъ домѣ проживало нѣсколько черницъ и бѣлицъ, исполнявшихъ во время архіерейскаго богослуженія роль чтницъ и пѣснопѣвицъ.

Епископъ Аѳанасій, въ мірѣ Abramъ Абрамовичъ Тѣлицынъ, одно изъ вліятельныхъ лицъ среди Поволжскихъ старообрядцевъ, живя въ Хвалынскѣ, всегда скрывался у Анны Михайловой. По свѣдѣніямъ, добытымъ Кузьминымъ-Кораваевымъ, онъ ранѣе состоялъ казначеемъ Иргизскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Послѣ введенія тамъ единовѣрія, Тѣлицынъ бѣжалъ въ Австрію, гдѣ, получивъ отъ Буковинскаго митрополита Амвросія посвященіе, снова возвратился на Волгу и съ 1849 г. начинаетъ тайно епископствовать, а съ 1855 г. уже явно именуется себя архіереемъ. За это время онъ успѣваетъ посвятить въ попы: Бугурусланскаго купца Василія Михѣева, Николаевскаго мѣщанина Ивана Михайлова и крестьянина с. Погонки (Николаевскаго уѣзда) Петра Абросимова.

Хотя Анна Михайлова до конца жизни своей оставалась вѣрна Иргизской поповщинѣ и имѣла въ своихъ домахъ инокинь только этого толка, однако не отказывала въ покровительствѣ и широкомъ гостепріимствѣ и Бѣлокриницкому епископу, который устроилъ въ ея домѣ церковь и служилъ въ ней изрѣдка съ бѣглопоповщинскими священниками всенощныя и обѣдни. Но сама хозяйка посѣщала богослуженія Аѳанасія рѣдко.

Для отвода глазъ предъ властями, Абрамовъ занимался лѣсной торговлей и поэтому, съ паспортомъ отъ Хвалынскаго общества, часто разъѣзжалъ по другимъ городамъ Поволжья, въ Саратовъ, Симбирскъ, Нижній-Новгородъ; бывалъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ и сѣверномъ Уралѣ. Въ Симбирскѣ ему покровительствовалъ купецъ Бандышевъ, въ Самарѣ—Абазинъ, въ Николаевскѣ—извѣстный приверженецъ поповщины Михаилъ Трофимовичъ Мальцевъ.

Послѣ смерти въ 1863 г. Михайловой, покровительство своимъ единовѣрцамъ взяла на себя ея племянница Ѳекла Евдокимовна Толстикова (и по нынѣ здравствующая въ Хвалынскѣ). 5 Сентября 1865 г. въ одномъ домѣ ея были захвачены во время совершенія богослуженія въ богато устроенной церкви, въ священническомъ облаченіи, инокъ Серапіонъ Игнатъевъ, назвавшій себя выходцемъ изъ Турціи и іеромонахомъ, посвященнымъ въ этотъ санъ года два назадъ покойнымъ епископомъ Аванасіемъ, еще пять другихъ иноковъ и одинъ простолюдинъ. При церкви были устроены особыя келіи. На другой мельницѣ у той же Толстиковой проживало нѣсколько инокинъ, имѣвшихъ особую молитвенную комнату, гдѣ читали псалтирь, часы, четъ-минеи и т. д.

Хотя какъ иноки, такъ и инокини числились работниками и работницами въ саду Толстиковой, тѣмъ не менѣе въ ихъ общежитіи царилъ монастырскій порядокъ и было введено скитское подчиненіе.

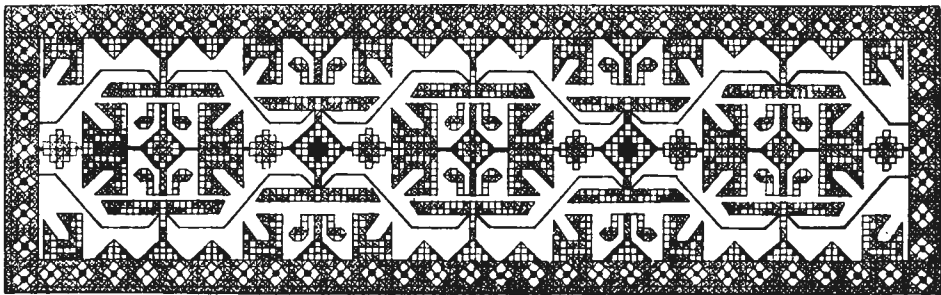
Привлеченные къ отвѣтственности за якобы распространеніе раскола и явное совершеніе старообрядческаго служенія, Толстикова и монахи, постановленіемъ общаго собранія Сената 26 Апрѣля 1873 г., признаны невиновными, и имъ позволено было исполнять свое исповѣданіе по ихъ совѣсти. Монахи и монахини возвратились на свои прежнія пепелища и снова открыли скиты.

Такимъ образомъ, если признавать о. Серапіона основателемъ Черемшанскаго монастыря, то уже съ первыхъ дней его тамъ дѣятельности, т. е. съ 1865 г., считая съ того же времени и основаніе женской обители, положенное Ѳеклой Толстиковой. Но эти монастыри уже не придерживались Иргизской поповщины, а принадлежали Австрійскому согласію *).

П. Юдинъ.

Какъ напоминаетъ статья эта про мать Манефу, Потапа Максимовича и другихъ лицъ въ повѣствованіяхъ П. И. Мельникова! П. Б.

*) П. Б.—въ своей замѣткѣ, со словъ Черемшанскихъ жителей, между прочимъ упоминаетъ и о гоненіяхъ со стороны мѣстныхъ властей. Объ этомъ дѣлѣ, требующемъ обстоятельныхъ свѣдѣній, мы коснемся въ другой статьѣ, на основаніи добытыхъ изъ судебного архива документовъ.

Изъ воспоминаній Н. А. Малевскаго-Малевича.

ГЛАВА IV-Я.

Сельцо Лукьяново.

Во второй главѣ моихъ воспоминаній *) я упомянулъ, что дѣдъ мой Александръ Ивановичъ Розовъ на капиталъ, оставшійся послѣ первой его жены Варвары Дмитриевны, купилъ старшей дочери своей, а моей матери, Екатеринѣ Александровнѣ—домъ въ Москвѣ, на Плющихѣ, гдѣ я и родился. Второй своей дочери Надеждѣ Александровнѣ дѣдъ на тѣже наследственные деньги приобрѣлъ имѣніе въ Коломенскомъ уѣздѣ Московской губерніи, сельцо Лукьяново. Составляя часть обширныхъ помѣстій богатаго барина Ивана Андреевича Рославлева, сельцо Лукьяново, которое онъ называлъ своимъ золотымъ дномъ, досталось одной изъ его „воспитанницъ“ Елисаветѣ Ивановнѣ Наумовой. Елисавета Ивановна была особа нехозяйственная, крайне слабовольная и довѣрчивая. Она подпала подъ вліяніе своихъ дворовыхъ и особенно своего управляющаго Андрея Ивановича, который былъ „крестникомъ“ Рославлева. Наумова всю свою землю сдала въ безсрочную аренду крестьянамъ, оброкъ съ нихъ получала незначительный, съ постоянными недоимками, и жила въ деревнѣ, перебываясь кое-какъ, окруженная приживалками и въ полной зависимости отъ милости своего управляющаго. Имѣніе было сперва заложено въ Опекунскомъ Совѣтѣ, а тамъ и подъ вторую закладную въ частныя руки и, наконецъ, продано съ публичныхъ торговъ за долги. Дѣдъ купилъ его заглазно съ переводомъ долга Опекунскому Совѣту.

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909 года, выпускъ 5-й.

Тетка моя Надежда Александровна, вообще не любившая деревни, не была довольна этой покупкой и никогда не помирилась съ мыслью, что сдѣлалась владѣлицей Лукьянова. Имѣніе, дѣйствительно, оказалось сильно запущеннымъ и раззореннымъ: барскій домъ обветшалъ, прудъ на половину заросъ осокой, садъ заглохъ, лѣсъ оказался сведеннымъ, вся земля въ арендѣ у мужиковъ, плохо платившихъ оброкъ. Но дѣдъ былъ очень увлеченъ новымъ приобрѣтеніемъ и въ первое же лѣто отправился въ Лукьяново.

Въ то время о Рязанской желѣзной дорогѣ не было и рѣчи, и въ Лукьяново пришлось ѣхать по большой Коломенской дорогѣ, на перекладныхъ, въ собственной каретѣ. Я смутно помню, какъ повезли въ этой каретѣ и насъ, дѣтей, т. е. меня и сестру Евгенію. Съ нами ѣхала и тетушка Надежда Александровна, владѣлица Лукьянова. Выѣхали съ разсвѣтомъ, а приѣхали въ деревню поздно вечеромъ, свернувъ съ большой дороги у сел. Степанщина, отъ котораго верстъ 6 пришлось еще ѣхать проселкомъ. Мнѣ помнится, какъ наша карета по шаткой Лукьяновской плотинѣ въѣхала на барскій дворъ и остановилась передъ темнымъ, сумрачнымъ домомъ, съ высокой деревянной крышей. Противъ дома виднѣлся прудъ съ островомъ и на берегу помость изъ бѣлаго камня. Замѣчательно, что на другой день, вставъ довольно поздно, мы не нашли уже этого каменнаго помоста у пруда; надо думать, что крестьяне, узнавъ о приѣздѣ новыхъ господъ, рано утромъ растащили къ себѣ во дворы бѣлые тесанья плиты, изъ которыхъ былъ сложенъ помость. Подъ нѣкоторыми крыльцами деревенскихъ избъ въ Лукьяновѣ и теперь еще можно видѣть тесаные бѣлые камни.

Происхожденіе этихъ камней достойно упоминанія въ лѣтописи сельца Лукьянова. Первоначальный владѣлецъ его Иванъ Андреевичъ Рославлевъ *) задумалъ на старости лѣтъ построить въ своей вотчинѣ церковь. Фундаментъ ея былъ уже заложенъ и цоколь выведенъ изъ бѣлаго Коломенскаго тесанаго известняка, когда какая-то прохожая богомолка предсказала Ивану Андреевичу, что онъ помретъ, какъ только закончить сооруженіе храма. Предсказаніе это такъ испугало старика, что онъ тутъ-же приостановилъ работы. Заложенный фундаментъ былъ заброшенъ, и цокольный камень частью перевезенъ на барскій дворъ и сложенъ у забора, а частью растасканъ крестьянами. С. Лукьяново, имѣвшее до 200 душъ, осталось безъ церкви, отчего, быть можетъ, тамъ и процвѣлъ расколъ въ образѣ хлыстовскаго согласія. Я хорошо

*) Сынъ одного изъ пособниковъ Екатерины Великой при ея воцареніи? П. Б.

помню послѣднюю хлыстовскую начетницу Агаею Дмитриевну и ея двухъярусную обширную избу за околлицей. Въ этой избѣ происходили, по слухамъ, хлыстовскія радѣнія чуть не до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. „Митровна“ пользовалась въ Лукьяновѣ большимъ вѣсомъ, имѣла денежки, завела у себя въ избѣ „карась“ и подъ предлогомъ мотанія шелка завлекала въ свои хлыстовскія сѣти женскую молодежь окрестныхъ деревень.

Я родился почти наканунѣ освобожденія крестьянъ и въ дѣтствѣ не соприкасался вовсе съ крѣпостнымъ бытомъ; можетъ быть, потому и не питаю къ нему предвзятыхъ чувствъ: для меня стародавнія условія помѣщичьяго уклада невольнo опредѣляются преданіями сельца Лукьянова, какъ они слагались при двухъ его послѣднихъ владѣльцахъ—добродушномъ, довѣрчивомъ Рославлевѣ и его кроткой, безгласной наслѣдницѣ—Наумовой. Они не мучили своихъ „подданныхъ“ ни тяжелой барщиной, ни высокимъ оброкомъ, ни барскими причудами и если запустили по безопасности собственное хозяйство, то крестьянскаго не только не разорили, а скорѣе способствовали благосостоянію подвластнаго имъ населенія. И въ своемъ положеніи „временнообязанныхъ“ Лукьяновскіе мужики перенесли на свою новую помѣщицу Надежду Александровну Розову унаслѣдованныя чувства довѣрія и преданности. Выражалась эта преданность иногда довольно грубымъ образомъ, но всегда шла отъ сердца и способствовала установленію между барскимъ дворомъ и деревней прочной нравственной связи, переходившей отъ поколѣнія къ поколѣнію вплоть до недавней тяжелой години такъ называемаго „освободительнаго“ движенія.

Да что и за народъ былъ въ Лукьяновѣ, когда мы пріѣхали туда въ первый разъ! Рослый, здоровый, благообразный—всѣ молодець къ молодцу. Помню, какъ на другой день послѣ нашего пріѣзда, Лукьяновскіе мужики пришли поздравить свою новую помѣщицу Надежду Александровну. вмѣсто хлѣба-соли крестьяне подвели тетушкѣ бѣлаго барана, у котораго рога были позолочены сусальнымъ золотомъ и обвѣшаны цвѣтными тряпками. Какъ теперь вижу рядъ сановитыхъ, борода-тыхъ мужиковъ въ длинныхъ синихъ кафтанахъ съ сборчатыми рукавами, въ смазныхъ сапогахъ; всѣ они стояли безъ шапокъ на барскомъ дворѣ. Вотъ Петръ староста со строгимъ иконописнымъ лицомъ и гладко примазанными сѣдьющими волосами, раздѣленными по срединѣ проборомъ; онъ говоритъ привѣтственное слово степенно и не торопясь, безпрестанно вставляя въ свою рѣчь кстати и не кстати фразу „къ примѣру будучи сказать“. Вотъ Данило Горячій, огромный, пле-

чистый старикъ, съ шапкой съдыхъ волосъ, съ длинной, всклокоченной бородой и дѣтскими голубыми глазами. Вотъ дородный Ѳедоръ Егоровъ, поль-вѣка прожившій въ скотникахъ на барскомъ дворѣ, бѣлолицый и осанистый. Вотъ Ефремъ Чебуреевъ-сапожникъ, весь въ серебристыхъ кудряхъ, съ задорно вздернутою головою и съ удалескою ухваткою, вопреки своему 80-тилѣтію. Вотъ Егоръ Бутакъ съ желтымъ и гладкимъ, какъ старая слоновая кость, черепомъ, съ густыми щетинистыми бровями. Вотъ Тимофей Краюшкинъ, благообразный и застѣнчивый. Вотъ Антонъ Хромой съ посохомъ. Называю только тѣхъ, которые остались въ памяти и съ дѣтьми и внуками которыхъ мы игравали въ дѣтствѣ.

Но какъ измельчалъ, какъ выродился за истекшіе поль-вѣка Лукьяновскій деревенскій людъ! Я засталъ еще въ деревнѣ рослое, бодрое племя коренныхъ землепашцевъ, которыхъ не коснулася городская, а тѣмъ менѣе фабричная „культура“. Мужики ходили въ синекубовыхъ съ бѣлыми цвѣточками косовороткахъ, подпоясанные цвѣтными „опоясками“ изъ бумажной тесьмы; носили поярковые высокія шляпы „грешневиномъ“, обувались въ онучи и лапти, подвязанные лубками. Теперь завелись у всѣхъ картузы, „сортеня“ *) цвѣтныя сорочки, жилетки, калоши и даже „спинжаки“, въ которыхъ деревенскіе парни, вернувшись съ фабрикъ на побывку домой, щеголяютъ по праздникамъ на улицѣ. Но невзрачны, низкорослы и тщедушны потомки богатырей-Петра старосты, Данилы Горячаго, Антона и Ѳедора, промѣнявшіе „землицу“ и стародавній деревенскій бытъ на фабричную „жисть“ около города, со всѣми его нездоровыми соблазнами. Женское сословіе деревни еще держится былого домашняго уклада въ лицѣ немногихъ оставшихся старухъ. Но женская молодежь также измѣнилась и нравами, и костюмомъ. На бабахъ не видишь больше повойниковъ и крашенинныхъ сарафановъ и „продуванокъ“; онѣ носятъ городскія кофты и юбки, покрываютъ голову платочками, замѣнили прежнія душегрѣи „дипломатами“. Дѣвки-щеголихи, работающія на купца нанку на домашнемъ станкѣ, выходятъ въ праздникъ на улицу не въ лентахъ и монистахъ, а съ зонтиками, въ нитяныхъ перчаткахъ и въ „бареткахъ“ на Французскихъ коблуккахъ.

Тетка Надежда Александровна не любила деревни, но ѣздила по заведенной привычкѣ въ Лукьяново каждое лѣто и оставалась тамъ съ нами, дѣтьми, и бабушкой Юліей Ѳедоровной, мѣсяца два. Между нею

*) Шерстяная матерія.

и ея „временнообязанными“ крестьянами установились сразу довѣрчивыя отношенія. Мужики ея полюбили и обращались къ ней со всякими своими нуждами. Не интересуясь хозяйствомъ и не понимая его, тетушка оставила въ оброкъ у крестьянъ на прежнихъ основаніяхъ всю землю пахатную и луговую; даже въ нашемъ фруктовомъ саду и на усадьбѣ мужики косили для себя сѣно. Рубка лѣса, конечно, была запрещена, но запретъ этотъ имѣлъ скорѣе академическое значеніе, такъ какъ нанятый бережъ лѣсъ старичекъ-сторожъ въ лѣсу не жилъ и заглядывалъ туда рѣдко, самъ боясь „лихого“ человѣка.

Домашнее управленіе въ Лукьяновѣ также мало измѣнилось при Надеждѣ Александровнѣ. Правда, Андрей Ивановичъ, управляющій Наумовой, еще до продажи Лукьянова переѣхалъ въ Никитское, принадлежавшее въ то время наслѣднику Рославлева Веловзору. Разбѣжались невѣдомо куда и приживалки Елисаветы Ивановны; но дворовая прислуга осталась, начиная со скотника Ѳедора Егорова и его жены Авдотьи, прозванной за походку „утицей“. Они, какъ были, такъ и остались хозяевами положенія, даже еще болѣе укрѣпились, такъ какъ Наумова жила въ деревнѣ почти круглый годъ, а тетушка Надежда Александровна только два лѣтнихъ мѣсяца.

Впрочемъ Лукьяново было прелестнымъ уголкомъ. Мы еще въ дѣтствѣ прозвали его „оазисомъ“. Среди однообразныхъ плохообработанныхъ полей и кочковатыхъ луговъ, мѣстами поросшихъ чапыжникомъ*), въ неглубокой лощинѣ лежитъ Лукьяново, все въ зелени, охваченное обширными господскими садами, въ которыхъ еще уцѣлѣли вѣковые вязы, столѣтнія березы, ветлы и тѣнистыя алеи кленовъ и елей. Посрединѣ большой прудъ съ островомъ, поросшимъ высокими ольхами, отдѣляетъ помѣщичью усадьбу отъ деревни. На одномъ берегу господскій домъ, утопающій въ зелени, на другомъ, за плотиной, рядъ близко другъ къ другу построенныхъ бревенчатыхъ избъ, подъ соломенными крышами, окнами на барскій дворъ; избы „бѣлыя“ съ гончарными и кирпичными трубами въ два и три окна, съ росписными ставнями и воротами подъ навѣсомъ. За избами клѣти, скотные дворы и сараи, а дальше огороды и ягодные сады съ плетнями и тынами; амбары, гумна и риги „на задахъ“ къ полю, которое начинается сейчасъ за деревней, черезъ дорогу. Мы въ дѣтствѣ любили гулять на „задахъ“ особенно послѣ жатвы, когда на гумнахъ ставились высокіе ометы ржи и шла веселая, дробная молотба цѣпами новаго урожая.

*) Мѣстное названіе ивняга.

Господскій домъ стоялъ тремя сторонами въ саду, а однимъ бокомъ высокими крытыми сѣнями о двухъ ходахъ, смотрѣлъ на барскій дворъ, на которомъ росли кусты жасмина, акацій, сирени и шиповника. По ту сторону двора, противъ хода въ кухню, виденъ былъ обширный погребъ, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, а за тесовымъ рѣзнымъ заборомъ—каретный сарай, конюшня, людская изба и прочія хозяйственныя постройки, скрытыя отъ господскаго дома рядомъ плакучихъ березъ и высокими кустами черемухи. Въ господскомъ домѣ было темновато и прохладно; онъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ старыми вѣтвистыми яблонями и густо разросшимися кустами вишенника. Садъ былъ запущенъ, дорожки въ немъ давно заросли, только передъ самымъ домомъ, подъ окнами гостинной, сохранилось еще расчищенное мѣсто съ клумбами георгинъ и желтыхъ ирисовъ. Дальше шли рядами кусты крыжевника всѣхъ сортовъ—краснаго (винограднаго), бѣлаго и махроваго, красной и бѣлой смородины, малинника и вишень, а между ними стояли старыя развѣсистыя яблони, стволы которыхъ снизу до верху были покрыты сѣрыми лишаями. Весь садъ былъ окруженъ невысокимъ валомъ и аллеей большихъ, близко другъ къ другу стоящихъ березъ и ветелъ. На дальнемъ краю сада, за липовой аллеей, красовался огромный многовѣковой вязъ, обхватовъ въ пять, вершину котораго можно было видѣть за нѣсколько верстъ. Вязъ этотъ, и нынѣ существующій, извѣстенъ былъ уже во времена владычества Рославлева, какъ одно изъ самыхъ высокихъ и могучихъ деревьевъ всей округи.

Одною стороною садъ прилегалъ къ широкому пруду, вырытому въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка на мѣстѣ впаденія въ болото (нынѣ обсохшее) небольшой лѣсной рѣчки „Синички“. Когда копали прудъ, землю не вывозили на берегъ, а сваливали по срединѣ, и создакъ небольшой островокъ сажени три въ ширину и сажень 20 въ длину, сплошь заросшій ольхами и орѣшиной. Впослѣдствіи къ острову перекинуть былъ мостъ, и тамъ построена бесѣдка съ „трельяжемъ“.

За большимъ вязомъ въ саду шли гряды клубники, а за ними начинался огородъ, гдѣ водились отличные огурцы. По другую сторону сада открывалась неширокая луговина, примыкавшая къ молодой осиновою роцѣ. Роца эта, въ полуверстѣ отъ сада, служила любимымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ. Вся изрѣзанная лѣсными дорогами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ буйно росли густѣйшіе кусты лѣсного орѣшника, роца эта казалась намъ, дѣтямъ, какимъ-то волшебнымъ паркомъ. Въ Іюнѣ тамъ водилось на полянкахъ множество ландышей и ночныхъ фіалокъ, а во второй половинѣ лѣта появлялись подоси-

новые и бѣлые грибы. Ходить по грибы было главнымъ нашимъ удовольствиемъ, и мы часами бродили въ прохладной тишинѣ лѣса, часто возвращаясь домой съ пустыми корзинками. Но какая бывала радость найти подъ прѣлымъ листомъ, въ сырой пахучей землѣ, крѣпкій круглый боровикъ или красную шляпку подосиновика. Въ дождливые годы въ нашемъ лѣсу грибовъ было множество, и нерѣдко за одинъ разъ мы приносили домой двѣ-три полныхъ ручныхъ корзины отборныхъ молодыхъ грибовъ.

Мы дѣти, рѣдко сидѣли въ деревнѣ дома: намъ здѣсь, въ Лукьяновѣ, предоставлялось больше свободы, и мы цѣлые дни проводили во дворѣ и въ саду, играя, и между собой и съ сыновьями скотника Федора Егорова, мальчиками нашихъ лѣтъ, Ванькой и Лѣшею. Любимой моею игрою была „желѣзная дорога“. Во дворѣ около забора сложены были рядами большіе тесаные камни бѣлаго известняка, они изображали у меня поѣздъ; я часами игралъ около нихъ, представляя собою машиниста и кондуктора, подавая звонки и свистки и подражая голосомъ перебою колесъ идущаго поѣзда. Лѣша иногда игралъ со мной, изображая кочегара и таскалъ дрова на „тендеръ“. Мой старый изъ желтой жести барабанъ служилъ на паровозѣ предохранительнымъ клапаномъ, а деревянная конусообразная форма для песку играла роль свистка на локомотивѣ. При моей благонаравности никто не мѣшалъ мнѣ въ моей игрѣ, и когда надо было звать дѣтей къ завтраку или обѣду, то всегда знали, что меня найдутъ у моего каменнаго поѣзда, откуда я часто подавалъ голосомъ звонки и свистки. Болѣе меня рѣзвая сестра моя Еничка часто убѣгала въ садъ и огородъ, въ обществѣ Ваньки и внучки сапожника Ефрема Чебуреева, Акульки, прелестной дѣвочки Еничкиныхъ лѣтъ.

Другая игра, обоихъ насъ очень забавлявшая, была рыбная ловля; въ пруду водились жирные караси, и мы любили ловить ихъ самодѣльными удочками съ крючками изъ булавокъ. Ванюша умѣлъ отлично ихъ сгибать и привязывать къ лесѣ изъ нитокъ съ поплавкомъ изъ тесаной дощечки или старой пробки. Ванька копалъ на огородѣ червяковъ и ловко ихъ насаживалъ на крючки нашихъ удочекъ. Чтобы рыба охотнѣе клевала, нужно было прежде, чѣмъ закинуть удочку, поплевать на червячка, и это Ванька исполнялъ за насъ съ большимъ искусствомъ; онъ наблюдалъ и за самымъ ловомъ, и подсказывалъ намъ, когда „клюеть“ и когда надо вытаскивать удочку. Караси часто клевали и лакомились оплѣванными Ванюшею червяками, но попадались рѣдко на наши булавочные крючки. Ваня мастерилъ намъ и пастушьи кнуты. На короткое кнутовище навязывался длинный, аршина въ четыре кнутъ, свитый изъ пеньки. довольно толстый сверху и постепенно утончаю-

щійся внизу; на концѣ привязывалась тонкая крѣпкая бичевка съ хвостомъ изъ плетенаго конскаго волоса. Кнутъ этотъ перекидывается черезъ плечо и волочится сзади по землѣ, когда съ нимъ ходишь. Чтобы хлопнуть имъ, надо повертѣть его надъ своей головой, пока онъ не начнетъ описывать круги, и тогда быстрымъ и рѣзкимъ движеніемъ руки подхлестнуть конецъ. Въ опытныхъ рукахъ ударъ такого кнута громче пистолетнаго выстрѣла. Въ нашей мѣстности, къ сожалѣнію, давно уже вывелись пастушьи свирѣли, и пастухи по утрамъ, передъ выгономъ скотины на пастбище будятъ деревенскій людъ частымъ хлопаньемъ кнутовъ.

Жизнь на помѣщичьей усадьбѣ въ Лукьяновѣ была очень однообразна: „господа“ вставали поздно, не по-деревенски, пили не спѣша чай съ густыми сливками и теплымъ, домашняго печенья, пшеничнымъ хлѣбомъ и расходились каждый по своимъ домашнимъ занятіямъ: бабушка Юлія Федоровна садилась въ сѣняхъ варить на жаровнѣ въ большомъ мѣдномъ тазу варенье и смоквы; тетка Надежда Александровна вела на прогулку свою собачку „Жужку“; мы убѣгали въ садъ или съ горничными шли собирать клубнику, малину и смородину. Такъ проходило время до завтрака. За завтракомъ подавали простыя, но вкусныя блюда изъ своихъ деревенскихъ продуктовъ: горячія ватрушки со сметаной, молодой картофель со сливочнымъ масломъ, вареники съ творогомъ, крупенигъ, и неизмѣнно ягоды со сливками. Послѣ завтрака бабушка ложилась отдыхать, тетушка затворялась въ своей комнатѣ съ закрытыми отъ мухъ ставнями; мы, дѣти, опять бѣжали въ садъ и затѣвали игры съ нашими деревенскими друзьями—Ванькой, Лѣшей и Акулькой.

До гимназическихъ лѣтъ мы въ деревнѣ обходились безъ преподавателей и наставниковъ и только передъ обѣдомъ приходили на полъ-часа къ теткѣ читать вслухъ Христоматію Паульсона или Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта Анны Зонтагъ. Деревенская свобода имѣла на насъ въ дѣтствѣ большое вліяніе; общеніе съ природой и деревенскимъ людомъ развило не только любовь къ деревнѣ, но и безотчетное, непосредственное ея пониманіе, что такъ рѣдко дается городскимъ жителямъ. Мы любили съ дѣтства смотрѣть на полевыя работы, ходить на скотный дворъ, кормить скотину, смѣло заходили на крестьянскіе дворы и въ крестьянскія избы, помогали грести сѣно, ѣздили на телѣгахъ въ поле за снопами. Нашему сближенію съ крестьянскимъ людомъ способствовали и наши воспитательницы: бабушка любила и умѣла поговорить съ мужикомъ, тетушка входила въ ихъ нужды и

принимала къ сердцу ихъ домашнія невзгоды. Особеннымъ ея расположеніемъ пользовался старый Данило Горячій, часто заходившій съ деревни безъ шапки на барскій дворъ поговорить о своихъ нуждахъ съ Надеждой Александровной. Тетушка садилась на стулъ на крыльцѣ, а Данило присаживался на ступеньку и рассказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и былыхъ временахъ. Тетушку онъ очень уважалъ и называлъ ее „Царица ты наша Небесная“. Другой любимецъ тетушки былъ захудалый мужиченко Спиридонъ, въ которомъ она находила много деликатности и душевнаго благородства. Спиридонъ любилъ выпить и тогда дѣлался смѣль и рѣчистъ, самъ про себя говоря, что онъ, пьяный,— губернаторъ. Но въ трезвомъ состояніи былъ робокъ и совѣстливъ. Онъ иногда приходилъ къ тетушкѣ занять у нея рубликъ на „поправку“ и возвращалъ свой долгъ съ чрезвычайной аккуратностью. Надежда Александровна была сердобольна къ своимъ „временнообязаннымъ“, часто прощала имъ недоимки оброка, помогала въ нуждѣ и лѣчила успѣшно домашними средствами, такъ напр. во время бывшей въ концѣ шестидесятыхъ годовъ холерной эпидеміи очень удачно излѣчивала больныхъ отваромъ сѣнной трухи и припарками изъ коноплянаго сѣмени.

Мы ложились спать въ деревнѣ позже, чѣмъ въ городѣ, и тихіе, теплые вечера въ Юнѣ мнѣ особенно памятны. Послѣ дневной жары тетушка любила выходить передъ вечернимъ чаемъ на прогулку и брала насъ съ собой. Отправлялись обыкновенно за плотину въ сторону деревни и садились на ступеньки пустого запаснаго хлѣбнаго амбара Лукьяновской общины, откуда видны были вся деревня, околица и высокая изба на краю, гдѣ Агафья Дмитріевна водила „карась“. Здѣсь, мимо насъ, съ мычаніемъ и бляніемъ пригонялось домой деревенское стадо: впереди съ визгомъ и хрюканьемъ опрометью мчались свиньи съ поросятами, затѣмъ кучей, поднимая облако пыли, бѣжали овцы, наконецъ неспѣшно шель рогатый скоть, и мы, дѣти, внимательно смотрѣли, какая корова войдетъ въ околицу первую: если рыжая или бѣлая, значить день будетъ ясный; если черная, то хмурый и дождливый. Коровы спускаются къ пруду, долго пьютъ илистую воду и расходятся по дворамъ, подгоняемые бабами и ребятишками. Наконецъ заскрипѣли послѣдніе ворота, скоть загнанъ, въ избахъ засвѣтились огоньки, стреноженные лошади заковыляли по улицѣ къ выгону, въ „ночное“, за деревнею въ болотѣ закричалъ дергачъ. Мы сидимъ и слушаемъ молча, какъ замираютъ вечерніе звуки, смотримъ на загорающія звѣзды, любуемся на отраженіе луны въ прудѣ и на прозрачныя тѣни береговыхъ ветель. „Пора домой, дѣти“, говорить те-

тушка, и мы покорно поднимаемся и идемъ за ней въ полутьмѣ черезъ плотину, гдѣ внизу черно и жутко и гдѣ, быть можетъ, прячется дѣдушка водяной. А дома въ гостиной, на кругломъ столѣ, подъ лампой, кипитъ уже самоваръ, и бабушка, заваривъ чай, снимаетъ въ хрустальный молочникъ сливки изъ большой, влажной крынки молока, только что принесенной съ погреба. Засыпая на диванѣ, въ бабушкиной комнатѣ, я думалъ: „поскорѣ бы прошла ночь, да была бы завтра хорошая погода, чтобы набѣгаться въ саду и наиграться въ желѣзную дорогу“. Въ дождливые дни было скучно, въ несвѣтлыхъ комнатахъ дома становилось еще темнѣе и, чтобы чѣмъ нибудь занять насъ, мнѣ и сестрѣ давали вязать на рогулькѣ шнурокъ изъ краснаго шелка, или сажали за чистописаніе и ариѳметическія задачи. За то послѣ дождя можно было бѣжать, надѣвши галоши, къ пруду и закинуть съ мостика удочку: послѣ дождя рыба всегда клюётъ. Разъ, закидывая такъ удочку, я поскользнулся и съхалъ по поясъ въ воду. Выкорабившись съ трудомъ на мокрѣя доски, я вернулся домой съ людского хода, чтобы не испугать своимъ видомъ бабушку, которая варила клубнику въ сѣняхъ и могла бы напрасно встревожиться: прудъ у берега былъ очень мелокъ, и я не могъ утонуть, свалившись въ воду съ мостика.

Деревенская жизнь въ Лукьяновѣ изрѣдка разнообразилась прїѣздомъ изъ Москвы дѣдушки Александра Ивановича и Константина Михайловича Балашева, который, какъ я упомянулъ въ предыдущей главѣ, впоследствии женился на теткѣ моей Надеждѣ Александровнѣ, владѣлицѣ Лукьянова. Однажды такой прїѣздъ чуть не стоилъ жизни бабушкѣ Юліи Федоровнѣ. Дѣдушка прїѣхалъ поздно вечеромъ, когда всѣ уже въ домѣ спали, и усердный ящикъ, его привезшій, чтобы разбудить прислугу, сталъ неистово стучать кулаками въ обѣ входныя двери и ставни передней и столовой. Бабушка въ испугѣ вскочила съ постели и, вообразивъ, что въ домъ ломятся разбойники, отворила окно своей спальни и выпрыгнула въ садъ съ высоты болѣе трехъ аршинъ. Ее нашли полчаса спустя лежавшую на травѣ, въ обморокѣ. Къ счастью бабушка не ушиблась серьезно, но отъ нервнаго потрясенія съ ней сдѣлалась горячка, и она пролежала въ постели болѣе недѣли въ сильномъ жару и долго не могла поправиться.

Происшествіе это дало толчекъ моему дѣтскому воображенію, и я всю остальную часть лѣта игралъ въ „разбойники“ и каждый вечеръ вѣшалъ надъ диваномъ, на которомъ спалъ, свой игрушечный пистолеть, заряженный бумажнымъ пистономъ, и охотничій ножъ, вырѣзанный для меня Ванькою изъ мягкаго осиноваго дерева.

Изъ нашихъ сосѣдей чаще всѣхъ насъ навѣщала помѣщица сел. Скрипина Анна Викентьевна Осипова съ двумя дочерми своими, Ольгой и Машей. Ольга была старше насъ, а Машенька моложе, что не мѣшало намъ дружить и играть вмѣстѣ. Скрипино отстояло отъ Лукьянова всего въ полтора верстѣ и представляло собою примѣръ начинавшагося тогда помѣщичьяго оскудѣнія. Мужъ Осиповой служилъ въ провинціи, гдѣ-то на югѣ, и рѣдко навѣщалъ свою семью. Хозяйство держалось Анной Викентьевной, но шло плохо. Ужъ въ то время въ Московской губерніи земледѣліе не давало дохода при скудости почвы, дороговизнѣ рабочихъ рукъ и отсутствіи предприимчивости,—ни травосѣяніемъ и молочнымъ хозяйствомъ, ни огородничествомъ тогда еще не занимались. Имѣніице Осиповой въ 150 десятинъ съ хорошимъ березовымъ лѣскомъ и старымъ запущеннымъ садомъ сохранило немного остатковъ прежняго барскаго владычества. Большой домъ давно сгорѣлъ, и сами Осиповы жили въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ о четырехъ комнатахъ съ покосившимся крыльцомъ и тесовою крышей. По ту сторону слишкомъ большого для такой усадьбы двора стояли хозяйственные постройки, и между ними обширная „клуна“, гдѣ среди разнаго стараго хлама хранилась пыльная карета Александровскихъ временъ и, въ дубовыхъ окованныхъ сундукахъ, дѣдовскіе мундиры, порыжелыя военныя шинели, ржавыя шпаги съ стальными эфесами, тяжелые палаши, дуствольныя пистолеты съ серебряной насѣчкой, высокія треуголки и черныя кивера. Въ жаркіе Іюльскіе дни эти остатки славной эпохи выносились босоногою кухаркою изъ клуны и просушивались на солнцѣ, развѣшанные на веревкахъ и разложенные на травѣ. Но въ домикѣ Анны Викентьевны было чисто, уютно и привѣтливо. Хозяйка, еще не старая женщина, высокая и очень полная съ круглымъ веселымъ лицомъ и двойнымъ подбородкомъ, отличалась неистощимымъ весельемъ, беззаботностью и гостепріимствомъ. Все ее смѣшило, и самыя невзгоды своей тяжелой жизни встрѣчала она съ неудержимымъ смѣхомъ. Разъ тетушка Надежда Александровна застала всю семью Осиповыхъ въ слезахъ: пастухъ только что прибѣжалъ изъ лѣсу сказать, что лучшая корова изъ барскаго стада упала въ канаву и переломала себѣ ноги. Анна Викентьевна утирала слезы, но отъ души хохотала, рассказывая, какъ испуганный пастухъ кланялся ей въ ноги, повторяя: „Корова, Анна Викентьевна! Скотина, Анна Викентьевна!“ пока отъ него не добились, что случилось.

Осиповы жили однѣ въ своемъ домикѣ, а немногочисленный штатъ прислуги ютился за кухнею въ людской. Чтобы оградить себя отъ лихихъ людей, Осипова завела двухъ собакъ овчарокъ, купленныхъ

у Цыгана, которыя днемъ сидѣли на цѣпи, а вечеромъ отпускались на волю. Овчарокъ звали „Колдунъ“ и „Вѣдьма“, и лучшихъ сторожей не было во всей округѣ. Ихъ боялись не только посторонніе, но и своя домашняя прислуга не рисковала ночью выходить изъ людской избы. Громаднаго роста, лохматые и свирѣпые, Колдунъ и Вѣдьма были грозой нищихъ, прохожихъ странниковъ и всякаго бродячаго люда и слушались одной Анны Викентьевны и сельскаго священника Ивана Филиповича, частаго посѣтителя Осиповыхъ.

Какъ Лукьяново, такъ и Скрыпино принадлежать къ приходу Михаила Архангела, при селѣ Карповѣ. Когда мы въ первый разъ пріѣхали въ Лукьяново, церковь Михаила Архангела находилась на погостѣ въ полуверстѣ отъ Скрипина, гдѣ стоялъ и домъ священника. Молодой поць Иванъ Филиповичъ, только-что кончившій Московскую Семинарію и получившій Карповскій погостъ въ приданое за своей попадѣей Лисаветой Васильевной, мало подходилъ по своему нраву къ обязанностямъ сельскаго священника. Красивый собой, свѣтлорусый и бѣлолицый, онъ одѣвался франтовато, носилъ бѣлые воротнички и рукавчики съ запонками, подстригалъ волосы и бороду, писалъ стихи, игралъ на гитарѣ, пѣлъ свѣтскіе романсы и цѣлые вечера просиживалъ у Осиповыхъ, читалъ имъ вслухъ Лермонтова и неспѣшно скручивалъ себѣ короткія папиросы изъ тонкой рисовой бумаги. Мы любили Ивана Филиповича за его обходительность, простоту, спокойное достоинство и ровность въ обращеніи. Всегда одинаковый, вѣжливый, безъ всякаго искательства, чистоплотный до педантизма и сдержанный, онъ подкупалъ своимъ умѣньемъ держать себя въ обществѣ. Многіе столичные батюшки могли бы позавидовать его „хорошимъ манерамъ“. Но мужика онъ презиралъ за его грубость и грязь и къ церкви относился довольно равнодушно, хотя служилъ исправно и благочинно.

Бывало, мы отпросимся къ Осиповымъ сейчасъ послѣ обѣда, часовъ въ 5, а Иванъ Филиповичъ уже тамъ, сидитъ въ гостинной на диванѣ съ гитарой и, акомпанируя себѣ, напѣваетъ „Пряди, моя пряжа, пряди не лѣнися“ или „На зарѣ ты ея не буди“ и т. п. Часто мы, дѣти, просили его спѣть еще и еще и выучились у него многимъ Русскимъ пѣснямъ, какъ напр. „Въ темномъ лѣсѣ“, „Вотъ на пути село большое“, „Среди долины ровныя,“ и т. п. У Осиповыхъ часто гостили родственники и друзья изъ Коломны и сел. Шкини, кадеты, барышни и юнкера; тогда устраивались веселыя вечеринки, молодежь танцевала, играла въ фанты и веревочку, наряжалась и пѣла хоромъ. Иванъ Филиповичъ принималъ живое участіе во всѣхъ затѣяхъ, но не танцевалъ и только по неотступной просьбѣ закостюмированныхъ гостей на короткое время надѣвалъ длинный бурнусъ Анны Викентьевны и

ея старую шляпу съ вуалью. Сама хозяйка была душой веселья; заражала всѣхъ своимъ смѣхомъ, изображала комическую старуху, играла вальсы и мазурки на разстроенномъ роялѣ, угощала гостей чаемъ съ вишневымъ вареньемъ, сливками и душистыми горячими булочками изъ сладкаго сдобнаго тѣста. Иногда веселье заходило за полночь, и замаскированная компанія провожала насъ съ пѣснями до самаго Лукьянова.

Весьма понятно, что свѣтская жизнь Ивана Филиповича не нравилась старикамъ и причту. Начались сплетни и доносы, и сама попадья Лисавета Васильевна, постоянно беременная и съ подвязанной щекой отъ зубной боли, жаловалась на батюшку сосѣдямъ и видимо его ревновала къ Аннѣ Викентьевнѣ. Слухи пошли уже, что Карповскаго священника переводятъ въ какой-то глухой уголь; но совершилось чудо, которое измѣнило отношеніе мѣстнаго крестьянства къ Ивану Филиповичу и повліяло на собственный его характеръ. Старуха-просвирня видѣла во снѣ икону Казанской Божіей Матери и пришла къ батюшкѣ повѣдать свой сонъ. Иванъ Филиповичъ прогналъ просвирню съ досадою: „мало-де какіе сны снятся старухамъ!“ Но просвирня не унялась, черезъ нѣсколько дней опять пришла съ тѣмъ же. Нечего дѣлать, послалъ съ ней батюшка пономаря поискать въ притворѣ и на колокольнѣ, не забыта ли гдѣ икона. Но ничего не нашли. Не прошло однако недѣли послѣ этого, сидитъ батюшка въ Скрипинѣ и вертитъ себѣ папироски, бѣгутъ къ нему съ погоста съ странной вѣстью: у дороги на озимомъ полѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ сѣялась попова рожь, случился обвалъ, провалилась земля шага въ два шириной въ поперечникъ и открылся неглубокій колодець. Сбѣжался народъ, пришелъ и батюшка: видитъ—дѣйствительно на полѣ у погоста, среди выколосившейся ржи, земля кругомъ осѣла и открыла колодець съ водою; видѣнъ и срубъ почти свѣжій, а на водѣ что-то плаваетъ; спустился туда паренекъ на веревкѣ и вынесъ икону Казанской Божьей Матери на доскѣ старыхъ писемъ, нимало не пострадавшую отъ сырости.

Вѣсть о чудесно явленной иконѣ разнеслась вскорѣ по всей округѣ. Съ благословенія Московскаго митрополита образу Казанской Божьей Матери стали служить общественные молебны. Карповскій погостъ сдѣлался мѣстомъ паломничества тысячъ богомольцевъ не только изъ Московской, но и сосѣднихъ губерній. Объявились исцѣленія, десятки кликушъ и калѣкъ потянулись къ святому колодцу. Ивану Филиповичу приходилось служить по 15—20 молебновъ въ сутки, съ утренней до вечерней зари. Замокла гитара, некогда батюшкѣ и папироску выкурить, о визитахъ въ Скрицино пришлось совсѣмъ позабыть; но не прошло и года, какъ надъ колодцемъ была уже сооружена часовня,

церковь вновь отдѣлана и покрашена масляной краской, ветхая колокольня замѣнена новой съ ярко позолоченнымъ крестомъ, а тамъ и батюшка построилъ себѣ новый домикъ въ три чистыхъ горницы, завелъ сытую лошадку съ плетеной тѣлежкой, выписалъ газету изъ Москвы, подарилъ попадѣ шелковое платье....

Но этимъ „чудо“ еще не кончилось. По зависти и доносамъ перевели Ивана Филиповича черезъ три-четыре года послѣ явленія иконы въ сосѣднее село Губино, въ бѣдный приходъ, населенный преимущественно раскольниками беспоповскаго толка. Не успѣлъ еще новый священникъ поселиться на Карповскомъ погостѣ, какъ въ жаркій Юльскій день разразилась сильнѣйшая гроза; молонья ударила въ новую колокольню, и вся церковь сгорѣла до тла. Чудотворную икону едва успѣли вынести изъ горѣвшаго храма, и кромѣ нея почти ничего не осталось отъ всего церковнаго имущества. Замѣчательно, что и церковь Михаила Архангела не возобновилась больше на мѣстѣ сгорѣвшей: крестяне богатаго села Карпова пожелали устроить новый каменный храмъ *) у своей околицы, туда перенесены были и уцѣлѣвшіе домъ причта. На погостѣ осталась одна часовня надъ колодцемъ, и самое паломничество къ нему прекратилось. Только въ праздникъ Казанской Божьей Матери совершаются туда крестные ходы и носятъ явленную икону по Карпову, Скрыпину и Лукьянову въ теченіе трехъ дней, для служенія частныхъ и общественныхъ молебновъ.

И къ намъ, на усадьбу, приносили ежегодно, на другой день послѣ Казанской, святую икону и пѣли молебенъ съ водосвятиемъ у пруда, подъ кленами. На меня въ дѣтствѣ эти молебны производили всегда сильное впечатлѣніе. Ужъ съ утра мы были одѣты въ чистыя праздничныя платья и съ нетерпѣніемъ ждали, когда на лугу будетъ все приготовлено, что нужно для молебна: столъ, покрытый чистой, бѣлой скатертью, на столѣ миска съ водою подъ шпрымъ узоромъ полотенцемъ; рядомъ, на глубокой тарелкѣ, стаканъ; противъ стола, на травѣ, скамья, куда ставилась икона, приносимая въ тяжеломъ кіотѣ, украшенномъ яркими лентами, искусственными цвѣтами и бусами. Наконецъ кто-то кричить: „несутъ, несутъ!“ Крестный ходъ съ хоругвями, запрестольнымъ крестомъ, фонаремъ и чудотворной иконой показывается на улицѣ и неспѣшно поворачиваетъ на нашу плотину. Мы съ бабушкой и теткой, прислуга, рабочіе, собираемся во дворъ, куда сходитя за крестнымъ ходомъ и вся деревня: мужики въ сапогахъ и кафтанахъ, бабы и дѣвки разодѣтыя по праздничному, бѣлоголовыя дѣти, старухи, подвязанныя

*) Всѣ образа трехъ-яруснаго иконостаса, кромѣ мѣстныхъ, писаны моею сестрой Евгеніей Андреевной Лукиной.

черными платками, нищие съ холщевыми торбами, и между ними нашъ „нѣмой“, живущій изъ милости въ Лукьяновѣ въ качествѣ безсмѣннаго подпаса. „Нѣмой“ издали кланяется намъ съ веселой улыбкой на перекошенномъ отъ рожденія угловатомъ лицѣ и машетъ высохшими руками, безпрестанно крестясь и подпрыгивая. Мы боимся Нѣмого, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ насъ смѣшитъ и интересуеть. Священникъ ровнымъ, привычнымъ голосомъ читаетъ, не раскрывая Евангелія, „Воставши Маріамъ иде въ горняя....“. Послѣ водосвятія худой и длинный пономарь Иванъ Дмитріевичъ, въ долгополомъ порыжѣломъ сюртукѣ, съ шею обмотанною толстымъ шарфомъ и съ упрямой низко спадающей прядью выцвѣтшихъ волосъ на лбу, подноситъ бабушкѣ и тетушкѣ святую воду, при чемъ держитъ тарелку съ стаканомъ обѣими руками прямо передъ своимъ лицомъ, наклонивъ голову и не спуская глазъ со святой воды, какъ бы боясь ее пролить. Мы приглядываемся ко кресту, отъ котораго пахнетъ мокрымъ металломъ, и къ блистающей на солнцѣ позолотой, новой ризѣ чудотворнаго образа. Батюшка и отецъ-діаконъ послѣ молебна заходятъ въ домъ выпить наскоро чашку чая, чтобы идти дальше съ крестнымъ ходомъ на деревню.

Изъ другихъ сосѣдей Лукьянова мы вели знакомство только съ Семеновыми и съ Максимовскими барышнями. Ближайшія наши сосѣди Семеновы (мать и дочь) жили почти безвыѣздно въ деревнѣ и поглощены были хозяйственными заботами. Старуха Семенова, маленькая и довольно полная, лѣтъ 65-ти, рѣдко выходила изъ дому и была цѣлый день занята чисткой ягодъ, вареніемъ, соленіемъ и сушеніемъ (въ ея покояхъ всегда пахло яблоками). Дочь ея Лисавета Михайловна, дѣвица лѣтъ сорока, совершенно глухая, отдала себя полевому хозяйству; она вставала раньше рабочихъ и, въ высокихъ мужскихъ сапогахъ и круглой соломенной шляпѣ грибомъ, выходила каждое утро въ поле или на сѣнокосъ, лично занимаясь всѣми мелочами. Бывало, сидитъ у насъ и вдругъ заторопится и начинаетъ прощаться, краснѣя и открывая въ широкой улыбкѣ рядъ крупныхъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ; „Куда вы спѣшите“, удерживаетъ ее тетушка. „Нельзя“, извиняется Лисавета Михайловна, „пора домой масло подливать“. Оказалось, что расчетливая хозяйка сама подливала въ кашу рабочимъ конопляное масло, зная по опыту, что мужикъ держится поговорки „масломъ каши не испортишь“, и когда оно не покупное, любить лить его въ кашу „до зѣлена“.

Разговоры ея всегда вертѣлись около хозяйства, и она обыкновенно жаловалась на лѣнь и пьянство рабочихъ, на покражи и отравы, на дороговизну и разныя мелкія хозяйственныя невзгоды: то съ поля два

снопа у нея украли, то свинья подавила десятокъ своихъ же поросятъ, то индюшки поколѣли отъ невѣдомой причины и т. п. Говорить съ ней было, вслѣдствіе ея глухоты, очень трудно; приходилось писать слова на грифельной доскѣ или чертить пальцемъ на ея ладони. Послѣдній способъ давалъ поводъ къ разнымъ смѣшнымъ недоразумѣніямъ; напр. тетушка Надежда Александровна чертитъ ей на ладони „Петербургъ“, а Лисавета Михайловна по первымъ буквамъ уже заключаетъ, что тетушка хочетъ спросить о „пѣтухѣ“ и начинаетъ съ живостью рассказывать о своемъ птичьемъ дворѣ. Для полноты характеристики нужно замѣтить, что Семеновы были люди съ хорошими средствами.

Максимовскія барышни были своего рода „Послѣдніе Могикане“ дореформеннаго помѣщичьяго строя. Я не помню ни ихъ именъ, ни ихъ фамиліи, не могу даже сказать, сколько ихъ было, такъ онѣ были похожи одна на другую: всѣ старыя, тоненькія, съ бархатной ленточкой на шеѣ, въ бѣлыхъ дѣвическихъ платьяхъ съ мелкими оборками, въ митенкахъ и кружевныхъ косыночкахъ, онѣ неумолчно щебетали что-то невнятное, кружились по комнатамъ, показывали намъ старые альбомы съ рисунками, стихами и засушенными листочками, угощали чаемъ съ розовымъ вареньемъ и водили любоваться крохотнымъ цвѣтникомъ и видомъ съ балкона на Чаплыгинскую церковь и большую дорогу; близостью послѣдней къ ихъ имѣнію онѣ очень гордились, также какъ и племянникомъ, юнымъ гусаромъ, служившимъ, кажется, въ Варшавѣ. Приѣздъ племянника въ деревню хотя и былъ радостенъ, но измѣнилъ тихое теченіе жизни Максимовскихъ барышень. Онѣ жили изо дня въ день, въ родной обстановкѣ двадцатыхъ годовъ, окруженныя преданными старыми слугами изъ своихъ же бывшихъ дворовыхъ, съ которыми онѣ сжились и покумились и внуки которыхъ всѣ считались ихъ крестниками и крестницами. Освобожденіе крестьянъ прошло мимо нихъ незамѣтно; онѣ ни въ чемъ не измѣнили своего прежняго скромнаго но приличнаго помѣщичьяго уклада: одѣвались въ старыя платья, сшитыя полъ-вѣка тому назадъ; кушали, какъ принято было прежде для дѣвицъ, мало и самую легкую пищу; пили много чая съ вареньемъ и лакомились домашними смоквами, пастилами и печеньями. День уходилъ у нихъ на разговоры между собою и съ прислугой, интимною жизнью которой онѣ очень интересовались, на поливку цвѣтовъ передъ балкономъ, на перечитываніе старыхъ писемъ и переборку старыхъ вещицъ и тряпокъ въ комодикахъ, столикахъ и ветхихъ картонахъ, гдѣ хранились обрывки кружевъ и матерій, пожелтѣвшія отъ времени батистовыя платки, плюшевыя башмаки съ ленточками, кошельки, мѣшечки съ сухими лепестками розъ, пустые флаконы отъ духовъ,

коротенькіе вѣра и поблекшія лайковыя перчатки. Весь этотъ хламъ онѣ тщательно пересматривали и бережно перекладывали съ мѣста на мѣсто. Такъ незамѣтно подходилъ вечеръ съ чаемъ, разговорами о деревенскихъ дѣлахъ съ какойнибудь случайно зашедшей крестницей, съ гаданьемъ на картахъ все объ одномъ и томъ-же, когда-же пріѣдетъ погостить на дѣто племянникъ-гусарь.

И онѣ пріѣхалъ молодой, ласковый, красивый, средняго роста, съ черными тонкими усиками, блѣднымъ лицомъ и большими южными глазами. Восторгу, восхищенію тетушекъ не было конца, особенно, когда оказалось, что племянникъ пріѣхалъ на долго. Онѣ не могли налюбоваться на его венгерку и чикчиры, примѣряли передъ зеркаломъ его форменную фуражку съ яркимъ околышемъ, не знали, какъ угодить ему. Но увы, молодой красавецъ пріѣхалъ въ деревню не на радость милыхъ старушекъ: открылось, что онѣ страдаетъ неизлѣчимой тяжелой болѣзью; уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему пришлось ходить на костыляхъ. Здоровье его ухудшалось съ каждымъ днемъ. Не знаю, кто кого пережилъ, племянникъ тетушекъ или наоборотъ; но скоро Максимовская усадьба опустѣла, и самая память о Максимовскихъ барышняхъ испарилась. Онѣ точно ушли въ ту отдаленную эпоху, память о которой сквозила въ каждомъ ихъ словѣ, въ каждомъ движеніи.

Не менѣе грустно кончилась исторія и другого сосѣдняго намъ дворянскаго гнѣзда Скрыпина: Анна Викентьевна Осипова заболѣла, у знакомыхъ въ Коломнѣ, тифомъ и въ нѣсколько дней, почти внезапно, скончалась. Послѣ нея Скрыпино было продано лѣснику Коряпкину за безцѣнокъ и, какъ истинный хищникъ, лѣсникъ свелъ въ первое же лѣто березовую рощу, вырубилъ весь старый липовый садъ и распилил домъ и амбаръ на дрова. Куда дѣвались мундиры и кивера Александровскихъ временъ и палаши, которыми предки Осиповыхъ рубили Француза подъ Таругиномъ, того не могли мнѣ сказать оставшіяся послѣ Анны Викентьевны сиротами Оленька и Мишенька, впоследствии вышедшія замужъ за офицеровъ въ провинціи.

Кто не жилъ съ дѣтства въ деревнѣ не можетъ постичь всей ея прелести. Лукьяново и его окрестности не отличались красотой, но казались намъ необыкновенно привлекательными.

Иногда бабушка Юлія Ѳедоровна предпринимала съ нами поѣздки въ окрестныя села, на ярмарки, или въ Коломну, „за сухой провизіей“, сахаромъ для варенья и т. п. Эти поѣздки доставляли намъ великое удовольствіе. Коломна верстахъ въ 17 отъ Лукьянова по направленію къ Юго-востоку. Чтобы засвѣтло вернуться домой и не томить лошадей

по жарѣ, приходилось выѣзжать рано утромъ, часовъ въ 5. Крѣпко спится въ теплой постелѣ, но при первомъ движеніи въ домѣ вскакиваешь, на скоро умываешься, одѣваешься и бѣжишь въ столовую пить чай. Тамъ бабушка уже собираетъ что нужно въ дорогу: чай, сахаръ, сушки, карамельки, кипяченое молоко въ бутылкѣ дѣтямъ для питья. Лошади поданы и ждутъ у подѣзда. Въ росистое, свѣжее утро весело выѣзжать за деревенскую околицу. Скотину уже выгнали въ стадо; надъ избами, въ прозрачномъ воздухѣ, поднимаются струйки дыма изъ трубъ; на улицѣ безлюдно и тихо, только пѣтухи перекликаются по дворамъ, да утки мѣрно крикаютъ на прудѣ. А въ полѣ пахнетъ влажной землей, жаворонки заливаются въ овсахъ, утренній вѣтеръ щекочетъ лицо, солнце играетъ на мокрой травѣ и слѣпить сонные глаза. Но нельзя спать: слишкомъ радостно на душѣ, хотѣлось бы выпрыгнуть изъ тарантасика и бѣжать рядомъ съ лошадьми, по мягкой дорогѣ, мимо полосъ желтѣющей ржи и зеленого еще не выколосившагося овса. Вотъ, черезъ Аванасьевскій лѣсокъ, подѣзжаемъ уже къ Мячкову, когда-то принадлежавшему графинѣ Самойловой, а впоследствии отставному штабъ-ротмистру Заливскому, мировому посреднику перваго призыва. За Мячковымъ, верстахъ въ 6-ти, полноводная, глубокая рѣка Сѣверка, на берегу которой раскинулась усадьба нашего посла въ Вѣнѣ Е. Н. Новикова-Непечыно, съ большимъ вѣковымъ паркомъ и старой церковью. А тамъ недалеко уже и до Сандырей, сдѣлавшихся пригородомъ Коломны. Наши уѣздные Великорусскіе города имѣютъ своеобразную прелесть и чѣмъ они захоластнѣе, тѣмъ болѣе въ нихъ поэзіи. Теперь Коломна, благодаря желѣзной дорогѣ и заводу Струве, сдѣлалась большимъ промышленнымъ центромъ; но во время моего дѣтства, лѣтъ сорокъ тому назадъ, она была еще типичнымъ уѣзднымъ городкомъ, чрезвычайно живописно расположенномъ при впадении Москвы рѣки въ Оку. Тутъ издавна славился знаменитый Голутвинъ монастырь, обнесенный высокой каменной стѣной съ башнями и бойницами. Уже издали блестяли позолоченные куполы и колокольни Коломенскихъ церквей, но самый городъ утопалъ въ садахъ и точно сползалъ по зеленымъ берегамъ къ Москвѣ-рѣкѣ, опоясанный безчисленными огородами. По немощенымъ улицамъ тянулись покосившіеся, потемнѣвшіе отъ времени тесовые заборы, на поросшихъ низкой ярко-зеленой травой площадяхъ мирно паслись коровы, прохожихъ было мало, извозчиковъ и гостинницъ не было вовсе. Мы останавливались на постояломъ дворѣ на какой-то большой пыльной площади, недалеко отъ собора.

На постояломъ дворѣ пахло дегтемъ, навозомъ и печенымъ ржанымъ хлѣбомъ. Намъ отводилась лучшая комната на верху, куда шла

крутая лѣстница съ скрипучими некрашеными ступенями. Тамъ накрывали передъ диваномъ, подъ большой иконой въ темномъ кіотѣ, столъ пестрою тканьевою скатертью и ставили чайный приборъ со свѣжими Французскими булками. Мы съ удовольствіемъ пили чай и шли за покупками на базарную площадь. Здѣсь мое вниманіе особенно привлекали продавцы лошадей Цыгане въ огромныхъ картузахъ съ черными всклокоченными бородами, окружавшіе заѣзжихъ помѣщиковъ въ форменныхъ фуражкахъ, съ кавалерійскими усами, въ черкесахъ и коломянковыхъ поддевахъ. Забавно было смотрѣть, съ какой лихостью Цыгане скакали по площади на взьерошенныхъ тощихъ лошадяхъ, настегивая ихъ изо всей силы вожжами. Въ лавкахъ на площади, куда бабушка заходила съ нами покупать банки для варенья, пшеничную муку и патоку, стояли большія черныя бутылки съ коноплянымъ масломъ, лари съ овсомъ и горохомъ, висѣли ужища веревокъ и ременные вожжи, пахло сыромятной кожей, ворванью, мукою и рогожами; стаи голубей подбирали просыпанныя зерна у дверей лабазовъ и сновали между ногами покупателей и молодцовъ. Къ полудню базарная площадь пустѣла, отдѣльные возы стояли тамъ и сямъ съ распряженными лошадями: должно быть, хозяева ихъ засидѣлись въ харчевняхъ и трактирахъ, пріютившихся кругомъ. Съ полуденнымъ жаромъ на улицы городка спускалось сонное спокойствіе; рѣдкіе прохожіе не слѣша, шли мимо пустынныхъ заборовъ, лавки притворяли свои двери, низенькіе одноэтажные домики на солнечной сторонѣ закрывали свои ставни. Бабушка отдыхала на жесткомъ диванѣ постоялаго двора, закрывъ лицо носовымъ платкомъ отъ мухъ, а мы сидѣли, облокотясь на подоконникъ, и смотрѣли на улицу или выходили на деревянную галерею и наблюдали, какъ внизу во дворѣ мужики запрягали лошадей, увязывали воза и подмазывали изъ лагунокъ съ дегтемъ колёса телѣгъ и тарантасовъ.

Обратный путь въ Лукьяново былъ болѣе утомителенъ: дорога пылила, солнце слѣпило глаза, лошади бѣжали лѣниво, отмахивая хвостами назойливыхъ слѣпней; въ тарантасѣ сидѣть было жарко и неудобно. Возвращались иногда на Андреевку и Степанцино по большой дорогѣ, гдѣ немилосердно трясло, и тарантасъ съ грохотомъ подпрыгивалъ по крупному, неубитому щебню. Наконецъ, сворачивали съ „большака“ на проселокъ и ѣхали веселѣе знакомой дорогой, мимо ржи и овса, на Карпово къ Лукьяновскому рубежу, откуда открывался видъ на деревенскіе зады, прудъ и нашу усадьбу. Тутъ ужъ рукой подать. За плотиной домашнія собаки встрѣчали насъ радостнымъ лаемъ, и на крыльцо выходила тетушка; прислуга бросалась высаживать насъ и

вынимать изъ подъ сидѣнья кульки съ бѣлымъ хлѣбомъ, баранками и мелкимъ сахаромъ: банки, мука и сухая провизія шли въ отдѣльной повозкѣ.

Раза два въ лѣто бабушка предпринимала съ нами поѣздки на деревенскія ярмарки въ Петровское или Сабурово. Петровская ярмарка бывала въ Петровъ день, 29 Юня, и отличалась многолюдствомъ и оживленіемъ. Пріѣзжали мы обыкновенно къ обѣднѣ и прямо проходили въ церковь, гдѣ шла праздничная служба. Въ церкви мужики въ поддевкахъ и сапогахъ стояли по правую сторону, а бабы по лѣвую. Мы проходили чрезъ толпу молящихся впередъ и становились передъ амвономъ, рядомъ съ деревенской дѣтворой, одѣтой въ чистыя рубашечки и „продуванки“. Служба шла торжественно и чинно; священникъ и діаконъ въ свѣжихъ газетовыхъ ризахъ, съ пышно расчесанными волосами, не спѣша, произносили молитвенные возгласы; на клиросѣ пѣлъ хоръ мужиковъ довольно складно. Я смотрѣлъ съ любопытствомъ, какъ мужики истово и часто крестились, встряхивая длинными „висками“ *) при каждомъ поклонѣ; какъ псаломщикъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ бѣлымъ платкомъ на шеѣ выносилъ изъ алтаря и раздавалъ бабамъ вынутыя просвирки съ поминаніями; какъ какой-то старикъ, въ оловянныхъ очкахъ и засаленной поддѣвкѣ, замѣнялъ обгорѣвшія свѣчи у мѣстныхъ иконъ новыми и тушилъ восковые огарки своими корявыми пальцами. Въ церкви было душно, пахло ладаномъ и сапогами, часто кричали грудныя дѣти, и слышно было, какъ звякали мѣдныя деньги у свѣчнаго ящика. Послѣ молебна весь празднично одѣтый людъ высыпалъ на улицу, гдѣ разставлены были сколоченныя изъ тесинъ лавочки и лари съ разными деревенскими товарами, какъ-то ситцами, головными платками и картузами, чайной посудой, орѣхами, пряниками, Цареградскими стручками и подсолнухами; около воевъ продавались грабли, рѣшета, корцы изъ бересты, лапти, глиняные горшки, крынки и махотки, деревянные чашки, ложки и солонки. Торговля шла бойко: бабы постарше толпились около воевъ съ горшками, помоложе—у лавокъ съ ситцами; мужики разбирали грабли; дѣти глазѣли на писаные пряники и лубочныя картинки. Бабушка Юлія Федоровна на деревенскія ярмарки ѣздила не безъ практической цѣли—купить посуды для кухни и людской, ситцу для подарковъ женской прислугѣ, холста для половиковъ и фартуковъ. Намъ покупались мелкіе пряники „жамки“ для роздачи дворовымъ дѣтямъ, и глиняныя уточки-свистульки. Помню однажды, проголодавшись на одной изъ такихъ ярмарокъ, зашли мы

*) Въ нашей мѣстности „висками“ называются волосы у мужчинъ.

въ избу, чтобы выпить молока съ чернымъ хлѣбомъ. Хозяйка, немолодая женщина въ повойникѣ и темномъ сарафанѣ, угощала насъ луковникомъ и превкусными ржаными лепешками, еще горячими.

Осталась въ памяти и поѣздка наша съ бабушкой въ село Никитское, вотчину покойнаго Ивана Андреевича Рославлева. Никитское лежитъ при большой дорогѣ, верстахъ въ 10-ти отъ Лукьянова, на ровной, высокой мѣстности. По „большаку“ вытянулись лицомъ къ барской усадьбѣ избы мужиковъ. За небольшой рѣчкой на холмѣ раскинулся старый липовый паркъ, среди котораго возвышается огромный господскій домъ, каменный, двухъэтажный, съ высокими колоннами и боковыми флигелями.

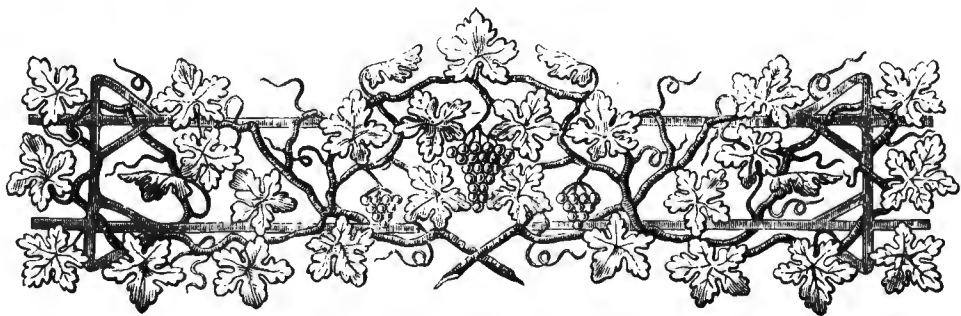
Домъ поразилъ меня своими размѣрами и величественнымъ фасадомъ. Передъ домомъ разбитъ былъ цвѣтникъ, спускающійся террасами къ рѣчкѣ; по другую сторону открывался широкій ровный дворъ, поросшій газономъ съ кругомъ липовыхъ деревьевъ по срединѣ; за дворомъ шель паркъ съ прудами и бесѣдками. Принадлежавшее въ то время наслѣдникамъ Рославлева-Веловзорамъ Никитское казалось уже весьма запущеннымъ. Въ главномъ домѣ, внизу, въ одной изъ боковыхъ комнатъ, жилъ управляющій имѣниемъ Андрей Ивановичъ съ своей женой. Они угощали бабушку и насъ чаемъ съ вареньемъ изъ бѣлыхъ вишенъ и показывали внутреннее убранство комнатъ. Помнится, что меня особенно заинтересовали росписные потолки и стѣны, лѣпная работа карнизовъ и чугунный балконъ, съ котораго открывался чудный видъ на цвѣтникъ, село и окрестныя поля и рощи. Андрей Ивановичъ показывалъ намъ домашній театръ, устроенный въ одномъ изъ боковыхъ флигелей и гардеробную комнату, гдѣ въ шкафахъ изъ краснаго дерева хранились какіе-то старые костюмы чуть не Екатерининскихъ временъ. По преданію, въ Никитскомъ останавливалась для отдыха Великая Императрица въ одно изъ своихъ путешествій изъ Москвы въ Коломну и будто-бы даже изволила нарисовать красками узоръ на стѣнѣ въ одной изъ верхнихъ комнатъ главнаго дома. Въ то время Никитское принадлежало князьямъ Куракинымъ.

Дѣтскія воспоминанія мои о Лукьяновѣ не будутъ полны, если я не упомяну о первомъ моемъ наставникѣ, который прожилъ у насъ, въ деревнѣ, два лѣта (1868 и 1869), для подготовленія меня въ гимназію. Рекомендованный бабушкой ея старинной знакомой Варварой Сергѣевной Лаунергъ, мой первый наставникъ, Сергѣй Павловичъ Мечъ пріѣхалъ въ Лукьяново еще совсемъ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати двухъ. Нынѣ извѣстный въ Москвѣ лекторъ, преподаватель геогра-

фій и авторъ многихъ интересныхъ географическихъ монографій, Сергій Павловичъ Мечъ въ то время былъ студентомъ-естественникомъ Московскаго университета. Онъ отдавалъ долгъ эпохѣ, увлекался Съченовымъ и его „рефлексами головного мозга“, читалъ Бокля, Дрепера и Карла Фохта въ переводѣ, рѣзалъ лягушекъ и подражалъ манерами Базарову изъ „Отцовъ и Дѣтей“. Онъ, если не ошибаюсь, впоследствии даже „пострадалъ“ нѣсколько за слишкомъ смѣлыя сужденія, но, въ сущности, былъ добрѣйшимъ, прекраснѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ. Стараясь быть оригинальнымъ, Мечъ не стригъ волосъ, носилъ во всякую погоду охотничьи сапоги, короткую суконную поддѣвку Русскаго покроя и кѣпи съ прямымъ козырькомъ. Длинный, худой, сутуловатый, съ слабой рыжеватой растительностью на подбородкѣ, Мечъ имѣлъ поэтическую душу и необыкновенный даръ слова. Онъ былъ отличнымъ рассказчикомъ, и я часами заслушивался его, когда онъ говорилъ о пампасахъ, ковбояхъ, дѣвственныхъ лѣсахъ и Индѣйцахъ. Не внося въ свои рассказы ничего фантастическаго, онъ придавалъ имъ много жизненности; можно было думать, что онъ своими глазами видѣлъ тропическую природу Бразиліи, зеленяя равнины Парагвая и Параны, становища дикихъ апашей и пустынные плоскогорія Аризоны и Невады. Ему я обязанъ многими чудными часами моихъ дѣтскихъ лѣтъ. Бывало, идемъ съ нимъ въ жаркій полдень, послѣ завтрака, на дальній прудокъ ловить лягушекъ для физиологическихъ опытовъ. Я несу сачекъ, а Сергій Павловичъ жестянку, обвязанную тряпкою, чтобы сажать туда пойманныхъ лягушекъ. Дальній прудокъ за садомъ, около лѣса, поросъ осокою и кувшинками. Въ жаркую пору лягушки выползаютъ изъ воды погрѣться на солнышкѣ; ловить ихъ сачкомъ не легко: онѣ чутки и при малѣйшей опасности грузно прыгаютъ въ воду; только и видишь, какъ сверкнуть на солнцѣ ихъ вытянутыя заднія лапки. Охота наша рѣдко бывала удачною; прогулявъ около пруда съ полъ-часа, мы сѣли гдѣ нибудь на кочкѣ, у куста ракиты, и Сергій Павловичъ начиналъ свои вдохновенные рассказы о дальнихъ странахъ. Никогда чтеніе Густава Эмара, Майнъ-Рида и даже Фенимора Купера не доставляли мнѣ такого удовольствія, какъ живыя, образныя рѣчи моего милаго учителя, проникнутыя радостной любовью къ природѣ и всему живому. Навсегда благодаренъ С. П. Мечу за эти незабвенные часы.

Село Лукьяново.

Изъ записной книжки Н. А. Муханова, 1832 года.

Служебная поѣздка въ Астрахань.

3-е Августа. Середа. Выѣхалъ изъ Москвы въ 2 часа по полудни. Дорога песчаная, лошади измученныя. Но замѣтно: чѣмъ долѣ ѣдишь впередъ, благопріятнѣйшія мѣста, горы, рѣки, мѣстами озера, и все украшенное лѣсами изъ липъ, березъ и часто дубовъ; здѣсь нѣтъ печальной ели и сосны.

Въ 12 простился съ Володею и сестрами, а Александръ ѣздилъ провожать до заставы. Хотя стѣняется сердце, но не даю ходу грустнымъ ощущеніямъ: стараюсь заглушить ихъ и развлекать себя сколько возможно. Во Владимирѣ, куда пріѣхалъ на другой день поутру, очень было грустно: вспомнилъ время, проведенное въ семь городѣ въ 12-мъ году съ покойными драгоцѣнными родителями, вспомнилъ, какъ въ соборѣ ежедневно слышалъ плачь рыдающей Москвы. Все представилось мнѣ съ необыкновенною живостію; въ соборѣ вспомнилъ даже, гдѣ кто стоялъ. Мысль о матушкѣ тѣснила душу, едва удержался отъ слезъ, вспомнилъ нѣжную ея заботливость о насъ, грусть причиненную разлукой съ батюшкой, радость при свиданіи, и потомъ, какъ это

*) Николай Алексѣевичъ Мухановъ (1804—1871), второй сынъ Московскаго почетнаго опекуна Алексѣя Ильича и Варвары Николаевны (рожд. княжны Трубецкой) и старшій братъ того Владимира Алексѣевича, Записки котораго памятни читателю „Р. Архива“ (1896 и 1897), происходятъ изъ тѣхъ, небогатыхъ, но зажиточныхъ дворянъ, которые держались завѣта, прееданнаго канцлеромъ графомъ Воронцовымъ его племяннику (будущему фельдмаршалу): служи такъ, чтобы твое жалованье шло на твои мелочные расходы и чтобы тебѣ можно было безъ всякаго денежнаго затрудненія покинуть службу). Н. А. Мухановъ кончилъ жизнь оберфоршнейдеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта и нѣкоторое время управлялъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Къ нему написано посланіе А. С. Хомякова: „О, мудрый другъ“. Другую выдержку (очень любопытную) изъ Дневника Н. А. Муханова см. въ „Р. Архивѣ“ 1897, I, 653. II. В.

все далеко, какъ невозвратимо!.... Вообще грусть раздираетъ мнѣ сердце; печальныя предчувствія, яко враны, непрерывно летаютъ около меня и омрачаютъ воображеніе; въ каждомъ случаѣ, какъ бы онъ маловаженъ ни былъ, нахожу преддверіе несчастію, угрожающему мнѣ. Стараюсь отвращать все сіи помышленія, но они невольно омрачаютъ меня. Боже мой, да будетъ воля Твоя! Послѣ шестилѣтней разлуки съ Александромъ видѣлся только 12 дней, и теперь точно сонъ: не вѣрю, точно ли сіе было, и тутъ много грусти...

Видъ изъ Владимира съ горы необыкновенно хорошъ. Выходы во Владимирской губерніи хороши, озимые уже почти все убраны, вообще жалобъ не слыхалъ, только проѣзжіе должны жаловаться на почты: мужики такъ долго бросаютъ жребій и судятся и спорятъ между собой, что ни угрозы, ни брань зрителя не имѣютъ дѣйствія. Мостъ въ Владимирѣ плывучій прекрасный, за проѣздъ котораго собираютъ деньги; съ меня взяли 72 копѣйки. Это новое не вездѣ по Россіи видно; завелъ графъ Апраксинъ, когда былъ губернаторомъ. Мнѣ кажется, чѣмъ болѣе удаляюсь отъ столицы, тѣмъ болѣе видъ довольствія замѣтенъ на всехъ лицахъ; народъ учтивѣе, каждый снимаетъ шапку и радушно кланяется. Въ Нижегородской губерніи мѣста еще живописнѣе. Здѣсь есть цѣлыя дубовыя рощи, придающія много красоты мѣстоположенію. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ видѣлъ село графа Шереметева, 2 тысячи съ полов. душъ; у всехъ крестьянъ дома крыты тесомъ, садъ возлѣ дома, самовары на окнахъ, окна большія и дома какъ въ городахъ, а избы дрянныя. У одного крестьянина выстроено не домъ, а совершенный дворецъ каменный со всеми затѣями архитектуры. У графа Шереметева въ одномъ этомъ уѣздѣ 15 т. душъ. Въ этомъ же селѣ монастырь на озерѣ, содержится на иждивеніи графа. Точно владѣтельный князь или царекъ? Проѣхалъ мимо Богородскаго села Шереметева. Въ дорогѣ былъ 4 и 5, а вечеромъ сего числа приѣхалъ въ 8 час. въ Нижній. Трактиръ самый дурной. Обѣдалъ дома и легъ спать. Получилъ записку отъ Зубова.

6-е. Поутру былъ у губернатора, на ярмаркѣ, обѣдалъ у Зубова. Вечеромъ на балѣ видѣлъ Сухо., Стр., Апра., Протас., Самойлова, которой общалъ много хорошаго, между пр. дать бумаги, по коимъ есть проектъ распространить плаваніе и рыбныя ловли по Каспійскому морю; но бумагъ сихъ нѣтъ; хотѣлъ прислать мнѣ ихъ изъ Москвы, общалъ свести съ купцами, между проч. съ Сапожниковымъ. Видъ ярмарки не соответствовалъ моему ожиданію; съ величайшими суммами употребленными на зданіе оной можно бы сдѣлать, я полагаю, что нибудь лучшее. Ряды низкіе безъ всякаго украшенія, безъ архи-

тектуры, довольно темные; одинъ Сибирскій рядъ красивъ, построенъ въ родѣ Китайскомъ и съ намѣреніемъ украсить видъ зданія съ противоположной стороны города отъ вѣзда Московскаго. И эта мысль странна; тамъ поле и мѣстоположеніе весьма некрасивое, почему же главный фасадъ на ту сторону даетъ? Мѣсто избрано не весьма выгодное, ибо заливаешь ряды во время наводненій. На это можно сказать, что товары ближе выгружать, и потому необходимость заставила сіе сдѣлать; но въ такомъ случаѣ надо было возвысить фундаментъ на подобіе напр. нововыстроенной биржи въ Петербургѣ, которая необыкновенной вышиной своего цокола внѣ наводненія; зданіе сіе стоило болѣе двухъ милліоновъ, но и въ здѣшнихъ рядахъ милліоны оставлены. Главный домъ на ярмаркѣ великъ, но дурно расположенъ. Говорятъ, что нынѣшній годъ ярмарка многолюднѣе прошлогодняго; но уже нѣсколько лѣтъ съ ряду она передъ прежнимъ упадаетъ или dans un état stationnaire*). Всѣ довольны здѣшнимъ управленіемъ, какъ можно судить поверхностно или по слухамъ; но чтобы опредѣлить сіе основательно, слѣдовало бы пробыть долѣе и сдѣлать нѣкоторыя знакомства въ городѣ. Губернаторъ говоритъ, что хлѣбы поправились, а пѣкоторые помѣщики утверждаютъ, что очень плохи, что взошелъ хлѣбъ дурно, а чтò и было все залито непрерывными дождями. Самойловъ между проч. сказывалъ мнѣ, что раззореніе Калмыковъ и Киргизовъ весьма важно: первые вовсе сюда не пріѣхали, а вторыхъ очень мало и не въ состояніи дѣлать обыкновенныхъ закупокъ своихъ, по какой причинѣ китайка не идетъ вовсе въ торгъ, ибо они дѣлали главные закупки оной. На другой день моего пріѣзда у меня былъ полковн. Масловъ жанд., и я долженъ былъ отдать ему визитъ на др. день.

7-е. По утру былъ съ визитами у Мас., Стр., Апр., Про., у губернатора очень долго. Архерей учинилъ указъ о вскрытіи мощей С. Митрофана, не предваривъ губернатора, который спрашивалъ по сему случаю моего совѣта; я далъ его въ смыслѣ, я полагаю справедливомъ, т. е. сильно возстать противъ сего и откровенно описать все министру, требуя отъ архерея объясненія по сему. Обѣдалъ въ рестораціи. Весь день проходилъ по ярмаркѣ, вечеръ у Б. . . .

Господинъ Vainqueur, уроженецъ, кажется, Ревельскій. Ночью получаетъ повелѣніе явиться къ жандармск. полковн. В. . . . , и караулъ представляется къ его квартирѣ. Онъ ѣдитъ изумленный сею неожиданностію; пріѣхавши къ ж. п. и спрашивая его причину такой арестаціи ужасной и чтò ему угодно, получаетъ въ отвѣтъ: я желаю съ вами познакомиться.

*) Все въ томъ же состояніи.

Приѣхалъ въ Астрахань 22 Августа 1832.

23-е. Былъ у в. г., который между прочими предметами очень худо относился о испр. долж. глав. прист. при кол. сов. Симоновъ; говорилъ, что онъ пьянствуетъ, развратной жизни и даже показывался съ дѣвками въ пьяномъ видѣ на улицѣ. О дѣлѣ Захаревича коснулся слегка, упоминая притомъ, что его я могу не слушать, но что всѣ люди умные и свѣдущіе, съ коими я буду говорить, несомнѣнно всѣ его мнѣнія, т. е. будутъ оправдывать Захаревича; что конечно сей послѣдній вѣроятно бралъ съ владѣльцевъ тысячи по три можетъ быть, но въ закупкѣ верблюдовъ онъ совершенно чистъ. Притомъ показался мнѣ очень недовольнымъ прежнимъ губернаторомъ Гевличемъ и сенаторомъ Лавровымъ; сказалъ, что слѣдствіе остановилось теперь за поѣздкою слѣдователей въ улусы для допросовъ и изслѣдованій на мѣстѣ, каковая поѣздка предположена давно, но не приводится доселѣ въ дѣйствіе по неизвѣстнымъ ему причинамъ; но что онъ полагалъ ее совершенно излишнею, что дѣло имѣли съ владѣльцами, а не съ подвластными, и потому ихъ отзывъ достаточенъ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ безъ воспитанія, довольно суровымъ и необразованнымъ въ сужденіяхъ своихъ; напр. онъ говорилъ, что Калмыки вовсе намъ ненужны, что онъ не понимаетъ, почему правительство старается ихъ удерживать и т. под., что земли ими занимаемыя могли бы быть заселены крестьянами (а гдѣ ихъ взять?) и разные тому подобныя вздоры. Мѣсягностей вовсе не знаетъ; однимъ словомъ, это необразованный солдатъ, да и едва имѣющій качества необходимо нужныя для сего почтеннаго званія. Послѣ довольно долгаго разговора возвратясь домой, я нашелъ въ статистикѣ имъ же мнѣ данной все противоположное тому, что онъ мнѣ говорилъ, и нѣкоторыя свѣдѣнія, въ коихъ онъ затруднялся, что мнѣ послужило доказательствомъ, что онъ на себя не взялъ даже труда прочесть этой небольшой тетради, въ чемъ онъ на другой день самъ мнѣ признался.

24-е. Поутру былъ съ Киреевымъ въ Персидскихъ лавкахъ, обѣдалъ дома, послѣ обѣда спалъ, весь вечеръ и всю ночь писалъ въ Петербургъ и Москву. Легъ спать въ 5 часовъ утра.

26-е. Былъ у военного губернатора, который, не смотря на свою желчь, рѣшился, кажется, дѣлать мнѣ всякаго рода учтивости. Поутру у меня былъ Виз... В. г. говорилъ мнѣ все смыслъ того, что и третьяго дня было сказано. Онъ видимо поддерживаетъ Захаревича; въ бывшемъ собраніи 22-го числа онъ ходилъ съ нимъ подруку. Познакомилъ меня съ женою, которая, кажется, добрая и хорошая полунѣмка, 8 дѣтей, всѣ бѣлыя какъ вши. Всѣ эти дни ко мнѣ являлись его адъютанты,

полиційместеръ, бывшій при моемъ прїѣздѣ, и разные чиновники. Послѣ обѣда былъ у вице-губер. не засталъ его, у Бѣлопо... и пр. Окончилъ вечеръ у Киреева. Нынче немного вечеромъ холодновато.

26-го вечеромъ съ Киреевой и Арзуминовой ѣздили смотрѣть Армянскую свадьбу; похоже на нашу, но съ нѣкоторыми любопытными измѣненіями. Церковь ихъ большая и хотя просто, но богато убрана и величественна; въ ней есть картина Рафаеля, которую надо будетъ посмотреть. Сперва жениха и невѣсту остановили при входѣ въ церковь и пѣли также какъ у насъ, потомъ повели далѣе, и начался обрядъ; священниковъ было много, ибо свадьба богатая, всѣ въ одѣяніи похожемъ на наше духовенство, ризы парчевыя въ родѣ нашихъ, но гораздо удобнѣе сдѣланныя. Къ концу обряда, передъ тѣмъ какъ надѣвать вѣнцы, я съ немалымъ удивленіемъ видѣлъ, что священникъ сталъ надѣвать на шею жениху снурокъ, который, соединивъ на шеѣ, запечаталъ; тоже самое онъ сдѣлалъ и съ невѣстою. Я спросилъ сему истолкованіе и узналъ, что сіе дѣлается для воспрещенія молодымъ житія въ теченіи трехъ дней или около. Они вѣнчались въ Пятницу, а печати должны быть сняты вечеромъ въ Воскресеніе, не иначе какъ въ присутствіи священниковъ, которые оныя наложили; въ теченіи же сихъ дней отецъ долженъ былъ каждый вечеръ и утро свидѣтельствовать печати сіи. Это доказываетъ однако природно-обманчивый нравъ Армянъ, ибо имъ даже не довѣряетъ законоположеніе ихъ церкви, и основатели догматовъ оной должны были сообразоваться съ извѣстными лукавствомъ и недобросовѣстностію своего народа. Впрочемъ они не очень пристально соблюдаютъ сіе постановленіе, ибо одинъ мой знакомый, недавно женившійся на прелестной дѣвушкѣ, побуждаемый давно ожидаемымъ и желаннымъ счастіемъ, а можетъ быть и стыдомъ сей церемоніи, призвалъ священника, долженствовавшего его вѣнчать, и рѣшительно потребовалъ отъ него сей докучливой и странной мѣры, на что сей и согласился, не смотря на то, что молодой человекъ извѣстный и богатый, что здѣсь много значить, такъ впрочемъ какъ и вездѣ. Вообще Армяне люди весьма хвастливые и желающіе при всякомъ случаѣ доказывать свои преимущества, которыя по большей части состоятъ или въ богатствѣ или въ знакомствѣ съ людьми выше ихъ поставленными свѣтскими условіями.

26-е. У меня былъ поутру военный г. и между прочимъ сказалъ мнѣ весьма странныя обстоятельства. 1-е, что онъ знаетъ навѣрное и клянется мнѣ дѣтьми своими, что Захаревичъ далъ деньги слѣдователямъ Орлову и Неедову. Сему сильному участію въ Захаревичѣ могутъ быть двѣ причины: и ненависть в. г. къ прежде бывшему губер.

Гевличу, въ бытность коего попался подъ слѣдствіе Захар., и лицепріятіе, основанное на совершенномъ его безкорыстіи. Потомъ въ нарѣканіяхъ своихъ на Лаврова онъ между пр. помѣстилъ слѣдующее, что сенаторъ сей ничего хорошаго и дѣльнаго въ губерніи не сдѣлалъ и что главнѣйшія его дѣйствія состояли въ томъ, что онъ погубилъ двухъ совершенно невинныхъ людей, 1-е Захаревича, 2 подп. Заблонскаго, бывшаго здѣсь полиційместеромъ, который и содержится четвертый годъ подъ арестомъ; что онъ такъ тронуть симъ несчастнымъ положеніемъ сего послѣдняго, что непременно доведетъ сіе до свѣдѣнія Государ. Импер. черезъ графа Чернышева, ибо сей офицеръ посаженъ даже безъ объявленія о томъ законной причины. На повѣрку выходитъ, что онъ первѣйшій негодяй, что мнѣ подтвердили всѣ здѣшніе мои знакомые: бралъ со всѣхъ взятки, между прочимъ съ Киреева, человѣка самаго смирнаго, спокойнаго и честнаго, который репутаціею пользуется здѣсь единогласно и что мнѣ было между пр. подтверждено самимъ воен. г., очень его хвалящимъ. Что сей L. S. не ограничивался брать взятки, но выдумывалъ мнимыя преступленія, по коимъ замѣшивалъ по произволу жителей города, и всегда богатѣйшихъ, дабы послѣ, по полученіи взяткокъ, освободить ихъ отъ суда. Между прочимъ онъ пріѣхалъ одинъ разъ вечеромъ къ одному изъ богатѣйшихъ Армянь, коему объявилъ о дѣланіи у него въ саду фальшивыхъ ассигнацій и о намѣреніи его тотъ часъ идти въ садъ для открытія сего. Хозяинъ дома, видѣвши поборку съ него денегъ и еще болѣе ужасающее его слѣдственное дѣло, коему иначе предѣловъ положить не можетъ, вышелъ изъ терпѣнія, велѣлъ затворить всѣ двери, схватить полиціймейстера и велѣлъ людямъ обыскать; только что его растегнули, посыпались фальшивые рубли, которые онъ имѣлъ на себѣ, чтобы могъ кинуть ихъ въ садъ! Это одинъ примѣръ, а мнѣ много ихъ рассказывали. Такой-то человѣкъ тронуть чувствительное и желчевое сердце его п-ва.

27. Погода холодновата, но сухо, солнце, и дождя нѣтъ у насъ, день былъ препорядочный, а здѣсь жалуются. Мнѣ грустно: вліяніе погоды и многосложности входящей въ данное мнѣ порученіе. Успѣю-ли все кончить хорошо и скоро? Это навѣвааетъ на меня тоску. Обѣдалъ у Киреева, послѣ обѣда ѣздилъ съ Арзуминовымъ къ нему въ садъ, въ которомъ жилъ Великій Петръ I-й, посадилъ въ саду грушу, которая погибла, но идетъ отъ корня. Въ кабинетѣ, который онъ занималъ, едва можно повернуться одному человѣку. Садъ здѣсь онъ завелъ и самъ много при себѣ разсаживалъ; ихъ содержаніе здѣсь стоитъ довольно дорого, потому что поливка вся устроена съ верху, и водопроводы желубами идутъ по всему саду, а наверху лѣстницы стоитъ сторожъ и

надзираеть за безопасностію какъ со стороны воронъ, такъ и людей; таковыхъ нѣсколько, и по большой части Татары. Это стоитъ 2 тысячи. Сады въ упадкѣ, что можно приписать къ разстройству вообще жителей, къ дурному смотрѣнію за городомъ, ибо вода получается изъ канавъ, которыя всѣ засыпаются нечистотою жителями, а начальство за симъ не смотритъ, и къ перемѣнѣ климата, представляющаго большую разницу, въ сіи послѣдніе три года, съ прежнимъ состояніемъ атмосферы: нынѣшній годъ виноградъ доселѣ еще не выспѣлъ совершенно, а дулей, сливъ и проч. фруктовъ и совсѣмъ нѣтъ еще или очень мало, а въ прошлые года все сіе было уже въ сію пору давно отправлено въ верхъ.

Вообще всѣ отзываются и жалуются на упадокъ промышленности, торговли, садоводства, на измѣненіе прежняго благосостоянія и богатства народнаго. Причины сего должно искать въ измѣненіяхъ отношеній нашихъ съ Азіею, какъ по случаю бывшихъ войнъ и заразительности болѣзней, и въ особенности сильно свирѣпствующей чумы въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ въ Персіи, гдѣ вымерло болѣе милліона жителей, такъ и въ недостаткѣ заботливости правительства, бросившаго совершенно сей край на произволь судьбы. Оный съ лѣтъ подчиненъ былъ главн. у. въ Грузіи, который и своимъ краемъ едва имѣлъ время заниматься, а еще менѣе столь отдаленнымъ, не общавшимъ ему ничего блистательнаго и лестнаго. Надо умнаго и просвѣщеннаго человѣка, и привилегіи непремѣнно.

28-е. Ничего замѣчательнаго не было, погода немного холодно-ватая, но хорошая.

29-е. У меня былъ Неоедеевъ, слѣдствіе запутано; но медленность ихъ и ужимки кажутъ его гораздо важнѣе, чѣмъ онъ есть.

30-е. У губерн. и у Перов. на ловлю весьма для меня любопытную.

(Изъ Сборника П. И. Щукина.)

ЕЩЕ О ПУШКАХЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ КРЕМЛѢ.

Въ статьѣ Е. С. Шумигорскаго (Новое Время отъ 3-го Августа сего года № 12712) по поводу памятника изъ орудій отбитыхъ у неприятеля въ 1812 г., сказано между прочимъ, что ему, автору замѣтки, „неизвѣстно, сохранилось-ли въ нашихъ арсеналахъ достаточное для этого число орудій?“ Затѣмъ авторъ замѣтки продолжаетъ: „Но намъ извѣстно, что въ 1827 г. этихъ орудій собрано было въ Москвѣ 875, и т. д. Любопытно знать, цѣлы-ли они и гдѣ находятся“. Далѣе упоминается о письмѣ графа Растопчина къ импер. Александру отъ 20 Декабря 1812 г. съ представленіемъ трехъ проэктовъ этого памятника. „Гдѣ эти проэскты?“ спрашиваетъ г-нъ Шумигорскій, и самъ же отвѣчаетъ, что „ближе всего это знать, конечно, Московскому отдѣлу Императорскаго военно-историческаго Общества“. На послѣднее замѣчаніе совершенно правильно отвѣтилъ г. Божеряновъ въ „Новомъ Времени“ отъ 5-го Августа, что лучше всего это знать не Моск. отд. Имп. В. И. О-ва, а С-Петербур. Академіи Художествъ. Маститный издатель „Русскаго Архива“ П. И. Бартеневъ помѣстилъ, еще въ 1909 г., въ своемъ изданіи вышепомянутое письмо графа Растопчина, но о проэктахъ памятника онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній. Такъ какъ всѣ проэскты памятниковъ, посвящаемыхъ крупнымъ событіямъ отечественной исторіи, представлявшіеся на Высочайшее благовозвращеніе, передавались Государемъ на просмотръ и обсужденіе въ Академію Художествъ, то, конечно, тамъ ихъ и слѣдуетъ искать. Въ книгѣ А. П. Оленина, на которую ссылается г. Божеряновъ, имѣются и эскизы этихъ трехъ памятниковъ.

Вопросъ г-на Шумигорскаго: „цѣлы-ли орудія и гдѣ они находятся?“ показался мнѣ, старой Москвичкѣ-прабабункѣ, очень страннымъ. Вѣдь авторъ замѣтки часто пишетъ объ эпохѣ Императора Александра I и еще недавно, въ фельетонахъ „Русск. Вѣдомостей“, помѣстилъ выдержки изъ переписки Императора Александра I съ Вел. Княгиней Екатериной Павл., изданной нашимъ неутомимымъ августѣйшимъ историкомъ В. К. Николаемъ Михайловичемъ. Неужели ему неизвѣстно, что эти орудія такъ же спокойно лежатъ и теперь, вдоль стѣнъ Моск. Арсенала, въ Кремлѣ, какъ они были тамъ положены, по возстановленіи стѣнъ Арсенала, разрушеннаго въ 1812 г. маршаломъ Мортве? Это возстановленіе стѣнъ закончилось въ 1828 г. Вѣдь этихъ орудій нельзя миновать, разъ входишь въ Кремль черезъ Никольскіе ворота. Къ тому-же, описъ

этихъ орудій вышла въ 1911 году, въ видѣ богато иллюстрированной монографіи, составленной генераль-маіоромъ В. А. Петровымъ, по порученію Высочайше утвержденнаго Особаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812. Всѣ редакціи большихъ газетъ и толстыхъ журналовъ получили отъ Музея по экземпляру этого замѣчательнаго труда; поэтому мнѣ странно, что сотрудникъ „Нов. Вр.“ не знакомъ съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, достойна или недостойна вниманія эта книга, но на такой простой вопросъ „цѣлы-ли орудія и гдѣ они находятся“ она прямо отвѣчаетъ. Въ „Р. Архивѣ“ (1911 № 6) П. И. Бартеневъ далъ должную оцѣнку этому кропотливому художественному труду генерала Петрова, который одинаково оцѣнили во Франціи и Голландіи. У меня передъ глазами восторженная статья Denis Roche (сотрудника „Старыхъ Годовъ“) о монографіи: „Орудія отбитыя у непріятели въ отечественную войну 1812“, въ Bulletin des Beaux Arts. André Brun говорилъ о ней въ „Le Temps“. Голландскій офицеръ Фанъ-Занъ*) и Голландскій же полковникъ артиллеристъ Фанъ-Эсъ обратили на нее вниманіе. Слышала я отъ моихъ внуковъ, офицеровъ, что и въ „Военномъ мірѣ“ былъ о ней отзывъ полк. В. П. Никольскаго. Въ „Р. Вѣдомостяхъ“ она отмѣчена въ числѣ новыхъ книгъ. Какъ она прошла незамѣтною для человѣка, пишущаго объ эпохѣ Александра I, необъяснимо для меня.

Можетъ быть, послѣ всего мною сказаннаго, г-нъ Шумигорскій соблаговолитъ познакомиться съ выдающимся трудомъ ген. Петрова и поблагодарить за это указаніе на него

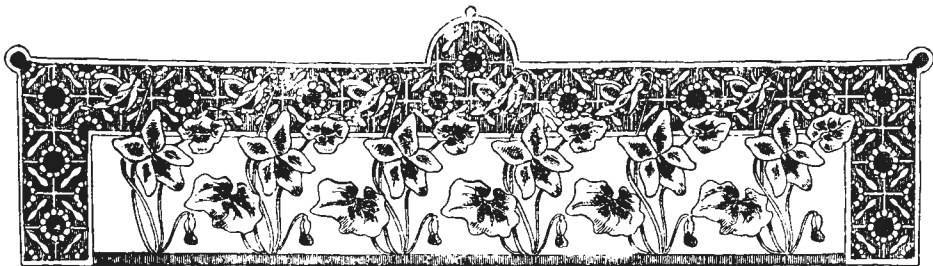
Старую Москвичку-прабабушку.

Замѣтки о книгѣ В. А. Петрова даны:

- 1) въ „Русскомъ Архивѣ“ 1911 № 6.—П. Бартеневъ.
- 2) въ „Военномъ Мірѣ“ 1911 № 4.—полк. В. П. Никольскій.
- 3) Carnet de Sabre tache. 1911, Octobre.—Commandant Martin.
- 4) Bulletin des Beaux Arts—M-r Denis Roche.

*) Кажется мнѣ, что онъ женатъ на графинѣ Комаровской, почему и пишетъ по русски.

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ СКОБЛЕВЪ.

Слово къ воспитанникамъ изъ бродягъ, въ ряды честныхъ солдатъ вступившимъ.

Всемиловѣйшему Государю Императору Высочайше благоугодно было, для исправленія нравственности, вѣрить васъ старому, дряхлому инвалиду, прошедшему въ 42-хъ-лѣтнее поприще службы, съ вѣрою къ Богу, съ вѣрностію къ трону, съ любовію къ отечеству, съ воинскіе чины, отъ простаго солдата до настоящаго званія, смѣло и прямо, по большой, чистой дорогѣ, не оставя позади себя ни сучка, ни задоринки и съ чистою совѣстію, равнодушно и безъ трепета взирающему нынѣ на часъ смертный, не ожидая, здѣсь и за гробомъ, справедливой укоризны и по заслугамъ тяжкаго упрека.

Въ этихъ немногихъ словахъ вмывается вся исторія жизни учителя вашего. Остается присовокупить, что всемъ добрымъ, честнымъ солдатамъ я другъ закадычный. вѣрный; напротивъ того, всемъ мерзавцамъ, негодяямъ, врагъ злобный, непримиримый! Теперь я весь предъ вами на лицо! Выбирайте, ребята, кому какая сторона по сердцу?

Рады стараться! не разъ уже гаркнули вы единодушно. Вѣрю и торжественно надѣюсь найти въ васъ хорошихъ, усердныхъ товарищей: въ мирѣ кроткихъ, добрыхъ, въ войнѣ славныхъ, храбрыхъ; по всюду—Царю и отечеству душою преданныхъ и сердцемъ вѣрныхъ воиновъ.

Злодѣями люди не рождаются, но все дурныя качества формируются въ нихъ дурнымъ сообществомъ и несчастными встрѣчами съ людьми подлыми, гнусными, распутными. Бываетъ, что человѣкъ проштыгнется въ тоскѣ по родинѣ, а часто случаются различныя, и вовсе непредвидимыя, горестныя обстоятельства, при коихъ подкрѣпить

упавшій духъ, могла бы только вѣра; но вѣра слаба въ понятіяхъ жалкаго неуча, неопытнаго, робкаго новичка, если онъ на первомъ шагу службы, не попалъ на добрыя руки; напротивъ того, каждое слово пагубнаго разврата штурмомъ врывается въ глупую, неоточеную голову, и робкая, къ блуднямъ направленная, душа бѣдняка, впадая единожды въ порокъ, съ отчаянія стремится къ другому, къ третьему, а наконецъ и погибаетъ невозвратно. А какъ все мы, болѣе или менѣе, предъ Богомъ грѣшны, предъ Царемъ виноваты: по сему, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Теперь весь успѣхъ въ спасительномъ дѣлѣ нашемъ непосредственно зависитъ отъ понятія святыхъ истинъ, на которыя я указывать вамъ не буду; а чтобъ узнать эти истины, чтобъ убѣдиться въ необходимости и покориться святой волѣ всемогущаго Бога, удостоившаго насъ служить вѣрѣ Его святой,—ума надобно немного. Я и самъ не похваюсь избыткомъ этаго снадобья, но путеводимый благодѣтельными наставниками, въ младенествѣ еще расчухалъ, что не держалась бы зѣмля на водѣ безъ воли Вседержителя, не висѣла бы вода на воздухѣ безъ десницы Его всеисильной, мощной; и если бы не было Творца, не двигались бы луна и солнце, не красовалась бы вселенная; не было бы въ природѣ устройства столь дивнаго и поражающаго умъ и сердце наше согласія столь плѣнительнаго; чудеса эти безспорно принадлежатъ единому, непостижимому, предвѣчному Богу, и... Господи сохрани насъ отъ грѣха тяжкаго, чтобъ мы думали иначе! Каждая букашка, каждый червячекъ и таракашекъ и вся вообще безсловесная тварь очевидно существуетъ подъ покровомъ великаго Хозяина неизмѣримаго міра сего; все исполняетъ законъ Имъ предписанный; все, получая жизнь, находитъ пріютъ, имѣетъ пищу, и все въ совокупности, чувствуя всесвятую милость бдящаго Провидѣнія, благодарить Создателя!. И люди ли только, одаренные умомъ, частицу Божества составляющимъ, въ порывахъ страстей забудутъ и, вооружась неблагодарностію, перестанутъ узнавать, Тебя, Боже всемогущій!

Слушайте, ребята! Много разъ, въ долговременную жизнь мою, встрѣчалъ я враговъ святой вѣры, безбожныхъ, безпутныхъ, дерзкихъ; неоднократно былъ свидѣтелемъ буйныхъ, ложныхъ доводовъ, клятво-преступныхъ и безумныхъ догадокъ, устраниющихъ Творца отъ нечестиваго ихъ бытія; но ни разу не видалъ, и даже не слыхалъ еще, чтобъ умирающій злодѣй, въ рѣшительную минуту разлуки души съ тѣломъ, не обратился къ Богу съ позднимъ раскаяніемъ и съ убѣдительнымъ прошеніемъ о прощеніи и помилованіи.

Никогда я не забуду, и вамъ ребята расскажу случай, въ молодости сильно на меня подѣйствовавшій. Это было при Императрицѣ Екатеринѣ, лѣтъ за сорокъ предъ симъ; только что произведенъ я былъ въ капралы. Отъ радости, или отъ другихъ причинъ, прихворнулось мнѣ не на шутку, и молодца спровадили въ лазаретъ. Рядомъ со мной на койкѣ лежалъ подсудимый, арестованный комиссіонеръ, коего фамилія, по тогдашнему времени, была въ нѣкоторой извѣстности, потому что родитель комиссіонера былъ начальникомъ нѣсколькихъ пограничныхъ таможенъ и босурманскія, безбожныя книги пропускалъ на святую Русь вмѣстѣ съ запрещенными товарами, безъ вѣса и безъ мѣры (въ старину эти продѣлки равнялись и едва ли не превосходили бродяжничество непомнящихъ родства. Богъ судья виновникамъ зла, но нынѣ ни тѣ, ни другія шутки, благодаря правительству, не къ духу и не ко времени). Сосѣдъ мой по койкѣ бывалъ въ Питерѣ, въ Москвѣ, во многихъ губернскихъ городахъ, а по словамъ его, и заморскія столицы зналъ онъ какъ порошокъ, коими штабъ-лѣкарь угощалъ его почти ежедневно, съ намѣреніемъ перервать формировавшуюся въ немъ горячку. Онъ дѣйствительно былъ боленъ, но съ постепеннымъ укрѣпленіемъ тѣлесныхъ его силъ, постепенно увеличивалось въ немъ желаніе говорить. Комиссіонеръ говорилъ клейко, гладко, однимъ словомъ, мастерски; но такой вздоръ,—что и Боже упаси! Все, что для истиннаго христіанина свято, комиссіонеру—тринъ травъ! Этотъ варваръ, надрываясь хохоталъ, когда кто-либо изъ страждущихъ тяжкими недугами произносилъ Божье имя. День проходилъ за ночью, ночь за днемъ, комиссіонеръ безчинствовалъ, уничтожалъ, поражалъ святую вѣру, и нечего грѣха таить, восхищалъ насъ краснорѣчіемъ. Однажды утромъ, умывшись, всѣ больные, кто какъ могъ, молились; комиссіонеръ, по обыкновенію смѣялся и къ поклонамъ каждаго присоединялъ свои незѣпыя шутки. Во всей палатѣ, въ званіи офицера, лежалъ одинъ только онъ, слѣдственно его всѣ слушали; противорѣчить никто не смѣлъ; но Провидѣніе, какъ будто въ урокъ намъ, богохулителя вело уже къ цѣли. Посреди самаго жаркаго пѣнія неутомимаго нашего соловья (или справедливѣе сказать враля) увидѣли мы небесный гнѣвъ надъ нимъ разразившійся: въ одно мгновеніе смертною блѣдностію покрывшійся и къ послѣдней минутѣ жизни, неожиданно привлеченный, несчастный комиссіонеръ заревѣлъ изъ всей мочи: „братцы, я умираю, ахъ! умираю! насквозь прокололо чѣмъ-то мою душонку!“ Въ слѣдъ за симъ, жестокія корчи и мучительныя судороги, выбили его изъ памяти; долго онъ мычалъ дикимъ, звѣрекимъ голосомъ, потомъ вдругъ, вмѣстѣ съ пѣною, вырвались изъ него слѣдующія слова: „Господи, прости меня окаяннаго; я не при-

знавалъ, я отвергалъ Тебя Царь небесный! Я, зараженный модными, заморскими бреднями, забывалъ религію, утопалъ въ развратъ и, хватая превыспреннимъ умомъ, уготовалъ себѣ бездну ада, въ сей часъ предо мною разверзшуюся. Забудьте, ребята, что я вамъ говорилъ, не проклинайте меня грѣховодника, и помолитесь, ради Бога помолитесь за несчастнаго, преступнаго нечестивца! Я слышу строгій гласъ Верховнаго Судіи, и гибель моя... совершилась!" Съ симъ словомъ онъ протянулся.

Всѣ мы, и самые даже умирающіе, содрогнулись, вскочили съ коекъ своихъ, окружили страдальца, очевидно свыше пораженнаго; морозъ бѣгалъ по кожѣ нашей, неожиданное раскаяніе человѣка ужаснаго и, какъ казалось, въ правилахъ безвѣрія твердаго, удивило, поразило насъ; мы видѣли перстъ Божій, но преступный балажникъ не видѣлъ уже зги!

Упавъ на колѣни, мы дѣйствительно молились, не знаю кто за кого; но я благодарилъ Бога именно за себя, чувствуя, что юное мое сердце, не заразясь нечестивыми бесѣдами, осталось чисто.

Такъ быстръ и скоръ переходъ человѣка отъ жизни къ смерти, отъ устройства къ праху; а при явленіяхъ столь обыкновенныхъ, частыхъ и безъ нарушенія клятвъ, въ лицѣ Бога произносимыхъ, для своевременнаго раскаянія, много-много на душахъ нашихъ грѣховъ; но человѣкъ счастливъ, если, приложивъ руку къ сердцу, наведя справку съ совѣстью, можетъ сказать: *грѣшенъ, но Божій*. У злодѣя, клятвопреступника, нарушителя присяги, не поворотится языкъ сказать столь утѣшительныхъ словъ, прежде нежели обратится онъ съ чистосердечнымъ раскаяніемъ къ Творцу милосердому, къ вѣрѣ, къ закону и къ чести; примирился же съ Богомъ, вмѣстѣ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ избѣгать соблазна, въ головѣ его сдѣлается свѣтло, дыханіе будетъ легко, надежда на жизнь богоугодную, пріятную, блеснетъ въ стѣсенной груди, и душа преступная, унылая, тотчасъ познаетъ чуждую ей до сего, чистую, небесную радость. Вотъ, ребята, тѣ святые, спасительныя истины, съ которыми вѣрующіе въ Бога на водѣ не тонутъ и на огнѣ не горятъ.

Не вы у меня первые, не вы и послѣдніе; тысячи подобныхъ вамъ, по милости Провидѣнія и по довѣренности правительства, прошли чрезъ мои руки; многіе изъ воспитанниковъ моихъ, гнушавъ разврата, устремясь къ славлѣ, за вѣру, тронъ и родной край, положили животъ свой въ битвѣ съ врагомъ и давно уже, какъ праведники,

молятъ за насъ грѣшныхъ у престола Вышняго; многіе служатъ въ рядахъ и отличнымъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и чистотою нравовъ, сообщаютъ примѣръ молодымъ, юнымъ героямъ; многіе изъ сихъ послѣднихъ, по ходатайству начальства, получили Всемилоствѣйшее прощеніе, кончили срокъ службы, воспользовались свободою и живутъ, благословляя отеческую заботливость и примѣрную строгость, убѣдившую и утвердившую ихъ на службѣ, которая не такъ трудна, каковою съ перваго взгляда кажется лѣнивцамъ, трусамъ и негодьямъ: служба не обременяетъ насъ дѣлами не по силамъ; способы, требованія и исполненія расчитываются начальствомъ заблаговременно.

Прослужа столько, сколько ни одинъ изъ васъ не прожилъ еще на бѣломъ свѣтѣ, конечно встрѣчалъ и я крайности, что и самая смерть была бы благодареніемъ! Но это бывало (да и то рѣдко), во время тяжкой, продолжительной войны; за то тамъ часто одна минута славы щедро платитъ за неудачи всей жизни нашей.

Посмотрите на похвальное постоянство друзей чести, вѣрно-служащихъ, добрыхъ солдатъ. Кто эти Монарху драгоцѣнные и отечеству милые герои, коихъ слава гремитъ во всемъ подлунномъ мірѣ? Это братья ваши, люди изъ одного съ вами состоянія, съ равными вамъ способностями, съ равными науками и просвѣщеніемъ; равно какъ и вы, отъ сохи и плуга, къ высокому назначенію воззванные и въ ряды защитниковъ святой вѣры вступившіе.

Какая же между вами разница? Не та ли, что они, презирая мірскія суетныя обольщенія, съ христіанскимъ вниманіемъ къ ученію Спасителя, съ дѣтскою покорностію къ законамъ государственнымъ, съ благочестивыми надеждами и съ твердымъ упованіемъ на Господа, готовы съ радостію пролить кровь, не только за вѣру, тронъ и отечество, но даже и за одно только село добрыхъ, трудолюбивыхъ нашихъ соотечественниковъ, если бы увидѣли его въ опасности; а вы, льстясь незаслуженною свободою, скрываетесь отъ взора всѣхъ честныхъ людей и постигаемые страхомъ, гнетомые недостаткомъ даже и въ дневной пицѣ, готовы это же самое село и Божій храмъ, въ немъ красующійся, сжечь безъ сожалѣнія, собственными святотатственными руками, чтобъ, въ суматохѣ несчастныхъ, невинно-страждущихъ собратьевъ, поживишься кускомъ хлѣба!

Разсмотрите эту разницу безпристрастно, оцѣните поведеніе преступныхъ дезертировъ, гнусныхъ бѣглецовъ; изслѣдуйте безобразные ихъ подвиги, и вы безъ сомнѣнія вмѣстѣ со мною скажете: „правда, подобные изверги недостойны жизни, и какъ рвутъ въ огородѣ дур-

ную траву, для свободнаго растенія травъ добрыхъ, такъ надлежитъ безъ пощады убивать подлыхъ людей, для безопасности честныхъ гражданъ!"

Отъ сотворенія міра и по днесь, всѣ имперіи и каждое царство, для защиты отечественной независимости, чтобъ сохранить вѣру святую и родную землю, чтобъ не дѣлиться съ сопостатомъ женой, сестрой и дочерью, призывали людей на службу; и закону этому, съ сердечнымъ умиленіемъ, покорялись люди всѣхъ состояній, отъ царя и до раба; видѣли горькое, видѣли сладкое, но исполняли священный долгъ свой безъ ропота. Что же мы за безчувственные истуканы? какія у насъ особыя права? и къ нашему-ли только сердцу исключительно не достигають призывный гласъ отечества? Вздоръ, ребята, это бредни!

Каждому свыше опредѣлено свое дѣло; мужики поють и землю пашутъ; у Цыганъ земли нѣтъ, такъ они поютъ и плачутъ; у насъ все есть!—мы должны пѣть и служить. Обратимся же къ добродѣтели, прибѣгнемъ съ чистосердечными молитвами къ Господу Богу, помолимся Ему о спасеніи нашемъ, и—примемся служить!—служить и... пѣть; непорочному сердцу трудъ весель; вспомните впрочемъ, что жизнь нашу не аршинномъ мѣрить; не успѣемъ зѣвнуть и... въ ящикъ; а грѣхи не пироги, ихъ желудокъ не варить, и нищій не приметъ; они тяжелы и громоздки; съ ними въ царство небесное не пролѣзешь; а Бога обмануть нельзя, ребята. Все, что я вамъ говорю и что вы думаете, Онъ слышитъ и видитъ, и... горе злодѣю, кто мыслить дурное!

Въ прощеніи прежнихъ грѣховъ, раскаявшемся и думать не стоитъ; милосердію Божьему и отеческому сердоболію Монарха нѣтъ предѣловъ! *Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!* молитва не длинна и не утомительна; но разбойникъ, изъ глубины души и отъ чистаго сердца оную произнесшій, удостоенъ вѣчныхъ благъ. По сему на этотъ разъ, честное имя, чистая совѣсть, усердіе и ревность къ службѣ, кротость и вѣжливость въ поведеніи, да будетъ первый и послѣдній спасительный урокъ мой.

Но если заморской врагъ православной вѣры задѣнетъ нашего батюшку Бѣлаго Царя за живое, если позовутъ насъ въ чистое поле на схватку съ босурманомъ; тогда ребята, будетъ рѣчь другая, прекатистая, развеселая, разлихая! Тогда мы станемъ пѣть и... бить!

Въ заключеніе присовокупляю, что примѣромъ строгости, какую я употреблю надъ первымъ бѣжавшимъ, или другое какое либо преступленіе учинившимъ негодяемъ, я стращать васъ не стану; буду молиться Богу и надѣяться, что звѣзда моя не померкла, и что горестная

необходимость къ ужасному и примѣрному наказанію, какое я съ прискорбіемъ обязанъ буду сдѣлать, останется душѣ и волѣ моей не знакома.

Оно такъ и будетъ непремѣнно, если вы будете слушать меня, по вѣрѣ Христовой,—какъ добраго брата; по обязанности путеводителя вашего,—какъ нѣжнаго отца; а по данной мнѣ Правительствомъ неограниченной надъ вами власти,—какъ строгаго начальника. По сему желательно, что бы въ первыхъ двухъ случаяхъ, вы имѣли ко мнѣ довѣренность и любовь, а въ послѣднемъ—держали бы ухо востро!!!

*

Изъ рѣдкой книги: „Сборникъ приказовъ, отданныхъ инспекторомъ резервной пѣхоты генералъ-лейтенантомъ Скобелевымъ по вѣреннымъ ему войскамъ, съ 1834 по 1836 годъ“ Нижний Новгородъ 1836. Май. 8-ка, 164 стр.

Собраны ли отдѣльные листки воззваній Скобелева, которыя печатались въ 1812 году въ походной типографіи у князя Кутузова? Ихъ слѣдуетъ сопоставить съ афишами графа Растопчина.

И. Н. Скобелевъ, сынъ Оренбургскаго однодворца, род. въ 1778 году † въ 1849 году, когда внуку его, Бѣлому Генералу, было шесть лѣтъ отъ роду. См. статью И. А. Кубасова въ „Р. Старинѣ“ 1900 г., № 2 и 3. П. Б.

Письмо Д. Д. Куруты къ графу Л. В. Васильчикову.

Милостивый государь Ларіонъ Васильевичъ!

Спѣшу симъ донести вашему высокопревосходительству о несчастномъ и печальномъ событіи: блаженные памяти Его Императорскаго Высочества Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича супруга Ея Свѣтлости Княгиня Ловичъ отъ продолжительной болѣзни скончалась въ Царскомъ Селѣ въ комнатахъ Стараго Дворца. При семъ докладываю, что похороны имѣютъ совершаться здѣсь въ Царскомъ Селѣ, и преданіе тѣла землѣ въ здѣшней католической церкви Рождества Св-го Іоанна Крестителя Господня, а въ какой день, еще неизвѣстно, ибо сіе будетъ зависѣть отъ окончанія нужныхъ къ тому приготовленій.

Имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочтеніемъ и совершенной преданностью, милостивый государь! Вашего высокопревосходительства вsepokopнѣйшій слуга. графъ Дмитрій Курута.

17 Ноября 1831 г. Царское Село. Его превосходительству г. генер.-адъют., ген.-отъ кавалеріи Л. В. Васильчикову.

Сообщилъ С. Палчулидзевъ.

ШУТОЧНАЯ ПЕРЕДЪЛКА

оды Ломоносова „Подражаніе Іову“.

О ты, что въ горести напрасной
На службу ропщешь офицеръ,
Шумишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалеръ!

Внимай, что царь тебѣ вѣщаетъ.
Онъ гласомъ сборы прерываетъ,
Рукою держитъ эспантонъ;
Смотри, каковъ въ щиблетахъ онъ.

Речеть: „Сбери всѣ силы нынѣ
И стой такъ храбро, какъ солдатъ.
Гдѣ былъ, какъ въ ѳунтеръ-офицерскомъ чинѣ
Завелъ въ Россіи вахтпарадъ,

Когда маршировать заставилъ,
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть свою?
Подай-ка тактику свою!

Гдѣ былъ, какъ свѣтъ переродился,
Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ
Моей обдѣланный рукою?
А ты не видѣлъ сихъ чудесь,

Когда солдаты всѣ одѣты,
Какъ бы бубновые валеты,
Тянули фронтъ передо мной;
А ты тогда вкушалъ покой!

Кто деревянными кремнями
Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять,
Къ спишѣ бѣлеными ремнями
Лопаты вздумалъ привязать?

Мундиры съ битью золотою
Не я ли сильною рукою
На плеча офицеръ надѣлъ
И въ праздникъ имъ носить велѣлъ?

Главы, обстриженны солдатски,
Ты могъ ли пуклями снабдить;
И ихъ, одѣвши подурачки,
Въ казармы кучами набить?

И вдругъ, ударивши тревогу,
Подобясь звѣрю, а не богу,
Отъ трусости какъ мышь дрожать
И вдругъ, въ солдаты написать.

Въ болотахъ глиняныхъ и грязныхъ
Когда и гдѣ ты увязалъ
И офицеровъ безобразныхъ
Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?

Не зря враговъ передъ собою,
Приготовлялся ли ты къ бою,
Никто на коемъ не погибъ,
И взялъ ли приступомъ ты бабъ?

Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капраловъ,
Кой не могутъ говорить,
Надѣлать кучу генераловъ
И имъ полки препоручить?

Ты могъ ли эспантономъ править
И подъ арестъ за то отправить,
За вздоръ изъ службы исключить
И навѣкъ въ крѣпость посадить?

Твоей ли хитростью Кутайсовъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ пугаетъ онъ какъ зайцевъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ.

Въ немъ виденъ точной бусурманъ.
Такой талантъ тобой ли данъ?
Но ясна ль въ томъ твоя щедрота,
Велѣлъ что головы рубить?

Пришла ль теперь тебѣ охота
Кадиломъ въ церкви покадить,
Священной ризою одѣту,
Въ себѣ представить шута свѣту,

Служа обѣдню за попа?
Неужли мысль сія глупа?
Ко удивленію всего свѣта,
Когда мундиры я кроилъ,

Зачѣмъ не подалъ ты совѣта,
Чтобъ я покрой перемѣнилъ?
Когда я выдумалъ щиблеты,
Ботфорты, косы и колеты,

Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ тебѣ иной я далъ?
Ума твоего предѣлы узки
Могли ли тайну ту понять,

Что Анна Греческа порусски
Святая значить благодать?
Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,

Знамена, флаги кораблей
Любезной имянемъ твоей?
Скажи ты мнѣ, въ странахъ Россійскихъ
Кто главной аукціонъ завелъ,

И кто хотѣлъ крестовъ Малтійскихъ,—
За деньги въ ономъ ихъ имѣлъ?
Съ Французомъ кто два года дрался,
Чтобъ островъ Мальта намъ достался,

На коемъ нѣтъ почти людей.
Дѣла то мудрости моей.
Возмогъ ли ты хотя однажды
Гоненье шляпамъ объявить,

Велѣть, чтобъ Россіянинъ каждой
Престалъ бы круглую носить?
Пучки и сапоги съ ушками
Указомъ истребя межъ нами,

Изгнать потомъ съ закономъ фракъ!
А всѣ кричать, что я дуракъ.
Сіе служивый, рассуждая,
Представь мою ты сильну власть

И, мерзостной мундиръ таская,
Имѣй свою въ терпѣнья часть.
Я все на вашу пользу строю,
Казню кого или покою;

Аресты, каторги сноси
И безъ роптанія служи!“

О всеподданѣйшихъ отчетахъ въ царствованіи Александра Николаевича.

Изъ Записокъ современника.

На прошлой недѣлѣ, въ Совѣтѣ Министровъ: (4 Апрѣля 1858) обсуживали новую форму губернаторскихъ отчетовъ, которые предположено на будущее время не представлять прямо Государю, какъ теперь, а предварительно подвергать разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта и уже съ его замѣчаніями подносить Государю. При этомъ сужденіи Великій Князь Константинъ Николаевичъ сказалъ, что не худо бы также и годовые отчеты министровъ отдавать на предварительный просмотръ Государственнаго Совѣта. Тогда двое, неизвѣстно кто именно, замѣтили вполголоса, что въ такомъ случаѣ министры сдѣлаются отвѣтственными. „Что же въ томъ худаго“? спросилъ Государь.— „Худо то, Ваше Величество“, отвѣчалъ одинъ изъ двоихъ, что отвѣтственность министровъ поведетъ къ конституціонному правленію“.— „Впрочемъ“, продолжалъ другой, „если Вашему Величеству угодно дать Россіи конституцію, то предлагаемая мѣра будетъ хороша, а въ противномъ случаѣ она не соотвѣтствуетъ нынѣ существующему порядку“. Государь замолчалъ *).

Между тѣмъ кривотолки и разногласица продолжались. Наконецъ засѣданіе окончилось тѣмъ, что Государь выразилъ свое мнѣніе почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я вообще недоволенъ отчетами и губернаторовъ, и министровъ. Покойный Государь мнѣ часто поручалъ разсматривать ихъ. Признаюсь, съ особеннымъ отвращеніемъ (по словамъ другихъ Государь сказалъ: „съ презрѣніемъ“) я всегда читалъ отчеты бывшаго министра Государственныхъ Имуществъ. Чтò это были за отчеты? Одна лесть и лесть, а самое дѣло все спутано, или о немъ даже и не говорится. Первый отчетъ, который уже по вступленіи моемъ на престолъ я прочелъ съ

*) Позднѣе, по поводу Московскихъ затѣй, въ рескриптѣ Сенату, Государь изволилъ выразиться, что все его царствованіе служить доказательствомъ, что онъ не врагъ законно-свободныхъ учрежденій. П. Б.

истиннымъ удовольствіемъ, былъ (тутъ у всѣхъ министровъ вздрогнули сердца подъ мундиромъ, и всѣ они съ трепетомъ ожидали, кого назоветъ Государь) былъ вашъ, Сергѣй Степановичъ, сказалъ Государь, обращаясь къ Ланскому. Вы высказали мнѣ правду, хотя и горькую, но полезную; я увидѣлъ все, что у насъ есть, въ натуральномъ его видѣ и еще благодарю, благодарю васъ. За то многіе изъ васъ, господа, представляютъ мнѣ такіе отчеты, что прочесть ихъ ни у кого не достанетъ ни терпѣнія, ни физической силы (у министровъ занялся духъ и сперло грудь отъ новаго ожиданія, кого назоветъ Государь). Вотъ, напримѣръ вы, Ник. Ник., продолжалъ Государь, обращаясь къ генераль-контролеру Анненкову, вы представили мнѣ отчетъ такой толщины (Государь приподнялъ руку отъ стола на полъ-аршина). Есть ли человѣческая возможность прочитать эту кипу въ два-три мѣсяца, читая даже каждый день? А при такомъ долгомъ чтеніи и при другихъ занятіяхъ вниманіе теряется. Кромѣ того, весь вашъ отчетъ наполненъ мелочами, которыя запутываютъ умъ и отвлекаютъ его отъ прямого дѣла. Онѣ можетъ быть и хороши и нужны для вашихъ соображеній, какъ контролера, или для разсужденій въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ; но мнѣ, какъ Государю, онѣ вовсе излишни. На будущее время, господа, я буду отчетъ каждаго изъ васъ отдавать на предварительный просмотръ пяти, четырехъ или трехъ членовъ Государственнаго Совѣта, которыхъ самъ изберу, т. е. три или четыре члена будутъ разсматривать одинъ отчетъ, а другіе четыре или пять членовъ другой отчетъ. Я не специалистъ, въ иныхъ отчетахъ, напримѣръ по вѣдомству путей сообщенія и другихъ техническихъ, многое я не понимаю и не могу обсудить. Избранныя мною лица должны будутъ сдѣлать свои замѣчанія на отчетѣ, который я имъ поручу, а потомъ я самъ прочту каждый отчетъ и соображу ихъ замѣчанія“.

Александрѣ Третьемѣ губернаторы посылали ежегодно отчеты непосредственно. Покойный князь С. В. Шаховской, въ Ревелѣ, довѣрялъ мнѣ нѣкоторые изъ нихъ для прочтенія; въ отмѣткахъ Государя простота и ясность здраваго смысла. И. Д. Деляновъ неоднократно представлялъ одного Еврея къ пожалованію баронскимъ достоинствомъ, и на отказъ замѣтилъ, что этотъ Еврей много жертвуетъ въ пользу просвѣщенія. „Да, сказалъ Государь, вѣдь это все деньги мошеннически взятыя съ народа“. Передавая мнѣ это И. Д. Деляновъ прибавилъ: „иной разъ отмѣтки Государя таковы, что ихъ никому не покажешь“. Феокистову министръ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ сказалъ про Александра Александровича: „il est très affable, mais sa plume est féroce“ т. е. съ нимъ легко говорить, но перо у него жестокое. П. Б.

Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“.

Послѣ манифеста о войнѣ съ Франціею и Англіею.

1854.

Богъ поможетъ Тебѣ отъ святой высоты,
Богъ заступитъ тебя отъ Сіона.
Государь, не Его ли помазанникъ ты,
Не Его ли блюститель закона?
Богу нашему, Богу и Сыну Его
Не твоя ли покорность безъ мѣры?
Не твоя ли надежда и вѣра въ Него,
Намъ спасительнымъ служить примѣромъ?
Насъ во брани Господь не оставитъ однихъ,
Съ нами будетъ Георгій сражаться,
И предъ стѣнами воиновъ вѣрныхъ твоихъ,
Будетъ Ангель святой ополчаться.
Съ нами Богъ! Съ нами сила Святого Креста!
Пусть готовятъ намъ грозныя битвы.
Вѣдь сильна благодать Иисуса Христа,
Хоть и немощны наши молитвы.

25 Апрѣля 1854.

*

Н. Н., бывшій бібліотекаръ Московской Духовной Академіи и потомъ Московской Семинаріи, слышалъ отъ духовника своего Троицкаго монаха, что архимандритъ Леонидъ Кавелинъ умеръ вслѣдствіе паденія съ лѣстницы, у которой монахи нарочно вынули двѣ ступени, опасаясь ночныхъ дозоровъ архимандрита. Добрый и горячій то былъ человѣкъ, и я любилъ его.

Теперешніе профессора Троицкой Академіи ненавидятъ память митрополита Филарета. Это напоминаетъ сказанное Пушкинымъ про хулителей Жуковского: зубки прорѣзались, кусаютъ груди кормилицы.

4 Іюля 1897 ѣхалъ я со станціи Осташково по Новоржевской дорогѣ до станціи Высокое съ сенаторомъ Дмитріемъ Борисовичемъ Беромъ, который ежемѣсячно ѣздитъ въ Петербургъ на Сенатскія засѣданія изъ своего имѣнія Починокъ Орловско-Витебской желѣзной дороги, иногда и на Москву, гдѣ у него сынъ хореографомъ Большого театра. Беръ глухъ, но бесѣда его очень занимательна, а образъ мыслей благороденъ. Онъ женатъ на Стунѣвой.

Были въ Петербургѣ двѣ красавицы Ивановы, Марья и Софья Петровны. На первой женился М. И. Глинка, но не долго съ ней прожилъ (она вышла за Васильчикова, а послѣ него за какого-то Кольчигина), и оба послѣдніе мужа обращались съ нею строго. Сестра ея Софья Иванова была такъ хороша, что Николай Павловичъ сказалъ однажды ея мужу Стунѣву (занимавшему значительную военную должность гдѣ-то въ Харьковской губ.): на твою жену глядѣть страшно.

Отецъ М. И. Глинка, нѣкогда управлявшій обширными имѣніями Энгельгардта (племянника князю Потемкину) былъ богатый человѣкъ и занимался откупами. Мать, тоже Глинка, была женщина добродѣтельная и умная. Она держала въ рукахъ многочисленное семейство. Родина М. И. Глинка, село Новоспасское, Ельнинскаго уѣзда, послѣ Французскаго разоренія, было приведено въ цвѣтущій видъ: паркъ, фонтаны, обширная усадьба. Когда М. И. Глинка умеръ, между его сестрами началась тяжба по поводу его духовнаго завѣщанія и розданныхъ имъ заемныхъ писемъ одной изъ сестеръ; письма эти по клеймамъ вексельной бумаги оказались написанными заднимъ числомъ. Село Новоспасское было продано Рязанскому мужику-лѣсоторговцу, который вырубилъ паркъ и уничтожилъ всѣ постройки, такъ что теперь тамъ ровное поле.

*

Лѣвый братъ Авдотьи Петровны Елагиной и Анны Петровны Зонтагъ Александръ Петровичъ Петерсонъ (человѣкъ умный и правдивый) рассказывалъ мнѣ, что Пушкинъ читалъ однажды въ пріятельскомъ кругу стихи свои, гдѣ было слово *усиліе*; изъ слушательницъ А. А. Воейкова, привыкшая къ шутливости (которымъ занимался и Жуковский) дала понять, что это слово непристойно и напоминаетъ о желудочномъ запорѣ. Пушкинъ обидѣлся и потомъ написалъ:

Не чисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И въ свѣтлый подвигъ вдохновенья
Все вносить лишь свое г

Петерсонъ же увѣряетъ, что злоязычіемъ отличался не одинъ А. Ѳ. Воейковъ, но и супруга его, и что Пушкинъ именно про нее написалъ:

Въ своемъ красномъ колпакѣ
Чертъ сидитъ на столчакѣ.
У него животъ болитъ:
Онъ Воейкову родитъ.

Извѣстные стихи Пушкина, по словамъ Петерсона, начинались у него такъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
И взглянувъ на небеса,
Вспомнилъ наши разговоры,
Ваши сѣрые глаза,

и относятся къ одной барынѣ, у которой были замѣчательно влажные сѣрые глаза и съ которой Пушкинъ велъ бесѣды о небѣ.

Изъ сестеръ Воейковыхъ отличалась ухарствомъ старшая Екатерина († въ Москвѣ въ 1844), въ другихъ отношеніяхъ премилая. По ея просьбѣ Петерсонъ водилъ ее въ кабакъ посмотрѣть что тамъ дѣлается, а въ Одессѣ, гдѣ она жила у А. П. Зонтагъ, въ арестантскія роты Драгутина.

Удивительное дѣло: люди, отмѣнно чистой нравственности, позволяютъ себѣ непристойности. Такъ В. А. Жуковскій иногда выражался до того неприлично, что Е. А. Карамзина выгоняла его изъ обѣденнаго стола. Графиня А. Д. Блудова, женщина, можно сказать, святая, въ послѣдніе дни жизни, не стѣснялась непристойными словами. Офелія у Шекспира передъ концемъ своимъ похабничала.

*

А. С. Хомяковъ, бывало, приводилъ примѣры полногласія Русскаго языка:

Чаша моря Салавецка
Пить за здравье маладца.
Непокрытая вада:
Тараканъ палакаль,
Муравей пализалъ,
Муха падала.

Это говорится про человѣка безъ твердой воли.

Про чиновника былого времени.

Непостижимый, необъяснимый,
Какъ гуттаперча растяжимый!
Чей умъ постичь бы это могъ?
Одинъ онъ всѣми управляетъ,
Одинъ все нищетъ, все рѣшаетъ,
Всесилень, вездѣсущъ какъ Богъ.
Искать въ законахъ смыслъ глубокой,
Искать въ поляхъ поправы слѣды,
Хотя и могъ бы чинъ высокій,
Ему жъ преградъ и мѣры нѣтъ.
Одинъ въ трехъ лицахъ засѣдаетъ,
Какъ образъ Троицы самой,
Онъ плоть одну сохраняетъ:
Судья, посредникъ, становой,
Онъ власть соединилъ съ смиреньемъ,
Ничтожество съ величьемъ слилъ,
И къ губернатору съ почтеньемъ,
И къ прочимъ сильнымъ подходилъ.
Но сколь умомъ ни превышаетъ,
Сколь онъ ни славенъ, ни великъ
А губернаторъ пожелаетъ,
И все величье исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности протекшій мигъ.

*

На дняхъ, въ засѣданіи Археологическаго общества въ домѣ Историческаго Музея (который называютъ памятникомъ Уваровской пыхи) Великій Князь Сергій Александровичъ говорилъ профессору И. В. Цвѣтаеву по поводу его путешествія въ Микены, что на знаменитыя раскопки и открытія Шлимана пошли Русскія деньги, что Шлиманъ началъ прикащикомъ въ Петербургѣ въ какомъ-то москательномъ магазинѣ, потомъ очутился поставщикомъ селитры въ наши войска и во время Крымской войны, ставя песокъ вмѣсто селитры, нажилъ милліоны и бѣжалъ за границу. Ему воспрещенъ былъ возвратъ въ Россію, гдѣ онъ кинулъ жену и дѣтей. Это не помѣшало Великому Князю навѣстить его домъ въ Греціи и осматривать его сокровища.

*

Въ нынѣшнемъ году, когда появилось въ „Русскомъ Архивѣ“ начало Записокъ Корберона, получена была мною отъ одного изъ благопріятелей нижеслѣдующая замѣтка:

„Съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія у васъ Корберона; очень интересно. Я вновь его перечиталъ и остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что человекъ легкомысленный и при томъ крайне враждебенъ Россіи и Русскимъ. Особенно интересно касающееся Наталіи Алексѣвны, тѣмъ болѣе въ связи съ письмами Фридриха II-го, который интересовался ея „натурализацией“ (Natalisation). Тѣмъ не менѣе, много неяснаго. Въ комнатѣ Гатчинскаго дворца, гдѣ я обыкновенно ночевалъ у Червина, виситъ и до нынѣ портретъ ея во весь ростъ, прекрасной кисти. Старый Гатчинскій комендантъ генералъ Багговутъ (весьма почтенный и любимый Александромъ III) передавалъ при мнѣ, какъ императоръ Николай I разсердился, увидавъ этотъ портретъ на почетномъ мѣстѣ и приказалъ его припрятать, рассказавъ, что эта женщина много сдѣлала зла отцу его. Неужели она могла задумать заговоръ? При дворѣ Павла было много Французовъ, какъ и во многихъ другихъ домахъ, а между тѣмъ ея мать „La landgrave“ была женщина выдающаяся, и будь она жива, многое бы пошло иначе.

Нерѣдко путаютъ графа Петра Борисовича и Николая Петровича Шереметевыхъ, а полковникъ князь Вяземскій у Корберона очевидно князь Андрей Ивановичъ, тогда увлеченный графинею Сиверсъ, будущей княгиней Путятиной (отъ котораго она также имѣла дочь). Она большая пріятельница матери Семена Великаго, рожденной Ушаковой, отецъ которой нѣкогда завѣдывалъ дворцомъ Екатерины Первой въ Люберцахъ. Кто займется Ушаковыми и перепискою Сакена, тотъ нападетъ на слѣдъ Семена Великаго... А какія дѣла дѣлаются? Я эту фразу повторилъ при Побѣдоносцевѣ, а тотъ въ отвѣтъ: „Луна дѣлается въ Гамбургѣ и прескверно дѣлается“...

*

Отъ князя С. М. Воронцова про его дѣда.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, престарѣлый графъ Семенъ Романовичъ, страдая безсонницей и проводя ночи за книгами, пошелъ въ нижній этажъ доставать себѣ новаго чтенія изъ своей спальни и былъ найденъ на лѣстницѣ въ безчувствіи: на ступеняхъ разбросаны были книги, свѣча, платокъ,

табакерка. Тѣмъ не менѣе онъ оправился. Въ Генваря 1832 г. пріѣхалъ къ нему изъ Россіи сынъ съ семействомъ. Онъ былъ ясенъ до конца. Передъ самою смертью простился съ каждымъ изъ семьи своей и домочадцевъ особо, и за часъ велѣлъ позвать Я. И. Смирнова и попросилъ его читать отходныя молитвы. Тотъ читалъ и плакалъ и когда кончилъ чтеніе, посмотрѣлъ на своего друга и нашель его бездыханнымъ.

*

О предпоследнемъ царствованіи.

Первые годы въ Петербургѣ.

У царя у нашего
Вѣрныхъ слугъ довольно:
Вотъ хоть у Тимашева
Высѣкутъ пребольно;
Влѣпятъ въ наказаніе
Такъ ударовъ со сто,
Будешь помнить зданіе
У Цѣпнаго моста.

Москва замѣчаетъ.

У царя у нашего все такъ политично,
Что и безъ Тимашева высѣкутъ отлично.
И къ чему тутъ зданіе у Цѣпнаго моста?
Выдетъ приказаніе, отдеруть и просто.

П. Н. Рыбникову (который нѣкогда подвергся высылкѣ изъ Москвы за вольнодумство, а въ послѣдствіи обогатилъ нашу словесность своимъ сборникомъ старинныхъ народныхъ пѣсень) поручено было, въ семидесятыхъ годахъ, читать лекціи о производствѣ слѣдствій у того же Цѣпнаго моста, въ страшномъ Третьемъ Отдѣленіи: такъ измѣнилось внутреннее у насъ управленіе.

Подъ исходъ царствованія.

Чертъ, схватясь за брюхо, помиралъ со смѣху:
Въ Третьемъ Отдѣленѣ изучаютъ право!
Этакъ, право, братцы, намъ за богословье
Надо приниматься.

*

Про главнаго контролера.

Еслибъ хитростію адской
Надѣленъ былъ Вышнеградской,
Не украсть ему, ей—ей,
Ни динарѣя у царей;

Кустодію держить убо
У сокровищницы сей
Мужъ премудрости сугубой,
Нѣкій книжникъ-фарисей:
Какъ Деляновъ благонравенъ.
По великому жъ уму
Онъ едвакъ не будетъ равенъ
Гюббенету самому.

*

Митрополитъ Филаретъ о роскоши.

Какъ много у многихъ поглощаетъ вниманія, какъ много похищаетъ времени, какъ много средствъ истощаетъ усиленная страсть къ блеску и пріятностямъ въ наружной жизни, въ жилищѣ, одеждѣ, въ пищѣ, въ питіи, въ увеселеніяхъ! Сіи многіе думаютъ или говорятъ: „какая въ томъ бѣда, что мы ищемъ своего удовольствія?“ Жалкое для дѣятельности разумнаго и нравственнаго существа оправданіе, что отъ нея нѣтъ бѣды! Не заключается ли въ семъ оправданіи обвиненія, что въ сей дѣятельности нѣтъ добра, нѣтъ пользы, нѣтъ достоинства?

Но если для исправленія вашей дѣятельности непременно надо указать на розгу грозящей бѣды: то посмотрите, какъ, по мѣрѣ разлива роскоши, уменьшается довольство и до чрезмѣрности увеличиваются на днѣ общества осады нечистой и тунеядной нищеты; какъ пристрастіе къ блеску, переходя отъ богатыхъ къ небогатымъ, производитъ неразборчивость въ средствахъ удовлетворять оному и повреждаетъ нравственность частную и общественную, а съ нею и порядокъ, и безопасность; какъ привычка утѣшаться благовидностями наружной жизни прокрадывается въ жизнь духовную и повреждаетъ нравственное чувство: сдѣлавшаго доброе дѣло оставляетъ недовольнымъ, доколѣ оно не напечатано и не провозглашено; оказавшему услугу не даетъ успокоиться въ сознаніи заслуги, но мучить его жаждою отличія внѣшняго.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ БОЯРИНУ Б. П. ШЕРЕМЕТЕВУ.

Лѣта 7204 г. (1696) Февраля въ 17 день, Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, велѣлъ ближнему стольнику Ивану Ивановичу Колычову ѣхать съ Москвы къ боярину и воеводѣ къ Борису Петровичу Шереметеву для своего государева дѣла. А нынѣ онъ бояринъ и воевода изъ Бѣлагограда ѣдетъ къ Москвѣ.

И стольнику Ивану Колычову ѣхать по Калужской дорогѣ, гдѣ встрѣтитъ его боярина и воеводу безъ мотчанія. А какъ его боярина и воеводу съѣдетъ, и ему послать къ нему боярину и воеводѣ, кого пригожь, и велѣтъ сказать, чтобъ онъ бояринъ и воевода на стану, гдѣ пристойно, обождалъ ево. А гдѣ онъ бояринъ и воевода ожидать ево станеть, и ему, пріѣхавъ къ нему говорить:

„Бояринъ и воевода Борисъ Петровичъ! Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожаловалъ тебя боярина и воеводу Бориса Петровича за твою службу и за взятые Турецкіе Казыкермень и иные на Днѣпрѣ стоящіе города и за взятыхъ же непріятельскихъ людей Казыкерменского бея и иныхъ ихъ урядниковъ и знатныхъ и рядовыхъ Турскихъ и Крымскихъ многихъ людей и за береженье Украинныхъ и Малороссійскихъ городовъ отъ приходовъ непріятельскихъ людей и за усердное твое въ воинскомъ дѣлѣ радѣніе, велѣлъ тебя о здоровьѣ спросить, и службу твою жалуетъ онъ, Великій Государь, милостиво и паки милостиво похваляетъ. И ты бѣ бояринъ и воевода, видя къ себѣ его великаго государя милость, ему Великому Государю служилъ по тому жъ со всякимъ усердіемъ и желательнымъ тцаніемъ и за службу свою ожидалъ къ себѣ его Великаго Государя милости“.

А учиня Ивану по сему наказу, ѣхать къ Москвѣ, а пріѣхавъ про пріѣздъ свой объявить въ Розрядѣ боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу съ товарищи.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Столбецъ Бѣлгородскаго стола, Разряднаго приказа № 1422, склейки 187—190, 1696 года.

ЧЕЛОБИТЬЕ ПЕРСІЯНИНА ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Великому Государю, Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой солдатскаго строю порутчикъ Персицкой земли новокрещеной иноземець Ивашка Ларіоновъ сынъ Касимовъ.

Въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ выѣхаль я изъ Персицкой земли на ваше имя охотою своею. И въ прошломъ во 184 г., при братѣ твоємъ Великомъ Государѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ крестился я въ восточную православную христіанскую вѣру, и былъ я на вашихъ службахъ подъ Кіевомъ въ полку боярина и воеводы Михаила Алегуковича Черкасского. И пріѣхавъ съ той службы, по вашему указу и по разбору боярина Ивана Михайловича Милославскаго выбранъ я изъ дворянъ въ начальныя люди въ прапорщики и былъ въ обоихъ Крымскихъ походахъ и въ обоихъ Троицкихъ походахъ и пожалованъ чиномъ въ порутчики. Да я, холопъ твой, былъ во 199 г. въ Бѣлгородѣ въ полку *боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева съ товарищи*; да я по наряду въ 200 г. былъ посланъ изъ Бѣлгорода на Самару въ Добренской полкъ, а изъ Самары посыланъ по перемѣнѣ своей братья въ Богородицкой, а въ Ново-Сергіевскомъ съ солдаты съ 50 человекъ отъ непріятелей въ осадѣ сидѣли и всякую нужду и бѣдность терпѣли, и кое было платьишко, и то испродалъ я самую дешевою цѣною и послѣ того былъ на службѣхъ жъ на Самарѣ.

И въ нынѣшнемъ 204 году былъ я въ Добренскомъ и подъ Казыкерменемъ въ полку съ бояриномъ *и воеводою съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ съ товарищи* и въ то число съ твоими государскими людьми туры мы ставили и шанцы копали и пушки ставили и по двѣ ночи къ Казыкерменю приступали, и какъ былъ первой приступъ, и въ то число у насъ съ непріятельскими людьми бой былъ, а послѣ того бою я *толмачемъ* былъ. И какъ Божією милостию и твоею Великаго Государя державою и счастиемъ, какъ взяты Казыкермень, и я оставленъ на службѣхъ въ Тавани съ полковникомъ Андреемъ Елизарьевичемъ Ролонтомъ. И въ нынѣшнемъ же 204 году Декабря въ 22 день, посланъ я изъ города Таванскаго наскоро съ отписки въ Бѣлгородъ къ боярину и воеводѣ къ Борису Петровичу Шереметеву. И какъ я пріѣдучи изъ Таванска въ Бѣлгородъ, билъ

челомъ тебѣ Государю, а боярину Борису Петровичу Шереметеву подалъ челобитную, чтобъ онъ Бояринъ Борисъ Петровичъ за мои многія службы изволилъ меня изъ Бѣлагограда отпустить къ Москвѣ на время для ради домишку и женишки и дѣлишекъ моихъ и для ради разоренія и нужды моей. И на той моей челобитной по его боярскому приказу помѣчено: „204 году Декабря въ 11 день, какъ дѣти мѣнянца, отпустить съ срокомъ“.

И послѣ того въ нынѣшнемъ году Генваря въ 15 день онъ бояринъ Борисъ Петровичъ для вѣстей съ Сѣчи послалъ изъ Бѣлагограда до Новобогородицкаго города Самары. А изъ Сѣчи до Самары нанялъ я подводу съ телѣгою и съ хомутомъ и далъ своихъ денегъ полтретя рубля, потому что съ Сѣчи до Самары по подорожной подводу мнѣ не дано. И въ Новобогородицкомъ сидѣлъ я и дожидался съ Сѣчи вѣстей и поѣхалъ отсюда съ вѣстями и отписками въ Бѣлгородъ. И дорогою гнались за мною Татары близъ городовъ Старой и Новой Санжары не доѣхавъ съ версту, я отъ Татаръ съ коньми и съ отпискою бросился въ рѣку Орсу. И изъ того города Старой Санжары видѣли меня, что я отъ Татаръ наскоро бѣгу, стрѣляли по нихъ Татаръ изъ пушекъ и отъ Татаръ меня отбили и въ городъ меня казаки взяли, и сидѣлъ я въ осадѣ 2 дня.

И изъ того Санжара пріѣхалъ съ тѣми отписками въ Бѣлгородъ, и онъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ въ Бѣлгородской приказной палатѣ о мнѣ холопѣ твоемъ *своимъ словомъ милоствоваъ*, что за мои многія службишки и для разоренія моего *быть мнѣ солдатскаго строю капитаномъ*. А какъ я выѣхалъ на службу, и въ домишкѣ своемъ не живалъ ни единого года. А твое Великаго Государя жалованье на нынѣшній 204 годъ дано безъ меня женишкѣ моей 13 рублевъ, а достальное мнѣ не додано. Милосердый Государь! вели достальное жалованье на 204 годъ безволочитно добавить, чтобъ мнѣ съ женишкою своею и съ дѣтишками своими голодною смертію не умереть и межъ дворъ не скитаться. Царь, Государь смилуйся, пожалуй!

И въ Розрядѣ выписано: въ прошломъ 200 году (1692) Генваря въ 9 числѣ Бѣлгородскаго полку солдатскаго строю *поручика Ивана Касимова привелъ* въ Разрядъ изъ Иноземскаго приказа подьячей Ѳедоръ Шарповъ, а сказалъ, что прислалъ его съ нимъ изъ Иноземскаго приказа бояринъ князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ, для того, что во 199 г. изъ Иноземскаго приказа отосланъ онъ Иванъ для службы въ Разрядъ. И Геневаря въ 22 числѣ за тоѣ его Иванову вину, что онъ Иванъ съ *Бѣлогорода пріѣхалъ къ Москвѣ безъ отпуску и безъ отписки* боярина и воеводы, учинено ему Ивану въ Разрядѣ наказанье,

бить батоги и собрана по немъ поручная запись, что ему Ивану стать въ Бѣлгородѣ на указный срокъ Февраля въ 1 числѣ 200-го жъ году.

А въ смотрѣнномъ списку Казыкерменского походу боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева съ товарищи прошлаго 203 года онъ Иванъ написанъ съ тѣми, которые въ томъ походѣ были съ приѣзду до отпуску. Да въ томъ же смотрѣнномъ списку написано: Августа во 2 числѣ того 203 года по указу Великаго Государя и по разсмотрѣнью боярина и воеводы Бориса Петровича съ товарищи во взятъ Турецкомъ Тавани городкѣ оставленъ солдатского строю полковникъ Андрей Елизарьевъ Ролонтъ, а съ нимъ начальныхъ людей 11 человекъ, и въ томъ числѣ порутчикъ Иванъ Касимовъ, Великихъ Государей жалованья ему дано на 3 мѣсяца 24 рубля. А въ нынѣшнемъ 204 году годового жалованья на 204 годъ порутчику Ивану Касимову положено на дачу 3 доли денегъ 25 рублей 32 алтына 4 деньги и велѣно дати изъ остаточной казны отъ Казыкерменскаго походу 203 года изъ присланныхъ съ Москвы чеховъ. И изъ того заслуженнаго жалованья по челобитью жены его Дарьи дано ей 12 рублей 32 алтына. А достальныя 3 рубля 2 деньга на дачу ему Ивану послать въ Бѣлгородъ.

Моск. Архивъ Министра Юстиціи, столбецъ Бѣлгородскаго стола. Разряда № 1423, склейки 937—944.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ДАНЦИГСКОЙ КИРКѢ.

Въ 1716 г., Петръ Великій прибылъ въ воскресный день въ Данцигъ, какъ разъ въ тотъ часъ, когда тамъ запирали городскіе ворота. Остановившись на постояломъ дворѣ, царь былъ удивленъ, не встрѣтивъ въ проѣздѣ черезъ городъ ни одного человека вплоть до своей квартиры. Едва успѣвъ сойти съ экипажа, онъ освѣдомился у хозяина о причинѣ полного отсутствія людей на улицахъ такого населеннаго города. Хозяинъ объяснилъ, что во время общественнаго богослуженія весь народъ ихъ собирается въ церкви для слушанія проповѣди, поэтому въ этотъ часъ и запираются городскіе ворота. Государь пожелалъ воспользоваться случаемъ, чтобъ познакомиться съ воскресной службой и попросилъ хозяина проводить его до церкви. На богослуженіи присутствовалъ управлявшій городомъ бургомистръ, повидимому, уже освѣдомленный о прибытіи Его Величества городскимъ карауломъ. Государь вошелъ въ церковь уже при началѣ проповѣди. Увидѣвъ его, бургомистръ поднялся ему навстрѣчу и провелъ къ находившемуся на небольшомъ возвышеніи бургомістрскому стулу. Царь, безшумно оцу-

стившись на свое мѣсто, посадилъ бургомистра рядомъ съ собою и началъ съ большимъ вниманіемъ прислушиваться къ проповѣди. Многочисленная публика, любопытствуя посмотрѣть на Русскаго Царя, устремила на него свои взоры, совершенно позабывъ о проповѣдникѣ. Послѣднее обстоятельство нисколько не отвлекло вниманія Государя, не отрывавшаго глазъ отъ проповѣдника. Почувствовавъ по прошествіи нѣкотораго времени, что его непокрытая голова начинаетъ зябнуть, Петръ, не говоря ни слова, стащилъ длинный праздничный парикъ съ головы бургомистра и, надѣвъ его на себя, просидѣлъ такимъ образомъ до конца проповѣди. По кончаніи службы, онъ снялъ съ себя это волосяное покрывало, возвратилъ бургомистру и слегка кивнулъ ему головой въ знакъ признательности. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе на народъ произвелъ этотъ диковинный для жителей Данцига, столь простой и заурядный въ глазахъ Русскаго Монарха случай!

Когда, по окончаніи богослуженія, министръ города послалъ къ Государю депутатовъ, чтобъ выразить ему привѣтствіе горожанъ и пожелать счастливаго пути, Русскій дворянинъ изъ свиты Его Величества передалъ имъ, что Монарху очень понравилось богослуженіе, пояснивъ при этомъ, что случай съ парикомъ не представляетъ собою рѣшительно ничего новаго и необычнаго, такъ какъ Царь, сплошь и рядомъ, почувствовавъ при богослуженіи, что головѣ его дѣлается холодно, снимаетъ парикъ съ князя Меншикова или другого какого либо близъ него находящаго лица и надѣваетъ таковой на себя.

Это рассказывали Данцигскіе депутаты Вааль и Зегеръ, отправленные въ 1735 году, по взятіи этого города фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ къ Императорскому двору въ Петербургъ, чтобъ публично испросить прощеніе и помилованіе императрицы Анны Іоанновны за оказанное, вопреки желанію Государыни, сопротивленіе при удовлетвореніи требованій короля Станислава Лещинскаго. Записано Штелинымъ по преданію.

ПО П Р А В К И.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1910 г., въ 8-й книжкѣ, стр. 586, въ примѣчаніи, вмѣсто наша мачеха надо: *наши бабушка*.

На стр. 589, строка 24, вмѣсто *schelnt* надо: *scheint*; въ строкѣ 25 вмѣсто *Toten* надо: *Todten*.

Дѣятельность графа С. С. Ланскаго въ проведеніи крестьянской реформы (Къ юбилею крестьянской реформы). М. 8°. 4 стр.

Сочиненіе С. Фарфоровскаго, въ которомъ неумѣренно расхваленъ графъ С. С. Ланской, тогда какъ назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ люди настоящаго труда и дѣла почитали бѣдствіемъ для Россіи.

Извѣстія Калужской Ученой Архивной Коммиссіи. Выпускъ XXI. Изданъ подъ редакціей В. И. Асонова. Калуга. 1911 г. 8° 84, 25 и 32 стр.

Тутъ любопытны статьи А. В. Средина «Пушкинъ и Полотнянный Заводъ» и В. И. Асонова о статуѣ Екатерины II и о богатствѣ Гончаровыхъ, а въ приложеніи записки С. И. Яновскаго объ его путешествіи изъ Америки въ Петербургъ 1821 и 22 годовъ.

Труды Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи. Книга XI, съ 4 рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ 3 портретовъ и 36 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Владимиръ. 1909 г. Больш. 8°.

Ни одна изъ нашихъ Ученыхъ Коммиссій не издаетъ такъ роскошно трудовъ своихъ, какъ Владимирская. Портреты и рисунки заглядѣнье. Въ этой книгѣ для насъ любопытны сдѣланныя И. Ф. Масановымъ подробныя описанія юмористическихъ журналовъ «Весельчака» и «Искры», къ которымъ приложены рисунки Н. А. Степанова. Это наглядная исторія тогдашней внутренней жизни Русской. Нельзя достаточно поблагодарить господина М. И. Смирнова, который далъ богатяя средства на изданіе этихъ драгоценностей. Въ XII книгѣ тѣхъ же Трудовъ, кромѣ любопытныхъ статей и матеріаловъ, помѣщено продолженіе работы И. Ф. Масанова объ «Искрѣ» съ рисунками, и описаніе рѣдкой газеты «Молва».

Труды Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 28-й. 1911 г. Саратовъ. 1911 г. 8°. 37, 74, 62 и 12 стр. Съ видами Соборной церкви города Саратова, съ любопытною сказкою (т. е. по нынѣшнему, формуляромъ) А. Т. Шахматова и о дворянахъ Шахматовыхъ, у которыхъ хранится достопримѣчательный крестъ съ мошами (три его рисунка).

Отечественная Библиотека № 13. 19 Февраля 1861 года. Каталогъ юбилейныхъ изданій Всероссийскаго національнаго клуба, посвященныхъ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Спб. 1911 г. 8°. 35 стр. Съ изображеніемъ Александра Николаевича, окруженнаго простолудинами, изъ которыхъ одинъ держитъ подобающее знамя свободы. Приложенъ листокъ съ рисункомъ какого-то загадочнаго содержанія, изображенъ Государь, молящійся на гробницѣ своего родителя, ѣдущій въ саняхъ, въ своемъ кабинетѣ, съ супругою, въ семействѣ и на охотѣ.

Составители и издатели этой небольшой тетрадки очевидно одушевились искреннею любовію къ покойному Государю, который въ дальнѣйшее свое царствованіе не оправдалъ ея. Безпристрастная исторія уже начинаетъ произносить о немъ судъ иной.

Золотой Осель. Нравописательный Латинскій романъ Пѣвка по Р. Х. Сочиненіе Апулея. Переводъ Е. И. Кострова. М. 1911 г. Мал. 8°. стр. 412.

Эта книга издана въ первый разъ въ 1786 г. знаменитымъ Н. Н. Новиковымъ, перепечатана въ 1877 г. И. И. Ханенкомъ съ превосходнымъ его предисловіемъ, которое вошло и въ нынѣшнее третье изданіе. Книга важна для исторіи Русскаго слога, давая собою образцы выразительной и своеобразно-изящной прозы. Изображенъ наглядно бытъ классическаго міра во дни его отживанія, и читатель убѣждается въ необходимости христіанства.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“. Въ Петербургѣ (Невскій, 40) на Вознесенскомъ пр., д. 36. (На Васильевскомъ островѣ) Большой пр., д. 69.А въ Парижѣ (Бульваръ Св. Магдалины).

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» распроданы, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ, и пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

Полный 1884 годъ продается по три рубля.

Годы: 1889, 1890, 1894, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 по 7 рублей за каждый годъ.

Годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

11.

Стр.

321. Изъ Записокъ сенатора **Н. Н. Лебедева**. 1869 годъ (окончаніе).
355. О царѣ Горохѣ. Приложение къ Запискамъ **Н. Н. Лебедева**. Подарокъ ученымъ на М. Д. ССС. XXXIV годъ.
365. Омпъч на коронаціи 1856 года въ Москвѣ. Сообщилъ **Иванъ Гавриловичъ Кузнецовъ**.
366. Изъ портфеля стараго журналиста, письма къ **Ф. А. Кони**: **Д. Т. Ленскаго**, **Б. И. Ордынскаго**, графини **Е. П. Ростопчиной**, **Е. П. Грабенин**, **К. Масальскаго**, барона **Е. Розена**, **Я. М. Невѣрова**, художника **Н. А. Степанова** и **А. Тьера**.
385. Замѣтки ветерана 1812 года о «Войнѣ и Мирѣ» графа **Л. Н. Толстого**. Писаны въ 1876 году **П. С. Дѣменковымъ**.
467. По поводу памятниковъ изъ отбитыхъ въ 1812 году орудій.
470. Письмо **М. Д. Сиобелева** къ одному изъ Московскихъ купцовъ о торговыхъ сношеніяхъ съ Среднею Азіею. Приложенъ его своеобразный чертежъ.
472. Подгорницкая бѣль (изъ дѣлъ Перемышльской Воеводской Канцеляріи). **В. Кашарова**.
- Внутри обертки: О новой книгѣ «Старины и Новизны», о профессорѣ **Шевыревѣ** и др.

Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1912 г.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

Старина и Новизна. Книга 14-ая. М. 1911. Больш. 8°. 571 стр.

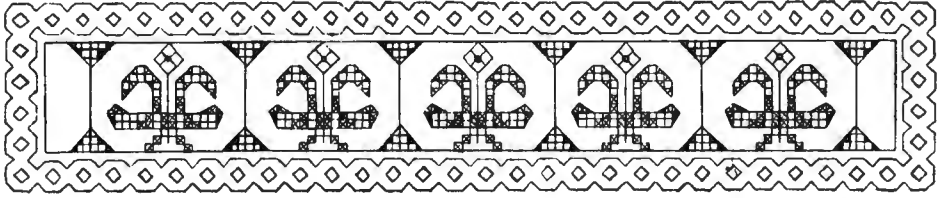
Въ этой книгѣ «Старина» преобладаетъ надъ «Новизною». Первой отдано много. Во второй помѣщены сравнительно незначительныя бумаги. Она начинается перепискою графа Орлова-Чесменскаго съ Василиемъ Владимировичемъ Шереметевымъ, который былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Семеновнѣ Львовой, тогда какъ ея сестра Марья Семеновна Бахметева (имѣвшая сына) жила у графа Алексѣя Григорьевича въ царствованіе Павла, въ Лейпцигѣ и Карлсбадѣ. Въ письмахъ много говорится о какомъ-то Русскомъ живописцѣ и этотъ живописецъ, никто иной, какъ герой Чесменскій, могучій «Александръ», покорный исполнитель причудъ любимой женщины. — Сухость автобіографіи А. И. Варженевскаго смягчается тѣмъ, что онъ рассказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу. Свообразны письмо князя Кутузова къ графинѣ Гудовичъ, и Герцена къ нѣкоей А. П. Туманской. Кутузовъ говаривалъ, что Фортуна женщина; Наполеонъ обходился съ нею по солдатски, тогда какъ онъ вѣрно ей служилъ. Это не мѣшало Кутузову быть нѣжнымъ семьяниномъ: для дочерей своихъ и потомства ихъ онъ получилъ вѣчную стотысячную пенсію. — Соль книги въ письмахъ князя П. А. Вяземскаго къ Языкову и А. И. Тургеневу.

Первыя 184 страницы книги заняты очень любопытными бумагами князей Куракиныхъ.

Неутомимый издатель «Архива кн. О. А. Куракина» В. Н. Смольяниновъ (положившій въ это изданіе столько труда, что съ нимъ не можетъ сравниться наша 25-ти лѣтняя работа надъ «Архивомъ Князя Воронцова»), помѣстилъ въ постыющую книгу цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ Куракинскихъ бумагъ. Тутъ любопытно приказаніе Петра Великаго потребовать отъ Голандскихъ

Штатовъ отзыва ихъ резидента де-Бія, который, ужасаясь кровопійства нашего государя въ дѣлѣ царевича Алексѣя, былъ увѣренъ, что Петра свергнуть съ престола, тогда какъ Екатерина уже хлопотала о томъ, чтобы 10 лѣтняя дочь ея Анна выдана была за герцога Голштинскаго, дабы ей Екатеринѣ, на всякій случай, «упрятище получить». Переводъ писемъ де-Бія напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» въ 7-ой книжкѣ 1907 года; но тутъ его отвѣты на допросы, и читатель остается въ убѣжденіи, что въ письмахъ и опасеніяхъ де-Бія была доля правды. Личныя бумаги князя Бориса Ивановича Куракина отмѣнно любопытны. Тутъ, въ домашнихъ распоряженіяхъ своихъ, въ наставленіяхъ сыну, уѣзжавшему изъ Парижа къ своему двоюродному брату Петру Второму, онъ пишетъ просто, безъ вычуръ, которыми затруднено чтеніе его служебныхъ бумагъ. Вообще же князь Борисъ Ивановичъ является въ нашей исторіи достопамятнѣйшимъ дѣятелемъ. Его можно сравнить развѣ съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, но того втянула въ себя Англійская жизнь, тогда какъ князь Куракинъ оставался до конца себѣ-наумѣлымъ Русскимъ человѣкомъ.

Интересны матеріалы о смутномъ времени, собранные проф. Александренкою въ чужихъ краяхъ, и любопытно показаніе, что «Разстрига, направившись прямо къ Константину Острожскому (понятно), намѣревался жениться на его дочери, которая впоследствии скрывала его пребываніе у сектантовъ-Аріанъ. Все это гораздо ранѣе появленія Іезуитовъ, которые, испугавшись возможности брака съ дочерью князя Острожскаго, поспѣшно подставили Марину, и ей поручили склонить его къ Римскому католицизму. Это прямо указано и напечатано въ письмахъ Антонія Поссевина. Кромѣ того является совершенно новая личность, «Москвитинъ Твердохлѣбъ», одинъ изъ при-

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1869-й годъ *).

(Окончаніе).

Какъ жалокъ бѣдный Лажечниковъ! Онъ думаетъ скоро умереть и при мысли о семьѣ (у него жена и трое малютокъ) онъ совершенно теряется: просить, то единовременнаго пособія, то прибавки пенсіи, то оставленія пенсіи за семействомъ, то пожалованія имѣнія въ западныхъ губерніяхъ, то небольшую сумму изъ Моршанскихъ-плотицннскихъ милліоновъ. Просто жалокъ! По ходатайству Алмазова Общество любителей словесности и по ходатайству Ливанова („Раскольники и острожники“) артистическій кружокъ въ Москвѣ празднуютъ 50 лѣтіе его служенія искусству и литературѣ. Я писалъ Погодину и Аксакову, прося ихъ вмѣсто всякихъ расходовъ по этому случаю, открыть подписку на составленіе преміи въ пользу Ивана Лажечникова, малолѣтняго сына Ив. Ив., и записать на ихъ листахъ „отъ признательнаго гимназиста“ по 100 р. Я помню Ив. Ив. съ 1823 г., когда онъ былъ директоромъ Пенз. гимназіи. Онъ былъ расположенъ къ моей матери, и она была ему признательна. Старшаго брата онъ взялъ съ собою въ Казань. Меня онъ помнитъ по моимъ теперешнимъ рассказамъ. Я за особенное удовольствіе считалъ и считаю быть ему полезнымъ и постараюсь что нибудь сдѣлать для него чрезъ гр. Толстаго и гр. С. Г. Строгонова, крестнаго отца его Вани. Просили К. П. Побѣдоносцева похлопотать за него въ своей сферѣ и написать, къ Погодину и Аксакову. Обѣщался. Онъ близко зналъ Лажечникова, тоже съ дѣтства.

Молодой графъ Леонидъ Комаровскій прислалъ мнѣ свое кандидатское разсужденіе „Очерки Рима въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи“. Мнѣ очень понравился этотъ молодой человекъ, преданный добросовѣстно своимъ университетскимъ занятіямъ (это такъ рѣдко нынче) и воспитанный родительскою заботливостію нравственно и

*) См. выше стр. 191.

религіозно. Онъ пользовался моими совѣтами и моей бібліотекой. Цѣль его, со временемъ, занять каведру по юридическому факультету, послѣ усовершенствованія себя въ наукѣ въ Берлинѣ или Боннѣ. При деликатномъ здоровьѣ мнѣ казался онъ и деликатнаго ума. Это умъ сборный, прибрѣтенный, несамостоятельный. Такое впечатлѣніе оставилъ онъ во мнѣ съ 1863 г. Можетъ быть, онъ разовьется (ему 24 года) и укрѣпится. Можетъ быть дастся ему и наука. Онъ стоитъ строго за безкорыстную преданность и нравственную чистоту. Очерки написаны, кажется, по взятой у меня книгѣ Беккера (и Марквардта) съ прибавленіями и указаніями на тексты. Самостоятельнаго тутъ ничего нѣтъ.

Дождь наградъ, 2 Апрѣля, по обыкновенію чиновъ и орденовъ несмѣтное число, и все это такъ щедро, до расточительности, что никто, думаю, не прилагаетъ никакой важности и только ропщутъ на вычеты. Все это распушенность, разнузданность и расточительность.

Государь не христосовался.

Въ „Петербургской Газетѣ“ въ № отъ 17 Апрѣля повторена статья „Вѣсти“ противъ Милютина, и военная организація представлена революціонною, ослабляющею могущество государства, а мысль объ округахъ заимствована у Пестеля, главнаго заговорщика 14 Декабря. И серьезные люди порицаютъ Милютина за то, что положеніе о производствѣ въ офицеры, выработанное въ виду крайняго недостатка въ офицерахъ, не было имъ внесено въ Государственный Совѣтъ. Что касается учрежденія округовъ, то оно взято съ Французскаго.

Увольненіе Мельникова одобряется всѣми. Злоупотребленія вѣдомства путей сообщенія достигли огромныхъ размѣровъ и сдѣлались промышленностію нашихъ магнатовъ.

„Москва“ Аксакова запрещена окончательно. Два голоса въ Госуд. Совѣтѣ, Титова и Княжевича, потонули. Я и прежде находилъ, что тутъ нѣтъ мѣста разногласію. Министръ имѣетъ за себя формальное право. Оно юридически не оправдывается, но оно есть.

Кассачія наша все болѣе и болѣе сводится на школьничество. Сегодня мы собирались, чтобы условиться кому и куда бѣжать. Зубовъ просится на шесть мѣсяцевъ, Буцковскій на четыре, Стояновскій на три. Мы хотимъ удалиться отъ опасности и оставить ее расти безъ насъ, надѣясь, что авось безъ насъ-то покончатъ съ ней? Родоначальники кассачіи совершенно въ ложномъ положеніи. Плавскій уже бѣжалъ. Любоцинскій открыто отзывается о ней съ презрѣніемъ. Матюнинъ собираетъ врачей, чтобы актомъ ихъ заручить себѣ продолжительный отпускъ. Не унываетъ, кажется, одинъ Войцеховичъ. Онъ озабоченъ составленіемъ отчета и, кажется, вѣрить въ будущность кассачіи. Карамзинъ не даетъ ей и года жизни. Паленъ улыбается: я тафно кафа-

рилъ! Я не возьму никакого особаго отпуска, чтобы не дать повода утверждать, что всѣ работники бѣжали отъ работы. Постараюсь на вакантѣ что нибудь сдѣлать.

„Голосъ изъ земства“ (Кошелева) не заключаетъ въ себѣ обстоятельнаго обзорѣнія нашего земскаго дѣла. Это умѣренный отголосокъ той же партіи, которой съ заносчивостью служитъ „Вѣсть“. Это сборникъ о многомъ, но не фактовъ, не чисель, а личныхъ воззрѣній Кошелева, Аксакова, Самарина. Если есть рѣчь о земствѣ, то собственно о Рязанскомъ и — можетъ быть даже тѣснѣе — о Сапожковскомъ. Записки „объ Училищѣ Правовѣдѣнія“ Устимовича были бы поразительны своею откровенностью (о ничтожности и даже вредѣ этого заведенія), если бы молодой правовѣдъ издалъ книжку до гр. Палена и не явно потворствовалъ господствующему теперь духу противъ „правовѣдческой карьеры“. Устимовичъ сдѣланъ товарищемъ предсѣдателя въ Одессу, гдѣ господствуетъ другой ренегатъ — Шахматовъ. Если отъ этихъ партій мы обратимся къ интимнымъ объясненіямъ собственно о литературѣ, то гг. Суворинъ, Антоновичъ и Жуковскій представляютъ образчикъ той безцеремонности отношеній къ гласности, которыми щеголяетъ свобода, дышущая и въ рѣшеніи Государ. Совѣта по шумному дѣлу о „Москвѣ“, довольно глуповато возбужденному министерствомъ безъ толку и цѣли. Интимныя отношенія, въ выраженіяхъ своихъ, доходятъ до цинизма. Это тѣже оперетки Оффенбаха и сцены у мирового судьи Михайлова и Носа. Эпоха отражается во всемъ. Дай Богъ, чтобы скорѣе наступилъ поворотъ. Займы и усиленные заработки на желѣзныхъ дорогахъ отдаляютъ кризисъ; но онъ будетъ тѣмъ сильнѣе. Расточительность, распущенность и увлеченія имѣютъ свои предѣлы. Курсы все не поднимаются, военное положеніе почти нормально, броженіе умовъ усиливается. Нравственно и социальное время смутное. Выражается-ли оно въ „Признакахъ времени“ Салтыкова?

Тогда какъ судебная реформа встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія въ уѣздахъ и на окраинахъ имперіи, тогда какъ охранительное производство уже и теперь готовится измѣниться въ гипотечное, тогда какъ мы, кассаторы, и общее мнѣніе сильно порицаемъ выборъ личнаго состава судовъ и особенно палатъ (особенно Московской), прекрасно сложился и развивается институтъ присяжныхъ повѣренныхъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Въ уѣздахъ онъ едва-ли возможенъ, и за отсутствіемъ повѣренныхъ состязательность уголовного процесса тоже едва-ли возможна. Но какъ ни хорошъ этотъ институтъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ нынѣшнемъ году въ немъ обнаружилось явленіе, заслуживающее особеннаго вниманія. Число вновь вступающихъ уменьшается, а число выбывающихъ увеличивается. Это можетъ угрожать

разстройствомъ корпораціи. Огромность гонорара привлекаетъ въ адвокатуру и членовъ суда (Вицынъ) и товарищей прокурора (Герке, лучший цивилистъ) и даже прокурора (Деппъ), а съ другой стороны: а, отягочительность обязанностей, особенно по дѣламъ уголовнымъ и правобѣдныхъ, б) требованіе повѣренныхъ во вновь открываемые округа, и в) строгость отвѣтственности предъ совѣтомъ присяжныхъ, тогда какъ свободная адвокатура, всѣмъ доступная, не несетъ ни одной изъ этихъ обязанностей. Частный повѣренный кн. Урусовъ въ Москвѣ занимаетъ преобладающее положеніе и не хочетъ быть ни кандидатомъ на судебныя должности, ни присяжнымъ повѣреннымъ. Конечно всего дѣйствительнѣе было бы предоставить корпораціи законную монополію, но я всегда считалъ это вреднымъ и вообще монополію и исключительность не въ духѣ нашего времени. Вообще, по многимъ общимъ и частнымъ моимъ соображеніямъ, я думаю, что судебная реформа, задуманная а priori, людьми незнающими Россіи и переведенная съ Французскаго, требуетъ пересмотра. Я думаю предъявить это требованіе во второй половинѣ ваканта, если буду первоприсутствовать.

Май, а какое затишье въ дѣлахъ политическихъ! Ожиданія не оправдываются. Войны нѣтъ. Ложное, натянутое положеніе продолжается. Наполеонъ переноситъ всѣ униженія и надѣется на новые выборы; сѣверный союзъ, въ ожиданіи войны, развивается и укрѣпляется медленно; въ Англіи демократизмъ (Гладстонъ) начинаетъ брать верхъ, а Алабамское дѣло грозитъ рѣчью Сомнера и національнымъ мщеніемъ. Испанская революція на дняхъ выразится. Торжество д'Орлеана будетъ новымъ униженіемъ Франціи и торжествомъ умѣренной демократіи. Отъ умѣренной до радикальной недалеко, а отъ радикальной до Мадзини и социализма одинъ шагъ. Не рѣшится-ли на этотъ шагъ Декабрьскій соборъ Папы? Въ корчахъ умирающаго возможны всякія движенія, а соборъ долженъ будетъ доказать, что успѣхи вѣка отодвинули значеніе духовенства, а при покровительствѣ Наполеона, на самый задній планъ.

Международная выставка цвѣтовъ и проч. Прекрасная картина (жаль, мало свѣту). Но едва-ли не только. Названіе международная—немножко притязательно. Выставка даже не Всероссийская, а просто Петербургская. Главнѣйшіе и лучшіе экспоненты—сановники императорской фамиліи и Аптекарскаго острова. Немного Бельгійцевъ, немного Голландцевъ и два Англичанина. За то много медалей и много посѣтителей. За мноіе расходы Петербургъ не постоитъ. Расточитель этотъ на томъ стоитъ съ самаго своего основанія. Дурной каталогъ. Мало научности.

Сенаторъ К. К. Петерсъ командированъ въ судебныя округа для изученія причинъ неудовлетворительнаго состоянія слѣдственной части

(судебныхъ слѣдователей). Не состоится-ли командировка и для изученія судовъ, особенно кассаци, которая тонетъ въ массѣ дѣлъ? Прежде докладывалось множество, теперь клика наша, получивъ отказъ въ усиленіи канцеляріи, прибѣгаетъ къ другому фортелю. Она хочетъ накопить дѣлъ и тѣмъ вымочь принятіе какихъ нибудь мѣръ способныхъ даже переломать кассацию, которая всѣхъ тяготитъ и путаетъ. Последнее важнѣе вопроса о личностяхъ и отяготительности. Произвольныя и противорѣчивыя рѣшенія, уже многократно выставленныя и въ газетахъ, способны произвести и производить смуту въ умахъ и убѣжденіяхъ. Я это повторяю. Сенаторъ Полнеръ (бывшій предсѣдатель Харьковской Палаты) передавалъ мнѣ, въ какомъ затрудненіи находятся судебныя мѣста, выбирая для своего руководства неясныя и противорѣчивыя рѣшенія кассационнаго департамента. Онъ особенно ударялъ на извѣстное дѣло объ Умецкихъ.

Послѣ записокъ д-ра Бата прочелъ я „Кверетаро“, листки изъ записокъ принца и принцессы, жены его Агнесы Сальмъ-Сальмъ. Тоже впечатлѣніе, но еще болѣе рекриминацій и сплетень. Принцъ и принцесса (Американка) порядочные авантюристы, чрезвычайно легковѣрны и легкомысленны. И тотъ и другой слишкомъ выставляютъ себя. Американка, съ большимъ практическимъ смысломъ (что Максимилиана разстрѣляютъ, тогда какъ всѣ Европейцы были увѣрены, что не смѣютъ разстрѣлять), рассказавъ прекрасную сцену, когда она, принцесса, бросилась въ ноги Жуарецу и умоляла о помилованіи императора, она, Американка, вдругъ переходитъ въ шаржъ, предлагаетъ: если непременно нужна жертва—разстрѣляйте меня. Кромѣ этой глуповатой выходки, непонятно еще поведеніе Агнесы въ Мексикѣ, когда мужъ и императоръ, въ отчаянномъ положеніи, осажены въ Кверетаро. Должно полагать, что она служила тутъ эмиссаромъ и подкупала либераловъ. Записки принцессы не искренни и неясны. Могла-ли она входить въ обязательства и условія съ либералами, не имѣя уполномочія отъ Максимилиана? Могла-ли она жить покойно на дачѣ, когда императоръ и мужъ были въ такомъ страшномъ положеніи?

Яснѣе, для меня, представляется теперь эпизодъ объ измѣнѣ полковника Мигуеля Лопеса. Если онъ и измѣнилъ, то развѣ только этимъ приблизилъ катастрофу нѣсколькими часами—днемъ—ранѣе. Положеніе было безвыходное. Всѣ преимущества были на сторонѣ либераловъ. За императоромъ оставалась горсть иностранцевъ. Ни войска, ни пороха, ни денегъ, ни свѣжихъ припасовъ нѣтъ, не было. Принцъ Сальмъ и самъ императоръ нуждались въ рубашкахъ. Принцесса нашла мужа (потомъ) „какъ изъ помойной или сорной ямы“ (развѣ разграбили?)

Вообще Мексика представляется въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Лопесь могъ измѣнить и изъ патриотическихъ убѣжденій. Гораздо важнѣе измѣна Маркеза. Французы и онъ привели Максимилиана къ смерти. Не невиновата въ этомъ и императрица Шарлотта, которая уѣхала въ Европу и съ ума сошла.

Нѣтъ, исторія Мексиканской катастрофы еще ожидается. Я, такъ сильно пораженный ею (видѣніе подѣ Волховымъ, въ 1867 г.) слѣжу за каждымъ явленіемъ.

Боюсь я, чтобы распоряженіе министровъ графовъ Палена и Толстаго о неприемѣ на службу по судебному вѣдомству студентовъ, которые „не представляютъ удостовѣренія, что они не имѣли никакого участія въ противузаконныхъ проявленіяхъ, обнаруживающихъ неуваженіе къ закону или установленнымъ властямъ и правиламъ“—чтобы распоряженіе это, довольно безцеремонное и произвольное, не вызвало „проявленій“ неудовольствія и справедливаго ропота не только университетской молодежи, но и публицистики. Въ наше время и не такая мѣра—ограничивающая права политическія—навлечетъ порицанія и упреки. Слова „никакого участія“, „неуваженіе“, „установленныя власти и правила“ такъ эластичны, что иной консервативный университетъ можетъ лишитъ этого удостовѣренія всѣхъ студентовъ, а другой, менѣе разборчивый въ средствахъ, сдѣлаетъ изъ этого выгодную спекуляцію. Мнѣ кажется, университетскіе совѣты должны отозваться на эту „Вѣст-ную“ и вѣскую мѣру постановленіями правилъ, которыя бы парализировали эти „проявленія“ консервативнаго произвола. Я не совсѣмъ понимаю здѣсь джентельменнаго гр. Палена. Распоряженіе его, съ которымъ согласился и умный гр. Дм. Анд. Толстой, лишено законнаго основанія и грѣшитъ внутренней неправдой. Университетскіе шалуны—это, большею частію, народъ даровитый, таланты. Герцены, Вѣлинскіе, Полежаевы, и мн. др. народъ даровитый. Лишать себя этого контингента значить призывать людей посредственности. И почему распоряженіе это не коснется ни Лицея, ни Училища Правовѣднія?

Буду записывать хронику этого „проявленія“ M-eurs de „Вѣсть“.

Не знаю, до чего дойдемъ мы далѣе. Журналъ „Заря“, говоря о редакторѣ лучшаго нашего періодическаго изданія „Вѣстника Европы“ описываетъ, какъ г. Стасюлевичъ „отплясываетъ ораторскій канканъ“. Слова: „клевета“ „пасквиль“ бросаются на право и на лѣво. Пререканія доходятъ до площадной брани, до суда за обиду и диффамацию. И это въ журналахъ серьезныхъ! Чего не позволяютъ себѣ „Русскія Вѣдомости“, „Петербургская Газета“, Илья Арсеньевъ, Зарудный? Странно для меня то, что безцеремонность не умѣряется, а какъ бы растетъ. Цинизмъ на сценѣ, цинизмъ въ фельетонѣ, цинизмъ въ повѣсти. Онъ переходитъ въ

критику, онъ готовъ перейти въ науку. Въ спорѣ о классическомъ и реальномъ онъ уже явился, въ самомъ „Вѣстникѣ“. Чтобы убить классицизмъ XVI ст. достаточно прочесть защиту его академикомъ Наукомъ въ календарѣ на 1864 г. Отнынѣ классицизмъ—есть специальность, какъ Санскритскій языкъ, сельское хозяйство, физиологія и проч. Современная образованность такъ широко раскинулась, что на первомъ планѣ стоитъ Космосъ, все закрывающій и все поглощающій, и въ немъ, съ однимъ изъ безчисленныхъ его отдѣленій, видѣется Римскій міръ, нумизматика, химія и мн. др. Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ могли устоять, въ настоящемъ видѣ, наши физико-математическіе факультеты съ ихъ многочисленными предметами, изъ которыхъ каждый способенъ разростись въ особый факультетъ.

Читаю я „Изъ мемуаровъ одного Русскаго Декабриста“ (барона Андрея Розена), Лейпцигъ, 1869 г. Это едва-ли не первое частное описаніе извѣстнаго событія 14 Декабря 1825 гг., обнимающее какъ этотъ знаменитый день, такъ и послѣдующія судьбы Декабристовъ до 1839 и 1856 г., когда всѣ они помилованы и возвращены съ правами въ Россію. Розенъ, воспитывавшійся съ Рылѣвымъ въ кадетскомъ корпусѣ, проведеншій почти всю жизнь въ Русской гвардіи и въ Русскихъ казематахъ въ Сибири (Чита и Петровскъ) и на Кавказѣ, женатый на Русской, былъ однако Нѣмецъ и остался Нѣмцемъ. На послѣдней страницѣ мемуаровъ страдальца записано обвиненіе генерала Головина въ православной пропагандѣ между Эстами и Леттами. Самъ ли Розенъ писалъ эти мемуары или диктовалъ ихъ, во всякомъ случаѣ они не записывались современно событіямъ и во всемъ рассказѣ носятъ печать спокойствія и признательности къ прошлому. А любопытна жизнь „несчастныхъ“ въ общей комнатѣ въ Читѣ и въ отдѣльных номерахъ въ Петровскомъ Заводѣ. Это маленькая коммунистическая община, состоявшая изъ представителей лучшей Русской аристократіи. Оставленіе ихъ вмѣстѣ была милость, въ корнѣ смягчавшая тяжелое наказаніе. Эта милость довершалась назначеніемъ коменданта Лепарскаго, человѣка истинно добраго и просвѣщеннаго. Съ какимъ удовольствіемъ описываетъ Розенъ житье-бытье въ Читѣ и Петровскѣ съ князьями Трубецкимъ, Волконскимъ, Шаховскимъ, Одоевскимъ, съ Нарышкинымъ, Муравьевыми, Бестужевыми и мн. др., съ которыми въ Петербургѣ Остзейскій баронъ могъ видѣться развѣ только на ученѣ и парадахъ! А къ этому сонму аристократовъ присоединились и богини Олимпа, способныя украсить великій дворъ и лучшій цвѣтъ человечества: Трубецкая, Нарышкина, Фонвизина, Полина Анненкова, Юшневская. И всѣ, или большая часть ихъ, съ талантами, съ молодостью и огромными средствами. У нихъ тотчасъ явились и мастерскія, и

оркестръ, и хоры, и библіотека, и газеты. Я зналъ многихъ изъ возвращенныхъ Декабристовъ: Нарышкина, Свистунова, Евгенія Оболенскаго, Серг. Кривцова, гр. Зах. Чернышева, Батенкова и др., и ни на одномъ (кромѣ Батенкова, одичалаго) нельзя было видѣть ни слѣдовъ страданій, ни потрясеній нравственныхъ, ни даже коренныхъ измѣненій въ убѣжденіяхъ. Личности женскія отгѣняются какимъ-то неземнымъ блескомъ любви и преданности. Простыя воспоминанія барона Розена гораздо болѣе говорятъ сердцу нежели кудрявыя и витіеватыя измышленія Дюма. Желательно бы изданіе подобныхъ записокъ или воспоминаній кого нибудь изъ Русскихъ. Они должны быть,—и будутъ. Увы! грозная непомятая строгость приговора 1826 г. разрѣшилась самымъ несотвѣтственнымъ для ея цѣли образомъ. Излишняя строгость ведетъ къ безнаказанности. Изъ кровавой драмы Николая вышла идиллическая жизнь благородной колоніи, которая разливала вокругъ себя благодѣянія, и къ ней обращались благословенія въ Азіи и лучшія симпатіи въ Европѣ. Возстаніе 1825 г. есть *безуміе*. Мемуары Розена не разъясняютъ его. Какъ могли поддаться этому безумію Рылѣвы, Пестель, Юшневскій, Лунинь, Нарышкинь? Лучшіе мемуары должны объяснить это. Книжка Розена читается скоро и съ удовольствіемъ.

Кассачія,—кассачія меня сокрушаетъ. „Судебный Вѣстн.“ въ печатаемыхъ имъ текстахъ безпрестанно ловить насъ въ противорѣчивыхъ рѣшеніяхъ, которыя однако служатъ для всѣхъ руководствомъ. Здѣсь г. Арцимовичъ объясняетъ, что въ основаніе судебного приговора принимается не одно рѣшеніе присяжныхъ, но и другія обстоятельства дѣла, обнаруженныя при судебномъ слѣдствіи. Тамъ г. Стояновскій объясняетъ, что камера присутствія есть камера, устроенная согласно 2 т. Св. Зак., и на этомъ основаніи г. Буцковскій толкуетъ, что камера мирового судьи не есть такая камера, а г. Стояновскій перетолковываетъ, что это именно такая камера. Въ одномъ мѣстѣ г. Зубовъ объясняетъ, что присвоеніе предполагаетъ ввѣреніе движимаго имущества, а въ другомъ, что присвоятся вещи и самоуправно взятыя. Я потому занову въ мою лѣтопись объ этой несчастной кассачіи, что сего дня присланы мнѣ къ подписанію мои Декабрьскія опредѣленія, Богъ знаетъ гдѣ и за чѣмъ лежавшія, а также и опредѣленіе о книгопродавцѣ Павленковѣ, издатель съчиненій Писарева и въ нихъ небольшой статьи: „Бѣдная Русская мысль“. Дѣло докладывалъ, т. е. читалъ, г. Стояновскій, а опредѣленіе взялся написать г. Буцковскій. И написалъ. Я остаюсь при моемъ мнѣніи, что перепечатаніе статьи въ 1867 г., разъ пропущенной въ 1862 г. предварительною ценсурою, хотя бы статья эта и подходила подъ 1001 или 1035 ст. (по аналогіи, ст. 151 Улож. и 12 Уст. Уг. Суд.), за силою 99 ст. Улож., должно быть извинено изда-

телю, и потому не приму участія въ преніяхъ о проэктѣ опредѣленія, гдѣ между прочимъ опредѣляется и значеніе аналогіи, и ученіе Бокля объ историческихъ личностяхъ, и значеніе Петра, какъ великаго чело-вѣка. Г. Буцковскій немного размахался. При самомъ вступленіи моемъ въ кассацию, въ Сентябрь 1868 г., я просилъ моихъ товарищей избѣ-гать общихъ разсужденій и держаться преимущественно на почвѣ дан-наго событія. Чтò можетъ быть болѣе шатко какъ толкованіе аналогіи? Чтò за ссылка на Бокля? Какого Славянофила убѣдишь въ величии Петра, и почему эта оцѣнка пришла въ кассацию о дѣлѣ Павленкова? Ничтожная, но дерзкая статья Писарева о „бѣдной Русской мысли“ дѣлается почти историческимъ событіемъ, вызываетъ пренія и споры и—я увѣренъ—вызоветъ противоположныя воззрѣнія и смутныя поня-тія. Нашимъ либераламъ хотѣлось воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выразить свое одобреніе свободѣ исторической критики и повто-рить уже прежде заявленную доктрину, что напечатаніе и представленіе въ цензуру книги не есть совершеніе и даже не покушеніе, а только приготовленіе, наказуемое только тогда, когда законъ именно наказы-ваетъ за приготовленіе. Но и здѣсь мы впали въ противорѣчіе. Найдя статью неприличною и по закону не подвергающею отвѣтственности, мы однако приказали ее уничтожить. Это не только не либерально и не юридично, но и мало логично.

Писареву нужно было осмѣять не затѣю Петра Алексѣевича и его фокусы, а просто покопаться подъ монархическимъ началомъ и пере-сыпать свою статейку задорными словечками нашихъ современныхъ публицистовъ и фельетонистовъ. Не болѣе послѣдовательности и въ самомъ преслѣдованіи *перепечатанія* статьи. Цензура въ 1864 г. пропу-стила ее. Могла ли она быть запрещена въ 1869 г.? И запреща-я статью въ изданіи Павленкова, не набиваетъ-ли Сенатъ цѣну на „Рус-ское Слово“ 1862 г. и на „двѣ статьи“, перепечатанныя (таже „бѣдная Русская мысль“, но безъ заглавія)? Желая услужить правительству и удружить публицистамъ, рѣшеніе нелогичностью своею путаетъ и ту и другую сторону.

Замѣчательное наблюденіе дѣлаютъ сего дня „С.-Пбургскія Вѣдо-мости“. Оказывается, что канцлеръ кн. Горчаковъ и министръ гр. Дм. Толстой сообщаютъ правительственные акты прежде въ редакцію „Москов. Вѣдомостей“, а потомъ уже въ „Правительств. Вѣстникъ“. Замѣчательно. Публицисты и особенно М. Н. Катковъ становятся открытою силою, и министры заискиваютъ.

Прочелъ я біографическій очеркъ „Т. Н. Грановскій“ А. Стан-кевича. Это скорѣе панегирикъ, нежели біографія, но панегирикъ об-стоятельный и добросовѣстный. Замѣчательная личность Московскаго

профессора обрисовывается собственными словами, удачно выбранными биографомъ изъ переписки съ сестрами, друзьями и невѣстой, а потомъ женой. Личность благородная, воспримчивая и довѣрчивая. Личность, немножко самоувѣренная, иногда самообольщающаяся, но всегда чистая, всегда симпатичная, умѣряющая. Личность впрочемъ довольно посредственная, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія науки и общественной дѣятельности. Для науки онъ ничего не сдѣлалъ (см. два тома его сочиненій, вышедшіе вторымъ изданіемъ), никакихъ особенныхъ истинъ не сказалъ онъ и въ публичной своей дѣятельности. Но публичныя лекціи его имѣли большое значеніе, сближая общество съ наукой, давая отпоръ распространявшемуся тогда и усиливавшемуся славянофильству и завоеывая публичному слову право гражданства. Имѣя прекрасныя задатки, готовый принять серьезныя и обширныя обязательства, обласканный студентскимъ и общественнымъ мнѣніемъ, а также и министрами Уваровымъ и Норовымъ, отчего не удался Грановскій, отчего такъ мало написалъ, отчего рано умеръ? Много горя было въ семьѣ, устроить которую онъ, непрактичный, не могъ, много интригъ въ университетѣ, да; но что это за препятствія для таланта? Причину неудачи я ищу во первыхъ, въ плохой предварительной подготовкѣ къ университету, въ беспорядочной жизни юноши дома и въ Петербургѣ, въ разгульной жизни за границей, въ избалованности Московскими аплодисментами и наконецъ—въ бездѣтности. А личность была дѣйствительно замѣчательная.

Такъ, кажется мнѣ, и читаешь себя. Почти годъ въ годъ, такъ и называется. И эта переписка съ сестрою, невѣстой и женою, и это постоянство въ отношеніе ихъ и это постоянное недовольство собою и наконецъ эта памятьливость и особенная любовь прошедшаго. Все это такъ живо напоминаетъ мнѣ самого меня. По разнымъ дорогамъ пошли мы. Мнѣ пришлось пожить дома.

У моей Таты 35 билетовъ внутренняго съ выигрышами займа, кромѣ драгоценныхъ вещей, которыхъ я приобрѣлъ на 500 р. по крайней мѣрѣ. Меня это радуетъ, радуетъ это и жену, превосходный ребенокъ нашъ—*mcs délies* не будетъ въ нищетѣ и зависимости, если бы меня и не стало. Этотъ годъ я очень заботливо торопился откладывать мои сбереженія. Точно инстинктъ говорить мнѣ, что скоропостижная смерть, столь теперь частая, постигнетъ и меня. Господь поможетъ, и я надѣюсь въ непродолжительномъ времени—къ Январю 1870 г.—довести до 60 билетовъ, а это уже капиталъ, съ котораго молодая дѣвушка можетъ получать 600 р. Мало,—да; но это расчетъ крайности, потому что при болѣе продолжительныхъ сбереженіяхъ цифра должна удвоиться и утроиться. Чтонибудь придетъ и отъ продажи Рябинокъ.

Тяжело заботить меня сбереженіе семейства. Хотя—Боже мой—что такое обезпеченіе? Посмотрю я на А, на Б, на В и др. Ничтожность!

Уѣзжая въ Мерекюль, передалъ я сегодня всё оставшіяся за мною опредѣленія по дѣламъ, доложеннымъ въ Апрѣль и Маѣ. Доложено мною, съ 1 Января по Іюня, всего 133 дѣла. Много. Обработано 4, 5-ть. Всѣ прочія, за весьма незначительнымъ исключеніемъ, довольно ничтожны, рѣшаемыя за урядъ, подъ стать, иногда огуломъ. Но я все таки повторяю: мы недостаточно цѣнимъ и взвѣшиваемъ важность нашихъ рѣшеній и довольно легонько отвергаемъ (умолчаніемъ или обходомъ: „обойти“) ссылки на наши рѣшенія. Впрочемъ, что же дѣлать? Масса давить. Необходимость извиняеть. А канцелярія и мала и по закону и de facto ничего не дѣлаетъ. По Жидовской натурѣ она занята спекуляціями и, получая большое содержаніе, занимается въ частные секретари, а оберъ-секретарь дурною корректурою и дурнымъ алфавитнымъ оглавленіемъ „Сборника рѣшеній“ думаетъ обезпечить сбытъ втораго изданія своего механическаго „Свода рѣшеній“. Вообще, положеніе Кассационнаго Сената жалко. У насъ нѣтъ хозяина, нѣтъ никакого надзора, нѣтъ даже помѣщенія.

Съ 7 Іюня по 14 Іюля я пробылъ въ Мерекюль (Меркулово) и несмотря на не совсѣмъ благопріятную погоду, провелъ время прекрасно. Нѣсколько дней, особенно въ концѣ, были восхитительные. Чистѣйшій воздухъ, ароматная духота и свѣтлый лучъ напоминали небо и весну Юга. Я вполнѣ наслаждался свободою, окруженный моими дѣтьми, здоровыми, веселыми и прекрасными какъ эти лучи и это небо. Впрочемъ прелесть времени не отвлекла меня отъ работы, которую я себѣ задалъ: по всѣмъ статьямъ уложенія, учрежденія, устава мирового и общаго устава уголов. судопроизводства составить указатель всѣхъ рѣшеній кассационнаго департамента, напечатанныхъ въ 1866, 1867, 1868 гг. Работа кропотливая, одуряющая, но—думаю—полезная, нужная, необходимая. Пора положить основаніе систематико-исторической практикѣ кассационной нашей дѣятельности. Она недостаточно понимаетъ важность своего отправления. Необходимы обузданіе ея увлеченій и легкомысліи, мало останавливаемыхъ недостаточно нашею гласностію и нашею публицистикою. Работа переписана женою, дочерью, сыномъ и его гувернеромъ въ четыре руки, въ четыре дня. Труда много. Если товарищи мои не будутъ почему нибудь противъ, я ее напечатаю подъ заглавіемъ „Справочные листы“ Калеба. Повторяю: нужно дать основаніе кассационной догматикѣ.

Раздраженіе Ост-зейцевъ противъ русской печати—или вѣрнѣе: противъ „Москов. Вѣдомостей“ достигло крайняго предѣла. Катковъ въ передовыхъ статьяхъ почти cadaго № своей газеты бичуетъ Эгарда, Сиверса,

Бокка и особенно Ширрена, бичуетъ рационально и безпощадно. Исключение изъ службы Ширрена и два предостереженія, сдѣланныя редактору S. petersburger Zeitung—пресловутому Вестфальцу Мейеру, ослабляютъ и безъ того не сильную оборону прибалтійскихъ учрежденій и усиливаютъ корреспонденцію въ иностранныхъ Нѣмецкихъ газетахъ. Конечно при свободѣ печати направленіе публицистовъ мало зависитъ отъ правительства. Да и вообще желательно, чтобы правительство поменьше участвовало въ болтовствѣ и полемикѣ, но желательно вообще и то, чтобы правительство приступило къ рациональнымъ реформамъ въ земствѣ и въ городахъ Прибалтійскаго края. И судъ и полиція, и народное образованіе, и городское управленіе тамъ напоминаютъ такую средне-вѣковую исключительность, какой нѣтъ нигдѣ. Ширренъ въ своемъ *lifländische Antwort an J. Samarin* и Егоръ Сиверсъ въ своей брошюрѣ: *Nationalität und Humanität* ссылаются все на капитуляцію Петра I и на высшую Нѣмецкую культуру; но вопросъ: развѣ предъявляется требованіе преобразованій противно капитуляціямъ и унижаетъ культуру?

Два нововведенія особенно пугаютъ Остзейцевъ: введеніе Русскаго языка и православная пропаганда. Но введеніе языка никогда не мыслилось въ семейномъ и общественномъ быту, а пропаганда въ средѣ высшей культуры совершенно немыслима. Я былъ свидѣтелемъ Остзейскаго раздраженія въ Эстляндскомъ мѣстечкѣ, мнѣ даже намекали о моихъ Русскихъ нововведеніяхъ 1844 г. (о которыхъ слѣгка говорили „Москов. Вѣдомости“, кажется въ Декабрѣ 1864 г. и Ю. Θ. Самаринъ въ 7—8 №. „Русск. Архива“ стр. 1245 перепеч. въ Юль 1869 г. „Москов. Вѣдомостями“), на меня косились Русскіе Нѣмцы, но въ разговорахъ съ сенаторомъ согласились, что уступка, въ моемъ смыслѣ, возможна, полезна, даже необходима. Боже мой! Но соглашаясь съ робкими предположеніями моими 1844 г., все прорываетъ плотину, которой за тѣмъ нѣтъ возможности удержаться. Океанъ Русскій затопитъ эту Остзейскую окраину. Я и теперь убѣжденъ въ томъ. Предположеніе 1844 г. полезно и необходимо. Кончено. Ваше дѣло проиграно. Какъ тогда, я и теперь скажу: Русскій океанъ зальетъ этотъ островокъ.

Мѣстечко Мерекюль въ Петербургской губерніи, а подсудно Ревелю. Ну есть-ли тутъ смыслъ? Мерекюль принадлежалъ старинной фамиліи бароновъ Арбсхофенъ (тоже не изъ важныхъ, важный не переселится Меченосцемъ въ дикій край), изъ которой послѣдняго представителя я зналъ лично. Теперь мѣстечко, по позднѣйшимъ постановленіямъ, приобрѣтено Чухонцомъ Гентомъ, и ему же Чухонцу принадлежитъ и вотчинная полиція. Ну есть-ли тутъ смыслъ?

Еще заемъ: пустяки, 15 милліоновъ. Да, но заемъ и при томъ процентный. Заемъ, а курсъ не только не улучшается, а падаетъ. Нашъ рубль бумажный ниже именовательной стоимости на 25°. Не съ однихъ международныхъ сдѣлкахъ, но—при желѣзныхъ дорогахъ—и въ сдѣлкахъ внутреннихъ, государство терпитъ огромные убытки. Расходы растутъ, даже увеличиваются, стоимость кредитнаго рубля падаетъ. Чтò тутъ нормальнаго?

Не будучи финансистомъ, я, старый криминалистъ, не могу не отмѣтить, что расточительность центральнаго управленія (жалованье, добавочныя, аренды, награды денежныя, усиленныя пенсіи и т. д.) вызываютъ въ провинціяхъ кражи мѣстныя: крадутъ, расточаютъ казенныя деньги вездѣ, въ Вязьмѣ, въ Крестцахъ, въ Ташкентѣ, въ Нижнемъ и въ верхнемъ...

„Улучшеніе штатовъ“ сдѣлалось поговоркой. Гр. Дм. Толстой призналъ это аксіомой. Вел. Кн. Константинъ родоначальникъ этой аксіомы. Ну, а Русакъ-крестьянинъ чтò говорить? Подати утроились, и все стало дороже. Вздорожаніе при расточительности естественно. Но нормально-ли это? Ненормальность выручается въ настоящее время дарованіемъ льготъ, удачами, благодарностію, pietate. Но явился общее бѣдствіе, холера, голодъ, даже война, и ненормальность эта вызоветъ явленія опасныя: усиленіе преступленій, смуты и явное волненіе. Едва ли тутъ поможетъ и наша гласность. Я не приписываю важности Киргизскимъ волненіямъ въ Оренбургѣ. Вѣроятно новое положеніе (вѣроятно путаница) служить только предлогомъ, а устроено это волненіе султанами, можетъ быть Хивой и Бухарой. Но я приписываю большую важность непомѣрному возрастанію бюджета и постояннымъ займамъ. Я считаю крайне необходимымъ понизить прямыя налоги и принять за непремѣнное правило, чтобы цифра новаго займа была ниже цифры погашенія старыхъ долговъ. Подписка на 15 милл. вѣроятно дастъ сотни милліоновъ, 337½ милліон. и развертка дѣла не очень неуровнительна, но это фарсъ, Петербургская спекуляція, а дутое богатство казны и дѣйствительная бѣдность народа есть событіе несомнѣнное. Я ожидаю выхода втораго „Статистическаго Временника“ и результатовъ, долженствующихъ обнаружиться въ 1871 г., чтобы основать мои убѣжденія и опасенія.

Вотъ я и первоприсутствую, съ 15 Юля, и почтенные агитаторы Октябрьской пересадки понизились мѣстами, но понизились не по собственной волѣ, какъ я тогда, а по Высочайшему толкованію, отмѣняющему постановленіе общаго собранія Кассационнаго Сената, предвосхищенное честолюбцами и интриганамы. Но дѣло въ томъ, что, предположивъ сдѣлать что нибудь для водворенія хотя бы механическаго порядка въ

дѣлахъ и опредѣленіяхъ, едва ли я смогу что нибудь сдѣлать. Правовѣды, въ большинствѣ которыхъ весь департаментъ, чужды порядкамъ. Рутинѣ уже втерлась и окрѣпла. Настоящихъ хозяевъ ни одного нѣтъ, а временные не только считаютъ себя не въ правѣ, но и не имѣютъ доброй воли. Мои „Справочные Листы“ въ цензурѣ и скоро напечатываются.

Не могу я одолѣть это толстое, безобразное, но порою высокое и грандіозное твореніе заклѣтаго демократа и социалиста Виктора Гюго: „L'homme qui rit“. Записка Жюсіанны къ Гвинплену характеризуетъ этотъ романъ, то сказочный, то эпическій, то лирический, то памфлетическій. „Ты уродъ—пишетъ Герцогиня, я красавица, ты жонглеръ, я герцогиня. Я властительница, ты послѣдній рабъ. Я влекусь къ тебѣ. Я люблю. Приходи“ Здѣсь причудливо погоняетъ невѣроятное, безобразіе спорить съ лучами свѣта, тупоуміе созидаетъ теоріи, и человѣкъ называется ursus, а волкъ—homo. Завываніе морской бури смѣняется свѣтлыми ощущеніями невѣдомой любви къ Деъ, отъ грохота народнаго хохота переходишь къ разслабляющимъ ласкамъ мечтаній и идеализаціи. Свѣтящаяся слѣпота Деи и реализмъ своенравной Жюсіанны исчезаютъ въ потокъ разглагольствованій о значеніи пѣра и лорда, о бѣдствіяхъ толпы и заслугахъ аристократіи. Капризный вымыслъ смѣняется капризною ученостію. Всякая картина переполнена и перемалевана, всякая мысль переломана и выворочена, всякая фраза надточена и перекована. Въ современномъ реалистѣ видѣнъ романтикъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Поэтъ отдался служенію социализма. Исторія выражается зломъ. Узнають ли В. Гюго себя въ этой характеристикѣ?

Довольно часто вижу я съ Софьей Баратынской (рожд. Бобарыкина), которую постигло такое страшное несчастіе. Молодая красавица незапно потеряла мужа (его нашли мертвымъ въ вагонѣ) и осталась, при довольно ограниченныхъ средствахъ, съ тремя малышами: Julie, Sophie и Леля *) по третьему году. Я очень рѣдко прежде видѣлся съ нею и вообще мало ей симпатизирую, но въ настоящемъ ея положеніи сочувствіе есть долгъ. Перстъ Божій коснулся этой семьи и посѣтилъ ее великимъ бѣдствіемъ. Такое посѣщеніе священно, и лучшія чувства должны быть ему отданы. Мнѣ желательно это сближеніе и потому, что при воспитаніи дѣтей я могу быть хорошимъ совѣтникомъ, а Sophie, выросши сиротой, вопроса этого совсѣмъ не цѣнить.

Я боюсь за участь Julie, Sophie et particulièrement Лели мальчика и потому готовъ перенести всѣ капризы красавицы и всѣ требованія несчастія. А капризовъ и требованій довольно. Она не хочетъ измѣнять образа жизни, она желаетъ устроить воспитаніе дѣтей на широкую

*) Внучата Е. А. Баратынскаго, дѣти его сына Дмитрія. П. Б.

ногу и дома. Она думает заняться серьезно науками и языками сама, чтобы направлять воспитание детей. Горе ее велико. Противоречие раздражает несчастную. Но самый непродолжительный опыт убедить ее, что все это—требования неисполнимыя и что кроме желаний нужно иметь и умные обходиться с лишениями.

Жена и дети так довольны своим пребыванием в Мерекюль, моими посылками и письмами. Я ненарадуюсь этой перепиской. Какое благословение Божие почить на моем домѣ! Не знаешь, какъ благодарить, дрожишь какъ бы сохранить, придумываешь какъ бы заслужить это благословение. Жду не дождусь дня, когда соединюсь сь ними. Будь милостивъ ко мнѣ, Господи! 4 Августа.

Какое новое начало пробивается в Европейскую жизнь и препятствует ей притти в нормальное положение? Гдѣ это нормальное положение? Гдѣ нѣтъ броженія? Нуженъ немножко побольше Наполеона, Бисмарка и Пиа. Эти господа только усложняютъ отношенія, обнимаютъ и господствуютъ положенія мѣстныя, современныя, но нитей общаго объема, нитей будущности они не захватили. Они даже не освоились сь солидарностию или круговою порукой, къ которой привели гласность и парь, все усиливающіеся, все обобщающіе. Тѣнь, призракъ религіи бродитъ по Европѣ, но и онъ исчезнетъ отъ лже-великаго собора. Безвѣріе и матеріализмъ пробиваются живыми силами. Еще сдерживается напоръ собственности, правомъ, преданіемъ и авторитетомъ. Но гдѣ эти преданія и авторитеты даже в Англии? Какое ограждение находитъ право в положительномъ законѣ, столь подвижномъ, эластичномъ и усложненномъ? Собственность? Какая собственность можетъ считаться прочною и вѣрною при этихъ страшныхъ злоупотребленіяхъ кредита, налоговъ и спекуляцій?

Всѣ эти Наполеоны, Бисмарки и Пиа избраны орудіемъ къ ускоренію осуществленія грядущаго порядка, а порядокъ этотъ заявилъ себя уже при первомъ, страшномъ переворотѣ в концѣ прошлаго столѣтія. Геній Германскій требуетъ безусловной свободы индивидуальной. Геній романскій выковываетъ республику. Младшій братъ ихъ, геній Славянскій, вырабатываетъ переворотъ социальный. Личная вѣра, безличная власть и общая собственность—вотъ три фактора нашей будущности, которые такъ трудно уживаются сь старыми порядками, безпрестанно сталкиваются сь ними, грозятъ и близятся къ осуществленію. Начало „совершившагося событія“ *du fait accompli*—признано международнымъ правомъ. Оно перейдетъ и в положительныя законодательства.

Однако журналы и газеты такъ и впились в Остзейскій вопросъ. (Все вопросъ!) В Москвѣ и Петербургѣ разыгрываютъ его на всѣ лады. Какъ велико преимущество нравственной, культурной силы предъ

матеріальной, доказываетъ борьба этой горсти Нѣмцевъ съ милліонами Русскихъ. Исходъ борьбы несомнителенъ: какъ же не слиться этой застоявшейся лужѣ съ великимъ, разливающимся океаномъ? Но борьба есть. Постепенное введеніе судебной реформы на Русскомъ языкѣ и усиленіе преподаванія Русскаго языка въ школахъ—дѣйствительно исполненныя—давно покончили бы этотъ смѣшной споръ и гораздо болѣе удовлетворили бы требованіямъ общаго населенія, находящагося въ бѣдности, невѣжествѣ и рабствѣ. И можно ли удержаться въ сторонѣ, въ своемъ уголкѣ, этой горсти рыцарства и горожанъ посреди настоящихъ преобразованій, имѣющихъ нескончаемую будущность и всемірное значеніе; въ сѣти желѣзныхъ дорогъ, бѣгущихъ изъ центра Русской имперіи къ побережью Балтійскаго моря, въ стоязычномъ говорѣ публицистики, поучающей и Эстовъ и Латышей? Эта борьба жалка и смѣшна.

За это время раза два три видѣлся я съ семействомъ покойнаго Данзаса (Смотри выше). Положеніе вдовы его и трехъ дочерей довольно печально. Покойный не только не оставилъ имъ никакой почвы, это бы еще ничего—онъ оставилъ ихъ на ложной почвѣ, на которой нельзя долго стоять. Надобно сойти, иначе она провалится. Они перемѣнили квартиру (но все еще занимаютъ дорогую) и не держатъ лошадей, пользуясь ваньками. Они очень веселы и любятъ дворскія и городскія сплетни. Любятъ туалеты и лакомства. Много говорятъ, и иногда всѣ за разъ. Мнѣ болѣе нравится Таша; кажется, она и умнѣе всѣхъ. Прославленная умомъ и сценическимъ талантомъ Ольга слишкомъ самоувѣренна и почти назойлива. Она болѣе другихъ напоминаетъ отца: много говоритъ о себѣ. Хвастаетъ. Таша довольно громко прерываетъ ее „хвастунья“. Болѣе всѣхъ носитъ печаль грусти старшая, Аделаида. Она постоянно удаляется и молчалива. Говорятъ, она очень проста, какъ и старшій сынъ, Сергѣй, слывущій кретиномъ. Нетрудно предсказать, что при нынѣшнихъ средствахъ—довольно значительныхъ—мать и дочери все болѣе и болѣе будутъ уменьшать расходы, понижаться въ знакомствахъ и—и—старѣть. Едва ли дѣвушки устроятся, едва ли старуха не впадетъ въ болѣзни.

Въ Мерекулѣ показалась страшная скарлатина. Избави, Боже! Митя ѣдетъ ко мнѣ. Болѣзнь не распространяется. Я очень озабоченъ. Столько капиталовъ нашей любви въ опасности.

Митя со мною. Онъ пріѣхалъ для акта, на которомъ получаетъ первую награду: листъ и книгу „за отличные успѣхи и отличное поведеніе“. Я покойнѣе. О скарлатинѣ послѣднее письмо не упоминаетъ. На дняхъ я ѣду, и мы соединимся и переѣдемъ въ городъ. Пора. Осень.

21 я поѣхалъ къ семьѣ, провелъ тамъ шесть дней и вернулся со-всѣми чадами и домочадцами—съ немалымъ трудомъ—въ Петербургъ, сей часъ, по утру, въ 6 часовъ. И, Боже мой, что же насъ встрѣтило неожиданно-негаданно, въ спальнѣ, на кроваткѣ Таты? Полуразрушенный, полоумный, косноязычный братъ, А. А. Боборыкинъ. Онъ при-скакалъ безъ нашего вѣдома, поселился въ спальнѣ. Жена потрясена до костей. Она затряслась и покрылась холоднымъ потомъ. Страшная минута! Страшное положеніе! И никто ни словечкомъ не предупредилъ несчастную сестру, которая, истощенная и усталая, вдругъ встрѣтилась съ такимъ привидѣніемъ. Какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ этотъ случай на насъ и на дѣтей!

Агитація противъ Нѣмецкихъ порядковъ въ Остзейскихъ губерніяхъ продолжается. И все сильнѣе и раздражительнѣе. Новая книга, Дерптскаго доцента Валькера дѣлаетъ значительныя уступки и останавливается на одномъ—довольно софистическомъ—что отмѣна Нѣмецкаго языка въ дѣлопроизводствѣ и въ судахъ подорветъ Нѣмецкую культуру. Почему, отчего? О томъ ни слова. Русское дѣло очевидно выигрываетъ шагъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ губерніяхъ. Эстамъ и Латышамъ выгоднѣе быть Русскими, нежели Нѣмцами. Они этого не хотятъ. Пробужденіе Русской самостоятельной національности сильно взбаломутило наши окраины, и ихъ крики отчаянія удостовѣряютъ ихъ безсиліе и преобладающее вліяніе сплошной массы великаго народа. Еще десятокъ лѣтъ, и это преобладаніе будетъ признано неволью и уже безъ криковъ.

Въ сенатской типографіи печатается проектъ судебной реформы, содержаніе котораго держится подъ большимъ секретомъ. Надобно полагать, что Русскому языку дано тамъ если не главное, то значительное мѣсто. Иначе нельзя понять назначеніе графа Палена министромъ или онъ не усидитъ. Со введеніемъ Русскаго языка въ правосудіи и съ подчиненіемъ сельскихъ школъ министерству, „Рубиконъ“ будетъ уже въ тылу, и само благоразуміе должно бы потребовать отъ „Нѣмецкой партіи“ искренно примкнуться къ *Русскимъ* преобразованіямъ и съ ними, примирясь откровенно, перестать дрожать за Нѣмецкую культуру. Тогда прекратится эта праздная (?) болтовня, и дѣйствительныя событія замѣстятъ газетныя препинанія, надобѣдающія умамъ серьезнымъ и растравляющія узкоголовые, поверхностные. Къ послѣднимъ я причисляю и Ширена и Валькера, а хуже ихъ—это Егора Сиверса и фонъ-Бокка, настоящихъ *обличителей* Остзейской двусмысленности. „Je suis volé“.

Новые выборы во Франціи дали новыхъ людей, и самые приверженцы императора возвысили голосъ и предъявили требованія объ уступкахъ власти. Ловкая власть поддалась. Уступки даны, и статусъ-кво-

сульмъ 6 (18) Сентября вводитъ парламентарную систему управленія, полагая конецъ диктаторскому, которое держалось съ 1852 года: немалый періодъ, періодъ мнимаго процвѣтанія и дѣйствительнаго пониженія политическаго значенія *великой* націи. Это огромный шагъ. И при искренности дѣйствій Наполеона (въ чемъ можно сомнѣваться) возбуждается вопросъ, примирима-ли личность Наполеона (пройдохи и диктатора) съ благороднымъ парламентскимъ правленіемъ? Положимъ, что въ будущемъ пройдоха, не имѣя исхода, подчинится парламенту; но будущее зависитъ отъ настоящаго, которое связано съ прошедшимъ. А прошедшее—этотъ періодъ мнимаго процвѣтанія—охъ какъ дурно! И оппозиція схватится за это прошедшее. Она припомнитъ и безпредметную Итальянскую кампанію, и необдуманную экспедицію Мексиканскую, и непомѣрное возвышеніе Пруссіи, тогда какъ послѣ битвы при Садовой Австрія и вся южная Германія отдавались въ распоряженіе Франціи и представлялся самый удобный случай расчитаться съ могущественнымъ сосѣдомъ и, можетъ быть, приблизиться къ Рейну. Старѣющій и болящій императоръ теряетъ энергію, и со времени Прусскихъ побѣдъ Европейская инициатива не принадлежитъ болѣе Франціи.

Да и внутреннія дѣла много пищи дадутъ парламентской оппозиціи. Постоянная недобросовѣстность правительства въ выборахъ и эгоистическое направленіе въ личныхъ назначеніяхъ, въ судебныхъ преслѣдованіяхъ, извратили общественный строй и развратили понятія и убѣжденія. Все, даже политическія партіи, сдѣлалось спекуляціей. Надобно прочесть „le 19 Février“ Оливье, чтобы увѣриться въ подлости и предательствѣ правителей новой Имперіи.

Прочелъ я сочиненіе Жюльа ле-Беркье: *le Vaugelas Moderne*. Я повторю прежде сказанное: юридическая литература во Франціи падаетъ. Книжка ле-Беркье, удостоившаяся напечатанія въ лучшемъ Французскомъ журналѣ—*Revue des deux mondes*—есть сборникъ статей, болѣе литературно-историческихъ, довольно посредственныхъ, нежели юридико-догматическихъ, въ этомъ смыслѣ совершенно ничтожныхъ. Самый планъ книги не систематиченъ и разбросанъ. Изложеніе довольно ясно, но растянуто. Содержаніе почти бѣдно. Статьи писаны въ разное время, иногда безъ связи одна съ другою и болѣе шиты, нежели вылиты. Довольно хорошо изложено положеніе и вліяніе юристовъ въ первомъ постановительномъ собраніи. Довольно рельефно обрисована дѣятельность *Thouret*, хотя, кажется, ему приписывается значеніе, которое онъ едва ли имѣлъ и могъ имѣть въ средѣ собранія, гдѣ засѣдали великіе умы и таланты. Особенно невѣжественно истинно-Французское понятіе ле-Беркье о законодательствахъ иностранныхъ, особенно о Русскомъ

(стр. 239). Кромѣ Франціи для Француза ничего нѣтъ. Жалкая литература! И какъ досадно, что на такой вздоръ тратишь дорогое время.

Приближается конецъ моему первоприсутствію. Еще одно засѣданіе. Ничего не могъ я сдѣлать съ нашими неурядицами. Тотъ же произволъ въ распредѣленіи дѣлъ, таже медленность въ изготовленіи опредѣленій, въ посылкѣ указовъ, таже небрежность въ печатаніи. Таже легкая возможность ошибочной редакціи и противорѣчивыхъ рѣшеній (Ихъ насчитывается уже довольно). Доколѣ преобладающая партія правовѣдовъ не ослабнетъ, существующія неурядицы будутъ возрастать. Правовѣдъ и порядокъ не синонимы. Съ назначеніемъ графа Палена положеніе ихъ измѣнилось, но не измѣнились завзятыя ихъ привычки: самоувѣренность и самонадѣянность. Они легонько трактуютъ дѣла, а еще легче обязанности. Ну, ничего не сдѣлаешь, стало быть не съумѣешь. При этомъ и оставайся. И останусь. Но я въ сотый разъ взываю: пересмотрите наказъ.

Въ Мерекюль познакомились и сблизились мы съ семействомъ барона Родрига Григ. Вистромъ, у котораго дочь, Ольга, ровестница Татѣ и также тщательно охраняемая и воспитываемая, какъ и мое сокровище. Вистромъ помощникъ Вел. Кн. Николая, какъ командующаго войсками, человекъ умный, просвѣщенный и очень симпатичный. Баронесса—мачиха рѣдкая, судя по заботамъ ея о дѣтяхъ, особенно объ Eugène, напоминающемъ маленькаго Домби, желавшаго знать, что говорить море. Кажется, съ обѣихъ сторонъ было искательство. И имъ и намъ хотѣлось имѣть товарку дочери. Обѣ дѣвочки сошлись и начинаютъ дружить. Оля нѣсколькими мѣсяцами моложе Таты, и во всякомъ случаѣ наша стоитъ выше. Но, съ другой стороны, Оля бойчѣе и вообще не такъ сосредоточена, какъ Тата и очень веселаго нрава. Но едва ли мы сойдемся во взглядахъ на воспитаніе, которое желаемъ дѣлать совмѣстно. Они смотрятъ какъ на идеаль—прекрасно говорить по французски и прекрасно танцовать. И при томъ все это какъ бы походя, подешевле. Французскій языкъ и танцы для меня совершенно второстепенное дѣло, а за дешевую плату домашнее воспитаніе положительно невозможно. При томъ же и цѣли наши различны. Ольга вѣроятно будетъ при дворѣ, положеніе отца того требуетъ; а моя должна получить образованіе серьезное для кабинета и домашняго круга. Впрочемъ домашнее воспитаніе дѣлается все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Мы бьемся, чтобы залучить какого-нибудь Флери или Балакирева, а они не находятъ часа времени. Все время ихъ поглощено общественною дѣятельностію, въ заведеніяхъ правительственныхъ и частныхъ. Общій потокъ влечетъ къ одиночности, и должно будетъ

кончить тѣмъ, что Тата будетъ ѣздить въ консерваторію и въ общіе классы.

Дѣйствія Виленскаго управленія составляютъ предметъ постоянной критики нашей бойкой публицистики. Въ самомъ дѣлѣ, и по входящимъ до меня свѣдѣніямъ, система генерала Потапова отзывается духомъ партіи „Вѣсти“. Несчастный западный край есть ядро Польскаго вопроса, который, съ однимъ царствомъ, конгрессовкой, немыслимъ безъ этого края, а между тѣмъ управленіе западными губерніями ввѣрялось и ввѣряется такимъ ничтожнымъ личностямъ, и въ этомъ управленіи столько колебаній, непослѣдовательности и ошибокъ, что общественный строй всего края стоитъ въ какомъ-то легально-враждебномъ отношеніи. Я полагаю введеніе въ преподаваніи Русскаго языка, введеніе земской и судебной реформы сплотили бы край скорѣе и прочнѣе, нежели произвольная и жестокая крестьянская и контрибуціонная реформа. Поляки будутъ впереди (они и въ Петербургѣ впереди), но Поляки Русскіе. Впрочемъ условія вѣры и народности, для нѣкоторыхъ постовъ, не были бы лишними. Но генераль Потаповъ гнетъ въ пользу пановъ, въ пользу польщизны. Онъ беретъ въ расчетъ мѣстныя народности, Жмудь, Бѣлорусцевъ, Поляковъ. Гдѣ же устоятъ этимъ мелкимъ народностямъ, если театръ, школа, судъ и сама церковь заговорятъ порусски? Вообще сплоченіе окраинъ должно считать вопросомъ порѣшеннымъ. Десятокъ лѣтъ, когда водворятся и окрѣпнутъ Русскія учрежденія, и Русское превосходство обойметъ общество въ отдаленныхъ окраинахъ.

Публицистика наша, особенно „Москов. Вѣдомости“, оказываютъ свою дѣятельностію несомнѣнную услугу государству, и въ этомъ отношеніи замышляемая ограниченія печати, затруднивъ эту дѣятельность, будутъ не болѣе какъ отголоскомъ желчныхъ личностей или—много-много—партій, и именно партіи нерусской и „Вѣсти“, о приверженцахъ которой Государь, еще на письмѣ Мих. Безобразова, въ 1858 г., отозвался какъ объ олигархахъ.

Смотрю я каждый день на деверя А. А. Б. и только благодарю Господа за то, что я есмь. *Только по великой Его милости* я есмь что я есмь. Какъ часто я возношу молитву благодарности къ Творцу Небесному за то, что я есть, что я есмь. Я такъ виноватъ.

Смотрю я на семейство Обол. и только благодарю Господа за то, что я есмь. Могло быть что и съ ними. Что и съ Прот. Что и съ Прон. Что и съ сотнями и съ тысячами. *Только великой Твоей милости*, о Господи, обязанъ я тѣмъ, что я есмь. Я много виноватъ и мало заслужилъ. Милость Божія не разбираетъ. Пути ея неисповѣдимы. Но она есть. Вѣрю. Да. Но гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость, и на оборотъ, гдѣ милость, тамъ и гнѣвъ. Только вѣрь въ милость. Христось никогда

не гнѣвался. Гнѣвъ Божій, это случайность, отсутствіе милости или непризнаніе ея всеобъемлющаго присутствія. 10 Сентября.

„Справочные (кассационные) Листы мои печатаются медленно. Я думаю составить десятка три общихъ положеній и привести къ этимъ общимъ знаменателямъ наши рѣшенія. Предубѣжденія ко мнѣ моихъ товарищей (большинства правовѣдовъ) останавливаютъ меня въ этихъ работахъ. Г.г. товарищи полагаютъ, что я желаю выставить противорѣчія въ нашихъ рѣшеніяхъ. У меня и мысли о томъ не было. Моими Листами я желаю положить широкія основанія къ изученію кассаци и легкостію справки съ прежними рѣшеніями предупредить противорѣчія, которыя и теперь уже численны, и теперь уже способны произвести смущеніе. Наши основанія весьма зыбки. По дѣлу Дурова прочтено такое свѣдѣніе, которое не могло быть читано, а между тѣмъ оно зарѣзало подсудимаго: мы не кассировали. По дѣлу купцовъ Трофимовыхъ прокурору недозволено было прочесть ни одной изъ четырехъ бумагъ въ дѣлѣ, и мы оставили протестъ прокурора безъ уваженія, хотя оправданъ явный подлогъ, въ которомъ письменно сознался самъ подсудимый.

Ограждается-ли правосудіе уставами 20 Ноября 1864 г.? Вотъ вопросъ, который я сдѣлалъ товарищамъ моимъ при совѣщаніи по дѣлу Трофимова. Всѣ взглянули на меня съ недовѣріемъ. Я жду подробнаго отчета о послѣдствіяхъ кассаци на мѣстахъ, чтобы сказать мое окончательное мнѣніе.

Прочелъ я романъ Ауербаха: „Das Landhaus am Rhein“. Къ концу я былъ измученъ безпрестанными потрясающими событіями, которыми раздражается пятый томъ этого длиннаго романа, растянутаго побочными отступленіями и иногда исполненнаго невѣроятными, мелодраматическими, въ родѣ Французскихъ, происшествіями. Но романъ превосходный, задуманъ широко и глубоко и приковываетъ читателя. Интересъ растетъ постепенно и постоянно. Живыя, сильныя личности соприкасаются съ вами. Видишь прекрасныя картины Прирейнской природы и жизни. Вникаешь въ психологическія явленія дѣйствующихъ лицъ. Поражаешься смѣлою обстановкою, проникаешься участіемъ, ждешь и придумываешь развязки и нерѣдко удивляешься изобрѣтательности автора и послѣдовательной вѣрности его героевъ: Зонненкампа, Эриха, Роланда, Манны и Клодвига и матери-профессорши, и этой загадочной графини Белы.

Я предпочитаю этому роману (немножко трактату, мелодрамѣ) романъ *Auf der Höhe*, изящное, высокое выраженіе блеска и простоты, страсти и благородства. Но я хочу дать отчетъ и о „Дачѣ на Рейнѣ“. Во многомъ онъ оскорбляетъ здравый смыслъ. Идеальная Манна, такъ упорно не соглашавшаяся оставить монастырь, такъ легко оставляетъ

его по желанію Роланда. Этотъ идеаль ужъ очень пофранцузски отдается Эриху, цалуясь какъ героиня Федѣ и оставаясь такъ мало подвижна при проповѣди пастора, когда онъ вызывалъ, на похоронахъ матери (жертвы срама и несчастія) посвятить себя Богу.

Зонненкампъ напоминаетъ какія-то героическія времена, когда цѣльность человѣка была внѣ всякаго вліянія семьи, общества и образованности. Сцена во дворцѣ съ княземъ и Адамомъ (совершенно невѣроятная по этикету дворовъ и по княжескому достоинству) представляетъ его какимъ-то дикаремъ, а сцена исповѣди предъ почетнымъ судомъ переполняетъ всякую мѣру насмѣшки и презрѣнія. Отношенія его къ Белѣ во время суда и при побѣгѣ совершенно мелодраматическія, à la V. Hugo, а до этого обликъ Белы выступалъ рельефно и естественно. Счастливые обрисованы Эрихъ и Роландъ; но образъ Эриха, гуманиста не новъ, а для Роланда романъ начинается только въ концѣ романа, когда въ Америкѣ онъ сходится съ семействомъ доктора Фритца. Не совсѣмъ ясна фигура Прайкена, загадочны и Церера и Мильхъ, которые все знаютъ. Докучливы майоръ-барабанщикъ и учитель Кнопфъ. Прекрасно обрисованы графъ Клодвигъ, гражданинъ Вейдманъ и дръ Рихардъ.

Для меня собственно интересенъ былъ планъ воспитанія. У меня есть свой Роландъ. Въ этомъ отношеніи книга не доставила мнѣ желаемыхъ данныхъ и ничего новаго. Уединеніе, Франклинъ и corpus juris Ейнзиделя и у меня были на сценѣ, но я Эриха не нашелъ, а самъ, какъ отецъ, имъ быть не могъ. Загадочно и то, чтобы такая блестящая личность, какъ капитанъ-докторъ, товарищъ царствующаго государя, не нашелъ въ наше время другой дѣятельности, какъ идти въ частную службу къ Американцу, грубому богачу съ глуповатой женою.

Проясняется-ли идея „вселенскаго собора“ въ Римѣ? Протестація отца Гіацинта и Нѣмецкаго духовенства, какъ протестантскаго, такъ и католическаго, удостовѣряетъ въ томъ, что Римской церкви грозятъ новыя ереси, новыя отпаденія. Можетъ быть, Папа останется съ одними Іезуитами. Какой новый всеобъемлющій догматъ придумаетъ этотъ католическій домашній соборъ? Очевидно, онъ вызоветъ въ тѣсной средѣ своей разномыслія и внутренній раздоръ. Думать о воссоединеніи церковей немислимо. Допустить переменны въ отношеніяхъ церкви къ государству никто не согласится. Связанный по рукамъ и ногамъ своими силлабусами, либераль 1847 г. созываетъ соборъ, чтобы сознать свою несостоятельность. Есть конечно и другой исходъ, о которомъ можетъ быть, мечталъ Шатобрианъ, но который едва ли доступенъ для тѣсной главы Римскаго клирика. Это осуществленіе евангельскаго ученія Христа не на словахъ, а въ дѣйствительности. „Брось, богачъ, все и иди за

Мною“. Другими словами: *la propriété est un vol*. Милліоны неимущихъ послѣдуютъ этому вызову. Соціализмъ получить святость догмата. Но Папа первый долженъ показать примѣръ самоуничженія. Папа думаетъ совсѣмъ иначе.

Графъ Толстой ведетъ къ радикальнымъ реформамъ въ духовенствѣ и находитъ сочувствіе въ просвѣщенныхъ его членахъ, но за то рѣшительное несочувствіе въ непросвѣщенныхъ (преимущественно сельскихъ) и въ высшей монашеской іерархіи. Мнѣ извѣстны мнѣніе объ этомъ покойнаго Филарета, мнѣніе Иннокентія Московскаго. Не знаю, какъ думаютъ объ этомъ Платонъ, Макарій и др. высокіе сановники церкви, но митрополитъ Исидоръ рѣшительный противникъ этихъ „новшествъ“. Борьба, которая другой годъ ведется имъ со сѣздами духовенства, пробирается въ газеты, и общественное мнѣніе готово осудить упрямыхъ старцевъ. И осудить несправедливо. Греческая церковь со временъ Константина была и остается учрежденіемъ государственнымъ, почти полицейскимъ. Этимъ объясняется малая доля участія церкви въ гражданственности народа. Она жила и двигалась внѣ своей сферы, связанная свѣтскою властію, и выродилась въ обрядность. Реформы необходимы, и нынѣ предпринятія касаются насущныхъ потребностей церкви. Но тѣмъ-ли путемъ онѣ совершаются? Правда, онѣ проводятся чрезъ Синодъ, въ усиленномъ его составѣ. Но чтò такое Синодъ? Онъ составленъ изъ специалистовъ, которые знаютъ дѣло, но съ ними и при томъ надъ ними стоитъ какой-нибудь Ягужинскій съ своей канцеляріей и высочайше утвержденнымъ докладомъ, съ перспективой наградъ и назначеній. Ни народъ, ни общество, ни само духовенство не вѣрятъ въ авторитетъ Синода, еще менѣе въ авторитетъ первенствующихъ его членовъ, какъ Исидоръ и Иннокентій. Подобныя коренныя мѣры требуютъ, кажется, освященія соборомъ духовенства не вселенскимъ который невозможенъ, но Всероссійскимъ, какіе у насъ бывали. Такія мѣры вырабатываются и принимаются не канцелярскою ловкостію, но съ гласностію и торжественностію, подобающими церковному устройству. Введеніе коренныхъ мѣръ другимъ путемъ встрѣтитъ глухое противодѣйствіе, какимъ встрѣчено напр. постановленіе о попечительствахъ или, чтò еще хуже, породить, въ невѣжественныхъ массахъ расколъ, который сопровождалъ у насъ всякія „новшества“ въ церковномъ благоустройствѣ.

Продолжаю я читать Остзейскіе памфлеты. Новая брошюра ф. Бокка: *Der deutschrussischer Conflict* ничего не приноситъ новаго, а многое искажаетъ въ старомъ. Онъ умалчиваетъ, какъ Остзейцы, тѣснимые Иваномъ Грознымъ, обращались къ императору и какой отвѣтъ отъ него получили. Боккъ выражаетъ полнѣйшую надежду на защиту

Германіи, гдѣ есть для этого и „мужъ“ на все великое способный. Эти памфлеты только раздражаютъ умы, особенно умы молодые. На дняхъ была манифестація (ночная кошачья музыка и выбитіе стеколь) противъ доцента Валькера, о которой производится формальное слѣдствіе. Попечитель Дерптскаго округа, гр. Кайзерлингъ подалъ въ отставку. Много кафедръ не занято. Едва-ли въ Дерптскомъ, университетѣ (это гнѣздо остзейщины) не будетъ того же, что въ Варшавскомъ. Раздраженіе Остзейцевъ достигло крайнихъ предѣловъ. Человѣкъ въ такомъ положеніи обыкновенно дѣлаетъ непослѣдовательныя движенія, сбивается и падаетъ.

Кассація не оставляетъ озабочивать меня постоянно. Она кромѣ противорѣчивыхъ рѣшеній, производящихъ смуту, грозитъ выродиться въ формализмъ какъ теорія незаконныхъ доказательствъ. Съ самаго вступленія моего я старался: 1) не выработывать, не касаться началъ, а держась даннаго случая, предоставить времени изъ массы данныхъ выработать доктрину; 2) изъ частныхъ общихъ вопросовъ я желалъ провести то правило, что на подсудность и на преданіе суду допускать кассационныя жалобы, независимо отъ рѣшенія по существу, нельзя: „мы уже рѣшали такъ и потому связаны“. 3) Незъявленіе въ сутки неудовольствія лишаетъ права на обжалованіе. Сутки! А подсудимые не вызываются, дѣла рѣшаются и приговоры объявляются безъ ихъ бытности. Да и что значить суточный срокъ, если есть еще двухнедѣльный? 4) Всемогущая 119 ст. Уг. Суд. требуетъ болѣе точной обстановки. Она явно злоупотребляется и судьями и съѣздами. 5) Столкновеніе подсудностей уголовной и гражданской является безпрестанно, особенно при закладахъ, при торговлѣ по довѣрію къ приказчикамъ, и 6) канцелярскіе* лорядокъ у насъ въ движеніи дѣлъ и опредѣленій. Здѣсь не только нѣтъ порядка, но и тѣни порядка. Произволь и хаосъ.

И порознь, и въ собраніи я говорилъ объ этомъ въ Декабрѣ прошлаго года. По множеству занятій отложили переговоры до Мая, когда передъ вакантомъ будетъ нѣсколько свободнѣе. По вступленіи въ должность первоприсутствующаго я снова предложилъ составить изъ себя комитетъ и предварительно разработать эти вопросы, включивъ между ними вопросъ объ ограниченіи кассаціи и формѣ жалобъ, а равно и пересмотрѣть наказъ. Товарищи взглянули на меня такъ, что я сдѣлалъ себѣ вопросъ: да ужъ вѣрятъ-ли они въ кассацію? Или надѣются порѣшить съ ней? Кассационныя рѣшенія имѣютъ силу закона (всеобщаго руководства), и на нихъ никто не можетъ приносить (нигдѣ не принимаются) жалобы. Можно-ли такое могущество въ великой, 80 милліонной Имперіи вручить двумъ (по большинству тремъ) хотя бы очень умнымъ и опытнымъ сенаторамъ? Не требуетъ-ли отправленіе такого

могущественнаго права болѣе сложной обстановки? Иначе не подавить-ли это могущество собственнаго достоинства?

Начиная съ 4 Октября въ Петербургѣ господствуетъ общее опасеніе ожидаемаго, въ нынѣшнемъ году, наводненія, гораздо сильнѣйшаго нежели было 7 Ноября 1824 г. По справкамъ оказывается, что въ эти 45 лѣтъ ничего не сдѣлано, чтобы оградить столицу отъ страшной опасности и страшныхъ жертвъ, кромѣ стихотвореній Шевырева „Петроградъ“ (море спорило съ Петромъ, и Петръ одолѣлъ) и стихотворенія Хомякова, въ которомъ знаменитый Славянофилъ влагаетъ въ уста рыбака „на берегу пустынныхъ водъ“, что

Только шпиль отъ колокольни
Видѣвъ изъ моря одинъ. (Потому что Петербургъ хотя)
Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ,
Но какъ съ Богомъ онъ ни спорилъ,
Богъ его перемудрилъ *). (Да, стихотворенія только!)

Но въ самомъ дѣлѣ: что же сдѣлано съ 1824 г., чтобы предупредить возможное, случившееся бѣдствіе? Удлиненъ обводный каналъ. Но что это за каналъ? Что это за канавка, облегающая южную часть города? Кажется, прилично было бы поговорить серьезно нашимъ геологамъ и правителямъ о невозможности или о возможности, о послѣдствіяхъ ожидаемаго страшнаго событія. Самая свободная пресса могла бы посерьезнѣе заняться этимъ вопросомъ, а не отбояриваться одними фельетонами. Городская площадь съ Сѣвера и Юга лежитъ въ ямѣ. Но на Востокъ до Шлиссельбурга Невская равнина, кажется, ниже этой площади, хотя надъ этой равниной господствуетъ свое море, Ладожское (можетъ быть, часть Балтійскаго).

Безпокойства, озабоченій и опасеній много, а свободная пресса, такъ тщеславящаяся своими заслугами (заслуги „Моск. Вѣд.“, дѣйствительно несомнѣнны, какъ и вообще гласности, соединенной съ печатью) не внесла въ этотъ вопросъ ни малѣйшаго содѣйствія.

И опять драмы, опять драммы! И не находится точки опоры и отдохновенія. Знаю, что время и опытъ приведутъ къ моему воззрѣнію, какъ основанному на безкорыстной оцѣнкѣ условій даннаго явленія; но каково ждать этого времени, когда эти драммы задѣваютъ самыя чувствительныя условія и цѣли жизни? Полагаюсь на тебя, о Господи! Великая помощь Твоя никогда меня не оставляла, меня, недостойнаго. А мнѣ нужна помощь не столько утѣшителя, сколько просвѣтителя. Ты еси свѣтъ.

*) Это изъ стихотворенія М. А. Дмитріева, а не Хомякова. П. Б.

Назойливость печати и гласнаго суда должна имѣть свои границы, переступая которыя, она можетъ испортить дѣло. Въ Юлѣ нынѣшняго года состоялось Высоч. повелѣніе объ изыятіи отъ явки въ судъ лицъ высшаго разряда (произведшее на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе и состоявшееся по случаю требованія въ качествѣ свидѣтелей кн. Меншикова и генер. Трепова), и сенаторъ князь Оболенскій, бывшій Московскій губернаторъ, добрыйшій Алексѣй Васильевичъ, вызываемый какъ свидѣтель по дѣлу о подложномъ завѣщаніи помѣщика Андреева, пожелалъ воспользоваться этимъ изыятіемъ, и судъ постановилъ допросить его на дому. Изъ этого простаго случая судъ умудрился сдѣлать цѣлую площадную исторію, а печать, особенно „Голосъ“ и „Петербург. Вѣдом.“ пропечатали эту исторію на всѣхъ столбцахъ и на всѣ стороны. Эта агитація противъ привилегіи не порицательна, но обстановка ея не достойна ни суда, ни серьезной печати. Привилегіи нельзя жить въ наше время. Она рано или поздно задохнется, потонетъ, исчезнетъ. Но противодѣйствіе одному повелѣнію можетъ вызвать другое, а это другое повелѣніе можетъ пошатнуть и все зданіе, такъ поспѣшно и такъ недавно построенное. Когда-то Гизо упрекалъ Французское общество, что оно робко пользуется или и совсѣмъ не пользуется предоставленными ему правами. Насъ можно упрекнуть, что мы слишкомъ бойко и широко распространяемъ наши права. Неровенъ часъ. Судъ разрѣшилъ не освѣщать черныя лѣстницы, а повелѣніе разрѣшило освѣщать. Судъ разрѣшаетъ допускать нижнихъ чиновъ въ питейные дома (хотя входъ запрещенъ закономъ), надобно ожидать, что новое повелѣніе отмѣнитъ и это толкованіе. Дѣло въ томъ, что, допуская входъ, полиція имѣетъ законное основаніе запрещать. Дѣло въ томъ, что надобно избѣгать столкновеній, а не называться на нихъ, не навязываться. Конфуза князя Оболенскаго, судъ раздражаетъ цѣлые классы и можетъ навлечь подозрѣніе въ чистотѣ своихъ дѣйствій. Того и гляди послѣдуетъ новое Высоч. повелѣніе. Неровенъ часъ. Всѣ эти и подобныя демонстраціи я приписываю непостепенности, радикальности введенія судебной реформы и молодости первыхъ ея дѣятелей.

Нѣкто Федоровскій, обозрѣвая наши рѣшенія по нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія, рѣзко порицаетъ ихъ, говоря, что они доводятъ до абсурда, и что нѣтъ никакой возможности согласовать рѣшенія Сената 1867 г. № 444 (Зубова) и № 549 (Арцимовича) и рѣшенія 1868 г. № 375 (Стояновскаго) и № 550 (мое) и руководствоваться одновременно толкованіями того и другаго. Мое опредѣленіе относится къ дѣлу судебной палаты, всѣ прочія къ мировымъ установленіямъ. Тамъ разсматривалась совокупность, въ моемъ ея нѣтъ. Такъ за чѣмъ же оно попало въ рядъ?

Впрочемъ ошибки и противорѣчія возможны и существуютъ. Желательно, чтобы онѣ были не такъ легко возможны, т. е. чтобы общіе вопросы, какъ опредѣленіе 67 г. № 444, были обставлены лучшими ручательствами. Это опредѣленіе, какъ и въ 1868 г. № 388 о Поставскомъ и Зонтѣ № 770, имѣютъ всю силу постановленій органическихъ. Кажется, ихъ слѣдовало бы вносить въ общее собраніе по крайней мѣрѣ.

Съ своей стороны я сдѣлалъ сводъ нашихъ рѣшеній и думаю, что изданіемъ нынѣ отпечатанныхъ „Справочныхъ Листовъ“ я оказываю услугу, давая широкія основанія для изученія кассации и преподавая легчайшій способъ справкамъ и повѣркѣ. Трудъ довольно (не совсѣмъ) механической, но я уже вижу его пользу. По указаніямъ „Листовъ“ можно выяснитъ значеніе статьи въ многообразныхъ ея примѣненіяхъ и въ соотношеніи съ другими статьями. Жаль, что мои товарищи приняли трудъ мой довольно равнодушно, чтобы не сказать невнимательно. Буковский выразилъ опасеніе, что „Листы“ выставятъ яснѣе и полнѣе наши противорѣчивыя толкованія.

Я все болѣю и мало занимаюсь моими „Днями и Трусами*), а между тѣмъ записать есть что. Въ юго-западномъ управленіи направленіе начинается славянофильское, во главѣ котораго стоитъ княгиня-генераль-губернаторша. Въ сѣверозападномъ Потаповъ побѣжденный побѣдилъ и попечителя Батюшкова, и губернатора Шестакова, уволеннаго изъ свиты по флоту. Митрополитъ Сербскій Михаилъ подогрѣваетъ славянофильство въ Кіевѣ, Москвѣ и теперь въ Петербургѣ. Сынъ и посольство Бухарскаго хана просятъ о помощи и усиливаютъ нашу связь съ центральной Азіей. Депутатія „общества покровительства торговли“ проситъ о новыхъ туда путяхъ и о направленіи Аму-Дарьи въ Каспій. Важнѣе всего этого—погромъ на нашей биржѣ, упадокъ курса (до 308 сант.) и всѣхъ процентныхъ бумагъ, страшныя, сложныя преступленія и пересмотръ законовъ о цензурѣ и печати, увольненіе Дерптскаго попечителя графа Кайзерлинга и выборъ въ предводители барона Унгернъ-Штернберга, требующаго, вмѣстѣ съ прокуроромъ (?) дѣлопроизводства въ Приказѣ общ. призьнія, вмѣсто Прусскаго, всегда тамъ употреблявшагося, на Нѣмецкомъ языкѣ. Событія такъ и бѣгутъ, бѣгутъ такъ, что теряешь къ нимъ довѣріе, сомнѣваешься въ прочности, не видишь естественной послѣдовательности. Безпрестанные пожары (такъ выгорѣлъ весь Енисейскъ), безпрестанные случаи на желѣзныхъ дорогахъ (какой безпорядокъ отъ одного пожара на Мстинскомъ мосту!), смѣлыя публицистики,

*) Такъ К. Н. Лебедевъ называлъ свои Записки. П. Б.

скандалы и цинизмъ нѣкоторыхъ личностей такъ и бьютъ въ глаза, такъ и будятъ реакцію. Мы недалеко отъ того разочарованія, въ которое впалъ Юсифъ II. У насъ, правда, нѣтъ ни Венгріи, ни Нидерландовъ; но у насъ есть нужда, раздражаемая наглою расточительностію; у насъ есть невѣжество и невѣжественное духовенство, которому угрожаетъ несостоятельность. Противодѣйствіе явится отъ нужды и невѣжества. И справедливо. Мы, Петербургскіе реформаторы, найдя элементы воспріимчивости въ обѣихъ столицахъ, совершенно неправильно приняли Россію за Европу. Въ губернскихъ и во всѣхъ уѣздныхъ окружныхъ судахъ нѣтъ публики, нѣтъ и охотниковъ на мѣста присяжныхъ повѣренныхъ, такъ что не только гласность, но и состязательность суда невозможна. Каѳедры въ университетахъ не заняты. Глупаго магистра въ Казани дѣлаютъ докторомъ. Половина Москвы—Замоскворѣчье—не имѣетъ гимназій. Налоги земскіе не подъ силу земству. Заемъ 12 милліон. для погашенія ассигнацій оставляетъ ихъ въ обращеніи. По мѣрѣ расточительности окладами, арендами, землями и имѣніями вырастаютъ цѣны на предметы первой необходимости. А нужда растетъ, растетъ и преступность распространяется, безцеремонностью подрывается семейство, колеблется собственность. Да, но развѣ все это только у насъ? У насъ это особенно бросается въ глаза отъ рѣзкости перехода, которая всегда имѣетъ два послѣдствія: самоувѣренность до цинизма однихъ, облагодѣтельствованныхъ реформою, и противодѣйствіе до подлога другихъ обиженныхъ ею.

Сегодня я былъ вызванъ къ мировому судѣ въ качествѣ свидѣтеля, по ссылкѣ на меня ст. сов. Кладо, жалующагося на дурную топку нашего дома. Я не воспользовался закономъ о допросѣ высшихъ чиновъ на дому, явился къ судѣ и присоединился къ частному обвинителю. Судья рѣшилъ: обязать домовладѣлицу озаботиться топкою и поддерживать температуру въ комнатахъ не ниже 15 град. по Реомюру. Обязать! Ну а если она не исполнить? Мелкое дѣло, но большой важности. Хозяйка или несчастная дочь ея, Львова, по злобѣ на кого-то изъ жильцовъ, не топить печь (топка общая для всѣхъ этажей). Вчера у меня было 8 град. Сегодня топлено, а у меня 10 гр. И сегодня, 30-го, у меня 10 град. Я весь трясусь. Посмотримъ чтѣ будетъ. И сегодня, 31, были архитекторъ и участковый—не болѣе 11-ти. Приходила и г-жа Львова, съ своимъ термометромъ. Она съ наглостію говорила мнѣ: Да что вы шубы не наденете? Да почему вы не выйдете? Я не отвѣчалъ ни слова, наглянка несчастная.

Я думалъ: достаточно-ли огражденъ жилецъ отъ притѣсненій? Посмотрю чтѣ будетъ далѣе. Вотъ и возня съ полиціей. Составляются и подписываются акты о низкой температурѣ.

Но какъ же проведемъ мы зиму, которая только начинается?

Мнѣ кажется, полиціи слѣдуетъ донять хозяйку штрафами и взять отопленіе на свою отвѣтственность.

1 Ноября. Кажется, правильная топка установилась.

Трудно найти квартиры. Даже всѣ номера въ гостинницахъ заняты. Стеченіе прїѣзжихъ, ходатаевъ и искателей огромное. Цѣны на все растутъ. Расточительность правительства и биржевыя спекуляціи надувають жизнь. Послѣдствія: бѣдность и преступность.

Пересматриваются законы о печати, очевидно въ видахъ усиленія администраціи и суда противъ „необузданности и неумѣренности печатнаго слова“. Особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ кн. (С. Н.) Урусова, должна съ твердостью и добросовѣстностью, не подчиняясь ни какому увлеченію, совершить это дѣло. Въ коммисію назначены спеціалисты и люди умные. Но дѣло-то мудреное. Законъ 6 Апр. 1865 г. взятъ изъ Франціи. Онъ держится на произволѣ предостереженій. Они во Франціи отмѣнились обычаемъ, довольно рѣдки они и у насъ. Но если произволъ недостаточно силенъ, то даетъ-ли болѣе силы тѣсная законность? Если *Lanterne, Reveil, Rappel* возможны у Наполеона, молодая Россія выставитъ смѣльчаковъ, выражающихся, если не съ такою дерзостью, то съ еще худшимъ цинизмомъ. Страшны не тѣ мѣры, которыя придумаются этими спеціалистами и умными людьми (они ничего не придумаютъ), а страшно то, что, не довольствуясь предостереженіями, правительство задумало усилить администрацію и судъ, что оно ворочается назадъ. Возвращеніе назадъ всегда дурно, нравственно и политически вредно и компрометтируетъ власть и законъ.

Задача состояла въ одномъ: регулируйте предостереженіе. Я стою на томъ, чтò писалъ Валуеву въ 1863 г., что предостереженіе должно имѣть юридическое значеніе и слѣдовательно исходить отъ независимой коллегіи. Совѣтъ министра тутъ недостаточенъ.

Прочелъ я рандглоссы Юлія Эккардта на сочиненіе Самарина „Окраины“. Рандглоссы, полныя желчи и ненависти, написаны бойко, гладко и ловко, но съ такою запальчивостью, пересыпаны такими намеками и подозрѣніями, съ такимъ открытымъ порицаніемъ Петербургскихъ Сената и Совѣта, что появленіе этой книги (*Juri Samarins Anklage, Leipzig, 1869*), еще болѣе раскрываетъ виды и программу Нѣмецкой партіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Опѣмеченіе Люттовъ и Эстовъ партія эта считаетъ естественнымъ послѣдствіемъ историческаго развитія края и законнымъ призваніемъ высшаго господствующаго тамъ Нѣмецкаго элемента. Общественныя усовершенія должны производиться тамъ не путемъ законодательнымъ Имперіи, а на основаніи трактатовъ и гарантированныхъ ими мѣстныхъ учрежденій. И эта

нація (пигмей думаетъ бороться, и при томъ въ настоящее время) съ Русскимъ колоссомъ! И противъ всѣхъ общечеловѣческихъ преобразованій она рѣшается отстаивать средневѣковые порядки, силу *corpus juris, diploma Radzivilianum, privilegium Sigism. Augusti, posttestum S-tai Catharinae*. Конечно, это самообольщеніе, которое разочаруется въ самомъ непродолжительномъ времени, когда университетъ и города измѣнять свои Нѣмецкія учрежденія, когда въ народныхъ школахъ будутъ обучать Русскому языку и когда въ судахъ и администраціи будетъ слышаться государственный языкъ Имперіи. А пора!

Глубокое, оскорбительное презрѣніе чувствуется въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ Эккардта. Мнѣ кажется раздраженіе достигло крайняго предѣла. Пора! Такая открытая оппозиція, выразившаяся и въ другой книгѣ Эккардта: *Bürgerthum und Bureaucratie* и въ книгѣ Гарлеса *Geschichtsbilder* (стр. 203 и 209) немыслима въ благоустроенномъ государствѣ, и пора положить этому конецъ.

Увольненіе Шестакова и Батюшкова дѣлаетъ много шуму не по личностямъ этихъ гг. не особенно замѣчательнымъ, а по вмѣшательству въ это дѣло нашей публицистики, и именно „Москов. Вѣдом.“, въ тайныхъ сношеніяхъ съ которыми обвиняютъ бывшихъ Виленскихъ начальниковъ. Я этого не думаю. Генераль Потаповъ столько выгналъ чиновниковъ, что редакція могла получать всевозможныя свѣдѣнія о ходѣ всякихъ дѣлъ въ краѣ. Одинъ Зубковъ стѣбитъ архива. Да и какой поводъ? Шестаковъ выбранъ самимъ Потаповымъ, Батюшковъ дѣйствовалъ въ его духѣ. Вообще управленіе Потапова отличается непослѣдовательностію, собственнымъ его ложнымъ положеніемъ и мелочностію. Нельзя думать, чтобы онъ находилъ пріятнымъ пребываніе въ этомъ краѣ и вѣроятно скоро оставитъ. Онъ опять собирается въ Петербургъ, — даже кажется со всѣмъ семействомъ — можетъ быть съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ Вильну, гдѣ „Московскія Вѣдомости“ не дадутъ ему покоя. Печать начинаетъ дѣйствовать какъ настоящая, могущественная сила, и боязливое невѣжество управляющихъ помогаетъ созрѣнію этой силы. Особенно умѣючи взялся за дѣло Катковъ, Головинъ и гр. Д. Толстой явно заискивали въ немъ. Генераль-губернаторы Безакъ, Крыжановскій знакомились съ нимъ, чтобы просвѣтить себя. Да, но при такой силѣ гласности и печати гдѣ же обличеніе найдетъ *отвѣтственность*? Безъ нея зло шатается, но не вырывается съ корнемъ, а шатаясь, зло это шатается и довѣріе къ преобладающей власти.

Большіе споры объ *окончательной* (верховой) власти судебныхъ палатъ прекращать начатыя слѣдствія. Онѣ прекращаютъ или по неправильному толкованію закона (скопцы изъ инновѣрцевъ неприступны) или по превышенію власти (мертвецки пьяный невмѣняемъ. Признан-

ный злостнымъ банкротомъ, не ведшія торговыхъ книгъ—недостаточно доказанъ) и проч. Власть палаты обширна и окончательна. Какъ оградить правосудіе? Рѣшили: порядкомъ надзора. Палатскіе прокуроры доносятъ министру, онъ предлагаетъ Сенату, Сенатъ исправляетъ (неисправимое, ибо опредѣленіе палаты окончательно) и объясняетъ для будущаго. Я думалъ иначе. Порядокъ надзора есть во всякомъ случаѣ дѣло управленія. Я полагалъ предоставить прокурорамъ право протеста,—право открытое, вмѣсто келейнаго донесенія министру, дѣлаемаго по усмотрѣнію прокурора и предлагаемаго министромъ по его усмотрѣнію.

Телеграфъ принесъ рѣчь Наполеона (17) 29 Ноября при открытіи новаго парламента. Въ ней много смѣлости и опасеній. Въ ней упреки, просьбы и угрозы. Трудно водворяется свобода во Франціи, началъ онъ. „За порядокъ я отвѣчаю, вы помогите мнѣ устроить свободу, спасти свободу. Я далъ большія льготы (продолжаетъ онъ что-то загадочно), а вы не хотѣли отказаться отъ прошлаго, обезоружить правительство и поколебать имперію“. Напряженіе умовъ и раздраженіе партій дошли до крайности. Вѣроятно назначеніе министерства Оливье, личности довольно посредственной. Эта уступка будетъ началомъ, которое покончитъ съ имперіей. Императоръ такъ много общается въ рѣчи, что видишь въ торопливой расточительности признаки слабѣющаго правительства, а между тѣмъ расточительность эта, при настоящихъ обстоятельствахъ, представляется мелкою, ничтожною.

Опять свиданіе съ Юліей Кожинной. Воспомянія моего дѣтства за 40 за 50 лѣтъ тому назадъ. Много и далеко ушло времени. Точно сонъ, я люблю мое прошедшее, мое дѣтство, мать, деревню и роци. Мать!

У насъ безпрестанныя иллюминаціи, встрѣчи и праздники. Они равняются нашимъ денежнымъ бумагамъ. Праздновали пятидесятилѣтіе Инженернаго Училища (такъ отдѣланнаго въ „С.-Пбург. Вѣдомостяхъ“ отъ 25 Ноября № 325) теперь празднуютъ столѣтіе Георгіевскаго ордена. И все такъ неблагоговѣйно, шумно, самохвально. И все такъ расточительно. Пора бы войти въ народныя нужды (убавить, если не совсѣмъ отмѣнить, прямые налоги), въ народное бѣдствіе пьянство (отъ котораго столько бѣдствій и на желѣзныхъ дорогахъ) и въ народное невѣжество. Помѣщики раззорены и гибнутъ массами. Крестьяне раззоряются и гибнутъ въ пожарищахъ. Торжествуетъ спекуляція, преимущественно иностранная и Жидовская. Роскошничаютъ антрепренѣры и Петербургскіе чиновники. Да и тѣ не роскошничаютъ: цѣны, по дешевизнѣ бумажныхъ денегъ, поднялись и поднимаются. Развратъ и преступность усиливаются. А у насъ праздникъ. Боюсь я, что не все

коту масляница, будетъ и постъ. Нашъ рубль понизился на 25%, а мы и въ усъ не дуемъ, выпускаемъ новыя серіи. На дняхъ кончились въ Петербургѣ три огромныя дѣла, замѣчательныя по своей наглой дерзости: о векселяхъ Плещеевой, о духовной Андреева и о поддѣлкѣ билетовъ. Подобныхъ дѣлъ, по объему и шайкамъ, я не помню въ старой практикѣ. Они равняются Харьковскому, Гавриловскому и характеризуютъ эпоху. Посмотримъ бюджетъ и поступленіе налоговъ. Да. Но все это дуту, бумажныя деньги.

Я опять болѣвъ. Желудокъ вышелъ изъ повиновенія. Разслабленіе общее во всемъ организмѣ. Напряженіе нервъ чрезвычайно. Я уже давно могу спать только при помощи наркотическихъ пріемовъ: сперва пива, потомъ портера и наконецъ виннаго настоя. Не сплю, сердцебіеніе страшное. Я между двухъ крайностей. Я опасуюсь незапной смерти. А умирать мнѣ рано. Обращаюсь къ великой милости Твоей, о Господи. 26 Ноября НВ съ 28 на 29 я почти совсѣмъ не спалъ и чувствовалъ біеніе сердца больного. Это біеніе сердца давно озабочиваетъ меня и есть главная причина бессонницы, усилившейся особенно съ 1848 года. 1 Декабря. Я все нездоровъ. Нѣсколько поправился, 2 Декабря.

Думаю я о нашей газетной гласности. Сколько въ ней подкуповъ и безнравственности! Это какіе-то бюро продажнаго вліянія и закупнаго давленія на общественное мнѣніе. Этого только не доставало. Ничего что Катковъ—по выраженію провинціи, усвоенной и переданной шефу жандармовъ генер. адъют. Шиповымъ—что Катковъ богъ, кумирь; но Катковъ чистъ, а если и не чистъ (по помѣси его съ мелочными величіями), то возвышенъ надъ этою продажностію мелкой публицистики. Я имѣю несомнѣнныя доказательства *такой* продажности „Судебнаго Вѣстника“, гдѣ съ редакторомъ—Лохвицкій, защитникъ Бильбасова, Вердеревскаго и т. п. Это—дѣло Яхемзена-Симанскихъ. Лохвицкій беретъ отстаивать его въ 7 д-тѣ и въ общ. собраніи за хорошія деньги. Это ничего; онъ адвокатъ. Но онъ обѣщаетъ содѣйствіе „Судебн. Вѣстника“. Это не хорошо. Жалкая публицистика! Или жалкая администрація!? И то и другое. Несоразмѣренныя съ нуждами реформы дѣлаютъ то, что людей нѣтъ. Впрочемъ печать вездѣ была и будетъ продажная. Никто однако не хвастается своею чистотою и безъуспѣшнымъ волокитствомъ такъ самохвално, какъ „Московскія Вѣдомости“. Ихъ подкупали Муравьевъ, черезъ Рачинскаго, Головинъ и гр. Толстой и даже Валуевъ; Потаповъ, черезъ Черняева и Веревкина, гр. Бисмаркъ черезъ Швейница. *И другіе.*

Вотъ и посланіе президента Улисса Гранта. Говорится и о Кубѣ и о Канадѣ. Говорится и объ Англіи (Алабамское дѣло) и говорится грозно, хотя очень покойно. 3 Декабря рожденіе Наташи. 13 лѣтъ.

Тутъ оканчивается имѣющаяся у насъ подлинная рукопись „Трудовъ и Дней“, въ которую К. Н. Лебедевъ, въ теченіе лѣтъ сорокъ сряду, заносилъ свои наблюденія надъ событіями и людьми и свои замѣтки о прочитанныхъ книгахъ. Постоянное напряженіе воли въ работахъ по служебной должности, неустанная дѣятельность головы, непрерывно слѣдившей за ходомъ дѣлъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, истощили его силы, и послѣднія семь лѣтъ жизни провелъ онъ въ настроеніи до того болѣзненнымъ, что даже тяготилъ собою столь дорогихъ его сердцу жену и дѣтей. Одинъ изъ близкихъ къ нему людей писалъ къ намъ про него: „Единственнымъ его пріателемъ, съ которымъ онъ сохранялъ добрыя отношенія до самой смерти, былъ Григорій Ивановичъ Кузминскій, музыкантъ и поэтъ, написавшій множество стиховъ (изъ нихъ на смерть Глинки и Дорогомыжскаго были напечатаны). Ежегодно Кузминскій жилъ у Лебедева лѣтомъ въ Василькахъ, по близости отъ станціи Крюково, Николаевской желѣзной дороги¹⁾. Онъ былъ лѣтъ на десять старше Лебедева. Отъ него вѣяло маркизомъ 18 вѣка. Вспоминаю случай, бывшій за два года до смерти Лебедева. Онъ былъ тогда страшно нервенъ. Мы всѣ и Григорій Ивановичъ ухаживали за нимъ, какъ могли, скрывая отъ него все, что сколько нибудь могло потревожить его. Лебедевъ боялся пожара и запретилъ строго топить печи, кромѣ кухни конечно. Но Григорій Ивановичъ вздумалъ затопить у себя во флигелѣ печь (старому человѣку утромъ показалось холодно, а вставалъ онъ очень рано). Мы этого ничего не знали. Когда всѣ собрались за однимъ столомъ завтракать, Григорій Ивановичъ сказалъ, что онъ уже поѣлъ, самъ приготовивъ себѣ „личницу-глазунью“. Какъ же вы сдѣлали это, ваше превосходительство? спросилъ Лебедевъ шутя.—„Да приказалъ затопить печь во флигелѣ и приготовилъ самъ; превосходно!“ Лебедевъ вспыхнулъ. Кто это вамъ позволилъ?—Какъ—кто? недоумѣвая, но уже тоже горячася спросилъ Кузминскій.—Я приказалъ не топить печей и т. д. и т. д. Словомъ генералы разгорячились страшно, и Григорій Ивановичъ вызвалъ Лебедева, драться на эспадронахъ! (Другого оружія не было). Лебедевъ принялъ вызовъ и приказалъ принести оружіе; жена бросилась успокоивать его, а Григорій Ивановичъ въ гнѣвъ отправился во флигель. Черезъ полъ-часа меня послали извиняться передъ нимъ, но тотъ въ этотъ же день на простой телѣгѣ уѣхалъ изъ Васильковъ, не простившись ни съ кѣмъ. Въ этотъ же годъ въ Сентябрѣ съ Лебедевымъ случился ударъ, и первый, кто пришелъ навѣстить страдальца былъ, конечно, Григорій Ивановичъ. Онъ навѣщалъ его почти до самой его смерти, пока самъ не свалился отъ тяжелой болѣзни. Какіе были люди! Сколько энергіи за 2-3 года до смерти!“

Изъ формулярнаго списка, выданнаго К. Н. Лебедеву для представленія въ Московское Депутатское собраніе, видно, что онъ изъ Московскаго университета поступилъ въ 1835 году въ Провіантскій департаментъ, откуда въ 1840 г.

¹⁾ Васильки принадлежатъ дочери К. Н. Лебедева, Натальѣ Кастановнѣ, бывшей въ замужествѣ за ст. сов. А. Н. Грифцовымъ. П. Б.

перешель въ Министерство Юстиціи, гдѣ и оставался до конца. Въ послѣдніе годы службы получалъ онъ 7 тысячъ жалованья и 2 тысячи арендныхъ.

Жизнь К. Н. Лебедева видна по его Запискамъ, которыя напечатаны у насъ не вполнѣ: приходилось опускать мелочныя подробности и почти все что касается до его братьевъ и сестеръ и дѣтей ихъ, которымъ онъ благодѣтельство-валъ.

Вотъ еще нѣсколько свѣдѣній объ этомъ столь достопамятномъ человѣкѣ.

К. Н. Лебедевъ родился въ 1812 г., Сентября 18 дня. Отецъ его былъ губернскимъ секретаремъ и служилъ въ Пензѣ, гдѣ и родился Касторъ Никифоровичъ. Мать (род. 1793) урожденная Кожина, была дочерью В. Кожина, помѣщика Пензенской губерніи, она воспиталась у Пензенскихъ родственниковъ своихъ Племянниковыхъ (въ родствѣ съ графами Чернышевыми) и вышла замужъ очень рано, 13 лѣтъ.

Она была несчастлива съ мужемъ, въ 1817 г. разсталась съ нимъ и уѣхала къ отцу въ село Знаменское. Мужъ ея въ 1818 году скончался. Молодая вдова осталась въ деревнѣ и посвятила себя дѣтямъ; она всему учила ихъ сама и приучала къ простой жизни и порядку.

Въ 1822 г. она со всѣми дѣтьми переехала въ Пензу, и директоръ тамошней гимназіи, извѣстный писатель И. И. Лажечниковъ, во вниманіе къ службѣ ея мужа*), далъ ей квартиру въ казенномъ домѣ, смежную со своею. Вдова Лебедева была дружна съ женою Лажечникова. Не имѣя почти никакихъ средствъ (приданое прожито въ первое время замужества), она завела пансіонъ; такъ продолжалось до 1828 года, когда Касторъ Никифоровичъ по окончаніи гимназическаго курса поступилъ въ Московскій Университетъ. Много было нужды и лишеній. Лебедева старалась держать дѣтей въ порядочномъ кругу и устраивала спектакли, на которые съѣзжалось въ гимназическую залу много любопытныхъ (Кожины, Лажечниковы, Племянниковы, Купріяновы.)

Черезъ Лажечниковыхъ Лебедевъ познакомился съ Протасьевыми, у которыхъ сталъ учителемъ, а потомъ сдѣлался другомъ дома.

К. Н. Лебедевъ скончался въ Петербургѣ и похороненъ на Волковомъ православномъ кладбищѣ. На могильномъ камнѣ его означено, что онъ умеръ съ 20 на 21 Мая 1876 года.

Въ приложеніи помѣщаемъ его даровитое, шуточное произведеніе, написанное на 22 г. жизни, вышедшее особымъ выпускомъ и надѣлавшее довольно шуму. П. Б.

*) Который былъ, кажется, смотрителемъ Пензенскаго уѣзднаго училища. П. Б.

Приложеніе къ Запискамъ К. Н. Лебедева.

Подарокъ ученымъ на М. Д. СС. XXXIV годъ.

Ergo, мотай себѣ на усъ.

О ЦАРЬ ГОРОХЪ.

Когда царствовали государь царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ и какъ царь Горохъ перешель, въ преданіяхъ народовъ, до отдаленнаго потомства. Въ Московской Университетской типографіи 1834 (цензурное дозволеніе И. Снигирева 22 Декабря 1833 года).

Чрезвычайное засѣданіе Философовъ, Историковъ, Естетиковъ.

Царь Горохъ доселѣ живетъ въ присловіяхъ и сказкахъ. Его нельзя сравнить съ Попомъ Ивановъ, котораго Русскіе полагаютъ въ Африкѣ и къ которому въ Азіи было множество миссій съ Запада. Объ немъ теперь толки нашихъ ученыхъ. Вотъ перечень засѣданія.

Секретарь (восходитъ на кафедру и читаетъ). Знаменитые г.г. засѣдатели. Во имя Науки, которой совершенствованіе есть главнѣйшая и священнѣйшая наша обязанность; во имя Національной Славы, даруемой единственно за умственное творчество; во имя Исторіи, Философіи и Естетики, трехъ сестеръ, трехъ Музъ новѣйшаго Парнасса; по волѣ знаменитаго бакалавра, я избранъ предложить Историко-Философическо-Художественный вопросъ на разрѣшеніе ваше: что такое Царь Горохъ? Гдѣ, когда и точно ли былъ Царь Горохъ? Реальное и идеальное значеніе Царя Гороха. Знаменитые засѣдатели отъ А до Ω должны подать свое мнѣніе. Перечень сихъ мнѣній мы завѣщаемъ потомству.

А*). Сколь ни боязненно для меня начать рѣшеніе столь великаго вопроса, сколь ни откровенно сознаніе моего безсилія, но занятія и вызовъ окрыляютъ меня въ семь трудномъ дѣлѣ.

Народныя преданія—первый источникъ лѣтописца, камень преткновенія для критики—всегда облечены туманомъ аллегорій, сквозь который трудно

*) М. Т. Каченовскій.

провидѣть и проницательному взору историка. Воззрѣнія нашего времени, стремящіяся къ разрѣшенію неразгаданнаго, нерѣдко попускають заблуждаться юному уму и предають его мученіямъ мечтательности, нерѣдко самые очевидные анахронизмы принимаютъ за подлинныя; нерѣдко самое нелѣпое облекается въ ткань достовѣрности; но при сихъ ошибочныхъ воззрѣніяхъ, принявшихъ договоры Игоря и Олега, Русскую Правду и Несторову Лѣтопись за факты (но объ этомъ послѣ), опытность слѣдуетъ вѣрной стѣзѣ: съ пламенникомъ критики она входитъ въ лабиринтъ сказаній, циркулемъ точности измѣряетъ дедалы преданій и мѣрою сомнѣній пересыпаетъ груды баснословій. Надобно порыться, почитать, подумать: Правда ли? Есть ли въ другихъ странахъ Цари Горохи? Сомнительно. Не впадимся въ обманъ; прошедшее невѣрно, можетъ стать болѣе, нежели самое будущее.

Царь Горохъ не то, что Дагоберъ (*du temps du roi Dagobert*) Французъ. Горохъ не существуетъ ни въ фактахъ, ни въ комментаріяхъ, ни въ святцахъ. Царь Горохъ есть порожденіе грубой фантазіи, которая не поэтизировала дѣйствительныя событія, но искажала оныя. Отсюда: куны, гривны, смердь и проч.

Какъ ни сильно говоритъ народное преданіе, но Царь Горохъ столь же достовѣренъ, какъ и Царипа-Чечевица; однако можетъ быть и дѣйствительно былъ Царь Горохъ, по крайней мѣрѣ, невозможно отвергать совершенно. Когда онъ царствовалъ? Рѣшить еще труднѣе—горохъ давно извѣстенъ. Гдѣ онъ царствовалъ?—Если царствовалъ, то въ Англии. Нашъ рубль есть рупій Востока, деньга туда же смотритъ. Не однозначительно ли слово горохъ съ Англійскимъ грогъ, грокъ (*grog*), или съ Французскимъ *gros*, или съ Нѣмецкимъ *gross*? Въ такомъ случаѣ Царь Горохъ принадлежитъ къ позднимъ временамъ: ибо ни Серторій, ни Раурмеръ не упоминаютъ о грогѣ (*grog*) въ своихъ твореніяхъ о среднихъ вѣкахъ.—Вотъ что могъ сказать я.

В*). Щепетливость индивидуальности видоизмѣняется и видообразуется одинаково въ народѣ и въ народахъ. Тамъ она матерѣе, *en gros*, здѣсь дробнѣе. Индивидуальность націи, маска или личина, воздѣтая имъ для дѣйствованія на позорищѣ свѣта, подчинена условіямъ мѣста и времени; разоведемъ же сіи условія и начнемъ со времени.

Въ утробѣ матери младенецъ только сосетъ; нѣтъ никакого движенія, артикуляція нѣмотствуетъ, о душѣ и помину нѣтъ. Душа витаетъ передъ отверстіемъ, и въ самый моментъ рожденія, наполняетъ брѣнное тѣло и дѣлаетъ оное гуманизированнымъ. Этотъ моментъ жизни не знаменуется никакимъ явленіемъ; человекъ еще не человекъ, онъ сосетъ и не предъявляетъ никакихъ требованій, довольствуясь или лучше не понимая, не зная, что такое довольствіе, что такое недовольствіе. Онъ развивается и растетъ; члены дотолѣ

*) Н. И. Надеждинъ.

недвижимые, дѣлаются палнерами, принужденно движущимися: органы формируются, и младенецъ издаетъ артикулованные звуки, междометія. Потѣмъ, когда внѣшній міръ скажется, скажется и человѣкъ, аукнется и душа. Тогда начнется другдружнее взаимнопроникновеніе духовнаго и вещественнаго, начнется дисгармоническій бой между младенцемъ и міромъ, который встрѣчаетъ всякаго новорожденнаго, какъ злая мачиха, сурово и враждебственно; сіе взаимнопроникновеніе созидаетъ въ своемъ развитіи тотъ архитектуронизмъ отношеній и подчиненностей, цѣлей и знаній, который заповѣданъ вѣдѣнію міра, котораго инстенситетъ и екстенситетъ можетъ быть метромъ человѣческаго знанія, человѣческаго преуспѣянія.

Первый моментъ сего быта, есть Пантеизмъ; вегикулъ, рычагъ сего момента, есть заскорузлое чувство витальности; здѣсь человѣкъ плотенъ, онъ вознѣгается костеръ восподнимающій душу горѣ всѣмъ существамъ духовнымъ и вещественнымъ, хлещетъ ощущеніями: сюда я причисляю Вишну, Кришну, Помону, Лотосъ, Изиду и проч. За симъ, какъ за предвозслѣдствіемъ, начинается другой моментъ Пантархическій; человѣкъ проглянулъ на свѣтъ Божій, вострепеталъ при первомъ возрѣніи, апоэезировалъ все имъ видимое, воскүрилъ оміамъ всѣмъ тварямъ. Теперь онъ познакомился, обглядѣлся и, вмѣсто апоэеоса, принялся за оцареніе: все, по его мыслительности, чревато силою, все поставлено надъ нимъ; онъ почитаетъ себя служкою всѣхъ бытій и бытодѣйствій: сюда отношу я нашего Царя Гороха.

Г*). Съ робостію начинаю я, милостивые государи, мое мнѣніе. А., почтенный по своей опытности и по своему глубокопроницанію, сказали все, что только можно сказать о столь таинственномъ, высококомъ предметѣ, каковъ Царь Горохъ, символъ безусловной давности и шутки, совключеніе всѣхъ народныхъ своеземныхъ и своевременныхъ пословиць и поговорокъ. Но я осмѣливаюсь взглянуть на это съ высшей точки зрѣнія, ориентировать идею Царя Гороха, возсоздать въ нашемъ мышленіи постепенное развитіе сего факта, говорю факта: ибо и мнѣ есть фактъ, но идеальный, въ мірѣ умственномъ, въ Философіи.

Миѣическое сродно человѣческому духу. Видя и чувствуя явленія въ физическомъ мірѣ, человѣкъ ищетъ причины оныхъ въ природѣ, творить Демонь, Фебовъ, Юпитеровъ, Дриадъ, Нимфъ. Онъ олицетворяетъ силы природы: такова миѣологія Индусовъ, Египтянъ и первобытныхъ Грековъ. Но когда прейдетъ средостремительное направленіе, когда человѣчество приблизится къ центробѣжному, когда кончится подлежательное бытіе и начнется подлежательное, тогда человѣчество проявляетъ идеи въ образахъ, отвлеченныя понятія дѣлаются Кадмами, Нумами, Тезеями, Зердустами, Гостомыслами, одинъ индивидуаль совключаетъ въ себѣ всѣ возможныя понятія, болѣе или менѣе относящіяся къ существу его. Сіе возрѣніе, преимущественно господствующее

*) Н. И. Давыдовъ.

въ Германіи, приноситъ благодѣтельные плоды въ фактическомъ и идеалистическомъ, историческомъ и философическомъ. И дѣйствительно: созданія фантазіи суть порожденія всѣхъ элементовъ дѣятельности духа и плоти, есть сосредоточиваніе всѣхъ принадлежностей жизни, религіи, философіи и домашняго быта. Человѣкъ въ младенчествѣ поэтъ, творецъ. Каждая сфера приноситъ, какъ дань, свою часть, свою природу, все сіе производится безъ всякаго сознанія: ибо въ подлежательномъ направленіи сознаніе, то есть чувствованіе индивидуальнаго свойства, самочувствіе Я еще не является и заключено въ зародышѣ, какъ растеніе въ сѣмени, какъ животное въ утробѣ. Мышленіе отправляется одинаково съ физическимъ дѣйствіемъ. И тамъ и здѣсь законы жизни одни: все имѣетъ начало, средину и конецъ; все видоизмѣняется по формѣ умозаключенія. Силлогизмъ есть норма всякой жизни; такимъ же силлогизмомъ руководствуется и юность народа, во всѣхъ своихъ отправленіяхъ, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ.—Я упомянулъ прежде объ общихъ отправленіяхъ: теперь разовью отношенія. Отношеніе, какъ всѣмъ извѣстно, есть взаимное соображеніе данныхъ, есть сопоставленіе принадлежностей, преимуществъ и всѣхъ качествъ одного даннаго съ другимъ или другими. Но всякій народъ, по высшему предопредѣленію, выражаетъ собою какую-либо сторону истины: Грекъ изящную пластическую, Римлянинъ политическую древнюю. 5508 годъ есть великій годъ въ лѣтописяхъ ума и воли и сердца человѣчества; тогда начался новый возрастъ для міра, возрастъ духовный; царство Діонисіевъ и Бахусовъ кончилось; Омиръ умолкъ и, на мѣсто Римской имперіи, явилось множество новыхъ, новыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ народы были наследниками древности, особенно Германцы, овладѣвшіе землями непобѣдимыхъ прежде сыновъ Капитолія; они неминуемо должны были быть классическими, творили по масштабу Квинтиліановъ и Аристотелей... Должно ли упоминать, что теоріи сихъ критиковъ нынѣ недостаточны и отвергнуты. Романтизмъ побѣдоносно развѣялъ свои знамена на священныхъ стѣнахъ вселеннаго города. Для насъ наступило иное время, иныя требованія; но до сего умственнаго пробужденія въ Германіи, въ Англіи, въ Франціи, въ Россіи царствовало безусловное подражаніе.

Не такъ было въ первые вѣки Россіи. Нужно ли говорить о направленіи первобытной жизни Россіи? Отдѣленная отъ Запада и Востока Словено-Русская гармоническая дѣятельность сосредоточилась въ себѣ, развилась и повилась своими пеленами, выросла подъ своимъ небомъ, на своей почвѣ подъ тѣнію березъ покрытыхъ хлопками снѣга, въ своихъ землянкахъ, гдѣ точка замерзанія и точка плавильнаго жара раздѣлены одною стѣною, закопченою изнутри и заиндивѣвшею снаружи, подъ липами, которые даютъ мочала и лыки, въ своихъ огородахъ, гдѣ горохъ, рѣпа, лукъ и проч. Жизнь была въ высшей степени оригинальная, совершенно самостоятельна. Тогда какъ жизнь, вымысль, самая Миѳологія, на Западѣ необходимо должны были быть классическими, у насъ, въ слѣдствіе закона разъединенія, Миѳологія была романическая. Сіи два слова знаменуютъ два полюса духовной жизни... Но возвращаюсь къ началу. И такъ Миѳологія наша должна была выбирать свои баснословія

изъ противоположной среды: тамъ—на Западъ—Небо; у насъ—Земля. Тамъ—Еѳиръ, у насъ—Горохъ. Съ этой точки зрѣнія смотрю я на Царя Гороха, и, сознаваясь въ своемъ невѣдѣніи, не могу опереться ни на одно изъ моихъ сочиненій. Я все знаю, все постигъ, все объялъ, кругъ моихъ занятій такъ разнообразенъ и прерывистъ, что отъ Греческой и Русской Азбукъ, до высшей Философіи и Маѳематики, отъ опредѣленнаго числа Алгебры, до ораторскаго числа Цицерона, постепенно составляли и составляютъ предметъ моихъ трудовъ...

Вотъ что могъ я сказать о Царѣ Горохѣ.

Д*). Терпимость, ученые мужи, всего важнѣе въ области исторіи. Выслушивая старый скептицизмъ, вычурный пустозвонизмъ и безжизненный раціонализмъ, нельзя однакоже не признать какой-либо мысли во всякой бессмысленной рѣчи. Да позволять мнѣ сказать свое мнѣніе о Царѣ Горохѣ.

Было время, когда въ литературѣ Русской господствовала аристократическая важность; профессора смѣшивали съ ученымъ; кто безъ очковъ, тотъ неучъ, кто не желтъкъ, тотъ неприлежень, кто не знаетъ Бургія, тотъ ничего не знаетъ. Кануль въ вѣчность сей вѣкъ Схоластики и Перрюкизма. Знамена новаго поколѣнія водружены на твердомъ основаніи идеи чистаго, здраваго разума. Давно ли Карамзинская сентиментальность плакала на берегахъ Патриаршихъ прудовъ? Нынѣ Патриаршіе пруды мнѣ вакхической радости. Давно ли Тагищевы и Щербатовы, Ломоносовъ, Эминъ (поэтический Эминъ, Эминъ-янычарь!), Хилковъ, Рычковъ, Карамзинъ и вся ихъ братія служили авторитетами? Нынѣ ихъ забыли, затѣрли, изгладили; мы имѣемъ и свою исторію и свою поэзію. Я не безъ умысла вычислю историковъ, минувшихъ дней лѣтописцевъ, не безъ умысла, милостивые государи! Сей предметъ близокъ къ моему сердцу, открытому для всѣхъ впечатлѣній высокаго, прекраснаго и благого, сей предметъ мой—я историкъ; съ гордымъ сознаниемъ говорю: я историкъ! Я знаю Русь, и меня знаетъ Русь! Давно ли Смотрицкіе, Добровскіе безжалостно рѣзали Славянскую грамоту? Нынѣ помыслы высокіе, мысли глубокія, ясныя, свѣтлыя носятся надъ роднымъ, колыбельнымъ языкомъ Матери-Россіи. Такъ, милостивые государи! Прешель вѣкъ безусловнаго подражанія: пѣвецъ Багрима, великомощный полетъ Державина, величайшаго лирика, который не зналъ ни правописанія, ни стихосложенія, сей полетъ очертилъ поэтический Зодіакъ, котораго не разгадать ни Юмамъ, ни Гротефельдамъ, ни Шамполіонамъ.

Національность есть типъ жизни народа, прототипъ всѣхъ созданій, мыслей и помысловъ; національность во всемъ отражается, никуда не заглядывая, національность вездѣ проявляется, нигдѣ не существуя опредѣленно. Что такое національность? Великое дѣло!

Съ увѣрительностію могу сказать, что я былъ ревностнымъ поборникомъ національности; отсылаю къ моимъ созданіямъ, въ нихъ дышетъ народность

*) Николай Алексѣевичъ Полевой.

Русская. И кто же творецъ сихъ созданій? Я, нигдѣ и ничему не учившійся; я, блуждавшій съ Плутархомъ по золотодонной Сибири и мечтавшій съ малыхъ ногтей быть великимъ; я, который такъ увлекательно высказываю и которымъ должна гордиться Россія; я, который перещелкалъ всѣхъ запоздалыхъ старцевъ и одинъ стою за нее на стражѣ противъ старовѣрства; я—одинъ для нея на ловлѣ Европейскаго просвѣщенія... Но кто былъ моимъ учителемъ?... Языкъ коснѣеть предъ волею Всемогущаго.

Теорія новѣйшихъ мыслителей есть зданіе великаго объема. Шеллингъ, Кузень, Лерминье, Гегель, Бюше, Вико, Нибуръ, Мишле.... Вотъ мои наставники, друзья, однокорытники и товарищи! Но я не признаю ихъ ига, я не безусловно принималъ ихъ ученіе. Шеллингъ замолкъ—а духъ развивается, Кузень занялся другимъ—а умъ не останавливается.... Въ нѣкоторомъ смыслѣ они отстали отъ нашего вѣка. Новое поколѣніе!... Да, Милостивые Государи! для вина новаго надобны и мѣхи новые. Основавшись на семь пунктѣ, перехожу къ Царю Гороху.

Теорія названій народныхъ заключается въ стихіяхъ самой жизни народа. Сіи стихіи, многообразныя и обширныя, сосредоточиваются въ народной поэзіи. Поэзія есть радость души—вотъ почему народныя пѣсни суть радость, хотя въ нихъ нерѣдко печаль... Но печаль, Милостивые Государи, таже радость: въ великомъ, неземномъ восхищеніи, въ поэтическомъ восторгѣ душа ваша испытуетъ истинную радость; она уединяется и бесѣдуетъ съ собою, помыслы глубокіе обнимаютъ многодумную вашу душу—такъ и въ печали. Повторяю, что печаль и радость, въ высшемъ значеніи, въ абсолютномъ—одно и тоже.

Иногда народъ называетъ предметы силою свободно-разумной воли: таковы названія аллегорическія, весь Олимпъ, недавно лишившійся всѣхъ Гораціанскихъ и Марціальныхъ прелестей; иногда онъ называетъ предметы творческой мощіи фантазіи: таковы всѣ прочія именованія. Только сіи два способа имѣютъ силу; но они развиваются, подраздѣляются и исчезаютъ, сливаясь въ національное знаменованіе. Къ сему-то второму способу развитія именованій мы должны отнести и фантастическое проименованіе Царя Гороха; говорю должны, ибо мы вывели способы изъ центра всякаго мышленія...

Сей предметъ великъ и при одномъ созерцаніи обнимаетъ въ себѣ всю сферу фантазмагорій и народныхъ повѣрій, всю сущность національности.... Предоставляемъ себѣ поговорить объ этомъ въ другое, болѣе свободное время, которое, развиваясь само, разовѣетъ и помыслы глубокіе, свѣтлые, задушевные, научая человѣчество своими испытательными обломками.

Е*). Милостивые Государи! изъ всѣхъ наукъ, наука природы должна занимать первое мѣсто. Человѣкъ есть природа, и на оборотъ. Съ сихъ яснѣйшихъ и простѣйшихъ началъ я приступаю къ дальнѣйшему изложенію.

*) Павловъ (Михаилъ Григорьевичъ).

Природа есть соединеніе двухъ противоположныхъ силъ: сжимательной и расширительной, естественно предполагающихъ, по закону тройственности, третью силу, ограничивающую и уравнивающую двѣ первыя. Сія система совершенно соотвѣтствуетъ всѣмъ выводамъ, всѣмъ явленіямъ, всѣмъ причинамъ явленій, совершенно оправдываетъ всеобщее изрѣченіе: наука проста въ своихъ началахъ.

Три вышеупомянутыя силы дѣйствительны и въ философіи и въ поэзіи. Доселѣ господствуетъ совершенное разнородство во всѣхъ областяхъ ума; вездѣ Атомистическая и Динамическая системы сбиваютъ юныя познанія, какъ басня сбила философа.

Наше дѣло говорить о Царѣ Горохѣ; горохъ есть растеніе—предметъ естественныхъ наукъ описательныхъ; горохъ, пущенный изъ ружья есть сила — предметъ Механики.... Положимъ, что горохъ, или Царь Горохъ, есть явленіе—и здѣсь не моя область, и здѣсь нѣтъ предмета физики. Гдѣ же мы найдемъ его?—Но это не имѣетъ отношенія съ настоящимъ изслѣдованіемъ. Моя мысль есть слѣдующая: Царь Горохъ есть описка и замѣненіе (substitutio) другаго факта. И вотъ какими путями, вѣрный тремъ силамъ, дохожу я до сего изъясненія.

Атомистики предполагаютъ всю вселенную въ видѣ шариковъ: совершенно ложно! Сіи шарики есть горохъ въ объективности или въ осуществленіи. И такъ Царь Горохъ есть понятіе Атомистическое. Изложимъ по нашей системѣ.

Предположимъ, допустимъ пустоту: вотъ демаркаціонная линія Динамической системы. Сила расширительная дѣйствуетъ—пустота расширяется, сила сжимательная дѣйствуетъ—пустота сжимается, изъ средостремленія и средобѣжанія сихъ силъ образуется третья, ограничивающая и ту и другую; и такъ произойдетъ: пустота расширяясь и сжимаясь продолжается. Теперь не трудно приложить сей способъ къ гороху: онъ сжимается и расширяется, т. е. продолжается, и естественно, что тогда изъ гороха произойдетъ или бобъ или стручекъ, слѣдовательно: Атомистическій Царь-Горохъ, по Динамической системѣ совершенно невозможенъ и долженъ преобразоваться въ Царь-Бобъ. или Царь-Стручекъ.

Такъ просты совершенныя начала, такъ легки ясныя положенія науки!

Z *). Поэтизмъ, строгая ученость и сентиментальность составляли попеременно господствующее направленіе нашего вѣка. Но какъ все это смѣшно, какъ все это странно покажется вамъ, Милостивые Государи, если вы взглянете глазами Восточной простоты! Сія Восточная простота ополчаетъ меня на оныя

*) Осипъ Ивановичъ Сенковскій.

вышепоименованныя направленія нашего времени. Скажу откровенно: кто не знаетъ, не сможетъ знать или понять сего, тотъ оно осмѣиваетъ.

Но теперь Стернская пересмѣшка въ сторону, и я изложу свое мнѣніе классически и романтически, т. е. вверхъ головою, вверхъ ногами, т. е. по уму, по смыслу и по разумѣнію—по безсмыслию.

Въ семь отношеній, прицѣпъ сіи точки за оныя категоріи, я найду слѣдующія соотвѣтствія:

1-е. Царь Горохъ по положительности, или по возрѣнію вверхъ ногами— есть фантастическое наименованіе народа; по романтизму—есть то національное созданіе головъ, которыя какъ головни въ печи, обманываютъ ваше зрѣніе, сливаясь въ радужные цвѣты; по умозрѣнію—есть то достояніе одного народа, по которому онъ различается отъ прочихъ.

2-е. По отрицательности, или по возрѣнію вверхъ головою, Царь Горохъ—есть факирь; по классицизму—есть титулярный горохъ, или Titularroth; по уму—есть Восточное иносказаніе. А соединивъ все сіе, выйдетъ оная пестрота, которую мы находимъ въ глухихъ путешествіяхъ, въ коихъ, ничего не понимая, все осмѣиваютъ.

Большаго, Милостивые Государи, отъ меня не ждите: кто не знаетъ ничего, тотъ смѣется надъ всѣмъ. Иной забавенъ потому, что онъ глупъ. Къ такому роду забавныхъ или смѣшныхъ глупостей принадлежатъ переводы таинственнаго языка Египетскихъ жрецовъ или Египетскихъ факировъ, которые соотвѣтствуютъ нашимъ... глупымъ пересмѣшникамъ, глупымъ путешественникамъ. Къ сему роду безсмысленныхъ и тупыхъ острогъ принадлежатъ выраженія; факирь, не хочешь ли табачку? Я табакъ не пью и кофею не нюхаю....

Послѣ мы пропутешествуемъ къ Царю Гороху—и вы посмѣетесь; а теперь сего объ ономъ предметѣ довольно. Можетъ быть, мы пояснимъ Царя Гороха изъ умозрительной физики, которая потому для меня смѣшна, что я ея не понимаю, или изъ іероглифовъ, которые—кто понимаетъ? (потому что я, факирь, ихъ не понимаю).

Н*). Царь Горохъ—вотъ предметъ, нечего долго и широко растабаривать, есть-ли Царь Горохъ историческій фактъ, или поэтической вымысль.—Какъ могу я произносить, скажутъ, рѣшительный приговоръ?—Господа! полно-те справляться съ метрическими книгами. Никто болѣе моего не уважаетъ святой истины; да прильнетъ языкъ къ гортани, если скажу ложь!—Что такое великій человѣкъ? Тотъ, кто въ заскорузломъ чепанѣ придетъ и скажетъ: „Знай нашихъ“.—Что такое психологическое явленіе?—Ванька удушился, Ванька бро-

*) М. П. Погодинъ.

сился съ каменнаго моста; Степанида Полуэхтовна запарилась, подавилась... Позавидуйте имъ! Почему отвергать достовѣрность того или другого, и проч., если что-либо есть въ лѣтописяхъ, если оно не есть хитрое сплетеніе того, кто мудрствуетъ лукаво, по счастливому выраженію поэта? Чтò намъ говоритъ исторія, память Божія?—Вотъ мое средство, и всегда сравниваю: если есть подобное или сходное, то—по аналогіи, по индукціи—можетъ быть допущено. то правдоподобно. Если напримѣръ въ Ипатьевскомъ спискѣ нѣтъ слога изъ, а въ прочихъ есть, то, по моему грѣшному понятію, въ Ипатьевскомъ должно поставить слогъ изъ.—Такъ и съ Царемъ Горохомъ.

Лѣтописи среднихъ вѣковъ наполнены сказаніемъ о Попѣ-Царѣ Иванѣ. Я заключаю: лѣтописи должны быть наполнены о Царѣ Горохѣ. Нигдѣ нельзя узнать опредѣленно: когда и гдѣ царствовалъ попъ Иванъ? Иные думаютъ въ Коби, иные въ Сагарѣ—точно тоже должно полагать и о Царѣ Горохѣ. И такъ вотъ мое положеніе: попъ Иванъ царствовалъ (къ чему выдумали бы лѣтописцы?), слѣдовательно и Царь Горохъ царствовалъ.

Мы множество фактовъ, доказательствъ, примѣровъ имѣемъ: доказать оными, изъяснить темныя мѣста, развить предметъ о Царѣ Горохѣ можемъ безъ оскорбленія, и проч.

Признаюсь, мнѣ прискорбно слушать, что я такую-то книгу дурно перевелъ, скомпилавалъ, издалъ. Двѣнадцать лѣтъ и безвозмездно тружусь, аки кощей... Иногда я плачу: такъ тяжка неблагонамѣреннаго обиды! Кто помнитъ память изыскателей? Не я ли публикую, что такой-то померъ; что правнукъ такого-то человѣка у меня воспитывается; не я ли получаю благодарности во всѣхъ, или во многихъ, предисловіяхъ подъ именемъ N.N.?... Да мнѣ это, какъ къ стѣнѣ горохъ: говоря о Царѣ Горохѣ, я почитаю излишнимъ всякіи личности.—Съ гордостію повторяю: мы, Русскіе, обстроить, отопить, завалить своими лѣсами, своими водами, своимъ хлѣбомъ всю Европу можемъ! И проч. Вотъ что я могъ, ergo; мотай себѣ на усъ, и проч.

Θ*). Милостивые Государи! Мнѣ кажется подавать голосъ можетъ не всякій, иной кричитъ и невольно заставляетъ повторить слова баснописца:

„Ай моська, знать она сильна,
Коль лаеъ на слона!“

Говорить свое мнѣніе позволяется не Косичкину, не самоучкѣ, но тому, который извѣстенъ своими твореніями и котораго творенія раскупаются: ибо раскупаютъ только достойное. Кто чтò ни говори, а цѣна денежная безразлична съ цѣною критики! Но мы видимъ, что раскупаютъ и дурныя, т. е. дешевыя (чтò дешево, то гнило) творенія, въ 25 рублей рукопись. Не такіи творенія разумѣю и подъ именемъ хорошихъ: въ хорошихъ твореніяхъ должно различать фасонъ... Да, фасонъ есть тайна созданія. Я и мой товарищъ, давно

*) Оадеѣ Венедиктовичъ Булгаринъ.

соединенные узами дружбы на оболочкахъ и въ предисловіяхъ, въ изданіяхъ и критикахъ, въ барышахъ и накладахъ, мы идемъ своею дорогою и не слушаемъ всѣхъ людскихъ бредней...

Иной изъ нихъ просилъ арбуза,
Другой соленыхъ огурцовъ.

Да и кто будетъ слушать всѣ ухищренія зависти, досады, злобы за то, что насъ всѣ читаютъ и хвалятъ? Т. е. я хвалю его, а онъ хвалитъ меня. Журналистика великая наука! Въ ней правило: носи шинель по вѣтру! Гдѣ хорошо, тамъ и мы. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ характерность. Въ литературѣ

Когда смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
Придется и осла взвалить себѣ на плечи.

И что за выгода? Кто васъ ругаетъ—и вы того ругайте; кричите: упалъ, исписался, chute complète!

Я и онъ, ибо мы во всемъ нераздѣльны, издавна занимаемся отечественною исторіей;... а какъ Царь Горохъ, прекрасный предметъ для романа, относится по существу своему къ предметамъ исторіи: то мы, я и онъ, осмѣливаемся предложить покупающей или читающей публикѣ слѣдующее:

Царь Горохъ есть подлежащее безъ смысла: ибо не имѣетъ своего сказуемаго; Царь Горохъ не можетъ быть предметомъ романа: ибо неизвѣстно, кто онъ и когда онъ былъ, слѣдовательно драпировка невозможна; безъ драпировки нѣтъ созданія; костюмъ и околичное описаніе: вотъ вся сущность романа. Занимаясь исторіей, и преимущественно Русскою, мы смѣемъ ласкать себя, что заслуживаемъ вниманіе публики; удостоенные ея довѣрія, выгоднаго и безцѣннаго, мы думаемъ, что и въ семъ предметѣ не измѣнимъ оному.

Царь Горохъ дѣло не рѣшенное: Grammatici certant et ad huc sub iudice lis est. Horat. (Смотри толкованіе Іосифа Ежевскаго).

Г*). Я, Милостивые Государи, ничего не знаю о почтенномъ Царѣ Горохѣ:

Но горохъ ли онъ, иль бобъ,
Царь Горохъ, иль Иванъ Пошъ,
Иль Царица Чечевица,
Или горькая горчица.

мнѣ все равно; если бы кто написалъ поэму, драму, романъ о Царѣ Горохѣ, я бы общалъ, а можетъ быть, и написалъ бы предисловіе. Писать предисловіе—дѣло нешуточное! Пиша предисловіе,

Я какъ бабка повиваю
И на славу выпускаю.

*) Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

А говорить о самомъ предметѣ не мое дѣло. Я до сихъ поръ много, очень много писаѣ, но ничего не написалъ.—И такъ не спрашивайте меня о Царѣ Горохѣ: напишите—и просите предисловія.

К*). Велий предметъ—о Царѣ Горохѣ! Но матушка мадамъ публика не довольствуется одними восклицаніями, яко zelo простымъ вещевословіемъ. Мнѣ помнится одинъ анекдотъ, сохранившійся въ архивѣ рѣдкостей моей свекрови, получившей оный въ наслѣдство отъ бабушки своего прадѣда. Наполеонъ во время пребыванія своего въ Москвѣ осматривалъ историческія достопамятности и, смотря на одну древнюю башню, спросилъ съ нимъ бывшаго маршала: когда она построена? Сей не бѣ мужъ zelo хитръ въ наукословіи, отнесся съ вопросомъ къ бывшему при Наполеонѣ Русскому солдату, который и отвѣчалъ: а кто ѣ знаетъ! Чай при Царѣ Горохѣ. Отвѣтъ переведенъ такъ. *Mais qui le sait; le thé sous le roi Choros.* Не понимаю, сказалъ побѣдитель Европы, и раболѣпные клеветы прибѣгнули къ искуснѣйшему транслатору, который переложилъ такъ отвѣтъ Русскаго антикварія: *Mais qui le sait; je pense sous le Roi, dit le pois....* Мощный завоеватель, сей новый Александръ, улыбнулся... И если онъ улыбнулся странному переложенію, кольми паче азъ грѣшный....

Симъ бью челомъ предъ нашимъ благородненіемъ, Милостивые Государи!

*

Когда аристократы умолкли—тогда крикъ, гамъ, безолаберщина, стукотня, бѣготня, тревога... Не разслушаешь начала, середины, конца приступа, доводовъ, слѣдствій: Царь Горохъ... Миѣ тунейдства... Созданіе фантазіи... Объективность магнетическаго экстенситета... Символь... Наполеонъ Гомеопатіи... Прототипъ Руссизма въ творествѣ... Идеаль огородниковъ... Универсаль фенеановъ... Типъ народныхъ сказаній... Гальваническое возсозданіе... Трансцендентализмъ природы и идея хартіи... Типъ, прототипъ романтизма и антитипъ классицизма... И все умолкло!

Секретарь составилъ протоколъ засѣданія. Все, въ силу публицитета, было напечатано на оберточной, какъ водится, бумагѣ; разослано по всѣмъ академіямъ; расхвалено въ журналахъ; и автографъ протокола положенъ въ архивъ.

Черезъ десять лѣтъ юноша, полный жизни и новыхъ силъ, сталъ разбирать архивъ и нашель протоколъ сего чрезвычайнаго засѣданія. Онъ прочель его, улыбнулся и улыбнулся тою самодовольною улыбкою, какой умное потомство чтить бредни предковъ.

Прочтя, юноша написалъ, мелкими буквами, слѣдующія слова Горація:

Credite posteri.

—*—

*) Ушаковъ.

ОМИЧЪ НА КОРОНАЦІИ 1856 ГОДА ВЪ МОСКВѢ.

Въ Божѣ почивающій Царь-Освободитель, какъ извѣстно, короновался въ Москвѣ въ 1856 году. Среди прочихъ на коронаціи были и Омичи, изъ которыхъ въ живыхъ теперь уже остались немногіе старики. Одинъ изъ такихъ старичковъ, мѣстный купецъ и крупный домовладѣлецъ, рассказываетъ изъ того памятнаго года любопытный эпизодъ.

Молодымъ разгульнымъ паренемъ былъ онъ тогда въ Москвѣ и вращался въ лучшихъ тогда Московскихъ купеческихъ семьяхъ. То радостное волненіе, которое всегда охватываетъ Москвичей передъ патриотическими празднествами, а въ то время въ особенности, переживалось и Омскимъ купчикомъ вмѣстѣ съ его разгульными товарищами.

Молодежь, разумѣется, любовалась приготовленіями Москвы къ торжественному дню. Заглянули, между прочимъ, и въ Кремль, гдѣ уже было протянуто красное сукно для предстоящаго шествія къ Успенскому собору. Въ самый же соборъ никого не пускали. Публика толпилась въ почтительномъ разстояніи, и одинъ только военный караулъ стоялъ близко у трона, оберегая его.

Молодежь какъ-то раздорила Омича. А тотъ не будь плохъ, съ юношескимъ задоромъ вызвался пройти въ закрытый соборъ, и дѣйствительно со смѣлостью отправился по линіи краснаго сукна. Одинъ Богъ знаетъ, что переживалъ тогда смѣльчакъ. Почтительно подошелъ онъ къ полковнику военного караула и объяснилъ ему, что онъ пріѣзжій изъ-далека, изъ Омска, и что онъ пойдетъ осмотрѣть приготовленія въ соборѣ. „Вы изъ Омска?“ радостно переспросилъ его полковникъ: „вы конечно, видали тамъ генерала Гасфорта, это-мой дядя“. А Омичъ не только видалъ генерала, но и былъ хорошо знакомъ съ нимъ. Въ Омскѣ купчикъ и его отецъ играли важную роль, а потому и генералъ бывалъ у нихъ, и они у него. Знакомство, такимъ образомъ, у молодого Омича съ начальникомъ караула завязалось быстро, и его впустили въ храмъ. И кромѣ того онъ выхлопоталъ право провести для осмотра дамъ—жену и дочь тогдашняго Московскаго городского головы Гучкова (увѣряютъ, что это былъ только однофамилецъ нынѣшняго). Къ обѣду торжествующій Омичъ, конечно, попалъ къ Гучковымъ. Дамы отъ него были въ восторгѣ. Мушкетеры-Москвичи были въ полнѣйшемъ презрѣніи. „Эхъ вы, Московскіе, не могли, сколько мы ни просили, показать намъ важныя приготовленія. А вотъ изъ глухой Сибири человекъ и легко намъ это устроилъ“.

Такъ иногда далекія знакомства легче открывали двери тамъ, гдѣ были близкіе, да незнакомые. И къ Сибирякамъ вообще въ Европейской Россіи относятся какъ-то снисходительнѣе.

Иванъ Гавриловичъ Кузнецовъ.

Омскъ, 7 Сентября 1911.

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА.

Письма къ О. А. Кони *).

Д. Т. Ленскаго.

1.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ!

Душевно Вамъ благодаренъ за пріятное письмо и за билетъ на полученіе „Пантеона“.

Съ истиннымъ удовольствіемъ принимая предложеніе Ваше участвовать моими посильными трудами на обильномъ полѣ Вашего журнала, крайне сожалѣя, что это лестное для меня вниманіе не было мнѣ объявлено нѣсколькими днями раньше: тогда-бы и мои „Три Невидимки“ были также въ Вашемъ распоряженіи.

Нисколько не удивляюсь, что совершенно безвредное стихотвореніе „Время“, отъ одного имени Беранжэ, въ наше время не могло быть дозволеннымъ; тѣмъ не менѣе благодарю Васъ за желаніе его помѣстить на страницахъ Вашего изданія.

Тщетно старался я угадать, о какой комедіи „Теща и Зять“ Вы мнѣ пишете. Есть у меня комедія „Война съ тещею“... но ужъ она давно напечатана... Не хотите ли Вы сказать о моемъ водевилѣ „Зятюшка“? Кажется однакожь и онъ напечатанъ... Впрочемъ не помню хорошенько... Я справлюсь и Васъ увѣдомлю...

М. С. Щепкинъ говорилъ мнѣ, что у него есть переводъ комедіи Плавта „Скупой“. Онъ Вамъ его предлагаетъ... Чтò отвѣчать прикажете?...

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909, III, 241.

Репертуаръ нашей сцены безпрестанно пестритъ режиссерскими продѣлками... и не мудрено: своя рубашка къ тѣлу ближе. Жаль только, что это переходитъ за границы, смахиваетъ даже на монополию, и многія дѣльные пьесы заставляеть спать сномъ непробуднымъ на полкахъ театральной библіотеки.

Съ истиннымъ уваженіемъ и всегдашнею готовностію Вамъ служить имѣю честь быть. Вашъ покорнѣйшій

Дм. Ланской.

Москва. 25-го Февраля 1850.

2.

Москва. 13-го Іюня 1850.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ!

Сейчасъ лишь почталіонъ подалъ мнѣ Ваше письмо отъ 2-го с. м. Спѣшу воспользоваться прискорбнымъ для меня отъѣздомъ добраго и даровитаго моего товарища А. А. Мартынова, чтобы поблагодарить Васъ за особенное вниманіе къ моимъ трудамъ многогрѣшнымъ. Всегда и съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ я пересылать къ Вамъ въ „Пантеонъ“ все, что только придется мнѣ написать для сцены; а теперь прошу Васъ, какъ о большомъ одолженіи: изъ пяти отданныхъ Вамъ мною піесъ уступите мнѣ обратно одну: „Радъ не радъ, а дѣлать нечего“! П. Н. Араповъ издаетъ что-то въ родѣ драматическаго альманаха съ портретами нѣкоторыхъ изъ нашихъ Московскихъ артистовъ и въ полной надеждѣ получить отъ меня посильную лепту, а у меня ровно нѣтъ ничего въ готовности. Въмѣсто этой маленькой и ничтожной піески я постараюсь доставить Вамъ къ осени что-нибудь подѣльнѣе и позанимательнѣе, тѣмъ болѣе, что вѣдь я долженъ-же буду позаботиться о своемъ бенефисѣ. Я совершенно увѣренъ, что Вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ и не замедлите удостоить удовлетворительнымъ отвѣтомъ; иначе, право, я поставленъ буду въ довольно затруднительное положеніе предъ уважаемымъ мною водевильнымъ ветераномъ, издателемъ альманаха!...

Посланныя къ Вамъ рукописи моихъ піесъ „Жертва Мщенія“ и „Два брата съ Арбата“ всѣ были мною пересмотрѣны—и меня удивляетъ, какимъ-же это образомъ могли тамъ очутиться такія ошибки, о которыхъ Вы говорите? Впрочемъ на предбудущее время я стану высылать Вамъ всегда мои черновыя, которыя до сихъ поръ всегда отдавались въ театральную библіотеку.

Да наградить Васъ Аллахъ за прекрасное и благородное намѣреніе составить біографію незабвеннаго *Θ. Θ. Кокочкина*, который такъ много

способствовалъ развитію Русскихъ сценическихъ дарованій!... Вы говорите, что онъ меня любилъ и поощрялъ; а кого-же изъ насъ во время оно не любилъ и не поощрялъ этотъ истинный покровитель прекраснаго искусства!... При одномъ воспоминаніи объ этомъ отцѣ-директорѣ сердце наполняется неизъяснимымъ чувствомъ благодарности—и тоски о минувшихъ надеждахъ *).

Нѣтъ у меня этихъ стиховъ, которые когда-то я написалъ въ день рожденія его дочери!... Къ несчастію, нѣтъ у меня ничего изъ всего написаннаго мною въ дни моей юности!... Конечно, много-бы тутъ нашлось такого, надъ чѣмъ-бы я теперь посмѣялся, а можетъ-быть и такого, надъ чѣмъ-бы заплакалъ и позадумался...

„Мечты, мечты!
„Гдѣ ваша сладость?
„Гдѣ ты, гдѣ ты,
„Былая радость?...“

Сегодня же снесу Вашъ поклонъ М. Д. Синецкой и доставлю Вамъ Писарева стихи къ Бедринскому озеру, если только они у ней найдутся.

Прощайте, будьте здоровы, и отвѣчайте мнѣ. Все, что только припомню изъ жизни Ѳедора Ѳедоровича, сообщу Вамъ.

Примите увѣреніе въ совершенной преданности готоваго къ Вашимъ услугамъ. Дм. Ленскаго.

3.

Милостивый Государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Слѣдующія мнѣ по договору за напечатанную у Васъ въ журналѣ піесу мою „*Волій ротъ, лисій хвостъ*“ деньги, двадцать рублей серебромъ, а равно и особо оттиснутые для меня экземпляры упомянутой піесы, и еще другой, прежде напечатанной „*Радъ не радъ, а дѣлать нечего*“—я получилъ и приношу Вамъ мою благодарность. Извините, если увѣдомляю Васъ объ этомъ немножко поздно. Два обстоятельства тому причиною. Первое: повѣстка съ почты залежалась въ театральной

*) Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ род. 1777 году, скончался въ 1838-мъ. Съ 1823 года онъ восемь лѣтъ былъ директоромъ Московскаго театра. Очеркъ его жизни, написанный В. И. Ситовымъ, помѣщенъ въ Русскомъ Біографическомъ словарѣ. Онъ выдвинулся въ люди, благодаря женитьбѣ на В. И. Архаровой, родители которой имѣли вѣсь при дворѣ и въ обществѣ. Къ числу молодыхъ людей, которые были ему обязаны своимъ благополучіемъ, принадлежалъ Н. Ф. Павловъ, занимавшій у него сначала должность слуги (слышано отъ О. С. Аксаковой) П. Б.

конторѣ; второе: всѣ эти дни я занятъ былъ и по службѣ, и спѣшною работою къ бенефису М. С. Щепкина. Я перевелъ ему, — съ нѣкоторыми передѣлками, разумеется, — премиленькую оперетку въ 1 дѣйствіи „Le moulin Joli“ и назвалъ ее: „Учитель и мельничиха, воспитаніе и природа“. Забавное содержаніе и граціозная музыка молодого Парижскаго композитора Варнея обѣщаютъ піескѣ успѣха; а впрочемъ все будетъ зависѣть отъ исполненія. Вотъ, напримѣръ, и Вашъ прелестный водевильчикъ: „*Всякій шутъ Иванъ Ивановичъ*“ ужъ конечно имѣлъ-бы у насъ не такую участь, если-бы попался въ руки первостепеннымъ артистамъ, Щепкину или Живокини, А. Т. Сабуровой; а то потрудитесь взглянуть на афишу: кто въ немъ игралъ?... Г. Соколовъ, Г-жа Акимова съ товарищи... Конечно, я не отвергаю въ нихъ дарованія, да публика-то не хочетъ ихъ видѣть, когда знаетъ, что есть ихъ гораздо лучше.

Новостей замѣчательныхъ у Васъ мало, а у насъ и совсѣмъ не бывало. Репетируютъ теперь пріобрѣтенную дирекціею за четыре тысячи рублей ассигнац. комедію въ 4 д. въ стихахъ, М. Н. Загопкина, подъ названіемъ „*Женатый женихъ*“. Я не играю въ ней, и не читалъ, и не слыхалъ ея; а говорятъ артисты, что плакали денежки... Тарновскій и Рудневъ перевели для прошедшаго моего бенефиса очень игривенькій водевильчикъ (La petite cousine) „Пансіонерка“. Въ немъ въ первый разъ, въ роли кузины, появилась на Русской сценѣ молоденькая Французская артистка M-lle Clara Voytôt—и привела всѣхъ въ восхищеніе; *Шумскій* также былъ очарователенъ въ смѣшномъ волокитѣ Риго: вообще водевильчикъ очень нравится, и мы играли 4 раза съ полнымъ успѣхомъ, хотя и въ далеко не полномъ театрѣ, потому что наши литературные фабриканты-режиссеры, изъ благороднаго соревнованія, постарались помѣстить его въ репертуаръ или въ то время какъ на Большомъ театрѣ давали второе представленіе „Эсмеральды“ съ Фанни-Эльснеръ, или наканунѣ Николина дня и т. д. И со всѣми чужими піесами они такъ поступаютъ. Если эта режиссерская монополія у насъ еще продолжится, то рѣшительно никто для нашей сцены писать не захочетъ.

Угодно Вамъ будетъ—я Тарновскому предложу прислать Вамъ „Пансіонерку“. Онъ деньгами не очень интересуется, и вѣроятно будетъ доволенъ, если Вы доставите ему нѣсколько отисковъ піесы. Кстати: онъ проситъ Васъ объ экземплярахъ помѣщенной Вами въ Пантеонъ его піесы: „*Слѣпой курицѣ все пшеница*“. Сегодня говорилъ онъ мнѣ, чтобъ я написалъ Вамъ объ этомъ.

Очень жаль, что неумѣстныя придирки Вашей цензуры искажаютъ до такой степени труды драматическихъ писателей. Кто-же изъ насъ, понимающихъ сцену и ея приличія, позволить себѣ написать то, что не можетъ быть допущено?.. А между тѣмъ и самыя невинныя выходы, дозволенныя въ представленіи, Богъ знаетъ почему, уничтожаются у васъ въ печати.

На дняхъ я вышлю Вамъ мою черновую рукопись оперетки „Учитель и мельничиха“; а теперь съ нея роли выписываютъ.

Желаю Вамъ всего лучшаго, имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Дм. Ленской.

Москва, 9-го Декабря 1850.

Р. с. Комедія моя „Война съ тещею“ была уже напечатана въ „Репертуарѣ“ покойнымъ В. С. Межевичемъ.

Отвѣчалъ 20 Декабря 1850.

Москва, 9-го Марта 1850.

4.

Милостивый Государь Федоръ Алексѣевичъ!

Душевно благодарю Васъ за Вашъ прелестный подарокъ. Вчера только получилъ я первую книжку „Пантеона“. Онъ, просто, поразилъ меня своимъ изяществомъ и роскошью приложений!.. Дай Богъ Вамъ тысячи подписчиковъ: Вы въ полной мѣрѣ заслуживаете это,—и по знанію дѣла, и по добросовѣстности, весьма рѣдкой въ нашъ меркантильный вѣкъ. Комедія „Гдѣ медъ, тамъ и мухи“ мнѣ очень понравилась.. Конечно, есть въ ней кой-какія невѣроятности.. но за то сколько жизни, дѣйствія!.. Какъ ловко очерчены характеры!.. Ну, можно ли ставить съ нею на ряду комедію „Бѣдная Невѣста“, помещенную въ „Москвитянинѣ“ и заранѣ прославленную прихожанами почтеннаго журнала? Дня три тому назадъ я прочелъ ее, и признаюсь: чуть-чуть мнѣ дурно не сдѣлалось!.. Чтѣ за люди! чтѣ за языкъ!.. Развѣ только въ кабакахъ, да неблагопристойныхъ домахъ, такъ говорить и дѣйствуютъ!.. Героиня пьесы, вмѣсто участія, возбуждаетъ одно омерзѣніе; ея любовь къ презрѣнному *Меричу* и его трактирное, непозволительное съ нею обращеніе, сейчасъ изобличаетъ въ ней, или дуру набитую, или ужъ дѣвку развратную... А ея любезная *маменька*, которая безпрестанно твердитъ, что она женщина слабая, *сырая*, и что *какъ это ей безъ мужчины?*.. А этотъ бывший студентъ *Хорьковъ*, отвергнутый любовникъ, который съ горя напился какъ стелька и явился

на свадьбу своей Дульциней прямо изъ полпивной—и Дульциней еще говоритъ ему: „Ахъ, бѣдненькій! Миѣ васъ жаль!.. Я не знала, что вы меня такъ любите!“... И наконецъ эта *сволочь* въ чуйкахъ, армякахъ и ситцовыхъ юбкахъ, которая толпится въ дверяхъ гостинной у невѣсты и отпускаетъ извоицкія остроты и прибаутки... Тьфу! Какая гадость!.. Другіе, можетъ-быть, скажутъ миѣ: „Да развѣ въ натурѣ этого не бываетъ?“ Мало-ли что мы видимъ въ натурѣ; нельзя однакоже все это на театрѣ представлять: сцена вѣдь не площадной рынокъ, или не задній дворъ, гдѣ и навозъ валяютъ и помои выливаютъ... Охъ, ужъ эти юные геніи, каррикатурные подражатели великаго мастера Гоголя!.. Когда наконецъ они убѣдятся, что не у всякаго золото блеститъ и на грязи, и что имъ до своего образца, какъ до звѣзды небесной далеко!.. Охъ, ужъ эти журнальные борзописцы, хвалители, литературные компаньоны-пріятели!.. Когда наконецъ постыдятся они морочить публику и составлять рецензіи противъ здраваго смысла и собственнаго убѣжденія!.. И Вы еще упрекаете меня, Федоръ Алексѣевичъ, за то, что я ужъ ничего для театра не пишу... Да какъ тутъ писать послѣ этого?.. Чѣмъ угодить современному вкусу, который Шаховскаго „Пустодомовъ“ смотрѣть не хочетъ, а между тѣмъ восхищается „Житейскою Школою, да Бѣлою Камеліей“ и тому подобными произведеніями?.. Пріѣздъ сюда къ намъ въ Москву въ высшей степени даровитой актрисы В. В. Самойловой заставилъ меня горько задуматься о нынѣшнемъ взглядѣ на драматическую литературу и сценическое искусство: эта олицетворенная грація во все время своего здѣсь пребыванія не сыграла ни одной роли, достойной дивнаго ея таланта,—исключая развѣ роль Софьи въ „Горь отъ ума“. А кажется, можно-бы выбрать и еще что-нибудь дѣльное для ея репертуара... Напримѣръ „Цѣль“, „Клевета“, „Пустодомы“, „Липецкія воды“, „Какаду“, „Аристофанъ“ и другія.

Что-то у Васъ теперь въ театрѣ подѣльвается?.. А у насъ отъ концертовъ просто голова закружилась: каждый день по-два, да по-три... и все большею частію скрипачи... Венявскіе, Неруды, Вьѣтанъ, Контскій... О Вьѣтанѣ говоритъ нечего: это виртуозъ и композиторъ *hors de ligne* чѣмъ называется; но и Вильма Неруда удивительна! Сколько души!.. И при томъ какая легкость и смѣлость въ исполненіи даже самыхъ труднѣйшихъ пассажей!.. Это, просто, необыкновенное явленіе въ природѣ!.. Контскій только что пріѣхалъ и на дняхъ дастъ первый свой концертъ... Послушаемъ!..

*) Происходя изъ купечества, Д. Т. Ленскій могъ не любить Островскаго, изображавшаго въ темныхъ краскахъ Московскій купеческій бытъ. П. Б.

Повторяю Вамъ еще мою сердечную признательность за присылку щегольскаго Вашего „Пантеона“; не знаю только, къ кому изъ Вашихъ коммисіонеровъ долженъ я обращаться за книжками: къ Базунову-ли, какъ прежде, или къ Ратькову?.. Марья Дмитріевна Синедкая сначала увѣрила меня, что къ Ратькову, — и я раза три заходилъ къ тому, но все по напрасну; да ужъ третьяго дня случайно отъ старушки Е. М. Кавалеровой узнаю, что моя книжка ужъ двѣ недѣли дожидается меня у Базунова: вотъ почему я и опоздалъ отвѣчать Вамъ на Ваше обязательное вниманіе... Простите... Безъ вины виновать!..

Либретто моего „Громобоя“ цензура наконецъ пропустила; когда у А. Н. Верстовскаго музыка будетъ окончательно готова, и Вы благоразсудите эту лирическую драму мою помѣстить въ „Пантеонъ“, то я немедленно Вамъ ее вышлю. Въ нынѣшнемъ году, если Богъ дастъ, я намѣренъ написать комедію въ пяти актахъ, для которой планъ у меня ужъ давно готовъ...

Будьте здоровы, пользуйтесь заслуженными успѣхами и поклонитесь отъ меня Вашей доброй и умной подругѣ. Весь Вашъ Ленскій.

О К а р а т ы г и н ѣ.

Великій трагикъ нашъ, рожденный великаномъ,
Первопрестольный градъ тобою восхищенъ,
Уѣхалъ ты отъ насъ съ наполненнымъ карманомъ,
Увѣнчанъ славою и клубомъ угощенъ.

Но для чего, скажи, за это угощенье
Амфитріоновъ ты безжалостно надулъ:
Хотѣлъ доставить ты еще имъ наслажденье
Игрою въ Скопинѣ и въ Питеръ улизнулъ.

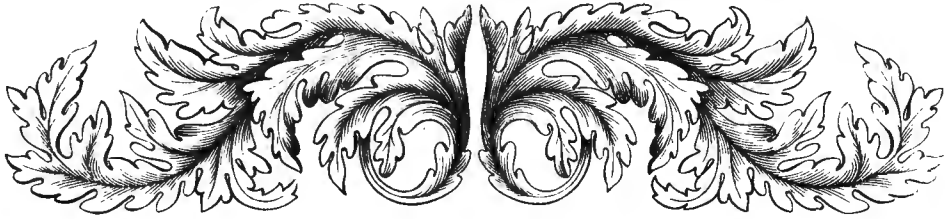
О! если бы ты зналъ, актеръ первостепенный,
Чего лишился ты? О! горьки слезы лей!
Тебѣ готовили здѣсь кубокъ драгоцѣнный,
Который заплаченъ двѣ тысячи рублей.

Утративъ навсегда подарокъ сей Московскій,
Я знаю, ты умрешь, какъ Гарпагонъ второй,
И верхъ несчастія! Пачкунъ Селивановскій
Почтитъ тебя тогда печатною слезой.

Д. Ленскій *).

*) Какъ истый Москвичъ, Ленскій отдавалъ полное предпочтеніе Московскому трагикъ Мочалову передъ Петербургскимъ Каратыгинымъ. П. Б.

Б. И. ОРДЫНСКІЙ *).

1.

Милостивый Государь!

Обращаюсь къ вамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Не угодно-ли вамъ будетъ помѣстить въ вашемъ журналѣ перевода Аристофановыхъ комедій. Я много занимался Аристофаномъ; много у меня переведено отрывковъ изъ комедій его. Одна комедія (по хронологическому порядку первая) Акарняне переведена вся. Переводомъ Аристофана занимался я съ большой любовью. Нѣкоторыя мѣста переводилъ по нѣскольку разъ. Переводъ мой въ прозѣ. Теперь позвольте сообщить вамъ нѣкоторыя подробности о самомъ себѣ, чтобы вы знали, можете ли ожидать чего нибудь путнаго отъ меня, или нѣтъ. Я въ 1844 г. кончилъ курсъ въ Слов. Отд. Моск. Унив. Прошлаго года выдержалъ магистерскій экзаменъ. Такъ какъ я былъ въ Университетѣ казеннымъ студентомъ, то посланъ былъ учителемъ Греч. языка въ Ярославль. Теперь учу тому же языку въ здѣшней 3-й гимназіи. Вотъ вамъ мой формулярный списокъ. Еще прибавлю: другой годъ помѣщаю въ От. Зап. рецензіи на Греческія и Латинскія книги.

Если вамъ угодно мое предложеніе, напишите ко мнѣ (адресъ мой—Его Бл. Борису Ивановичу Ордынскому, въ *Правленіе Университета*), какія ваши условія. Тогда я пошлю къ вамъ Акарнянъ. При переводѣ будутъ краткія примѣчанія.

Честъ имѣю быть Вашъ, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга.

Б. Ордынскій.

Г. Москва. 1848 года. Іюня 1 дня.

*) Борисъ Ивановичъ Ордынскій, профессоръ Греческой и Римской словесности, род. въ 1823 году и скончался въ 1861-мъ. Онъ посвятилъ недолгую жизнь свою ознакомленію Русскаго общества съ красотами классической словесности. П. Б.

2.

Милостивый Государь!

Мнѣ досадно, что по разнымъ обстоятельствамъ не собрался отвѣтить на ваше письмо тотчасъ по полученіи его. Я почти относительно всего, что вы мнѣ пишете, съ вами согласенъ: почти такъ, какъ и вы, думалъ и думаю объ ознакомленіи Русской публики съ чѣмъ бы то ни было не современнымъ (точнѣе,—не ефемернымъ), какъ бы ни было несовременное высоко, изящно. Отчасти я даже иду дальше вашего: думаю, что сказанное вами объ Аристофанѣ примѣняется и къ Шекспиру, даже къ Гёте. Но это другой вопросъ. Ближе къ дѣлу. Я предложилъ вамъ свой переводъ Аристофана единственно потому только, что въ *вашемъ журналѣ* (не припомню во время ли вашей редакціи) *помѣщены были „Облака“ Аристофана.*

Готовъ у меня переводъ Акарнянъ, первой по хронологич. порядку изъ 2 комедій Аристофана. Посылаю вамъ для образца отрывокъ. Мнѣ кажется, что по этому отрывку вы можете составить понятіе о моемъ переводѣ; а чтобъ познакомиться съ самою комедіею, для этого можете прочесть ее въ Нѣмецкомъ переводѣ (Дройзена) или во Французскомъ (не помню, чей-то былъ въ *édition Charpentier*). Всей комедіи въ моемъ переводѣ не посылаю къ вамъ, потому что мнѣ нужно ее пересмотрѣть, переписать: на это потребовалось бы недѣлю времени, а вы пожалуй и не напечатали бы. Притомъ у меня относительно Аристофана вотъ какой планъ. Мнѣ бы хотѣлось три-четыре лучшія и занимательнѣйшія комедіи перевести вполнѣ, прочія сокращенно: перевести нѣсколько лучшихъ сценъ или мѣстъ, а сцены, которыя или разчитаны на сценическомъ эффектѣ, или неудобопонятны для большинства публики,—сократить и рассказать. Передъ комедіями и даже, гдѣ нужно, между отдѣльными сценами, были бы нужны поясненія. Все это умѣстилось бы, мнѣ кажется, листахъ печ. на 10, т. е. составило бы 5—6 статей въ 1½-2 листа.

Потрудитесь извѣстить меня, угодно ли вамъ помѣстить только однихъ Акарнянъ, или и прочія комедіи Аристофана въ такомъ планѣ, какой я вамъ представилъ. Извѣстите вмѣстѣ и объ вашихъ условіяхъ: самъ я тутъ опредѣлительнаго сказать ничего не могу. Конечно, за переводъ Аристофана, какой бы онъ ни былъ, у насъ въ Россіи нельзя ожидать большой платы. Если мы съ вами сойдемся, черезъ недѣлю получите мою статью.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою,

Б. Ордынскій.

Адресъ мой писалъ я вамъ: въ Правленіе Университета.
1848 года Іюля 1 дня г. Москва.

Приложеніе.

Дикеопомисъ (т. е. правдивый гражданинъ), лице, высказывающее мысли самаго Ар., говоритъ передъ народомъ Аф. рѣчь о Пелопонезскомъ войскѣ: „не осудите, господа зрители, что я, бѣднякъ, рѣшаюсь среди Аѳинянъ говорить о Государствѣ, еще въ трагедіи! (т. е. комедіи: такъ называется часто Ар. комедію). Но вѣдь правду-то и трагедія знаетъ. Я скажу кое-что жесткое, но справедливое. Теперь не оклеветать меня Клеонъ, что-де въ присутствіи иноземцевъ поношу Государство. Мы одни: теперь праздникъ Ленеискій (предыдущая комедія Ар. поставлена была въ такое время, когда въ Аѳинахъ было много иноземцевъ. Потому Клеонъ жестоко нападалъ на Ар. за то, что онъ выставялъ злоупотребленія Аѳ. правительства въ присутствіи иноземцевъ). Иноземцевъ нѣтъ: нѣтъ данниковъ, нѣтъ союзниковъ. Мы одни, — словно мукѣ просѣянная, метиковъ (т. е. иноземцевъ, поселившихся въ Аѳ.) называю мякиною Государства. „Я ненавижу Лакедемонянъ сильно! Чтобъ завалилъ ихъ всѣхъ ихними же домами Посидонъ Тенарскій! Вѣдь и у меня вырублены виноградники. Но... (охлаждается) все свои кругомъ... зачѣмъ намъ обвинять въ этомъ Лекедемонянъ! Наши же,—не Государство, помните не Государство, а людишки, подлые, заклеянные позоромъ, безчестные, и лживые, и полуварвары, наши же наядбедничали на Мегарцовъ, стали теребить ихъ плащи. Завидяты бывало гдѣ смокву, поросенка, зайчика, луковицу, крохи сала, и тотчасъ у нихъ все Мегарское, и на тотъ же день продавалось. Но это пустое, домашнее дѣло. Но вотъ пьяная, разгульная молодежь украла изъ Мегары непотребную Симею. Озлобленные Мегарцы украли за нее двухъ прелестницъ Аспазіи. Отсюда—начало войны у всѣхъ Еллиновъ, изъ за трехъ прелестницъ. Перикль Олимпіецъ заблесталъ въ гнѣвъ молніею, грянулъ громомъ, взбунтовалъ всю Елладу. Издалъ законы, словно сколіи (сколіи—застольныя пѣсни; одна изъ нихъ, очень употребительная, походила по формѣ на Перикловъ законъ): нельзя Мегарцамъ оставаться ни на площади, ни на морѣ, ни на сушѣ. Тогда порядкомъ проголодавшіеся Мегарцы попросили Лакедемонянъ, чтобы отмѣнилось опредѣленіе, изданное изъ за блудницъ. Насъ просили не

разъ, мы не захотѣли. И вотъ откуда стукъ щитовъ! Скажетъ кто-нибудь: не должно было. А что же должно было, скажите! Ну, если бы кто изъ Лакедемонянъ укралъ у Серифянъ щенка и продалъ: сидѣли бы вы дома? Куда! Скорехонько спустили бы корабли, весь бы городъ наполнился шуму воиновъ, криковъ тріерарка; раздавалось бы жалование, золотился бы палладіумъ, стонала бы стѣя, отмѣривался бы провіантъ, скупались бы мѣшки, ремни, кадки, лукъ, оливы, чеснокъ, вѣнки, сардинки; вездѣ флейтисты, вездѣ подбитые глаза. На верѣхи раздавались бы удары весель, стукъ вколачиваемыхъ гвоздей, сверлились бы весельныя дыры; вездѣ флейты, понуканья, свистки. Все бы это у васъ творилось. *А Телморъ, вы думаете, не станетъ?* (пародія Еврипида). Ума у васъ нѣтъ!“

Если вы согласитесь напечатать статью мою, то я напишу крупнѣе и разборчивѣе. Примѣчанія будутъ идти отдѣльно, на примѣръ въ концѣ статьи и будутъ немного подробнѣе.

А вотъ сцена въ другомъ родѣ. Дикеополисъ, передъ тѣмъ, какъ говоритъ ту рѣчь, которую сейчасъ я привелъ, отправляется къ Еврипиду просить нищенскихъ рубищъ и прочихъ принадлежностей жалкихъ калѣкъ-героевъ его трагедій. Костюмъ такой нуженъ Дик. для возбужденія жалости въ жителяхъ.

Дик. Ей, малой, малой! (стучится къ Еврипиду). Слуга. Кто это? Д. Дома Еврипидъ? Сл. И не дома, и дома: самъ понимай. Д. Какъ дома и не дома? Сл. Такъ точно, старикъ! Умъ его не дома: собираетъ стишки. Самъ—дома. На верху творитъ трагедію. Д. О блаженнѣйшій Еврипидъ! Слуга твой такъ ясно отвѣчаетъ! Вызови его. Сл. Нельзя. Д. Все равно! Иначе не уйду: буду въ дверь стучаться. (Стучится). Еврипидъ, Еврипидушка! Послушай, если только когонибудь изъ людей слушалъ. Дикеополисъ зоветъ тебя, Холличъ, я. Евр. (показывается) Недосугъ. Д. Да вели себя высунуть (посредствомъ машинки, которую на Греч. шралъ выдвигали боювъ и пр.). Е. Нельзя. Д. Все равно! Е. Ну, ужъ пусть выдвинуть: сходить недосугъ (выдвигаютъ его). Д. Еврипидъ!... Е. Чтѣ речешь? Д. Ты говоришь на верху, когда можно внизу: не даромъ у тебя въ трагедіяхъ все хромые. (Разматриваетъ одежду Евр.). Да! Къ чему на тебѣ трагическое рубище, одежда скорби! Не даромъ у тебя все нищіе. Умоляю тебя на колѣнахъ, дай мнѣ какуюнибудь ветошку изъ старой драмы. Мнѣ нужно передъ народомъ говорить длинную рѣчь. Плохо скажу: смерть за нее. Евр. Какихъ же тебѣ тряпокъ? Развѣ тѣхъ, въ которыхъ былъ выведенъ Иней, злосчастный старецъ? Д. Нѣтъ; не Инея, а чтѣ понесчастнѣе

еще. *Е.* Ну, слѣпого Финика. *Д.* Нѣтъ не Финика: былъ несчастнѣе Финика. и т. д.

Въ такомъ духѣ идетъ эта сцена еще долго. Вы, конечно, догадываетесь, что въ ней Аристофанъ хочетъ осмѣять обычай Еврипида внѣшностію разстрогивать зрителей. Сцена мастерская, выдержана удивительно. Еще я долженъ прибавить вамъ, что переводъ мой возможно близко къ подлиннику; это, надѣюсь, подтвердитъ вамъ всякій знатокъ Греч. яз., если вы дадите свѣрить ему мой переводъ съ подлинниками. Я Аристофана долго изучалъ. Сдѣлалъ даже кое-что самобытное относительно объясненія и критики текста, что поидеть, можетъ быть, у меня матеріаломъ въ какую нибудь филолог. диссертацию. Аристоф. мой любимый писатель: на него употребилъ я, можетъ быть, всѣ лучшія силы мои.

ГРАФИНЯ Е. П. РОСТОПЧИНА.

1.

Москва, 28 Ноября 1853 г.

Сейчасъ отправила я къ вамъ мою дочь и будущую вашу, то есть, Дочь *Донъ-Жуана*, которую прошу полюбить и пожаловать, и вотъ вамъ, милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ, и прилагательное къ ней, вмѣсто приданого, письмо къ любимой племянницѣ и опытной часто совѣтницѣ министра, а моей старой пріятельницѣ, *m-lle Bering-Тумашевой*. Она живетъ если не у самаго Авраама Сергѣевича, то у родной сестры министра и своей родной матери, княгини Марьи Григорьевны Вяземской (ибо княгиня была два раза замужемъ). Она приметъ благосклонно и дружелюбно всякое ваше ходатайство о моей рукописи. Эта дѣвушка не молодая, очень умная, образованная, старѣе своей тетки Норовой и пользующая общимъ уваженіемъ и довѣріемъ семейства; всѣ они любятъ литературу, занимаются ею серьезно, и на нихъ можно положиться, меня же знаютъ съ давняго времени, и я очень дружна съ нѣкоторыми членами семейства. Скажитесь прямо и просто отъ меня; это будетъ вступленіемъ обѣщающимъ вамъ найти радушнѣйшій пріемъ.—Теперь къ дѣлу, ибо мы оба съ вами люди не праздные: вы занимаетесь, и я только-что изъ деревни и плачу визиты, въ своемъ родѣ каторга стоящая всѣхъ прочихъ! *Романъ не можетъ быть конченъ къ Январю*, ибо кончена только первая часть, а ихъ будетъ навѣрное двѣ, а можетъ статься и три: вещь задумана серьезно, выполняется добросовѣстно, стало быть не въ скороспѣлку какъ коме-

дѣйки и лирическія бездѣлушки. И такъ, мое-бы мнѣніе и желаніе было, чтобы вы тиснули въ Январской книжкѣ, а потомъ по своему усмотрѣнію приступили бы къ роману; продолженіе (главная завязка и узелъ) вышлю вамъ на дняхъ, прежде кой-кому здѣсь попрочитаю отрывки, чтобъ посовѣтоваться и узнать, удалось-ли мнѣ исполнить задуманное. Если же васъ останавливаетъ какой-нибудь хозяйственный расчетъ, *то прошу васъ не стѣсняться имъ въ разсужденіи меня*; сочтемся, когда вамъ будетъ удобно, а покуда, печатайте на здоровье! Я знаю, что вамъ всѣмъ издающимъ произвело ужасный подрывъ новое постановленіе Почтамта не выдавать журналамъ полной платы за годовую подписку, а раздавать деньги помѣсячно, послѣ выхода нумеровъ; съ этимъ распоряженіемъ, конечно, трудно журналу расплачиваться скоро за статьи, и часто они печатаютъ что Богъ пошлетъ, не имѣя средствъ пріобрѣтать то чтò имъ бы хотѣлось. Чтобъ видѣть свои произведенія у васъ, я готова снабжать *Пана Теоньча*, съ условіемъ, что онъ будетъ со мною расплачиваться по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, и теперь выдаю за него свою дочь, не требуя немедленнаго калыма; только я тоже со своей стороны предложу условіе: чтобы рукописи не старѣлись въ картонахъ! Такъ какъ я пишу много лѣтомъ (запоемъ, можно сказать) всегда имѣю въ головѣ и мысли дватри клона на будущее, то мнѣ нужно вѣрить и думать, что новыя произведенія появятся въ свѣтъ свѣжія и едва вылупившіяся изъ своей щелухи; мнѣ нужно знать, что новинка послѣдуетъ за новинкой; иначе мое рвеніе охлаждено, трудъ теряетъ приманку, и я откладываю со дня на день то дѣло, которое-бы кипѣло живо и поспѣло-бы духомъ, если-бы меня подстрекала увѣренность близкаго и скорого напечатанія. Вотъ вамъ полная исповѣдь моя, Ѳедоръ Алексѣевичъ, и потому я очень желаю, чтобы вы скорѣе употребили въ дѣло мои каракульки; по мѣрѣ напечатанія или переписыванія, прошу *возвращать мнѣ оригиналы*: я стала собирать и хранить всѣ рукописи для дѣтей моихъ, которыя просили меня о томъ. Кажется, все сказано; не хочу васъ задерживать, и прощаюсь съ вами, желая вамъ всего добраго и отраднаго, наиболѣе подписчиковъ, наименѣе заботы! Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ и глубокомъ уваженіи, съ которымъ остаюсь преданная вамъ

Графъ. Евдокія Ростопчина.

2.

Москва. 20 Февраля 1851 г.

Сдѣлайте одолженіе, Ѳедоръ Алексѣевичъ, *скорѣе* снять копию съ *дочери Доннъ-Жуана*, и возвратите мнѣ оригиналъ; хочу его переводить на Французскій языкъ для Рашели, которая просить у меня роли,

а эта ей придется по плечу какъ разъ. Какъ ни безумно покажется вамъ съ моей стороны такое предпріятіе, но оно овладѣло моимъ воображеніемъ, воспламенило мою душу,—и дружба ко мнѣ геніальной женщины заставляетъ меня надѣяться если не совершенно на успѣхъ, то по крайней мѣрѣ на удачу. Я, какъ и вся Москва, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отчаянныхъ Славянофиловъ (переводъ *простодилей!*), я нахожусь совершенно подъ обаянѣемъ неимовѣрной артистки; я видала ее въ Парижѣ, и тамъ высказалась ей, но съ тѣхъ поръ, какъ она выросла, или какъ Русь ее одушевила! Она сильна, страстна, энергична, она еще усовершенствовалась, если это было возможно. А что Норовъ и его протекція? Пригодилась-ли она вамъ? пройдетъ-ли наша Донья?

Сегодня не скажу ничего болѣе, жду *Рашель* къ себѣ, вечеромъ увижу ее въ Гораціяхъ, а завтра два раза, утромъ въ Андромахъ, вечеромъ въ представленіи въ пользу Католическаго попечительства, скажетъ одно дѣйствіе изъ Говеліи и одно изъ *Эсвири*. Можно-ли думать о чемъ нибудь другомъ?...

Это не мѣшаетъ мнѣ, почтенный редакторъ, засвидѣтельствовать вамъ искреннѣйшія *чувствія* вѣрной вамъ сотрудницы, съ коими пребываю къ услугамъ вашимъ

граф. Е. Ростопчина.

Е. П. Гребенка.

Reverendissime Domine.

Посылаю Вамъ начало моей повѣсти *Сеня*. Эта глава называется прологъ, послѣ будетъ штука, а тамъ дастъ Богъ и повершимъ эпилогомъ. Пожалуйста, прикажите ее набрать, а я Вамъ въ продолженіи недѣли и конецъ доставлю. Если Вы ее скорѣе напечатаете, то сдѣлаете мнѣ много пріятностей, ибо я около половины Мая улетаю по своему обычаю въ теплыя страны, а для подобныхъ перелетовъ нужна деньга, ибо не гусь и не утка, а Гребенка, всему же свѣту вѣдомо, что таковая крыльевъ не имѣетъ. Если начнете набирать, то и конецъ напишется, а въ противномъ случаѣ не ждите. Я васъ навѣщу на дняхъ. *Услужите* же пожалуйста! Я Вамъ имѣю много хорошенькихъ стиховъ подарить, да самъ привезу, чтобы имѣть болѣе вѣсу при моемъ посѣщеніи. Я къ вамъ писалъ въ полкъ два письма, исполненныхъ островами и каламбурами, но увы ничего не получилъ въ отвѣтъ кромѣ: *въ полку пьтъ*, отвѣчайте обстоятельнѣй, а не то я Васъ съѣмъ; да просто поймаю на проспектъ и съѣмъ, je vous assure!

Вашъ Е. Гребенка.

К. М а с а л ь с к і й.

Милостивый Государь Федоръ Алексѣевичъ. Вы изъявили желаніе, чтобы я пріѣхалъ къ Вамъ завтра, для окончательнаго переговоровъ о моихъ *Лейтенантъ и Поручикъ*, которыхъ судьба въ мірѣ прозы и дѣятельной жизни и менѣе странна, и замѣчательна, какъ и въ мірѣ поэзіи. Авторское самолюбіе (по праву нашей дружбы и основанной на ней откровенности), пошлемъ въ преисподнюю. Я увѣренъ, что мой новый романъ Вамъ понравится, и что Вы сочтете его за одно изъ лучшихъ моихъ произведеній чѣмъ были прежде мои произведенія, признанныя читающимъ міромъ хорошими и спосными.

Черкните маленькій отвѣтикъ: когда мнѣ завтра къ Вамъ пріѣхать, чтобы не сбылась со мною пословица: „Не въ пору гость хуже татарина“. Я привезу съ собой всю рукопись.

Крайне обяжете меня, если Вы разсудите купить мой романъ, на высказанныхъ мною въ прежнемъ письмѣ условіяхъ, для Вашего журнала, и если приготовите для меня, по моему условію, слѣдующія деньги. Охъ эти деньги! Много ихъ впереди, да теперь-то нѣтъ, а нужно мнѣ для крайней необходимости предпринять путешествіе въ свою деревню дней на пять или на шесть; безъ денегъ же это невозможно. Обяжите меня по дружески и разрушьте эту невозможность.

Надѣюсь, увѣренъ (позвольте сказать), что за Вашу дружескую услугу mon roman vous portera bonheur. Дай Богъ! Отъ души преданный Вамъ К. Масальскій.

6 Октября 1852 г.

Баронъ Е. Розенъ*).

При семъ посылаю вамъ экземпляръ моей Нѣмецкой трагедіи. Если бъ я это сдѣлалъ при появленіи книги, то это имѣло бъ видъ косвенной просьбы о публикаціи въ вашей газетѣ. Теперь же приношеніе мое не допускаетъ никакихъ постороннихъ понятій. Я привыкъ высказывать свои просьбы на пряжки, что и теперь дѣлаю.

Я просто, безъ письма, доставилъ черезъ графиню Віельгорскую книгу мою извѣстному Varnhagen-von—Ense. Вчера получилъ я отъ него письмо, исполненное похвалъ и вѣжливостей, въ которомъ онъ меня проситъ о Русскомъ подлинникѣ. Изъ письма его видно, что онъ долженъ быть порядочный знатокъ Русскаго языка. Желаніе Фарн-

*) Ему принадлежатъ слова въ оперѣ Глинки: „Жизнь за Царя“. П. Б.

гагена побуждаетъ меня прибѣгнуть къ вамъ. У меня растаскали особо отпечатанные экземпляры моей *Дочери Иоанна*, даже второй № Пантеона за прошедшій годъ, гдѣ была помѣщена піеса. Не имѣется ли у васъ, или у Полякова, лишняго экземпляра упомянутаго второга номера Пантеона? Буде есть возможность услужить мнѣ этимъ номеромъ, то былъ бы я вамъ чрезвычайно благодаренъ. Вы, конечно, не откажитесь дать какую либо отвѣдь на мою просьбу.

Я опять перемѣнилъ квартиру, но переѣхалъ недалеко отъ прежней: подлѣ той же *Офицерской* или Знаменской улицы, въ Госпитальномъ переулкѣ, въ домѣ Нелидова, № 21. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Баронъ Е. Розенъ.

Сего 6 Юня 1841.

Я. И. Невъровъ.

Рига, Августа 1840 г.

Прочтя въ одной изъ книжекъ Пантеона переводъ Гофмановой фантазіи „Донъ Жуанъ“, я вспомнилъ, что когда-то мною переведено было замѣчательное сочиненіе этого автора „Удивительныя страданія директора театра“, въ которомъ Гофманъ, на свой манеръ, высказалъ много важныхъ и любопытныхъ истинъ о драматическомъ искусствѣ. Такъ какъ содержаніе этой статьи совершенно соотвѣтствуетъ цѣли вашего изданія, а за занимательность ея ручается имя автора, то я и посылаю вамъ при семъ, черезъ прикащика г-на Полякова, рукопись. Но къ этому необходимо прибавить вотъ еще что. Переводъ мой сдѣланъ во время-одно, тотчасъ по выходѣ моемъ изъ Университета, слѣдовательно за изящество его я никакъ не могу ручаться; за вѣрность—такъ, но слогъ! Я даже не читалъ моей рукописи, но знаю навѣрное, что теперь перевелъ бы иначе. А по тому покорнѣйше прошу васъ, если вы вздумаете сдѣлать изъ нея употребленіе, то марайте ее какъ хотите; если же переводъ неисправимо дуренъ, то употребите его на растопку вашего камина при приближающейся осени. Для меня онъ рѣшительно не нуженъ; но я думаю, что, почистивъ въ немъ то и другое, онъ можетъ пойти въ дѣло, потому что содержаніе его дѣйствительно достойно вниманія. Самому заняться этой очисткою мнѣ нѣтъ времени; возьмите такъ какъ есть, годится—хорошо, негодится—въ печь безъ дальнѣйшихъ церемоній! Онъ никогда не предназначаемъ былъ для печати, а предпринять отъ нечего дѣлать. Съ истиннымъ почтеніемъ и готовностью быть вамъ, по силѣ, полезнымъ остаюсь

Преданный Вамъ

Я. Невъровъ.

Художникъ Н. А. Степановъ.

1.

Лазаревъ мнѣ сказалъ, что вы желаете имѣть списокъ моихъ статуэтокъ, чтобы помѣстить объ нихъ статью въ Январской книжкѣ „Пантеона“. Принося вамъ искреннюю благодарность за обязательный вызовъ, я спѣшу выполнить ваше требованіе и увѣренъ, что статья, составленная такимъ знатокомъ въ дѣлѣ искусства, какъ вы, удовлетворить и публику и художника. А какъ вы уже оправились совершенно отъ болѣзни, то, пользуясь этимъ случаемъ, я считаю не лишнимъ напомнить вамъ объ обѣщаніи дать мнѣ нѣсколько сеансовъ для статуэтки, а чтобы не затруднять васъ назначеніемъ времени, я считаю долгомъ добавить, что по утрамъ бываю всегда дома отъ 10-ти до половины 1-го часа и что въ первый разъ какъ вамъ вздумается ко мнѣ пожаловать въ промежуткѣ этихъ часовъ, я могу начать вашу статуэтку. Примите увѣренія и пр.

Н. Степановъ.

6 Декабря.

2.

Сколько мнѣ извѣстно, есть только одинъ портретъ Грибоѣдова, который былъ приложенъ изъ его комедіи „Горе отъ ума“; но теперь и этотъ портретъ трудно достать, а въ вашей коллекціи я его видѣлъ; поэтому и обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбою ссудить меня портретомъ этимъ на нѣсколько дней, за что останусь очень благодарнымъ. Портретъ возвращу въ цѣлости и къ нему приложу и бюстъ. Я отправилъ въ вашу контору половину коллекціи моихъ статуэтокъ изъ *parier—mâché*, а другая половина будетъ доставлена къ Воскресенью. Еще кой о чемъ хотѣлось бы поговорить съ вами, да ужъ это при свиданіи. Завтра будетъ двѣ недѣли, что я не выхожу изъ дому: простудился, схватилъ гриппъ и никакъ не могу отъ него отдѣлаться. Прошу передать мое почтеніе Иринѣ Семеновнѣ.

Преданный вамъ Н. Степановъ.

31 Января.

А. Т Ъ е р ъ.

Paris, le 2 juillet 1847.

Monsieur.

J'ai regretté beaucoup de n'être point à Paris quand vous avez bien voulu vous présenter chez moi, pour me remettre un exemplaire de votre traduction. Je vous y aurais fait l'accueil qui vous est dû, et que je vous devais en particulier, pour le soin que vous avez mis à traduire mon dernier ouvrage historique. Je ne sais point la langue Russe, et je ne puis pas juger par moi-même du mérite de votre traduction; mais je sais par le témoignage de plusieurs de vos compatriots, que j'ai fort à me louer de vous avoir en pour interprète, et je vous remercie d'avoir bien voulu vous charger de l'être.

La nation Russe est une des grandes nations du monde, et je serais heureux si, grâce à vous, je parviens à être favorablement connu d'elle.

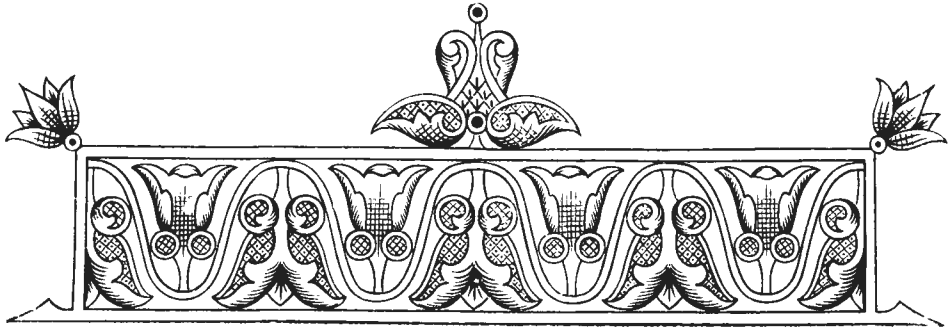
Agrérez, monsieur, avec la nouvelle expression de ma gratitude. l'assurance de ma considération la plus distinguée.

A. Thiers, membre de l'Académie Française.

Переводъ.

Я очень сожалѣлъ, что меня не было въ Парижѣ, когда Вы пожелали быть у меня, чтобы передать мнѣ экземпляръ Вашего перевода. Я оказалъ бы Вамъ вниманіе, которое вы заслужили, и которымъ я Вамъ обязанъ въ особенности за трудъ, потраченный на переводъ моей послѣдней исторической работы. Я совсѣмъ не знаю Русскаго языка, и самъ не могу судить о цѣнности Вашего перевода; но я знаю по свидѣтельству многихъ изъ Вашихъ соотечественниковъ, что я долженъ очень гордиться, имѣя Васъ переводчикомъ, и я Васъ благодарю, что Вы пожелали быть имъ. Русская народность—одна изъ величайшихъ въ мірѣ, и я буду счастливъ, если, благодаря Вамъ, буду благосклонно узнать ея. Благоволите еще разъ принять выраженіе моей благодарности и увѣреніе въ отмѣннѣйшей преданности. А. Тьеръ, членъ Парижской Академіи.

ЗАМѢТКИ ВЕТЕРАНА 1812 ГОДА.

Писано въ 1876 году.

Въ одно изъ своихъ пребываній въ Москвѣ, Александръ Николаевичъ изволилъ остановиться въ Нескучномъ дворцѣ. Однажды, ѣдучи оттуда въ Кремль и проѣзжая мимо Городской Больницы, онъ сказалъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ въ коляскѣ дежурному флигель-адъютанту своему Григорію Александровичу Милорадовичу: „Вотъ сюда привезли нашего Абрама Сергѣевича послѣ Бородинской битвы съ оторванной ногою. А вѣдь Толстой много напуталъ о двѣнадцатомъ годѣ.“ Это передалъ мнѣ Г. А. Милорадовичъ, въ тотъ же день навѣстившій меня. А. С. Норовъ, можетъ быть по указанію Государя, написалъ опроверженіе свое „Войны и Мира“, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“.

У насъ же появились замѣтки другого участника Бородинской битвы князи П. А. Вяземскаго, который между прочимъ указалъ, что по разсказу графа Л. Н. Толстаго, Императоръ Александръ Павловичъ съ балкона Кремлевскаго дворца кидалъ въ народъ конфетами и апельсинами. Дѣло въ томъ, что графъ Толстой вовсе не изучалъ исторію великой эпохи; какъ и вообще онъ не давалъ себѣ труда усидчивой, постоянной работы: можно сказать, что онъ постоянно захлебывался воображеніемъ. Но въ то же время ему захотѣлось извести до пошлости личные подвиги тогдашнихъ дѣятелей: графъ Растопчинъ выведенъ какимъ-то шуткомъ, и однако дарованіе Толстаго было такъ сильно, что большинство читающаго люда ему повѣрило, и онъ возымѣлъ вліяніе даже надъ людьми учеными, какъ напр. надъ А. Н. Поповымъ, который въ прекрасныхъ статьяхъ своихъ о 1812 годѣ невѣрно изобразилъ безпримѣрную, по ея значенію, дѣятельность тогдашняго Московскаго главнокомандующаго, заботѣ котораго мы обязаны сохраненіемъ Московскихъ святынь и драгоценныхъ памятниковъ нашей исторіи. Понятно оскорбленіе, нанесенное „Войною и Миромъ“ уцѣлѣвшимъ дѣятелямъ великихъ событій. Къ числу ихъ принадлежалъ и Нарменъ Семеновичъ Деменковъ, нижеслѣдующія замѣтки котораго переданы въ „Р. Архивъ“ М. С. Боборыкинымъ. П. Б.

Въ будущемъ 1877 году Россія готовится праздновать столѣтній юбилей рожденія императора Александра I-го. При этомъ нельзя не

припомнить о славномъ 1812-мъ годѣ. Столь чрезвычайныя эпохи не легко изглаживаются изъ памяти народовъ, а безпристрастная исторія должна признать въ событіяхъ того времени безпримѣрное самопожертвованіе Русскаго народа и геройское мужество войскъ при оборонѣ дорогого отечества. Намъ же, въ очень маломъ уже числѣ оставшимся въ живыхъ, ветеранамъ послѣдней Шведской 1808 года и Отечественной 1812, нельзя не припомнить съ нѣкоторымъ затаеннымъ чувствомъ гордости, что и мы принимали участіе въ этой славной для Россіи эпохѣ (хотя въ числѣ очень мелкихъ единицъ), что и мы имѣли счастье служить отечеству своими посильными трудами въ славное царствованіе Благословеннаго.

Тогда Россіи угрожала немалая опасность быть побѣжденною сильнымъ врагомъ, вторгнувшимся въ ея предѣлы, но Русскіе люди того времени, проникнутые самымъ горячимъ патріотизмомъ и одушевленные обожаемымъ Монархомъ, не допустили одолѣть себя въ той кроваво-гигантской борьбѣ; а напротивъ, успѣли не только отразить, но даже небывалымъ погромомъ рѣшительно уничтожить полумиллионное войско врага.

Воспоминаніе дѣйствительно дорогія для принимавшихъ участіе въ той славной войнѣ! Но какъ не сжиматься болѣзненно сердцу мучительною скорбью, видя, что уже не придается у насъ прежнее высокое значеніе эпохѣ столь приснопамятной для Россіи, и что нѣкоторые къ несчастію, даже изъ самихъ Русскихъ, начали отзываться о ней съ полнымъ скептицизмомъ. А лѣтъ нѣсколько тому назадъ, издано многотомное сочиненіе, въ которомъ авторъ, въ формѣ новаго рода изложенія историческихъ событій, набрасывая на нихъ очень темную тѣнь, старается унижить блистательное для своего отечества время, уронить драгоценное наслѣдіе, оставленное имъ потомству и помрачить ту славу Русской земли, которая была ею куплена столь дорогою цѣною.

Для убѣжденія въ этой горькой истинѣ, стоитъ только въ сочиненіи „Война и Миръ“ прочесть нѣсколько страницъ, въ которыхъ авторъ касается историческихъ событій того времени и которыя онъ придумалъ втиснуть въ свой романъ, вѣроятно на томъ основаніи, что пришивка историческаго, хотя и извращеннаго, разсказа къ какой нибудь вымышленной повѣсти всегда служила лучшимъ способомъ къ насильственному привлеченію вниманія читателей. По выходѣ въ свѣтъ, сочиненіе это, подверглось, какъ и должно было ожидать, разнороднымъ обсужденіямъ. Одни, усматривая въ немъ новаго рода направленіе, отозвались о немъ не совѣмъ лестно; другіе, сочувствуя явно враждебному взгляду автора на эпоху, восхищались искусно написаннымъ романомъ.

Повѣствованію этому, о времени войнъ Императора Александра I-го съ Наполеономъ I-мъ, придана какая-то историческая достовѣрность,

такъ что нѣкоторые изъ читателей, мало знакомые съ исторіей Отечественной войны, очень легко могли поддаться всему тому, что имъ внушалось новымъ сочиненіемъ, получая вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно превратное понятіе объ эпохѣ. Немало было споровъ у такихъ читателей съ другими, успѣвшими прежде почерпнуть свои свѣдѣнія о томъ времени изъ источниковъ дѣйствительно достовѣрныхъ; что же касается до нашей братіи ветерановъ, то намъ какъ-то дико казалось слышать сужденія въ родѣ тѣхъ, что будто-бы война 1812-го года велась Русскими дурно, что войско было слабо духомъ, вожди его бездарны и что никакихъ распоряженій и приготовленій на случай войны, да и вообще никакого порядка у насъ не было; тогда какъ Французское войско выставлялось въ превосходномъ видѣ; словомъ, что кампанія Отечественной войны была далеко не такъ блистательна и славна для Россіи, какъ пишутъ Русскіе военные историки, а потому-де и не заслуживаетъ она будто бы того громкаго значенія, какое придаютъ ей люди прежняго времени. И вотъ такого рода сужденія о мнимо безпристрастномъ сказаніи автора, которому пришла для чего-то охота переиначить историческіе факты того времени на свой ладъ, повторились довѣрчивыми читателями новой книги. А потому и очень горько видѣть, что такое искаженіе событій принималось многими за истину.

Разнородныя рецензіи въ нѣкоторыхъ журналахъ по поводу этого сочиненія возродили во мнѣ желаніе познакомиться ближе съ этимъ новымъ методомъ изложенія великихъ историческихъ событій. Мнѣ хотѣлось удостовѣриться, дѣйствительно-ли, какъ казалось изъ рѣчей уже прочитавшихъ сочиненіе, оно написано въ томъ враждебномъ къ Россіи взглядѣ и съ тѣмъ направленіемъ, какія трудно было предположить въ Русскомъ писателѣ, давно уже пріобрѣтшемъ себѣ извѣстность своими прежними сочиненіями, или, думалъ я, не сами-ли читатели, не понявъ направленія автора, извращали ими прочитанное.

Съ перваго уже тома видно было, что сочиненіе это распадается на два главные отдѣла: одинъ состоитъ изъ романа, въ которомъ въ очень темныхъ краскахъ обрисовываются Петербургское и Московское общества въ началѣ столѣтія, а другой, въ перемежку съ первымъ, заключаетъ въ себѣ искаженное повѣствованіе объ Отечественной войнѣ при чемъ высказался возмутительный образецъ отрицанія.

Разумѣется, все вниманіе мое преимущественно сосредоточивалось на этихъ послѣднихъ страницахъ сочиненія, по той понятной причинѣ, что самъ, лично принималъ участіе въ той войнѣ, а въ 1813 году получилъ и очень тяжелую рану. Встрѣчая непрерывные оскорбительные отзывы о тогдашнемъ войскѣ и вообще о Русскомъ національномъ чувствѣ, не возможно было читать ихъ безъ сильнаго душевнаго

возмущенія. Тутъ очень ясно видѣлось прямое стремленіе низвести славную для Россіи эпоху на степень басни или сказки; а посредствомъ какого-то страннаго сплетенія именъ историческихъ съ именами вымышленными или искаженными черезъ перестановку буквъ поколебать у читателей вѣру въ достовѣрность хода и исхода этого мірового событія.

Покуда примѣшивались къ роману первые войны Императора Александра I-го противъ Наполеона, авторъ нѣсколько еще сдержанно писалъ на счетъ Русскихъ, о самомъ Государѣ отзывался съ должнымъ уваженіемъ, отчасти и о Кутузовѣ: но и тутъ нельзя было не подмѣтить влеченія къ предвзятой цѣли выставлять все въ ложномъ свѣтѣ. Когда же сказаніе автора дошло до 1812-го года, то онъ, какъ видно, давъ уже полную свободу своимъ игривымъ фантазіямъ, сталъ сыпать на своихъ соотечественниковъ какъ градомъ самыми ѣдкими сарказмами. Тутъ онъ явилъ уже себя самымъ яркимъ порицателемъ всего, что только касалось тогдашней Россіи и, высокоумно рѣшая, что все тогда творилось очень дурно, усиливается великую для своего отечества эпоху выказать въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Иронически ее искажая, онъ прямо, можно сказать, составилъ на нее злую пародію. А при напущенномъ на читателей туманѣ, имъ трудно отличать истину отъ измышленийъ, въ особенности когда въ основу повѣствованія вносятся не только игра воображенія, но и ловко направляемая агитація по извѣстной Французской поговоркѣ: „*Calomniez, calomniez; il en restera toujours quelque chose*“. Не только неопытные юноши, но и нѣкоторые люди солидныхъ лѣтъ, не имѣвшіе прежде желанія или случая ближе познакомиться съ исторіею эпохи, прочитавъ романъ съ заманчивымъ оглавленіемъ „Война и Миръ“, прониклись взглядомъ и направленіемъ автора, причемъ приходится вполне убѣдиться въ той печальной истинѣ, что всякое съ агитаціонною цѣлью словоизверженіе во вредъ своему отечеству у насъ очень легко прирождается людямъ равнодушнымъ къ его доброй славѣ.

Но намъ ветеранамъ, привыкшимъ къ тому, что послѣ 1812-го, 13 и 14 годовъ свѣтъ смотрѣлъ на Россію какъ на страну, совершившую неимоვნно-гигантскій подвигъ, намъ, знавшимъ прежде о безсильной злобѣ противъ Россіи лишь у недобросовѣстныхъ писателей иноземныхъ, да у своихъ абсентеистовъ, нельзя было не удивляться намѣренію автора опозлать то, чѣмъ Россія по всей справедливости должна гордиться.

Трудно съ надломленными силами браться за восстановленіе ловко и искусно искаженной правды; но трудно и молчать, не присоединивъ своего хотя нѣсколько запоздалаго голоса къ другимъ, уже прежде

высказавшимъ свое полное негодованіе противъ глубокаго оскорбленія, нанесеннаго чувству національной гордости. Не осудить же намъ себя на пассивное молчаніе лишь потому, что изложеніе нашихъ опроверженій будетъ слабѣе художественной искусственности и умѣнья извращать, или потому что возраженія наши навлекутъ на насъ гнѣвъ сторонниковъ направленія автора, по мнѣнію которыхъ сочиненіе это написано не только увлекательно, но даже правдиво и нравственно? Не благодарить же намъ въ самомъ дѣлѣ автора за милые его отзывы о Русскихъ 1812-го года, исполнявшихъ тогда съ особеннымъ усердіемъ свой священный долгъ—тотъ долгъ, который всегда проявляется у Русскихъ людей съ необычайною силою, когда въ жестокихъ битвахъ и въ виду ежеминутной смерти требуется отстаивать дорогую родину отъ злобныхъ ея враговъ?

Какъ же въ память нашихъ собратій и товарищей, павшихъ тогда многими тысячами на родныхъ поляхъ чести, не сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ строгому судѣ и завязтому порицателю, ищущему обвинять ихъ чуть не въ преступленія. Если авторъ, заручившись литературною своею извѣстностью, вклеивъ теперь въ свое сочиненіе невозлюбленное имъ по чему-то славное для Россіи историческое событіе, думаетъ имѣть полное право порицать его и забрасывать грязью, тогда какъ оно такъ дорого отечеству: то почему же кому либо изъ насъ, бывшихъ тружениковъ того столь тяжкаго времени, принимающему близко къ сердцу это кровавое, можно сказать, оскорбленіе всей нашей тогда ратной семьи, не имѣть теперь тоже и своего права, отбросивъ въ сторону утонченную вѣжливость, выразиться съ равною автору безцеремонностью, что злобно-сатирическое сказаніе его о нашемъ 1812 годѣ, втиснутое въ сочиненіе „Война и Миръ“, есть просто какая-то хаотическая и антипатріотическая сказка, хотя очень искусно составленная?

Въ доказательство неголословности, а справедливости сказаннаго мною выше, приведу нѣсколько дословныхъ выписокъ изъ тѣхъ страницъ послѣднихъ трехъ томовъ романа, въ которыя вплетаются историческія событія, при весьма ничтожной долѣ правды.

На первой страницѣ четвертаго тома читатель знакомится съ хроникою 1812-го года слѣдующимъ вступленіемъ. Съ конца 1811 года началось усиленное вооруженіе и сосредоточеніе силъ Западной Европы, и въ 1812 году силы эти—милліоны людей (считая тѣхъ, которые перевозили и кормили армію), двинулись съ Запада на Востокъ, къ границамъ Россіи, къ которымъ точно также съ 1811 года стягивались силы Россіи. Двѣнадцатаго Іюня силы

Западной Европы перешли границы Россіи, и началась война, т. е. совершилось противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ событіе. Милліоны людей совершали другъ противъ друга такое безчисленное количество злодѣяній, обмановъ, измѣнъ, воровства, поддѣлокъ и выпуска фальшивыхъ ассигнацій, грабежей, поджоговъ и убійствъ, котораго въ цѣлые вѣка не соберетъ лѣтопись всѣхъ судовъ міра, и на которые, въ этотъ періодъ времени, люди совершавшіе ихъ не смотрѣли, какъ на преступленіе.

Французы, при вторженіи въ Россію, съ ихъ невольными союзниками дѣйствительно совершали безчисленное множество грабежей, поджоговъ, убійствъ, поддѣлокъ, выпусковъ фальшивыхъ ассигнацій и тому подобное; но авторъ, говоря, что всѣ эти злодѣянія совершались милліонами людей другъ противъ друга ищетъ, какъ видно, привлечь къ тому же обвиненію и Русскихъ, тогда какъ не слѣдовало-бы казаться упускать изъ виду, что если при отступленіи въ глубь страны, Русскимъ тоже приходилось самимъ сожигать свои города и сѣла, уничтожать жатвы на своихъ поляхъ и заготовленные запасы, то они къ такимъ жертвамъ вынуждались силою обстоятельствъ, въ видахъ наиболѣе успѣшной обороны и нанесенія наибольшаго вреда врагу; а потому всѣ такого рода дѣйствія Русскихъ должно было бы отнести скорѣе къ ихъ доблестямъ чѣмъ къ преступленіямъ на равнѣ съ дѣйствіями Французовъ.

Вслѣдъ за напыщеннымъ разказомъ, заимствованнымъ изъ Французскихъ хвастливыхъ описаній, о прибытіи Наполеона къ своей арміи, собравшейся у границъ Россіи, авторъ совершенно въ другомъ тонѣ продолжаетъ.

Стр. 12. Русскій императоръ между тѣмъ болѣе мѣсяца уже жилъ въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры. Ничто не было готово для войны, которой всѣ ожидали и для приготовленія къ которой императоръ пріѣхалъ изъ Петербурга. Общаго плана дѣйствій не было.

Полно такъ ли? Не слишкомъ ли самонадѣянно, съ самаго начала пришивки Отечественннй войны къ роману, авторъ спѣшитъ выражать свое неодобрительное мнѣніе о такомъ важномъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ предметѣ? Возможно ли, чтобы Государь и генералы Русскихъ войскъ, расположенныхъ вдоль границъ, зная о средоточеніи войскъ Французскаго императора, ничего не предпринимали и не готовили на случай близкаго съ нимъ столкновенія? Если такъ, то для чего же и пріѣзжать было тогда нашему Государю въ Вильну? Не самъ

ли авторъ, на первой страницѣ этого тома, говорить, что къ границамъ Россіи еще съ 1811 года стягивались силы наши, а на стр. 12 что „Императоръ жилъ въ Вильнѣ, дѣлая смотры и маневры“. Возможно ли относиться такъ превратно къ усиленнымъ, напротивъ, тогда мѣрамъ, предпринимавшимся при столь тревожномъ положеніи, въ какомъ находилось государство?! И за чѣмъ, набрасывать темную тѣнь на самаго императора Александра, тогда какъ онъ былъ въ то время лицомъ, на которое не только Россіи, но и вся Европа смотрѣла какъ на единственную надежду для спасенія своего, въ чемъ впоследствии онъ и оправдалъ себя передъ всѣмъ міромъ.

Авторъ могъ сказать, что не все еще было готово для начала войны, это дѣло другое; но говорить „ничего не было готово“ странно, даже смѣшно. Что же касается до общаго плана дѣйствій, то, вопреки показанію автора, можно утвердительно сказать, что планъ этотъ былъ составленъ и обдуманъ со всѣхъ сторонъ еще прежде вторженія непріятеля въ наши предѣлы. Однимъ изъ болѣе вѣскихъ доказательствъ тому можетъ служить укрѣпленный лагерь у Дриссы, которымъ по обстоятельствамъ и по стратегическимъ соображеніямъ, хотя и нельзя было воспользоваться при отступленіи нашихъ войскъ къ Смоленску, но все же онъ былъ устроенъ за 350 верстъ отъ границы внутри Имперіи, вѣроятно съ цѣлью точнаго выполненія еще прежде задуманнаго отступленія.

Такой маневръ съ нашей стороны предполагался въ видахъ завлеченія самонадѣяннаго непріятеля и съ намѣреніемъ поставить его въ безвыходное положеніе, какому почти всегда подвергается войско, когда вслѣдствіе излишняго удаленія отъ резервовъ и запасовъ разнаго рода, въ немъ неминуемо должна произойти громадная убыль въ людяхъ, лошадяхъ и недостатокъ продовольствія. Планъ такого отступленія подтверждается еще и тѣми заготовленіями продовольствія для войскъ, какія повелѣно было дѣлать не только въ Тульской, но даже въ Казанской губерніи, какъ самъ авторъ сочиненія упоминаетъ о томъ въ 5 томѣ, на стр. 256. Понятно, что если бы не было плана дѣйствій и видовъ на отступленіе въ глубь страны, то для чего было бы предпринимать продовольственные заготовленія для войскъ въ столь отдаленныхъ отъ границъ мѣстностей? Кажется, ясно.

Несомнѣнно существованіе такого плана отступленія подтверждается однимъ изъ дружескихъ писемъ императора Александра Павловича къ князю Чарторыжскому, о которомъ нѣсколько словъ скажется ниже. Сверхъ того, много другихъ правительственныхъ распоряженій, о которыхъ авторъ намѣренно умалчиваетъ, можетъ служить явнымъ опроверженіемъ его показаній; а что все почти, по возможности было

готово и все заранѣе обдуманно, доказывается еще тѣмъ, что, по полученіи извѣстія о переходѣ непріателемъ рѣки Нѣманъ, немедленно приказано было первой и второй арміямъ начать отступленіе, а третьей стянуть свои силы у юго-западной границы.

А какъ внушительно поучаетъ авторъ смотрѣть на геройское самоотверженіе Русскихъ при патріотическихъ ихъ подвигахъ! Стр. 70. Офицеръ съ двойными усами, Здржинскій, рассказывалъ напыщенно о томъ, какъ Салтановская плотина была Ѳермопилами Русскихъ, какъ на этой плотинѣ былъ совершенъ генераломъ Раевскимъ поступокъ, достойный древности. Здржинскій рассказывалъ поступокъ Раевского, который вывелъ на плотину своихъ двухъ сыновей подъ страшный огонь и съ ними рядомъ пошелъ въ атаку. Ростовъ слушалъ рассказъ и не только ничего не говорилъ въ подтверженіе восторга Здржинскаго, но напротивъ имѣлъ видъ человѣка, который стыдится того, что ему рассказываютъ, хотя и не намѣренъ возражать. Ростовъ, послѣ Аустерлицкой и 1807 года кампаніи зналъ по своему собственному опыту, что, рассказывая военныя происшествія, всегда врутъ, какъ и онъ самъ вралъ рассказывая.

Значитъ: каждому Русскому, слушая рассказы о военныхъ подвигахъ соотечественниковъ, нужно стыдиться и краснѣть; да и вѣрнѣе то рассказамъ Русскихъ военныхъ не слѣдуетъ потому, что все они врутъ. Выводъ такой морали ясенъ, то есть, все о чемъ до сего было писано и рассказывалось относительно славныхъ дѣлъ Русскихъ въ 1812 году—сущій вздоръ. А вотъ что въ романѣ „Война и Миръ“ повѣствуется о томъ времени, на то читатели обязаны смотрѣть какъ на непреложную истину.

За день до пріѣзда Государя изъ арміи въ Москву, пришло воззваніе къ Россіи. Пьеръ, лице романа вымышленное, но по волѣ автора хорошо знакомое съ историческимъ лицомъ графа Растопчина, досталъ отъ него это воззваніе, которое и привезъ къ Ростову, и вотъ какъ авторъ разсудилъ познакомить своихъ читателей съ этимъ важнымъ документомъ.

Стр. 105. Послѣ обѣда графъ усѣлся покойно въ кресло и съ серьезнымъ лицомъ попросилъ Соню читать.

Для большаго же внушенія того, что при чтеніи этого воззванія, должно скорѣе смѣяться, чѣмъ слушать съ серьезнымъ лицомъ, авторъ продолжаетъ.

Стр. 106. Шеншинъ, сложивъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, очевидно приготовился насмѣхаться надъ тѣмъ, что первое представится для насмѣшки: надъ чтеніемъ Сони, надъ тѣмъ что скажетъ графъ, даже надъ самымъ воззваніемъ, ежели не представится лучшаго предлога. Уже по одной этой выпискѣ, нельзя не видѣть, въ какомъ тонѣ и съ какими приѣмами поведется далѣе разсказъ о 1812 годѣ, то есть искаженное приплетеніе къ роману нашей великой эпохи.

Воззваніе заканчивается слѣдующими словами:

„Да обратится погибель, въ которую онъ (непріятель) мнитъ низвергнуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи“.

Казалось бы, что ни содержаніе воззванія, ни столь знаменательныя и пророческія изрѣченія не должны были давать повода къ какимъ либо шуткамъ или насмѣшкамъ; однако авторъ, указавъ самодовольно на насмѣшливую улыбку Шеншина, который готовился насмѣхаться надъ всѣмъ, даже надъ воззваніемъ, постарался подготовить читателей къ своему собственному воззрѣнію на такой важный по времени документъ и, труня надъ патриотизмомъ старика Ростова, нарисовалъ слѣдующую картину.

Стр. 106. Вотъ это такъ! Вскрикнулъ графъ, открывая мокрыя глаза и, нѣсколько разъ прерываясь отъ сопѣнія, какъ будто къ носу ему подносили стклянку съ крѣпкой уксуемой солью.

До какой степени изящна такая выходка, предоставляю судить другимъ; но все же нельзя, кажется, не признать, что, касаясь столь чрезвычайнаго и тревожнаго періода въ жизни своего отечества, подобное буфонство рѣшительно неумѣстно.

Изображеніе сѣзда дворянъ въ Слободской дворецъ для обсужденія и для принятія неотложныхъ мѣръ къ спасенію отечества не менѣе курьезно. Вотъ что читается между прочимъ.

Стр. 115. Особенно поразительны были старики, подслѣповатые, беззубые, плѣшивые, оплывшіе желтымъ жиромъ или сморщенные, худые. Они большей частью сидѣли на мѣстахъ и молчали.

Большаго числа насмѣшливыхъ обозваній авторъ, какъ видно, не могъ уже придумать почтеннымъ старцамъ, созваннымъ на важный совѣтъ для обороны отечества, за то, что были тогда очень стары; но многіе изъ нихъ вѣроятно могли состарѣться преждевременно вслѣдствіе полученныхъ ими ранъ въ славныхъ битвахъ царствованія Екатерины Великой, изнутивъ себя усердною и честною службою отечеству. Не

смотря на то, автору показалось недостаточно такого глумленія, и вотъ что читается далѣе.

Стр. 121. Толпа подошла къ большому столу, у котораго въ мундирахъ, въ лентахъ, сѣдые, плѣшивые, сидѣли 70-ти лѣтніе вельможи-старикн, которыхъ всѣхъ почти, по домамъ съ шутами или въ клубахъ за бостономъ, видалъ Пьеръ.

И такъ далѣе все въ томъ же насмѣшливомъ и недостойномъ тонѣ описываются тѣ тревожные дни, въ которые, какъ это было на самомъ дѣлѣ, Москвѣ и всей Россіи угрожала страшная опасность; всѣ были взволнованы, и самъ Государь не могъ удерживать слезъ. Словомъ тѣ дни, когда въ Москвѣ обсуждался потрясавшій всѣхъ вопросъ: быть или не быть великому государству именуемому Россіею. И какъ достало у автора рѣшимости исказить подобными пошлостями значеніе тѣхъ великихъ, историческихъ и грустно-памятныхъ для Россіи дней, въ одинъ изъ которыхъ, какъ самъ авторъ упоминаетъ, Государь дрогнувшимъ голосомъ произнесъ: „Никогда я не сомнѣвался въ усердіи Русскаго дворянства, но въ этотъ день оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ отъ лица Отечества. Господа, будемъ дѣйствовать. Время всего дороже“.

Однѣ эти слова даютъ уже очень ясное понятіе о томъ времени, которое было для Россіи далеко не такого свойства, чтобы при карикатурномъ сказаніи о немъ можно было рѣшиться и дозволить себѣ примѣшивать шутки и насмѣшки. Эти слова Государя Императора служатъ явнымъ опроверженіемъ—усиліямъ автора опозлать то время и доказательствомъ тому, что беззубые, плѣшивые и многими другими нелестными обозваніями надѣленные старикн въ сущности не были такъ ничтожны и смѣшны, какъ онъ старается ихъ выказать съ какимъ-то дѣйствительно-смѣшнымъ скалозубствомъ.

Стоитъ только, оставя на время въ сторонѣ этотъ пасквиль, обратиться для провѣрки или для сравненія къ серьезнымъ и безпристрастнымъ, даже иноземнымъ, писателямъ и прочесть хотя одинъ манифестъ отъ 6-го Іюля, или нѣсколько страницъ о тогдашнемъ пребываніи Государя въ Москвѣ, чтобы уродливое описаніе того же эпизода (Отечественной войны не показалось пошлымъ до изумленія всякому дорожащему правдою и историческою истиною.

Стр. 126. Теперь намъ ясно, что было въ 1812 году причиной гибели Французской арміи. Никто не станетъ спорить, что причиной гибели Французскихъ войскъ Наполеона было съ одной стороны вступленіе ихъ въ позднее время безъ приготовленія къ зимнему

походу въ глубь Россіи, а съ другой стороны характеръ, который приняла война отъ сожженія Русскихъ городовъ и возбужденія ненависти къ врагу въ Русскомъ народѣ.

Вступленіе Французовъ въ предѣлы Россіи 12 Іюня нельзя назвать очень позднимъ временемъ вслѣдствіе чего это и не могло быть одною изъ двухъ только причинъ гибели Французской арміи, какъ желаетъ увѣрить авторъ къ уменьшенію славы Русскихъ войскъ и ихъ вождей, съумѣвшихъ завлечь непріятели въ глубь страны и успѣвшихъ продержатъ его въ ней до поздней осени, въ искусствѣ которыхъ, однако, авторъ никакъ не хочетъ признать тоже одну изъ причинъ гибели Французскихъ войскъ, почему и продолжаетъ на заданную себѣ ту же тему.

Стр. 126. Но тогда не только никто не предвидѣлъ того (что теперь кажется очевиднымъ), что только этимъ путемъ могла погибнуть 800 тысячная, лучшая въ мірѣ и предводимая лучшимъ полководцемъ, армія въ столкновеніи съ вдвое слабѣйшей, неопытной и предводимой неопытными полководцами Русской арміей.

Таковыми отзывами прямо затрогивается честь Русскихъ войскъ и ихъ полководцевъ. Но откуда такая смѣлая, самонадѣянная, хотя и весьма несправедливая, разиѣнка двухъ сражавшихся тогда армій? Авторъ, стремясь выставить въ столь неблаговидномъ свѣтѣ Русскихъ полководцевъ, напротивъ самъ возвышаетъ этимъ ихъ славу; потому что, не взирая на малочисленность Русскихъ войскъ въ сравненіи съ непріятельскими, на мнимою, по показанію автора, неопытность Русскихъ полководцевъ, они однако успѣли уничтожить громадную армію первую въ мірѣ, численность которой доводится не извѣстно для чего до 800 т. вмѣсто 600 т. Вслѣдствіе же чрезвычайныхъ и небывалыхъ въ военной исторіи результатовъ этой войны, полководцы ея заслужили честь и славу именоваться спасителями отечества, и нагляднымъ тому доказательствомъ можетъ служить то, что портреты ихъ удостоились быть помѣщенными въ устроенной Военной Галлерей зимняго дворца рядомъ съ портретомъ августѣйшаго ихъ вождя Императора Александра 1-го.

Стр. 126. Не только никто не предвидѣлъ этого, но всѣ усилія со стороны Русскихъ были постоянно устремляемы на то, чтобы помѣшать тому, что одно могло спасти Россію.

Стр. 126. Въ историческихъ сочиненіяхъ о 1812-мъ годѣ авторы-Французы очень любятъ говорить о томъ,

какъ Наполеонъ чувствовалъ опасность растяженія своей линіи, какъ онъ искалъ сраженія, какъ маршалы его совѣтовали ему остановиться въ Смоленскѣ, и тому подобныя доводы, доказывающіе, что тогда уже будто понята была опасность кампаніи; а авторы—Русскіе еще болѣе любятъ говорить о томъ, какъ съ начала кампаніи существовалъ планъ Скиеской войны заманиванья Наполеона въ глубь Россіи, и приписываютъ этотъ планъ кто Пфулю, кто какому-то Французу, кто Толю, кто самому Императору Александру, указывая на записки, на проекты и письма, въ которыхъ дѣйствительно находятся намеки на этотъ образъ дѣйствій. Но всѣ эти намеки на предвидѣніе того, что случилось, какъ со стороны Французовъ, такъ и со стороны Русскихъ, выставляются теперь только по тому, что событіе оправдало ихъ.

Стр. 127. Всѣ факты совершенно противорѣчатъ такимъ предположеніямъ. Не только во все время войны со стороны Русскихъ не было желанія заманить Французовъ въ глубь Россіи, но все было дѣлаемо для того, чтобы остановить ихъ съ перваго вступленія ихъ въ Россію.

Такое усиліе убѣдить вновь въ томъ, будто-бы со стороны Русскихъ не было намѣренія заманить Французовъ въ глубь Россіи и что, напротивъ, Русскими дѣлаемо было все, чтобы остановить ихъ при вступленіи въ Россію, рѣшительно опровергается уже самими фактами и дѣйствіями Русскихъ; потому что въ самый тотъ день, какъ получено было извѣстіе о переходѣ Французовъ черезъ Нѣманъ, безъ малѣйшаго сопротивленія тому со стороны нашихъ передовыхъ войскъ, приказано было имъ, а также и главнымъ силамъ, немедленно отступать. Вслѣдствіе чего войско наше и продолжало это до самаго соединенія двухъ армій у Смоленска, съ незначительными лишь сраженіями, только для удержанія напора Французовъ. Ежели же авторъ, какъ видно, настойчиво не желаетъ довѣрять запискамъ и проектамъ, въ которыхъ находятся намеки на этотъ образъ дѣйствія Русскихъ, „то, кромѣ многихъ другихъ доводовъ, собственноручное дружеское и откровенное письмо императора Александра Павловича къ князю Чарторыжскому отъ 1-го Апрѣля 1812 г., (то есть за два съ половиною мѣсяца до вторженія Французскихъ войскъ) должно служить несомнѣннымъ подтверженіемъ тому, что планъ такого рода существовалъ. Государь Императоръ въ этомъ письмѣ (Русскій Архивъ за 1871 годъ № 4

стр. 826) излагаетъ свои предположенія по этому предмету слѣдующими строками: „Не стану болѣе вступать здѣсь въ разсужденіе о двухъ вѣроятностяхъ, представляющихся для Россіи въ этой борьбѣ. Миѣ кажется, что я уже истощилъ этотъ предметъ въ предъидущихъ моихъ письмахъ; удовольствуюсь напоминаніемъ о громадномъ протяженіи земли, которое имѣютъ за собою Русскія войска для того, чтобы отступить, не давая себя разстроить, и о возрастающихъ трудностяхъ, которымъ будутъ подвергаться Наполеонъ и его войско, по мѣрѣ удаленія отъ источника своихъ силъ. Если только война начнется, здѣсь рѣшились не складывать оружія“.

Да и кто изъ насъ самихъ, тогдашнихъ тружениковъ, не помнитъ, что при разговорахъ и толкахъ между офицерами о совершаемомъ походѣ убѣжденіе въ существованіи плана отступления было общее за исключеніемъ очень малаго числа, которое въ этомъ движеніи войскъ подозрѣвало какую-то измѣну.

Стр. 129. Багратіонъ, командуя 2-й арміей, старается какъ можно долѣе не присоединяться къ Барклаю, чтобы не стать подъ его команду.

Кто изъ имѣющихъ даже самое поверхностное понятіе о движеніи Русскихъ войскъ въ 1812-мъ году не знаетъ, въ какомъ затруднительномъ и опасномъ положеніи находился тогда князь Багратіонъ и какія неимовѣрныя препятствія онъ долженъ былъ преодолевать для соединенія съ первою арміею. Онъ въ теченіе 29 дней отражалъ двѣ Французскія арміи, изъ коихъ одна непрерывно преграждала ему путь на протяженіи 650 верстъ.

И что же? На столь знаменательный въ военныхъ лѣтописяхъ подвигъ авторъ романа рѣшается указывать какъ на неблагонамѣренное со стороны князя Багратіона замедленіе къ соединенію двухъ армій, столь тогда необходимому. Возможно-ли доходить до такого искаженія фактовъ, относя столь неправдоподобное и злобное намѣреніе къ одному изъ главныхъ и доблестныхъ вождей Русскихъ войскъ, который, какъ истый, непоколебимой храбрости воинъ, при строгомъ выполненіи обязанностей къ отечеству, принесъ въ жертву и самую жизнь, будучи смертельно раненъ на поляхъ Бородинскихъ. Нельзя при этомъ не пожалѣть о равнодушіи иныхъ Русскихъ къ чести и славѣ отечества. Мы дѣтямъ своимъ при изученіи ими исторіи стараемся внушать самое высокое мнѣніе о геройствѣ и доблестяхъ древнихъ Грековъ, указываемъ между прочимъ на знаменитое отступление Десяти Тысячъ, а на отступление болѣе достойное удивленія отечественныхъ войскъ въ 1812 г., должны смотрѣть по волѣ автора какъ на дѣло постыдное для главнаго руководителя его. Стр. 163. Все кака-то манія

фрондировать, продолжалъ онъ (князь Василій), и передъ кѣмъ? И все отъ того, что мы хотимъ обезьянничать глупымъ Московскимъ восторгамъ, сказалъ князь Василій, спутавшись на минуту и забывъ то, что у Элень надо было подсмѣиваться надъ Московскими восторгами, а у Анны Павловны восхищаться ими. Но онъ тотчасъ же поправился.—Ну прилично-ли графу Кутузову, самому старому генералу въ Россіи, засѣдать въ Палатѣ, съ *il en restera pour sa reine!* Развѣ возможно назначить главнокомандующимъ человѣка, который не можетъ верхомъ сѣсть, засыпаетъ на совѣтѣ, человѣка самыхъ дурныхъ нравовъ! Хорошо онъ себя рекомендовалъ въ Бухарештѣ! Я уже не говорю о его качествахъ какъ генерала, но развѣ можно въ такую минуту назначать человѣка дряхлаго и слѣпаго, просто слѣпаго? Хорошо будетъ генераль слѣпой! Онъ ничего не видитъ. Въ жмурки играть.... ровно ничего не видитъ! Никто не возражалъ на это.

Хотя столь нелестное сужденіе о Кутузовѣ авторъ заставилъ выразить своего князя Василя, котораго онъ обрисовалъ человѣкомъ мѣняющимъ свои мнѣнія смотря по обстоятельствамъ, но все же нельзя не видѣть, что такое сужденіе приведено въ романѣ съ прямою цѣлью умалить достоинства Кутузова. И авторъ тѣмъ съ большею самоувѣренностью могъ рѣшиться на такой характеристическій очеркъ нашей знаменитости, что почти также выразился о Кутузовѣ и Тьеръ въ своей исторіи „*Consulat et l'Empire*“. Приписанное же далѣе тому же князю Василю иное сужденіе о Кутузовѣ, противорѣчащее высказанному выше, едва ли поможетъ читателямъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, какое должно было у нихъ врѣзаться отъ только что сдѣланной выписки, на смыслъ которой, какъ прибавляетъ авторъ, никто не возражалъ.

Стр. 209. Если-бы намъ только приходилось воевать съ мужиками, мы бы не допустили такъ далеко непріятеля, говорилъ онъ (Ростовъ княжѣ Маріи), стыдясь чего-то и стараясь переимѣнить разговоръ.

Кто не подмѣтитъ здѣсь недостойнаго, ядовитаго намека на сомнительное мужество нашихъ войскъ? Въ отсутствіи этого мужества будто бы сознается и стыдится самъ Ростовъ.

Стр. 219. Кутузовъ лежалъ на креслѣ въ томъ же растегнутомъ сюртукѣ. Онъ держалъ въ рукѣ Французскую книгу и, при входѣ князя Андрея, заложивъ ее

ножемъ, свернулъ. Это были *Les chevaliers du Cygne*, сочиненіе *Madame de Senlis*, какъ увидалъ князь Андрей по оберткѣ.

Стр. 221. И еще князь Андрей не успѣлъ выдти въ дверь, какъ Кутузовъ успокоительно вздохнулъ и взялся опять за неконченный романъ *Мадамъ Жанлисъ Les chevaliers du Cygne*.

Иной читатель пожалуй и усвоить себѣ убѣжденіе, что вновь назначенному главнокомандующему въ день его прибытія къ арміямъ ввѣренныхъ ему, и уже два мѣсяца отступавшимъ въ виду сильнаго непріятеля, будто бы не нашлось ничѣмъ другимъ заниматься какъ чтеніемъ Французскихъ романовъ; и что слѣдовательно тѣ дни, въ которыя готовилась развязка столь кровавой драмы, не были днями тревоги ни для Россіи, ни для того, кому ввѣрилось рѣшеніе ея судьбы. Но здравый разумъ отказывается вѣрить подобнымъ вымысламъ. пригоднымъ лишь для романовъ съ посягательствомъ на ущербъ исторической правды, въ особенности относительно столь важнаго момента войны 12-го года.

Стр. 223. Давно такъ не веселились въ Москвѣ какъ въ этотъ годъ.

Въ Январѣ и Февралѣ, когда еще не предвидѣлось войны столь близкой, быть можетъ, въ Москвѣ по обыкновенію и веселились: но въ то время года, къ которому относится это заявленіе, чрезвычайныя веселости въ Москвѣ были невысказанными.

Стр. 229. Напротивъ, все кажется благополучно, *ma cousine*, сказала Пьеръ.—Да это благополучно... хорошо благополучіе! (отвѣчала княжна). Мнѣ нынче Варвара Ивановна поразказала, какъ войска наши отличаются. Ужъ точно можно чести приписать.

Опять злобное глумленіе! Да развѣ, въ самомъ дѣлѣ, войско наше бѣжало тогда? Развѣ оно не дралось ожесточенно, когда это было нужно? Вѣдь оно не сдавалось даже самыми малыми отрядами! Если-же отступало такъ далеко, то это дѣлалось по приказу въ тѣхъ соображеніяхъ и видахъ, о которыхъ упоминалось выше. А по всему этому хорошо-ли, честно-ли клеветать столь нагло на тогдашнихъ тружениковъ?

Стр. 235. До Бородинскаго сраженія наши силы приблизительно относились къ Французскимъ какъ пять къ шести, а послѣ сраженія какъ одинъ къ двумъ, то есть до сраженія 100 тысячъ къ 120, а послѣ сраженія 50 къ 100.

Касаясь столь громкаго и громаднаго историческаго факта, какъ Бородинская битва, нельзя самопроизвольно играть цифрами, изъ

какого-то страннаго желанія внушить читателямъ, что Русскихъ въ этомъ адскомъ бою будто бы погибло болѣе Французовъ, то есть что Русскихъ вышло изъ строя половина, а Французовъ будто бы только одна четвертая часть. Такая подтасовка цифръ и натяжка ихъ въ пользу одной стороны съ невыгодою для другой, прямо обнаруживаетъ явную и неблагонамѣренную фальшь, которая однако опровергается слѣдующимъ: хотя многіе изъ писавшихъ о войнѣ 12-го года, какъ Русскихъ такъ и иностранныхъ, показываютъ численность войскъ обѣихъ сторонъ и ихъ потери въ Бородинскомъ сраженіи нѣсколько различно, но все же, сообразивъ и согласивъ всѣ наиболѣе безпристрастныя показанія, можно сдѣлать довольно вѣрный выводъ, изъ котораго выяснится, что Русскіе, хотя дѣйствительно лишились при этомъ половины своихъ войскъ, то есть около 60 т. но что и Французы потеряли не только не менѣе ихъ, но даже болѣе, вотъ по какому расчету.

У Французовъ до Бородинскаго сраженія было отъ 145 до 150 т. человекъ, а у Русскихъ отъ 115 до 120 т., полагая въ то число до 7000 ополченія. вмѣстѣ же взятыя, какъ Русскія такъ и Французскія войска на этомъ полѣ смерти составляли численность отъ 260,000 до 270,000 человекъ. При изгнаніи непріятеля въ Октябрѣ, земскою полиціею на Бородинскихъ поляхъ было сожжено однихъ человѣческихъ труповъ до 58,500 *). Если же къ этому числу сожженныхъ труповъ прибавить еще тѣхъ убитыхъ, которыхъ могли успѣть предать землѣ по окончаніи сраженія ночью, то общее число погибшихъ въ тотъ день, какъ Русскихъ такъ и Французовъ, вѣроятно превысило 60,000. Сверхъ того, если къ этому числу присоединимъ еще такое же число, если не болѣе, тѣхъ раненыхъ, которые могли оставить поле сраженія или успѣли быть вынесенными во время еще боя, то общій для обѣихъ сторонъ уронъ убитыми и ранеными долженъ былъ дойти до 120 и даже до 125,000. А какъ извѣстно по спискамъ, что у Русскихъ послѣ этого сраженія осталось на лицо отъ 59 до 60,000 человекъ и что по этому мы дѣйствительно потеряли убитыми и ранеными до 60 т., т. е. половину, то уронъ остальныхъ 60 или 65,000 изъ общаго для обѣихъ сторонъ урона, долженъ безспорно пасть на долю Французовъ. А такое число потери указываетъ не на четвертую часть 145 т. или 150 т. бывшаго у Французовъ до сраженія войска, какъ усиливается доказать авторъ, но напротивъ болѣе чѣмъ на третью часть, то есть на такую потерю, которая превышала даже нашу потерю.

*) Конскихъ же до 35,000.

Вслѣдствіе же такой дѣйствительной потери съ обѣихъ сторонъ и по тому же расчету, у Французовъ при концѣ сраженія не могло оставаться болѣе 90 или 95 т. Иначе, если бы они въ самомъ дѣлѣ потеряли въ тотъ день только одну четвертую часть, какъ авторъ ищетъ увѣрить въ томъ, то у нихъ послѣ сраженія должно бы было остаться на лицо отъ 110 до 120 т. человекъ. Но при столь громадномъ тогда превосходствѣ силъ надъ оставшими Русскими, неужели Наполеонъ не сумѣлъ бы имъ воспользоваться для того, чтобы окончательно подавить оставшую половину Русскихъ войскъ? Однакожь этого не было. Мы, какъ извѣстно, и какъ хорошо это помню, всю ночь послѣ сраженія пробыли на самомъ его полѣ и начали отступление только на разсвѣтѣ 27 Августа, а Наполеонъ, озадаченный страшнымъ тоже разстройствомъ и необычайною убылью своихъ войскъ, самъ уже помышлялъ объ отступленіи.

Наконецъ, если очень трудно изчислить болѣе или менѣе вѣрно потерю нижнихъ чиновъ въ какомъ либо сраженіи, то сравненіе числа убитыхъ и раненыхъ генераловъ двухъ сторонъ, имена которыхъ всегда извѣстны, можетъ служить лучшимъ и болѣе вѣрнымъ указателемъ на ббльшую или меньшую общую потерю каждой изъ сражавшихся сторонъ. А въ Бородинскомъ сраженіи у Французовъ убито генераловъ девять, у Русскихъ же только три. Раненыхъ генераловъ у Французовъ было 29, у Русскихъ только 14. Не служитъ ли и это убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ сраженіи этомъ не Русскіе понесли уронъ болѣе Французовъ, а напротивъ сами Французы потеряли болѣе Русскихъ? Такъ изъ какихъ же цѣлей внушается въ романѣ столь усердно и настойчиво то, чего въ сущности не было?

Стр. 235. Давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили произвольно и безсмысленно.

При столь строгомъ обвиненіи Кутузова и Наполеона, авторъ выказываетъ себя не просто только художественнымъ повѣствователемъ, а глубокимъ критикомъ стратегическихъ и тактическихъ соображеній двухъ знаменитыхъ полководцевъ; и какъ истый знатокъ въ военномъ искусствѣ, онъ ведетъ очень серьезную рѣчь о военныхъ дѣлахъ того времени. Прежде всего, онъ обвиняетъ своихъ Русскихъ историковъ въ намѣренно лживыхъ описаніяхъ. Значить, одинъ онъ въ своемъ романѣ пишетъ правду: Потомъ, входитъ въ критическій обзоръ выбора позиціи и укрѣпленія ея, начертя даже планъ сраженія, и говоритъ:

Стр. 240. И такъ Бородинское сраженіе произошло совсѣмъ не такъ, какъ, стараясь скрыть ошибки на-

шихъ военно-начальниковъ и вслѣдствіе того умаляя славу Русскаго войска и народа, описываютъ его.

Но не самъ ли авторъ, какъ это доказывается приведенными здѣсь выписками изъ его сочиненія, усиливается не только умалить, но даже опозлить и вовсе разрушить эту славу Русскаго войска и народа, бросая въ нихъ всевозможною грязью?

Стр. 241. Бородинское сраженіе не произошло на избранной и укрѣпленной позиціи съ нѣскольکو только слабѣйшими со стороны Русскихъ силами, а Бородинское сраженіе, вслѣдствіе потери Швердинскаго редута, принято было Русскими на открытой, почти неукрѣпленной мѣстности вдвое съ слабѣйшими силами противъ Французовъ, т. е. въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ не только немислимо было драться десять часовъ и сдѣлать сраженіе нерѣшительнымъ, но немислимо было удержать въ продолженіи трехъ часовъ армію отъ совершеннаго разгрома и бѣгства.

Однако Русская армія дралась въ этомъ сраженіи въ продолженіи не только трехъ часовъ, какъ предполагаетъ авторъ, но въ продолженіи четырнадцати часовъ; и она не была разгромлена и не бѣжала, а начала отступать въ совершенномъ порядкѣ, и то не прежде какъ на разсвѣтѣ другаго дня, т. е. 27-го Августа, чтѣ я могу утвердительно сказать, какъ участникъ боя. Но по смыслу и изложенію послѣднихъ двухъ строкъ выписки, иному, спѣшно-читающему романъ, можетъ легко представиться, что Русская армія въ Бородинѣ была въ самомъ дѣлѣ разгромлена и даже бѣжала; и такое убѣжденіе тѣмъ легче можетъ быть усвоено читателемъ, что на предъидущей страницѣ сочиненія между прочимъ сказано:

Первое и главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія было проиграно еще 24 числа и очевидно вело къ проигрышу и того, которое было дано 26-го числа.

И такъ, на одной страницѣ читается, что Бородинское сраженіе „было проиграно Русскими“, а на другой, что оно сдѣлалось нерѣшительнымъ. Такое же противорѣчивое показаніе о Бородинской битвѣ встрѣчается и далѣе во многихъ мѣстахъ сочиненія, какъ это видно изъ слѣдующихъ выписокъ. Такъ на страницѣ 283-й этого же 4-го тома говорится, что Бородинское сраженіе было первое, которое не выигралъ Наполеонъ, а такъ же и на стр. 312 сказано: Онъ (Наполеонъ) зналъ, что это было проигранное сраженіе, и на стр. 261 пятаго тома о томъ же сраженіи говорится такъ: онъ одинъ (Кутузовъ) продолжалъ утверждать, что Боро-

динское сраженіе была побѣда, но въ противоположность тому на стр. 277-й того же тома указывается, что, Наполеонъ вступаетъ въ Москву послѣ блестящей побѣды de la Moscou, какъ Французы называютъ Бородинское сраженіе. А на стр. 64-й шестаго тома снова читается, что „Русское войско съ слабѣйшими силами одержало побѣду подъ Бородинымъ“. Какое же положительное понятіе о Бородинскомъ сраженіи можетъ получить читатель, когда въ одномъ мѣстѣ романа внушается, что сраженіе это было выиграно Русскими, и повторяется это нѣсколько разъ, а въ другомъ мѣстѣ сраженіе это называется блестящею побѣдою Французовъ.

Вслѣдъ за столь своеобразнымъ критическимъ обсужденіемъ такого крупнаго, историческаго событія какъ Бородинская битва, на той же страницѣ начинается вновь повѣствованіе о Пьерѣ, который по волѣ автора является для чего-то на Бородинское поле къ самому дню великой битвы, гдѣ онъ, при огромной фигурѣ своей въ зеленомъ фракѣ и съ бѣлою шляпою на головѣ, играетъ какую-то непонятную и смѣшную роль. Но автору вѣроятно показалось, что знаменательный день 26 Августа 1812 года безъ его Пьера не могъ быть описанъ съ большимъ художествомъ и съ бѣльшимъ подобающимъ предмету достоинствомъ. Вслѣдствіе чего онъ и заставляеть своего Пьера бродить по полю сраженія и соваться туда, гдѣ онъ не только не былъ нуженъ и полезенъ, но напротивъ оказывался совершенно лишнимъ. Столь странное описаніе Бородинскаго сраженія въ романѣ или сочиненіи „Война и Миръ,“ быть можетъ инымъ читателямъ, не бывшимъ въ бояхъ, и придется по вкусу. Но тѣмъ, которымъ привелось участвовать въ этомъ сраженіи и видѣть собственными глазами, какое это было ужасное побоище, стоившее съ обѣихъ сторонъ до 60,000 человѣческихъ жизней въ одинъ день, и столько же если не болѣе разныхъ ранъ и увѣчій, въ числѣ которыхъ половина пострадала Русскихъ, тѣмъ какъ-то очень горько и грустно видѣть, что эту гигантскую битву Русскихъ автору понадобилось представить въ какомъ-то сказочномъ видѣ.

Стр. 250. Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщій тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своей ныряющей, раскачивающейся походкою въ кругъ и остановился позади священника.

Кто въ этомъ очертаніи внѣшняго вида Кутузова не подмѣтитъ недостойной цѣли вызвать насмѣшливую улыбку у читателя на счетъ

главнокомандующаго Русскими арміями, прибывшаго къ нимъ съ великою цѣлью спасти отечество.

Стр. 264. Успѣхъ никогда не зависитъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа; а ужъ меньше всего отъ позиціи.

Значить: военначальникамъ, въ виду непріятели, не слѣдуетъ напрасно озабочивать себя столь не стоящими вниманія обстоятельствомъ, какъ выборъ позиціи, вооруженіе и свѣдѣнія о числѣ непріятели. Хорошо наставленіе военнымъ.

Стр. 265. Сраженіе выигрываетъ тотъ, кто твердо рѣшилъ его выиграть.

Какой же полководецъ, давая или принимая сраженіе, не рѣшается или не желаетъ его выиграть? И Кутузову, и Наполеону желалось выиграть Бородинское, однакожъ самъ авторъ романа не рѣшается сказать, за кѣмъ изъ нихъ признать побѣду. Въ сущности же побоище это было лишь громадною убылью силъ для обѣихъ сторонъ, послужившею для Французовъ началомъ разстройства и гибели, а для Русскихъ началомъ славнаго исхода войны. Ибо Французамъ не отъ куда было ожидать пополненія своей убыли, а Русскіе скоро могли ее пополнить подошедшими подкрѣпленіями.

Стр. 267. Все что онъ (Пьеръ) видѣлъ въ этотъ день, всѣ значительныя, строгія выраженія лицъ, которыя онъ мелькомъ видѣлъ, освѣтились для него новымъ свѣтомъ. Онъ понялъ ту скрытую (*latente*), какъ говорится въ физикѣ, теплоту патріотизма, которая была во всѣхъ людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ и которая объяснила ему то, зачѣмъ всѣ эти люди спокойно и какъ будто легкомысленно готовились къ смерти.

Если здѣсь признается существовавшая тогда теплота патріотизма въ этихъ Русскихъ людяхъ, готовившихся къ смерти, то для чего же въ другихъ мѣстахъ романа утверждается, „что ни самопожертвованія, ни любви къ отечеству, ни геройства у Русскихъ того времени будто бы вовсе не было, какъ это читаемъ на стр. 188, тома 5-го.

Продолжая описывать ходъ Бородинскаго сраженія по придуманной манерѣ, авторъ, кольнувъ мимоходомъ (стр. 303) Ермолова и сдѣлавъ замѣчаніе (стр. 304) „что главное дѣйствіе сраженія произошло самымъ простымъ безхитростнымъ образомъ“, вынужденъ былъ, однако, сказать:

Стр. 311. „Всѣ тѣ прежніе приемы (со стороны Наполеона), бывало неизмѣнно увѣнчиваемые успѣхомъ: и сосредоточеніе батарей на одинъ пунктъ, и атака резервовъ для прорванія линіи, и атака кавалеріи *des hommes de*

фец, всѣ эти приемы уже были употреблены, и не только не было побѣды, но со всѣхъ сторонъ приходили одни и тѣже извѣстія о убитыхъ и раненыхъ генералахъ, о необходимости подкрѣпленія, о невозможности сбить Русскихъ и о разстройствѣ войскъ“.

Стр. 312. „Наполеонъ же послѣ своего долгаго опыта войны зналъ хорошо, что значило, въ продолженіи 8 часовъ, послѣ всѣхъ употребленныхъ усилій, невыигранное атакующимъ сраженіе. Онъ зналъ, что это было проигранное сраженіе и что малѣйшая случайность могла теперь на той натянутой точкѣ колебанія, на которой стояло сраженіе—погубить его и его войска“.

Во всемъ здѣсь высказанномъ видна, хотя и косвенная, дань мужеству и стойкости Русскихъ войскъ, которыя успѣли на Бородинскихъ поляхъ, при гораздо меньшей численности противъ непріятели, довести его до того, что онъ сраженіе это долженъ былъ считать проиграннымъ, вслѣдствіе потерь, какихъ у него не бывало ни въ одномъ изъ прежнихъ сраженій.

Изъ какихъ же видовъ прежде авторъ усиливался доказывать, что Русскіе потеряли въ этомъ дѣлѣ вдвое болѣе Французовъ? Да и теперь, обратясь къ Русской сторонѣ сраженія, онъ пишетъ слѣдующую не очень лестную для Кутузова картину.

Стр. 314. Кутузовъ сидѣлъ, понуривъ сѣдую голову и опустившись тяжелымъ тѣломъ на покрытой ковромъ лавкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ утромъ его видѣлъ Пьеръ. Онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему.

Главнокомандующій Кутузовъ, въ моментъ самаго жаркаго пыла сраженія, представленъ въ этихъ строкахъ просто какимъ-то автоматомъ. Однако, не далѣе какъ черезъ четыре строки на тойже страницѣ, авторъ, противорѣча только что сказанному имъ, говоритъ:

„Онъ выслушивалъ привозимыя ему донесенія, отдавалъ приказанія, когда это требовалось подчиненными; но выслушивая донесенія, онъ, казалось, не интересовался смысломъ словъ того, что ему говорили, а что-то другое въ выраженіи лицъ, въ тонѣ рѣчи доносившихъ, интересовало его. Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что руководить сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертью, нельзя одному человѣку, и зналъ, что рѣшаютъ участь

сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силою и руководилъ ею, на сколько это было въ его власти.

Никто не рѣшится опровергать, чтобы духъ войска въ сраженіяхъ не былъ одною изъ главныхъ силъ для одержанія побѣдъ; но всякій разумно прибавить: что одного этого духа, этой силы своего рода, не достаточно для отраженія или пораженія непріятеля, и что, вопреки ученію автора, для рѣшенія участи сраженія необходимо еще и искусство начальниковъ, которые, сверхъ того, могли бы пріобрѣсть себѣ неограниченное довѣріе подчиненныхъ, умѣли-бы двигать войска, выбирать мѣста или позиціи для сраженія и, согласуя свои силы съ силами непріятеля, дѣйствовали-бы рѣшительно. И много, очень много еще и другаго чего при этомъ нужно. Иначе одинъ духъ въ войскѣ, эта дѣйствительная сила, можетъ быть затрачена совершенно даромъ, съ напрасною потерей иногда десятка тысячъ жизней.

Руководить же духомъ войскъ въ самый моментъ ожесточенной битвы и схватокъ съ непріателемъ—главнокомандующему не время. У него и безъ того въ эти минуты много другаго дѣла. Даже низшіе начальники частей войскъ находящихся въ бою могутъ только поддерживать и возбуждать въ нихъ этотъ духъ собственными примѣрами мужества. А потому духъ этотъ необходимо готовить заранѣе во всѣхъ чинахъ войска, чрезъ внушеніе имъ вѣрности къ присягѣ и чувства любви къ отечеству, которое всѣ сыны его обязаны защищать и оборонять не щадя жизней. А какъ войско въ Россіи теперь набирается изъ общей массы народонаселенія всѣхъ сословій, преимущественно же изъ людей молодыхъ, то вѣроятно и обращено очень серьезное вниманіе на то, чтобы они были пропитаны этимъ духомъ заранѣе. Но сочиненія подобныя „Войнѣ и Миру“ не смотря на ихъ литературное достоинство, не могутъ быть пригодны къ тому, чтобы возбуждать въ молодомъ поколѣніи народную гордость и уваженіе къ исторіи собственнаго отечества. Безъ нихъ же, сила называемая духомъ, ни въ народѣ, ни въ войскѣ какой либо страны—немыслима.

Стр. 315. „Когда донесли Кутузову, что кн. Багратіонъ раненъ, то онъ обратился къ принцу Виртембергскому и сказалъ: „Не угодно ли будетъ вашему высочеству принять командованіе 1-ю арміею? Но князь Багратіонъ командовалъ не первою, а второю арміею.

Стр. 316. „Кутузовъ былъ доволенъ успѣхомъ дня, сверхъ ожиданія“. „Но физическія силы оставляли ста-

рика. Нѣсколько разъ голова его низко опускалась, какъ будто падая, и онъ задремывалъ“.

Кто изъ мала-мальски понимающихъ дѣло можетъ вторить столь неправдоподобному изображенію главнокомандующаго 120 т. арміею противъ 150 тысячной непріятельской, во время такого ужасающаго воображеніе боя, какой былъ тогда на Бородинскихъ поляхъ?

Стр. 336. Въ началѣ сраженія, они (Русскіе) только стояли по дорогѣ въ Москву, загорая живая ея, и точно такъ же они продолжали стоять при концѣ сраженія, какъ они стояли при началѣ его. Но ежели-бы даже цѣль Русскихъ состояла въ томъ, чтобы сбить Французовъ, они не могли сдѣлать это послѣднее усиліе, потому что всѣ войска Русскихъ были разбиты, не было ни одной части войска не пострадавшей въ сраженіи, и Русскіе, оставаясь на своихъ мѣстахъ, потеряли половину своего войска.

Съ какимъ постояннымъ напряженіемъ авторъ здѣсь вновь усиливается втолковать, что Русскіе потеряли въ этомъ сраженіи половину своего войска, какъ и прежде на то указывалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ подтасовку цифръ старался убѣдить, что Французы потеряли въ тотъ день будто бы только одну четвертую часть своихъ войскъ. Для большей же видимости, вѣроятно изъ опасенія, чтобы читатели не просмотрѣли этого вновь повторяемаго имъ показанія, онъ слово: половину нашелъ почему-то нужнымъ напечатать вдвое крупнымъ шрифтомъ. Никто не станетъ опровергать, и я въ сдѣланномъ выше расчетѣ вывелъ, что мы дѣйствительно потеряли въ этомъ сраженіи половину или около того; но, говоря правду объ одной сторонѣ, справедливость требуетъ высказать ту же правду относительно и другой. Однако авторъ, изъ какихъ-то непонятныхъ соображеній, указывая на довольно вѣрную потерю Русскихъ, усиливается увѣрить въ далеко невѣрной цифрѣ потери Французовъ, съ видимымъ желаніемъ уменьшить эту потерю въ глазахъ своихъ читателей; тогда какъ въ сущности и, какъ это доказывается болѣе точными данными, Французы должны были потерять столько же, сколько и Русскіе, если еще не болѣе. И ежели по окончаніи сраженія у Французовъ осталось гораздо болѣе войска чѣмъ у насъ, то это произошло вслѣдствіе того, что и въ началѣ сраженія численность ихъ войскъ превышала численность нашихъ. Не менѣе того, самъ авторъ, не смотря на свое скептическое настроеніе, не могъ однако рѣшиться, хотя и косвенно, лишить Русскихъ надеждащей дани, говоря:

Стр. 337. Генералы и солдаты Французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій, испытывали одинаковое чувство ужаса передъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ какъ и въ началѣ сраженія; нравственная сила Французской, атакующей арміи была истощена.

Четвертый томъ этого сочиненія заканчивается слѣдующими строками:

Прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой Смоленской дорогѣ, погибель 500-тысячнаго нашествія и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородинымъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника.

Если сознаніе высказанное въ этихъ строкахъ искренно, и авторъ дѣйствительно въ томъ убѣжденъ, то для чего же ему было прежде писать, что Кутузовъ, принимая Бородинское сраженіе, поступилъ бессмысленно, что Русскіе въ этомъ сраженіи потеряли людей вдвое болѣе Французовъ, что сраженіе это произошло будто-бы совсѣмъ не такъ какъ описываютъ его, а напротивъ очень безхитростно. Наконецъ, для чего казалось бы, нѣсколько разъ противорѣчить себѣ на счетъ того кто выигралъ, кто проигралъ это сраженіе; и дѣлать много другихъ хотя трудно уловимыхъ, но ясно просвѣчивающихся внушеній весьма нелестныхъ для Русскихъ 12-го года? Да, очень трудно понять, для какой цѣли нужно было автору, какъ истому скептику, писать пародію на славную для Россіи эпоху, тогда какъ онъ же самъ теперь вынужденъ сознать, что главное дѣйствіе вклееной имъ въ свой романъ исторической кровавой драмы, т. е. Бородинское сраженіе, и послужило первоначальною причиною для гибели 500 тысячнаго нашествія и самой Наполеоновской Франціи.

Тома 5-го стр. 6-я. „Русскіе отступаютъ за 120 верстъ за Москву“.

Откуда, изъ какихъ иностранныхъ сочиненій авторъ могъ почерпнуть это недѣльное свѣдѣніе? Такое показаніе положительно ложно; ибо Русская армія по оставленіи Москвы прошла не 120 верстъ, а только около 30 по Рязанской дорогѣ, гдѣ перейдя Москву рѣку у деревни Куликовой, 5-е Сентября, двинулась по правому берегу Пахры. Тутъ совершился тотъ знаменитый фланговый маршъ къ Калужской дорогѣ, который такъ озадачилъ Наполеона и его генераловъ. Движеніе къ Тарутину, мѣстности въ 70 верстахъ отъ Москвы, выбранной для отдыха Русской арміи и для пополненія ея свѣжими начавшими при-

бывать силами, нельзя назвать отступленіемъ, точно такъ-же какъ и движеніе къ Малоярославцу въ 114 верстахъ отъ Москвы. Русская армія лишь 11-е Октября двинулась къ этому городу, но не для отступления, а для того, чтобы преградить путь Французской арміи, стремившейся направить свое бѣгство черезъ наши полуденныя губерніи, чего однако ей не удалось исполнить вслѣдствіе кровопролитнаго и упорнаго отраженія въ Малоярославцѣ. Изъ всего этого кто не увидитъ очень ясно, что 120 верстнаго отступленія Русскихъ за Москву не было, вопреки ложнаго показанія автора, и что такое показаніе есть лишь плодъ неудержимаго желанія какъ можно болѣе извращать совершившіеся тогда факты.

„Въ продолженіи пяти недѣль послѣ этого, нѣтъ ни одного сраженія. Французы не двигаются. Подобно смертельно раненому звѣрю, который, истекая кровью, зализываетъ свои раны, они пять недѣль остаются въ Москвѣ, ничего не предпринимая, и вдругъ безъ всякой новой причины бѣгутъ назадъ“.

Повторяя здѣсь фразу „безъ всякой новой причины“, авторъ, какъ видно, желаетъ внушить какое-то обвиненіе въ мнимомъ тогда безпокойствіи Русскихъ. Но если Бородинская битва, уменьшивъ силы Французскихъ войскъ, дѣйствительно была первою причиною ихъ бѣгства, то нельзя не прибавить, что было много еще и другихъ очень важныхъ къ тому причинъ. Въ числѣ же ихъ были и слѣдующія: геройская рѣшимость Кутузова, принявшаго на себя страшную передъ Россіею отвѣтственность за уступку непріятелю Москвы безъ боя, въ видахъ сохраненія оставшихся у него войскъ послѣ Бородинскаго сраженія. 2-е. Опустошеніе столицы пожаромъ съ истребленіемъ продовольствія. 3-е. Фланговое движеніе нашей арміи въ тылъ Французской. 4-е. Партизаны и разные отряды, направленные въ разные стороны съ присоединявшимися къ нимъ крестьянами, не допускавшіе Французскихъ фуражировъ удаляться отъ главныхъ частей ихъ арміи, что и вынудило Французское войско питаться кониною и всевозможною падалюю, какъ это предсказывалъ Кутузовъ, уступая имъ Москву. 5-е. Непоколебимая рѣшимость Государя Александра Павловича не входить ни въ какія сношенія съ Наполеономъ, что поставило его въ совершенно отчаянное и безвыходное положеніе. 6-е. Позднее осеннее время, до котораго Кутузовъ сумѣлъ продержать Французовъ въ разоренной Москвѣ. 7-е. Пораженіе Мюрата 6-го Октября, при которомъ у него отбито было 38 орудій и пр. и пр. Нужели всѣ эти неопровержимые факты не были тоже въ числѣ причинъ, которые вынудили Французовъ оставить Москву?

А потому возможно-ли настаивать на томъ, что они „вдругъ безъ всякой новой причины бѣгутъ назадъ, „прибавляя:

Стр. 6. Бросаются на Калужскую дорогу, и послѣ побѣды подъ Малоярославцемъ, не вступая ни въ одно серьезное сраженіе, бѣгутъ еще быстрѣе назадъ въ Смоленскъ, за Смоленскъ, за Вильну, за Березину и далѣе.

Кровопролитное Малоярославское сраженіе, въ которомъ данъ былъ жестокой отпоръ отчаянному нападенію Французской арміи, стремившейся пробиться и проложить себѣ путь въ наши полуденныя губерніи, было тоже одною изъ главныхъ причинъ, которая вынудила Французовъ бѣжать по разоренной ими же Смоленской дорогѣ. Но автору угодно Малоярославецкій бой назвать побѣдою Французовъ, забывая, какъ видно, что послѣ побѣды побѣдители имѣютъ обыкновеніе преслѣдовать побѣжденнаго непріятеля, а не бѣгутъ отъ него назадъ очень быстро и сломя голову, какъ видно изъ показанія самаго автора даже за Вильну и далѣе, но, какъ извѣстно, уже въ весьма и весьма ничтожномъ остаткѣ. Бѣгутъ же Французы такъ стремительно, потому что ихъ гонять Русскіе, и гонять они, продолжая бить, такъ неустанно, какъ только могли позволить имъ и наступившее позднее ненастное время года, и дурное состояніе дорогъ, въ Ноябрь, и затрудненіе въ продовольствіи значительной числомъ арміи, при возможномъ однако сохраненіи силъ своихъ войскъ. А по всему этому, въ какое же еще новое серьезное сраженіе могли тогда вступить Французы съ Русскими, какъ предполагаетъ авторъ?

Стр. 99. „Ростопчинъ, пылкій сангвиническій чловѣкъ, всегда вращавшійся въ высшихъ кругахъ администраціи, хотя и съ патріотическимъ чувствомъ, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ народѣ, которымъ онъ думалъ управлять“.

И такъ далѣе все въ томъ же родѣ произносится оцѣнка этой исторической личности, и заканчивается слѣдующимъ:

Стр. 100. „Вся дѣятельность его была направлена только на то, чтобы возбудить въ жителяхъ то чувство, которое онъ самъ испытывалъ—патріотическую ненависть къ Французамъ и увѣренность въ себѣ“.

Бездѣлица! Неужели было бы болѣе достойнымъ дѣломъ графа Ростопчина возбуждать напротивъ сочувствіе къ Французамъ?

Передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву, когда между прочими, пришелъ къ графу за приказаніемъ и надзиратель изъ сумашедшаго дома, то онъ будто сказалъ:

Стр. 102. „Какъ прикажу? Пускай ѣдутъ всеѣ, вотъ и все... А сумашедшихъ выпустить въ городъ. Когда у насъ сумашедшіе арміями командуютъ, такъ этимъ и Богъ велѣлъ“. Полно такъ ли? Но если графъ Растопчинъ, въ порывѣ очень горькой и естественной досады наканунѣ сдачи Москвы, и выразился, быть можетъ, такъ рѣзко на счетъ Русскихъ полководцевъ, то для чего повторять это? Но мнѣніе такое, какъ видно, раздѣляетъ и самъ авторъ, судя по слѣдующей выпискѣ, въ которой онъ заставляетъ князя Василя говорить о Кутузовѣ:

Стр. 182. „Что нельзя было ожидать ничего другаго отъ слѣпаго и развратнаго старика. Я удивляюсь только, какъ можно было поручить такому человѣку судьбу Россіи“.

Здѣсь повторяется вновь высказанное уже прежде мнѣніе кн. Василя, то есть мнѣніе самаго автора, относительно дурныхъ нравовъ Кутузова. Не повторить же этого при семъ видно показалось неудобнымъ Русскому автору столь правдиваго повѣствованія о событіяхъ 12-го года.

Стр. 188. „Разказы, описанія того времени всеѣ безъ исключенія говорятъ только о самопожертвованіи, любви къ отечеству, отчаяніи, горѣ и геройствѣ Русскихъ. Въ дѣйствительности же это такъ не было“.

Но если разказы и описанія того времени всеѣ безъ исключенія говорятъ только о самоотверженіи и пр., то на основаніи какихъ же другихъ данныхъ или иностранныхъ источниковъ авторъ однимъ своимъ лицомъ дозволяетъ себѣ опровергать все это голословно, говоря: что „въ дѣйствительности это такъ не было“... Не служить ли и это доказательствомъ тому, что авторъ всю систему своего сказанія объ эпохѣ постарался построить на усиленныхъ извращеніяхъ.

Стр. 188. „Большая часть людей того времени не обращали никакого вниманія на общій ходъ дѣлъ, а руководились только личными интересами настоящаго. И эти-то люди были самыми полезными дѣятелями того времени“.

Тѣ же, которые пытались понять общій ходъ дѣлъ и съ самопожертвованіемъ и геройствомъ хотѣли участвовать въ немъ, были самые бесполезные члены общества; они видѣли все на выворотъ, и все, чтò они дѣлали для пользы, оказывалось бесполезнымъ вздоромъ, какъ полки Пьера, Мамонова, грабившіе Русскія деревни, какъ корпія, щипанная барынями и никогда не дохо-

дившая до раненыхъ и т. п. Даже тѣ, которыя, любя помнничать и выразить свои чувства, толковали о настоящемъ положеніи Россіи, невольно носили въ рѣчахъ своихъ отпечатокъ, или притворства и лжи, или бесполезнаго осужденія излобы на людей, обвиняемыхъ за то, въ чемъ никто не могъ быть виноватъ.

Стр. 189. Но въ арміи, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о Москвѣ, и глядя на ея пожарище, никто не клялся отмстить Французамъ, а думали о слѣдующей трети жалованья, о слѣдующей стоянкѣ, о Матрешкѣ-маркитанткѣ и тому подобное.

Вдавшись въ столь скептическія фантазіи, авторъ съ какимъ-то самодовольствомъ пишетъ все это съ такою невозмутимою увѣренностью, какъ будто онъ лично принималъ участіе въ той войнѣ и все видѣлъ собственными глазами. Мы же, дѣйствительные очевидцы и участники тогдашнихъ тревогъ, можемъ торжественно заявить, что все здѣсь высказанное авторомъ есть только плодъ искусственнаго измышленія съ прямою и видимою цѣлью наговорить какъ можно болѣе нелѣпаго о томъ времени, великое значеніе котораго не только для Россіи, но и для всей Европы онъ почему-то не хочетъ признать. Но вѣдь такой нахальный и бьющій въ глаза своею несправедливостью отзывъ можетъ только удивлять оставшихся въ живыхъ современниковъ эпохи, а тѣмъ болѣе находившихся тогда въ рядахъ Русскаго войска. Вслѣдствіе чего и намъ теперь, съ нашей стороны, можно тоже дозволить себѣ выразиться на счетъ автора его же словами предпослѣдней выписки, что онъ, толкуя „о тогдашнемъ положеніи Россіи, невольно носить въ рѣчахъ своихъ отпечатокъ или притворства и лжи, или бесполезнаго осужденія и злобы на людей эпохи, обвиняемыхъ имъ теперь за то, въ чемъ никто изъ нихъ не былъ виноватъ“. При томъ же: если авторъ, въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, придерживается, какъ видно, фатализма, и вслѣдствіе этого смотритъ на исторію всѣхъ народовъ, какъ на бессмысленныя движенія людей, то справедливо-ли съ такимъ ожесточеніемъ набрасывается на Русскихъ того времени? Вѣдь на основаніи такихъ теорій ни народъ въ 12-мъ году, ни правительство, ни войско, ни вожди ихъ, какъ слѣпныя орудія рока, не могли быть повинны рѣшительно ни въ чемъ, ибо все тогда (по его же воззрѣніямъ) должно было двигаться и совершаться безъ участія ума и воли дѣятелей.

Стр. 201. „Они (Ростовъ и княжна Марія) говорили о войнѣ невольно, какъ и всѣ, преувеличивая свою печаль объ этомъ событіи“, и нѣсколько строкъ далѣе:

„Видно было, что о несчастіяхъ Россіи она (княжна Марія) могла говорить притворно“.

По такому внушенію значить, что дѣйствительной горькой печали въ 12-мъ году для Россіи и Русскихъ не существовало. Для бѣльшаго же въ томъ убѣжденія авторъ вплетаетъ въ разговоры лицъ романа совершенно неправдоподобныя чувства и мысли Русскихъ людей того времени. Припомнимъ, однако, себѣ то чувство грустной печали, какое 19 лѣтъ назадъ легло на всю Россію при извѣстіи о потерѣ одной только южной части Севастополя. Но чтѣ значить для громадной Россіи потеря половины крѣпости на самомъ краю Русской земли, въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ Россіи, когда немалая часть ея территоріи была занята 500 т. враговъ, которые при обладаніи уже сердцемъ ея Москвою, угрожали совершеннымъ крушеніемъ государства? Сопоставивъ этѣ двѣ эпохи, трудно не убѣдиться въ явно-ложномъ указаніи на будто притворную и преувеличенную печаль Русскихъ въ 12-мъ году. Кто жилъ въ ту эпоху, конечно помнитъ до какой степени горькая печаль была тогда непритворна и не преувеличена.

А вотъ съ другой стороны то обаятельное чувство относительно Французовъ, какое приписывается тому же господину Пьеру, попавшему въ плѣнъ.

Стр. 218. „Очевидно Русское гнѣздо было разорено и уничтожено; но за уничтоженіемъ этого Русскаго порядка жизни, Пьеръ безсознательно чувствовалъ, что надъ этимъ разореннымъ гнѣздомъ установился свой, совсѣмъ другой, но твердый Французскій порядокъ“.

Нехудо замѣтить, съ какимъ удареніемъ это сказано и съ какимъ чувствомъ наслажденія говорится о будто-бы разоренномъ уже Русскомъ гнѣздѣ.

Стр. 219. „Онъ (Пьеръ) чувствовалъ себя ничтожной щепкой, попавшей въ колеса неизвѣстной ему, но правильно дѣйствующей машины“.

Здѣсь выходитъ какая-то странная аномалія! Ибо какимъ же это образомъ твердый Французскій порядокъ, и эта правильно дѣйствующая машина сгубили великую 500 т. армію, а за тѣмъ и самую Францію? Русскій же (какъ видно изъ всего чтѣ порицаетъ авторъ) слабый порядокъ и слѣдовательно неправильно по его мнѣнію дѣйствовавшая машина уничтожили пять сотъ тысячъ Французовъ и спасли отечество. Какъ ни напрягай кто свои мозговья способности, никогда не достигнешь возможность вывести какое либо правильное заключеніе изъ этой диковинной фразеологіи.

Стр. 267. „Даже иностранные, даже Французскіе историки признаютъ геніальность Русскихъ полководцевъ, говоря о фланговомъ маршѣ. Но почему военные, а за ними и всѣ, полагаютъ, что этотъ фланговый маршъ есть весьма глубокомысленное изобрѣтеніе какого-нибудь одного лица, спасшаго Россію и погубившаго Наполеона, весьма трудно понять. Во первыхъ, трудно понять, въ чемъ состоитъ глубокомысліе и геніальность этого движенія; и такъ далѣе....

Если всѣ сдѣланныя до сего выписки изъ романа не совсѣмъ еще убѣдили читателя въ очень враждебномъ взглядѣ автора на весь ходъ Отечественной войны, то послѣдняя выписка и весьма натянутое затѣмъ военно-критическое обсужденіе этого фланговаго движенія, не могутъ уже рѣшительно оставить какое-либо въ томъ сомнѣніе. И дѣйствительно, возможно-ли рѣшиться низводить на степень ничтожнаго эпизода войны 12 года, то движеніе Русской арміи, которое, по глубокомысленному соображенію князя Кутузова, поставило Наполеона въ безвыходное положеніе и послужило къ рѣшительной гибели его арміи; то движеніе, которое, какъ самъ же авторъ сознаетъ, что даже иностранные историки и сами Французы признаютъ геніальнымъ? Соверши-же подобный маневръ Наполеонъ съ тѣмъ успѣхомъ и съ тѣми важными для него послѣдствіями! Боже мой, какія воспѣлись-бы гимны восхваленія на весь міръ и восторженнаго удивленія къ великому военному генію. Но какъ этотъ подвигъ совершенъ геніемъ вожда Русскихъ войскъ, то напелся Русскій человекъ, пожелавшій утверждать, что въ этомъ маневрѣ нельзя видѣть никакого глубокомыслія, и что онъ.

Стр. 258. „Вытекалъ изъ безчисленнаго количества самыхъ разнообразныхъ условій, и только тогда представлялся во всей цѣльности, когда онъ совершился и сталъ прошедшимъ“.

Не изъ подобныхъ-ли разнообразныхъ условій вытекло и сочиненіе „Война и Миръ“; однако авторъ вѣроятно смотритъ на произведеніе свое какъ на твореніе, вытекшее изъ его собственнаго глубокомыслія; такъ въ силу какой-же логики, онъ такъ упорно старается лишить Кутузова глубокомыслія и славы исполненія столь геніальной стратагемы, приписывая ее къ случайностямъ? Вѣдь это не совсѣмъ справедливо со стороны автора, тѣмъ болѣе, что въ сущности между нимъ и Кутузовымъ все же найдется небольшая разница, состоящая въ томъ, что дѣйствительное глубокомысліе Кутузова спасло Россію, а глубокомысліе въ новыхъ теоріяхъ и воззрѣніяхъ автора можетъ принести сущій вредъ многимъ Русскимъ, которые по излишней довѣр-

чивости къ ученію отрицанія легко могутъ подвергнуться нравственной порчѣ.

Стр. 261. „Заслуга Кутузова не состояла въ какомъ нибудь геніальномъ, какъ это показываютъ, стратегическомъ маневрѣ, а въ томъ, что онъ одинъ понималъ значеніе совершавшагося событія. Онъ одинъ понималъ уже тогда значеніе бездѣйствія Французской арміи; онъ одинъ продолжалъ утверждать, что Бородинское сраженіе была побѣда“.

А кто же довелъ Французскую армію до бездѣйствія, какъ не тотъ же Кутузовъ, который не только понималъ значеніе этого совершавшагося событія, но даже предвидѣлъ его, сказавъ передъ сдачею Москвы: „будутъ же они у меня жрать лошадиное мясо“.

Стр. 260. „Знаменитый фланговый маршъ состоялъ только въ томъ, что Русское войско, отступая все прямо назадъ по обратному направленію наступленія, послѣ того какъ наступленіе Французовъ прекратилось, отклонилось отъ принятаго сначала прямого направленія и, не видя за собою преслѣдованія, естественно подалось въ ту сторону, куда его влекло обиліе продовольствія“.

Какъ понять это изложеніе, имѣющее доказать, что знаменитый фланговой маршъ не былъ знаменитъ. Когда Русскіе, имѣя за собою Французскую армію, подвигались отъ Запада на Востокъ, то они тогда дѣйствительно отступали, когда-же вдругъ пошли отъ Востока на Юго-Западъ имѣя Французскую армію съ боку отъ себя, то какое-же могло быть новое придуманное авторомъ „отступленіе Русскаго войска прямо назадъ по обратному направленію наступленія съ отклоненіемъ его отъ принятаго сначала прямого направленія“? И какое изъ этой фразы можно вынести убѣжденіе въ ничтожности факта, какъ это усиливается доказать авторъ?

Достойно замѣчанія, что во всемъ романѣ, добрая треть котораго изукрашена искаженнымъ сказаніемъ о войнѣ 1812 г., за исключеніемъ Кутузова, и то изрѣдка, какъ будто для очищенія совѣсти, никто изъ другихъ полководцевъ не удостоенъ авторомъ добрымъ словомъ; да и вообще о нихъ почти не упоминается, какъ будто ихъ тогда не было на лицо и какъ будто Русскія арміи были тогда руководимы лишь однимъ слѣпымъ рокомъ.

Но съ другой стороны, потрунить, понасмѣяться надъ ними авторъ не упускаетъ случая.

Во время нашей обычной бивачной стоянки подъ Тарутиномъ, каждый вечеръ передъ зарею, въ разныхъ мѣстахъ обширнаго распо-

ложенія, войскъ раздавались звуки музыки и пѣсенниковъ. Офицеры сходились у хоровъ; примѣшивались къ нимъ и генералы. Все это служило немалымъ развлеченіемъ и оживленіемъ въ однообразной и скучной бивачной жизни до новаго столкновенія съ непріателемъ. Никто не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго, какъ и въ мирное время никто не осуждается за посѣщеніе театровъ, баловъ и тому подобныхъ развлеченій; при томъ-же, музыка и пѣсни въ войскахъ во время походовъ никогда не запрещались. Но авторъ и этимъ разсудилъ воспользоваться для своихъ насмѣшекъ. Ему, стремящемуся скорѣе унижить чѣмъ возвысить честь и достоинство генераловъ Отечественной войны, понадобилось сгруппировать на одной пирушкѣ съ пѣсенниками, нѣкоторыхъ начальниковъ войскъ, въ томъ числѣ Ермолова, и прибавить:

Стр. 268. „Всѣ генералы были въ разстегнутыхъ сюртукахъ съ красными оживленными лицами и громко смѣялись, стоя полукругомъ. Въ срединѣ залы, красивый, невысокій генералъ съ краснымъ лицомъ бойко и ловко выдѣлывалъ трепака“.

Картина эта опять лишь плодъ игривыхъ фантазій, или написана она по нелѣпымъ слухамъ, схваченнымъ со словъ людей одного взгляда съ авторомъ. А какъ скептики вообще всегда готовы пошкольничать и поиздѣваться надъ чѣмъ бы то ни было, то и здѣсь къ дѣлу столь серьезному какъ описаніе войны, да еще войны Отечественной, столь священной для Русскихъ по однимъ воспоминаніямъ, нашлось очень умѣстнымъ приплестъ фарсъ собственнаго изобрѣтенія.

Положимъ однако, что въ семейномъ кружкѣ, между своими военными братьями, это и было такъ. Допустимъ, что картина изображена вѣрно; но достойно-ли чести художника ухватиться за это, для удовлетворенія своему неистовому негодованію къ эпохѣ, бросая и тутъ сатирую на тѣхъ, которые въ ту же ночь или на слѣдующее утро, какъ это и было на самомъ дѣлѣ, мужественно дрались съ врагомъ, жертвуя собою за отечество. Даже тотъ самый, на котораго намекалъ авторъ, такъ зло надъ нимъ подшучивая, быть можетъ, и дѣйствительно поплатился жизнью при исполненіи своего долга, какъ честный воинъ. Вѣдь люди съ красными иногда лицами не большее еще зло для войны, лишь бы сами-то они нравственно не были красными.

Не сочиняется-ли все это изъ сильнаго желанія привлечь наибольшее вниманіе къ роману? Но читатель не зараженный скалозубствомъ, человекъ серьезный и съ правдивою душою, не можетъ не понять, и не понять очень ясно, что тутъ достойны порицанія, не осмѣянные,

а напротивъ цинически смѣющіеся и подшучивающіе надъ доблестными труженниками славнаго времени.

Въ жизни народовъ каждый періодъ имѣлъ свои нравы, свои обычаи и свои особенности, вслѣдствіе чего въ иное время можетъ показаться страннымъ и неприличнымъ то, на что, за 50 или за 100 лѣтъ назадъ, смотрѣли какъ на неимѣющее ничего страннаго и предосудительнаго. По возвращеніи нашей гвардіи изъ Парижа въ Петербургъ, мнѣ не разъ и въ теченіи не одной зимы, случалось видѣть на придворныхъ балахъ, какъ графъ Милорадовичъ, одинъ изъ блистательныхъ героевъ и дѣятелей 1812—1814 годовъ, въ башмакахъ при короткомъ бѣломъ исподнемъ съ лентою св. Андрея черезъ плечо и со звѣздою св. Георгія на груди, танцовывалъ мазурку. Самъ Государь Александръ Павловичъ, низвергнувшій Наполеона съ его величія и освободившій Европу отъ его ига, тоже при башмакахъ, въ Преображенскомъ или Семеновскомъ, а иногда въ Конно-егерскомъ или въ красномъ кавалергардскомъ мундирѣ, появлялся въ танцахъ, состоявшихъ тогда болѣе изъ вальсовъ. Государь, не оставляя своей привычной величавой осанки, вальсировалъ особенно ловко. И однако никто тогда этому не удивлялся и не находилъ страннымъ, такъ за чтоже авторъ нашелъ нужнымъ осмѣять нѣкоторыхъ тѣхъ, во время бивачной жизни вздумавшихъ поразвлечь себя пѣсенниками и повеселиться, а быть можетъ для шутокъ и попрыгать въ своемъ семейномъ кружкѣ.

Не менѣе преувеличено описаніе неистоваго будто гнѣва Кутузова, когда онъ узналъ, что приказаніе его не было приведено въ исполненіе.

Стр. 269. И тресаясь, задыхаясь, старый человекъ, придя въ то состояніе бѣшенства, въ которое онъ въ состояніи былъ приходить, когда валялся по землѣ отъ гнѣва, онъ напустился на Эйхена, угрожая руками, крича и ругая площадными словами.

Желаніе усилить неуваженіе къ личности и къ характеру Кутузова и здѣсь сквозитъ въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сочиненія какъ будто-бы проглядываетъ намѣреніе отдать частичку справедливости его уму.

Описаніе Тарутинскаго сраженія, которое въ сущности не было выполнено съ тою удачею какъ предполагалось, излагается тоже довольно курьезно какъ видно для потѣхи читателей романа, забывая вѣроятно, что, при ночныхъ скрытыхъ манѣврахъ отдѣльными корпусами или большими отрядами войскъ, совершенное и самое точное исполненіе

задуманныхъ обходныхъ движеній—дѣло очень и очень трудное, и ошибки здѣсь почти неизбѣжны.

Стр. 279. Между тѣмъ по диспозиціи пѣхотныя войска опоздавшихъ колоннъ, которыми командовалъ Бенигсенъ и управлялъ Толь, выступили какъ слѣдуетъ и, какъ всегда бываетъ, пришли куда-то, но не туда, куда имъ было назначено. Какъ всегда бываетъ, люди вышедшіе весело стали останавливаться; послышалось неудовольствіе, сознаніе путаницы, двинулись куда-то назадъ. Прискакавшіе адъютанты и генералы кричали, сердились, ссорились, говорили что совсѣмъ не туда и опоздали, кого-то бранили и т. п., и наконецъ всѣ махнули рукою и пошли только съ тѣмъ, чтобы идти куда-нибудь.—Куда-нибудь да придемъ! и дѣйствительно пришли, но не туда, а нѣкоторые и туда, но опоздали, такъ что пришли безъ пользы, только для того, чтобы въ нихъ стрѣляли.

Стр. 274. Выйдя на поле подъ Французскіе выстрѣлы, взволнованный и храбрый Баговуть (слава Богу, хотя одного изъ Русскихъ генераловъ авторъ удостоилъ наконецъ назвать храбримъ), не соображая того, полезно или бесполезно его вступленіе въ дѣло, теперь, и съ одною дивизіей, пошелъ прямо и повелъ свои войска подъ выстрѣлы: одна изъ первыхъ пуль убила его.

Баговуть былъ убитъ не пулею, а ядромъ. Но видно все историческое въ этомъ романѣ должно быть рассказано на изворотъ. А такая новая манера описывать сраженія и движенія войскъ вѣроятно издумана для того, чтобы придать больше оригинальности роману, хотя и въ прямой ущербъ правдѣ относительно разныхъ эпизодовъ войны 1812-го года, въ томъ числѣ и Тарутинскаго дѣла, въ которомъ, однако, Русскими было отбито у Французовъ 38 орудій и взято въ плѣнъ 1500 человекъ. Не ясно-ли, что посредствомъ всѣхъ этихъ утрировокъ и подсмѣиваній имѣлось въ виду насильственное подчиненіе читателей своему непріязненному взгляду на ту войну?

Стр. 276. Вотъ какъ у насъ всегда дѣлается, все на выворотъ! Говорили послѣ Тарутинскаго сраженія Русскіе офицеры и генералы, точно такъ же какъ и говорятъ теперь, давая чувствовать, что кто-то тамъ глупый дѣлаетъ на выворотъ, а мы-бы не такъ сдѣлали. Но люди, говорящіе такъ, или не знаютъ дѣла, про которое говорятъ, или умышленно обманываютъ себя.

Вотъ этѣ-то три строчки не худо бы было автору примѣнить къ самому себѣ.

Однако, онъ все же вынужденъ былъ подь конецъ выразиться объ этомъ сраженіи слѣдующими строками:

Стр. 277. При самой ничтожной потерѣ, были приобрѣтены самыя большіе результаты во всю кампанію, былъ сдѣланъ переходъ отъ отступленія къ наступленію, была обличена слабость Французовъ и былъ толчекъ, котораго только и ожидало Наполеоновское войско для начатія бѣгства.

Чего же больше? Ежели же самъ авторъ сознаетъ теперь, что Тарутинское сраженіе было толчкомъ къ началу бѣгства Французовъ—то для чего-же было передъ тѣмъ такъ много глумиться, да еще такъ неумѣренно тѣшиться надъ нимъ?

Упрекая, наконецъ, самаго Наполеона въ неумѣніи распорядиться тогда, какъ слѣдовало бы, для подавленія Русскихъ, авторъ между прочимъ говоритъ:

Стр. 278. Выдти изъ Москвы, подойти къ Кутузову, не начать сраженія, пойти въ право, дойти до Малаго Ярославца, опять не испытать случайности пробиться, пойти не по той дорогѣ, по которой пошелъ Кутузовъ, а пойти назадъ на Можайскъ по раззоренной Смоленской дорогѣ—глупѣ этого, пагубнѣе для войска ничего нельзя было придумать, какъ то и показали послѣдствія.

Все это наговорено въ такомъ смыслѣ, какъ будто Наполеонъ пошелъ по раззоренной Смоленской дорогѣ не по принужденію, а по собственной волѣ или по своему выбору. Но развѣ въ кровопролитномъ Малоарославецкомъ сраженіи онъ не искалъ той случайности пробиться, о которой намекаетъ авторъ? Развѣ Наполеонъ не потерялъ въ этомъ дѣлѣ пяти генераловъ, въ томъ числѣ дивизіоннаго Дальзона и до пяти тысячъ войска наравнѣ съ Русскими? Развѣ своевременное прибытіе изъ подь Тарутина Кутузова со всею арміею къ Малоарославецкому сраженію не вынудило Наполеона убѣдиться, что намѣреніе его бѣжать черезъ полуденныя наши губерніи сдѣлалось совершенно невыполнимымъ? А на Медынь ему повернуть было тоже трудно, потому что къ прегражденію ему и этого направленія уже двинута была часть нашихъ войскъ. По всему этому возможно-ли внушать, что Наполеонъ, стукнувшись о Малоарославецъ, бросился отъ него назадъ по доброй волѣ для того, чтобы бѣжать безъ продовольствія для очень плохо одѣтой и обутой арміи своей, по раззоренной Смоленской

дорогѣ, а не вынужденъ былъ къ тому вслѣдствіе неожиданной встрѣчи его съ Кутузовымъ подъ Малоярославцемъ. Вообще эпизодъ этотъ Отечественной войны выставляется въ романѣ очень малозначущимъ дѣломъ, тогда какъ, напротивъ, вслѣдствіе напряженія силъ Русскихъ генераловъ и войскъ, въ тѣ самые дни и произошелъ тотъ поворотъ дѣлъ для рѣшительной гибели врага, который далъ наконецъ Россіи возможность вздохнуть свободно. Неужели такой крупный фактъ можно надѣяться вычеркнуть вовсе изъ событій того времени, не выказавъ прямого и полного неуваженія къ исторической истинѣ?

Для болѣе вѣрнаго отвода вниманія отъ этого многозначущаго предмета авторъ придумалъ слѣдующую притчу, которою и забавляетъ своихъ читателей.

Стр. 289. Очень часто раненое животное, слышавъ шорохъ, бросается на выстрѣлъ на охотника, бѣжитъ впередъ, назадъ и самоускоряетъ свой конецъ. Тоже самое дѣлалъ Наполеонъ подъ давленіемъ всего его войска. Шорохъ Тарутинскаго сраженія спугнулъ звѣря, и онъ бросился впередъ на выстрѣлъ, добѣжалъ до охотника, вернулся опять назадъ, и наконецъ, какъ всякій звѣрь, побѣжалъ назадъ, по самому невыгодному, опасному пути, но по знакомому, старому слѣду.

Ну, какъ тутъ, по прочтеніи такой милой побасенки, читателю, ничего не понимающему въ дѣлѣ войны и не знающему, что за звѣрь такой война, не поддаться столь счастливому уподобленію звѣря съ Наполеономъ и какъ ему теперь не повѣрить на-слово автору, что Наполеонъ не былъ вынужденъ бѣжать по тому направленію, какое подготовилъ и указалъ ему Кутузовъ, а такъ самъ по себѣ, подумалъ, подумалъ, да и пошелъ неспѣша назадъ? По выступленіи непріятеля изъ Москвы, наши генералы очень зорко наблюдали и слѣдили за каждымъ его шагомъ, что и было поводомъ къ быстрымъ до изумленія передвиженіямъ нашихъ войскъ и отрядовъ. Однако, вопреки истинѣ, въ романѣ читаемъ:

Стр. 319. Дохтуровъ идетъ къ Малоярославцу, но Кутузовъ медлитъ со всей арміей и отдаетъ приказаніе объ очищеніи Калуги, отступленіе за которую представляется ему весьма возможнымъ.

Кутузовъ вездѣ отступаетъ, но непріятель, не дожидаясь его отступленія, бѣжитъ назадъ въ противную сторону.

Въ намекѣ на какую-то, будто бы намѣренную, медленность Кутузова, нельзя не увидеть новаго желанія понабросить еще болѣе темной тѣни на его дѣйствія въ тѣ дни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желанія блеснуть оригинальностью взгляда. Но кто изъ насъ свидѣтелей того времени, находящихся еще въ живыхъ, не помнитъ, что Русская армія оставила Тарутинскія биваки 11-го Октября, то есть непосредственно за тою ночью, когда князь Кутузовъ получилъ извѣстіе о направленіи непріятеля къ Боровску и Малоярославцу. И если случилось тутъ дѣйствительное на нѣсколько часовъ промедленіе, то это произошло вслѣдствіе того, что нужно было дождаться возвращенія къ полкамъ фуражировъ, вышедшихъ передъ тѣмъ верстъ за двадцать отъ бивака. Армія же двинулась къ Малоярославцу не для отступленія, какъ на это угодно указывать автору, а для прегражденія Французамъ пути на Калугу, и, совершивъ трудный переходъ по проселочнымъ дорогамъ большею частью въ ночное время, 12-го числа пришла къ Малоярославцу на подкрѣпленіе Дохтурова, успѣвшаго уже завязать сраженіе. Даже Милорадовичъ, стоявшій съ своимъ авангардомъ у Воронова за 50 слишнимъ верстъ отъ Малоярославца, успѣлъ въ тотъ день придти туда же, сдѣлавъ этотъ форсированный маршъ въ теченіи тоже однихъ сутокъ. И вотъ такую-то быстроту въ передвиженіи сто-тысячной арміи авторъ сочиненія рѣшается превращать въ медленность, прибавляя еще къ тому на той же страницѣ сущую ложь, будто бы: „Ничто не мѣшало Наполеону идти въ эти полуденныя губерніи, такъ какъ Русская армія давала ему дорогу“. Для большаго же внушенія въ томъ, что Наполеонъ побѣждалъ назадъ не вслѣдствіе быстрого сбора главныхъ частей Русской арміи у Малоярославца и происшедшаго тамъ сраженія, а лишь изъ боязни попасть самому лично въ руки казаковъ, авторъ придумалъ поразсказать на свой ладъ объ эпизодѣ ночнаго поиска казаковъ въ срединѣ Французской арміи; не упустилъ однако случая и этотъ подвигъ изложить съ придачею неизбѣжной во всемъ его сказаніи о 12-мъ годѣ черной тѣни и насчетъ казаковъ,—той части Русскаго войска, которая своею неутомимою отвагою такъ много способствовала къ уменьшенію силъ врага, наводила на него паническій страхъ и была предметомъ удивленія Европы.

Стр. 320. Наполеонъ, рано утромъ, притворясь, что хочетъ осматривать войска и поле прошедшаго и будущаго сраженія, со свитой маршаловъ и конвоя, ѣхаль по срединѣ линіи расположенія войскъ. Казаки, шнырявшіе около добычи, наткнулись на самаго императора и чуть чуть не поймали его. Ежели казаки не

поймали въ этотъ разъ Наполеона, то спасло его тоже, что губило Французовъ: добыча, на которую и въ Тарутинѣ и здѣсь, оставляя людей, бросались казаки. Они, не обращая вниманія на Наполеона, бросились на добычу, и Наполеонъ успѣлъ уйти.

Казаки и не могли обращать вниманіе на Наполеона по той естественной причинѣ, что присутствіе его при трехъ взводахъ кавалеріи трудно было предполагать. Они не могли его видѣть издали, а еще менѣе узнать, потому что въ тотъ моментъ было еще темно. Бросаться же казакамъ на регулярную кавалерію и не слѣдовало. Сверхъ того, казаки не шныряли около добычи, какъ угодно выразиться автору, а были посланы начальствомъ для развѣдки. Случай этотъ въ дѣйствительности, какъ описываютъ его наши военные писатели, произошелъ слѣдующимъ образомъ. По приказанію князя Кутузова, Платовъ, въ ночь съ 12-го на 13-е Октября, отрядилъ три партіи казаковъ на лѣвый берегъ рѣчки Лужи. Донцы дошли до большой дороги ведущей къ Малоярославцу отъ Городна, главной квартиры Наполеона въ ту ночь и, увидавъ передъ свѣтомъ, но еще въ темнотѣ, тянущуюся по дорогѣ Французскую артиллерію, бросились на нее и пока одни поворачивали пушки, чтобы увезти съ собою, другіе понеслись далѣе и наткнулись на три кавалерійскихъ взвода, къ которымъ спѣшили на помощь ихъ драгуны; вслѣдствіе чего казаки должны были разумно отступить, однако успѣли увезти одиннадцать орудій и нѣсколько боченковъ золота.

Самому Наполеону случилось тутъ быть вслѣдствіе того, что онъ въ ту ночь вздумалъ отправиться съ сильнымъ кавалерійскимъ конвоемъ къ Малоярославцу для ранняго утрома осмотра мѣста бывшаго наканунѣ сраженія и для соображеній своихъ относительно новаго, которое онъ въ ту еще ночь предполагалъ возможнымъ повторить. Онъ выѣхалъ, никакъ не подозрѣвая встрѣчи съ Русскими, да еще въ такомъ близкомъ разстояніи отъ своей главной квартиры.

Стр. 320. Когда вотъ, вотъ *Les enfants du Don* могли поймать самаго императора, въ срединѣ его арміи, ясно было, что нечего больше дѣлать, какъ только бѣжать какъ можно скорѣе по ближайшей знакомой дорогѣ.

На эти строки прежде всего должно замѣтить, что дорога, по которой Наполеонъ вынужденъ былъ бѣжать отъ Малоярославца къ Смоленску черезъ Можайскъ, не была ближайшею. Стоитъ только взглянуть на карту. И потомъ нельзя не замѣтить, что авторъ самъ въ этихъ строкахъ опровергаетъ свое прежнее усиліе убѣдить въ без-

причинномъ будто бы бѣгствѣ Наполеона, сознавая здѣсь, что была же къ тому причина, хотя она и состояла лишь въ одной боязни Наполеона быть пойману казаками, этими *Enfants du Don*. Однако все же нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, чтобы кромѣ этой причины къ побѣгу не было еще и Малоярославецкаго сраженія, значеніе котораго авторъ усиливается умалить.

Стр. 322. Всѣ высшіе чины арміи хотѣли отличиться, отрѣзать, перехватить, полонить, опрокинуть Французовъ и всѣ требовали наступленія.

Стр. 323. И сколько ни старался Кутузовъ удержать войска, войска наши атаковали, стараясь загородить дорогу. Пѣхотные полки, какъ рассказываютъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ ходили въ атаку, и побили и потеряли тысячи людей. Но отрѣзать никого не отрѣзали и не опрокинули. И Французское войско, стянувшись крѣпче отъ опасности, продолжало, равномерно тая, все тотъ же свой гибельный путь къ Смоленску.

Такъ заканчивается 5-й томъ сочиненія, который, какъ полагали тогда, могъ быть послѣднимъ. „Никого не отрѣзали и не опрокинули“ можно было написать лишь для бѣльшаго эффекта, или для того, чтобы у какого либо очень наивнаго читателя романа еще глубже врѣзалось то не очень лестное мнѣніе о дѣятеляхъ 12-го года, какое авторъ усиленно проводилъ съ самаго начала, принося славу Россіи въ жертву своимъ воззрѣніямъ. Но великія событія, совершившіяся въ то время съ столь блестящими успѣхами, всегда будутъ говорить сами за себя. И если бы кто вздумалъ повѣрить, что тогда Русскіе „никого не отрѣзали, не опрокинули“, то какъ бы онъ могъ согласить это показаніе съ тѣмъ дѣйствительнымъ и неопровержимымъ фактомъ, что Французы, находясь 14-го Октября еще у Малоярославца, 30-го того же мѣсяца бѣжали уже вблизи Смоленска, но уже въ половинномъ числѣ противъ того, какъ были при занятіи Москвы; сверхъ того почти безъ кавалеріи, а изъ артиллеріи ихъ болѣе 200 орудій уже тогда находились въ рукахъ Русскихъ? Не ясно-ли, что такой быстрый пробѣгъ Французской арміи 400-хъ верстнаго протяженія въ теченіи лишь двухъ недѣль съ страшными при томъ потерями, могъ, вопреки сказанію автора, произойти только вслѣдствіе того, что авангардъ Русской арміи и казаки Платова ежедневно опрокидывали и гнали аріергардъ Французской, а главныя силы Русской арміи боковымъ своимъ движеніемъ отрѣзывали нѣкоторыя части Французской арміи? Такъ: Русскіе уже 3-го Ноября подходили къ Красному, т. е.

40 верстѣ далѣе Смоленска, тогда какъ сильно пострадавшіе Французы только въ маломъ числѣ успѣли съ Наполеономъ выбраться изъ этого города, остальные же вынуждены были пробиваться въ теченіи трехъ сутокъ сквозь ряды нашихъ войскъ и сдаваться имъ, ставшимъ на перерывъ пути ихъ бѣгства. Потери Французовъ и при этомъ были очень значительны; доказательствомъ тому служатъ 116-ть отбитыхъ орудій и 26 т. взятыхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ шесть генераловъ.

Все это, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній и неопровержимыхъ чиселъ времени, исторія давно уже записала и признала за факты; а потому какъ не удивляться новому здѣсь усилію автора поколебать вѣру въ истину совершившихся событій, пуская въ ходъ хитросплетенныя фразы и двусмысленныя выдумки, изъ которыхъ образуются неизбѣжныя разнорѣчія и противорѣчія? Такъ напримѣръ, въ строкахъ послѣдней выписки говорится, „что войска наши старались загородить дорогу Наполеону“, а четыре страницы назадъ на 319-й читается: „что Русская армія давала ему дорогу“. Какому же изъ двухъ показаній вѣрить? Нельзя еще не обратить вниманіе и на то, какъ показываетъ таже выписка, что будто бы „Французское войско стянувшись крѣпко и равномерно тая, продолжало свой гибельный путь къ Смоленску“. Въ сущности Французское войско, въ то время бѣгства и ужаснаго бѣдствія своего, рѣшительно не могло стягиваться крѣпко, по той причинѣ, что Русское войско, напирая на Французовъ и обхватывая ихъ съ разныхъ сторонъ, вынуждало ихъ, напротивъ, сильно растягиваться, а выраженіе, что „Французское войско равномерно таяло“, какъ будто пригрѣваемое весеннимъ солнцемъ, далеко не вѣрно, потому что оно, напротивъ, отъ наступившихъ морозовъ равномерно и постепенно не таяло, а замерзало.

Правда, что Русскіе варвары не давали при этомъ спокойно вздохнуть цивилизованнымъ Французамъ, и чрезъ то поступали нѣсколько жестоко, даже ожесточенно. Но это было слѣдствіе очень понятнаго возбужденія. Русскіе местили тогда цивилизованнымъ Французамъ за ихъ варварское разстрѣливаніе Смоленскихъ дворянъ, за ихъ грабежи, за уничтоженіе пожарами городовъ и сельъ, за подрывъ Кремля, за обращеніе православныхъ храмовъ въ конюшни и тому подобныя злодѣянія. Сверхъ того, Русскіе выпроваживали тутъ непрошенныхъ гостей, прибывшихъ къ нимъ съ высокою цѣлью облагодѣтельствовать ихъ своимъ господствомъ, причисливъ тоже къ своимъ вассаламъ.

Когда же Русскимъ варварамъ пришлось прикинуться свѣдующими въ свѣтскихъ приличіяхъ оплатою визита Французамъ, и они осмѣлились проникнуть даже въ знаменитую столицу міра, то, хотя и не

были признаны Европою за людей цивилизованныхъ, вели себя однако далеко не такъ варварски, какъ это позволяли себѣ цивилизованные Французы при занятіи нѣкоторыхъ Русскихъ губерній. Справедливая месть могла бы служить очень хорошимъ оправданіемъ для Русскихъ, но все оставалось во Франціи на своемъ мѣстѣ, ничего не было ни сожжено, ни разрушено, ни разграблено. Самъ Парижъ, занятый Русскими послѣ боя, не только не пострадалъ, но порядочно, напротивъ, нажился отъ трехъ-мѣсячнаго въ немъ пребыванія Государя съ главною квартирою и гвардіею своею.

Въ шестомъ томѣ сочиненія снова заводится рѣчь о Бородинскомъ сраженіи, о пребываніи Французовъ въ Москвѣ и опять съ какою-то особенною настойчивостью повторяется о безпричинномъ будто бѣгствѣ Наполеона.

Томъ 6-й, стр. 1. „Бородинское сраженіе съ послѣдовавшимъ занятіемъ Москвы и бѣгствомъ Французовъ безъ новыхъ сраженій есть одно изъ самыхъ поучительныхъ явленій исторіи.

А Тарутинское и упорное кровопролитное Малоярославецкое сраженія развѣ не были, какъ уже было замѣчено, тоже очень сильными побужденіями къ бѣгству Французовъ и развѣ были такъ маловажны, что не стоятъ быть упоминаемы? Правда, что эти два сраженія не были такъ кровопролитны, какъ Бородинское, но, по связи ихъ съ общимъ ходомъ войны, нельзя же вычеркнуть изъ числа совершившихся тогда фактовъ. О Тарутинскомъ же дѣлѣ самъ авторъ, при описаніи его въ 5-мъ томѣ стр. 277, вынужденъ былъ сказать, что имъ „былъ данъ тотъ толчекъ, котораго только и ожидало Наполеоновское войско для начатія бѣгства“. Теперь же читаемъ:

Томъ 6-й стр. 2-я. „Послѣ Бородинской побѣды Французовъ не было ни одного не только генеральнаго, но сколько нибудь значительнаго сраженія, а Французская армія перестала существовать. Что это значитъ?“

Какъ, что это значитъ? Значитъ то, что, независимо отъ громаднаго недочета въ людяхъ Французской арміи послѣ Бородинской битвы, эта армія перестала еще существовать и отъ того, что императоръ Александръ I-й твердо рѣшился отвергать какія бы то ни было предложенія о мирѣ со стороны Наполеона, на котораго онъ имѣлъ полное право негодовать. А за тѣмъ Французская армія перестала существовать и вѣлѣдствіе мудрыхъ соображеній и распоряженій князя Кутузова, изъ коихъ проистекли тѣ причины, которыя авторъ усиливается отвергать, въ томъ числѣ, какъ уже выше сказано—одну изъ главныхъ причинъ, состоявшую въ Малоярославецкомъ отпорѣ, недопустившемъ Фран-

пузскую армію прорваться въ наши полуденныя губерніи. А Наполеонъ сильно къ тому стремился, какъ къ единственной еще оставшейся у него надежды для спасенія уже очень уменьшившейся арміи своей.

Стр. 2. Періодъ кампаніи 1812-го года отъ Бородинскаго сраженія до изгнанія Французовъ доказалъ, что выигранное сраженіе не только не есть причина завоеванія, но даже и не постоянный признакъ завоеванія; доказалъ, что сила, рѣшающая участь народовъ, лежитъ не въ завоевателяхъ, даже не въ арміяхъ и сраженіяхъ, а въ чемъ-то другомъ.

Дѣйствительно, сила рѣшающая участь народовъ при грозящей опасности лежитъ прежде всего въ неисповѣдимой волѣ Всемогущаго, а затѣмъ въ бѣльшей или меньшей мудрости и распорядительности полководцевъ, да въ мужествѣ войскъ и въ духѣ народа. И вотъ эта-то дѣйствительно существовавшая тогда сила Русскихъ рѣшила участь Французской арміи, а вслѣдствіе того вскорѣ за тѣмъ и участь первой Французской имперіи.

Жестокое Бородинское побоище, стоявшее 120 т. людскихъ жертвъ (съ обѣихъ сторонъ), о которомъ въ началѣ 6-го тома упоминается вновь какъ о побѣдѣ Французовъ, а въ другихъ мѣстахъ романа говорилось какъ о побѣдѣ Русскихъ, не можетъ по всей справедливости назваться совершенною побѣдою ни для одной изъ бившихся въ тотъ день сторонъ;—Наполеонъ не могъ въ сущности считать его побѣдою потому, что потерялъ въ немъ болѣе генераловъ и солдатъ чѣмъ Русскіе и что вся Русская армія провела ночь съ 26-го на 27-е Августа на самомъ мѣстѣ сраженія; но и Кутузовъ Бородинскую битву тоже не могъ назвать побѣдою, потому что не заставилъ непріятели начать свое бѣгство съ того дня, а напротивъ самъ на другой день отступилъ по направленію къ Москвѣ; однако Кутузовъ этимъ отступленіемъ сохранилъ свою тоже уменьшившуюся въ Бородинѣ армію и, сдавъ безъ боя Москву, подготовилъ дѣйствительную побѣду, завершившуюся рѣшительною гибелью врага, двумя мѣсяцами позже.

Значительная убыль войскъ, понесенная Французами въ Бородинскомъ сраженіи, за отдаленностью резервовъ не могла быть вскорѣ пополнена; тогда какъ Русская армія такъ усилилась во время стоянки у Тарутина, что въ началѣ Октября численностью своею превышала уже непріятельскую, которая въ то время стала сильно рѣдѣть еще и отъ болѣзней вслѣдствіе худой пищи. Что же касается кавалеріи, то сила нашей еще болѣе превышала тогда силу непріятельской, лошади которой начали изнемогать и гибнуть отъ недостатка корма. Все это Кутузовъ предвидѣлъ, и авторъ на стр. 337 4-го тома справедливо

сказалъ, что Французское войско въ Москвѣ должно было гибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной въ Бородинѣ раны.

Стр. 3-я. Французскіе историки, описывая положеніе Французскаго войска передъ выходомъ изъ Москвы, утверждаютъ, что все въ великой арміи было въ порядкѣ, исключая кавалеріи, артиллеріи и обозовъ (бездѣлица), да небыло фуража для корма лошадей и рогатаго скота. Этому бѣдствію не могло помочь ничто, потому что окрестные мужики жгли свое сѣно и не давали Французамъ.

Выигранное сраженіе не принесло обычныхъ результатовъ, потому что мужики Карпъ и Власъ, которые послѣ выступленія Французовъ пріѣхали въ Москву съ подводами грабить городъ и вообще не выказывали лично геройскихъ чувствъ, и все безчисленное количество такихъ мужиковъ не везли сѣна въ Москву за хорошія деньги, которыя имъ предлагали, а жгли его.

Здѣсь авторъ упрекаетъ подмосковныхъ крестьянъ за то, что они не везли сѣна Французамъ, даже за хорошія деньги, а предпочитали жечь его. Уже не слѣдовало-ли по мнѣнію автора добрымъ порядкомъ пожурить ихъ за то, что они посредствомъ такой неслужливости Французамъ немало способствовали къ ослабленію ихъ силъ, тогда какъ это то и было настоящимъ героизмомъ со стороны крестьянъ?

Стр. 58. Дѣйствія Русскаго и Французскаго войскъ во время обратной кампаніи отъ Москвы и до Нѣмана подобны игрѣ въ жмурки, когда двумъ играющимъ закрываютъ глаза, и одинъ изрѣдка звонитъ колокольчикомъ, чтобы увѣдомить о себѣ ловящаго. Сначала тотъ, кто ловитъ, звонитъ, не боясь непріятеля; но когда ему приходится плохо, онъ, стараясь неслышно идти, убѣгаетъ отъ своего врага и, часто думая убѣжать, идетъ прямо къ нему въ руки.

Такое уподобленіе быть можетъ очень остроумно, но самое примѣненіе игры въ жмурки къ двумъ арміямъ, изъ которыхъ Французская, какъ и самый авторъ признаетъ, просто бѣжала, совершенно неудачно. И это тѣмъ болѣе, что отъ самаго начала бѣгства Французовъ, съ Русскою арміею на плечахъ, положеніе ихъ далеко не было такъ свободно, чтобы можно было уподобить его—игрѣ въ жмурки. Да Французской арміи было тогда не до жмурокъ, и хотя авторъ пишетъ:

Стр. 59. „Что одна армія бѣжала, другая догоняла“.

Но въ сущности это было не такъ. По всей справедливости надо было сказать: одна армія бѣжала, другая же гнала, а часть Русской арміи двигалась лѣвою стороною черезъ Ельну по направленію къ Красному, куда и прибыла 3-го Ноября, тогда какъ бѣльшая часть Французской арміи находилась еще въ Смоленскѣ.

Стр. 59. Впереди всѣхъ бѣжалъ императоръ, потомъ короли, потомъ герцоги. Русская армія, думая, что Наполеонъ возьметъ вправо за Днѣпръ, что было одно разумно, подалась вправо и вышла на большую дорогу къ Красному.

Значить, все же не случайно произошло это со стороны Русскихъ, а было послѣдствіемъ распоряженій и дѣйствій князя Кутузова, который по соображеніямъ своимъ довольно вѣрно предугадалъ, что остатки Французской арміи должны были изъ Смоленска взять направленіе свое черезъ Красное. Не служить ли и это прямымъ доказательствомъ, что Русскими войсками тогда руководили умъ и разумъ, а не фатумъ, какъ это внушается въ романѣ?

Стр. 59. И тутъ какъ въ игрѣ въ жмурки (опять жмурки) Французы наткнулись на нашъ авангардъ. Неожиданно увидавъ врага, Французы смѣшались, пріостановились отъ неожиданности испуга, но потомъ опять побѣжали, бросая своихъ сзади слѣдовавшихъ товарищей. Тутъ, какъ сквозь строй Русскихъ войскъ, проходили три дня, одна за одной, отдѣльныя части Французовъ, сначала вице-короля, потомъ Даву, потомъ Нея. Всѣ они побросали другъ друга, побросали всѣ свои тяжести, артиллерію, половину народа, и убѣгали, только по ночамъ справа полукругами обходя Русскихъ.

Столь оригинальное описаніе военныхъ дѣйствій можно читать только въ сочиненіи написанномъ съ предвзятою цѣлью, обращаться съ историческими событіями въ своемъ отечествѣ совершенно безцеремонно, превращая ихъ въ какія-то басни и сказки. Довѣрчивый читатель, увлекшись хитросплетенными разказами и не подозрѣвая злаго намѣренія автора, пожалуй, приметъ все это за истину; но всякому другому, находящемуся въ трезвомъ мышленіи, нѣтъ возможности соединить въ головѣ своей, два разнородныя понятія въ одно и тоже время внушаемая, какъ на примѣръ: уподобленіе игрѣ въ жмурки—движеніе двухъ армій и вмѣстѣ съ тѣмъ проходъ одной изъ нихъ сквозь строй другой. А еще труднѣе уяснить себѣ, какъ это разбитые и пораженные тогда Французы убѣгали, только по ночамъ

справа полукругомъ обходя Русскихъ. Но нетрудно догадаться, что посредствомъ такой фразировки авторъ имѣлъ въ виду внушить, что и тутъ не Русскіе отрѣзывали и обходили Французовъ, а на противъ Французы обходили Русскихъ. За всеѣмъ тѣмъ, говоря: что Русскіе, ставъ на пути отступленія непріятельской арміи, прогоняли части ея какъ сквозъ строй, онъ по неволѣ долженъ былъ сознать, что не Французы, а Русскіе тутъ оставались побѣдителями.

Стр. 63. Кто изъ Русскихъ людей, читая описаніе послѣдняго періода кампаніи 1812 года, не испытывалъ тяжелаго чувства досады, неудовлетворительности и неясности? Кто не задавалъ себѣ вопросовъ: какъ не забрали, не уничтожили всеѣхъ Французовъ, когда всеѣ три арміи окружили ихъ въ превосходящемъ числѣ, когда разстроенные Французы, голодая и замерзая, сдавались толпами, и когда (какъ намъ рассказываетъ исторія) цѣль Русскихъ состояла именно въ томъ, чтобы остановить, отрѣзать и забрать въ плѣнъ всеѣхъ Французовъ?

Тяжелое чувство досады—какъ высказываетъ здѣсь авторъ—каждый изъ Русскихъ людей долженъ испытывать скорѣе при чтеніи пасквилей на факты громадной важности для своего отечества, а не вслѣдствіе какой-то выдуманной авторомъ неудовлетворительности и неясности описанія послѣдняго періода кампаніи 1812-го года. Да и какой болѣе удовлетворительности и ясности требуется ему, какъ тотъ небывалый въ лѣтописяхъ міра результатъ войны, которымъ изумленъ свѣтъ и спасено отечество?

Что же касается до мнимой цѣли Русскихъ, будто бы состоявшей въ томъ, „чтобы остановить и забрать въ плѣнъ всеѣхъ Французовъ“, то это здѣсь явно преувеличено, лишь для предлога еще къ болѣшему порицанію и огульному обвиненію: ибо хотя у Русскихъ при неустанномъ преслѣдованіи непріятельской арміи и было стремленіе къ тому, чтобы по возможности еще болѣе ее разстраивать, но вмѣстѣ съ тѣмъ не упускалось изъ виду какъ можно менѣе терять при этомъ своихъ солдатъ. И цѣль эта была вполнѣ достигнута Русскими, потому что изъ громадной непріятельской арміи, вторгнувшейся въ предѣлы Россіи въ Іюнь мѣсяцѣ, въ Декабрѣ едвали $\frac{1}{10}$ часть могла успѣть перебраться обратно черезъ границу, за исключеніемъ, разумѣется, Австрійцевъ и Прусаковъ, тогдашнихъ невольныхъ союзниковъ Наполеона, которые пострадали не столь жестоко, находясь въ отдѣльныхъ отрядахъ. А это ясно показываетъ, что Русскимъ вождямъ не нужно было излишне-усиленно стремиться къ тому, чтобы „за-

братъ въ плѣнъ всѣхъ Французовъ. Князь Кутузовъ очень хорошо видѣлъ, что и безъ лишнихъ усилій, всегда сопряженныхъ съ большими потерями собственнаго войска, Французамъ, при томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ они уже находились, невозможно было пробѣжать безъ совершенной гибели еще 600 верстъ, остававшагося имъ бѣгства до границъ.

И дѣйствительно, изъ числа успѣвшихъ ускользнуть отъ разгрома подъ Краснымъ значительная часть погибла на берегахъ Березины и въ самой рѣкѣ, съ присоединившимися къ нимъ и тѣми войсками, которыя были разбиты графомъ Витгенштейномъ; они при отчаянномъ своемъ бѣгствѣ отъ Березины до Нѣмана почти всѣ погибли отъ голода и холода, изъ чего и выходитъ, что обвиненіе авторомъ Русскихъ въ томъ, что они не забрали въ плѣнъ всѣхъ Французовъ—просто натянуто съ прибавленіемъ еще къ тому на той же страницѣ:

Какимъ образомъ то Русское войско, слабѣе числомъ Французовъ, дало Бородинское сраженіе, какимъ образомъ это войско, съ трехъ сторонъ окружавшее Французовъ и имѣвшее цѣлью ихъ забрать, не достигло своей цѣли? Неужели такое громадное преимущество передъ нами имѣютъ Французы, что мы съ превосходными силами, окруживъ, не могли побить ихъ? Какимъ образомъ это могло случиться?

Что Русскіе били и гнали Французовъ отъ самаго Тарутина до границъ, били ихъ и подъ Вязмою и подъ Краснымъ и на Березинѣ, и что какъ побѣды эти такъ и преслѣдованіе по пятамъ, совершились лишь въ теченіи шести недѣль, не взирая на то, что гнать ихъ такъ неустанно нужно было тысячу верстъ, тому неопровержимымъ удостовѣреніемъ служатъ сами факты. Факты же эти подкрѣпляются мѣсяцами, числами и тѣмъ, что уже въ началѣ Декабря Русскія передовыя войска вступали въ предѣлы Пруссіи и бывшаго Варшавскаго герцогства. А по всему этому и невозможно безъ тяжелаго чувства досады и безъ особаго удивленія читать черезъ чуръ дерзкій намекъ на то, что будто бы Французы имѣли въ то время „громадное преимущество“ надъ Русскими и что будто бы вслѣдствіе того Русскіе и не могли побить ихъ. Авторъ при ожесточенномъ своемъ нападеніи перомъ на своихъ Русскихъ задался, какъ видно, тою одною мыслию, чтобы описывать совершенно на изворотъ и въ искаженномъ смыслѣ все, что только относится къ 12-му году. Но совершившихся міровыхъ событій нельзя же ни передѣлать, ни переименовать, ни вовсе вычеркнуть изъ исторіи, какъ бы кому ни желалось пощеголять изобрѣ-

тательностью своего ума. Такъ ради чего же нужно было такъ нагло сочинять и придумывать то чего не было?

Стр. 63. Исторія та, которая называется этимъ словомъ, отвѣчая на эти вопросы, говоритъ, что это случилось оттого, что Кутузовъ и Тормозовъ и Чичаговъ и тотъ-то и тотъ-то не сдѣлали такихъ-то и такихъ-то маневровъ.

Но отъ чего они не сдѣлали всѣхъ этихъ маневровъ? Отъ чего, ежели они были виноваты въ томъ, что не достигнута была предназначавшаяся цѣль,—отъ чего ихъ не судили и не казнили?^а

Безпощадному критику военныхъ дѣйствій нельзя не знать, что вести громадную войну на обширныхъ пространствахъ и маневрировать большими массами войскъ, да еще иногда безъ необходимаго продовольствія, бороться со всякаго рода невзгодами и препятствіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣдя за непріятелемъ ежечасно предъугадывать его намѣренія и согласно тому направлять движенія собственныхъ войскъ—полководцамъ далеко не такъ легко, какъ инымъ авторамъ писать не торопясь сказки, басни или романы, сидя притомъ со всевозможнымъ комфортомъ за письменнымъ столомъ и имѣя передъ глазами, вмѣсто сильнаго и хитраго непріятели, лишь бумагу и чернила, которыми и располагать по своему произволу безъ малѣйшихъ препятствій.

Не судили же и не казнили Русскихъ полководцевъ потому, что они не могли быть виноваты въ томъ, въ чемъ ихъ умышленно обвиняетъ авторъ, т. е. въ какой-то неудовлетворительности и что, предназначенная цѣль была будто бы недостигнута. Но главная цѣль Русскихъ полководцевъ состояла тогда въ томъ, чтобы еще болѣе разстроить и наконецъ и уничтожить остатокъ пятисотъ тысячной непріятельской арміи, и эта-то прямая, разумная цѣль и была достигнута вполне. Наши полководцы восторжествовали надъ врагомъ на всемъ томъ пространствѣ Русской земли, которое онъ успѣлъ временно занять, прогнали его, а въ концѣ Ноября и уничтожили его совершенно. Побѣда Русскихъ привела въ неописанный восторгъ всю Европу, которая, наконецъ, получила надежду на освобожденіе свое отъ ига, наложеннаго на нее тяжелою рукою Наполеона. Надежда эта, какъ извѣстно, не замедлила осуществиться въ 1813-й и 14-й г.г., вслѣдствіе почина и побѣдъ Русскихъ полководцевъ въ 1812-мъ году. А по всему этому ни судить ихъ, ни казнить не имѣлось ни малѣйшаго предлога. Императоръ Александръ I-й, напротивъ, удостоилъ Кутузова титуломъ свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго и пожалованіемъ ордена Св. Георгія

1-й степени. Въсѣтъ съ тѣмъ много разныхъ наградъ получили и прочіе сподвижники. Безпристрастнымъ же, компетентнымъ и болѣе справедливымъ судьей въ столь грандіозномъ тогда дѣлѣ должно признать безъ всякаго сомнѣнія скорѣе самаго Императора, чѣмъ теперь автора романа. Сверхъ того, не судили и не казнили тогда славныхъ вождей Русской побѣдоносной арміи еще и потому, что побѣдителей не только не казнятъ, но и не судятъ. Такъ однажды произнесла Великая Екатерина. Авторъ же сочиненія, взявъ на себя никѣмъ не признанную за нимъ роль верховнаго судьи, спрашиваетъ, отъ чего не судили и не казнили Кутузова и другихъ, которые спасали отечество, истребляя окончательно силы врага. Ужъ не за это-ли именно и слѣдовало ихъ казнить по мнѣнію автора-судьи? А казалось-бы, напротивъ, было болѣе справедливымъ приговорить самаго судью, если и не къ столь жестокой карѣ, кака предназначается имъ для Русскихъ полководцевъ 12-го года, то по крайней мѣрѣ къ простому замѣчанію за видимое направленіе съ примѣсю клеветы.

Стр. 64. Почему-то Русское войско, которое съ слабѣйшими силами одержало побѣду подъ Бородинымъ надъ непріятелемъ во всей его силѣ, подъ Краснымъ и подъ Березиной, въ превосходныхъ силахъ было побѣждено разстроенными толпами Французовъ“.

Вся соль предъидущихъ глумленій слабѣетъ предъ послѣднимъ. Что это? Желаніе мистифицировать или дурачить своихъ читателей. Не много нужно имѣть здраваго смысла, чтобы, вникнувъ въ такое умышленное извращеніе фактовъ, не убѣдиться въ фальшивой натянутости выставить Русское войско не въ томъ, въ полномъ смыслѣ слова, побѣдоносномъ положеніи въ какомъ оно дѣйствительно тогда находилось, истребляя по частямъ бѣгущихъ Французовъ, а напротивъ будто-бы побѣжденнымъ тѣми бѣгущими отъ Русскихъ Французами. Да и какъ не усмотрѣть здѣсь прямаго противорѣчія? Авторъ говоритъ, что Русское войско „побѣждено разстроенными толпами Французовъ. Но кто же привелъ ихъ въ такое разстройство, какъ не Русское войско? И кто прежнюю, сильную „великую“ Французскую армію превратилъ въ толпы, какъ не тѣ же Русскіе? Если же нѣкоторыя очень малыя части Французскихъ войскъ успѣвали ускользать отъ Русскихъ подъ Краснымъ и на Березинѣ, то, продолжая быть гонимы Русскими, всё же попадали въ ихъ руки или погибали отъ голода и холода. При томъ кто не знаетъ, что когда какое войско, окруженное или отрѣзанное непріятельскимъ войскомъ, вынуждено пробиваться съ громадными для себя потерями, какъ это было тогда съ Французами, то объ успѣвшихъ уйти можно сказать только то, что

они храбро, пожалуй и героически, бились, вслѣдствіе чего и ускользнули отъ плѣна; но уже никакъ нельзя признать за ними побѣды надъ тѣми, которые дѣйствительно ихъ разгромили, потому только, что остатки разбитыхъ войскъ спаслись на время отъ смерти или плѣна; а это, послѣ всякой самой блистательной побѣды, всегда, какъ извѣстно, было и будетъ относительно побѣжденныхъ, въ особенности когда бой оканчивается передъ наступленіемъ ночи. Сверхъ того, не странно-ли читать о побѣдѣ разстроенными толпами Французовъ, когда четыре страны назадъ самъ авторъ утверждалъ, что „тутъ какъ сквозь строй Русскихъ войскъ, проходили три дня, одна за одной, отдѣльныя части Французовъ“? Какое изумительное противорѣчіе! Но автору вѣроятно пришла охота, въ подражаніе тѣмъ Французскимъ авторамъ, которые, передъ Крымскою войною, прикинувшіеся невѣдѣніемъ о пораженіяхъ своихъ дѣдовъ Русскими въ 12-мъ году и о занятіи ими Парижа въ 1814-мъ, разсудили состряпать для бѣльшаго возбужденія вражды къ Русскимъ, нѣсколько балаганныхъ пьесъ, въ которыхъ горсти Французскихъ солдатъ побивали цѣлыя тысячи Русскихъ казаковъ, на театральныхъ подмосткахъ, не хуже того, какъ ихъ самихъ дѣйствительно трепали и истребляли нѣкогда настоящіе казаки. И Парижане, очень довольные такою иллюзіею, неистово рукоплескали. Но если Французскимъ авторамъ писать такъ для сцены съ извѣстною въ то время цѣлью, могло быть извинительно, то Русскимъ авторамъ писать подобныя вещи, съ цѣлью обезславленія своихъ, очень и очень непригоже, если не сказать чего болѣе.

Стр. 64. Если цѣль Русскихъ состояла въ томъ, чтобы отрѣзать и взять въ плѣнъ Наполеона и маршаловъ, и цѣль эта не только не была достигнута, а всѣ попытки къ достиженію этой цѣли всякій разъ были разрушены самымъ постыднымъ образомъ, то послѣдній періодъ кампаніи совершенно справедливо представляется Французами рядомъ побѣдъ и совершенно несправедливо представляется Русскими историками побѣдоноснымъ.

Русскіе военные историки, на столько, на сколько для нихъ обязательна логика, (а для самаго автора, видно, она не обязательна) невольно приходятъ къ этому заключенію; и, не смотря на лирическія возванія о мужествѣ и преданности и т. д., должны невольно признаться, что отступление Французовъ изъ Москвы есть рядъ побѣдъ Наполеона и пораженій Кутузова“.

Вотъ фразы по истинѣ принадлежащія къ числу средствъ, чисто-скептическаго пошиба, для убѣжденія въ томъ чего не было и не существовало въ дѣйствительности; но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно прибавить: и фразы пустозвонныя. Читаешь и не вѣришь глазамъ своимъ. Возможно-ли столь нагло, рѣзко и дерзко внушать совершенно противоположное понятіе объ одномъ изъ славныхъ эпизодовъ нашей великой Отечественной войны? По прочтеніи съ изумленіемъ этихъ парадоксальныхъ выводовъ и заключеній, доведенныхъ до верха нелѣпостей, не знаешь чему болѣе удивляться, стремленію-ли низводить до ничтожества знаменательныя событія, или непреодолимому усилію внушать ученіе въ отрицаніе. И съ какою самоувѣренностью, съ какимъ самодовольствомъ говорится, что „всѣ попытки къ достиженію цѣли (Русскихъ) были разрушены самымъ постыднымъ образомъ“. Но кто же это разрушалъ попытки Русскихъ къ достиженію ихъ цѣли? И какіе это Русскіе военные историки, которые будто-бы „должны неволью признаться, что „отступленіе Французовъ изъ Москвы есть рядъ побѣдъ Наполеона и пораженій Кутузова“, то есть: что на все то, чѣмъ Русскіе, при изгнаніи непріятеля изъ отечества своего, могутъ и должны гордиться—автору напротивъ угодно указывать какъ на дѣла постыдныя для нихъ. Но во всѣхъ такихъ своеобразныхъ толкованіяхъ можно увѣрить лишь читателей очень и очень наивныхъ и ничего не смыслящихъ въ исторіи военныхъ дѣлъ. Всѣмъ-же другимъ трудно поддаться такимъ неблаговиднымъ внушеніямъ, тѣмъ болѣе, что и сами-то выводы изъ придуманной неудовлетворительности въ преслѣдованіи непріятеля видимо натянуты и ложны.

Вводя въ свое сочиненіе разные эпизоды Отечественной войны, авторъ предпочелъ описывать ихъ съ прибавленіемъ прикрасъ, какъ видно не по Русскимъ историкамъ, которыхъ онъ подозрѣваетъ во лжи, а по иностраннымъ писателямъ, росказни которыхъ не въ пользу Русскихъ ему пришлось болѣе по сердцу и по вкусу, въ томъ числѣ и г. Тьера. Но Тьеръ, описывая бѣгство изъ Россіи уменьшившейся, бывшей великой Французской арміи, какъ уважающій себя Французъ, историкъ и горячій патріотъ, могъ писать не въ пользу Русскихъ для того, чтобы хотя нѣсколько ступевать то ужасающее воображеніе бѣгство, которому подверглись его соотечественники съ Наполеономъ во главѣ. Ради чего же Русскій то писатель и историкъ новаго рода пожелалъ вторить иностранцамъ и выдумывать еще побѣды для бѣгущихъ безъ памяти ошеломленныхъ Французовъ? Вотъ что непостижимо и ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Нельзя же, какими бы то ни было трескучими словоизверженіями, разувѣрить въ громадномъ зна-

ченіи того неопровержимаго факта, что то самое Русское войско, которое сражалось съ Французскимъ 12-го Октября еще подъ Малоярославцемъ, по совершеніи въ самое суровое время года тысяче-верстнаго преслѣдованія непріятеля, въ началѣ уже Декабря переходило границы; Французскаго же войска не существовало болѣе. Подвигъ по истинѣ изумительный. Однако читатели, привыкшіе дѣлать оцѣнку сочиненій только относительно литературнаго ихъ достоинства, а другіе готовые вѣрить всякаго рода нелѣпостямъ, не вникнувъ въ суть цѣлей автора, или пробѣжавъ на скоро тѣ курьезныя мѣста романа, на которыя здѣсь указывается, могутъ къ сожалѣнію оставить въ своей памяти лишь одно то „что послѣдній періодъ кампаніи (нашей) справедливо представляется Французами рядомъ побѣдъ и совершенно несправедливо представляется Русскими историками побѣдоноснымъ“. Автору-же, какъ полагать должно, только это и нужно. Но наглость подобнаго извращенія, переходящая за предѣлы всякаго уваженія къ истинѣ, можетъ только удивлять людей дорожащихъ ею. А самое извращеніе едва-ли можетъ считаться литературною привлекательностью. Не скрывается-ли тутъ, напротивъ, литературный махиавелизмъ?

Какъ же бывшимъ участникамъ безпримѣрнаго пораженія врага, теперь по прочтеніи столь оскорбительныхъ отзывовъ, не сдѣлать простаго вопроса? Что болѣе позорно: не достигнуть войску при очень трудныхъ обстоятельствахъ предположенной цѣли, если бы и въ самомъ дѣлѣ было такъ, или сочинять небывлицы и, дѣлая изъ нихъ ложные выводы, намѣренно, самымъ постыднымъ образомъ, клеветать для возбужденія невыгоднаго мнѣнія о событіи въ своемъ отечествѣ, или другими словами, пріобрѣтенную Русскимъ войскомъ и его вождями славу—усиливаться превращать въ безславіе?

Послѣ всего сказаннаго въ обвиненіе Русскихъ, авторъ, вѣроятно желая хотя нѣсколько поумѣрить свое уже очень безцеремонное обращеніе съ правдою, и теперь, какъ будто уже въ защиту Русскихъ относительно имъ же самимъ придуманной неудовлетворительности въ преслѣдованіи непріятеля, говоритъ:

Стр. 64. „Но, оставивъ совершенно въ сторонѣ народное самолюбіе, чувствуется, что заключеніе это само въ себѣ заключаетъ противорѣчіе, такъ какъ рядъ побѣдъ Французовъ привелъ ихъ къ совершенному уничтоженію, а рядъ пораженій Русскихъ привелъ ихъ къ полному уничтоженію врага и очищенію своего отечества. Опять побѣды Французовъ и пораженія Русскихъ! Но въ этихъ бьющихъ на эффектъ ничего не доказывающихъ строкахъ, въ

этой гимнастикѣ заключеній о выводахъ, чувствуется лишь рядъ софизмовъ. Противорѣчіе же заключается въ самомъ авторѣ, то есть въ его собственныхъ измышленіяхъ. Однако онъ ищетъ объяснить это слѣдующимъ.

Источникъ этого противорѣчія лежитъ въ томъ, что историками, изучающими событія по письмамъ государей и генераловъ, по реляціямъ, рапортамъ, планамъ и т. п., предположена ложная, никогда не существовавшая цѣль послѣдняго періода войны 1812 года, цѣль будто бы состоявшая въ томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ маршалами и арміею⁴. Если такъ? Если авторъ, опровергая теперь самого себя, утверждаетъ, что цѣли этой никогда не существовало, то для чего же было упоминать, да еще такъ много распространяться о ней? Не для того ли только, чтобы имѣть лишній предлогъ для вывода изъ небывалой цѣли еще болѣе нелестныхъ заключеній относительно Русскихъ и для произнесенія надъ ними строгихъ приговоровъ за мнимое невыполненіе той цѣли.

Впрочемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что главная цѣль Кутузова состояла въ томъ, чтобы (какъ уже было замѣчено) съ возможно меньшимъ изнуреніемъ своихъ войскъ стараться болѣе обезсилить и разстроить стремглавъ бѣгущаго непріятеля, напирая на него и не давая ему отдыха; посредствомъ же легучихъ отрядовъ, тревожившихъ Французовъ съ фланговъ, даже нерѣдко опережавшихъ головы ихъ колоннъ, не мудрено, что при какой либо случайности могъ попасть въ наши руки и самъ Наполеонъ или кто изъ маршаловъ, какъ это едва не произошло съ маршаломъ Неемъ подъ Краснымъ, если бы онъ, бросивъ разбитый свой корпусъ, не рѣшился, для спасенія себя лично, на отчаянный переходъ ночью черезъ Днѣпръ по очень тонкому только что образовавшемуся льду. Но все же это могло быть лишь случайно, а не вълѣдствіе предвзятой какой цѣли. Намъ нужно было тогда только то, чтобы изъ вторгнувшихся въ Россію вражескихъ силъ выпустить обратно лишь самую ничтожную долю. А какъ эта главная цѣль Кутузова была достигнута вполнѣ, то и напрасно было такъ много толковать о мнимомъ недостиженіи несуществовавшей цѣли, лишь для предлога къ строгому обвиненію самаго Кутузова и другихъ Русскихъ генераловъ. Намекать же о судѣ и казняхъ для нихъ не слѣдовало бы еще и потому, что они, стараясь уничтожить врага, должны были вмѣстѣ съ тѣмъ думать и о наибольшемъ сбереженіи своихъ войскъ, въ предвидѣніи дальнѣйшихъ по политическимъ соображеніямъ дѣйствій съ переходомъ границы, какъ это впоследствии и оправдалось.

Нельзя не согласиться, что при веденіи этой войны сначала оборонительной, потомъ наступательной, не было вовсе какихъ либо ошибокъ или промаховъ и т. п. съ нашей стороны. Но какія же войны обходятся безъ нихъ съ обѣихъ воюющихъ сторонъ, вслѣдствіе непредвиденныхъ случайностей? При такой же можно сказать гигантской войнѣ, какою была наша Отечественная, полное отсутствіе этихъ случайностей даже немыслимо. Но тутъ главная суть дѣла не въ мнимыхъ или дѣйствительныхъ ошибкахъ, а въ исходѣ войны, въ вопросѣ, кто остался въ концѣ концовъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ и каковъ былъ результатъ, а результатъ нашей войны былъ не дуренъ, кажется.

Стр. 65. „Весь глубокомысленный планъ о томъ, чтобы отрѣзать и поймать Наполеона съ арміею, былъ подобенъ тому плану огородника, который, выгоняя изъ огорода потоптавшую его гряды скотину, забѣжалъ бы къ воротамъ и сталъ бы по головѣ бить эту скотину. Одно, что можно бы было сказать въ оправданіе огородника, было бы то, что онъ очень разсердился“.

Такое уподобленіе плана огородника къ мнимому глубокомысленному плану поймать Наполеона и потоптанныхъ скотиною грядъ къ пострадавшей отъ Французовъ Россіи, а Французовъ къ скотинѣ, быть можетъ и остроумно, но не совсѣмъ, кажется, удачно. Даже выходить какъ-то уже очень тривиальнымъ, особенно, при обсужденіи, хотя и въ романѣ столь громкаго событія, какъ изгнаніе сильнаго непріятеля изъ родной страны. Во всякомъ случаѣ, это странное примѣненіе не послужитъ къ уменьшенію того прискорбнаго чувства, какое каждый Русскій, понявшій намѣреніе автора, долженъ былъ испытать при прочтеніи лукаво-фальшиваго вывода что будто бы „отступленіе Французовъ есть рядъ побѣдъ Наполеона и пораженій Кутузова. А какъ въ память читателей глубже врѣзываются тѣ фразы, которыя кажутся болѣе эффектными, то онѣ могутъ легко остаться въ памяти иныхъ читателей выводомъ не допускающимъ опроверженія. И это тѣмъ легче, что всякій изъ нихъ думаетъ, что онъ читаетъ не басни, а сочиненіе, въ которомъ ведется рѣчь о серьезной войнѣ и о дѣятеляхъ того времени.

Стр. 66. „Но кромѣ того, что отрѣзываніе Наполеона съ арміею было безсмысленно, оно было не возможно. Невозможно это было во первыхъ потому, что, такъ какъ изъ опыта видно, что движеніе колоннъ на пяти верстахъ въ одномъ сраженіи никогда не совпадаетъ съ планами: то вѣроятность того, чтобы Чичаговъ, Ку-

тузовъ и Витгенштейнъ сошлись во время въ назначенное мѣсто была столь ничтожна, что она равнялась невозможности.

Передъ этимъ доказывалось авторомъ существованіе того, чего въ сущности не было, то есть плана, который самъ онъ послѣ опровергалъ; теперь же доказывается будто бы невозможность того, что дѣйствительно было, т. е. невозможность совершившагося однако факта и состоящаго въ томъ, что, не смотря на громадныя разстоянія, какими въ началѣ Октября раздѣлялись наши три арміи, изъ которыхъ одна находилась тогда близъ Москвы, другая подъ Полоцкомъ, а третья вблизи границъ Варшавскаго Герцогства и не смотря на то, что каждая изъ нихъ имѣла передъ собою почти равнаго съ ними въ числѣ непріятеля, всѣ онѣ, вслѣдствіе состоявшихся предположеній, прибыли одновременно къ назначенному мѣсту, т. е. къ Борису на Березинѣ. Чичаговъ, какъ и слѣдовало, для встрѣчи гонимыхъ Кутузовымъ Французовъ, пришелъ прежде другихъ 10-го Ноября. А гр. Витгенштейнъ и авангардъ главной арміи нашей, преслѣдуя арьергардъ Французской, подошли къ Борису 14-го Ноября. Изъ сего и выходитъ, что отрицать этотъ фактъ и съ натянутою аргументаціею утверждать, что „вѣроятность того, чтобы Чичаговъ, Кутузовъ и Витгенштейнъ сошлись во время въ назначенное мѣсто, была столь ничтожна, что она равнялась невозможности“ можетъ лишь тотъ, кто рѣшился, во что бы то ни стало, рассказывать совершенно на изворотъ все что только относилось къ 1812 году.

Правда, что при этомъ произошла немаловажная ошибка со стороны Чичагова. Онъ, въ томъ предположеніи, что Наполеонъ долженъ будетъ переправлять остатокъ своихъ армій черезъ Березину, по теченію ея ниже Борисова, двинулся 13-го Ноября къ Бабиновичамъ, тогда какъ Наполеонъ, дошедши вечеромъ того дня до Борисова, повернулъ напротивъ вверхъ по Березинѣ къ Студянкѣ, черезъ что и получилъ возможность начать устраивать мосты для переправы. Но въ тѣ дни, когда обѣ стороны старались перехитрить и обмануть одна другую, очень легко было, думая сдѣлать лучше, попасть въ ошибку; а потому и трудно обвинять въ томъ Чичагова излишне строго.

Во всякомъ случаѣ такая ошибка помогла Наполеону лишь въ томъ, что онъ успѣлъ переправить черезъ Березину нѣсколько болѣе войска, противъ того какъ это могло быть, если бы 13-го и 14-го Ноября противъ переправы Французовъ, вмѣсто незначительнаго нашего отряда, находилась бы вся армія Чичагова; потому что при отчаянномъ напорѣ 60 т. Французской арміи, составившейся тогда у Наполеона отъ присоединенія къ нему войскъ маршаловъ Сень-Сира и Виктора,

преслѣдуемыхъ графомъ Витгенштейномъ, не могло бы обойтись безъ очень значительныхъ и излишнихъ потерь и съ нашей стороны, въ особенности при весьма невыгодной низменной болотистой и лѣсомъ покрытой мѣстности праваго берега Березины, какъ это отчасти и пришлось испытать 16-го числа, по возвращеніи Чичагова отъ Бабиновичей. Однако, не смотря на позднее прибытіе Чичагова къ этому мѣсту, не всё же Французы успѣли перейти Березину; немалая часть ихъ погибла въ бою того дня на обѣихъ сторонахъ рѣки и въ самой рѣкѣ, когда артилерія гр. Витгенштейна съ лѣвого уже, возвышеннаго берега рѣки, стала громить по мостамъ и по бѣгущимъ черезъ нихъ Французамъ. Сверхъ того, болѣе 20 т. осталось у насъ при этомъ въ плѣну съ орудіями и громаднѣйшимъ обозомъ, какъ это видно изъ показаній всѣхъ писавшихъ о той войнѣ. Таже часть Французской арміи, которая успѣла перебраться черезъ рѣку, тоже за исключеніемъ самаго Наполеона, нѣсколькихъ генераловъ и частички полузамерзшихъ солдатъ, не избѣгла совершенной гибели при бѣгствѣ своемъ по направленію къ Вильнѣ. Кто изъ насъ, тогдашнихъ свидѣтелей, не помнитъ живо той неимовѣрной и ужасавшей насъ картины, какая представлялась глазамъ нашимъ по всей большой дорогѣ отъ Березины къ Вильнѣ. При наступившихъ сильныхъ морозахъ, Французы, не имѣвшіе не только теплой, но и лѣтней порядочной одежды, гибли тысячами ежедневно. Вся эта дорога была, можно сказать, устлана замерзшими трупами, лежавшими въ тѣхъ разнообразныхъ положеніяхъ, въ какихъ застигала ихъ смерть при послѣднихъ минутахъ жизни, той страдальческой жизни, которая поддерживалась подъ конецъ ѣдою лишь мяса павшихъ лошадей и, страшно сказать, мясомъ замерзшихъ товарищей. При каждомъ малѣйшемъ пригоркѣ по дорогѣ стояло нѣсколько брошенныхъ пушекъ, и около нихъ кучки людскихъ труповъ при такой же кучкѣ полуобѣдненныхъ лошадей. Это я пишу какъ очевидецъ. Но для большаго убѣжденія въ томъ истинно-бѣдственномъ и безвыходномъ положеніи, въ какомъ находились тогда Французы, стоитъ обратиться къ любому описанію даже иностранцевъ, даже самихъ Французовъ объ этомъ пагубномъ для нихъ выпровожденіи изъ Россіи, которое однако Русскому сочинителю угодно назвать побѣдою Французовъ.

Въ самой Вильнѣ было захвачено отъ 15 до 20 т. человекъ Французовъ уже смердѣвшихъ отъ пораженныхъ гниlostью внутренностей. Мнѣ пришлось два раза стоять со взводомъ въ караулѣ у какого-то опустѣвшаго монастыря, внутренній дворъ котораго былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ двухъ и трехъ-этажными строеніями. Онѣ были назначены для помѣщенія плѣнныхъ и были ими переполнены.

Не могу и теперь безъ омерзения припомнить себѣ, въ какомъ отвратительно-грязномъ и болѣзненно-предсмертномъ положеніи я ихъ видѣлъ тогда, лежавшихъ или сидѣвшихъ на полу, въ перемѣжку съ умершими уже товарищами. Даже для получения своей доли изъ сухарей, присланныхъ для утоленія ихъ голода, большая часть изъ нихъ не могла подняться вслѣдствіе чего разноскою изъ сухарей должны были заняться караульные. Отупѣлыя, исхудалыя лица плѣнныхъ, помутившіеся впалые глаза ихъ, а у многихъ, кромѣ ранъ и язвъ, еще отмороженные члены, у кого рука, у кого нога, указывали прямо на то, что всею имъ оставалось уже недолго жить или лучше сказать—страдать. По всей вѣроятности ни одному изъ нихъ не посчастливилось узрѣть вновь свою *belle France*.

Наконецъ, болѣе пяти тысячъ Французовъ было взято казаками изъ послѣднихъ, старавшихся еще добрести отъ Вильны до Ковны. Неопровержимымъ же свидѣтельствомъ рѣшительному тогда уничтоженію Французской арміи можетъ еще служить донесеніе Бертье изъ Ковны ускакавшему уже Наполеону; заканчивалось слѣдующими словами: „нельзя удерживаться въ Ковнѣ, потому что арміи болѣе не существуетъ“.

Вся же артиллерія бывшей великой арміи, болѣе 900 орудій, осталась въ Россіи.

И вотъ такое-то рѣшительное, по истинѣ достойное удивленія пораженіе полумилліонной арміи, вторгнувшейся въ Россію подъ предводительствомъ военнаго гения, не бывшаго до того времени никѣмъ побѣжденнымъ, стремятся теперь выказать подвигомъ неудовлетворительнымъ. Для какихъ цѣлей понадобилась эта инсинуація?

Стр. 66. „Въ третьихъ, не возможно это было потому, что военное слово отрѣзать не имѣетъ никакого смысла. Отрѣзать можно кусокъ хлѣба, но не армію. Отрѣзать армію, перегородить ей дорогу, никакъ нельзя, ибо мѣста кругомъ всегда много, гдѣ можно обойти и есть ночь, во время которой ничего не видно, въ чемъ могли бы убѣдиться военные ученые хоть изъ примѣровъ Краснаго и Березины“.

Съ такимъ новаго рода толкованіемъ о военномъ словѣ отрѣзать едвали могутъ согласиться люди, принимавшіе участіе въ какойнибудь войнѣ. Напротивъ, изъ высказаннаго авторомъ и должно придти къ тому убѣжденію, что какъ арміямъ, такъ и частямъ ея, очень можно перегородивать дорогу и отрѣзывать ихъ одну отъ другой. Русскими полководцами, и именно подъ Краснымъ и на Березинѣ, это и доказано было на самомъ дѣлѣ.

А какъ бы назвалъ авторъ, напримѣръ, положеніе Базена въ послѣднюю войну 1870 года послѣ сраженій Марсъ-Лагурскаго и Гравелотскаго? Неужели онъ не былъ отрѣзанъ съ 150 т. арміею отъ другой численностью въ 100 т., которая тоже не была допущена къ соединенію съ Мецкою арміею и по кровопролитномъ сраженіи у Седана, припертая къ Бельгійской границѣ, вынуждена была сдаться Нѣмцамъ? Потомъ, какимъ словомъ назвать какъ не отрѣзкою отъ всѣхъ сообщений Парижскую армію, когда Парижъ былъ обложенъ желѣзнымъ кольцомъ Нѣмцевъ; и не вслѣдствіе-ли того Парижъ и армія должны были такъ же сдаться при весьма горькихъ условіяхъ для Франціи, а передъ тѣмъ и 150 т. Мецкая армія съ Мецкою крѣпостью вслѣдствіе такой-же отрѣзки? И всѣ такія громадныя сдачи войскъ совершались не смотря на то, что у каждой изъ этихъ армій было, какъ говоритъ авторъ, и „мѣста кругомъ много, гдѣ можно обойти и есть ночь, во время которой ничего не видно“. Не ясно-ли однако, что не только малые отряды, но даже и большія арміи могутъ, вопреки аргументаціи автора, быть отрѣзаны и дѣйствительно отрѣзывались.

Стр. 66. „Взять же въ плѣнъ никакъ нельзя безъ того, чтобы тотъ, кого берутъ въ плѣнъ, на это не согласился, какъ нельзя поймать ласточку, хотя и можно взять ее, когда она сядетъ на руку“.

Несмотря на остроумно придуманный, примѣръ этотъ далеко невѣренъ. Забирая въ плѣнъ во время боя или схватки какой, не спрашиваютъ (да и нѣкогда церемониться спрашивая) согласія у каждаго. Массами-же, науримѣръ, цѣлыми арміями или крѣпостями, хотя и сдаются иногда по согласію главныхъ начальниковъ, но все же, какъ извѣстно изъ многихъ примѣровъ, по согласію вынужденному, въ особенности когда главными побудительными къ тому причинами служатъ отрѣзка и голодъ.

Взять въ плѣнъ можно того, кто сдается какъ Нѣмцы по правиламъ стратегіи и тактики. Но Французскія войска совершенно справедливо не находили этого удобнымъ, такъ какъ одинаковая голодная и холодная смерть ожидала ихъ на бѣгствѣ и въ плѣну.

Ироническій намекъ на стратегію и тактику Нѣмцевъ подвернулся тутъ очень не кстати и вклеенъ непредусмотрительно. Должно думать, что если-бы автору пришлось издавать это сочиненіе не прежде, а послѣ 1870 года, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ поостерегся-бы отнестись столь оригинально и презрительно къ самимъ Нѣмцамъ съ ихъ правилами стратегіи и тактики. Нѣмцы въ 1870-мъ году доказали

на дѣлѣ, къ чему правила эти могутъ быть пригодны, и что не они, Нѣмцы, по правиламъ этихъ наукъ сдавались сотнями тысячъ солдатъ, а напротивъ, такими громадными массами вынуждены были сдаваться Французы, хотя они тогда могли находить еще болѣе „справедливымъ и болѣе удобнымъ не сдаваться“, чѣмъ это могло быть для нихъ въ 1812-мъ году при бѣгствѣ ихъ изъ Россіи, какъ пишетъ авторъ. А при завершеііи кампаніи 1812 года всѣхъ плѣнныхъ изъ Французской арміи, вошедшей въ Россію, осталось въ ней до 200 т. человекъ.

Стр. 67. „Объ этомъ-то періодѣ кампаніи намъ рассказываютъ историки, какъ Милорадовичъ долженъ былъ сдѣлать фланговый маршъ туда-то, а Тормасовъ туда-то, и какъ Чичаговъ долженъ былъ передвинуться туда-то (передвинуться выше колѣна въ снѣгу) и какъ тотъ опрокинулъ и отрѣзалъ и т. д. и т. д.“

Не странно-ли упрекать историковъ въ томъ, что они описывали событія того времени безпристрастно и по возможности вѣрно, руководствуясь лишь тѣмъ, чему сами были очевидцами или тѣми свѣдѣніями, какія могли почерпнуть изъ наиболѣе вѣрныхъ бумагъ и актовъ, исключая изъ нихъ разумѣется все то, что не соотвѣтствовало истинѣ. Если-же, напротивъ, писатель, поддавшись какому-либо враждебному чувству къ описываемому имъ времени, станетъ съ агитационною какою цѣлью или съ простымъ желаніемъ обойти правду, изукрашать свои рассказы плодами собственной фантазіи, то съ пера его сольется уже не исторія, а сказка, фабула, какъ это и доказывается самимъ сочиненіемъ „Война и Миръ“.

Стр. 67. „Русскіе, умиравшіе на половину, сдѣлали все, что можно „сдѣлать для достиженія достойной награды цѣли“.

Послѣ такой неожиданной похвалы Русскимъ того времени, авторъ тутъ-же спѣшитъ прибавить, что они:

„И не виноваты въ томъ, что другіе Русскіе люди, сидѣвшіе въ теплыхъ комнатахъ, предполагали сдѣлать то, что было невозможно“.

На какихъ это другихъ Русскихъ людей, сидѣвшихъ тогда въ теплыхъ комнатахъ, намекаетъ авторъ? И что такое предполагалось ими сдѣлать что было бы невозможно? Невозможнаго ничего не предполагалось. А предполагалось выполнить, правда, дѣло очень и очень трудное, но благодаря неутомимому рвенію Русскихъ генераловъ и тому духу, какимъ одушевлено было наше войско, дѣло это оказалось не только возможнымъ, но рѣшительнымъ уничтоженіемъ врага

и совершившимся фактомъ. Правда, что и у насъ тогда, неустанно гнавшихъ Французовъ, вслѣдствіе неразлучнаго въ такихъ случаяхъ недостатка въ продовольствіи, суроваго времени года и очень усиленныхъ переходовъ, тоже было немало пострадавшихъ и много людей заболѣвало, отставало и гибло; но какія-же побѣды, въ особенности столь значительныя, одерживаются безъ большихъ жертвъ? За всѣмъ тѣмъ однако, какъ видно изъ рапорта Государю по прибытіи его въ Вильну 11-го Декабря, помѣщеннаго въ описаніи Отечественной войны Михайловскимъ Данилевскимъ (4-й), Русскаго войска числилось еще подъ ружьемъ, пѣхоты, кавалеріи и артилерій до 86 т. человѣкъ; но въ рапортъ тотъ разные корпуса и отряды, въ томъ числѣ авангардъ Милорадовича, состоявшій изъ двухъ корпусовъ пѣхоты и двухъ кавалерійскихъ, не могли войти потому, что за отдаленностью не было получено свѣдѣній къ тому дню.

Стр. 67. Все это странное непонятное теперь противорѣчіе факта съ описаніемъ исторіи происходитъ только отъ того, что историки, писавшіе объ этомъ событіи, писали исторію прекрасныхъ чувствъ и словъ разныхъ генераловъ, а не исторію событій.

Въ чемъ же состоитъ это придуманное здѣсь противорѣчіе? Въ невѣрномъ или пристрастномъ, по мнѣнію автора, описаніи историками Отечественной войны? Но событія того времени описывали не одни Русскіе, а многіе изъ иностранныхъ писателей, въ томъ числѣ и сами Французы, которые хотя и не могли вѣроятно имѣть малѣйшаго понятія о „прекрасныхъ чувствахъ и словахъ“ Русскихъ генераловъ, однако за одно съ Русскими писателями, единогласно, свидѣтельствовали о совершившемся фактѣ рѣшительной гибели полумилліонной арміи Наполеона, вторгнувшей въ Россію. Въ чемъ же, повторимъ, нашель авторъ противорѣчіе? Не прикажетъ ли онъ историкамъ слѣдовать его методѣ повѣствованія о важныхъ событіяхъ въ своемъ отечествѣ, то есть при возможныхъ придирахъ, все и вся топтать въ грязь, а читателямъ не посовѣтуеть-ли онъ вѣрить болѣе его сказкамъ о 1812-мъ годѣ, чѣмъ настоящей исторіи, основанной на сказаніяхъ современниковъ и на неопровержимыхъ документахъ?

Стр. 68. „Цѣль народа была одна: очистить свою землю отъ нашествія. Цѣль эта достигалась во первыхъ сама собою, такъ какъ Французы бѣжали, и потому слѣдовало только не останавливать это движеніе.

Но Французы бѣжали потому, что Русскіе, сумѣвшіе продержатъ ихъ въ Москвѣ и около Москвы, до того времени, какъ это было нужно, начали сами наступательное движеніе и, сдвинувъ съ мѣста

заставили ихъ бѣжать. Когда-же Французы побѣжали, то не только „слѣдовало не останавливать это движеніе“, но напротивъ слѣдовало ихъ гнать и гнать неустанно, какъ это и было исполнено. Иначе Французы, не тревожимые и не преслѣдуемые Русскими со всею энергіею, могли-бы уходить не торопясь, да пожалуй остались бы еще и зимовать въ Россіи, выбравъ себѣ для этого одну изъ губерній, которая показалась-бы имъ болѣе для того удобною.

Во всѣхъ послѣднихъ выпискахъ явное противорѣчіе самого автора всему тому, чтò говорилось имъ же самимъ нѣсколько страницъ назадъ. Тамъ онъ укорялъ, даже каралъ Русскихъ своимъ неистовымъ негодованіемъ за то, что будто-бы преслѣдованіе было неудовлетворительно, а здѣсь укоряетъ въ томъ, что они напрасно очень сильно напирали на Французовъ, забывая при этомъ упрекъ, что побѣдитель на войнѣ обязанъ всѣми силами пользоваться пріобрѣтенными успѣхами надъ противникомъ, въ видахъ достиженія самыхъ блестящихъ по возможности результатовъ.

Стр. 68. „Русская армія должна была дѣйствовать какъ кнутъ на бѣгущее животное. И опытный погонщикъ зналъ, что самое выгодное держать кнутъ поднятымъ, угрожая имъ, а не по головѣ стегать бѣгущее животное“.

Какая художественная картина рисуется здѣсь?

Однако авторъ рѣшился наконецъ (хотя какъ видно и не очень охотно) сказать нѣсколько благоволительныхъ словъ на счетъ главнокомандующаго Русскими арміями.

Стр. 80. „Вся дѣятельность Кутузова, какъ это было подъ Тарутинымъ и подъ Вязьмой, была направлена только къ тому, чтобы—насколько это было въ его власти—не останавливать этого гибельнаго для Французовъ движенія, а содѣйствовать ему и облегчить движеніе своихъ войскъ.“

Стр. 81. Кутузовъ зналъ не умомъ или наукой, а всѣмъ Русскимъ существомъ своимъ, зналъ и чувствовалъ то, чтò чувствовалъ каждый Русскій солдатъ, что Французы побѣждены, что враги бѣгутъ, и надо выпроводить ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, за одно съ солдатами, всю тяжесть этого неслыханнаго побыстротѣ и времени года похода.

Наконецъ, авторъ сознаетъ, что Французы побѣждены были Русскими, но сказано это какъ-будто мимоходомъ.

Продолжая-же разсказъ, онъ не упускаетъ случая потрунить надъ Милорадовичемъ. надъ этимъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ странностей, но по истинѣ боевымъ рыцаремъ и однимъ изъ болѣе видныхъ дѣятелей Отечественной войны.

Стр. 82. „Милорадовичъ, который говорилъ, что онъ знать ничего не хочетъ о хозяйственныхъ дѣлахъ отряда, котораго никогда нельзя было найти, когда его было нужно, *chevalier saus peur et sans reproche*, какъ онъ самъ себя называлъ, и охотникъ до разговоровъ съ Французами, посылалъ парламентаровъ, требуя сдачи, терялъ время и дѣлалъ не то, чтò ему приказывали“.

Вотъ довольно оригинальная, но очень невѣрная, оцѣнка сподвижнику Суворова, а въ 12-мъ году главному начальнику, сперва арьергарда, а потомъ авангарда Русской арміи, гдѣ онъ и находился почти ежедневно въ непрерывномъ огнѣ подъ ядрами и градомъ пуль, и тутъ-то именно всегда и можно было его найти, вопреки показанію автора. Но ядры и пули какъ-то щадили его; онъ убивали лишь лошадей подъ нимъ и прострѣливали только его одежду. Лишиться-же жизни ему суждено было уже не на ратномъ какомъ полѣ, а 14-го Декабря 1825 года на Петровской площади столицы ввѣренной его генераль-губернаторству, и отъ пули не виѣшняго какого врага, а отъ посланной рукою одного изъ враговъ внутренняго спокойствія Россіи.

Не странно-ли однако, начальника авангарда, находящагося въ непрерывномъ столкновеніи съ арьергардомъ непріятеля, насмѣшливо упрекать въ томъ, что онъ посылалъ иногда парламентаровъ и требовалъ у разстроеннаго непріятеля сдачи. А еще смѣшнѣе обвинять Милорадовича въ томъ, что онъ будто бы терялъ время, тогда какъ, напротивъ, дѣятельность его во время войны была неутомимая, какъ это всѣмъ намъ было извѣстно. Относительно-же быстроты передвиженія ввѣрившихся ему войскъ, которыя дѣлали иногда отъ 50 до 55 верстъ въ сутки (какъ это на примѣръ было исполнено отъ Воронова къ Малоярославу) можно только удивляться. Нѣтъ: ни глумленіе автора, ни иронія его, не въ состояніи помрачить память графа Милорадовича. Еще недавно, по случаю истекшаго столѣтія отъ дня его рожденія, на панихидѣ въ Невской Лаврѣ, память его была почтена присутствіемъ Государя Императора съ сыновьями. Уже одно это ясно указываетъ на то, что графъ Милорадовичъ, при пораженіи въ Россіи Французскихъ войскъ, былъ однимъ изъ тѣхъ главныхъ дѣятелей, которые способствовали къ тому. Онъ былъ душою своихъ солдатъ, и армія наша всегда имъ гордилась. А по этому не мѣшало-бы вмѣсто всѣхъ этихъ діатрибъ отнестись къ личности гр. Милорадовича съ

нѣкоторою сдержанностью, требующею уважать по достоинству ближнихъ, чтобы не лишиться уваженія къ самому себѣ. Правда, у Милорадовича были своего рода странности, но кто болѣе или менѣе ихъ не имѣеть? И Суворовъ, нашъ родной Русскій военный геній, тоже не былъ чуждъ даже и очень рѣзкихъ странностей, а все-же былъ мужъ великихъ дѣлъ.

Въ слѣдующей выпискѣ, авторъ тоже довольно не къ стати подсмѣиваетъ и надъ Русскою кавалеріею.

Стр. 83. „Дарю вамъ, ребята, эту колонну, говорилъ онъ (Милорадовичъ), подѣзжая къ войскамъ и указывая кавалеристамъ на Французовъ. И кавалеристы на еле двигающихся лошадяхъ, подгоняя ихъ шпорами и саблями, рысцей, послѣ сильныхъ напряженій, подѣзжали къ подаренной колоннѣ, т. е. къ толпѣ обмороженныхъ, заоченѣвшихъ и голодныхъ Французовъ, и подаренная колонна сдавалась“.

Автору, вѣрному самому себѣ въ предвзятомъ направленіи и въ тонѣ разсказа, понадобилось, какъ видно и здѣсь для потѣхи иныхъ читателей, изобразить Русскихъ кавалеристовъ тѣхъ дней какими-то достойными смѣха рыцарями печальнаго образа. И вотъ онъ, какъ истый художникъ, самодовольно пишетъ картину, по которой читатель могъ-бы живо представить себѣ, какъ Русскіе Донкишоты того времени, вмѣсто вѣтренныхъ мельницъ, нападаютъ на заоченѣвшихъ Французовъ. Читатели, готовые посмѣяться надъ чѣмъ бы то ни было, а тѣмъ скорѣе вмѣстѣ съ авторомъ надъ своими же Русскими, быть можетъ, и довольны такими выходками; но хорошее-ли дѣло писать не совсѣмъ вѣрныя картины съ карикатурнымъ пошибомъ и тѣмъ болѣе невѣрныя, потому что въ сущности гр. Милорадовичъ сдѣлалъ однажды такой оригинальный подарокъ подъ Краснымъ не кавалерійскому, а пѣхотному полку, и именно Павловскому. Хорошо-ли, для удовлетворенія своего негодованія, издѣваться надъ одною частью тѣхъ побѣдоносныхъ войскъ, которыя въ эти дни погрома взяли у непріятели до 26 т. въ плѣнъ, въ томъ числѣ шесть генераловъ и отбили 116 орудій, не говоря уже о громадномъ числѣ убитыхъ; но авторъ объ этомъ столь значительномъ событіи, ради уменьшенія его значенія, иронически пишетъ такъ:

Стр. 83. Подъ Краснымъ взяли 26 т. плѣнныхъ, сотни пушекъ, какую-то палку, которую называли маршальскимъ жезломъ и спорили о томъ, кто тамъ отличился, и были этимъ довольны, но очень сожалѣли о томъ, что не взяли Наполеона, или хоть какаго нибудь героя-

маршала и упрекали въ этомъ другъ друга и въ особенности Кутузова.

Люди эти, увлекаемые своими страстями, были слѣпыми исполнителями, только самаго печальнаго закона необходимости.

Не увлекается-ли скорѣе здѣсь самъ авторъ своими собственными страстями, при особомъ усилии, убѣдить въ томъ, что Русскіе дѣятели и вожди 12-го года сами по себѣ будто-бы ничего хорошаго не сдѣлали и что имъ за ихъ напряженныя усилія и труды не слѣдуетъ приписывать мнимо заслуженной славы, потому что они при этомъ „были слѣпыми исполнителями только самаго печальнаго закона необходимости“. И если столь знаменательная эпоха закончилась торжествомъ для Россіи, такъ это лишь потому, что такъ должно было случиться, по Русской видно поговоркѣ: „чему быть, того не миновать“.

„Но они считали себя героями и воображали, что то, что они дѣлали, было самое достойное и благородное дѣло“.

Изъ прямого смысла этихъ строкъ выходитъ, что тогдашніе Русскіе вожди ужъ черезъ чуръ наивно воображали, что дѣйствовали будто-бы самымъ достойнымъ и благороднымъ образомъ, стремясь со всевозможными усиліями къ уничтоженію врага, для спасенія отечества. Но неужели могло быть дѣломъ болѣе достойнымъ и благороднымъ, еслибы вожди наши отказались дѣлать то, что они дѣлали? Неужели придумывать въ романѣ оскорбленія труженикамъ той войны, глумиться надъ ними, и направлять пониманіе читателей въ дурную сторону относительно тяжелой для отечества эпохи, какъ вы дѣлаете. есть, по вашему мнѣнію, дѣло, болѣе достойное и болѣе благородное? Вотъ до чего можетъ доходить ученіе отрицанія!

„Они обвиняли Кутузова и говорили, что онъ съ самаго начала кампаніи мѣшалъ имъ побѣдить Наполеона“.

Значить, Наполеонъ не былъ побѣжденъ!

Что онъ подѣ Краснымъ остановилъ движеніе потому что, узнавъ о присутствіи Наполеона, онъ совершенно потерялся, что можно предполагать, что онъ находится въ заговорѣ съ Наполеономъ, что онъ подкупленъ имъ, и т. д., и т. д.

Остановки движенія подѣ Краснымъ не было никакой. Это доказывается фактами и числами четырехъ-дневнаго по частямъ пораженія Французовъ. Да и весь прочій вздоръ относительно Кутузова почер-

пнуть изъ записокъ Вильсона. Но мало-ли что могъ писать Вильсонъ изъ зависти или по недоброжелательству къ Русскимъ? Для чего-же автору-то повторять это коварное пустословіе, какъ бы въ подтвержденіе собственно своего мнѣнія; а доказывается это тѣмъ, что на всю эту чушь онъ не только не сдѣлалъ какого-либо замѣчанія или опроверженія, но еще продолжаетъ такъ:

„Мало того, что современники, увлекаемые страстями, говорили такъ, потомство и исторія признали Наполеона grand, а Кутузова—иностранцы—хитрымъ, развратнымъ, слабымъ придворнымъ старикомъ; Русскіе—чѣмъ-то неопредѣленнымъ, какой-то куклою, полезною только по своему Русскому имени...“

Неестное сужденіе иностранцевъ о Кутузовѣ и то, что Русскіе будто-бы признали его какою то куклою, высказаны здѣсь, какъ видно, для возбужденія еще болѣе дурнаго о немъ мнѣнія, а нѣсколько точекъ за словами „Русскаго имени“ поставлены вѣроятно для того, чтобы читатели ломали головы при усиліяхъ разгадать этотъ своего рода ребусъ, т. е. проникнуть въ то, что, при мрачномъ своемъ взглядѣ на людей эпохи, авторъ хотѣлъ прибавить. Но, послѣ черезчуръ уже дерзкаго опредѣленія личности Кутузова, какое высказано выше, трудно, кажется, придумать еще что нибудь въ не пользу его. Пусть однако иностранцы, въ особенности Французы, не будутъ признавать Кутузовъ, какъ Наполеона, grand; но для Русскихъ, для Русской исторіи, Кутузовъ навсегда остался мужемъ великимъ, который не смотря на нѣкоторыя, быть можетъ, недостатки, болѣе или менѣе свойственные всѣмъ смертнымъ, все же, своими способностями, характеромъ и умомъ, неоспоримо послужилъ къ спасенію отечества. А такого рода дѣло, (какъ кто хитросплетенно ни толкуй, какъ кто ни усиливайся унижать того, кто исполнилъ это великое дѣло) всегда, въ глазахъ людей безпристрастныхъ будетъ неизмѣримо выше того дѣла Наполеона grand, которое сгубило Францію.

Стр. 84. „Въ 12 и 13 годахъ Кутузова прямо обвиняли за ошибки. Государь былъ недоволенъ имъ.“

Ошибка Чичагова на Березинѣ не могла быть поводомъ къ неудовольствію Государя на Кутузова. Она могла очень легко произойти вслѣдствіе излишней осторожности или предусмотрительности какъ самаго главнокомандующаго, такъ и Чичагова, относительно того предположенія, что Наполеонъ, дошедши до Березины, могъ внезапно броситься къ Югу или, поворотивъ на Сѣверъ, обрушиться всѣми оставшимися у него силами на гр. Витгенштейна. Помимо-же этой ошибки, трудно предположить, чтобы Государь былъ недоволенъ столь велики-

ми успѣхами вообще, такого неимовѣрнаго преслѣдованія исполненнаго Русскими войсками свыше человѣческихъ силъ.

Значительныя награды, какими былъ удостоенъ и самъ Кутузовъ, а по представленію его и всѣ другіе генералы, достаточно указываютъ на то, что Государь скорѣе былъ очень доволенъ, чѣмъ недоволенъ такимъ безпримѣрнымъ закончаніемъ войны 12-го года. Въ теченіе же первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1813-го года, Кутузовъ былъ только исполнителемъ распоряженій и приказаній Государя, находившагося лично при войскахъ перешедшихъ границу и дошедшихъ до Дрездена и Берлина въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Понятно, что историкамъ по профессіи, обладающимъ всевозможными бумагами, документами и переписками относящимися къ тому времени, можно лучше знать и судить о степени неудовольствія Государя на Кутузова въ то время; но и я съ своей стороны дозволю себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, что мнѣ тогда въ чинѣ лишь поручика довелось видѣть и что у меня осталось въ памяти по этому предмету. Знаю, что мелкое показаніе мое не можетъ послужить какимъ-либо серьезнымъ опроверженіемъ, но такъ какъ относительно какого періода историческаго времени, въ особенности такого, какимъ былъ 12-й годъ, люди дорожащіе правдою не пренебрегаютъ иногда и маловажными случаями или показаніями, то думаю не лишнимъ будетъ заявить здѣсь и свое.

Государь Александръ Павловичъ, какъ извѣстно, прибылъ къ арміи въ Вильну 10-го Декабря, а 12-го числа, т. е. въ день рожденія его*), князь Кутузовъ давалъ балъ. Но какъ балъ безъ танцоровъ не мыслимъ, по малому-же числу тогда въ Вильнѣ молодыхъ людей, довольно трудно было ихъ набербовать для этой своего рода службы въ тѣ дни, то въ числѣ немногихъ офицеровъ нашего полка, сохранившихъ, несмотря на долгую бивуачную жизнь еще нѣкоторую свѣжесть шитья на воротникахъ запасныхъ своихъ мундировъ, случалось и мнѣ быть на этомъ балу. И здѣсь-то, съ самаго пріѣзда Государя на балъ, въ продолженіи всего вечера, я очень близко и хорошо видѣлъ его особенное благоволеніе къ князю Кутузову. Неужели это было только по наружности? Нѣтъ, нельзя было не замѣтить того непритворнаго внутренняго удовольствія, которымъ озарялись тогда прекрасныя черты Государя въ противоположность грустнаго настроенія, какое выражалось на челѣ его въ Іюнѣ при отступленіи отъ Свенціанъ, чего намъ (офицерамъ Преображенскаго полка выдавшимъ его на переходахъ почти ежедневно) нельзя было не замѣчать.

*) На стр. 180 т. V-ый „Войны и Мира“, день рожденія Государя ошибочно показанъ 30-го Августа.

Балъ по тогдашнему исключительному времени и положенію города Вильны, не могъ разумѣться быть многолюденъ. Мущины все болѣе изъ военныхъ генераловъ, но, въ весьма маломъ числѣ, потому что другіе, почти все находились при тѣхъ войскахъ, которыя успѣли уже перейти или переходили тогда Прусскія и Польскія границы.— Потомъ, нѣсколько флигель-адъютантовъ да нашей братіи офицеровъ десятка два. Словомъ балъ этотъ походилъ болѣе на частный танцевальный вечеръ. Дамы же всё польки не успѣвшія еще отрѣшиться отъ тѣхъ несбывшихся надеждъ, какими волновались онѣ не болѣе двухъ-трехъ недѣль назадъ, да и число ихъ, едвали превышало двадцать или тридцать. Надо было видѣть ихъ смущеніе и даже трепеть, при входѣ Государя въ балную залу и лица ихъ нѣсколько разцвѣли лишь тогда, какъ Государю угодно было начать разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Помѣщеніе для бала, было тоже не обширное. Оно состояло только изъ небольшого зала, въ которомъ танцовали, изъ гостинной средней величины и за нею еще небольшой комнаты. Музыканты стояли въ проходной между переднею и заломъ, а налѣво изъ зала комната, дверь, въ которую была притворена. Но раза два или три въ продолженіи вечера отворялась для входа въ ту комнату Государя съ княземъ Кутузовымъ. И каждый разъ, пробывъ тамъ нѣкоторое время, Государь выходилъ изъ нея съ тою обворожительною улыбкою, когда бывалъ доволенъ и веселъ.

Впослѣдствіи мнѣ еще разъ случилось видѣть, какъ благосклонно и очень милостиво обращался Государь съ княземъ Кутузовымъ. По вступленіи нашихъ войскъ въ Силезію, однажды въ половинѣ Марта, главная квартира назначена была (помнится) въ Трахенбергъ, вблизи котораго находилась очень хорошая мыза, отведенная для Государя. На другой день была дневка, и мнѣ со взводомъ одной роты полка привелось быть въ караулѣ у квартиры Государя. Домъ переднимъ фасадомъ выходилъ въ садъ, а заднимъ на дворъ, гдѣ люди караула у самага дома и поставили ружья въ козлы. Часу въ шестомъ пополудни Государь вышелъ изъ дому въ сюртукъ, въ фуражкѣ и даже, сколько помнится, безъ шпаги, и мимо стоявшаго въ ружьѣ караула прошелъ черезъ весь дворъ въ другой садъ. Черезъ полчаса, къ воротамъ двора подъѣхала коляска, изъ которой вышелъ кн. Кутузовъ въ сопровожденіи одного адъютанта. Подойдя къ караулу, вновь ставшему въ ружье и поздороваясь съ людьми, онъ спросилъ у меня, куда пройти къ Государю. Когда-же узналъ, что Государь въ саду, на который я обратилъ его вниманіе, то, сказалъ: ну я здѣсь подожду, сѣлъ на скамейку стоявшую у крыльца и, подозвавъ вдалекѣ стоявшую дѣвочку лѣтъ тринадцати

началъ шутить съ нею. Вскорѣ показался выходящій изъ сада Государь. Онъ шелъ довольно тихо, но лишь только замѣтилъ встававшаго и пошедшаго къ нему навстрѣчу Кутузова, то въ ту же минуту ускорилъ шагъ. Когда-же сошелся съ нимъ, то совершенно по дружески и съ улыбкою взялъ его обѣ руки въ свои. Кутузовъ тутъ-же началъ докладывать о какомъ-то новомъ только что полученномъ извѣстїи относительно успѣха нашихъ передовыхъ войскъ; и Государь, съ видимымъ удовольствїемъ взявъ снова обѣ руки Кутузова, сказалъ: „всякій день новыя прїятныя извѣстїя“, а какъ это было произнесено довольно близко отъ стоявшаго въ ружьѣ караула, то я и могъ слышать эти слова очень явственно. Вслѣдъ за тѣмъ, Государь обратился къ караулу, довольно громко произнесъ: „поздравляю ребята съ новымъ успѣхомъ нашихъ войскъ“, и разумѣется въ отвѣтъ на эти слова раздалось обычное: ради стараться, ваше императорское величество*). Потомъ Государь вошелъ съ Кутузовымъ въ домъ, изъ котораго послѣдній вышелъ не прежде какъ часа черезъ два, тогда какъ уже передъ пробитїемъ вечерней зари игралъ хоръ музыки Преображенскаго полка.

Когда же кн. Кутузовъ по болѣзни вынужденъ былъ остаться въ Бунцау и тамъ скончался, то изъ опасенїя, чтобы вѣсть о смерти столь любимаго и уважаемаго въ арміи главнаго ея вождя не повліяла вредно на духъ войскъ, нашли нужнымъ нѣкоторое время скрывать это отъ солдатъ, тѣмъ болѣе, что приближались къ новой встрѣчѣ съ непрїателемъ, какъ это и не замедлило произойти подъ Люценомъ. Не служить-ли и эта предосторожность подтвержденїемъ тому, что Государь, а съ нимъ не только вся Русская армія, но и новыя наши въ то время союзники, Прусакіи, видѣли въ старомъ фельдмаршалѣ, свѣтлѣйшемъ князѣ Кутузовѣ-Смоленскомъ, лицо самое достойное и необходимое для продолженїя войны, а не куклу какую, полезную только по своему Русскому имени.....

Стр. 108. „На другой день были у фельдмаршала обѣдъ и балъ, которые Государь удостоилъ своимъ присутствїемъ. Кутузову пожалованъ Георгій 1-й степени; Государь оказывалъ ему высочайшія почести; но неудовольствїе Государя противъ фельдмаршала было извѣстно каждому. Соблюдалось приличїе, и Государь показывалъ первый примѣръ этого; но всѣ знали, что старикъ виноватъ и никуда не годится. Когда на балѣ Кутузовъ, по старой Екатериненской привычкѣ, при входѣ Государя въ бальную залу, велѣлъ къ ногамъ его повергнуться

*) Это извѣстїе, какъ узнали на другой день, относилось къ занятію Магдебурга.

взятая знамена, Государь неприятно поморщился и проговорилъ слова, въ которыхъ нѣкоторые слышали: „Старый комедіантъ“.

Мнѣ привелось быть на этомъ балу, и какъ былъ я въ числѣ младшихъ по чину, то передъ прибытіемъ Государя стоялъ, разумѣется, ближе другихъ къ растворенной двери изъ проходной въ балльный залъ. А потому, припоминая себѣ то веселое лицо, съ которымъ Государь входилъ въ залъ, имѣя подлѣ себя шагомъ позади только что встрѣтившаго его кн. Кутузова, могу утвердительно сказать, что Государь не морщился тогда неприятно, и что никто не могъ слышать будто-бы произнесенныхъ Государемъ словъ „Старый комедіантъ“, потому что этого не было произнесено; какъ не было и того будто-бы у всѣхъ убѣжденія „что старикъ виноватъ и никуда не годится“.

Но такой конецъ приплетеннаго къ роману повѣствованія о 12-мъ годѣ можетъ казаться удовлетворительнымъ лишь читателямъ, смотрящимъ на сочиненіе съ литературной стороны; для тѣхъ же, которые, при чтеніи его, не могли не обратить серьезнаго вниманія и на историческую его часть, такой конецъ долженъ казаться видимо придуманнымъ для того, чтобы еще болѣе сбить съ толку мало или вовсе незнакомыхъ съ исторіею эпохи; а для ббльшаго еще отуманенія, въ эпилогъ введенъ рядъ глубокомысленныхъ размышленій въ подрывъ исторической достовѣрности. Но исторія, говорятъ, есть вещь священная, и на всякое искаженіе ея должно смотрѣть какъ на святотатство.

Стр. 162. „Парижъ. Крайняя цѣль достигнута. Наполеоновское правительство и войска разрушены. Самъ Наполеонъ не имѣетъ больше смысла“.

Изъ этихъ трехъ строчекъ читателю невозможно вывести какое бы то ни было заключеніе относительно мира послѣдовавшаго въ 1814 г., тѣмъ болѣе, что при этомъ не пояснено даже, когда и кѣмъ Парижъ былъ занятъ, и при какихъ обстоятельствахъ эта крайняя цѣль была достигнута съ разрушеніемъ Наполеоновскаго правительства. Вслѣдствіе чего, читателю приходится самому дѣлать невѣрные выводы и заключенія, такъ что показаніе о достигнутой цѣли можно очень легко отнести и къ другому какому времени, а не къ тому, которое послѣдовало за пораженіями нанесенными Наполеону въ 1812-мъ и въ 1813-мъ году. А черезъ нѣсколько и еще лѣтъ, когда сочиненіе „Война и миръ“ попадаетъ въ руки какому либо наивному читателю, то онъ фразу: „Парижъ—крайняя цѣль достигнута“ сумѣетъ, пожалуй, отнести и къ 1871-му году, когда Парижъ палъ вторично уже передъ Германскими войсками.

Касаясь Императора Александра I-го, авторъ между прочимъ выражаетъ такъ:

Стр. 165. „Во время народной войны лице это бездѣйствуетъ, такъ какъ оно не нужно“.

Этотъ дерзкій и несправедливый отзывъ о лицѣ, которое было тогда душею своего народа и войска, боровшихся съ столь сильнымъ тогда врагомъ, можетъ только поражать удивленіемъ современниковъ его царствованія. Неужели по тому только, что Государь, въ теченіи лишь четырехъ мѣсяцевъ того года, не находился лично при войскахъ, можно рѣшиться сказать, что „лице это тогда бездѣйствовало, такъ какъ оно (будто бы) было не нужно“? Но развѣ и при отсутствіи изъ дѣйствующей арміи ему мало было заботъ, разнаго рода предположеній и распоряженій относительно пораженія и уничтоженія врага, вломившагося въ предѣлы его обширнаго царства? Развѣ не онъ руководилъ тогда всѣмъ, за исключеніемъ тѣхъ частныхъ движеній войскъ, которыя были въ зависимости отъ мѣстныхъ обстоятельствъ? Развѣ не его непоколебимой твердости, въ устраненіи предлагавшагося тогда мира, Россія и вся Европа обязаны своимъ спасеніемъ?

На предпоследней страницѣ второй части эпилога между прочимъ сказано:

Также долго и упорно идетъ борьба въ настоящее время между старымъ и новымъ возрѣніемъ на исторію, и точно также богословіе стоитъ на стражѣ за старый взглядъ и обвиняетъ новый въ разрушеніи Откровенія. Какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ борьба вызываетъ страсти и заглушаетъ истину.

Не высказывается-ли въ этихъ немногихъ строкахъ невольное сознаніе въ томъ, что и сочиненіе это, касающееся великой эпохи, было тоже плодомъ борьбы страстей съ стремленіемъ заглушать истину?

Нельзя не пожалѣть, что талантливый авторъ, при своихъ возрѣніяхъ, высказываетъ себя излишне ярымъ скептикомъ относительно нашего двѣнадцатаго года. Если же съ цѣлью придать болѣе занимательности роману, или быть можетъ и съ научною цѣлью, понадобилось ввести въ него и исторію избранной имъ эпохи, то, касаясь ея въ разныхъ мѣстахъ романа, не лучше ли бы было говорить о ней согласно дѣйствительности, не вдаваясь въ преувеличеніе ни въ ту ни въ другую сторону? Тогда это могло принести даже немалую пользу инымъ читателямъ, вмѣсто того пагубнаго вреда, какое неизбѣжно приносятъ доктрины, внушающія неуваженіе и даже ненависть ко всему отече-

ственному. Тогда художественная кисть автора могла бы очень живо изобразить ту невѣроятную, но истинную, картину, какъ Наполеонъ великій, обманутый въ своихъ гордыхъ и надменныхъ предположеніяхъ, уходилъ изъ Россіи съ весьма уменьшившеюся своею великою арміею, въ томъ видѣ и въ томъ положеніи, въ какомъ она дѣйствительно тогда находилась; ту картину, какъ послѣ Березинскаго погрома онъ, бросивъ допогибать оставшую еще частичку войскъ, самъ же для спасенія своей собственной особы ускакалъ въ Парижъ. А положеніе продолжавшихъ еще бѣжать Французовъ дѣйствительно было самое ужасное.

Къ сожалѣнію художникъ нашелъ болѣе выгоднымъ писать картины иными красками, набрасывая при томъ болѣе темной тѣни на тѣ предметы, которые ему почему-то не желалось выказать въ настоящемъ свѣтѣ. Французскіе же художники-историки, напротивъ, всѣми способами старались стусевывать все то, что могло казаться неблагопріятнымъ для Франціи, при вторженіи ихъ громадной арміи съ императоромъ Наполеономъ во главѣ въ Россійскіе предѣлы; когда же доходили до описанія рѣшительнаго бѣгства ихъ изъ Россіи, то старались сколько возможно болѣе уменьшать громадность своихъ бѣдствій, усиливаясь даже увѣрять въ своихъ сочиненіяхъ, что это было будто бы весьма удачное отступленіе, а не отчаянное бѣгство.

Въ Англіи тоже пишется немало романовъ болѣею частью для чтенія семейныхъ, съ указаніемъ на лучшія стороны жизни и на все то, чѣмъ можетъ и должно гордиться ихъ отечество. Такими сочиненіями, хотя и не всегда отличающимися скромностью, поддерживается національная гордость. А у насъ, напротивъ, нѣкоторые писатели романовъ стараются щеголять своимъ особеннымъ пессимизмомъ ко всему отечественному.

Не мѣшало бы однако подумать, что затрогивать боевую жизнь людей проливавшихъ кровь свою при оборонѣ страны своей значить затрогивать самую чувствительную струну человѣческой щекотливости; вслѣдствіе чего, и очень понятно, что намъ ветеранамъ Отечественной войны, страдающимъ до сего времени отъ полученныхъ тогда ранъ и имѣющимъ полное право гордиться тѣмъ, что они принимали участіе въ достославной войнѣ, не возможно теперь не чувствовать себя глубоко оскорбленными подобнымъ глумленіемъ надъ нею.

Припомнимъ страшную бурю негодованія, поднявшуюся нѣсколько лѣтъ назадъ въ Бельгійской арміи вслѣдствіе какихъ-то не очень лестныхъ объ ней отзывовъ въ одной изъ Англійскихъ газетъ. И дѣйствительно, какъ же людямъ военнымъ или бывшимъ военными не дорожить доброю славою своей военной службой и какъ не заступаться за нее вообще всѣмъ, а тѣмъ болѣе труженикамъ славной эпохи, въ

особенности когда усматривается явное, умышленное и дерзкое посягательство на сокрушеніе ихъ историческаго сокровища, пріобрѣтеннаго столь дорогою цѣною, но славу котораго ищутъ теперь обратить въ пустой дымъ, не оставляющій послѣ себя ничего—кромѣ стыда.

Могутъ однакожъ замѣтить, что авторъ сочиненія „Война и Миръ“ не имѣлъ въ предметѣ писать исторію, а только коснулся ея въ художественномъ смыслѣ, при разсказахъ о нѣкоторыхъ эпизодахъ войнъ въ началѣ столѣтія, въ томъ числѣ и Отечественной. Но развѣ художественныя фантазіи могутъ позволять себѣ всякаго рода извращенія, затрагивая вмѣстѣ съ тѣмъ даже честь дѣятелей знаменитыхъ эпохъ въ жизни народовъ? Вѣдь большинству читателей сочиненій такого рода, не трудящемуся отдѣлять художественные вымыслы отъ истины, очень легко подвергнуться совершенному недоразумѣнію относительности историческихъ фактовъ, вводимыхъ въ область романа. Здѣсь же книгѣ придано еще заманчивое оглавленіе, и названа она не романомъ, а сочиненіемъ въ полномъ значеніи слова, въ которомъ, для большаго подчиненія читателей своему вліянію, авторъ всѣ страницы относящіяся къ Отечественной войнѣ постарался пропитать сарказмами, язвительною ироніею и даже клеветою. Чистый пасквиль, стремящійся превратить славную эпоху въ какую-то фабулу-сказку-легенду.

Нѣтъ! Какъ ни чревать XIX вѣкъ очень крупными событіями, но все же двѣнадцатый годъ выдвигается передъ прочими на первый планъ. Даже послѣдняя война 1870—1871 года, ставшая на столь видное мѣсто въ военной исторіи, не можетъ затмить нашу Отечественную войну, которая послужила тогда починомъ для гораздо болѣе громкихъ переворотовъ въ Европѣ. Война 12 года была событіемъ неизмѣримой важности, и вычеркнуть ея изъ исторіи или даже произвольно умалить ея значеніе никогда не будетъ подъ силу какого бы то ни было гениальнаго пера. По этому нельзя вновь не пожалѣть, что вмѣсто правдиваго разсказа о притянутой къ роману славной войнѣ, авторъ предпочелъ писать злую пародію. По прочтеніи же этого писаннаго калейдоскопа относительно войны 12-го года, въ памяти читателей можетъ остаться лишь одна путаница, при неизбѣжномъ недоразумѣніи, кто же наконецъ въ этомъ грозномъ столкновеніи двухъ враговъ дѣйствительно покрылъ себя славою или напротивъ позоромъ.

Когда подумаешь, что Русскіе люди, отдавая обычный послѣдній долгъ усопшимъ роднымъ, друзьямъ, даже просто знакомымъ, находятъ отрадное чувство почтить ихъ память добрымъ словомъ, то нельзя безъ особой боли въ сердцѣ видѣть, какъ въ этомъ сочиненіи память отошедшихъ въ вѣчность труженниковъ надѣляется теперь ѣдкою сатирою. Вотъ какъ нынѣ справляется тризна надъ бывшими защитниками оте-

чества! Хороши поминки надъ павшими тогда на поляхъ чести и славы! Не весело и намъ, инвалидамъ, бывшимъ участникамъ въ оборонѣ и тоже мнѣвшимъ тогда стяжать доброе слово отъ потомства, теперь же на закатѣ долготѣней жизни, видѣть себя, напротивъ, осмѣянными, поруганными и обезславленными въ сочиненіи съ новыми воззрѣніями на дѣло.

Изъ всей тогдашней боевой семьи, насъ ветерановъ 12-го года осталось уже очень немного, а черезъ пять-шесть лѣтъ едва-ли найдется еще кто въ силахъ взяться за перо и возвысить свой слабый голосъ въ защиту и въ опроверженіе порицаній и обвиненій того времени. А потому не горько ли помыслить, что правдивыя и безпристрастныя сказанія о той войнѣ читаются и будутъ читаться лишь не очень большимъ числомъ людей серьезныхъ, тогда какъ романъ, наполненный искаженіями и ироніею относительно той же войны, читается и будетъ долго еще читаться, сравнительно, гораздо бѣльшимъ числомъ людей?

Но къ чему поведетъ эта пропаганда въ отрицаніе? И что можетъ почерпнуть изъ этого сочиненія, напримѣръ, молодое Русское поколѣніе, которому предстоитъ обязательная воинская повинность? Представимъ себѣ юношу прибывшаго къ родителямъ на вакантное время изъ какого-либо учебнаго заведенія. Ему нужно прочесть что нибудь, и вотъ по указанію матери, прочитавшей это, по ея мнѣнію историческое произведеніе, онъ углубляется въ него со всею любознательностью юныхъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что естественно не могъ еще успѣть ознакомиться съ подробностями исторіи 12-го года, а потому и обратилъ болѣе вниманія на тѣ страницы книги, изъ которыхъ онъ думалъ почерпнуть самыя вѣрныя свѣдѣнія относительно эпохи. Но что же въ сущности онъ могъ почерпнуть? И какимъ духомъ могъ онъ проникнуться по прочтеніи сочиненія? Тѣмъ ли горячимъ патріотизмомъ, какимъ одушевлены были молодые люди во время нашествія врага, или, напротивъ тѣмъ духомъ, которымъ пропитано сочиненіе? Если же послѣднимъ, какъ и должно ожидать отъ впечатлительности молодыхъ натуръ: то чего можетъ ожидать отечество отъ молодыхъ вообще людей, которые, поддавшись внушенію подобныхъ доктринъ, будутъ стыдиться тѣхъ историческихъ событій въ своемъ отечествѣ, на которыя они обязаны бы были смотрѣть съ уваженіемъ?

А до какой степени, къ несчастію времени, доходитъ фанатизмъ этого ученія въ западной Европѣ, проникая и къ намъ, можно судить по многочисленнымъ тамъ сочиненіямъ, въ которыхъ проповѣдуется, отчужденіе отъ всякаго патріотизма и что слово отечество есть заблужденіе—простой звукъ. Да чего грѣха таить? Развѣ лѣтъ нѣсколько на-

заядъ и у насъ такъ называемые новые люди не учили почти тому же? Развѣ не высказывали, хотя и осторожно, сочувствіе къ теоріямъ мудрецовъ, общающихся народамъ неисчислимыя блага отъ социализма, коммунизма и интернаціонализма?

А теперь хотя и не дозволяютъ себѣ судить о тѣхъ страницахъ романа, въ которыхъ касалось до военныхъ дѣйствій, но за то, воодушеваясь враждебнымъ вообще взглядомъ автора на исторію Отечественн-ной войны и вообще на людей 12-го года, эти господа отнесли къ сочиненію съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ, угрожая вмѣстѣ съ тѣмъ клеймить отсталостью и невѣжествомъ тѣхъ кто рѣшится не признавать прекраснымъ тотъ идеалъ, которымъ по ихъ мнѣнію проникнуто сочиненіе.

Они указываютъ на сочиненіе какъ на произведеніе очень глубокомысленное, разумѣется въ видахъ наибольшаго распространенія тѣхъ теорій, которыя по отрицательному своему свойству пришли имъ, видно, такъ близко по душѣ и сердцу. И вотъ они пускаются проповѣдывать, что сочиненіе „Война и Миръ“ есть здравый плодъ нашего литературнаго движенія, что „Война и Миръ“ можетъ имѣть благотворное вліяніе на духовное развитіе нашего общества, что сочиненіе это скоро станетъ настольною книгою каждаго образованнаго Русскаго, классическимъ чтеніемъ нашихъ дѣтей и предметомъ поученія для юношей, даже сдѣлается руководящимъ элементомъ воспитанія нашего подростающаго поколѣнія и всего общества.

И все это поется нашими новыми апостолами, видимо съ чужого голоса, съ голоса нѣкоторыхъ западныхъ мудрецовъ, между прочимъ и Виктора-Гюго съ братьею, дошедшаго до того, что онъ прославляетъ нравственную распущенность, и даже убійство. А вѣдь эта западная клика, подвизающаяся на избранномъ ею пути, не очень разборчива, какъ видно, на средства къ достиженію своихъ цѣлей и работаетъ очень усердно, то намъ, съ своей стороны, слѣдовало бы стараться противо-дѣйствовать за́разѣ, а не помогать ей, разсѣвая у себя на воспримчивой почвѣ тлетворныя сѣмяна, которыя рано или поздно могутъ произвести плоды очень горькіе. Сочиненіе „Война и Миръ“, какъ по названію, такъ отчасти и по содержанію своему, подходитъ къ литературѣ военной, даже съ замашкою поучать военному искусству на свой ладъ, но при рѣшительномъ отсутствіи высоко-нравственнаго въ немъ патріотизма, чтеніе его можно положительно сказать—не пригодно къ развитію или къ усиленію той прирожденной большинству Русскихъ привязанности къ родинѣ, той могучей духовной силы, безъ которыхъ немыслимо переносить терпѣливо необъятые, нерѣдко почти сверхъ человѣческихъ силъ, труды въ великихъ войнахъ, ведущихся даже въ самое

суровое время года; да и та отвага, какая требуется при встрѣчѣ съ врагомъ, немыслима при отсутствіи этой могучей духовной силы.

Къ счастью однакожь Россіи, не очень-то легко, какими бы то ни было инсинуаціями, даже подъ эгидою философской мудрости и благочестія, расшатать въ ея народѣ святое чувство долга и привязанности къ родинѣ. А въ этомъ-то святомъ чувствѣ и таится та несокрушимая духовная сила, которая съиздавна вела Россію къ постепенному развитію и расширенію и наконецъ привела къ настоящему ея могучеству. При каждой опасности, грозившей отечеству, эта духовная сила проявлялась все болѣе и болѣе. А въ 1812 году императоръ Александръ Павловичъ, благодаря твердости своего характера, собственнымъ примѣромъ возвысилъ и развилъ эту духовную силу въ своемъ народѣ до нельзя. Вполнѣ понимая всю несокрушимость ея, онъ съ самаго вторженія непріятеля оставался непоколебимымъ въ своемъ предположеніи уничтожить врага, не выпуская его изъ предѣловъ своей имперіи. Даже въ самую критическую минуту войны, когда сердце Россіи, Москва была занята гордымъ еще тогда врагомъ, предложенный имъ миръ былъ отвергнутъ съ негодованіемъ, что и было началомъ гибели Французовъ въ Россіи, а въ послѣдствіи и самаго Наполеона.

И что же? Мудрые цѣнители романа осмѣливаются указывать на какое-то отсутствіе въ то время твердой руки въ управленіи, на величайшіе будто бы беспорядки вездѣ, въ особенности въ арміи, на пустоту, развратъ, глупость высшаго круга; словомъ, съ своимъ почему-то ожесточеннымъ взглядомъ на великую эпоху, хотятъ, во чтобы то ни стало, заставить и другихъ смотрѣть на Русскихъ того времени, какъ на сущую дрянъ. Но объ тѣхъ Русскихъ, столь нагло теперь поруганнаго 12-го года, императоръ Николай Павловичъ думалъ иначе. Онъ во время обороны Севастополя, въ письмѣ своемъ къ князю Меншикову отъ 30 Сентября 1854-го года, между прочимъ выразился такъ: „Доказать каждому, что мы теперь тѣже Русскіе, которые отстаивали Россію въ 1812-мъ году“. А ему тогда, тоже въ очень тяжелое и трудное для Россіи время, было весьма естественно вспомнить о томъ, какъ Русскіе 12-го года исполняли свой святой долгъ къ отечеству. Ставя же ихъ въ примѣръ оборонителямъ Севастополя, онъ отдавалъ прямую дань справедливости заслугамъ, Русскихъ того времени, которыя, какъ видно, онъ умѣлъ цѣнить въ полной мѣрѣ.

Но разудалые, храбрые сподвижники автора романа хотятъ увѣрить, что они понимаютъ и знаютъ дѣло гораздо лучше. Они дозволяютъ себѣ сомнѣваться даже въ мужество Русскихъ войскъ тогдашняго закала, какъ и самъ взыскательный авторъ не разъ намекалъ на это въ своемъ романѣ, набрасывая, кстати за одно, черную тѣнь и на эту

по истинѣ присущую Русскому солдату черту полной неустрашимости въ виду смерти. Сами непріятели наши не могли не удивляться той отвагѣ и той чудной стойкости Русскихъ, какія выказывались у нихъ въ каждомъ сраженіи, особенно же въ адекой Бородинской битвѣ, въ концѣ которой въ нѣкоторыхъ наиболѣе пострадавшихъ полкахъ оставалось лишь по горсти людей съ однимъ или двумя офицерами, но за всѣмъ тѣмъ, эти люди и не думали оставлять мѣсто сраженія. О сдачѣ же непріятелю безъ боя самыми малыми отрядами или частями войскъ нашихъ и въ поминѣ не было въ продолженіи всей кампаніи. И вотъ эти-то закаленные въ бояхъ Русскіе люди того времени теперь подвергаются смѣлымъ и злобнымъ нападкамъ отъ появившихся своихъ же Русскихъ новаго рода героев—на бумагѣ. А имъ-то, собственно говоря, и нельзя бы было, по всей строгой справедливости, вторя автору романа, имѣть притязаніе на право судить нагло, вкось и вкривъ о предметѣхъ вовсе для нихъ недоступномъ, то есть о чести тѣхъ, кто, не щадя жизни своей въ лучшей порѣ, умѣли безстрашно умирать за отечество тысячами, десятками тысячъ. И въ эту-то, столь обильно пролитую тогда кровь, наши новые герои находятъ теперь почему-то нужнымъ бросать своею чернильною грязью.

Они толкуютъ еще о язвахъ, которыми будто бы страдало отечество въ началѣ столѣтія, въ особенности во время нашествія и послѣ уничтоженія врага; но уже однѣ бывшіе побѣды, одно торжество надъ непріятелемъ, не указываютъ-ли наглядно на отсутствіе тѣхъ мнимыхъ язвъ или на ихъ напрасное преувеличеніе. Не таится ли, напротивъ, теперь зародышъ дѣйствительныхъ язвъ грозящихъ странѣ, въ иныхъ неприглядныхъ теоріяхъ, воззрѣніяхъ и доктринахъ? И это тѣмъ опаснѣе, что еще прежде за немного лѣтъ назадъ, такъ называемые новые люди приняли на себя недостойный трудъ внушать ненависть къ старшимъ, презрѣніе ко всему родному и тому подобное, съ обязанностью увлекать въ тоже ученіе и другимъ. При систематической же пропагандѣ зараза эта, распространяясь между молодыми людьми, можетъ очень легко погубить многихъ изъ нихъ, какъ этому было уже не мало примѣровъ.

Съ другой стороны странно бы было безусловно утверждать, что Россія находилась тогда въ совершенно безупречномъ положеніи относительно внутренней администраціи, какъ этого нельзя утверждать и на счетъ какого другаго государства, тѣмъ болѣе, что абсолютнаго совершенства не существуетъ ни въ чемъ. Слѣдовательно, почему людямъ со свѣтлымъ взглядомъ и изучившимъ отечественную исторію того времени и не указать на какіе нибудь тогда непорядки, упущенія, даже злоупотребленія? Это могло бы принести даже пользу странѣ въ

ея будущемъ. Но за чѣмъ и для какой цѣли все утрировать, все преувеличивать? Для чего нужно пускать въ ходъ страсти? Къ чему выставлять на видъ лишь одно дурное, и въ тоже время ревниво скрывать достойное не только одобренія, но даже удивленія? За чѣмъ, надрывая силы, все безпощадно порицать, съ предвзятымъ намѣреніемъ, обезславить то, что было далеко не безславно? Вѣдь къ какимъ бы художественно-искуснымъ ухищреніямъ ни старались прибѣгать для униженія и опошленія эпохи, но всё же трудно предполагать, чтобы даже самые наивные и довѣрчивые читатели не могли сообразить, что безпримѣрнаго уничтоженія полумиліонной арміи враговъ съ военнымъ гениемъ во главѣ нельзя бы было совершить столь блистательно, такой странѣ, которая будто бы страдала тогда глубокими язвами, при отсутствіи твердой руки, при сомнительномъ мужествѣ войскъ, при бездарности полководцевъ, при пустотѣ общества, при глупости стариковъ, вельможъ и многихъ другихъ непорядкахъ! Кому тутъ не бросится въ глаза чистая аномалія?

Но если бы Россія и въ самомъ дѣлѣ была тогда удручена всѣми тѣми страшными язвами, какія приписываются ей авторомъ романа и его сподвижниками, то неужели сыны ея того времени не достаточно еще искупили это зло своимъ горячимъ патриотизмомъ и усиліями къ спасенію отечества отъ гибели; даже если бы этотъ фактъ можно бы было отнести и къ слѣпымъ случайностямъ? Неужели тѣ Русскіе, Русскіе, которые, по мрачному мнѣнію господъ пессимистовъ, были столь негодны тогда, не заслуживаютъ теперь хотя бы какой-нибудь пощады, при одномъ воспоминаніи о грозившей тогда опасности жестоко испытываемой странѣ, не поддавшейся однакожь поработенію?

Ужъ не въ самомъ ли безпримѣрно-успѣшномъ закончаніи Отечественной войны господа обличители хотятъ видѣть глубокую для Россіи язву? А по безусловному восхваленію иныхъ скептическому и по взгляду автора романа на эпоху, доходящему до цинизма, какъ будто такъ.

Какъ бы то ни было, а людямъ дорожащимъ славою и честью отечества и смотрящимъ на затронутый предметъ съ совершенно другой точки зрѣнія, не возможно читать все это злобное словоизверженіе безъ того, чтобы не накипѣло на душу возмутительнымъ негодованіемъ и не отозвалось болѣзненною грустью; тѣмъ болѣе, что эти строгіе судьи, выдающіе себя за людей передовыхъ, хотятъ во чтобы то ни стало увѣрить, что тогда въ Россіи не было людей столь просвѣщенныхъ и умовъ столь свѣтлыхъ, какіе успѣли въ ней проявиться къ настоящему времени и къ которымъ они разумѣется причисляютъ и самихъ себя. Но, если бы и дѣйствительно было такъ, то и въ этомъ нельзя винить людей того времени, по той простой причинѣ, что то

время было одно, теперь другое. Тогда способовъ къ образованію было очень мало, теперь же ихъ существуетъ гораздо болѣе. Да и гени-то рождаются вѣками.

Правда, что старые люди того времени, кромѣ присвоенной имъ авторомъ романа глупости, были сверхъ того еще и беззубы, плѣшивы, съ морщинами на лицѣ и тому подобными столь непростительными и неприглядными пороками. Но вѣдь и теперь, говоря по всей справедливости, найдется немало на святой Руси старцевъ съ таковыми же изъянцами. Да вѣроятно и впредь изъ доживающихъ свой вѣкъ въ столь же неотрадномъ и достойномъ осмѣяніи положеніи будетъ всегда оказываться порядочное число изъ 85 милліоннаго народа. Не умирать же всѣмъ преждевременно для того, чтобы не доживать до сѣдыхъ волосъ, плѣшинъ и морщинъ, лишь изъ одного опасенія быть за то осмѣянными въ какомъ либо новомъ юмористическомъ романѣ. Ужъ не мнится ли автору, доживъ самому до преклонныхъ лѣтъ, оставаться молодцомъ вопреки законамъ природы?

Съ 1871-го года стала ходить поговорка, что послѣднія Прусскія побѣды одержалъ школьный учитель. Быть можетъ, отчасти и такъ. Но въ такомъ случаѣ этотъ Прусскій школьный учитель, по всему вѣроятію, не внушалъ своимъ ученикамъ презрѣнія ко всему родному, не глумился надъ прошлымъ своего отечества и не проповѣдывалъ смотрѣть на побѣды свои 1813-го и 1814 годовъ, хотя и въ союзѣ съ Русскими, какъ на постыдныя пораженія. Тотъ же школьный учитель, справляя годовщины, т. е. напоминая ежегодно съ восторгомъ о тѣхъ дняхъ, въ которые одержана была въ 1813-мъ году великая побѣда надъ Французами подъ Лейпцигомъ, для наибольшаго, какъ видно, возвышенія духа и гордости Нѣмцевъ, старательно избѣгаетъ при этомъ говорить объ участіи и блистательномъ содѣйствіи Русскихъ войскъ въ этомъ дѣлѣ, хотя на ихъ-то долю пришлось тутъ и болѣе усилій и болѣе жертвъ. Да и сама-то Лейпцигская битва безъ Русскихъ и безъ 12-го года была бы невысказима. Но мы по прирожденной намъ скромности молчимъ.

Наши же нешкольные новаго рода учителя-философы въ заманчивыхъ своихъ сочиненіяхъ съ отвлеченными теоріями предпочитаютъ, какъ видно, распространять совершенно противоположныя Прусскому школьному учителю убѣжденія.

Если же, по ихъ новымъ воззрѣніямъ, на событія въ жизни народовъ должно смотрѣть какъ на сказки или басни; если по ученію отрицанія можно все историческое погружать прямо въ Лету, то для какой тогда potreбы писать исторію временъ, по возможности правдиво и безпристрастно? Для чего заводить историческіе музеи? За чѣмъ и

для чего послѣ этого молодымъ людямъ терять время и трудъ, напрасно обременяя голову изученіемъ предмета, столь мало пригоднаго для основательнаго образованія? Вѣдь прямаго познанія въ развитіи внутренней жизни народовъ, въ особенности своего отечества, видно, теперь уже не нужно. Во всякомъ однакожь случаѣ, не мѣшало бы, касаясь въ романахъ историческихъ событій, въ особенности родной страны, нѣсколько сдерживать порывы художественныхъ фантазій. Къ чему и для чего въ самомъ дѣлѣ играть излишнею довѣрчивостью иныхъ читателей? Какая польза вводить многихъ въ самыя грубыя заблужденія относительно какого періода времени? И за что ядомъ искаженныхъ разсказовъ разстраивать раны тѣхъ изъ оставшихся еще въ живыхъ, кто получили ихъ въ войнахъ, которыя такъ не нравятся нынѣ и такъ не по душѣ инымъ писателямъ.

Меня, какъ человѣка очень уже стараго, быть можетъ, упрекнуть въ неумѣренномъ сѣтованіи на написавшаго такъ много нелестнаго о нашемъ времени. Но, вѣдь не я одинъ былъ крайне возмущенъ чтеніемъ этого пасквиля; нашлось немало и другихъ, дорожащихъ доброю славою отечества, на которыхъ сочиненіе „Война и Миръ“ произвело тоже самое грустное впечатлѣніе. Дозволю себѣ указать на нѣкоторые объ этой книгѣ отзывы лицъ имѣющихъ неоспоримыя права на авторитетъ. Лица эти, какъ свидѣтели грозившей тогда опасности и послѣдовавшаго за тѣмъ торжества, всегда будутъ болѣе компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ, а потому и оцѣнку этого сочиненія или романа могли дѣлать гораздо основательнѣе, чѣмъ сторонники новыхъ умозрѣній и теорій автора. Такъ А. С. Норовъ, поплатившійся въ Бородинскомъ сраженіи потерей ноги, въ небольшой своей брошюрѣ о сочиненіи „Война и Миръ“ между прочимъ выразился:

Стр. 2-я. „Я не могъ безъ оскорбленнаго патріотическаго чувства дочитать этотъ романъ, имѣющій претензію быть историческимъ и, не смотря на преклонность лѣтъ моихъ, счелъ какъ бы своимъ долгомъ написать нѣсколько строкъ въ память моихъ бывшихъ начальниковъ и боевыхъ сослуживцевъ“.

„Если бы кто нибудь сказалъ, что наши писатели или наши современники болѣе или менѣе пристрастны, я укажу, на примѣръ относительно эпохи 1812 года только на одну книгу нашихъ противниковъ: Chambray Histoire de l'expédition de Russie, гдѣ слава Русскаго оружія гораздо болѣе почтена“.

Стр. 22-я. „Мы не ставили бы на видъ автору романа главные военные эпизоды нашей славной войны 1812-го года, если бы онъ не выходилъ изъ рамки романа, не вставлялъ въ нее военные эпизоды, облакая ихъ стратегическими разсужденіями, рисуя боевыя диспозиціи,

и даже планы баталіи, давая всему этому характеръ историческій, и тѣмъ вводя невольно въ заблужденіе, конечно не военныхъ, но общество гражданское, гораздо болѣе многочисленное и которому, не менѣ какъ и военнымъ, дорога слава нашей арміи. Но какое сословіе пощажено въ романѣ? Мы видѣли, какъ онъ обрисовывалъ нашихъ полководцевъ и нашу армію; посмотрите теперь, что такое у него наши дворяне, купечество и наши крестьяне. Эти сословія въ романѣ суть не иное что какъ панургово стадо“ и т. д.

Князь П. А. Вяземскій тоже, въ статьѣ своей помѣщенной въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ за 1869 годъ, между прочимъ говорить:

„Книга „Война и Миръ“, за исключеніемъ романической части не подлежащей нынѣ моему разбору, есть по крайнему разумѣнію моему протестъ противъ 1812-го года; есть апеллія на мнѣніе установившееся о немъ въ народной памяти и по изустнымъ преданіямъ, и на авторитетъ Русскихъ историковъ этой эпохи. Школа отрицанія и уничтоженія исторіи, подъ видомъ новой оцѣнки ея, разувѣреніе въ народныхъ вѣрованіяхъ, все это не ново, это уже не скептицизмъ, а чисто-нравственно-литературный матеріализмъ“.

И нѣсколько далѣе:

„Съ исторіею надлежитъ обращаться добросовѣстно, почтительно и съ любовью. Не святотатственно-ли и не противно-ли всѣмъ условіямъ литературнаго благоприличія и вкуса низводить историческую картину до карикатуры, до пошлости? Презрѣніе есть часто лживый признакъ силы. Оно иногда просто доказываетъ одно непониманіе того, что выше и чище насъ“.

А къ какимъ отзываамъ такихъ лицъ и другихъ высказавшихся въ томъ же смыслѣ о романѣ „Война и Миръ“ можно, кажется, довольно смѣло присовокупить и свои собственные тождественныя сужденія по этому предмету; и это тѣмъ съ большею увѣренностью, что эти лица, излагая столь энергично свое негодованіе, стоятъ, кажется, на почвѣ правды, на той почвѣ, которая такъ обильно пропиталась кровью сотенъ тысячъ Русскихъ людей.

Но не одни только современники эпохи отнеслись съ тѣмъ же неодобреніемъ къ романическому сказанію о 12-мъ годѣ. Были и не современники. Укажу только на статью г-на Никитенко „Мысли о реализмѣ въ литературѣ“ (Журналъ Мин. Нар. Просв. за 1872 годъ книга 1-я). Въ ней, коснувшись романа „Война и Миръ“, онъ между прочимъ сказалъ: „Трудно найти въ исторіи эпоху, которая въ своемъ трагическомъ величій представляла бы такіе богатые матеріалы исторіку, мыслителю для серьезнаго изученія и поэту для творческихъ замысловъ“.

Потомъ въ другомъ мѣстѣ статьи:

„Такимъ образомъ однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ нашей исторіи, на которыхъ записаны кровью многія имена лицъ, честно послужившихъ отечеству, эти страницы исчезли въ той грязной дѣйствительности, какую угодно было автору создать въ своей фантазіи, на мѣсто кровавой, бурной, достославной дѣйствительности XII года“ и пр.

Были и такіе рецензенты, которые хотя на первыхъ порахъ отзывались о романѣ тоже съ восторгомъ, но потомъ, разобравъ, видно, суть дѣла и сознавъ ошибку въ оцѣнкѣ, не побоялись упрекнуть автора даже въ нигилизмѣ.

Нѣтъ, не за нашими новаторами послѣднее слово. Другія достойныя уваженія лица—положительно осудили и новыя воззрѣнія относительно 12-го года, и новыя доктрины романа.

Императоръ Александръ Павловичъ, ставшій по закончаніи 12-го года въ главѣ Европейскаго союза противъ общаго врага, тоже не могъ не признать въ своихъ Русскихъ труженикахъ той громадной заслуги, какая была ими оказана не только своему отечеству, но и всей Европѣ. Многочисленныя награды и отличія потрудившимся въ святомъ дѣлѣ могутъ служить прямымъ доказательствомъ его дѣйствительной къ нимъ признательности. О раненыхъ же и объ изувѣченныхъ въ бояхъ тѣхъ годовъ онъ прилагалъ особое, по истиннѣ отеческое попеченіе, на сколько могли это позволять обстоятельства того времени и отсутствіе тѣхъ средствъ и удобствъ, какими могутъ нынѣ имѣть надежду пользоваться раненые въ случаѣ войны.

Нельзя при этомъ не возобновить въ своей памяти многомилостивой заботливости о раненыхъ, выказанной Государемъ на самомъ полѣ сраженія подъ Кульмомъ. Когда же раненые въ этой побѣдѣ офицеры его гвардіи были отправлены для излеченія въ Прагу, то, не смотря на заботы и важныя распоряженія по всѣмъ арміямъ, которыя должны были тогда въ Теплицѣ, и поглощать все его время, онъ однако вновь вспомнилъ о нихъ, приславъ для обезпеченія ихъ жизни въ чужомъ городѣ по сту червонцевъ каждому, сверхъ тѣхъ наградъ, какія уже были ими получены за это сраженіе. Тогда и король Прусскій наградилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ своимъ военнымъ орденомъ „Pour le mérite“*), всѣхъ же знакомъ Желѣзнаго Креста, ставшаго у насъ называться Кульмскимъ.

А какъ драгоцѣнно во время получаемое ранеными пособие, при страданіяхъ безъ средствъ на чужбинѣ, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, столь

*) Въ томъ числѣ и меня.

милостивое вниманіе Государя живительно способствовало къ болѣе успѣшному излеченію. Это въ числѣ протчихъ и я испыталъ на себѣ, благословляя имя Благословеннаго.

Потомъ, ровно черезъ годъ и послѣ лишь нѣсколькихъ дней возвращенія Государя въ Петербургъ изъ взятаго имъ съ боя Парижа, и именно 18 Августа 1814 г., состоялся высочайшій приказъ, которымъ изъявлялось войску отъ имени государства благодарность за мужество, терпѣніе и любовь къ вѣрѣ и отечеству, даровавшія славный миръ. Въ ознаменованіе же геройскихъ подвиговъ, которые всегда обращали на себя вниманіе Государя, учреждался комитетъ, на который возлагалась обязанность пецись объ изувѣченныхъ и раненыхъ. Въ этомъ столь благодѣтельномъ попеченіи о пострадавшихъ въ продолжительной войнѣ поспѣшили принять участіе тоже не менѣ признательные соотечественники, что и выказалось обильными приношеніями, которыя, вмѣстѣ съ другими источниками, постепенно увеличивали инвалидный капиталъ до такой степени, что, не смотря на ежегодные расходы изъ него въ пользу раненыхъ, онъ выросъ нынѣ, какъ извѣстно, выше 18 милліоновъ рублей с. Если же самъ побѣдитель въ этой гигантской войнѣ никѣмъ дотолѣ непобѣждаемаго Наполеона I-го изъявилъ съ такимъ горячимъ чувствомъ свою благодарность войску, даровавшему миръ Европѣ, то не служить ли и это достаточнымъ опроверженіемъ измышленій графа Л. Н. Толстаго?

Нужно прибавить, что 1812-й годъ тѣмъ болѣе былъ тяжелъ для Россіи, что только передъ самымъ вторженіемъ Наполеона закончилась продолжительная война съ Турціею, послужившая къ немалому уменьшенію средствъ для обороны Россіи; и что тогда велась еще и другая упорная война съ Персіею, которая однакожь тоже кончилась побѣдоносно.

Нѣтъ, не суждено погибнуть громкой славѣ 1812 года. Онъ, какъ въ исторіи, такъ и въ устныхъ преданіяхъ, на долгое еще время будетъ предметомъ удивленія къ Русскому народу. Установленные же императоромъ Александромъ медали въ память 1812 года, а въ царствованіе императора Николая воздвигнутые памятники на тѣхъ поляхъ, на которыхъ происходили наиболѣе значительныя битвы, потомъ ежегодныя въ день Рождества Спасителя во всѣхъ храмахъ необытнаго государства благодарственныя молебствія съ возглашеніемъ вѣчной памяти императору Александру I-му и, наконецъ, сооружаемый въ Москвѣ, тоже въ память славнаго года, громаднхъ размѣровъ храмъ во

имя Христа Спасителя, будутъ, въ укоръ злобѣ и клеветѣ, навсегда свидѣтельствовать о непримѣрной оборонѣ дорогаго отечества и о небываломъ уничтоженіи врага. Торжество же это доставило Россіи ту твердую самостоятельность, при которой только и могли совершиться въ послѣдствіи тѣ великія преобразованія, коимъ мы нынѣ свидѣтели. И дѣйствительно, могло ли бы все это теперь осуществиться для блага государства, если бы оно въ 1812-го году было поработчено, вслѣдствіе слабости духа и малаго патріотизма Русскихъ людей того времени?

Да, если бы война 12-го года не была ведена какъ слѣдовало и не была бы закончена такъ блистательно, если бы вслѣдъ за славнымъ годомъ не были одержаны новыя побѣды въ 1813 году (хотя уже въ союзѣ съ другими) и если бы наконецъ въ 1814 году Парижъ не былъ занятъ и Наполеонъ окончательно побѣжденъ и низвергнутъ: то и для Пруссіи не могло бы быть въ послѣдствіи тѣхъ славныхъ войнъ 1866 и 1870 годовъ, которыми она нынѣ справедливо гордится, какъ и мы своею Отечественною. Пошатнись тогда Россія подъ бременемъ бѣдствій, которыя вынесены ею на однѣхъ своихъ могучихъ раменахъ, не устоять бы и Пруссіи при тогдашнемъ ея шаткомъ положеніи.

Одинъ изъ ветерановъ 1812 года).*

1876 г.

*) Это Парменъ Семеновичъ Деменковъ, скончавшійся въ маститой старости, 3 Марта 1881 года. Мы надѣемся сообщить читателямъ біографическія свѣдѣнія объ этомъ достопамятномъ человѣкѣ. Ц. Б.

По поводу памятниковъ изъ отбитыхъ въ 1812 году у непріятеля орудій.

Много писалось и говорилось о томъ памятникѣ, соорудить который желалъ Императоръ Александръ I послѣ ряда побѣдъ Русской арміи надъ арміею Наполеона при отступленіи его изъ Москвы, для чего изданъ былъ указъ отъ 14 Ноября 1812 года: собирать всѣ орудія, отбитыя у непріятеля, въ Москву, чтобъ соорудить изъ нихъ столпъ. По распоряженію фельдмаршала князя Кутузова, эти орудія свезены изъ разныхъ мѣстъ въ Москву, и вотъ уже скоро минетъ сто лѣтъ, какъ они лежатъ на постаментѣ у стѣнъ Московскаго Арсенала, со стороны Сенатской площади.

Въ послѣднее время не разъ поднимался вопросъ и въ засѣданіяхъ Комитета по устройству Музея 1812 года въ Москвѣ, и въ Кругѣ ревнителѣй Отечественной войны, и въ междувѣдомственной комиссіи при Главномъ Штабѣ, и въ періодической печати, о желательности осуществить мысль Императора Александра I. Но раздавались голоса и противъ этого осуществленія главнымъ образомъ потому, что сто лѣтъ эти пушки уже пролежали въ Кремлѣ и въ такомъ видѣ хорошо украшаютъ Кремль и Арсеналъ, который, кстати сказать, по указу Петра I, долженъ служить Музеемъ для великихъ воинскихъ трофеевъ на вѣчную славу потомству. Ревнителѣи Московской старины высказывали желаніе сохранить за этими орудіями теперешнее ихъ мѣсто. Въ проектѣ Витберга колонны изъ этихъ орудій предполагались быть поставленными вокругъ храма. Въ проектѣ Тона для этихъ колоннъ оставлены двѣ куртины по бокамъ большой лѣстницы, спускающейся съ площади храма Христа-Спасителя къ набережной Москвы-рѣки. Были высказаны пожеланія соорудить эти колонны и въ Кремлѣ, и на Тверской ул. Вопросъ объ этомъ памятникѣ вызвалъ интересъ въ печати, въ различныхъ засѣданіяхъ комитетовъ и обществъ, въ виду приближающагося столѣтія Бородинской битвы и дѣлаго ряда памятныхъ событій Отечественной войны. Когда догорятъ свѣчи и облетятъ цвѣты предстоящихъ праздноствъ, то волна интереса отхлынетъ, и снова вопросъ о памятникѣ отойдетъ въ даль времени, до тѣхъ поръ, когда какой нибудь изслѣдователь снова, пылъ вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, не подниметъ его къ будущимъ юбилеямъ. Въ настоящее время, когда уже извѣстно предположеніе военнаго министра помѣстить Музей 1812 г. въ зданіи Арсенала, вопросъ о памятникахъ изъ отбитыхъ у непріятеля орудій разрѣшается самъ собой и въ интересахъ ревнителѣй Московской старины, такъ какъ орудія, оставаясь на томъ-же постаментѣ, на которомъ пролежали почти сто лѣтъ, такъ же грозно будутъ охранять будущій Музей 1812 года, какъ того желали многіе прежніе конкуренты въ своихъ проектахъ памятника-столпа. Обращеніе части Арсенала въ Музей, около котораго будутъ лежать снаружи и самыя пушки, является наконецъ осуществленіемъ завѣта великаго Преобразователя Россіи, и такое разрѣшеніе вопроса о Музеѣ Отечественной войны и одновременно о памятникѣ изъ отбитыхъ орудій нельзя не привѣтствовать. Можетъ быть, вопросъ о прочности стѣнъ Арсенала, особенно обращенныхъ

къ Кремлевской стѣнѣ вдоль Александровскаго сада (все еще продолжающихъ осѣдать) нескоро разрѣшится въ смыслѣ надежнаго сохраненія этого замѣчательнаго въ художественномъ отношеніи памятника, заложеннаго 200 лѣтъ тому назадъ; но во всякомъ случаѣ, къ столѣтію Бородинской битвы, въ Кремлѣ возникаетъ новый памятникъ славы, въ которомъ сольются воспоминанія о предкахъ двухъ націй, столь мужественно дравшихся, а теперь связанныхъ узами дружбы.

Обращеніе части Арсенала въ Музей 1812 года можетъ быть, надолго оставить безъ осуществленія мысль о памятникѣ изъ отбитыхъ орудій.

Чтобы будущимъ изслѣдователямъ легче было разобраться въ исторіи этого вопроса, не лишнее будетъ теперь указать о тѣхъ семи проектахъ, которые такъ или иначе имѣли цѣлю осуществить желаніе Радомысла XIX вѣка. Слѣды этихъ проектовъ разбросаны по разнымъ архивамъ и хранилищамъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. три проекта, посланные гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ въ Декабрѣ 1812 г. Императору Александру I, не разъ ставили въ затруднительное положеніе историковъ-изслѣдователей. Съ нихъ я начну. Они описаны въ книгѣ А. Н. Оленина, бывшаго вице-президента Императорской Академіи Художествъ (изд. СПб. 1817): „Опытъ о правилахъ медальернаго искусства съ описаніемъ проектовъ медалей на знаменитѣйшія происшествія съ 1812 года по 1816 г. и трехъ проектовъ памятника изъ огнестрѣльныхъ орудій, отбитыхъ у непріятели въ 1812. А. О.“ Къ этой книгѣ приложены и три эскиза. Одинъ представляетъ тяжелую пирамиду. По характеру расположенія орудій эта пирамида похожа на ту колонну неизвѣстнаго Нѣмецкаго художника, которой эскизъ помѣщенъ въ книгѣ В. А. Петрова: „Орудія, отбитыя у непріятели въ 1812 году“ (изд. М. 1911 г. Музей 1812 г.). Только верхній рядъ гаубиць вѣнчается не обокою, а расходящимся вѣромъ малыхъ пушекъ приподнятыхъ дульными отверстиями немного кверху. На самомъ верху двуглавый орелъ со змѣемъ въ клювѣ. У пьедестала одноглавые орлы, скованные цѣпями. Среди орудій, образующихъ тѣло колонны, выглядятъ въ разныя стороны группы пушекъ въ такомъ сочетаніи: три, двѣ и одна, опять три, двѣ и одна и т. д. Въ ростральной колоннѣ Нѣмецкаго художника помѣщено по одной пушкѣ на колесномъ лафетѣ. Другой проектъ представляетъ такую же тяжелую пирамиду-конусъ, но промежуточные кольца между рядами пушекъ замѣнены спиралью съ барельефами сраженій, на подобіе колонны Траяна. Вѣнчается эта вторая колонна фигурою Св. Георгія Побѣдоносца на конѣ. Третій проектъ образуетъ колонну, въ которой расположеніе пушекъ даетъ всей колоннѣ видъ колоссальной пушки, поставленной торелью (т. е. казенной своей частью) на постаментъ и открывающей свое дуло прямо въ небо. Вѣнчается эта колоссальная пушка статуей Архистратига Михаила съ приподнятыми крыльями; на постаментѣ военные атрибуты. Оригиналы этихъ памятниковъ находятся по всѣмъ вѣроятіямъ въ архивѣ Императ. Академіи Художествъ. Такъ какъ авторъ этой книги описываетъ свои работы, то надо предположить, что и эти проекты памятниковъ принадлежатъ ему. Кстати замѣчу, что описанныя

въ этой книгѣ медали на событія 1812—1815 годовъ представляютъ собою подобную-же серію, какъ и медали гр. Θ . Толстого. Только воины въ одеждѣ и вооруженіи современныхъ эпохъ Александра I, тогда какъ у гр. Θ . Толстого въ классическомъ одѣяніи. И такъ появляющаяся часто теперь заставка въ военно-историческихъ книгахъ и рельефъ на жетонѣ Кружка ревнителей памяти 1812 года и есть одна изъ группъ А. Оленина („Мы всѣ въ одну сольемся душу“). Упоминаю объ этомъ, такъ какъ не разъ приходилось слышать вопросъ— „какого художника работа этого барельефа?“ Книга А. Оленина имѣется въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Кромѣ этихъ трехъ проектовъ памятника имѣются еще четыре. Три изъ нихъ описаны въ трудѣ В. А. Петрова „Орудія, отбитыя у непріятели въ 1812 г.“ Оригиналы ихъ находятся—неизвѣстнаго Нѣмецкаго художника у П. И. Щукина, проектъ Козакова (въ краскахъ)—въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Третій проектъ В. А. Петрова—въ Музеѣ 1812 г. Седьмой проектъ неизвѣстнаго Итальянскаго художника изображаетъ (такъ же какъ и въ проектѣ В. А. Петрова) двѣ колонны на подобіе Траяновой и изображенъ на мѣдныхъ доскахъ храма Христа-Спасителя (корридоръ съ алтарной стороны), на которыхъ представлены Храмъ Спасителя по проекту архитектора Витберга на Воробьевыхъ горахъ, и по проекту арх. Тона. Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ проектовъ (кромѣ проекта В. А. Петрова, составленнаго для комитета по устройству Музея 1812 года, какъ иллюстрація къ докладу) не видно, что была задана тема общая для всѣхъ, или-же для осуществленія мысли Императора Александра I. Взоры всѣхъ художниковъ обратились къ роstralной колоннѣ Римскому консулу Каю Дуилию, разбившему Карфагенскій флотъ, копія которой стоитъ въ С.-Пб. близъ зданія Биржи, или къ Траяновой колоннѣ, которую за образецъ взялъ и Парижъ, соорудившій Вандомскую колонну изъ непріятельскихъ пушекъ въ память великой арміи. Въ началѣ XIX вѣка во Франціи сильно отразилось искусство Рима, и въ Парижѣ немало подражаній классическимъ образцамъ. Это подражаніе замѣтно сказалось и у насъ въ царствованіе Императора Александра I. Только пропорціи въ тѣхъ проектахъ колоннъ, которые представлены были графомъ Θ . В. Ростовчинымъ Государю, сильно грѣшатъ противъ классическихъ пропорцій, и потому большинство этихъ проектовъ представляется очень тяжелыми и неуклюжими и, можетъ быть, объяснено желаніемъ употребить всѣ 875 орудій въ одну колонну. При соблюденіи классическихъ пропорцій она вышла бы очень высока и представила бы техническія трудности для того времени; при пониженій колонны она по неволѣ выходила очень тяжела и некрасива.

Такимъ образомъ оригиналы этихъ проектовъ раздѣлены между С.-Пбургомъ и Москвою, какъ и оригиналы изъ воска гр. Θ . Толстого, которые находятся частью въ Музеѣ Александра III въ С.-Пб., частью въ Третьяковской галлерей въ Москвѣ.

Письмо М. Д. Скобелева къ одному изъ Московскихъ купцовъ *).

Дорогой Иванъ Ильичъ!

Войска здоровы, самъ тоже держусь. Занимаемъ дивный край. Посылаю доказательство. Въ Москвѣ желалъ бы поговорить съ свѣдующими людьми о возможныхъ торговыхъ выгодахъ, истекающихъ изъ нашего новаго завоеванія. Вотъ одно изъ вновь возникающихъ соображеній:

1) Отъ Бухары до Оренбурга 90-100 дней верблюжьего хода. Попудная плата до 19 р. до Оренбурга. Дальнѣйшая доставка къ Нижнему вамъ извѣстна; на всемъ пути *два* перегрузки.

Съ покореніемъ Ахал-теккинскаго оазиса и проведеніемъ желѣзной дороги до Кизыль-Арвата, тотъ же пудъ изъ Бухары:

На 3 день въ Чарджуѣ, верблюдами.

На 5 день въ Куне-Ургензѣ, крайне дешево, ибо по Аму, на плоскодонныхъ большихъ лодкахъ. Я на нихъ ѣздилъ по Аму въ 73 году. Они вмѣстительны и поднимаютъ 15—20 т. пудовъ.

12 день, черезъ степь верблюдами въ Кизыль-Арватъ.

2 дня до Михайловскаго залива.

2 дня до Красноводскаго порта.

4 дня до 9 футъ въ Астрахани.

28 дней. Правда, 7 перегрузокъ. Все это заслуживаетъ вниманія. Затѣмъ Волгою до Нижняго.

Еще другое соображеніе.

Нашъ товаръ идетъ въ Хоросанъ черезъ Мешедессеръ и даже Ензели, гдѣ открытые рейды и стоимость выгрузки неимовѣрная. *Красноводскъ единственный портъ во всемъ отношеніяхъ обученный на Восточномъ берегу Каспійскаго моря.* Онъ соединяется со внутренностью страны на 350 верстъ паровымъ сообщеніемъ. Отъ Кизыль-Арвата, хотя бы до Люфти-Абада, на высотѣ *Мешед*, и отъ него въ 4 дневномъ разстояніи, и дорога вполне колесная. Изъ оазиса въ Хоросанъ тоже дороги есть колесныя. Персидскіе товары, увѣренъ, тоже пойдутъ на Кизыль-Арватъ.

Прощайте, некогда кончатъ. Входитъ въ палатку Магомедъ-Али Ханъ (ген. губ.) Ильнаній Деренза; съ нимъ еще много работы, а уже 10^{1/2} ч. вечера. Я только хотѣлъ забросить мысль. Подробно выяснитъ всегда готовъ, если будетъ нужно. Не забудьте мой уголокъ.

Цѣлую. Вашъ М. Скобелевъ.

*) Подлинникъ въ библиотекѣ Московскаго Биржеваго Комитета. Къ письму приложенъ своеручный чертежъ. П. Б.

ПОДГОРИЧСКАЯ БЫЛЬ.

(Изъ дѣлъ Перемышльской Воеводской Канцеляріи).

Насупротивъ крутого взгорья, на гребнѣ котораго дремлетъ изъ вѣка въ вѣкъ, опоясанная яблоневымъ садомъ, святая Троице-Лютикова обитель, тамъ, гдѣ дуплистыя, трухлявыя деревья закрываютъ отъ суетныхъ взоровъ мірскихъ людей старыя, осѣвшія въ землю, стѣны древнихъ храмовъ,—глубокая долина, по которой великая прихотница Ока разбросала излучины своей серебристой ленты, раздвигается въ длинную и широкую пойму. На ней стелются свѣтлою гладью озера-старницы—Желоховское, Никольское и другія. Широкой полосой придвинулись къ ней густыя конопляники; буйною, что рожь колосистая въ урожайный годъ, душистою и сочною травкою поросли окружные луга. Безъ умолку перекликаются въ нихъ неугомонные перепела, тянетъ однообразную пѣсню пугливый дергачъ, весело щебечать въ густыхъ заросляхъ ивняка малиновки и слѣвки, заливается надъ ними серебристой трелью пѣвецъ лазури, голосистый жаворонокъ. Отъ старницы къ старицѣ переносятся вспугнутыя стаи дикихъ утокъ, тянетъ цапля съ озера на озеро, немолчно гудить и жужжить насѣкомый міръ...

Позади той поймы, по крутому взгорью, словно гнѣзда, живописно прильнули къ высокимъ холмамъ села Желохово, Верхніе и Нижніе Подгоричи, деревни Торпова и Горки. Недалеке разстояніе отдѣляетъ ихъ одно отъ другаго, короткій путь лежитъ отъ нихъ до города Перемышля: напрямикомъ и десяти верстъ не будетъ отъ самаго дальняго изъ нихъ села Желохова.

Въ половинѣ XVIII вѣка сидѣли по тѣмъ селамъ и деревнямъ помѣщичьи семьи. Жили и по слабости человѣческой грѣшили. Съ того времени давно запусѣли барскія усадьбы, а гдѣ и слѣда отъ нихъ не осталось. Неузнаваемо измѣнились села и деревни, измѣнились наряды и пѣсни сельчанъ. Но попрежнему въ урочные часы гулко и торжественно раздается благовѣсть Троицкихъ монастырскихъ колоколовъ, попрежнему будить онъ дремлющую совѣсть людей, призывая подъ кровъ своихъ древнихъ храмовъ помолиться о своихъ грѣхахъ и о грѣхахъ здѣсь почившихъ братьевъ нашихъ.

Нѣсколько поколѣній сошло въ могилу со времени событій разсказанныхъ ниже. Въ памяти людской дѣла тѣхъ дней давно забыты, забыты и самыя имена дѣйствовавшихъ лицъ; но на пыльной полкѣ Калужскаго Историческаго Музея, тамъ гдѣ высится полуистлѣвшая груда стараго воеводскаго архива бывшей Калужской провинціи, сохранились ветхіе листы двухъ дѣлъ Перемышльской Воеводской Канцеляріи. Они сохраняютъ ту старую повѣсть, что предлагаю я ниже читателю; они разсказываютъ о тѣхъ жестокихъ временахъ, когда ни въ чемъ неповинныя дѣти, расплачиваясь за грѣхи своихъ матерей, теряли доброе имя и средства, теряли свободу и становились безответными рабами вздорнаго и жестокаго барина, мстившаго имъ за измѣну ихъ матери.

I.

Дѣло поручика Мезенцова.

18-го Февраля 1762 года императоромъ Петромъ III подписанъ манифестъ о дарованіи вольности и свободы всему Россійскому дворянству. Этимъ манифестомъ раскрѣпошалось Русское дворянство, отмѣнялась обязательная для него служба до сорокапятилѣтняго возраста.

Бурнымъ ликованіемъ привѣтствовало дворянство царскую милость. „Не могу изобразить, пишетъ Болотовъ, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря Государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей“.

Очень многіе не замедлили воспользоваться благодѣтельнымъ манифестомъ и, бросивъ ненавистную военную службу, радостно понеслись къ предѣламъ родныхъ палестинъ, въ свои давно насиженные родовыя помѣстья. Празднуютъ маменьки возвращеніе сыновей, радостно встрѣчаютъ жены прибывающихъ мужей; но есть и такія, которымъ возвратъ ихъ очень не по сердцу.

На долгіе годы отрывала тогда военная служба мужей отъ женъ; случалось, что она забрасывала ихъ въ такую даль, что по полтора, по два десятка лѣтъ, а то и больше, не возвращались они къ домашнимъ пенатамъ. При такихъ долговременныхъ разлукахъ не всегда могли жены соблюсти себя. Не обходилось безъ грѣха: одна на богомольѣ въ монастырѣ монахомъ соблазнится, другая заѣзжимъ офицеромъ прельстится, третья съ посадскимъ въ городѣ слюбится, а какая и дома у себя въ деревнѣ заведетъ дружка милаго изъ своихъ крѣпостныхъ. Всяко бывало, всякія дѣла случались о ту пору.

Надумалъ воспользоваться благодѣтельнымъ манифестомъ и поручикъ Иванъ Николаевичъ Мезенцовъ, помѣщикъ села Вышнихъ Подгоричей, Перемышльскаго уѣзда, Калужской провинціи; надумалъ, хотъ и не сразу по выходѣ манифеста, но вскорѣ послѣ того. Много лѣтъ прошло съ того дня, какъ уѣхалъ онъ изъ родныхъ мѣстъ на далекую чужбину отбывать военную службу;

много воды утекло съ тѣхъ поръ, и многое перемѣнилось въ селѣ Вышнихъ Подгоричахъ. Чтò къ лучшему стало, а чтò и похужѣло. Не ждали, не гадали такъ внезапно увидѣть барина его Подгоричскіе мужики, не чаяла увидеть нежданнаго гостя и супруга его Агаѣя Козминишна. Наслалъ Богъ: совсѣмъ нежеланнымъ гостемъ пріѣхалъ долго пропадавшій мужъ. Давно отвыкла она отъ него, а къ тому же и большое сумлѣніе одолевало ее: въ долгіе годы его отсутствія развлекала себя Агаѣя Козминишна непохвальными дѣлами и прижила четырехъ дѣтей. Приходилось ей теперь передъ мужемъ отвѣтъ держать. Кто въ его отсутствіе утѣшалъ скучающую соломенную вдову, изъ дѣла не видно; но, во всякомъ случаѣ, предмета страсти Агаѣи Козминишны уже давно не было въ селѣ Вышнихъ Подгоричахъ, и младшему изъ ея незаконнорожденныхъ дѣтей, сыну Мокею, шелъ десятый годъ. Не видны изъ дѣла ни подробности встрѣчи супруговъ, ни средства, какими утверждалъ по пріѣздѣ отставной поручикъ свою невѣрную жену въ любви къ нему и послушаніи. Но надо полагать, встрѣча не носила нѣжнаго характера, и готовность, съ которою впослѣдствіи Агаѣя Козминишна удовлетворяетъ всѣ требованія мужа, заставляетъ предполагать, что она была подвергнута муштровкѣ.

XVIII вѣкъ разводовъ не зналъ; въ распоряженіи мужей въ тѣ добрыя, старыя времена оставалось одно средство отдѣлаться отъ постылой или невѣрной жены—упрятать ее въ монастырь, но это не легко было устроить. На что крутенецъ и самовластенъ былъ покойный императоръ Петръ Алексѣевичъ, однако и ему много досталось хлопотъ при постриженіи царицы Евдокии Оедоровны Лопухиной. Вотъ потому-то въ старину, какъ бы худа жена ни была, терпѣли ее при себѣ, жили съ ней до гробовой доски. Мезенцову оставалось такъ-же поступить. Но была у него и другая забота: нужно было такъ или иначе распорядиться относительно незаконнорожденныхъ дѣтей.

1 Декабря 1765 года подаетъ отставной поручикъ Мезенцовъ въ Перемышльскую Воеводскую Канцелярію челобитную и въ ней по пунктамъ показываетъ, что въ бытность его на военной службѣ, его жена Агаѣя, дочь Козмина, прижила незаконнорожденныхъ дѣтей: сыновей—Корнѣя, Николая и Мокея и дочь, дѣвку Авдотю, которымъ нынѣ отъ роду: Корнѣю—16 лѣтъ, Николаю—15 лѣтъ, Мокею—9 лѣтъ и дѣвкѣ Авдотѣ—12 лѣтъ. Всѣ они воспитаны въ его домѣ, въ подушный окладъ ни за нимъ, ни за кѣмъ другимъ не положены и состоятъ праздными, а потому проситъ онъ, принявъ его челобитную, поименованныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей написать за нимъ въ селѣ Подгоричахъ въ подушный окладъ и учинить о томъ, какъ указы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ.

Прошеніе написано рукою копіиста Перемышльской канцеляріи Тимошей Астафьева, но подпись сдѣлана рукою самаго Мезенцова. Того же числа занесли въ журналъ Воеводской Канцеляріи постановленіе, которымъ велѣно было прошеніе отдать въ помытѣ, а жену Мезенцова и прижитыхъ ею дѣтей

ыскать и допросить, провѣривъ ихъ показанія обыскомъ (опросомъ) священника и церковно-служителей села Вышнихъ Подгоричей, а также освѣдомленныхъ объ этомъ дѣлѣ сосѣднихъ дворянъ и людей другихъ чиновъ. Журналь подписали воевода надворный совѣтникъ Никифоръ Офросимовъ, товарищъ воеводскій маіоръ Павелъ Назимовъ и секретарь Петръ Качаловъ.

Въ село Вышніи Подгоричи былъ командированъ канцеляристъ Прохоръ Четвериковъ. 12 Января 1766 года онъ возвратился въ Перемышль и при доношеніи объявилъ въ канцеляріи и самоѣ Агаѣю Козминишну, и ея дѣтей. Къ донесенію приложены были объявленія священника села Подгоричей попа Дениса Никитина, дьякона Аѳанасія Борисова, помѣщика Литвинова и нѣсколькихъ крестьянъ Подгорицкаго прихода. Свидѣтели единогласно показывали, что дѣти незаконно прижиты Агаѣей Козминишной въ бытность Мезенцова на военной службѣ. Священникъ собственноручно подписалъ свое показаніе, за дьякона приложилъ руку его сынъ, церковникъ (дьячекъ) Тимоѣей Аѳанасевъ, „понеже онъ дьяконъ самъ писать не умѣетъ“, за крестьянъ и помѣщика, отставнаго капрала Ивана Литвинова, росписался ихъ духовный отецъ, попъ Діонисій Никитинъ.

Того же 12 Января 1766 года въ присутствіи канцеляріи допрашивали жену Мезенцова и ея дѣтей. Агаѣя Козминишна не стала заператься; она созналась, что дѣти прижиты ею незаконно, что воспитывала она ихъ въ домѣ мужа его коштомъ, такъ какъ своего приданаго недвижимаго имѣнія не имѣетъ.

Дѣти Мезенцовой на допросѣ показали, что вѣдомо имъ отъ матери, что прижиты они незаконно, но съ кѣмъ именно, того они не знаютъ, воспитаны въ домѣ Мезенцова и проживаютъ тамъ и понынѣ; отчества они носятъ разные, но именамъ своихъ крестныхъ отцовъ. Всѣ оказались неграмотными.

Младшаго изъ нихъ, Мокея, присутствіе, за его малолѣтствомъ, не допрашивало.

По требованію Воеводской Канцеляріи Мезенцовъ представилъ дополнителныя свѣдѣнія по тому же дѣлу: онъ указалъ, что крещены дѣти священникомъ села Подгоричей, попомъ Денисомъ Никитинымъ, что воспріемниками были: Корнѣю—покойный Подгорицкій попъ Борисъ Филимоновъ, Николаю—крестьянинъ помѣщика Астафьева, Родіонъ Васильевъ. Мокею—дьяконъ Аѳанасій Борисовъ и дѣвкѣ Авдотѣ—сынъ дьякона, церковникъ Антошъ Аѳанасевъ.

О всемъ изложенномъ составили промеморію и послали ее въ Перемышльское Духовное Правленіе съ просьбой произвести попу Денису и воспріемникамъ сыскъ и допросъ и, по учиненіи таковыхъ, прислать о томъ промеморію въ канцелярію.

Сыскъ Духовнаго Правленія ничего новаго не далъ. Причтъ села Подгоричей и крестьянинъ Родіонъ Васильевъ подтвердили показанія Мезенцова, и дѣло пошло обратно въ Воеводскую Канцелярію. Въ Мартѣ мѣсяцѣ того же года состоялось по дѣлу Мезенцова окончательное постановленіе канцеляріи. По этому постановленію, согласно указу Правительствующаго Сената отъ 13 Іюля 1744 года, незаконнорожденные дѣти Агаѣи Козминишны, какъ воспитанныя на средства Мезенцова, были записаны за нимъ.

Указъ Сената, на который ссылалась канцелярія гласилъ: „Незаконнорожденныхъ записывать за тѣхъ людей, къмъ они воспитаны, и быть у нихъ вѣчно, равно яко крѣпостные, а постороннимъ по ихъ желанію не отдавать“.

II.

Дѣло вдовы Боряевой.

Полтора года прошло со времени описанныхъ событій въ селѣ Вышнихъ Подгоричахъ. Умолки разговоры и пересуды по дѣлу Мезенцова, и вотъ неожиданно-негаданно выплываетъ наружу другое темное дѣло, на этотъ разъ въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ. Выплываетъ оно по челобитью помѣщицы этого села Софіи Ивановны Боряевой....

Стояла страдная пора, самый разгаръ Петровокъ, тѣ дни, когда разряженные въ цвѣтныя сарафаны красныя дѣвки и молодицы съ веселымъ говоромъ ворошатъ поваленное въ ряды свѣжескошенное сѣно, мечутъ его въ копны и высокіе стога, когда по вѣтмъ проселочнымъ дорогамъ ползутъ и скрипятъ тяжело нагруженные возы съ сѣномъ, тѣ лѣтніе дни, когда ребятишки съ глиняными кувшинами и съ плетеными лукошками бродятъ по межамъ и опушкамъ лѣса, собирая сиблюю сочную землянику и первые грибы, когда безъ умолку кукуетъ кукушка и ворожатъ по ней добрые люди, сколько кому вѣку осталось, о ту самую страдную, но веселую пору на господскомъ дворѣ въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ, запрягали Подгорицкой барынѣ лошадей: собиралась Софья Ивановна, вдова капрала Петра Кириловича Боряева, въ городъ, снаряжалась въ путь-дорогу къ самому Черемышльскому воеводѣ майору Назимову. Ъхала она къ нему искать суда-расправы на злого обидчика, своего родного сына Ивана. Недосугъ ей было: сѣнокосъ въ разгарѣ, дѣла и заботы по самое горло, да приспичила нужда большая.

Стакнувшись съ Калужскимъ полицмейстеромъ Никитою Осиповичемъ Уваровымъ, озорной сынъ ея Иванъ, что недавно (въ силу указа о вольности дворянства) вернулся съ военной службы на свое пропитаніе къ ней въ деревню, безмѣрно наглостью своею сильно (насилно) отнималъ имѣніе у законныхъ ея дочерей, единоутробныхъ своихъ сестеръ—Ульяны, Авдотьи и Лукеріи. А тотъ сынъ Иванъ имѣнію тому не наслѣдникъ: прижить онъ ея незаконно, лѣтъ двадцать шесть тому назадъ отъ одного посторонняго чело-

вѣка; прижить въ то самое время, какъ мужъ ея капралъ Петръ Кириловичъ былъ внѣ дома, отбывалъ многолѣтнюю службу царскую, а она Софья Ивановна одна-одинешенька горе-горевала. Была она въ тѣ поры баба молодая, кровь съ молокомъ. Въ такіе годы бабѣ всякая дурь въ голову лѣзеть. Добрыхъ людей, что могли-бы во время опаматовать ее, да остеречь отъ срама, около не было. Сама она не знаетъ, какъ тотъ грѣхъ приключился съ нею. Знамо дѣло, не безъ того, что нечистый попуталъ ее. Подвернулся ей тогда человекъ такой, приглянулся онъ ей, соломенной вдовѣ; показался краше всѣхъ на бѣломъ свѣтѣ. Не сумѣла она оберечь себя отъ его ласковыхъ да пагубныхъ рѣчей, забыла клятву, что передъ алтаремъ святымъ Господу Богу дала, какъ вѣнчали ее съ Петромъ Кириловичемъ, забыла и наказъ его крѣпкій, да строгій, сказанный, какъ уходилъ онъ на службу царскую: строго повелѣлъ онъ блюсти себя, вѣрной женой по конецъ живота пребывать. Ужь и было ей тогда сраму по всему околотку; пересушіе языки ея завистницъ, да лиходѣекъ, кажись, совсѣмъ готовы были сжить ее со свѣта бѣлаго. Много она тогда изъ-за него Ваньки, озорного сына своего, безчестія вынесла, великаго страха передъ мужемъ и начальствомъ натерпѣлась, и онъ же, этотъ Ванька, теперъ жить ей не даетъ: хочеть оттягать законное имѣніе у дочерей ея.

19 Іюня 1767 года подаетъ Софья Ивановна Боряева въ Перемышльскую Воеводскую Канцелярію челобитную, а въ ней по пунктамъ указываетъ: имѣлось за покойнымъ ея мужемъ, капраломъ Петромъ Кириловичемъ Боряевымъ, въ Перемышльскомъ уѣздѣ, въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ, недвижимое имѣніе пашенныя земли и сѣнные покосы, а при нихъ всякія угодья. Къ тому имѣнію, по смерти капрала, остались наслѣдниками ея родныя дочери, Ульяна, Авдотья да Лукерья, прижитыя ею законно отъ ея мужа Петра Боряева. Кромѣ нихъ имѣется у нея незаконнорожденный сынъ Иванъ, по крестному отцу Алексѣевъ; когда былъ тотъ Иванъ на военной службѣ, не увѣдомилась она, что онъ, правъ на то не имѣя, писался законнымъ сыномъ ея мужа и назывался по его отчеству и фамиліи. Нынѣ, въ силу указа о вольности дворянства, онъ отставленъ на свое пропитаніе. Сообщась съ Калужскимъ полицмейстеромъ Никитою Осиповымъ Уваровымъ, тотъ незаконнорожденный сынъ ея Иванъ отнял у законныхъ ея дочерей имѣніе.

Сообщая всѣ эти подробности, просила Софья Ивановна, „дабы указомъ повелѣно было“ представляемое ею челобитіе принять, сына ея Ивана отъ незаконнаго пользованія имѣніемъ отстранить, самоѣ ея „въ подтвержденіе“ указанныхъ фактовъ допросить въ присутствіи канцеляріи и сверхъ того „дабы она въ нареканіи не осталась“ (что, желая въ недвижимомъ имѣніи утвердить наслѣдниками дочерей, а его безвинно отрѣшить, показала ложно) „учинить сторонними людьми повальный обыскъ“, который выяснилъ бы, что тотъ сынъ ея Иванъ „точно прижить ею безъ мужа и въ бытность его въ военной службѣ“.

За неграмотностью помѣщицы вдовы Боряевой по ея просьбѣ поданную челобитную подписалъ церкви Флора и Лавра попъ Василій Стефановъ.

Подавая свое прошеніе, вдова капрала всего менѣе руководствовалась чувствомъ справедливости. Какъ видно изъ дѣла, была она дама весьма хоро- вистая, самоуправная, противорѣчія не терпѣла, что называется бой-баба. Сыножь, надо думать, унаслѣдовалъ ея характеръ. Самостоятельная жизнь въ полку окончательно убила въ немъ привычку уступать матери. Между ними, по возвращеніи его съ военной службы, пошли большіе нелады, а когда сынъ, опираясь на мнимое отчество капрала, обнаружилъ къ тому же намѣреніе завладѣть имѣніемъ, своенравная мать не задумалась обличить его самозванство и заварила такую кашу, расхлебывать которую одинаково тяжело пришлось и ей самой, и сыну. Но, извѣстное дѣло, въ дракѣ волосъ не жалѣють и, снявъ голову, по волосамъ не плачуть.

Будь, что будетъ, рѣшила вдова капрала, а не дамъ я ему супротивнику воли надъ имѣніемъ и добромъ моимъ, раченіемъ, да трудами покойнаго Петра Кириловича, царство ему небесное, скопленное. Поди, какой прыти набрался! Не имѣешь должнаго почтенія къ родной матери: нѣтъ тебѣ озорнику ни роди- тельскаго благословенія моего, ни имѣнія трудами нашими нажитаго: да почитай, еще и званіе съ тебя снимуть: будешь какъ холопъ, въ подушный окладъ за сестрами зачтуть, вотъ все одно, какъ дѣтей Мезенчихи.

Того-же 19-го Іюня присутствіе Перемышльскаго Воеводскаго Канцеляріи постановило челобитную вдовы Боряевой отдать въ повытѣ, а для испрашиваемаго обыска о незаконномъ рожденіи Ивана Боряева отправить въ Подгоричи нарочнаго, давъ ему надлежащую инструкцію.

На другой день, вдова Боряева въ присутствіи канцеляріи подробно была допрошена и въ томъ допросѣ, подтвердивъ все написанное ею въ чело- битнѣ, показала, что крестень ея незаконнорожденный сынъ Иванъ священни- комъ церкви Никола въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ попомъ Алексѣемъ Ива- новымъ, „онъ же попъ ему Ивану и воспріемникомъ былъ“: воспитанъ онъ ею Боряевой, но на чьи средства, мужа или ея личныя, она не указала.

Нарочнымъ въ село Нижніе Подгоричи отправленъ былъ канцеляристъ Перемышльскаго Воеводскаго Канцеляріи Прохоръ Четвериковъ. Въ инструкціи выданной ему, предписано было, прибывъ въ село Нижніе Подгоричи, опро- сить всѣхъ живущихъ тамъ священно и церковно-служителей, дворянъ и дру- гихъ чиновъ людей о незаконномъ рожденіи Ивана Боряева и въ томъ, что покажутъ они, взять отъ нихъ за ихъ собственноручными подписями „объявленія“. Подъ опасеніемъ штрафа предписывалось Четверикову, „бывъ въ той побывкѣ, обидѣ никому не чинить“.

Первымъ опрошенъ былъ священникъ села Нижнихъ Подгоричей попъ Іоаннъ Алексѣевъ, сынъ и пріемникъ по должности покойнаго Нижне-Подго- ричскаго попа Алексѣя Иванова. Законно или незаконно прижила Боряева сына своего Ивана—показалъ попъ Иванъ—про то мнѣ не вѣдомо, и сказать о томъ я ничего не знаю.

Это „вѣдать не вѣдаю, знать не знаю“, былъ обычный отвѣтъ сельскихъ поповъ XVIII-го вѣка. Просматривая дѣла Воеводскаго Канцеляріи и разбираясь

въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, всегда находишь одинъ и тотъ же отвѣтъ сельскихъ священниковъ, что имъ-де по дѣлу ничего не вѣдомо. Объясняются эти осторожныя и уклончивыя показанія матеріальной необезпеченностью и крайне пониженнымъ положеніемъ сельскаго причта въ XVIII-мъ вѣкѣ. Попъ Иванъ не могъ не знать о незаконномъ рожденіи Ивана Боряева, но онъ предпочелъ отговориться невѣдѣніемъ, дабы правдивымъ показаніемъ не испортить своихъ добрыхъ отношеній съ барскимъ дворомъ.

Допрошенные того же 8-го Іюля, Перемышльскаго уѣзда, села Нижнихъ Подгоричей, жена прапорщика Ивана Аверкіевича Гулякова, Татьяна Ивановна и дворянинъ отставной сержантъ, Ермилъ Андреевичъ Боряевъ подтвердили, что, дѣйствительно, Иванъ Боряевъ рожденъ Софьею Ивановною незаконно и въ бытность ея мужа на военной службѣ. Росписался за нихъ подъ ихъ показаніемъ мѣстный пономарь Артемій Ивановъ, повидимому, сынъ попа Ивана.

Тоже самое сказали опрошенные крестьяне сосѣднихъ помѣщиковъ: прапорщика Баскакова, Екатерины Герасимовны Ефимовой, жены секретаря Государственной Вотчинной Коллегіи, и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпрапорщика Астахова.

Доношенія Четверикова съ приложенными къ нему свидѣтельскими показаніями поступило въ канцелярію только 2-го Августа. Чтò было причиной такой медлительности въ дѣлопроизводствѣ, не извѣстно.

Вообще дѣло Боряевыхъ, повидимому, пришлось очень не по сердцу Перемышльскимъ властямъ. Уже съ первыхъ дней Перемышльская Воеводская Канцелярія проявляетъ непонятную медлительность. Только послѣ шестнадцатидневной проволочки даетъ она приказъ ѣхать нарочному въ село Нижніе Подгоричи. Однимъ днемъ заканчивается Четвериковъ опросъ свидѣтелей, но только по истеченію трехъ съ половиною недѣль подаетъ онъ въ канцелярію свое донесеніе о результатахъ поѣздки. Согласно установленному порядку, это донесеніе немедленно надлежало заслушать въ присутствіи канцеляріи и о томъ составить журналъ съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ присутствія. Въ дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго. Безъ всякихъ разсужденій оно кладется подъ сукно. Сопричастнымъ къ этому дѣлу оказался Калужскій полицмейстеръ Уваровъ. Какъ ни-какъ, полицмейстеръ главнаго города провинціи являлся по тому времени виднымъ административнымъ лицомъ; ссориться съ нимъ Перемышльскому воеводѣ не было никакого разчета, и, хотя прямыхъ указаній на то въ дѣлѣ Боряевой не имѣется, но, надо полагать, Перемышльская канцелярія употребила всѣ мѣры къ тому, чтобы замѣть неприятное дѣло и такъ или иначе челобитную Софіи Ивановны оставить безъ дальнѣйшаго движенія. Съ другой стороны, считаясь съ тѣмъ, что Боряева послѣ 19-го Іюня новыхъ челобитій не подаетъ, можно съ большою вѣроятностью предположить, что вдова капрала въ той или иной формѣ была ублажена и тоже нашла болѣе выгоднымъ для себя замѣть дѣло.

Послѣ того оно долго остается безъ всякаго движенія и, когда, послѣ двухлѣтняго пребыванія подъ сукномъ, снова выплыло на поверхность бумажной волокиты, лицомъ причастнымъ къ его возбужденію оказывается поручикъ Новгородскаго полка Михайла Арефьевичъ Степановъ. Какое отношеніе онъ имѣлъ къ семьѣ Боряевыхъ, изъ дѣла не видно.

Въ началѣ Января 1769 года поступаетъ въ Перемышльскую канцелярію изъ Государственной Вотчинной Коллегии требованіе представить точную копию съ дѣла Боряевой, при чемъ указывается, что означенная копія вытребывается вслѣдствіе поступившаго челобитія отъ поручика Новгородскаго полка Михайлы Арефьева Степанова. Перемышльская Воеводская Канцелярія исполнила требованіе Коллегии. При рапортѣ за № 59 копія была выслана. По этому началу можно было ожидать новаго ворошенія Боряевскаго дѣла, но этого не случилось. Нить дѣлопроизводства еще разъ оборвалась и на этотъ разъ окончательно.

За два года, протекшіе со дня подачи Боряевой ея челобитной, много измѣнилось въ селѣ Нижнихъ Подгоричахъ. Дочери Софіи Ивановны повышли замужъ. Старшая, Ульяна, сочеталась законнымъ бракомъ съ отставнымъ подпрапорщикомъ Исаемъ Ѳедоровичемъ Щукинымъ, Авдотья вышла замужъ за отставного подпрапорщика Романа Васильевича Васятина, младшая Лукерья за церковнаго причетника города Козельска Гаврила Максимова.

В. Кашкаровъ.

**Андрей Александровичъ
ТИТОВЪ**

волею Божіею скончался 24-го Октября, въ 9 часовъ вечера, въ Ростовѣ-Великомъ.

Помяни ею, Господи, во Царствіи Твоемъ!

ныхъ Разстриги, не покидающій его за рубежомъ. Словомъ сказать, рядъ документовъ, которые проливаютъ свѣтъ, но пожалуй еще болѣе осложняютъ вопросъ .

Пожаръ Москвы. По воспоминаніямъ и перепискѣ современниковъ. М. 1911 г. В. 8^о 157 стр. Съ портретами и картинками.

Книга эта есть нѣкоторый родъ хищенія: въ ней дословно перепечатаны изъ «Русскаго Архива» разныхъ годовъ Записки о 1812 годѣ Маракуева и письма графа Растопчина. Отысканіе ихъ сопряжено было для насъ съ трудомъ, а за письма Растопчина переплачена сыну его графу Андрею Федоровичу не одна сотня рублей. Такія перепечатки производятся изъ «Русскаго Архива» разными періодическими изданіями довольно часто, что начетисто для нашего изданія: обыкновенно, что поживѣе и занимательнѣе, переходитъ въ газеты, а остальное можетъ занимать только немногихъ людей науки и любителей историческаго чтенія въ болѣе или менѣе строгомъ видѣ. У Французовъ имѣется на это охрана, и на заголовкѣ книги печатается запретъ перепечатки и перевода на иностранные языки.

Русскій Биографическій Словарь. Шебановъ—Шютцъ. Издаваемый Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Спб. 1911 г. Больш. 8^о. 557 стр.

Мы прочли изъ этого превосходнаго изданія (за почивъ и веденіе котораго нельзя не помянуть добромъ покойныхъ А. А. Цоловцева и Г. Э. Штендмана) лишь нѣсколько біографій. О принопамятномъ нашемъ профессорѣ С. П. Шевыревѣ цѣлая большая статья, преимущественно касающаяся только его ученой и словесной дѣятельности; онъ вовсе не изображенъ тутъ, какъ опытный педагогъ, другъ студентовъ и постоянный ихъ благо-

творитель, подававшій имъ не только добрые совѣты, но и ссужавшій деньгами, доставлявшій уроки. Онъ почти до конца своего профессорскаго поприща, пока не увлекся борьбою съ противниками его мнѣній, заражалъ молодыхъ людей своею неутомимою дѣятельностію. Разнообразіе познаній было у него на рѣдкость. Въ біографіи опущена злополучная его исторія съ графомъ В. А. Бобринскимъ, который оскорбилъ его отзывомъ о его сурругѣ. Шевыревъ, маленькій и тщедушный, былъ избитъ великорослымъ своимъ противникомъ до того, что долженъ былъ нѣсколько недѣль пролежать въ постели. Послѣ этой исторіи П. М. Леонтьевъ, взойдя на кафедру, сказалъ студентамъ: «господа, поздравляю васъ, нашу кликушу побили». И это педагогъ! По выздоровленіи Шевыревъ уѣхалъ въ любимую свою Флоренцію, откуда переселился въ Парижъ, гдѣ послѣдовала его тихая христіанская кончина: за четверть часа до нея, онъ сказалъ своей дочери трогательное прекрасное четверостишіе. **П. В.**

Resignation. Стихотвореніе Шиллера. 1904 г. М. 8^о 9 стр.

Нѣмецкій подлинникъ съ подписью А. Р. Ярославль 5 Мая 1904 г. Языкъ Русскаго стихотворнаго перевода безукоризненъ.

Изъ Гёте. Посвящается княгинѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Шаховской. Спб. 1908 г. М. 8^о 7 стр.

Это Гётево «посвященіе» и «изъ пролога къ Фаусту». Нѣмецкій подлинникъ съ прекраснымъ Русскимъ переводомъ въ стихахъ, изъ которыхъ подъ первыми подписано Петербургъ 4 Мая 1908 года, а подъ вторыми А. Р. Петербургъ 23 Марта 1908 года.

Объ брошюры изящно напечатаны въ Московской Синодальной Типографіи съ раскрашенными заставками.

Княгиня Е. Д. Шаховская—дочь графа Д. А. Милютина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1912 года.

(Годъ 50-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой. девять рублей. для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія Русскаго Архива разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ «Русскаго Архива».

Полный 1884 годъ продается по три рубля.

Годы: 1889, 1890, 1894, 1898 -1906 продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартенева**.

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

12.

Стр.

481. Изъ писемъ князи А. П. Виземскаго къ графу А. Р. Воронцову.

534. Изъ портфеля стараго журналиста. Письма разныхъ лицъ къ **Ө. А. Кони: А. Д. Улыбышева и А. Ө. Вельмана** и приветственные стихи **Н. И. Греча и Н. А. Полевого.**

545. Изъ воспоминаній **П. И. Щукина.** (Москва.—Кунцево.—Выборгъ).

552. Высочайшій смотръ Николаевскаго времени. **К. Н. Добровольскаго.**

554. Объ измѣненіи границъ губерній. Справка изъ прошлаго.

556. Изъ воспоминаній объ эмиръ Бухарскомъ **Ахадъ-ханѣ Безсмертнаго.**

559. Ломоносовъ, какъ историкъ. **А. П. Н.**

567. Воспоминанія генерала-адъютанта Д. С. Арсеньева (1877—1878): Поездка Великаго Князя Сергія Александровича въ Болгарію на войну.

689. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива». (Ревельская Дума.—Женитьба императора Александра Николаевича.—Графъ А. В. Адлербергъ.—А. А. Воейкова).

Внутри обложки: О пребываніи въ Россіи Датскаго королевича Иоанна. 1604.

Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1912 г.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

Пребываніе Датскаго королевича въ Россіи. 1602. 63 стр. въ III-ей книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ».

Работы Ю. Н. Щербачева въ Копенгагенскомъ Государственномъ Архивѣ обогатили нашу историографію двумя цѣнными приобрѣтеніями. Переведенный имъ съ Датскаго Дневникъ Юста Юля по важности своей можетъ быть прировненъ къ Дневнику камеръ-юнкера Берхгольца: въ нихъ Петръ Великій и его время изображаются воочию.

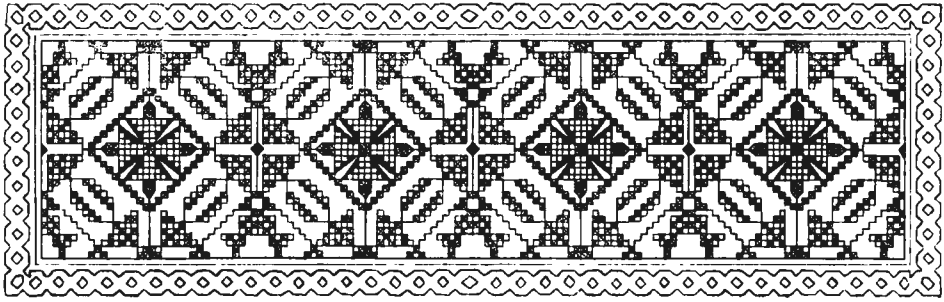
Нынѣ появился новый трудъ Ю. Н. Щербачева: онъ перевелъ съ Датскаго важную для исторіи Бориса Годунова современную ему записку.

Кто именно описалъ пребываніе въ Россіи Иоанна, родного брата Датскаго короля Христіана IV, точно не видно; но описаніе сдѣлано уже по смерти королевича. Нельзя не дивиться богатству царскихъ даровъ, которыми онъ нѣсколько разъ былъ осыпанъ: перечисленіе ихъ занимаетъ нѣсколько страницъ. Будущему жениху Ксеніи Борисовны прислана была повозка, запряженная шестью сѣрыми лошадьми со сбруей изъ краснаго бархата; ея желѣзо было вездѣ посеребрено, а бархатныя подушки покрыты узорами, вытканными по золотому полю. Путешественники однако не были довольны и ночевали большею частью въ палаткахъ, а въ помѣщеніи не входили изъ-за вони въ нихъ. Любопытно, что пути сообщенія въ нынѣшней Тверской губерніи и теперь точно таковы же, какіе были испытаны Датчанами въ 1602 году. Старица описана какъ главный городъ края. Путешественникамъ часто приходилось проѣзжать мимо монастырей, и монахи внушали имъ отвращеніе. Про Новгородъ сказано въ Дневникѣ, что хотя дома въ немъ бревенчатые, однако

расположены они, равно какъ и улицы, красивѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Московскомъ Кремлѣ 35 церквей, а въ городѣ 530. Монаховъ 40 тысячъ, а священниковъ 6 тысячъ. Московскіе Нѣмцы рассказывали Датчанамъ, что Борисъ очень волновался, пока не узналъ о пріѣздѣ королевича въ Нарву. Среди торжественнаго обѣда. Борисъ. прижавъ къ груди лѣвую руку. сказалъ: „Король Христіанъ такъ же дорогъ мнѣ, какъ если бы онъ былъ моимъ роднымъ братомъ“ и. указывая на свою лѣвую грудь, прибавилъ: „у меня единственная дочь, она мнѣ такъ же дорога, какъ собственное сердце“; и затѣмъ указалъ на свою правую грудь и сказалъ: „а братъ моего брата короля Христіана, сидящій здѣсь, такъ же дорогъ мнѣ, какъ кровь, что течетъ здѣсь въ моихъ жилахъ“.

Датскій Дневникъ 1602 года даетъ намъ не только картину тогдашней Россіи, но явственно изображаетъ самого Бориса. Въ Дневникѣ сказано, что новоизбранный царь Россіи безграмотенъ, а между тѣмъ потомство дивится его уму и дѣятельности. Онъ не умѣлъ писать, и за него писалъ его сынъ. Мы не знаемъ, кто писалъ за царя Михаила Ѳедоровича, который также не оставилъ по себѣ никакихъ письменныхъ слѣдовъ; за императрицу Екатерину I-ю писали ея дочери.

Борисъ, на четвертомъ году своего воцаренія, все еще чувствуетъ себя не совсѣмъ твердо на престолѣ и старается укрѣпить свое положеніе родственною связью съ иноземными государями, что повторяетъ и Михаилъ Ѳедоровичъ, которому также не довелось выдать дочь свою за Датскаго же королевича. Вызвавъ къ себѣ брата Датскаго короля, Борисъ всячески въ немъ заискиваетъ. Полугодовое пребываніе у насъ Датчанъ стоило необыкновенныхъ издержекъ. 18 Сентября состоялось свиданіе, и Борисъ расточался въ ласкахъ девятнадцатилѣтнему юношѣ. Пріѣхавшихъ

**Изъ писемъ князя Андрея Ивановича Вяземскаго къ графу Александру
Романовичу Воронцову¹⁾.**

1.

3-е Юля (1796, Нижній).

Графъ,

Вернувшись вчера изъ Пензенской губерніи²⁾, я къ величайшему своему удовольствію нашелъ ваше письмо отъ 19-го Юня. Вѣрьте мнѣ, это можетъ быть оцѣнено съ одной стороны только моей горячей искренней къ вамъ преданностью, а съ другой—жестокою скукою и мелкими неприятностями по моей должности. Могу васъ увѣрить, что съ пріѣзда въ эту губернію у меня не было, могу сказать, минуты пріятнаго занятія: ибо если не бумаги и дѣла, требующія немедленнаго разсмотрѣнія или рѣшенія, то мои мысли, обращающіяся все въ томъ же кругу, къ несчастью, всегда неприятномъ, т. е. на предметахъ, требующихъ надзора, дѣйствія и исправленія, при почти полномъ

¹⁾ Французскіе подлинники этихъ писемъ напечатаны въ XIV-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“ (М. 1879). Напомнимъ читателю, что графъ Воронцовъ былъ на девять лѣтъ старше князя Вяземскаго и что они оба жили подолгу въ чужихъ краяхъ. Графъ Воронцовъ, бывший президентъ Коммерцъ-коллегіи, былъ конечно въ частыхъ сношеніяхъ съ отцомъ князя Андрея Ивановича, который управлялъ государственнымъ банкомъ. По преданію, князь Вяземскій съ дѣтства находился въ близости къ Цесаревичу Павлу и уже по этому далекъ былъ отъ большого двора; графъ же Воронцовъ вышелъ тогда въ отставку и проживалъ въ Москвѣ и во Владимирскомъ своемъ помѣстьѣ. Екатерина, въ письмѣ къ графу Завадовскому, говоритъ о немъ: „чортъ его побори, разведены и развязаны будемъ навсегда“.

²⁾ Которая тогда была подъ вѣдомствомъ князя Вяземскаго, какъ намѣстника Нижегородскаго.

отсутствіи средствъ. Однимъ словомъ, предпочитаю прекратить свои сѣтованія, боясь вамъ наскучить; зная же ваше участіе ко всему, что меня касается, сообщу вамъ, что я имѣлъ честь получить письмо отъ Императрицы. Посылаю вамъ копію съ него, прося васъ, графъ, сказать мнѣ, обычно ли это, чтобы она писала подобныя письма моимъ сослуживцамъ, тѣмъ болѣе, что выставленъ ею поводъ—прочтеніе моего донесенія, которое ничто иное какъ *все благополучно*. Я рѣшилъ, что это любезность со стороны князя Зубова; поэтому когда имѣлъ счастье отвѣтить Ея Величеству, то написалъ и князю, поблагодаривъ его какъ причину оказанной мнѣ милости. Васъ же, графъ, настоятельно прошу принять мою, хоть не столь мудреную, но глубокую и чисто-сердечную благодарность за присланное мнѣ письмо для Трощинскаго, которое отправлено къ нему сейчасъ, вмѣстѣ съ письмомъ отъ меня.

Въ Пензенской губерніи я нашелъ больше безпорядка и нерадѣнія, чѣмъ здѣсь, по количеству дѣлъ, разбирающихся въ судахъ; что касается Казенной Палаты, тамъ скорѣе недостатокъ системы и ясности въ донесеніяхъ, заставившихъ Сенатъ думать, будто существуетъ недочетъ въ 960 тысячъ, сокращенный мною до 86-ти, за которыя, дѣйствительно, судъ отвѣтствененъ и достоинъ наказанія.

Весьма чувствителенъ къ хорошему мнѣнію, которое вы, графъ, изволите мнѣ высказывать и къ вашему совѣту: *тише, тише*. Чисто-сердечно признаюсь вамъ, что, быть можетъ, вслѣдствіе самолюбиваго заблужденія, но чувствую въ себѣ достаточно силы заслужить первое при всемъ желаніи слѣдовать второму. Слѣдовать же ему въ точности при полнѣйшемъ разложеніи было бы почти невозможно: до такой степени въ обѣихъ губерніяхъ укоренилась привычка къ лѣни и неповиновенію.

Очень огорченъ, что выздоровленіе Ла-Фермьера *) идетъ такъ медленно. Сдѣлайте милость, поклонитесь ему хорошенько отъ меня, выразите мою признательность за его память обо мнѣ и мои искреннія пожеланія ему быстро выздоровленія. На будущей недѣлѣ я рассчитываю ѣхать въ Макарьевское. Пришлите, пожалуйста, ваши распоряженія относительно нужныхъ для васъ покупокъ. Судя по всему, что мнѣ говорятъ, тамъ можно найти вещи, которыя трудно сыскать въ Петербургѣ и Москвѣ; по крайней мѣрѣ онѣ тамъ дороже.

*) Это другъ графа А. Р. Воронцова, проживавшій и умершій у него въ Андреевскомъ или Матренинѣ. Тамъ ему воздвигнуть у наружной церковной стѣны мраморный памятникъ.

2.

Нижній, 17 Сентября (1796).

Тысячу разъ благодарю васъ, графъ, за доказательства преданности и дружбы, которыя вы проявляете своимъ участіемъ къ извѣстіямъ, меня касающимся. Это правда, что если бы могли имѣть дѣйствіе мои старанія и заботы о поддержаніи порядка и движеніи дѣлъ, какъ у Макарія¹⁾, такъ и здѣсь, я бы могъ, а можегъ быть даже долженъ былъ бы быть доволенъ, но существуетъ рокъ, довольно, впрочемъ легко объяснимый, которымъ постоянно затрудняется движеніе. Я весьма часто завидую вашей участи, но чтобы имѣть право ею пользоваться, нужно было, какъ вы, заслужить ее услугами, какія вы успѣли и сумѣли оказать родинѣ. Какъ я ни повторяю себѣ ваше остроумное изреченіе „*мало по малу и безъ крутости*“, думается мнѣ, что если примѣнять его съ нынѣшними людьми при ихъ нравахъ, можно бы достигнуть немного больше ноля, ибо корысть во всѣхъ ея отношеніяхъ и лѣнь, или даже безпечность, доведены до не постижимой степени. Нѣтъ рѣчи о химерически недосыгаемомъ улучшеніи и о благополучіи Эльдорадо; но, поддерживая какъ оно есть, становится почти невозможно: порочность увеличивается, согласитесь съ этимъ, а средства къ ея обузданію по той же причинѣ уменьшаются—и это вы признаете. Отсюда выводите заключеніе.

Графъ, я поистинѣ радуюсь тому, что зимой буду имѣть удовольствіе васъ видѣть либо въ вашемъ имѣніи, либо въ Москвѣ и, если позволите, долго и откровенно побесѣдную съ вами о нашей торговлѣ вообще и о нашихъ купцахъ и ихъ свойствахъ въ частности: сословіе это, съ которымъ я ознакомился, весьма плохо, не только по сравненію съ тѣмъ же сословіемъ въ другихъ странахъ, но даже если сравнить его съ прочими сословіями въ Россіи.

Я здѣсь немного устроился, какъ относительно помѣщенія, такъ и въ распредѣленіи своего времени. Вычистивъ Авгіевы конюшни какъ физически, такъ и нравственно, я далъ нѣсколько болѣе упорядоченный и систематическій ходъ людямъ и дѣламъ; но скука, которою кончается каждый день—ужасна, во-первыхъ благодаря отсутствію общества, мнѣ соотвѣтствующаго, а затѣмъ—изъ за чрезвычайной неловкости, вызываемой должностію. Я все болѣе утверждаюсь въ правилѣ, что эти проконсульства теряютъ всю свою цѣну, если не быть либо достаточно малымъ, чтобы назначить бѣльшаго быть тамъ первымъ, либо продажнымъ, чтобы смотрѣть какъ тамъ изъ рудниковъ Потози²⁾ напол-

¹⁾ Т. е. на Макарьевскую ярмарку.

²⁾ Потози, городъ въ Боливіи, въ Южной Америкѣ, извѣстный обиліемъ серебряныхъ рудниковъ.

няются сундуки. Оставалась бы третья цѣль, самая благородная и прекрасная—это быть полезнымъ родинѣ, но, къ сожалѣнію, почти всѣ пути къ достиженію ея закрыты.

Вскорѣ за вашими сообщеніями о блестящихъ побѣдахъ Вурмзера¹⁾ послѣдовали вѣсти о еще болѣе ужасныхъ пораженіяхъ. Мнѣ кажется, что генералы Журданъ и Бонапартъ нанесли послѣдніе удары не только Австрійскимъ войскамъ, но всему могуществу императора и имперіи. Любопытно было бы знать, какое можетъ имѣть послѣдствіе непринятіе повѣреннаго въ дѣлахъ Швеціи. Я думаю, что на это подѣйствовала поѣздка графа Гагскаго²⁾, и возможно, что во всей этой путаницѣ мы примемъ болѣе дѣятельное участіе, если только зима не окажетъ своего счастливаго противодѣйствія.

Слухи о Мордвиновѣ дошли и до меня, и я тотчасъ же написалъ, чтобы получить болѣе положительныя свѣдѣнія. Согласитесь, графъ, что если эти слухи справедливы, то это хорошо для укрѣпленія чело-вѣка въ правилахъ, о которыхъ я вамъ замѣтилъ выше, если бы они въ немъ были въ слабой степени. Мнѣ очень жаль, что я не могъ разоб-раться³⁾ конца вашего письма отъ 5 Сентября: кажется, это касается Нѣмецкаго журнала подъ названіемъ Франція. Кому я обязанъ такимъ вниманіемъ и какъ это дошло до васъ, не знаю.

3.

(Сентябрь 1796. Октябрь).

Къ своему удовольствію вижу, что имѣю маленькую возможность быть вамъ немного полезнымъ въ маленькомъ дѣлѣ. Приложенное мною при этомъ усердіе будетъ равно моею къ вамъ преданности; такимъ образомъ мелкаго въ этомъ ничего не будетъ. Прилагаю при семъ копію съ отправленнаго мною *предложенія*. Какъ только получу отвѣтъ, тотчасъ вамъ его доставлю. Губернія эта беспокоитъ меня во всѣхъ отношеніяхъ, и если я въ этой должности останусь, то въ слѣдующемъ году придется провести тамъ отъ 6 до 8 мѣсяцевъ.

Новости, которыя вы изволите сообщить о Петербургѣ, радужны: все празднества, да балы; здѣшніе же толки нѣсколько мрачнѣе. Прежде всего рекрутскіе наборы одного на сто, чтò почти мрачно; затѣмъ ужасная смертность въ Астрахани и ея окрестностяхъ; а потомъ, если цѣль Шведской поѣздки не совсѣмъ пропала, то все таки достиженіе

¹⁾ Австрійскій генералъ разбитый Французами.

²⁾ Т. е. Густава III-го, бывшаго у насъ въ то время, когда писано это письмо, женихомъ великой княжны Александры Павловны.

³⁾ Графъ А. Р. Воронцовъ писалъ такъ неразборчиво, что, позднѣе, когда былъ онъ государственнымъ канцлеромъ, къ письму его прилагался четкій списокъ онаго.

ея начинается быть сомнительнымъ, благодаря затрудненіямъ относительно вѣроисповѣданія. Признаюсь, я не понимаю такого тщеславія, ибо только оно и могло породить эти затрудненія. Ко всему этому прибавьте приказъ, будто бы посланный генералу Суворову, о томъ, чтобы онъ былъ готовъ выступить со своею арміей. Надѣюсь, это дѣлается только для того, чтобы, принявъ участіе въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ императора въ Польшѣ, поставить его въ необходимость двинуть свои войска противъ Французовъ: ибо не могу допустить мысли, что Небо на насъ ужъ такъ разгнѣвалось, чтобы внушить намъ намѣреніе послать войско прямо противъ Французовъ. Черезъ курьера, проѣхавшаго третьяго дня въ Петербургъ, Мавринъ проситъ моего покровительства на 30 лошадей, извѣщая, что будетъ здѣсь въ первыхъ числахъ этого мѣсяца. Посмотрю, возьмется ли онъ, безъ того чтобы это его стѣснило, передать отъ меня письмо кн. Зубову о разрѣшеніи мнѣ съѣздить въ Петербургъ; если нѣтъ—я напишу по почтѣ. Признаюсь, я совсѣмъ не вижу необходимости въ этой поѣздкѣ, ни для общаго блага, ни для моей должности, ни для меня лично; но здѣсь меня такъ терзаютъ, что, мнѣ кажется, я долженъ сдѣлать этотъ шагъ, который меня весьма огорчаетъ. Я желалъ бы тамъ быть все-таки только послѣ праздниковъ. Вы сами знаете, сколь неблагопріятенъ этотъ край для людей, желающихъ дѣлать добро своими представленіями во всякое время года и особенно на праздники; но, когда бы я ни уѣхалъ отсюда, вѣрьте, что самымъ дорогимъ для моего сердца долгомъ будетъ искать и найти васъ, въ деревнѣ или въ Москвѣ.

4.

5-ое Ноября (1796 г.).

Съ великимъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше отъ 16-го Октября, съ возвращаемыми при семь вашими замѣтками объ Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ. Немного людей, могъ бы сказать даже нѣтъ людей, дружба которыхъ была бы мнѣ такъ же дорога какъ ваша, графъ; поэтому, я цѣню какъ должно всѣ ваши совѣты и ваше „не слишкомъ спѣшите“, и примѣняю ихъ къ дѣлу. Дорого бы я далъ, чтобы ваши имѣнія были не далеко отъ Нижняго, или, чтобъ я былъ Владимирскимъ генералъ-губернаторомъ: я нашель-бы, въ лицѣ вашемъ, нимфу Егерію, чтѣ, конечно, не сдѣлало бы еще меня настоящимъ Нумой Помпилиемъ. Перебирая всѣхъ вельможъ, при Дворѣ и Московскихъ, не могу остановиться ни на одномъ изъ нихъ, совѣты котораго я предпочель-бы вашимъ, особенно же въ настоящее время, по поводу рекрутовъ. Вамъ нельзя и представить себѣ, сколько въ этомъ дѣлѣ злоупотребленій всякаго рода, а дѣлу этому, по его

важности, я отвожу третье мѣсто въ общемъ управленіи Имперіей: судебная власть обезпечиваетъ собственность всѣхъ видовъ и приводитъ ее въ законный порядокъ; за ней слѣдуютъ налоги и доходы, однимъ словомъ, финансы государства; а, затѣмъ, рекруты и составъ армій, для страны, которая въ теченіе вѣка пользовалась миромъ только 20 лѣтъ, и то давно тому назадъ. При этомъ, отсутствіе вѣрныхъ правилъ и точныхъ законовъ для подробностей, и это по такой части, гдѣ подробности не только нужны, но всецѣло необходимы, такъ какъ неясное ихъ опредѣленіе можетъ безнаказанно вовлечь въ несправедливость и притѣсненіе этихъ несчастныхъ, которые обязаны, однакожь, намъ пищею, одеждою, жильемъ, и которые защищаютъ насъ.

Ко мнѣ поступилъ новый директоръ экономіи, Ермоловъ, которому очень покровительствуютъ старики Зубовы и ихъ дѣти. Онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что Князь *) очень занимается этимъ дѣломъ, что скоро будетъ данъ новый воинскій уставъ, который начнетъ съ порядковъ рекрутскихъ наборовъ, во всѣхъ ихъ частностяхъ, и доведетъ рекрута до его отставки, по новому составу полковъ, гарнизоновъ и постоянныхъ стоянокъ, и что все это будетъ сдѣлано на основахъ справедливости, человеколюбія и экономіи. Дай Господи дождаться намъ сего! Вамъ извѣстно, что изъ восьми составленныхъ въ Москвѣ баталіоновъ сформировано восемь полковъ, съ присвоеніемъ имъ названій нашихъ недавнихъ приобрѣтеній въ Польшѣ и въ Курляндіи, и что предписано составить 8 новыхъ баталіоновъ, на которые и ассигновано 700 тыс. р. Графъ Димитрій Зубовъ, предсѣдатель комисіи для провѣрки внутренняго долга Имперіи, считаетъ, что онъ въ 36 милліоновъ, изъ которыхъ отъ 10 до 11 милл. по взаимнымъ долгамъ различныхъ государственныхъ кассъ, по губернскимъ казначействамъ и другимъ присутственнымъ мѣстамъ какъ банкъ, комиссаріатъ и др.; но 25 милліоновъ остается уплатить частнымъ лицамъ.

Ермоловъ говорилъ мнѣ, что съ часу на часъ поджидаютъ извѣстій о взятіи Астрабада, экспедиція въ который была ввѣрена гр. Апраксину, равно какъ и вся флотилія Каспійскаго моря; а еще сказывалъ онъ мнѣ, что бракосочетаніе короля Шведскаго отложено до Мая. Вотъ, приблизительно, самыя интересныя изъ дошедшихъ до меня новостей. Безконечно благодаренъ вамъ, графъ, за тѣ, которыя вы мнѣ сообщаете. Какъ мнѣ кажется, осеннія кампаніи не такъ благопріятствуютъ Французамъ, какъ бывшія весной и лѣтомъ. Съ самаго начала

*) Т. е. князь Зубовъ, про котораго А. П. Ермоловъ говорилъ мнѣ, что внутреннее состояніе Россіи было ему извѣстно лучше, нежели тогдашнимъ властямъ. П. Б.

военныхъ дѣйствій, они всегда отступаютъ къ концу кампаній. Какъ вы изволили правильно замѣтить, совершенно вѣрно, что Наполеонъ и счастливъ, и отваженъ; а, не смотря на все это, по послѣднимъ газетамъ, онъ не только что выпустилъ Вурмзера, но вынужденъ былъ снять и осаду Мантуи. А еслибъ продолжались первые успѣхи Бонапарта и Журдана, миръ могъ бы быть заключенъ въ самой Вѣнѣ, однимъ изъ Наполеоновскихъ генераловъ.

А теперь я дамъ вамъ отчетъ относительно вашихъ дѣлъ и на счетъ того, о чемъ вы у меня спрашиваете. Прежде всего, вотъ письмо Пензенскаго губернатора, изъ котораго вы увидите, что вашъ каретникъ переданъ вашимъ людямъ, но что онъ оставилъ послѣ себя долги, собравши то, что ему были должны, такъ что вы будете такъ добры, графъ, потребовать подробности этого дѣла, и если, дѣйствительно, каретникъ остался долженъ этимъ несчастнымъ, то сообразуйте заплатить его долгъ.

Посылаю вамъ ревизію Нижегородской губ., съ запиской объ откупахъ, изъ которой вы увидите о невѣроятномъ увеличеніи этой статьи государственнаго дохода. На счетъ этихъ двухъ статей я еще не имѣю достаточныхъ отчетовъ изъ Пензенской губ.; но я вамъ посылаю подробную записку о фабрикахъ и заводахъ этой губерніи, не имѣя еще подобной по Нижегородской губ. Желалъ бы очень увеличить ихъ число, — но особенно по необходимымъ отраслямъ, — и заставить фабрикантовъ и рабочихъ отдѣлывать болѣе тщательно свою работу и вести себя добропорядочнѣе. Вотъ еще записка о числѣ рекрутскихъ наборовъ настоящаго царствованія. Прежде всего, вы увидите, что таковыхъ было 22, и что одна Нижегородская губ. поставила 48 тысячъ человѣкъ, а это равняется приблизительно седьмой части ея населенія, принимая въ одно все три ревизіи и считая среднимъ числомъ 300 тысячъ.

Очень вамъ признателенъ, графъ, за сообщенное вами относительно покупки Губинымъ земли, на имя бригадира Палибина, на что здѣсь и полученъ соотвѣтствующій указъ. Сдѣлка эта была еще до моего сюда назначенія; да скажите мнѣ, прошу васъ, какимъ способомъ можно прекратить подобныя злоупотребленія. Они происходятъ въ особенности при покупкѣ имѣній купцами, которые тутъ дѣйствуютъ какъ дворяне, при выдачѣ ими на себя векселей? Мнѣ кажется, что злоупотребленія вызываются правительствомъ, дающимъ законы не только что легко обходимые, но которымъ и нельзя препятствовать быть таковыми.

5.

19-е Декабря 1796 г.

Только что получилъ я ваше письмо, отъ 3-го Декабря, съ извѣщеніемъ о вашемъ отбытіи въ Москву и въ которомъ вы такъ добры, что просите меня продолжать вамъ писать; но не злая-ли насмѣшка это, такъ какъ вамъ извѣстно, что одной изъ величайшихъ утѣхъ моей жизни были мнѣ ваши письма, а въ настоящее время они мнѣ станутъ прямо необходимы? Я знаю вашу ко мнѣ дружбу, или, по крайней мѣрѣ, льщу себя въ этомъ. Поэтому, прежде всего, скажу вамъ вещь, можетъ уже и извѣстную вамъ, а именно, что Императоръ со-благоволилъ прислать мнѣ 1-го числа настоящаго мѣсяца, съ курьеромъ, орденскіе знаки Анны 1-ой степени, при милостивѣйшемъ письмѣ, при которомъ было письмо и отъ Троицкаго, начинавшееся съ его увѣреній, что насколько ему было непріятно писать мнѣ отъ 25-го числа, настолько онъ радъ случаю, вызывающему его настоящее письмо. Я вѣдь передавалъ вамъ, графъ, содержаніе его письма отъ 25-го. Признаюсь, я не могу собраться съ мыслями; прилагаю при семъ копіи со всѣхъ этихъ писемъ и умоляю васъ не только что сказать мнѣ ваше о нихъ мнѣніе, но, еще, по вашей ко мнѣ дружбѣ, разъяснить мнѣ ходъ дѣлъ, принявъ во вниманіе, что, находясь на разстояніи 1200 верстъ отъ Двора, я этимъ самымъ въ милліонномъ невѣдѣніи на счетъ людей, событій и всего происходящаго. Дошедшіе до васъ слухи объ отмѣнѣ пошлинъ на хлѣбъ начинаютъ положительно подтверждаться, по сообщеніямъ курьеровъ, непрестанно проѣзжающихъ здѣсь. Конечно, эти двѣ милости, которыми Императоръ начинаетъ свое царствованіе, расположатъ къ нему всѣ сердца, такъ какъ болѣе или менѣе онѣ отзовутся на каждомъ. Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта относительно слуховъ о васъ самихъ. Моя къ вамъ привязанность отводитъ въ этомъ большую долю эгоизму; но мое убѣжденіе что Императоръ, а, слѣдовательно, и государство много выиграютъ съ назначеніемъ на важные посты людей достойнѣйшихъ, заставляетъ меня горячо желать подтвержденія сихъ слуховъ. Не сообщая вамъ многое множество новостей, зная, что вы въ Москвѣ или въ Петербургѣ, у самаго ихъ очага. Вы крайне обязали бы меня, приказавъ вашему секретарю сообщать мнѣ самыя существенныя новости; я не довѣряю тѣмъ, которыя доходятъ до меня здѣсь; на одну вѣрную множество фальшивыхъ и столько же гадательныхъ. Все, что вы говорите, графъ, объ удовольствіи полученномъ вами, когда вы узнали какъ идетъ рекрутскій наборъ въ Нижнемъ, мнѣ крайне лестно, какъ новое доказательство вашей ко мнѣ милости, а для сердца умѣющаго чувствовать подобныя

подтверженія отъ людей, которыхъ и любишь и чтишь, чрезвычайно отрадны. Впрочемъ, могу вамъ поклясться самымъ для меня святымъ, что я съ гордостью могъ бы засвидѣтельствовать передъ всѣмъ свѣтомъ, что если я и грѣшилъ когда, какъ общественный дѣятель, то лишь по невѣдѣнію, но никогда по умыслу.

6.

Остафьево, 31-ое Іюля (1798 г.)

Если я до сегодня не могъ еще, какъ того хотѣлъ, поблагодарить васъ за дружескій и гостепріимный пріемъ вашъ, то причиною сему было отсутствіе моего секретаря—жены моей, ѣздившей въ Москву по дѣламъ. Теперь, что она вернулась, я спѣшу засвидѣтельствовать вамъ, что я рѣдко гдѣ проводилъ время такъ пріятно какъ у васъ, и что если я не вернулся къ вамъ, то единственно изъ опасенія заболѣть: такъ я терпѣлъ все время въ дорогѣ отъ жары, доходившей до 40 градусовъ. Вслѣдствіе этого, я поспѣшилъ домой, не заѣзжая въ Кострому, гдѣ, однакожь, мнѣ была надобность побывать; но я, положительно, изнемогалъ отъ духоты и усталости.

Вотъ уже десять дней, какъ я вернулся въ деревню, къ моимъ пенатамъ, и наслаждаюсь *dolce far niente*, въ перемежку съ чтеніемъ, прогулками и малою толикой музыки*). Никогда еще не чувствовалъ я себя столько расположеннымъ къ такому образу жизни; и я рѣшилъ, какъ можно скорѣе, получить возможность перейти на подобную пріятную жизнь.

Полагаю, графъ, что вы освѣдомлены насчетъ всѣхъ событій, какъ частныхъ, такъ и политическихъ: взятіе Мальты и возобновленіе войны Французовъ съ Императоромъ, въ которой, признаюсь, я мало понимаю и которая мнѣ кажется недоразумѣніемъ, ибо Императору нечего было дѣлать, разъ что переговоры вела одна Австрія, и что придирки были дѣйствительно жестоки. Судя по письму Кобенцеля къ Дитрихштейну, онъ возвращается сюда. Но все это пустяки. Важнѣе всего, что станется съ флотами со множествомъ транспортныхъ судовъ, если судьба Бонапарта будетъ продолжать ему благопріятствовать? Все это подобіе войны, и коалиція разлетится въ прахъ, и придется пробиваться новыми путями въ этомъ самоновѣйшемъ лабиринтѣ. У насъ много толкуютъ о войнѣ, что неудивительно, по покровительству Ордену, главный городъ котораго, или, вѣрнѣе, всѣ владѣнія котораго сдѣлаются частью одного изъ департаментовъ Республики. Я смотрю

*) Княгиня Евгенія Ивановна была музыкантшею.

на это завоеваніе, какъ на чрезвычайно существенное, и какъ на одинъ изъ крупнѣйшихъ шаговъ, сдѣланныхъ ими, чтобъ быть полными хозяевами Средиземнаго моря, и это, какъ по его географическому положенію, такъ и по превосходству его укрѣпленій, которыя, въ ихъ рукахъ, сдѣлаются неприступными. Перемѣщеніе нашего товарища Лопухина служить поводомъ ко многимъ догадкамъ, которыя вполне подходятъ и къ Аннѣ, полученной Кутайсовымъ. Чобъ подбодрить бѣднаго фельдмаршала Салтыкова, ему пожаловано вчера 4 тысячи душъ. Князь Бѣлосельскій, сообщившій мнѣ объ этомъ, говоритъ, что это изъ бывшихъ имѣній князя Любомирскаго. Разобравши все хорошенько, нужно признать, что если при Андреевскомъ и Остафьевскомъ дворахъ и не жалуютъ ни земель, ни лентъ, то все же у нихъ есть безцѣнные качества для людей нѣкотораго рода, а по словамъ Вольтера, сажать капусту еще не худшая доля человѣка. Съ завтрашняго дня погружусь въ Сенаторскую бездну. Пожалуйте меня, графъ, и, если вы меня сколько нибудь любите, пожелайте, чтобъ мы отдѣлались другъ отъ друга—Сенатъ отъ меня, а я отъ него. Мой двоюродный братъ Оболенскій, церемоніймейстеръ ордена Св. Анны, прекрасный человѣкъ, но ничего не значущій, по одному уже своему мѣсту, просилъ полной отставки. Императоръ призналъ вполне основательными причины, побуждающія его просить увольненія, но приказалъ ему сказать, что даетъ ему годовой отпускъ, который, на случай въ томъ надобности, будетъ ему продленъ. Боюсь, по этому самому, какъ бы наше собственное ничтожество, а равно и ничтожество занимаемыхъ нами мѣстъ, не стало бы служить еще большею причиной дѣлать насъ необходимыми.

7.

Москва, 22 Сентября (1798).

Получено извѣстіе о повышеніи гр. Сергѣя Румянцева и Валуева. Конечно, принесенная ими государству польза—какъ и многими изъ тѣхъ, кто перешагнулъ черезъ меня—не такъ ужъ значительна, чтобъ мнѣ прослыть тщеславнымъ, сравнивая себя съ ними. Я даже опасаюсь, какъ бы подобное сравненіе не сочли скорѣе за христіанское смиреніе; но, совсѣмъ этимъ, я написалъ сегодня генераль-прокурору, прося его исходатайствовать мнѣ отставку. Примите мои искреннѣйшія поздравленія, графъ, съ камергерствомъ вашего племянника. Вы вѣдь знаете, какъ все до васъ относящееся мнѣ близко. Ходятъ еще очень распространенные слухи о письмѣ Государя къ вашему брату, съ приглашеніемъ его на должность вице-канцлера. Вамъ рѣшить, слѣдуетъ-ли мнѣ васъ съ этимъ поздравить.

Я чрезвычайно доволенъ, что книга о Римской республикѣ поправилась вамъ; я ее получилъ. Хотѣлось-бы прислать вамъ, взаменъ, нѣсколько другихъ книгъ столь-же интересныхъ; но, въ настоящее время, мало того, что таковыхъ нѣтъ, но не скоро, по всему вѣроятію, и будутъ онѣ, такъ какъ много Петербургскихъ книгопродавцевъ арестовано, и лавки ихъ опечатаны; а нѣкоторые изъ здѣшнихъ торговцевъ сами закрываютъ свои, чтобъ уѣхать.

Не сообщаю вамъ никакихъ общественныхъ новостей: онѣ такъ быстро опережаютъ одна другую, что не даютъ передохнуть. Извѣстія о Бонапартѣ, полученныя съ нарочнымъ, два дня къ ряду, крайне интересны: посмотримъ, на сколько они вѣрны, такъ какъ не далѣе, какъ вчерашнія указывали, съ одной стороны, о полномъ уничтоженіи Французскаго флота, черезъ захватъ ихъ девяти линейныхъ кораблей и потопленіе четырехъ, а съ другой о взятіи Бонапартомъ Каира.

8.

Москва, 10 Ноября (1798).

Вамъ вѣроятно, уже извѣстно, графъ, что, съ 28-го прошлаго мѣсяца, число наше *дѣйствительныхъ* увеличилось на десять, не считая двухъ уволенныхъ. Производства чередуются съ быстротой удивительной: офицеръ, сопровождавшій Троцинскаго до Клина, докладывалъ фельдмаршалу Салтыкову, что, по пріѣздѣ ихъ туда, они были встрѣчены фельдъегеремъ съ приказомъ Императора о назначеніи Троцинскаго генераль-прокуроромъ; нетерпѣливо поджидаютъ почту, чтобъ узнать, вѣрно-ли это. Не говорю о новыхъ вице-канцлерахъ и товарищахъ ихъ. Всѣ эти новые,—стары, какъ грѣхъ, а вотъ новый уставъ Банка, дѣйствительно послужить на общую пользу и вызоветъ всеобщую благодарность въ государствѣ. Нашъ добрый другъ Пестель не только что уѣхалъ, но, какъ полагаютъ, и не вернется вовсе, и уже называютъ его замѣстителемъ. Трудновато ему получить другое мѣсто болѣе прибыльное и болѣе, во всѣхъ отношеніяхъ, пріятное, чѣмъ его послѣднее; но утверждаютъ, что принципъ или система „въ родѣ и родъ“ будетъ отмѣнена *). Газеты наполнены слухами о приготовленіяхъ къ войнѣ, въ которой приметъ участіе нашъ флотъ; но я не вижу, чтобъ истребленіе Французскаго флота принесло, въ политическомъ отношеніи, такія значительныя перемѣны, какихъ можно было ожидать. Правда, что не легко управлять такую страной, а тѣмъ болѣе трудно побѣдить такую страну, которая отвѣчаетъ призывомъ подъ знамена 200 тысячъ

*) Отецъ Пестеля тоже былъ почтъ-директоромъ.

человѣкъ на сообщеніе о полномъ разгромѣ своихъ морскихъ силъ, при ея совершенно прерванныхъ сообщеніяхъ, не только что съ своимъ великимъ героемъ, но и съ первымъ человѣкомъ настоящаго вѣка, съ которымъ 22 тысячи ветерановъ, оставленныхъ на всевозможныя лишения, какъ физическія, такъ и нравственныя. Это припоминаетъ мнѣ постановленія Римскаго Сената послѣ сраженія при Каннахъ; и я сильно боюсь, какъ-бы, черезъ нѣсколько лѣтъ, не пришлось знаменательныя слова „*delenda Carthago*“, произнесенныя тогда, повторить, какъ „*delenda Britannia*“.

Послѣдняя почта не принесла еще никакого подтвержденія на счетъ новаго генераль-прокурора, но о Пестелѣ и о назначеніи на его мѣсто его брата, вмѣстѣ съ громаднымъ производствомъ по гражданской, военной и придворной службамъ, и новымъ фельдмаршаломъ по морской, какъ предсѣдателя Адмиралтейства. Не называю вамъ никого, увѣренный, что вы обо всемъ этомъ освѣдомлены изъ первыхъ рукъ. Собственно для себя я огорченъ, что мы лишаемся кн. Лобанова, хотя онъ уволенъ милостиво, при 3.500 пансіона, чѣмъ онъ обязанъ Лопухину, который вообще поступаетъ замѣчательно хорошо, и это всеобщій о немъ голосъ.

Я не сообщаю вамъ о пріѣздѣ одного изъ вашихъ Владимирскихъ жителей, полагая, что вамъ уже извѣстно это; братъ его въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что ни тотъ ни другой не знаютъ, откуда это, зачѣмъ? Говорятъ, что у него даже крова нѣтъ.

9.

Москва, 15-го Іюня 1799.

Что скажете вы, графъ, о ходѣ дѣлъ, въ настоящее время, какъ въ Италіи, такъ и на остальномъ театрѣ военныхъ дѣйствій? Суворовъ не только что пріобрѣтаетъ себѣ безсмертіе, но онъ порождаетъ во мнѣ мысль предложить философамъ и политическимъ дѣятелямъ слѣдующій вопросъ: какъ это держава, семь лѣтъ уже успѣшно воюющая со всей почти Европой, побѣждая въ каждомъ бою, ознаменовавшая свои побѣды увеличеніемъ своей территоріи почти на цѣлую треть, бравшая крѣпости, слывшія неприступными, въ этомъ еще году разгромившая три государства и низвергшая съ ихъ троновъ трехъ государей, — какъ эта держава, говорю я, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, видитъ свои всюду непобѣдимыя войска повсюду разбитыми, свою территорію уменьшенную на болѣе чѣмъ двѣсти лѣ; десять изъ своихъ перво-классныхъ крѣпостей, защищаемыхъ большею частію ея войскомъ, взятыми, и себя близкою къ тому, что ея врагъ, котораго она шесть

лѣтъ подъ рядъ унижала и поражала, станеть ей предписывать законы, въ ея собственныхъ владѣніяхъ; и все это, повторяю, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ?

Трудно рѣшить подобный вопросъ, и приходится признать, что Провидѣніе словно играетъ всеми человѣческими расчетами, и что на его языкѣ наши возможности и вѣроятности означаютъ только глупость, невѣдѣніе, и больше всего, безмысленную спѣсь!

Конечно, вамъ уже извѣстно о неудачѣ маленькаго П. Объ ея причинахъ толкуютъ разно; но всего вѣроятнѣе то, что онъ захотѣлъ дѣйствовать самъ по себѣ, а еще и его послѣдній отчетъ по почтѣ; надо признать, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, вогнавши почти въ 500 тысячъ то, что обходилось правительству въ 130 т. Дѣйствительно, это безсовѣстно. Я тотчасъ вспомнилъ ваши предсказанія; но, что меня всего больше удивляетъ въ этомъ дѣлѣ, это его преемникъ, мой двоюродный братецъ, графъ Головинъ, человѣкъ лѣнивый, безпечный, Сибаритъ, пользующійся ста тысячами годового дохода и управляющій дворомъ наслѣдника престола: все перечисленное, даже взятое каждое отдѣльно, достаточно, чтобъ не назначить его на такой постъ. Хованскому отказано, безъ назначенія преемника на его мѣсто, а мѣсто его значительное. Шевалье выпровожена за границу, и все это, какъ увѣряютъ, только еще прелюдія. Какова же будетъ сама симфонія? Однимъ словомъ, по быстротѣ стремящихся событій, въ переживаемое нами время, можно считать годъ за столѣтіе. Жду отъ Императрицы отвѣта на мою просьбу объ отпускѣ на Іюль, часть котораго пойдетъ на свиданіе съ тѣмъ, кого я люблю и уважаю всей душой. Разгадайте-ка, графъ, эту загадку.

10.

Въ Москвѣ, 6-го Сентября (1799).

Кн. Лопухинъ пробылъ здѣсь около восьми дней, изъ которыхъ четыре провелъ въ своей подмосковной. Я не только что передалъ ему вашъ привѣтъ, но мы еще много поговорили съ нимъ о васъ и о родныхъ вашихъ. Онъ долженъ былъ вернуться сюда въ концѣ этого мѣсяца и, не далѣе какъ сегодня, былъ слухъ, что его жена, уже готовая садиться въ карету, отложила свой выѣздъ.

Вы знаете, что князь Долгоруковъ съ женой проѣхалъ черезъ Москву въ свои помѣстья. Говорятъ, что еще кой кому угрожала таже дорога, и что даже самого новаго оберъ-прокурора не считаютъ прочно сидящимъ. Кн. Куракина всего нѣсколько дней какъ возвратилась въ городъ и объявила, что ея положеніе позволяетъ ей принимать только самыхъ близкихъ. Предупрежденіе довольно излишнее, такъ какъ, судя

по расположенію къ нимъ общества, ей не пришлось бы изнемогать подъ бременемъ назойливыхъ посѣтителей.

Г-жа Пестель три дня какъ тоже вернулась; я заходилъ къ ней, но не засталъ ея; а гр. Бутурлинъ, съ которымъ я въ этотъ же день обѣдалъ у его тестя¹⁾, говорилъ мнѣ, что она кажется очень огорченною своимъ положеніемъ. Кочубею не только что дали отставку, но его уже и повѣнчали здѣсь: одни съ вашею племянницею (такъ какъ, говорятъ, ему дозволено путешествовать), другіе съ племянницей Загряжской, съ Васильчиковой, которая у нея воспитывается. Чтò доподлинно извѣстно, это, что онъ сопровождаетъ ее сюда, для ея свиданія съ братомъ.

Если князь Италійскій съ каждымъ днемъ замѣчательно беретъ верхъ надъ Французами, то и получаемыя имъ награды мало того, что замѣчательны, онѣ прямо невѣроятны: кузѣнъ королей Сардинскихъ и причисленный къ ихъ крови, со всѣмъ его потомствомъ; получающій въ своемъ отечествѣ военныя почести, одинаковыя съ царскими, даже въ присутствіи самого Царя. Хорошо быть Русскимъ, въ настоящее время; но сдѣлаться Суворовымъ—невозможно. Было бы пошлостью послѣ этого говорить о томъ, что король Англійскій проситъ у него портрета его. Всѣхъ чувствительнѣе, къ его услугамъ, слѣдовало-бы быть Императору Германскому, а онъ до сихъ поръ менѣе всѣхъ щедръ. Изъ вчерашней почты узнали объ увольненіи Соймонова и Попова; неизвѣстно, который это Поповъ: тотъ-ли, чтò по торговлѣ, или же тотъ, чтò по горному дѣлу?

11.

19 Сентября (1800).

По милости Божіей и Царской я, наконецъ, Русскій гражданинъ и Московскій обыватель! Вы, конечно, знаете, что часъ Сената насталъ, и что, по примѣру состава генераловъ арміи и камергеровъ, число сенаторовъ уменьшено на 27, изъ которыхъ 12 остаются при пансіонѣ, 13 безъ онаго, одинъ *прописной* и одинъ въ Герольдію. Думаю, что многіе изъ нихъ очень огорчены; чтò до меня касается, клянусь вамъ, я не могу придти въ себя отъ радости! Вы, которому я все довѣрялъ, можете лучше другихъ знать, что я, въ продолженіе трехъ уже лѣтъ, желалъ отставки и хлопоталъ получить оную. Всякаго рода униженія и обходы наводняютъ Правительствующій Сенатъ: а, къ тому же, прелесть иллюзій теряетъ свое вліяніе, когда приходишь

¹⁾ Т. е. у графа Артемія Ивановича Воронцова.

къ пятидесяти годикамъ, и нуженъ большой запасъ оной, чтобъ сохранить ее сколько нибудь до настоящей минуты. Вчера я писалъ Императрицѣ, прося ее соблагovolить разрѣшить мнѣ передать другому мое мѣсто въ Воспитательномъ Домѣ.—Все, чтò тутъ произошло съ Англичанами, вы можете знаете лучше нашего. Судьба ихъ снова такую же, какъ была; но Россія и Англія все еще не въ хорошихъ отношеніяхъ между собой, чтò меня интересуетъ особенно, такъ какъ вашъ братъ еще въ Англіи. На положеніи его неминуемо отзовется несогласіе двухъ дворовъ, и я давно не былъ такъ тронуть, какъ послѣднимъ письмомъ вашимъ, въ которомъ вы мнѣ говорите о покорности: нынѣшнее время, больше всякой другой поры, нуждается въ этомъ средствѣ! Здѣшнія Англійскія конторы получили вчера экстренное извѣстіе идущее изъ Любека, съ однимъ кораблемъ, пришедшимъ въ Петербургъ въ пять дней, что война Французовъ съ Австрійцами возобновилась, что Моро окончательно разбилъ послѣднихъ, и что Бонапартъ, въ своей прокламаціи ко всѣмъ войскамъ, послѣ всякаго рода комплиментовъ, кончаетъ надеждою, что усердіе и храбрость его соратниковъ позволятъ заключить миръ въ Вѣнѣ. Конечно, эти слова отзываются, немножко, свойствами рѣки Гарроны, но если счастье не измѣнить первому консулу, слова его не будутъ хвастовствомъ. Еще три тысячи лѣтъ тому назадъ сказано Соломономъ: „суета суеть, и всяческая суета“, а мы, такъ же справедливо, можемъ теперь сказать: „революція революцій, и всяческая революція“.

Мы уже близки къ Сентябрю, графъ; вы знаете, какъ я нетерпѣливо поджидаю Ноября, особенно при настоящей моей свободѣ пользоваться вашимъ обществомъ. Если нельзя позволить себѣ просить васъ пожаловать скорѣе, то, по крайней мѣрѣ, желать сего не воспрещается.

12.

Въ Москвѣ, 7-го Ноября (1800).

Приближается пора, когда всѣ вамъ преданные (въ это число, надѣюсь, вы меня ставите первымъ) могли начать нетерпѣливо поджидать вашего возвращенія; но увы, изъ послѣдняго вашего письма видно, что вы отложили свой пріѣздъ до Января. Поэтому, начинаю съ того, чтобъ увѣрить васъ, что я, еще до этого срока, доставляю себѣ удовольствіе расцѣловать васъ въ Матренинѣ²⁾; только бы не помѣшали сему какія нибудь непредвидѣнные обстоятельства. Вы вѣдь

*) Другое имя села Андреевскаго, Владимирской губерніи, гдѣ жилъ графъ Воронцовъ.

знаете, что я поставилъ себѣ пріятнымъ долгомъ заѣзжать къ вамъ въ деревню при каждомъ моемъ посѣщеніи моихъ отдаленныхъ имѣній; и какъ я, по первопутку, собираюсь въ Кострому или Кашинъ, то ни за что не пропущу возможности заѣхать во Владимиръ. Такъ сладостно наслаждаться небольшою долей свободы, даруемой намъ Небомъ, что я не нахожу словъ, какъ вамъ достаточно выразить испытываемое мною по сію пору удовольствіе, отъ сознанія, что мой камердинеръ не придетъ меня будить завтра, чтобъ ѣхать въ какой нибудь судъ, что мнѣ нѣтъ надобности испрашивать разрѣшенія поѣхать въ такой и такой городъ и ми. др. Такъ-то справедливо, что во всемъ лишенія придаютъ цѣну довольству, и обратно, постоянное удовлетвореніе во всемъ мѣшаетъ намъ цѣнить, по настоящему, это довольство!

Вотъ мы, снова, наканунѣ возобновленія непріятельскихъ дѣйствій, какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи: срокъ перемирія истекаетъ, а уполномоченные на заключеніе мира и не думаютъ ѣхать въ Люневиль. Но самое странное и непонятное въ этомъ, что императоръ, подписывая прелиминаріи, началъ съ того, что предоставилъ всю Германію во власть Французамъ, отдавши имъ всѣ крѣпости, которыя еще оставались у него! Приходится признать, что всѣ Европейскіе кабинеты управляются въ настоящее время самыми трансцендентальными геніями, или, что они всѣ во власти общаго духа заблужденія. Изъ газетъ вы знаете, что нашъ полный нейтралитетъ кончается. Нота Колычеву и возобновленіе мотивированнаго амбарго на Англійскія суда не позволяютъ желать намъ оставаться добродушными зрителями этой продолжительной и страшной трагедіи, если только намъ не пожертвуютъ многимъ, а особенно Мальтою, только что попавшею въ руки, которыя не легко ее выпустятъ. Англія, нужно въ этомъ согласиться, начинаетъ обнаруживать свою заносчивость и ужасающую жадность. Читали-ли вы рѣчь Люсьена Бонапарта, достойную стать рядомъ съ лучшими рѣчами Демосѣна и Цицерона; онъ говоритъ въ ней, „что Англія покупаетъ посредствомъ золота кровь человѣческую, а золото съ помощью человѣческой крови“. Нахожу это сильное опредѣленіе вполне вѣрнымъ.

Наши общественныя новости вамъ извѣстны по газетамъ и приказамъ, я и не говорю вамъ про нихъ; но вы не знаете, быть можетъ, что графъ Левъ Разумовскій, съ которымъ я очень близокъ, двѣ недѣли тому назадъ, уѣхавшій въ Петербургъ, черезъ двое сутокъ получилъ приказъ немедленно выѣхать изъ города. Онъ вернулся третьяго дня и не знаетъ, за что, почему. Я показалъ Обрѣзкову, касающуюся его часть вашего письма. Онъ очень цѣнитъ вашу память о немъ, ваше участіе къ его положенію и поручаетъ мнѣ выразить вамъ его признательность.

13.

27-ое Марта (1801).

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ я ваше письмо отъ 18-го; содержащіяся въ немъ доказательства вашей ко мнѣ дружбы становятся мнѣ, съ каждымъ днемъ, все дороже, такъ какъ кругъ предметовъ моей привязанности суживается постоянно. Горькій опытъ открываетъ намъ челоувѣчество во всей его наготѣ, и куда какъ неприглядно оно въ такомъ видѣ!

Извѣстіе о чрезвычайномъ происшествіи получилъ я, отѣхавши 8 верстъ отъ вашего дома; а, посиди я у васъ часомъ долѣе, и узнай я это у васъ, вѣрнѣе всего, что мы цѣлый день проговорили бы о будущихъ возможностяхъ, и согласитесь, графъ, что это обширное поле для предположеній. Послѣ кн. Долгорукаго, привезшаго эту новость, и послѣ Каверина, возвратившагося, въ тотъ же день, къ своей прежней должности¹⁾ (которые оба выѣхали нѣсколько часовъ по восшествіи на престолъ Императора) не было оттуда никого, кому можно бы было вѣрить. За то болтливая старушка Москва ежеминутно придумываетъ что-нибудь новое. Но, вотъ, послѣднія извѣстія, полученныя мною отъ Мятлева и о которыхъ получилъ сообщеніе и фельдмаршалъ²⁾: гр. Николай Зубовъ сдѣланъ оберъ-шталмейстеромъ, его брату князю и Уварову даны квартиры при Дворѣ; ихъ двоюродный братъ или зять, Ласунскій—гофмаршаломъ, на мѣсто кн. Мещерскаго; болѣе 30 генераловъ вновь призваны къ службѣ, всѣ содержавшіеся въ крѣпости освобождены, такъ же какъ и всѣмъ исключеннымъ дана отставка, съ приказомъ Военной Коллегіи представить списокъ всѣхъ тѣхъ, кого она сочтетъ достойными получить паспорта. Восторгъ Москвичей невозможно передать; но, по словамъ пріѣхавшихъ изъ Петербурга, онъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который объялъ всю столицу! Впрочемъ, все въ *statu quo*: тѣ же парады, тѣ же приказы, тѣ же подробности въ повелѣніяхъ Корсакову, Кочубею, Моркову и многимъ другимъ, объ ихъ возвращеніи въ Петербургъ. Говорятъ, что въ этомъ числѣ и княгиня, сестрица ваша. Татищевъ, бывшій въ Москвѣ только проездомъ, поѣхалъ, говорятъ, за нею. Число уѣзжающихъ отсюда невѣроятно. Первый день фельдмаршалъ отказывалъ въ паспортахъ, а на другой день было выдано 150. По одному очень достовѣрному письму, которое я читалъ, Государь очень много занимается; но часть, надъ

¹⁾ Т. е. Московскаго оберполиціймейстера.

²⁾ Т. е. Московскій генераль-губернаторъ графъ И. П. Салтыковъ.

которою онъ всего болѣе трудится, это наши отношенія съ иностранными дворами: онъ призналъ союзъ Швеціи, Пруссіи и Даніи, сохраняетъ союзъ съ Франціей, хотя онъ тотчасъ снялъ амбарго съ Англійскихъ кораблей и послалъ, говорятъ, вашему братцу приказъ возвратиться въ Лондонъ, не какъ послу, а чтобъ посмотрѣть, нельзя-ли примириться съ этой державой, король которой умеръ, по послѣднимъ извѣстіямъ. Скончалась и наша эрцъ-герцогиня¹⁾, послѣ родовъ. Увѣряютъ, что она была другомъ сердца Императору. Подробности о ночи съ 11 на 12 еще не выяснены, хотя ихъ немало уже разносятъ здѣсь. Всѣ полки, долженствовавшіе придти сюда на Май, получили приказъ вернуться. Полагаютъ, что по истеченіи срока мундирамъ вернутся къ старымъ формамъ. Вы не можете жаловаться, графъ, что я не выполнилъ вашего приказанія сообщить вамъ новостей: вотъ вамъ ихъ съ цѣлымъ коробъ. Возвращаю вамъ книгу вашу съ благодарностію; ее можно дополнить хорошей и очень интересной главой. Прошу васъ извинить каракули моего новаго секретаря²⁾, моей дочурки, замѣнившей моего прежняго, почувствовавшего себя нехорошо. Надѣюсь этимъ лѣтомъ имѣть удовольствіе увидѣть васъ здѣсь, графъ, во-первыхъ, къ коронаціи, назначенной, какъ говорятъ, на 22-ое Сентября; а еще и потому, что Государь, какъ кажется, совѣтуется съ общественнымъ мнѣніемъ при выборѣ лицъ назначаемыхъ во главу дѣлъ, а чье же мнѣніе можетъ быть лучше вашего, во всѣхъ отношеніяхъ? Очень вѣроятно, что вамъ предложатъ вернуться къ службѣ, чего я горячо желаю, для общаго блага.

14.

(Осень 1801).

Отъ души поздравляю Царя и государство, избравшихъ себѣ, въ лицѣ графа Воронцова, такого сотрудника и опору. Помните, графъ, какъ я вамъ говорилъ и писалъ, что васъ можно и должно призвать къ дѣламъ только для большаго поста и съ равномѣрной долей довѣрія. Наконецъ, это исполнилось. Примите мои поздравленія, зная, что они исходятъ отъ сердца, особенно, если вы довольны своимъ назначеніемъ и что оно подходитъ вамъ. Какъ я вамъ благодаренъ, графъ, что вы подумали обо мнѣ, не смотря на чрезмѣрность вашихъ дѣлъ, и прислали мнѣ всѣ бумаги, касательно всѣхъ этихъ распоряженій.

Мнѣ представляется великолѣпный портикъ, столь же смѣло воздвигнутый для украшенія зданія, достойнаго стать на удивленіе

¹⁾ Великая княжна Александра Павловна.

²⁾ Т. е. княжны Екатерины Андреевны Вяземской.

потомству, и по своимъ размѣрамъ, и по своей правильности; но, зданія еще нѣтъ, а сдѣланъ только портикъ. Вы не можете себя представить, какое это произвело здѣсь на всѣхъ впечатлѣннѣе. Я совсѣмъ не выхожу; но тѣ немногіе, кого я вижу, имѣютъ обширное знакомство и увѣряютъ меня, что нѣтъ конца разсужденіямъ о будущихъ возможностяхъ, и что ждуть съ тревогой и нетерпѣніемъ продолженія начатаго. Привыкнувъ говорить съ вами откровенно, скажу вамъ мое объ этомъ сужденіе: если остановятся на сдѣланномъ, то не стоило и подымать столько шуму изъ за подобной бездѣлицы, такъ какъ Сенать, за исключеніемъ двухъ-трехъ статей, всегда пользовался привилегіями и правами, предоставленными ему указомъ, и ни однимъ циркуляромъ ихъ у него не отнимали; но, просто они вышли изъ употребленія и умерли собственной прекрасной смертью, вслѣдствіе силы и власти генераль-прокуроровъ,—что тотчасъ и повторится, если найдется генераль-прокуроръ болѣе сильный, чѣмъ Сенать. Но, нужно признать, что Сенать по своему составу, особенно въ Москвѣ, не можетъ замѣнить правительство. Вотъ что онъ собою представляетъ, въ настоящее время, этотъ верховный трибуналъ для провѣрки всѣхъ дѣлъ и пересмотра процессовъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ: большая часть его состава, какъ стадо овецъ, не можетъ обходиться безъ пастыря. Какъ же ему возможно призвать, для дачи отчета, какого нибудь льва, какимъ, предполагается, долженъ быть болѣе или менѣе всякій министръ?

Что касается министровъ и разграниченія ихъ обязанностей, и это не нововведеніе, а только нѣкоторое видоизмѣненіе; но нужно немало времени, чтобъ привыкли къ надзору за ними Сената; а, къ тому же, неудобство, мною замѣченное по поводу сенаторовъ, примѣнимо и къ нимъ: отъ большей или меньшей власти министра получатся тѣ же послѣдствія, какъ при генераль-прокурорѣ.

Затѣмъ, этотъ Совѣтъ, безъ инструкцій, безъ ясно опредѣленныхъ правъ и обязанностей, кажется мнѣ излишнимъ, развѣ только его сдѣлаютъ подобнымъ Совѣту Французской республики, куда выбираютъ изъ всѣхъ сословій лучшихъ людей, какъ по ихъ доблести, способностямъ, уму, такъ и по усердію. Но тутъ-то, боюсь, скажется различіе между этими двумя странами. Во Франціи, на каждое такое важное мѣсто, найдется десять кандидатовъ, а у насъ, пожалуй, придется искать одного на двадцать свободныхъ мѣстъ! Въ концѣ концовъ, всѣ эти установленія намъ на благо, и мы достигнемъ онаго, ибо вы больше всего содѣйствовали въ этомъ, и я даже считаю васъ главнымъ творцомъ сего. Зная меня, вы не сочтете мои слова за лесть. Но, для достиженія сего блага, нужны время, стойкость и, особенно, усердіе

къ общей пользѣ, что рѣдкая вещь, особливо же въ вѣкъ подобный нашему и послѣ испытанныхъ нами потрясеній.

Петръ I сказалъ гдѣ-то: *на что законы, естли ихъ не исполняютъ?* Законы мы имѣемъ; но ихъ постоянное противорѣчіе, дерзость при ихъ ежечасномъ обходѣ, взяточничество самое наглое и открытое, роскошь самая необузданная и служащая главной причинойъ всѣхъ сихъ бѣдствій, пренебреженіе саномъ, даже презрѣніе къ нему, если онъ не доставляетъ денегъ, этого единственнаго кумира, которому приносятъ въ жертву всѣ пороки, присущіе нашему правительству и учреждениямъ, а исправить которыя, однако, невозможно безъ неминуемыхъ опасностей: вотъ тѣ препоны, которые я предвижу по пути къ достиженію желаемаго: *справедливости и милости царской*. Суды пусть осуждаютъ и оправдываютъ, но составъ ихъ, по возможности, долженъ быть изъ людей честныхъ. Царь не долженъ никого карать, но чтобъ законъ никому не уступалъ и, для примѣра, каралъ бы сильнѣе человѣка высоко стоящаго. Пороки правительствъ никогда не вводятся снизу вверхъ. И для всего этого необходимо воспитаніе нравственное, о которомъ мы не имѣемъ почти понятія; если дѣти наши болтаютъ, какъ попугай, на разныхъ языкахъ и обладаютъ пріятными талантами, мы больше ничего и не требуемъ.

Я, лично, много потерялъ, лишившись надежды повидать васъ въ Слободѣ и на Пречистенкѣ, но такъ какъ я не эгоистично люблю друзей моихъ, а вы, не смотря на ваше званіе государственнаго канцлера, дозволите мнѣ продолжать любить васъ и почитать, и сами не измѣните ко мнѣ вашихъ добрыхъ чувствъ, то я покоряюсь охотно этому лишенію—самому, однако, чувствительному для меня—лишь бы знать, что вы счастливы и что вы трудитесь на пользу отечества. Хотя и менѣе часто, чѣмъ прежде, я рассчитываю, однако, получать отъ васъ иногда доказательства вашей ко мнѣ дружбы. Вы знаете, какъ это мнѣ дорого, и сколь я заслужилъ это моею къ вамъ неизмѣнною преданностію.

15.

Въ Москвѣ, 1-ое Февраля (1802).

Расчитывая на вашу ко мнѣ дружбу, надѣюсь, что вы не откажетесь попросить сенатора Рыядина о моемъ дѣлѣ въ Сенатѣ, относительно земли, пожалованной мнѣ покойнымъ Императоромъ, и которую оспариваетъ Аргамаковъ; предки его, какъ и настоящій владѣлецъ, оттягивали ее съ вопіющей несправедливостію у моей деревни, какъ и у 4 другихъ, тоже принадлежавшихъ казнѣ, подъ именемъ Мордвы. Вы знаете, какъ мало пеклись объ этихъ несчастныхъ крестьянахъ

казенныя палаты. Рындинъ, единственный сенаторъ этого департамента, котораго я, черезъ васъ, немного знаю. Я ему писалъ, но не думаю, чтобъ мое письмо произвело какое нибудь дѣйствіе; поэтому, я васъ убѣдительно прошу, графъ, поддержать меня у него. Я знаю, что вы были его благодѣтелемъ, и что онъ не откажется помочь въ справедливомъ дѣлѣ.—Не пишу ничего о здѣшнихъ. Никогда еще столько людей не покидало Москвы, очень огорченной! Она дѣлается болѣе прежняго пустынной и скучной. Это отзывается и на моемъ небольшомъ кружкѣ знакомства. Только одно спокойствіе можетъ замѣнить недостающія удовольствія.

16.

17 Февраля (1802).

Я не знаю, какъ мнѣ васъ достаточно благодарить за ваше дружеское и доброе письмо и за ваше ходатайство о моемъ дѣлѣ у сенатора Рындина. Я вамъ особенно буду обязанъ, если, благодаря вамъ, эти несчастные крестьяне выиграютъ свою тяжбу. Для нихъ было-бы полнымъ разореніемъ отобраніе у нихъ земли, на владѣніе коей у нихъ всѣ документы, признанные дѣйствительными по всѣмъ судамъ.

Бурнашевъ не находитъ словъ, чтобъ достаточно благодарить васъ за ваше о немъ милостивое предстательство у сенатора Муравьева. Но оказать поддержку человѣку, послужившему отечеству, это-ли не ваше обыкновеніе, и одна изъ привилегій людей высоко стоящихъ?

Снова, вотъ, генералъ-губернаторства¹⁾; *волею и неволею спаси мя!* По крайней мѣрѣ, таково здѣсь общее мнѣніе, и мнѣ оно кажется очень правдоподобнымъ. Болтливая Москва предсказываетъ и другія перемѣщенія, происходящія по той же причинѣ, какъ и это. Общюю пищею нашихъ разговоровъ служатъ Калужскія новости: это битва героевъ, по Иліадѣ, битва, отъ которой обитатели Олимпа и земли не могутъ отвести глазъ.

17.

(1802).

Мнѣ тѣмъ болѣе слѣдуетъ благодарить васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ письмомъ отъ 27 Февраля, что вы не пропустили моихъ сердечныхъ выраженій, по поводу поѣздокъ въ Слободу²⁾. Дѣйствительно, графъ, я тамъ провелъ много пріятныхъ и поучительныхъ минутъ. Для себя и для васъ, я бы желалъ ихъ возобновленія, но для блага страны это не подходитъ. Чрезвычайно благо-

¹⁾ Т. е. Екатерининскія, упраздненныя въ царствованіе Павла.

²⁾ Т. е. въ Москвѣ, въ Нѣмецкую Слободу, гдѣ жилъ графъ Воронцовъ (въ наши дни домъ Гольцгауера). Домъ князя Вяземскаго на другомъ концѣ Москвы у Антипія, нынѣ князей Долгорукихъ.

даренъ вамъ за обѣщаніе поддержать меня у Рындина, о чемъ вновь прошу васъ убѣдительно.

Нелединскій и кой-кто еще вернулись нѣсколько дней тому назадъ изъ Петербурга, и говорятъ, что пребываніе въ немъ, что-то волшебное, но что эти проклятыя волшебницы не хотятъ превратить Невскія воды въ воды Пактола*), черезъ что ихъ карманы дѣлаются, съ каждымъ днемъ, все болѣе тощими. Аллегоріи въ сторону, дороговизна тамъ, говорятъ, невѣроятная. Но и у насъ есть вещи невѣроятныя: это недавно бывшій сѣздъ нашего именитаго дворянства, для выбора, по повелѣнію Императора, члена отъ дворянства, чтобъ предсѣдательствовать въ одной комиссіи, по расходамъ города. Фельдмаршалъ Каменскій сильно выступилъ противъ Оболянинова, предложеннаго однимъ изъ его приверженцевъ, который и предупредилъ послѣдняго о рѣчи, произнесенной противъ него Каменскимъ, на подобіе Цицероновскихъ противъ Катилины. Оболяниновъ пріѣхалъ передъ самымъ закрытіемъ засѣданія и тотчасъ обратился къ Каменскому, который выразилъ свою готовность повторить все имъ сказанное и подкрѣпить свое мнѣніе съ доказательствами въ рукахъ. Только недоставало переполненныхъ народомъ хоровъ, чтобъ дать намъ понятіе о безпорядкахъ и непристойностяхъ въ нѣкоторыхъ учредительныхъ и законодательныхъ собраніяхъ.

Державинъ уже нѣсколько дней какъ здѣсь. Одинъ изъ его пріятелей, съ которымъ я очень хорошъ, слышалъ отъ него, что онъ ждетъ возвращенія посланнаго имъ къ Государю курьера. Онъ снабженъ кучею старыхъ дѣлъ, по безчисленнымъ жалобамъ. Я раздѣляю ваше мнѣніе, что подобнаго рода *слѣдствія* имѣютъ дурную сторону, но скорѣе по способу, какимъ ихъ производятъ, чѣмъ по самой ихъ суетѣ. Повсюду, гдѣ соберется много людей живущихъ въ роскоши, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сего порча нравовъ, такъ что *слѣдствія* неизбѣжное зло, или вѣрнѣе, средство противъ зла, но это только тогда, когда слѣдствія предписаны закономъ, и когда ихъ ходъ ясно обоснованъ и опредѣленъ; иначе они уподобятся инквизиціи, съ которою и имѣютъ, во многихъ отношеніяхъ, сходство. Много крестьянъ вышло, въ нѣкоторомъ родѣ, изъ повиновенія своимъ господамъ; въ ихъ числѣ крестьяне Обрѣзкова, которому это причиняетъ страшныя хлопоты, и ваши разсужденія о *головныхъ умствованіяхъ* вполне вѣрны. Но, вѣрьте мнѣ, что, пока эти головныя умствованія только въ головѣ крестьянъ, они не опасны. Достаточно двухъ полковъ съ патронами, чтобъ водворить порядокъ въ цѣлой губерніи, а вотъ на что тре-

*) Пактоль—по Греческой мифологіи, источникъ богатства.

буется обратить вниманіе: на тревоги, безпокойство, даже недовольство, хотя смутное и неопредѣленное, прочихъ классовъ. На мой взглядъ, самые опасные два вулкана у насъ: это, первымъ дѣломъ, пылкая молодежь, вскормленная чтеніемъ всего, что печаталось въ послѣднія десять лѣтъ, утратившая всякое уваженіе и къ старости, и къ отличіямъ, потерявшимъ цѣну отъ ихъ изобилія, а за тѣмъ, невѣроятное число дворовыхъ, этихъ гермафродитовъ, которыхъ нѣтъ въ Европѣ, которые, утративъ всѣ добродѣтели и благотворные предразсудки своего происхожденія, заразились нашими недостатками и пороками. Напрашивается вопросъ, можетъ-ли человѣческая сила задержать ихъ изверженіе? Не берусь его рѣшить. Но, говоря по человѣчески, предусмотрительность, мудрость, сосредоточенная бдительность, освѣщенные факеломъ опыта, могутъ измѣнить движеніе и дать ему менѣе опасное направленіе. Дѣло васъ, отцовъ-сенаторовъ, найти въ вашей мудрости наиболѣе вѣрное къ тому средство; я, съ своей стороны, знаю только одно: хорошее законодательство, для поддержки нравовъ и ограниченія произвола; и думаю, что въ два или три года можно составить хорошій сводъ законовъ; а необходимые для сего планъ и методъ не трудно найти, благодаря просвѣщенію вѣка и многимъ превосходнымъ сочиненіямъ по этому предмету.

18.

10 Апрѣля (1802).

Если я, до сихъ поръ, не поблагодарилъ еще васъ за ваше послѣднее письмо и за подарокъ книгами, полученными чрезъ Пестеля, то единственно изъ за жестокихъ причинъ, сообщенныхъ вамъ Обрѣзковымъ. Четыре недѣли тому назадъ, жена стала кашлять съ кровью, въ продолженіи восьми дней, чего очень испугалась и что вызвало спазмы и стѣсненія въ груди, страшно ее мучація. Если даже въ этомъ нѣтъ ничего опаснаго, то смотрѣть, вотъ уже мѣсяць, на страданія жены терзаетъ мое сердце*). Ваше умиленное участіе, такъ дружески выраженное въ послѣднемъ письмѣ вашемъ, было для меня чистѣйшимъ бальзамомъ. Вѣрьте, графъ, что я высоко цѣню вашу дружбу и глубоко и искренно преданъ вамъ. Мнѣ больно было слышать, что вы еще не отдѣлались отъ вашей простуды. Общее ослабленіе, о которомъ вы мнѣ пишете—прямое ея послѣдствіе, не особенно конечно важное при вашемъ умѣренномъ и разумномъ образѣ жизни, и съ вашимъ крѣпкимъ сложеніемъ, которые помогутъ вамъ скоро и вполне поправиться. Извиняюсь за краткость сего письма. При первой спокойной минутѣ дамъ вамъ о себѣ вѣсточку.

*) Супруга князя Вяземскаго скончалась черезъ два дня послѣ этого письма, 12 Апрѣля 1802 г.

19.

29 Мая (1802).

Сердечно благодарю васъ за столь дорогую мнѣ дружбу вашу. Письма ваши отъ 18-го и 22-го мною получены. Въ первомъ вы писали, что ожидаете графа Семена, а второе извѣщаетъ уже объ его прибытіи, съ каковымъ я васъ искренно привѣтствую. Вполнѣ понимаю, какъ сладостны были вашему сердцу минуты свиданія, послѣ такой дали, раздѣлявшей васъ въ теченіи столькихъ лѣтъ, полныхъ такихъ великихъ и быстрыхъ событій, что ихъ можно считать за вѣка. Отрадно свидѣться съ дорогимъ и единственнымъ братомъ, но мнѣ не по душѣ ваше разсужденіе, „что, впрямую, это ваше послѣднее съ нимъ свиданіе“. Къ чему заглядывать въ будущія бѣды, когда у насъ ихъ много и въ настоящемъ? Я позналъ горькимъ опытомъ истину сихъ словъ, но, по слабости человѣческой и по гнетущей меня скорби не примѣняю ихъ къ дѣлу.

Мнѣ пріятно встрѣчать въ вашихъ письмахъ то „Нѣмецкая Слобода“, то „Пречистенка“, служація вполнѣ къ украшенію ихъ, такъ какъ я представляю уже себѣ возможность насладиться однимъ изъ первѣйшихъ удовольствій для моего сердца, и это далеко отъ лести и преувеличенія. При всемъ этомъ, я отказался бы даже отъ надежды увидѣть васъ здѣсь, если бы я хоть на минуту могъ думать, что ваше пребываніе въ Петербургѣ настолько же полезно странѣ, насколько велики ваши на то способности. Но, увы, мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ изъ отдаленія, что дѣла пошли бы иначе, занимай вы мѣсто, на которое, по всемъ обстоятельствамъ, имѣете неоспоримое право, т. е. мѣсто настоящаго совѣтника, совѣтамъ коего будутъ слѣдовать, какъ наилучшимъ. При нашихъ бесѣдахъ, графъ, вспомните, что это всегда былъ мой конекъ: безъ департамента, безъ портфеля, но первое по довѣрію мѣсто, вполнѣ заслуженное, по способностямъ, по опытности и усердію.

Если нѣтъ въ Европѣ выдающихся событій, то есть очень интересныя явленія по части административной. Учрежденіе школъ во Франціи и планъ ихъ организація кажутся мнѣ образцомъ человѣческаго ума; пренія по этому поводу такъ логичны и вѣрны; что нельзя ничего желать лучшаго, точно такъ же, какъ и все сдѣланное министромъ внутреннихъ дѣлъ по улучшенію и поддержкѣ фабрикъ и заводовъ. Сказать правду, по моему, министрамъ прочихъ государствъ слѣдуетъ только внимательно присматриваться ко всему, что дѣлается во Франціи и прямо перенести все это къ себѣ, но отбросивъ, съ здравымъ смысломъ, опытностію и знаніемъ своей страны, все неподходящее къ

ея климату, мѣстности и обычаямъ. Дѣятельность Французовъ, поддерживаемая остатками революціоннаго броженія, заставляетъ ихъ заниматься всѣми отраслями управленія съ тактомъ и рвеніемъ, этими немногими наслѣдіями революціи. Надолго слова: разслабленіе, апатія, и равнодушіе исчезнутъ изъ ихъ словаря.

Какъ бы исторія съ княземъ Зубовымъ не стала первымъ звеномъ цѣпи его приключеній, особливо если ему доведется побывать въ странахъ съ новымъ устройствомъ, гдѣ онъ можетъ испытать немало неприятностей. Думаю, что и находящіеся тамъ Поляки причинятъ ему много худаго. Мятлевъ ѣдетъ послѣ завтра на два дня въ Петербургъ; съ тещей¹⁾ онъ проведетъ въ деревнѣ денька два.

20.

19 Іюня (1802).

Вотъ письмо исправленное по вашему указанію, т. е. съ именемъ покупателя и обозначеніемъ числа душъ. Что же касается до фамиліи, которую я бы желалъ дать дѣвицѣ, она обозначена въ началѣ письма—*Колыванова*, такъ какъ она родилась въ Ревелѣ, который по-русски называется *Колывань*²⁾. Я не повторяю вамъ ни моей благодарности за устройство этого дѣла, ни извиненій за причиняемая безпокойства, зная навѣрное, что вы вознаградите себя сознаниемъ, что успокоили мою совѣсть, на которой тяготѣлъ такой важный долгъ. Я обозначаю пока это маленькое имѣніе, чтобъ только она получила право владѣнія онымъ по *иминному указу*, намѣреваясь еще дать ей денегъ, или же купить ей еще имѣніе, на назначенныя мною ей деньги.

Мнѣ такъ было пріятно читать о вашемъ счастіи быть съ вашимъ братомъ, графомъ, и о вашихъ планахъ на 1803 г. Стихи Вольтера подлинно достойны философа и вполнѣ вѣрны: „у кого умъ идетъ въ разладъ съ его годами, тому останутся только невыгодныя стороны его возраста.“ Давно уже поле великихъ міровыхъ дѣйствій потеряло для меня значеніе; добродѣтель, къ которой, въ концѣ концовъ, человѣкъ долженъ стремиться, прежде всего, какъ для своего блага, такъ и для блага ближнему, добродѣтель, говорю я, слишкомъ рѣдко согласуется съ блестящими дѣйствіями; а они, однако, кажутся главною цѣлью на аренѣ общественной жизни. Но, если даже и допустить такое согласіе, то оно такъ рѣдко, что едва-ли, за нѣсколько вѣковъ, отыщется одинъ счастливый человѣкъ, котораго Господь сподобилъ бы, за всю его дѣятельность, совершить *одновременно* дѣло блестящее и добродѣтельное. О прочихъ дѣлахъ не стоить и говорить, по ничто-

¹⁾ Т. е. съ графиней Дарьей Петровной Салтыковой.

²⁾ Рѣчь идетъ о будущей супругѣ Н. М. Карамзина.

жеству намѣреній, или по подлымъ средствамъ и незначительности ихъ результатовъ. На удачу одного Бонапарта или Вашингтона, сколько несчастныхъ низверженныхъ въ бездну, съ проклятіями всего человѣческаго рода! Да чтобъ и эти два существа смогли достигнуть такихъ блестящихъ и полезныхъ результатовъ, сколько потребовалось предшествующихъ имъ обстоятельствъ и неисчислимо-счастливыхъ случаевъ, чтобъ наложить на нихъ печать безсмертія? Бонапартъ, по вашимъ словамъ, плыветъ на всѣхъ парусахъ; но мнѣ за него досадно, что человѣкъ такой удивительный, какимъ онъ есть въ дѣйствительности, все же обнаруживаетъ свои слабыя стороны. Къ чему заставить себя выбрать пожизненнымъ консуломъ, въ то время, когда Законодательное Собраніе предлагало продлить его консульство еще на десять лѣтъ? Зачѣмъ даже это низкое угодничество, когда онъ могъ еще семь лѣтъ оставаться первымъ консуломъ и, слѣдовательно, имѣть много еще времени, чтобъ принести достаточно пользы и утвердить судьбу главной республики и ея пріемныхъ дочерей. И какую бы онъ получилъ славу, отказавшись отъ этого, какъ отъ чего-то противнаго конституціи,—первый стражъ коей онъ самъ—и духу равенства, лежащаго въ основѣ этой республики, гдѣ каждый можетъ достигнуть всѣхъ должностей, по своимъ качествамъ и заслугамъ.

У насъ, здѣсь, идутъ слухи и о вашихъ громадныхъ замыслахъ: возстановленіе Царства Польскаго, съ вознагражденіемъ заинтересованныхъ сторонъ, за счетъ Турціи и Германской Имперіи. Нѣкоторые заходятъ еще далѣе: возстановленіе Восточной Имперіи, немного расчлененной, какъ вы это и понимаете, въ пользу заинтересованныхъ союзниковъ. Только благоразуміе Императора не позволяетъ мнѣ вѣрить этому, а не будь его, придется признать, что, въ нашъ вѣкъ, могутъ произойти еще болѣе невѣроятныя событія.

Прошу извиненія за моего маленькаго секретаря. Послѣ кончины ея матери, она исполняетъ эту должность, такъ какъ я не дерзаю написать цѣлое письмо моей рукой, сознавая, что тяжело разбирать мои каракули.

21.

10 Іюля (1802).

Болтливая Москва ожидала какихъ нибудь важныхъ новостей, перемѣвъ, съ пріѣздомъ Государя. Всѣ такъ попривыкли, за послѣднее время, къ большимъ событіямъ, которыми были богаты истекшія пять лѣтъ, что очень избаловались; и, когда нѣтъ таковыхъ, то, для успокоенія себя, сочиняютъ что нибудь. Со вчерашней почты толкуютъ о поединкѣ между Шевалье-де-Саксомъ и кн. Зубовымъ, на которомъ,

яко бы, послѣдній лишился руки, и о другомъ поединкѣ того же Сакса съ кн. Щербатовымъ, гдѣ, будто, первый былъ убитъ.

Есть-ли у васъ, графъ, какія нибудь особенно интересныя книжныя новости? У насъ есть кое-что по этой части. Я только что прочелъ двѣ книги и совѣтую вамъ приобрести ихъ, если вы не читали ихъ: *Les trois âges des Colonies*, par Pradt. Писалъ ее, по видимому, человекъ понимающій толкъ по этой части, и слогъ его замѣчательно ясный и сжатый. По духу системы, онъ зашелъ слишкомъ далеко въ послѣдней части, гдѣ говорится объ освобожденіи всѣхъ колоній, которое, по мнѣнію автора, неизбежно, что онъ и доказываетъ съ большей правдивостью и ясностью; но, дойдя до Испанскихъ и Португальскихъ владѣній, онъ встрѣчается съ затрудненіями, въ виду того, что эти державы поддерживаютъ себя только громаднымъ количествомъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, извлекаемыхъ ими изъ Америки. За исключеніемъ этой незначительной погрѣшности, книга эта лучшая изъ писаннаго по этому предмету. Вторая—очень любопытна по автору: *Гретри*, который 40 лѣтъ сочинялъ только прелестную музыку и вдругъ надумался написать философское и метафизическое сочиненіе объ истинѣ: *что мы были, чѣмъ мы стали, и какими бы намъ слѣдовало быть*. Увѣряю васъ, что ни діэзовъ, ни бемолей не видно за глубокимъ мыслителемъ, не привыкшимъ, правда, къ порядку и методу въ такомъ отвлеченномъ предметѣ. Много еще историческихъ сочиненій о Бонапартѣ, Клеберѣ и Десэ, и особенно книга о, Петрѣ III, въ которой заглавная картинка каждаго тома превосходитъ своею вольностію мемуары Масона.

Нашъ фельдмаршалъ Салтыковъ ѣдетъ на дняхъ съ женою въ Петербургъ. Говорятъ, что вы намъ другого пришлете на его мѣсто. Дай Богъ, чтобъ онъ былъ лучше его. Затрудненій въ выборѣ вамъ не будетъ, по числу достойныхъ кандидатовъ для замѣны его. Казалось бы, что не трудно замѣнить Салтыкова, но, какъ видно, бѣдность на людей превосходить возможность замѣнять даже посредственностью.

22.

17 Іюля (1802).

Съ величайшимъ удовольствіемъ снова вижу, что вы не совѣмъ отказываетесь отъ мысли пожить эту зиму въ Слободѣ. Дай Богъ ей осуществиться! Конечно, вы знаете, что я заинтересованъ въ этомъ желаніи; но, нужды нѣтъ, оно не станетъ отъ этого вамъ менѣе пріятнымъ. Говорятъ, у васъ большія перемѣны по дипломатіи. Устрой Господь, чтобъ это было къ лучшему, въ лучшемъ изъ возможныхъ міровъ. По поводу этихъ словъ доктора Панглоса, я получилъ отъ

Мятлева самое остроумное и забавное письмо. Онъ взялъ за тезисъ это изреченіе, чтобъ доказать мнѣ, что дурныя дороги, по которымъ онъ ѣхалъ, поломка экипажей, разбитые его бока, обветшалость и безпорядокъ въ его деревенскомъ домѣ, все это самыя лучшія вещи въ мірѣ, лучшія слѣдствія лучшихъ причинъ, въ наилучшемъ изъ міровъ!

На этихъ дняхъ я собираюсь проѣхать въ мои помѣстья, но не думаю употребить на это болѣе двухъ недѣль, и постараюсь остальную часть лѣта провести въ подмосковной. Нашъ фельдмаршалъ уѣхалъ, три дня тому назадъ. Его отсутствіе не произвело, до сихъ поръ, никакой замѣтной перемѣны, чему вы легко повѣрите.

23.

8 Декабря (1802).

Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ я лишень удовольствія, да и очень большаго удовольствія, получать отъ васъ вѣсточки. Съ мѣсяцъ тому назадъ, я вамъ писалъ съ Лубяновскимъ, другомъ Лобанова, который ему покровительствуетъ. Онъ уже получилъ то, что желалъ, и мнѣ хотѣлось бы знать, вамъ-ли однимъ онъ обязанъ полученіемъ такого хорошаго мѣста у Кочубея. Я вполне понимаю, что теперь все ваше драгоцѣнное время отдается служенію на общественное благо, а, кромѣ того, у васъ отнимаетъ его и Дворъ. Вполнѣ понимаю все это и, не смотря на то, меня очень, очень огорчаетъ, что человѣкъ созданъ такимъ слабымъ, или что наши желанія такъ велики, что одно никогда не соотвѣтствуетъ другому. Какая разница между письмами изъ Матренина и Петербургскими! Какъ не сказать: жалкое человѣчество? Но все же, если у васъ нѣтъ времени и написать мнѣ, что вы здоровы и довольны, то нельзя-ли, чтобъ ктонибудь изъ вашихъ успокоилъ меня на этотъ счетъ? Я давно уже смотрю на все творящееся, какъ на Китайскія тѣни, а въ послѣднее время мнѣ все больше видны тѣни. Одно, что я сохраняю, это сердце, въ которомъ вамъ отведено много мѣста. Здѣсь столько новостей, одна несуразнѣе другой, что не мѣшаетъ имъ подъ часъ оказываться вѣрными, и я не стану утомлять васъ передачею ихъ подробностей, такъ какъ не до такихъ вамъ теперь глупостей, при вашемъ санѣ и при сложности всякаго рода дѣлъ.

24.

(1803).

Я получилъ съ послѣдней почтой письмо отъ кн. Лопухина, какъ всегда очень дружеское, забавное и веселое. Я довелъ до его свѣдѣнія общія о немъ здѣсь толки, что, конечно, доставило ему удовольствіе.

Дай Богъ, чтобъ онъ продолжалъ свою дѣятельность на нѣкоторое время; но, мнѣ сдается, что онъ чувствуетъ уже утомленіе.

Вы, вѣрно, получили, графъ, мои письма, одно съ прошеніемъ Козловскаго, а другое черезъ Салтыкова. Я просилъ вашей милости для этихъ двухъ молодыхъ людей зная, что, доставя вамъ случай сдѣлать добро и оказать поддержку молодымъ дворянамъ, я сдѣлаю вамъ одолженіе. Ничего не пишу вамъ о настоящихъ дѣлахъ, и особенно о моемъ дорогомъ любимцѣ Бонапартѣ, такъ медленно спѣшащимъ высадиться*). Жду вашего пріѣзда, чтобъ насладиться разговорами обо всемъ, а теперь кончаю. чтобъ не отнимать у васъ времени.

25.

2 Марта 1803.

Очень порадовало меня ваше письмо отъ 24, изъ котораго я вижу, что вы уже выѣзжаете въ каретѣ. Весна приближается крупными шагами, а вы вѣдь мастеръ ходить, и начнете тогда прогуливаться; воздухъ и движеніе возстановятъ васъ окончательно.

Съ нетерпѣніемъ поджидаемъ результатъ сенаторскихъ преній. Предметъ самъ по себѣ большаго значенія для всего дворянства, а данное ему направленіе интересуется и всѣ прочія сословія. Рѣшеніе сенаторовъ докажетъ намъ, флюгера-ли они только, или же дѣйствительные блюстители благосостоянія государства и охранители правъ и привилегій, дарованныхъ различнымъ сословіямъ щедротами монарховъ. Нужно сознаться, что въ этой компаніи у васъ есть и очень хорошіе, а съ другой стороны и очень подлые экземпляры. Милый генералъ-прокуроръ написалъ бумагу (я ее читалъ), которая ничего не имѣетъ, что давало бы ей право перейти въ потомство; ни краснорѣчія, ни убѣдительности въ поддержкѣ праваго дѣла, такъ какъ, исписавъ четыре страницы безсвязной ахинеи, онъ кончаетъ: „*Самодержавнаго Государя указъ долженъ во всей своей силѣ исполняться*“. Если это не точныя его слова, то таковъ ихъ смыслъ, и что же онъ сказалъ этимъ новымъ? Вѣдь это извѣстно каждому сенатору! Но этому же *Самодержавному Государю* заблагоразсудилось дать право представленія сенатору, въ случаѣ когда тотъ увидѣлъ бы, что общему благополучію угрожаетъ опасность, и Потоцкій нашелъ, въ настоящемъ дѣлѣ, подходящій случай. Признаюсь, что, не зная совершенно, какими маленькими пружинами приводятся въ дѣйствіе большія машины, я только вижу, что Потоцкій поступилъ честно, храбро и какъ подобаетъ патріоту; сенаторы же, осуждающіе его, поступаютъ подло, мерзко и

*) Т. е. въ Англію изъ Буловскаго лагеря.

нагло. Державина, несущаго еще бѣльшую чушь, можно извинить, такъ какъ его прозвище: „*око юсударево*“ налагаетъ на него обязанность поддерживать дѣло. Ваши учебныя заведенія заслуживаютъ общее одобреніе, и нужно признать, что ихъ устройство превосходно; теперь дѣло за профессорами, учителями и за деньгами. Первое кажется мнѣ труднѣе послѣдняго. Бывшій генераль-прокуроръ, кн. Куракинъ, скоро будетъ у васъ; онъ собирается выѣхать дня черезъ два; толкуютъ даже, что онъ замѣнитъ настоящаго. Мнѣ кажется, что это выдетъ изъ огня да въ полымя! Кн. Лопухинъ *благу частъ избра*, и лучшаго, по моему, онъ ничего не могъ сдѣлать. Онъ уже здѣсь говорилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, но, зная его характеръ, я побаивался, что у него не достанетъ твердости рѣшиться.

Позвольте мнѣ теперь, графъ, рекомендовать вамъ подателя сего письма, Черевина, который два года уже, какъ имѣетъ честь служить юнкеромъ подъ вашимъ начальствомъ. Онъ очень красивый малый, не глупъ, очень хорошаго поведенія и племянникъ того кн. Вязьмскаго, которому вы тоже оказали милости, и который былъ при генераль-прокурорѣ во главѣ сенатскихъ обществъ. Все, что вы соблаговолите сдѣлать для Черевина, сочту какъ лично мнѣ сдѣланное. Вашъ департаментъ или скорѣе вы одни доставите намъ миръ и покой, это будетъ дѣло вашихъ рукъ. Боюсь, однако, и вы сами это находите, какъ бы Англія, своєю недовѣрчивостію, не испортила этого пріятнаго ожиданія. Камнемъ преткновенія можетъ быть то, что она не вывела своихъ войскъ изъ Египта; впрочемъ, подобное мошенничество не должно никого удивлять, по коварству присущему ей политикѣ. Полная гармонія между счастливымъ Бонапартомъ и могущественной Россіей: вотъ основа всеобщаго мира.

26.

19 Марта 1803.

Я имѣлъ честь получить ваше министерское письмо черезъ Смита, а второе, пріятное письмо, по почтѣ. Чрезвычайно вамъ благодаренъ, какъ за письмо, такъ и за пріятное знакомство. Я еще не встрѣчалъ, между его соотечественниками, такого интереснаго собесѣдника, могущаго поравняться въ этомъ съ Французами. Онъ поразказалъ много очень интересныхъ анекдотовъ, преимущественно о Франціи и ея первомъ консулѣ. Онъ два раза ужиналъ у меня, еще не долѣе, какъ вчера, и сообщилъ всю исторію о Мирандѣ, который жилъ у меня въ Херсонѣ 3 мѣсяца. Онъ былъ у насъ, но такъ какъ онъ живетъ у Мятлева, я не могу его видѣть такъ часто, какъ бы желалъ. Онъ полонъ къ вамъ признательности за всю вашу доброту къ нему, и просилъ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе.

Вашъ указъ о крестьянахъ надѣлалъ здѣсь невѣроятный переполохъ, и всѣ ложныя толкованія, могущія отъ него произойти, какъ вы это изволите правильно предвидѣть, такъ въ порядкѣ вещей, что мнѣ пришлось уже слышать подобныя отъ нашихъ такъ называемыхъ политикановъ, да и отъ администраторовъ; вслѣдствіе чего, многіе готовы продать свои имѣнія, хотъ съ убыткомъ, опасаясь, что они ихъ лишатся, а нѣкоторые пріостановились выѣздомъ, чтобъ посмотрѣть, какъ будетъ принятъ указъ, и что за нимъ воспослѣдуетъ. Вы совершенно вѣрно и хорошо разсуждаете, находя его преждевременнымъ. Какъ подумаешь, что 6 мѣсяцевъ тому назадъ ввели министерства и организовали Сенатъ; что, вслѣдъ за этимъ, дозволили государственнымъ крестьянамъ пріобрѣтать земли, а, теперь и нашимъ даютъ на то возможность: то нельзя не признать, что мы двигаемся быстро, боюсь даже, что слишкомъ быстро, по духу времени во всей Европѣ.

Вы не можете себѣ представить, что здѣсь творится въ дни прихода почты: бѣгаютъ отъ одного къ другому, чтобъ узнать, нѣтъ ли чего новаго, и такъ всѣ тревожно ждуть чего-то, какъ будто каждый курьеръ долженъ привезти извѣстіе о какомъ нибудь нововведеніи! Не думаю, чтобъ такое положеніе вещей не оставляло желать ничего лучшаго. Прибавьте къ этому настолько же вѣрныя, какъ, подъ часъ и ложныя, слухи о бунтахъ крестьянъ, или, по меньшей мѣрѣ, объ ихъ отъявленномъ неповиновеніи, какъ напр. подъ самымъ городомъ, въ бывшихъ имѣніяхъ гр. Ягужинскаго. При твердо выраженномъ, и во всеобщее свѣдѣніе, желаніи дать свободу крестьянамъ, дворянъ обязываютъ новымъ указомъ прослужить двѣнадцать лѣтъ въ нижнихъ чинахъ. Затѣмъ, и князь, и графъ, и фельдмаршалъ могутъ быть разжалованы и сосланы на каторгу; никакой законъ не охраняетъ ихъ отъ произвола, не позволяетъ оправдать себя, ни даже просить надъ собой суда. Какъ согласовать подобныя вещи? А, казалось бы, что такого рода учрежденія прежде всего слѣдуетъ привести въ порядокъ, въ систему, по указаніямъ самой природы: т. е. положить предѣлы правъ всѣхъ состояній, а равно и требовать исполненія обязанностей. Двадцать милліоновъ крестьянъ, получившихъ свободу и управляемыхъ ста тысячею помѣщиковъ въ рабствѣ, все это во власти произвола; подобную задачу предоставляю рѣшить всѣмъ настоящимъ и будущимъ Ликургамъ и Солонамъ. Вамъ, графъ, надлежитъ быть у кормила правленія: на васъ накладываютъ эту священную обязанность и ваши лѣта, и ваша опытность, и вашъ санъ, а болѣе всего ваше желаніе общаго блага. Не пренебрегайте-же этимъ, пока есть время. Вижу, какъ меня далеко увлекаетъ мое усердіе. Прошу васъ простить мнѣ этотъ порывъ, по вашей добротѣ и дружбѣ ко мнѣ.

27.

13 Апрелья 1803 г.

Я каждое письмо ваше читаю съ новымъ и живѣйшимъ удовольствіемъ. Не считая, что вы доказываете мнѣ вашу дружбу письмами, они мнѣ дороги еще и потому, что льстятъ моему крошечному самолюбію, когда я вижу, что ваши мысли сходятся съ моими; какъ напр. по поводу почтовой гоньбы, которой подвергаютъ все наши учрежденія и организаціи. Не знаю, каковъ вашъ взглядъ въ общемъ; но въ подробностяхъ я не вижу, что могло бы меня больше огорчить, какъ новый указъ о докладѣ военнаго министра. Возможно-ли, чтобъ самый неограниченный властитель въ величайшей имперіи, въ то самое время, какъ онъ только и говоритъ о законѣ, не признавая надъ нимъ никакой высшей власти, съ невѣроятной быстротой и всякими способами вызываетъ отмѣну рабства, чтобъ онъ тутъ же накладывалъ новыя цѣпи на дворянъ, приравнивая ихъ къ крестьянамъ, по обязательной службѣ, съ разницею только трехъ лѣтъ, и пользовался *стряпческимъ крючкомъ*, чтобъ сдѣлать Сенатъ только *Ревизионъ Коллеіей старыѣ дѣлъ*; тотъ самый Сенатъ, который, опьяненный своею славой, хотѣлъ послать къ Государю депутацію для выраженія благодарности за новый его уставъ отъ 8-го Сентября? Да, вотъ во что обратилась вся власть Сената, и это крючкомъ, временемъ глагола „*существовалъ*“. Мнѣ трудно передать, какое это произвело на меня впечатлѣніе. Пошли Господи, чтобъ это не имѣло послѣдствій; но все же это очень знаменательная эпоха въ исторіи, и если мы будемъ вынуждены воевать, боюсь, что война отзовется и сильнѣе и быстрѣе. Государя окружаютъ очень глупые или очень преступные люди. И здѣсь очень распространены воинственные слухи, но всегда со сказочными прикрасами. Говорятъ, что король Шведскій вынужденъ былъ оставить столицу свою, что Сенатъ хотѣлъ его удержать плѣнникомъ и возстановить старую конституцію. Но, разрывъ между Франціей и Англіей, мнѣ кажется неизбѣжнымъ. Смитъ, проведеній у меня третьяго дня весь вечеръ, передавалъ мнѣ, что ему пишутъ изъ Франціи объ этомъ и что намѣреніе высадки одобряется всѣми. Смитъ по этому поводу говорилъ, что онъ много толковалъ объ высадкѣ съ Массена, котораго, вѣроятно, и назначать главноначальствующимъ, если плану этому суждено осуществиться, и что это не только что возможно, но и не представляетъ большихъ затрудненій. Первое и необходимое условіе, чтобъ уклониться отъ Англійскаго флота, это вполнѣ подутный вѣтеръ; остальное не представляетъ большихъ трудностей. Взвѣшивать судьбы міра дѣло васъ, Атласовъ, подпирающихъ небо вашими плечами! Мы же, мирные жи-

тели, чувствуемъ только, что воздухъ становится все болѣе и болѣе тяжелымъ, и быть сильной грозѣ. Гдѣ она разразится, кто станетъ ея жертвою, не человѣческому уму рѣшить это, но вѣроятности печальны. Я сожалѣю для васъ, что вы все это время не могли, по нездоровью, выѣзжать. Увѣренъ, что вы предупредили бы много ошибокъ и неловкостей политическихъ. Но такова „судьбы всемогущей воли!“

28.

27 Апрѣля 1803 г.

Мнѣ кажется, что политическій горизонтъ разясняется: Англичане дѣлаются менѣе требовательными, и первый консулъ своимъ твердымъ, чтобъ не сказать рѣзкимъ, тономъ устроить все къ вящему благу Франціи. Роль ваша, лично для васъ, очень пріятная, и вы поставили нашъ кабинетъ на ту внушительную высоту, которая приличествуетъ дѣйствительной мощи Имперіи. Если только эти двѣ державы придутъ къ соглашенію, я увѣренъ, что онѣ будутъ повелѣвать Европой и смогутъ приступить къ этому, лишь только захотятъ. Выработанный планъ порядка и стойкость въ его поддержаніи, вотъ въ чемъ сила; но боюсь, что гораздо труднѣе исполнить совѣтъ этихъ нѣсколькихъ словъ, чѣмъ ихъ написать. Чтѣ бы вамъ, графъ, прислать намъ нѣсколько Французовъ, и мы могли бы составить себѣ о нихъ приблизительно вѣрное понятіе. Они такъ измѣнились за 12 лѣтъ и такъ интересны и блестящи во всѣхъ отношеніяхъ. Кольберъ могъ бы, на обратномъ пути, ѣхать на Варшаву, чтѣ не на много длиннѣе. Я какъ ребенокъ любопытенъ послушать кого нибудь изъ приближенныхъ перваго консула, чтобъ имѣть вѣрныя понятія объ этомъ великомъ и столь выдающемся существѣ. Кажется, дѣла наши съ Германіей покончены вполнѣ, и что уже было послѣднее постановленіе—*conclusum*—сейма, а врагу нашему учинены безпокойства. Этимъ много дѣлъ завершено. Честь вамъ и слава, графъ!

Наслаждаясь отрадой для меня бесѣдой съ вами, я забываю, что вы обременены множествомъ дѣлъ, какъ сами говорите. и что, слѣдовательно, вамъ некогда слушать болтовню человѣка удалившагося отъ всякихъ дѣлъ. Но человѣкъ этотъ искренно любитъ и горячо къ вамъ привязанъ, чтѣ и позволяетъ ему рассчитывать на отпущеніе ему его докучливости. Мнѣ очень любопытно получить вашъ отвѣтъ на мое письмо объ указѣ касательно службы дворянъ. Я излилъ передъ вами все, чтѣ было у меня на сердцѣ, по привычкѣ, оставшейся у меня, принимать участіе во всемъ, чтѣ касается благополучія отечества, и по моему къ вамъ безграничному довѣрію. Примите, графъ, увѣреніе въ неизмѣнности моихъ чувствъ къ вамъ и въ желаніи поскорѣе уви-

дѣтъ васъ возвратившимся къ вашимъ Пенатамъ, но, только послѣ того, что вы закончите съ установленіемъ всеобщей безопасности: подобные лавры легко носить.

29.

1 Юня (1803).

Прилагаю при семъ письмо къ Государю, съ открытой печатью. Вы потрудитесь его прочесть, и я надѣюсь, что вы не найдете мою просьбу чрезмѣрною; но исполненіе этой просьбы успокоитъ послѣдніе годы моей жизни. Вы знаете за кого я прошу, по крайней мѣрѣ ея мать*). Я ничега не преувеличиваю, ни на счетъ ея нравственности, ни на счетъ ея поведенія; поэтому и рассчитываю, что не встрѣтятся никакихъ препятствій. Вы знаете, графъ, какъ я васъ люблю и уважаю; поэтому могъ-ли я обратиться къ кому нибудь другому, кромѣ васъ, въ дѣлѣ столь близкомъ моему сердцу? Я поступаю съ вами какъ тотъ господинъ, который, дѣлая завѣщаніе, вписалъ въ немъ, „что лучшему другу моему, такому-то, завѣщаю заботу о моихъ дѣтяхъ!“ Прошу васъ о скорѣйшемъ представленіи моей просьбы на благоусмотрѣніе Государя. Никто не можетъ ручаться за свою жизнь, и вы поймете, какъ мнѣ важно успокоить мое сердце и совѣсть устройствомъ ея судьбы.

Нашъ Обрѣзковъ уѣхалъ вчера въ свою взбунтовавшуюся деревню, причинившую ему столько непріятностей и убытковъ. Но онъ рассчитываетъ, что посланный въ Тверь указъ о розыскѣ и наказаніи виновныхъ и перемѣнѣ губернатора приведетъ все въ прежній порядокъ. Вернется онъ черезъ двѣ недѣли. Городъ, какъ мнѣ говорятъ, до невѣроятности безлюденъ. Я въ этомъ судья плохой, такъ какъ сижу все дома, но многіе изъ моихъ знакомыхъ поразѣхались. Въ 5-мъ департаментѣ никто не поѣдетъ въ отпускъ: такъ мало въ немъ присутствующихъ сенаторовъ.

30.

7 Юня 1803 г.

Поздравляю васъ съ окончательнымъ соглашеніемъ съ Швеціей: это одною заботою меньше, и хотя приготовленія къ войнѣ и стоили чего нибудь, но что же дѣлать? Это зло неизбѣжное. Однако я бы желалъ маленькаго вознагражденія остальною Финляндією: это очень исправило бы наши границы, не только что отодвинувъ ихъ отъ столицы, но и дѣлая ихъ болѣе военными и менѣе доступными къ нападенію. Что касается Франціи, вы мнѣ напоминаете, что я высказывалъ вамъ мое желаніе нашего съ ней тѣснѣйшаго сближенія. Я и теперь

*) Рѣчь идетъ о Е. А. Карамзиной, прижитой княземъ Вяземскимъ отъ связи съ графиней Сиверсъ.

держусь того же мнѣнія, убѣжденный, что наша дѣйствительная сила и наше географическое положеніе относительно сосѣдей, обезпечиваютъ насъ полной безопасностью, такъ какъ, позаботясь помѣшать союзу Пруссіи съ Австріей, всѣ остальные сосѣди въ счетъ не пойдутъ. Швеція и Европейская Турція не очень-то страшны намъ, а Ледовитое море, Китай и непроходимыя пустыни Азіи служатъ намъ лучшей охраной, тогда какъ въ случаѣ увеличенія нашей территоріи или *пристроенія* кого нибудь изъ нашихъ великихъ князей, какая держава сильнѣе Франціи можетъ препятствовать или спѣшествовать намъ въ этомъ? А если вы мнѣ скажете, что, сравнивая себя съ Римлянами и желая во всемъ слѣдовать ихъ принципамъ, Французы будутъ поступать съ своими союзниками по обыкновенію Римлянъ, развѣ мы не можемъ заставить ихъ поступать иначе? Если не найдутъ они у насъ Антиоха Епифана, намъ не придется тогда увидѣть Попилія*), который бы посмѣлъ очертить кругъ и сказать союзному государю: „прежде чѣмъ переступить за этотъ кругъ, отправьтесь въ Сенатъ“. Общее правило: чувствуешь себя великимъ только по сравненію съ малымъ. Будемте тѣмъ, чтò мы есть, и тогда мы будемъ сильны, и никто не посмѣетъ быть съ нами дерзкимъ или надменнымъ; а нашъ тѣсный союзъ съ Франціей, какъ мнѣ кажется, очень совмѣстимъ съ нашимъ увѣреннымъ тономъ, который поставитъ насъ какъ должно, во всѣхъ отношеніяхъ, и этотъ же самый союзъ—единственный намъ нужный и полезный—дастъ все, чтò желаешь получить отъ союзника: спокойствіе и безопасность. Только не заключайте торговыхъ договоровъ на пользу одного государства, во вредъ остальнымъ. Мнѣ кажется, что подобные договоры самые несправедливые и неполитичные. Почва наша даетъ многое необходимое другимъ странамъ, и мы должны покровительствовать тѣмъ, кто намъ лучше платитъ: всякій другой путь противенъ здравому смыслу, справедливости и выгодамъ отечества.

Теперь, графъ, я хочу заинтересовать васъ въ одной личности, имѣвшей честь быть вамъ извѣстной; третьяго дня ее выслали за предѣлы Россіи, безъ объясненія причинъ. Это книготорговецъ Рись: по вызовѣ его въ полицію, ему даютъ прочесть письмо Государя къ Салтыкову, въ которомъ сказано: „увѣдомившись, что книгопродавецъ Рись въ противность узаконеній продалъ запрещенныя книги, и для того его немедленно выслать за границу“. Рись поспѣшилъ къ фельд-маршалу просить, чтобъ велѣлъ сдѣлать обыскъ во всей его лавкѣ, пересмотрѣть всѣ его бумаги, и если что окажется, то взыскать по всей строгости законовъ, если же онъ будетъ признанъ невиновнымъ, то

*) Римскій консулъ, нанугавшій Сирійскаго царя Антиоха.

освободить его. Фельдмаршалъ отвѣтилъ, что онъ долженъ выполнить только то, что ему повелѣно. Рисъ пришелъ ко мнѣ, сообщилъ всѣ подробности дѣла и клялся, что никогда ни держалъ, ни выписывалъ запрещенныхъ книгъ, да на границѣ цензора и не пропускаютъ подобныхъ. И въ обществѣ также судятъ о немъ.

Г-жа Сталь написала романъ „Delphine“. Первый консулъ не любитъ ни автора, ни его произведенія; и остановилъ его продажу въ Парижѣ. Предполагаютъ, что Гедувилю предписано помѣшать появленію этого романа и у насъ, что и вызвало несчастіе съ Рисомъ. Если это такъ, то это чужая инквизиція ужасна! Всеобщее мнѣніе, что дѣло, дѣйствительно, обстоитъ такъ, и вотъ вамъ кандалы, наложенныя рукою республики! Во всякомъ случаѣ, если можете, помогите несчастному Рису, который не смѣетъ самъ безпокоить васъ. Вы сдѣлаете этимъ дѣло справедливости и милосердія, что такъ приличествуетъ вамъ*).

31.

25 Іюня 1803.

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо; но меня опечалило, что вы такъ заняты и такъ устаєте, не обращая вниманія—по вашему характеру и рвенію—что вы еще не окрѣпли, послѣ болѣзни. Вы не считаетесь съ этимъ, лишь бы дѣла не терпѣли; а умственное напряженіе, усиленная дѣятельность, безпокойства, непріятности, все это плохія лѣкарства, что и тревожитъ меня за васъ. Будьте настолько счастливы и благоразумны, закройте храмъ Януса, и удалитесь, увѣнчанный лаврами. Вы скажете, что трудно выполнить вамъ это мое горячее желаніе. И я согласенъ въ этомъ съ вами; но, не знаю почему, мнѣ кажется, что обѣ воюющія стороны начали войну противъ своего желанія, и что даже Англія, которая и вызвала ее, очень бы рада найти подходящій предлогъ, чтобы удовлетворить честь Британскаго народа и придти къ соглашенію. И, дѣйствительно, Англія больше потеряетъ при войнѣ, чѣмъ выиграетъ, и рискуетъ она многимъ. А при этихъ условіяхъ трудно ожидать выигрыша. Найдите-ка средство вы, стоящіе на стражѣ, сдѣлаться благодѣтелями человѣчества.

Теперь, позвольте мнѣ, графъ, просить васъ за моего двоюроднаго брата, кн. Долгорукаго, имѣющаго честь служить подъ вашимъ начальствомъ. Его исторія коротка. Онъ внукъ знаменитаго Ивана Алексѣевича, который былъ обезглавленъ, и сынъ полоумнаго, провѣшнаго послѣднее, что у него оставалось. Единственный кто заботился о немъ, это его дядя, мой двоюродный братъ, съ которымъ я очень друженъ

*) Книжная торговля Риса въ Москвѣ существовала и въ наши дни.

и о странностяхъ и честности котораго я вамъ говаривалъ. Онъ воспиталь его, самъ не имѣя почти ничего въ то время и устроилъ его въ Константинополь къ Тамарѣ, съ которымъ онъ и возвращается. Онъ 5 лѣтъ уже въ чинѣ кол. ассесора, никогда не получалъ жалованья, хотя и имѣлъ порученія отъ министерства, которое осталось имъ довольно. Ему 23 года, онъ красивъ и держитъ себя въ моемъ вкусѣ¹⁾.

Въ настоящее время я прошу для него вашего, графъ, покровительства, которое и будетъ началомъ его благополучія. Я думаю, что онъ заслужилъ чинъ надворнаго совѣтника, прослуживши столько лѣтъ въ своемъ настоящемъ чинѣ, но это не очень подвинетъ его, если вы не соблаговолите дать ему какое нибудь мѣсто, на которомъ, прежде всего, онъ оказалъ бы, что достоинъ вашего покровительства, а за тѣмъ имѣлъ бы на что существовать. Дядя даетъ ему около двухъ тысячъ, т. е. половину того, что самъ имѣетъ. Зная, какъ вы всегда добры до меня, я не смѣю указывать вамъ, что можно бы сдѣлать для этого молодаго человѣка; но, мнѣ кажется, что кн. Долгорукій, при его наружности и поведеніи, можетъ, не прослывя тщеславнымъ, претендовать на камеръ-юнкерство и сравняться, черезъ это, съ какимъ-то графомъ Моденомъ и ему подобными. Вы бы тогда могли располагать имъ ближе и лучше примѣнить его способности. Онъ очень мило пишетъ пофранцузски, судя по тому, что онъ написалъ о своемъ путешествіи по Греціи. Однимъ словомъ, графъ, я возвращаюсь къ моей первой и главной просьбѣ: окажите ему ваше покровительство, и онъ будетъ вполне удовлетворенъ.—Эрцъ-герцогъ²⁾ уже четыре дня какъ у насъ. Первые два дня у него былъ столъ на 15—18 приборовъ; два послѣдующіе дня онъ употребилъ на осмотръ Троицы и Воскресенска, а вчера въ Петровскомъ фельдмаршалъ давалъ ему обѣдъ, на который было приглашено болѣе ста человѣкъ и за которымъ послѣдовали маневры 9-ти здѣсь стоящихъ полковъ, и закончился день ночнымъ праздникомъ на Прѣсенскихъ прудахъ, освѣщенныхъ миллиономъ шкаликовъ; а на водѣ было нѣсколько лодокъ съ музыкой. Народу тамъ было пропасть. Князь не присутствовалъ на праздникѣ. Сегодня бѣга у гр. Орлова и ужинъ. Дворянство даетъ балъ въ честь эрцъ-герцога, но не знаю кѣмъ наполнять залы: такъ мало дворянъ въ городѣ. Не смѣю долѣе утомлять васъ, графъ, зная, какъ вы устаете отъ серьезныхъ дѣлъ вашихъ.

¹⁾ Мать князя Андрея Ивановича была родомъ княжна Долгорукая.

²⁾ Палатинъ Венгерскій, покойная супруга котораго—сестра императора Александра Павловича.

32.

5 Юля 1803 г.

Вчера, посидѣли у меня не долго, Талейранъ *) и его спутникъ кн. Голицынъ, сынъ кн. Сергѣя. Ихъ привезъ ко мнѣ Мятлевъ. Этотъ молодой путешественникъ показался мнѣ вполне хорошо воспитаннымъ, что, какъ вы справедливо замѣчаете, становится рѣдкостью между его соотечественниками. Сдѣлаю все возможное, чтобъ его пребываніе въ Москвѣ оставило ему пріятное воспоминаніе. Къ сожалѣнію, время не благопріятное, никого почти нѣтъ въ городѣ, и Москва замѣтно опустѣла.

Я въ восторгѣ отъ извѣстія, что вы поживете немного въ Царскомъ Селѣ, такъ какъ я убѣжденъ, что деревенскій воздухъ принесетъ вамъ пользу, а вѣдь вамъ давно пора, графъ, позаботиться о своемъ здоровьи! Какъ ни привычны вы къ работѣ, мнѣ сдается, что все же сложность дѣлъ и ваше къ нимъ чрезмѣрное рвеніе, подъ часъ должны васъ утомлять. А въ людяхъ, какъ вы, у которыхъ усердіе къ общественному благу превосходитъ ихъ физическія силы, и не замѣтишь, какъ, вдругъ, вся машина окажется поврежденною. Простите мнѣ эти размышленія, продиктованныя мнѣ горячею къ вамъ дружбою. Вы снова въ прекрасной роли посредника. Не успѣли кончиться, черезъ ваше съ Франціей посредничество, ея дѣла съ Германскою имперією, какъ таже Франція проситъ его у васъ, для предупрежденія войны между нею и Англією. Вы отводите чудесную роль Россіи: покрывъ себя военными лаврами, въ продолженіе цѣлаго вѣка, точно также достойно увѣнчать себя эмблемою мира, давши способъ къ закрытію храма Януса! Въ нашъ вѣкъ подобная слава оцѣнится еще больше, чѣмъ воинская слава, и вашему сердцу, графъ, будетъ отрадно, что вы способствовали миру; лучше сказать,—вы одни его дали. Подобное зданіе только и можно воздвигнуть, когда имѣютъ полное довѣріе къ нравственному характеру министерства, и, какъ явствуетъ изъ дѣла, довѣріе это вы вполне заслужили; но я боюсь, какъ бы закоренѣлая вражда между обоими министрами, или между обоими правительствами (но вовсе не между обѣими націями) не поставила непреоборимыхъ препятствій къ прочному миру. А, кажется, обѣ эти страны такъ нуждаются въ мирѣ, особенно, по моему, Англія. Если разразится война, я предчувствую, что, послѣ нея число троновъ сократится, а число республикъ увеличится. Партенопейская республика можетъ легко замѣнить Неаполитанское королевство, а Сицилія увеличить

*) Приобрѣтшія такую знаменитость въ Европейской исторіи.

число департаментовъ Французской республики. Какъ-бы и Португалію не слили съ Испанскимъ королевствомъ! Но все это мои отшельническія бредни, которыми я дѣлюсь съ вами, рассчитывая, что, по вашей добротѣ и снисхожденію, вы не взыщете съ меня за нихъ.

У насъ здѣсь цѣлая туча инспекторовъ, нагнанная отъ васъ; послѣдній прибывшій, это Уваровъ съ товарищами; онъ ѣдетъ до Кавказа, безъ всякихъ особыхъ полномочій, но всюду дѣлаетъ смотры полкамъ, у которыхъ безъ того инспекторами здѣсь фельдмаршалъ и два генералъ-аншефа. Этотъ Уваровъ многое передавалъ мнѣ отъ гр. В. Зубова. Мнѣ бы интересно знать ваше о немъ мнѣніе. Какъ-бы пребываніе этого подражателя Аннибалу въ новой Капуѣ не произвело того же дѣйствія, что на настоящаго Аннибала! Пришлось бы пожалѣть, такъ какъ онъ имѣлъ много задатковъ сдѣлаться чѣмъ нибудь больше сибарита. А хорошо, что у нашего новаго Кольбера*) такое игривое воображеніе; потому что, долженъ сказать, что его торговля съ Индіей, Китаемъ и Японіей не пойдетъ дальше его головы. Слишкомъ много непреодолимыхъ трудностей препятствуетъ тому; а разсудивъ все хорошенько, наше географическое и политическое положеніе не позволяетъ намъ имѣть морской торговли. У насъ много матеріалу для сбыта, ну, и милости просимъ пожаловать къ намъ за нимъ; а мы должны поддерживать собственные фабрики и заводы, чтобы менѣе нуждаться въ чужихъ. Мнѣ кажется, что этой простой и вѣрной системѣ и слѣдуетъ намъ держаться. Наши два корабля, отправляемые вокругъ свѣта, съ высадками въ Кантонъ, Японію и Америкъ, для открытія новыхъ путей торговль, одна изъ тысячи затѣй, болѣе блестящихъ, чѣмъ основательныхъ.—Князь Лопухинъ писалъ мнѣ, въ день своего отъѣзда. Вы не можете себя представить, какъ письмо его меня разстроило: это слогъ человѣка, не только что опечаленнаго, но удрученнаго скорбью; онъ закончилъ его извиненіемъ, что не можетъ продолжать изъ за слезъ; а вы вѣдь знаете, по его характеру, какъ мало это на него похоже! Таковы-то превратности въ жизни человѣка. Кончаю этимъ разсужденіемъ, которое, приди оно мнѣ раньше, избавило бы васъ отъ этого нескончаемаго посланія.

Тысячу благодарностей за ваше ходатайство о книгопродавцѣ; оно было вполне успѣшно. Его отецъ, старикъ, приходилъ ко мнѣ съ письмомъ гр. Бутурлина, который извѣщаетъ его, что его хлопоты у васъ достигли счастливаго результата, и что сыну его разрѣшено вернуться. Вотъ еще однимъ благодарнымъ семействомъ больше, которое обязано вамъ своимъ счастіемъ.

*) У графа Н. П. Румянцева.

33.

7-ое Сентября 1803 г.

Очень вамъ благодаренъ за сообщенное о кн. Лопухинѣ. Онъ, должно быть, очень несчастливъ въ своей семейной жизни, и я его очень жалѣю. Теперь, что вы мнѣ сказали гдѣ онъ, я ему напишу. Онъ не нахвалится внимательностію, которую ему оказываютъ въ департаментахъ Франціи. Таково ужъ свойство Французскихъ республикайцевъ! Будутъ ли они роялистами, или же демократами, главною чертою ихъ характера всегда будетъ вѣжливость, даже ласкательство, съ примѣсью деликатности, а при настоящихъ обстоятельствахъ, они намъ ни въ чемъ не откажутъ. Я передалъ Смиту ваше порученіе, но такъ какъ онъ уѣхалъ до полученія мною вашего письма, то я списалъ изъ него, что до него касается, и отослалъ Мятлеву, который знаетъ куда ему писать. Бѣдный этотъ Американецъ будетъ вамъ чувствительно благодаренъ за ваше участіе въ немъ и за ваше покровительство. Онъ цѣлый почти мѣсяцъ ходилъ печальный, мрачный. и уѣхалъ, очень беспокоясь за своего брата.—Осень стоитъ у насъ чудная; я проведу послѣднія шесть недѣль въ деревнѣ и возвращусь въ городъ въ будущемъ мѣсяцѣ, если погода не измѣнится. Я строюсь*), и увы! гораздо въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ мнѣ нужно, такъ какъ началъ строить домъ еще при жизни жены; но разъ начавъ, доведу его до конца. Ждемъ результата великолѣпныхъ затѣй *министра удѣловъ*. Право можно подумать, что правительство всѣми силами добивается уничтожить дворянскія владѣнія. Вотъ хоть бы теперь, эта только кажущаяся выгодною продажа земель и крестьянъ, въ видѣ приманки; но, во-первыхъ, гдѣ же казнѣ взять денегъ для скупа нашихъ имѣній? А, потомъ, сколько мы потеряемъ на ассигнаціяхъ, которыми намъ, вѣроятно, будутъ платить, наводнивъ ими рынокъ? Да и есть-ли выгода государству въ безземельномъ дворянствѣ? Или я очень глупъ, или же ваши, такъ сказать, министерскія головы лишены всякаго смысла. Поэтому я и желаю, чтобъ вы еще оставались у дѣлъ: изъ десяти глупостей, если вы остановите хоть двѣ, и то будетъ хорошо.

34.

21 Сентября 1803.

Чрезвычайно благодаренъ за вашу готовность исполнить мою просьбу о сынѣ моего доктора Керестури, и еще болѣе буду благодаренъ, когда все будетъ по ней сдѣлано. Мнѣ кажется, что въ

*) Прекрасный домъ въ Остафьевѣ, гдѣ 11-го Іюля нынѣшняго года поставленъ памятникъ Карамзину.

такихъ чинахъ маленькіе обходцы неизбежны, по обширности того, черезъ что нужно пройти, давая много надеждъ на будущее. Пока въ Петербургѣ готовятся къ параду, Французы приготавливаются къ настоящей высадкѣ. Я согласенъ съ вами, что если имъ это удастся, конецъ независимости Европы, а можетъ и всего міра, съ всегдашнимъ исключеніемъ дорогой Россіи, по крайней мѣрѣ, еще на долго. Она единственное государство, къ которому, по его географическому положенію, по правамъ его жителей и по его климату, еще не скоро имъ можно будетъ приступить; не говоря уже объ ея могуществѣ и цѣлости ея силъ. Очень доволенъ тѣмъ, что вы мнѣ пишете про кн. Лопухина: не смотря на его маленькіе недостатки, я его очень люблю и даже обязанъ къ этому постоянными доказательствами его добрыхъ ко мнѣ чувствъ. Но я никакъ не могу себѣ иначе представить князя въ Парижѣ какъ стѣсненнымъ: вы вѣдь знаете, во первыхъ, какъ онъ говоритъ пофранцузски; а, затѣмъ, всѣ его привычки и вкусы такъ идутъ въ разрѣзъ съ тамошними, что ему тамъ никогда не понравится. Театральныя и бульварныя прелестницы останутся для него занятіемъ; да и на это увы, позднеенько, подѣ шестьдесятъ лѣтъ.

Вашъ первый министръ торговли, желающій сдѣлаться и министромъ сельской экономіи, какъ говорятъ, былъ здѣсь только проездомъ, въ свою, такъ сказать, Англійскую ферму. Фельдмаршалъ и Мятлевъ были тамъ и рассказываютъ о ней чудеса. Вотъ вамъ что это, въ общемъ: въ недалекой отсюда подмосковной, 30 рабочихъ вспахали и засеяли 150 десятинъ, изъ которыхъ 50—горохомъ, за которыя ему давали девять тысячъ. Крестьяне тамъ не болѣе обременены работою, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: земледѣльческія машины, порядокъ и система, вотъ что даетъ доходъ, въ пять разъ болѣе обыкновеннаго. Прямо на удивленіе! А бывшій министръ Растопчинъ сдѣлалъ въ газетахъ публикацію, что въ Вороновѣ открыта школа для изученія Англійскаго земледѣлія.

Гарнеринъ и вашъ покорный слуга занимаютъ собой, въ настоящую минуту, весь городъ. Этотъ аэроавтъ, поднявшійся отсюда вчера, въ четверть шестаго, спустился у меня въ деревнѣ въ 6 ч. И нужно же было такъ случиться, что я наканунѣ выѣхалъ отсюда. Только и будутъ теперь вездѣ говорить про насъ двухъ, и имена наши сдѣлаются безсмертными! Но, шутки въ сторону, я жалѣю, что не былъ тогда у себя въ деревнѣ. Гарнеринъ прислалъ мнѣ съ мужикомъ письмо, а фельдмаршалу рапортъ. Сейчасъ сей послѣдній пишетъ мнѣ, что Гарнеринъ снова подыметъ.

35.

5-го Октября 1803 г.

Смитъ доѣхалъ, или вѣрнѣе почтовые лошади его донесли, до Астрахани, и еслибъ не уголь, на который онѣ наткнулись, какъ знать, что бы съ нимъ стало: лакей и ящикъ были сброшены съ козелъ, и экипажъ переѣхалъ черезъ нихъ. Вотъ причина, задержавшая его тамъ долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Онъ теперь въ Моздокѣ, гдѣ и остановился. Чума, страшно свирѣпствующая въ Грузіи, дѣлаетъ его реляціи объ его путешествіи чрезвычайно интересными, а фельдъегерь устраиваетъ такъ, что его всюду встрѣчаютъ съ почетомъ.

Вы, мнѣ кажется, все еще заняты миромъ между Франціей и Англіей и подозрѣваете Францію въ неприязни къ намъ. Конечно, вы имѣете самыя вѣрныя данныя, чтобъ судить о будущихъ сопряженіяхъ. Я же, вдали отъ вѣрныхъ источниковъ и лишенный возможности все хорошо рассчитать, нахожу, что правительство Франціи насъ боится или, по крайней мѣрѣ, уважаетъ изъ за нашей колоссальной непочатой силы, чего нѣтъ въ остальной Европѣ. Дѣйствительно, силы наши дѣвственны, и, при крѣпкомъ правительствѣ, заявляющемъ разумно и сильно, Франція тотчасъ-бы сбавила свои требованія; но я еще не вижу причинъ, за чтò ей насъ не любить. Между нею и нами еще слишкомъ мало точекъ прикосновенія, и, сверхъ того, раздѣляющая насъ съ ней Европа предотвращаетъ возможность всякихъ треній, отъ которыхъ могло бы разразиться электричество. Но намъ необходимо усилить нашу мощь общимъ хорошимъ законодательствомъ, дѣятельностію нашей промышленности, судомъ скорымъ и правымъ—это намъ особенно нужно—и не вводить бесполезныхъ и даже опасныхъ новшествъ, и, тогда, мы въ безопасности отъ какихъ бы то ни было случайностей.

Кн. Лопухинъ, значить, вернулся; вотъ ужъ можно сказать, на курьерскихъ слеталъ туда и обратно. Любя его искренно, мнѣ будетъ горько, если онъ дастъ себя увлечь службою. Вы его знаете: мало того, что его любили, его почти обожали за все дѣланное имъ добро; но, чтобъ работать какъ министръ, ему помѣшаютъ въ этомъ и его лѣнь, и безпечность, и любовь къ удовольствіямъ и, особенно, плохой выборъ приближенныхъ, которые завладѣютъ имъ; все это повредитъ ему во мнѣніи о немъ, особенно при настоящемъ ходѣ дѣлъ. Ему тогда останется мало случаевъ дѣлать добро, или, вѣрнѣе, совсѣмъ ихъ не будетъ. Его ожидаютъ сюда, чтобъ замѣстить фельдмаршала, и Мятлевъ говорилъ мнѣ объ этомъ съ большею увѣренностію.

Благодарю васъ, графъ, за обѣщаніе ваше на счетъ сына моего доктора. Я вамъ буду очень признателенъ, если вы его помѣстите. А теперь, позвольте напомнить вамъ о двухъ молодыхъ людяхъ, имѣющихъ честь служить у васъ, а именно о Черевинѣ и Долгорукомъ, которыхъ я вамъ горячо рекомендовалъ. Если вы, дѣйствительно, положили оставить службу, то все, что вы для нихъ сдѣлаете, безъ всякаго ущерба для другихъ, исполнить ихъ сердца благодарностью, а я васъ увѣряю, что они по своимъ качествамъ стѣять, чтобъ ихъ отличили. А когда вы уйдете, у нихъ уже не будетъ другаго покровителя, такъ какъ мнѣ не на кого тамъ рассчитывать.

Какой-то злой рокъ преслѣдуетъ нашихъ великихъ княженъ; вотъ уже двухъ скосила смерть во цвѣтѣ ихъ лѣтъ; и это меньше, чѣмъ въ три года! Императрица-мать, должно быть, очень удручена такой потерей.

36.

19 Октября 1803 г.

Тысячу благодарностей за послѣднее письмо съ указомъ о министрахъ юстиціи. Убѣжденъ, что все дѣлается къ лучшему. Что же касается до намѣреній, я вамъ высказалъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ мои о томъ убѣжденія, говоря о кн. Лопухинѣ. Я его люблю искренно и многимъ ему обязанъ, считаю его много лучше его предшественника, но, при всемъ этомъ, не такого намъ теперь нужно министра. Да вы сами говорите о немъ: „трудная ему будетъ задача на первыхъ порахъ, чтобъ привести дѣло въ прежній порядокъ“. Дай Богъ, чтобъ я ошибался на счастье родинѣ, и для чести князя Лопухина, но очень опасаюсь, что, по лѣности своего характера, усилившейся за четыре года полного бездѣйствія, по своимъ лѣтамъ, онъ встрѣтитъ непреодолимые препятствія чтобъ повести министерство въ вашемъ духѣ и какъ того желаютъ всѣ благомыслящіе люди. Я написалъ ему откровенно мое мнѣніе, какъ къ тому меня обязываетъ моя съ нимъ дружба, и, хотя мой голосъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, все же, я увѣренъ, что онъ истолковалъ себѣ, какъ слѣдуетъ, цѣль моего письма. Если вы сочтете возможнымъ, попросите у него мое письмо; мнѣ будетъ пріятно, чтобъ вы его прочли. Здѣшніе слухи о смѣнѣ министровъ все множатся; иные считаютъ, что новый генераль-прокуроръ—вашъ выборъ; другіе, болѣе злые, приписываютъ его назначеніе милости, ставшей наслѣдственною, черезъ кн. Гигарину. Боже избави отъ подтвержденія послѣдняго предположенія! Это было бы полнымъ забвеніемъ всякаго нравственнаго приличія; а, между тѣмъ, поразмысливъ хорошенько и взвѣсивъ всѣ возможности, придется признать, что не далеки отъ истины говорящіе это. Здѣсь толкуютъ объ отставкѣ Зава-

довскаго, Румянцева и о возвращеніи въ вѣдѣніе генераль-прокурора должности Кочубея. Правда-ли все это, или неправда, тѣмъ не менѣе за 5 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, вотъ уже третій генераль-прокуроръ, что доказываетъ большую шаткость въ принципахъ, или же бѣдность людьми способными. Думаю, что объ эти причины тутъ въ дѣлѣ; а при хорошемъ знаніи исторіи и ея тщательномъ обсужденіи, приходишь къ убѣжденію, что для государствъ, какъ для отдѣльныхъ людей, бываютъ такія несчастныя эпохи, когда, при наилучшихъ намѣреніяхъ, не только не достигаютъ желанной цѣли, а, напротивъ, приходятъ къ совершенно противоположнымъ. *Таковъ судьбы всесильной жестокой приговоръ.*

Вы мнѣ ничего не пишете о себѣ, графъ, тогда какъ это самое интересное для меня въ вашихъ письмахъ: когда я знаю, что вы здоровы и спокойны духомъ, я счастливъ; остальное пойдетъ само собой. Въ мои годы и въ моемъ отъ всего удаленіи, большія событія мало отзываются на мнѣ; самое для меня чувствительное, это кружокъ моихъ сердечныхъ привязанностей, и вы знаете какое большое вы занимаете въ немъ мѣсто. Есть еще переменны по мѣстамъ военныхъ губернаторовъ, чему очень радуется моя сосѣдка Апраксина¹⁾. Мужъ ея назначенъ въ Смоленскъ, еще новая забава пятидесятилѣтнему; частенько, ему только и нужно это. Но, когда подумаешь, что такой болванъ, какъ князь Волконскій, назначается на эту должность въ Оренбургъ, то и забава теряетъ свою цѣнность,

Позвольте мнѣ, теперь, графъ, поблагодарить васъ отъ всего сердца, за всѣ ваши милости къ моему племяннику Долгорукому, и за ваши лестные обо мнѣ отзывы въ вашемъ съ нимъ обо мнѣ разговорѣ; они дороги моему сердцу, и если они награда за полнѣйшую преданность, то я ее заслуживаю. Конечно, молодой человекъ передалъ мнѣ дословно и подробно все слышанное отъ васъ. Моя къ вамъ нѣжная и почти-тельная любовь не можетъ отъ этого приумножиться, но это поддерживаетъ ее такъ сладостно, такъ живо, что она умереть только со мной вмѣстѣ!

Говорятъ, гр. Зубовъ²⁾ возвращается на службу въ Петербургъ, будто, даже, его просили объ этомъ. Любопытно знать, правда ли это? Пожалуй, что и вѣроятно, такъ какъ его брату нужно поставить себя въ хорошія отношенія къ вдовствующей Императрицѣ.

¹⁾ Домъ Степана Степановича и Екатерины Владимировны Апраксиныхъ нынѣшнее военное училище на углу Знаменки.

²⁾ Графъ Валеріанъ Александровичъ, покоритель Дербента.

37.

2 Ноября 1803.

Я въ восторгѣ отъ вашего довольства Лопухинымъ! Недостатка въ доброй волѣ и способностяхъ не будетъ, чтобъ помѣшать дѣламъ идти такъ, какъ можете желать вы и каждый добрый патріотъ. Я опасаюсь только его безопасности, страсти къ удовольствіямъ и привычки за четыре года къ *far niente*, корни котораго всегда въ немъ были и могли еще болѣе окрѣпнуть. Вы совершенно вѣрно говорите, что, излишняя горячность во всемъ помѣха, но и обратнымъ не поможешь дѣлу.

Примите, графъ, мою искреннюю благодарность за чинъ надворнаго совѣтника, полученный кн. Долгорукимъ, по вашей милости. Вы привяли въ этомъ участіе, что мнѣ дорого, но, такъ какъ онъ пробылъ шесть лѣтъ коллежскимъ ассесоромъ, то, нѣкоторымъ образомъ, ему и слѣдовало получить его. Мнѣ доставило-бы большое удовольствіе, видѣть его камеръ-юнкеромъ, что мнѣ кажется не чрезмѣрнымъ притязаніемъ, но что дало бы ему мѣсто съ содержаніемъ достаточнымъ, чтобъ жить прилично. Вчера мой докторъ былъ у меня, чтобы выразить, какъ онъ вамъ благодаренъ за вашу доброту къ нему: а вы даже и не говорили мнѣ объ немъ. Принимаю это какъ новое доказательство вашей ко мнѣ дружбы, и отъ души благодарю.

Очень огорченъ извѣстіями, которыя мнѣ даете про перваго консула и про Моркова. Манифестъ о рекрутскомъ наборѣ, изданный вслѣдъ за этимъ, менѣ всего можетъ успокоить Европу: тутъ прямо какое-то предопредѣленіе. Вы, какъ первый министр, конечно, желаете мира; Государь, какъ я полагаю, желаетъ его не менѣ васъ, а между тѣмъ два года сряду по два рекрута съ пятисотъ душъ, вѣдь это ужасно! Передаютъ здѣсь отвѣтъ Моркова первому консулу, которому онъ, яко бы сказалъ „Государь, мой повелитель, не король Этруріи въ то же время“. Остроумно, колко, не ясно, поэтому и не въ примирительномъ духѣ, и (если смѣю сказать) не особенно вѣжливо, такъ какъ дѣло не въ имени: консуль-ли, диктаторъ, король или императоръ, то все-же глава 30 милліоновъ человѣкъ, глава, по несчастію для насъ, вліятельный и энергичный и десятилѣтній успѣхъ котораго поддержалъ и энергію его воинственныхъ Французовъ. Много было великихъ дѣлъ, неудавшихся изъ за удовольствія сказать эпиграмму.

Вчера умеръ Масловъ, вотъ вамъ наша новость. Еще наканунѣ, до 4-хъ ч., онъ чувствовалъ себя отлично, тутъ его хватилъ апоплектический ударъ, и въ 4 часа утра его не стало. Вдовствующая Императрица будетъ очень огорчена этимъ. И вотъ, ваканція на очень

важное мѣсто. Жена Гудовича и его братъ говорятъ, что его вызвали въ Петербургѣ, но это вамъ лучше нашего извѣстно. Дѣла на Востокѣ что-то также запутываются. Корабль слишкомъ великъ; гдѣ нибудь да долженъ онъ дать течь: ваше дѣло ее законопатить, и дай вамъ Богъ успѣха въ этомъ!

Если увидите князя Лопухина, скажите ему, что только лѣнтяи не отвѣчаютъ.

38.

16 Ноября 1803 г.

Я какъ нельзя болѣе радъ, что первые же шаги кн. Лопухина были такъ удачны. Я никогда не сомнѣвался въ его способностяхъ, но боялся, что ему причинять непріятности его склонность къ *dolce far niente*¹⁾ и подкрадывающіеся подъ него маленькіе кроты. Очень былъ радъ успокоиться за судьбу Гагаринной²⁾, со словъ вашихъ и одного недавно пріѣхавшаго. Вы не повѣрите, какъ здѣсь всему повѣрили; да по несчастью, были основанія довѣрять ходившимъ про нее слухамъ.

Очень грустно мнѣ, что между Бонапартомъ и нами набѣжали тучи. Мой инстинктъ и мои убѣжденія заставляютъ меня видѣть въ немъ нашего лучшаго союзника, и самаго выгоднаго, на случай расширенія или исправленія нашихъ границъ. Слова, которыя ему приписываютъ, подлинно слова какого нибудь гренадера или драгуна, въ этомъ я согласенъ съ вами; ихъ нельзя иначе истолковывать, какъ его воспитаніемъ и постоянною жизнію въ лагеряхъ, среди солдатъ; отвѣтъ же Моркова не подобаешь посланнику-примирителю; и случись подобное между Гедувилемъ и Государемъ, перваго, можетъ быть, и выгнали бы, и отлично-бы сдѣлали, по моему. Разъ, что за Французами признано право организовать въ республику и избрать себѣ главу, безразлично, съ какимъ наименованіемъ слѣдуетъ оказывать ему уваженіе, одинаковое съ главами прочихъ народовъ, не забывая къ тому, что Французовъ тридцать милліоновъ, и что ихъ повелитель великій человѣкъ, съ невѣроятнымъ счастіемъ. Это мое мнѣніе; могу и ошибиться въ немъ. Нужно прочесть оду Руссо „Къ счастью“ и безмолвно покориться повелѣніямъ судьбы. Если Бонапарту еще удастся экспедиція въ Ирландію (а чтò она ему удастся, это вѣроятно) это будетъ новое доказательство, какъ фортуна кладетъ печать своего расположенія на

¹⁾ Услажденіе ничего недѣланіемъ.

²⁾ Дочь князя Лопухина, Анна Петровна, предметъ рыцарскаго обожанія со стороны Павла Петровича. Императоръ Александръ Павловичъ поручалъ В. П. Кочубею написать въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову, что это обожаніе было только рыцарское. Она скончалась въ Апрѣлѣ 1805 года.

чело своего излюбленнаго дѣтища.—Князь Лобановъ передавалъ мнѣ что-то отъ васъ, но такъ какъ это было сказано на ходу, я только одно могъ понять, именно, что мнѣ дороже всего, что любите меня и думаете иногда обо мнѣ. Когда я поговорю съ нимъ подольше, я напишу вамъ тогда обо всемъ подробно. Кажется, что его пребываніе у васъ не принесло ему всего того, на что онъ рассчитывалъ, но тѣмъ не менѣе, онъ очень благодаренъ вамъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что всѣ теперь мѣста такъ сопряжены со всякаго рода непріятностями и такъ непрочны по отсутствію системы и правилъ; а съ другой стороны, съ лицами ихъ занимающими такъ мало церемонятся, такъ мало ихъ уважаютъ (послѣднее, для всякаго благороднаго человѣка, первая награда) что, право, трудно рѣшиться вновь приняться за службу, ничѣмъ не привлекающую, а полную опасностей. Нашъ принципаль все боленъ; кажется это догорающая свѣча. Пошли намъ Богъ, вмѣсто нея, болѣе хорошую. Наше время отличается бѣдностью, даже полною скудостію на людей способныхъ. Не знаю, такъ ли это и вамъ кажется, но меня это оскудѣніе пугаетъ. Глупость, но всего больше смѣлость и нахальство (что даже при большомъ талантѣ недостатокъ, а при несоотвѣтствіи достоинствъ съ притязаніями—смѣшнѣйшій порокъ), къ этому, ослабленіе честности и добродѣтелей, изъ за желанія прежде всего разбогатѣть, хотя бы самыми грязными путями, для удовлетворенія роскоши, изнѣженности и страстей низкихъ и дикихъ: вотъ далеко несвѣтлая картина нашего времени; но клянусь вамъ, другой я не вижу. Исполните ваше намѣреніе, пріѣзжайте сюда, чтобъ выйти изъ удушливой атмосферы, въ которой живете, тогда и вы, быть можетъ, посмотрите на все другими глазами.

Дней десять, какъ у насъ держится слухъ, который становится все болѣе вѣроятнымъ, будто, первый консулъ предложилъ королю Прусскому ГанOVERъ, съ тѣмъ, чтобъ получить отъ него часть Польши, доставшейся ему по послѣднему ея раздѣлу, т. е. Варшаву и проч. Это, какъ говорится, будетъ однимъ махомъ трехъ побивахомъ: отнять у злѣйшаго своего врага одно изъ лучшихъ Германскихъ владѣній съ милліономъ жителей, дать его своему вѣрному союзнику, которому, мнѣ кажется, ГанOVERъ болѣе подходитъ, чѣмъ та часть Польши, которая вмѣстѣ съ тѣмъ данная намъ *безвозмездно*, послѣ бывшихъ у насъ съ Бонапартомъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, вполнѣ докажетъ его желаніе примириться съ нами, округливъ наши владѣнія такъ великолѣпно! *Si non e vero, e ben trovato* *). Вчера пожаловалъ сюда одинъ полковникъ изъ вашихъ знаменитыхъ улановъ; въ дворянскомъ собраніи всѣ глаза были прико-

*) Если не вѣрно, то хорошо придумано.

ваны къ нему. Меня увѣряють, что, дѣйствительно, онъ произвелъ самое уморительное впечатлѣніе! О, великій гений, изобрѣтатель одежды! О, великіе люди, привлекающіе на себя взоры всего дворянскаго собранія доброй старушки Москвы! Но, что уже не шутка, это объявленная имъ неизбѣжность войны, о чемъ онъ говорилъ внушительнымъ тономъ всѣмъ появляющимся отъ Двора, называя даже, кто какой арміей будетъ командовать: Великій Кн. Константинъ—первой, Дерфельденъ второй, а Зубовъ третьей.

Вамъ опять за меня пишетъ мой маленькій четырнадцатилѣтній секретарь. моя дочурка.

39.

30 Ноября 1803.

Сейчасъ узналъ отъ князя Лобанова новость, сообщенную ему, кажется, гр. Бутурлинымъ и очень меня занимающую, такъ какъ она касается васъ. а именно, что вы, по болѣзни, подаете въ отставку. Меня это тѣмъ болѣе радуеть, что теперь, я могу быть увѣреннымъ свидѣться съ вами зимой; а вы знаете, что съ нѣкоторыхъ поръ я сталъ страстно желать этого и, по моей глубокой привязанности къ вамъ, и по тому, что видѣлъ, что, не смотря на ваше желаніе и способности, вамъ не принести никакой пользы. Только и оставалось уйти.

Согласіе вашего мнѣнія, даже въ выраженіяхъ, съ мопмъ. о первомъ консулѣ очень польстило моему маленькому самолюбію. Меня только огорчаетъ, что мы нѣсколько расходимся въ выводахъ.

Первымъ королемъ сдѣлался счастливый солдатъ. Я придерживаюсь этой мысли, какъ въ физическомъ отношеніи, такъ и въ политическомъ: законы подчиняются силѣ. Очень меня радуютъ добрыя вѣсти о кн. Лопухинѣ. Его превозносятъ здѣсь безъ конца; а вмѣстѣ съ тѣмъ, по тому, что смутно слышно, можно предполагать, что онъ скоро покинетъ свое мѣсто. Можетъ, и не такъ еще скоро, но я самъ опасаюсь, что прочность мѣста не свойство настоящей системы.

40.

10-ое Декабря 1803.

Примите мою искреннюю благодарность за послѣднее письмо. Не могу вамъ выразить моего удовольствія отъ вашихъ словъ: „*дѣло это совершенно устроено!*“ Вы знаете какъ я вамъ сердечно преданъ; знаете также, какъ я во всѣхъ отношеніяхъ далекъ отъ опьяняющей атмосферы всѣхъ дворовъ и главнѣйшихъ учрежденій. Я могу, поэтому, по всей совѣсти сказать, что лучше и энергичнѣе вы не могли поступить; я еще не знаю никого изъ людей высоко стоящихъ и, слѣдовательно. въ извѣстномъ уже возрастѣ, кто бы рѣшился самъ просить

отставки. Гр. Чернышевъ, гр. Панинъ, Румянцевъ и, наконецъ, князь Безбородко подтверждаютъ эту истину. Испивши горькую чашу постоянныхъ неприятностей и униженій, они, все же, продолжали служить: такъ обаятельна власть. Елибъ мнѣ было возможно полюбить васъ еще сильнѣе, настоящаго шага вашего было бы вполне на то достаточно. Старушка-болтушка Москва всегда прикрашиваетъ и плететъ новыя выдумки на чужія: дѣйствительно, разговоръ между первымъ консуломъ и Марковымъ только плодъ измышленій ея праздныхъ обитателей! Но могу васъ увѣрить, графъ, что не слышалъ ничего про васъ, особенно же въ смыслѣ, о которомъ вы мнѣ намекаете. Мой кругъ знакомыхъ не обширенъ, но я во всѣхъ нихъ вполне увѣренъ, и они всегда въ курсѣ всѣхъ новостей. Конечно, они не преминули бы тотчасъ передать мнѣ, еслибъ услышали что на вашъ счетъ, такъ какъ они знаютъ, какъ я вамъ преданъ.

Только что получилъ письмо отъ нашего милаго министра юстиціи*), во всегдашнемъ его духѣ: дружеское, откровенное, забавное и шутовое! Здѣсь общее довольство, что именно онъ занимаетъ это мѣсто. Вы понимаете, какъ это пріятно для всѣхъ любящихъ его, и такъ какъ вы изъ ихъ числа, то постарайтесь, ради Бога, удалить отъ него извѣстныхъ лицъ. Вы вѣдь знаете, какъ это, всегда, была его слабая сторона, и, любя его и общее благо, предупредите возможность маленькихъ увлеченій. Я и самъ пишу ему кое-что на счетъ этого, конечно, очень осторожно, дабы не затронуть его самолюбія.

У насъ здѣсь, каждый день, что нибудь новое о Бонапартѣ: высадка и морское сраженіе, гдѣ будто Брестскій флотъ разбить. Признаюсь, мало всему этому вѣрю, да и вовсе не желаю сего. Мое политическое убѣжденіе, что Франціи нужно оставаться тѣмъ, что она есть, безъ расширенія ея границъ; а у Англій необходимо посократить ея морское могущество, чтобъ тѣмъ облегчить налагаемое ею на всѣхъ иго ея деспотизма въ торговлѣ. Тѣмъ временемъ, нашъ союзъ съ республикою могъ бы принести намъ неоцѣненныя преимущества.

Какъ бы ни была незначительна болѣзнь Государя, это вещь ужасная! И вамъ господамъ, въ Совѣтѣ засѣдающимъ, а особливо вамъ, графъ, какъ главному среди нихъ по столькимъ правамъ, отнюдь не слѣдуетъ примѣнять къ себѣ словъ извѣстнаго стиха: „предвидѣть зло въ такомъ далекомъ будущемъ мы не умѣемъ“.

*) Т. е. отъ князя П. В. Лопухина. П. Б.
III, 34

Милости, оказанныя вами моему племяннику, князю Долгорукому*), даютъ мнѣ смѣлость просить васъ не лишать его оныхъ и впредь; а, при отъѣздѣ нашемъ изъ Петербурга, замолвить о немъ словечко нашему дорогому князю Лопухину, которому я напишу о немъ особо.

*

Князь А. И. Вяземскій изображенъ въ автобіографіи его сына (см. „Р. Архивъ“ 1911 года, кн. 7-ая), но сыну нельзя быть оцѣнщикомъ отца, котораго умственный и нравственный обликъ яснѣе выражается въ его перепискѣ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ. Сей послѣдній былъ старше его на нѣсколько лѣтъ и могъ служить ему образцомъ. У нихъ было довольно общаго въ общественномъ положеніи и въ житейской обстановкѣ, и они оба, конечно, болѣе уважали нежели любили своихъ родителей: графъ Романъ Ларионовичъ открыто жилъ съ Англичанкою и держалъ своихъ сыновей въ ежовыхъ рукавицахъ, произвольно пользуясь богатствомъ, которое они унаслѣдовали отъ своей рано умершей матери; отецъ князя Андрея Ивановича, сынъ Шведки, управлявшій Государственнымъ Банкомъ, былъ человекъ суровый и притомъ крайне богомольный. Обоимъ, и графу, и князю, конечно, не очень сладко было жить дома. Оба они были послѣдователи ученія энциклопедистовъ, а графъ Воронцовъ навѣщалъ Вольтера и былъ съ нимъ въ перепискѣ, послѣ того, какъ въ молодыхъ лѣтахъ служилъ въ легкоконномъ полку короля Людовика XV. Князь Вяземскій тоже началъ свое поприще съ военной службы; полкъ его стоялъ въ Херсонѣ, и тамъ у него проживалъ слишкомъ три мѣсяца Испанецъ-проходимецъ Миранда, которымъ увлекались у насъ многіе. Французскій агентъ при нашемъ дворѣ Корберонъ записалъ 1 Февраля 1777 г. („Р. А.“ 1911, II, 164). „Я участвовалъ сегодня въ обѣдѣ Русскомъ въ полномъ значеніи слова; это было у полковника Вяземскаго; присутствовали только военные. Говорили о нашей службѣ и согласились, что въ Россіи она не пользуется достаточнымъ уваженіемъ въ сравненіи съ нами. Чувство товарищества мало развито среди офицеровъ, потому что они могутъ, по желанію, переходить изъ полка въ полкъ, что ослабляетъ эту важную связь“.

Военной молодежи тогда легко жилось въ Петербургѣ. Къ числу привлекательныхъ для нея домовъ былъ домъ супруги великаго трудолюбца, Тверскаго намѣстника Якова Ефимовича Сиверса. Это дочь оберъ-гофмаршала графа Сиверса, который не жалѣлъ для нея денегъ. У нея собиралось очень пестрое общество, бывалъ даже и Московскій

*) Т. е. двоюродному племяннику? Мать князя А. И. Вяземскаго была изъ рода князей Долгорукихъ. П. Б.

архіепископъ Платонъ (Blum. Russischer Staatsmann. Zweiter Band.). Прежде чѣмъ окончательно бросить мужа и уѣхать за границу съ кн. Путятинымъ, она произвела отъ князя А. И. Вяземскаго дочь, родившуюся въ Ревелѣ 16 Ноября 1780 г. † 1 Сентября 1851 г. Это Екатерина Андреевна Карамзина.

Князья Вяземскіе были богаты. Въ Москвѣ у Тверскихъ воротъ у нихъ была цѣлая усадьба (нынѣ домъ Елисеѣвыхъ), и самый переулокъ по направленію къ Б. Дмитровкѣ (нынѣ Козицкій) назывался Вяземскимъ. Молодой князь могъ имѣть деньги и отъ матери своей, княгини Маріи Сергѣевны, рожденной княжны Долгорукой (дочери той Ирины Петровны, которая, въ царствованіе Анны, сослана была, въ деревню за то, что обратилась въ католичество¹).

Вотъ что записалъ о князѣ А. И. Вяземскомъ въ дневникъ своемъ графъ А. Г. Бобринскій (Русскій Архивъ 1877 года, III, 189):

Флоренція, 1 Августа 1784 г.

Князь Волконскій, сынъ покойнаго Московскаго генералъ-губернатора, рассказывалъ о томъ, что дѣлалъ князь Вяземскій въ Миланѣ, Туринѣ и Бордо. Въ одинъ почтовый день онъ явился къ первому министру, въ круглой шляпѣ и въ Англійскомъ нарядѣ, и просилъ, чтобы его представили ко двору. Министръ ему отвѣчалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, что онъ представляетъ только одному императору и спрашивалъ, есть ли у него рекомендательныя письма. Вяземскій говоритъ, что писемъ у него нѣтъ, и что если бы онъ зналъ, онъ привезъ бы ему свое Русское метрическое свидѣтельство. Затѣмъ министръ препроводилъ его къ графу Альбани, для представленія ко двору. Графъ назначилъ ему день и часъ. Эрцгерцогъ дожидается его. Посылаютъ въ гостинницу освѣдомиться о немъ и узнаютъ, что онъ уѣхалъ въ Бордо. Онъ похитилъ женщину, которую возитъ съ собой. Полиція гналась за нимъ, чтобы взять брилліанты, которые эта женщина увезла съ собой, бросивъ своего мужа, и въ Моденѣ онъ былъ принужденъ выдать все увезенное ею. Эта женщина обѣдала при дворѣ, и когда спросили, кто она, оказалось, что она у него на содержаніи. Въ Англии князь Вяземскій давалъ балы, человѣкъ на 200 приглашенныхъ².

Въ Россію князь привезъ тоже женщину, которая изъ любви къ нему развелась съ мужемъ своимъ Французомъ²). Отецъ осыпалъ его упре-

¹) Супруга князя Андрея Ивановича была тоже католичка. Можетъ быть, отчасти и отъ этого, какъ и вслѣдствіе пребыванія своего въ пансіонѣ у патера Чижя, князь Петръ Андреевичъ, хотя оставался всю жизнь вполнѣ православнымъ человѣкомъ, но былъ снисходителенъ къ католичеству.

²) По фамиліи Quine. П. Б.

ками и находилъ, что этотъ бракъ унижаетъ его княжеское достоинство; тогда сынъ позволилъ себѣ замѣтить ему, что и его бабка, т. е. супруга отца его, князя Андрея Ѳедоровича, была плѣнная Шведка. Молодые были прощены и нашли для себя родственнѣйшій привѣтъ въ семействѣ родной тетки князя, княгини Екатерины Андреевны Оболенской. У нея же воспитывалась и дочь князева, прижитая отъ г-жи Сиверсъ.

Екатерина, конечно, обо всемъ этомъ знала; но князь былъ уменъ и отлично образованъ, хотя никогда не отличался приверженностью къ Государынь, проводя, по преданію, отроческія лѣта свои при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ (однако въ Запискахъ Порошина имени его не упоминается). Учрежденіе намѣстничествъ очень занимало Екатерину, и для учрежденія новаго намѣстничества въ Нижнемъ-Новгородѣ, она выбрала князя Андрея Ивановича. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ встрѣчалъ и провожалъ онъ Павла Петровича во время его путешествія въ Казань, и когда именно онъ оставилъ намѣстничество. Можетъ быть ему повредило то, что онъ держалъ у себя библіотекаремъ нѣкоего Піемонтца Демерма, который уличенъ былъ въ политическомъ соглашательствѣ, высѣченъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь.

Можетъ быть, этотъ пріютъ, данный проходимцу, да и самый образъ мысли князя, повелъ къ тому, что онъ оставилъ должность намѣстника и князь водворился въ Москвѣ, гдѣ для супруги своей построилъ на Волконкѣ у Антипія прекрасный домъ и развелъ при немъ большой садъ. Тутъ въ 1792 г. родился у него 12 Іюля единственный сынъ, воспрославившій собою имя князей Вяземскихъ, князь Петръ Андреевичъ. Бывало, пріѣзжая въ Москву, онъ первымъ дѣломъ отправлялся на Введенскія горы на могилу своей матери, потомъ на Дѣвичье поле въ тамошній монастырь поклониться могилѣ отца и затѣмъ просилъ позволенія походить по этому дому (нынѣ принадлежащему князю Павлу Дмитріевичу Долгорукому). Въ этотъ-то домъ, низъ котораго въ послѣдствіи былъ занятъ Карамзинымъ, собирався къ князю Андрею Ивановичу лучшій людъ Московскаго тогдашняго общества; тутъ вѣроятно началось и знакомство его сына съ Жуковскимъ. Онъ остался почетнымъ опекуномъ Московскаго Воспитательнаго Дома; но и въ этой должности пробылъ недолго. Здоровье его разстроилось, и по временамъ онъ страдалъ падучею болѣзнію. 28 Апрѣля 1798 года А. Я. Протасовъ писалъ графу Александру Романовичу (Архивъ Князя Воронцова XV, 109): „Уже нѣсколько дней какъ князь Вяземскій боленъ; такъ какъ онъ никого не принимаетъ, я послала ему записку о вашемъ порученіи. Но посудите, что мнѣ отвѣ-

тили: онъ у себя въ саду, одержимый своей ужасной болѣзнью, и сегодня ему не могли сказать, вида, что изъ за этого припадокъ продолжится нѣсколько часовъ“. Въ Юлѣ того же года ѣздилъ онъ въ свое Арзамасское помѣстье и по дорогѣ заѣзжалъ въ Андреевское къ графу Александру Романовичу (тамъ же 119). 3 Ноября того же года Протасовъ пишетъ о немъ: „Какъ человѣкъ самолюбивый, онъ не рѣшается написать прямо, и не будучи никѣмъ поддержанъ, я думаю, выйдетъ въ отставку, такъ какъ онъ не первый по старшинству для повышенія (есть еще Бибиковъ, Ржевскій и мн. др.)“.

Съ кончиною супруги, 12 Апрѣля 1802 г.*), начался для него послѣдній періодъ жизни. Онъ переселилъ къ себѣ въ домъ свою старшую дочь и около этого же времени отослалъ въ Петербургъ учиться къ патеру Чижу своего сына. Въ началѣ 1804 г., Карамзинъ сталъ ему зятемъ, и, покончивъ съ изданіемъ своего „Вѣстника Европы“, началъ писать Исторію Государства Россійскаго. Вторая его дочь, тоже Екатерина Андреевна, родившаяся 21 Юня 1780 г., была уже невѣстою и, вѣроятно ради нея, его домъ оживился гостями. Мы не знаемъ, при его ли жизни или позднѣе вышла она замужъ за князя Алексѣя Григорьевича Щербатова; она послѣдовала за нимъ въ Турецкую войну, и тамъ скончалась въ родахъ, 3 Января 1810 г. Самъ князь Андрей Ивановичъ умеръ 20 Апрѣля 1807 года.

Домъ его, подобно домамъ Я. И. Булгакова въ Нѣмецкой Слободѣ, графа А. И. Мусина-Пушкина на Разгуляѣ (нынѣ Вторая Гимназія), княгини Дашковой на Б. Никитской (нынѣ Консерваторія), Хераскова на Б. Никитской (тамъ гдѣ нынѣ университетская церковь) былъ свѣтильникомъ ума и просвѣщенія. Потомство ему признательно и за его сына.

П. Б.

*) На ея надгробіи читаемъ: „Княгиня Евгенія Ивановна, дочь Вяземская, урожденная Орели, родившаяся 1762 года, Декабря 18, скончавшаяся 1802 года, Апрѣля 12 дня. Princesse de Wiasemskoy, née Eugénie Geunedé Orelli, naquit le 18 Decembre 1762“. Намъ неизвѣстно, находился ли ея сынъ, унаслѣдовавшій отъ нея любовь къ музыкѣ, въ родственныхъ сношеніяхъ съ Ирландією. П. Б.

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА *).

Письма разныхъ лицъ къ Ѳ. А. Кони.

Ѳ. А. Кони родился въ Московской купеческой семьѣ, 8 Марта 1809 г. умеръ въ Петербургѣ 25 Января 1879 года. Въ Москвѣ, 15-ти лѣтъ отъ роду, отданъ онъ былъ въ извѣстный пансіонъ Чермака, а въ 1826 году поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, гдѣ и получилъ званіе лѣкаря.

Но больше всего его занимаетъ словесность. Онъ слушаетъ лекціи на философскомъ факультетѣ и, будучи еще студентомъ, переводитъ „Смерть Каласа“ Виктора Дюканжа, вышедшую отдѣльной книгою въ 1830 году и поставленную на Московской сценѣ*), гдѣ имѣла большой успѣхъ и обратила вниманіе директора театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина на молодого переводчика. По совѣту Кокошкина и А. Д. Галахова, Кони преданъ драматической литературѣ и изученію исторіи искусства.

Драматическія его произведенія, пользовавшіяся большимъ успѣхомъ, вышли въ 1871 году въ 4 томахъ. Одновременно Кони служитъ учителемъ исторіи въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1836 году онъ переводится въ С.-ПБ. въ 2-й кадетскій корпусъ и въ „Дворянскій Полкъ“. Занятія исторіей привели его къ большому выдающемуся труду „Исторія Фридриха Великаго“, за который онъ возведенъ былъ въ званіе доктора философіи Іенскаго университета. Въ 1849 году Кони перевелъ „Исторію Консульства и Имперіи“ Тьера.

Но главное призваніе Кони была журналистика. Свой очеркъ объ искусствѣ Кони помѣщаетъ сначала въ „Сѣверной Пчелѣ“, а затѣмъ въ „Литературной Газетѣ“. Съ 1840 года онъ издаетъ литературный журналъ „Пантеонъ“, слившійся въ 1843 году съ „Репертуаромъ Русской сцены“ подъ названіемъ „Репертуаръ и Пантеонъ Русской сцены“. Съ 1852 года Кони принялъ на себя исключительное изданіе и редакторство журнала „Пантеонъ“, въ которомъ отвелъ главное мѣсто изящной словесности. Въ немъ сотрудничали извѣстнѣйшіе писатели того времени, и „Пантеонъ“ былъ журналомъ пользовавшимся большимъ распространеніемъ. Но, какъ журналу литературному, ему не

*) См. выше стр. 366.

было позволено перепечатывать извѣстія о Крымской войнѣ, что охладило къ нему читателей, и „Пантеонъ“ прекратился въ 1857 году изъ за недостатка средствъ.

Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ,

празднуя день своего рожденія, просить почтеннѣйшихъ своихъ прихожанъ и соучастниковъ откушать хлѣба-соли въ его редакціи, у Ѳ. А. Кони, въ домѣ Минаева, за Аничкинымъ мостомъ.

Января 21-го дня 1840 года, въ 4 часа.

Потрудитесь захватить съ собой доброе расположеніе и хорошій аппетитъ.

Привѣтственные стихи.

№ 1.

Куда, любезные поэты!
 За вами намъ нельзя поспѣть;
 Хоть и скропаю я куплеты,
 Но, право, не умѣю пѣть.
 Не *всякъ* умѣеть, какъ *Бумаринъ*,
 И пѣть, и пить, и ѣсть, и врать:
 Онъ ѣсть и пьетъ какъ будто баринъ,
 Его ужъ намъ не обогнать.
 Но искреннее пожеланье
 Сегодня я могу принести,
 Чтобъ ваше *славное созданье*
 Вамъ дало *денежки* и честь,
 Чтобъ *Пантеонъ* съ Репертуаромъ,
 Какъ Гречъ съ *Таддеемъ*, дружно жилъ,
 Чтобъ вы трудились не даромъ,
 Чтобъ *треснулъ* съ *зависти Зоилъ*.

Николай Гречъ.

№ 2.

Пѣть куплетъ, такъ пѣть куплеты!
 Есть старинное присловье:
 Что *на нѣтъ суда ужъ нѣтъ*;
 Но *почтенное* сословье
 Стихотворцевъ и пѣвцовъ,
 Въ *непремѣнное* условье,
 Тотчасъ требуетъ стиховъ.
 Чтожъ—хозяинъ доброхотный—
 Вотъ готовы вамъ стихи,

Хоть и тяжкіе грѣхи,
 Но *отъ сердца* и *охотно*
 Ихъ сейчасъ вамъ подношу.
 Музъ и Феба я прошу
 Вамъ принести благословеніе,
 И *барышъ* и уваженіе!
 Мой куплетъ, я вижу, плохъ,
 Но да будетъ, въ заключеніе,
 Громкій вамъ: *Es lebe hoch!*
 И никто бы *Пантеону*
 Не посмѣлъ задать *трзвону*,
 А лишь *звонкій злата звонъ*
 Слышаль вѣчно *Пантеонъ*.

Николай Полевой.

А. Д. УЛЫБЫШЕВА *).

1.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ, сегодня ровно три недѣли какъ я послалъ вамъ комедію моего сочиненія подъ заглавіемъ: *Долъ платежомъ красенъ*, но до сихъ поръ я еще не знаю, получили ли вы ее. При этой посылкѣ я еще извѣстилъ васъ, что собираюсь написать рецензію на книгу Ленца *Bethoven et ses trois styles*, которую Бернаръ доставилъ мнѣ въ началѣ Мая. Г. Ленць нападаетъ на меня жестоко, чему я обрадованъ немало, потому что давнымъ давно уже не имѣлъ удовольствія подраться съ кѣмъ нибудь на перьяхъ. Для меня нѣтъ ничего веселѣе. Работа моя подходила къ концу, когда изъ четвертой книжки „Пантеона“, я увидѣлъ вчера, что господинъ Сѣровъ предупредилъ меня въ разборѣ упомянутой книги. Моя статья не имѣетъ, правда, ни малѣйшаго сходства со статьей вашего музыкальнаго критика; но я не знаю, нужна ли она вамъ теперь. Если нѣтъ, то сдѣлайте милость, не скупитесь на чернила и отвѣчайте мнѣ на это, хоть въ двухъ строкахъ. Тогда я пошлю статью назначенную для васъ въ редакцію другого журнала. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Вашъ покорный слуга А. Улыбышевъ.

Село Лукино 19 Мая 1852 г.

P. S. Письма ко мнѣ всегда адресуютъ въ *Нижній Новгородъ*.

*) Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ род. въ 1794-мъ и скончался въ 1858 г. Превосходно написанная А. Гацкимъ подробная біографія его помѣщена въ 1-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1886 года, въ видѣ предисловія къ драмѣ Улыбышева „Раскольники“. П. Б.

2.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ,

Вѣроятно Вы изволили прочитатъ въ №№ 136 и 140 *Сѣверной Пчелы* отвѣтъ мой на нападки г. Ленца*); но увѣ! кромѣ значительныхъ пропусковъ статья моя изуродована до такой степени, что во многихъ мѣстахъ связь между фразами прерывается, и логическій смыслъ вовсе уничтоженъ. Не знаю, кому или чему приписать столь варварское со мною обхожденіе. Изъ издателей *Пчелы* одинъ Грець теперь въ Петербургѣ, и онъ старинный мой пріятель. Съ другой стороны, мнѣ кажется, что цензура не имѣла причины вооружиться такъ сильно противъ статьи чисто-музыкальной, совершенно чуждой православію, самодержавію и народности. Но, если не ошибаюсь, самъ почтенный г. Ленць служить въ главномъ цензурномъ комитетѣ. Такъ не поэтому же? Вамъ, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, какъ издателю журнала, должно быть многое и многое извѣстно. Не можете ли вы разрѣшить моего недоумѣнія и указать мнѣ на закулисное, которое тутъ непременно скрывается.

Изъ прилагаемой здѣсь копіи вы увидите, какому оскорбленію подвергнулась моя статья. Посылаю вамъ ее не для печати, разумѣется (это было бы невозможно), а для того, чтобы при случаѣ вы были такъ добры и показали знакомымъ вамъ литераторамъ, музыкантамъ и актерамъ мой отвѣтъ г. Ленцу, какъ онъ дѣйствительно мною написанъ; ибо всякому автору непріятно отвѣчать за чужія бессмыслицы. Тоника и доминанта статьи иронія и насмѣшка, потому что всего приличнѣе было употребить *l'arme du ridicule* противъ музыкальнаго критика, который, по свидѣтельству своего ментора или педагога Дамке „*ne sait pas jouer deux mesures en mesure, ni distinguer une tierce d'avec une quarte*“: собственные слова Дамке, сказанныя мнѣ лично, да еще при свидѣтеляхъ, если не ошибаюсь.

Статья эта имѣетъ еще другую цѣль. И нашимъ Русскимъ господамъ критикамъ я успѣлъ доказать, какъ плохо они поняли меня, принявъ за настоящій критическій разборъ и за положительную оцѣнку сочиненій Бетховена то, что въ моей книгѣ относится лишь къ грамматикѣ и къ общей философической теоріи искусства. Смѣшно было видѣть противника Бетховена въ человѣкѣ нѣсколько понимающемъ музыку. Еще до появленія книги Ленца я встрѣтился съ нимъ въ домѣ

*) Этотъ Ленць помѣстилъ въ „Р. Архивѣ“ 1878 г. свои воспоминанія подъ заглавіемъ: „Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ“. II. Б.

Віельгорскихъ и сказалъ ему въ присутствіи графа Михаила Юрьевича, который представилъ мнѣ его: *Monsieur, j'adore Beethoven et je puis vous assurer que chez moi à Nijni on joue du Beethoven beaucoup plus que du Mozart.* (Мы говорили о камерной и въ особенности о фортепیانной музыкѣ). Теперь прощайте, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ. Буду ждать вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. *Mes hommages à madame.* Вашъ отъ души и сердца.

А. Улыбышевъ.

С. Лукино, 5 Іюня 1852 г.

3.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ.

Письма ваши отъ 17-го и 30-го Мая я получилъ въ одно время. Первое залежалось вѣроятно въ Нижегородской почтовой конторѣ, а второе мнѣ привезли изъ города 10-го Іюня. Теперь изъ Нижняго въ Петербургъ только трое сутокъ ѣзды, а письма и газеты получаютъ здѣсь на десятый и даже на 12-ый день. Эта непостижимая медленность была причиной, что статья о книгѣ Ленца, которую я написалъ для „Пантеона“, отправлена уже въ редакцію Сѣверной Пчелы. Изъ вашего, какъ мнѣ казалось, слишкомъ продолжительнаго молчанія, я заключилъ, что она вамъ не нужна.

Вамъ угодно перевести для „Пантеона“ историческое введеніе ко второму тому Моцартовой біографіи. Съ Богомъ, лишь бы только терпѣніе не измѣнило А. И. Сѣрову, ибо ему предстоитъ трудъ, истинно многотрудный, за который я самъ никогда бы не взялся.

Что же касается до моей комедіи, то признаюсь вамъ, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, что мнѣ не приходило въ голову поставить на II. сцену бездѣлушку, составленную *en un tour de main*, для моихъ дѣтей и для публики, задобренной, нѣсколько лѣтъ сряду гостепріимствомъ, въ довольно широкихъ размѣрахъ. Я полагалъ, что вы имѣете право напечатать комедію мимо театральнаго дирекціи, вмѣстѣ съ предисловіемъ, которое весьма неудобно разлучить съ пьесой, во первыхъ потому что тогда не объясняется поводъ въ самой пьесѣ, выходящей по необдуманности изъ обыкновенныхъ разрядовъ драматической литературы, да еще потому что въ ней говорится о Реквіумъ Моцарта, и вовсе неумѣстно, какъ бы показалось безъ предисловія. Еще одно. Вы сами, опытный литераторъ и драматургъ, не могли не замѣтить нѣкотораго несходства въ отношеніи къ діалогу между моей

комедіей и тѣмъ, что обыкновенно имѣеть успѣхъ на Александрійскомъ театрѣ. Понравится ль „Долгъ платежемъ красенъ“, или нѣтъ. это вы должны знать лучше меня. Конечно, въ моемъ положеніи, успѣхъ или неуспѣхъ такого рода не значить ровно ничего. Однако, согласившись на представленіе пьесы, мнѣ все таки хотѣлось бы устранить причины, которыя могутъ сгубить ее совершенно. По этому я и соглашаюсь не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ. 1) „Пантеонъ“, если можно, извѣститъ публику о представленіи комедіи, напечатавъ ей предисловіе, составляющее, само по себѣ, отдѣльную статью. 2) Комедію дадутъ въ бенефисъ или въ пользу дирекціи, какъ вамъ будетъ угодно, но не прежде Сентября или Октября. 3) Изъ дѣйствующихъ Ольга, Любскій и баронъ должны быть настоящіе, а не водевильные пѣвцы. 4) Роль Степана приходится Мартынову, котораго я имѣлъ, такъ сказать, передъ глазами, облакая ревизскую душу въ форму капельмейстера. Степанъ представлялся мнѣ какъ образъ Русской дворовой крѣпостной натуры. Глупый по наружности и лукавый въ душѣ, какъ типическій нашъ Иванъ-дуракъ, всегда холодный, угрюмый и ехидный, безъ совѣсти, безъ стыда, этотъ забулдыга просыпается, дѣлается вѣжливымъ, лишь когда почуветь деньги.—Если можно будетъ распорядиться такимъ образомъ, извольте, со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ. Тогда я вамъ напишу, какія перемѣны и прибавленія слѣдуетъ сдѣлать въ пьесѣ, чтобы приспособить ее къ П. сценѣ и доставить ей съ помощью блистательнаго концерта и характерныхъ танцевъ кой-какіе шансы успѣха, независимо отъ ея слабаго внутренняго достоинства. „Пантеонъ“ вашъ я читаю какъ настоящую книгу, то есть съ начала до конца и какъ никогда не читалъ ни одного Русскаго журнала за исключеніемъ „Библіотеки“, въ первые годы ея существованія. Кто Савиновъ? Это настоящій талантъ (не говорю о восточ. романѣ). Въ другой разъ поговоримъ подробнѣе о вашемъ журналѣ. Прощайте. Вашъ отъ души А. Улыбышевъ.

Село Лукино. 25 Іюля 1852.

Р. С. Я буду очень радъ познакомиться съ г. Капкарковымъ и надѣюсь, что онъ пожалуетъ ко мнѣ въ Лукино: не далѣе какъ 40 верстъ отъ Нижняго.

4.

Любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ,

5 Іюля утромъ отправилъ я въ редакцію „Пантеона“ статью мою о книгѣ Ленца, а къ вечеру того же дня привезли мнѣ изъ города письмо ваше отъ 27 Іюня, на которое сейчасъ и отвѣчаю.

Я на все согласенъ; дѣлайте съ моей пьесой, что хотите; *je vous donne plein pouvoir et carte blanche* за исключеніемъ однако кастраціи, какую вынесла моя статья въ С. Пчелѣ. Ценсура, безо всякаго сожалѣнія, возьметъ свое: уничтожить, по обыкновенію, нѣсколько изъ самыхъ удачныхъ мѣстъ; но все таки можно надѣяться, что пьеса останется съ головой, съ хвостомъ, а главное съ м..... я хочу сказать съ нѣкою комическою силою. Какъ поставить комедію, вы знаете въ сто разъ лучше меня; позвольте однако автору представить вамъ кое-что не для руководства вашего, а только для соображенія. Концертъ или дивертисментъ составилъ я по нашимъ скуднымъ провинціальнымъ средствамъ. Само собою разумѣется, что моя программа нисколько не должна связывать васъ въ выборѣ музыкальныхъ піесъ. Здѣсь каждый выбиралъ, что хотѣлъ и что было по силамъ. Пусть и у васъ такъ будетъ. Одно, я думаю, не худо было бы сохранить, если можно, это несравненное тріо изъ *Волшебной флейты* Soll ich dich, Teurer, nicht mehr sehen. Впрочемъ на какомъ угодно языкѣ. Если роль Бугоркова достанется пѣвцу, то ее и ему можно дать что нибудь въ національномъ комическомъ родѣ. Сверхъ того могутъ собраться на музыкальный вечеръ уѣзднаго знатока гости разныхъ званій и разныхъ талантовъ, пѣвцы, клоуны, пожалуй и солисты на инструментахъ. Все *ad libitum*, повторяю.

Въ 1-мъ дѣйствии не можетъ быть для пѣвца другаго акомпанимента, какъ фортепіаннаго; но во 2 дѣйствии вамъ легко будетъ замѣнить фортепіано доморощеннымъ оркестромъ Бугоркова, и музыканты явились бы тогда на сцену въ карикатурномъ видѣ, чего мнѣ хотѣлось, но чего я не могъ сдѣлать на нашемъ домашнемъ театрѣ, потому что карикатура перешла бы здѣсь въ самую музыку. Тутъ уже Степанъ самъ не играетъ, а только дирижируетъ оркестръ. Вотъ еще одно замѣчаніе, совершенно лишнее и если Бугоркова будетъ представлять умный актеръ. Во время музыки, записной нашъ дилетантъ долженъ выражать свои сенсаціи значительной пантомимію. Теперь довольно и даже слишкомъ много, когда взялся за это дѣло, какъ за свое собственное Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони, которому приносить заранѣ искреннюю душевную свою благодарность покорнѣйшій его слуга и внимательный читатель

А. Улыбышевъ.

Село Лукино. 6 Іюля 1852 года.

5.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ,

Сейчасъ воротился я съ ярмарки, гдѣ свелъ знакомство съ Мартыновымъ и съ сестрами Дулькень, которымъ ярморочный нашъ сезонъ 1852 года обязано лучшими театральными и музыкальными своими наслажденіями. Много тѣшилъ насъ Домбровскій, актеръ спеціальный, чистый Хохолъ, безо всякой примѣси Великороссійскаго, но актеръ какого нѣтъ и не бывало у васъ въ Петербургѣ.

Мартыновъ сказалъ мнѣ не слишкомъ утѣшительное на счетъ представленія моей комедіи, которую онъ прочиталъ. По его словамъ, оперная Русская труппа никогда не сходитя съ драматической, а безъ этого соединенія наше представленіе невозможно, потому что роли Сенижова, Ольги и Маши пропадутъ совершенно, если будутъ поручены водевильнымъ исполнителямъ. И такъ, я думаю, лучше будетъ отложить попеченіе о постановкѣ моей пьесы на сцену и напечатать ее въ *Пантеонъ*, подъ заглавіемъ *Дилеттантъ* или *Знатокъ въ музыкѣ*, каково вамъ будетъ угодно. Когда вы увидите Мартынова, спросите его, доволенъ-ли остался онъ моей стерляжей ухуо.

Лѣто у насъ непостоянно, истинно лихорадочное: то въ жаръ, то въ ознобъ бросаетъ. Въ первыхъ числахъ Августа термометръ показывалъ до 38⁰/₀ градусовъ, и мы жили въ водѣ, болѣе чѣмъ на сушѣ. Теперь же православные мои мужики засѣваютъ свои поля, кутаются въ шубы и все таки промокаютъ до костей. Надѣюсь доставить вамъ, черезъ нѣсколько дней, статейку о Нижегородской ярмаркѣ, въ родѣ той, что была напечатана въ С.-П. годъ тому назадъ.

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе Madame Кони и, ожидая съ нетерпѣніемъ обѣщанной посылки, остаюсь, какъ всегда, съ дружбой и уваженіемъ.

Покорнѣйшій вашъ слуга А. Улыбышевъ.

С. Лукіно. 16 Августа 1852.

Александра Ѳомича Вельтмана.

Москва, Ноября 22-го 1839 г.

Любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, при этомъ письмѣ высылаются къ вамъ г. Тромопинымъ вышедшіе уже листы или тетради издаваемыхъ имъ „Очерковъ художественныхъ произведеній Х.“. Это само-

родный художникъ, на трудъ котораго стоить обратить вниманіе, и вы вѣрно скажете о немъ нѣсколько добрыхъ словъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, къ которой такъ довѣрчива публика. Вы поймете полезную цѣль изданія, и что въ началѣ своемъ оно неизбѣжно составляетъ еще сборникъ матерьяловъ художественныхъ и въ послѣдствіи, только при увеличеніи средствъ, развернется съ надлежащимъ усовершенствованіемъ. Журналы, которые говорили объ этомъ изданіи, не поняли цѣли его и даже того, что очерки не есть скелеть, а заключаютъ въ себѣ всю полноту созданія и мысли, въ немъ всѣ тайны генія; но г. Тромонинъ приложить при этомъ письмѣ изложеніе цѣли своей, которую не хотѣли понять г.г. издатели мѣсячныхъ книгъ. Миѣ обидно за всякій начальный трудъ Русскаго художника, который они затираютъ въ грязь, для того только, чтобы показать высокое свое понятіе о художествѣ: ихъ отзывы не подвинутъ художника ни на шагъ впередъ, но убьютъ въ немъ порывы начинающей дѣйствовать способности.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Николаю Ивановичу Гречу.

Искренно преданный вамъ Вельтманъ.

Романъ мой „Генераль Каломерасъ“ я думаю событь съ рукъ и надѣюсь къ новому году онъ выйдетъ.

Москва, Сентябрь 1840.

Любезный Федоръ Алексѣевичъ, я получилъ на свое имя три части „Маяка“; прошу васъ поблагодарить отъ меня господъ редакторовъ и издателя. Чѣмъ только въ состояніи буду служить хорошему дѣлу, готовъ буду служить. Я слышалъ, что вы принимаете на себя редакцію „Литературной Газеты“ если это правда, то желаю вамъ успѣха и добрыхъ сотрудниковъ въ трудномъ дѣлѣ издавать журналъ умный, дѣльный и занимательный.

Въ несчастномъ событіи на желѣзной дорогѣ*) пострадалъ и братъ жены моей Дмитрій Павловичъ Вейдаль. Ему пришлось ѣхать именно въ томъ вагонѣ, который разбитъ вдребезги. Онъ писалъ отцу, что ему повредило ноги, но въ какой степени поврежденіе—не пишетъ. Если вы знаете что нибудь, то увѣдомьте, пожалуйста. Я боюсь, не имѣлъ ли ушибъ худыхъ послѣдствій, ни отъ кого отъ родныхъ нѣтъ писемъ.

Преданный вамъ искренно Вельтманъ.

P. S. „Пантеона“ до сихъ поръ я получилъ только три номера.

*) Царско-сельской. П. Б.

Октября 16. 1840. Москва.

Письмо ваше, любезный Федоръ Алексѣевичъ, переданное мнѣ книгопродавцемъ Григорьевымъ, а равно и номеръ „Пантеона“ 3—8 я получилъ и благодарю васъ. Желая вамъ успѣховъ въ изданіи „Литературной Газеты“, я прошу васъ располагать моею сказкой о Лихоманкѣ; но прошу такъ же не подписывать моего имени, потому что большая сказка, въ которой Лихоманка составляетъ главу, будетъ издана безъ имени, по причинѣ пошлости своей. Къ ней художникъ Ребусъ рисуетъ картины, которыхъ будетъ до 15-ти. Михаилу Николаевичу Лихонину я передалъ вашъ поклонъ и приглашеніе къ участию въ „Литературной Газетѣ“. Онъ готовъ способствовать вамъ всѣмъ, чѣмъ только можетъ, переводить съ Испанскаго, съ Англійскаго, съ Нѣмецкаго, съ Итальянскаго, только давайте, или назначайте, что переводить. Если вы желаете имѣть Московскаго корреспондента по части выходящей здѣсь литературы, то онъ можетъ и это исполнить. Онъ работающъ и пишушъ, но только по задачамъ. Время и трудъ готовъ обратить въ деньги, потому что нуждается въ нихъ. Меня во всѣхъ журналахъ разкорили за Каломероса, въ немъ ничего не нашли, кромѣ мнимаго Наполеона, тогда какъ я хотѣлъ представить только человѣка, котораго служба людямъ лишила истиннаго счастья въ жизни—друга по сердцу, любви естественной каждому человѣку. Скажите, кого поставить въ подобныя обстоятельства кромѣ Наполеона? Но я не профанировалъ его имени, но высказалъ только, что и человѣкъ подобный Наполеону и въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ увлекаться страстью, и если бы встрѣтилось ему существо достойное любви, онъ бы или самъ сошелъ съ трона, или возвелъ бы ее на тронъ. Примѣръ тому Петръ Великій: онъ не затруднился и не постыдился любить Сатин Шереметева и Меншикова и возвелъ ее на престолъ. Видѣть въ Каломеросѣ истиннаго Наполеона тупо, а печатать (какъ это дѣлаютъ Петербургскіе книгопродавцы) въ объявленіяхъ, что генераль Каломеросъ-императоръ Наполеонъ—дерзко и клевета. У нашихъ критиковъ чего-то не достаетъ; а чего—объ томъ они сами никогда не догадаются.

Искренно преданный вамъ Ал. Вельтманъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ЩУКИНА.

Въ дѣтствѣ носили мы, мальчишки, черныя плисовые полушубки, отороченныя сѣрымъ бѣличьимъ мѣхомъ, и черныя плисовые же сапожки, какіе носили тогда и дамы. Я очень обрадовался, когда мнѣ дали первые кожаные сапожки съ красными сафьянными отворотами; до тѣхъ поръ мы носили кожаные или прюнелевые башмаки дамскаго фасона. Утромъ намъ въ дѣтскую давали по чашкѣ чаю съ молокомъ и по круглой сдобной булочкѣ съ кускомъ бѣлаго хлѣба; обглодавши верхнюю корочку булочки, мы опускали булочку въ чашку, предварительно отпивъ немного чаю; затѣмъ клали въ чашку бѣлый хлѣбъ, придавивъ его ложкой; чашку потомъ опрокидывали на блюдце, и получался пирожокъ, называвшійся у насъ тюрей. Когда обѣдало у родителей много гостей, то насъ, дѣтей, сажали за отдѣльный столъ, что называлось „обѣдать съ музыкантами“.

Отецъ ¹⁾ насъ баловалъ. Въ домѣ Херодинова ²⁾ кабинетъ отца находился во второмъ этажѣ, и окно выходило въ садъ. Бывало, весной или осенью, когда мы гуляли въ саду, отецъ бралъ нѣсколько конфетъ, заворачивалъ ихъ въ бумагу, привязывалъ на веревочку и опускалъ изъ окна въ садъ, гдѣ мы ихъ подбирали. Возвращаясь съ обѣда или бала, отецъ всегда привозилъ намъ гостинцы: конфеты, завернутыя въ серебряныя или золотыя бумажки съ картинками или какими нибудь украшеніями, и фрукты. Со свадебъ отецъ привозилъ конфеты въ бѣлыхъ атласныхъ бонбоньеркахъ, украшенныхъ искусственными букетами флеръ-доранжа.

Изъ всѣхъ лѣкарствъ, которыя давали намъ въ дѣтствѣ, только дѣвья кожа и ячменный сахаръ были намъ по вкусу; съ отвращеніемъ принимали мы касторовое масло, которое заѣдали малиновымъ вареньемъ; кастороваго масла въ капсюляхъ тогда еще не знали ³⁾. Не менѣе

¹⁾ Достопочтенный Иванъ Васильевичъ далъ дѣтямъ своимъ отличное образованіе и позаботился, чтобы оно не отвлекло ихъ отъ дѣятельности торговой. Щукины-Калужане, Боровскаго уѣзда. П. Б.

²⁾ Въ Милютинскомъ переулкѣ. П. Б.

³⁾ Я зналъ двухъ лицъ, которыя съ удовольствіемъ принимали касторовое масло: товарищъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда Владимиръ Сергѣевичъ Абакумовъ и Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ. Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ Козьма Терентьевичъ послѣ приѣма кастороваго масла облизывалъ столовую ложку.

противнымъ былъ рыбій жиръ, которымъ находили нужнымъ насъ пичкать.

Нашимъ домашнимъ врачомъ былъ докторъ Кноблехъ. Въ 80-хъ годахъ, за однимъ изъ субботнихъ обѣдовъ въ Англійскомъ клубѣ, я увидаль сидящаго за столомъ старика, очень напоминавшаго канцлера Горчакова. Оказалось, это былъ докторъ Кноблехъ.

Въ нашемъ раннемъ дѣтствѣ глупыя няньки пугали насъ трубочистами и будочниками. Боялись мы также темныхъ комнатъ. Позднѣе отъ матери мнѣ часто доставалось, въ особенности за ошибки, которыя я дѣлалъ въ Русскомъ и Французскомъ диктантѣ; она диктовала намъ сама. Мать я боялся, потому что она больно била и притомъ куда попало. Отца мы всѣ очень любили; онъ дѣлалъ намъ выговоръ только тогда, когда кто его заслуживалъ, но никогда рука его не поднималась на дѣтей. Плохое отношеніе ко мнѣ матери отчасти побудило отца отдать меня, 10-ти лѣтняго мальчика, въ Выборгъ, въ Бемскую школу, а затѣмъ, 14-ти лѣтняго—въ Петербургъ, въ пансіонъ Гирета. Я не помню, чтобы отъ матери когда-либо получилъ какой-нибудь подарокъ. Игрушки, картинки, книжки дарилъ мнѣ отецъ или его пріятели (М. Т. Лавровъ, Борхардтъ) и ближайшіе родственники. Когда я учился со старшимъ братомъ въ Выборгѣ, то передъ отъѣздомъ нашимъ туда отецъ всегда заѣзжалъ со мною въ Охотный рядъ къ Егорову, гдѣ покупалъ для насъ всевозможныя сласти, которыя мы брали съ собою въ школу и которыми тамъ лакомились. На Пасху отецъ опять присылалъ намъ въ школу большой запасъ разныхъ сластей.

Изъ жизни въ Хероудиновскомъ домѣ вспомнились мнѣ два случая.

Однажды насъ, дѣтей, М. Т. Лавровъ повезъ сниматься къ фотографу Мебіусу. Это было первый разъ, что насъ снимали. Передъ самымъ открытіемъ камеръ-обскуры Мебіусъ сказалъ намъ: „вниманіе,—сейчасъ вылетитъ птичка“, вслѣдствіе чего мы открыли рты и вышли на фотографіи съ открытыми ртами.

Какъ-то у насъ всѣ дѣти, кромѣ меня, захворали корью или scarлатиной, и поэтому меня отправили гостить къ дядѣ П. Л. Пикулину, который тогда жилъ съ своей женой, моей теткой, Анной Петровной¹⁾ на углу Петровскаго бульвара и 3-го Знаменскаго переулка, въ деревянномъ двухъэтажномъ домѣ, гдѣ занималъ верхній этажъ. Домъ этотъ²⁾ съ садомъ сохранился въ томъ же видѣ и понынѣ.

¹⁾ Урожденной Боткиной.

²⁾ Малюшина.

Помню, изъ оконъ этой Пикулинской квартиры я видѣлъ иногда выѣзжавшій изъ сосѣднихъ казармъ, эскадронъ жандармовъ, носившихъ въ то время кивера съ лошадиными хвостами.

Съ отцомъ мы часто ходили въ церковь; отецъ былъ очень набожный. Когда мы жили въ Колпачномъ переулкѣ, отецъ ходилъ къ ранней обѣднѣ въ церковь Успенія (на Покровкѣ) и бралъ насъ съ собою; для этого заставлялъ насъ будить. Въ Кунцевскую церковь мы ходили съ отцомъ и матерью по Воскресеньямъ и праздникамъ, къ поздней обѣднѣ. Въ этой церкви обыкновенно читалъ Апостола Илья Алексѣевичъ Сусоровъ, товарищъ председателя Московскаго Коммерческаго Суда, для чего онъ выходилъ на середину церкви.

Въ Кунцевѣ жила семья Керцелли. Семья эта состояла изъ четырнадцати человекъ. Помню, Александръ Ивановичъ Постниковъ (сынъ Московскаго врача) вырѣзалъ на скамейкѣ одной Кунцевской бесѣдки слѣдующія вирши:

„На скамейкѣ здѣсь сидѣли
Всѣ четырнадцать Керцелли“.

Жила еще въ Кунцевѣ семья Медвѣдниковыхъ. Сама Медвѣдникова была очень полная особа и курила трубку съ длиннымъ чубукомъ.

Только разъ въ жизни видѣлъ я своего дядю Василя Петровича Боткина, и это было именно въ Кунцевѣ, куда онъ пріѣхалъ къ намъ на дачу. Авторъ „Писемъ объ Испаніи“ жилъ большею частью за границей, а послѣдній годъ своей жизни въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ. Другой мой дядя, художникъ Михаилъ Петровичъ Боткинъ¹⁾, тоже пріѣзжалъ въ Кунцево и, поправляя на берегу Москвы-рѣки мою картинку, показывалъ мнѣ, какъ должно писать масляными красками съ натуры пейзажи. Въ то время Михаилъ Петровичъ жилъ обыкновенно въ Римѣ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, художникомъ Сергѣемъ Петровичемъ Постниковымъ.

Посѣщалъ насъ въ Кунцевѣ Гаврила Павловичъ Прохоровъ, муштина большого роста и тучный. Помню, какъ мы съ отцомъ навѣстили его зимой въ гостинницѣ „Венеція“, помѣщавшейся на Мясницкой, въ домѣ Нилуса²⁾, и какъ Гаврила Павловичъ рассказывалъ отцу, что утромъ этого дня кто-то зарѣзался въ сосѣднемъ номерѣ. Г. П. Про-

¹⁾ Михаилъ Петровичъ былъ младшимъ изъ братьевъ Боткиныхъ. На свадьбѣ моихъ родителей онъ несъ образъ.

²⁾ Нилусъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ, какъ игрокъ въ карты, и за свою игру въ карты былъ высланъ Закревскимъ изъ Москвы.

хоровъ весьма часто повторялъ въ разговорѣ слово: „поняли?“, на что отецъ обыкновенно отвѣчалъ: „еще бы!“ Однажды на какомъ-то обѣдѣ П. Л. Пигулинъ нарочно устроилъ такъ, что Прохоровъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ, вслѣдствіе чего „поняли“ и „еще бы“ слышались въ продолженіе всего обѣда. Еще припоминаю навѣщавшихъ насъ въ Кунцевѣ: слезливаго старика Акулова, служившаго когда-то въ уланахъ, и пѣвца Булохова.

Въ нашемъ Кунцевскомъ саду передъ террасой росла большая липа, подъ тѣнью которой въ хорошую погоду мы завтракали, обѣдали и пили чай. Въ Кунцево приходили изъ Москвы разнощики съ фруктами, игрушками и фейерверками, шарманщики и „петрушка“. Представленія послѣдняго насъ очень занимали. Приводили и медвѣдей. Въ Кунцевѣ не было никакихъ лавокъ, какъ въ другихъ дачныхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются булочныя, колониальныя, мясныя, зеленыя и другія лавки. Булочникъ отъ Савостьянова изъ Дорогомиловской слободы, въ продолженіе всего лѣта, каждое утро, несмотря ни на какую погоду, несъ на своихъ плечахъ корзину наполненную разнымъ хлѣбомъ. Въ Кунцево онъ приходилъ, обливаясь потомъ, и отпускалъ дачникамъ хлѣбъ на книжку. Раза два въ недѣлю пріѣзжали изъ Москвы на телѣгахъ со своими припасами мясникъ и зеленщикъ. Рыболовы съ Москвы-рѣчки приносили рыбу и раковъ, а крестьяне и крестьянки изъ сосѣднихъ селъ и деревень—цыплятъ, ягоды, яйца, сливки, масло, грибы..

Отецъ держалъ пару извощичьихъ лошадей, на которыхъ ѣздилъ съ дачи въ будни по утрамъ въ Москву, откуда возвращался вечеромъ. Иногда онъ бралъ съ собою кого-нибудь изъ насъ, что доставляло намъ большое удовольствіе. Воскресные и праздничные дни отецъ проводилъ въ Кунцевѣ.

Изъ жизни въ нашемъ домѣ въ Колпачномъ переулкѣ сохранилось въ моей памяти слѣдующее.

Разъ мой отецъ устроилъ обѣдъ исключительно изъ Армянскихъ блюдъ, которыя готовилъ у насъ на кухнѣ С. С. Мирзоевъ. На этотъ обѣдъ были приглашены И. Е. Забѣлинъ, Н. Х. Кетчеръ и П. Л. Пигулинъ. Обѣдъ удался какъ нельзя лучше.

Въ одинъ изъ нашихъ обѣдовъ съ гостями присутствовалъ также пріятель отца, Нѣмецъ, фабрикантъ Гильденбрандтъ, изъ Берлина. Услышавъ разговоръ сидѣвшаго въ кѣткѣ попугая, Гильдебрандтъ, хотѣвшій, должно быть, показать передъ гостями свое знаніе Француз-

скаго языка, сказалъ: „с'est le Paragei qui parle“, отчего многіе изъ гостей едва удержались отъ смѣха.

Въ Колпачномъ переулкѣ бывалъ у насъ также Егоръ Егоровичъ Гикишъ, имѣвшій агентуру шампанскаго, извѣстнаго подъ названіемъ Шампанскаго съ бѣлой головкой¹⁾). Несмотря на то, что Гикишъ уже 30 лѣтъ какъ жилъ въ Россіи, онъ зналъ порусски только одни ругательныя слова. Не лучше зналъ Русскій языкъ и другой Московскій старожилъ, основатель ситцево-набивной фабрики, Альбертъ Осиповичъ Гюбнеръ²⁾). Напримѣръ, онъ говорилъ моему отцу; „ти була тамъ“.

Выходящій изъ ряда случай произошелъ въ томъ же Колпачномъ переулкѣ. Дѣло было зимой, и у насъ въ залѣ обѣдали гости. Разговоръ шелъ о директорѣ Мазуриной фабрики, Англичанинѣ Сейксѣ, сошедшемъ съ ума. Рассказывали, что онъ разѣзжаетъ по Москвѣ. Во время этого разговора раздался звонокъ, и вскорѣ неожиданно вошелъ въ залу самъ Сейксъ. Всѣ испуганно переглянулись. Сейксъ же преспокойно подсѣлъ онъ къ нашей родственницѣ Елизаветѣ Васильевнѣ Чичериной, молодой дамѣ Цыганскаго типа, и вдругъ чмокнулъ ее въ щеку. Испуганная Чичерина выскочила изъ за стола и побѣжала прятаться, а за нею побѣжалъ и Сейксъ; повыскочили изъ за стола и всѣ остальные. Не помню уже, какимъ манеромъ выпроводили потомъ непрошеннаго гостя.

Дополню еще о жизни въ Бемской школѣ³⁾). Вспоминается мнѣ довольно рискованная шалость, продѣланная однажды нѣкоторыми воспитанниками въ классной. Пустую стеклянную бутылку наполнили свѣтильнымъ газомъ и подожгли, отчего послѣдовалъ взрывъ, и осколки бутылки разлетѣлись во всѣ стороны, къ счастью, не причинивъ никому вреда. На шумъ вбѣжалъ въ классную учитель Шрекъ и, разъяренный, бросился на испуганныхъ воспитанниковъ, награждая всѣхъ пощечинами.

На Страстной недѣлѣ, въ хорошую, теплую погоду, подъ начальствомъ приманца Кронгельма-старшаго, мы, Русскіе, отправлялись на нашей школьной лодкѣ (Капопенboot) на какой-нибудь островъ Выборгской бухты, гдѣ пекли картофель и ѣли его съ Чухонскимъ масломъ, запивая пивомъ. Картофель пекли по Шведскому способу: выкапывали

¹⁾ Отъ бѣлой смолы, которою было залито горлышко бутылки.

²⁾ А. О. Гюбнеръ былъ Эльзасецъ и лицомъ очень напоминалъ маршала Мортье. Альбертъ Осиповичъ былъ женатъ на г-жѣ Алланъ, братъ которой, маленькаго роста и вострой, часто сопровождалъ моего отца за границу.

³⁾ Въ Выборгѣ. П. Б.

яму, въ которой устраивали костеръ, потомъ на горячіе уголья клали картофель и закладывали его дерномъ черезъ нѣкоторое время снимали послѣдній и вынимали испекшійся картофель.

Никогда я не пивалъ съ такимъ наслажденіемъ чаю, какъ въ Бемской школѣ, но только не того, который намъ всеѣмъ давали, а который мы сами покупали въ лавкѣ вмѣстѣ съ сахаромъ. Этотъ чай пили мы тайкомъ въ классѣ, для чего изъ буфета потихоньку брали стаканы, а чайникъ имѣли свой; кипятокъ приносили сами изъ кухни и все хранили въ своихъ пультахъ; чай пили въ прикуску.

Послѣ моего посѣщенія Выборга въ 1897 году, я опять пріѣхалъ туда 2 Іюля 1911 года. За четырнадцать лѣтъ Выборгъ поукрасился и сталъ походить на Европейскій благоустроенный городокъ; выстроено много домовъ въ новомъ стилѣ, который такъ идетъ къ Финляндской природѣ. Впрочемъ въ центрѣ города сохранились еще узкія улицы и много старыхъ каменныхъ низкихъ домовъ. Старинный городской замокъ на островѣ, старинная круглая городская башня напротивъ рынка, соборъ, Русская церковь въ Петербургскомъ форштадтѣ, Лютеранская церковь, городскія казармы, Societätshus, Фридрихсгамскіе ворота съ крѣпостными валами и рвами, также „Monrépos“ — напомнили мнѣ Выборгъ 60-хъ годовъ. Только башня городского замка оказалась покрытою куполообразной желѣзной крышей; въ мое время эта башня стояла совсѣмъ безъ крыши. На эспланадѣ, противъ городскихъ казармъ, теперь разбитъ прекрасный паркъ съ цвѣтниками: тѣнистыя аллеи липъ, дубовъ, каштановъ и другихъ деревьевъ, а на лужайкахъ клумбы съ цвѣтущими гортензіями, левкоями, штамбовыми розами, шиповникомъ и съ другими цвѣтами. Въ паркѣ выстроены кафе-ресторанъ, гдѣ прислуживаютъ гарсоны въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, и гдѣ лѣтомъ по вечерамъ играетъ оркестръ музыки. Въ предмѣстьи Папула прибавилось много новыхъ домовъ. Отъ Бемской школы уцѣлѣло нѣсколько зданій, занятыхъ солдатами стрѣлковаго батальона. Но только изъ главнаго зданія школы, имѣвшаго форму буквы П, сдѣлано три дома: средній и два боковыхъ. Передъ среднимъ домомъ все еще существуетъ прежняя деревянная рѣшетка, отдѣляющая дворъ отъ проѣзжей дороги. На мѣстѣ, гдѣ находился принадлежавшій школѣ садъ съ огородомъ, увидалъ я въ первый разъ недавно выстроенную деревянную полковую церковь. Въ Папулѣ сохранился также домъ Зеземана*), деревянный, на гранитномъ фундаментѣ. Домъ этотъ строился еще при мнѣ, и я помню, какъ мы, ученики, лазили въ немъ во время стройки.

*) Не знаю, кому принадлежитъ этотъ домъ въ настоящее время.

У сына Зеземана, учившагося въ Бемской школѣ, была сестра, вышедшая замужъ за учителя Рульмана. Припоминаю еще, что за Папуловскимъ мостомъ, близъ гранитной скалы Zuckerhut, была вырыта землянка, въ которую зимой на ночь запирались охотники, и изъ окошечка стрѣляли въ волковъ, для чего неподалеку отъ землянки клали какую-нибудь падаль.

Отъ хозяина гостинницы „Бельведеръ“ К. Эренбурга¹⁾, бывшаго ученика Бемской школы, я узналъ, что вдова директора школы Фердинанда Цейдлера живетъ въ настоящее время близъ Выборга, въ Лавола; учитель Фальтинъ живетъ въ Гельсингфорсѣ, а учитель Дегло умеръ лѣтъ пять тому назадъ, и что въ Выборгѣ живутъ бывшіе ученики Баклундъ и Лихонинъ²⁾. Эренбургъ же сообщилъ мнѣ, что Ида Бемъ въ 1870 году открыла въ Выборгѣ женскій пансіонъ, въ коемъ въ 1875 году числилось 55 воспитанницъ и между прочимъ воспитывалась въ этомъ пансіонѣ сестра Эренбурга. У Эренбурга имѣется Шведская книга, гдѣ сказано, что въ 1856 году школа Ивана Бема считалась самой извѣстной въ Выборгѣ; съ 1858 по 1859 годъ директоромъ въ ней былъ Цимсенъ; съ 1860 по 1863 годъ—Ахиллесъ; съ 1864 года—Фердинандъ Цейдлеръ (всего 75 учениковъ) и что онъ получилъ отъ Финляндскаго правительства субсидію въ 20 тысячъ марокъ.

Бывшій ученикъ Бемской школы Эдвинъ Ивановичъ Спарро былъ такъ любезенъ, то прислать мнѣ литографію, изображающую виды Выборга и его окрестностей, рисованную съ натуры учителемъ рисованія Бемской школы А. Шпренге.

„Воспоминанія вашего братца“, пишетъ брату моему Д. Н. Арцыбашевъ, „прочелъ два раза подрядъ съ величайшимъ интересомъ. Начиная съ первой страницы встрѣтилъ мнѣ все хорошо знакомое, начиная съ дома Херодинова, гдѣ я бывалъ имѣя дѣла съ управляющимъ. Имѣніе Херодинова недалеко отсюда въ Елецкомъ уѣздѣ. Гостинница Венеція помѣщалась въ домѣ Нилуса, про котораго я слышалъ отъ моего учителя Александра Платоновича Кетова (побочный сынъ Платона Петровича Бекетова), что Нилусъ былъ извѣстный по Москвѣ игрокъ въ карты. Карабинерный оркестръ Гадевальда слышалъ, а Сакса зналъ лично. На калиберахъ, которые назывались также и гитарами, ѣзжалъ.

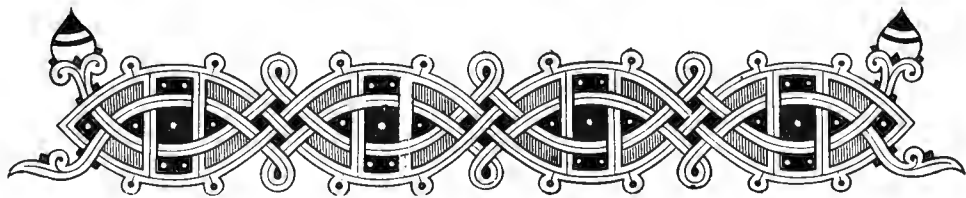
¹⁾ Отецъ К. Эренбурга содержалъ въ Выборгѣ гостинницу Societätshus, а дядя его былъ врачомъ у Бисмарка.

²⁾ Бывшіе ученики Бемской школы—Альбертъ Альбертовичъ и Петръ Альбертовичъ Кемпе тоже здравствуютъ: первый—одинъ изъ директоровъ Трехгорнаго пивовареннаго завода въ Москвѣ, а второй—оберъ-прокуроръ уголовного кассационнаго департамента Сената.

О будочникахъ, стоящихъ около своихъ будокъ въ киверахъ съ алебардами, и говорить нечего. Читая и перечитывая прекрасныя воспоминанія Петра Ивановича, переселяешься мысленно въ то время, о которомъ говорится. Всѣ записки и воспоминанія всегда интересны для изученія эпохи, обычаевъ тогдашняго времени, костюмовъ, описанія улицъ, домовъ и т. д. На Собачьей площадкѣ былъ домъ, во флигелѣ котораго жилъ А. С. Пушкинъ, потомъ тамъ была портерная, а теперь, пожалуй, вмѣсто флигеля громадный домище¹⁾). Я съ братомъ, живши въ 1849 г. на Молчановкѣ, ѣзжали на своей тройкѣ съ кучеромъ (крѣпостнымъ Дмитріемъ Захаровымъ: вотъ образецъ стариковской памяти, которая все помнитъ, что было за 62 года тому назадъ и ничего, что было чуть не вчера). Итакъ мы съ братомъ ѣзжали за игрушками къ Ваханскому на Лубянской площади. На Арбатѣ не было не только магазиновъ, но и гдѣ нибудь пріютившейся табачной лавочки. На Арбатской площади, почти противъ будочной Савостьянова, стояла будка²⁾). Мы гуляли съ нашимъ гувернеромъ В. Ф. Керковымъ ежедневно, будочникъ насъ призналъ и всегда раскланивался. Помню очень хорошо, что древко его алебарды было окрашено въ красный цвѣтъ сурикомъ, а сама желѣзная алебарда очень зазубрена отъ различнаго употребленія. Говорили, что будочницы кололи ими уголь и рубили капусту. Киверъ будочники носили низкій, съраго сукна, съ орломъ надъ большимъ козырькомъ. Одна акушерка (Елисавета Васильевна Титова) ѣзжала на практику такъ: садилась на калиберныя дрожки (какъ сама выражалась) *à cheval*, т. е. верхомъ, какъ ѣзжали мушкетеры, лѣвую руку упирала въ бокъ, а правая вооружалась большой клистирной трубкой. Это было въ 1866 году. Старческая память удивительна, ее можно сравнить съ прочнѣйшей ручной позолотой, теперь почти оставленной, и съ новѣйшей гальванопластической, которая, стираясь, не оставляетъ по себѣ даже воспоминанія. Напримѣръ, укажу на картинную галерею графа Растопчина, которую я помню выставленную на Садовой, гдѣ теперь дѣтская больница. Какъ странно, я помню даже отдѣльно нѣкоторыя картины. Помню много Голландцевъ, маленькихъ тщательно написанныхъ. Покойный мой отецъ, помню, очень хвалилъ Бергемовъ, которыхъ было нѣсколько картинъ. Много было большихъ Итальянцевъ. Все это только и осталось въ памяти. Галерея эта погибла при перевозкѣ за границу моремъ⁴⁾.

¹⁾ Нѣтъ еще. П. Б.

²⁾ У меня хранятся планы церкви св. муч. архидьякона Евпла (что на Мясницкой улицѣ) съ погостомъ и дворами священно и церковнослужителей, 1829 и 1836 г.г. На этихъ планахъ видно, что рядомъ съ церковью, на углу Милютинскаго переулка и Мясницкой улицы, была будка. П. П.

ВЫСОЧАЙШІЙ СМОТРЪ

Николаевскаго времени.

Въ 1851 году, 4-й пѣхотный корпусъ, съ кавалеріей и артиллеріей, стоялъ въ лагерномъ сборѣ подѣ г. Луцкомъ, Волынской губерніи, въ ожиданіи высочайшаго смотра.

Въ одно прекрасное Іюньское утро, на разсвѣтѣ, императоръ Николай Павловичъ осчастливилъ войска своимъ пріѣздомъ. О точномъ времени прібытія Государя мы не знали; но, по данному сигналу, люди мгновенно выскакивали изъ палатокъ и выстраивались на передней линіи лагеря. Государь, откинувъ, по обыкновенію, голову вправо, проѣзжалъ по линіи фронта шагомъ, здороваясь съ людьми интерваллы—же—крупной рысью. Восторгъ войскъ былъ неописуемый, громогласное „ура“ не утихало ни на минуту; но по мѣрѣ удаленія Государя, звуки восторга доносились все тише и тише.

Вслѣдъ за Императоромъ выѣхали съ послѣдней почтовой станціи, юные въ то время великіе князья: Михаилъ и Николай Николаевичи, которые, по неизвѣстной причинѣ, долго не прибывали въ Луцкъ. Потерявъ всякое терпѣніе, Государь велѣлъ отправить на послѣднюю станцію курьера, чтобы узнать о причинѣ неявки в. князей; но курьеръ, возвратясь, донесъ, что ихъ высочества, въ сопровожденіи генерала Гоголева, выѣхали вслѣдъ за Государемъ. Часовъ въ 10 утра явились, наконецъ, князья. Государь, страшно разсерженный, спросилъ генерала Гоголева: „гдѣ вы пропадали?“ Гоголевъ доложилъ Государю, что, проѣзжая черезъ какое-то село, ихъ высочества, увидѣвъ ярко освѣщенный домъ (какъ оказалось, Польскаго помѣщика, откуда доносились звуки оркестра) пожелали непременно туда завернуть, и какъ ни старался онъ отвлечь князей отъ этого проѣкта, ихъ высочества заупрямились и велѣли ямщикамъ ѣхать въ помѣщичью усадьбу. Великіе князья представились хозяевамъ и приняли участіе въ танцахъ. Балъ продолжался до 9 часовъ утра и закончился захватской мазуркой, послѣ чего ихъ высочества отправились въ путь.

Государь арестовалъ домашнимъ арестомъ Гоголева и великихъ князей.

По требованію того времени, смотръ прошелъ блестяще. Государь остался весьма доволенъ какъ ружейными приѣмами, шагистикой, такъ и выправкой войскъ и линейнымъ ученіемъ. Я въ то время былъ молодымъ юнкеромъ,

и потому не могъ быть еще во фронтѣ: Наблюдая издали за эволюціями войскъ, я удивлялся могучему голосу Государя, по командѣ котораго, на разстояніи, по крайней мѣрѣ 2-хъ верстъ: „перемѣна дирекціи на право кругомъ“, зашевелился весь сорокатысячный корпусъ. Въ концѣ смотра послѣдовалъ обычный церемоніальный маршъ. Молодецки проходили одинъ за другимъ дивизіоны развернутымъ фронтомъ, и это продолжалось довольно долго; какъ вдругъ изъ того мѣста, по которому уже прошли многіе дивизіоны, порхнулъ притаившійся заяцъ. Наслѣдникъ-Цесаревичъ, Александръ Николаевичъ, пустился за нимъ въ догонку. Государь, смѣясь, сказалъ: „вотъ чудакъ!“ *) Смотръ продолжался нѣсколько дней, и Государю, по окончаніи ученія, приходилось возвращаться черезъ расположеніе подковъ. Государь въ каждомъ изъ нихъ останавливался, и люди окружали обожаемаго, верховнаго вождя, крича неистово ура! Государь милостиво бесѣдовалъ съ нижними чинами, но въ концѣ просилъ отпустить его, проголодавашагося; и это повторялось въ каждомъ полку.

Трудно описать неподдѣльный восторгъ войскъ и ту ихъ вѣрнопопданнѣйшую любовь къ обожаемому Монарху, воспоминаніе о которомъ и удачномъ смотрѣ долго было предметомъ споровъ и пересудовъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ.

Н. Н. Добровольскій.

*) Императоръ Александръ Николаевичъ, съ раннихъ лѣтъ, любилъ псовую охоту; но воцареніи она служила ему полезнымъ отдохновеніемъ, и лишь въ послѣдніе годы жизни онъ пересталъ ею заниматься, послѣ того, какъ графъ Ферзенъ, изъ зависти къ своему помощнику В. Я. Скарятину, убилъ его на царской охотѣ. Жуковскій, говорилъ, что онъ долго наблюдалъ за Александромъ Николаевичемъ, желая узнать, къ чему именно у него страсть, и однажды на охотѣ замѣтилъ, наконецъ, какъ у него загорѣлись глаза. А. С. Хомяковъ предлагалъ одному художнику написать картину счастья Россіи: царя Теодора Иоанновича, звонящаго къ вечернѣ, Алексѣя Михайловича съ соколомъ въ рукѣ, Елисавету Петровну съ бакаломъ Венгерскаго и Александра Николаевича, стрѣляющаго въ медвѣдя. П. Б.

Объ измѣненіи границъ губерній. Справка изъ прошлаго.

Въ № 42 „Окраинъ Россіи“ (15 Октября сего года) перепечатано изъ „Голоса Москвы“ извѣстіе о томъ, что Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вновь поднять вопросъ о раздѣленіи Херсонской губерніи на двѣ.

Возбужденіе означеннаго вопроса, какъ и предположеніе о перечисленіи двухъ приходоу изъ Выборгской въ С.-Петербургскую губернію, слѣдуетъ считать проявленіями признанной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ неотложности приступить къ измѣненію губернскихъ и уѣздныхъ границъ въ соотвѣтствіе съ цѣлями управленія и нуждами мѣстнаго населенія. На губернатороу, возложена обязанность представить соображенія и карты, могущія послужить матеріаломъ для измѣненія губернскихъ и уѣздныхъ границъ, что вызывало, сочувственныя статьи въ газетахъ „Россія“ и „Новое Время“.

Для интересующихся административнымъ дѣленіемъ Россіи мы считаемъ нелишнимъ сообщить, что возникшее въ 1866 г. предположеніе о раздѣленіи Херсонской губерніи вызвало со стороны тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева, желаніе воспользоваться этимъ случаемъ для измѣненія состава нѣсколькихъ губерній. Вслѣдствіе сего старшему редактору Статистическаго Комитета А. И. Артемьеву и картографу этого Комитета Шиганову поручено было составить, по ближайшимъ указаніямъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателя Статистическаго Совѣта А. Г. Тройницкаго, таблицы и карты съ показаніемъ пространства, границъ и населенности губерній, на которыя предполагалось распространить задуманную мѣру.

Вотъ что писалъ по этому поводу П. А. Валуевъ А. Г. Тройницкому осенью 1866 года.

„Приношу прежде всего благодарность. Видно, что работа была составлена г. Артемьевымъ старательно по вашимъ указаніямъ; но до дальнѣйшихъ сужденій я желалъ бы:

1) общаго вывода результатовъ въ рендантъ къ таблицѣ на стр. 1-ой.

2) Контръ-карты и контръ-выводоу на слѣдующихъ основаніяхъ:

I. Включить въ кругъ соображеній Сѣверозападный край.

II. Витебскую губернію перекроить, отчисливъ къ Псковской губерніи уѣзды Рѣжницкій и Люцинскій и къ Виленской Динабургскій и Дризенскій, прибавивъ отъ Могилевской два сѣверные.

III. Придать къ Виленской губерніи Новоалександровскій уѣздъ Ковенской.

IV. Ковенскую губернію отчислить къ Прибалтійскому генералъ-губернаторству.

V. Къ Могилевской губерніи придать два уѣзда губерніи Черниговской, Суражскій и Мглинскій.

VI. Къ Черниговской губерніи придать Рѣчицкій отъ Минской.

VII. Къ Кіевской-Остерекій (Черниговской) и Переяславскій (Полтавской) и Житомирскій и Овручскій (Волинской).

VIII. Не измѣнять состава Таврической.

IX. Херсонскую, обративъ въ Одесскую, образовать изъ ея южныхъ уѣздовъ, съ придачею семи южныхъ Подольской.

Такимъ образомъ образуется всего одна новая и упраздняется одна же прежняя губернія. Расходы сберегаются“.

Съ своей стороны А. Г. Тройницкій писалъ А. И. Артемьеву. 6 Сентября 1866 г.

„По порученію министра спѣшу возвратить вамъ обѣ карты и таблицы. Петръ Александровичъ, по причинамъ, которыя онъ уже прежде мнѣ сообщалъ и которыя я передавалъ вамъ, настаиваетъ на *своемъ* раздѣленіи. Онъ согласенъ только, для уменьшенія огромности (по населенію) будущей Староконстантиновской губерніи отчислить отъ нея два послѣдніе уѣзда и причислить ихъ къ будущей Одесской, что я и назначилъ на вашей таблицѣ. При послѣдней же губерніи остается и Винницкій уѣздъ, а не Липовецкій (на вашей картѣ тутъ была ошибка).

Затѣмъ г. министръ покорнѣйше просить васъ поручить г. картографу немедленно нанести на два экземпляра поуѣздной же карты красками:

На одномъ—*нынѣшнее* раздѣленіе губерній.

На другомъ—предполагаемое, по списку, одобренному министромъ.

Обѣ эти карты онъ просить васъ прислать ко мнѣ не позже 5-ти часовъ сегодня, что совершенно необходимо.

Если бы къ тому же времени могъ быть переписанъ одобренный министромъ, по моему исправленію, списокъ предполагаемаго распредѣленія, то это было бы большимъ одолженіемъ“.

и б) 8 того же Сентября „По порученію г. министра покорнѣйше прошу васъ захватить ко мнѣ на дачу завтра, по утру, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, и захватить съ собою проектную карту въ маломъ размѣрѣ раздѣленія губерній (по плану министра), съ числовыми къ ней данными). Считаю нужнымъ предварить, что перемѣнъ въ раздѣленіи губерній, о которомъ условлено, не предполагается; но г. министру желательнѣе особою чертою означить на картѣ возможность одной кодификаціи, которой могутъ потребовать нѣкоторыя личныя (увы!) соображенія. Докладъ министра у Государя будетъ, вѣроятно, во Вторникъ утромъ, и потому крѣпко нужно, чтобы карты были готовы въ Понедѣльникъ вечеромъ, или хоть поздно въ ночь“.

Въ концѣ 1866 г. въ „Сѣверной Пчелѣ“ помѣщено было сообщеніе, что, по „высочайшему повелѣнію, предположеніе о раздѣленіи Херсонской губерніи оставлено безъ послѣдствій“.

Изъ воспоминаній объ эмиръ Бухарскомъ Сейдъ-Абдуль-Ахадъ-Ханъ.

Представителемъ отъ Бухары на коронацію Государя Императора Александра III-го въ Москву ѣздилъ, недавно скончавшійся эмиръ Ахадъ-ханъ, второй сынъ тогдашняго владыки Бухары, эмира Музафара. Въ 1883 году Ахаръ-Ханъ былъ простой бекъ (губернаторъ) въ г. Керминэ; не носилъ онъ и титула „тюря-джана“ (наслѣдника престола); а былъ „его-высокостепенство“. Рангъ сей, данный эмиру генераломъ Черныевымъ еще въ 1865 году, почему-то пришелся послѣднему очень по вкусу и цѣнился куда больше, чѣмъ всякіе цвѣтистыя восточныя титулы въ родѣ „царя-царей“ и пр. Титулъ же „тюря-джана“ Агадъ-Ханъ получилъ уже во дни коронаціи въ Москвѣ, устраниа такимъ образомъ отъ Бухарскаго престола своего старшаго брата, Катты-Тюря, который тогда былъ главой національной Каршинской (по имени города Карши) Старо-Бухарской партіи.

Маршрутъ Ахадъ-Хана назначенъ былъ на Самаркандъ, Ташкентъ и Оренбургъ. Отъ нашихъ пословъ (свиты генераль-маіора, свѣтлѣйшаго князя Зайнъ-Витгенштейнъ-фонъ-Берлебургъ и извѣстнаго писателя подполковника В. В. Крестовскаго¹⁾), незадолго до этого возвратившихся изъ Бухары, было извѣстно, что Ахадъ-Ханъ большой любитель всего касающагося до военнаго дѣла: въ Бухарѣ онъ особенно интересовался посольскимъ конвоемъ изъ Уральскихъ казаковъ. Поэтому, въ виду предписанія свыше объ оказаніи высокому гостю подобающихъ сану его почестей, къ пріѣзду Ахадъ-Хана былъ назначенъ парадъ войскамъ Ташкентскаго гарнизона. А показать было что: 4-й стрѣлковый и 12-ти линейный баталіоны даже среди справедливо прославѣнныхъ Туркестантскихъ войскъ были, такъ сказать, внѣ конкурса. Не даромъ пріѣзжавшій въ Ташкентъ Французскій военный агентъ, баронъ-де Сермэ пришелъ въ неописанный восторгъ отъ этихъ частей, показанныхъ къ тому же ему безъ всякихъ парадовъ и „репетичекъ“. Подъ сѣдло Ахадъ-Хана нужна была лошадь специально подготовленная, такъ какъ въ тѣ отдаленныя времена на Востокъ высокимъ особамъ ѣздить въ коляскахъ еще не полагалось. Нужно замѣтить, что хотя Ахадъ-Ханъ и былъ отличнымъ ѣздокомъ и любителемъ „кокъ-бури“²⁾, Русское названіе игры „дранье козла“, но какъ

¹⁾ Которые ѣздили главнымъ образомъ по вопросу проведенія телеграфа въ Бухарскія владѣнія. Телеграфа они, положимъ, и не провели, а плодомъ поѣздки было „Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго“, сочиненіе Крестовскаго.

²⁾ Кокъ-бури—весьма распространенная игра на Востокѣ, въ родѣ поло, но гораздо лишь головоломнѣе.

страдавшій риштой¹⁾, ѣздить верхомъ могъ лишь съ величайшей осторожностью, а при такихъ условіяхъ подь его сѣдло требовалась лошадь идеально покойная, не боявшаяся ни войскъ, ни барабановъ, ни музыки. Самъ Ярымъ-Падишахъ, т. е. Туркестантскій генераль-губернаторъ М. Г. Черняевъ, въ то время находился на Аму-Дарьѣ. Временно исправлявшій за него должность генераль Михайловскій (начальникъ артиллеріи Туркестанскаго округа), забочиваясь подготовкой подходящей лошади, обратился, какъ къ кавалеристу, къ генералу Новицкому (начальнику окружного штаба) съ просьбой назначить кого-нибудь въ видѣ берейтора для выѣздки коня. Таковой нашелся въ лицѣ поручика А, состоявшаго въ распоряженіи Туркестанскаго генераль-губернатора. Поручикъ А, бывшій вахмистръ берейторской школы²⁾, прямой артистъ въ ѣздѣ, какъ истый кавалеристъ, на предложеніе генерала Новицскаго, съ удовольствіемъ согласился, и для того, чтобы пріучить лошадь не бояться военного строя, частно отъ него же получилъ разрѣшеніе вызывать изъ караульнаго помѣщенія унтеръ-офицерскій караулъ, ежедневно наряжаемый ко дворцу генерала-губернатора. Я хорошо помню этого коня: костистый, могучаго склада, темно-гнѣдой Киргизъ-ауліэтинецъ, подь названіемъ „Тюря“. Онъ былъ дивно хорошъ подь расшитой парчевой, золотой попоной и въ бирюзовой уздечкѣ, украшенной амулетами. Подьѣздка Тюри дорого обошлась поручику А, о чемъ (я склоненъ думать) Ахадъ-Ханъ такъ и не узналъ. Поручикъ А ежедневно садился на Тюря, вызывалъ въ ружье караулъ, и въ нѣсколько дней обратилъ коня въ смирную овечку. Чуть-ли не наканунѣ пріѣзда его высокостепенства, поручикъ А сѣвъ на Тюря, послалъ своего вѣстового съ приказаніемъ вывести дворцовый караулъ на дворъ. Караулъ, бывшій въ этотъ день отъ баталіона, до нельзя избалованный постоянными похвалами начальниковъ всѣхъ степеней, выстроился. Поручикъ А, подьѣзжая къ фронту, обративъ вниманіе на какъ-то особенно заломленную фуражку караульнаго начальника, спросилъ его: „какъ у тебя надѣта фуражка?“ и получилъ въ отвѣтъ: „у насъ въ баталіонѣ всѣ такъ носятъ“, хотя на всѣхъ остальныхъ чинахъ караула головные уборы были надѣты самымъ обыкновеннымъ образомъ. Выпилъ

¹⁾ Ришта, это родъ гвинейскаго червя, причиняющая крайне мучительную болѣзнь. Ея зародыши попадаютъ во внутренность человѣка съ водой. Въ Бухарѣ вода имѣлась лишь въ прудахъ, по мѣстному хаузы; вода въ нихъ застаивалась, гнила и дѣлалась очагомъ для зародышей ришты.

²⁾ Учрежденія, къ сожалѣнію давно упраздненнаго. Въ этой школѣ безъ всякихъ Филисовъ дѣлали дѣйствительно чудеса въ выѣздѣ лошадей, чему мы, старики-кавалеристы, были свидѣтели, хотя-бы по тѣмъ лошадямъ, на которыхъ изволилъ ѣздить въ Бозѣ почивающій Государь Александръ II-й.

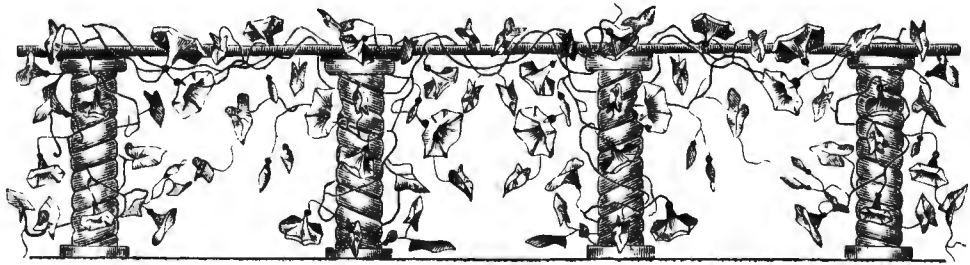
ли этотъ унтеръ—офицеръ, или такъ ужъ отъ природы былъ дерзокъ, (кто его знаетъ), но, конечно, получивъ такой отвѣтъ, А разсердился, назвалъ унтера болваномъ, прибавивъ, что онъ вѣроятно пьянъ, если позволяетъ себѣ такъ отвѣчать офицеру. Тѣмъ дѣло и кончилось, вѣрнѣе началось. Ахадъ-Ханъ прелюбополучно на прекрасно выѣзжанномъ Тюря, отбывъ смотръ, уѣхалъ черезъ Казаминскъ въ Россію; поручикъ же А вскорѣ былъ вызванъ къ генералу Новицкому, который показалъ ему рапортъ, гдѣ по командѣ доносилось, что поручикъ А, вызвавъ, не имѣя на то права по уставу, карауль, таковой оскорбилъ, назвавъ его пьянымъ и проч. Генералъ Новицкій (давно уже скончавшійся великій крикунъ и горячка, но въ тоже время добрейшій человекъ), посоветовалъ А, чтобы замять дѣло, съѣздить лично къ командиру баталіона (впослѣдствіи знаменитому полковнику Ц). А поѣхалъ; былъ прелюбезно принятъ и узналъ отъ Ц, что вся исторія не болѣе какъ простое недоразумѣніе, все-де сейчасъ закончится, но только пусть А переговоритъ лично съ обиженнымъ и съ нимъ столкнется. Чтобы не подымать исторіи, А и готовъ былъ извиниться передъ Ц, какъ командиромъ якобы обиженной части, но переговариваться съ солдатомъ считалъ совершенно не совмѣстимымъ со своимъ офицерскимъ достоинствомъ, тѣмъ болѣе, что, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, за все это могла грозить какая-нибудь недѣля на гауптвахтѣ. (Надо замѣтить, что вся эта исторія была раздута лишь для того, чтобы насолить М. Г. Черняеву). Послѣ отказа рапорту данъ былъ ходъ, и А угодилъ подъ судъ, въ тѣ времена въ Туркестанскомъ краѣ еще аудиторскій. Хотя генералъ Черняевъ, вернувшись изъ Россіи въ Ташкентъ, ознакомившись подробно съ дѣломъ, и вступился за А, но было уже поздно. Въ концѣ-концевъ и то послѣ всякихъ снисхожденій, поручикъ А, за удачную выѣздку коня подъ сѣдло будущаго Бухарскаго эмира, отсидѣлъ мѣсяцевъ восемь въ крѣпости!

Ты утро похвали какъ вечеръ уже настанеть.

Безсмертный.

Арзамасскій уѣздъ. 1911 годъ.

ЛОМОНОСОВЪ, КАКЪ ИСТОРИКЪ.

За то терплю, что старался *защитить трудъ Петра Великаго*, чтобъ выучились Россіяне, чтобъ показали свое достоинство. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣють (изъ посмертныхъ бумагъ Ломоносова).

„Отецъ Русской науки и литературы“, Михайла Васильевичъ Ломоносовъ, можно сказать, былъ историкомъ въ теченіе всей своей свыше 25-лѣтней академической дѣятельности. Написаніе Русской исторіи онъ считалъ главною задачею, первымъ требованіемъ, которое должно быть предъявлено членамъ Академіи Наукъ: „не описаны еще *дѣла моихъ предковъ* и не воспѣта по достоинству *Петра Великаго слава*“, говоритъ Л. отъ лица императрицы Елисаветы въ своемъ Похвальномъ словѣ. Ломоносовъ „былъ историкъ въ своихъ одахъ“, если на оду смотрѣть со стороны ея содержанія, какъ на газетную статью, брошюру или книгу, и занялъ видное мѣсто въ числѣ писателей Русской исторіи XVIII вѣка.

Уже въ первой одѣ Ломоносова, тогда еще Марбургскаго студента, въ знаменитой одѣ на взятіе Хотина (1739 г.), въ *виднѣи*, находится сопоставленіе, основанное на изученіи Русской исторіи: здѣсь сопоставлены Петръ Великій и Іоаннъ Грозный, т. е. Древняя и Новая Россія, правильно указаны цѣль Русскихъ войнъ (борьба съ Азіатскимъ варварствомъ и хищничествомъ) и ихъ слѣдствіе:

Казакскихъ полъ Заднѣстрскій тать
Разбить, прогнать, какъ прахъ развѣять...

Сынъ преобразовательной эпохи, Л. является горячимъ *поклонникомъ Петра Великаго*:

Онъ богъ, онъ *богъ твой* былъ, Россія!

Воскликаетъ Л. въ одѣ на тезоименитство в. кн. Петра Ѳеодоровича (1743 г.). Въ одахъ на разные случаи въ лицѣ императрицы Елисаветы, в. кн. Петра Ѳеодоровича Л-въ воспѣваетъ „тщерь Петрову“, „внука Петрова“, „Петровъ и Аннинъ плодъ“. Въ одѣ на бракосочетаніе великаго князя (1745 г.) Л-ва останавливаетъ даже повтореніе дорогихъ для него именъ:

Се пакы Петръ съ Екатериной
Веселья общаго причиной...

Въ одѣ на рожденіе в. кн. Павла Петровича (1754 г.) Л-въ намѣчаетъ *внѣшнюю дѣятельность* Россіи: въ то время какъ противъ Западной Европы война можетъ быть только оборонительная, варварскія страны Востока и Юга, гдѣ Россію „вокругъ облежь драконъ ужасный“, должны подчиниться ея цивилизующему вліянію; весь свѣтъ чудовища страшится, только „Россійскій Геркулесъ“

Возставитъ вольность многихъ странъ.

Въ этой же одѣ Л-въ обращается къ прошедшему и устанавливаетъ *историческую связь* событій:

Уже младого *Михаила*
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву поднять...
Сармать съ свирѣпостью своею
Трофеи отдалъ *Алексию*,
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новый флотъ готовилъ въ море;
Но все то Богъ *Петру* судилъ...

И послѣдующія событія Русской исторіи (переворотъ 28 Іюня 1762 г., судьба императора Петра III) нашли себѣ отраженіе въ одахъ Л-ва. Между прочимъ, Л-въ дважды говоритъ о *презрѣніи* къ Русскимъ подданнымъ; даже Петръ Великій въ гробу терпитъ „несносну рану“ отъ неслыханнаго на свѣтѣ поступка—

Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ—

разумѣется усилившееся при Петрѣ III вліяніе побѣжденнаго Пруссаго короля.

Ломоносовъ—„это *стихотворецъ* въку блаженныя памяти *Елисаветы*“ (Порошинъ). Можно сказать, что всѣ главнѣйшія внѣшнія и внутреннія событія царствованія Елисаветы Петровны нашли себѣ откликъ въ одахъ Л-ва.

Въ одѣ на прибытіе императрицы Елисаветы изъ Москвы въ Петербургъ послѣ коронаціи (1742 г.) Л-въ говоритъ по поводу происходившей тогда побѣдоносной войны съ *Швеціей*, которая началось подъ вліяніемъ Франціи:

Стокгольмъ, глубокимъ сномъ покрытый,
 Проснись, познай Петрову кровь;
 Не жди льстецовъ своихъ защиты,
 Отринь коварну ихъ любовь...
 Цѣлуй *Елисаветинъ мечъ*,
 Чтò ты принудилъ самъ извлечь.
 Свою *Полтавску* вспомни *рану*...
 Народы, нынѣ научитесь,
 Смотри на *страшну гордыхъ казнъ*,
 Союзы разрушать блюдитесь,
 Храните искренню пріязнь.

Въ одѣ на день восшествія на престолъ Елисаветы (1746 г.) Л-въ говоритъ, что вся Европа, въ которой шла тогда между Австріей и Пруссіей борьба за „*Австрійское наслѣдство*“, ожидаетъ отъ Русской императрицы возстановленія мира:

Отъ той Европа ожидаетъ.
 Чтòбъ въ ней возставленъ былъ *покой*.

Въ 1747 г., по поводу переговоровъ канцлера Бестужева-Рюмина о посылкѣ Русскаго войска на помощь морскимъ державамъ, чтò могло бы завести Россію въ „опасныя дальности“ (какъ тогда говорили), Л-въ написалъ свою извѣстную оду на день восшествія на престолъ, въ которой прославляетъ *миръ* и его главный плодъ—*процвѣтаніе наукъ*:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
 Возлюбленная *тишина*,
 Блаженство сель, градовъ отрада,
 Коль ты полезна и красна!..
 Дерзайте нынѣ ободренны
 Раченьемъ вашимъ показать,
 Что можетъ собственныхъ *Платоновъ*
 И быстрыхъ разумомъ *Ньютоновъ*
 Россійская земля рождать.

Заканчивается ода соотвѣтственно тогдашнимъ обстоятельствамъ, т. е. ожиданію войны:

Всевышній на того помощникъ,
 Кто гордостью своей дерзнетъ,
 Завида нашему покою,
 Противъ тебя возтатъ войною.

Въ 1748 г., въ надписи на иллюминацію 5 Сентября (день именинъ императрицы) и въ одѣ на восшествіе на престолъ, Л-въ прославилъ *заключеніе мира* въ Европѣ (Ахенскій миръ), происшедшее не безъ участія Россіи:

Воюеть воинство твое противъ войны,
Оружіе твое *Европѣ миръ* приводитъ (изъ надписи).
И мечъ твой, лаврами повитый,
Не обажень, войну пресеѣтъ (изъ оды).

Въ 1757 г., въ одѣ на день рожденія в. кн. Анны Петровны, Л-въ говоритъ о борьбѣ двухъ *союзныхъ императрицъ*, Елисаветы и Маріи Терезіи, противъ Фридриха II, который

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ повергнуть тщится узы,
Желаніе чужихъ державъ...
О ты, *союзна героиня*,
И сродна съ нашею богиня!...

Л-въ является *глашатаемъ успѣховъ* Русскаго оружія въ этой такъ наз. „*Семилѣтней войнѣ*“ (побѣды П. С. Салтыкова при Пальцигѣ и Кунерсдорфѣ въ 1758 г.):

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, *Фридерикъ*,
Прогванный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты великъ?...
О, честь Россійскаго народа,
Въ дни наши *воиновъ примѣръ*,
Что силой перваго похода,
Деукратно супостатовъ стеръ.

Но и послѣ побѣдъ Елисавета молитъ Бога мира о *мирѣ*:

О Боже, мира Богъ, возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
По имени Петровой тщери
Военни запечатай двери...

Таже мысль о *превосходствѣ мира* передъ войною высказана и въ послѣдней одѣ Л-ва „тщери Петровой“, которая

... въ сердцѣ держитъ сей совѣтъ:
Размножить миромъ нашу славу,
И выше чѣмъ военный звукъ,
Поставитъ красоту наукъ.

Главнѣйшія *внутреннія событія* царствованія Елизаветы также нашли себѣ отраженіе въ одахъ Л-ва. Въ одѣ на день рожденія Е-ты (въ концѣ 1746 г.) Л-въ возвѣстилъ, что нѣтъ болѣе *смертной казни*:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.

Въ надписи на иллюминацію (5 Сент. 1754 г.) Л-въ сообщаетъ объ уничтоженіи *внутреннихъ таможенъ* и о заботахъ по Уложенію:

И *алмы мытари* внутрь торгу не смущаютъ:
Сталь тѣсенъ въ злобѣ путь коварнымъ въ *судахъ*.

И въ послѣдней одѣ Е-тѣ Л-въ говоритъ о запрещеніи *смертной казни*:

На отеческій престоль всхожу
Спасти отъ злобы угнетенныхъ,
И щедрой властью покажу
Свой родъ, *умножу прощенныхъ*.
Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ *смертной казни* ночь.
Владѣть хочу зефира тише...

Ломоносовъ занялъ видное мѣсто въ числѣ писателей Русской исторіи XVIII вѣка.

При отсутствіи раздѣленія научныхъ занятій, „адъюнктъ физическаго класса“, а затѣмъ „профессоръ химіи“ (съ 1745 г.), Ломоносовъ, какъ первый талантъ Академіи Наукъ, долженъ былъ заняться и написаніемъ Русской исторіи.

Въ XVIII в. историческая наука и на Западѣ была еще только въ зародышѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи. Изъ рапортовъ Л-ва отъ 1751—1753 гг. видно, какого труднаго труда требовала *подготовка* „для собиранія матерій для сочиненія Русской исторіи“, какъ много книгъ приходилось читать и дѣлать изъ нихъ многочисленные „эксцепты“ или выписи. При этомъ трудъ Л-ва былъ *срочный* и сопровождался *другими занятіями* его профессіи и должности: Ломоносовъ, по его собственнымъ словамъ, читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публичныя рѣчи и диссертациі, сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ проявленіямъ радости, составляетъ правила краснорѣчія на своемъ языкѣ и *исторію своего отечества* и долженъ еще *на срокъ поставить*“ (изъ письма къ И. И. Шувалову, Май 1753 г.).

Понятія Ломоносова о *задачъ Русской исторіи* видны изъ другого письма его къ Шувалову (въ нач. 1755 г.): „Я бы отъ всего сердца же-

далъ имѣть такія силы, чтобы оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло *охоту всѣхъ* удовлетворить... Коль великимъ счастіемъ я себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностью *древность Россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ Государей* свѣту откроются“. Ломоносовъ, можно сказать, весь отдался труду „на собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова“; отдыхомъ для него служили „физическіе и химическіе опыты, которые могутъ принести *честь и пользу отечеству*“.

Результатомъ свыше десяти-лѣтнихъ трудовъ Л-ва явились: Краткій учебникъ Россійской исторіи и *Древняя Россійская исторія*, доведенная до смерти Ярослава I, изданіемъ которой съ 1763 г. занялась Академія Наукъ.

Во „Вступленіи“ Л-въ высказываетъ *взглядъ на исторію* со стороны искусства, т. е. съ чисто-литературной (художественной) точки зрѣнія и является „отцомъ литературнаго направленія въ исторіи“, которое держалось долго и послѣ него (Карамзинъ). „Всякъ, говоритъ Л-въ, кто увидитъ въ Россійскихъ преданіяхъ *равныя дѣла и героевъ Грецкимъ и Римскимъ подобныя*, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только вину полагать должно на бывшій нашъ *недостатокъ въ искусствѣ*, каковымъ Грецкіе и Латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности“. Въмѣсто исторической системы, каковой по тому времени и не могло быть, Л-въ удовольствовался „нѣкоторымъ *общиимъ подобіемъ* въ порядкѣ *дѣланій Россійскихъ съ Римскими*“, въ которомъ находитъ „владѣніе первыхъ королей соответствующее числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ Великихъ Князей Россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные города...; потомъ единоначальство Кесарей представляетъ согласнымъ самодержавству Государей Московскихъ?“

Историческій трудъ Ломоносова дѣлится на двѣ половины. Въ изслѣдованіи *о древностяхъ*, въ рѣшеніи нѣкоторыхъ частныхъ, подготовительныхъ вопросовъ видна ясность мысли, блеститъ во всей силѣ великій талантъ Л-ва, и нѣкоторыя заключенія его наука повторяетъ до нашихъ дней. Таковы, наприм., вопросы „о единородствѣ Славянъ съ Сарматами, Чуди со Скиѣтами“, „о составленіи народовъ“, т. е. о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію („Ни о единомъ языкѣ утверждать невозможно, чтобы онъ сначала стоялъ самъ собою, безъ всякаго примѣшенія“), „о дальней давности Славенскаго народа“ — мнѣніе, повторенное впоследствии Шафарикомъ. Въ столь животрепещущемъ

тогда вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси, въ противоположность Норманнской теоріи Нѣмцевъ Байера, Миллера и др., Ломоносовъ высказалъ мысль о Прусскомъ (Славянскомъ) происхожденіи Варяговъ и о самобытности Руси онъ является главою т. н. *Славянской школы*.

Полную противоположность представляетъ вторая половина историческаго труда Ломоносова, собственно *изложеніе событій* или повѣствованіе, которое представляетъ собою не что иное, какъ сухой, безжизненный, чисто отвлеченный „риторическій перифразъ лѣтописныхъ событій“. Таковы рассказы о призваніи Варяговъ, о мщеніи Ольги со вставками словъ и выраженій, не находящихся въ лѣтописи, съ наивною критикою по поводу „оплошности“ Древлянъ; Владимиръ Св. сравнивается съ Римскимъ царемъ Нумою и т. п.

Къ сказанному добавимъ, что Ломоносовъ во все время своей службы въ Академіи завѣдывалъ „*Географическимъ департаментомъ*“. Заботами Ломоносова составлялся „Новый Россійскій атласъ“, сочинено „9 Россійскихъ ландкартъ“, производилась „топографія городовъ“, „реестры душъ“ (т. е. статистика населенія). По ходатайству Л-ва передъ Сенатомъ, были разосланы по всемъ губерніямъ составленные имъ „Вопросы для собранія географическихъ извѣстій о Россіи“. Онъ предлагалъ также снять копии старинной иконописи и фресокъ. Въ одномъ изъ сохранившихся писемъ къ Шувалову находится разсужденіе Л-ва „о размноженіи и сохраненіи Россійскаго народа“—вопросъ, занимавшій тогда многихъ государственныхъ дѣятелей. Въ 1759 г. Л-въ написалъ „Разсужденіе о большей точности морскаго пути“. 20 Сент. 1763 г. (въ день рожденія в. кн. Павла Петровича) Л-въ прочелъ „Краткое описаніе разныхъ путешествій по Сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сѣвернымъ океаномъ въ Восточную Индію“ Мысль о *сѣверномъ пути* въ Восточный океанъ находится въ одѣ Петру III:

Тамъ мерзлыми шумитъ крылами
 Отецъ пустыхъ снѣговъ—Борей
 И отворяетъ *ходъ межъ льдами*,
 Давъ волѣ *путь въ Востокъ* твоей,
 Чтобъ *Хины, Инды и Японы*
 Подверглись подъ твои законы.

И въ поэмѣ „Петръ Великій“ заключается таже *пророческая мысль* о будущемъ значеніи роднаго Ломоносову Сѣвернаго моря:

Какая похвала Россійскому народу
 Судьбой дана *пройти покрыту льдами воду!*

*Колумби Русскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межь льдами новый путь отворятъ на Востокъ,
И наша достигнетъ въ Америку держава.*

Въ началѣ 1765 г. Сенатъ слушалъ донесеніе Ломоносова о томъ, что мозаическая картина *Полтавской баталіи* готова и выдать ему затраченные 999 рублей. Это *последнее извѣстіе* о Ломоносовѣ. 4-го апрѣля 1765 г., въ Понедѣльникъ на Св. Пасхѣ, Ломоносовъ скончался. Густая толпа народа проводила гробъ его въ Александро-Невскую лавру.

А. П. К.

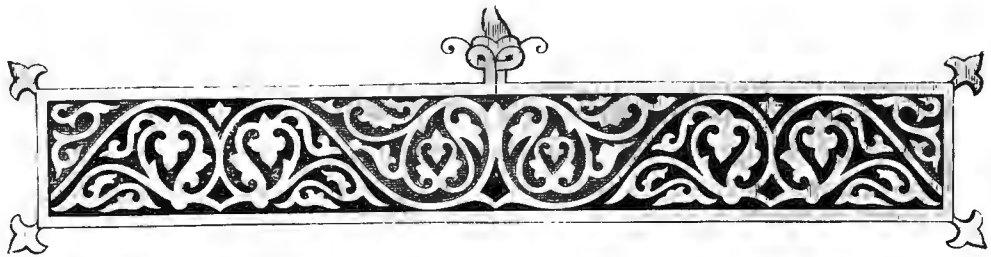
*

Ломоносовъ послѣдніе годы свои прожилъ въ довольствѣ и почетѣ. Чинъ статскаго совѣтника въ то время еще былъ на рѣдкость. Государыня не одинъ разъ навѣщала его въ Б. Морской въ его домѣ (гдѣ въ наши дни былъ магазинъ Крумбюгеля). Никогда, ни прежде ни долго послѣ, никто изъ Русскихъ государей не оказывалъ такой чести дѣятелю науки и Русскаго слова. Съ Екатериною былъ у Ломоносова и графъ Г. Г. Орловъ. По кончинѣ Ломоносова, онъ приобрѣлъ его, находившіяся въ Петербургѣ, бумаги. Гдѣ онъ теперь? Орловы не такіе были люди, чтобы, заплативъ за что-либо деньги, не сберечь купленнаго. Вся движимость этихъ питерскихъ Екатерининскихъ Орловыхъ должна находиться въ селѣ Отрадѣ Московской губерніи Серпуховскаго уѣзда, владѣніи старшаго изъ наслѣдниковъ графа Владимира Григорьевича. Это графъ Орловъ-Давыдовъ, по болѣзни своей находящейся подъ опекою. По приказанію гг. опекуновъ сдѣланы были справки, но писемъ Ломоносова не нашлось, а бумаги еще не разысканы.

Памятникъ Ломоносову въ Невской лаврѣ поставленъ канцлеромъ графомъ М. Л. Воронцовымъ, коего внучатый племянникъ князь М. С. Воронцовъ въ 1832 году возобновилъ этотъ памятникъ (въ походахъ своихъ онъ возилъ съ собою книгу стиховъ Ломоносова). Съ тѣхъ поръ памятникъ обвѣтшалъ, и его возобновилъ прямой (по женской линіи) потомокъ Ломоносова, графъ Г. И. Ностицъ, скромно обозначившій себя на памятникѣ начальными буквами своего имени. Ему подобаешь называться графомъ Ломоносовымъ-Ностицомъ.

Потомки Ломоносова женскаго пола суть: дѣвица Елисавета Николаевна Орлова и сестра ея Екатерина Николаевна Котляревская. Онѣ унаслѣдовали имѣніе Петергофскаго уѣзда Усть-Рудицы, гдѣ великій ихъ предокъ занимался мозаичнымъ дѣломъ. Мозаичная икона Бога Саваоа, работы Ломоносова, находится въ главной залѣ Московскаго Университета. Не знаемъ, кому принадлежитъ теперь прекрасно исполненный Ломоносовымъ портретъ канцлера графа Михаила Ларионовича; мы нѣкогда любовались этимъ портретомъ у князя С. М. Воронцова. П. Б.

Изъ воспоминаній генераль-адъютанта адмирала Д. С. Арсеньева.

1876—1878.

Жизнь великихъ князей Сергія и Павла Александровичей въ Ливадіи, въ эту осень, была гораздо менѣе оживленною и менѣе пріятною, чѣмъ въ предыдущіе годы, и это происходило вслѣдствіе отсутствія ихъ сестры Маріи Александровны и отчасти отъ моего. Хотя великіе князья очень любили г-на Лакоста, но для Сергія Александровича большимъ ресурсомъ было пребываніе въ эту осень, на южномъ берегу Крыма, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, извѣстнаго археолога и знатока Русскихъ и Крымскихъ древностей. Графъ Уваровъ съ молодю подружился съ Лакостомъ, который былъ секретаремъ и домашнимъ человѣкомъ у его отца, прежняго министра Народнаго Просвѣщенія. И теперь въ Ливадіи, чрезъ Лакоста, Сергій Александровичъ познакомился и сошелся съ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ. Еще въ дѣтствѣ Сергій Александровичъ всегда интересовался историческими древностями и любилъ дѣлать раскопки. Даже во время одного изъ нашихъ пребываній въ Крыму (кажется, въ 1870 г.) мы съ нимъ и Павломъ Александровичемъ ѣздили на раскопки въ Херсонескій монастырь и потомъ провели два дня въ Георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ они вздумали произвести раскопки на мысу, на которомъ находился храмъ Діаны, связанный съ исторіей Ифигеніи; но, къ сожалѣнію, тогда, проработавъ два дня, мы не нашли ни малѣйшихъ остатковъ храма. Въ 1876 году великій князь ѣздилъ съ графомъ Уваровымъ нѣсколько разъ на раскопки, которыя были гораздо удачнѣе нашихъ раскопокъ и поисковъ храма Діаны. Графъ Уваровъ сопровождалъ (по моему предложенію) великихъ князей Сергія и Павла Александровичей во время ихъ путешествія по Россіи (въ 1878-мъ году), и великіе князья однажды провели у графа и графини Уваровыхъ нѣсколько очень пріятныхъ дней въ имѣніи графа „Порпиче“.

Императрица возвратилась изъ Англии въ Петербургъ только 22-го Ноября, и, до возвращенія ея, великіе князья снова начали проводить у насъ значительную часть дня, очень часто обѣдали и почти каждый вечеръ навѣщали насъ. Мы часто приглашали на обѣдъ и вечеръ гостей, что было имъ не только пріятнымъ развлеченіемъ, но и хорошею школою для свѣтскаго обращенія и знакомства съ обществомъ, въ которомъ предстояло имъ обращаться. Хотя они и видѣли постоянно у своихъ родителей многихъ частныхъ лицъ, но, въ присутствіи Государя и Императрицы, они узнавали людей не такъ, какъ у насъ. То поклоненіе, которое постоянно выказывалось всѣми Государю и Императрицѣ, а со стороны нѣкоторыхъ и та, скрытая подъ видомъ доброты и ласковости къ дѣтямъ, *лесть*, не могли бы ихъ научить должному обращенію съ людьми въ свѣтѣ, а напротивъ, видя людей только у Ихъ Величествъ, они бы привыкнули считать себя какими-то особыми существами, полубогами, что и бываетъ не рѣдко съ принцами; но въ частномъ домѣ и обществѣ, хотя конечно всѣ обращались съ ними не забывая ихъ сана, великіе князья привыкали держаться со всѣми равноправія, хоть бы и наружнаго (ибо въ душѣ великіе князья не могли не сознавать особенности своего положенія). Эта практика равноправнаго общенія съ людьми была великимъ князьямъ очень полезна. И такъ какъ эти посѣщенія нашего дома были имъ пріятны, то они стали любить общество, и общество, знакомясь съ ними, стало находить ихъ благовоспитанными и полюбило ихъ.

Теперь, съ пріѣздомъ великихъ князей въ Петербургъ, возобновились и ихъ учебныя занятія. Сергій Александровичъ началъ курсъ высшаго образованія, который долженъ былъ закончиться къ его совершеннолѣтію, т. е. къ наступленію 20-ти лѣтняго возраста. Науки этого курса конечно вводились не всѣ разомъ. Не буду здѣсь описывать его въ подробности и послѣдовательномъ порядкѣ, но только изчислю ихъ. Энциклопедія права читалась ему Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ, котораго Сергій Александровичъ зналъ съ дѣтства, полюбилъ, всегда наслаждаясь его умными бесѣдами. Государственное право было поручено профессору Ивану Ефимовичу Андреевскому; Русское законодательство профессору Николаю Степановичу Таганцеву; Политическая Экономія Владимиру Павловичу Безобразову, котораго оба великіе князья полюбили и который сдѣлался имъ близкимъ человѣкомъ, чѣмъ и остался до конца своей жизни, Русскую исторію преподавалъ обоимъ князьямъ профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, а зимою 1876 года извѣстный Соловьевъ, который и былъ выписанъ для этого на всю зиму изъ Москвы, Русскую литературу читалъ профессоръ Орестъ Фодоровичъ

Миллеръ, Французскую литературу г-нъ Лакостъ, Англійскую г-нъ Мечинъ и Нѣмецкую Кирхнеръ. Что же касается курса военныхъ наукъ, тактику и стратегію читали генералы Генрихъ Антоновичъ Лееръ и Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, военную статистику генераль Павель Львовичъ Лобко (въ послѣдствіи государственный контролеръ), фортификацію профессоръ генераль Кюи и артиллерію генераль Ник. Аван. Демьяненко. Великій князь Сергій Александровичъ интересовался всѣми этими науками и занимался очень добросовѣстно; но любимую его наукою была исторія. Павель Александровичъ еще продолжалъ свой общеобразовательный курсъ и учился всегда прилежно; но по окончаніи этого курса, такъ какъ онъ обнаруживалъ особенный интересъ къ военной службѣ, было рѣшено дать ему высшее образованіе преимущественно *военное*, ограничиваясь въ государственныхъ наукахъ необходимымъ съ ними знакомствомъ. Преподаватели военныхъ наукъ были въ послѣдствіи избраны тѣже что и для Сергія Александровича, и, въ 1879 году, осенью, передъ наступленіемъ своего совершеннолѣтія, Павель Александровичъ очень хорошо выдержалъ экзамень, положенный для поступленія въ Академію Генеральнаго Штаба.

Зима 1875—1876 года прошла для насъ мирно и благополучно, и въ Россіи все еще было спокойно. Но съ начала 1876 года начались волненія въ Сербіи и Болгаріи, и вслѣдъ за тѣмъ война между Сербіей и Турціей, которая наконецъ была остановлена по нашему настоянію и нашими угрозами Турціи. Однако волненіе на Балканскомъ полуостровѣ не только не остановилось, но развивалось болѣе и болѣе. Множество Русскихъ добровольцевъ, съ генераломъ Черняевымъ во главѣ, отправилось въ Сербію. Общественное мнѣніе въ Россіи заволновалось; печать ратовала за братьевъ Славянъ, томящихся подъ Турецкимъ игомъ и требовала отъ правительства войны за ихъ освобожденіе. Возбужденіе за Славянъ мало по малу охватывало всю грамотную часть нашего общества, и только крестьяне оставались вполне спокойными, хотя конечно сочувствіе къ единовѣрцамъ и братьямъ по крови было и у нихъ. Но, говоря по правдѣ, южные Славяне вовсе не были такъ несчастливы, и Турецкое иго было вовсе не тяжело и конечно *гораздо сноснѣе Австрійскаю*. Турки вообще не притѣсняли Славянъ и не разоряли ихъ и когда въ 1877 г. была объявлена Турціи война, то, вступивъ въ Болгарію, мы были удивляемы богатствомъ края и матеріальнымъ благосостояніемъ Болгаръ: ибо оно было несравненно выше состоянія нашихъ крестьянъ. И вѣры православной Турки не притѣсняли, какъ это дѣлали Австрійцы въ своихъ Славянскихъ владѣніяхъ. Сербія хотѣла воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы

окончательно избавиться отъ Турецкой зависимости и началъ свое освободительное движеніе. Наше правительство не препятствовало Русскимъ добровольцамъ ѣхать въ Сербію, но только заставляло ѣдущихъ туда офицеровъ предварительно выходить въ отставку, а самъ Государь не желалъ войны; но Императрица сочувствовала Славянамъ и думала, что они дѣйствительно томятся и страдаютъ подъ Турецкимъ игомъ. Я помню, что въ Апрѣлѣ 1876 года, когда Государь, 27-го, уѣхалъ на воды, за границу, у нея были устроены чтенія о современномъ положеніи Славянъ подъ Турецкимъ игомъ. Мнѣ Государыня поручила пригласить профессора Ламанскаго, знатока славянства, много писавшаго объ этомъ вопросѣ, прочесть у нея нѣсколько лекцій о Славянахъ. На этихъ лекціяхъ присутствовали только великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи, графиня Блудова (пламенная и убѣжденная Славянофилка), графиня Александра Андреевна Толстая, Анастасія Николаевна Мальцева (не сочувствовавшая войнѣ иза за Славянъ), фрейлины баронесса Пилларъ и Милютина, жена моя и я. Помню даже, что въ одинъ вечеръ жена моя опоздала на лекцію и вошла въ комнату, когда чтеніе уже началось, и жена смутилась, но Императрица успокоила ее доброю улыбкою и словами: *Ce n'est rien, ce n'est rien!* Этихъ лекцій было всего четыре; онѣ были очень красно-рѣчивы и въ сильныхъ картинахъ описывали страданія Славянъ подъ Турецкимъ игомъ, ихъ любовь къ Россіи, надежду на ея заступничество и на освобожденіе ихъ отъ магометанъ.

Но возвращусь къ описанію зимы 1876 года. 12-го Января великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи со своими двоюродными братьями Константиномъ, Дмитріемъ и Вячеславомъ Константиновичами, Гого Шиллингомъ и фрейлиной Бартеневой давали Ихъ Величествамъ и царской фамиліи спектакль. Въ этотъ же день пріѣхала въ Петербургъ королева Виртембергская Ольга Николаевна, такъ какъ великая княгиня Марія Николаевна серьезно заболѣла, и ей становилось все хуже и хуже. государь и императрица каждый день ее навѣщали и присутствовали 8-го Февраля ночью при ея кончинѣ. 12-го Февраля тѣло великой княгини было перевезено въ крѣпость, а 13-го совершено погребеніе*). Ихъ Величества любили великую княгиню, она была очень добра и умна и до своего 2-го выхода замужъ за графа Григорія Александровича Строганова много и дѣльно занималась воспитаніемъ

*) Это было на Масляной недѣлѣ, и умиравшая великая княгиня просила не длить ея погребенія, чтобы ради того не лишать Петербургское населеніе масляничныхъ увеселеній (слышано отъ княгини М. В. Воронцовой). П. Б.

своихъ дѣтей, и многіе изъ ихъ учителей были приглашаемы для уроковъ великимъ князьямъ, дѣтямъ Ихъ Величествъ. Когда же великая княгиня Марія Николаевна, по выходѣ своемъ замужъ за гр. Строганова (въ 1855 г.), по кончинѣ имп. Николая Павловича, уѣхала со всѣмъ семействомъ за границу, то Императрица пригласила законоучителя дѣтей великой княгини Маріи Николаевны, священника Ивана Васильевича Рождественскаго законоучителемъ своихъ дѣтей, и его назначили настоятелемъ Малой церкви Зимняго дворца. Въ описаніи перваго времени моего поступленія ко двору я уже говорилъ о характерѣ и достоинствахъ отца Рождественскаго и здѣсь скажу только, что онъ вполнѣ оправдывалъ выборъ Государыни и ушелъ отъ великой княгини, потому что, за ея отъѣздомъ въ чужіе края на нѣсколько лѣтъ, онъ оставался безъ дѣла священникомъ опустѣвшаго Маріинскаго дворца, и кромѣ того тогда онъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ великой княгиней, потому что не хотѣлъ ее вѣнчать съ графомъ Строгановымъ.

Иванъ Васильевичъ самъ разсказалъ мнѣ, какъ это было. Когда свадьба была рѣшена, графъ Строгановъ пришелъ къ нему и просилъ обвѣнчать его съ великой княгиней Маріей Николаевной. „А имѣете ли вы разрѣшеніе отъ Государя? спросилъ графа Иванъ Васильевичъ. „Нѣтъ“, отвѣчалъ графъ, „и этотъ бракъ долженъ быть тайнымъ“.—Ну, а я безъ разрѣшенія Государя, на основаніи законовъ, вѣнчать не могу.— Да какъ же, сказалъ графъ Строгановъ, вы вѣдь священникъ церкви великой княгини, а она очень васъ просить ее обвѣнчать?—Никакъ я этого не могу, потому что это противно моей совѣсти и моему долгу передъ закономъ.— Да какъ же вѣнчаться безъ васъ? возразилъ графъ: вѣдь у васъ и ключи отъ церкви, и никто въ ней безъ васъ не можетъ совершать таинства.— Отчего же? сказалъ Иванъ Васильевичъ, всякій другой священникъ можетъ служить въ церкви: *ключи вотъ здѣсь всегда лежатъ у меня на столѣ, и вы всегда ихъ можете взять.* Такъ и было сдѣлано. Пригласили другого священника, и вѣнчаніе совершилось въ большой тайнѣ, такъ что Государь, отецъ великой княгини, до самой смерти своей ничего объ этомъ бракѣ не зналъ, хотя, подозрѣвая романъ своей дочери, подъ разными предлогами, съ начала по поводу войны съ весны 1853 года, постоянно удалялъ графа Строганова изъ Петербурга. При свадьбѣ свидѣтелемъ былъ тогдашній военный министръ князь Василій Андреевичъ Долгорукій, который показывалъ мнѣ прекрасные золотые часы, подаренные ему при этомъ великою княгиней и которые онъ постоянно носилъ.— При отъѣздѣ Маріи Николаевны за границу, прекрасно налаженная ею система воспитанія на-

рушилась, и при переѣздахъ ея съ мѣста на мѣсто правильности въ занятіяхъ больше не было. Воспитатели ея дѣтей генераль Константинъ Григорьевичъ Ребиндеръ и Бликсъ были очень хорошіе люди.

29-го Апрѣля, день рожденія Сергія Александровича, праздновался безъ Государя и, помню, въ этотъ день я обѣдалъ у Императрицы, а 18-го Мая Ея Величество съ дѣтьми переѣхала въ Царское Село. 8-го Іюня скончался въ Петербургѣ герцогъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій, мужъ великой княгини Екатерины Михайловны. Императрица съ младшими дѣтьми, т. е. Сергіемъ и Павломъ Александровичами, переѣхала по этому случаю на два дня на Елагинъ островъ, и это единственный разъ, чтѣ мы, во все царствованіе Александра Николаевича, тамъ были. 11-го Іюня, послѣ лютеранской службы во дворцѣ Екатерины Михайловны на Каменномъ островѣ, тѣло герцога перевезли въ Аннинскую церковь (на Фурштатской улицѣ) и послѣ отпѣванія отвезли на Варшавскую жел. дорогу, откуда тѣло было отправлено въ Мекленбургъ, въ имѣніе герцога, Ремплинь.

13-го Іюня Сергій Александровичъ, по распоряженію Государя, поѣхалъ со мною въ Красное Село, въ лагерь, гдѣ онъ долженъ былъ, въ качествѣ ротнаго командира, на лагерное время, нести службу въ учебномъ полку подъ командою Михаила Павловича Данилова, генераль-маіора свиты Е. В. Съ нѣкоторымъ страхомъ и стѣсненнымъ сердцемъ поѣхалъ въ Красное Село Сергій Александровичъ и по прибытіи туда немедленно явился къ полковому командиру, а потомъ и къ баталліонному. Генераль Даниловъ принялъ великаго князя любезно, но очень сдержано и сталъ его посвящать во всѣ порядки службы. Онъ имѣлъ видъ нѣсколько суровый, но это была маска, которою онъ покрывалъ свою ангельскую доброту. По службѣ онъ былъ однако строгъ и взыскателемъ. Великій князь къ нему очень расположился, хотя сначала и чувствовалъ нѣкоторый страхъ. Генераль Даниловъ скоро тоже привязался къ великому князю, и Сергій Александровичъ его сердечно любилъ. Съ той поры до самой кончины великаго князя, отношенія его съ генераломъ Даниловымъ были самыя близкія. Сергій Александровичъ глубоко уважалъ и любилъ Михаила Павловича за его строгое отношеніе къ долгу и службѣ, за его рыцарское благородство и ангельскую доброту, казавшуюся еще болѣе привлекательною подъ суровымъ и строгимъ видомъ. Когда въ послѣдствіи Сергій Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ Московскаго военнаго округа, онъ упросилъ Данилова принять должность его помощника, чтѣ и было

сдѣлано, и Даниловъ оказалъ этимъ великому князю истинную услугу, дѣятельно помогая и деликатно и незамѣтно руководя неопытного въ первое время великаго князя. Весною 1900 года, во время пребыванія Государя (уже *Николая Александровича*) съ Императрицею въ Москвѣ, генераль Даниловъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ къ Государю. Это произошло послѣ параднаго обѣда Ихъ Величествъ у Сергія Александровича. Я стоялъ въ толпѣ съ генераломъ Даниловымъ, и онъ съ грустнымъ видомъ сказалъ мнѣ: „А Государь на меня сердится, не знаю за что. А вотъ и не говоритъ со мною ни слова и даже на меня не смотритъ“. Въ это время Государь, посмотрѣвъ въ нашу сторону и увидѣвъ Данилова, крикнулъ ему: „Михаиль Павловичъ! подойдите-ка ко мнѣ“ и когда тотъ приблизился къ Государю, Его Величество сказалъ ему: „Я васъ назначаю своимъ генераль-адъютантомъ“. Даниловъ былъ такъ этимъ счастливъ, и всѣ за него радовались. Послѣдніе два года свои Даниловъ очень постарѣлъ и долженъ былъ съ великимъ сожалѣніемъ для себя и съ огорченіемъ для великаго князя покинуть свою должность помощника командующаго округомъ и былъ оставленъ генераль-адъютантомъ и членомъ Военнаго Совѣта, съ позволеніемъ жить въ Москвѣ. Онъ каждый день почти ѣздилъ обѣдать къ великому князю и вечеромъ дѣлать его партію въ винтъ. За нѣсколько времени до своей кончины, онъ, чувствуя ея приближеніе, позвалъ къ себѣ гробовщика и заказалъ ему сдѣлать гробъ, предварительно снявъ съ него мѣрку. Когда гробъ былъ готовъ и привезенъ къ генералу, то онъ сказалъ гробовщику: „кажется, гробъ коротокъ!“— „Никакъ нѣтъ“ отвѣчалъ тотъ, „неудобно ли вамъ лечь примѣрить?“— „Дуракъ, я еще не умеръ!“ крикнулъ Даниловъ и приказалъ гробъ отнести къ себѣ въ сарай, а передъ тѣмъ приказалъ пронести гробъ изъ квартиры на лѣстницу, при чемъ хотѣлъ убѣдиться, что для пронесенія гроба будетъ довольно мѣста, и чрезъ нѣсколько дней тихо скончался.

Въ лагерѣ время Сергія Александровича было очень наполнено: ученые утромъ и ученые послѣ полдня, и хозяйственныя дѣла роты, въ которыя посвящали его бывшій ротный командиръ; затѣмъ завтракъ, обѣдъ, вечерній чай, всегда съ Даниловымъ, занимали почти весь день, и у него едва было время, чтобы прочитать чтонибудь для себя, а это было для него потребностью. Такъ проходила недѣля, а въ Субботу онъ уѣзжалъ изъ Краснаго Села въ Царское къ родителямъ, откуда возвращался въ Воскресенье на ночь. Къ сожалѣнію, я не могъ оставаться постоянно съ Сергіемъ Александровичемъ, такъ какъ Павелъ Александровичъ жилъ въ Царскомъ Селѣ, и я долженъ былъ дѣлать

свое время между обоими великими князьями. Я думалъ чередоваться при обоихъ великихъ князьяхъ съ Лакостомъ и Вегнеромъ (замѣнявшимъ г-на Мечина, сопровождавшаго въ это время великаго князя Алексѣя Александровича въ его плаваніи); но Государь, въ подмогу мнѣ при Сергіѣ Александровичѣ, назначилъ флигель-адъютанта Литвинова, бывшаго при графѣ Перовскомъ однимъ изъ двухъ его помощниковъ въ воспитаніи Александра и Владимира Александровичей и въ настоящее время, такъ какъ они оба уже были женаты, г-нъ Литвиновъ оставался безъ дѣла.

Въ это лѣто, когда Ихъ Величества жили въ Петергофѣ, ихъ посѣтили 9-го Іюля Итальянскій наслѣдникъ съ супругою принцессой Маргаритой; онѣ оставались въ Петергофѣ до 15-го Іюля. Они были приняты Государемъ и Императрицей очень дружелюбно, для нихъ были обычныя торжества: парадная встрѣча, 10-го Іюля большой парадный обѣдъ, 11-го обѣздъ лагеря въ Красномъ Селѣ, вечерняя заря и спектакль въ Красносельскомъ театрѣ, 12-го парадъ въ Красномъ Селѣ, 14-го праздникъ вечерній на островахъ и спектакль на Ольгиномъ островѣ. 15-го Итальянскій принцъ съ супругой поѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву, а оттуда проѣхалъ прямо къ себѣ домой. Въ это лѣто пріѣзжали въ Россію король и королева Датскіе, и для нихъ были тоже всѣ обычныя торжества, и между прочимъ въ предестномъ Царскосельскомъ Китайскомъ театрѣ данъ для нихъ балетъ *Трильби*: это былъ первый спектакль въ Китайскомъ театрѣ, который мнѣ случилось видѣть. Но Датскаго короля и королеву я не имѣлъ возможности узнать, потому что они жили болѣе въ кругу Цесаревича и Цесаревны и кромѣ официального представленія и во время празднествъ по случаю ихъ пребыванія я ихъ не видалъ. 2-го Іюля Ихъ Величества со старшими великими князьями и великой княгиней Маріей Александровной отправились моремъ въ Гельсингфорсъ на открытіе второго Финляндскаго сейма. Тогда еще была пора благорасположенія къ Финляндіи, въ слѣдствіе надеждъ на ея чувства къ Россіи. Лойяльное поведеніе Финляндіи во время Крымской войны, и особенно во время Польскаго возстанія, ставилось ей въ заслугу, и Государь, созвавъ тогда первый сеймъ, сдѣлалъ это, такъ сказать, ей въ награду и въ урокъ Польшѣ, не захотѣвшей воспользоваться вѣрноподданнически, самоуправленіемъ, даннымъ ей въ 1862 году при назначеніи намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича, а его помощникомъ маркиза Велеполскаго, и Польскихъ министровъ, и Польскаго управленія краемъ. Въ это время, т. е. въ 1876 году, въ Финляндіи еще не развилась доктрина Мехелина и его школы *шведоманства*, отчужденія

Финляндіи отъ Россіи и враждебности къ ней, хотя эта враждебность до нѣкоторой степени существовала уже давно, но тогда было болѣе незнакомство съ Россіей и недовѣріе, чѣмъ ненависть. Однако на этомъ второмъ сеймѣ уже проявились нѣкоторыя черты враждебности, и Государь уѣхалъ изъ Гельсингфорса гораздо менѣе довольный, чѣмъ послѣ перваго сейма. Въ началѣ Августа послѣ маневровъ близъ Ижоры былъ обычный парадъ, и 10-го Государь назначилъ Сергія Александровича флигель-адъютантомъ и послалъ меня въ Красное Село отвезти ему эполеты и аксельбанты, великій князь былъ счастливъ этимъ назначеніемъ, и затѣмъ дворъ сталъ собираться въ Ливадію.

15-го Августа, послѣ напутственнаго молебна, Императрица съ Маріей Александровной и герцогомъ Эдинбургскимъ поѣхала въ Крымъ, а Государь съ Сергіемъ и Павломъ Александровичами отправился туда же 17-го Августа чрезъ Варшаву, гдѣ намѣревался провести нѣсколько дней и посѣтить фельдмаршала князя Барятинскаго въ Скерневицахъ. Я поѣхалъ съ Государемъ и великими князьями, а жена съ дѣтьми, въ сопровожденіи Лакоста, поѣхали въ Варшаву наканунѣ, и въ Варшавѣ они остановились въ Европейской гостинницѣ. Въ Варшавѣ жена увидѣлась съ Маріей Алексѣевной Косиковской (рожд. Веневитиновой), своей подругой юныхъ лѣтъ, и это ей было очень пріятно, но ночью съ 20 на 21-е Августа, нашъ старшій сынъ Сережа захворалъ горломъ, гдѣ показался у него бѣлый прыщикъ, насъ очень испугавшій, потому что мы тогда воображали, что это дефтеритъ, противъ котораго тогда еще не было вѣрнаго средства. По совѣту г-жи Косиковской, мы послали за Польскимъ докторомъ Сикорскимъ, и онъ успокоилъ насъ, сказавъ что это не дефтеритъ, а только фоликулярная ангина, которая въ послѣдствіи очень часто повторялась у дѣтей. Такъ какъ жена въ это время была беременна, да и дѣти еще не были совсемъ здоровы, то я рѣшился сопровождать жену до Одессы и потомъ на пароходѣ ѣхать съ семействомъ до Ялты, на что и испросилъ разрѣшенія Государя, который очень милостивно вошелъ въ мое положеніе и далъ разрѣшеніе. Изъ Одессы Государь съ великими князьями отправился въ Ялту на своей яхтѣ Ливадія, а я съ женой и дѣтьми одновременно на пар. „Эльборусъ“, который съ пар. „Турокъ“ сопровождалъ Царскую яхту изъ Одессы въ Ялту, куда мы прибыли благополучно въ Субботу 28-го Августа. Императрица пріѣзжала на пристань встрѣтить Государя. Мы поселились съ женой на дачѣ Меера (нанятой заблаговременно), находящейся близъ Ливадіи, на берегу рѣчки Учань-су. У насъ было два дома, одинъ для насъ, другой для прислуги, и прекрасный тѣнистый садъ, въ которомъ дѣти стали проводить цѣлые дни.

Помѣщеніе Сергія и Павла Александровичей въ Ливадійскомъ дворцѣ было тоже самое что и прежде, т. е. надъ комнатами Государя и Императрицы и рядомъ съ комнатами Маріи Александровны, въ которыхъ она теперь жила со своимъ мужемъ. Моя комната, рядомъ съ великокняжескими, оставалась по прежнему за мною.

По Воскресеньямъ и праздникамъ жену приглашали къ обѣдни въ Ливадію и потомъ на фриштыкъ; иногда звали ее къ обѣду и когда было какое нибудь увеселительное вечернее собраніе. Но состояніе ея здоровья не позволяло ей участвовать въ Ливадійской жизни, которая была далеко не столь оживленная, веселая и беззаботно-счастливая, какъ прежде. И кромѣ того теперь надвигалась война. Пріѣхалъ въ Крымъ нашъ посланникъ въ Константинополь графъ Игнатъевъ съ женою, и они хотя поселились въ Кореисъ, но графъ Игнатъевъ почти жилъ въ Ливадіи, въ безпрестанныхъ совѣщаніяхъ съ Государемъ. Игнатъевъ былъ большимъ сторонникомъ войны съ Турціей и увѣрялъ, что Турція въ полномъ разложеніи, что ея армія очень слаба, и что война съ нею будетъ побѣдоносная, рѣшительная и непродолжительна. И онъ былъ правъ. Вызвали въ Ливадію великаго князя Николая Николаевича Старшаго и назначили его главнокомандующимъ арміей. Войска его обожали, и казалось, ничто не могло быть удачнѣе его назначенія. Онъ былъ очень добрый, благородный человекъ, и съ очень тонкою деликатною натурою. Императрица очень его любила и предпочитала его всѣмъ братьямъ Государя. Конечно и онъ стоялъ теперь за войну, и Германія сильно наталкивала насъ на нее. Ближайшимъ агентомъ Германскаго императора въ Петербургѣ и теперь въ Ливадіи былъ Прусскій генераль-адъютантъ Вердеръ, всегда состоявшій въ ближайшихъ сношеніяхъ съ Государемъ, сопровождавшій его во всѣхъ его поѣздкахъ и пользовавшійся полнымъ его расположеніемъ и довѣріемъ. И надо сказать, что Вердеръ дѣйствительно былъ прекрасный, умный и добрый, въ высшей степени всѣмъ симпатичный человекъ; его очень любили и въ обществѣ, и при дворѣ, и еще болѣе въ войскахъ гвардіи, гдѣ онъ умѣлъ внушать полное къ себѣ довѣріе всему офицерству. Служа усердно своему государю и отечеству, Вердеръ сердечно любилъ Россію, и послѣдняя и самая долгая и крѣпкая его привязанность была къ Иринѣ Сергѣевнѣ Мальцевой; онъ даже просилъ ея руки, но онъ былъ старше ея слишкомъ на 30 лѣтъ. Ирина Сергѣевна хотя очень любила его и почитала какъ истиннаго друга, но не согласилась быть его женою, и онъ оставался ея близкимъ, постояннымъ другомъ и поклонникомъ до самой ея смерти въ 1886 году. Уже при Императорѣ Александрѣ III-мъ, Вердеръ былъ назначенъ послѣ

генерала Швейница Германскимъ посломъ въ Россіи и оставался въ этомъ званіи нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ нынѣшній Германскій императоръ Вильгельмъ назначилъ на его мѣсто князя Радолина. Вердеръ былъ въ отчаяніи оставлять Россію; его назначили губернаторомъ въ Берлинъ, но потомъ и это мѣсто почему-то уничтожилось, и онъ остальную часть жизни оставался безъ дѣла, состоя генераль-адъютантомъ своего императора. Императоръ Александръ III-й и императрица Марія Ѳеодоровна, не смотря на свои холодныя отношенія къ Германіи, очень любя Вердера, ежегодно приглашали его въ Петербургъ и въ Ливадію. Вердеръ сохранялъ и свои отношенія съ Русскимъ обществомъ и посѣщалъ своихъ друзей: князя и княгиню Паскевичъ, брата моей жены и его жену, и другихъ въ ихъ деревняхъ. Онъ умеръ въ глубокой старости; послѣдніе свои годы съ нимъ жила его старая незамужняя сестра-дѣвица. Вердеръ былъ друженъ и съ моею женою и со мною, и мы все его очень любили.

Въ Ливадію пріѣхалъ и министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, со своими совѣтниками, барономъ Жомини и Гамбургеромъ. Онъ старался сдержать военный пылъ Ливадійскаго двора, брюжжалъ, но безуспѣшно.

Барона Жомини вообще любили: онъ былъ необыкновенно даровитый, пріятный и образованный человекъ. Теперь онъ съ генераломъ Рихтеромъ (командовавшимъ тогда 17 корпусомъ, стоявшимъ отчасти въ Крыму) задумалъ спектакль и сочинилъ пьесу очень смѣшную и остроумную. По поводу этого спектакля поднялись при дворѣ разговоры и осужденія. Войнствующая партія, къ которой принадлежалъ и женскій персоналъ двора, стала вопить, что неприлично заниматься спектаклями, когда страдаютъ братья-Славяне и когда готовятся къ войнѣ. Однако Ихъ Величества спектакль допустили, такъ сказать, *de mauvaise grâce*, и кромѣ своего Ливадійскаго общества никто на него не былъ приглашенъ, а великіе князья Сергій и Павелъ въ немъ участія не приняли. В. кн. Владимиръ Александровичъ игралъ въ этомъ спектаклѣ, который и состоялся только по его настоянію. Бѣдный Жомини былъ все это время въ большомъ смущеніи.

26-го Октября Ихъ Величества съ Сергіемъ и Павломъ Александровичами отправились на пароходъ въ Севастополь и оттуда въ Москву, гдѣ оставались до 31-го Октября. Въ Москвѣ былъ большой выходъ въ соборъ, и собраннымъ во дворцѣ представителямъ всѣхъ

сословія Государь сказалъ со слезами на глазахъ чудную рѣчь о вѣроятной войнѣ съ Турціей для святаго дѣла освобожденія Славянъ, и слова Государя, совершенно удовлетворявшія общему чувству, были приняты съ единодушнымъ восторгомъ.

Въ Царскомъ Селѣ царская семья, а слѣдовательно и я со своимъ семействомъ, прожила до 21-го Ноября и въ этотъ день переѣхала на зимнее время въ Петербургъ, гдѣ великіе князья продолжали свои учебныя занятія, къ которымъ у Сергія Александровича прибавились лекціи, или правильнѣе бесѣды, съ ст.-секр. княземъ Сергіемъ Николаевичемъ Урусовымъ (братомъ Анастасіи Николаевны Мальцевой), по приготовленію къ *присягѣ* въ день его совершеннолѣтія, которое и наступило 29-го Апрѣля 1877 г. Князь Сергій Николаевичъ Урусовъ пользовался большимъ расположеніемъ и довѣренностью Государя и особенно Императрицы, и онъ былъ этого достоинъ. Очень умный и образованный, замѣчательный юристъ и вполне государственный человѣкъ, при этомъ глубоко вѣрующій и преданный сынъ Православной церкви, онъ былъ человѣкъ высокой нравственности и чистоты духовной; а его остроуміе, при великой скромности и истинномъ смиреніи, дѣлало его бесѣду, и всѣ отношенія съ нимъ чрезвычайно пріятными. Эти бесѣды князя Урусова съ Сергіемъ Александровичемъ, по разу въ недѣлю, продолжались всю зиму, но я на нихъ не присутствовалъ: таковъ былъ обычай въ царской фамиліи, такъ какъ въ этомъ приготовленіи къ *присягѣ* и будущей службѣ великаго князя сообщались и государственные секреты, въ которые воспитателя, какъ частное лице, не полагалось посвящать. Съ наступленіемъ совершеннолѣтія великаго князя, по законамъ о царской фамиліи, къ нему должно было назначить попечителя и, признаюсь, я вовсе не зналъ, что меня назначать на эту должность, такъ какъ на нее обыкновенно назначали кого нибудь изъ выдающихся государственныхъ людей и съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, а я еще былъ только капитаномъ 1-го ранга. Но однажды, въ серединѣ зимы, Сергій Александровичъ пришелъ ко мнѣ отъ своихъ родителей съ сіяющимъ лицомъ и объявилъ, съ соизволенія Ихъ Величествъ, что попечителемъ къ нему назначенъ я, и что меня въ этотъ день произведутъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. При этомъ Сергій Александровичъ сказалъ мнѣ, что это должно быть большимъ секретомъ и что я даже не долженъ былъ ничѣмъ обнаруживать и передъ Ихъ Величествами, что это назначеніе мнѣ извѣстно. Я былъ глубоко осчастливленъ этимъ извѣстіемъ, и меня душевно тронуло довѣріе и выборъ Ихъ Величествъ... У великаго князя возобновилась дружба съ Константиномъ Константиновичемъ, и въ это же

время Сергій Александровичъ сталъ сближаться съ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Тутолминымъ, воспитателемъ в. кн. Петра Николаевича, тоже очень тогда близкимъ къ Константину Константиновичу. Дружба съ Тутолминымъ была на почвѣ предстоявшей войны. Тутолминъ былъ хорошій и добрый человекъ и очень любилъ юношество; онъ былъ пламенный кавалеристъ и пламенный воинъ, любилъ Русскаго солдата и когда служилъ въ л. гв. Уланскомъ полку, былъ отцомъ для своихъ солдатъ. Онъ былъ богатъ, но не хотѣлъ жениться, рѣшившись оставить свое состояніе въ наслѣдство дѣтямъ своего брата. Всѣ эти послѣдніе годы Тутолминъ очень часто пріѣзжалъ со своимъ воспитанникомъ къ Сергію и Павлу Александровичамъ и, какъ я сказалъ, любя юношество и будучи очень общительнаго характера, онъ сошелся съ Сергіемъ Александровичемъ, да и Павелъ Александровичъ его очень любилъ. Великій князь Николай Николаевичъ обѣщалъ Тутолмину взять его съ собою на войну и дать ему боевую дѣятельность, и такъ какъ было рѣшено, что и Сергій Александровичъ поѣдетъ на войну, и тоже Константинъ Константиновичъ, то между ними тремя происходили безконечные разговоры о войнѣ.

Зима 1876—1877 г., для великихъ князей и особенно для Сергія Александровича была очень веселая: мы часто ѣздили въ театръ, но всегда выбирая только тѣ представленія, въ которыхъ не было ничего безнравственнаго, и въ то время это еще было возможно. Также ѣздили съ Сергіемъ Александровичемъ на балы, но Павелъ Александровичъ, которому было только 16 лѣтъ, на балы ѣздилъ рѣже. Учебныя занятія великихъ князей тоже шли успѣшно. Я уже сказалъ, что высшій курсъ Сергія Александровича былъ ему интересенъ, а Павелъ Александровичъ всегда учился прилежно.

Десятаго Марта 1877 года Сергій Александровичъ заболѣлъ тифомъ, и Ихъ Величества очень беспокоились о немъ; но, слава Богу, тифъ былъ довольно легкій и продолжался только до 10-го Апрѣля. Лѣчили его два доктора: Здекауеръ, какъ его обыкновенный врачъ и, по непремѣнному желанію Императрицы, ея докторъ Боткинъ, къ которому она имѣла большое довѣріе. Здекауеръ очень обижался этимъ приглашеніемъ Боткина лѣчить великаго князя, постоянно вступалъ съ нимъ въ пререканія и часто стоялъ за средства неодобряемыя Боткиномъ. Императрица очень на это разсердилась и даже говорила мнѣ: *Il faut renvoyer Zdekaueer*. Она не любила Здекауера еще со времени послѣдней болѣзни Цесаревича Николая Александровича, когда Здекауеръ, привезенный изъ Петербурга въ Ниццу Государемъ, сталъ порицать лѣчившаго Цесаревича доктора

Императрицы Гартмана, и по смерти Цесаревича всячески интриговалъ противъ Гартмана, хотя конечно самъ ничего не могъ придумать для спасенія Цесаревича; онъ даже и не понялъ ни причины, ни сущности его болѣзни, и только въ послѣдствіи, уже по возвращеніи нашемъ въ Россію, добродѣтельный и благочестивый докторъ Государя Карель помирилъ Гартмана съ Здекауеромъ, и я былъ свидѣтелемъ этой сцены, въ которой Карель обращался къ ихъ христіанскимъ чувствамъ и обязанности прощать другъ друга. Я упросилъ Императрицу не обижать Здекауера, который уже столько лѣтъ состоялъ докторомъ всѣхъ великихъ князей, дѣтей Ихъ Величествъ и который все таки былъ хорошій человекъ и докторъ; я общалъ Императрицѣ, что буду въ лѣченіи великаго князя *исполнять только предписанія Боткина*, на что она и согласилась.

Въ концѣ Марта великій князь сталъ поправляться, но тутъ было сдѣлано двѣ неосторожности: первая, что ему, еще очень слабому, позволили говѣть, что онъ и сдѣлалъ, правда почти все время сидя во время богослуженія; а вторая неосторожность произошла отъ Здекауера, настоявшаго на томъ, чтобы великаго князя начали вывозить кататься, при чемъ онъ говорилъ, что это необходимо для скорѣйшаго укрѣпленія великаго князя, съ усмѣшкой прибавляя, что и тифъ у него былъ велико-княжескій, т. е. очень легкій, и намекая этимъ, что это и не былъ тифъ и что это опредѣленіе было неправильно сдѣлано Боткинымъ. Каковъ же былъ нашъ ужасъ, когда у великаго князя сдѣлался возвратный тифъ, хотя, слава Богу, тоже не сильный. Тутъ Боткинъ сталъ упрекать Здекауера, а тотъ обижался и говорилъ: „я отдаю вамъ справедливость, но все-таки считаю себя докторомъ не хуже васъ; а Боткинъ говорилъ: „я объ этомъ и не спорю, а только жалѣю, что согласился на ваше предложеніе, ибо я чувствовалъ, что эти выѣзды вредны, и у меня есть *нюхъ*, которому я и довѣряю“. И это было справедливо. Боткинъ былъ отличный діагностъ, и у него было то ясное пониманіе болѣзней, котораго Здекауеру не доставало, не смотря на его обширныя свѣдѣнія въ медицинѣ. По милости Божіей Сергій Александровичъ къ 10-му Апрѣлю совершенно поправился, хотя и былъ еще долго очень слабъ. Въ этотъ день въ памятной книжкѣ жены моей записано, что, въ первый разъ послѣ болѣзни великаго князя, я самъ, утомленный уходомъ за нимъ, захворалъ довольно сильно и пролежалъ цѣлую недѣлю. Здекауеръ и Боткинъ тоже стали навѣщать и меня, и тутъ я только хорошо познакомился съ Боткинымъ, который скоро поставилъ меня на ноги. Я имѣлъ возможность видѣть, какъ Боткинъ умѣло и симпатично обхо-

дился съ больными, выказывая имъ живое участіе, большую мягкость и внушая большое къ себѣ довѣріе и сочувствіе. Во время болѣзни Сергія Александровича, Павелъ Александровичъ часто заходилъ къ намъ, чего онъ прежде не дѣлалъ, бывая у насъ, когда мы только приглашали великихъ князей, а Сергій Александровичъ, который въ эту зиму ежедневно къ намъ приходилъ, не бралъ съ собою своего брата. Я думаю, что, приходя одинъ, онъ это дѣлалъ, считая себя большимъ и самостоятельнымъ.

Въ Пятницу, 25-го Февраля, Господь даровалъ намъ дочь Марію; роды у жены начались въ 2¹/₂ ч. утра и продолжались всего 1¹/₂ часа. Жена и я мы были глубоко благодарны Господу и Пресвятой Богородицѣ и были очень счастливы имѣть дочь. 20-го Марта были крестины нашей дочери; крестилъ ее нашъ добрый Иванъ Васильевичъ Рождественскій, а восприемниками ея были великій князь Павелъ Александровичъ и матушка жены, Марія Павловна Скарятина.

Мы были все это время очень счастливы, но 12-го Апрѣля объявлена Россіей война Турціи, и жену это повергло въ большое горе; ибо она знала, что я долженъ буду сопровождать великаго князя Сергія Александровича въ дѣйствующую армію. Но я ее утѣшалъ тѣмъ, что если это и будетъ, то нескоро, такъ какъ великій князь еще очень слабъ, и потомъ я еще утѣшалъ ее тѣмъ, что война будетъ чрезвычайно кратковременна, всего нѣсколько недѣль, и кромѣ того, что великаго князя не будутъ подвергать опасности; она этому вѣрила только до нѣкоторой степени, чувствуя, что это неправда. Однако она понимала, что мнѣ невозможно не ѣхать на войну и что подобный отказъ положилъ бы неизгладимое пятно на мое честное имя, отравилъ бы всю мою дальнѣйшую жизнь и не только мою, но и всего моего семейства, и потому она покорилась очевидной необходимости.

22-го Апрѣля Ихъ Величества поѣхали на нѣсколько дней въ Москву по случаю объявленія войны. 23-го былъ въ Москвѣ большой выходъ Ихъ Величествъ въ соборъ, на которомъ Государь произнесъ дивную рѣчь. Восторгъ былъ всеобщій, всеобщее было и сочувствіе войнѣ за освобожденіе Славянъ. Государь былъ глубоко тронутъ этимъ выраженіемъ любви къ себѣ и сочувствія къ принятому на себя подвигу и возвратился въ Петербургъ съ Императрицею, раздѣлявшей вполне его чувства, окрыленный къ начинаемому дѣлу и одобряемый благословеніемъ своего народа и родной ему Москвы. Ихъ Величества возвратились въ Петербургъ 25-го Апрѣля въ 10 часовъ утра и были встрѣчены множествомъ народа и войсками, стоявшими на улицахъ

шпалерами съ неизъяснимымъ восторгомъ. Прямо съ желѣзной дороги они проѣхали въ Казанскій соборъ.

Но вотъ наступило 29-е Апрѣля, день рожденія и совершеннолѣтія великаго князя Сергія Александровича и принятія имъ присяги на вѣрное служеніе Царю и Отечеству.

Наканунѣ, уже поздно вечеромъ, я получилъ указъ Сенату о назначеніи меня попечителемъ великаго князя Сергія Александровича и приказъ по морскому вѣдомству о производствѣ меня въ контръ-адмирала, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и тоже съ назначеніемъ попечителемъ великаго князя Сергія Александровича, при сохраненіи званія воспитателя великаго князя Павла Александровича. Одновременно съ этимъ мнѣ прислали табакерку съ вензелемъ Его Величества, осыпанную брилліантами въ 2000 рублей. Жена и я были очень осчастливлены всѣми этими милостями, и я благодарилъ усердно Господа за Его благодѣянія и за *завершеніе* такой обязанности, которая на меня была возложена, хотя я глубоко сознавалъ, что она была исполнена далеко не такъ хорошо и полно, какъ слѣдовало и далеко ниже того *идеала*, къ которому я стремился при моемъ вступленіи въ должность воспитателя и который я тогда свято понималъ. Но увы! Жизнь при дворѣ, среди полнаго довольства и почестей, среди такой *фальшивой* увѣренности *sécurité* въ будущемъ, въ которой я себя мнилъ, мало по малу охладилъ мнѣ душу, ослабили высокіе порывы и хотя *принципы* оставались тѣже, но уменьшалась способность ихъ осуществлять, и постепенно угасали сознаніе и желаніе быть столь высоко добродѣтельнымъ, чтобы въ глазахъ великаго князя сдѣлать добродѣтель желанною и любезною, сдѣлаться, однимъ словомъ, для своего воспитанника, какъ *Фенелонъ* въ глазахъ герцога Бургундскаго, симпатичнымъ олицетвореніемъ добродѣтели, и внушить ему рѣшимость и привычку къ ней стремиться. Сергій Александровичъ, рожденный съ добрымъ и горячимъ сердцемъ, сталъ уже теперь прекраснымъ, чистымъ, добрымъ, благонамѣреннымъ юношею, и научное образованье его было исполнено хорошо и закончено; но я не умѣлъ сдѣлать для него то, что сдѣлалъ Фенелонъ для своего воспитанника, т. е. внушить ему горячее христіанское стремленіе всю жизнь свою посвятить службѣ Богу въ служеніи своему ближнему и своему отечеству, неуклонно и неусыпно борясь со своими недостатками; однимъ словомъ, онъ былъ, хотя очень религиозенъ, чистъ и благонамѣренъ, но къ себѣ *снисходителен* и, что называется, *ветхій человекъ* въ немъ хотя былъ хорошо направленъ, но *не уничтоженъ*. Кто понимаетъ жизнь въ ея истинномъ, святомъ и высокомъ значеніи, пойметъ что я хочу этимъ сказать. хотя, по обык-

новенному мірскому сужденію, можно было назвать воспитаніе Сергія Александровича вполне удавшимся. Надо при этомъ сказать, что при дворѣ, среди той атмосферы семьи, двора и общества, въ которой жилъ великій князь, трудно вообще молодому человѣку въ его положеніи, которому все въ жизни улыбается, которому столько дано всякихъ благъ и преимуществъ, не быть расположеннымъ хотя и исполняя свой долгъ искать наслажденія въ раскрывающейся предъ нимъ жизни. Таковъ Сергій Александровичъ и былъ теперь. Родители его были имъ довольны, и онъ былъ *жизнерадостный* и дѣйствительно прекрасный молодой человѣкъ.

29-го утромъ я пошелъ къ Ихъ Величествамъ благодарить ихъ и представиться имъ въ своемъ новомъ званіи. Государь и Императрица трогательно меня благодарили за мои труды и попеченія. Императрица подарила мнѣ портреты свой и Государя въ серебряной рамкѣ, съ ихъ вензелями и обозначеніемъ времени начала моей службы до сегодняшняго дня. Не въ оправданіе себѣ, а для вящаго разъясненія, почему мнѣ не удалось достигнуть вполне всего, что я желалъ въ воспитаніи великаго князя, надо сказать, что руководившая воспитаніемъ Императрица, хотя относительно самой себя жила только для исполненія своей высокой обязанности (Императрицы, супруги и матери), чуждая всякой суетности и мелкой жизни, была къ самой себѣ очень строга, но въ отношеніи къ своему супругу и своимъ дѣтямъ и, отчасти къ обществу, думала, что нельзя требовать отъ другихъ такого возвышеннаго и такого строгаго взгляда на жизнь и такой, такъ сказать, строгой и суровой жизни. Она боялась, чтобы такая жизнь не показалась Государю и дѣтямъ ея, да и обществу, *скучною, узкою и противною*, и въ этомъ она была права. И по этому она всегда старалась, чтобы дѣти ея, будучи воспитаны въ истинно-христіанскомъ направленіи, въ тоже время не чуждались удовольствій и развлеченій.

Но вотъ наступило 29-е Апрѣля. Въ 1 часъ дня послѣдовалъ большой выходъ Ихъ Величествъ черезъ всѣ залы, въ большую церковь, гдѣ былъ поставленъ предъ алтаремъ аналой, къ которому Государь самъ подвелъ великаго князя Сергія Александровича, произнесшаго слова присяги, въ слѣдъ за священникомъ, чрезвычайно отчетливо, ясно и прочувствованнымъ тономъ. Конечно великій князь уже за нѣсколько дней изучалъ присягу наизусть и зналъ ее теперь очень хорошо. Послѣ этаго всѣ перешли въ Георгіевскій залъ, гдѣ передъ трономъ поставленъ аналой, а за нимъ знаменщикъ со знаменемъ своднаго гвардейскаго стрѣлковаго 2-го батальона, котораго Сергій Александровичъ былъ шефомъ. Императрица стала на возвышеніи передъ трономъ, на ступе-

няхъ котораго позади ея стояли всѣ великіе княжны и принцессы крови, и потомъ ниже, вдоль задней стѣны зала, всѣ придворныя дамы, между тѣмъ какъ дворъ и военныя лица занимали мѣста вдоль трехъ остальныхъ стѣнъ. Государь стоялъ съ великими князьями и ближайшей свитой впереди, въ право отъ аналоя. Когда всѣ заняли свои мѣста Государь подвель великаго князя къ аналою, и тутъ онъ произнесъ такъ же прочувствованно, отчетливо и симпатично военную присягу, какъ присягу въ церкви на вѣрноподданническую службу. Этимъ церемонія и кончилась, и Ихъ Величества прослѣдовали тѣмъ же порядкомъ во внутренніе апартаменты.

Обыкновенно послѣ присяги въ тотъ же день великіе князья принимаютъ поздравленія отъ всѣхъ высшихъ чиновъ и представителей арміи и флота, но такъ какъ великій князь Сергій Александровичъ былъ еще очень слабъ послѣ болѣзни, то эта часть обычнаго церемоніала была отмѣнена, и онъ принялъ только 4-го Мая поздравленія дипломатическаго корпуса, на членовъ котораго великій князь произвелъ чрезвычайно сильное и благопріятное впечатлѣніе: такъ онъ хорошо умѣлъ каждому сказать не только нѣсколько любезныхъ словъ, но и обнаружилъ большое знакомство съ особенностями каждаго государства и главными условіями ихъ быта и составомъ царствующихъ династій. И тоже онъ удивилъ дипломатическій корпусъ своимъ тактомъ и ласковостью своего обращенія. При этомъ одинъ эпизодъ обратилъ общее вниманіе и заслужилъ Сергію Александровичу общее одобреніе и дипломатическаго корпуса, и Петербургскаго общества.

Англійскій военный агентъ Уэлеслей очень враждебно относился къ Россіи, осуждая ея политику и дѣйствія относительно Турціи. И теперь, передъ присягою великаго князя, онъ выражалъ опасеніе, что великій князь отъ него просто отвернется и по крайней мѣрѣ обойдется презрительно или съ враждебной холодностью, и при этомъ въ нѣкоторыхъ домахъ онъ говорилъ, что на него клеветуютъ, обвиняя его во враждебности къ Россіи. Этотъ Уэлеслей былъ женатъ на дочери тогдашняго Англійскаго посланника въ Петербургѣ лорда Лотфуса. Жена его была очень милая и красивая женщина, которую и Сергій Александровичъ довольно хорошо зналъ; великій князь, подойдя къ Уэлеслею, дружелюбно къ нему отнесся, спрашивая его о здоровьѣ его жены, сдѣлалъ ему еще нѣсколько вопросовъ и потомъ прошелъ къ другимъ. Уэлеслей, не ожидавшій ничего подобнаго, былъ тронутъ почти до слезъ и потомъ съ восторгомъ по всему Петербургу прославлялъ Сергія Александровича. Наше общество нашло поступокъ великаго князя очень великодушнымъ; Сергій же Александровичъ такъ

поступилъ, потому что онъ узналъ объ опасеніяхъ Уэлеслея и его даже нѣкоторомъ раскаяніи и сожалѣніи о сдѣланной ему репутаціи руссофобизма, и великому князю *стало его тѣмъ болѣе жалко*, что Уэлеслей говорилъ, что если получить афронтъ, то долженъ будетъ оставить свой постъ въ Россіи, чего ему очень не хотѣлось. И надо отдать справедливость Уэлеслею, что потомъ, во время войны, когда онъ съ другими военными агентами былъ въ дѣйствующей арміи при главной квартирѣ Государя, онъ держалъ себя очень прилично и никакой враждебности уже не показывалъ, не смотря на недоброжелательство своего правительства, въ это время, къ Россіи.

Вечеромъ, наканунѣ дня своего рожденія, Сергій Александровичъ былъ произведенъ въ полковники. Онъ не только не былъ этому радъ, но очень огорченъ и обиженъ и когда его камердинеръ Датскій пришелъ его поздравить съ полковничьимъ чиномъ, онъ на Датскаго разсердился и сказалъ ему сурово: оставьте меня! Сергію Александровичу хотѣлось заслужить этотъ чинъ своею службою на войнѣ, и ему обидно было, что ему пожаловали его по заведенному въ царской фамиліи обычаю. Вполнѣ понимая его чувства, я старался его утѣшить и образумить. Тоже самое сдѣлала и Императрица.

8-го Мая было въ малой церкви Зимняго дворца совершенно благодарственное молебствіе по случаю нашей первой побѣды надъ Турками, взятія крѣпости Ардагана. 11-го Мая Царская фамилія перѣѣхала въ Царское Село, и мы начали дѣятельно готовиться къ отъѣзду въ дѣйствующую армію.

21-го Мая, въ 1 часъ дня, въ церкви Царскосельскаго дворца было напутственное молебствіе, и въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера Государь, Наслѣдникъ и великій князь Сергій Александровичъ отправились по Варшавской ж. дорогѣ въ дѣйствующую армію, а при Сергій Александровичѣ и я! Тяжело и скорбно мнѣ было разставаться съ женою и дѣтьми; но мысль о возможной смерти меня не смущала: я, какъ бы предчувствовалъ и надѣялся, что Господь, сохранившій меня въ трехъ войнахъ, сохранить меня, по благи Своей, и въ четвертый разъ, хотя мнѣ было ужасно тяжело за мою жену. Всевозможныя опасности и самая возможность моей гибели постоянно представлялись ея воображенію и мучили ее.

Уѣзжая, всѣ думали, что война продолжится два, много три, мѣсяца. И такъ дѣйствительно и было бы, если бы мы имѣли въ Турціи съ самаго начала болѣе войска и туда была бы послана гвардія, какъ

просилъ о томъ в. к. Николай Николаевичъ и какъ того желалъ самъ Государь: но по настоянію военнаго министра Милютина, гвардія осталась въ Петербургѣ, и когда вдругъ, какъ изъ земли, выросла *Плевна* и побѣдоносный райдъ Гурко за Балканы не могъ быть поддержанъ наступленіемъ за Балканы нашей арміи (что положило бы тогда же конецъ войнѣ), война затянулась, и наступило томительное ожиданіе—пробытія на войну гвардіи, послѣ чего, наконецъ, Турецкая сила была сломлена. Но война, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ, продолжалась семь мѣсяцевъ и была гораздо кровопролитнѣе чѣмъ кто-либо сначала могъ ожидать.

Далѣе помѣщу по сохранившимся у меня случайно листкамъ маршрутъ Государя отъ Царскаго Села до г. Плоешти въ Румыніи съ обозначенія лицъ ѣхавшихъ въ поѣздъ Его Величества.

Въ первомъ письмѣ моемъ изъ Вильны отъ 22 Мая я писалъ женѣ. „Вчера вечеромъ Государь ужиналъ въ вагонѣ; меня туда позвали, и потомъ, когда Государь ушелъ, я долго разговаривалъ съ Наслѣдникомъ. По его мнѣнію война не можетъ продолжаться долго. „У Турокъ въ Европѣ всего 150,000 войска, большая часть котораго въ крѣпостяхъ, и ихъ оставить они не могутъ; у насъ же 230,000, да еще Румынскихъ войскъ 45,000, такъ что послѣ переправы черезъ Дунай, которою, надѣемся, благословитъ Господь, Туркамъ почти нечего противопоставить нашей арміи, и дѣло, Богъ дастъ, кончится скоро“. Эти надежды Наслѣдника раздѣляли почти всѣ ѣхавшіе съ Государемъ, и даже взятый съ собой запасъ вещей, сообразно съ этими надеждами, взятъ всего много-что на три мѣсяца. Во все время пути Государь былъ со мною очень милостивъ и когда получалъ донесенія изъ арміи и читалъ ихъ сыновьямъ и графу Адлербергу, то приглашалъ и меня. Погода стояла очень жаркая и что насъ поразило, когда мы въѣхали въ Румынскія низменности, это мириады лягушекъ, которыя своимъ кваканьемъ, особенно вечеромъ, просто оглушали насъ.

24-го днемъ мы прибыли въ Яссы, гдѣ Государь остановился только на $1\frac{1}{2}$ часа и не уѣзжалъ съ дебаркадера, на которомъ былъ принятъ съ великимъ торжествомъ: митрополитомъ съ духовенствомъ въ облаченіи, министрами, главными сановниками и множествомъ народа, оглашавшаго воздухъ восторженными криками. Самъ князь хотѣлъ выѣхать сюда на встрѣчу Государю, но Его Величество это отклонилъ и назначилъ его принцу свиданіе въ Плоешти, куда мы прибыли благополучно въ Среду 25-го Мая въ 8 часовъ вечера. Румынія показала намъ очень богатою и прекрасною странюю, и она теперь

вся переполнена нашими войсками, которые ведутъ себя такъ хорошо, какъ конечно никогда никакая армія не вела себя въ чужихъ краяхъ, и этимъ наши войска располагаютъ къ себѣ сердца всего простого населенія, находящаго только выгоду отъ прихода Русскихъ войскъ. Главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, со своимъ сыномъ, съ княземъ Сергіемъ Максимиліановичемъ и съ начальникомъ штаба генераломъ Непокойчицкимъ встрѣтили Государя въ Браиловъ и сопровождали его до Плоешти. Плоешти небольшой, но красивый городокъ съ небольшими домиками, утопающими въ зелени садовъ. Всѣхъ насъ размѣстили очень хорошо: Сергій Александровичъ помѣщенъ со мною и княземъ Суворовымъ въ одномъ двухъ-этажномъ домѣ, въ двухъ шагахъ разстоянія отъ дома занимаемаго Государемъ. Нашъ домъ очень удобный, сухой и чистый, и первую ночь мы провели очень хорошо, съ удовольствіемъ убѣдившись, что не было ни блохъ, ни клоповъ. 27-го Мая Государь съ сыновьями и главными лицами свиты поѣхалъ въ 10 часовъ утра въ Бухарестъ по ж. дорогѣ, и я тоже съ ними. Встрѣча въ Бухарестѣ была самая торжественная: князь Румынскій съ княгинею, всѣ министры и сановники, митрополитъ и архіерей въ облаченіяхъ, почетный караулъ, разныя депутаціи, и въ томъ числѣ депутація отъ Русскихъ скопцовъ, живущихъ въ Румыніи, войска на дебаркадерѣ и по всѣмъ улицамъ слѣдованія царскаго поѣзда до дворца. Радостные крики народа привѣтствовали своего Освободителя. Музыка и грохотъ орудій не прекращались во все время проѣзда нашего по городу. И на насъ производило сильное впечатлѣніе это торжественное шествіе въ чужомъ государствѣ. На дебаркадерѣ первый министръ привѣтствовалъ Государя рѣчью, въ которой прославлялъ его за дарованіе Румыніи независимости. Во дворцѣ послѣ представленія свиты послѣдовалъ фамильный завтракъ, а для всей свиты гофмаршальскій, во время котораго первый министръ снова въ восторженныхъ выраженіяхъ прославлялъ Государя и Россію, на что отвѣчалъ ему нашъ министръ иностр. дѣлъ князь Горчаковъ; но меня удивило, какъ онъ, столь хорошо пишущій, говорилъ плохо и неумѣло, запинаясь, не находя подходящихъ словъ. Мы оставались съ Сергіемъ Александровичемъ весь день въ Бухарестѣ, откуда вернулись въ Плоешти только на другой день. Сергій Александровичъ послѣ своей болѣзни еще блѣденъ и слабъ; но надѣюсь, что мало по малу онъ въ здѣшнемъ здоровомъ климатѣ скоро поправится и укрѣпится. Не смотря на то, что онъ стремится на войну, онъ довольно грустенъ и пасмуренъ. Я сегодня говорилъ о его здоровьѣ съ Государемъ и просилъ у Его Величества, для развлеченія великаго князя, позволенія поѣхать съ нимъ дня на два въ Бухарестъ, что мы и сдѣлали, отправившись

туда съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ и съ Володей Скарятинымъ (братомъ моей жены, онъ въ это время былъ адъютантомъ великаго князя Владимира Александровича, и Сергій Александровичъ его очень любилъ). Но въ Бухарестъ смотрѣть нечего. Мы только посмотрѣли соборъ и прикладывались къ мощамъ Дмитрія Румынскаго, покровителя Румыніи. Жара была страшная, и наше единственное удовольствіе было въ томъ, что походили по магазинамъ, обѣдали въ ресторанѣ и вечеромъ поѣхали по Киселевскому шоссе, а на другой день уѣхали въ Плоешти, гдѣ и оставались все до 14-го Іюня. Отсюда до Дуная 92 версты, и весеннее разлитіе его водъ еще такъ велико, что къ нему нѣтъ и подступа, что конечно задержать на довольно долго нашу переправу войскъ, чѣмъ собственно и начнутся военныя дѣйствія; но въ какой мѣстности совершится эта переправа, сохраняется въ большой тайнѣ. Въ слѣдствіе этого форсированнаго бездѣйствія, мы вели въ Плоешти жизнь довольно скучную. Обѣдать мы ходили въ домъ Главной Квартиры, гдѣ обѣдала вся свита, а Государь обѣдалъ у себя съ великими князьями, гр. Адлербергомъ, кн. Суворовымъ и кн. Горчаковымъ. Послѣ вечерняго чая у Его Величества Сергій Александровичъ возвращался домой и игралъ въ ералашъ, и наши партнеры были Володя Скарятинъ и съ нами попеременно игравшіе то генералъ Воейковъ, то докторъ Боткинъ, Щолковъ или ст.-секр. Гамбургеръ, и вечера наши проходили довольно пріятно.

11-го Іюня Государь со своими сыновьями и небольшою свитою отправился рано утромъ въ Браиловъ, откуда было получено извѣстіе, что наши войска (корпуса генерала Цимермана) уже переправляются черезъ Дунай. Мы прибыли въ Браиловъ въ 5 часовъ утра, когда наши 10 баталіоновъ на понтонахъ уже переправились на другой берегъ Дуная, прогнавъ съ другаго берега Турецкій отрядъ. За ними уже при насъ переправилось около 10,000 войска, и затѣмъ близъ Браилова переправилось до 22,000. Первые наши 1390 человекъ, переправившіеся на другой берегъ, переѣзжали на понтонахъ черезъ Дунай подъ Турецкими выстрѣлами и были встрѣчены Турецкимъ отрядомъ въ 3000 человекъ, засѣвшимъ въ окопы. Наши атаковали Турокъ, опрокинули ихъ и обратили въ бѣгство, и такимъ образомъ первый пунктъ на Турецкомъ берегу былъ нами занятъ, и переправа остальной части войска Цимермана продолжалась безпрепятственно, такъ какъ крѣпость Мачинъ была тогда же Турками оставлена. Можно себѣ представить, съ какими чувствами мы смотрѣли на Дунай, покрытый нашими понтонами, полными нашими солдатами, какія высокія минуты мы переживали тогда, какъ было свѣтло на душѣ, и

какою гордостью билось сердце, чувствуя себя Русскимъ, при видѣ этихъ героевъ, нашихъ солдатъ. Въ Браиловѣ у насъ уже устроили мостъ, но имъ еще нельзя пользоваться, потому что противоположный берегъ затопленъ въ человѣческой ростъ, и тамъ дѣлаютъ гати.

Восторгъ нашихъ войскъ невыразимый, и когда Государь проѣзжалъ ихъ ряды въ Браиловскомъ лагерѣ, солдаты его окружали и привѣтствовали съ безконечнымъ энтузіазмомъ. Ура стояло въ воздухѣ, и мы слышали, какъ солдаты въ своемъ восторгѣ кричали: умремъ за него! Въ Галацѣ Государь посѣтилъ раненыхъ; ихъ было 96, а убитыхъ при переправѣ 40. Государь подходилъ ко всякому раненому и съ каждымъ говорилъ, утѣшая его и подавая надежду на скорое поправленіе, а многимъ раздавалъ Георгіевскіе кресты. Какъ тяжело было видѣть этихъ страдальцевъ-героевъ. Всѣ мы едва удерживались отъ слезъ, и я помню, что наконецъ мы съ Гамбургеромъ вышли на лазаретный дворъ и тамъ оба залились слезами. Какія это были слезы, я и сказать не могу; но душа была такъ потрясена видомъ этихъ страданій и патриотическими чувствами, а слезы насъ облегчили и нѣсколько успокоили. Но мѣсто перехода черезъ Дунай нашихъ главныхъ силъ сохранялось въ полнѣйшей тайнѣ. Говорили, что его полагалось совершить около Никополя; но этотъ городъ былъ занятъ сильнымъ Турецкимъ отрядомъ, укрѣпленъ и стоялъ на возвышенномъ берегу Дуная, такъ что мало было вѣроятія, чтобы это мѣсто было избрано для переправы. Мы знали только, и то немногіе, что въ рѣкѣ Ольтѣ, впадающей въ Дунай выше Никополя, готовился мостъ для наведенія на Дунай послѣ переправы и что тамъ же были собраны всѣ понтоны для посадки войскъ къ переправѣ черезъ Дунай. Переправа должна была быть поручена гвардейскому экипажу подъ начальствомъ великаго князя Алексія Александровича; самое же мѣсто переправы, какъ я сказалъ, было величайшей и хорошо сохраненной тайной.

14-го Іюня, въ 4 часа дня, Государь наконецъ оставилъ Плоешти. Мы поѣхали сначала по ж. дорогѣ, и Государя сопровождали его четыре сына, гр. Адлербергъ, военный министръ, ген.-ад. Мезенцевъ, гр. Воронцовъ, Рылѣевъ, Гамбургеръ, докторъ Боткинъ, Шиллингъ при Алексѣѣ Александровичѣ, графъ С. Д. Шереметевъ, Васмутъ и я. Въ 1 часъ ночи мы прибыли въ Слатинъ, гдѣ были приготовлены экипажи. Меня посадили въ коляску Наслѣдника, вмѣстѣ съ адъютантомъ его графомъ Шереметевымъ, и мы съ нимъ ѣхали нѣсколько часовъ, очень пріятно разговаривая; онъ мнѣ показался очень разсудительнымъ, патриотичнымъ, свѣдущимъ по Русской исторіи, нравственнаго,

православнаго направленія и очень религіозенъ. Странно, что, зная его съ 1862 года, я никогда не имѣлъ случая говорить съ нимъ серьезно и, можно сказать, совсѣмъ его не зналъ, и только теперь ночью, въ коляскѣ, въ Румыніи, совершилось это знакомство для меня очень отрадное. Ночь была прохладная, но утро чудное. Мы ѣхали лугами покрытыми травой и цвѣтами, среди которыхъ преобладали такъ называемыя штокъ-розы (мальва) разныхъ цвѣтовъ, но преимущественно розоваго, и это было такъ красиво! Около 10 часовъ утра мы подъѣхали къ Дунаю, близъ города Турна, напротивъ города Никополя, возвышающагося на противоположномъ берегу рѣки. Подъѣзжая къ Турну, еще далеко отъ берега, мы завидѣли облака дыма Турецкихъ пушекъ изъ Никополя по Турну, и нашихъ изъ Турна по Никополю. Наконецъ, подъѣхавъ къ холму, въ лѣво отъ Турна, вышли мы изъ экипажей и взошли на холмъ, откуда и смотрѣли продолженіе этой пушечной перестрѣлки, которая впрочемъ намъ не причиняла никакого вреда, мы же видѣли, какъ въ Никополѣ загорались нѣкоторыя зданія и между прочимъ горѣлъ Турецкій купеческій корабль на рѣкѣ. Здѣсь Государя встрѣтилъ главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ, со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Непокойчицкимъ, корпуснымъ командиромъ Зотовымъ и со всѣмъ своимъ штабомъ. Отъ Турна въ лѣво отъ насъ къ Систову, по нашему сѣверному берегу Дуная, было расположено нѣсколько нашихъ батарей, обстрѣливавшихъ Турецкій берегъ, на которомъ тоже было нѣсколько батарей, стрѣлявшихъ по нашему берегу; а верстахъ въ 3-хъ, по направленію къ Систову, стоялъ нашъ военный пароходъ и нѣсколько Русскихъ шлюпокъ и купеческихъ судовъ. Замѣтивъ, что батарея близъ нашего парохода „Джанета“ (это былъ мѣстный, нанятый нами для войны, частный пароходъ) перестала стрѣлять, Государь подозвалъ Сергія Александровича и сказалъ ему; „Поѣзжай къ „Джанетѣ“ и узнай, отчего у насъ перестали стрѣлять“. И Сергій Александровичъ сталъ садиться на лошадь, чтобы ѣхать. Я въ это время стоялъ неподалеку и не зналъ, что мнѣ дѣлать: ѣхать съ великимъ княземъ могло показаться ему обиднымъ, что какъ будто его сопровождаютъ какъ малолѣтка; не ѣхать, многіе могли бы подумать, что я боюсь, потому что Турецкія ядра ложились по дорогѣ, по которой великій князь долженъ былъ ѣхать... Я стоялъ къ недоумѣнію и смотрѣлъ на Государя, и онъ, вѣроятно понявъ мои чувства и положеніе, сказалъ мнѣ: поѣзжай съ Сергіемъ! И я, сѣвъ на лошадь, поскакалъ за Сергіемъ Александровичемъ. Когда мы стали подъѣзжать къ мѣстности обстрѣливаемой Турками, то одинъ изъ сопровождавшихъ насъ казаковъ сказалъ мнѣ: „Ваше прев-во, поѣзжайте съ Ихъ Высочествомъ и нами въ разбродъ;

чтобы въ насъ не нацѣлили Турки“. Мы такъ и сдѣлали, и путь нашъ къ „Джанетъ“ и обратно совершился совершенно благополучно, и Турецкія ядра падали, то впереди, то сзади насъ. Оказалось, что батарея наша умолкла только на нѣсколько минутъ вслѣдствіе какого-то небольшого исправленія. Такимъ образомъ совершилось боевое крещеніе Сергія Александровича. Наконецъ, около 2-хъ часовъ по полудни, Государь сѣлъ въ коляску, и мы всё за нимъ поѣхали на новую Главную Квартуру, въ деревню *Драча*, къ Сѣверу отъ Дуная въ 15 верстахъ. Государь помѣстился въ помѣщичьемъ домѣ, а великіе князья и ближайшая свита тутъ же на дворѣ въ палаткахъ, и такъ какъ погода стояла чудная, то въ нихъ и днемъ и ночью было намъ очень хорошо. На другой день, рано утромъ, въ 6 часовъ Государь съ ближайшей свитой своей, въ коляскахъ, поѣхалъ на вчерашній холмъ, и взаимная перестрѣлка Никополя съ Турномъ продолжалась по вчерашнему; но вскорѣ послѣ нашего прибытія на холмъ, мы услышали въ лѣво отъ насъ по Дунаю сильную канонаду, и въ слѣдъ за тѣмъ Государь получилъ изъ Сисова телеграмму, что отрядъ нашей арміи въ 2000 человекъ благополучно, ночью, переправился на понтонахъ черезъ Дунай. Затѣмъ новыя телеграммы извѣщали о дальнѣйшихъ переправахъ нашей арміи на южный берегъ Дуная, при чемъ однако нѣсколько понтоновъ было потоплено и нѣсколько человекъ на нихъ поранено и убито. Наши отряды, высадившись на Турецкій берегъ, имѣли жаркое дѣло съ Турками, но опрокинули ихъ и отбросили назадъ; Турки отступили, и переправа нашей арміи продолжалась благополучно. Мы скоро послѣ полученія извѣстій воротились въ Драчу, и тамъ въ 6 часовъ вечера Государь получилъ отъ генерала Непокойчицкаго поздравительную телеграмму съ извѣщеніемъ о счастливомъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай. Турки никакъ не ожидали переправы нашей черезъ Дунай въ этомъ мѣстѣ, и 8000 человекъ Турокъ, бывшихъ случайно тамъ близъ берега, не могли препятствовать переправѣ и отступили. Къ вечеру уже почти цѣлый корпусъ нашей арміи были на Турецкомъ берегу рѣки, черезъ которую онъ переправился на понтонахъ, такъ какъ мостъ начать наводить черезъ Дунай могли только теперь. Трудно описать всеобщую радость, *восторгъ*, охватившій всѣхъ, начиная отъ Государя до послѣдняго кучера въ нашемъ лагерѣ! Всѣ обнимались и поздравляли другъ друга, и въ эту минуту, какъ бы забыты были все разстояніе и разница между людьми, и всѣ мы чувствовали себя только сынами своего отечества и братьями.

Въ Драчѣ Государь со свитой пробылъ недѣлю, и съ 16-го Іюня мы переселились въ *Зимницу*, на самый берегъ Дуная, гдѣ Главная Квар-

тира расположилась въ домѣ князя Ипсиланти. Государь помѣстился въ самомъ домѣ, очень небольшомъ и просто отдѣланномъ, а всѣ великіе князя и ближайшая свита въ палаткахъ, на дворѣ передъ домомъ. Тутъ же была устроена и большая столовая палатка. Государь завтракалъ и обѣдалъ въ ней со всей свитой, которой обыкновенно было человекъ 40 или 50, а часто и больше. Столъ былъ очень простой; за обѣдомъ 4 блюда. По большей части насъ кормили хорошо, но бывали дни, въ которые не могли достать хорошей провизіи; обыкновенно метръ-дотель два раза въ недѣлю ѣздилъ за ней въ Бухарестъ, и тогда мы давали ему разныя порученія купить того или другого для нашего обихода. Послѣ завтрака Государь обыкновенно уходилъ на террасу передъ своимъ домомъ и оттуда смотрѣлъ на Дунай, на которомъ 20-го Іюня уже былъ наведенъ нашъ мостъ, и войска наши днемъ и ночью переправлялись по немъ на другой берегъ. Движеніе было большое, и ночью мостъ, ярко освѣщенный, былъ постоянно покрытъ переходящими по немъ войсками, артиллеріей и безконечными обозами. Теперь, когда армія наша уже переправилась на южный берегъ Дуная, должны были начаться дальнѣйшія дѣйствія войны и прежде всего взятіе Никополя, которое и совершилось чрезъ нѣсколько дней послѣ кровопролитнаго на него нападенія.

Въ тоже время отрядъ генерала Гурко и съ нимъ Скобелева пошли къ Балканамъ, перешли ихъ и побѣдоносно двинулись на Югъ. Армія должна была слѣдовать за ними, а два корпуса подъ начальствомъ Цесаревича должны были обложить Рушукъ и осаждать его, и этотъ отрядъ сталъ называться „*Рушукскимъ отрядомъ*“. Тяжелыя осадныя орудія для отряда везли изъ Россіи. Всѣмъ извѣстна необыкновенная удача рейда за Балканы генерала Гурко, и, еслибы у насъ было тогда довольно войска на театрѣ войны, то нѣтъ сомнѣнія, что оно въ слѣдъ за Гурко, всеокрушающей волной, ринулось бы на Югъ Турціи, быстро дошло бы до Константинополя, и война была бы побѣдоносно нами окончена. И тутъ оказалось, какъ велика была сдѣланная при началѣ войны ошибка—не послать туда гвардію. О присылкѣ ея на войну просилъ великій князь Николай Николаевичъ, и самъ Государь того желалъ, но воспротивился этому военный министръ генералъ Милютинъ, находившій, что на всякій случай гвардію надо оставить въ Россіи, какъ главный нашъ резервъ. И это мнѣніе Милютина было совершенно ошибочно, потому что во 1-хъ, на Сѣверѣ намъ не угрожало никакое нашествіе, и во 2-хъ, разъ Государь былъ въ дѣйствующей арміи, и не было никакой нужды въ присутствіи близъ Петербурга гвардейскаго корпуса. А такъ какъ необходимо было оставить часть арміи на Сѣверномъ берегу Дуная, чтобы наблюдать за

крѣпостями (обложеніе Рущуга) и охранять нашъ тылъ и сообщеніе съ Россіей, то у насъ и не доставало войска для немедленной послышки его за Балканы въ слѣдъ за движеніемъ туда генерала Гурко. А моментъ былъ для этого самый удобный! Турецкое правительство совершенно растерялось, армія еще вовсе не была подготовлена къ войнѣ и, двинься наша армія за Балканы, то можно было бы сказать съ увѣренностью, что какъ только она бы заняла Андрианополь или только подошла къ нему, то Турція *стала бы просить о мирѣ*. Но за неимѣніемъ у насъ на театрѣ войны достаточнаго числа войскъ, походъ на Югъ въ это время оказался невозможнымъ; а между тѣмъ Турція (подъ вліяніемъ Англій и матерьяльной помощи, Англійей ей оказанной) встрепенулась, стала спѣшно и дѣятельно организовать и вооружать армію; вспыхнулъ народный Магометанскій патріотизмъ, а за тѣмъ, у насъ на глазахъ, создавалась сильно укрѣпленная *Плевна* съ 58,000 арміей, которая слишкомъ четыре мѣсяца парализировала наши дѣйствія. Въ это же время главнокомандующій Турецкой арміей Мехмедъ-Али былъ смѣненъ, и замѣненъ энергическимъ Османомъ, отчаянно нападавшимъ на насъ и на Балканахъ на нашъ Русскій отрядъ. Османъ-Паша въ Плевнѣ защищался храбро и отчаянно. Словомъ, война затянулась, не смотря на то, что всѣ нападенія новаго главнокомандующаго Турецкой арміи были постоянно и побѣдоносно нами отбиваемы и, въ концѣ концовъ, повели къ полному разстройству и даже почти уничтоженію Турецкихъ войскъ и средствъ Турціи къ дальнѣйшему сопротивленію.

Но, пока все это мало по малу происходило и развивалось, мы еще не отдавали себѣ во всемъ этомъ яснаго отчета и продолжали надѣяться на скорое и побѣдоносное окончаніе войны.

29-го Іюня, передъ обѣдомъ, фл.-ад. графъ Бенкендорфъ привезъ Государю радостное извѣстіе о занятіи генераломъ Гурко *Тырнова* и Турецкое знамя. Оказалось, что съ приближеніемъ къ Тырнову нашего отряда, Турки убѣжали, и Турецкій губернаторъ спасся даже пѣшкомъ. Тырново, древняя Болгарская столица, большой городъ и важный стратегическій пунктъ, по дорогѣ къ Балканамъ, и взятіе этого города произвело въ Турціи и особенно во всемъ Болгарскомъ населеніи сильнѣйшее впечатлѣніе.

Мы оставались въ Зимницѣ до 3-го Іюля. Воды Дуная теперь уже совершенно спали, и ничто не препятствовало окончательному переходу нашей арміи на южный его берегъ. Жара и духота въ Зимницѣ были страшныя. Еще до двухъ часовъ дня въ палаткахъ было сидѣть воз-

можно, но тутъ солнце, приходящее въ зенитъ, пекло насъ жестоко; къ тому же часто поднимался жаркій вѣтеръ, въ родѣ сирокко, и пыль была невыносимая, песокъ покрывалъ все, и книги, и платье, и кушанье; словомъ, это было настоящее бѣдствіе. Однажды, когда Государь (какъ онъ это дѣлалъ каждый день, послѣ завтрака) поѣхалъ съ сыновьями посѣтить раненыхъ, я вошелъ въ его комнаты что-то спросить у камердинера, хорошо меня знавшаго. Это былъ Костинъ, бывшій любимый камердинеръ покойнаго Цесаревича Николая Александровича. Онъ, видя, что я былъ очень утомленъ жарою, предложилъ мнѣ во время отсутствія Государя отдохнуть въ одной изъ комнатъ на диванѣ, что я и принялъ съ благодарностью; но едва я прилежъ на диванѣ, какъ на меня стали нападать клопы, и я съ отвращеніемъ увидѣлъ, что ими полонъ весь диванъ. Я вскочилъ и поспѣшилъ оттуда уйти, помышляя о томъ, какъ добрый нашъ Государь худо помѣщенъ, и спрашивалъ себя, неужели и въ спальнѣ своей онъ не избавленъ отъ этихъ враговъ рода человѣческаго, которымъ, по выраженію Городничаго въ Ревизорѣ „и на свѣтъ не слѣдовало бы рождаться!“ Затѣмъ я прошелъ въ нижній этажъ дома занимаемаго Государемъ и забрелъ тамъ въ комнату, предоставленную арендатору имѣнія, и въ которой была его контора. Онъ меня принялъ очень любезно и охотно согласился дозволить великому князю Сергію Александровичу (тоже жившему въ палаткѣ) и мнѣ занять эту комнату. Я съ благодарностью принялъ это приглашеніе, прося его сохранить въ этой комнатѣ и его контору, и немедленно въ ней поселился, приказавъ перенести туда кровать и вещи великаго князя, который вслѣдъ за тѣмъ, воротившись съ Государемъ, былъ очень доволенъ этой перемѣной, и съ этого дня и онъ и я уже не страдали ни отъ солнца, ни отъ пыли, и, къ счастью тоже тутъ не было и клоповъ, и такъ какъ комната была низкая, съ маленькими окнами и толстыми каменными стѣнами, то въ ней было всегда прохладно. Палатки же наши оставались на мѣстѣ и были нашимъ *официальнымъ* помѣщеніемъ (и большая часть нашихъ вещей въ нихъ находилась).

Утромъ 3-го Іюля Государь покинулъ, наконецъ, Зимницу, чтобы переѣхать на южный берегъ Дуная въ деревню *Павлово*.

На ночь, 3-го Іюля, мы остановились въ *Царевъ*, въ живописномъ лѣсочкѣ, гдѣ царскій лагерь расположился очень удобно, и вечеръ въ лѣсу былъ чрезвычайно всѣмъ приятенъ. Но утромъ въ 4 часа въ палатку мою вошелъ внезапно генералъ Рыльевъ и, разбудивъ меня, сказалъ: „Вставай скорѣе, Турки идутъ!“ Такъ разбудилъ онъ и всѣхъ лицъ свиты. Всѣ вскочили, въ недоумѣніи и страхѣ и повыбѣжали

изъ палатокъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Определеннаго никто ничего не зналъ, но отъ телеграфиста станціи на Дунаѣ близъ Никополя было получено извѣстіе, что Турки изъ Никополя идутъ на царскую Главную Квартуру въ Царевѣ, а при Государѣ былъ всего, кажется, одинъ батальонъ. По всей дорогѣ отъ Никополя къ Дунаю и по всей окрестности произошла паника.

Вотъ какъ описываетъ этотъ случай графъ Сологубъ въ своемъ Дневникѣ пребыванія Государя въ дѣйствующей арміи. „Немного спустя 2 часовъ ночи, когда все кругомъ покоилось мирнымъ сномъ, къ палаткѣ коменданта Главной Квартуры, генераль-адъютанта Рылѣва, приведенъ былъ казакъ, прискакавшій изъ Систова съ лоскуткомъ бумаги, наскоро написаннымъ на имя начальника военно-походныхъ императорскихъ телеграфовъ, генерала Щолкова. Записка была слѣдующаго содержанія: „Царевы. Генералу Щолкову. Турки подъ Систовымъ, общій хаосъ, телеграфъ дѣйствуетъ, сейчасъ сниму станцію. Въ Павлово послалъ казака. Начальникъ станціи подпоручикъ Трувелеръ“. Извѣстіе было самое тревожное. Систово отстояло отъ императорскаго бивака прямымъ путемъ не болѣе какъ на пять верстъ. Съ минуты на минуту можно было ожидать налета Турецкихъ башибузуковъ. Отъ генерала Криденера все еще не было донесеній. Можно было предполагать, какъ оно ни казалось невѣроятнымъ, что, по случайностямъ войны, онъ потерпѣлъ полное пораженіе, а донесенія его перехвачены непріателемъ. Телеграфная проволока была очевидно порвана. Суматоха въ Систовѣ, оберегаемомъ цѣлымъ полкомъ, доказывала возможную многочисленность непріателя. Но откуда и съ какою цѣлью и съ какою силою шелъ непріатель? Если Османъ-паша двинулся съ цѣлой арміей изъ Виддина на Никополь, онъ бы встрѣтился съ 4-мъ корпусомъ, который и при разстройствѣ могъ бы дать отпоръ. Но если Османъ-паша повернулъ бы съ полдороги, вправо, на Плевну, какъ-то дѣйствительно и случилось, но, не оставаясь въ Плевнѣ, продолжалъ бы путь на Систово: то онъ отрѣзывалъ барона Криденера, ставилъ бы на лѣвомъ флангѣ оба корпуса Цесаревича между двухъ огней, могъ бы сжечь Дунайскіе мосты и настичь даже небольшой императорскій отрядъ. Все это было конечно невѣроятно тѣмъ болѣе, что Турки видимо опасались генеральнаго сраженія и рассчитывали на мѣры осторожности: въ отважныхъ движеніяхъ они могли встрѣтить немедленную гибель своего края; при терпѣливой оборонѣ они могли ее отодвинуть, и занятіе Плевны спасло, быть можетъ, Россію отъ великаго бѣдствія. Какъ бы то ни было, главнѣйшимъ опасеніемъ оказывалось въ настоящемъ случаѣ, чтобы Турки не уничтожили Ду-

найской переправы, оберегаемой только малыми силами, что отрезало бы армию от ее базиса и возбудило бы большія безпокойства. Недоумѣніе усложнилось неполученіемъ точныхъ извѣстій изъ Николаполя и Систова. Встревоженные генералы Рылѣвъ и Щолковъ почли себя обязанными немедленно разбудить министра двора. Графъ Адлербергъ, хотя и не довѣряя справедливости сообщеннаго извѣстія, тотчасъ въ свою очередь рѣшился разбудить Государя. Но Государь уже не почивалъ, бывъ внезапно удивленъ появленіемъ у его шатернаго окошечка, какъ показалось Его Величеству, двухъ офицеровъ. Узнавъ о происшествіи, онъ тоже не повѣрилъ внезапному свѣдѣнію, но велѣлъ однако подать себѣ одѣваться и послалъ за военнымъ министромъ. Получивъ приказаніе, Д. А. Милютинъ сѣлъ на казачью лошадь и поѣхалъ за корпуснымъ командиромъ, который немедленно явился. Затѣмъ генераль-адъютантъ Рылѣвъ обошелъ всѣ палатки, произнося шопотомъ: „Господа, извольте вставать“. Но тревоги не было бито, спокойствіе не было нарушено ни на минуту. Въ скоромъ времени все было готово къ выступленію. Даже обозъ тихо выровнялся въ совершенномъ порядкѣ, безъ торопливости. Между тѣмъ флигель-адъютанту, полковнику барону Мейендорфу, велѣно было скакать въ Павлово, гдѣ располагалась штабъ-квартира Цесаревича, въ тылу его арміи. Его Высочеству предписывалось выслать на встрѣчу Императору, сколько найдется, свободного войска; самъ же Императоръ, прежде всего озабоченный судьбою переправы, рѣшился двинуть къ Дунаю состоявшій при Его Велиествѣ отрядъ и лично слѣдовать въ Павлово по непріятельской землѣ на протяженіи 10 верстъ подъ однимъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ собственнаго конвоя. Начальникъ конвоя, флигель-адъютантъ полковникъ Черевинъ, когда ему было объявлено о такомъ рѣшеніи, отозвался, что онъ ни за что не ручается, но что онъ и всѣ его люди готовы лечь до послѣдняго.

Стало свѣтать. Сумерки зари вскорѣ обратились въ теплое солнечное утро. Государь въ обще-генеральскомъ сюртукѣ съ блестящими аксельбантами сѣлъ на вороного коня и тихимъ шагомъ двинулся проселкомъ къ большой дорогѣ, лежащей между Систовымъ и Тырновымъ, спокойно курая папиросу. Незвѣстность о томъ, что можетъ произойти, придавала этой минутѣ особую торжественность. На лицахъ людей, слѣдовавшихъ за Его Величествомъ, выражалась тоже спокойная, на все готовая рѣшимость. При мысли о томъ, что могло бы случиться, замѣтилъ впоследствии генераль-адъютантъ Рылѣвъ, мозгъ стынеть.

Достигнувъ замкнутой воронки, отъ которой двѣ вѣтви дороги подымались (одна влѣво, другая вправо), Государь остановился на бугрѣ,

откуда были видны всѣ стороны котловины. Впереди волнисто возвышалась безлѣсная мѣстность, у подножья которой бѣлѣли мазанки, похожія на Малороссійскія. Тутъ были выстроены два эскадрона собственнаго конвоя. Третій былъ уже двинуть къ Дунаю для рекогносцировки. Поздоровавшись съ казаками и приказавъ штандарту стать за нимъ, Государь послалъ свиты Его Величества генераль-маіора Веймарна осмотрѣть даль по направленію на Систово. По осмотру дали съ ближайшей высоты оказалось, что въ Систовѣ все спокойно, и непріятели нигдѣ не видно. Съ тѣмъ же извѣстіемъ вернулся посланный на рекогносцировку эскадронъ. Тѣмъ не менѣ конвоирующая пѣхота съ артилеріею была возвращена съ пути на Павлово къ Дунаю, и прошла мимо Государя, подымаясь въ ущелье. Государь видимо думалъ о защитѣ переправы, но прямой опасности нигдѣ не обнаруживалось.

Свиты Его Величества генераль-маіоръ графъ Протасовъ-Бахметевъ былъ уже посланъ въ Павлово съ отмѣною даннаго барону Мейендорфу порученія. Тогда свиты Его Величества генераль-маіору Веймарну поручено было направиться (съ возвращеннымъ съ дороги эскадрономъ Чугуевского уланскаго полка) къ Никополу, чтобы отыскать 9-й корпусъ и привести въ извѣстность, какъ предшествовавшія дѣйствія генерала Криденера, такъ и настоящее расположеніе его войскъ, а также и намѣреніе его на слѣдующіе дни. Веймарнъ прошелъ около 30 верстъ, не встрѣтивъ непріятели. Узнавъ, что 9-й корпусъ движется къ Никополу для атаки этой крѣпости, онъ оставилъ утомленный эскадронъ въ деревнѣ Пышекладенцы, а самъ поспѣшилъ съ небольшимъ конвоемъ туда же. Но еще передъ тѣмъ, проѣзжая мимо Систова, онъ узналъ, что тревога въ этомъ городѣ произошла вслѣдствіе распространившагося слуха, будто Никополь нами взятъ и бѣгущіе Турки направляются на Систово. Жители ожидали нападенія, войско было на готовѣ, телеграфная проволока порвалась случайно, чего поручикъ Трувелеръ не могъ знать. Впрочемъ излишняя предосторожность не составляетъ проступка и служить только признакомъ усердія.

Государь, простоявъ болѣе получаса на бугрѣ, съ котораго онъ давалъ приказанія и слушалъ успокоительныя донесенія, тихо повернулъ вправо и въ сопровожденіи одного казачьяго конвоя двинулся по дорогѣ въ Павлово. Мѣстность, по которой слѣдовало шествіе, представляла волнистую массу нагихъ возвышенностей, пересѣченную справа въ отдаленной котловинѣ русломъ извиистой рѣки Сара. Вдали виднѣлась цѣпь Балкановъ. Проѣхавъ версть восемь, Государь остановился на пригоркѣ для привала, сошелъ съ коня, прилегъ на травѣ

и, обратившись къ присутствующимъ, весело сказалъ: *C'est une fausse alarme!* (фальшивая тревога)! На травѣ былъ поданъ походный завтракъ, при чемъ хлопотавшій около фургона мундшенкъ Тонфельдъ упалъ, и фургонъ переѣхалъ ему черезъ ногу, но столь благополучно, что перелома кости не воспослѣдовало. Государь немедленно подошелъ къ упавшему, но и тутъ вышла фальшивая тревога. Затѣмъ движеніе продолжалось по широкимъ и совершенно безлѣснымъ пространствамъ. Наконецъ вдали показалась долина, въ которой бѣлѣли ряды палатокъ, виднѣлись зеленые кусты и черныя точки обозовъ. Издали скакали на встрѣчу Государю всадники. Впереди неся статный генералъ, Государь Цесаревичъ, за нимъ слѣдовалъ въ бѣломъ кителѣ красивый, какъ Антиной, герцогъ Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, генералъ-адъютанты графъ Воронцовъ и Стюрлеръ въ сопровожденіи адъютантовъ и ординарцевъ Его Высочества. Привѣтствовалъ Державнаго Родителя, Цесаревичъ представилъ Его Величеству расположенный вблизи походный лазаретъ, отстоящій отъ дороги на нѣсколько шаговъ.

Осмотрѣвъ и другія части лазарета, не минуя тифозныхъ и горячечныхъ, Государь со свитой продолжалъ путь до стоянки. Въ госпиталѣ остался только лейбъ-медикъ С. П. Боткинъ для совѣщанія съ врачомъ о самыхъ опасныхъ больныхъ. Отрядъ дошелъ скоро до деревни Павлово, гдѣ назначалось мѣсто высочайшаго пребыванія. Тутъ, среди убогой деревеньки, дожидался почетный караулъ. Пропустивъ передъ собою войско, Государь сѣлъ въ коляску съ Цесаревичемъ и поѣхалъ въ штабъ-квартиру Его Высочества, гдѣ имѣлъ завтракъ съ дежурствомъ и двумя министрами. Въ это время г.-м. Щолковъ поднесъ Его Величеству телеграмму слѣдующаго содержания: „Имѣю счастье донести, что Никополь у ногъ Вашего Величества, послѣ ожесточеннаго боя, длившагося вчера съ четырехъ часовъ утра до наступленія ночи. Крѣпость сдалась безусловно, сегодня на разсвѣтѣ. Войска Вашего Величества дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, овладѣвая постепенно рядами сильно укрѣпленныхъ позицій. Въ плѣнъ взято двое пашей и до шести тысячъ регулярнаго войска. Генералъ-лейтенантъ баронъ Криденеръ“.

Опасенія о Систовѣ и Дунайскомъ мостѣ, о штурмѣ Никополя, словомъ вся тревога ранняго утра исчезли мгновенно, замѣняясь вѣстью о блистательной побѣдѣ. Государь немедленно послалъ дежурнаго флигель-адъютанта объявить мѣстному войску о счастливомъ событіи. Съ разныхъ сторонъ послышались крики радости. Послѣ завтрака Государь лично объѣздилъ солдатскіе биваки и поздравлялъ съ побѣдою, при крикахъ „ура“ и ликованіи обрадованныхъ воиновъ. За обѣдомъ,

который былъ накрытъ на чистомъ воздухѣ и на которомъ присутствовали Цесаревичъ и его свита, Государь провозгласилъ тостъ за храбрый 9-й корпусъ при громкихъ крикахъ „ура“ присутствующихъ. Въ тоже время получена была телеграмма отъ великаго князя Алексія Александровича о томъ, что свиты генераль-маіоръ И. Н. Толстой имѣеть немедленно прибыть въ императорскій лагерь и везеть съ собою плѣннаго Турецкаго военачальника Гасана-пашу.

Между тѣмъ на площадкѣ успѣла выровняться небольшая улица палатокъ и хатъ. Улица эта примыкала къ плетню, за которымъ была поставлена Императорская ставка и шатры ближайшихъ къ Его Величеству особъ. На возникшей улицѣ начали толпиться кружки, шли разговоры о славной, знаменательной для защиты Дуная, побѣдѣ. Въ 8-мъ часу вечера сдѣлалось общее движеніе; генераль Толстой вошелъ въ лагерь и направился къ Государю. Почернѣвши отъ пороха и пыли, изнеможенный суточнымъ боемъ и поспѣшностью ѣзды, онъ потерялъ голосъ и только шопотомъ могъ отвѣчать на вопросы Императора. Государь сѣлъ на скамейку и посадилъ Толстаго подлѣ себя для разспросовъ. Въ это время былъ введенъ Гасанъ-паша. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрое пальто грубаго сукна съ золотыми погонами, на которыхъ блестяли двѣ звѣздочки. Представъ передъ Государемъ, онъ поднесъ на секунду руку къ почернѣвшей фескѣ и остался недвижимъ. Ростомъ онъ небольшой, коренастаго тѣлосложенія; черты его правильны, носъ орлинообразный; глаза небольшіе, черные, отважные. Эти черные глаза, сверкавшіе какъ уголь изъ смуглаго и правильнаго лица, не опускались передъ величавой осанкой Императора. Чувство безсильной злобы и подавленной гордости отражалось въ его мнимомъ спокойствіи. Онъ былъ похожъ на хищнаго звѣря, попавшаго въ западню. Государь обратился къ нему черезъ переводчика съ нѣсколькими вопросами относительно численности и качества его войскъ. Выслушавъ краткіе, опредѣленные отвѣты, Государь кивнулъ головой, и паша былъ отведенъ въ особо уже .приготовленное для него помѣщеніе. О немъ рассказывали разнорѣчащія слухи: иные утверждали, что онъ былъ извѣстенъ своею кровожадностью и злобствомъ; другіе же утверждали, что такой упрекъ относится къ другому Гасану-пашѣ Виддинскому. Злополучный защитникъ Никополя былъ вполне пораженъ величіемъ и простотою императорскаго приема; онъ даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы пади-шахъ могъ быть одѣтъ какъ прочіе генералы и вопреки Турецкому обычаю двигался и разговаривалъ свободно.

Вечеръ этого дня ознаменовался и другимъ случаемъ, имѣвшимъ значеніе пророческое. Свиты ген.-маіоръ Толстой, не смотря на истому,

не соглашался идти къ отдыху. Онъ не столько распространялся о ходѣ военныхъ дѣйствій подъ Никоподемъ, сколько объ измучившихъ его предвидѣнїяхъ и предчувствїяхъ. Онъ говорилъ, что верстахъ въ сорока отъ ущелья, въ которое упирается Никополь, находится городокъ Плевна—узелъ разныхъ стратегическихъ дорогъ и что если этотъ узелъ не будетъ занятъ немедленно Русскими войсками, то слѣдуетъ ожидать неизбѣжныхъ и страшныхъ бѣдствїй. Онъ одинъ прозрѣвалъ будущность, и никто не могъ думать, что онъ оказывалъ государственную услугу своимъ дальновиднымъ предостереженїемъ. День, обильный впечатлѣнїями, уже кончался. Путники разбрелись къ покою, а Толстой все еще ходилъ по палаткамъ, гдѣ гасли огни, повторяя зловѣщїя слова: Берегитесь Плевны! Берегитесь Плевны!

На другой день, т. е. 5-го Юля во Вторникъ, день былъ снова безоблачный, знойный, удушливо-утомительный. Не смотря на то, на полугорѣ, возвышавшейся надъ лагеремъ Цесаревича, поставлена была подъ палаткой походная церковь для совершенїя благодарственного молебствїя. Кругомъ выстроилось все наличное войско. По прибытїи Государя и великихъ князей молебствїе началось. Служилъ соборный протоіерей собора Зимняго дворца Никольскїй. Въ тотъ же день была еще назначена командировка, и совершилось событїе, о которомъ историкъ не можетъ умолчать. Великій князь Сергїй Александровичъ получилъ приказанїе оставить Императорскїй лагерь и состоять при арміи, предводимой Цесаревичемъ. Государь подвергалъ военнымъ трудамъ и опасностямъ своего четвертаго сына, едва перешедшаго отъ отрочества къ возрасту юноши. И передъ такой жертвой христіанскому сподвижничеству и державному отчизнолюбію не остановилось нѣжное родительское сердце. Въ этотъ вечеръ многое было понято, многое прочувствовано безъ словъ. Вечеръ стоялъ тихій. Вдали пылало зарево пожара.

Объ этой командировкѣ мнѣ объявилъ вечеромъ Государь съ очень грустнымъ лицомъ. Я былъ пораженъ этимъ извѣстїемъ, ибо былъ увѣренъ, что Сергїй Александровичъ будетъ все время въ главной квартирѣ при Государѣ, что я считалъ для него наилучшимъ. Государь, видя мое смущенїе и удивленїе, видимо тоже изумился и сказалъ мнѣ съ грустью: Развѣ ты этого не зналъ?—Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я ему, я этого не зналъ. Тоже самое удивленїе выразилъ мнѣ и Наслѣдникъ, который по просьбѣ Сергїя Александровича и выпросилъ это назначенїе брату у Государя. Наслѣдникъ зналъ мою близость къ Сергїю Александровичу, мою любовь къ нему и заботы о немъ и какъ онъ былъ счастливъ до сей поры въ обществѣ. И онъ былъ удивленъ,

что Сергій Александровичъ сдѣлалъ такой шагъ, даже не сказавъ мнѣ предварительно о томъ ни слова! И меня этотъ поступокъ Сергія Александровича очень огорчилъ.

Дѣло было въ томъ, что онъ хотѣлъ дѣйствительнаго участія въ войнѣ и опасался, что, оставаясь при Государѣ въ главной квартирѣ, онъ ни въ какихъ дѣлахъ участвовать дѣйствительно не будетъ, а его душа жаждала подвиговъ. Онъ зналъ, что мое желаніе было, чтобы онъ оставался при Государѣ, что и для Его Величества это было бы большимъ утѣшеніемъ и поэтому и устроилъ эту командировку въ тайнѣ отъ меня. Но это было нехорошо, потому что онъ зналъ меня достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, что, не смотря на мое желаніе, я бы понялъ его стремленіе и не сталъ бы ему противиться; но уже въ это время Сергій Александровичъ хотѣлъ летать собственными крыльями, и мое иго, не смотря на то что было и легко, и могу сказать ему на „благо“,—все таки начинало ему быть тягостнымъ. Этому содѣйствовало вліяніе Константина Константиновича и его друзей, хотя безъ всякой ко мнѣ враждебности, но дѣйствовавшего на него своимъ примѣромъ, такъ какъ Константинъ Константиновичъ нравственно тогда уже вышелъ изъ подъ вліянія своего воспитателя Ильи Александровича Зеленаго, который, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, нравственнаго вліянія на него и имѣть не могъ. Этому тоже способствовало вліяніе нѣкоторыхъ дамъ въ кружкѣ Императрицы, которыя льстили Сергію Александровичу, зная его близость къ ней и, чтобы имъ лучше овладѣть, старались ослабить его довѣріе и уваженіе ко мнѣ и всячески отдалить его отъ меня, въ чемъ и успѣли. Я долженъ былъ подчиниться положенію, котораго я не могъ измѣнить, и отношенія мои къ Сергію Александровичу хотя были уже не тѣ, что прежде, но оставались хорошими до конца. Онъ меня все таки любилъ, и большая привычка поддерживала прежнюю интимность со мною. Онъ могъ со мною говорить откровенно о всемъ и всѣхъ, зналъ мою любовь и преданность къ Императрицѣ и Государю и находилъ въ этихъ отношеніяхъ себѣ часто отраду, поддержку и успокоеніе. Но его сокровенное, внутреннее я уже не было мнѣ совершенно открыто, и внутренне онъ уже теперь жилъ самъ по себѣ.

И такъ мы съ Сергіемъ Александровичемъ перебрались въ „Русцукскій отрядъ“ Наслѣдника Цесаревича, который со своимъ штабомъ и свитой находился въ *Оберъ-Теникъ*, верстахъ въ 15-ти отъ Главной Квартиры Государя. Первое лицо при Наслѣдникѣ былъ теперь начальникъ его штаба генераль Петръ Семеновичъ Ванновскій, до сего бывшій командиромъ 12-го армейскаго корпуса. Наслѣдникъ только начи-

наль съ нимъ знакомиться и привыкать къ нему. Ванновскій былъ ему еще совершенно чуждъ въ интимной жизни, но въ дѣлахъ службы, съ самаго начала онъ умѣлъ внушить Цесаревичу уваженіе, расположеніе, *довѣріе* къ своему уму, военнымъ свѣдѣніямъ и дѣйствіямъ, а равно и къ своей энергіи и настойчивости. Это расположеніе Цесаревича къ генералу Ванновскому все болѣе укрѣплялось во время войны и хотя по окончаніи ея Ванновскій не сдѣлался приближеннымъ чело-вѣкомъ къ Цесаревичу и еще менѣе къ Цесаревичу, но по вступленіи Александра Александровича на престоль, молодой Государь вскорѣ призвалъ его къ обязанности военнаго министра, которую Ванновскій и исполнялъ во все его царствованіе и, должно сказать, съ отличнымъ успѣхомъ: армія, крѣпости, вооруженіе и всѣ части военной администраціи въ царствованіе императора Александра III-го находились въ величайшемъ порядкѣ и благоустройствѣ. Но теперь, въ первое время своего назначенія начальникомъ штаба, генералъ Ванновскій еще только присматривался къ Цесаревичу и старался поставить себя съ нимъ на должную ногу. И я долженъ отдать ему справедливость: онъ старался занять при немъ должное положеніе, соблюденіемъ своего достоинства начальника штаба, т. е. совѣтника и главнаго помощника и внушеніемъ къ себѣ уваженія какъ чело-вѣку, чего онъ и достигалъ, нисколько не заискивая въ благорасположеніи Цесаревича и не стараясь втереться въ его интимность. И это именно и нравилось благородной и чистой натурѣ Цесаревича.

Цесаревичъ и вся его свита помѣщались въ палаткахъ, и палатка великаго князя Сергія Александровича стояла рядомъ съ палаткой Цесаревича, а кругомъ палатки его адъютантовъ и главныхъ лицъ его штаба. Моя палатка пришлась рядомъ съ палаткой генерала Ванновскаго и, стояла не подалеку, но нѣсколько въ сторонѣ отъ палатокъ Цесаревича и Сергія Александровича и, въ слѣдствіе этого близкаго сосѣдства, я скоро очень хорошо познакомился съ генераломъ Ванновскимъ; когда я къ нему приходилъ, онъ меня задерживалъ у себя и приглашалъ чаще къ нему приходить. Мое положеніе въ Рущукскомъ отрядѣ, какъ состоящаго при Сергіѣ Александровичѣ, было совсѣмъ особенное: у меня не было никакого участія служебнаго въ отрядѣ, я былъ, такъ сказать, делегатомъ Государя при Сергіѣ Александровичѣ и въ полномъ смыслѣ „*попечителемъ*“ его, какъ офиціально я и числился. По этому всѣ лица окружавшія Наслѣдника относились ко мнѣ очень хорошо, зная, что я ничего тутъ не ищю и ничего не озираю. При Цесаревичѣ находился теперь и генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ; уже въ это время онъ былъ начальникомъ штаба гвардей-

скаго корпуса, находившагося еще въ Петербургѣ. Всѣ думали, что онъ будетъ имѣть большое вліяніе на дѣятельность „Руцукскаго отряда“, но этого не было. Ванновскій сначала этого очень опасался и смотрѣлъ на графа Воронцова съ подозрительностью и опасеніемъ, но Цесаревичъ поставилъ управленіе на должную ногу и хотя графа Воронцова и призывали въ совѣщанія Цесаревича и Ванновскаго, но сей послѣдній умѣлъ сохрѣнить вполнѣ свое положеніе и быть вполнѣ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть начальникъ штаба, особенно въ военное время. За симъ при Цесаревичѣ состоялъ генераль-адъютантъ Стюрлеръ, шталмейстеръ его двора. Наслѣдникъ былъ къ нему очень расположенъ, и Стюрлеръ, можно сказать, былъ душою общества. Человѣкъ свѣтскій, остроумный, прекрасный разказщикъ, подъ часъ балагуръ и шутникъ, онъ былъ гораздо старше лѣтами и Цесаревича, и всѣхъ его адъютантовъ. Офицеръ съ 1846-го года, онъ былъ вскорѣ назначенъ флигель-адъютантомъ императора Николая Павловича и очень имъ любимъ. Разказы Стюрлера объ этомъ времени всѣхъ очень интересовали. Стюрлеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые всю жизнь собираются что-то сдѣлать, но при этомъ и остаются. Наслѣдникъ считалъ его прекраснымъ и благороднымъ человѣкомъ, но ни къ какому серьезному дѣлу неспособнымъ. Таковъ онъ и былъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ благородный, прекрасный и добрый человѣкъ и въ тоже время очень своеобразный. Между прочимъ у него были какія-то случайныя симпатіи и антипатіи. Предметомъ первыхъ былъ въ это время полковникъ Мартыновъ, адъют. Цесаревича (изъ казаковъ), и вскорѣ послѣ войны Стюрлеръ, видя, что шталмейстерская часть у него не идетъ успѣшно, ископатывалъ эту должность поручить Мартынову и вскорѣ послѣ этого съ нимъ на всегда поссорился. Предметомъ же антипатіи Стюрлера во время войны былъ докторъ Гриммъ, временно состоявшій главнымъ докторомъ Руцукскаго отряда, и всѣ катались со смѣха, когда Стюрлеръ при каждомъ вмѣшательствѣ Гримма въ разговоръ, даже при всякомъ его приближеніи къ себѣ, дѣлалъ нервное движеніе, отвращенія и досады. Адъютантами Цесаревича въ это время состояли графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ, о которомъ я уже говорилъ выше, князь Владимиръ Бяратинскій, Владимиръ Шереметевъ, князь Владимиръ Оболенскій, графъ А. В. Олсуфьевъ, полковникъ Василевскій, завѣдывающій хозяйствомъ и вышеупомянутый Мартыновъ. Всѣ они были прекрасные люди, жившіе между собою очень дружно, и между ними никогда не было никакихъ ни ссоръ, ни интригъ; одинъ Мартыновъ былъ человѣкъ къ этому двору не подходящій, онъ былъ вполнѣ не воспитанъ и, по природѣ, грубъ. Наслѣдникъ взялъ его въ адъютанты по ходатайству генераль-адъютанта Черткова, наказнаго ата-

мана войска Донскаго во время одного изъ своихъ посѣщеній земли Донскаго казачьяго войска.... И въ концѣ концовъ Мартыновъ не удержался при дворѣ Его Величества и былъ удаленъ уже въ царствованіе Александра Александровича; его сдѣлали *сенаторомъ*, и тутъ вспоминали стихи Державина: „Калигула—твой конь въ сенатъ!“ Но честолюбіе Мартынова страдало отъ этого удаленія, и онъ умеръ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра III-го.

Комендантомъ квартиры Цесаревича былъ генераль Зарубаевъ. Его всѣ очень любили; онъ былъ очень благородный, добрый человекъ, строгій служака, но циникъ и любящій выпить; онъ часто смѣшил своими очень оригинальными по своему цинизму анекдотами. Вотъ и весь штабъ Цесаревича, съ которымъ я прожилъ очень дружно и хорошо все время нахождения моего на войнѣ, т. е. до 12-го Октября, въ продолженіи слишкомъ 4-хъ мѣсяцевъ. Ко мнѣ Цесаревичъ былъ неизмѣнно добръ и любезенъ, но хотя я его зналъ съ самаго моего поступленія ко двору и даже раньше, а именно съ 1859-го года, когда по возвращеніи моемъ изъ кампаніи въ Среднюю Азію воспитатель Ихъ Высочествъ генераль Зиновьевъ приглашалъ меня нѣсколько разъ къ великимъ князьямъ своимъ воспитанникамъ, но я никогда не былъ особенно къ нему близокъ. Къ тому же я принадлежалъ къ большому двору, котораго Наслѣдникъ не любилъ и отъ котораго держался дальше.

Утромъ всѣ приходили пить чай въ большую столовую палатку, получившую послѣ войны историческое значеніе. Эту палатку Цесаревичъ велѣлъ привезти въ Петербургъ и сохранять у себя. Со слѣдующаго же года, 30-го Ноября, лица составлявшія свиту Цесаревича во время войны, устраивали въ этотъ день *ужинъ*, иногда въ Гатчинѣ, и почти всегда въ залѣ ужина ставилась эта палатка; ужинъ происходилъ въ ней, и сигналъ къ ужину подавали тотъ же что къ обѣду во время войны. Цесаревичъ, будучи и Государемъ, всегда съ удовольствіемъ бывалъ на этихъ ужинахъ... Собирались въ 9^{1/2} часовъ, играли въ карты, а кто въ шахматы, а потомъ по сигналу шли ужинать и сидѣли до 2-хъ 3-хъ часовъ ночи, въ воспоминаніяхъ о войнѣ и разговорахъ. Эти ужины продолжались ежегодно до предпослѣдняго года жизни Государя Александра Александровича. Сергій Александровичъ и я всегда на нихъ приглашались и сохранили о нихъ самое пріятное воспоминаніе.

На войнѣ мы приходили въ эту палатку въ полдень къ завтраку, послѣ чего, если не было поѣздки, осмотра частей войска или части полей

или позиціи, всё сидѣли у себя, ибо жара была страшная; когда же жаръ спадалъ, то Наслѣдникъ со всѣми адъютантами, Сергіемъ Александровичемъ и со мною ходилъ дѣлать большую прогулку пѣшкомъ. Онъ ходилъ ровнымъ, довольно скорымъ шагомъ, и мы дѣлали обыкновенно верстъ не менѣе десяти. Я помню, что во время одной изъ такихъ прогулокъ мы проходили черезъ Турецкое кладбище и, глядя на магометанскіе монументы („столбы вѣнчанные чалмою“) Цесаревичу пришло въ голову перевезти одинъ изъ этихъ памятниковъ въ Царское Село, и такъ какъ Сергій Александровичъ пожелалъ тоже одинъ изъ этихъ памятниковъ перевезти въ Царское Село на островокъ фермы, гдѣ онъ постоянно пребывалъ, то я и взялся это сдѣлать, что и исполнилъ. И теперь одинъ изъ этихъ памятниковъ стоитъ въ саду Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ, а другой, привезенный для Сергія Александровича, стоитъ осѣненный туюю (нашимъ сѣвернымъ кипарисомъ) на островкѣ Царскосельскаго большого парка.

Обѣдать всё собирались съ Его Высочествомъ въ той же палаткѣ въ 8 часовъ и послѣ обѣда долго тамъ сидѣли, разговаривали, а потомъ нѣкоторые играли въ шахматы, но карточной игры не было. Около полночи Цесаревичъ приходилъ въ столовую палатку ужинать, и такъ какъ въ это время большая часть свиты уже спала, то у насъ установилось негласное дежурство, по которому одинъ или два человѣка изъ свиты, и въ томъ числѣ и Сергій Александровичъ, постоянно въ это время приходили въ столовую палатку для компаніи Цесаревичу, что всѣмъ, всегда было очень пріятно, такъ Цесаревичъ былъ добръ, ровень и простъ въ обращеніи и, скажу прямо, всѣми любимъ и почитаемъ. Въ одинъ изъ первыхъ дней нашего пребыванія въ Рущукскомъ отрядѣ, Цесаревичъ объявилъ своимъ адъютантамъ, что онъ будетъ ихъ „по очереди“ посылать къ войскамъ, когда „тамъ что нибудь будетъ“ и сказалъ Сергію Александровичу, что и онъ вступитъ въ очередь съ его адъютантами.

Когда всё разошлись, я пошелъ въ палатку къ Ванновскому и объяснилъ ему, что неосторожно ставить Сергія Александровича въ такую очередь, такъ какъ этимъ можно безъ нужды подвергнуть его большой опасности, чѣмъ и Государь будетъ очень недоволенъ. Другое дѣло, сказалъ я, если бы происходило сраженіе, въ которомъ бы онъ долженъ былъ бы принять участіе или что нибудь въ этомъ родѣ. Вѣдь мы обязаны для Государя и Императрицы сколько можно оберегать великаго князя и не подвергать его опасности на равнѣ съ субалтернъ-офицерами и адъютантами. Ванновскій вполне согласился со мною и общалъ мнѣ уговорить Наслѣдника измѣнить его рѣшеніе, что онъ

и сдѣлалъ въ тотъ же день, такъ что на слѣдующее утро Цесаревичъ объявилъ своему младшему брату, что онъ не будетъ въ очереди съ адъютантами, что онъ предоставляетъ себѣ давать ему порученія по своему усмотрѣнію и что онъ будетъ дѣлать нѣкоторыя поѣздки по позиціямъ съ генераломъ Ванновскимъ, и дѣйствительно такихъ поѣздокъ и совершалось во все время двѣ или три.

Но въ эти первые дни нашего пребыванія въ Оберъ-Теникѣ, въ отрядѣ Цесаревича, въ положеніи нашихъ военныхъ дѣлъ произошла неожиданная и большая перемѣна, сдѣлавшая войну гораздо болѣе кровопролитною и затянувшая ее на долгое время. У насъ на глазахъ неожиданно выросла *Плевна*. Вотъ какъ описываетъ эти грустные событія въ своемъ Дневникѣ графъ Сологубъ.

„Послѣ завтрака, 9 Юля, Государю угодно было осмотрѣть пѣхотный лагерь 2-й бригады 1-й дивизіи 13-го корпуса, находившагося подъ главнымъ начальствомъ Цесаревича. Новая бригада замѣнила бригаду корпуса князя Шаховскаго, до того времени прикрывавшую императорскій походъ и направленную къ другому назначенію. Едва Государь, окруженный свитою, успѣлъ сѣсть на коня, какъ Его Величеству подали донесеніе изумительнаго свойства и прискорбнаго. Въ мѣстѣ, гдѣ соединяются дороги изъ Виддина и изъ Софіи съ дугообразнымъ путемъ изъ Никополя на Тырново (преддверіе Балкановъ) находится уже поименованный Болгарскій городокъ Плевна, образующій, очевидно, по своему положенію, немаловажный стратегическій пунктъ. Занятіе Русскими Плевны было рѣшено при общемъ планѣ кампаніи и въ краѣ, почти исключительно населенномъ Болгарами, въ отдаленіи Турецкихъ войскъ, оберегавшихъ съ одной стороны Виддинъ, съ другой Рущукъ, повидимому не представляло особаго затрудненія. Соучастникъ Никопольскаго штурма, свиты г.-м. Толстой, свидѣтельствовалъ, что 3-хъ баталіоновъ будетъ достаточно на занятіе города. Часть Владикавказскаго казачьяго полка заняла было его и расположилась даже на отдыхъ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ появились массы Турокъ, открыли убійственный огонь и заставили нашихъ поспѣшно отступить. Командующій 9-мъ корпусомъ баронъ Криденеръ отрядилъ за тѣмъ три полка 5-й дивизіи подъ начальствомъ Шильднеръ-Шульднера. Отрядъ нашелъ позицію непріятеля укрѣпленною и встрѣтилъ сопротивленіе, котораго никто не ожидалъ; тѣмъ не менѣе онъ достигнулъ своей цѣли и началъ тоже располагаться на Плевненскихъ улицахъ, какъ вдругъ, точно изъ земли, поднялась цѣлая Турецкая армія, осыпавшая наступившихъ непрерывнымъ вихремъ пуль и картечей. Противъ такой

громადной силы, противъ непріятеля, опредѣленнаго съ перваго взгляда въ 40.000 человекъ сплошнаго войска и вполсѣдствіи оказавшагося въ 70.000, оставалось только отступитъ. Еслибы непріятель преслѣдовалъ Русскихъ, ни одинъ изъ нихъ не вышелъ бы живой изъ огня, какъ въ памятную на Кавказѣ Сухарную экспедицію. Но Турки не преслѣдовали и остановились неподвижно въ предѣлахъ воздвигнутыхъ уже ими неприступныхъ укрѣпленій. Самое событіе изобличало новую сторону значенія завязавшейся войны. Внезапно появившіяся на нашемъ правомъ флангѣ Турецкія войска могли быть оттянуты, очевидно, только изъ подъ Виддина, откуда они опоздали на защиту Никополя, изъ остатковъ Никопольскаго гарнизона, изъ Рахова и изъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Черногорцевъ. При нормальномъ ходѣ войны Румынія и Сербія имѣли бы принять самое дѣятельное участіе въ военныхъ операціяхъ, такъ какъ выгода отъ побѣды относилась къ Румыніи и Сербіи несравненно болѣе, чѣмъ къ Россіи. Но Сербія, возбуждившая борьбу, была устранена отъ борьбы, благодаря политическимъ опасеніямъ нашей сосѣдки Австріи и недостатку денежныхъ средствъ. Ея прямымъ естественнымъ призваніемъ было бы овладѣніе Софіею и во всякомъ случаѣ, по возможности, охраненіе нашего праваго фланга; но въ собственномъ дѣлѣ, жертвою своей торопливости въ дѣлахъ войны и мира, Сербія вынуждалась еще къ бездѣйствію. Съ другой стороны Румынія имѣла болѣе опредѣленную роль. Объявившій Турціи войну, Турецкій вассаль, принцъ Карлъ Румынскій, родственникъ Германскаго императора, имѣлъ въ виду независимость своего края и кромѣ того пріобрѣтеніе Задунайской крѣпости Виддина, ключа дальнѣйшей защиты отъ опаснаго сосѣда. Такимъ образомъ обложеніе, осада и штурмъ крѣпости предоставлялись Румынамъ, что уже вполне охраняло нашъ правый флангъ отъ сильныхъ и неожиданныхъ нападений непріятеля. Никополь и проходъ черезъ Балканы былъ уже взятъ нами съ боя, а сорокатысячная Румынская армія все не переходила Дуная, не была еще готова помѣриться ни съ грозной крѣпостью, ни съ оберегающими ея войсками. Такимъ непредвидѣннымъ бездѣйствіемъ Румынъ и объясняется, ускользнувшая отъ возможныхъ соображеній, Плевненская неудача. Такимъ образомъ Русская держава на своемъ воинствующемъ пути встрѣчала затрудненія не только отъ непріятеля, но еще отъ союзниковъ и отъ соучастниковъ. Разнесся слухъ, что въ числѣ Никопольскихъ плѣнныхъ обнаружилось болѣе 100 Англичанъ. Въ Плевнѣ изумила мѣткость Турецкихъ пушечныхъ залповъ, явно направленныхъ искусными артиллеристами. Изумила также непрерывность ружейнаго батальнаго огня. Каждый Турецкій пѣхотинецъ имѣетъ при себѣ до 200 патроновъ и ружье бьющее на 2000 шаговъ.

Стрѣляетъ онъ большею частью безъ прицѣла черезъ плечо или прикладывая ложе ружья на руку. Такимъ образомъ онъ безостановочно мѣняетъ патроны и выпускаетъ выстрѣлы на удачу по данному направленію, что образуетъ свинцовый сплошной дождь, сокрушительнѣе и убійственнѣе правильной стрѣльбы. Но кто обучилъ ихъ такому приему, кто снабдилъ ихъ такими ружьями и такимъ изобиліемъ снарядовъ—въ томъ, кажется, сомнѣнія быть не можетъ. Война 1877 г. докажетъ міру, до какой степени боязнь за вещественные интересы можетъ заглушать совѣсть. Здѣсь нельзя не упомянуть еще о грустномъ обстоятельстве, что жившіе въ Плевнѣ, за исключеніемъ одного священника, Болгары, объятые ужасомъ, не успѣли извѣстить ближайшихъ Русскихъ военно-начальниковъ, пришедшихъ для ихъ спасенія, о прибытіи Турецкихъ массъ изъ-подъ Виддина. Турки предпринимали новый родъ войны, если не достославный по отвагѣ, то выгодный по осторожности, постоянно скрываясь за окопами и потѣшая свою злобу дѣйствіями, окончательно оправдывающими войну. И въ минуту своей легкой побѣды они не преминули ругаться надъ трупами и умерщвлять раненыхъ мучительною медленною смертью. Прочитавъ донесеніе о неудачной экспедиціи генерала Шильднеръ-Шульднера, Государь подозвалъ къ себѣ за день прибывшаго въ штабъ Румынскаго генерала, князя Гику, и приказалъ ему немедленно отправиться къ принцу Карлу съ изъявленіемъ Императорскаго неудовольствія за медлительность Румынской арміи. За тѣмъ смотръ войскъ совершился обычнымъ порядкомъ. За вечернимъ чаемъ прибылъ ординарецъ командующаго 14 корпусомъ г.-л. Циммермана, артиллерійскій поручикъ Гершельманъ, съ донесеніемъ о занятіи Кюстенджи, Черноводъ и Траянова вала. Государь распрашивалъ при всѣхъ пріѣзжаго офицера и милостиво выслушивалъ его краткіе и обстоятельные отвѣты. Такимъ образомъ въ одинъ день императорское мѣстопробываніе три раза мѣняло свои впечатлѣнія: утромъ, происходило въ общемъ шатрѣ благодарственное молебствіе за взятіе Шипки и Казанлыка; въ полдень пришло печальное извѣстіе о Плевненской неудачѣ; вечеромъ снова доставлены утѣшительныя свѣдѣнія. Таковы превратности войны. Къ ночи князь Гика выбылъ изъ лагеря. 14 Іюля. Четвергъ. 14 Іюля ф.-адъютантъ Горяиновъ былъ посланъ въ Оберъ-Теникъ, къ Цесаревичу для передачи важныхъ бумагъ. Можно сказать, что въ воздухѣ вѣяло какимъ-то тревожнымъ ожиданіемъ. Въ Главной Квартирѣ мелькали задумчивыя лица, шептались кружки, шли толки, что къ Плевнѣ собираются свободныя части 9-го корпуса ген.-лейт. барона Криденера, 1-я бригада 11-го корпуса подъ предводительствомъ корпуснаго командира, ген.-лейт. князя Шаховскаго, и головная дивизія приближающа-

гося изъ Румыніи 4-го корпуса ген.-лейт. Зотова. Насчитывалось до 27.000 штыковъ при грозной силѣ 165 орудій. Но достаточна ли была числительность войска для одолѣнія искусныхъ фортификаціонныхъ работъ; но будутъ ли орудія имѣть возможность широко развернуть свой огонь, вотъ въ чемъ заключались сомнѣнія и безпокойства. Одинъ Государь, повидимому, находился совершенно спокоенъ. Во время собраній къ высочайшему столу онъ благосклонно изволилъ слушать по прежнему неистощимо веселые и остроумные рассказы своего даровитаго и боеваго ген.-адъют. князя Эмиля Витгенштейна-Зайнъ-Берлебурга и продолжалъ самъ принимать участіе въ разговорѣ, не переставая впрочемъ обращаться къ присутствующимъ съ вопросами, относящимися до военныхъ дѣйствій“.

Вечернія чтенія продолжались почти каждый день, при чемъ Государь дѣлалъ иногда краткія замѣчанія. Такъ, на примѣръ, при выслушиваніи газетной статьи, въ которой упоминалось о секретномъ союзѣ, заключенномъ между Россією и Италією, Государь слегка наклонился и промолвилъ: „Очень пріятно объ этомъ узнать“. Въ другой иностранной статьѣ выражалось дерзкое ожиданіе, что Русскій Императоръ будетъ вынужденъ бѣжать съ своимъ босоногимъ войскомъ. При этомъ Государь отозвался: „Какъ вѣжливо!“ Наконецъ въ двухъ другихъ статьяхъ было еще сказано, что война въ настоящее время труднѣе чѣмъ прежде... и что нынѣ Россія ведетъ войну собственно не съ Турками, а съ Англією. При этихъ двухъ отзывахъ Государь повторилъ: „Правда! Правда!“

15 Іюля, Пятница, по случаю тезоименитства Великаго Князя Владимира Александровича въ большомъ шатрѣ было отслужено молебствіе. За тѣмъ Государь спросилъ: нѣтъ ли въ числѣ присутствующихъ именинниковъ и узнавъ, что въ этотъ день празднуютъ свои именины князь Меншиковъ и графъ Сологубъ, изволилъ милостиво ихъ поздравить. Послѣ завтрака произведенъ высочайшій смотръ расположеннаго на позиціи 1-го баталіона Копорскаго полка. Сопровождало только дежурство. За полдень прибылъ въ главную квартиру адъютантъ корпуснаго командира барона Криденера, капитанъ Беклемишевъ, изъ подъ Плевны. Пріѣхалъ онъ верхомъ на прямикъ по компасу, совершивъ около 70-ти верстъ почти безостановочно на добромъ своемъ конѣ. Представивъ Его Величеству донесенія корпуснаго командира и вѣдомость о выбывшихъ изъ строя при Плевнѣ, число коихъ простиралось до 3,000, Беклемишевъ былъ осыпанъ вопросами со стороны императорской свиты. Изъ отвѣтовъ оказалось, что Турокъ собранныхъ подъ Плевной было не 40,000, а 70,000, что они расположились

укрѣпленнымъ лагеремъ, имѣя въ тылу рѣку съ крутымъ берегомъ, а спереди три фаса террасообразныхъ верковъ, снабженныхъ пушками по угламъ и редутомъ посерединѣ. Развѣздовъ они не высылали и наступательнаго движенія въ открытомъ полѣ, очевидно, въ виду не имѣли. Они, такъ сказать, вызывали на штурмъ, причемъ ихъ числительное превосходство и почти неприступная позиція представляли имъ надъ Русскимъ отрядомъ преимущества громадныя, тѣмъ болѣе, что самый составъ отряда былъ немало убавленъ Никопольскою побѣдою и Плевненскою неудачею. Во всякомъ случаѣ, благодаря совершенному бездѣйствію Румынскаго союзнаго войска, начавшееся уже триумфальное шествіе къ Царьграду неожиданно затормозилось, и общій планъ кампаніи видоизмѣнился. Въ исторіи главную роль играетъ всегда непредвидимое. Возникшее препятствіе требовало или значительной проволочки времени или отважнаго, но рѣшительнаго удара. Впрочемъ, если судьба нашего праваго фланга возбуждала серьезныя опасенія, то со стороны лѣваго фланга ничего рѣшительнаго не опредѣлялось. И тутъ Турки сохраняли систему оберегательнаго выжиданія. Идти штурмомъ на Рускукъ значило бы дѣйствовать по ихъ желанію и во всякомъ случаѣ вытерпѣть уронъ огромный, то есть, въ одно время поколебать оба крыла наступающей арміи и подвергнуть случайностямъ ея базисъ на Дунай. Послѣ рекогносцировки, произведенной Великимъ Княземъ Владимиромъ Александровичемъ, воспослѣдовало со стороны арміи Цесаревича авангардное дѣло подъ командою ген.-адъют. графа Воронцова-Дашкова. По слухамъ, Турки понесли чувствительную потерю, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, въ лицѣ Азисъ-паши, начальника ихъ штаба. Трупъ его былъ узнавъ по найденнымъ на немъ бумагамъ. У Русскихъ выбыло изъ строя до 300 человекъ. Послѣ пріѣзда ротмистра Беклемишева въ главную-квартиру прибылъ адъютантъ Цесаревича, капитанъ графъ Олсуфьевъ, съ донесеніемъ о бывшемъ дѣлѣ. За обѣдомъ Государь объявилъ своему фл.-адъют., Георгіевскому кавалеру, полковнику Шлиттеру, воину испытанному на Кавказѣ, что онъ назначается командиромъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка. Полкъ сильно пострадалъ подъ Плевной, а новый его начальникъ, коего два брата были убиты на войнѣ и котораго тоже ожидала геройская смерть, тотчасъ же послѣ стола выбылъ къ своему новому назначенію.

20 Іюля Среда. 20 Іюля, послѣ отбытія главнокомандующаго по направленію на Плевну, Государь вышелъ къ завтраку и, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ съ улыбкою: „Сегодня въ Петербургѣ большая радость. Я телеграфировалъ, чтобъ гвардія, кромѣ кирасиръ, немедля выступала на Дунай. Однимъ кирасирамъ горе“. Но не только

гвардія была выписана, были выписаны еще части изъ Польши и другихъ мѣстъ, такъ что итогъ вытребованнаго подкрѣпленія простирался до 180,000 человекъ. Плевненскія оба дѣла были собственно не пораженіями, такъ какъ они не измѣняли общаго хода дѣлъ, а поученіями, коими слѣдовало воспользоваться немедленно. Но это могъ исполнить только самъ Императоръ. Понесенныя при Плевнѣ неудачи и потери указывали неопровержимо на слабую сторону Русскихъ военныхъ операцій, то есть на недостаточность численности войскъ. Наступительныя, быстрыя и прочныя движенія требовали напора цѣлой массы. Съ другой стороны нельзя было не оберегать базиса арміи, т. е. Дуная, которому очевидно должны были угрожать двѣ Турецкія арміи: одна съ нашего лѣваго фланга, которая и была уже въ сборѣ между Османъ-Базаромъ и Разградомъ; другая же, опоздавшая къ защитѣ Никополя, грозно и выжидательно на правомъ флангѣ укрѣпилась въ Плевнѣ. Наконецъ, центръ Турецкой арміи долженъ былъ естественно сосредоточиваться за Балканами, чтобы встрѣтить непріятеля въ дефилеяхъ и на равнинѣ въ случаѣ дорого купленной Русскими побѣды въ горахъ: за тѣмъ обѣ стерегуція арміи ударили бы въ тылъ наступателей и отрѣзали бы имъ отступленіе, что привело бы если не къ рѣшительному пораженію Русскихъ, съ которыми сладить не легко, то къ значительному перевѣсу со стороны Турокъ и къ блистательному для нихъ окончанію кампаніи. Такой планъ обрисовывался ясно, и Плевненская твердыня, постоянно расширявшаяся въ неприступныхъ укрѣпленіяхъ, безмолвно указывала на необходимость едвали осуществимаго приступа.

Было намъ жестокимъ ударомъ и занятіе въ слѣдъ за нею Турками Ловчи, что всѣхъ насъ огорчило. 27-го Іюля у Государя былъ военный совѣтъ, въ которомъ участвовали Цесаревичъ, главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, военный министръ и генералъ Нипокойчицкій. На этомъ совѣтѣ было рѣшено гвардію вызвать немедленно изъ Петербурга на театръ войны и еще дивизію изъ Кавказскаго военнаго округа. До прихода означенныхъ подкрѣпленій наши наступительныя военныя дѣйствія должны были быть пріостановлены, и только тогда надо было прежде всего взять Плевну, и потомъ уже армія, перейдя за Балканы, могла двинуться къ Константинополю, между тѣмъ какъ отрядъ Наслѣдника долженъ былъ осаждать Русуку, а остальное войско оставлено въ Сѣверной Болгаріи охранять нашъ тылъ и оберегать сообщеніе арміи съ Россіей. Одновременно было рѣшено, что Румынская армія приметъ дѣятельное участіе въ осадѣ Плевны и что принцъ Румынскій будетъ начальникомъ своей арміи и

всего отряда осаждающаго Плевну. Въ это же время окончательно выяснилось, что Государь продолжитъ свое пребываніе въ арміи. Онъ самъ желалъ съ самаго начала оставаться при арміи во все время войны, по примѣру горячо любимаго имъ дяди Германскаго императора; но окружающіе Государя, начиная съ ближайшаго его совѣтника графа А. В. Адлерберга, были совершенно другаго мнѣнія. Графъ Адлербергъ говорилъ ему постоянно, что Германскій императоръ вовсе ему не примѣръ и что не было ничего общаго между положеніемъ Германскаго императора, ставившаго во время Французской войны все царство свое на карту и положеніемъ нашего Государя въ этой войнѣ, и что, наконецъ, близость разстояній Германіи отъ Франціи и отдаленіе Русскаго Государя отъ своего отечества, въ которомъ постоянное присутствіе его такъ нужно, дѣлаютъ ихъ положенія совершенно различными. Всѣ мы, кругомъ Государя, сначала были увѣрены, что онъ останется въ арміи только до перехода ея черезъ Дунай и первыхъ удачныхъ нашихъ дѣйствій. И такъ, можетъ быть, оно и было бы, не случись *Плевны*. Но теперь дѣйствительно Государю было бы, какъ бы и неприлично, и недостойно увѣжать, и онъ рѣшился остаться, не смотря на все, что ему говорили и гр. Адлербергъ, и главнокомандующій, который тяготился присутствіемъ Государя на войнѣ, подъ предлогомъ, что оно требуетъ большаго отдѣленія войска для его охраны (что было совершенно несправедливо) и что присутствіе Государя стѣсняетъ самостоятельность дѣйствій главнокомандующаго, что во-первыхъ было съ одной стороны невѣрно, а во 2-хъ съ другой, присутствіе Государя было напротивъ благотворно, и это теперь и обнаруживалось, а именно: 18-го Іюля ознаменовалось событіемъ представляющимъ смыслъ особо знаменательный.

Состоящіе при Его Величествѣ военные агенты, Австрійскій баронъ Бехтольсгеймъ и Англійскій Велеслей, внезапно были изъ Главной Квартиры. Отъѣздъ ихъ согласовался, очевидно, съ дипломатическими соображеніями и свидѣтельствовалъ, какъ благотѣльно было присутствіе Его Величества въ самомъ центрѣ военныхъ дѣйствій. Каждая рѣшительная мѣра возникала, такъ сказать, наглядно изъ самой сущности обстоятельствъ, безъ проволочки времени, безъ размѣна переписокъ и телеграммъ, всегда требующихъ объясненія и никогда не передающихъ истины въ полномъ ея свѣтѣ. Тутъ, какъ громъ за молніей, высочайшая воля могла непосредственно слѣдовать за каждымъ непредвидѣннымъ событіемъ. Другая благотѣльная сторона высочайшаго пребыванія за Дунаемъ заключалась въ томъ, что каждая заслуга была на виду и немедленно сопровождалась наградой, что еще

болѣе возбуждало усердіе готоваго на смерть войска. Кромѣ того Государь поставилъ себѣ священною обязанностью радѣть о раненыхъ, не только въ общихъ мѣрахъ, но личнымъ вниманіемъ, личными утѣшеніями. Страдалецъ получалъ при томъ высшую награду: царское спасибо за службу Царю. Послѣ рекогносцировки графа Воронцова-Дашкова привезено было 169 чел. раненыхъ въ 56-й военно-временный госпиталь, перенесенный уже изъ Павла на берегъ рѣки Янтры, у самаго входа въ село Бѣлу. Лейбъ-медикъ Боткинъ присутствовалъ при приѣмѣ привезенныхъ и былъ пораженъ ихъ усталымъ, страдальческимъ видомъ. „Я вернулся отъ этого зрѣлища, рассказывалъ нашъ знаменитый врачъ, съ тяжелымъ, печальнымъ чувствомъ. Каково же было мое удивленіе, когда черезъ нѣсколько часовъ я снова посѣтилъ, но уже сопровождая Государя, госпиталь. Ни одного раненаго нельзя было узнать. Ни одного стога, ни одного вздоха не было слышно. Всѣ лица просвѣтлѣли. Всѣ взоры одушевились радостью и благодарностью. Прострѣленные въ ноги хотѣли держаться на ногахъ! Прежнее тяжелое чувство (прибавилъ С. П. Боткинъ) замѣнилось отраднымъ впечатлѣніемъ“. Этимъ однимъ уже объясняется причина высочайшаго присутствія за Дунаемъ. Государь знаетъ всю силу своего вліянія на свои войска. Счастливъ тотъ народъ, который умѣетъ еще любить и вѣрить. Во время своего пребыванія въ с. Бѣлѣ Государь неоднократно посѣщалъ госпиталь, и каждое его посѣщеніе было радостью и ознаменовывалось милостью. Посѣщеніе 18 Іюля огорчило однако Государя тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть раненыхъ была прострѣлена нѣсколькими пулями. Этимъ доказывалось, до какой степени были часты непріятельскіе выстрѣлы и предвѣщались въ будущемъ значительныя потери въ численности людей. Съ другой стороны сердце Императора было глубоко утѣшено восторгомъ, преданностью и самоотверженіемъ воиновъ-страдалцевъ. Многимъ изувѣченнымъ Государь приказалъ наколотъ на рубахи знаки военного отличія. Награжденные крестились, плакали, цѣловали императорскія руки и полученные, священно-дорогіе имъ, кресты. Въ эту минуту душевнаго упоенія всѣ страданія забывались. Государь былъ видимо тронутъ.

20-го Іюля произошла наша новая неудачная попытка овладѣть Плевною. Вотъ какъ описываетъ это печальное событіе графъ Сологубъ въ своемъ Дневникѣ пребыванія Государя въ арміи.

„Между тѣмъ нельзя было утаить, что положеніе императорской главной квартиры казалось нѣсколько опаснымъ. Изрѣдка даже шопотомъ говорили о возможности втораго Седана. Нѣкоторые случайные гости села Бѣлы, вставая по утрамъ, на двѣ воронки своего лагеря

смотрѣли на окружающіе ихъ холмы, ожидая видѣть на нихъ Турецкія полчища. Другіе желали столкновенія, рѣшающаго войну. Третьи ничего не думали и не знали, но чѣмъ-то бессознательно тревожились. Одинъ Государь оставался спокоенъ и невозмутимъ. Въ дѣйствительности, опасности никакой не было, благодаря расчету и упорству Турокъ не выходитъ пока изъ своей земляной клѣтки. Кромѣ того Государя видимо подкрѣпляла глубокая вѣра въ волю Провидѣнія. Рассказывали, что онъ замѣтилъ одному изъ своихъ приближенныхъ: „Два раза въ меня стрѣляли, и я остался живъ. Стало быть, я еще на что-нибудь нуженъ“. Но какъ ни принималъ онъ на себя личину равнодушія, какъ ни выказывалъ онъ спокойствіе и даже веселость, нельзя было не чувствовать, что сердце его многолюбящее скорбѣло не о пораженіяхъ, которыхъ собственно не было, а о числѣ и мукахъ безцѣльно падавшихъ жертвъ. Такъ отецъ горюетъ о дѣтяхъ преждевременно утраченныхъ. Такое душевное настроеніе проявилось нѣсколькими словами. Когда, въ памятный день 20 Іюля, по прибытіи въ Главную Квартіру Козлова (бывшаго ординарцемъ генерала Криденера) пріѣхалъ, наконецъ, нетерпѣливо ожидаемый изъ подъ Плевны свиты г.-м. князь Имеретинскій съ донесеніемъ о случившемся, Государь долго его спрашивалъ въ своей палаткѣ и потомъ, вышедъ къ столу, говорилъ вѣстнику печали: „А я по твоей милости всю ночь не спалъ. Все тебя дождался“. И за столомъ Государь продолжалъ расспросы, на которые князь Имеретинскій отвѣчалъ съ безотрадною точностью. Послѣ обѣда его окружили штабные товарищи съ просьбой рассказать о ходѣ видѣнныхъ имъ событій. Рассказъ былъ мастерской и если бы молодой генералъ не былъ боевымъ дѣятелемъ, то онъ былъ бы, конечно, замѣчательнымъ военнымъ лѣтописцемъ. Сперва обрисовалъ онъ, такъ сказать, фотографически грозную позицію безсчетнаго непріятели, потомъ вычислилъ наши силы, рассказалъ о недоумѣніяхъ и колебаніяхъ наканунѣ боя, о военномъ совѣтѣ, о внезапной рѣшимости, о диспозиціи къ атакѣ, имѣвшей раздробиться при большомъ пространствѣ на три момента дня и на три самостоятельные отряда при малочисленности войска. Рассказчикъ отдалъ сперва полную справедливость свиты ген.-майору Скобелеву, который первый въ изолированной своей части вступилъ въ бой (въ 8 ч. утра) и послѣдній изъ него вышелъ, уже въ глухую ночь, прибравъ всѣхъ своихъ раненыхъ, отступая въ полномъ порядкѣ и выказавъ при томъ полное хладнокровіе, распорядительность и неустрашимость. Отдѣленный отъ него глубокимъ оврагомъ, корпусный командиръ князь Шаховской двинулся въ 9 часовъ утра съ одной бригадой своего корпуса на штурмъ лѣваго фаса непріятельской позиціи, на которой встрѣтилъ нѣсколько ярусовъ укрѣпленій, увѣнчанныхъ

редутомъ. При тѣсномъ пространствѣ артиллерія не могла выдвинуть достаточно орудій. Тѣмъ не менѣе князь Шаховской, повинувая условленной диспозиціи, продолжалъ наступленіе, вытѣснилъ Турокъ изъ двухъ нависшихъ надъ нимъ укрѣпленій, а на третье бросился въ штыки. Но Турки, всегда прежде избѣгавшіе рукопашнаго боя съ Русскими солдатами, на этотъ разъ энергически выдержали напоръ и штыку отвѣчали штыкомъ въ смѣшавшихся крикахъ „Аллахъ“ и „Ура“. Князь Шаховской послалъ тогда просить барона Криденера о подкрѣпленіи, но подкрѣпленіе опоздало. Побѣда становилась невысказанною. Силы громадныя давили горсть оставшихся храбрецовъ, увидавшихъ, что достигнуть невозможнаго невозможно. Пришлось отступать, сперва въ порядкѣ, потомъ уже въ разсыпную. Безвинно виноватый князь Шаховской видѣлъ, какъ въ его глазахъ въ крови таяло его войско. Къ ночи въ кустарникахъ безпорядокъ сдѣлался страшный. Нельзя было спастись ни раненыхъ, замученныхъ Турками, ни снарядныхъ ящиковъ. Титановскія попытки не удаются. Съ своей стороны баронъ Криденеръ атаковалъ центръ непріятельской позиціи въ 2¹/₂ часа по полудни; но и недавній побѣдитель Никополя, не смотря на личную неустрашимость и усердіе своего отряда, натолкнулся на затрудненія непобѣдимыя со стороны непріятеля, уже ободреннаго первымъ успѣхомъ. И тутъ пришлось отступать, и ночь была свидѣтельницею суматохи неслыханной. Всѣ части смѣшались, отступление приняло видъ катастрофы. Уронъ на первый видъ казался огромнымъ, но опредѣлить его съ точностью не было еще возможности.

Между тѣмъ положеніе отряда Цесаревича, въ виду наступленія новаго главнокомандующаго Турецкой арміи Мехмедъ-Али съ превосходящими силами, дѣлалось небезопаснымъ, и 26-го Іюля Цесаревичъ отступилъ въ Бѣлую за Янтрой. Цесаревича это отступление очень огорчало и мучило, и онъ, проведя день въ Бѣлой и не слыша ничего о наступленіяхъ Турокъ, черезъ день снова перешелъ на другой берегъ Янтры на прежнюю позицію, гдѣ и оставалась его Главная Квартира. Томительный застой въ военныхъ дѣйствіяхъ продолжался. Государь въ это время пребывалъ со своей свитой въ селѣ Бѣлой и очень страдалъ тамъ, будучи нравственно и физически нездоровъ (катаральнымъ состояніемъ желудка, какъ страдали въ Бѣлой и многія лица изъ свиты Его Величества).

9-го Августа Сулейманъ-паша съ 24 тыс. отрядомъ напалъ на наши 11,000, занимавшихъ Шипкинскій перевалъ на Балканахъ. Нашъ отрядъ храбро и стойко выдержалъ нѣсколько отчаянныхъ приступовъ Турокъ, и Балканскія позиціи были нами удержаны, а на поддержку

нашимъ былъ посланъ генералъ Радецкій съ 20,000. Но всѣ эти дни безпокойство за нашу позицію на Шипкѣ и судьбу нашего тамошняго отряда у насъ было великое. Государь вызвалъ къ себѣ Сергія Александровича, и мы немедленно прибыли въ Горный Студень, гдѣ теперь была Главная Квартира Государя и гдѣ ему было гораздо лучше чѣмъ въ Бѣлой: воздухъ здѣсь былъ лучше и чище и помѣщеніе удобнѣе. Государь видимо страдалъ отъ безпокойства и неизвѣстности о томъ, что происходитъ на Шипкѣ и съ тревогою ожидалъ часто получаемыхъ оттуда донесеній. Онъ вызвалъ Сергія Александровича, чтобы послать его на Шипку, дать ему возможность принять участіе въ дѣлѣ, передать войскамъ слова благодарности Государя за ихъ геройство и раздать Георгіевскіе кресты; но съ Шипки извѣщали, что бой былъ отчаянный и кровопролитный, что наступленія Сулеймана повторялись непрестанно и что наконецъ хотя мы и удержали свою позицію на горѣ Св. Николая, но эта позиція обстрѣливалась Турками и всякій человѣкъ, только появляющійся на дорогѣ, былъ немедленно убиваемъ. Послѣ этого Государь отмѣнилъ свое намѣреніе посылать Сергія Александровича на Шипку, не желая подвергать его столь явной и большой опасности. Эта отчаянная борьба на Шипкѣ продолжалась нѣсколько дней, и только 17-го Августа Турецкая армія Сулеймана-паши, послѣ цѣлаго ряда отраженій, начала отступать, и наши Шипкинскія позиціи остались окончательно за нами.

Черезъ нѣсколько дней Сергій Александровичъ со мной возвратился въ Руцукскій отрядъ къ Цесаревичу, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. И Цесаревичъ тоже былъ очень радъ возвращенію своего брата, къ которому онъ въ это время очень привязался. Между Цесаревичемъ и Сергіемъ Александровичемъ была очень большая разница въ лѣтахъ, и такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ Цесаревичъ, женившись, сталъ жить въ Аничковомъ дворцѣ, братья даже и видѣлись довольно рѣдко, и на Сергія Александровича старшій братъ продолжалъ смотрѣть какъ на ребенка. Но теперь, видя его ежедневно, онъ сталъ его лучше узнавать и, теперь, когда онъ нравственно былъ совершенно изолированъ, Александру Александровичу было отрадно имѣть при себѣ брата, съ которымъ онъ могъ говорить попросту и, такъ сказать, отводить душу. Цесаревичу было отрадно увидѣть, что его младшій братъ былъ прекрасный юноша, нравственный, религіозный, интересующійся дѣломъ, серьезнаго ума, любящій чтеніе и умственныя занятія, очень благороднаго характера, при томъ очень добрый, скромный и умѣющій хорошо хранить сказанное ему по секрету, и съ большимъ тактомъ и выдержкою. Цесаревичъ сблизился въ это время съ Сергіемъ

Александровичемъ и сердечно его полюбилъ, а Сергій Александровичъ, который всегда любилъ Цесаревича и Цесаревну, сталъ просто обожать старшаго брата. И могъ ли кто, зная Александра Александровича, не уважать его и не полюбить! Прямота, доброта и благородство были основными его качествами, и онъ отличался *замѣчательнымъ здравымъ смысломъ*, который и оказалъ ему столько пользы во время его царствованія. Несмотря на нѣкоторую *rudesse* нрава (слово *грубость* не передаетъ вполнѣ значенія слова *rudesse*), онъ былъ обыкновенно очень сдержанъ и даже деликатенъ въ обращеніи съ людьми и, храня всегда свое достоинство, никогда не оскорблялъ челоуѣческаго достоинства въ другихъ, и поэтому его всѣ очень почитали и любили. Онъ ненавидѣлъ ложь и глубоко ее презиралъ, и челоуѣкъ, разъ ему солгавшій, терялъ навсегда его довѣріе и его расположеніе. Горячо любившій свое отечество, онъ добросовѣстно и всей душой посвящалъ себя на служеніе ему. И здѣсь въ отрядѣ онъ исполнялъ свою обязанность въ высшей степени добросовѣстно и былъ занятъ постоянно не только стратегической и тактической стороною дѣла, но и заботами всѣхъ родовъ о вѣренномъ ему войскѣ, чѣмъ и стяжалъ себѣ въ арміи большое уваженіе. Сергій Александровичъ сталъ видѣть въ Цесаревичѣ осуществленіе своего идеала челоуѣка и своимъ любящимъ и горячимъ сердцемъ привязался къ нему всей душой. И Цесаревичъ, какъ я уже сказалъ, полюбилъ и оцѣнилъ Сергія Александровича и сталъ ему довѣрять, что дѣлалъ къ очень немногимъ, и это расположеніе и довѣренность, продолжавшійся во все время царствованія Александра Александровича, повели со временемъ къ тому, что онъ поручилъ Сергію Александровичу столь важный постъ Московскаго генераль-губернатора.

17-го Августа пріѣхалъ къ Государю принцъ Карлъ Румынскій, и здѣсь, на совѣщаніи у Его Величества, было рѣшено, что Румынская армія приметъ дѣятельное участіе въ войнѣ при осадѣ Плевны и что при этомъ тою частью войска, которая будетъ къ этому отдѣлена, будетъ начальствовать принцъ Карлъ.

20-го Августа Османъ-паша сдѣлалъ на осаждающую его армію нападеніе. Это было очень кровопролитно, но совершенно неудачно для Турокъ, которые потеряли при этомъ до 15,000 челоуѣкъ. Можно думать, что это была со стороны Османа-паши отчаянная попытка пробиться изъ Плевны на соединеніе съ Сулейманомъ-пашей. За тѣмъ нѣсколько дней все было тихо, и выжидательное состояніе наше продолжалось. 21-го Августа князь Имеретинскій и Скобелевъ взяли *Ловчу*; это было всѣмъ намъ великою радостью и знакомъ, что мы снова начали наше наступательное движеніе. Мы всѣ воспрянули духомъ.

День нашъ проходилъ прежнимъ, обычнымъ порядкомъ, и когда жаръ спадалъ, около пяти часовъ, Цесаревичъ съ Сергіемъ Александровичемъ и лицами своей свиты шли дѣлать большую пѣшеходную прогулку версть въ 10, ровнымъ и довольно скорымъ шагомъ, что было для нихъ очень полезно. И однажды, когда Цесаревичъ, будучи особенно занятъ, гулять не пошелъ, я отправился пѣшкомъ одинъ. Шель я довольно разсѣяннo, не слишкомъ замѣчалъ дорогу и наконецъ совершенно заблудился; уже стемнѣло, и я, не зная гдѣ я, набрелъ на Болгарскую деревушку. Жители въ ней уже всё спали, собаки на меня набросились, и я, насилу отъ нихъ отбившись, у одной изъ хижинъ нашель старика, который мнѣ объяснилъ, что наша деревня (Дальній Монастырь) далеко, а что тутъ поблизости уже линіи Турецкихъ войскъ. А затѣмъ онъ мнѣ указалъ дорогу до главной квартиры Цесаревича, куда я и дошелъ благополучно уже въ одиннадцатомъ часу вечера, когда всё еще сидѣли за столомъ послѣ ужина и уже безпокоились о моемъ исчезновеніи. Когда я рассказалъ о своихъ приключеніяхъ, то Наслѣдникъ покачалъ головой и съ доброй улыбкой сказалъ мнѣ: „Ну, однако, Дмитрій Сергѣевичъ, въ другой разъ, будьте осторожнѣй; вѣдь такимъ образомъ можете и въ плѣнъ попасть къ Туркамъ“. И я дѣйствительно понялъ, что былъ очень неостороженъ и уже съ тѣхъ поръ большихъ одинокихъ прогулокъ не дѣлалъ.

Вторая половина Августа для всей арміи прошла въ томительномъ ожиданіи и относительно бездѣйстви, въ ожиданіи прибытія на войну гвардейскаго корпуса и нѣсколькихъ войскъ изъ Киевскаго округа. Плевна нами усиленно бомбардировалась; но говорили, что позиціи нашихъ батарей не вполне удачно расположены.

Руцукскій отрядъ подъ начальствомъ Наслѣдника не могъ еще и начинать правильной осады Руцука, потому что не были еще къ намъ доставлены изъ Россіи большія пушки для бомбардировки. Да и положеніе дѣлъ измѣнилось значительно не въ нашу пользу. Плевненскія неудачи удерживали значительную часть арміи вокругъ этого укрѣпленнаго города, въ которомъ заперлась армія Османа-паши и къ которой мы прозѣвали привозъ транспорта съ провіантомъ. Въ это же время былъ смѣненъ Турецкій главнокомандующій и замѣненъ Мехмедъ-Али-пашей, который сталъ тѣснить отрядъ Цесаревича и корпусъ Владимира Александровича, и они должны были стараться только удержать свои позиціи, т. е. лѣвый флангъ нашей арміи. А Сулейманъ-паша продолжалъ дѣлать отчаянныя нападенія на Шипку и старался добраться и до нашего праваго фланга, что ему не удалось, а равно не удавалось и на Шипкѣ и на другихъ проходахъ въ Балканы. Всё

жили ожиданіемъ въ надеждѣ благопріятнаго оборота въ дѣлахъ по прибытіи подходящихъ на театръ войны войскъ, какъ вдругъ вечеромъ 30-го Августа Наслѣдникъ узналъ, что въ этотъ день наша армія штурмовала Плевну и неудачно, не смотря на геройское поведеніе нашей арміи и занятіе Скобелевымъ Гривицкаго редута. Я никогда не видалъ Цесаревича въ такомъ удрученномъ состояніи. Онъ горько порицалъ этотъ несвоевременный и худо обдуманый штурмъ, оплакивая наши тяжелыя потери. И у него вырвались слова: это несчастная манія устраивать сюрпризы къ именинамъ, которые кончаются гекатомбами. Государь былъ глубоко огорченъ; уныніе и горестъ сдѣлались всеобщими. На другой день былъ у Государя военный совѣтъ, на которомъ Его Величество объявилъ, что онъ выписалъ Тотлебена, чтобы организовать систематическое обложеніе Плевны и расположеніе батарей для *дѣйствительно цѣлесообразной бомбардировки Плевны*. Извѣстіе это очень не понравилось главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, не любившему Тотлебена, но за то всей арміей оно было принято съ радостью. И дѣйствительно, когда черезъ нѣсколько дней прибылъ въ дѣйствующую армію Тотлебенъ и осмотрѣлъ наши позиціи, онъ составилъ новый планъ обложенія и мѣсто возведенія батарей, что и было очень быстро сдѣлано, и началась усиленная, постоянная бомбардировка днемъ и ночью Плевны, начавшая производить въ городѣ большія разрушенія. Блокада Плевны теперь была полная, и скоро стало очевидно, что сдача Плевны неминуема и что это только вопросъ времени, но какого? Кто говорилъ нѣсколькихъ дней, кто мѣсяць или два, потому что не знали, на сколько времени хватитъ у Османа-паши провіанта и снарядовъ. Но перебѣжчики, которыхъ стало являться къ намъ теперь довольно много, говорили, что провіанта мало, что порціи уже уменьшены, что снарядовъ очень недостаточно и что въ Турецкой арміи Османа-паши число больныхъ очень велико. Черезъ нѣсколько дней послѣ неудачнаго штурма у насъ всѣ ожили духомъ, хотя и прежде въ немъ не было никакого упадка, но только сожалѣніе и глубокая горестъ о неудачѣ.

Между тѣмъ письма, получаемыя мною изъ Петербурга отъ моихъ помощниковъ по воспитанію Великихъ Князей гг. Мечина и Лагоста, очень меня огорчали и смущали; оказывалось, что фл.-адъютантъ Литвиновъ, который на время моего отсутствія былъ назначенъ Государемъ состоять при Великомъ Князѣ Павлѣ Александровичѣ, долженствовавшій преимущественно сопровождать его при его выѣздахъ, началъ самовольно вторгаться въ домашній обиходъ Великаго Князя, нисколько не соображаясь ни съ моими указаніями, ни съ тѣмъ, что ему говорили

Мечинъ и Лакость, и сталъ ѣздить всюду съ Великимъ Княземъ, отрывая его отъ регулярныхъ занятій, такъ что Павелъ Александровичъ сталъ постепенно отбиваться отъ руководенія своихъ наставниковъ. Императрица начала тоже объ этомъ беспокоиться и была недовольна Литвиновымъ. Въ одномъ изъ моихъ писемъ къ Императрицѣ я, изложивъ Ея Величеству всю нежелательность и весь вредъ отъ такого поворота въ руководеніи Павла Александровича, просилъ Императрицу позволить мнѣ пріѣхать въ Царское-Село на нѣсколько дней, чтобы установить должный порядокъ; но Императрица думала иначе и рѣшилась выписать меня совсѣмъ съ войны къ Павлу Александровичу, рассчитывая, что и Сергію Александровичу придется не долго оставаться на войнѣ, такъ какъ она уже знала, что Государь останется въ арміи только до взятія Плевны. Да къ тому же Сергію Александровичъ, находясь въ Руссукскомъ отрядѣ Цесаревича, былъ постоянно при своемъ братѣ, съ которымъ теперь находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, питая къ Наслѣднику большую симпатію, сыновнюю привязанность и уваженіе. Но мнѣ Императрица хотя нѣсколько разъ очень милостиво писала, но о своемъ рѣшеніи еще не увѣдомляла, и я продолжалъ очень беспокоиться. Безпокойство мое раздѣлялъ и Сергію Александровичъ, столь нѣжно любившій своего младшаго брата.

Между тѣмъ гвардія и двѣ новыя армейскія дивизіи уже прибыли на театръ войны и начали рядъ наступательныхъ дѣйствій. Такъ 12-го Сентября наша бригада 32 дивизіи, бригада 26 дивизіи и Невскій полкъ, состоявшіе въ Руссукскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ генерала Татищева, имѣли блестящее дѣло съ Турками арміи Мехмедъ-Али и разбили ихъ на голову. Князь Имеретинскій и Скобелевъ взяли опять Ловчу, очень важный пунктъ для нашего праваго фланга и позицій къ Балканамъ... Государь со своей свитой жилъ теперь въ Горномъ Студенѣ и съ радостью почти всякій день встрѣчалъ подходившіе отряды своей гвардіи, которую онъ такъ сердечно и горячо любилъ. Онъ былъ отечески расположенъ ко всей арміи, геройство которой ежедневно видѣлъ; но къ гвардіи у него было даже какое-то баловство. Во время нашихъ неудачъ Государь ни разу не падалъ духомъ и не приходилъ въ отчаяніе: такъ напримѣръ, онъ съ твердостью отклонилъ всѣ совѣты отступить на зиму арміи за Дунай съ тѣмъ, чтобы снова начать войну будущей весной, не только не принялъ совѣта оставить Плевну, но, вызвавъ Тотлебена (прибывшаго 10-го Сентября) рѣшилъ продолжать энергичную осаду и бомбардировку Плевны и рѣшилъ, что не уйдетъ изъ арміи, пока она не будетъ взята и послѣднія силы сопротивленія Турокъ будутъ уничтожены. И чтò тамъ ни говорили, присутствіе

Государя въ арміи было благодѣтельно и предотвратило много ошибокъ и случайностей, которыя безъ него могли бы причинить великій ущербъ дѣлу, начиная съ отношеній къ Румынскому принцу Карлу, которыя не были хороши съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Теперь Румынская армія въ 45,000 человекъ облежала вмѣстѣ съ нами Плевну, и принцъ Карлъ командовалъ всей Плевненской арміей.

Государь ежедневно ѣздилъ посѣщать больныхъ и раненыхъ, разспрашивалъ ихъ и утѣшалъ, раздавалъ Георгіевскіе кресты и вещи присылаемыя ему постоянно Императрицею, бѣлье, теплое платье, рукавицы, шерстяные шарфы, чай, сахаръ и лакомства. Но главное, благодаря этимъ постояннымъ посѣщеніямъ лазаретовъ, госпитальная часть поддерживалась въ превосходномъ порядкѣ, въ чемъ окомъ и правою рукою Государя былъ докторъ Сергій Петровичъ Боткинъ, остававшійся при Государѣ во все время войны. Здоровье Государя, нѣсколько расшатанное во время жаркихъ погодъ, осенью совершенно поправилось. По вечерамъ Государь послѣ вечерняго чая въ 9 часовъ съ графомъ Адлербергомъ, Д. А. Милутинымъ и княземъ Суворовымъ прочитывалъ вечернія телеграммы и реляціи главнокомандующаго, или какую нибудь статью изъ журналовъ. Такъ я вспоминаю, что мнѣ два вечера пришлось читать ему статью „Тряпичкины-Очевидцы“ которая его очень смѣшила. За тѣмъ Государь игралъ три роберта въ ералашъ, и тѣмъ кончался его день. Наслѣдникъ со своимъ штабомъ стоялъ обыкновенно верстахъ въ 15, 20-ти отъ Государя и навѣщалъ отца своего разъ или два въ недѣлю. Въ Августѣ и Сентябрѣ Цесаревичъ стоялъ сначала въ Бѣлой, Копривицѣ, Дальнемъ Монастырѣ и наконецъ въ Брестовицѣ, гдѣ мы всѣ помѣщались въ домахъ, и Сергій Александровичъ жилъ въ домѣ рядомъ съ домомъ Цесаревича.

21-го Сентября Великій Князь Павелъ Александровичъ, выписанный изъ Царскаго Села Государемъ, пріѣхалъ въ Горній Студень, сопровождаемый полковникомъ Литвиновымъ, и Сергій Александровичъ со мною былъ вызванъ изъ дальняго Монастыря къ Государю въ Горній Студень. Намъ разбили палатки на дворѣ царскаго дома; но теперь по ночамъ уже наступали морозы, и я догадался помѣститься съ Великимъ Княземъ въ пустой подвальной комнатѣ, гдѣ былъ маленькій Болгарскій каминъ, который мы стали усиленно топить и гдѣ намъ было очень хорошо. А Павла Александровича пріютилъ у себя князь Суворовъ; у него были двѣ маленькія комнаты въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Государь, у котораго было три небольшихъ и болѣе чѣмъ скромныя комнаты. Государь и на этотъ разъ былъ со мною очень милостивъ и объявилъ мнѣ, что онъ выписалъ Павла Александровича

только на нѣсколько дней и что за тѣмъ я долженъ отправиться съ Павломъ Александровичемъ къ Императрицѣ въ Царское Село, а при Сергіи Александровичѣ замѣнить меня на войнѣ фл.-ад. Литвиновъ, пріѣхавшій съ Павломъ Александровичемъ. Я былъ осчастливленъ этимъ приказаніемъ, радуясь увидѣть жену и дѣтей, тѣмъ болѣе, что жена жестоко страдала отъ горя разлуки и безпокойства за меня. 27, 28 и 29-го Сентября оба Великіе Князя Сергіи и Павелъ Александровичи провели въ Брестовицѣ у Цесаревича и потомъ возвратились въ Горній Студень, гдѣ провели еще нѣсколько дней у Государя. Государю очень хотѣлось, чтобы и Павелъ Александровичъ участвовалъ въ какомъ нибудь дѣлѣ, чтобы и ему дать Георгіевскій крестъ; но во всѣ эти дни ничего не ожидалось, да къ тому же думаю, что Государь, главное для Императрицы, боялся подвергнуть жизнь Павла Александровича опасности, чего никогда нельзя предвидѣть. Такъ Павлу Александровичу и не удалось быть подъ огнемъ.

Мы съ Павломъ Александровичемъ переѣхали нашу границу, 11-го Октября, въ день Св. Апостола Филиппа, образъ котораго мнѣ былъ присланъ черезъ жену мою отъ нашего друга Григорія Ивановича Губчица. Образъ этотъ принадлежалъ одному изъ его родственниковъ, участвовавшему въ нѣсколькихъ войнахъ. Онъ всегда имѣлъ его съ собою и всегда оставался цѣль и невредимъ. И теперь, уѣзжая съ войны, я оставилъ этотъ образъ великому князю Сергію Александровичу, который сталъ носить его. По возвращеніи моемъ съ войны въ Царское Село, мы съ женою отслужили благодарственный молебенъ Св. Апостолу Филиппу и съ тѣхъ поръ, ежегодно 11-го Октября, служимъ ему молебенъ, что соблюдаю и теперь. 12-го Октября, когда мы были уже въ Унгенѣ (въ Бессарабіи), у Цесаревича произошло большое сраженіе при *Мечкѣ*. въ которомъ Турки были разбиты. Въ этомъ сраженіи участвовалъ и Сергіи Александровичъ, и близъ него былъ взорванъ ящикъ съ артиллерійскими снарядами и убитъ унтер-штабмейстеръ великаго князя Владимира Александровича Шишенковъ, а въ концѣ сраженія пулею въ голову убитъ князь Сергіи Максиміліановичъ Лейхтенбергскій, смерть котораго была всѣми оплакиваема. Какъ я былъ счастливъ узнать, что Сергіи Александровичъ остался цѣль и невредимъ, но какъ сожалѣлъ, что мнѣ не пришлось быть съ нимъ въ первомъ военномъ дѣлѣ, въ которомъ онъ участвовалъ! Въ Унгенѣ мы нашли Анастасію Николаевну Мальцеву съ ея дочерью Ириной и сыномъ Николаемъ Сергѣевичемъ. Анастасія Николаевна была во главѣ госпиталя для раненыхъ, устроеннаго тутъ понеченіями Императрицы, отъ Краснаго Креста. Анастасія Николаевна провела въ

Унгенѣ нѣсколько мѣсяцевъ, рѣшившись на этотъ подвигъ изъ любви къ Императрицѣ, которая всю душу свою, всѣ свои заботы и всѣ свои средства отдавала въ это время попеченію о раненыхъ, устройенію госпиталей, содержанію ихъ въ должномъ порядкѣ и облегченію всѣми матеріальными и нравственными средствами, которыя только она могла придумать и отыскать, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи Анастасія Николаевна оказала большія услуги и приносила большую пользу. Она была негласнымъ, но самымъ дѣятельнымъ представителемъ Императрицы на театрѣ войны по дѣятельности Краснаго Креста, а въ Унгенѣ, гдѣ у нея было нѣсколько сотъ раненыхъ она была для нихъ самою заботливою не только сестрою милосердія, но какъ бы матерью и въ уходѣ за больными, въ утѣшеніи ихъ и помощи имъ. Дочь ея и сынъ помогали самымъ сердечнымъ образомъ. Ирина Сергѣевна сближалась съ больными, писала имъ письма къ роднымъ, узнавала о ихъ нуждахъ и желаніяхъ и оказывала страждущимъ много пользы. И раненые обожали Анастасію Николаевну и ея дочь, и многіе изъ нихъ даже долго послѣ войны сохраняли съ ними сношенія. Два дня, проведенные нами въ Унгенѣ, были намъ очень отрадны.

Я забылъ сказать, что, проѣзжая черезъ Бухарестъ, Павелъ Александровичъ, по приказанію Государя, долженъ былъ сдѣлать визитъ принцессѣ Румынской, супругѣ князя Карла. Испросивъ надлежащимъ образомъ о времени, въ которое она пожелаетъ насъ принять, мы, по ея приглашенію, поѣхали въ одинъ изъ госпиталей съ ранеными Румынскими воинами, въ которыхъ ея высочество проводила почти цѣлые дни. Мы застали ее съ дамами ея свиты, съ фартуками Краснаго Креста. Принцесса, сказавъ великому князю и мнѣ нѣсколько словъ, пригласила насъ сопутствовать ей при обходѣ раненыхъ, что мы и сдѣлали, и при насъ между прочимъ дѣлали внутреннее вспрыскиваніе одному молодому, чрезвычайно красивому Румынскому солдату, у котораго была раздроблена кость лѣвой ноги; эти вспрыскиванія причиняли раненому страшную боль; лицо его при этомъ покрывалось смертельной блѣдностью и выражало ужасныя страданія. Этотъ несчастный юноша былъ фаворитомъ всѣхъ придворныхъ дамъ, и онѣ выказывали ему живѣйшую симпатію. За симъ мы простились съ принцессой и уѣхали. Признаюсь, что эта аудіенція, въ госпиталѣ, показала мнѣ нѣкоторую аффектаціей. За симъ путешествіе наше продолжалось вполнѣ благополучно.

Возвращеніе съ войны.

Въ Субботу 15-го Октября, въ 6 часовъ вечера, мы подъѣхали по желѣзной дорогѣ на Александровскую станцію въ Царскомъ Селѣ. Мы

сѣли съ женою и Великимъ Княземъ въ карету и поѣхали во дворець. Высадивъ жену у ея подъѣзда, Великій Князь со мною, мы прошли къ Императрицѣ. Она была счастлива его видѣть, имѣть черезъ меня вѣсти о Сергіѣ Александровичѣ и слышать живое описаніе его пребыванія на войнѣ. Императрица была еще подъ глубокимъ впечатлѣніемъ сраженія при Мечкѣ, происшедшаго 12-го Октября, уже на другой день моего пріѣзда на Русскую границу. Продержавъ меня у себя съ полчаса, Императрица, не знавшая, что я уже видѣлъ свою жену, сказала мнѣ: „Mais allez, allez chez votre femme qui est si impatiente de vous revoir!“ И я побѣжалъ домой.

Но при всей нашей радости мы были опечалены кончиною князя Сергія Максимиліановича. Онъ былъ добрый, умный, очень воспитанный и образованный молодой человекъ, чрезвычайно красивый, элегантный и нѣсколько напоминавшій покойнаго Цесаревича Николая Александровича. И я вспомнилъ, что, наканунѣ моего отъѣзда съ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ изъ Руцукскаго отряда, 10-го Октября, я провелъ ночь съ нимъ въ Болгарской хижинѣ, въ той же комнатѣ, и онъ вечеромъ говорилъ мнѣ: „Какъ вы счастливы, что возвращаетесь въ Россію!“ И при этомъ мнѣ тогда же показалось, что душа его удручена мрачнымъ предчувствіемъ. Бѣдный юноша, онъ такъ любилъ жизнь и былъ такой жизнерадостный!

21-го Октября получили мы извѣстіе, что Государь пожаловалъ Сергію Александровичу Георгіевскій крестъ, и я получилъ по этому поводу отъ Государя самую милостивую и сердечную телеграмму. Я телеграфировалъ поздравленіе Великому Князю и въ телеграммѣ только выразилъ искреннее сожалѣніе, что не былъ при немъ во время его перваго сраженія. Онъ отвѣчалъ мнѣ телеграммой, въ которой выразилъ все свое счастье и радость—полученія Георгія!

23-го Октября, въ Воскресенье, я поѣхалъ съ Павломъ Александровичемъ въ Петербургъ для встрѣчи тѣла князя Сергія Максимиліановича и торжественнаго перевезенія его въ крѣпость. Въ 6 часовъ вечера процессія отъ вокзала Николаевской жел. дороги потянулась по Невскому, Садовой и Царицыну лугу и на улицахъ собралось великое множество народа, и это перевезеніе имѣло совершенно особый характеръ: народъ кричалъ Ура! праху юнаго князя, запечатлѣвшаго своей смертью службу своему отечеству. Это были не похороны, а какое-то триумфальное шествіе, и какое-то восторженное чувство овладѣло этой массой Русскихъ людей. Хотя Сергіѣ Максимиліановичѣ, не будучи Великимъ Княземъ, не имѣлъ права быть погребеннымъ въ

крѣпости, но, въ почитаніе его смерти на войнѣ, Государь приказалъ похоронить его въ крѣпости, рядомъ съ могилою его матери Великой Княгини Маріи Николаевны. Его поставили въ маленькомъ придѣлѣ Петропавловской церкви, находящейся предъ входомъ въ соборъ, у входа въ него на право; а на другой день тамъ же происходило отпѣваніе его праха.

Императрица съ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ и дворомъ переѣхали 2-го Ноября въ Петербургъ, куда одновременно переѣхало и мое семейство. Какъ мы были рады быть опять въ нашей милой квартирѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ которой я жилъ уже съ 1865 года, а съ женой съ 1872-го.

28-го Ноября Императрица получила отъ Государя радостное извѣстіе о взятіи Плевны и сдачѣ Османъ-паши съ 40,000 войскомъ, 77 пушекъ, 10 пашей, 120 штабъ-офицеровъ и 20,000 оберъ-офицеровъ, множествомъ боевыхъ припасовъ и при 6000 убитыхъ и раненыхъ у непріятеля, при чемъ былъ раненъ и самъ главнокомандующій Османъ-паша. Велика была радость Императрицы и всѣхъ насъ ее окружавшихъ. Велика и неописана была и радость и восторгъ всей Россіи. Плевна взята! А отнынѣ успѣхъ войны былъ несомнѣнный, и предвидѣлся скорый и побѣдоносный ея конецъ. На другой же день, 29 Ноября, былъ въ Зимнемъ дворцѣ молебенъ, на которомъ единодушно благодарили Господа, и всѣ обнимались. Счастлива была Императрица и потому еще, что предвидѣла, что теперь Государь и ея дѣти скоро возвратятся въ Петербургъ, такъ какъ Государь уже давно рѣшился дожидаться въ арміи только сдачи Плевны. И дѣйствительно, Государь, повидавъ почти всѣ части дѣйствующей арміи, собранныя подъ Плевной, сердечно благодаривъ войска за ихъ геройскую службу, и щедро наградивъ всѣхъ начальствующихъ и отличившихся лицъ, 4-го Декабря уѣхалъ съ театра войны и благополучно возвратился въ Петербургъ. И мнѣ Государь пожаловалъ орденъ Св. Станислава I-й степени съ мечами, чему я былъ очень радъ. Орденъ съ мечами носится всегда и при высшихъ орденахъ, и мнѣ, пожалованному въ контръ-адмирала только $\frac{1}{2}$ года тому назадъ, было очень лестно получить уже и ленту и притомъ за военные заслуги. Сергію Александровичу, за участіе его въ сраженіи подъ Мечкою, Государь пожаловалъ Георгіевскій крестъ, о чемъ телеграфировалъ Императрицѣ, и Сергій Александровичъ тоже телеграфировалъ своей матери и мнѣ о своей великой радости. Я тотчасъ же купилъ Георгіевскій крестъ и хотѣлъ послать его въ тотъ же вечеръ съ отъѣзжающимъ фельдшеремъ Великому Князю; но Императрица, узнавъ объ этомъ черезъ Павла Алек-

сандровича, пожелала отъ себя послать ему крестъ, послала попросить меня отдать ей этотъ крестъ, ибо по позднему времени магазины были уже заперты, и она не могла въ тотъ вечеръ къ отъѣзду фельдъегеря достать крестъ. Я конечно съ радостью исполнилъ желаніе Ея Величества и отослалъ ей съ Павломъ Александровичемъ свой крестъ, вполне понимая, какъ это и ей будетъ отрадно, и какою будетъ радостью Сергію Александровичу получить Георгіевскій крестъ отъ своей обожаемой матери.

Вотъ описаніе взятія Плевны и послѣднихъ дней пребыванія Государя при дѣйствующей арміи, взятое изъ дневника его пребыванія на войнѣ графомъ Сологубомъ.

Взятіе Плевны.

28-го Ноября. Понедѣльникъ. 28-го Ноября, въ 10 часовъ утра, Государь получилъ отъ главнокомандующаго извѣстіе, что Турки предпринимаютъ вылазку и что потому онъ къ высочайшему завтраку прибыть не можетъ, согласно предположенію. Государь тотчасъ велѣлъ объявить, что въ 11 часовъ онъ выѣзжаетъ въ свой редутъ и чтобы вся его свита за нимъ слѣдовала. Подъ Плевной происходило слѣдующее. Еще за нѣсколько дней до 28-го Ноября генераль-адъютантъ Тотлебенъ производилъ въ частяхъ вѣренныхъ генераламъ Ганецкому и Каталею манѣвръ, въ видѣ репетиціи, для точнаго расчета времени, необходимаго на сосредоточеніе войскъ, въ предположеніи рѣшительной атаки со стороны обложенной арміи. Такимъ образомъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ угадалъ приблизительно и время, и самую мѣстность. 27 Ноября непріятельскій огонь замолкъ. По всѣмъ признакамъ оказывалось, что Турки готовятся къ выступленію.

Должныя мѣры были тотчасъ приняты. Генераламъ Скобелеву, Ганецкому, Каталею, барону Криденеру и Шниткову указаны позиціи и переданы точныя наставленія. Бой начался съ разсвѣтомъ по направленію участка генерала Ганецкаго. Вся масса Турокъ направилась на Видъ, черезъ который переправились и войска и повозки, и многія уже были переведены. Наступательныя движенія непріятеля, направленные противъ ложементовъ 3-й гренадерской дивизіи, произведены были съ замѣчательною стремительностью. Впереди, какъ засвидѣтельствовавъ генераль Тотлебенъ, выдвигалась сплошная цѣпь стрѣлковъ, за которою непосредственно слѣдовали поддержки въ разомкнутомъ строю. За этими частями шли резервы. Артиллерія сопровождала цѣпь стрѣлковъ и также быстро подвигалась впередъ, останавливаясь не

болѣе какъ для одного выстрѣла и затѣмъ снова догоняла цѣпь. Въ три четверти часа Турки уже были на Русской оборонительной линіи. Какъ буря ворвались они въ траншеи окопа № 3, изрубили артиллеристовъ и захватили 6 пушекъ; первая бригада 3-й гренадерской дивизіи изнемогала подъ давленіемъ отчаянной атаки. Тогда къ мѣсту боя стали поспѣшно подходить подкрѣпленія: 2-я бригада 3-й гренадерской дивизіи, 8-й гренадерскій Московскій и 7-й гренадерскій Самогитскій полки 2-й гренадерской дивизіи. Прибытіе этихъ подкрѣпленій обезпечивало успѣшный ходъ боя. Раздавшееся въ 10¹/₂ часовъ громкое „Ура“ возвѣстило атаку 2-ю бригадою 3-й гренадерской дивизіи нашихъ ложементовъ, занятыхъ Турками. Отбросивъ непріятеля отъ обоихъ люнетовъ, Астраханцы и Фанагорійцы, поддержанные Сибирцами и Малороссійцами, быстро продолжали наступленіе и, не обращая вниманія на потери, причиняемая адскимъ огнемъ противника, штыками выбивали Турокъ изъ траншей. Орудія наши, оставленные въ рукахъ у непріятеля, были отняты назадъ, причемъ Астраханцы взяли еще съ боя семь Турецкихъ орудій и одно знамя. Два баталіона 18-го Вологодскаго полка, выдвинувшись еще ранѣе къ лѣво-фланговому люнету и прилегающимъ ложементамъ гренадерской позиціи, дѣйствовали непріятелю во флангъ, причемъ они были поддержаны огнемъ Румынской батареи. Одновременно съ атакою 2-й бригады 3-й гренадерской дивизіи, въ 10³/₄ часовъ, къ мѣсту боя подошелъ 7-й гренадерскій Самогитскій полкъ, направленный начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи генералъ-лейтенантомъ Свѣчинымъ, въ промежутокъ между Горнымъ и Дольнимъ Нетрополемъ. Бросившись въ штыки, Самогитцы, безъ выстрѣла, выбили изъ ложементовъ Турокъ и, обративъ уцѣлѣвшіе здѣсь остатки непріятельскихъ войскъ въ бѣгство, захватили три орудія. Занявъ вновь передовые ложементы, войска наши временно приостановились. Было около 12 часовъ дня, когда Турки начали медленно отступать къ р. Виду, поддерживая однако, сильный огонь. Отобранные у непріятеля орудія, не приведенныя еще въ негодность, открыли по Туркамъ огонь, имѣя прислугу изъ пѣхоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ батареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады выдвинуты были впередъ и, занявъ позицію, на одной линіи съ пѣхотой, стали поражать отступавшихъ Турокъ картечными гранатами. Отступленіе непріятеля принимало все болѣе нестройный и смѣшанный характеръ. Густыя толпы Турокъ въ безпорядкѣ скучивались у моста и смѣшивались съ обозами, покрывавшими сплошною массою прилегающую къ шоссе мѣстность. Въ эту минуту прибылъ Государь на Императорскій редутъ. Онъ видѣлъ, какъ всѣ войска Русскія перешли въ наступленіе по всей линіи. Дивизія генерала Данилова двинулась

впередъ. Первая бригада 2-й гренадерской дивизіи, выйдя изъ ложементовъ, стала охватывать лѣвый Турецкій флангъ. Другіе гренадеры заняли Блазевацкія высоты. Повѣяло вѣтромъ побѣды. „Ура“ стонало надъ Плевной. Генералы, Зотовъ, баронъ Криденеръ, Каталей, Скобелевъ, Шнитниковъ, Чернатъ двинулись впередъ, по опредѣленнымъ назначеніямъ: съ двухъ фланговъ и въ тылъ. Главнокомандующій и генераль-адъютантъ Тотлебенъ спустились съ Радишева въ Плевну. Въ Плевнѣ не было ни одного Турецкаго солдата. Всѣ редуты, люнеты, траншеи были пусты. Вся Турецкая армія хотѣла выступить сполна; но выступить ей было некуда. Великій Князь главнокомандующій и генераль-адъютантъ Тотлебенъ проѣхали по той загадочной мѣстности, которая, какъ Сахара, не обозначалась ни на какой картѣ. Тутъ у высотъ Блазеваца стояла коляска, въ которой сидѣлъ раненый военноплѣнный Турецкій главнокомандующій, Османъ-паша. Турки кидали на землю груды оружія. За ними гренадеры, въ шеренги выстроенные, смотрѣли молча. Плевна была взята. Главнокомандующій, 10 пашей, 120 штабъ-офицеровъ, 2,000 оберъ-офицеровъ, 40,000 нижнихъ чиновъ, 1,200 всадниковъ сдались военноплѣнными. Взято 77 орудій и множество боевыхъ припасовъ, въ особенности ружейныхъ патроновъ. Уронъ непріятеля простирался до 6,000 человекъ. Со стороны Русскихъ потери исчислены до 1,850. Съ этой минуты Русская армія становилась побѣдоносна. Руки главнокомандующаго были развязаны для открытаго боя. Генераль Тотлебенъ исполнилъ свое порученіе. Государь внимательно смотрѣлъ на холмистую опрокинутую воронку Плевенской панорамы, на этотъ разъ оживленной движеніями войскъ. Вдали, вправо отъ Зеленыхъ горъ и за Плевной, грохотала буря выстрѣловъ и носились волны дыма. Въ 3 часа прискакалъ къ редуту посланный еще изъ Порадима на Гривицкія высоты за свѣдѣніями, фл.-адъют. графъ Милорадовичъ. Онъ донесъ, что проѣхалъ черезъ Плевну, оставленную Турками, и представилъ галетку и два патрона, какъ образецъ того, что онъ нашелъ въ Плевненской церкви. Пальба утихла. На редутъ Государемъ были уже получены двѣ телеграммы. Первая была печальная, объявившая, что Сибирскій гренадерскій полкъ не могъ отстоять свои траншеи, и со 2-й батареи 3-й гренадерской бригады отбито у насъ 6 пушекъ. Но вскорѣ пришла другая депеша, объявившая, что орудія высвобождены и что къ Сибирцамъ подоспѣлъ Малороссійскій гренадерскій полкъ. Государь ходилъ молча. Вдругъ, припомнивъ, что генераль-адъютантъ Милютинъ всегда отстаивалъ на военныхъ совѣтахъ продолженіе кампаніи и неусыпно старался о доставленіи въ Болгарію гвардейцевъ и гренадеръ, подошелъ къ военному министру и сказалъ: „Дмитрій Алексѣевичъ! Если дѣла приняли такой

хорошій оборотъ, то мы этимъ тебѣ обязаны. Я этаго никогда не забуду“. Въ три часа пріѣхалъ на редутъ свиты г.-м. князь Витгенштейнъ, посланный на Гривицкія высоты одновременно съ фл.-адъют. графомъ Милорадовичемъ; князь Витгенштейнъ повторилъ, что Плевна опустѣла и что за Видомъ длится упорное сраженіе. Почти въ 4 часа показался подъ скатомъ редута скакавшій на верхъ всадникъ. Издали онъ махаль фуражкой, кричалъ „ура“, понукалъ измученную лошадь и снова кричалъ „ура“, мгновенно подхваченное конвоемъ и даже экипажною прислугою. Запыхавшійся гонецъ поспѣшно соскочилъ съ коня, подбѣжалъ къ Государю, донесъ, что Османъ-паша сдался со всею арміею безусловно корпусному командиру Ганецкому. Выслушавъ радостное извѣстіе, Государь немедленно снялъ фуражку и перекрестился. Счастливымъ вѣстникомъ былъ полковникъ Моравскій, помощникъ коменданта главной квартиры Великаго Князя Николая Николаевича, находившійся въ этотъ день при генераль-лейтенантѣ Ганецкомъ. Онъ самъ видѣлъ Осману-пашу; самъ слышалъ, какъ Османъ-паша изъявилъ покорность и былъ посланъ генераломъ Ганецкимъ съ этимъ радостнымъ донесеніемъ. Государь поблагодарилъ его и поздравилъ своимъ флигель-адъютантомъ. Прискакавшему съ Моравскимъ казаку Государь пожаловалъ военный знакъ 3-й степени, такъ какъ онъ уже имѣлъ знакъ 4-й степени. Минуть черезъ десять послѣ этаго эпизода прискакалъ, но уже официально отъ главнокомандующаго, состоящій при его высочествѣ на ординарцахъ, поручикъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка Дерфельденъ. Османъ-паша и Турецкая армія были дѣйствительно военноплѣнными. Тогда Государь, позвавъ военнаго министра, объявилъ ему, что ему жалуются орденъ Св. Георгія 2-й степени. Изумленный такою высокою наградою, по статуту ему впрочемъ слѣдовавшей, онъ снялъ фуражку, прослезился и кинулся къ рукъ Государя, его обнимавшаго. Ваше Величество! промолвилъ онъ съ трудомъ, „я ничего не сдѣлалъ. Не жалуйте мнѣ такой награды. Я ея недостойнъ“. Но Государь обнялъ его и сказалъ: „Прими и носи. Мы здѣсь тебѣ многимъ обязаны“. Тогда военный министръ снова хотѣлъ припасть къ рукъ Императора, который снова его обнялъ. Эта сцена была глубоко трогательна.

Новаго Георгіевскаго кавалера тотчасъ же окружила императорская свита съ горячими и искренними поздравленіями. Въ 4½ часа Государь, сходя съ бруствера, чтобы садиться въ коляску, снова обратился къ военному министру съ вопросомъ, совершенно неожиданнымъ: „Дмитрій Алексѣевичъ! спросилъ онъ, разрѣшаешь ли ты мнѣ надѣть на саблю Гергіевскій темлякъ за мое терпѣніе“. Знаменательно, что

въ это время Государь вернулся въ Порадимъ и не спустился на нѣсколько шаговъ къ Плевнѣ, чтобы не затмить своимъ торжествомъ торжества его военачальниковъ. Для своего же боеваго удовлетворенія и для личнаго самолюбія онъ находилъ достаточнымъ простой офицерскій темлякъ. Къ 6-ти часамъ, по рѣдко нарушаемому обычаю, Государь былъ уже въ Порадимѣ. Его привѣтствовали обезумѣвшіе отъ радости клики всего сбѣжавшагося на встрѣчу населенія. Государь былъ веселъ, но спокоенъ. Ничто не нарушало заведеннаго порядка. Только долго составлялись телеграммы и работалъ телеграфный станокъ. Такъ прошелъ день 28-го Ноября.

4-го Декабря. Воскресенье. 4-го Декабря, ровно черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ тревоги въ Царевичахъ, Государь снова былъ въ близости Дуная. Онъ ѣхалъ съ Цесаревичемъ. За ними слѣдовали Великій Князь Сергій Александровичъ и ген.-адъют. Милютинъ, графъ Адлербергъ и Рыльевъ. У Дуная дожидались великіе князья Владимиръ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ. Вскорѣ открылись сизія воды рѣки получившей новое историческое значеніе. Мастерски проложенный Русскими саперами трехверстный спускъ упирался къ понтонному мосту у Батинской переправы. За мостомъ чернѣлось село Петрошани. Болгарія отходила вдаль. Впереди виднѣлась Румынія. Пятимѣсячное пребываніе Русскаго Императора за Дунаемъ кончилось, и уже ясно обнаруживалось, что этотъ подвигъ царствованія Александра II сопровождался постоянно тою неожиданною силою обстоятельствъ, которую вѣрующіе называютъ волею Провидѣнія. Въ этомъ одномъ уже сказывается знаменательный урокъ и для народовъ въ совокупности, и для отдѣльныхъ людей въ ихъ частной жизни. Казалось, что со стороны Герцеговинцевъ, Черногорцевъ и Сербовъ совершалось безумство безвыходное, когда они поднялись на Турцію. Но это было нужно, потому что иначе Россія не вовлеклась бы въ войну. Самая война началась при условіяхъ самыхъ невыгодныхъ для Русскихъ, но и это было нужно. Иначе вся Европа вмѣшалась бы преждевременно въ кровавое состязаніе, какъ оно всегда было, когда дѣло касалось ея интересовъ въ Восточномъ вопросѣ. Удачный переходъ черезъ Дунай и взятіе Никополя какъ будто заманивали христолюбивую армію въ губительную западню при хитромъ содѣйствіи союзныхъ намъ Англичанъ. Тутъ случилось нѣчто диковинное. Числительность наступавшихъ, превосходившая значительно боевой составъ прежнихъ наступленій, вдругъ оказалась недостаточною. Не смотря на самоотверженіе почти сверхъестественное и даже мученическое освободителей Болгаріи, штурмы легкѣ отражались силою Плевненскихъ укрѣпленій и огневými ливнями.

И это было нужно. Это было нужно, потому что Европа возрадовалась и успокоивалась съ твердою увѣренностью, что она еще избавлена на этотъ разъ отъ разрѣшенія Восточнаго вопроса. Казалось, что напрасно было пролито столько крови подъ Плевненскими, смертью дышащими, укрѣпленіями. А между тѣмъ и это было нужно: иначе не разгорѣлось бы высококомѣріе Турецкаго военачальника. За одной Плевной выросли бы еще другія, промедлявшія войну, сберегавшія силы, и Турецкая западная армія не сдалась бы единымъ разомъ. Да утѣшались же семейства тѣхъ жертвъ, которыя, такъ сказать, отрицательно принесли краугольную пользу христіанскому дѣлу. Въ виду успѣха войнѣ слѣдовало раздѣлиться на два фазиса: на медленный и успокоительный въ виду Европы и затѣмъ на стремительный, молніеносный для быстраго достиженія цѣли, чтобы Европейскіе интересы не успѣли опомниться и, опоздавъ къ защитѣ Турціи, не могли бы болѣе найти въ ней союзницу. Конечно ничто подобное не могло предвидѣться ни въ дипломатическихъ, ни въ стратегическихъ предположеніяхъ. Это предвидѣлось свыше и проводникомъ воли міровой былъ именно избранъ Вѣщеносецъ передъ Богомъ покорный, передъ обязанностью чепоколѣбимый. Такова вся исторія послѣдней войны.

Въ дѣйствіяхъ Императора ярко выразились три начала: повиновеніе, воля и любовь. Въ повиновеніи высшему руководству онъ не зналъ предѣловъ. Въ волѣ, отъ повиновенія проистекавшей, онъ не зналъ слабости. Въ любви къ родному и человѣчному онъ не вѣдалъ границъ. Оттого и совершилось такимъ образомъ то, чего на его мѣстѣ никто другой, конечно, совершить бы не могъ. Онъ вошелъ въ Болгарію смиренно и въ первый же день своего прибытія чужалъ близкую возможную гибель, а вышелъ торжествующій, совершивъ обѣщанное себѣ, государству и міру. Вѣра его спасла его. Но, оставляя край, гдѣ имя его отнынѣ заживетъ на вѣки свѣтло и свято, но поблагодаривъ сердечно всѣхъ и cadaго, онъ лично для себя вкусилъ ту неоцѣненную для него отраду, что онъ могъ обнять съ гордостью своихъ четырехъ сыновей, достойно своего сана послужившихъ ему и отечеству. И братьевъ своихъ онъ воспиталъ уже въ двухъ прославленныхъ военачальниковъ. И въ Императорскомъ своемъ домѣ онъ указалъ, что служба Россіи начинается у насъ со степени престола. Онъ вошелъ тихо, онъ вышелъ лучезарно... Государь перешелъ Дунай обратно въ Петрошанахъ 4-го Декабря 1877 года въ 3 часа пополудни. Этимъ днемъ кончалось его пребываніе въ Болгаріи. Этимъ днемъ и кончается настоящій дневникъ⁴.

И во всей Россіи, у всѣхъ отлегло сердце послѣ ваятія Плевны, и никто тогда еще не предвидѣлъ тѣхъ печальныхъ недоразумѣній, колебаній и потерь времени для занятія Константинополя, которые повели потомъ къ униженіямъ Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ, унижительному умаленію плода нашихъ побѣдъ. И надо сказать, что будь Государь въ это время на театрѣ войны, всего этого бы не произошло. 10-го Декабря, Государь съ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ возвратились въ Петербургъ. Императрица съ Павломъ Александровичемъ поѣхали въ 7 часовъ утра въ Гатчину имъ на встрѣчу, и я имѣлъ счастье ихъ сопровождать. И какъ трогательно было и радостно ихъ свиданіе! И по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ малой церкви Зимняго дворца было совершено благодарственное молебствіе, а 12-го былъ большой выходъ къ торжественному молебствію въ большой церкви Зимняго дворца, и этотъ молебенъ былъ истиннымъ религіознымъ торжествомъ. Затѣмъ жизнь Царской фамиліи потекла обычнымъ образомъ.

1878 годъ.

1878-й годъ начался очень грустно, да и весь онъ былъ для всей Россіи очень тяжелымъ годомъ. Уже скоро послѣ, возвращенія Государя съ войны въ Петербургъ, начались недоразумѣнія Государя съ главнокомандующимъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, которыя повели къ самымъ печальнымъ результатамъ и, лишивъ Россію всей славы побѣды, повели къ унижительной для насъ Берлинской конференціи и позорному Берлинскому трактату. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ все это произошло. Когда мы овладѣли Плевной, и затѣмъ плѣнили и Шипкинскую армію Сулеймана, разбили и загнали въ горы остальные Турецкія войска, то армія наша, несокрушимымъ потокомъ перейдя Балканы, ринулась къ Константинополю, заняла Андрианополь и все пространство южной Болгаріи и Румыніи до Босфора, и ничто намъ не препятствовало занять Константинополь. Турецкое правительство рѣшилось безпрекословно принять всѣ предъявленныя ему условія мира, и 18-го Января уполномоченный Турецкаго правительства явился съ этимъ рѣшеніемъ къ великому князю и заявилъ: *Vos armes sont victorieuses! Votre ambition est satisfaite, mais la Turquie est perdue! Nous acceptons tout ce que vous voulez!*

Но Англія не дремала, и ея посланникъ въ Константинополь Лейардъ усердно работалъ противъ Россіи. Англійскому правительству удалось напугать нашего посла въ Лондонѣ графа Шувалова заявленіемъ, что вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь повлечетъ

немедленное объявление намъ Англійей войны и графъ Шуваловъ своими телеграммами въ Петербургъ добился рѣшенія *не дозволить нашей арміи занять Галиполи и Константинополь*, обѣщая, что въ такомъ случаѣ Англійскій флотъ не двинется къ Дарданеламъ. Въ слѣдствіе сего, 12-го Января, Государь прислалъ главнокомандующему нижеслѣдующую телеграмму, полученную въ Андріополѣ только 17-го Января: „Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ 10-го Января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія къ Константинополю я одобряю. Движеніе войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до формальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При семъ объяви Турецкимъ уполномоченнымъ, что если въ теченіе трехъ дней со времени отправленія имъ запросной телеграммы въ Константинополь, не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты, вопросъ долженъ рѣшаться подъ стѣнами Константинополя. Въ разрѣшеніе поставленныхъ тобой на этотъ случай четырехъ вопросовъ предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя сношенія съ начальниками эскадръ относительно водворенія, общими силами, порядка въ городѣ. По 2-му. Въ случаѣ иностраннаго десанта въ Константинополь, избѣгать всякаго столкновенія съ ними, оставивъ войска наши подъ стѣнами города. По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненія спокойствія, то константировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска. Наконецъ, по 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англійи заявленія, *что мы не намѣрены дѣйствовать на Галиполи. Англія, съ своей стороны, обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галипольскаго полуострова*, а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству, даже еслибы какой нибудь Турецкій отрядъ находился на полуостровѣ. Достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ, отнюдь не подходя къ самому Галиполи.

Въ виду твоего приближенія къ Царь-граду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о сѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генераль-адъютанту Игнатьеву немедленно отправиться въ Адрианополь, для веденія, совмѣстно съ Нелидовымъ, предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ“.

Изъ этой телеграммы говоритъ генераль Газенкампфъ въ своемъ превосходномъ описаніи Турецкой войны, „ясно, что въ день ея отправления, существовало полное и точное соглашеніе съ Англійей и разрывъ съ ней предотвращенъ, но дорогою цѣною: *объщаніемъ не занимать ни Константинополя, ни Галиполя*“. Въ этой телеграммѣ ключъ и причина всей нашей послѣдующей неудачи и созванія Берлинскаго конгресса. Займи Русская армія, немедленно, т. е. въ началѣ Января, Галиполи и Дарданеллы, чему не было препятствія, и Англичане никогда бы не могли взойти въ Мраморное море и подойти къ Константинополю, и не могли бы, прежде всего, занять Галиполи, такъ какъ бы мы не допустили бы туда ихъ десанта. Но Англичане, не смотря на свое общаніе, *прошли въ Дарданеллы, которые еще не были въ нашихъ рукахъ, и положеніе наше въ Константинополь быстро измѣнилось*. Турки ободрились и начали передъ нами хорохориться. Тогда Государь сталъ требовать отъ великаго князя, чтобы онъ овладѣлъ Дарданеллами и перевезъ часть арміи на южную сторону города. Но какъ можно было это сдѣлать? У насъ не было на мѣстѣ и тяжелыхъ орудій для взятія съ берега Дарданельскихъ укрѣпленій, и не могли мы вслѣдствіе присутствія Англійскихъ кораблей передъ Константинополемъ перевести части нашей арміи на Азіатскій берегъ Константинополя. Время, которое было столь драгоцѣнно, было упущено, и исправить нашей ошибки не было возможности. Турки, соблюдая вѣжливость и лицемѣрную лесть, дѣлали все намъ наперекоръ, даже начали укрѣплять Константинополь и подтягивать туда свои армейскія войска, хотя продолжали вести съ нами переговоры о мирѣ. И онъ наконецъ былъ заключенъ, но подъ условіемъ окончательной его санкція на Берлинскомъ конгрессѣ. Вся Россія вскорѣ послѣ Плевненскаго торжества и извѣстія о побѣдоносномъ движеніи нашей арміи къ Константинополю, стала недоумѣвать о томъ, что же намъ мѣшало занять Константинополь. А потому наступило общее неудовольствіе и разочарованіе и обвиненія нашего правительства. Государь сердился на великаго князя Николая Николаевича за неисполненіе своихъ *невозможныхъ отъ него требованій*, а Николай Николаевичъ, на этотъ разъ ни въ чемъ не виноватый, жестоко мучился своимъ положеніемъ, и отъ этихъ мученій, здоровье его совершенно разстроилось и никогда уже больше не поправилось. Наконецъ онъ былъ пожалованъ фельдмаршаломъ и уволенъ отъ командованія дѣйствующей арміей, и на мѣсто его назначенъ Тотлебенъ. Когда великій князь прибылъ въ Петербургъ онъ былъ принятъ холодно и никогда до самаго конца жизни Государя Александра Николаевича не возобновились добрыя, прежнія отношенія между братьями. Всю эту зиму и весну до окончанія Берлинскаго кон-

пресса, все чувствующее и мыслящее въ Россіи и все любящее свое отечество, находилось въ состояніи удрученія, униженія и неудовольствія, и Берлинскій миръ былъ встрѣченъ общимъ негодованіемъ, прежде всего противъ Государя и Николая Николаевича, ибо публика, не зная сущности дѣла, обвинила ихъ обоихъ; негодованіемъ тоже противъ князя Горчакова и графа Шувалова—и, весьма основательнымъ противъ Шувалова, за то что онъ далъ себя обмануть и запугать Англичанами; и противъ Горчакова за то, что онъ съ самаго начала далъ обѣщаніе не занимать Константинополя и за то, что еще до войны мы позволили Австріи занять Боснію и Герцеговину, и тѣмъ отдали эти области навсегда Австрійцамъ, что поставило ихъ въ положеніе худшее, чѣмъ когда они были подъ Турецкимъ игомъ, ибо Турція никогда не посягала ни на вѣру, ни на національность ихъ, а Австрія—именно и прежде всего это и дѣлаетъ.

Наконецъ, въ Петербургѣ считали большой ошибкой, что уполномоченнымъ на конгрессѣ былъ посланъ князь Горчаковъ, котораго Бисмаркъ ненавидѣлъ и всячески старался вредить Россіи, отчасти и по этой причинѣ, хотя конечно сдѣлалъ это изъ опасенія сдѣлать еще болѣе сильною и славною и что слава Россіи могла бы затмить его славу и торжество надъ Австріей и Франціей.

Очень, очень тяжело было это время, и нашъ бѣдный, благородный, добрый Государь, очень страдалъ нравственно. И тѣмъ больше, что онъ не могъ не чувствовать, что во многомъ былъ самъ виновать. Онъ скорбѣлъ за славу и величіе Россіи, которую онъ любилъ всей душой, за то что не увѣнчалось успѣхомъ геройство его войска, его столь горячо любимаго войска. Скорбѣлъ онъ и въ чувствѣ своей любви къ своему дядѣ Германскому императору, который допустилъ Бисмарка—такъ коварно и враждебно поступить съ Россіей.

И подъ вліяніемъ общаго чувства неудовольствія стали тогда усиливаться анархическія и революціонныя движенія въ Россіи, доведшія ее въ послѣдствіи на край гибели, отъ которой спасъ насъ Господь Богъ и здравомысліе и преданность Царю и Отечеству главной части нашего народа! По возвращеніи графа Шувалова изъ Берлина, когда дворъ былъ уже въ Царскомъ Селѣ, онъ былъ приглашенъ къ высочайшему обѣду, на которомъ кромѣ Ихъ Величествъ были только Великіе Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи, графъ Адлербергъ, фр. Пилларъ. Меня тоже пригласили. Обѣдъ этотъ былъ очень всѣмъ тягостенъ, не смотря на разные анекдоты и *faits divers*, которыя графъ Шуваловъ рассказывалъ о Бисмаркѣ, Биконсильдѣ и князѣ Горчаковѣ. Всѣ эти рассказы только растравляли духовныя раны Ихъ Величествъ; всѣ были довольны, когда обѣдъ наконецъ окончился, и всѣ разошлись!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

КРАТКІЙ МАРШРУТЪ

Высочайшаго Государя Императора путешествія въ 1867 г.

- 21 Мая, Суббота . . . Выѣздъ изъ Царскаго Села въ 11 часовъ вечера.
- 22 Мая, Воскресенье . Утренній чай въ Островѣ въ 7 час. 45 мин.
Остановка 20 мин.
- Депеша 1. Обѣдъ въ *Свѣнцилахъ* въ 4 часа 30 мин. по полудни.
Остановка 30 мин.
- 23 Мая, Понедѣльникъ. Утренній чай въ *Брестѣ* въ 6 час. 45 мин.
Остановка 20 мин.
- Депеша 2. Обѣдъ въ *Шепетовкѣ* въ 5 час. 45 мин. по полудни.
Остановка 30 мин.
- 24 Мая, Вторникъ . . . Утренній чай въ *Бирзулѣ* въ 8 час.
Остановка 20 мин.
- Депеша 3. Обѣдъ въ Кишиневѣ въ 4 час. 10 мин. по полудни.
Остановка 30 мин.
Проѣздъ чрезъ Унгени въ 8 час. 40 мин. вечера.
- Депеша 4. Пріѣздъ въ *Ясси* въ 9 час. 40 мин. вечера.
Остановка 1 часъ 30 мин.
Выѣздъ въ 11 часъ 10 мин. вечера.
- 25 Мая, Среда Утренній чай въ Текучѣ въ 9 час.
Остановка 20 мин.
Проѣздъ чрезъ Брацловъ въ часъ по полудни.
- Депеша 5. Обѣдъ въ *Бузео* въ 4 час. 30 мин. по полудни.
Остановка 30 мин.
Пріѣздъ въ *Плосити* въ 8 час. вечера.

Въ Императорскомъ поѣздѣ.

Министръ Императорскаго Двора и командующій Императорскою Главною Квартирою, генераль-адъютантъ графъ Адлербергъ 2-й.

Военный министръ, генераль-адъютантъ Милютинъ.

Государственный канцлеръ, князь Горчаковъ.

Генераль-адъютантъ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій.

Шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ Мезенцовъ.

Генераль-адъютантъ Рылѣевъ.

Статсъ-секретарь Гамбургеръ.

Генераль-адъютантъ Воейковъ.

Свиты Его Величества генераль-маіоръ Салтыковъ.

Лейбъ-медикъ Боткинъ.

Генераль-адъютантъ Его Величества императора Германскаго короля Прусскаго, Вердеръ.

Флигель-адъютантъ Его Величества Императора Австрійскаго баронъ Бертольдгеймъ.

При Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Генераль адъютантъ Стюрлеръ.

При Великомъ Князь Сергій Александровичъ.

Свиты Его Величества контръ-адмираль Арсеньевъ.

Военно-походный начальникъ императорскихъ дворцовыхъ телеграфовъ, генераль-маіоръ Щолковъ.

Управленія Императорской главной канторы:

Секретарь и казначей, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ.

Коллежскій секретарь Ларионовъ.

Военно-походной Его Величества канцеляріи:

Коллежскій ассесоръ Рапасовъ 1-й.

Коллежскій регистраторъ Яковлевъ.

При министр Императорскаго Двора:

Маіоръ Семеновъ.

Коллежскій Секретарь Лаврентьевъ.

При генераль-адъютантъ Мезенцовъ:

Помощникъ секретаря, коллежскій ассесоръ Романченко.

Кромѣ того одинъ чиновникъ.

При лейбъ-медикъ Боткинъ

Лекарскій помощникъ титулярный совѣтникъ Кононовъ.

Фельдъегерскаго кортуса:

Капитанъ Ильинъ.

Штабсъ-капитанъ Зейфортъ.

— — Даниловъ.

Поручикъ Брешъ.

При комнатах Его Величества:

Комердинеръ Костинъ.
 — Подтягинъ.
 — Прегеръ.
 Рейткнехтъ Филиповъ,
 — Трубицынъ.

При комнатах Государя Наслѣдника Цесаревича:

Камердинеръ Вельтцинъ
 Гардеробмейстеръ Гемпель.

При комнатах Великаго Князя Сергія Александровича:

Камердинеръ 1.
 Рейткнехтовъ 2.

Собственнаго Его Величества конвоя:

Унтеръ-офицеръ 1.
 Козаковъ 2.
 Телеграфистъ 1.

При должностяхъ:

Метръ-д-отель Вавасеръ.
 Офиціантъ Строгоновъ.
 — Барсуковъ.
 — Петровъ.
 Офиціантскій помощникъ Торгутъ.
 Лакей Беренсонъ.
 — Емельяновъ.
 Истопникъ Калугинъ.
 Мундкоховъ 8 ч.
 Господской прислуги 30 чел.

Два раза помѣщенное выше слово „райдъ“ — Англійское. Оно вошло въ употребленіе со времени Американской войны и означаетъ быстрое движеніе не всюю арміею, а только отрядомъ ея. Военному міру оно извѣстно. Д. А.

Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“.

Надпись на входной двери въ Ревельской Городской Думѣ.

Anno 1651.

Quisquis senator curiam officii causa ingrederis, ante hoc ostium privatos affectus omnes abjicite, iram, vim, odium, amititiam, adulationem, rei publicae personam et curam subjcito; nam ut aliis aequus aut iniquus fueris, ita quoque Dei judicium expectabis atque sustinebis.

Переводъ. Всякій старшина, входящій сюда по службѣ, отбрось передъ входомъ всѣ частныя чувства, гнѣвъ, сознание своей силы, ненависть, дружбу, желаніе сдѣлать другому удобное; подчини себя и всѣ старанія общественному дѣлу. Смотри по тому, будешь ли ты справедливъ или несправедливъ, ты долженъ ждать себѣ правосудія Божія и на себѣ его испытать.

*

6 Февраля 1882 года, провожая меня съ 3-го этажа по лѣстницѣ, графиня Е. Н. Адлербергъ нѣсколько разъ останавливалась и довольно долго со мной говорила. Между прочимъ она мнѣ сказала, что мужъ ея графъ Александръ Владимировичъ умолялъ Александра Александровича не уѣзжать въ Гатчину, оставить Аничковъ дворецъ и поселиться въ Зимнемъ. Странно, что во всемъ этомъ огромномъ зданіи, по словамъ графини Блудовой, не оказалось свободнаго и приспособленнаго помѣщенія для новаго Государя; а поселиться въ покояхъ отца было трудно, такъ какъ и теперь еще не выведена кровь, которую цѣлыми лаханями выносили оттуда 1 Марта 1881 года. Тамъ до сихъ поръ стоитъ накрытая Персидскою шалью и вся промоченная кровью кровать Александра Николаевича.

Кто-то изъ знакомыхъ показывалъ графинѣ Адлербергъ письмо, въ которомъ покойный Государь сообщалъ: „ко всѣмъ моимъ бѣдствіямъ прибавилось, что оба мои старшіе друга не могутъ переносить моей женитьбы *): князь Суворовъ заболѣлъ отъ нея; а на графѣ Адлербергѣ до сихъ поръ лица нѣтъ“.

Наканунѣ смерти, въ Субботу, послѣ говѣнія и причащенія св. тайнъ, Государь отозвался за завтракомъ протоіерею Рождественскому: „Какъ я теперь спокоенъ, какъ счастливъ тѣмъ, что дѣти мои начинаютъ любить мою жену!“ Однако, по словамъ графини Блудовой, всю первую недѣлю великаго поста онъ ежедневно уходилъ на нѣсколько часовъ

*) 6 Іюля 1880 года, въ Царскомъ Селѣ, въ большомъ дворцѣ, въ походной церкви. Оповѣщеніе Сенату дано осенью того же года. Подпись удостовѣрена тремя сенаторами. П. Б.

въ опустѣлыя комнаты покойной Государыни, гдѣ, по его приказанію, все осталось такъ, какъ было при ней. Государь подолгу сиживалъ тамъ одинъ. Утромъ, въ день кончины, какой-то бѣдной просительницѣ онъ пожаловалъ три тысячи рублей; а другой (изъ дворянъ) большія деньги на выкупъ ея имѣнія. (Слышано отъ графини Блудовой).

Князь С. М. Воронцовъ говорилъ мнѣ однажды: „Отчего вы такъ часто бываете у графа Адлерберга? Вѣдь министры и важныя лица по долгу добиваются его приѣма“. Я отвѣчалъ: „Оттого, что они ѣздятъ къ нему съ просьбами о чемъ либо или для ходатайства передъ Государемъ; я же ничего у него не прошу, а только нахожу большое удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ“.

Графъ Александръ Владимировичъ былъ человѣкъ даровитый и многосторонне образованный. Въ особенности любилъ онъ родословныя и Русскую словесность; говорятъ, что онъ самъ писалъ стихи (мнѣ ихъ онъ не показывалъ). Правдивость его въ разказахъ о прошломъ была образцовая. Покойный Государь Александръ Александровичъ изволилъ отозваться о немъ: „графъ Адлербергъ не пишетъ своихъ Записокъ, потому что опасается сказать неполную правду“. По его кончинѣ, когда я спросилъ его вдову, не осталось ли послѣ него какихъ либо дневниковъ или автобіографическихъ замѣтокъ, она вынесла мнѣ на подносѣ очень много небольшихъ въ сафьянномъ переплетѣ книжечекъ. „Вотъ его Записки“, сказала она. Это были ежедневныя выписки мѣстъ изъ Апостола и Евангелія. Мать его была женщина благочестивая. Пріятель его отца В. А. Жуковскій, вѣроятно, имѣлъ на него вліяніе: я помню съ какимъ чувствомъ читалъ графъ Александръ Владимировичъ стихи Баратынскаго про Александру Андреевну Воейкову, которую онъ помнилъ съ дѣтскихъ своихъ лѣтъ:

Очарованье красоты
 Въ тебѣ не страшно намъ.
 Не будишь насъ, какъ солнце, ты
 Къ мятежнымъ суетамъ.
 Отъ дольней жизни, какъ луна,
 Манишь ты въ міръ иной,
 И при тебѣ душа полна
 Священной тишиной.

Графу Адлербергу было одиннадцать лѣтъ, когда А. А. Воейкова скончалась. Это было необыкновенно высокое и чистое созданіе. Мнѣ случалось бесѣдовать со старыми людьми, ее знавшими; они воодушевлялись при одномъ имени „Свѣтланы“.

Прошу извиненія у читателей, что помѣстилъ о ней несуразный анекдотъ А. П. Петерсона, который, при всѣхъ своихъ отмѣнныхъ достоинствахъ, не былъ способенъ оцѣнить ее. П. Б.

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ въ „Русскомъ Архивъ“ 1911 года.

- Абаза А. I, 538; II, 368.
Абанумовъ В. С. III, 544.
Абрамовъ III, 266.
Абрамсонъ I, 590.
Абросимовъ II. III, 265.
Авванумъ протоп. I, 334, 341, 356, 357, 366, 368.
Аверинъ С. С. III, 141, 145.
Авровъ II, 222.
Агафангелъ митр. III, 187.
Аглинцевъ Д. О. I, 527.
Аграновичъ М. I, 246.
Аделунгъ II, 135.
Адлербергъ А. В. гр. I, 58, 649; II, 118, 303, 304, 331, 478, 480; III, 194, 586, 588, 589, 596, 612, 630, 635—640.
Адлербергъ В. Ѳ. I, 503; II, 22.
Адлербергъ Е. Н. графиня II, 639.
Адлербергъ М. В. графин. II, 345, 640.
Адольфъ-Фридрихъ Люб. еп. I, 19.
Азефъ I, 424.
Айвазовскій I, 490.
Айзенбургъ III, 136, 137.
Акимова III, 370.
Акимовъ А. I, 425.
Акинфова II, 505; III, 66.
Аксанова А. III, 77.
Аксанова О. С. III, 369.
Аксановъ И. С. I, 201, 310, 376, 381, 383, 490; II, 140, 151, 233, 244, 250, 251, 304, 347, 384, 479, 507; III, 93, 98, 198, 202, 205, 321—323.
Аксановъ К. С. I, 184, 495; II, 450.
Аксановъ С. Т. II, 394.
Аксановы I, 201, 311, 315; II, 496.
Акуловъ III, 547.
Албанскій гр. II, 45.
Александра Юсифовна в. книг. I, 202.
Александра Павловна в. княж. II, 456; III, 484, 498.
Александра Ѳедоровна имп. II, 196.
Александровъ Г. адвок. II, 301; III, 243.
Александръ I-й I, 45, 102, 129—171, 218, 219, 303—309, 315; 483, 484, 497, 525, 650; II, 26, 105, 106, 116—118, 124, 126, 127, 130, 207, 224, 268, 292, 341, 395, 396, 420, 450, 452, 454, 554, 557; III, 113, 115, 117—128, 218, 296, 297, 385, 386, 388, 391, 396, 409, 417, 431, 449, 453, 458, 464, 465, 467—469, 517.
Александръ II-й I, 63, 74, 106, 127, 215, 224, 365, 414, 420, 497, 505, 552, 553, 597, 603, 649, 651, 652; II, 118, 229, 272, 303, 304, 341, 452, 454, 504, 557, 559, 562; III, 70, 76, 168, 229, 250, 308, 385, 553, 557, 572, 630, 634.
Александръ III-й I, 5, 63—65, 319, 443, 459; II, 342; III, 309, 313, 469, 556, 574, 575, 577—608, 616.
Алексева А. I, 26; II, 170.
Алексѣй Александровичъ в. кн. I, 7, 209, 211; II, 551; III, 20, 574, 589, 599, 630.
Алексѣй митр. III, 242.

- Алексѣй Михайловичъ царь I, 8, 38, 188, 327, 328, 332, 334, 336, 337, 339, 344, 356, 357, 368; II, 28, 115, 464, 611; III, 9, 240, 553.
- Алексѣй Петровичъ царев. I, 602.
- Алланъ III, 548.
- Алмазовъ III, 321.
- Алопеусъ II, 193, 197.
- Альбани гр. III, 531.
- Альбрехтъ полк. II, 189.
- Алымова II, 172.
- Алымовъ II, 104.
- Алявдинъ III, 171.
- Амвросій архіеп. I, 47, 48, 171; III, 265.
- Ананьевскій И. С. т. сов. II, 210.
- Анастасевичъ В. Г. I, 372; III, 108.
- Ангальтскій кн. II, 102.
- Ангальтцербстская принцес. I, 20.
- Андреевскій И. Е. проф. III, 568.
- Андреевъ II, 613; III, 346, 352.
- Анна Иоанновна имп. I, 29, 30, 655; II, 191, 314, 460, 462, 464; III, 320.
- Анна Леопольдовна I, 11—13.
- Анна Павловна в. княж. II, 566, 577, 582.
- Анна Петровна в. княж. I, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 15, 19; III, 562.
- Анненковъ П. В. I, 214, 389, 392, 493; III, 309, 327.
- Анонимовъ И. III, 26.
- Антоній митр. I, 237; II, 335.
- Антоновичъ III, 323.
- Антоновы I, 211.
- Антонсвъ I, 114.
- Антрегъ II, 184, 185.
- Антуанета Марія III, 67.
- Апраксина Е. В. II, 422; III, 524.
- Апраксинъ А. И. гр. III, 117, 147, 290.
- Апраксинъ Г. гр. I, 29, 114; II, 48.
- Апраксинъ С. С. II, 197, 198, 583; III, 524.
- Арабажинъ III, 109.
- Аранчеевъ I, 127, 650; II, 116, 122, 504, 567, 575, 578, 583, 584, 586, 588—591, 593; III, 149, 150.
- Араповъ Н. У. III, 77.
- Араповъ П. Н. II, 143; III, 53, 58, 368.
- Арбсхофенъ бар.-ы III, 332.
- Арескинъ II, 460.
- Арзамасцевъ II, 433.
- Арзуминовъ III, 294.
- Арнасъ III, 178, 179.
- Аронсонъ I, 237.
- Арсеній архіеп. I, 48, 49.
- Арсеньевъ I, 124, 218, 601; II, 197, 503, 504.
- Арсеньевъ Д. С. ген.-ад. III, 567—638.
- Арсеньевъ И. III, 61, 97, 326.
- Артоболевскій II, 507.
- Артемьевъ I, 421; III, 554, 555.
- д'Артуа гр. II, 195, 196.
- Арцыбашевъ Д. Н. III, 550.
- Артыновъ А. III, 26.
- Архарова В. И. III, 369.
- Архаровъ полицм. II, 88, 166.
- Архаровы I, 307.
- Арцимовичъ В. А. II, 147, 350, 351, 374; III, 88, 91, 98, 197, 204, 213, 328, 346.
- Асноченскій В. И. III, 173, 174.
- Асмоловъ I, 248.
- Аспернъ Г. III, 148, 149.
- фонъ-Ассенааръ бар. II, 323.
- Астаховъ III, 479.
- Ахлестышевъ III, 54.
- Ахшарумовъ II, 246.
- Ашкиназій И. III, 156.
- Аванасій еп. I, 467; III, 265, 266.
- Аванасьевъ А. Н. I, 182—186, 646; III, 7, 18, 19, 32, 33.
- *
- Бабичъ III, III, 152.
- Бабеть I, 97; II, 468, 473, 507; III, 64.
- Баварскій О. I, 416.
- Багалтъ Д. И. проф. I, 634.

- Багговуть III, 313, 418.
 Багратионъ П. И. кн. I, 301, 303, 304;
 III, 397, 406.
 Бадеръ ген.-лейт. I, 592.
 Бажановъ I, 54, 55, 485, 516.
 Базаровъ I, 391.
 Базаровы I, 392.
 Базень III, 86, 441.
 Базилевичъ пор. III, 76.
 Базуновъ III, 373.
 Байронъ I, 175.
 Бакаевъ II, 219.
 Баклундъ III, 550.
 Бакулина I, 479.
 Бакунины I, 214, 389.
 Баланиревъ III, 339.
 Балашевы II, 586, 591.
 Балашевъ К. М. III, 276.
 Балинскій Д. III, 215.
 Балнашины I, 38; II, 217, 218.
 Баловъ А. В. III, 6--52.
 Балюзенъ флиг.-ад. I, 99.
 Банде II, 6.
 Ла-Бандъ II, 27.
 Бантышъ-Каменскій II, 306.
 Баранова I, 37, 405; II, 383, 481.
 Барановичъ Р. I, 77.
 Барановъ гр. II, 493.
 Баранцовъ ген. I, 99.
 Баратовы III, 241.
 Баратынская I, 209, 214, 215; III, 334.
 Баратынскій II, 435, 436, 437, 451,
 512; III, 116, 334.
 Бардакова М. III, 232.
 Барклай I, 303, 304; II, 131.
 Баркьервиль II, 199.
 Барневитцъ Т. III, 88.
 Баронъ дѣвица III, 78.
 Барятинскій А. И. кн. I, 528.
 Бароша мин. I, 106.
 Барсовъ II, 307; III, 190.
 Барсуковъ III, 161, 638.
 Бартенева III, 570.
 Бартенева П. И. II, 342, 382, 504;
 III, 65, 296, 639, 640.
 Баршевъ II, 474; III, 59, 214.
 Баршъ кон.-ад. II, 89.
 Барятинская II, 86.
 Барятинскій кн. А. И. I, 307; II, 14,
 103, 327; III, 85, 186, 259, 575.
 Барятинскій В. кн. III, 603.
 Барятинскій И. С. кн. II, 25, 95.
 Барятинскій О. С. кн. II, 25, 317, 318.
 Баснаковъ III, 479.
 дюкь де-Бассано III, 129, 138, 139,
 155, 156.
 Бастидонова Е. II, 208.
 Бастидоновъ II, 208.
 Батенковъ III, 328.
 Батеньковъ Г. С. I, 218, 219.
 Ботта маркизь I, 19.
 Батуринъ I. I, 23.
 Бать III, 325.
 Батюшновъ I, 192, 646; II, 422, 435,
 436, 488; III, 347, 350.
 Бауеръ ген. II, 163, 164, 323.
 Бахметева III, 94, 218.
 Бахметевъ А. Н. I, 203, 204; III,
 218.
 Бахтинъ I, 230.
 Бахъ I, 209.
 Башмановъ III, 253—255, 260.
 Башуцкій III, 88, 98, 101.
 Башъ докт. III, 85.
 Бегеръ I, 59.
 Бееръ А. III, 156.
 Безакъ ген.-губ. II, 234, 486, 493;
 III, 69, 350.
 Безбородно I, 127; II, 26, 88, 194,
 204, 307; III, 116.
 Бездомный I, 122.
 Безинъ П. II, 220—222.
 Безобразовы I, 403.
 Безобразовъ А. М. I, 105, 122, 224,
 230, 265, 384; II, 265.
 Безобразовъ В. I, 420; III, 568.
 Безобразовъ М. III, 340.

- Безобразовъ** Н. А. I, 536, 540, 545; II, 154, 225—227, 234.
Безсоновъ I, 420.
Бекетовъ I, 24; III, 115, 550.
Беклемишевъ кап. III, 609, 610.
Бекманъ II, 189.
Беконъ II, 503.
Бемеровы II, 67, 70, 102, 162, 173, 196.
Бемерь К. II, 38, 180, 182, 191.
Бемъ II, 167.
Бенедекъ ген. II, 372.
Бенигсенъ I, 160, 162, 165; II, 117, 118, 121, 126—128; III, 138.
Бениовскій I, 23.
Бенкендорфъ гр. II, 391; III, 393.
Бентингъ I, 306.
Беранже II, 527.
Бергъ гр. I, 553, 560; II, 487; III, 98.
Бередниковъ Я. И. I, 297, 369—374.
Березинъ М. III, 165.
Березовскій II, 452, 489; III, 76, 96.
Беренсонъ III, 638.
ле-Бернье III, 338.
Бернадаки II, 508.
Бернонвиль ген. II, 117.
Бертолотти II, 46.
Бертольсгеймъ бар. III, 637.
Берхгольцъ кам.-юнк. I, 6.
Беръ Б. Н. III, 195.
Беръ Д. Б. III, 310.
Беры II, 509; III, 88, 91, 212.
Бестужевъ А. П. гр. I, 16, 17, 19, 21, 22, 28, 29; II, 53, 191, 462.
Бестужевъ М. П. гр. II, 17; III, 327.
Бестужевъ-Марлинскій III, 244—248.
Бестужевъ-Рюминъ А. П. гр. I, 19, 127; II, 513, 613; III, 561, 568.
Бехтеева Е. I, 636—639.
Бецій II, 18, 76, 81—83, 85, 91, 99, 168, 173, 327.
Бибинова Е. И. II, 32; III, 28.
Бибиновъ Д. Г. III, 190.
Бибиновы I, 511; II, 256, 320, 327; III, 128, 533.
Бинонсфильдъ III, 635.
Биландъ гр. II, 163.
ла-Билло II, 65, 66, 204.
Бильбасовъ III, 61, 93, 96, 352.
Бильо мин. I, 106, 552.
Биньонъ II, 117.
Бирмеръ I, 595.
Биронъ I, 10, 11, 33, 36; II, 13.
Бискъ-Еврей I, 574.
Бисмаркъ кн. II, 351, 358, 364, 365, 375, 484; III, 99, 202, 335, 352, 550, 635.
Бистромъ О. Р. баронес. III, 339.
Бистромъ Р. Г. бар. III, 339.
Бицынъ II, 479, 480.
Благовъщенскій II, 157.
Блажевскій III, 139.
Блакатовъ II, 236.
Бланкъ П. I, 536.
Бланше I, 556.
Блекъ ген. II, 7.
Блискъ III, 572.
Блудова А. Д. гр. II, 28, 271, 304; III, 312, 570, 639, 640.
Блудовъ Д. Н. гр. I, 51, 390, 393, 415, 419, 502; II, 158, 249, 391, 392, 428, 435, 468, 554, 555; III, 61, 177, 190, 207, 639, 640.
Блюмеръ Л. I, 406.
Боборыкинъ А. А. III, 193, 337.
Боборыкинъ А. Д. I, 404.
Боборыкинъ К. I, 99, 336.
Боборыкинъ М. С. III, 385.
Бобриковъ II, 422.
Бобринскіе гр. I, 112, 230, 538; II, 50, 197, 202, 422; III, 76, 80.
Бобринскій А. А. гр. I, 311.
Бобринскій А. Г. гр. II, 13; III, 531.
Бобринскій В. гр., III, 384.
Бобровскій II, 243.
Богдановичи I, 226, 259; II, 139.
Богдановичъ И. Ф. III, 108—116.

- Богдановъ ген. I, 569.
 Боголѣповъ I, 64.
 Боголюбскій М. С. протоіер. I, 358;
 II, 301.
 Богоявленскій I, 387, 388.
 Бодѣ бар. I, 174; II, 557.
 Бодянскій II, 142; III, 65.
 Бодянскій О. М. I, 187.
 Божеряновъ III, 296.
 Бозіо III, 206.
 Боккъ III, 100, 332, 337, 343.
 Болдинъ А. I, 521.
 Болдинъ Н. I. 521.
 Болотниковъ II, 197.
 Болотовъ А. Т. II, 5.
 Болотовы I, 33, 515; III, 473.
 Болтинъ II, 306, 314.
 Болховитиновъ III, 171.
 Бонапартъ I, 144, 145, 165; II, 117,
 122; III, 495, 496, 506.
 Бонафонъ II, 183.
 Бориславскій М. III, 142, 144.
 Борисова Н. III, 256, 257, 261.
 Борисовъ И. I, 51, 532; III, 438.
 Боровскій I, 227.
 Бороздинъ М. К. сен. II, 210; III, 136.
 Бороздинъ М. М. II, 430, 431.
 Борхардтъ III, 545.
 Борхъ графиня II, 245.
 Боряева С. И. III, 476—480.
 Боряевъ Е. А. III, 479.
 Боряевъ И. III, 478, 479.
 Боряевъ П. К. III, 477.
 Боссюетъ II, 235.
 Бостанжогло III, 67.
 Боткина А. П. III, 545.
 Боткинъ В. П. III, 546.
 Боткинъ М. П. III, 546.
 Боткинъ С. П. III, 579, 580, 588,
 589; 598, 613, 621, 637.
 Боткины II, 302; III, 546.
 Ботта марк. I, 19.
 Бочковскій Д. П. III, 189.
 Брагина III, 260.
 Браднѣ III, 190.
 Брайко Г. Л. III, 108, 109, 112.
 Брандтъ II, 265.
 Браницкая А. В. гр. II, 105.
 Браницкая Е. К. гр. I, 320.
 Браницкій II, 30, 90, 513, 516, 517.
 Брауншвейгская А. герц. I, 11, 17.
 Брафманъ I, 63.
 Бреанъ марк. II, 43.
 Бревернъ-де-ле-Гарди гр. I, 405.
 Бревернъ сенат. I, 215.
 Бредаль адм. II, 15, 18, 19.
 Брезъ мин. III, 156.
 Брейтерманъ I, 242.
 Брессанъ II, 56, 57.
 Брессоль II, 37, 47.
 Брешъ пор. III, 638.
 Брилевичъ II, 494.
 Бродскій Л. I, 80, 81, 270, 570.
 Бродскій Я. I, 74.
 Брокеръ В. А. I, 647.
 Брокъ Г. III, 146.
 Броневскій ген.-лейт. I, 112.
 Броннеръ I, 252.
 Брошаръ II, 182.
 Брунсъ II, 605.
 Брусиловъ II, 414; III, 128.
 Бруханскій I, 248.
 Брызгаловъ Т. I, 516.
 Брюль гр. II, 13, 37, 60, 61, 68, 70,
 71, 73, 74, 80, 89, 97, 100, 101,
 104.
 Брюсъ графиня II, 18, 19, 59, 65.
 Брюсъ гр. II, 34, 88, 98, 108, 111,
 200, 328.
 Брюховецкій гетм. III, 240.
 Бугорновъ III, 540.
 Будаевскій III, 61.
 Будбергъ бар. I, 131; III, 60.
 Бужениновъ Н. С. I, 523.
 Буковскій III, 347.
 Булатовъ А. Ѳ. III, 164, 166.
 Булацели III, 241.
 Булгановъ К. Я. II, 569.

- Булгаковы II, 504, 533, 570.
 Булгарины I, 411, 539; II, 230, 435;
 III, 224.
 Булгаринъ Ѳ. В. III, 363.
 Буле II, 411.
 Булоховъ III, 547.
 Булыгинъ I, 71, 103; III, 88, 210.
 Буняковский II, 263, 269.
 Буслаевъ II, 347, 477.
 Бутковы I, 125, 194, 221, 419, 547;
 III, 84.
 Бутковъ В. А. I, 504.
 Бутковъ В. П. I, 421.
 Бутлеровъ II, 265.
 Бутовскій I, 97, 230.
 Бутурлина I, 196; II, 32.
 Бутурлинъ Д. П. гр. I, 494; II, 341,
 495.
 Бутурлины I, 7, 397, 405, 494, 495;
 III, 494, 501, 519, 528.
 Бутурлинъ М. Д. гр. III, 221.
 Бутурлинъ Н. А. I, 117.
 Бутчикъ I, 107.
 Бутягина Е. И. II, 105.
 Бутягинъ П. С. II, 105, 106.
 Бухарскій А. III, 132.
 Буховцевъ М. I, 518.
 Бухштабъ I, 83.
 Буцковскіе I, 377; II, 392; III, 87,
 98, 197, 113, 322, 328, 329.
 Буцковскій Н. А. III, 91.
 фонъ-Бушенъ Г. III, 97.
 Быковский III, 132.
 Быковъ полк. I, 460.
 Бычковъ А. Ѳ. I, 322.
 Бычковы II, 265, 266, 271, 272.
 Бѣлозерская кн. II, 172.
 Бѣлинскій I, 196, 315, 641; II, 355,
 442; III, 70.
 Бѣловъ Ѳ. III, 145.
 Бѣлосельскій кн. II, 408; III, 420.
 Бѣлосельскій-Бѣлозерскій А. М. кн. II,
 171; III, 227.
 Бѣльская М. С. I, 529.
 Бѣльскій В. Н. докт. I, 529.
 Бѣляевъ I, 185.
 Бѣръ I, 540.
 Бюдель III, 103.
 Бюлло II, 197, 200.
 Бюфонъ II, II, 162, 427.
 *
 Вааль III, 320.
 Вавасеръ III, 638.
 Ванкульская III, 62.
 Валуевъ П. А. I, 232, 233; III, 61,
 62, 554.
 Валуевы I, 114, 120, 125, 209, 381,
 383, 390, 398, 400, 401, 403, 405,
 406, 409, 411, 412, 414, 415, 492,
 548, 549, 552, 554; II, 148, 157,
 228, 232, 247, 253, 256—344, 359,
 372, 373, 382, 466—480, 497, 502;
 III, 62, 63, 85, 349, 352, 490.
 Валуевъ III, 84.
 Вальдекъ кн. II, 102.
 Вльнеръ III, 344.
 Вальмонтъ-де-Бомаръ II, 162.
 Вальтеръ II, 157.
 Ванновскій I, 64; III, 601—603, 605.
 Ванъ-Деръ-Верфъ II, 607.
 Варлаамъ архіеп. III, 239.
 Варшавскій II, 581.
 Василевскій полк. III, 603.
 Васильевы III, 68, 164, 201, 205.
 Васильевъ Е. II, 212.
 Васильевъ Н. П. I, 250, 266.
 Васильчикова А. И. I, 307.
 Васильчиковъ А. С. II, 319.
 Васильчиковъ Л. В. гр. III, 304.
 Васильчиковы I, 394; II, 98, 175; III,
 494.
 Васмуть III, 589.
 де-Вассе II, 87.
 Васьковскій I, 263, 264.
 Васятинъ Р. В. III, 480.
 Вахтмейстеръ С. А. II, 47.
 Вашингтонъ III, 506.
 Вейдаль Д. П. III, 542.

- Веймары I, 112, 384; II, 240, 449, 450; III, 198, 597.
 Вейнахтъ II, 11.
 Вейнбаумъ I, 269.
 Веланскій III, 207.
 Великопольскій И. Е. I, 483.
 Величко I, 218.
 Величковскій Н. II, 139.
 Веллингтонъ С. Р. гр. I, 320.
 Велопольскій марк. I, 412, 551, 542, 545—547.
 Вельдеманъ I, 322.
 Вельтманъ А. Ф. III, 541—543.
 Вельтцынь III, 638.
 Вельяминовъ III, 245—248.
 Вельяшевъ II, 586, 588.
 Венгъдъ II, 265.
 Веневитиновъ II, 13; III, 198.
 Венедиктъ архм. I, 623, 624.
 де-Веракъ II, 92, 186, 187, 192, 198, 202, 323, 324.
 Вердеревскіе II, 478; III, 107.
 Вердеръ ген.-ад. III, 576, 577, 637.
 Веревкинъ ген. I, 452, 453; III, 352.
 Вересняговъ В. II, 275—280.
 Верещагинъ И. I, 297, 300.
 Вержень марк. II, 31, 58, 61, 162, 163, 168, 178.
 Верлихъ К. III, 146.
 Верстовскій А. Н. III, 373.
 Вертеръ II, 181.
 Веселовскій II, 262—270, 273, 461.
 Веселовскій К. С. II, 261.
 Вестфальць III, 332.
 Вешняковъ И. I, 20.
 Вигель М. Е. I, 173, 174.
 Вигель-Панчулидзевъ П. А. I, 174.
 Вигель Ф. Ф. I, 173, 174.
 Видеманъ II, 265.
 Видорчинъ I, 262, 263.
 Визины II, 94, 193, 438, 440—443.
 Винулинъ И. А. III, 159.
 Вильямъ кор. I, 655.
 Вильбуа ген. II, 17, 18.
 Вильгельмъ I-й, I, 87, 88; III, 81, 577.
 Вильде II, 473.
 Вильдспортъ графин. III, 216.
 Винаверъ I, 239.
 Винценгероде гр. II, 575.
 Виртембергская княж. II, 88, 97.
 Витвортъ II, 118, 119.
 Витгенштейнъ гр. III, 123, 430, 438, 439, 448.
 Витгенштейнъ-Зайнъ-Берлебургъ Э. кн. III, 609, 629.
 Витковский подполк. II, 217.
 Витсень Н. II, 611.
 Витте гр. I, 70—73, 524, 525.
 Вишневскій ген. I, 603.
 Вишневскій Ф. С. II, 454.
 Віардо III, 206.
 Вильгорскій гр. III, 207.
 Владимиръ в. кн. III, 198, 574, 577, 588, 609, 630.
 Владимиръ митр. I, 240.
 Воейковы II, 488; III, 312, 588, 637.
 Воейковъ А. Ф. III, 311.
 Воейкова А. А. III, 311, 640.
 Войновичъ гр. III, 128.
 Войновъ ген. III, 117.
 Войцеховичъ II, 350; III, 175, 190, 322.
 Войцеховичъ А. И. I, 51.
 Войшкульскіе III, 62.
 Войшкунскій I, 559.
 Волковойновы III, 264.
 Волковъ ст.-сек. I, 5; II, 17, 188, 310.
 Волконская М. Н. княг. I, 648.
 Волконская М. Р. княг. I, 514, 515.
 Волконскіе I, 308, 368; II, 17, 32, 327, 433, 613; III, 130, 131, 134, 140, 146, 155, 156, 327; 524.
 Волконскій А. Н. ген. м. I, 514, 515.
 Волконскій М. Н. кн. I, 79.
 Волохова II, 472.
 Вольтеръ II, 35, 305, 306, 313, 409, 410; III, 530.

- Волинскій А. II, 335.
 Вомаль II, 55.
 Воргуновъ свящ. II, 139.
 Воробьева В. II, 280, 285.
 Воробьева Е. II, 282, 286, 587.
 Воробьевъ Д. II, 282, 285, 520.
 Ворожейкинъ I, 22.
 Воронцова Е. К. гр. II, 105.
 Воронцова гр. Е. Р. II, 15, 18, 19, 514, 516.
 Воронцова М. В. кн. II, 195; III, 160, 221, 570.
 Воронцовъ Арт. И. гр. III, 494.
 Воронцовъ А. Р. гр. II, 193, 204; III, 481, 530.
 Воронцова З. I, 261.
 Воронцовъ М. Л. гр. I, 35; II, 6; III, 566.
 Воронцовъ М. С. князь I, 11, 13, 16, 21, 319, 494; II, 105, 303, 338; III, 167—189, 566.
 Воронцовъ Р. Л. гр. II, 8, 20.
 Воронцовъ С. М. кн. I, 318, 420; III, 313, 566.
 Воронцовъ С. Р. гр. II, 26, 198, 199, 396; III, 160, 313, 639.
 Воронцовы I, 8, 54, 89, 254, 376; II, 8, 12, 18, 29, 39, 54, 59, 103, 204, 327, 517; III, 189, 256, 589, 598, 603, 610, 613.
 Вощажниковъ И. II, 296.
 Врангели I, 550; II, 138; III, 87.
 Вроси II, 265.
 Врубель полк. III, 76.
 Вукерманъ II, 607.
 Вульфъ А. Н. II, 512.
 Вурмзеръ ген. III, 484.
 Вьельгорская Л. К. графин. II, 13.
 Вьельгорскій М. гр. II, 404, 433, 438.
 Выродовъ Ю. ад. II, 548.
 Высоцкій Н. П. II, 319.
 Вягилевъ подп. I, 514.
 Вяземская А. Н. кн. II, 110.
 Вяземская В. С. княж. II, 369.
 Вяземская В. Ф. княг. I, 176; II, 574.
 Вяземская Е. А. княж. III, 498.
 Вяземская Е. И. кн. III, 533.
 Вяземская М. княж. III, 62.
 Вяземскіе I, 148, 343; II, 84, 315, 327, 411, 442, 505, 553; III, 70, 220, 224, 313.
 Вяземскій А. И. кн. II, 110, 164, 450, 553, 556; III, 481—533.
 Вяземскій П. А. кн. I, 212, 312, 648; II, 239, 401—448, 553, 555, 565, 567, 583; III, 128, 219, 221, 223, 364, 385, 463.
 Вяземскій П. П. кн. III, 221, 222.
 Вязьмитиновъ ген. III, 134, 138.
 Вячеславъ Константиновичъ в. кн. III, 570.
- *
- Гавриилъ архіеп. I, 171; II, 335.
 Гавронскій Д. III, 142, 144.
 Гагарина кн. А. II, III, 526.
 Гагарина М. А. кн. I, 529—532.
 Гагаринъ Г. Е. кн. I, 530, 531.
 Гагаринъ Е. Г. кн. I, 530, 533.
 Гагаринъ Л. кн. II, 254.
 Гагаринъ П. П. кн. I, 397, 498, 502; III, 65, 192.
 Гагаринъ Ю. Е. кн. I, 530.
 Гагарины кн. I, 190, 308, 380, 415; II, 15, 18, 20, 68, 73, 89, 101, 327, 377, 378, 467; III, 93, 94, 96, 189, 523.
 Гагемейстеръ I, 90, 230, 383, 557; II, 381.
 Гадолинъ II, 265.
 Гаевскій II, 478, 597; III, 61.
 Газе I, 227.
 Газенкампфъ III, 634.
 Гакстгаузенъ II, 12, 232.
 Галаганы I, 311; III, 241.
 Галаховъ II, 270; III, 534.
 Гальперинъ I, 269.
 Гальпонъ Г. III, 140.
 Гальярдъ II, 92.
 Гамбургеръ III, 577, 588, 589, 637.

- Ганецкій III, 625, 629.
 Ганъ I, 191, 192; II 533.
 Гарелинъ Я. П. II, 501.
 Гарибальди I, 96, 97, 390, 409, 413, 416; II, 472, 473, 496, 497, 501.
 Гарнеринъ III, 521.
 Гарри II, 183.
 Гаррисъ II, 27, 179, 190, 192, 198, 323, 324.
 Гартингъ III, 75.
 Гартманъ докт. III, 580.
 Гартманъ Л. II, 302.
 Гаршинъ III, 158.
 Гаспарини I, 392.
 Гасфортъ ген.-губ. II, 397.
 Гатцукъ А. А. II, 452.
 Гауеръ I, 394.
 Гацискій А. III, 536.
 Гвинпленъ III, 334.
 Гевличъ губ. III, 292, 294.
 Гегель I, 257.
 Гедеоновъ I, 115; II, 383.
 Гедиминъ I, 529.
 Гежелинскій I, 206.
 Гейденъ I, 443; II, 373.
 Гейнце I, 260.
 Гелинъ III, 156.
 Геллертъ III, 58.
 Гельмерсенъ I, 540; II, 265, 268, 270, 271.
 Гельфманъ II, 303.
 Гемпель III, 638.
 Гендриновъ гр. II, 7, 14.
 Генрихъ пр. II, 62, 65, 67—69, 73, 81, 86, 196.
 Гентцъ I, 123.
 Гентъ III, 332.
 Георгій архіеп. II, 335.
 Георгъ принцъ II, 9, 10, 12—19, 119, 123.
 Герардъ II, 303.
 Гербертъ II, 350.
 Герберштейнъ II, 308; III, 26.
 Гервей кап. II, 180.
 Гердофъ II, 189.
 Герне I, 90.
 Гернгроссъ Н, А. I, 556.
 Гернгроссы I, 89, 115, 230; III, 84, 87.
 Герне II, 303.
 Гернякъ II, 357.
 Герольдштейнъ III, 194.
 Герценштейнъ Д. И. I, 76.
 Герценъ А. И. I, 315, 499.
 Герцены I, 99, 123, 124, 215, 380, 406—408, 411.
 Герци II, 187, 196, 197, 201, 323, 324, 328.
 Герштенцвейгъ I, 216, 218.
 Гершуни I, 258, 259, 424.
 Геснеръ III, 58.
 Гессе II, 136, 234.
 Гессенскій герц. II, 302.
 Гете I, 110, 449—451; II, 503; III, 68, 375.
 Гиббонъ II, 305.
 Гизо II, 140, 141, 381, 382; III, 194, 346.
 Гикишъ Е. Е. III, 548.
 Гика кн. III, 608.
 Гилленшмидтъ ген.-лейт. I, 180.
 Гильденбрандтъ III, 547.
 Гильденштубе ген. II, 353, 354.
 Гильфердингъ I, 179, 490, 492; III, 202.
 Гиляровъ III, 92, 93, 214.
 Гирсъ Н. К. II, 268.
 Гирсы I, 230, 422; II, 269, III, 149, 151, 309.
 Гитцигъ I, 414.
 Глазатовы II, 208, 209, 213.
 Глассонъ II, 358.
 Глинка II, 571.
 Глинка М. И. III, 311, 353.
 Глинка Ф. Н. I, 196.
 Глухова М. III, 256, 257, 261.
 Глуховъ И. III, 256, 257.
 Глѣбовъ I, 246; II, 9.
 Гнейстъ II, 236, 351.
 Гнѣдичъ II, 586.

- Гоголевъ ген. III, 552.
 Гоголь Н. В. I, 196, 310, 311; II, 442, 443; III, 220.
 Годень II, 78.
 Годуновъ Б. II, 557.
 Голицевъ-Кутузовъ-Смоленскій М. И. кн. III, 218.
 Голиковъ II, 306.
 Голицына А. М. кн. III, 223.
 Голицына А. II. кн. I, 174; II, 573, 578, 591.
 Голицына В. В. кн. II, 345.
 Голицына В. Д. княг. I, 640.
 Голицына М. А. княг. I, 648.
 Голицына Н. II. кн. II, 588.
 Голицынъ А. М. кн. II, 22.
 Голицынъ А. Н. кн. I, 483—486, 635, 640; II, 277, 289, 291, 292, 566, 567, 570, 571, 583, 586; III, 167, 188, 235, 518.
 Голицынъ А. О. кн. II, 253.
 Голицынъ Б. В. кн. III, 94.
 Голицынъ В. кн. I, 127, 173, 174.
 Голицынъ Д. В. кн. III, 94, 172.
 Голицынъ Д. М. кн. II, 6.
 Голицынъ И. О. кн. II, 20.
 Голицынъ М. М. кн. II, 29.
 Голицынъ Н. Н. кн. II, 301.
 Голицынъ Н. Я. кн. I, 640.
 Голицынъ С. М. кн. I, 193; II, 29, 556.
 Голицынъ О. Н. кн. II, 182.
 Голицыны кн. I, 636, 637; II, 6, 18, 32, 35, 36, 55, 71, 75, 102, 186, 193, 200, 201, 327, 328, 420; III, 128, 168.
 Головацкій II, 487, 488, 496.
 Головачевъ I, 454, 457, 458; II, 598.
 Головкинъ Г. I, 17, 19.
 Головкинъ О. гр. II, 450.
 Головкинъ Ю. А. гр. I, 173, 174.
 Головнины I, 233, 379, 388, 391, 394, 403, 406, 422, 547, 548, 549, 554; II, 15, 76, 79, 85, 93, 142, 181, 226, 235, 349, 359, 364, 370, 374, 377, 473, 474, 503; III, 53, 350, 352.
 Голохвастова I, 209.
 Голохвастовъ Д. Д. II, 225, 226, 229, 249, 393.
 Голохвастовъ П. Д. II, 557.
 Голубцовъ С. П. II, 457, 458.
 Голуховскій II, 383.
 Голштейнъ-Бекъ принцъ II, 10, 14, 18.
 Гольденбергъ Г. II, 301.
 Гольдштейнъ И. I, 266.
 Гольтгоеръ II, 350, 352.
 Гольцъ I, 494; II, 16, 18.
 Гонтгеймъ Н. III, 81.
 Гончаровъ I, 645, 651; III, 329.
 Горбуновъ А. I, 111; III, 54.
 Горбуновъ Н. М. I, 557.
 Гордонъ III, 145.
 Горленко А. I, 9, 10; III, 236.
 Горленко I. еп. II, 544—548; III, 236—242.
 Горнь III, 96.
 Горскіе III, 69, 74, 196.
 Горсткнины I, 174.
 Горчаковъ А. М. кн. I, 45, 47, 56, 474.
 Горчаковъ М. Д. кн. I, 181.
 Горчаковы кн. I, 55, 56, 105, 179, 216, 416, 541; II, 353, 466, 489, 505; III, 545, 577, 587, 588, 635, 636.
 Горязинъ подпор. II, 293.
 Горяиновъ II, 105; III, 608.
 Готье В. Я. II, 38.
 Гофманъ I, 540.
 Готь Еврей I, 424.
 Гошкевичъ Г. II, 599, 600.
 Граббе П. К. III, 159, 160.
 Граве Н. С. I, 600.
 Грановскіе I, 182, 183, 185—187, 200, 207, 226; II, 352; III, 330.
 Грановскій Т. Н. I, 315; III, 329.
 Грантъ У. II, 240, 352.
 Гребенка Е. П. III, 380.

- Грейгъ II, 90, 373.
 Грефе I, 556.
 Гречъ III, 108, 109, 535, 542.
 Грибоѣдовъ I, 652; II, 77, 78.
 Григорій архіеп. I, 49, 55, 57.
 Григоровичъ I, 651.
 Григорьевъ I, 258, 259; III, 196, 543.
 Григорьевъ Л. II, 612.
 Григорьевъ П. И. II, 525.
 Гриммъ II, 96—98, 305; III, 603.
 Гриневичій И. II, 302.
 Грифцовъ А. Н. III, 353.
 Грозный Іоаннъ Васильевичъ II, 297.
 Громека I, 122, 377.
 Громницкій III, 78, 104.
 Гротъ К. Я. II, 221, 222, 273.
 Гротъ Я. К. I, 642; II, 205, 261—272;
 III, 109.
 Гроты II, 107, 265, 368, 464, 482.
 Грудева I, 647.
 Губинъ I, 520.
 Губчиць Г. И. III, 622.
 Гудлавскій III, 139.
 Гудовичи II, 6, 14, 20; III, 241.
 Гудовичъ III, 526.
 Гуляковъ И. А. прапор. III, 479.
 Гумбольдтъ II, 503.
 Гундобинъ I, 224.
 Гуревичъ I, 77.
 Гурко ген. III, 592, 593.
 Гурляндъ I, 77.
 Гурьевская II, 562.
 Гурьевъ Д. А. I, 484.
 Гурьевы I, 127, 549.
 Гурьяновъ А. I, 512.
 Густавъ III, II, 178; III, 484.
 Густавъ IV, II, 456.
 Гутопъ Г. В. I, 487.
 Гуфеландъ Е. О. I, 530, 531.
 Гюббенетъ I, 334, 356.
 Гюбнеръ II, 19; III, 548.
 Гюго В. I, 534; III, 334.
 Гюнтеръ III, 217.
 Гютель III, 177, 182.
- *
- Давыдовы II, 230, 337, 469, 470.
 Давыдовъ Д. II, 404, 445.
 Давыдовъ Н. И. III, 357.
 Дагмара принцес. II, 238, 239.
 Далматовъ I, 351.
 Даль В. И. II, 136, 446.
 Данвиль II, 203.
 Данзасъ Б. К. III, 94.
 Данзасъ О. III, 196.
 Данзасы II, 393; III, 88, 91, 95, 100,
 336.
 Данилевскій I, 540.
 Даниловъ А. II, 472.
 Даниловъ И. I, 517, 518.
 Даниловъ М. II, 572.
 Даниловы I, 33; II, 497, 499, 509;
 III, 70, 196, 573, 627, 638.
 Дантесъ I, 176.
 Дашковъ Д. В. III, 61.
 Дашковы кн. I, 320; II, 7, 37, 328,
 391, 435, 467, 588.
 Дебольцова III, 54.
 Девіерь I, 7; II, 18, 605; III, 241.
 Дегло III, 550.
 Дейеръ II, 503, 504.
 Декартъ II, 503.
 Делинь кн. II, 195, 196, 203.
 Дельвигъ II, 439.
 Деляновъ гр. И. Д. II, 467; III, 309.
 Деляновы I, 64, 209; II, 468, 474;
 III, 93.
 Демарестъ II, 58, 77.
 Деменковъ П. С. III, 118—128, 385—
 466.
 Демидовъ I, 195; III, 181.
 Демьяненковъ Н. А. ген. III, 569.
 Денисовъ Е. II, 212.
 День I, 107, 109, 177, 181.
 Діонисій іером. II, 287.
 фонъ-Дервизъ I, 392; III, 194.
 Державина Д. А. II, 206, 208, 211,
 213, 214, 216.

- Державина Е. Я. II, 220.
 Державина О. А. II, 220.
 Державинъ Г. Р. II, 205—222.
 Державины II, 342, 395, 404, 409, 410, 417, 434, 442, 504, 556, 570, 572, 589; III, 502, 604.
 Дергачевъ I, 592.
 Дерфельденъ III, 528, 629.
 Десницкій проф. II, 305.
 Деспинъ III, 152.
 Десятовъ И. I, 20.
 Дехтеревъ II, 399.
 Джеферсонъ Девисъ II, 240.
 Джонсонъ полк. II, 235, 236.
 Джонсонъ А. II, 238; III, 68.
 Джонсонъ М. II, 240.
 Джонъ-Россель I, 409.
 Джузь марш. I, 448.
 Дибичъ I, 202.
 Дидеро II, 27, 82.
 Дикинъ И. I, 520.
 Дикинъ С. I, 521.
 Диатроповы III, 77.
 Дионисій пат. I, 359, 369.
 Дитрихштейнъ III, 489.
 Дмитриевъ И. И. II, 385, 556, 567.
 Дмитриевъ М. А. III, 345.
 Дмитриевъ О. М. III, 56.
 Дмитриевы II, 372, 390, 417, 423, 424, 428, 435, 436, 443, 473, 557; III, 59.
 Дмитрій Константиновичъ в. кн. III, 570.
 Дмоховскій III, 93, 96.
 Добентонъ II, 162.
 Добровольскій В. Н. III, 47, 142.
 Добровольскій К. Н. III, 553.
 Долгорукая Е. А. кн. III, 159.
 Долгорукая И. П. кн. I, 10.
 Долгорукая С. кн. II, 379.
 Долгорукие кн. III, 493, 497, 501, 516, 517, 523—525, 530, 531.
 Долгорукий В. кн. I, 122, 502; II, 244, 304, 361, 452, 474; III, 571.
 Долгорукий Д. И. кн. III, 72.
 Долгорукий П. II, 377; III, 532.
 Долгорукий С. А. кн. III, 194.
 Долгорукий Ю. кн. I, 370; II, 138; III, 98, 101.
 Долгорукие кн. I, 7, 36, 124, 174, 214, 231, 232, 234, 292, 376, 415, 562; II, 39, 76, 148, 152, 209, 242, 350, 356, 367, 389; III, 161.
 Домашневъ II, 99, 102, 162, 179.
 Донауровъ губ. I, 196.
 Дондерсъ I, 556.
 Дорнъ II, 265.
 Дорогобужиновъ В. И. I, 495.
 Дорогомьжскій I, 204; III, 193.
 Дорфъ I, 251.
 Досифей іером. II, 282.
 Дофине II, 30.
 Дохтуровъ III, 130, 131, 157, 420.
 Драгомировъ М. И. III, 569.
 Дренякинъ полк. II, 379.
 Друцкой Д. кн. III, 85.
 Друцкой Соколинскій III, 200.
 Дубенскій I, 14, 516; II, 7.
 Дубень гр. II, 15.
 Дубровинъ Е. I, 246.
 Дубровинъ Н. О. I, 485.
 Дубинскій полк. II, 344.
 Дукеръ марш. II, 18, 20.
 Дулькенъ III, 541.
 Дуньи II, 85.
 Дурасовъ III, 190.
 Дурнова II, 227.
 Дурново ген.-губ. I, 584.
 Дурновъ полк. II, 228.
 Дуровъ III, 341.
 Дюма III, 328.
 Дюмениль II, 39.
 Дюранъ II, 29, 30.
 Дюфуръ II, 61, 71.
 *
 Евгенія имп. II, 452.
 Евреиновъ I, 26.
 Евреиновъ Г. А. III, 72.

- Егоровъ Ѳ. III, 270, 271.
 Езенбергъ М. III, 137.
 Екатерина Алексѣевна в. княг. I, 21.
 Екатерина Михайловна в. княж. I, 209;
 III, 572.
 Екатерина Павловна в. княж. I, 131,
 303—309; II, 580; III, 296.
 Екатерина I-я, I, 5, 7—9, 15, 30, 36,
 655; II, 154, 191, 265, 293, 605;
 III, 313.
 Екатерина II-я, I, 5, 6, 14, 16, 23, 29,
 33, 44, 35, 130, 309, 314, 497, 507,
 539, 601, 616, 619; II, 5, 10, 21—
 25, 27—30, 34, 39, 40, 44, 53—
 55, 59, 50, 65, 66, 72, 91, 95, 98,
 100, 105, 106, 108, 112, 114—116,
 119, 122, 126, 162, 169, 170, 179,
 186, 195, 202, 204, 224, 169, 305—
 331, 335, 395, 430, 456, 462, 467,
 550, 551, 559, 577; III, 119, 243,
 268, 300, 393, 481.
 Елагина А. II. I, 197, 219; II, 367;
 III, 311.
 Елагина Е. И. III, 75.
 Елагины I, 311; II, 188, 314, 327;
 III, 572.
 Елена Павловна в. княг. I, 209, 215,
 316, 498, 651; II, 368.
 Еленевъ Ѳ. II. I, 210, 214.
 Елисавета Алексѣевна имп. I, 131; II,
 129, 130, 569, 570, 587, 591; III,
 118, 127, 218.
 Елисавета Петровна имп. I, 5—38, 319,
 603; II, 13—15, 21, 29, 53, 67,
 70, 75, 95, 191, 314, 454, 461,
 462, 514, 582, 589, 606; III, 237,
 553, 560—563.
 Елизаровъ I, 346.
 Ельчаниновъ I, 570.
 Емельяновъ II, 301, 638.
 Епанчинъ адм. II, 494.
 Еремѣевъ В. II, 596.
 Ермолаевъ С. II, 214, 221.
 Ермолинъ II, 276.
 Ермоловъ А. II. I, 174, 208, 640; II,
 317—319; III, 486.
 Ермоловы I, 111; II, 149, 374, 504;
 III, 404.
 Еропкинь П. Д. II, 318.
 Ершовъ В. И. II, 369.
 Есипова З. III, 94.
 Ефимова Е. Г. III, 479.
 Ефимовскій гр. II, 167.
 Ефремовъ П. А. I, 641, 642.
 Ефремовъ С. II, 213—215.
 Ехемзень II, 227.
 *
 Жаворонковъ протоіер. II, 286.
 Жакелень I, 392.
 Ждановъ I, 404; II, 138, 253, 254, 344.
 Жеваховы кн. III, 241.
 Жеглицкій А. К. II, 297.
 Желѣзновъ II, 256, 265.
 Желябужскій И. I, 364.
 Жемаринъ III, 69, 74.
 Жемчужниковъ А. I, 107; II, 235.
 Женевскій II, 475.
 Жераръ II, 44.
 Жеребцовъ Н. I, 384.
 Жеребцова О. А. II, 126.
 Жибелень докт. II, 38.
 Живокини В. И. II, 530—540; III, 370.
 Жигаленко III, 70.
 Жилле III, 235.
 де-Жильяръ II, 77.
 Жихаревъ I, 189; II, 433.
 Жомини бар. III, 577.
 Жосіанна III, 334.
 Жуковскіе I, 89, 311; II, 381, 382,
 386, 396, 408, 409, 411, 417, 423,
 425, 427, 428, 434, 435, 439, 447,
 449, 505, 556; III, 55, 56, 58, 71,
 220, 224, 235, 310, 312, 532, 553.
 Жюинье II, 27, 29—33, 36, 39, 46—
 48, 59, 76, 78, 83, 90, 93, 94, 96—
 98, 100, 162—164, 171, 173, 175—
 178, 185, 186.

- *
- Заблоцкіе I, 227, 230, 540, 547, II, 149, 270, 368; III, 294.
 Заблоцкій-Десятовскій А. П. I, 228, 556; II, 149.
 Забѣлинъ I, 646; III, 547.
 Завадовскіе II, 50, 60, 73, 88, 103, 172, 175; III, 166, 481, 524.
 Завадовскій П. В. гр. II, 319.
 Завалишинъ II, 247.
 Загоскинъ М. Н. I, 174.
 Загоскины II, 488; III, 370.
 Загряжская Н. К. I, 176; II, 64, 66, 75; III, 494.
 Загряжскіе II, 33, 103, 270, 380.
 Зайнъ - Витгенштейнъ - фонъ - Берлебургъ кн. III, 556.
 Закревская А. Ѳ. I, 641, 642.
 Закревскіе I, 174, 193—196, 202, 205; II, 134; III, 19.
 Залкиндъ I, 562.
 Зальцманъ I, 387, 388.
 Зальцъ ген. I, 226.
 Замойскіе I, 45, 109, 545; II, 135.
 Замойскій А. I, 409, 412, 541, 546, 547.
 Замятнинъ Д. Н. I, 421; II, 138, 364.
 Замятнины I, 419, 420, 548, 562, 564; II, 247, 350, 362, 369, 389, 469, 481; III, 107.
 Занчевскій I, 263, 264.
 Зарубаевъ ген. III, 604.
 Зарудный II, 392; III, 97, 326.
 Зарудный А. III, 61.
 Зарудный С. И. II, 364.
 Засуличъ В. II, 301.
 Застѣчная А. А. I, 205.
 Застѣчніе I, 206; III, 93, 96.
 Захаревичъ III, 292, 293.
 Захаржевскій I, 625.
 Захаровъ Г. II, 285.
 Звѣревъ Ѳ. Д. III, 165.
 Здекауеръ докт. III, 579, 580.
 Зегеръ III, 320.
 Зеземанъ III, 550.
 Зейлигеръ I, 265.
 Зейфортъ шт.-кап. III, 638.
 Зеленый I, 115, 218, 548, 552, 553, 557; II, 137, 302, 483; III, 56.
 Зеленый А. А. II, 255, 344.
 Зеленый И. А. III, 601.
 Зеленый С. И. II, 270.
 Земмеръ III, 54.
 Зенгеръ I, 64.
 Зининъ II, 265.
 Зиновьевы I, 192—194, 208; 392; II, 80, 82, 97, 98, 102, 103, 170; III, 604.
 Злобинъ В. А. III, 264.
 Золотаревъ II, 265.
 Зонтагъ I, 197; III, 311, 312.
 Зоринъ III, 76, 203.
 Зоричъ II, 176, 179, 181.
 Зоричъ С. Г. II, 319.
 Зотовы III, 598, 628.
 Зубковъ III, 350.
 Зубовъ В. А. гр. II, 126; III, 519, 524.
 Зубовъ Н. А. гр. II, 119, 130; III, 497.
 Зубовъ П. А. кн. I, 147; II, 119, 126, 128, 129, 319; III, 91.
 Зубовы II, 119, 121, 125, 127, 320; III, 87, 98, 290, 322, 328, 346, 482, 485, 486, 505, 506, 528.

*

 Иваницкій II, 358, 361, 363.
 Иванова М. П. III, 311.
 Иванова С. П. III, 311.
 Ивановъ А. А. I, 310.
 Ивановъ М. П, 223.
 Ивановы I, 198, 260, 311, 361; II, 223.
 Иванъ Васильевичъ царь I, 366; III, 343.
 Ивашинцовъ I, 544.
 Ивашинъ Л. III, 251.
 Игельстромъ гр. II, 504.
 Игнатій митр. II, 335.
 Игнатьевъ А. П. I, 438.

- Игнатъевъ Н. ген. I, 99.
 Игнатъевы I, 69, 126, 197; III, 60, 576, 633.
 Игнатовъ П. Н. II, 216, 219.
 Игнатъевъ С. III, 266.
 Изабелла кор. III, 92.
 Извъновъ ген.-м. I, 192.
 Измайловъ М. Л. II, 22.
 Измайловы II, 6, 7, 15, 19, 186.
 Иконниковъ В. С. II, 316.
 Иксуль А. бар. I, 384; III, 203.
 Иларіонъ архіеп. I, 360, 361.
 Иловайскай А. И. II, 552.
 Ильенко II, 256.
 Ильинскій А. II, 544.
 Ильины I, 517; III, 638.
 Ильинъ О. Я. I, 37.
 Имеретинскій кн. III, 614, 617, 620.
 Инглези Д. III, 152.
 Иннокентій митр. III, 82, 167, 190, 205, 343.
 Иноземцевъ I, 494.
 Исеевъ II, 264.
 Исидоръ митр. II, 337-342; III, 343.
 Истомина II, 415.
 Ишутинъ II, 378, 387.
 *
 Іедлинскій А. А. ген. I, 527, 528.
 Іеншъ Е. I, 533.
 Іеремій арх. III, 169.
 Іероеей архим. I, 47, 48.
 Іоаннъ Алексѣевичъ царь I, 369.
 Іоасафъ архим. I, 351, 361.
 Іорданъ В. А. II, 264, 266.
 Іосифъ I, II, 461.
 Іосифъ II, II, 186, 201; III, 81, 348.
 *
 Кавельскій I, 549.
 Кавалерова Е. М. III, 373.
 Кавелины I, 182, 183, 225, 390, 395; II, 253; III, 497.
 Кавелинъ К. Д. проф. I, 498, 499.
 Кавецкая I, 494, 495.
 Кавецкій I, 495, 559.
 Казадаевъ А. В. I, 38.
 Казадаевъ В. А. I, 38.
 Казановичъ П. іерм. III, 237.
 Казанскій А. II, 269.
 Казимо Мари II, 40, 41.
 Казнаковъ Н. Г. ген.-губ. II, 397.
 Казначеевъ II, 360, 387; III, 107, 189.
 Кайзерлингъ гр. II, 259; III, 344, 347.
 Калачевъ Н. В. III, 72.
 Калачевы I, 110, 118, 183; II, 347.
 Калигари Н. I, 533.
 Каликинъ II, 276.
 Каллимахи кн. I, 482.
 Калмыцкій I, 512.
 Калупинъ III, 638.
 Кальмановичъ I, 241, 581.
 Камбасересъ I, 128.
 Каменскій I, 211, 489, 491; II, 416; III, 502.
 Канкринъ I, 127; II, 259, 303, 439, 511.
 Канлеръ I, 410.
 Кантакузинъ А. кн. I, 302.
 Кантауристъ III, 150.
 Кантъ II, 503.
 Капгеръ II, 157.
 Капо д'Истріа гр. II, 433, 574, 575, 579, 583, 588.
 Каптеревъ В. III, 34.
 Капустинъ II, 473.
 Карагеоргіевичъ III, 80, 83.
 Каракозовъ Д. В. II, 362, 363.
 Каракозовы II, 304, 361, 368, 373, 375—379, 387, 489; III, 73, 76.
 Карамзина Е. А. II, 450; III, 514, 531.
 Карамзина Е. Н. I, 214; II, 555.
 Карамзинъ В. Н. II, 557; III, 91, 212.
 Карамзинъ Е. А. III, 312.
 Карамзинъ Н. М. II, 553—557, 560—592; III, 505.
 Карамзины I, 646; II, 307, 386, 390, 391, 403, 409, 417, 421, 423—436, 495; III, 58, 88, 108, 116, 187, 213, 322, 520, 564.

- Карасевскій А. И. I. 53, III, 167, 178.
 Карасевъ А. I, 62.
 Каратыгинъ П. А. II, 521, 523, 524, 525, 527, 529; III, 373.
 Карель док. III, 580.
 Карль-Августъ Люб. еп. I, 6.
 Карль принцъ II, 13.
 Карль-Петръ-Ульрихъ Гольштинскій герц. I, 17.
 Кармеръ I, 128.
 Карніолинъ-Пинскій III, 95.
 Карповъ Ѳ. I, 515; II, 357.
 Касимовъ И. Л. III, 317, 318, 319.
 Кассель III, 90.
 Каталей ген. III, 628.
 Катенинъ П. А. II. 92.
 Катковъ I, 211—213, 215, 407, 408, 554, 563, 565, 644; II, 143, 144, 146, 148, 151, 152, 222—227, 229, 234, 235, 243, 244, 254, 255, 348, 349, 369—371, 375, 382, 474, 477, 496, 502, 503, 507, 509, 510; III, 76, 98, 331, 350, 352.
 Катковъ М. Н. I, 411, 422, 499; II, 141, 147, 358; III, 329.
 Кауницъ II, 97, 171.
 Кауфманъ ген. I, 443, 448, 452—454, 456, 457, 459, 461; II, 383, 384.
 Качаловъ III, 64, 475.
 Каченовскіе II, 435, 438.
 Каченовскій М. Т. I, 370, 372; III, 355.
 Кашеловъ II, 99.
 Кашкаровъ В. III, 480, 539.
 Квашнинъ П. I, 18.
 Квашнинъ-Самаринъ II, 276, 288.
 Квистъ О. И. III, 96.
 Кебель I, 410.
 Кедринъ II, 303.
 Кейзерлингъ гр. II, 157.
 Кейстуты I, 559; III, 62.
 Кейтъ послан. II, 9, 18.
 Келатовскій В. II, 139.
 Келлерманъ II, 27.
 Кемпе А. А. III, 550.
 Кемпе П. А. III, 550.
 Кеневичъ II, 358.
 Кеппенъ I, 540; II, 135, 136.
 Керестури II, 411.
 Керковъ В. Ф. III, 551.
 Кернъ А. П. I, 493, 494, 641, 642; III, 222.
 Керцелли III, 546.
 Кетовъ А. П. III, 550.
 Кетчеръ Н. X. III, 547.
 Кибальчичъ II, 303.
 Киверъ III, 551.
 Кингстонъ герцогиня II, 180.
 Кине Е. II, 356.
 Кирилль еп. I, 58.
 Кириаковъ А. Ѳ. I, 469.
 Киркоръ III, 93.
 Кирѣева А. В. I, 173, 174.
 Кирѣевскіе I, 198, 315; II, 345.
 Кирѣевскій И. I, 201.
 Кирѣевскій П. В. II. 298.
 Кирѣевъ А. III, 256, 261, 292—294.
 Киселевъ А. II, 613.
 Киселевъ Н. С. I, 649.
 Киселевъ П. Д. гр. I, 315, 498, 500, 649; III, 167.
 Киселевы I, 230, 418, 542, 552; II, 257; III, 207.
 Кисловскій I, 122.
 Киттары I, 97.
 Кишкинъ С. III, 164, 165.
 Кладо ст. сов. III, 348.
 Клапка I, 413.
 Клара живоп. III, 235.
 Клевенскіе II, 478.
 Клейстъ III, 146.
 Кленда П. I, 533.
 Климушинъ В. А. II, 275, 288, 289.
 Клоковъ II, 257.
 ла-Клоренъ II, 82.
 Клубинскій Г. I, 254.
 Ключаревъ III, 93.
 Кноблехъ док. III, 545.

- Нянжевичъ I, 98, 113, 114, 120, 383,
 502, 544; III, 107, 322.
 Нязевъ Д. П. I, 117.
 де-Но маркиза III, 204.
 Кобенко Д. О. II, 116.
 Кобенцель гр. II, 186, 323, 325, 328,
 378; III, 489.
 Кобылинъ II, 378.
 Ковалевскіе I, 114, 601, 632; II, 392;
 III, 87, 88, 98, 197, 212.
 Ковалевскій Е. I, 99; II, 391; III, 60.
 Ковалевскій М. I, 80.
 Ковалевъ Ф. I, 525.
 Когановичъ I, 428.
 Кожевниковъ В. А. I, 634.
 Кожина Ю. III, 214, 351.
 Кожинъ В. III, 354.
 Козловскій г. л. III, 261, 509.
 Козловъ ген. I, 392, 495.
 Козодавлевъ О. П. II, 567.
 Козодавлевы II, 573, 578, 582.
 Козляинова Е. О. II, 245.
 Кокоревъ В. А. I, 399, 414, 499; II,
 508; III, 230.
 Кокошкинъ О. О. III, 368, 369, 534.
 Кокреневъ I, 490.
 Кокшаровъ Н. И. II, 267.
 Колзаковъ III, 93, 96.
 Колесовъ II, 501.
 Коллисъ II, 262.
 Колло II, 43, 176.
 Колмыковъ III, 70.
 Кологривовъ П. Ю. II, 432.
 де-Коломбъ III, 148.
 Колпаковскій ген.-лейт. I, 455, 458.
 Колпикова В. III, 256, 257, 261.
 Кольберъ III, 513.
 Кольцовъ II, 555.
 Кольчигинъ III, 311.
 Колывановъ III, 505.
 Колычевъ И. И. III, 316.
 Колычевы I, 515, 518; III, 496.
 Колюбякинъ II, 234; III, 94, 208.
 Колюбякинъ Н. П. III, 72.
 Колюпановъ II, 501; III, 75.
 Коляевъ I, 79.
 Комбурлей III, 135, 151.
 Комбъ II, 30, 79, 171, 172, 179, 184.
 Комаровская гр. II, 470; III, 297.
 Комаровскіе II, 483, 504, 512; III, 65,
 66, 103.
 Комаровскій Л. гр. III, 321.
 Комисаровъ О. И. II, 470.
 Кони О. А. III, 367—384, 534.
 Кононовъ т.-сов. III, 637.
 Коноплева М. III, 116.
 Константинъ в. кн. I, 34, 111, 120,
 233, 379, 383, 388, 390, 394, 398,
 409, 419, 538, 555; II, 141, 142,
 146, 150, 151, 155, 184, 226, 232,
 237, 246, 303, 346, 351, 360, 363,
 364, 378, 387, 395, 505; III, 55,
 212, 333, 528.
 Константинъ Константиновичъ в. кн. III,
 570, 578, 579, 601.
 Константинъ Николаевичъ в. кн. I, 55,
 209, 498, 502; II, 340; III, 178,
 308, 574.
 Константинъ Павловичъ в. кн. I, 47,
 526; II, 105, 106, 129, 130, 316,
 433, 564; III, 304.
 Конти Людовикъ Франсуа I, 11.
 Коншинъ Н. М. I, 493.
 Коптевъ II, 596.
 Корберонъ II, 27—104, 161—204, 320;
 III, 313, 530.
 Корниловъ I, 193, 214.
 Коробьина В. I, 405.
 Коробьинъ Д. I, 405.
 Корсакова II, 31.
 Корсаковъ И. Н. II, 319.
 Корсаковы II, 190, 194, 327, 430; III,
 497.
 Корфъ М. А. I, 89, 126, 127, 487,
 488, 498; III, 56, 95.
 Корфъ II, 9, 10, 327; III, 135.
 Коршъ В. О. I, 644.
 Коршъ Е. I, 182, 183; II, 140.

- Корякинъ III, 283.
 Косиковская М. А. III, 575.
 Косинскій гр. I, 52.
 Коскуль гр. II, 483.
 Коссецкій ген. I, 302.
 Коссовичъ К. А. I, 487—491; II, 341.
 Костинъ II, 594, 638.
 Костомаровъ I, 102, 103, 220, 225; II, 479, 495; III, 162.
 Костылевъ П. Н. прок. II, 389.
 Костюринъ коменд. II, 10.
 Костюшко I, 525, 526.
 Котляревская Е. Н. III, 566.
 Котляревскій II, 347.
 Котовъ II, 289; III, 256, 260, 261.
 Кохновъ III, 93.
 Кохъ кап. II, 302.
 Коцебу ген.-ад. I, 444; III, 159.
 Кочетовъ протоіер. III, 170.
 Кочубей I, 127, 386—388; II, 272, 578, 582; III, 494, 497, 508, 509.
 Кочуевъ А. К. III, 205.
 Кошелевъ А. И. I, 498; II, 449.
 Кошелевъ Р. В. I, 510.
 Кошелевы I, 510; II, 169, 234; III, 323.
 Кошнарковъ II, 265, 273.
 Кошкинъ II, 597.
 Кошкуль III, 103.
 Кошутъ I, 409, 413.
 Краббе I, 548; III, 204.
 Краевскій А. А. I, 35, 122, 383, 390; II, 502, 507, 512.
 Красильниковъ I, 639; II, 154, 156; III, 67, 75.
 Краснопольскій Р. II, 600.
 Краюшкинъ Т. III, 270.
 Крезъ I, 392.
 Крейтонъ I, 170.
 Крейцъ II, 48.
 Кремеръ кап. III, 90, 203, 204.
 Крестовскій III, 96, 556.
 Крживецъ II, 257.
 Кривцовъ I, 302, 384; III, 328.
 Криднеръ бар. II, 127; III, 595, 598, 606, 609, 614, 615, 626, 628.
 Крогіусъ I, 115.
 Кронебергъ III, 146.
 Кронць II, 49.
 Крузе II, 62, 229, 468—470.
 Крузенштернъ I, 227, 378.
 Крушеванъ П. А. I, 83.
 Крыжановскій I, 99, 451, 452, 455, 570; II, 234, 494; III, 350.
 Крыловъ I, 182; II, 417, 426, 586; III, 58, 214.
 Крюденеръ-Лерхенфельдъ А. М. I, 58.
 Ксавье-де-Местръ гр. II, 409.
 Ксель живоп. II, 459, 607.
 Ксенія Александровна в. княж. I, 646.
 Кубасовъ И. А. III, 304.
 Кудрявскій Д. III, 26.
 Кудрявцевъ Е. III, 257, 261.
 Куза кн. II, 351, 353.
 Кузминскій Г. И. III, 204, 353.
 Кузнецовъ В. А. II, 397.
 Кузнецовъ И. Г. II, 397, 542; III, 366.
 Кузьмины III, 264.
 Кузьминъ-Караваевъ III, 265.
 Кукушкина I, 392.
 Кулешевъ III, 75.
 Кулешъ I, 266; II, 496.
 Куликовъ I, 246.
 Култашевъ II, 601.
 Кулябно II, 6.
 Куникъ А. А. I, 373, 374; II, 265.
 Куперникъ I, 241.
 Купріяновы III, 214, 354.
 Куракина кн. II, 52, 53, 63.
 Куракинъ А. Б. кн. II, 71, 192.
 Куракинъ Б. А. кн. II, 12.
 Куракинъ С. кн. II, 31, 93.
 Куракины I, 6; II, 8, 59, 63, 73, 327, 328, 578, 582; III, 287, 493, 510.
 Курикъ кол. сов. III, 141.
 Курнумелисъ I, 533.
 Курочкины I, 211.
 Курута I, 47, 48; III, 304.

- Курчаниновъ I, 22.
 Кутайсовъ гр. I, 38; II, 120, 125; III, 490.
 Кутузова-Смоленская кн. III, 221, 224.
 Кутузовъ кн. I, 304—306; II, 570; III, 122, 123, 130, 131, 222, 223, 304, 388, 398, 401, 403—417, 419—447, 449—452.
 Кушелева Е. Д. II, 109, 110.
 Кушелевъ-Безбородно гр. III, 78.
 Кушелевъ I, 122; II, 120.
 Кушнеревъ I, 248.
 Кушникова III, 93.
 Кушниковъ С. С. II, 568.
 Куяровъ I, 435.
 Кюи ген. III, 569.
 Кюсси II, 92.
- *
- Ла-Ви диплом. I, 6.
 Лабзина А. Е. I, 483.
 Лабзинъ А. Ф. I, 483—486.
 Лабинцова I, 209.
 Лаваль II, 245, 566, 568, 573, 586, 588.
 Лаврентій архіеп. I, 50, 359.
 Лаврентьевъ кол.-секр. III, 637.
 Лавровская III, 103, 206.
 Лавровскій II, 358, 380.
 Лавровы II, 35, 36, 271; III, 292, 294.
 Лавровъ М. Т. III, 545.
 Лагарпъ II, 268, 395.
 Ладыгинъ поруч. I, 525.
 Лажечниковъ И. И. II, 498; III, 214.
 Лажечниковъ Н. И. III, 324, 354.
 Лазаревичъ А. II, 569; III, 140.
 Лазаревскій I, 211.
 Лазаревъ I, 31; III, 383.
 Лакость III, 567, 569, 619.
 Ламановъ I, 195.
 Ламанскій Е. И. I, 379, 380, 421, 540; II, 471; III, 202, 229, 570.
 Ламбертъ гр. I, 216, 218, 546; III, 61, 138, 139, 155.
 Ламене II, 381.
 Ламсдорфъ I, 165, 166, 168.
- Ланге прок. II, 354, 381, 382.
 Лангъ майоръ II, 20.
 Ланская II, 576, 579, 580.
 Ланскіе I, 114, 115, 166, 168; II, 112, 180; 193—195, 202, 326—328; III, 132, 136, 137, 140, 141, 145—152, 309.
 Ланской А. Д. II, 109, 110, 319.
 Ланской В. С. III, 130, 131, 133—135, 151, 155, 156.
 Ланчинскій Л. II, 453.
 Ланской С. С. I, 497, 502.
 Ларионовъ к.-с. III, 637.
 Ласси гр. II, 31—35, 61, 71, 72, 178, 185.
 Латкинъ I, 227, 378.
 Лаунертъ В. С. III, 287.
 Лауницъ ген. I, 405.
 Лафермьеръ II, 183.
 Лафотень III, 58.
 Лафонъ г-жа II, 76, 83, 85, 91, 92.
 Лебедева Н. II, 367, 376; III, 353.
 Лебедевъ А. проф. I, 61; III, 237.
 Лебедевъ Д. II, 367, 469.
 Лебедевъ И. I, 514.
 Лебедевъ К. Н. сен. I, 87—128, 216—234, 257, 375—422, 534—566; II, 132—160, 224—260, 343—384, 465—511; III, 53—107, 191—216, 321—352.
 Лебедевъ П. С. полк. I, 539.
 Левашевъ В. Я. II, 319.
 Левашевы I, 107, 109, 112, 395, 522; II, 175, 354, 355, 467, 469.
 Левенбергъ I, 78.
 Левенвольдъ I, 17, 19, 33.
 Левенгауптъ гр. I, 13.
 Левенталь I, 85.
 Левинъ Ш. I, 86.
 Левицкій I, 242.
 Левшинъ А. И. I, 498.
 Левшинъ П. архіеп. 550.
 Левшины II, 104, 473, 474, 477.
 Лееръ Г. А. ген. III, 569.

- Лезюрнъ III, 214.
 Лейхтенбергская гер. II, 344.
 Лейхтенбергскій Н. II, 242, 273; III, 66.
 Лейхтенбергскій С. М. III, 598, 622.
 Лембергъ II, 94.
 Ленскій Д. Т. II, 518—529; III, 367—373.
 Лентулуй ген. II, 91.
 Ленць III, 537, 539.
 Леонидъ архм. I, 322; II, 254, 255; III, 310.
 Леоновъ II, 228.
 Леонтій митр. III, 170.
 Леонтьевъ II, 148, 371, 474, 509, 613; III, 59.
 Леопольдъ имп. II, 461.
 Лепехинъ Н. И. III, 113.
 Лермонтовъ I, 527; II, 555; III, 158, 159.
 Лернеръ Н. I, 494, 642.
 Лессингъ II, 503.
 Лестоукъ I, 8, 11—13, 16, 19, 21, 22; II, 10.
 Лефортъ I, 653; II, 8.
 Лешковъ II, 473.
 Лещинская М. I, 6.
 Лещинскій С. кор. III, 320.
 Либандъ II, 204.
 Либихъ II, 503.
 Ливановъ III, 321.
 Ливень I, 166; II, 156, 157.
 Ливчакъ I. II, 496.
 Лидерсъ I, 218, 228; II, 15.
 Лизогубы гр. III, 241.
 Линденеръ II, 122.
 Линдерсъ I, 546.
 Линкольнъ II, 237, 240, 241.
 де-Линь пр. II, 305.
 Липгартъ III, 209.
 Липинскій Г. А. I, 82.
 Липсеровъ I, 78.
 Дюнь-де-Лиріа I, 7.
 Листовскій И. С. I, 462.
 Листовскій Н. С. I, 459, 462.
 Лисянскій I, 193, 208.
 Литвиновы II, 507; III, 574, 619, 621, 622.
 Литвиновъ И. III, 475.
 Литке I, 420, 545; II, 136, 262—264, 267—269, 271, 272.
 Лихачевъ А. Г. I, 198.
 Лихачевъ И. полк. III, 71.
 Лихонинъ М. Н. III, 543, 550.
 Лобановъ Я. кн. II, 408, 425, 576.
 Лобановы II, 568, 573, 582; III, 491, 508, 527, 528.
 Лобановъ-Ростовскій кн. II, 127, 269, 373.
 Лобко П. Л. ген. III, 569.
 Лобковичъ II, 94, 97, 171.
 Лобковъ II, 8.
 Ловичъ княг. III, 304.
 Лодыженскій С. А. I, 647.
 Ломанинъ полк. 452.
 Ломоносовы I, 5, 24, 33, 127, 297, 649; II, 5, 309, 314, 390, 409, 410; III, 58, 199, 305, 559—566.
 Лонгинова М. А. II, 229; III, 57, 70.
 Лонгиновъ М. II, 254, 319, 371, 481; III, 161.
 Лонгиновы II, 444; III, 65, 71.
 Ле-Лонца I, 6.
 Лопатинъ Д. полк. I, 523.
 Лопесь III, 85, 325, 326.
 Лопухина Е. О. III, 474.
 Лопухина Н. I, 19, 34; II, 67, 120.
 Лопухинъ П. В. кн. II, 580; III, 529.
 Лопухины I, 19; II, 579; III, 490, 492, 493, 510, 519—526, 528, 530.
 де Сенъ-Лоранъ II, 496.
 Лорисъ-Меликовъ II, 302.
 Лормуа II, 73, 75.
 Лотоцкій I, 48, 49.
 Лохвицкій II, 147; III, 352.
 Луба III, 156.
 Лужина I, 173, 174.
 Лузгинъ протоір. I, 72.
 Лукина Е. А. III, 280.

- Лукинъ Ѳ. секр. I, 523.
 Лукуновъ III, 228.
 Лукьяновъ I, 64.
 Лунина Е. С. II, 613.
 Лунинъ I, 517—519; III, 328.
 Львова княж. I, 209; III, 348.
 Львовичъ I, 250.
 Львовъ кн. I, 174, 190, 205; II, 456.
 Лыковъ I, 340.
 Лысовъ III, 252, 253.
 Любимовъ I, 50, 51, 470, 472; III, 198.
 Любовникова М. III, 214.
 Любомирскій кн. III, 490.
 Любошицъ I, 80.
 Любощинскій III, 88, 212, 213, 322.
 Людовикъ XV, I, 6; II, 102, 170.
 Людовикъ XVI, II, 200.
 Людовикъ XVIII, II, 105, 125.
 Люминарскій II, 352.
 Ляпуновъ II, 14, 480.
- *
- Магницкій I, 54, 297, 464.
 Мадзини I, 96; II, 472.
 Маевскій III, 130.
 Мазадъ III, 76.
 Мазуринъ III, 70, 196.
 Майделемъ бар. I, 584.
 Майзесъ III, 136, 137.
 Майковъ I, 642; II, 271, 424, 487; III, 222.
 Макавѣевъ II, 373.
 Манаревичъ II, 139.
 Макарій архіеп. II, 265, 266, 333, 334.
 Макарова I, 280, 281; II, 283, 287.
 Макаровъ сек. III, 165.
 Маклашевскій I, 651.
 Максимилианъ III, 85, 86.
 Максимовичъ чин. I, 89; II, 264, 265.
 Максимовскіе III, 281, 283.
 Максимовъ Г. III, 480.
 Максимовъ М. III, 42.
 Макуръ II, 19.
 Малевскій-Малевичъ Н. А. III, 267.
 Малиновскіе II, 569, 573, 583; III, 247, 248.
 Малькевичъ II, 508.
 Мальмсбюри гр. II, 235, 305.
 Мальмбергъ I, 278.
 Мальцева А. Н. III, 570, 578, 622, 623.
 Мальцева И. С. III, 576.
 Мальцева С. С. III, 169.
 Мальцевъ А. П. протоіер. II, 453—455.
 Мальцевъ М. Т. III, 266.
 Мальцовъ I, 230.
 Мамоновъ III, 319, 411.
 Мамонтовъ С. И. I, 312.
 Мандельштамъ I, 80, 242.
 Мандль I, 76.
 Мандрыки гр. III, 241.
 Манесси Д. I, 533.
 Манзей К. Н. II, 15.
 Мансуровъ I, 394.
 Мантейфель бар. II, 188.
 Маньянъ дип. I, 8; II, 58.
 Маразли Г. Г. гор. гол. I, 175, 319.
 Маргарита Алексѣевна ц—вна. I, 38, 369.
 Марголинъ Д. I, 270.
 Мардирось еп. II, 293, 296.
 Марія Александровна в. княж. I, 103, 504; II, 304; III, 567, 574, 575.
 Марія Алексѣевна ц—вва. I, 38; II, 599, 602.
 Марія Ильинишна царица I, 327.
 Марія Николаевна в. княг. I, 651; III, 570, 571, 625.
 Марія Павловна в. кн. II, 456, 571, 577, 585, 587, 589, 590; III, 160.
 Маріи Феодоровны имп. I, 129—172; II, 120, 130, 395, 566, 568, 585; III, 118, 127, 218, 577.
 Марневичъ I, 311.
 Марнозовъ полк. I, 452.
 Марлинскій А. III, 248.
 Маронинъ А. I, 533.
 Мартенъ II, 33.

- Мартыновы II, 355; III, 157, 249, 251, 368, 539, 541, 603, 604.
 Марченко II, 433.
 Масальскій К. III, 381.
 Масловы II, 25, 255, 347; III, 291, 525.
 Мастофъ Г. III, 162.
 Матвѣевъ бояр. I, 355.
 Матусевичъ III, 156.
 Матусъ III, 256.
 Матушевичъ II, 433; III, 138, 141, 155.
 Матюнинъ III, 88, 210.
 Матюшкина гр. II, 328.
 Матюшкинъ М. А. II, 293.
 Матюшкины I, 218; II, 166.
 Мауреръ I, 179.
 Мацѣвичъ А. II, 313.
 Мацѣвичъ Л. I, 529; II, 297, 400, 458.
 Машковъ кап. I, 522; II, 424.
 Мебиусъ гр. III, 545.
 Медвѣдниковы III, 546.
 Мееровичъ А. III, 145.
 Межевичъ В. С. III, 371.
 Мезенцовы II, 301, 471; III, 476, 589, 637.
 Мезіеръ II, 35.
 Мейендорфъ П. бар. I, 228, 230; III, 208, 596, 597.
 Мейеръ II, 490, 493; III, 332.
 Мейнгартъ Д. I, 624, 625.
 Мейнесгагенъ II, 18.
 Мекленбургскій гр. I, 171; 209.
 Мелетій архид. I, 59, 60.
 Мелиссино ген. II, 169.
 Меллеръ-Закомельскій III, 93.
 Мельгуновъ I, 122; II, 13—15, 17, 310.
 Мельниковъ П. И. III, 266.
 Мельниковы I, 548; II, 481; III, 81, 322.
 Менгденъ гр. II, 170.
 Менде II, 143.
 Менде (Олсуфьева) III, 94.
 Менделѣевъ Д. И. I, 253.
 Мендельсонъ I, 428.
 Мендельштамъ I, 588.
 Мендъ ген. I, 207.
 Меншикова М. А. княж. I, 297—300.
 Меньшиковъ М. I, 83, 261, 588, 589.
 Меньшиковы I, 36, 127, 199, 202, 206, 655; II, 7, 176, 594, 605, 609; III, 320, 346, 458, 543, 609.
 Мердеръ I, 652; II, 303.
 Мерзляковъ II, 411.
 Мертвый Д. Б. II, 504.
 Метлинъ II, 378.
 Меттернихъ III, 80.
 Мечинъ III, 569, 574, 619.
 Мечь С. П. III, 287, 288.
 Мещерская М. кн. II, 238.
 Мещерскіе кн. II, 276, 393, 451; III, 63, 497.
 Мещерскій А. Н. кн. II, 557.
 Мещерскій И. кн. II, 596.
 Мещерскій Н. кн. I, 239, 523; II, 557.
 Мещерскій П. С. кн. III, 168.
 Мизере ст. сов. II, 5—20.
 Миклашевичъ кол. сов. III, 136.
 Микуцкій I, 492.
 Миллеры II, 107, 207, 208, 214—216, 218, 220, 221, 223, 305, 306, 312, 610; III, 6—8, 23, 569.
 Миллеръ А. II, 217.
 Миллеръ Е. С. II, 213.
 Миллеръ К. В. II, 213.
 Миллеръ К. П. II, 213.
 Миллеръ П. II, 209—213.
 Милорадовичи II, 433; III, 417, 421, 442, 443, 445, 628, 629.
 Милорадовичъ Г. А. III, 385.
 Милославскій И. Д. I, 342.
 Милославскій И. М. III, 317.
 Милуновъ II, 139.
 Милютинъ гр. Д. А. II, 344, 375; III, 592, 596, 621, 628, 630.
 Милютинъ Н. А. I, 316, 398, 500, 505, 570, 552; II, 154, 232; III, 72.
 Милютинъ I, 226, 230, 394, 415, 552, 554, 651; II, 359, 390, 481; III, 322.
 Минацкій С. И. II, 289.

- Минихъ I, 8, 11, 17, 36; II, 13, 17, 18, 83, 87, 167, 191; III, 320.
 Миржановъ Я. II, 293.
 Мирзоевъ С. С. III, 547.
 Миризянъ II, 295.
 Мироновъ П. III, 163.
 Мирославскій I, 409, 410.
 Мирскій Л. Ф. II, 301.
 Мисаиль архим. II, 279, 286.
 Митрошкины III, 254—260.
 Миттерманъ II, 358, 363.
 Михаилъ в. кн. I, 98, 398.
 Михаилъ митр. III, 347.
 Михаилъ Николаевичъ в. кн. III, 229, 552.
 Михаилъ Павловичъ в. кн. I, 48, 311; III, 223—225.
 Михаилъ Феодоровичъ царь II, 21, 312.
 Михайлова А. К. III, 265, 266.
 Михайловскій ген. III, 557.
 Михайловъ I, 122, 198, 220, 389; II, 303, 323, 368; III, 265.
 Михѣевъ В. III, 265.
 Мицневичъ I, 310, 546; II, 439.
 Мишинъ секр. I, 635, 638, 639.
 Мишле II, 475; III, 67.
 Мишуткина О. III, 253, 260.
 Млодецкій И. II, 302.
 Мовзесъ III, 156.
 Модень гр. III, 517.
 Модзалевскій Б. I, 483, 642; III, 222.
 Мозель ген. майоръ I, 459.
 Моисеевъ I, 512.
 Мойзесъ III, 155.
 Молчанова II, 328.
 Молчановы II, 386.
 Мольеръ II, 503.
 Монталамберъ II, 381.
 Монрезоръ III, 93.
 Монтескье II, 305.
 Моравскій III, 629.
 Мордвиновъ И. II. I. 300, 774; II, 319, 327, 549, 573.
 Моренгеймъ II, 450.
 Морновъ III, 497, 525, 526, 529.
 Морлей посл. II, 28.
 Моро III, 495.
 Морозова М. О. I, 499.
 Морозова О. I, 367.
 Морозовъ Б. И. I, 342, 642.
 Морошкинъ I, 51.
 Мосякинъ О. поруч. I, 518, 519.
 Мотовиловъ Г. Н. II, 350—352; III, 78.
 Мочаловъ П. С. II, 524; III, 373.
 Мрочекъ II, 361, 363.
 Мроченко II, 357.
 Мунзей лейб.-мед. II, 18.
 Муравьева Е. З. II, 260.
 Муравьева Е. О. II, 555, 567.
 Муравьева Л. II, 228.
 Муравьевъ А. Н. I, 54; II, 475; III, 190.
 Муравьевъ М. Н. I, 502, 555; II, 255, 361, 383, 384, 411; III, 231.
 Муравьевъ Н. Н. ген.-губ. I, 196; II, 134, 255.
 Муравьевы I, 88, 107, 112, 114, 115, 120, 216, 217, 223, 224, 227, 228, 230, 231, 233, 405, 418, 542, 547, 549, 559, 560; II, 137, 256, 362, 364, 368, 370, 376, 377, 387, 388, 486; III, 62, 64, 73, 97, 175, 327, 352, 501.
 Муравьева-Рѣзникова II, 228.
 Мурзакевичъ Н. Н. I, 369—371; III, 181.
 Муромцевъ II, 573.
 Мусинъ-Пушкинъ I, 114; II, 47, 306—308, 357, 393.
 Мусинъ-Пушкинъ А. И. гр. III, 533.
 Мусинъ-Пушкинъ В. гр. II, 451.
 Мусинъ-Пушкинъ И. А. гр. II, 613.
 Мусинъ-Пушкинъ П. И. гр. II, 603.
 Муханова В. Н. III, 289.
 Мухановъ А. И. III, 289.
 Мухановъ Н. А. III, 289—294.
 Мюллеръ ген. II, 327, 450.
 Мюльгаузенъ II, 477.
 Мюратъ III, 409.
 Мятлевъ II, 169, 573, 589; III, 505, 510, 518, 520, 522.

*

- Набоковъ Д. П, 350, 351, 390.
 Набоковъ И. С. П, 409.
 Наврозова Н. Н. П, 394.
 Навроцкій сек. I, 52.
 Надеждинъ Н. И. П, 356.
 Назарова П, 265.
 Назимовъ В. И. I, 188, 190, 193, 194.
 203, 207, 218, 498, 552; П, 264.
 Назимовъ П. П, 475.
 Назимовы I, 120, 209.
 Накропинъ А. П, 187.
 Наполеонъ I. I, 306, 416, 563; П, 117,
 126, 144, 235, 242, 343, 356, 449,
 465, 484; П, 81, 85, 86, 89, 202,
 324, 335, 338, 386, 388, 390, 394,
 396, 397, 401, 402, 404, 405, 408,
 409, 414, 447, 452, 465.
 Наполеонъ III. I, 551; П, 140, 141, 351,
 356, 373, 388, 452, 488, 495, 497;
 П, 81, 420—426, 429, 431, 433,
 434, 436—440, 443, 446, 543.
 Наполеонъ пр. I, 553, 554; П, 63.
 Нартовъ А. А. П, 113, 114.
 Нарышкина М. А. П, 417; П, 120, 127.
 Нарышкина С. Д. П, 555.
 Нарышкинъ А. П, 327; П, 127.
 Нарышкинъ Л. П, 9, 15, 55, 174, 327,
 516; П, 161.
 Нарышкины I, 215; П, 12, 13, 15, 18,
 38, 60, 328, 450; П, 327, 328.
 Нассау-Зигенъ пр. П, 313.
 Наталья Алексѣевна в. княж. I, 300.
 Наталья Кирилловна царица I, 364.
 Натансонъ П, 150.
 Наукъ П, 265.
 Наумова Е. И. П, 267, 271.
 Наумовъ П, 226.
 Нахимовъ П. С. I, 183.
 Небольсинъ Г. П. I, 540; П, 501; П,
 57.
 Невѣровскій I, 115, 217.
 Невѣровъ Я. М. П, 512; П, 382.
 Нейдгартъ гражд. I, 574.
 Неклюдовъ П, 88.
 Некрасовъ I, 389; П, 556.
 Нелединскіе П, 49, 56, 67, 84, 86, 94,
 95, 195, 408, 573, 585, 586; П,
 502.
 Нелединскій-Мелецкій Ю. А. П, 67, 164,
 165; П, 220.
 Нелидова Е. И. П, 120, 585.
 Нелидовъ I, 378; П, 633.
 Нельсонъ П, 409.
 Немійскій евр. Я. П, 152.
 Неофитовъ П, 345.
 Непокойчицкій ген. П, 590.
 Нероновъ П, 58.
 Несмѣловъ I, 254, 256.
 Нессельроде гр. I, 90, 174, 199, 203,
 383; П, 80, 81, 97, 163, 168, 171,
 391; П, 150.
 Нестеровъ П, 356.
 Неустроевъ А. Н. П, 109, 112.
 Нефедовъ П, 293.
 Нефедьевъ П, 295.
 Нечаева С. С. П, 171.
 Нечаевъ С. Д. П, 167, 168.
 Нечаевы I, 214, 576; П, 301; П, 170,
 172, 174.
 Неѣловъ П, 256.
 Нинаноръ митр. I, 50, 51, 53.
 Никитинъ Д. П, 104, 475.
 Никитинъ Л. П, 257, 261.
 Никифорова А. П, 256, 257.
 Никифоровъ К. П, 256.
 Никифоровы П, 260, 261.
 Николай Константиновичъ в. кн. I, 452.
 Николай Михайловичъ в. кн. I, 131,
 309; П, 296.
 Николай Николаевичъ в. кн. П, 229,
 552, 576, 579, 586—588, 590, 592,
 611—619, 621, 629, 632, 634, 635.
 Николай I-й. I, 48, 49, 53, 64, 129, 130,
 177, 203, 311, 315—318, 375, 395,
 498, 525, 526, 546, 558, 571, 649,
 650; П, 12, 113, 116, 135, 141,
 224, 262, 268, 303, 316, 444, 449.

- 493, 554, 557, 563, 564, 584; III, 128, 158—160, 172, 224, 311, 313, 458, 465, 552, 571, 603.
- Николай II-й.** I, 63, 103, 405; II, 228, 241, 266—268, 499; III, 55, 75, 125, 339, 573, 579, 594, 624.
- Никодимъ** арх. I, 53.
- Николь аб.** III, 232—235.
- Никольскій А. И.** I, 322.
- Никольскій Б. В.** I, 642.
- Никольскій В. П.** полк. III, 297.
- Никоновъ I,** 98, 103.
- Никонъ пат.** I, 321—368; III, 34.
- Нилусъ III,** 550.
- Нипокойчицкій ген.** III, 611.
- Нифонтъ архим.** I, 116.
- Ніель марш.** III, 89.
- Новиковы II,** 306; III, 208.
- Новиковъ-Непещино Е. Н.** III, 284.
- Новицкій I,** 48; III, 170, 557, 558.
- Новоникольскій III,** 96.
- Новосельскій Д.** III, 145.
- Новосильскій I,** 560.
- Новосильцовъ Н. Н.** I, 302; II, 421; III, 129—156.
- Новосильцевъ П. П.** III, 65.
- Новосильцовы II,** 372, 428, 431.
- Нолькенъ I,** 11—13; II, 35, 42, 57, 172, 173, 324.
- Нордманъ II,** 472; III, 204.
- фонъ-Нормандесъ II,** 324.
- Норовъ А. С.** III, 167, 180, 181; III, 385, 462.
- Норовъ гр. Е. Н.** ген. I, 557.
- Норовы I,** 549; III, 330, 378.
- Ностиць II,** 200; III, 566.
- Носъ III,** 323.
- Нотовичъ I,** 77.
- Ньютонъ II,** 503.
- *
- Обнинскій П. Н.** I, 494, 495.
- Оболенская Е. А.** кн. III, 532.
- Оболенскій Е.** III, 328.
- Оболенскій П. Н.** I, 422, 494.
- Оболенскій кн. I,** 98, 392, 394, 554; II, 356, 346.
- Оболенскій В.** кн. III, 603.
- Оболенскій Д.** кн. I, 104, 107, 390.
- Оболенскій Е. П.** кн. II, 232.
- Оболенскій К.** кн. I, 107.
- Оболенскій М. А.** кн. I, 182, 371.
- Оболяниновъ II,** 504; III, 502.
- Оборинъ Л.** I, 279.
- Обреновичъ М.** кн. II, 353; III, 78, 83.
- Обресковъ А.** II, 414, 415.
- Обресковъ М. А.** ген. II, 415, 416.
- Обрѣзновъ В. Д.** I, 557; II, 396.
- Обрѣзновы I,** 405; II, 496, 502, 514; III, 128.
- Обручевъ В. А.** ген. I, 557; II, 216, 217, 219, 368.
- Оверъ I,** 202; II, 367.
- Овсянниковъ II,** 130, 265, 335.
- Овчинъ бояр.** II, 297.
- Огарева II,** 568, 589, 591.
- Огаревы I,** 99, 123; II, 478, 573.
- Огинскій гр. II,** 90.
- Огрызко II,** 486.
- Одинцовъ II,** 478.
- Одоевская О. С.** княг. III, 207.
- Одоевскій кн. I,** 340, 351, 152; II, 30, 134, 137, 345, 490; III, 65, 70, 71, 327.
- Одоевскій В. Ѳ.** кн. III, 207, 208.
- Озмидовъ М. И.** I, 81, 82.
- Оленинъ А. Н.** I, 485, 486, 494; III, 208, 296, 468.
- Оленины II,** 573, 578, 586.
- Оливье III,** 351.
- Олсуфьевъ А. В.** гр. III, 603.
- Олсуфьевы II,** 15, 204, 307; III, 610.
- Ольга Константиновна в. кн.** III, 191.
- Ольденбургскій Г.** пр. I, 304.
- Ольхинъ II,** 509.
- Ольшевскій I,** 351, 352; II, 361.
- Онисифоръ еп.** II, 279, 280, 282, 287, 292.
- Оноре III,** 58.

- Опиталь** марк. II, 6.
Опиць полк. II, 20.
Ордынскій Б. И. III, 374—377.
Орлицкій С. I, 241.
Орлова кн. II, 175; III, 566.
Орловъ А. гр. II, 24—26, 32, 93, 437; III, 243.
Орловъ А. Θ. кн. I, 498, 502, 649; II, 421.
Орловъ В. III, 162.
Орловъ Г. Г. II, 29, 40, 42, 46, 51, 170, 319, 323; III, 566.
Орловъ И. сек. II, 613.
Орловъ Н. М. гр. I, 649.
Орловъ-Давыдовъ гр. I, 384; II, 225, 227, 355, 468; III, 566.
Орловы I, 148, 384; II, 40, 50, 52—55, 58, 60, 65, 73, 74, 80, 82, 83, 88, 91, 92, 97—99, 102, 162, 164, 165, 170, 175, 190, 198, 200—202, 294, 327, 357, 391, 449; III, 517.
Орсини I, 409.
Оруркъ Н. графин. III, 195.
Орѣшковъ II, 256.
Осипова А. В. III, 277, 278, 283.
Осипова П. А. II, 512.
Остенъ-Сакенъ Е. II, 303.
Остерманъ I, 9, 12, 15, 17, 36, 433, 524; II, 31, 33, 327, 588, 609.
Островскій III, 141, 142, 144, 147.
Отто Θ. И. ст. сов. I, 557.
Оттонъ II им. II, 309.
Офросимовъ Θ. С. I, 197; II, 133, 229; III, 475.
Оффенбахъ III, 323.
Ошмаренко III, 195, 196.
 *
Павель Александровичъ в. кн. III, 567, 569, 570, 572, 575—608, 619—635.
Павель архм. I, 350, 364.
Павель митр. I, 355, 358, 361.
Павель I. I, 38, 314, 649—651; II, 10, 26, 65, 71, 113—121, 123—130, 298, 299, 310, 386, 295, 396, 399, 430, 564; III, 119, 307, 313, 481, 501, 532, 560, 565.
Павленковъ III, 78, 329.
Павлицевъ Л. Н. I, 642.
Павловская В. Д, 533.
Павловская Е. I, 533.
Павловская К. I, 533.
Павловскій III, 88, 180, 181.
Павловскій М. К. протоіер. I, 464, 533.
Павловъ I, 223, 383, 389; II, 151; III, 164.
Павловъ А. III, 158.
Павловъ И. III, 132.
Павловъ К. К. II, 450.
Павловъ М. Г. III, 360.
Павловъ Н. Ф. I, 196, 408, 411; III, 369.
Павскій Г. П. протоіер. III, 168.
Паисій митр. I, 351, 360, 363.
Палаузовъ Н. X. III, 190.
Палацкій II, 487.
Палень гр. I, 212, 213; II, 117—121, 124—129, 469, 492, 497, 508; III, 64, 84, 130—132, 155, 322, 326, 337, 339.
Палень гр. II, I, 304.
Палень К. И. гр. II, 303.
Палеологъ М. I, 533.
Палехинъ II, 335.
Палимпсестовъ И. У. I, 175.
Палчулидзевъ С. III, 364.
Пальмерстонъ I, 97; II, 248.
Пальмеръ I, 492.
Панафидинъ II, 381, 382.
Панглось док. III, 507.
Панина II, 51.
Панинъ гр. I, 101, 114, 120, 122, 229, 392, 395, 398, 415, 420, 421, 557; II, 32—34, 37, 40, 47, 54, 55, 61, 73, 75, 83, 84, 97, 158, 165, 175, 176, 178, 184, 185, 192, 199, 200, 204, 245, 378, 392, 574; III, 84, 95, 134, 205, 529.

- Панинъ В. Н. гр. I, 317, 419, 502, 503, 539; II, 449; III, 61.
- Панинъ Н. гр. I, 539; II, 118, 119.
- Панинъ П. И. гр. I, 519, 539; II, 310.
- Панкова Ц, 612.
- Панкратьевъ ген.-ад. I, 179.
- Пантелѣевъ I, 31.
- Пареный Е. регистрат. I, 523.
- Пареный И. А. I, 513.
- Парубичъ май. I, 31.
- Парѣеновъ А. III, 256, 260.
- Паскевичъ кн. I, 47, 48, 177—181, 216, 524—526; III, 577.
- Пассекъ II, 84.
- Пассекъ П. Б. II, 39.
- Паткуль об.-полиц. I, 124, 126.
- Патти А. III, 192, 204, 207, 208.
- Паукеръ I, 103.
- Паховскій П. О. II, 458.
- Пейкеръ сен. II, 383.
- Пенхержевскій ген.-майор. I, 526.
- Пергаментъ адвок. I, 573.
- Пергаментъ О. Я. I, 237.
- Перекусихина М. С. II, 195.
- Перетцъ В. Н. I, 321.
- Перетцъ III, 138.
- Переяславльскій I, 605.
- Перовская В. С. II, 302.
- Перовская С. II, 302, 303.
- Перовскій Б. А. ген.-ад. I, 209.
- Перовскій В. А. ген.-ад. II, 220, 222, 345; III, 167, 179, 220.
- Перовскій Л. А. I, 395; III, 167, 179, 190.
- Перовскіе гр. II, 223; III, 64, 179, 224, 574.
- Перре II, 173, 174.
- Персіанова III, 254.
- Персіанова Д. III, 256.
- Персіанова Е. III, 256.
- Персіанова М. III, 256, 260.
- Персіанова П. III, 256.
- Персіановъ III, 258, 260.
- Персіановъ Е. М. III, 256.
- Персіановъ П. III, 256.
- Пестель II, 8, 568, 580; III, 328, 491, 492, 494.
- Петердорфъ полк. II, 11.
- Петерсонъ III, 311, 312, 640.
- Петерсъ К. К. III, 88, 91, 324.
- Петровичъ А. А. I, 80.
- Петрова-Соловова I, 221; II, 29.
- Петровъ I, 212; II, 356; III, 103, 260, 638.
- Петровъ А. III, 256.
- Петровъ В. А. ген. III, 297, 469.
- Петръ I-й I, 5, 6, 11, 12, 14, 36, 147, 171, 314, 369, 393, 497, 565, 640, 653—655; II, 6, 21, 32, 39, 44, 45, 48, 70, 100, 101, 124, 145, 154, 190, 191, 224, 242, 306, 307, 311—314, 334, 377, 444, 454, 459—464, 467, 482, 504, 594, 602, 604,—611; III, 119, 161—163, 243, 294, 316, 317, 319, 320, 329, 332, 467, 500, 543, 559, 560, 565.
- Петръ II-й I, 7, 8, 15, 30, 297—300, 655; II, 559; III, 165.
- Петръ III-й в. кн. I, 17, 21, 23, 30, 314, 507, 509; II, 5, 8, 10, 11, 21—24, 26, 44, 51, 53, 75, 323; III, 507, 560.
- Петръ Николаевичъ в. кн. III, 579.
- Петръ митр. I, 355.
- Петръ принц. II, 13.
- Печеринъ проф. I, 310.
- Пиктэ II, 50—52, 54, 55, 57—59, 61, 103, 162, 163.
- Пикулинъ П. Л. III, 545, 547.
- Пилларъ баронес. III, 570.
- Пинскій II, 132, 392; III, 60, 61, 95.
- Пироговскій сов. II, 219.
- Пироговъ I, 233, 245.
- Пирхъ III, 130, 135.
- Писаревъ I, 404; II, 243, 382, 580; III, 328.
- Писемскій I, 174, 651; III, 229.

- Питиримъ митр. I, 345, 346, 358—361.
 Питтъ II, 123.
 Пихлеръ II, 377.
 Пивагоръ I, 110.
 Пій III, 335.
 Пій IX папа I, 43.
 Піотровская I, 79.
 Пластинина А. С. II, 287—289.
 Платовъ III, 423.
 Платоновъ А. II, 613.
 Платонъ іерм. II, 275—292.
 Платонъ митр. II, 512; III, 531.
 Плаутинъ I, 405.
 Плеве I, 259.
 Племянниковы III, 354.
 Плетневъ П. А. I, 50, 102, 103, 126, 264, 642.
 Плещеевъ III, 352.
 Плюскова Н. Я. II, 582.
 Побѣдоносцевъ К. П. I, 97, 258; II, 456; III, 64, 321, 568.
 Погодинъ М. П. I, 17, 105, 183, 189, 204, 487, 490, 499, 643—647; II, 5, 347—349, 479, 488, 555; III, 59, 96, 181, 202, 321, 362.
 Поджіо III, 128.
 Подтягинъ III, 638.
 Позднякъ III, 190.
 Полевой II, 438, 439; III, 108.
 Полевой Н. А. III, 359, 536.
 Полевой П. II, 349.
 Полетина И. Г. I, 176; II, 501; III, 75.
 Поликарпъ еп. I, 56.
 Политковскіе II, 478.
 Полнеръ сен. III, 325.
 Половцовъ I, 103.
 Половцовъ А. А. I, 634.
 Полонайсъ I. III, 138.
 Полоцкіе кн. II, 309.
 Полторацкая I, 209.
 Полторацкій II, 118, 573.
 Полторацкій Д. М. II, 566.
 Полторацкій К. М. I, 392.
 Полуденскій I, 195, 198, 207.
 Полуденскій М. П. II, 347.
 Полуденскій С. П. I, 197, 200, 204.
 Полѣновъ II, 350, 352.
 Полѣновъ В. Д. I, 312.
 Полюсковъ Н. Я. II, 567.
 Польш полк. III, 76.
 Поляковъ III, 382.
 Поляковъ С. Л. I, 292.
 Полянская II, 328.
 Помель II, 90.
 Помпадуръ II, 170.
 Понятовскій I, 29.
 Понятовскій К. П. II, 319.
 Понятовскій С. кор. II, 513—516.
 Попко И. III, 249, 250.
 Попова Е. И. III, 160, 218.
 Поповъ А. И. III, 160.
 Поповъ А. Н. III, 385.
 Поповъ И. В. III, 160.
 Поповъ М. I, 188; III, 214.
 Поповъ Н. Л. III, 160.
 Поповъ I, 459, 462; II, 472, 499; III, 70, 73, 151, 188, 494, 673.
 Попруженко И. Г. I, 181, 302, 526; III, 157.
 Посичъ М. Н. III, 48.
 Посниковъ III, 164.
 Посниковъ Г. III, 169.
 Поссе бар. II, 15, 18.
 Поссіеть ген.-ад. III, 203, 204.
 Посъеть II, 269, 271; III, 90.
 Постниковъ А. И. III, 546.
 Постниковъ С. П. III, 546.
 Посыпкинъ I, 221.
 Порошинъ I, 15; II, 5; III, 560.
 Пороховщниковъ А. А. II, 342.
 де Порталисъ II, 42.
 Порфирій архим. I, 57.
 Потаповъ III, 69, 92, 340, 347, 350, 352.
 Потемкинъ кн. I. 127, 148; II. 25, 28, 29, 33, 34, 41, 46, 51, 55, 57, 60, 65, 73, 87, 93, 97, 103, 105, 106, 170, 318, 319, 365, 504.

- Потемкинъ** гр. II, 35, 36, 43, 50.
Потемкинъ кн. I, 309, 438; II, 99, 161, 169, 173, 183, 184, 186—190, 192, 195, 197—203, 319, 324, 327, 330, 433, 550—552; III, 243, 311.
Потемкинъ П. С. II, 181, 327.
Потоцкій III, 509.
Потоцкій гр. II, 171.
Потоцкій А. гр. I, 652.
Похвисневъ М. Н. I, 189—214; II, 298; III, 128.
Похитоновъ И. I, 444.
Пошэ II, 79, 84, 92.
Прегеръ III, 638.
Придорогинъ I, 636.
Приклонскій II, 209, 574.
Приттень I, 490.
Прозоровскій кн. III, 128.
Прокопій протоп. I, 326.
Прокофьевъ III, 73.
Пронскій кн. I, 336.
Проскурняковъ Т. II, 548.
Протасова II, 170.
Протасовъ А. Я. III, 532.
Протасовъ об. прок. I, 51.
Протасовъ гр. I, 53; II, 172, 176, 177, 180, 184, 185, 187.
Протасовъ Н. А. гр. III, 167, 174, 175.
Протасовъ-Бахметевъ гр. III, 597.
Протасьевъ А. В. II, 228.
Протасьевъ II, 509; III, 99, 354.
Протополовъ I, 114, 115; II, 483; III, 103.
Протополовъ-Кошкуль III, 107.
Прохоровъ III, 146.
Прохоровъ Г. П. III, 546, 547.
Прохоровъ Н. И. I, 584.
Прудонъ I, 415.
Прутченко I, 230.
Прянишниковъ III, 60.
Пугачевъ I, 508, 517, 522; II, 33, 80, 193.
Пуколовъ II, 586.
Пурпуръ ген. II, 92.
Путелинъ гр. II, 187.
Путятинъ кн. I, 124, 226, 228, 233, 549; II, 450; III, 531.
Пушкина II, 47.
Пушкинъ I, 172, 175, 176, 493, 494, 641, 642, 648; II, 61, 194, 410, 415, 417, 428, 434—436, 439, 441, 442, 444, 445, 449, 450, 480, 506, 525, 527, 554; III, 103, 116, 159, 160, 207, 220, 222—224, 310—312, 315, 551.
Пушкинъ В. Л. II, 423.
Пушкинъ гр. II, 578.
Пуцинъ Н. I, 225.
Пфель III, 217.
Пыпинъ II, 381, 382; III, 55, 56.
Пюи-Сегюръ II, 45.
Пятницкій III, 88.

*

Рабазоми II, 163.
Рабичъ З. III, 152.
Радде I, 540.
Радзивиль кн. I, 199; II, 43.
Радзивилль Л. кн. I, 652.
Радищевъ А. Н. I, 314.
Радолинъ кн. III, 577.
Раевскій ген. III, 392.
Разуваевъ М. II, 205, 207, 215, 216, 219.
Разумовская гр. I, 114.
Разумовскій I, 11; II, 55, 60, 71—73, 75, 101, 116.
Разумовскій гетм. II, 37.
Разумовскій гр. I, 486; II, 49, 64.
Разумовскій кн. II, 591.
Разумовскій А. Г. I, 15, 16, 20, 23, 32; II, 12, 18, 20, 29, 52, 65, 86, 514; III, 237.
Разумовскій А. К. гр. II, 37, 587.
Разумовскій К. Г. гр. II, 6.
Разумовскій Л. гр. II, 408; III, 496.
Рапасовъ кол.-ас. III, 637.
Раппопортъ I, 76.
Раппъ I, 574.

- Расинъ II, 409, 410.
 Растопчина гр. I, 408; II, 573.
 Растопчина Е. II. гр. III, 221, 378—380.
 Растопчинъ ген.-ад. II, 26.
 Растопчинъ гр. I, 304—306, 320; II, 119, 556, 566, 570, 573, 578, 586; III, 296, 304, 385, 392, 410, 521, 551.
 Растопчинъ Ѳ. В. гр. II, 26; III, 468, 469.
 Растопчины II, 568, 591.
 Расторгуевъ И. В, III, 264.
 Расторгуевы III, 264.
 Ратаевъ В. II, 612.
 Ратнеръ I, 569, 570.
 Ратьновъ III, 373.
 Рафаилъ мит. III, 236.
 Рафаловичъ I, 77.
 Рачинскій II, 473; III, 353.
 Рашевскій II, 257.
 Ребиндеръ II, 242, 327; III 572.
 Ребиндеръ Н. Д. II, 245.
 Ребусъ худ. III, 543.
 Реваръ гр. II, 606.
 Ревельскій III, 291.
 Ревиліотъ III, 152.
 Рейзеръ ад. II, 14.
 Рейналь аб. II, 52.
 Рейнгардтъ II, 411.
 Рейсъ проф. II, 410, 411.
 Рейтернъ I, 230, 379, 388, 394, 422, 548, 549, 552; II, 155, 226, 256, 388, 481, 482; III, 64, 92.
 Рейтернъ ст. сек. I, 557.
 Рейхенбахъ III, 140.
 Рекашевъ I, 81.
 Рембо II, 489.
 Рембрантъ II, 607.
 Ремеръ сен. I, 214.
 Ремишъ I, 410.
 Ремплинъ герц. III, 572.
 Ренанъ II, 510.
 Рено III, 152.
 Репетиловъ II, 519.
 Репетиловы II, 236.
 Репнинъ кн. I, 22; II, 60, 88, 171, 195, 196, 398.
 Ржевскій III, 85, 533.
 Ржевскій В. I, 381.
 Ржевскій П. II, 424.
 Ржевусскій гр. III, 202.
 Рибасъ II, 40, 50, 77, 78, 81, 82, 92, 173, 174, 176.
 Рибасы II, 83.
 Рибольеръ А. И. гр. II, 320.
 Ригеръ II, 487, 488.
 Риго III, 370.
 Римскій-Корсаковъ III, 138.
 Рись III, 515, 516.
 Рихтеръ ген. III, 64, 577.
 Ричмондъ II, 240.
 Риччи Е. II. II, 613.
 Ришелье II, 314, 504; III, 152.
 дюкъ де Ришелье I, 43; III, 150, 152.
 Ришетъ II, 132.
 Ровинскій прок. II, 389.
 Рогальскій I, 90.
 Родзянко А. Г. I, 641.
 Родиславскій I, 195.
 Рождественскій И. В. III, 571, 580.
 Рожерсонъ II, 83, 192, 201.
 Рожновъ III, 162.
 Розановъ Г. I, 530.
 Розенгеймъ III, 94.
 Розенкампфъ II, 571—573.
 Розенъ III, 138—140, 156.
 Розенъ бар. III, 251, 255, 259, 327, 328.
 Розенъ Е. Ѳ. бар. I, 493; III, 387, 382.
 Розенъ полк. III, 261.
 Розова В. Д. III, 267.
 Розова Е. А. III, 267.
 Розова Н. А. III, 267, 268—270, 271, 274—277, 282.
 Розова Ю. О. III, 270, 274, 276, 283, 286.
 Розовъ А. И. III, 267, 276, 344.

- Роллень II, 235.
 Ролонть А. Е. III, 317, 319.
 Романовъ Г. II, 210.
 Романченко кол. ас. III, 637.
 Ромодановскій Ю. кн. I, 340, 344, 358.
 Рондо резид. I, 8, 655.
 Роникеръ ген. II, 515.
 Роопъ I, 122.
 Росковшенно И. В. I, 214, 215.
 Рославлевъ И. А. III, 267, 268, 271, 272, 287.
 Росленъ II, 44.
 Росси III, 206.
 Ростовъ III, 392, 393, 398, 412.
 Ростовцовъ Я. И. I, 101, 230, 316, 415, 498, 500—502, 505; II, 153, 154.
 Роткинъ III, 252, 253.
 Ротшильдъ I, 293, 396.
 Рубановскій кам. фуръеръ II, 5.
 Рубенсъ II, 607.
 Рубертъ М. III, 145.
 Рубинштейнъ А. III, 88, 204.
 Рубіо I, 205, 206.
 Рудневъ III, 370.
 Рудницій I, 559; II, 256; III, 62.
 Рудницій К. И. I, 114.
 Рულманъ III, 550.
 Румовскій II, 6.
 Руморъ тай. сов. II, 18.
 Румянцева II, 95, 96.
 Румянцева гр. II, 31, 98, 328.
 Румянцевъ II, 86, 94, 310, 568; III, 529.
 Румянцевъ-Задунайскій фельдм. II, 70, 73, 83, 176; III, 243.
 Румянцевъ гр. II, 316, 573.
 Румянцевъ кн. II, 91.
 Румянцевъ Н. II. гр. III, 519, 524, 578.
 Румянцевъ прот. II, 455.
 Румянцевъ С. гр. III, 490.
 Румянцевы II, 570, 573.
 Руничъ Д. II. II, 569, 570.
 Рунковичъ С. Г. II, 594.
 Рутенбергъ I, 588.
 Руткевичъ I, 242.
 Рушковскій II, 569.
 Рыбниковъ П. Н. III, 314.
 Рылѣевъ II, 232; III, 327, 589, 630.
 Рылѣевъ ген.-ад. III, 595, 596, 637.
 Рылѣевы III, 328.
 Рыль I, 410.
 Рындины сен. III, 500—502.
 Рысаковъ Н. И. II, 302, 303.
 Рѣдкинъ I, 182, 183, 187.
 Рѣжновскій II, 172.
 Рябинина К. А. II, 574.
 Рюминъ II, 221—223, 392, 508.
 Рюминъ Н. Г. I, 191.
 Рэмберъ II, 57.
 *
 Сабанѣевъ И. В. II, 131.
 Сабатье II, 177.
 Сабининъ II, 449.
 Саблуновъ II, 117, 118.
 Сабурова А. Т. III, 370.
 Савваитовъ П. И. III, 181.
 Савиновъ III, 539.
 Савины I, 386.
 Савичъ II, 265, 270.
 Савонерскіе II, 56.
 Садовскій II, 473.
 Садовскій М. II. II, 530.
 Саитовъ В. И. III, 224, 369.
 Сакенъ II, 189, 196.
 Саковичъ I, 559.
 Саковичъ И. I, 260.
 Санромозо гр. II, 41.
 Саксонскій М. I, 7.
 Саксъ III, 550.
 Саломирскій ген. III, 60.
 Салтини II, 19.
 Салтыкова А. П. III, 161.
 Салтыкова Д. П. гр. III, 505, 507.
 Салтыкова Н. Ю. княж. I, 173.
 Салтыковъ А. Н. кн. II, 568, 586.
 Салтыковъ А. П. III, 162.

- Салтыковъ И. П. гр. 497.
 Салтыковъ М. П. III, 162.
 Салтыковъ Н. И. гр. I, 309; II, 69.
 Салтыковъ П. С. III, 562.
 Салтыковъ С. I, 27, 29; II, 107.
 Салтыковъ С. В. II, 319.
 Салтыковъ г.-м. III, 637.
 Салтыковъ I, 166; II, 73, 92, 104, 172, 197; III, 323, 490, 491, 515.
 Салтыковы I, 308; II, 77.
 Сальмъ пр. III, 325.
 Сальмъ-Сальмъ А. III, 325.
 Самарина I, 35.
 Самаринъ А. Н. II, 8.
 Самаринъ Ю. I, 404; II, 393; III, 100.
 Самаринъ Ю. Ѳ. I, 315, 316, 498, 500, 505; II, 477; III, 332.
 Самаринъ I, 415, 651; II, 289, 473, 498; III, 98, 323.
 Самойлова В. В. III, 372.
 Самойлова С. II, 287.
 Самойловъ гр. I, 311; II, 26.
 Самойловъ III, 290.
 Сандвичъ II, 327.
 Санти гр. II, 8.
 Санхець I, 653.
 Сапитоновъ Г. III, 257.
 Сапитоновъ III, 257.
 Сапожниковъ III, 290.
 Сатановъ III, 152.
 Сатинъ Е. поруч. I, 520.
 Сатинъ М. I, 520.
 Сафьяновъ М. III, 162.
 Сахновскій III, 69.
 Сбруевъ II, 595.
 Свербеева Е. А. III, 218.
 Свербеевъ I, 490.
 Свербеевы I, 311.
 Свистуновъ III, 328.
 Свистуновъ П. И. II, 543.
 Свистуновъ Ѳ. III, 140.
 Свѣчина II, 586, 591.
 Свѣчинъ ген.-лейт. III, 627.
 Свѣчинъ III, 134, 135, 138—145, 148.
 Севастьяновъ II, 496.
 Севицкій III, 147.
 Сегаль I, 254.
 Сюи-Сегюръ II, 29—31, 33, 41, 49, 78, 84, 163.
 Сейдъ-Абдуль-Ахадъ-Ханъ эм. III, 556.
 Сейксъ III, 548.
 Селифановъ I, 122.
 Семевскій I, 226.
 Семенова I, 308.
 Семеновъ Н. П. I, 500; II, 153.
 Семеновъ П. П. I, 499, 500; II, 270; III, 196.
 Семеновъ м. III, 637.
 Семеновъ об.-прок. I, 389, 562.
 Семеновъ сен. I, 196.
 Семеновъ I, 415, 544.
 Семеновы III, 281, 282.
 Семькинъ III, 71.
 Сенновскіе II, 435.
 Сенновскій О. И. III, 361.
 Сенновскій I, 391.
 Сень-Поль II, 163.
 Сенько-Поповскій Л. А. II, 550.
 Сенявинъ Л. Г. I, 51.
 Сербиновичъ К. С. I, 51; III, 190.
 Сербиновичъ I, 57; II, 512; III, 175.
 Сергій Александровичъ в. кн. I, 79; II, 268, 273, 395; III, 313, 567—638.
 Сергѣевъ Ф. II, 302.
 де-Серестъ II, 42, 84.
 де-Сермэ бар. III, 556.
 Серно-Соловьевичъ I, 404.
 Сиверсъ графин. III, 313, 514.
 Сиверсъ Е. III, 332, 337.
 Сиверсъ Я. Е. гр. II, 450; III, 530.
 Сиверсъ гр. II, 162.
 Сиверсъ II, 26, 172, 483; III, 100, 103, 331.
 Сиго-де-Лафонъ II, 162.
 Сидоровъ III, 212.
 Сидорчукъ I, 435.
 Сизеровъ-Цизыревъ II, 197.

Сикорскій док. III, 575.
 Силинъ А. II, 601.
 Силò А. II, 607.
 Силуяновъ А. II, 613.
 Сильвестръ мит. II, 332—335.
 Симанскій А. II, 227, 228; III, 200.
 Симанскій А. В. I, 557.
 Симанскій В. II, 367.
 Симолинъ II, 61.
 Симонова II, 85.
 Симоновъ виц.-инс. I, 217.
 Синецкая М. Д. III, 369, 373.
 Синецкий об.-сек. II, 344.
 Синичкинъ II, 529.
 Синявина фрейл. II, 328.
 Сипягинъ ген.-ад. II, 578.
 Сипягинъ I, 258, 259.
 Сипягины III, 77.
 Систовъ III, 596.
 Ситниковъ I, 392.
 Сицкий Ю. I, 327.
 Скавронская фрейл. II, 328.
 Скавронскій гр. I, 16; II, 8.
 Скайлеръ I, 447, 448, 455.
 Скаловъ II, 18.
 Скалозубовъ II, 134.
 Скальгорстъ II, 15.
 Скарятина М. П. III, 580.
 Скарятинъ В. Я. III, 553.
 Скарятинъ Д. В. II, 153, 154, 227.
 Скарятинъ III, 56.
 Скворцовъ прот. III, 171.
 Скобелевъ И. Н. III, 298—304.
 Скобелевъ М. Д. III, 470.
 Скобелевъ г.-м. III, 614, 617, 619—
 621, 626, 628.
 Скобелевъ III, 592.
 Скворода Г. С. I, 601—634.
 Скопинъ III, 104.
 Скопинъ-Шуйскій I, 37.
 Скребицкий I, 215.
 Скрипицынъ II, 245.
 Скрыпина III, 283.
 Сливичкй Ю. В. полк. I, 177—180.

Слуцкий I, 242.
 Смарагдъ архiep. I, 49.
 Смирнова А. О. III, 220.
 Смирновъ Д. А. I, 198.
 Смирновъ Н. М. I, 496; III, 220.
 Смирновъ П. С. I, 322.
 Смирновъ Я. И. III, 314.
 Смирновъ сен. II, 393.
 Смирновъ I, 204, 207; II, 414, 416;
 III, 73.
 Смитъ II, 190.
 Смоленскій вн. III, 431.
 Сновидовъ И. I, 18.
 Снѣгиревъ И. М. I, 8, 205; II, 342,
 512.
 Собакинъ II, 199.
 Соболевскій С. А. I, 422; II, 225, 254.
 Соболевскій III, 71.
 Собѣсскй I, 526.
 Соймоновъ П. А. II, 208.
 Соймоновъ III, 494.
 Соймоновы I, 174.
 Соколова Д. III, 195, 216.
 Соколовскй проф. I, 237.
 Соколовъ А. еп. I, 635.
 Соколовъ И. А. ст.-сов. II, 210.
 Соколовъ М. III, 51.
 Соколовъ проф. III, 104.
 Соколовъ II, 249, 399; III, 370.
 Соколовы III, 196.
 Солдатенковъ К. Т. I, 182; III, 544.
 Солодовниковъ сов. II, 229.
 Солнцева II, 424.
 Сологубъ М. Ò. графин. II, 301.
 Сологубъ С. И. графин. I, 173, 174.
 Сологубъ В. А. гр. III, 220.
 Сологубъ гр. II, 246, 247, 345; III,
 208, 214, 595, 606, 609, 613, 626.
 Соловьевъ В. I, 642.
 Соловьевъ П. I, 50.
 Соловьевъ С. М. I, 5, 184, 185; II,
 21; III, 43.
 Соловьевъ Я. А. I, 499; II, 154,
 489.

- Соловьевъ I, 230, 415; II, 34, 148, 243, 302, 390, 473, 495; III, 199, 568.
- Сольмсъ II, 30, 33, 99.
- Сомовъ А. И. II, 264.
- Сомовъ II, 266, 271, 272.
- Сосницкій И. И. II, 521, 523.
- Сосновъ Н. II, 596.
- Софія-Августа I, 20, 21.
- Спарро Э. И. III, 550.
- Спасовичъ проф. I, 107, 225; III, 61.
- Сперанскій М. М. I, 126, 127, 314, 315; II, 564, 565; III, 171.
- Сперанскій I, 128, 218, 219, 464, 650; II, 154, 386, 554, 592; III, 159, 205.
- Спиридова II, 76, 80.
- Спиридовъ М. Г. II, 76.
- Спиридовъ кам. юнк. II, 47.
- Спиридовъ II, 178.
- Спиридовы II, 177.
- Срезневскіе II, 265.
- Срезневскій I, 540; II, 266, 271.
- Стадницінъ А. архіеп. I, 532.
- Сталь фрейл. I, 479.
- Сталь I, 242; II, 568; III, 516.
- Стамеровъ Т. III, 152.
- Станиславъ-Августъ кор. II, 120.
- Станкевичъ А. III, 329.
- Станкевичъ А. В. I, 186.
- Станкевичъ мит. I, 464.
- Станкевичъ III, 208.
- Старосивильскій С. II, 529.
- Стасюлевичъ I, 225; II, 495; III, 326.
- Стахівъ II, 319.
- Стаховичъ А. II, 300.
- Стаховичъ М. А. II, 298.
- Стенбокъ I, 115.
- Степановъ Д. I, 521.
- Степановъ М. А. III, 480.
- Степановъ Н. А. худ. III, 383.
- Стефанъ мит. II, 334.
- Стобеусъ II, 223.
- Стодольскій прок. II, 387.
- Столыпина III, 189.
- Столыпинъ А. А. II, 573.
- Столыпинъ А. Г. III, 160, 189.
- Столыпинъ П. А. I, 237.
- Столыпинъ I, 424.
- Столяровъ III, 132.
- Стояновскіе III, 197.
- Стояновскій Н. И. I, 421; III, 91, 195.
- Стояновскій I, 394; II, 352, 469; III, 88, 98, 213, 322, 328, 346.
- Стояновъ II, 319.
- Странденъ I, 226.
- Страховъ I, 98; II, 319.
- Стрекалова А. Н. II, 247.
- Стрекаловъ С. Э. II, 111.
- Стремоуховъ губерн. II, 354.
- Стремоуховъ I, 211, 212.
- Стрепетовъ I, 261.
- Стриттеръ II, 306, 314.
- Строганова С. В. княг. I, 640.
- Строганова гр. II, 18.
- Строганова II, 194.
- Строгановъ А. гр. II, 344.
- Строгановъ А. Г. I, 175, 176; II, 105.
- Строгановъ А. С. гр. I, 486.
- Строгановъ Г. А. гр. III, 570, 571.
- Строгановъ С. гр. II, 378, 499; III, 64.
- Строгановъ С. А. гр. II, 9.
- Строгановъ С. Г. гр. I, 203; II, 142; III, 321.
- Строгановъ бар. II, 166.
- Строгановъ гр. I, 89, 122, 175, 182, 184, 187; II, 9, 51, 236, 307, 365.
- Строгановъ I, 200, 651; II, 189, 202, 236; III, 638.
- Строгановы гр. I, 175; II, 103.
- Строевъ И. I, 9.
- Строевъ П. М. I, 370, 371.
- Строевъ С. М. I, 372.
- Стромиловъ Н. I, 444.
- Струве I, 80; II, 265, 270.
- Струговщиковъ I, 112.
- Струдзе А. С. I, 467, 468.
- Струдзе II, 451.

- Струковъ П, 425.
 Стрѣкалова А. Н. III, 67.
 Стрѣшневъ С. бояр. I, 339—343, 351, 352, 360.
 Стрѣшневъ Т. Н. II, 612; III, 316.
 Струнѣва III, 310.
 Стунѣвъ III, 311.
 Ступишинъ С. II, 612.
 Стурдзе Елена I, 533.
 Стурдзе А. С. I, 529—533.
 Стурдзе Елис. I, 533.
 Стурдзе М. I, 533.
 Стюрлеръ III, 598.
 Стюрлеръ ген.-ад. III, 603, 637.
 Субботинъ Н. И. I, 322.
 Суворинъ А. С. I, 72, 423; II, 512; III, 97, 323.
 Суворова кн. II, 134.
 Суворовъ Н. И. II, 292.
 Суворовъ ген. III, 485.
 Суворовъ кн. II, 270, 351, 355, 370; III, 229, 587, 588.
 Суворовъ I, 145, 649; II, 122, 367; III, 243, 445, 446, 494.
 Суворовъ-Рымникскій гр. III, 637.
 Сулейманъ сул. I, 34.
 Сумбатовъ кн. I, 80.
 Сумарокова II, 410.
 Сумароковъ гр. I, 553.
 Сумароковъ I, 24, 33; II, 5, 440.
 Сумровъ Ѳ. II, 596.
 Сурогородская К. И. камерф. II, 7.
 Сусоровъ И. А. III, 546.
 Суццо А. I, 533.
 Сушнова Д. И. I, 201.
 Сушковъ Н. А. II, 229.
 Сушковъ Н. В. I, 174, 201; II, 143.
 Сушковъ II, 134; III, 65, 71.
 Сушковы II, 250; III, 65.
 Сущовъ Н. I, 392.
 Сухозанеть ген. I, 103.
 Сухозанеть I, 114, 218, 384, 546.
 Сухомлиновъ М. И. III, 113, 115.
 Сухомлиновъ II, 265, 266, 268, 271, 272.
 Сухотинъ С. М. I, 645.
 Сухотинъ II, 508.
 Сырниковъ ун.-оф. III, 257.
 Съюардъ II, 238.
 Сытинъ бояр. I, 351.
 Съверинъ II, 414, 433.
 Съровъ А. И. III, 536, 538.
 Съченовъ Д. I, 36.
 Съченовъ проф. II, 389.
 *
 Таганцевъ Н. С. проф. III, 568.
 Талейранъ II, 502; III, 518.
 Талызина II, 178, 192, 198, 367.
 Танъ I, 242.
 Тамара С. I, 604—606.
 Тарасевичъ Я. I, 9.
 Тарновскій III, 370.
 Тартюфъ II, 520.
 Татариновъ I, 542, 548, 549, 556; II, 368.
 Татариновъ ст.-сек. I, 224.
 Татищевъ II, 306, 309, 310, 314; III, 148, 497.
 Татьяна Михайловна в. княж. I, 327, 328, 330, 335, 337, 341.
 Татьяна Михайловна царев. I, 342, 347—349.
 Таубе М. А. бар. I, 495, 496.
 Тевяшовъ I, 625.
 Тейсоньеръ II, 184.
 Тенгоборскій I, 203.
 Тенишевъ кн. III, 42.
 Тепловъ Г. Н. ст.-сек. II, 54.
 Тепловъ II, III, 193.
 Тепловъ совѣт. II, 11, 12, 15, 93, 94.
 Терезія Марія I, 28; III, 67.
 Теренинъ А. II, 139.
 Терентьевъ II, 472.
 Тернеръ Ѳ. Г. II, 156.
 Тернеръ I, 230; II, 501.
 Терновскій II, 509.
 Тесленко I, 242.
 Тизенгаузенъ Е. Ѳ. III, 220.
 Тизенгаузенъ прок. III, 78.

- Тизенгаузенъ Ѳ. И. гр. Ш, 218.
 Тизенгаузенъ графин. Ш, 223.
 Тизенгаузенъ гр. П, 324.
 Тимашевъ I, 210; II, 270; Ш, 71, 85.
 Тименевъ И. Ш, 44, 46.
 Тимирязева О. Ш, 94.
 Тимирязевъ И. С. II, 433.
 Тимирязевъ сеп. II, 134.
 Типулинскій Ш, 72.
 Типякова А. И. I, 515.
 Тирмондъ I, 653, 654.
 Титова Е. В. Ш, 551.
 Титовъ А. I, 62, 199, 322, 482, 639;
 II, 292, 336, 551, 603; Ш, 322, 480.
 Тихомировъ И. А. II, 614.
 Тихомировъ II, 222.
 Тихонравовъ II, 349.
 Тихонъ еп. II, 550—552.
 Тодъ II, 47.
 Тонё I, 34.
 Толмачева К. I, 107.
 Толмачевъ ген. I, 84.
 Толстая А. А. I, 209.
 Толстая А. А. гр. Ш, 570.
 Толстая графин. I, 198, 209, 642.
 Толстикова Ѳ. Е. Ш, 266.
 Толстой I, 211; II, 192, 197, 198,
 200; Ш, 158.
 Толстой ген.-маіо. II, 203; Ш, 599,
 606.
 Толстой т. сов. II, 609.
 Толстой гр. I, 166, 168, 210, 392;
 II, 262, 271, 374, 468, 474, 477,
 480; Ш, 67, 128, 205, 215, 321,
 343, 352.
 Толстой А. II. гр. I, 54, 55, 60,
 472—475; Ш, 167, 177.
 Толстой В. гр. II, 582.
 Толстой Д. А. гр. I, 320, 503; II,
 230, 364, 452, 458, 481, 487;
 Ш, 57, 326, 329, 333, 350.
 Толстой И. И. гр. I, 64.
 Толстой И. М. гр. II, 492.
 Толстой Л. Н. гр. Ш, 385, 465.
 Толстой Н. гр. II, 367, 566, 582; Ш,
 223.
 Толстой П. А. гр. I, 395.
 Толстой Ѳ. И. гр. I, 312; Ш, 469.
 Толстой-Кутузовъ П. М. Ш, 223.
 Толь ген. Ш, 418.
 Томашевичъ Ш, 146.
 Топильскій I, 218, 392, 421.
 Торгутъ Ш, 638.
 Торда II, 19.
 Тормасовъ II, 582; Ш, 431.
 Торнау бар. II, 508, 509.
 Торнау Н. Е. бар. II, 494.
 Тотлебенъ I, 89; II, 375, 475; Ш,
 619, 625, 628.
 Травинъ I, 562.
 Треповъ ген. II, 301; Ш, 193, 346.
 Треповъ Ѳ. Ѳ. I, 443, 458.
 Трефуртъ А. Ш, 146, 148.
 Трингъ Э. Ш, 212.
 Трифановская I, 311.
 Троицкій Ш, 190.
 Тройницкій I, 420.
 Тройницкій А. Г. Ш, 233, 554, 555.
 Тромонинъ Ш, 541.
 Тропининъ I, 494.
 Трофимовъ Т. II, 213.
 Трофимовы Ш, 341.
 Трощинскій II, 399; Ш, 482, 488, 491.
 Трощинскій Д. И. II, 567.
 Трубецная Е. Э. кн. II, 274.
 Трубецная М. В. Ш, 189.
 Трубецная Н. Б. кн. Ш, 67.
 Трубецная С. А. кн. II, 195; Ш, 221.
 Трубецная II, 79, 102.
 Трубецная кн. II, 84; Ш, 327.
 Трубецная княж. II, 170.
 Трубецной В. С. ген.-ад. I, 320.
 Трубецной фельдм. II, 19, 463.
 Трубецной А. кн. I, 344—346.
 Трубецной Н. И. кн. II, 474, 509.
 Трубецной кн. I, 340; II, 6, 8, 10, 15,
 17, 18, 39, 42, 51, 245, 307; Ш,
 327.

Трубицынъ Ш, 638.
 Трувелеръ подп. Ш, 595.
 Трудниковъ Ш, 145.
 Трумпъ Е. Ш, 152.
 Тугушевъ А. II, 222.
 Туманскій I, 199; II, 306.
 Турганиновъ А. I, 18.
 Тургеневъ I, 651, 652; II, 436, 591.
 Тургеневъ А. II, 420, 426, 445; III, 224.
 Тургеневъ Н. II, 392, 555.
 Тутолминъ И. В. II, 582.
 Тутолминъ И. О. III, 579.
 Тыкоцинскій Ш, 140, 150.
 Тымовскій I. Ш, 138, 139, 155.
 Тырновъ I, 23.
 Тырновъ Ш, 596.
 Тышкевичъ I, 120.
 Тьеръ I, 541; II, 113, 117, 121, 127, 365; III, 75, 384, 398, 434.
 Тѣлицынъ А. А. III, 265.
 Тѣнишевъ С. I, 522.
 Тюменевъ И. О. III, 10.
 Тютчева А. фрейл. II, 250, 479.
 Тютчева Е. О. I, 201; II, 134; III, 94.
 Тютчева К. II, 238.
 Тютчева фрейл. II, 251.
 Тютчевъ I, 201, 209; II, 487.
 Тютчевъ О. И. I, 58; II, 274, 456, 554; III, 70.
 Тяпкинъ надз. III, 193.
 *
 Уваровъ А. С. гр. I, 203; III, 167, 567.
 Уваровъ Н. О. III, 476.
 Уваровъ С. С. гр. I, 174, 188, 372, 512; II, 130, 142, 176, 393, 433; III, 167, 178, 224, 330.
 Уваровы II, 591; III, 519, 567.
 Угреновъ I, 195.
 Улыбышевъ А. Д. III, 536—541.
 Ульяновъ I, 264, 265.
 Унгернъ-Штернбергъ бар. III, 347.
 Уньковскій II, 260, 303.
 Урусова Е. Б. кн. I, 367; III, 161.

Урусовъ С. Н. кн. III, 578.
 Урусовъ О. С. кн. I, 198, 213, 340; II, 270; III, 318, 324, 349.
 Урусовы кн. II, 497, 503, 504.
 Усковичъ III, 139.
 Усовъ I, 104.
 Успенскій П. I, 39—41, 463—482.
 Устимовичъ III, 323.
 Устряловъ II, 148.
 Усягинъ П. III. 251, 253.
 Утинъ Я. об.-сек. III, 88.
 Ухтомскій кн. III, 128.
 Ушаковъ полк. I, 180; II, 6, 197, 203; III, 313, 365.
 Ушаковъ II, 6, 197, 203; III, 313, 365.
 Уэлеслей III, 584, 585.

*

Фабіаны II, 19.
 Фалькенштейнъ гр. II, 186.
 Фальконэ II, 38, 41, 43, 80.
 Фанни-Ельснеръ I, 492.
 Фанъ-Занъ III, 297.
 Фейербахъ I, 128.
 Фелинскій I, 542.
 Фельнъ Я. III, 146.
 Фельтенъ И. II, 605.
 Фердинандъ II, 143.
 Ферзенъ гр. III, 553.
 ла-Фермьеръ II, 61; III, 482.
 Феть А. А. I, 495.
 Фикельмонъ гр. III, 218, 219.
 Филаретъ архіеп. I, 639.
 Филаретъ митр. I, 372, 390, 393, 414, 464, 483, 504, 533, 651; II, 133, 152, 312, 341, 342, 350, 388, 452, 475, 506; III, 168, 169, 175, 177, 221, 242, 310, 315, 343.
 Филаретъ патр. I, 639.
 Филимоновъ I, 207.
 Филипповъ III, 638.
 Филиппъ мит. I, 329, 359.
 Филипсонъ ген. I, 122, 124.
 Философова Е. Н. I, 560.

- Философовъ В. Д. ст.-сек. II, 494.
 Фирксъ бар. I, 406; II, 142; III, 76.
 Фишеръ сен. II, 368; III, 85.
 Флоридовъ А. А. II, 512.
 Флоринскій К. I, 38.
 Фовицнй I, 652.
 Фонвизина III, 327.
 Фонвизинъ I, 28.
 Формей II, 91.
 Фоулеръ III, 212.
 Францъ-Иосифъ имп. II, 454.
 Фредериксъ М. I, 479.
 Фрезолини III, 206.
 Френкель II, 256; III, 130, 131, 136—139, 155.
 Фриде об.-сек.-I, 562.
 Фридманъ I. III, 140.
 Фридрихъ-Вильгельмъ I. I, 550; II, 454.
 Фридрихъ II. I, 29, 30; II, 196, 403, 454; III, 313, 562.
 Фридрихъ-Вильгельмъ III, I, 550; III, 454.
 Фридрихъ-Вильгельмъ IV, I, 550.
 Фридрихъ кор. II, 16.
 Фриманъ Э. II, 315.
 Фришъ об.-прок. III, 88.
 Фроловскій III, 135, 136.
 Фроловъ III, 73.
 Фроловъ-Багрѣвъ К. гр. I, 219.
 Фуксъ I, 211.
 Фуксъ Э. II, 494.
 Фурманъ I, 181.
 *
 Халтуринъ С. II, 302.
 Хамитовъ I, 255.
 Ханьновъ I, 302, 544; II, 348.
 Хардины III, 264.
 Хвостовъ Д. И. гр. III, 115.
 Хелмскій II, 257.
 Хилковъ кн. I, 336.
 Хитрово Б. М. бояр. I, 342, 343, 359.
 Хитрово Е. М. III, 218—224.
 Хитрово З. II, 356.
 Хитрово Н. О. III, 219.
 Хлестановъ II, 520.
 Хмельницнй Б. I, 347, 348.
 Хмельницнй Ю. I, 348.
 Хованскій И. Н. I, 329.
 фонъ-дербъ-Ховенъ бар. II, 157.
 Ховрина I, 173, 174.
 Хомутова III, 94.
 Хомутовъ I, 250.
 Хомяковъ А. С. I, 53, 184, 201, 203, 310, 311, 315, 347, 487—492; III, 289, 312, 345, 553.
 Хомяковъ Н. А. I, 237, 487.
 Хорватъ I, 533.
 Хорта II, 324.
 Хоткевичъ I, 208.
 Храповицнй А. В. II, 27, 307, 310, 312, 386.
 Хрисанѳовъ М. К. II, 456.
 Хрусталева I, 582.
 Хрущевъ гофмей. I, 112.
 Худяковъ II, 373, 378.
 Хужинъ А. III, 253, 258, 257, 260.
 Хуцѣвъ свящ. II, 337.
 Хыхатовъ III, 251, 260.
 *
 Цаціановъ кн. II, 556.
 Цвѣтаевъ И. В. проф. III, 313.
 Цейдлеръ Ф. III, 550.
 Цербстская принцес. I, 6, 21.
 Цимерманъ ген. III, 588, 608.
 Цимерманъ II, 45, 305.
 Циховскій I, 526.
 Цицеронъ II, 194.
 Цынналовскій III, 88.
 *
 Чадаевъ П. Я. I, 206, 207.
 Чаевъ II, 480.
 Чайкинъ III, 261.
 Чановъ I, 124.
 Чарторыжскій кн. I, 131, 150, 391, 396.
 Чацнй II, 447.
 Чеботаревъ II, 307.
 Чебуревъ Е. III, 270.
 Чебышевъ II, 265.

- Чевкинъ В. К. II, 273.
 Чевкинъ К. В. I, 502.
 Чевкинъ Н. Н. прап. I, 522, 523.
 Чекалевскій И. П. I, 486.
 Чекерульнушъ I, 242.
 Челищева Е. II, 302.
 Челищевъ II, 414; III, 128.
 Чемадуровъ III, 88.
 Чемадуровъ Я. Я. III, 91.
 Чемесова I, 173, 174.
 Чемесовъ Е. П. I, 34.
 Черба А. II, 139.
 Червленцевъ III, 254.
 Черевинъ полк. III, 596.
 Черевинъ III, 313, 510, 523.
 Чередѣевъ II, 550.
 Черкасовъ бар. II, 13.
 Черкасская княг. I, 174.
 Черкасскій В. А. кн. I, 310, 316, 500, 505.
 Черкасскій М. А. III, 317.
 Черкасскій I, 512, 651.
 Черкасскій кн. I, 201, 415; II, 488.
 Черкешенно II, 295.
 Чернатъ ген. III, 628.
 Черникова III, 253, 254, 260.
 Черновъ В. I, 424.
 Чернозубовъ Ѳ. III, 261.
 Чернышевскій I, 391, 403, 404; II, 358, 368.
 Чернышева гр. II, 39, 47, 84, 85, 193, 328.
 Чернышевъ А. Г. II, 14.
 Чернышевъ З. Г. II, 16, 31, 33, 35, 39, 59, 93; III, 328.
 Чернышевъ И. гр. II, 31, 32, 36, 40, 45—47, 56, 57, 59, 62, 67, 72, 74, 84, 87, 94, 163, 173, 454.
 Чернышевъ С. I, 515.
 Чернышевъ гр. I, 177, 178, 198; II, 87, 172, 327, 391, 416, 433; III, 294, 529.
 Чернышевы гр. III, 354.
 Чернышевы-Кругликовы гр. II, 454.
 Чернявскій II, 473.
 Черняева А. I, 462.
 Черняевъ М. Г. I, 443—462; III, 557, 558.
 Черняевъ ген.-маіоръ I, 457, 462; III, 556, 569.
 Черняевъ II, 508; III, 352.
 Чернякъ I, 278; II, 358, 361, 363.
 Черткова Е. А. I, 640.
 Чертковъ А. Д. I, 640.
 Чертковъ Г. А. I, 640.
 Чертковъ Е. А. II, 25.
 Чертковъ I, 109.
 Чертковъ ген.-ад. III, 603.
 Четвериковъ П. III, 475.
 Четвертинскіе III, 65.
 Чивилевъ А. И. II, 498, 502.
 Чижевичъ I, 122.
 Чижевскій III, 156.
 Чижовъ Ѳ. В. I, 310—312; II, 245.
 Чижовъ II, 347, 384, 501.
 Чижъ пат. III, 531.
 Чичаговъ II, 120, 121, 131; III, 431, 437, 439, 442, 448.
 Чичерина Е. В. III, 548.
 Чичеринъ I, 181, 372, 383, 468, 473, 474, 481; III, 56, 59.
 Чичеринъ Б. I, 225, 407, 408.
 Чичеринъ-Дмитріевъ III, 72.
 Чоглонова М. II, 107.
 Чолошаевъ свящ. II, 337.
 Чубарова Е. II, 344.
 Чубаревъ И. II, 111.
 Чугуновъ II, 501.
 Чугуновы III, 75.
 Чуевъ I, 512.
 Чулковъ Н. III, 160.
 Чулковъ II, 306.
 *
 Шабановъ III, 212.
 Шавыревъ Е. III, 251, 253—255, 257, 258, 260.
 Шаглье II, 295.
 Шанно I, 559; III, 62.

- Шаликовъ кн. II, 410.
 Шамиль III, 249, 252—256, 258—260.
 Шамшеевъ Ѳ. III, 132, 147.
 Шапиро I, 76.
 Шаппъ аб. II, 307, 312.
 Шараевская У. III, 173.
 Шаратовъ I, 69, 79; III, 318.
 Шаркъ И. II, 596.
 Шарлотта им. III, 85, 326.
 Шатиловъ II, 234.
 Шатуновскій I, 248, 249.
 Шафировъ II, 7.
 Шахматовъ кн. I, 496; II, 509; III, 325.
 Шаховская кн. I, 58.
 Шаховскія княж. II, 506.
 Шаховской М. кн. I, 280, 574.
 Шаховской С. В. кн. III, 309.
 Шаховской Я. П. кн. I, 15, 30.
 Шаховской кн. I, 20, 26, 33, 426; II, 584; III, 327, 372, 606, 608, 614, 615.
 Шванебахъ I, 84.
 Шварцъ I, 13, 540.
 Швединовъ А. III, 145.
 Швейницъ III, 352.
 Шверинъ гр. II, 15, 16.
 Шевалье III, 493.
 Шевыревъ I, 187, 490.
 Шедо-Феротти I, 406, 408; II, 142, 143, 147.
 Шейнъ III, 28.
 Шенспиръ II, 310, 503; III, 375.
 Шелеховъ II, 257.
 Шенбергъ II, 305.
 Шеншина I, 214; III, 393.
 Шепелева Д. И. I, 513, 514.
 Шепелевъ I, 364; II, 35, 36.
 Шепелевъ Д. А. I, 513, 514; II, 607.
 Шепелевъ полцм. II, 542.
 Шепулинскій III, 96.
 Шепферъ гр. II, 177, 178.
 Шереметева А. II. гр. III, 164, 166.
 Шереметева Е. Г. гр. I, 176.
 Шереметева Е. II. гр. II, 553.
 Шереметева Н. В. I, 405.
 Шереметева Ю. фрейл. I, 395, 405.
 Шереметева графин. I, 214.
 Шереметевъ А. В. I, 117; II, 472; III, 194.
 Шереметевъ Б. П. гр. III, 161, 316—319.
 Шереметевъ В. А. I, 395; III, 95, 603.
 Шереметевъ Д. Н. гр. I, 176, 506.
 Шереметевъ Н. П. гр. I, 301; II, 79; III, 313.
 Шереметевъ П. Б. гр. II, 109—112, 317, 318; III, 313.
 Шереметевъ П. С. гр. II, 296.
 Шереметевъ С. Д. гр. I, 214, 301, 506; II, 110, 112, 318, 401; III, 162, 166, 589, 603.
 Шереметевъ Ѳ. И. II, 312.
 Шереметевъ гр. I, 340; II, 59, 78; III, 161—166, 290.
 Шереметевъ мин. I, 112.
 Шестановъ I, 221, 554; III, 543.
 Шестановъ губ. III, 85, 347.
 Шестановъ I, 560; III, 350.
 де-ла-Шетарди марк. I, 10, 14, 16, 17, 19, 21, 22, 33.
 Шетневъ губ. I, 510, 519, 522.
 Шеферъ I, 231.
 Шефтель I, 569.
 Шигановъ III, 554.
 Шидловскій I, 501.
 Шиллеръ II, 450.
 Шиллингъ I, 110; III, 570, 589.
 Шиловская-Бѣгичева III, 107.
 Шиловскій II, 567.
 Шиль I, 224.
 Шильдеръ Н. К. I, 130, 309, 526; II, 21—25, 105, 108, 113, 116—118, 121, 127, 130, 152, 395, 513.
 Шильднеръ-Шульднеръ III, 606, 608.
 Шиманъ проф. I, 424, 431.
 Шимей кн. II, 178.
 Шипова А. Е. I, 174; III, 65.
 Шипова I, 201.
 Шиповъ А. II. I, 122; II, 156, 368, 482; III, 57, 194, 200.

- Шиповъ Д. П. II, 245, 501.
 Шиповъ С. П. I, 117, 174, 195; II, 143.
 Шиповъ I, 116, 196, 206, 207; II, 137, 224, 234, 244, 247, 360, 362, 470, 471; III, 65, 66, 75.
 Шиповъ адъют. III, 352.
 Ширинскій-Шихматовъ кн. III, 180.
 Ширинскій-Шихматовъ А. П. кн. I, 496.
 Ширренъ III, 332.
 Шифнеръ II, 265.
 Шихматовъ кн. I, 190, 193, 194, 208.
 Шишенковъ В. А. кн. III, 622.
 Шишкинъ А. I, 523.
 Шишковъ II, 567, 570, 580.
 Шляверъ I, 76.
 Шкурина фрейл. II, 328.
 Шкуринъ II, 20, 53, 327.
 Шлегель II, 502.
 Шлеповъ II, 327.
 Шлецеръ II, 305, 306, 309.
 Шлиманъ III, 313.
 Шлиттеръ полк. III, 160.
 Шлихтеръ I, 242, 569, 570.
 Шлыковъ Т. В. I, 176.
 Шляпкинъ И. А. III, 221.
 Шмаковъ I, 239.
 Шмельцъ II, 6.
 Шмерлингъ I, 87.
 Шмидъ I, 464, 540; II, 265.
 Шмитъ Г. III, 145.
 Шнейдеръ Ф. I, 406.
 Шнитковъ III, 626.
 Шнитниковъ ген. III, 628.
 Шпренге А. III, 550.
 Шрейдеръ I, 76; II, 508.
 Шрекенфельсъ-Шаковъ А. I, 125.
 Шрекъ III, 548.
 Шренкъ II, 265.
 Штакельбергъ бар. I, 217.
 Штакельбергъ гр. II, 93.
 Штакельбергъ II, 189.
 Штейбекъ II, 15.
 Штейнъ док. I, 112.
 фонъ-Штейнъ II, 450.
 Штелинь Я. II, 459, 607.
 Штенглинь I, 34.
 Штелинь Я. I, 653; II, 604—610.
 Штелинь акад. I, 17.
 Штелинь ст. сов. II, 15, 203.
 Штелинь II, 5, 15, 18, 20, 38; III, 320.
 Штибергъ Ю. II, 456.
 Штиглиць I, 394, 396; II, 149; III, 137.
 Шторхъ II, 262, 591.
 Штраухъ II, 265.
 Шубинъ гвард. I, 8.
 Шувалова М. Е. графин. I, 15.
 Шуваловъ А. гр. II, 514.
 Шуваловъ А. И. гр. I, 11, 16; II, 10, 18.
 Шуваловъ А. П. гр. II, 229, 555.
 Шуваловъ И. И. I, 23, 24, 28, 30, 31, 33; II, 6, 9, 18, 454; III, 563, 565.
 Шуваловъ П. А. гр. I, 210; II, 249, 361, 370.
 Шуваловъ П. И. кам.-юнк. I, 11, 15, 16, 26, 27, 33; II, 9, 52.
 Шуваловъ П. П. гр. I, 501.
 Шуваловъ гр. I, 126, 127, 213; II, 35, 156, 468, 489, 502; III, 93, 96, 633.
 Шуваловъ I, 651; II, 5, 50, 182, 199, 327, 470.
 Шуваловы I, 24, 28, 415; II, 469, 470.
 Шуйскій II, 479, 480.
 Шулембургъ Е. А. графин. I, 557.
 Шуленбургъ гр. II, 345.
 Шульгинъ Г. III, 145.
 Шульгинъ И. I, 370, 371.
 Шульгинъ I, 566; II, 198.
 Шульцъ I, 654.
 Шульцъ-Делишъ II, 242.
 Шумахеръ II, 459, 460, 461.
 Шумигорскій Е. С. III, 296.
 Шумскій II, 473; III, 370.
 Шушеринъ И. I, 364.
 Шушеринъ I. I, 321, 322.
 *
 Щаповъ II, 358.
 Щебальскій II, 143.

- Щегловитовъ И. Г. I, 588.
 Щегловитый I, 9.
 Щеголевъ П. Е. I, 648.
 Щепкина К. Н. I, 643.
 Щепкинъ Д. I, 643, 647.
 Щепкинъ М. П. I, 643—647.
 Щепкинъ М. С. III, 367, 370; II, 521, 524, 525.
 Щербатовъ Я. П. III, 162.
 Щербатова И. княж. II, 76.
 Щербатовъ А. кн. II, 567, 573, 575.
 Щербатовъ А. А. I, 645.
 Щербатовъ А. Г. кн. I, 73; II, 425; III, 533.
 Щербатовъ Г. А. кн. II, 355, 365; III, 214.
 Щербатовъ М. М. кн. II, 76.
 Щербатовъ Н. И. кн. II, 76.
 Щербатовъ кн. I, 171, 192, 524, 526, 646; II, 47, 62, 83, 84, 87, 91, 166, 181, 306, 314, 393, 469; III, 507.
 Щербатовъ II, 583.
 Щербатовы II, 79, 88, 170.
 Щербачевъ I, 195.
 Щербина Ф. А. III, 250.
 Щербининъ Е. А. I, 618, 619, 625; II, 359, 373.
 Щолковъ III, 588, 595, 596, 598, 637.
 Щукинъ И. Ѳ. III, 480.
 Щукинъ П. И. I, 215; III, 295, 469, 544—551. *
- Эдлингъ Р. С. I, 530, 531.
 Эйлеръ Е. П. фрейл. I, 475.
 Эйлеръ II, 182, 390.
 Энгардъ III, 331.
 Энкардтъ Ю. III, 349, 350.
 Эльмтъ ген. II, 327.
 Эльфинстонъ кап. II, 55.
 Эмдинъ Я. III, 152.
 Энгельбахъ II, 421.
 Энгельгардтъ фрейл. II, 328.
 Энгельгардтъ Е. II, 201, 202.
 Энгельгардтъ Л. П. II, 394.
 Энгельгардтъ I, 226, 271, 426; II, 176, 327, 414, 415; III, 128.
 Эпинусъ II, 60.
 Эпнинъ II, 60.
 Эрбенъ II, 487.
 Эренбургъ К. III, 550.
 Эристовъ кн. III, 259.
 Эскель I, 246.
 Эстергази гр. II, 6. *
- Юбенъ бар. II, 99.
 Юдинъ М. Л. II, 223.
 Юдинъ П. III, 266.
 Юнгеръ А. II, 295.
 Юнгеръ коменд. II, 293.
 Юрицынъ I, 76.
 Юревичъ II, 471.
 Юревичъ-Литвиновъ II, 470.
 Юрловъ Л. еп. II, 335.
 Юршевъ III, 264.
 Юрьевичъ С. А. I, 652.
 Юрьевская св. княг. I, 603; II, 81.
 Юрьевская кн. II, 454; III, 639.
 Юсупова II, 186.
 Юсуповъ кн. I, 24.
 Юцевичъ III, 142—144.
 Юшковъ II, 414; III, 128.
 Юшневская III, 327.
 Юшневскій III, 328. *
- Яворскій С. III, 240.
 Ягужинскій П. И. II, 460.
 Ягужинскій гр. III, 511.
 Языковъ Н. М. II, 512.
 Языковъ I, 310, 311; II, 442.
 Якоби I, 384.
 Яковлевъ II, 264, 266, 272.
 Яковлевъ к.-рег. III, 637.
 Якубовичъ Г. I, 609.
 Якубсонъ I, 74.
 Яминскій I, 208.
 Яневичъ-Яневскій об.-сек. II, 494.
 Яхонтовъ III, 249—251, 253, 255, 257—260.

Ярошинскій I, 409, 410.

Яхемзенъ-Симанскіе III, 352.

Яхонтовъ А. I, 318.

*

Оадѣевъ Н. I, 523.

Оедоровскій III, 346.

Оедоровъ Н. О. I, 308, 634.

Оедоровъ ген. лейт. III, 189.

Оедотовъ II, 473.

Оеодоръ Алексѣевичъ царев. I, 364,
369; III, 317.

Оеодоръ Іоанновичъ царь I, 313; III, 553.

Оеодоръ архим. I, 107, 116, 223.

Оеодоръ иподіак. I, 365.

Оеодосій архим. II, 597.

Оеодосій архіеп. II, 334.

Оеодосій еп. II, 278.

Оеодосія Алексѣевна царев. I, 38.

Оеоктистовъ III, 309.

Оеоктисть еп. III, 239.

Оонъ-Лукей подполк. II, 294.

Оеофанъ архіеп. II, 336.

Оеофиль архм. III, 233.

Въ 1-ой книжкѣ „Русскаго Архива“ 1912-го года будетъ помѣщено:

Переписка княгини Дашковой.

Бесѣды Императора Павла Петровича съ Польскимъ королемъ Станиславомъ-Августомъ.

Секретная депеша графа Жозефа де-Местра Сардинскому королю о нашей Отечественной войнѣ 1812 года.

Очерки Терской старины. О. Чернозубова.

Воспоминанія генералъ-адъютанта Д. С. Арсеньева о сопровожденіи Персидскаго Шаха въ Россію и обратно.

Шуточная хроника Московскаго Университета 1861-го и другихъ годовъ.

Внутри обложки статья о перепискѣ Пушкина.

ПОГРѢШНОСТИ

въ 7-ой книжкѣ „Русскаго Архива“ 1911 года.

Стран. Строк.		<i>Напечатано:</i>	<i>Сльд. читать:</i>
323	14	обложение	облицевание
324	4 сн.	къ кройкѣ	къ покрою
"	4	и тамъ гдѣ приходятся руки	и на мѣстахъ проймъ
"	9	громкія увѣренія	громкія увѣренія радости
"	19	Григорій Орловъ	Алексѣй Орловъ
"	16	никогда	никогда
329	3	кто пріѣхаль	чья карета подана
450	1 сн.	странъ	страны
451	19	Лордъ Срангфордъ	Лордъ Стратфордъ.

Въ 8-ой книжкѣ 1911 года

505	Savor	Samors
572	moins	moins
605	Девье	Девьеръ
576	geux	geux
578	s'est	c'est
511	finafz	finantz
573	Ораніенбургъ	Ораніенбаумъ
523	актеровъ	авторовъ
207	съ принятіемъ	съ прошеніемъ
215	одобренные	ободренные
216	Игнатову	Игнатьеву
162	1770	1670
189	княгинею	княжною
224	В. И. Салтова	В. И. Саитова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЪ“

ВѢСТНИКЪ ДЛЯ СОБИРАТЕЛЕЙ КНИГЪ И ГРАВЮРЪ

2-й годъ изданія

журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ.

Въ 1912 году между прочими статьями будутъ помѣщены:
В. Богуславскій. Ходовецкій и его работы о Россіи, со многими
рисунками.

- А. Брянскій. Драматическій журналъ 1811 года.
- Etux-fortes pures во французскихъ изданіяхъ XVIII в.
- Записки извѣстнаго библіофила Я. Ф. Березина-Ширяева.
- Н. Неизданное сочиненіе о массонахъ XVIII в.
- Н. Жуковскій какъ художникъ. Со многими рисунками, частью въ краскахъ.
- Н. Обольяниновъ. Игры дѣтскія. Съ рисунками.
- В. Семенниковъ. Раскольничья типографія въ Клинцахъ XVIII в. (По архивнымъ документамъ).
- В. Семенниковъ. Раннее литературное общество Новикова.
Его же. Помѣщичьи типографіи XVIII вѣка.
- П. Симанскій. Библіографія Суворова. Со многими портретами.
- Н. Соловьевъ. Иллюстрація произведеній Жуковскаго. Съ рисунками.
- П. Столпянскій. Къ исторіи провинціальныхъ библіотекъ.
- А. Фоминъ. Переписка Жуковскаго съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Неиздан-
ныя письма.
- А. Фоминъ. Андрей Тургеневъ и его стихотворенія.

Подписная цѣна 6 р. 50 к.

Книжный магазинъ Н. Соловьева.

Редакція Литейный, 51.

Редакторъ-Издатель Н. В. Соловьевъ.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ.

Въ шестомъ году изданія „Старые Годы“ будутъ выходить по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою 10 руб., безъ доставки—9 руб., за границу—40 франковъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова и Веркемейстера.

Объявленія: страница 50 р., $\frac{1}{2}$ стр.—30 р., $\frac{1}{4}$ стр.—20 р., $\frac{1}{8}$ стр.—12 р.
Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Новый адресъ редакціи: Спб. Рыночная, 10.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ П. П. Врангель, I. I. Леманъ, С. К. Маковский, С. П. Тройницкій и А. А. Трубниковъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е
ТРЕТЬЕЙ КНИГИ
„РУССКАГО АРХИВА“

1911 года.

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

316. Петръ Великій боярину В. П. Шереметеву.

319. Петръ Великій въ Данцигской церкви.

317. Челобитная Персіянина Петру Великому.

161. Стряпчій и дворецкій фельдмаршала графа Шереметева. Прошеніе къ Петру Великому. Прошеніе графини А. П. Шереметевой Императору Петру Второму. Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.

472. Подгорицкая быль (изъ дѣлъ Перемышльской Воеводской Канцеляріи) В. Кашарова.

236. Святитель Іоасафъ Горленко.

243. Приношеніе князя Потемкина въ Успенскій соборъ въ Москвѣ. Григорія Александрова.

108. Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ. Статья М. С. Конопловой.

129. Изъ архива П. Н. Новосильцова. О Россійскихъ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Французами въ 1812 году въ Варшавѣ. Сообщилъ И. Г. Попруженко.

467. По поводу памятниковъ изъ отбитыхъ въ 1812 году орудій.

385. Запѣтки ветерана 1812 года о «Войнѣ и мирѣ» графа Л. Н. Толстого. Писаны въ 1876 году П. С. Дѣменновымъ.

117. Мои воспоминанія (объ Александрѣ Павловичѣ) П. С. Дѣменкова.

233. Письмо аббата Николая къ воспитанникамъ Ришельевского Лицея.

304. Письмо Д. Д. Нуруты о кончинѣ княгини Ловичъ.

53. 191 и 321. Изъ Записокъ сенатора К. Н. Лебедева. 1868—1869.

355. О царѣ Горохѣ. Приложение къ Запискамъ К. Н. Лебедева. Подарокъ ученымъ на М. Д. ССС. XXXIV годъ.

289. Изъ Записной Книжки Н. А. Муханова. 1832 г. Поѣздка въ Астрахань.

218. Е. М. Хитрово.

225. Духовъ день 1862 года въ Петербургѣ. М. Бардановой.

267. Изъ воспоминаній Н. А. Малевскаго-Малевича. Сельцо Лукьяново.

249. Очерки Терской старины. Побѣги въ горы. (Исторія одной раскольничьей общины у Шамиля)—1849—1859. Федора Чернозубова.

262. Къ исторіи Черемшанскихъ скитовъ. П. Л. Юдина.

298. И. Н. Скобелевъ. Слово къ воспитанникамъ изъ бродягъ.

244. Бестужевъ-Марлинскій. Письмо съ Кавказа.

365. Омичъ на коронаціи 1856 года въ Москвѣ. Сообщилъ И. Г. Нузнецовъ.

470. Письмо М. Д. Скобелева къ одному изъ Московскихъ купцовъ о торговыхъ сношеніяхъ съ Среднею Азією. Приложенъ его своеручный чертежъ.

308. О всеподданнѣйшихъ отчетахъ (1858).

167. Къ біографіи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго. Н. Барсова.

366. Изъ портфеля стараго журналиста, письма къ О. А. Кони: Д. Т. Ленскаго, Б. И. Ордынскаго, графини Е. П. Ростопчиной, П. Е. Гребенни, К. Масальскаго, барона Е. Розена, Я. М. Невѣрова, художника Н. А. Степанова и А. Тьера.

235. Письмо князя А. Н. Голицина къ В. А. Жуковскому.

305. Шуточная передѣлка оды Ломоносова.

160. Забѣтка о Е. И. Поповой. М. П. Чулкова.

5. О характерѣ и значеніи древнихъ купальскихъ обрядовъ и игрищъ. Статья А. В. Балова.

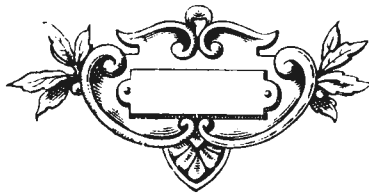
310 и 647. Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (Д. Б. Беръ.—М. И. Глинка.—Разсказы А. П. Петерсона, Великаго Князя Сергія Александровича, генерала Багговута, князя С. М. Воронцова.—Стихи о царствованіи Александра Николаевича и про главнаго контролёра.—Митрополить Филареть о роскоши.—Ревельская Дума.—О женитьбѣ Александра Николаевича.—Графъ А. В. Адлербергъ.—А. А. Воейкова).

Внутри облож. 9. О книгѣ писемъ графа Финельмона и его супруги. 10. О новой книгѣ «Старины и Новизны», о профессорѣ Шевыревѣ и др. 11. О присланныхъ въ «Русскій Архивъ» книгахъ.—12. О пребываніи въ Россіи Датскаго королевича Иоанна. 1602.

Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1912 года

(50-й годъ съ основанія).

Москва, Ермолаевская Садовая д. 175 на дворѣ, въ деревянномъ флигерѣ.

съ нимъ Датчанъ угощали, что называется до-отвалу, такъ что одинъ изъ нихъ, послѣ царской трапезы, померъ отъ объѣденія. Юношѣ обѣщана была блестящая будущность. Борисъ настаивалъ, чтобы онъ скорѣе учился по-русски. 4 Октября ему присланы были: Русскій букварь и Русскій переводъ Апокалипсиса: но было уже поздно. Онъ, не успѣвъ увидать ни своей невѣсты, ни ея матери, скоро заболѣлъ, конечно, отъ труднаго путешествія и отъ перемѣны образа жизни. Его помѣстили на одномъ изъ подворьевъ, а когда онъ заболѣлъ, думали было перемѣстить въ самый дворецъ. Больного навѣщали не только царевичъ, но и самъ Царь, причемъ всѣ покои королевича окроплялись святою водою. Умирающій Іоаннъ успѣлъ сказать своему камеръ-юнкеру: „быть можетъ, Богъ не хочетъ оставить меня среди этого нехристіанскаго народа, дабы я не былъ совращенъ въ ихъ неправильную вѣру“. Напротивъ того, Борисъ предоставлялъ спутникамъ его во всемъ поступать по ихъ вѣрѣ и обычаямъ ихъ страны, останется-ли королевичъ живъ или умереть.

„Царь самъ пріѣхалъ къ моему господину посѣтить его въ болѣзни, и какъ онъ нашелъ герцога очень больнымъ и слабымъ, то сталъ горько плакать и жаловаться: говорилъ, что онъ ожидалъ для себя и для царицы сердечнаго утѣшенія и радости отъ герцога Ганса, что они считали его за своего сына, любили его столько же, какъ единственную ихъ дочь: и (царь) указывалъ обѣими руками на свою грудь, говоря: „здѣсь герцогъ Гансъ, королевичъ Датскій, и моя единственная дочь“, и вздыхалъ, и плакалъ горько, и просилъ герцога сказать ему доброе слово, чтобы обнадежить относительно своего здоровья и тѣмъ утѣшить его сердечное горе, какъ и великую скорбь царицы. Но герцогъ Гансъ лежалъ себѣ и ничего удобо-

понятнаго сказать не могъ. Тогда царь началъ говорить: „ты послалъ мнѣ сказать, что хочешь говорить со мною: вотъ я пришелъ къ тебѣ, говори же со мною“. Но герцогъ Гансъ ничего не отвѣчалъ. Тогда царь съ глубокимъ вздохами и великимъ плачемъ сталъ опять говорить: „Я выписалъ его сюда отъ его отца, и онъ прислалъ его сюда ко мнѣ, а герцогъ Гансъ покинулъ брата, свою мать и всѣхъ своихъ друзей и всю родину и пріѣхалъ сюда ко мнѣ“. Затѣмъ царь сказалъ посламъ и всѣмъ лицамъ, стоявшимъ кругомъ: „охраняли ли вы его отъ сквознаго вѣтра?“ Они отвѣчали ему, что охраняли, въ чемъ готовы отвѣчать Богу на небесахъ, королю и всякому честному человѣку, и сошлются на свидѣтельство его собственныхъ докторовъ. „Да“, сказалъ онъ, „немного понимаютъ мои доктора въ этой болѣзни.“ Послы оправдывали докторовъ, какъ послѣдніе по справедливости того и заслуживали, говоря, что они сдѣлали все, что могли въ смыслѣ леченія и ухода. Тутъ онъ выслалъ своихъ бояръ за дверь, послы же остались, и онъ склонился къ герцогу Гансу и сказалъ, что онъ скоро будетъ здоровъ, а лишь только онъ поправится, онъ переселится во дворецъ, а тогда дѣло о царевнѣ устроится по его собственному желанію. Тутъ герцогъ Гансъ отвѣчалъ: „дай Богъ, чтобы то сдѣлалось вскорѣ“. На другой день по его кончинѣ, самъ Борисъ слегъ въ постель.

Помины по усопшемъ были самыя щедрыя, множество бѣдныхъ людей кормилось на царскій счетъ. Царь приходилъ къ его гробу. Деятнадцатилѣтняго королевича похоронили въ Нѣмецкой Слободѣ въ тамошней Нѣмецкой церкви, съ великимъ торжествомъ; но патріархъ не позволилъ, чтобы звонили въ колокола на пути погребальнаго шествія.

П. В.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1912 года.

(Годъ 50-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году. за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой. девять рублей. для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

За перемѣну адреса—тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіи мѣсяца и дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія Русскаго Архива разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и болѣею частью возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

Полный 1884 годъ продается по три рубля.

Годы: 1889, 1890, 1894, 1898—1906 продаются по 7 рублей за каждый годъ.

Годы 1907, 1908, 1909 и 1910, по 8 рублей за каждый годъ.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**